

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

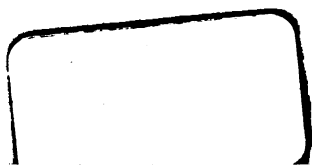
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919555 2

* (10)

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LXX. — ТОМЪ CDVIII. — 1/14 ЮЛЯ 1905

1330
ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

237

ЛВЪСТИ-ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Василевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулочъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1905

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ

и

КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ

ВО ФРАНЦІИ

Среди вопросовъ текущей жизни во Франціи ни одинъ не имѣетъ такого глубокаго государственнаго значенія, какъ вопросъ о системѣ народнаго просвѣщенія. Собственно говоря, для Франціи это—гамлетовскій вопросъ: „быть или не быть?“ — но онъ таится такъ глубоко въ нѣдрахъ народной жизни, что извнѣ трудно и догадаться о его существованіи. Съ точки зрѣнія формальной логики, послѣ тридцати слишкомъ лѣтъ республиканскаго режима казалось бы, что тутъ не можетъ быть никакихъ затрудненій, что основная задача воспитанія должна быть разрѣшена въ духѣ соціального прогресса. Поэтому настоящая проблема не бросается въ глаза поверхностному наблюдателю. За-границею большинство и не подозрѣваетъ, какой сложный психологическій моментъ переживаетъ въ настоящее время Франція, и какое историческое значеніе имѣетъ начавшаяся въ ней борьба идей. Между тѣмъ, отдѣльные моменты этого кризиса извѣстны повсюду и во многихъ вызываютъ серьезное изумленіе. По временамъ до насъ доходятъ отрывки горячихъ преній изъ парламента и изъ французской прессы, въ которыхъ консерваторы защищаютъ свободу преподаванія, а радикалы оказываются сторонниками государственной монополіи и требуютъ за-

крытія частныхъ учебныхъ заведеній. Мы смутно чувствуемъ, что положеніе вещей представляется въ какомъ-то новомъ свѣтѣ, но а ргіогі не можемъ догадаться, чѣмъ вызывается такая перестановка понятій, и на чьей сторонѣ должны быть наши симпатіи. Другіе, не менѣе знаменательные симптомы проявляются въ литературѣ. За послѣднее время, изъ среды такъ-называемыхъ „націоналистовъ“ поднимаются голоса протеста противъ свободной мысли, голоса ненависти къ научной истинѣ, и начинается такая экзальтація узко-національныхъ и религіозныхъ инстинктовъ, которой никакъ нельзя было бы ожидать на родинѣ Вольтера и энциклопедистовъ. Среди молодыхъ писателей стѣдуетъ лишь познакомиться съ Морисомъ Барресомъ и Леономъ Додэ, сыномъ знаменитаго Альфонса Додэ, чтобы ужаснуться узкости и фанатизму ихъ взглядовъ. Значительно выше ихъ въ умственной іерархіи — Брюнетьеръ, извѣстный критикъ, членъ Французской академіи и директоръ „Revue des Deux Mondes“; онъ выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ поразительныхъ по своей тенденціи статей, въ которыхъ доказываетъ „банкротство науки“ и старается направить мысль „по стезямъ вѣры“. Наконецъ, еще выше, въ сонмѣ великихъ ученыхъ, насъ поражаетъ личность Жюля Сури, который съ колоссальною эрудиціей по анатоміи и фізіологіи нервной системы и съ нравственными качествами настоящаго аскета науки соединяетъ религіозный фанатизмъ и расовую нетерпимость. Примѣръ Жюля Сури, быть можетъ, самый изумительный. Будучи полнымъ атеистомъ, онъ остается яркимъ католикомъ, и какъ самъ говорить, — по политическимъ и социальнымъ убѣжденіямъ. Онъ давно уже не вѣруетъ, но продолжаетъ посѣщать церковь и осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, „повторяя жестъ предковъ“ и стараясь сохранить возможную гармонію съ историческимъ прошлымъ Франціи. На фонѣ современной жизни эти явленія представляются черезчуръ неожиданными, чтобы, познакомившись съ ними, не спросить себя, откуда берутся такіа вѣявія. Лѣтъ 20—30 тому назадъ, подобные взгляды вызвали бы осужденіе и негодованіе всей либеральной интеллигенціи. Но какая разница съ поколѣніемъ Тэна, Ренана, Прево-Парадоля, Абу и др., которые были французами до мозга костей, и въ то же время науку и научную истину ставили выше всякихъ „національныхъ“ инстинктовъ? А въ наше время, приведенные нами примѣры представляются хотя выдающимися, но далеко не единичными: за тѣми вождями мысли стоитъ цѣлая армія фанатичныхъ и реакціонныхъ публицистовъ, прикрывающихся знаменемъ „націонализма“.

Но тѣмъ болѣе присматриваешься къ этимъ явленіямъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ томъ, что создано новое міровоззрѣніе и что оно является результатомъ воспитанія. Если же теперь прислушаться къ тѣмъ ожесточеннымъ преніямъ, которыя вызываютъ вопросъ о системѣ народнаго просвѣщенія, то станетъ очевиднымъ, что въ этомъ вопросѣ выражается глубокой психологическій кризисъ, переживаемый Франціей. Многое въ этомъ кризисѣ еще неясно, но отдѣльные элементы его уже опредѣлились, и въ настоящемъ очеркѣ мы хотѣли бы сгруппировать относящіеся сюда факты, которые за-границею мало извѣстны, а между тѣмъ во внутренней жизни Франціи играютъ громадную роль. Безъ знанія этихъ фактовъ нельзя понять текущихъ событийъ французской жизни, а совокупность ихъ представляетъ тѣмъ болѣе любопытную картину, что на этомъ фонѣ отдѣльныя явленія, какъ, напримѣръ, міросозерцаніе Брюнетьера или Сури, получаютъ особую рельефность и создаютъ моменты въ исторіи идей нашего времени.

I.

Роль клерикальной школы во Франціи.

Первый фактъ, который мы считаемъ необходимымъ выяснитъ, это—общій характеръ народнаго просвѣщенія во Франціи. Быть можетъ, многимъ это покажется излишнимъ. Республика существуетъ во Франціи уже тридцать слишкомъ лѣтъ, и, казалось бы, само собою разумѣется, что французская школа должна быть республиканскою. Таково общепринятое мнѣніе, причѣмъ многіе, основываясь на двухъ-трехъ громкихъ фразахъ, считаютъ ее не только республиканскою, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, анти-религіозною. Развѣ не извѣстно всѣмъ, что во Франціи преподаваніе катехизиса изъято изъ школьныхъ программъ? Развѣ не говорили въ свое время, что Жюль Ферри изгналъ христіанство изъ Франціи?

Въ виду такихъ укоренившихся мнѣній, мы и считаемъ необходимымъ привести факты, доказывающіе какъ-разъ противное, а именно, что вплоть до самаго послѣдняго времени, до закона 1903 года, французская школа развивалась въ анти-республиканскомъ и узко-католическомъ духѣ. Режимъ, который въ 1903 г. подвергся радикальному измѣненію, былъ созданъ еще въ 1850 г. закономъ Фаллу, установившимъ явочный порядокъ открытія школъ съ минимальнымъ законнымъ цензомъ. Это былъ режимъ полной

свободы народнаго просвѣщенія, который съ внѣшней точки зрѣнія какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ принципомъ либеральной политики. Однако, на практикѣ онъ привелъ къ совершенно неожиданному, характерному для Франціи результату, а именно, къ увеличенію числа школъ, принадлежавшихъ монашескимъ орденамъ, и къ уменьшенію числа свѣтскихъ школъ. De facto, эта свобода оказалась благопріятною только монахамъ...

Вотъ та доминирующая черта, которая характеризовала режимъ народнаго просвѣщенія во Франціи до самаго послѣдняго времени. Быть можетъ, многимъ изъ нашихъ читателей покажется неправдоподобнымъ, чтобы перемѣна формы правленія въ 1870 году не измѣнила если не букву закона, то, по крайней мѣрѣ, духъ школьнаго режима. Неужели и послѣ утвержденія республики свѣтская школа не могла выдержать свободной конкуренціи монашеской школы? Но, помимо того, что мы докажемъ то цѣлымъ рядомъ статистическихъ данныхъ, мы должны напомнить, что въ первое время послѣ утвержденія республики правительство было республиканскимъ лишь по имени, и страна, потрясенная войною, коммуною, жаждавшая твердаго государственнаго порядка, относилась къ республикѣ съ глубокимъ недовѣріемъ. Въ парламентѣ власть находилась въ рукахъ консервативнаго и прямо-таки реакціоннаго большинства, которое было готово вернуться къ монархіи. Только съ 1886 г., благодаря усиліямъ искреннихъ республиканцевъ, правительство республики вступило въ борьбу съ монашескими орденами, но эта борьба на почвѣ свободной конкуренціи оказалась безуспѣшною. При такихъ условіяхъ естественно, что духъ народнаго просвѣщенія оставался тѣмъ же, какимъ онъ былъ при имперіи. Мы находимъ прямое подтвержденіе этого факта въ официальной статистикѣ. Вотъ данныя, касающіяся народныхъ школъ (*enseignement primaire*):

Года.	Число школъ (частныхъ) ¹⁾ :	
	Принадл. свѣтск. лицамъ.	Принадл. монашеск. орденамъ.
1843	14.130	2.988
1866	10.523	6.691
1877	5.841	6.685
1882	4.478	8.160
1887	3.936	9.565
1892	3.446	11.825
1897	2.850	13.225

За двадцать лѣтъ республиканскаго режима, съ 1877 по

¹⁾ Statistique de l'enseignement primaire. T. VI. 1900.

1897 г., число шкoль, принадлежавшихъ конгрегаціямъ, увеличилось съ трехъ до тринадцати тысячъ! Вотъ что скрывалось подъ формулой полной свободы преподаванія! Для завершения картины слѣдуетъ прибавить, что съ середины этого періода, съ 1886 года, правительство уже вступило въ борьбу съ ними. До того, наряду съ частными школами, къ которымъ относится приведенная статистика, и часть правительственныхъ школь находилась въ рукахъ католическаго духовенства. Начиная съ 1886 и до 1897 г., правительство понизило число послѣднихъ съ 11.265 до 5.387, передавъ ихъ въ руки свѣтскихъ учителей, и одновременно увеличило общее число свѣтскихъ государственныхъ школь съ 51.732 до 62.192. Однако, правительственная конкуренція оказалась безсильною противъ конгрегацій; послѣднія же, напротивъ, совершенно захватили частные пансіоны, число которыхъ безостановочно таяло, и за тотъ же промежутокъ времени сошратилось на половину (съ 5.841 до 2.850!). Не менѣе убѣдительною представляется и статистика средней школы (*enseignement secondaire*):

Число школь для мальчиковъ (частныхъ) ¹⁾:

	1876 г.	1887 г.	1898 г.
1) принад. свѣтскимъ лицамъ	494	303	202
2) принад. монашеск. орденамъ	309	349	438

Количество учениковъ:

	1876 г.	1887 г.	1898 г.
1) въ свѣтскихъ школахъ	31.249	20.174	9.725
2) въ конгрегац. школахъ	46.816	50.085	67.643

Послѣднія цифры прямо-таки поразительны. Въ 1876 г. число воспитанниковъ у конгрегаціонистовъ превышало число воспитанниковъ свѣтскихъ школь въ 1½ раза, а въ 1898 г. оно превышаетъ въ 7 разъ! Не даромъ Рибо, въ отчетѣ, который сопровождаетъ эти данныя, говоритъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ о банкротствѣ свѣтской школы, задавленной конкуренціей своей соперницы.

Торжество послѣдней выступить еще рельефнѣе, если мы сравнимъ развитіе клерикальных пансіоновъ съ развитіемъ государственныхъ коллежей (гимназій) и лицеевъ за тотъ же періодъ. Какъ ни велико было число низшихъ школь, принадлежавшихъ конгрегаціонистамъ въ 1897 г. (13.225),—ему можно было противопоставить въ пять разъ большее число правительственныхъ школь (62.192) Въ сферѣ же средняго образованія развитіе правительственной инициативы представляется гораздо болѣе слабымъ:

¹⁾ Statistique de l'enseignement secondaire. 1887 et 1899.

	1876 г.	1887 г.	1898 г.
Число лицеевъ и колледжей	333	346	339.
Число учениковъ	79.231.	89.899.	86.321.

Итакъ, число правительственныхъ школъ (339) было ниже числа клерикальныхъ (438). Съ теченіемъ времени средняя школа перешла уже прямо-таки наполовину въ руки конгрегацій. На основаніи этихъ данныхъ можно сказать, что режимъ народнаго просвѣщенія во Франціи съ изданія закона Фаллу и до самаго послѣдняго времени характеризовался однимъ выдающимся явленіемъ, — ростомъ клерикальной школы, котораго не остановила ни перемѣна формы правленія, ни начатая съ 1886 г. „лаицизація“ правительственныхъ школъ — превращеніе ихъ въ свѣтскія школы.

Вотъ какой внутренней процессъ скрывался подъ квази-либеральною формулою свободы преподаванія. Конечно, это — явленіе совершенно специфическое, болѣе возможное только въ католической странѣ, гдѣ монашескіе ордена не ограничивались созерцательнымъ образомъ жизни, а брали на себя также задачу преподаванія. Между тѣмъ, необходимо себѣ еще усвоить, что во Франціи на ряду съ бѣлымъ духовенствомъ, существующимъ на основаніи конкордата и получающимъ отъ правительства содержаніе по бюджету культовъ, есть многочисленныя и богатыя конгрегаціи, связанныя исключительно съ римскою куріей. Если вы встрѣтите въ Парижѣ на улицѣ вереницу дѣтей въ сопровожденіи аббата, то не слѣдуетъ заключать, что это — непремѣнно воспитанники конгрегаціонистовъ. Это могутъ быть и воспитанники свѣтскаго пансіона, въ которомъ воспитатели — аббаты, принадлежащіе къ бѣлому духовенству. Послѣ изгнанія ордена иезуитовъ изъ Франціи, ихъ бывшіе пансіоны формально преобразовались въ свѣтскія школы, но зато съ подставными лицами во главѣ ихъ и съ составомъ профессоровъ, тайно принадлежащихъ къ ордену. Конечно, за такими школами статистика не можетъ услѣдить, но въ общемъ, когда мы говоримъ о „клерикальной“ школѣ, отличительнымъ признакомъ послѣдней является не господствующій въ ней религіозный духъ и даже не преобладаніе духовнаго элемента надъ свѣтскимъ въ составѣ профессоровъ, а исключительно принадлежность послѣдняго къ монашескому ордену. Эта категорія учебныхъ заведеній и представляетъ ту силу, которая развивалась независимо отъ правительства, въ тѣсномъ общеніи съ римскою куріей, и на которую еще Гамбетта указалъ въ своей знаменитой фразѣ: „Клерикализмъ — вотъ нашъ врагъ“. Пророческія слова: тайный врагъ республиканскаго строя становился съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе.

Желательно, въ дополненіе этой картины, привести еще нѣсколько данныхъ о развитіи монашескихъ орденовъ во Франціи; только тогда можно будетъ судить о ихъ дѣйствительной силѣ. Во время Великой Революціи всѣ ордена были объявлены закрытыми и всѣ принадлежавшія имъ земли конфискованы; но, начиная съ Реставраціи, они возстановились одинъ за другимъ и, несомне волной всеобщаго прогресса, въ короткое время достигли небывалаго процвѣтанія. Предъ 1789 годомъ во Франціи насчитывалось до 60.000 монаховъ, а сто лѣтъ послѣ революціи, въ 1900 году, число ихъ достигло 200.000! Еще поразительнѣе ростъ ихъ матеріальнаго могущества. Въ 1850 году, по оффиціальному кадастру, за признанными закономъ конгрегаціями считалось недвижимостей круглымъ числомъ на 43.000.000 фр.; въ 1880 г. ихъ недвижимая собственность равнялась уже 421.000.000, а въ 1899 оцѣнка достигла 795.000.000 фр. Тутъ, конечно, всякіе комментаріи излишни. Что же касается тайныхъ конгрегацій, возникшихъ безъ оффиціального разрѣшенія, то богатство послѣднихъ труднѣе исчислить; но нѣкоторыя отрывочныя данныя проливаютъ и тутъ яркій свѣтъ. Вотъ, напримѣръ, конгрегація ассомпціонистовъ: недвижимая ея собственность въ періодъ между 1880 и 1900 гг. увеличилась съ 780.000 до 3.900.000 фр.! Одинъ орденъ іезуитовъ обладалъ въ 1880 г. недвижимостями на 42.209.245 фр. Въ этомъ году онъ былъ воспрещенъ и формально прекратилъ свое существованіе. Но чтѣ же?! Черезъ двадцать лѣтъ за подставными лицами, представлявшими этотъ орденъ, числилось болѣе 48.000.000 фр.

Такимъ образомъ, пока республика поддерживала, по ея мнѣнію, либеральный принципъ свободы преподаванія, внутри страны шла глухая работа и упорная пропаганда реакціонной партіи.

Мы привели факты, въ которыхъ нѣтъ основанія сомнѣваться и противъ которыхъ трудно было бы спорить. Ростъ конгрегаціонныхъ школъ и развитіе конгрегацій — налицо. Тѣмъ не менѣе, обнаруженіе этихъ фактовъ столь неожиданно, что оно требуетъ объясненія. Чѣмъ объясняется такой успѣхъ клерикальной пропаганды, среди враждебнаго ей прогресса научныхъ знавій и демократическаго строя жизни?

Съ перваго взгляда это кажется парадоксальнымъ. Можетъ ли быть, чтобы одна и та же страна обнаружила сильное движеніе впередъ въ политическомъ и социальномъ отношеніи и, одновре-

менно, склонность въ умственной реакціи? Между тѣмъ, оба движенія существовали, только въ разныхъ слояхъ націи, и для того, чтобы понять ихъ взаимное противодѣйствіе, остается лишь прослѣдить, какъ зародилась эта реакція.

Въ этомъ отношеніи намъ будетъ достаточно привести нѣсколько фактовъ, которые были отмѣчены Тэнномъ въ его дневникѣ, относящемся къ 1863—65 гг. Мы говоримъ о дневникѣ, который онъ велъ во время своей поѣздки по Франціи въ качествѣ члена экзаменаціонной комиссіи сепъ-сирской военной школы, который не предназначался для печатанія и былъ изданъ лишь послѣ его смерти. Здѣсь мы находимъ слѣдующія краснорѣчивыя строки: „Городъ Реннъ.—Въ городскомъ лицей было до 700 учениковъ. Епископъ открылъ клерикальный пансіонъ. Немедленно половина учениковъ перешла туда, и лицей едва влачитъ существованіе.—Тулуза.—Вчера осматривалъ городъ подъ руководствомъ Б., профессора исторіи. По дорогѣ онъ говорилъ про мѣстныхъ дѣла. Въ Тулузѣ 77 монастырей на сто тысячъ жителей и три громадныхъ клерикальных пансіона, изъ которыхъ одинъ имѣетъ болѣе 500 учениковъ. То же самое въ Пуатье: 38 монастырей на 35.000 жителей. Лицей упалъ наполовину отъ ихъ конкуренціи... Вплоть до такой дыры, какъ Ретель, они все берутъ и вездѣ подрываютъ муниципальную школу...—Безансонъ.—Это—гнѣздо капуциновъ. Кардиналъ-архіепископъ здѣсь сильнѣе императора. Ни одно назначеніе не проходитъ иначе, какъ черезъ его руки. Городская школа набираетъ до 200 учениковъ изъ среды окрестныхъ торговцевъ и крестьянъ; рядомъ съ нею два большихъ клерикальных пансіона берутъ всѣхъ молодыхъ людей города.—Марсель.—Ларембергъ, который совершаетъ такое же турнэ, какъ и я, также пораженъ вліяніемъ духовенства... Здѣсь они—настоящіе хозяева. Никто не можетъ съ ними конкурировать, потому что даваемое ими воспитаніе имѣетъ не массовый, а индивидуальный характеръ. У нихъ учитель, не имѣя своей семьи, всецѣло преданъ корпораціи, и вся его энергія, вся его мысль направлена къ успѣху учебнаго заведенія.—Мецъ.—У іезуитовъ 500 учениковъ. Другіе большіе пансіоны іезуитовъ находятся въ Парижѣ, въ Пуатье, въ Тулузѣ, въ Лионѣ, въ Амьенѣ и еще въ нѣсколькихъ маленькихъ городахъ. Бывшіе либералы, члены магистратуры, инженеры, военные,—всѣ отдають туда своихъ дѣтей, потому что это въ модѣ, потому что тамъ питаніе и уходъ лучше; потому что тамъ пріобрѣтаются связи и протекціи; потому что такой-то этимъ путемъ нашель богатую невѣсту, и т. д.“

Такия замѣтки проходятъ красною нитью по всему дневнику Тэна и въ концѣ-концовъ приводятъ его къ слѣдующему заключенію: „Католическая церковь во Франціи представляетъ изъ себя прежде всего свѣтскую власть, правительственную машину. Религіозное чувство, нравственное, мистическое или художественное, существуетъ въ Германіи, въ Италіи, въ Англіи; здѣсь оно почти совсѣмъ отсутствуетъ или проявляется спорадически въ зачаточномъ видѣ. Это—могущественная и правильно дисциплинированная корпорація, которая раздастъ мѣста и требуетъ повинности... духъ ея—духъ стяжанія и господства“¹⁾.

Вотъ что писалъ Тэнъ въ шестидесятыхъ годахъ. Между тѣмъ, въ то время не могло быть и рѣчи о правительственной оппозиціи католической церкви. Послѣдняя считалась оплотомъ имперіи, и ей нечего было бояться за свое существованіе. И тѣмъ не менѣе, уже тогда дѣятельность клерикальныхъ школъ была агрессивная, завоевательная,—уже тогда конгрегаціонисты старались подорвать свѣтскую школу... Если обратить вниманіе на этотъ завоевательный характеръ клерикальной школы, который проявлялся даже въ самыя мирныя времена, то станетъ очевиднымъ, что ея успѣхи въ той или другой средѣ объясняются прежде всего условіями ея организаціи. Вся сила послѣдней заключается въ томъ, что конгрегаціонисты отрѣшены отъ семьи, отъ мелочныхъ интересовъ обыденной жизни и живутъ идеей. Нѣтъ болѣе сильнаго двигателя въ жизни, чѣмъ идея, и, надо добавить,—въ смыслѣ интенсивности великія прогрессивныя идеи стоятъ наравнѣ съ такъ-называемыми маніями или абераціями мысли. Вареемеевская ночь была такимъ же продуктомъ идеи, какъ и 4-е августа 1789 г. Какая же идея служить двигателемъ конгрегаціи? Идея господства клириковъ надъ мірянами. Мы не беремся разобрать въ немногихъ словахъ, какъ она сложилась исторически и психологически. Для этого потребовалось бы цѣлое изслѣдованіе. Но элементы ея образования для насъ совершенно ясны. Католическая церковь, взявъ на себя миссію не только духовной, но и свѣтской власти, слила воедино maximum внѣшняго альтруизма, въ смыслѣ полного подчиненія Богу,—съ одною изъ самыхъ эгоистическихъ страстей,—со страстью властвованія. Быть можетъ, первоначально этотъ эгоизмъ былъ безсознательнымъ, но фактъ тотъ, что онъ тѣсно сплелся и развивался вмѣстѣ съ организаціей католической церкви. Было бы интересно прослѣдить ея психологію въ различныя эпохи, потому что послѣдняя

¹⁾ Taine, Carnets de Voyage. 1863—1865.

несомнѣнно должна была измѣняться, и очень можетъ быть, что эгоистическій элементъ не всегда доминировалъ. Мы далеки отъ того, чтобы отрицать цивилизаторскія заслуги католицизма въ средніе вѣка, и легко допускаемъ, что въ то время властвованіе надъ мірянами принимало дѣйствительно благородныя формы. Но, съ другой стороны, для насъ совершенно ясно, что съ постепенной эманципаціей мірянъ, моральный характеръ властвованія долженъ былъ понизиться, а эгоистическій элементъ его долженъ былъ проявиться въ полной силѣ. Мы не можемъ найти лучшаго сравненія, какъ сказать, что съ теченіемъ вѣковъ эгоистическій элементъ развился въ католицизмѣ въ настоящую моральную эпидемію, которая и составляетъ, одновременно, его силу и его опасность.

Подъ влияніемъ окружающей среды, въ атмосферѣ конгрегаци даже лучшіе члены ея, понимающіе властвованіе въ самомъ альтруистическомъ смыслѣ, подчиняются гипнозу конечной цѣли и дѣлаются неразборчивыми въ средствахъ. Въ этомъ заключается опасность конгрегации для современнаго государства. Съ другой стороны, моральная эпидемія проявляется въ томъ подъемѣ духа, въ томъ живомъ, всепоглощающемъ интересѣ къ своему дѣлу, который характеризуетъ педагогическую дѣятельность конгрегационистовъ и составляетъ ихъ безспорную силу. Для нихъ педагогія—не ремесло, а искусство. Всѣ, кто воспитывался въ ихъ заведеніяхъ или знакомъ съ ихъ системой воспитанія, единогласно утверждаютъ, что они относятся къ каждому ребенку, какъ скульпторъ—къ задуманной имъ статуѣ. Они влагаютъ въ него свою душу. Для этого, первое условіе — чтобы ребенокъ сблизился съ однимъ изъ патеровъ настолько, чтобы послѣдній сдѣлался его другомъ и руководителемъ. Если такое сближеніе невозможно, если воспитанникъ обнаруживаетъ чересчуръ строптивый характеръ, то его удаляютъ изъ заведенія, не останавливаясь передъ матеріальной невыгодой такого шага. Но часто ли это бываетъ? Какой ребенокъ устоитъ противъ ласковаго слова и открытаго желанія относиться къ нему какъ къ взрослому? Чтò болѣе всего претитъ мальчику въ свѣтской школѣ—это холодный формализмъ дисциплины. Отъ него требуютъ знанія 4 — 5 уроковъ въ день, не задаваясь вопросомъ, чтò его интересуетъ. У патеровъ, наоборотъ, прежде всего пытаются пробудить въ немъ интересъ къ наукѣ, а на лѣнность или случайныя уклоненія смотрятъ сквозь пальцы. Ренанъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ бытность его въ семинаріи St.-Nicolas du Chardonnet, гдѣ воспитывались, вмѣстѣ

съ будущими патерами, дѣти знатнѣйшихъ семей Франціи, „не существовало никакихъ наказаній; чтеніе отмѣтокъ и замѣчаній, сдѣланныхъ начальникомъ заведенія, было единственной санкціей, передъ которой всѣ трепетали... Еженедѣльное собраніе по пятницамъ, когда происходило чтеніе отмѣтокъ, производило поразительное и единственное въ своемъ родѣ впечатлѣніе. Всѣ жили въ ожиданіи этого дня“¹⁾. Такъ сильно можетъ быть нравственное воздѣйствіе педагога, когда онъ умѣетъ взяться за дѣло. Но для этого необходимо, чтобы онъ самъ увлекался своей задачей. По словамъ Ренана, въ той же семинаріи, по старому регламенту полагалось каждый вечеръ полчаса духовнаго чтенія, но Дюпанлу, начальникъ заведенія, взялъ эти полчаса для себя. „Онъ замѣнилъ чтеніе бесѣдою съ воспитанниками, во время которой вступалъ съ ними въ самое тѣсное общеніе. Всякое событіе внутренней жизни семинаріи, все, чтѣ касалось его самого или кого-нибудь изъ воспитанниковъ, являлось темою оживленнаго обмѣна мнѣній“²⁾. Но для этого надо имѣть настоящее призваніе. Очень интересно въ этомъ отношеніи прочесть книгу извѣстнаго проповѣдника Дюлака, подъ заглавіемъ: „Іезуиты“, въ которой, наряду съ казуистическими аргументами въ пользу іезуитскаго ордена, собраны безспорные факты, доказывающіе ихъ педагогическія способности. Чрезвычайно характерна слѣдующая деталь. Молодой патеръ, занимающійся литературой или математикой съ младшимъ классомъ, уже не покидаетъ его до конца курса. Онъ самъ совершенствуется въ преподаваніи по мѣрѣ того, какъ предметъ становится болѣе труднымъ. Быть можетъ, это не всегда сразу удается, но зато, по крайней мѣрѣ, онъ не теряетъ связи съ своими учениками и живо интересуется ихъ успѣхами. Затѣмъ, стоитъ лишь прочесть описаніе рекреаций, чтобы понять, что для людей, все честолюбіе и вся жизнь которыхъ заперты въ четырехъ стѣнахъ семинаріи, перерывы между уроками являются настоящимъ удовольствіемъ, во время котораго ихъ мысль не отвлекается личными или семейными заботами, а неволью обращается къ тѣмъ же ученикамъ. Вотъ чтѣ дѣлаютъ ихъ несравненными воспитателями. Можетъ ли съ нимъ конкурировать свѣтская—частная или правительственная школа? Сравните положеніе патеровъ-воспитателей съ положеніемъ учителей народныхъ училищъ, плохо оплачиваемыхъ, обреченныхъ на очень скромное соціальное положеніе и зачастую обремененныхъ семьей.

¹⁾ Renan, Souvenirs d'enfance et de jeunesse, pp. 178—179.

²⁾ Renan. Ibid.

Для первыхъ, педагогія—призваніе; для послѣднихъ, въ полномъ смыслѣ слова—крѣпостной трудъ. Представьте теперь, что въ странѣ съ католическимъ населеніемъ тѣмъ и другимъ предоставлена одинаковая свобода открывать школы. Можетъ ли быть сомнѣніе, которая изъ двухъ системъ—*celeris paribus*—восторжествуетъ? Такимъ образомъ, торжество клерикальнаго воспитанія среди враждебнаго ему демократическаго строя современной Франціи объясняется совершенно наглядно, можно сказать, механически, какъ результатъ извѣстнаго рода соціальныхъ силъ, развивающихся въ извѣстной средѣ. Само по себѣ существованіе такого коллективнаго фактора не должно удивлять социолога. Давно уже признано, что ассоціація людей даетъ не простое сложеніе ихъ индивидуальныхъ силъ, а порождаетъ новые факторы. Удивителенъ въ данномъ случаѣ лишь характеръ послѣдняго. Ассоціація, которая въ исторіи XIX вѣка служила такимъ могущественнымъ орудіемъ прогресса, создала во Франціи орудіе реакціи. Съ этой точки зрѣнія, послѣдняя, еще незаконченная страница французской исторіи заключаетъ въ себѣ чрезвычайно рѣдкое и тѣмъ болѣе любопытное явленіе.

II.

Духъ клерикальнаго воспитанія.

Клерикальное воспитаніе въ современной Франціи заслуживаетъ нашего вниманія не только по своей организаціи, но и по своему духу. Съ этой точки зрѣнія клерикальныя школы представляются вдвойнѣ могущественными и вдвойнѣ интересными. Дѣло въ томъ, что конгрегационисты — не простые обскуранты, враги просвѣщенія. Въ такомъ случаѣ, они не были бы опасны, и при всемъ превосходствѣ ихъ организаціи вліяніе ихъ не шло бы дальше школьной скамьи. Напротивъ, ихъ дѣйствительное превосходство надъ обыкновеннымъ типомъ политиковъ-реакціонеровъ заключается въ томъ, что они сами — люди мысли, хотя мысли и извращенной. Они сознаютъ, что всякая попытка остановить прогрессъ мысли есть логическій *non-sens*. Остановить ея развитіе такъ же трудно, какъ задержать силы природы, но зато ее можно регулировать и направлять. Поэтому они и стремятся не къ тому, чтобы задержать мысль, а къ тому, чтобы развивать ее въ извѣстномъ направленіи, котораго она потомъ уже не могла бы покинуть. Задача въ высшей степени благодарная! Они достигаютъ того, что разъ подчиненныя имъ силы природы ра-

ботають въ ихъ же пользу. Обыкновенный реакціонеръ поступаетъ какъ человѣкъ первобытной культуры, который строилъ плотину передъ самой своей землею, чтобы задержать горный потокъ. Послѣдній разбивался о камни, пока плотина была крѣпка, и искалъ себѣ новаго русла. Конгрегационистъ поступаетъ какъ современный агрономъ, который канализируетъ потокъ, направляетъ его теченіе, и когда вода доходитъ до его земли, она служитъ ему могущественнымъ двигателемъ.

Въ чемъ же выражается это подчиненіе мысли? Не такъ давно, лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ, было бы трудно дать на то опредѣленный отвѣтъ. Въ то время клерикальное воспитаніе дѣйствовало еще какъ весенніе соки въ растительномъ царствѣ. Оно оставалось скрытымъ отъ взоровъ наблюдателя. Но съ тѣхъ поръ эти соки проявились въ роскошныхъ, яркихъ цвѣтахъ, и теперь мы видимъ ихъ на каждомъ шагѣ. Первымъ толчкомъ къ обнаруженію этой скрытой энергии явилось дѣло Дрейфуса. Тогда впервые открылась пропасть между мышленіемъ прогрессивной интеллигенціи и новой партіи „націоналистовъ“. Съ перваго взгляда такое дѣленіе казалось случайнымъ, даже абсурднымъ. Почему одни — „націоналисты“? Тѣ и другіе могли быть горячими патріотами, хотя и расходясь въ субъективной оцѣнкѣ фактовъ. Но съ тѣхъ поръ выяснилось, что различіе между ними не случайное, а основанное на двухъ совершенно разныхъ системахъ мышленія, явившихся результатомъ различнаго воспитанія. Дѣло Дрейфуса дало поводъ высказаться и помогло этому умственному теченію объективироваться въ наглядныхъ, рельефныхъ формахъ. Теперь мы можемъ характеризовать плоды воспитанія, даваемого конгрегационистами, словами самихъ „націоналистовъ“.

„Лейтмотивомъ“ всѣхъ ихъ теорій является идея „традиція“. Подъ этимъ скромнымъ именемъ скрывается цѣлая система. Традиція въ устахъ либеральнаго политика значитъ опытъ прошлаго, освящающій движеніе впередъ и удерживающій отъ неосторожныхъ скачковъ въ сторону. Въ этомъ смыслѣ традиціонная политика соответствуетъ истиннымъ интересамъ каждой страны. Но традиція въ устахъ реакціонера значитъ цѣпь, приковывающая человѣка къ его прошлому. Въ этомъ смыслѣ понимаютъ традицію и конгрегационисты. Они поняли, что стѣбитъ лишь развивать въ человѣкѣ природные наследственные инстинкты, чтобы свести до минимума его умственную свободу. Кто внушилъ имъ эту глубокую психологическую идею? Никто, — она явилась продуктомъ анонимнаго коллективнаго творчества, блестящимъ дока-

зательствомъ того, что среда, въ смыслѣ, принятомъ современной социологіей, не менѣе реальный факторъ, чѣмъ индивидуумъ.

Противопоставить разрушительному потоку свободной мысли цѣлый рядъ преградъ въ видѣ наследственныхъ инстинктовъ, загроздить умъ ребенка такими понятіями, которыя сами собою регулировали бы этотъ потокъ—вотъ и вся ихъ задача.

Замѣтите, въ этомъ дѣлѣ имъ помогаетъ сама природа. Если бы они хотѣли бороться съ антиклерикальными мыслителями на почвѣ научныхъ теорій, то имъ пришлось бы прививать своимъ ученикамъ новыя идеи, новую аргументацію. Гораздо легче развивать то, что уже существуетъ въ зародышѣ. Тутъ сама природа будетъ работать за человѣка. Теперь обратите вниманіе на почву, которую они воздѣлываютъ. Всѣмъ извѣстно, что никакой прогрессъ не совершается безъ разрушенія, которое всегда дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ на буржуазные классы. Человѣку свойственно дорожить тѣмъ немногимъ, что онъ приобрѣлъ. Особенно это проявляется во Франціи, странѣ, одаренной естественными богатствами и раньше другихъ достигшей средняго уровня благосостоянія. Тѣмъ совершенно справедливо замѣтилъ, что „французская буржуазія осуществила свой скромный идеалъ еще въ началѣ XIX-го столѣтія“. Послѣ страшной бури 1789 года, она въ свою очередь сдѣлалась консервативною. Дальнѣйшій прогрессъ, съ его разрушительными силами, съ его неизвѣстнымъ будущимъ, легко могъ сдѣлаться для нея настоящимъ пугаломъ. Этой тенденціей и воспользовались конгрегационисты. При каждомъ удобномъ случаѣ они выставляли на видъ опасность социализма, интернаціонализма и другихъ страшныхъ буржуазіи, и культивировали врожденный консерватизмъ французовъ, ихъ привязанность къ арміи, къ извѣстной узко понимаемой національной и сословной чести и къ буржуазному строю государственнаго управленія. Вся задача конгрегационистовъ заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать изъ этихъ традиціонныхъ понятій рядъ кумировъ, не подлежащихъ критикѣ, и въ то же время рядъ естественныхъ преградъ свободному теченію мысли. Эту задачу они выполнили въ совершенствѣ, какъ доказало дѣло Дрейфуса. Было бы глубокимъ заблужденіемъ предполагать, что дѣло Дрейфуса раздѣлило Францію на два лагеря. Оно лишь проявило наружу раздѣленіе, которое уже давно таилось. Весь цивилизованный міръ поразился, съ какою яростью часть французовъ подняла крикъ: „Не троньте нашихъ кумировъ,—арміи, суда и національной чести!“ За границею, для большинства такъ и осталось непонятнымъ, почему французы потеряли хладнокровіе

въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь дѣло Дрейфуса посѣяло раздоръ въ семьяхъ, рассорило старыхъ друзей, породило фанатическую вражду классовъ! Стоило произнести заколдованное имя Дрейфуса, чтобы самый спокойный на видъ французъ начиналъ горячиться и готовъ былъ потерять голову! На эту тему не было никакой возможности противорѣчить или спорить. Вотъ объективный результатъ, который всѣмъ извѣстенъ, всѣмъ бросался въ глаза. Тогда уже во Франціи поднимались голоса протеста, говорившіе, что это безобразное явленіе—продувъ клерикальнаго воспитанія,—но это казалось непонятнымъ. Какъ могло религиозное воспитаніе довести массу до такого патологическаго состоянія? Съ тѣхъ поръ многое уяснилось; теперь мы видимъ, что воспитаніе, даваемое конгрегационистами, дѣйствовало не на логику, а на врожденные инстинкты, и патологическій результатъ его становится вполне понятнымъ. Мы уже упомянули, что можемъ объяснить его словами самихъ націоналистовъ. Дѣйствительно, все, что было сказано до сихъ поръ о духѣ клерикальнаго воспитанія, находитъ свое подтвержденіе въ такихъ же объективныхъ данныхъ, какъ и число клерикальныхъ школъ. Совершенно безсознательно и помимо своей воли, они формулируютъ обвиненіе противъ своихъ учителей. Возьмемъ сначала книгу Мориса Барреса: „*Les amitiés françaises*“¹⁾, появившуюся въ прошломъ году. Самое названіе ея характерно: „Французскія симпатіи“. Въ немъ чувствуются доведенные до крайности національные инстинкты. Въ этой книгѣ, представляющей собою родъ дневника, Барресь рассказываетъ, какъ онъ воспитываетъ своего сына въ духѣ націонализма. Съ наивною искренностью онъ открываетъ намъ все содержаніе традицій, которымъ конгрегационисты питаютъ своихъ учениковъ. Нельзя не восхищаться глубокимъ психологическимъ основаніемъ ихъ труда.

„Когда сидишь на берегу моря,—такъ начинается Барресь свою книгу,—и смотришь на массу дѣтей, играющихъ въ песокъ, можешь подумать, что они такъ же похожи другъ на друга, какъ безчисленные крабы, съ которыми они забавляются... На самомъ дѣлѣ, каждый ребенокъ имѣетъ свою умственную структуру, каждый является продуктомъ не только физиологическихъ силъ, но также разнообразныхъ нравственныхъ и политическихъ вліяній. Вотъ маленькіе нормандцы,—они происходятъ изъ древней Давин; вотъ бретонцы, въ которыхъ живетъ память о кельтахъ; вотъ лотарингцы, перенесшіе напоръ германскихъ племенъ; вотъ го-

¹⁾ Maurice Barrès, *Les amitiés françaises*, 1904.

спода и вотъ рабы; вотъ дѣти, рожденныя въ хорошихъ условіяхъ, и вотъ дегенераты; вотъ продукты пресыщенной, утонченной культуры, и вотъ свѣжія, сильныя головы "...

Кто не согласится съ этою психологическою, глубоко-научною точкою зрѣнія? Она безусловно правильна. Но какъ примѣнить ее въ практическимъ условіямъ воспитанія? Вѣдь не всѣ наследственные инстинкты одинаково хороши? Вѣдь надо же дать себѣ отчетъ, которые изъ нихъ могутъ существовать въ современныхъ условіяхъ жизни, и которые должны измѣниться, приспособиться къ новой средѣ. Это, повидимому, дѣло разума, критической мысли. Барресь смотритъ совсѣмъ иначе. Онъ—фанатикъ традицій, онъ совсѣмъ не сознаетъ темныхъ сторонъ прошлаго. Для него „вся проблема первоначальнаго воспитанія заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать развитію того, что они имѣютъ отъ рожденія“, а такъ какъ все прошлое ему рисуется въ радужномъ свѣтѣ, то это развитіе, въ его глазахъ, есть не что иное, какъ „расцвѣтъ врожденной красоты, который, по выраженію св. Амвросія, долженъ совершаться „in hymnis et canticis“. Надо сознаться, реакціонеры, клерикалы во Франціи—не простые обскуранты. Это—настоящіе Маккиавелли. Они прибѣгаютъ къ поэтическимъ сравненіямъ, изображая, какъ душа ребенка отдается влиянію національныхъ и наследственныхъ напѣвовъ, какъ она сама начинаетъ вторить въ униссонъ, и какъ изъ этихъ стройныхъ молодыхъ голосовъ слагается гармоническій хоръ цѣлой націи. А тутъ же, на слѣдующей страницѣ, они не брезгаютъ и самыми матеріалистическими аргументами, заимствуемыми у своихъ противниковъ. „Вѣдь жизнь сама по себѣ,—говоритъ Барресь,—не имѣетъ смысла. Вѣдь если мы откажемся отъ того принципа, который дисциплинировалъ нашихъ отцовъ, и къ которому приспособлено наше мышленіе, то у насъ не будетъ никакого основанія предпочитать одну истину другой въ богатой сокровищницѣ философскихъ системъ. Придется выбирать наудачу, гадая: „орелъ или рѣшетка“... Вотъ до какой тонкости доходитъ эта въ полномъ смыслѣ слова іезуитская казуистика! Какъ будто, какъ ни прикинь—и съ точки зрѣнія вѣрующаго челоуѣка, и съ точки зрѣнія философа, отрицающаго абсолютную истину,—наследственные напѣвы представляютъ единственно-реальную атмосферу воспитанія. Только при этомъ условіи можно достигнуть того желаннаго результата, о которомъ самъ Барресь говоритъ съ наивною гордостью: „Когда начинается борьба идей въ душѣ ребенка, я стараюсь поддерживать влияніе его предковъ. Такимъ путемъ создается культура, отъ которой ему никогда не

отдѣлаться“. Съ своей точки зрѣнія онъ безусловно правъ. На его примѣрѣ, на примѣрѣ Брюнетьера, Коппе, Леона Додэ и другихъ корифеевъ „націонализма“ мы видимъ, что есть традиціонные „лейтмотивы“, которые навсегда остаются въ головѣ и которыхъ никакая критика не можетъ искоренить.

Какіе же именно напѣвы окружаютъ нашего Барреса? Объ этомъ можно судить по одному названію главъ: „Филиппъ на развалинахъ замка Водемонъ“, „Филиппъ въ Домреми, на родинѣ Жанны д'Аркъ“, „Филиппъ въ Лурдѣ“... Если бы эту картину создалъ не наивный апломбъ убѣжденного націоналиста, то ее можно было бы считать пародовсомъ или ошибкою. Но это не пародоксъ и не ошибка. Это — совершенно искреннее убѣжденіе, которое развивается детально въ каждой главѣ. Какое значеніе имѣетъ для ребенка картина стараго замка? „Исторія, — говоритъ Барресь, — эта маленькая, проблематическая наука можетъ оказать равнаго рода услуги. Я требую отъ нея прежде всего, чтобы она дала намъ возможность распространить нашу чувствительность (sic!) на прошедшіе вѣка и ощутить болѣе гордости и болѣе униженія, чѣмъ можетъ виѣстить жизнь одного человѣка“. Какая ненависть къ наукѣ и какая экзальтація чувства! Излишне добавлять, что при такомъ критеріумѣ прошлое рисуется въ совершенно искаженномъ видѣ и въ исключительно розовомъ свѣтѣ. Отъ всей мрачной эпохи среднихъ вѣковъ съ ихъ кортежемъ кровавыхъ войнъ, голодобою и эпидемій, до маленькаго Филиппа доходятъ лишь опереточныя фигуры рыцарей и трубадуровъ. Онъ уже привыкаетъ сожалѣть объ этомъ невозвратномъ „славномъ“ прошломъ, прежде чѣмъ научится понимать, что это была за эпоха.

Какіе же „лейтмотивы“ звучатъ въ Домреми и въ Лурдѣ? Горжество мистицизма надъ разумомъ! Вѣдь можно горячо любить поэтическую фигуру Жанны д'Аркъ, но любить ее на реальномъ фонѣ ея эпохи, прекрасно создавая, какіе социальныя факторы создали тотъ подъемъ національнаго духа, который выразился въ ея подвигѣ. Но не это интересуетъ Барреса. Онъ не хочетъ и допустить мысли о томъ, что мистическіе голоса, которые слышались Жаннѣ, сливались со звономъ колоколовъ. Онъ отрицаетъ показанія ея современниковъ. Для него это были настоящіе голоса, и онъ отвергаетъ всякія объясненія, „потому что невѣдѣніе пріятно человѣку, котораго леденить слишкомъ ясное созерцаніе дали“ (sic!). Такое же „пріятное невѣдѣніе“ онъ культивируетъ и въ Лурдѣ. Трудно повѣрить, что такъ разсуждаетъ человѣкъ далеко не заурядный по своимъ природнымъ

дарованіямъ, человѣкъ, обладающій безспорнымъ поэтическимъ талантомъ и принадлежащій къ высшимъ классамъ французскаго общества. Между тѣмъ, тутъ не можетъ быть, съ нашей стороны, ни тѣни превратнаго толкованія. Онъ самъ старательно формулируетъ свою точку зрѣнія. „Посѣщеніе Лурда, — говоритъ онъ, — это — прогулка для чувства. Она невольно противопоставляется въ моемъ умѣ тому холодному, правильному парку à la française, въ которомъ молодой Ренанъ размышлялъ надъ письмами своей резонерки-сестры. *Здѣсь сердце не даетъ воли разуму*“. Въ этихъ словахъ все сказано. Это — альфа и омега націоналистическаго воспитанія.

Да, мы забыли привести еще одну неизбежную нотку, которая завершаетъ этотъ аккордъ впечатлѣній. Мы говоримъ о посѣщеніи маленькимъ Филиппомъ Эльзаса. Глава, посвященная культу реванша, озаглавлена: „Молитвы, которыя не могутъ слиться“. Мѣсто дѣйствія — маленькая церковь въ мѣстечкѣ Нидерброннъ, гдѣ Барресь съ сыномъ присутствуютъ на траурной мессѣ за павшихъ при Фрешвиллерѣ. Въ церкви находятся и ученики мѣстныхъ школъ. „За кого они будутъ молиться, — спрашиваетъ Филиппъ, указывая на школьничковъ, — за французовъ или за нѣмцевъ?“ И отецъ, въ восторгѣ отъ этого наивнаго разграниченія загробныхъ интересовъ, увѣряетъ сына, что французъ, хотя бы онъ и сдѣлался германскимъ подданнымъ, мыслить и молиться иначе, чѣмъ нѣмецъ, и что молитвы ихъ не могутъ слиться. Въ подтвержденіе своей мысли онъ рассказываетъ какую-то апокрифическую исторію о томъ, какъ одинъ нѣмецкій офицеръ послѣ сраженія при Вертѣ плюнулъ въ лицо плѣнному французскому офицеру... Можно ли придумать болѣе возмутительный пріемъ, чтобы экзальтировать чувствительность ребенка? И вотъ еще одинъ „лейтмотивъ“ въ душѣ Филиппа, — мотивъ непримиримой ненависти къ нѣмцамъ.

Книга Барреса для насъ безконечно цѣнна. Она иллюстрируетъ на конкретномъ примѣрѣ ту самую теорію клерикальнаго воспитанія, къ которой мы пришли путемъ общихъ соображеній. Барресь и не подозреваетъ, что онъ выдаетъ своихъ единомышленниковъ головою, объясняя, какъ зарождаются тѣ мысли и чувства, которыя мы находимъ въ зрѣломъ видѣ въ произведеніяхъ Брюнетьера, Леметра, Коппэ, Леона Додэ и др. націоналистовъ. Возьмемъ, напримѣръ, послѣднюю книгу Леона Додэ: „Встревоженная Франція“¹⁾. Это — сборникъ статей на политич-

¹⁾ Léon Daudet, La France en alarme, 1904.

ческія и соціальныя темы, въ которомъ встрѣчаются теоріи и взгляды для нашего времени совершенно неожиданныя. А priori и не сообразишь, какъ можно придти къ такимъ заключеніямъ. Если же посмотрѣть на это творчество съ патологической точки зрѣнія, какъ на результатъ экзальтаціи наслѣдственныхъ инстинктовъ, то многое останется понятнымъ.

Въ одной изъ статей Додэ доказываетъ превосходство легенды надъ исторіей. „Конечно,—говоритъ онъ,—благодаря такому количеству историковъ и добросовѣстныхъ комментаторовъ, отъ насъ не ускользнула ни одна деталь, касающаяся его (Наполеона) антуража, его родныхъ, его друзей, его симпатій и антипатій. Но легенда, разъ она утвердилась,—она пожираетъ плоды этого анализа... Легенда упрощаетъ! Легенда сохраняетъ свѣжесть чувства и колоритъ мечты. Конечно, легенда имѣетъ всѣ слабыя стороны любви, ея увлеченія, ея ошибки, но зато она имѣетъ и ея интуитивную увѣренность и ея способность схватывать главныя черты, устраняя все второстепенное. Освѣщеніе, даваемое легендою, вѣрно, какъ *инстинктъ*, ярко, какъ свѣтъ на картинахъ Рембрандта... Правда, этотъ свѣтъ образуетъ иногда ореолъ или вѣнокъ, въ которомъ не замѣтно терніевъ, но *послѣднему можно лишь радоваться*, потому что легенда оживаетъ, между тѣмъ какъ анализъ убиваетъ... Анализъ, повторяю, еще разъ, долженъ быть скромнымъ слугою легенды“...

Какъ объяснить себѣ такой абсурдный тезисъ въ серьезной критической статьѣ, касающейся произведеній извѣстнаго историка Массона? Кому же нужна такая исторія, искаженная легендою? Тому, кто, по словамъ Барреса, требуетъ отъ исторіи, чтобы она прежде всего говорила его чувству, „расширяла его чувствительность“... Съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, анализъ часто убиваетъ воображеніе. Но къ такому заключенію можно придти не логикою мысли, а логикою чувства, сентиментальными прогулками въ Домреми и въ Лурдѣ, „гдѣ сердце не даетъ воли разуму“.

Другое, не менѣе характерное патологическое состояніе обнаруживается въ отношеніи Додэ къ наукѣ и къ вѣрѣ. „Нѣтъ и не можетъ быть антагонизма между наукою и вѣрою,—утверждаетъ Додэ,—потому что наука относится къ сферѣ разума, а вѣра—къ сферѣ чувства“. Но, спрашивается, развѣ сфера чувства не можетъ быть болѣе или менѣе регулируема разумомъ? „Нѣтъ,—отвѣчаетъ Додэ,—наука, каковы бы ни были ея превращенія въ будущемъ, никогда не измѣнитъ природу человѣка настолько, чтобы онъ могъ обойтись безъ идеала, безъ этой кра-

сивой картинки (belle image), которая находится внѣ сферы его воздѣйствія“.

Конечно, если человекъ не можетъ обойтись безъ какого-то миража, если онъ столь болѣзненно привязанъ къ своимъ иллюзіямъ, то обширная сфера его жизни останется внѣ воздѣйствія разума,—но развѣ это не патологическое состояніе; не родъ невроза, созданный экзальтаціей чувства? Какъ это характерно съ точки зрѣнія развитія наслѣдственныхъ инстинктовъ! Какъ ясно тутъ сказываются плоды воспитанія въ духѣ Барреса!

Но этого мало. Преобладаніе чувства надъ разумомъ ведетъ не только къ ограниченію мысли, но и къ произволу ничѣмъ не сдерживаемыхъ инстинктовъ. Темпераментъ затмеваетъ разумокъ, и въ результатѣ получается фанатическая нетерпимость, болѣзненная ненависть ко всѣмъ, кто мыслить иначе. Въ этомъ отношеніи въ книгѣ Додэ есть поразительные примѣры. Додэ, этотъ сынъ литературной семьи, въ которой лишь вліяніе матери олицетворяло клерикальный духъ, клеймитъ такихъ высокихъ, благородныхъ мыслителей, какъ Левъ Толстой и Ренанъ, именами схизматика и отступника. „Всякій апостать—предатель,—говоритъ онъ про Ренана.—Ему были довѣрены ключи храма, а онъ заказалъ себѣ другіе, фальшивые, и когда его прогнали, далъ ихъ людямъ, которые хотѣли богохульствовать и осквернять храмъ... Ренанъ, этотъ отступникъ, не перестаетъ еще расточать свой ядъ... Онъ оскверняетъ всякій энтузіазмъ, заставляетъ мертвыхъ вставать изъ гроба, онъ—тотъ, передъ кѣмъ крестится, когда встрѣчаютъ его въ сумеркахъ, на перекресткѣ путей мысли... Вокругъ его мрачнаго памятника собираются современные вѣдьмы: корыстолюбіе, фанатизмъ, *страсть къ анализу, неутріе*, и продолжаютъ споръ, который ихъ учитель велъ съ улыбкой скептицизма на устахъ“. Мы привели слова Додэ по возможности близко къ оригиналу, чтобы выдвинуть все безобразіе его мысли и неприличіе ея выраженія по отношенію къ Ренану, который, и послѣ отдѣленія отъ католической церкви, сохранялъ глубокую нѣжность къ своимъ бывшимъ учителямъ и никогда не отзывался о религіи иначе, какъ съ отбѣнкомъ самаго теплаго чувства. Неужели Додэ не читалъ воспоминаній и писемъ Ренана? Нѣтъ, его просто ослѣпляетъ необузданная ненависть къ поборникамъ свободной мысли. Въ этомъ отношеніи всякій, кто выходитъ изъ подчиненія догматамъ вѣры, всякій, кто проявляетъ самостоятельное, критическое мышленіе, вызываетъ съ его стороны самое рѣзкое осужденіе. Эта нетерпимость распространяется не только на ученыхъ, но и на литераторовъ

вообще. Вотъ что онъ пишетъ про Ибсена: „Творчество Генрика Ибсена—не что иное, какъ расколъ, уклоненіе отъ истинной вѣры, какъ, впрочемъ, и большая часть современныхъ взглядовъ на тѣ глубокія моральныя проблемы, которыя постоянно тревожатъ человѣка... Всякое произведеніе, которое не опирается на вѣру, неизбѣжно уклоняется въ сторону... Ибсенъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ дѣлаетъ одно и то же: онъ дѣлитъ свою моральную тревогу на части, которыя пытаются соединиться въ одно цѣлое, но безуспѣшно... Къ нему примѣнима старая испанская поговорка: „*прокляты*, потому что не имѣли вѣры“.

Какъ назвать такое отношеніе къ Ренану, Толстому, Ибсену, къ мыслителямъ, которые если и заблуждаются, то во всякомъ случаѣ искренностью своихъ убѣжденій и своимъ неуклоннымъ стремленіемъ къ истинѣ давно уже снискали всеобщее уваженіе? Чѣмъ объяснить ненависть къ нимъ со стороны Додэ? Конечно, патологическимъ основаніемъ его собственныхъ убѣжденій.

Но влияніе иллюстрированной Барресомъ системы воспитанія связывается не только въ развитіи отдѣльныхъ инстинктовъ,—оно идетъ далѣе и объединяетъ ихъ въ цѣлую систему. Мало-по-малу создается своеобразная односторонняя логика, какъ мы видимъ это на примѣрѣ Брюнетьера. Брюнетьеръ, какъ мыслитель, гораздо сильнѣе Додэ. То, что у послѣдняго проявлялось въ формѣ инстинктивныхъ порывовъ мысли, получаетъ у Брюнетьера логическую основу.

Иначе говоря, Брюнетьеръ не ограничивается отдѣльными, болѣе или менѣе краснорѣчивыми доводами,—онъ хочетъ связать ихъ съ цѣлымъ міросозерцаніемъ и дать имъ философское основаніе. Съ точки зрѣнія генезиса и развитія идей эта попытка представляетъ живѣйшій интересъ. Какъ ни знаменательны были симптомы, которые мы отмѣтили въ мышленіи Барреса и Додэ, только здѣсь они достигаютъ своей полной силы. Намъ невольно вспоминаются слова Ле-Дантека, который въ послѣднемъ своемъ произведеніи: „Наслѣдственныя влиянія“, доказываетъ, что вся наша логика есть результатъ извѣстнаго атавизма и передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе привычки мыслить. Если она и кажется намъ неизмѣняемой и какъ бы существующею независимо отъ индивидуальнаго мышленія, то лишь потому, что на длинномъ пути ея образованія мы не замѣчаемъ всѣхъ колебаній, уклоненій, ошибокъ, сопровождавшихъ ея развитіе. Но и теперь, несмотря на общность законовъ логики, не всѣ примѣняютъ ихъ одинаково. Есть люди, которые никогда не могутъ понять другъ друга вслѣдствіе кореннаго различія въ привычкѣ мыслить. Въ

этомъ отношеніи воспитаніе играетъ громадную роль, и мы имѣемъ полное право сказать, что если логика, въ тѣсномъ смыслѣ слова, должна быть одна и та же для всѣхъ, то логика отдѣльныхъ индивидуумовъ, въ широкомъ смыслѣ слова, можетъ совершенствоваться или ухудшаться. Съ этой точки зрѣнія произведенія Брюнетьера представляютъ шагъ впередъ въ развитіи интересующаго насъ міросозерцанія. У него національные инстинкты доходятъ до образованія новой привычки мыслить, которая въ педагогическомъ отношеніи можетъ имѣть громадное и прямо-таки гибельное вліяніе. Эта привычка заключается въ утилизаціи позитивизма для оправданія своей точки зрѣнія.

До сихъ поръ всѣ клерикальные мыслители, всѣ защитники религіознаго міросозерцанія смотрѣли на позитивистовъ какъ на своихъ прямыхъ враговъ. Позитивизмъ грозилъ свести религію до степени социальнаго явленія, подлежащаго детерминизму міровой исторіи. Но позитивисты пока еще не осуществили своей угрозы. Исторія религій находится лишь въ зачаткѣ. Между тѣмъ, многіе аргументы позитивизма могутъ быть съ успѣхомъ обращены противъ притязаній философіи на абсолютную истину. Въдѣ позитивизмъ приковываетъ мысль человѣка къ постепенной эволюціи его расы. Онъ отнимаетъ у науки надежду на сколько-нибудь близкое раскрытіе міровыхъ загадокъ. Онъ обрекаетъ человечество на долгое блужданіе въ полумракѣ неполнаго знанія. Въ этомъ отношеніи позитивизмъ можетъ быть симпатиченъ всѣмъ врагамъ свободной мысли, а одновременно и всѣмъ тѣмъ, чьи традиціи заключаются въ культѣ религіознаго чувства.

Но для того, чтобы воспользоваться аргументами позитивизма противъ науки, надо ослабить ихъ дѣйствіе противъ религіи. Съ точки зрѣнія Огюста Конта это будетъ натяжка, но къ ней можно привыкнуть, и въ этомъ-то и заключается образованіе новой привычки мыслить.

Мы можемъ прослѣдить, какъ создается эта привычка, какъ мало-по-малу выковывается своеобразная логика Брюнетьера. Его отправная точка зрѣнія легко выражена въ статьѣ: „Враги французской души“, появившейся еще въ 1899 г. „Для того, чтобы характеризовать сущность французскихъ традицій, — говоритъ онъ, — намъ надо подняться въ исторіи не до эпохи Карла Великаго, не до Клодвига, а гораздо выше, до самихъ галловъ, до того, кто сказалъ: „*Duas res pleraque Gallia industriosissime prosequitur, rem militarem et argute loqui*“¹⁾. У насъ есть воен-

¹⁾ У большинства галловъ есть два любимыхъ занятія: военное искусство и краснорѣчіе.

ныя традиции; у насъ есть *литературныя*, интеллектуальныя традиции и съ тѣхъ поръ, какъ появилось христіанство, у насъ есть *религіозныя* традиции“.

Уже въ этой статьѣ авторъ становится открыто на точку зрѣнія позитивистовъ. Но какъ воспользоваться ихъ выводами? Брюнетьеръ подходитъ къ интересующей его проблемѣ то съ той, то съ другой стороны, характеризуя католицизмъ то какъ историческій, то какъ социальный фактъ. „Я буду говорить о нашихъ религіозныхъ традиціяхъ, — заявляетъ онъ читателю, — не въ качествѣ вѣрующаго и не въ качествѣ журналиста, а въ качествѣ историка. И я констатирую, какъ общепризнанный историческій фактъ, что подобно тому, какъ Англія идентифицировалась въ исторіи съ протестантизмомъ или Россія съ православіемъ, точно такъ же и Франція идентифицировалась съ католицизмомъ“.

Но значить ли это, что католицизмъ столь же благодѣтеленъ для Франціи, какъ протестантизмъ для Англіи? Для всякаго безпристрастнаго позитивиста это былъ бы, по меньшей мѣрѣ, вопросъ. Развѣ католицизмъ не привелъ къ упадку Испанію, съ которою онъ столь же тѣсно идентифицировался? Но Брюнетьеръ закрываетъ на это глаза. „Я констатирую, — продолжаетъ онъ, довольствуясь совершенно одностороннимъ освѣщеніемъ фактовъ, — что въ теченіе двѣнадцати вѣковъ роль покровительницы католицизма принадлежала Франціи. Отсюда я заключаю, что все, что мы сдѣлаемъ, все, что мы допустимъ сдѣлать противъ католической церкви, пойдетъ въ ущербъ нашему мировому вліянію, будетъ противорѣчить всей нашей исторіи и окажется враждебнымъ основнымъ свойствомъ французской души“.

Одновременно въ другой статьѣ: „О геніи латинской расы“, онъ дѣлаетъ попытку построить свою аргументацію на выводахъ социологіи. „Если англичане достигли такого могущества, — говоритъ онъ, — то именно потому, что они развивали свои природныя качества“. Основываясь на этомъ примѣрѣ, онъ убѣждаетъ французовъ культивировать въ себѣ геніи латинской расы. Чѣмъ же характеризуется послѣдній? Универсальностью своихъ концепцій въ области права, архитектуры, краснорѣчія и т. д. Мы не хотимъ вдаваться во всѣ подробности этой остроумной, но чрезвычайно условной аргументаціи. Довольно будетъ намѣтить, что универсальность въ представленіи Брюнетьера граничитъ съ католицизмомъ, съ моральною и умственною дисциплиною вселенской церкви и противопоставляется индивидуальному критериуму свободной мысли. Конечно, и тутъ есть большая натяжка. Ничто

не доказываетъ, что міровозрѣніе католической церкви есть единственно-возможное универсальное міровозрѣніе, и что французы должны быть ему вѣрны изъ опасенія попасть въ дебри индивидуализма. Вѣдь самыя универсальныя формы искусства и литературы не разъ уже смѣнялись другими. Но Брюнетьеръ пользуется одностороннимъ освѣщеніемъ этого соціального факта для того, чтобы доказать, что католицизмъ есть національное міровозрѣніе француза.

Однако, мало-по-малу ему удалось перейти отъ этихъ отрывочныхъ силлогизмовъ къ болѣе общей концепціи. Последняя развивается въ тѣхъ статьяхъ, которыя недавно появились особымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „На стезяхъ вѣры“¹⁾. Здѣсь уже авторъ не хватается за тотъ или другой тезисъ позитивизма, а говоритъ о позитивизмѣ вообще въ его исторической роли и въ его примѣненіи къ данной цѣли.

Позитивизмъ опровергъ основную идею мыслителей XVIII-го вѣка, ихъ увѣренность въ силу индивидуальнаго разума. Позитивизмъ доказалъ, что не человекъ создаетъ семейную, общественную и національную атмосферу своей жизни, а наоборотъ, самъ является ея продуктомъ. Позитивизмъ открылъ ограниченность и начало мышленія и его зависимость отъ данной среды. Вотъ почему,—заключаетъ Брюнетьеръ,—въ ихъ вѣчной борьбѣ противъ субъективной мысли, вѣрующіе, къ какому бы вѣрованію они ни принадлежали, не найдутъ лучшаго союзника, чѣмъ Огюсть Контъ и его послѣдователи.

Конечно, но при одномъ условіи: при условіи, что они не будутъ обращать тѣхъ же аргументовъ противъ религіи, какъ это дѣлаетъ Огюсть Контъ. Для него религія есть таковой же соціальный фактъ, таковой же продуктъ извѣстной среды, какъ и всякое другое явленіе духовной жизни народовъ. Съ этой точки зрѣнія религіи могутъ измѣняться и смѣняться точно такъ же, какъ и философскія теоріи. Задача Брюнетьера заключалась въ томъ, чтобы отдѣлать первыя отъ послѣднихъ. Утилизациа позитивизма должна была состоять въ томъ, чтобы 1) доказать ограниченность философскихъ теорій, признавъ ихъ продуктомъ субъективнаго разума, и 2) открыть въ религіи другую творческую силу, которая подъ формулою объективнаго соціального начала приближалась бы къ откровенію.

Первое положеніе вывести сравнительно легко. Огюсть Контъ высказался категорически, что „горделивыя притязанія человѣ-

¹⁾ Ferdinand Brunetière, Sur les chemins de la croyance, 1904.

ческаго ума на полное господство надъ жизнью ни разу не достигли осуществленія и имѣли лишь отрицательную силу въ испроверженіи отсталыхъ воззрѣній“. На этомъ тезисѣ и основывается Брюнетьеръ, съ цѣлью доказать, что „не разумъ управляетъ міромъ“, и оставляетъ, однако, въ тѣни другое слѣдствіе, а именно, что и не вѣра управляетъ міромъ, а неразумная стихійная сила.

Гораздо труднѣе вывести второе положеніе, которое безусловно чуждо общей концепціи позитивизма. Для этого надо сдѣлать скачокъ за предѣлы положительнаго знанія. Утомивъ читателя безконечными разсужденіями на тему объ относительности послѣдняго, Брюнетьеръ заключаетъ совершенно произвольно, что мы имѣемъ право оперировать этими относительно-реальными понятіями лишь постольку мы вѣримъ въ ихъ связь съ абсолютно-реальнымъ, непознаваемымъ міромъ. Однимъ словомъ, онъ утверждаетъ, что все наше положительное знаніе покоится на метафизической презумпціи сходства феноменальнаго міра съ объективнымъ непознаваемымъ міромъ. Отсюда уже ясно, что сущность этого непознаваемаго міра допускаетъ не только метафизическія, но и религіозныя концепціи. Такимъ образомъ, за предѣлами положительнаго знанія, Брюнетьеръ открываетъ совершенно независимую отъ него сферу духовной жизни, которую онъ считаетъ выше первой, основываясь на томъ, что въ ней творческимъ началомъ является не индивидуальный разумъ, а социальныя силы.

Этотъ выводъ покоится на совершенно ложномъ толкованіи фактовъ. Позитивисты основываютъ свое мировоззрѣніе не на гипотезѣ, а на фактѣ. Ихъ основаніе было бы метафизическимъ, еслибы они утверждали, что относительно-реальный міръ явленій есть отраженіе какого-то другого міра. Но этого они никогда не утверждали. Они отправляются отъ того простаго факта, что всякое явленіе внѣшняго міра имѣетъ свою познаваемую, субъективно-реальную сторону. Какова же можетъ быть объективная сущность явленія—этого вопроса они не затрогивали, да собственно говоря, для нихъ онъ и не имѣетъ никакого значенія. Вѣдь ихъ цѣль заключается въ познаніи не вещи „въ себѣ“, а отношенія между вещами. Поэтому они и не нуждаются въ метафизическомъ основаніи своего относительно-реальнаго мировоззрѣнія.

Но самое понятіе относительно-реальныхъ явленій далеко еще не ясно для всѣхъ и cadaго, благодаря чему Брюнетьеръ не можетъ играть словами и увѣрять своихъ читателей, что за

основными тезисами позитивизма скрывается возможность не только метафизических, но и религиозных концепцій. И разъ выведя религію на эту совершенно новую почву, онъ переноситъ сюда всѣ аргументы позитивизма. Онъ постоянно напираетъ на то, что религія, какъ социальный фактъ, есть непосредственное выраженіе морального и социального сознанія каждаго народа, самый могущественный факторъ его духовнаго единства.

Мы нарочно остановились на деталяхъ этой абстрактной аргументаціи, чтобы показать, какъ мало-по-малу вѣрнеть и развивается логическая основа клерикальнаго мировоззрѣнія. Человѣку свойственно приспособляться къ той средѣ, въ которой онъ живетъ. За утвержденіемъ природныхъ инстинктовъ слѣдуетъ вполнѣ естественно ихъ логическое оправданіе, и какъ бы одностороння ни была эта логика, для людей, въ которыхъ уже говорить глухой голосъ инстинктовъ, и которые живутъ въ данной атмосферѣ, она имѣетъ всѣ шансы успѣха. Съ этой точки зрѣнія логика Брюнетьера является вѣнцомъ клерикальнаго воспитанія. Спорить съ нимъ и съ его единомышленниками нѣтъ никакой возможности, потому что у нихъ чувство доминируетъ надъ разумомъ и имъ пріятно такое одностороннее освѣщеніе вещей. Послѣднее произведеніе Брюнетьера есть не что иное, какъ призывъ, громкій, смѣлый призывъ закрывать глаза на одну сторону вопроса и смотрѣть только на другую. При этомъ условіи патологическое міросозерцаніе націоналистовъ еще усилится своеобразной логической конструкціей. Это—новое, усовершенствованное орудіе въ рукахъ націоналистовъ, бороться съ которымъ можно не разумомъ, а только силою, какъ и дѣлаетъ настоящее радикальное министерство, выступая противъ кандидатуры Брюнетьера на академическіе посты.

III.

Вліяніе наслѣдственныхъ факторовъ.

Въ заключеніе этого этюда мы хотѣли бы показать, на какую почву падаетъ ученіе націоналистовъ, и какіе размѣры можетъ принять клерикальная опасность при существующемъ атавизмѣ и природныхъ свойствахъ французской націи. Въ этомъ отношеніи личность и идеи Жюль Сури представляютъ живой примѣръ. Жюль Сури, авторъ знаменитаго изслѣдованія „Структура

и функций центральной нервной системы“ является однимъ изъ самыхъ выдающихся ученыхъ нашего времени. Французская академія наукъ, присуждая ему премію Монтиона, признала его трудъ „стоящимъ внѣ всякаго сравненія съ подобными изслѣдованіями въ другихъ странахъ“ по глубинѣ анализа и поразительной эрудиціи автора. Въ настоящее время онъ состоитъ директоромъ практической школы высшихъ наукъ при Сорбоннѣ, въ которой и самъ читаетъ лекціи по физиологіи нервной системы. Всѣ, кто знакомъ съ его трудами и кто хоть разъ побывалъ на его лекціи, уносятъ неизгладимое воспоминаніе объ этомъ аскетѣ науки, личность котораго дышитъ полнымъ отрѣшеніемъ отъ мірской суеты. Во время лекціи его маленькіе проницательные глаза закрываются, онъ всецѣло отдается теченію своей мысли, и вся его некрасивая фигура, утопающая въ какомъ-то невѣроятномъ мѣшвообразномъ скрутокѣ, кажется смѣшнымъ и въ то же время величественнымъ пережиткомъ другой эпохи, когда подобные ему мыслители уходили отъ міра въ тишину монашеской кельи. Его мысль свободно вращается въ тѣхъ извилинахъ нашего мозгового аппарата, гдѣ многообразные периферическіе рефлексы проникаютъ въ индивидуальное самосознаніе, и которыя онъ самъ называетъ акрѣполисомъ науки. И вотъ этотъ-то ученый, достигшій высшихъ предѣловъ человѣческаго знанія и поражающій силою своего анализа, при ближайшемъ ознакомленіи съ его политическими взглядами, оказывается узкимъ и фанатичнымъ націоналистомъ. Трудно найти болѣе любопытный психологическій казусъ, чѣмъ соединеніе этихъ двухъ противоположностей въ мышленіи Жюль Сури. Быть одновременно атеистомъ, матеріалистомъ и нетерпимымъ, фанатичнымъ католикомъ—кажется съ перваго взгляда какимъ-то парадоксомъ. Между тѣмъ этотъ парадоксъ представляетъ лишь заостренное до крайнихъ предѣловъ патологическое состояніе всѣхъ націоналистовъ и клерикаловъ во Франціи.

Съ этой точки зрѣнія идеи Жюль Сури представляютъ для насъ громаднѣйшій интересъ.

Въ сферѣ науки онъ не знаетъ другого мѣрила, кромѣ пыл, ливой критической мысли. При этомъ онъ прекрасно сознаетъ чего можно отъ нея требовать и гдѣ находятся естественныя границы человѣческаго познанія. „Наука никогда не откроетъ объективной сущности вещей,—говоритъ Сури,—потому что человѣкъ знаетъ лишь ихъ субъективную феноменальную сторону. Онъ знаетъ лишь отношеніе между вещами, а не ихъ абсолютную сущность. Но и этого знанія ему достаточно, для того,

чтобы извлечь изъ него законъ мірового детерминизма, для того, чтобы понять, что въ мірѣ нѣтъ ни плана, ни цѣли, а лишь безконечное сцѣпленіе причинъ и слѣдствій“. На основаніи этого матеріала онъ объясняетъ себѣ образованіе міровъ, появленіе жизни на землѣ, происхожденіе человѣка изъ длинной цѣпи животныхъ организмовъ и развитіе его нервной системы вплоть до появленія сознательной мысли. Такимъ путемъ онъ приходитъ къ заключенію, что сознаніе есть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ чувствительности, результатъ „химическихъ соединений элементовъ воды, земли и воздуха, столь же необходимыхъ, какъ и соединеніе минераловъ, которые, быть можетъ, лишены сознанія“¹⁾. Изученію этихъ соединений, образующихъ матеріальный субстратъ психическихъ явленій, Сури посвятилъ всю свою жизнь. Его основной трудъ есть анатомическое и физиологическое изслѣдованіе нервной системы у безпозвоночныхъ и у позвоночныхъ, которое включаетъ въ себѣ, по словамъ автора, исторію человѣческаго ума, унаслѣдовавшаго всѣ измѣненія этихъ механизмовъ въ теченіе длинной эволюціи животныхъ видовъ на землѣ.

Характеризуя сущность своихъ выводовъ, онъ самъ называетъ себя атеистомъ въ томъ смыслѣ, что его научная концепція обходится безъ всякаго трансцендентальнаго, божественнаго принципа, и матеріалистомъ съ тою лишь оговоркою, что въ матеріи онъ видитъ не абсолютную сущность, а феноменальный, доступный человѣческому познанію субстратъ явленій. Такова точка зрѣнія, таково положеніе, занятое Жюлемъ Сури въ наукѣ.

И вотъ, наряду съ философіей, постигающей индивидуальную жизнь, какъ одну изъ волнъ безбрежнаго океана, онъ проповѣдуетъ слѣдующую узкую и условную мораль этой самой жизни: „Поступайте такъ, какъ поступали ваши отцы и матери. Если вамъ посчастливилось избрать карьеру философа или монаха, клирика или солдата, отрекитесь отъ міра, отъ всего, что принадлежитъ къ міру, и въ ожиданіи конечнаго избавленія—смерти—культивируйте въ себѣ преемственное общеніе умершихъ и живущихъ. Прислушивайтесь къ печальному голосу предковъ, который говоритъ въ васъ; почитайте и защищайте землю, въ которой ваша мать покоится вѣчнымъ сномъ; *хотя бы вы были атеистомъ, оставайтесь католикомъ и французомъ.* Дѣло не въ томъ, чтобы вѣровать, а въ томъ, чтобы жить, какъ живутъ

¹⁾ Jules Soury, Campagne nationaliste, 1902, p. 47.

вѣрующіе, т.-е. въ постоянной экзальтаціи того идеала, который питалъ души вашего отца и матери“.

Какъ же примиряется въ немъ научный атеизмъ съ религиозной концепціей жизни? Точно такъ же, какъ это объясняетъ Леонъ Додэ, — полнымъ разобщеніемъ сферы знанія и сферы чувства. Ученый, говоритъ Сури, можетъ отрицать всѣ догматы религіи, но это не мѣшаетъ ему идти въ церковь и отдаваться наплыву религиознаго чувства. „Что мнѣ нравится въ религіи, — говоритъ онъ далѣе, — это не метафизическая вѣра въ тотъ или другой непостижимый догматъ, а самый жестъ, унаслѣдованный отъ предковъ, преклоненіе колѣнъ на полу храма, крестное знаменіе, ощущение тепловатой воды, которой касается рука у входа, слова литаній, произносимыя машинально, *безъ смысла*, и убаюкивающій шопотъ молитвъ, въ которыхъ соединяются родственныя души“.

Съ этой горячей привязанностью къ традиціямъ и къ поэзии прошлаго Сури соединяетъ фанатическую ненависть ко всему, что имъ грозитъ намѣненіемъ или уничтоженіемъ. „Сражаться за идеалъ предковъ, за спасеніе ихъ настоящихъ потомковъ, сражаться за честь своей націи или касты, вотъ, — говоритъ онъ, — въ чемъ заключается для меня героическая функція человѣка. Я принадлежу къ партіи войны: войны противъ всего, что мы ненавидимъ, противъ отрицанія національныхъ традицій, противъ измѣны отечеству со стороны протестантовъ и франмасоновъ еще болѣе, тѣмъ со стороны евреевъ, которые, по крайней мѣрѣ — не французы; войны для защиты всего, что мы любимъ, — земли, въ которой повоюютъ наши предки, католической церкви и французской арміи“.

Какъ странно звучать эти слова нетерпимости и ненависти въ устахъ мирнаго ученаго! какъ поражаетъ такая экзальтація самыхъ узкихъ, условныхъ понятій — традиціи расы и кастовой чести! Между тѣмъ, это не случайное увлеченіе въ пылу полемики, а глубокое убѣжденіе Жюля Сури, стоящее въ тѣсной связи со всѣмъ его міросозерцаніемъ. Дѣло въ томъ, что привязанность къ традиціямъ прошлаго представляетъ для него единственный смыслъ существованія въ мірѣ, гдѣ властвуетъ физическій законъ подбора видовъ и эволюціи расъ. Съ точки зрѣнія детерминиста и атеиста это вполне послѣдовательно. Въ мірѣ, гдѣ нѣтъ нравственнаго закона, полное, гармоническое развитіе своего существа представляетъ единственную *raison d'être* какъ растенія, такъ и человѣка. Поэтому Сури видитъ для французовъ единственную цѣль существованія въ развитіи

природныхъ свойствъ своей расы и въ борьбѣ за свою индивидуальность, но это вполне логическое воззрѣніе принимаетъ у него невѣроятную окраску подъ вліяніемъ экзальтациі его чувствъ. Голосъ предковъ заглушаетъ въ немъ его собственную трезвую, спокойную мысль, и въ пылу слѣпого обожанія и столь же слѣпой ненависти онъ совершенно теряетъ изъ виду возможность дальнѣйшей эволюціи какъ національнаго характера, такъ и національныхъ инстинктовъ. Когда-то Франція жила идеалами военной славы и католическаго мистицизма, но съ тѣхъ поръ условія жизни совершенно измѣнились. Между тѣмъ Сури упрямо отвергаетъ требованія новаго времени и продолжаетъ утверждать, что въ государственномъ организмѣ Франціи есть лишь двѣ живыя силы: армія и католическая церковь!

Для него, для его трезваго, научнаго мышленія это такъ неожиданно, что производитъ впечатлѣніе какаго-то локальнаго затемнѣнія мысли или гипноза. И вотъ, великій ученый, озаренный чуткимъ, благороднымъ сердцемъ, какъ гражданинъ, оказывается отрѣзаннымъ отъ современной дѣйствительности, погруженнымъ въ какую-то галлюцинацію и не только бесполезнымъ, но прямо-таки вреднымъ членомъ общества!

А между тѣмъ онъ самъ не испыталъ на себѣ прямого вліянія клерикальной школы. Тѣмъ интереснѣе для насъ его автобіографія, въ которой на каждой страницѣ проявляются наслѣдственные вліянія, объясняющія, почему французскій ребенокъ предрасположенъ къ воспріятію клерикальныхъ идей, и какой благодарный объектъ онъ представляетъ для развитія наслѣдственныхъ инстинктовъ. Въ настоящемъ состояніи теоріи наслѣдственности нѣтъ надобности доказывать, что индивидуумъ старой расы приноситъ съ собою на свѣтъ болѣе сложный и болѣе обширный наслѣдственный багажъ, чѣмъ индивидуумъ молодой расы. Это уже сдѣлалось аксіомою. Мы думаемъ, что эту мысль можно выразить иначе, сказавъ, что индивидуумъ старой расы испытываетъ болѣе сильное и болѣе опредѣленное вліяніе своихъ предковъ, чѣмъ индивидуумъ молодой расы. Если принять во вниманіе, что наша психика есть продуктъ двухъ факторовъ, внѣшняго міра и реагирующаго на него организма, то станетъ вполне понятнымъ, что чѣмъ болѣе организмъ обремененъ наслѣдственностью, тѣмъ опредѣленнѣе будутъ его рефлексы и создающаяся изъ нихъ психика. Всякій, кто живаль среди французовъ или англичанъ, согласится съ нами, что имъ труднѣе отрѣшиться отъ своей національной точки зрѣнія, чѣмъ русскому или даже нѣмцу. Они труднѣе ассимилируютъ, труднѣе воспринимаютъ иностранные нравы

или языкъ. Дѣло въ томъ, что они отъ рожденія болѣе богаты наслѣдственными рефлексами, чѣмъ мы. Съ этой точки зрѣнія можно понять, какъ создается типъ французскаго мыслителя, который Жюль Сури анализируетъ и раскрываетъ въ самомъ себѣ съ поразительной ясностью. Онъ родился въ Парижѣ, въ семьѣ бѣднаго ремесленника, работавшаго, подобно Спинозѣ, надъ изготовленіемъ оптическихъ инструментовъ. Естественнымъ образомъ и мальчикъ Жюль съ дѣтства предназначался къ тому же ремеслу, и по окончаніи начальнаго училища, двѣнадцати лѣтъ отъ роду, поступилъ ученикомъ къ оптику Луи Бодеру. Но, посѣщая по вечерамъ курсы физики и химіи, которые могли быть ему полезны для его ремесла, онъ почувствовалъ влеченіе къ болѣе широкому образованію, изучилъ латинскій языкъ и, окончивъ свое ремесленное обученіе, поступилъ довольно поздно въ лицей „Луи-ле-Гранъ“. По окончаніи курса лицея и по сдачѣ экзамена въ Сорбоннѣ уже не было и рѣчи о ремесленной карьерѣ, но, въ виду недостатка средствъ, положеніе молодого Сури было весьма затруднительнымъ. Самое выгодное для него было поступить въ Высшую Нормальную школу и избрать педагогическую дѣятельность, но его остановила перспектива интерната и необходимость повиноваться родительскій домъ. Не желая разставаться съ родителями, онъ избралъ археологическій институтъ, хотя послѣдній и не открывалъ ему никакой обезпеченной карьеры въ будущемъ. Однако, этотъ выборъ оказался удачнымъ. Выдающіяся способности молодого Сури привлекли къ нему вниманіе профессоровъ и сильную поддержку со стороны Ренана, между тѣмъ какъ его умственный кругозоръ расширялся далеко за предѣлы археологіи, обнимая уже анатомію и физиологію нервной системы, которую онъ изучалъ въ клиникахъ Сальпетриеръ подъ руководствомъ Вуазена и Жюля Люи.

Изъ этого краткаго очерка можно видѣть, что развитіе Жюля Сури не происходило подъ исключительнымъ вліяніемъ одной школы, какъ, напримѣръ, воспитываются молодые люди въ іезуитскихъ и другихъ клерикальных пансіонахъ. Ни начальная школа, ни лицей, ни археологическій институтъ не олицетворяли клерикальнаго духа. И тѣмъ не менѣе, подъ давленіемъ наслѣдственныхъ инстинктовъ, въ немъ развивался клерикальный мыслитель.

Онъ самъ отмѣчаетъ отдѣльные элементы, изъ которыхъ сложилось его міросозерцаніе: глубокій пессимизмъ жизни, т.-е. укоренившуюся вѣками привычку смотрѣть на жизнь, какъ на рядъ лишений и испытаній, естественную потребность въ идеалѣ, ко-

торый могъ бы замѣнить недостающую жизнерадостность, и горячую привязанность къ немногимъ свѣтлымъ сторонамъ этого мрачнаго существованія—къ отцу, къ матери и къ традиціямъ семьи.

Эти элементы представляются чрезвычайно характерными для французской жизни.

Правда, глубокий пессимизмъ, который проникаетъ все міросозерцаніе Сури, уже не представляетъ теперь обыденнаго явленія. Для того чтобы понять его настроеніе, надо перенестись въ ту отдаленную эпоху, когда въ стѣнахъ средневѣковаго Парижа цѣлыя поколѣнія горожанъ жили подъ страхомъ кровавыхъ войнъ, эпидемій, голодобоѣ и въ тяжелой борьбѣ за существованіе выработывали въ себѣ „христіанское смиреніе“ передъ жизнью, которая освѣщалась лишь блѣднымъ ореоломъ религіознаго мистицизма. Правда, за послѣдніе полвѣка условія существованія въ городахъ западной Европы кореннымъ образомъ измѣнились къ лучшему, лучъ яркаго весенняго солнца проникъ въ жилища рабочихъ и жизнерадостная энергія смѣнила прежнее угнетенное настроеніе,—тѣмъ не менѣе, французская буржуазія сохранила кое-что отъ этой тяжелой жизненной школы. Мы не скажемъ, чтобы она сохранила пессимизмъ или мистицизмъ жизни, но можемъ съ увѣренностью сказать, что она сохранила трудовой принципъ жизни. Взглядъ на жизнь какъ на тяжелое испытаніе и какъ на тяжелый трудъ—это два разныхъ развѣтвленія одного и того же ствола, и всякій, кто знакомъ съ французской провинціей, кто видалъ, какимъ автоматомъ труда и бережливости способенъ быть средній французъ, пойметъ Жюля Сури, когда тотъ говоритъ о „суровой концепціи жизни“ и о презрѣніи жизненныхъ наслажденій.

Въ эпоху юности Сури, въ окружавшей его семейной атмосферѣ, эти наследственные рефлексъ трудового механизма функционировали гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь. Въ томъ уголкѣ стараго Парижа, гдѣ онъ родился, еще жилъ духъ вѣковаго пессимизма, угнетавшаго рабочіе классы. Онъ самъ передаетъ такую характерную деталь, что въ ихъ родѣ была привычка или традиція умирать не дома, а въ богадельнѣ или въ больницѣ. „Только рабамъ, пришельцамъ или метисамъ, т.-е. людямъ безъ семейныхъ, кастовыхъ и національныхъ традицій,—говоритъ Сури—эта геенна—земля—можетъ казаться какимъ-то эльдорадо“. Какъ человекъ старой расы, носящій въ себѣ воспоминаніе о долгихъ вѣкахъ упорной борьбы, Сури относится съ глубокимъ презрѣніемъ къ оптимизму социалистовъ, къ ихъ мечтамъ о счастливой, легкой жизни.

Такимъ образомъ, не предѣлая вопроса, насколько эти наслѣдственные рефлексы еще живы въ новомъ поколѣніи французовъ—по всей вѣроятности, не проникая въ индивидуальное самосознаніе, они сохраняются въ бессознательной трудовой энергіи,—мы должны признать, что для Жюль Сури они явились основаніемъ всего его міросозерцанія, тѣмъ мрачнымъ фономъ, на которомъ тѣмъ яснѣе выдѣлялся второй элементъ міросозерцанія—жажда идеала.

Собственно говоря, одинъ неразрывно связанъ съ другимъ, какъ двѣ стороны одной и той же медали. Жажда идеала является прямымъ послѣдствіемъ жизненной неудовлетворенности. Весьма важно имѣть это въ виду, для того чтобы понять, что идеалъ, о которомъ будетъ рѣчь, и къ которому взываютъ націоналисты, не есть широкій общечеловѣчскій идеалъ, а тотъ конкретный идеалъ, съ которымъ они сроднились въ теченіе своей вѣковой исторіи, который они унаслѣдовали отъ предковъ вмѣстѣ съ ихъ психическимъ механизмомъ, однимъ словомъ—идеалъ католической религіи. Въ этомъ смыслѣ Сури толкуетъ слова Ренана: „Человѣкъ нашей, арійской расы долженъ строить свой идеалъ, какъ паукъ дѣлаетъ свою паутину“. Въ этомъ смыслѣ сказалъ и Леонъ Додэ уже цитированную нами фразу: „Человѣкъ никогда не будетъ въ состояніи обойтись безъ идеала, безъ этой „красивой картинки“, которая находится внѣ сферы его воздѣйствія“. Въ этомъ смыслѣ Баррессъ, Брюнетьеръ и другіе націоналисты утверждаютъ, что настоящій французъ не можетъ не быть католикомъ.

Только теперь, когда мы видимъ глубокое, наслѣдственное основаніе этой потребности, мы можемъ оцѣнить ея дѣйствительную силу. Жюль Сури представляетъ для насъ рѣдчайшій экземпляръ давно вымершаго типа, въ которомъ еще была видна прямая связь между тѣмъ и другимъ элементомъ міросозерцанія.

Его примѣръ объясняетъ намъ, почему многіе французы, потерявъ вѣру, остаются привязанными къ традиціямъ, къ морали, къ поэзіи католицизма. Прежній пессимизмъ уже давно покинулъ сферу самосознанія, но въ бессознательныхъ тайникахъ души еще остается выработанный вѣками психическій механизмъ, который требуетъ той же иллюзіи, того же утѣшенія.

Но нигдѣ этотъ атавизмъ не проявляется съ большею силою, чѣмъ въ самомъ Жюль Сури. „Чѣмъ дольше я живу,—говоритъ онъ,—тѣмъ болѣе я люблю жизнь монаховъ, и несмотря на то, что я не имѣю утѣшенія въ вѣрѣ, я чувствую себя истиннымъ христіаниномъ во всемъ, что касается правила жизни; я чувствую

себя членомъ той церкви, въ которой я родился, и въ которой я умру,—римско-католической, апостольской церкви“.

Онъ самъ даетъ идеальный діагнозъ своего душевнаго состоянія, примѣняя къ себѣ формулу Экспера: „Es denkt in mir“. Дѣйствительно, въ немъ думаетъ и чувствуетъ монахъ, точно также какъ въ большинствѣ французскихъ націоналистовъ подъ вліяніемъ извѣстнаго воспитанія говорить и дѣйствуетъ рядъ предковъ. И этотъ голосъ предковъ, который воевъ назадъ, какъ нельзя рельефнѣе иллюстрируетъ возможность католической реакціи во Франціи.

Наконецъ, третій элементъ, который оказалъ сильное вліяніе на міросозерцаніе Сури, имѣетъ для нашего времени еще болѣе жизненное значеніе. Мы говоримъ о его горячей привязанности къ отцу и къ матери, а въ ихъ лицѣ—къ традиціямъ семьи. Какова психологическая связь этого чувства съ атавизмомъ французской націи, мы не беремся разобрать, но фактъ тотъ, что нельзя встрѣтить француза, для котораго его мать не была бы исключительнымъ существомъ и „святою женщиною“. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого преувеличенія, когда Жюль Сури говоритъ, что „для человѣка нѣтъ большаго несчастья, чѣмъ потерять свою мать“... „Мы знали, что она умретъ,—говоритъ онъ,—но мы этому не вѣрили. Мы желали видѣть ее живою, желали всею силою нашего эгоизма. Теперь, разъ она умерла, мы сами умремъ скорѣе... Весь міръ представляется намъ въ другомъ видѣ. Мы впервые сознаемъ, что это лишь банальное убожество для временной остановки. Ничто насъ болѣе не трогаетъ. Мы продолжаемъ жить по инерціи, стараясь дѣлать это какъ можно лучше, чтобы почтить дорогую намъ память единственнаго существа, которое насъ любило“. Въ этихъ словахъ выражается чисто французскій взглядъ и свойственныя большинству французовъ чувства. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что та же экальтивированная любовь переносится и теперь на всю атмосферу семейной жизни, на семейныя и расовыя традиціи. И вотъ еще одинъ могущественный факторъ, который, независимо отъ клерикальнаго воспитанія, привязываетъ человѣка къ его прошлому и развиваетъ въ немъ наслѣдственные инстинкты.

Подъ вліяніемъ этихъ трехъ факторовъ и выработалось то правило жизни, которое Жюль Сури резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „единственная норма, которая существуетъ для человѣка, это—традиція его предковъ, обычаи его семьи, правила жизни, передаваемыя отъ отцовъ къ дѣтямъ. Повинуясь инстинктамъ любви и преклоненія передъ тѣми, отъ кого онъ

произошелъ, человекъ исполняетъ свой долгъ, весь свой долгъ". И прямымъ послѣдствіемъ этой узкой расовой морали является ненависть ко всѣмъ носителямъ другого идеала, къ протестантамъ, не менѣе чѣмъ къ евреямъ, ко всѣмъ носителямъ новыхъ идей, къ социалистамъ точно также, какъ къ франмасонамъ. Въ завершеніе характеристики самого Жюля Сури слѣдуетъ прибавить, что въ современныхъ условіяхъ онъ не видитъ шансовъ для конечнаго торжества своего идеала. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ должнымъ бороться за него, бороться безъ надежды на побѣду, въ силу инстинктивнаго стремленія человека къ самозащитѣ. И среди этой мрачной жизни, которая для него не имѣетъ ни смысла, ни цѣли, онъ избираетъ себѣ героически девизъ: умереть съ достоинствомъ—*decenter mori!*

На фонѣ современной жизни трагическая личность Жюля Сури воплощаетъ въ себѣ весь кризисъ, переживаемый Франціей. Атеистъ и католикъ: съ одной стороны—вся сила критической мысли, съ другой стороны—полное господство наслѣдственныхъ инстинктовъ. Который изъ двухъ принциповъ одержитъ верхъ? Это—загадка будущаго. Но чего можно ожидать отъ людей средняго развитія, которые воспитывались въ клерикальной школѣ, когда такой сильный мыслитель безъ всякаго швольнаго вліянія обазывается рабомъ наслѣдственныхъ инстинктовъ? Когда знакомишься съ личностью Жюля Сури, когда видишь на его примѣрѣ психическій атавизмъ французской расы,—становится понятнымъ и патологическое состояніе, овладѣвшее французами во время процесса Дрейфуса, и голоса ненависти къ наукѣ и къ прогрессу, раздающіеся теперь изъ лагеря націоналистовъ, и возможность роковой для будущаго страны католической реакціи во Франціи.

Но для того, чтобы оцѣнить настоящее положеніе вещей, надо имѣть въ виду тѣ мѣры, которыя приняло республиканское правительство для борьбы съ реакціей.

Самая послѣдовательность этихъ мѣръ представляется съ вашей точки зрѣнія чрезвычайно характерною: она отрываятъ намъ, какъ силою вещей законодатель былъ принужденъ бороться не съ идеями, а съ патологическимъ основаніемъ послѣднихъ, и является, такъ сказать, провѣркою высказаннаго нами взгляда.

Насколько государство бессильно противъ идей, настолько оно способно проявить свое вліяніе на социальную среду, въ которой онѣ зарождаются. Такою средою въ данномъ случаѣ являются конгрегаціи и клерикальныя школы. Законъ 11-го іюля

1901 года остановилъ свободное развитіе конгрегацій, возложивъ на нихъ обязанность испрашивать разрѣшеніе государственной власти. Само собою разумѣется, что въ будущемъ такое разрѣшеніе врядъ ли будетъ дано, но и по отношенію къ тѣмъ конгрегаціямъ, которыя уже существовали безъ формальнаго разрѣшенія, закону было сообщено обратное дѣйствіе. Послѣдовало закрытіе цѣлаго ряда конгрегацій и выселеніе ихъ изъ Франціи. вмѣстѣ съ тѣмъ были закрыты и принадлежавшія имъ школы при громкихъ протестахъ всего клерикальнаго міра. Но эта мѣра оказалась безусловно недостаточною. При существованіи режима Фаллу, частныя лица могли отерывать школы и поручать въ нихъ преподаваніе патерамъ. Вторымъ этапомъ въ этомъ направленіи явился законъ 1903 года, который отмѣнилъ явочный порядокъ открытія школъ и установилъ принципъ предварительнаго разрѣшенія. Однако и эта мѣра не достигала конечной цѣли. Во-первыхъ, въ странѣ оставался обширный очагъ клерикализма въ школахъ тѣхъ конгрегацій, которыя существовали на основаніи старыхъ грамотъ. Во-вторыхъ, оставались открытыми многочисленныя обходы закона посредствомъ подставныхъ лицъ и анонимныхъ обществъ во главѣ новыхъ школъ.

Подъ вліяніемъ этихъ затрудненій въ радикальномъ лагерѣ началась сильная агитація въ пользу изытія школьнаго дѣла отъ частныхъ лицъ и установленія государственной монополіи.

Всѣмъ еще памятны возникшія по этому поводу горячія пренія, въ которыхъ консерваторы защищали свободу преподаванія, а либералы требовали ея уничтоженія. Однако принятіе такой насильственной мѣры оказалось излишнимъ, благодаря проведенію новаго закона, который дополнилъ предыдущій и измѣнилъ юридическую конструкторію всего дѣла. Только законъ 7-го іюля 1904 г. и явился радикальною мѣрою, проведя тотъ принципъ, что „всякое лицо, принадлежащее къ монашеской конгрегаціи, лишается права преподавать во Франціи“.

Съ перваго взгляда онъ могъ показаться страннымъ и даже недѣйствительнымъ. Вѣдь и внѣ конгрегаціи могутъ найтись фактическіе клерикалы и реакціонеры, какъ мы только-что видѣли на примѣрѣ Сури? Въ дѣйствительности, однако, такая постановка вопроса единственно-возможная и безусловно правильная. Только теперь примѣненіе закона 1903 г. станетъ нормальнымъ. Дѣйствительно, разрѣшеніе на открытіе школы можетъ быть подзинено лишь формальнымъ условіемъ. Нельзя же входить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ разсмотрѣніе по существу, является ли проситель республиканцемъ или реакціонеромъ?

Вѣдь это была бы система произвола. Такимъ формальнымъ условіемъ и будетъ непринадлежность къ религиозной конгрегаціи, распространяемая на начальника школы и на учителей. А затѣмъ, хотя бы они, каждый въ отдѣльности, по своему внутреннему убѣжденію, были клерикалами или ретроgrадами, это уже правительства не касается. Тутъ государство безсильно. Всякій разъ, какъ государство посягало на индивидуальную мысль, на свободу совѣсти, оно дѣлало ошибку, и законъ 1903 г., вмѣнявшій въ обязанность давать разрѣшеніе лишь истиннымъ республиканцамъ, не устанавливая формальнаго признака этого понятія, грозилъ превратиться въ систему произвола. Но коллективныя формы существованія подлежатъ прямому воздѣйствію государства и съ точки зрѣнія социологіи представляютъ не фикцію, не совокупность индивидуальныхъ дѣйствій ихъ членовъ, а самостоятельный, могущественный факторъ, реальную среду, въ которой зарождаются идеи. Принадлежность въ такой средѣ и есть формальный признакъ, совершенно независящій отъ внутренняго убѣжденія.

Такимъ образомъ, силою вещей правительство было принуждено перенести свое воздѣйствіе съ индивидуума на среду, какъ бы подтверждая высказанное нами мнѣніе, что въ этой средѣ, въ ея моральной атмосферѣ, въ ея патологическомъ впливѣ заключается главный источникъ зла. Поэтому мы должны признать, что для борьбы съ реакціей сдѣлано все, что можно было сдѣлать. Разрушенъ главный очагъ заразы, въ которомъ „атавизмъ“ французской расы становился препятствіемъ къ ея прогрессу. Правда, бывшіе конгрегаціонисты и на свѣтской каеедрѣ сохранять свой прежній духъ, но это зло не можетъ развиваться, оно исчезнетъ вмѣстѣ съ настоящимъ повольтніемъ. Самое главное— что новые, молодые конгрегаціонисты будутъ лишены возможности выработать изъ своей среды учителей. Оставаясь въ немногочисленныхъ конгрегаціяхъ, существующихъ на основаніи старыхъ грамотъ, они будутъ обречены на созерцательный образъ жизни и лишены прямого вплива на молодежь. Но дѣйствіе этого закона скажется лишь въ будущемъ. Пока же намѣченные нами элементы реакціи остаются въ полной силѣ. Ихъ надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ всѣхъ текущихъ событій во Франціи. Оставаясь скрытыми въ нѣдрахъ народной жизни, они проявляются наружу въ самыхъ неожиданныхъ разнообразныхъ формахъ. Такимъ проявленіемъ была послѣдняя книга Брюнетьера „На стезяхъ вѣры“. Такимъ проявленіемъ былъ недавній скандалъ, поднятый разоблаченіемъ доносовъ въ арміи. Опубликован-

ныя по этому поводу документы привлекли вниманіе не только системою доносовъ, практиковавшихся въ военномъ министерствѣ для убѣжденія въ республиканской благонадежности офицеровъ, но и содержащимися въ этихъ доносахъ свѣдѣніями: громадное количество офицеровъ оказалось въ рядахъ антиреспубликанской, реакціонной партіи. Поставленный на очередь вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства несомнѣнно вызоветъ новое проявленіе клерикальной реакціи. Такимъ образомъ, подъ вѣдшимъ разнообразіемъ политическихъ и общественныхъ явленій скрывается все та же проблема: борьба „атавизма“ старой расы съ необходимостью прогресса и приспособленія къ новымъ жизненнымъ условіямъ. Въ этой борьбѣ рѣшающее значеніе принадлежитъ школѣ, а отъ разрѣшенія ея зависитъ критическій для Франціи вопросъ,—опустится ли она на уровень Испаніи, или вступить въ новый фазисъ романской культуры?..

Н. Костылевъ.

Парижъ.

МОЙ ДНЕВНИКЪ

НА

ВОЙНЪ 1877-78 ГОДОВЪ.

1877-ой годъ.

IV *).

8 ноября—6 декабря.

8 ноября.—Получена телеграмма князя Карла изъ Порадима: румынскимъ батареямъ въ Калафатѣ удалось, послѣ 5-ти-часовой стрѣльбы, потопить турецкій броненосецъ. Бомба пробила мостикъ, попала въ передовой трюмъ, произвела взрывъ и броненосецъ затонулъ.

Получена телеграмма Цесаревича, что вчера, въ 9 час. утра, турки атаковали наши передовыя позиціи Пиргось, Ханъ-гюльчесма и между Чифликъ и Трестеникъ, но послѣ упорнаго боя были отбиты на всѣхъ пунктахъ къ 6 час. вечера.

Въ числѣ раненыхъ—генеральнаго штаба полковникъ Штрикъ, въ шею.

¹⁾ См. выше: май, стр. 5.

9 ноября. — Холодъ, дождь, туманъ. Получена телеграмма князя Карла о взятіи румынами Рахова 7-го ноября. Командовалъ румынами полковникъ Сланчано. Потеря серьезная: убито 5 офиц. и 76 нижн. чиновъ, ранено 4 офиц. и 139 нижн. чиновъ.

Отъ Гурко получено свѣдѣніе, что Орханія и Этрополь сильно заняты: собирается атаковать.

Вчера привели 30 человекъ плевнинскихъ дезертировъ. Всѣ исхудалые, оборванные, всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что съѣстные припасы на исходѣ, зарядовъ мало (только патроновъ достаточно), больныхъ и раненныхъ много; отъ нашего артиллерійскаго огня вредъ весьма чувствительный. Въ числѣ дезертировъ были два породистыхъ негра изъ Судана, взятыхъ въ солдаты, по ихъ словамъ, насильно, три мѣсяца тому назадъ. Этихъ негровъ Великій Князь отправляетъ въ Петербургъ, въ свой дворецъ.

Вчера, по мысли князя Имеретинскаго, посланъ полковникъ Фрезе къ командиру гренадерскаго корпуса И. С. Ганецкому, съ специальною цѣлью придерживать его за фалды. По словамъ князя Имеретинскаго, И. С. Ганецкій все время горячится и суетится, и никто его успокоить не можетъ. Своего начальника штаба не слушаетъ, такъ какъ отъ подчиненныхъ ему лицъ ни мѣній, ни совѣтовъ не принимаетъ. Къ нему нужно приставить человека непременно изъ главной квартиры, отъ высшаго начальства: тогда будетъ слушать, хотя бы это былъ корнетъ.

Выборъ палъ на Фрезе, какъ на человека веселаго, уживчиваго, покладистаго, который съумѣетъ и съ Ганецкимъ поладить, и самолюбіе его начальника штаба не задѣтъ.

10 ноября. — Сегодня у насъ завтракалъ князь Карлъ: сіяетъ, счастливъ, что румынамъ удалось взять Рахово. Великій Князь провозгласилъ тостъ за румынскую армію; князь Карлъ отвѣтилъ тостомъ за Великаго Князя и нашу армію.

Вчера былъ весьма интересный случай, заслуживающій подробнаго описанія.

Два офицера, прикомандированные къ штабу Тотлебена (л.-гв. литовскаго полка поручикъ Рябинкинъ 2-й и л.-гв. волынскаго полка поручикъ Куткинъ) ѣхали обратно въ Тученицу изъ Медована, гдѣ были на полковомъ праздникѣ л.-гв. литовскаго полка 8-го ноября и тамъ заночевали. Вчера, въ 3 часа дня, вслѣдствіе густого тумана, заблудились и попали въ турецкія траншеи. Долго ѣхали вдоль траншей съ тыловой стороны, видѣли солдатъ въ башлыкахъ, которыхъ въ туманѣ сочли

за своихъ, а тѣ тоже не обращали на нихъ вниманія. Вѣхали, наконецъ, въ какое-то укрѣпленіе и окликнули по-русски солдатъ, намѣреваясь разспросить, куда они понали. Турки подошли, что-то загалдѣли и окружили ихъ. Наши молодцы тотчасъ напались: выхватили платки и замахали ими, а затѣмъ навязали ихъ себѣ на рукава. Подошелъ турецкій офицеръ и спросилъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, что имъ надо. Они надумали отвѣтить ему, что прислали генераломъ Каталеемъ просить о прекращеніи огня до завтрашняго вечера на этомъ участкѣ, по случаю полковыхъ праздниковъ двухъ гвардейскихъ полковъ. Турецкій офицеръ послалъ доложить пашѣ, а нашихъ офицеровъ и сопровождавшаго ихъ казака пригласилъ слѣзть съ лошадей. Собралась цѣлая вучка турецкихъ офицеровъ, окружила ихъ и завела оживленный разговоръ: кто по-французски, кто по-нѣмецки, кто даже по-русски и, вонечно, на всѣхъ трехъ языкахъ черезъ пень-колоду. Нѣкоторые по нѣскольку разъ спрашивали: „Царь? миръ?“ Наконецъ, пріѣхалъ паша, серьезный и осанистый: выслушалъ нашихъ офицеровъ, приказалъ имъ сѣсть верхомъ и слѣдовать за нимъ. Поѣхали съ замирающими сердцами, не зная, повѣрятъ ли ихъ выдумѣ. Неудобство положенія усложнялось еще тѣмъ, что на одномъ изъ нихъ была сумка съ бумагами, въ числѣ коихъ—подробная дислокація гренадерскаго корпуса на лѣвомъ берегу Вида. Тутъ же, на глазахъ турецкаго конвоя, офицеръ снялъ сумку съ себя и передалъ казаку, чтобы повѣсилъ ее черезъ плечо, въ надеждѣ, что на немъ не обратятъ вниманія. Доѣхавъ до какой-то палатки, уже совершенно въ виду Плевны, паша приказалъ имъ всѣмъ слѣзть и вмѣстѣ съ казакомъ войти въ палатку. По этому поводу они нашли умѣстнымъ вломиться въ амбицію и протестовать, говоря, что казаку нельзя быть въ одной палаткѣ съ ними: его мѣсто при лошадяхъ. Это турки поняли и велѣли казаку выйти.

Спустя нѣкоторое время, вошелъ въ палатку тотъ же паша, подробно ихъ опросилъ, все записалъ, составилъ еще какую-то записку и, отославъ ее, объявилъ, что теперь надо переждать отвѣта отъ Османа-паши. Вошло еще нѣсколько турецкихъ офицеровъ. Завязался опять общій разговоръ на ломаномъ смѣшеніи языковъ. Угостили кофе и галетами; угостили также и казака. Офицеры старались поддерживать непринужденную бесѣду, а между тѣмъ все время душа уходила въ пятки: а что, какъ вдругъ съ нашей стороны откроютъ огонь? Тогда обманъ вполне обнаружится, и за него придется дорого поплатиться. Къ счастью, этого не случилось.

Ждали очень долго. Самому папѣ наскучило: онъ написалъ и послалъ вторую записку. Истопивъ всѣ темы для общей бесѣды, турки заговорили между собою по-своему и начали пересмѣиваться. При этомъ паша раза два повторилъ тѣ два-три русскихъ слова, которыя наши офицеры крикнули турецкимъ солдатамъ, когда подѣхали. Хотя въ этихъ словахъ и не было ничего особеннаго, но нашимъ все-таки стало жутко: очевидно, рѣчь шла все время о нихъ. Наконецъ, они рѣшились попросить, чтобы имъ дали какой-нибудь отвѣтъ и отпустили поскорѣе: ихъ ждуть. „Подождите еще немножко, отвѣтъ будетъ“, — отвѣчалъ паша, продолжая пересмѣиваться со своими. Однако, написалъ и отправилъ третью записку. Наконецъ, около 8 часовъ вечера, привезли отвѣтъ. Паша прочелъ его и объявилъ, что Османъ-паша согласенъ, но если съ нашей стороны будетъ хотя одинъ выстрѣлъ, то и турки откроютъ огонь. Камень съ души свалился. Офицеры едва смогли заставить себя встать, проститься и поблагодарить, не торопясь, съ соблюденіемъ всѣхъ восточныхъ церемоній. Овладевъ собой, они медленно сѣли на коней, еще разъ раскланялись и поѣхали шагомъ, подъ конвоемъ. Турки довели ихъ до сторожевой цѣпи, указали направленіе, а сами поѣхали вправо и влѣво по цѣпи, вѣроятнo для предупрежденія часовыхъ, чтобы не стрѣляли.

Ѣхали наши офицеры минутъ десять и слышали русскій говоръ и стукъ топоровъ: солдатки сторожевой цѣпи прусскаго полка рубили вустарникъ на дрова. Томленіе кончилось: они были дома.

Великій Князь, узнавъ объ этомъ приключеніи, пожелалъ сегодня видѣть обоихъ офицеровъ и выслушать ихъ рассказъ. Я записалъ его подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ. Великій Князь поблагодарилъ обоихъ за находчивость, оговоривъ, однако, что по настоящему слѣдовало бы ихъ наказать за злоупотребленіе парламентарствомъ.

11 ноября. — Сегодня, несмотря на туманъ, поѣхали на редутъ смотрѣть бомбардированіе Плевны. Разумѣется, ничего не видали.

Подъ впечатлѣніями взятія Карса и нашихъ недавнихъ успѣховъ, у Великаго Князя возродилась несчастная мысль опять штурмовать Плевну для ускоренія ея сдачи. Старикъ Неповойчичевъ тоже сочувственно относится къ этой легкомысленной и опасной идеѣ. М. Д. Скобелевъ горячо работаетъ въ этомъ же направленіи. Прихожу въ ужасъ при мысли о возможности осу-

шествленія этого безумія. Это значить—поставить всю участь кампаніи на одну карту, которая почти навѣрняка будетъ бита.

Во-первыхъ, у насъ только одинъ Скобелевъ и умѣть водить войска на штурмъ. Онъ и самъ это знаетъ, потому такъ и подзадориваетъ къ штурму. Въ случаѣ успѣха—конечно, онъ сдѣлается и въ глазахъ всей Россіи тѣмъ же полубогомъ, какимъ онъ уже сдѣлался для своихъ подчиненныхъ, и не только солдатъ, но и офицеровъ. Во-вторыхъ, у насъ едва хватаетъ войскъ для тѣснаго обложенія Плевны: нѣтъ ни одного лишняго человѣка. Резерва—никового: ни для плевнинскихъ войскъ, ни общаго. Слѣдовательно, въ случаѣ неудачи—придется снять блокаду. Въ-третьихъ, туркамъ штурмъ на руку: они уже увѣрены, что отобьютъ его опять. Если 25 гвардейскихъ батальоновъ едва могли взять Горный Дубнякъ, занятый 5—7 турецкими таборами,—какіе же шансы взять Плевну, уже трижды отъ насъ отбившуюся? Въ-четвертыхъ, наши войска сами извѣрились въ штурмахъ. Прикажутъ—конечно, пойдутъ, но не только безъ увѣренности, но даже безъ надежды на успѣхъ.

Совершенно увѣренъ, что то же самое скажутъ всѣ наши генералы, кромѣ Скобелева.

Содрогаюсь при мысли о возможности повторенія прежнихъ увлеченій. Лучше сидѣть подъ Плевной хоть до весны, только не искушать судьбу. Плевна падетъ сама собою: надо только вооружиться терпѣніемъ.

13 ноября, воскресенье.—Получены два радостныхъ извѣстія: взяты съ боя правая позиция (11-го) Раухомъ и г. Этрополь (12-го)—Дандевилемъ.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ извѣстій—новый фантастическій планъ, составляющій пока глубочайшій секретъ. Сидѣть здѣсь и терпѣливо выжидать паденія Плевны—наскучило. Явилась такая мысль: если Гурко удастся занять Софію, то ѣхать къ нему (предоставивъ Тотлебену покончить съ Плевной) и вмѣстѣ съ нимъ идти отъ Софіи къ Казанлыку, въ тылъ арміи Реуфа-паши, осаждающей Шипку.

Это такое же наѣздничество, какъ поѣздка наша въ Тырновъ вслѣдъ за передовымъ отрядомъ того же Гурко, впереди всего 8-го армейскаго корпуса и подъ прикрытіемъ одного только эскадрона лейбъ-казаковъ.

Если эта мысль осуществится, то это равносильно оставленію поста главнокомандующаго. Немыслимо управлять общимъ ходомъ военныхъ дѣйствій, находясь при отрядѣ, предпринимающемъ дальній и кружный обходъ.

Еслибы въ Великомъ Князѣ не было прирожденной непосѣдливости и неутомимости, то онъ самъ бы понималъ, что главнокомандующему нельзя обращаться въ искателя сильныхъ ощущеній и вообще новыхъ впечатлѣній. Главнокомандующему надо мѣнять мѣсто пребыванія лишь въ крайней необходимости. Множество дѣлъ, отъ него зависящихъ, всѣ останутся съ его отъѣздомъ, въ особенности при установившемся уже обыкновении скакать впередъ съ однимъ летучимъ штабомъ, оставляя далеко позади себя всѣ полевые управления. Бъ сожалѣнію, всѣ эти соображенія не имѣютъ цѣны въ глазахъ Великаго Князя. Ему наскучило подъ Плевной: всѣ позиціи, до траншей включительно, онъ объѣзжалъ, кровавые уроки позабыты, ибо заслонились новѣйшими успѣхами и особенно взятіемъ Карса. Не будь здѣсь Государя и Тотлебена, онъ не устоялъ бы передъ соблазномъ четвертаго штурма Плевны. А такъ какъ мало надежды на Высочайшее согласіе штурмовать, то и явилась мысль уѣхать изъ-подъ Плевны къ Гурко.

Одинъ Непокойчицкій могъ бы сдерживать порывы Великаго Князя и направлять съ пользою для дѣла его энергію. Но онъ такъ влюбленъ въ него, что самъ покоряется его обаянію и почти никогда ему не преклословитъ. Даже удивительно, до чего податливъ этотъ старый, многоопытный и несомнѣнно умный человѣкъ. Обаятельная личность Великаго Князя совершенно загибнотизировала его: у него нѣтъ своей воли.

При такихъ условіяхъ наши дѣла всегда будутъ висѣть на волоскѣ. Одна вздорная случайность, вродѣ неудачи 8 іюля подъ Плевной, можетъ все испортить. Ибо, при отсутствіи обдуманности и послѣдовательности, мы легко теряемся, а вслѣдствіе этого спѣшимъ и второпяхъ дѣлаемъ такіе промахи, поправлять которые потомъ трудно и долго.

Великій Князь уже третій день ведетъ какіе-то таинственные разговоры съ Непокойчицкимъ и Нелидовымъ. Послѣдній ѣдетъ завтра въ Бухарестъ, по Высочайшему повелѣнію, для переговоровъ съ княземъ Горчаковымъ. По слухамъ изъ императорской главной квартиры, Государь собирается уѣхать въ Петербургъ, какъ только будетъ взята Плевна.

Сегодня получилъ письмо отъ Тэвиса (нашего шпіона) изъ Константинополя. Пишетъ, что возобновилъ старое знакомство съ Клапкой и даже поселился рядомъ съ нимъ. Клапка старается поддержать въ туркахъ духъ борьбы „à outrance“, но духъ этотъ уже сильно падаетъ (письмо писано еще до взятія Карса). Въ Константинополѣ— сильное волненіе: Махмудъ-Дамадъ отравленъ;

почти открыто поговариваютъ о низверженіи султана. Клапца хочетъ принудить его призвать опять къ дѣламъ Митхада-пашу. Тэвись уже являлся великому визирю, который принялъ его весьма привѣтливо и даже, будто бы, предложилъ поступить въ турецкую армію прежнимъ чиномъ генераль-лейтенанта, съ прикомандированіемъ къ главному штабу. Онъ просилъ отвѣчать ему черезъ Парижъ „да“ или „нѣтъ“.

По докладѣ этого письма Великому Князю, онъ возилъ его сегодня же читать Государю и, по возвращеніи, приказалъ отвѣчать согласіемъ. Посему я телеграфировалъ: „Paris. Monmartre. Rue Lepic, 93. Madame Angèle Vallier. Oui“.

Посмотримъ, выйдетъ ли изъ этого толкъ.

14 ноября.—Буря съ мокрымъ снѣгомъ и дождемъ. У насъ въ кибиткѣ весь день 2⁰ тепла. Топить нашу земляную печку невозможно; вѣтеръ вгоняетъ дымъ назадъ въ кибитку.

Генераль-контролеръ Черкасовъ заболѣлъ черною оспою.

О проектѣ ѣхать вслѣдъ за „Гурейнымъ-генераломъ“ (такъ прозвали его солдаты) сегодня ничего не слышать.

Всю ночь и сегодня весь день свирѣпствуетъ снѣжная буря. Ночью и рано утромъ температура въ нашей кибиткѣ упала до 0.

Вчера вечеромъ была получена телеграмма Государя: „Саша телеграфируетъ, что турки снова наступали на Мечку и Пиргось. Подробности ему еще не были извѣстны“.

Сегодня получено извѣстіе, что вся позиція 12-го корпуса у Трестенива и Мечки была сильно атакована турками, но атака отбита великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Государь пожаловалъ великому князю орденъ св. Георгія 3-й степени.

16 ноября.—Получилъ копію съ телеграммы сербскаго уполномоченнаго князю Милану: котораго именно числа она отправлена—не видно, а самого Катаржи не видалъ. Судя по содержанію—не ранѣе 13-го, ибо въ ней упоминается о взятіи Этрополя.

„Бѣлградъ, его высочеству князю сербскому:

„По приказанію е. и. в. главнокомандующаго представляю в. в. слѣдующій планъ кампаніи:

„Сербскія войска, выступивъ изъ Княжеваца, перейдутъ границу и двинутся по дорогамъ на Софію и на Акпаланку. Первымъ предметомъ дѣйствій долженъ быть Пироть: главныя силы должны наступать туда черезъ Мериноцы, Яловинъ-Изворъ и

Церево. Посему, для своего обезпеченія, необходимо занять Бабиную-Главу, овладѣть проходомъ св. Николая и укрѣпить его. Достигнувъ Пирота, нужно послать нѣсколько отрядовъ для овладѣнія берковацкимъ проходомъ на софійской дорогѣ и для открытія связи съ гвардейскою кавалеріею; имѣя неослабно въ виду главную цѣль—Софію. Я уже сообщалъ в. в. о взятіи Правца и Этрополя. Надо ожидать, что въ скоромъ времени попадутъ въ наши руки Орханія и ея проходъ.—*Полковникъ Катаржи*“.

По имѣющимся свѣдѣніямъ, сербская армія состоитъ изъ 4-хъ корпусовъ ¹⁾: 1) шумадійскій Протича, около 5.000 чел.; 2) моравскій изъ 13.000 чел.; 3) дринскій, Ранко-Алимпича, 12.000 чел., и 4) тимокскій, Хорватовича, 12.000 чел. Всего 28.000 чел. при 140 орудіяхъ. Кавалеріи почти вовсе нѣтъ.

Сегодня погода чудная. По этому случаю состоялась поѣздка на тученицкій редутъ, куда пріѣхалъ и Государь со свитою. Посмотрѣли, какъ стрѣляютъ сосредоточенными залпами по Плевнѣ, позавтракали и вернулись домой.

17 ноября.—Сегодня заходилъ Катаржи къ Левицкому для переговоровъ по поводу предстоящей сербской коопераціи. Слушая ихъ, я убѣдился, что положеніе сербской арміи довольно печальное, а свѣдѣнія Катаржи—весьма недостаточныя. Ясно одно, что ни прочной организаціи, ни денегъ нѣтъ и что военное содѣйствіе сербовъ невозможно безъ денежной отъ насъ субсидіи, которая въ принципѣ уже предрѣшена.

Получены подробныя свѣдѣнія о взятіи Этрополя и Орханіи, о несчастномъ, но геройскомъ дѣлѣ лейбъ-драгунъ подъ Навачиномъ и о занятіи Румынами Ломъ-Паланки.

18 ноября.—Получена слѣдующая телеграмма Стюарта изъ Бухареста: Ахмедъ-Эюбъ назначается вмѣсто Реуфа-паши, который принимаетъ начальство надъ сосредоточенною въ Адрианополѣ резервною арміею, около 150.000 чел. Мехмедъ-Али-паша въ Софіи: тамъ 6 таборовъ и ожидается еще 9 изъ Берковаца, Врацы, Тетевеня и со стороны Балканъ, а также гарнизоны Акпаланки, Бабиной-Главы, Ниша, 2 табора изъ Ускюба и 12 сирійскихъ. 1-го ноября прошла черезъ Новибазаръ 2-я боснійская дивизія, состоящая изъ 1 баталіона стрѣлковъ, 4-хъ баталіоновъ граничаровъ, 8 баталіоновъ редифа, 2 полковъ регулярной конницы, 650 башибузуковъ и черкесовъ, 4-хъ батарей и 2-хъ горныхъ орудій.

¹⁾ Корпуса дѣлятся на бригады различнаго состава.

20 ноября. — Получено извѣстіе, что турки очистили безъ боя сильно укрѣпленныя позиціи у Врачеша и Лютикова и отступили къ Софіи. 17-го ноября наши войска заняли оставленныя позиціи, а 18-го — Арабъ-Конакъ. 18-го же отрядъ генераль-маіора Арнольди занялъ черкесскую Кривину на р. Цибръ и Кутловицу на шоссе изъ Ломъ-Паланки въ Берковацъ, войдя въ связь съ румынами, занимающими Ломъ-Паланку, и съ нашимъ отрядомъ, занимающимъ Врацу.

Отъ Анжели Валлѣ (парижскаго агента нашего шпіона Тэвиса) получено извѣстіе, немедленно сообщенное Гурко: Мехмеду-Али приказано идти съ 48 таборами на освобожденіе Плевны, изъ Орханіи и Берковаца. — Это или запоздалое извѣстіе, или просто вздоръ.

21 ноября. — Вчера вернулся изъ Петербурга флигель-адъютантъ полковникъ Кладищевъ и привезъ самыя возмутительныя свѣдѣнія о тамошнихъ сплетняхъ и пересудахъ.

Великаго Князя громко и рѣзко бранятъ, не стѣсняясь. Войну клянутъ. Къ неудачамъ нашихъ войскъ относятся съ злобнымъ торжествомъ, какъ будто это войска неприятельскія. Высшіе сановники не только потворствуютъ этому растлѣнному направленію, но сами подаютъ примѣръ. Изъ среды *высшаго* общества пущена въ ходъ злобная острота: „нынѣшняя война — неудачный пивникъ дома Р“. Къ военнымъ бюллетенямъ придираются: то ропщутъ на недостаточность свѣдѣній, то на извѣщенія, что все спокойно и ничего новаго нѣтъ. А по поводу одной телеграммы, въ которой было сказано между прочимъ: „всюду холодъ и ненастье, на Балканахъ снѣгъ идетъ“, сейчасъ же сочинили и пустили въ ходъ ругательное четверостишіе, о которомъ предпочитаю умолчать.

Про Непокойчицкаго говорятъ, что онъ, купно съ еврейскимъ товариществомъ, моритъ армію голодомъ. О Левицкомъ — что онъ получилъ взятку отъ Османа-паши, и поэтому Плевна не сдастся. Всей этой бессмыслицѣ охотно вѣрятъ.

По словамъ Кладищева, весьма видная роль въ распространеніи гнусныхъ сплетенъ принадлежитъ раненымъ офицерамъ, привезеннымъ въ Петербургъ. Они очень озлоблены, что имъ награды долго не выходятъ, тогда какъ адъютантамъ и ординарцамъ Великаго Князя ихъ даютъ немедленно. Это справедливо: адъютанты и ординарцы увѣшаны орденами, а строевые офицеры до сихъ поръ не получили наградъ даже за вторую Плевну, т.-е. за 18-е іюля. Для ординарцевъ и адъютантовъ сочинено

здѣсь очень мѣткое прозвище (пущено въ ходъ, кажется, капитаномъ С.): „Тряпичкины-очевидцы“.

Кладищевъ, издавна дружный съ Левицкимъ, откровенно и при мнѣ высказалъ ему, какое озлобленіе существуетъ противъ него въ Россіи. На него взваливаютъ отвѣтственность рѣшительно за все. Отказаться отъ своего мѣста ему, между тѣмъ, нельзя, ибо тогда уже никого и никогда не разубѣдишь въ томъ, что онъ чуть не преступникъ. Ему слѣдовало бы уйти въ строй, какъ ему уже давно совѣтовалъ Раухъ, но онъ не рѣшается. А между тѣмъ это единственный почетный выходъ изъ того невыносимаго положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ своею былою заносчивостью и рѣзкостью.

22 ноября.—Сегодня у насъ завтракалъ Государь.

Вечеромъ около 9 ч. получена телеграмма Деллинггаузена, что сегодня въ 3 ч. дня онъ получилъ донесеніе князя Святополкъ-Мирскаго: тѣснимый турками, онъ отступилъ съ позиціи у дер. Марени и отбивается подъ Еленою отъ турокъ, окружающихъ его съ трехъ сторонъ. Деллинггаузенъ послалъ ему въ помощь 4-ю стрѣлковую бригаду и два полка 11-й пѣхотной дивизіи, а Радецкій выдвинулъ въ Тырновъ два баталіона волынскаго полка съ батареею. Въ то же время турки атаковали и нашу кесаревскую позицію на османъ-базарской дорогѣ, но нашъ кесаревскій авангардъ удержался.

Получивъ эту телеграмму, Великій Князь немедленно приказалъ передвинуть на османъ-базарскую дорогу одну бригаду 26-й пѣх. дивизіи изъ Чаиркюя и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Цесаревича поддержать Деллинггаузена чѣмъ можно.

Ночью меня разбудилъ самъ Неповойчицкій, вручалъ вторую телеграмму Деллинггаузена и велѣлъ идти съ нею къ Великому Князю. Телеграмма эта, переданная въ 11 ч. 55 м. вечера, гласила:

„Получена записка отъ начальника еленинскаго отряда отъ 4 ч. пополудни: „13 и 15 стрѣлковые баталіоны, по моему приказанію, послѣ привала въ Федабеѣ, двинутся къ позиціи къ Явовцамъ, о чемъ вмѣстѣ съ симъ отправлено приказаніе“.—Сейчасъ получилъ отъ Ванновскаго увѣдомленіе, что и 2-я бригада 26-й пѣх. дивизіи у Водицы будетъ смѣнена завтра войскамъ Цесаревича, и тогда я направлюсь также на поддержку еленинскаго отряда“.

Великій Князь, котораго я разбудилъ, прочелъ эту телеграмму и оставилъ ее у себя.

23 ноября.—Теплая буря. Цѣлый рядъ телеграммъ съ еленинской дороги.

Деллинггаузенъ телеграфировалъ:

1) Отъ 6 ч. сегодняшняго утра: „Телеграфное сообщеніе съ Еленой восстановлено. Князь Мирскій телеграфируетъ, что вчера съ 7 ч. утра до 3 пополудни отбивался отъ непріятеля силою отъ 20 до 30.000, а въ 3 часа пополудни начали очищать Елену и отступили съ боемъ на заблаговременно укрѣпленную позицію впереди ущелья у дер. Яковцы. Потери весьма значительны. На поддержаніе князя Мирскаго, кромя охотскаго полка и 4-й стрѣлковой бригады, направлены камчатскій полкъ и полкъ кавалеріи 13-й дивизіи. Якутскій полкъ дѣйствуетъ со стороны Златарицы. 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи прибыла въ Кадыкой и съ разсвѣтомъ (т.-е. сегодня) двинется къ Шеремету“.

2) Отъ 11 ч. 25 м. утра:

„Телеграфъ дѣйствуетъ отъ Тырнова только до монастыря св. Николая, гдѣ учрежденъ перевязочный пунктъ. Все, что было свободныхъ войскъ на османъ-базарской дорогѣ, отправлено князю Мирскому, и съ минуты на минуту жду подхода бригады 26-й дивизіи изъ Чаиркойя, которую тотчасъ отправлю къ нему. Отрядъ попрежнему занимаетъ позицію у Яковцы и бой повидимому не возобновленъ, такъ какъ выстрѣловъ съ той стороны не слышно. На сдѣланный мною князю Мирскому запросъ отвѣта еще не получилъ. Сію минуту получено донесеніе князя Мирскаго, что непріятель съ 8¹/₂ ч. утра началъ сильно наступать“.

Одновременно получена телеграмма Радецкаго отъ 11 час. 30 м. утра:

„Генералъ Деллинггаузенъ телеграфируетъ, что все, что у него было свободного, направлено къ Мирскому, который и съ этимъ едва-ли удержится, такъ какъ на него наступаютъ отъ 20 до 30 тысячъ. Послать что-либо еще изъ шипчинскаго отряда я не имѣю возможности и послыку одного-двухъ батальоновъ считаю совершенно бесполезною. Единимъ средствомъ для удержанія наступленія непріятеля, по моему мнѣнію, можетъ быть движеніе частей 11 и 13 корпусовъ во флангъ и тылъ наступающихъ турокъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи кавалеріи, я лишень возможности содержать связь между Тырновомъ и Дреновомъ и Габровомъ. Прошу ваше высочество прислать пока кавалерійскій полкъ, какъ для этой цѣли, такъ и для развѣдокъ, которыя, въ виду настоящихъ обстоятельствъ, крайне необходимы“.

Великій Князь отвѣчалъ Радецькому, что назначить требуемый полкъ не можетъ, а предлагаетъ Деллинггаузену назначить его изъ состава своихъ войскъ; въ случаѣ же крайности—обратиться въ Цесаревичу.

Соотвѣтствующаго содержанія телеграммы были посланы Цесаревичу и Деллинггаузену.

Цесаревичъ телеграфировалъ отъ 2-хъ ч. пополудни, что на смѣну 26-й пѣх. дивизіи присланы: въ Чаиркюй—2-я бригада 1-й пѣх. дивизіи съ уланскимъ полкомъ, на ковачицо-водицкую позицію—1-я бригада 32-й пѣх. дивизіи. Кроме того, въ Ковачицу посланъ 1-й пѣх. невскій полкъ, а остальные войска 13-го корпуса заняли позицію по Баничкуну-Лому.

Сегодня же получена телеграмма Гурко изъ Осикова отъ 10 ч. 40 м. утра:

„Турки, очищая деревни и города передъ наступленіемъ своихъ войскъ, убиваютъ жителей, болѣе важноточныхъ уводятъ съ собой, грабятъ, сжигаютъ и разоряютъ занимаемые нами районы. Надъ нашими ранеными, случайно попадающими въ ихъ руки, продолжаютъ неистовствовать. Прошу разрѣшенія объявить и приводить въ исполненіе репрессивныя мѣры. Думаю, что терроръ надо уничтожать терроромъ же“.

Содержаніе этой телеграммы было немедленно передано Государю въ Порадинѣ по телеграфу.

Получены сверхъ того телеграммы Гурко: 1) о занятіи 21 ноября златицкаго перевала колоннами генералъ-маіора Курнакова и полковника графа Комаровскаго; 2) о блестящемъ отраженіи, 21-го же ноября, цѣлаго ряда ожесточенныхъ турецкихъ атакъ на Арабъ-Конакъ, занятый отрядомъ командующаго л.-гв. московскимъ полкомъ, флигель-адъютанта полковника Гриппенберга. Отрядъ состоялъ только изъ четырехъ баталіоновъ: два баталіона л.-гв. московскаго полка, л.-гв. 2-й стрѣлковый баталіонъ, двѣ роты стрѣлковъ его величества и двѣ роты стрѣлковъ императорской фамилии. Турокъ было не менѣе 12 таборовъ. Атаки начались около 10¹/₂ ч. утра и продолжались до 3 ч. пополудни. Нашъ отрядъ потерялъ около 150 челов. Въ числѣ убитыхъ—поручикъ 2-й батареи л.-гв. 2-й арт. бригады Типольтъ и л.-гв. московскаго полка портупей-юнкеръ Гавеманъ. Въ числѣ раненыхъ—л.-гв. московскаго полка капитанъ де-Лаваль-Велькъ, поручикъ Димитріевъ и подпоручикъ Войницкій: послѣдній умеръ отъ ранъ.

Въ заключеніе настоящаго, богатаго тревожными извѣстіями дня, поздно вечеромъ получена телеграмма князя Име-

ретинскаго изъ Тученицы: „Баронъ Криденеръ телеграфируетъ: командиръ румынскаго баталіона гривицкаго редута заявилъ, что явились два турецкихъ офицера и заявили ему, что сегодня ночью будетъ наступленіе турокъ на нашъ правый флангъ, противъ гривицкаго редута и на софійское шоссе. Всѣхъ предупредилъ“.

Ночь—воровская. Ни зги не видно. Грязь ужасающая. Буря таеъ и воегъ.

24 ноября.—Румынское свѣдѣніе оказалось вздорнымъ: никакого наступленія турокъ не было. Мало того: даже два офицера-перебѣжчика оказались вымышленными.

Утромъ, по полученіи дополнительныхъ телеграммъ отъ Гурко и Деллинггаузена, Великій Князь телеграфировалъ Государю въ Порадимъ:

„Сейчасъ получилъ телеграмму Деллинггаузена, что онъ выѣхалъ самъ къ отряду Мирскаго. Донесенія будетъ посылать черезъ Тырновь.“

„Гурко доноситъ, что л.-гв. московскаго полка поручикъ Войницкій умеръ отъ ранъ. Потери 21 ноября: въ московскомъ полку нижнихъ чиновъ убито 30, ранено 81; стрѣльковомъ нашего величества баталіонѣ ранено 4, л.-гв. 2-мъ стрѣльковомъ баталіонѣ убито 15, ранено 38; баталіонѣ императорской фамиліи ранено 2; л.-гв. 2-й артил. бригадѣ убитъ 1, ранено 4. Всего убито 46, ранено 129 нижнихъ чиновъ. Плѣнные турки показали, что ихъ потеря—1.300 чел. Убитые турки и теперь лежатъ на полѣ сраженія въ огромномъ числѣ.“

„Всѣ плѣнные, взятые у Златицы, Арабъ-Конака и Лютикова, единогласно показываютъ: въ Арабъ-Конакѣ самъ Мехмедъ-Али-паша съ 20—25 таборами; въ Златицѣ—5, у Лютикова—отъ 5 до 10 таборовъ. Всего противъ Гурко—отъ 30 до 40 таборовъ. Изъ Берковаца онъ уже нѣсколько дней не имѣетъ свѣдѣній. Онъ проситъ занять Врацу бригадою пѣхоты. Я направилъ туда востромской полкъ съ батареею, который долженъ былъ выступить изъ Нивополя вчера, прибыть 29 ноября въ Альтемиръ, а 2 декабря можетъ прибыть во Врацу“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Великій Князь составилъ и послалъ слѣдующую телеграмму Гурко въ Осиково, вслѣдъ:

„Пришли поскорѣе реляцію о сраженіи 21 ноября и сообщите мнѣ подробное распредѣленіе войскъ по колоннамъ и гдѣ какая колонна находится. Пока дѣла подъ Еленою не разъяснятся, займи крѣпкія позиціи, укрѣпись и не двигайся болѣе впередъ.“

Имѣешь ли ты подвижной резервъ: онъ необходимъ на всякую случайность; даже долженъ ты имѣть въ виду возможность движенія этого резерва къ Плевнѣ или даже на востокъ черезъ Ловчу“.

Телеграмма Великаго Князя Деллинггаузену въ Тырновъ, вслѣдъ:

„Я надѣюсь, что вы удержите дальнѣйшее наступленіе турокъ, а при благопріятныхъ условіяхъ отбросите ихъ назадъ. Но если бы пришлось отойти еще назадъ, то вы должны удерживать Тырновъ, укрѣпить его и обратить во вторую Плевну“.

Затѣмъ получены двѣ телеграммы Радецкаго:

Первая, отъ 12¹/₂ ч. дня:

„Противъ непріятеля, наступающаго со стороны Елены, собрано на яковецкой позиціи подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Деллинггаузена:

„Два полка 9-й дивизіи, сѣвскій и орловскій.

„Два полка 11-й дивизіи, камчатскій и охотскій.

„4-я стрѣлковая бригада.

„У Минде расположенъ явутскій полкъ.

„Къ Шеремету подошла 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи.

„Къ Тырнову прибыли два баталіона волынскаго полка и 2¹/₂ полка кавалеріи.

„Для противодѣйствія прямому наступленію войскъ сосредоточено хотя и достаточно, но, судя по послѣдней телеграммѣ изъ Тырнова, они могутъ не удержаться противъ непріятеля, обходящаго оба фланга позиціи у Яковцевъ въ значительныхъ силахъ. Во избѣжаніе неудачнаго для насъ исхода дѣла, слѣдствіемъ котораго можетъ быть оставленіе безъ боя шипкинскаго и хайнкійскаго переваловъ, имѣю честь убѣдительнѣйше просить ваше высочество приказать 13-му корпусу немедленно двинуться во флангъ непріятелю. На османъ-базарской дорогѣ турки, повидимому, ограничиваются однѣми демонстраціями“.

Вторая, отъ 5 ч. 20 м. дня:

„Если наши войска принуждены будутъ отступить къ Тырнову, то я съ 11-ю баталіонами и горными орудіями двинусь на Травну съ тѣмъ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, ударить во флангъ и тылъ туркамъ. На шипкинской позиціи останутся три полка 24-й дивизіи, баталіонъ брянцевъ, баталіонъ волынцевъ, шесть дружинъ и артиллерія. Все-таки почтительнѣйше прошу ваше высочество направить 13-й корпусъ, какъ я о томъ просилъ“.

Уже по полученіи первой телеграммы Радецкаго, Великій

Князь тотчасъ собственноручно телеграфировалъ Цесаревичу, прося его направить 13-й корпусъ согласно просьбѣ Радецкого (копію этой телеграммы Великій Князь мнѣ не передавалъ).

Цесаревичъ отвѣчалъ телеграммою отъ 8 ч. 50 м. вечера, полученною ночью:

„Я нахожу, что растянутое положеніе 12-го корпуса подвергнетъ серьезной опасности переправу и наши склады у Батина, госпитали и склады въ Бѣлѣ, въ виду того, что у непріятеля еще 14-го ноября обнаружены значительныя силы у Руцука и нѣтъ указанія, чтобы не было войскъ и у Разграда. 12-му корпусу придется, оберегая линію въ 60 верстъ, оставить свои нынѣшнія позиціи и отойти къ Батину, протянувъ правый флангъ до Водицы. Мало-мальски серьезное наступленіе турокъ отъ Разграда вынудитъ правый флангъ нашъ къ отступленію черезъ Бѣлу за Янтру и ограничиться обороною переправъ у Батина и пассивною обороною у Бѣлы на *твоемъ* берегу Янтры, ибо позиціи на правомъ берегу тянутся на 18 верстъ. Это обстоятельство довожу до свѣдѣнія вашего и затѣмъ буду ожидать приказаній вашего высочества: направить ли, несмотря на это, на османъ-базарскую дорогу цѣлый 13-й корпусъ, или же можно будетъ отрядить одну только дивизію.—Генералъ-адъютантъ Александръ“.

Великій Князь ночью же съ 24-го на 25-ое отвѣчалъ на эту телеграмму:

„Съ такими доводами совершенно согласенъ, и потому полагаю ограничиться сборомъ одной дивизіи твоихъ войскъ у Чаиркіоя и отложить мысль демонстративнаго движенія по османъ-базарской дорогѣ. Когда дивизія соберется у Чаиркіоя, дай мнѣ знать; она будетъ служить резервомъ за твоимъ правымъ флангомъ и будетъ готова, въ случаѣ нужды, поддержать лѣвый флангъ 11-го корпуса и вообще, въ случаѣ крайности, и резервомъ для Тырнова.—Николай“.

По второй телеграммѣ Радецкого Великій Князь, въ ночь съ 24 на 25 ноября, горячо поблагодарилъ его за энергическую распорядительность и затѣмъ послалъ еще слѣдующую телеграмму:

„Такъ какъ вы имѣли въ виду, въ случаѣ отступленія Мирскаго въ Тырновъ, двинуть во флангъ непріятелю 11 баталіоновъ, то, зная, что онъ вчера еще держалъ позицію у Яковцевъ, не можете ли отправить въ Тырновъ, въ видѣ резерва, бригаду пѣхоты. Златарица нами взята и турки отступили отсюда на

Беврово. Если согласны и находите возможнымъ, то прошу исполнить это тотчасъ и увѣдомить меня шифромъ.—Николай“.

Изъ Тырнова въ теченіе настоящаго дня получены еще слѣдующія телеграммы:

Отъ Г. М. Немиры, отъ 1 ч. 10 м. дня:

„На яковецкой позиціи тихо. Видны только турецкіе разъѣзды съ противоположныхъ высотъ. 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи, выступившая изъ Шеремета на Златарицу, повидимому, еще не завязала дѣла, ибо выстрѣловъ не слышно“.

Отъ него же, отъ 3 ч. 25 м. дня:

„Неприятель наступаетъ на позицію у Яковцевъ. Бой начался. Минде атакуется якутскимъ полкомъ. Туда же направлена 1-я бригада 26-й дивизіи. Командующій корпусомъ проситъ прислать на поддержку войска изъ Сельви“.

Слѣдующая телеграмма отъ него же, отъ 5 ч. дня:

„Въ 3 часа турки вдругъ пріостановили атаку и прекратили огонь. Оказалось, что отрядъ, двинутый отъ Шеремета на Златарицу, выбилъ оттуда турокъ и двинулся вслѣдъ за ними на Беврово, угрожая такимъ образомъ правому флангу и тылу главныхъ силъ, наступавшихъ на Яковцы отъ Елены. Это движеніе, очевидно, и заставило турокъ прекратить атаку“.

И, наконецъ, телеграмма отъ командующаго 26-ю пѣх. дивизіею:

„Два баталіона якутцевъ въ 11¹/₂ ч. утра заняли Минде безъ выстрѣла. Въ 12¹/₂ ч. дня 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи и третій баталіонъ якутскаго полка двинулись прямо на Златарицу. Туда же наступаютъ и остальные два якутскіе баталіона отъ Минде“.

Ночью съ 24 на 25 ноября опять извѣстіе отъ румынскаго генерала Черната, что надо ожидать ночнаго нападенія турокъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, сегодня третій день непрерывной почти тревоги. И днемъ, и ночью Великій Князь безпрестанно требуетъ меня къ себѣ для составленія телеграммъ Государю, начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ и т. д. Неожиданное (у насъ всѣ турецкія наступленія неожиданны!) наступленіе турокъ на Елену произвело большой переполохъ. Мы вѣдь по обыкновенію безъ стратегическаго резерва. Его никогда и не будетъ, потому что мы не въ состояніи удерживаться отъ фатальнаго стремленія его израсходовать. Какъ мотъ, не знающій покоя до тѣхъ поръ, пока не исчезъ послѣдній грошъ, такъ и мы: стоило намъ обяза-

¹⁾ Это извѣстіе опять не подтвердилось, какъ и большая часть извѣстій изъ румынскаго источника.

вестись хотя небольшимъ резервомъ—сейчасъ же являлась мысль его куда-нибудь издержать. Снаряжая экспедицію Гурко въ Балканамъ, мы отдали туда всё свободныя войска и опять остались ни съ чѣмъ.

Случился теперь еленинскій сюрпризъ—пришлось хватать войска по кусочкамъ отовсюду и посылать на поддержаніе Мирскому, ослабляя рущукскій и шипчинскій отряды до послѣдней степени.

Великое счастье, что нашъ противникъ столь неискусенъ и близорукъ!

Сегодня вернулся изъ Плевны посланный туда княземъ Имеретинскимъ болгаринъ, самъ плевнинскій старожилъ, знающій лично всѣхъ тамошнихъ обывателей, какъ болгаръ, такъ и турокъ, знающій даже многихъ турецкихъ солдатъ. Сынъ его и теперь находится въ Плевнѣ, поддерживаетъ наружно-добрыя отношенія къ туркамъ и состоитъ у нихъ на счету благонадежнаго гражданина.

Этимъ, повидимому, вполне достовѣрнымъ болгаринномъ, прожившимъ въ Плевнѣ нѣсколько дней, доставлены слѣдующія свѣдѣнія.

Продовольствія хватитъ еще на 25—30 дней, ибо дача отпускается уменьшенная. Раздача дневныхъ порцій аккуратно производится какъ солдатамъ, такъ и жителямъ. Магазины строго охраняются. Ежедневно раздается 60.000 порцій: около 40.000 офицерамъ и солдатамъ, 15.000—больнымъ и раненымъ, и 5.000—нестроевымъ чинамъ и мѣстнымъ жителямъ. По недостатку корма, скотъ падаетъ сильно, скоро совсѣмъ его не будетъ. Каждую издыхающую свотину спѣзывать заколотъ. Уже теперь, по нуждѣ, начали ѣсть свиней. Мельницы остановились, вслѣдствіе прегражденія плотинами (по мысли и приказанію Тотлебена) ручьевъ тученицкаго и гривицкаго: молоть зерно теперь негдѣ. Патроновъ еще достаточно, но зарядовъ совсѣмъ мало: остатки тщательно берегутъ. На случай штурма готовятъ цилиндрическія жестянки, начиненныя пулями,—самодѣльную картечь. Настроеніе въ войскахъ невеселое. Но такъ какъ теперь байрамъ (постъ), то вѣрятся, ибо жертвы въ посту—дѣло богоугодное. Османъ-паша увѣрилъ войска, что къ окончанію поста, въ 6-му декабря, подойдетъ 100.000-ная армія на выручку; если же нѣтъ, то будемъ пробиваться; а если и это не удастся, то положимъ оружіе.

И сегодня весь день буря, да еще съ густымъ туманомъ, несмотря на рѣзкій вѣтеръ. Грязь невылазная. По ночамъ—тьма кромѣшная.

25 ноября.—Сегодня Великій Князь передалъ мнѣ три телеграммы Государя: Первая, отъ 23 ноября, 10 ч. 35 м. вечера:

„Жду съ нетерпѣніемъ извѣстій изъ отряда Мирскаго. Изъ телеграммы Саши ты видѣлъ, что онъ еще до получения твоего приказанія принялъ съ своей стороны мѣры, которыя ему предписывались. Да поможетъ намъ Богъ какъ тамъ, такъ и здѣсь“.

Вторая, отъ 11 ч. 20 м. утра 24 ноября:

„Надѣюсь, что съ прибывшими подкрѣпленіями Мирскому удастся удержаться на позиціи и, можетъ быть, перейти самому въ наступленіе. Жду съ нетерпѣніемъ подробныхъ донесеній Турко. Каковъ Бобринскій?“ (Тяжело раненный.)

Третья, отъ 1 ч. 50 м. настоящаго дня:

„Надѣюсь, что движеніе лѣвой колонны отъ Златарицы на Беброво заставитъ турокъ отступить отъ Елены. Очень сожалѣю о значительныхъ потеряхъ въ людяхъ и орудіяхъ. Если завтра ¹⁾ дожда не будетъ, прибуду къ редуту въ 12 часовъ, въ противномъ случаѣ останусь здѣсь“.

На первыя двѣ телеграммы Великій Князь отвѣчалъ самъ и копій мнѣ не передавалъ. Третья Высочайшая телеграмма служить отвѣтомъ на слѣдующую, отправленную Государю сегодня утромъ:

„Деллинггаузенъ телеграфировалъ ночью изъ Тырнова, что вчерашняя атака турокъ на яковецкую позицію была лишь усиленною рекогносцировкой. Отряду Мирскаго онъ приказалъ держаться до крайности. Положеніе отряда весьма облегчилось, вслѣдствіе взятія Златарицы нашею лѣвою колонною.

Потери наши въ бою 22-го ноября точно неизвѣстны, но по первоначальнымъ свѣдѣніямъ отъ князя Мирскаго—весьма серьезны. Убито и ранено до 50 офицеровъ и 1.800 нижнихъ чиновъ. Въ числѣ офицеровъ—новый командиръ орловскаго полка полковникъ Клевезаль, но изъ депеши не видно, убитъ онъ или раненъ. Потеряно 11 орудій, въ томъ числѣ 4 подбитыхъ. Остальныя нельзя было увести вслѣдствіе убили лошадей. Другихъ подробностей пока нѣтъ.—Николай“.

Затѣмъ получена телеграмма Цесаревича отъ 10 ч. 40 м. сегодняшнаго утра:

„Вчера (т.-е. 24-го ноября) на линіи отъ Дуная до Опаки все было спокойно, но противъ Поломарчи и Ковачицы непріятель выставилъ съ утра 5 таборовъ съ нѣсколькими орудіями и значительную часть кавалеріи: перестрѣлка продолжалась до суме-

¹⁾ Т.-е. 26-го. Предполагалось устроить на редутѣ георгіевскій парадъ.

рекъ, а затѣмъ турки отступили. Согласно требованію Деллингсгаузена, въ нему отправлены: 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи, прибыла 23-го ноября въ Кесарево и оттуда въ Шереметь; 2 бригада 26 пѣх. дивизіи и бригада 11 кавалер. дивизіи выступили 24-го, ночевали въ Чаиркюѣ, а сегодня (25-го) придутъ въ Шереметь. Позиціи 26 дивизіи заняты войсками 13-го корпуса, имѣя правофланговый отрядъ въ Кадыкюѣ. У Кесарева была слышна вчера (т.-е. 24-го) оживленная перестрѣлка до 3 ч. дня. Судя по выстрѣламъ, наши удержали позицію. Деллингсгаузенъ сообщилъ, что противъ него—отъ 30 до 40.000 турокъ. Болѣе 30 тыс. турки послали 14-го ноября противъ 12-го корпуса. Столько же у нихъ должно быть и у Разграда, съ авангардами у Карахасанкюя и Папкюя. Я сегодня послалъ начальнива штаба въ 13-й корпусъ, чтобы условиться о способѣ содѣйствія, которое должно быть оказано 11-му корпусу.—Генераль-адъютантъ Александръ“.

Получена отвѣтная телеграмма Радецкаго на вчерашнюю, предписывавшую ему образовать у Тырнова резервъ изъ одной бригады:

„Во исполненіе приказанія вашего высочества, бригада будетъ направлена на Тырновъ, въ общій резервъ. Но тогда уже шипкинской отрядъ потеряетъ всякую подвижность и долженъ будетъ ограничиться только одною обороною Шипкинскаго перевала“.

Получена телеграмма Деллингсгаузена изъ Тырнова отъ 2 ч. 40 м. дня:

„Радецкій ничего больше выслать не можетъ. 2-я бригада 26-й дивизіи, по смѣнѣ войсками 13-го корпуса, выступила сегодня (т.-е. 25-го) въ 5 ч. утра изъ Водицы и слѣдуетъ въ резервъ къ Шеремету. Непрiятеля вчера (т.-е. 24-го) было: у Елены до 30, у Златарицы до 10 тысячъ. Златарицкій отрядъ занимаетъ въ настоящее время Златарицу и Минде. Сію минуту получилъ извѣстіе, что бой на яковецкой позиціи начинается“.

Вечеромъ Деллингсгаузенъ донесъ, что артиллерійская и ружейная перестрѣлка у Яковцевъ прекратилась около 4-хъ ч. дня.

Получена еще телеграмма и отъ Гурко изъ Осиева, что 23-го ноября турки возобновили попытку атаковать нашъ правый флангъ, но были отбиты тремя баталіонами финляндцевъ и однимъ баталіономъ павловцевъ, съ потерей 27 нижнихъ чиновъ.

26 ноября.—Предположенный въ Высочайшемъ присутствіи

георгіевскій парадъ не состоялся. И слава Богу: не время и не мѣсто для парадовъ!

Сегодня получена телеграмма Деллинггаузена объ артиллерійскихъ потеряхъ въ сраженіи у Марени и Елены 22-го ноября. Непріятелю досталось: 11 орудій 4-хъ ф. калибра (изъ нихъ 4 подбитыхъ), 10 передовыхъ, 6 зарядныхъ ящиковъ, 1 запасный лафетъ, 44 чел. прислуги, 116 лошадей и сбруя на 84 лошади.

Для разслѣдованія причинъ пораженія подъ Еленою Великій Князь послалъ сегодня ординарца своего (!) л.-гв. гродненскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистра Цурикова. Ему поручено: именемъ Великаго Князя поблагодарить войска и разузнать, отчего кавалерія прозввала наступленіе турокъ?

Ординарческое ли это дѣло?! И который уже разъ на адъютантовъ и ординарцевъ возлагаются порученія, совершенно не соотвѣтствующія ихъ скромному служебному положенію. Вспоминается случай послышки ординарца полевой конной артиллеріи штабсъ-капитана князя Оболенскаго, для объявленія командиру 9 корпуса генераль-лейтенанту барону Криденеру—неудовольствія главнокомандующаго послѣ 2-й Плевны! Ординарецъ, по словамъ очевидцевъ, исполнилъ это порученіе съ полнымъ аппломъ. Каково положеніе старика корпуснаго командира!

Получены двѣ телеграммы Цесаревича:

1) Отъ 12 час. 50 мин. пополудни:

„На постахъ все тихо и спокойно. На правомъ флангѣ, на ковачицкой позиціи, была вялая перестрѣлка. Противъ уланскихъ постовъ у Красне показался-было непріятель, но отошелъ.

„Въ 12-мъ корпусѣ дѣлать передвиженія войскъ пока не полагаю. Въ 13-мъ корпусѣ собраны уже въ Чаиркюѣ нарвскій и копорскій полки, а въ Копривицѣ—невскій и софійскій. Съ авангардныхъ позицій я приказалъ смѣнить сегодня же софійскій полкъ нѣжинскимъ. Софійскій полкъ прибудетъ въ Церковну завтра или послѣ-завтра, и тогда подвижной резервъ въ составѣ дивизіи будетъ вполне готовъ, а тремя полками можно распорядиться уже и теперь.

„Чувствуется большой недостатокъ кавалеріи въ отрядѣ. Теперь, съ уходомъ бригады 11-й кавал. дивизіи, передовая линія протянулась далеко къ югу. Въ Кадыкюй, для связи съ Кесаревомъ, приданы баталіону эскадронъ и сотня, такъ что чаиркюйскому резерву придать кавалерію нѣтъ рѣшительно никакой возможности, даже для прикрытія движенія его, если онъ будетъ потребованъ на османъ-базарскую дорогу.

„Въ случаѣ, что 1-я пѣхотная дивизія будетъ потребована

въ Кесарево, то 1-й бригадѣ 32-й дивизіи, занимающей Косабину, Ковачицу и Водицу, приказано удержатъ эту позицію и при возможности переходить въ наступленіе. Если же 1-ю дивизію потребуютъ въ Тырнову, то генераль-маіору Горшкову приказано перейти на чаиркюійскую позицію. Сообщение съ Деллингсгаузеномъ поддерживается.—Генераль-адъютантъ Александръ“.

2) Отъ 3 час. 30 мин. пополудни:

„Положеніе отряда моего далеко не завидное. Все, что только возможно, отняли; резервовъ—никакихъ. Въ случаѣ серьезной атаки непріятеля успѣхъ весьма сомнительный съ нашей стороны. Все отъ меня зависящее сдѣлаю, и будемъ держаться, сколько возможно, но неровенъ часъ. Я постоянно просилъ подкрѣпленій, и постоянно мнѣ отказывали, или брали, что было. Теперь одна надежда на Бога.—Сапа“.

Сегодня же (въ которомъ часу—не знаю, и поэтому не могу судить, есть ли это отвѣтъ на телеграмму Цесаревича, или же наоборотъ, вышеприведенная телеграмма его есть отвѣтная на нижеприведенную). Великій Князь послалъ Цесаревичу слѣдующую собственноручную телеграмму:

„Поздравляю тебя съ твоимъ именинникомъ ¹⁾. По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, намъ необходимо держать ухо востро. Турки намѣреваются сдѣлать теперь же общее наступленіе со всѣхъ сторонъ. Войска, отбросившія насъ отъ Елены, въ числѣ 40 тысячъ, подъ начальствомъ Реуфа-паши,—собраны изъ рущукскихъ войскъ и Стамбула. На тебя полагаютъ наступленіе, по частнымъ слухамъ, сообщеннымъ изъ Лондона—изъ Сарнасуфляра и Эски-Джумы по направленію на Церковну. Увѣренъ, что ты сумѣешь ихъ удержатъ и наказать. Богъ съ тобою.—Николай“.

Одновременная телеграмма великому князю Владиміру Александровичу въ Брестовацъ:

„Поздравляю молодого кавалера съ кавалерскимъ праздникомъ. Да поможетъ тебѣ Господь снова проучить врага, который замышляетъ наступленіе на насъ со всѣхъ сторонъ.—Николай“.

Телеграмма генералу Гурко въ Осиково:

„Противъ Мирскаго до 40 тысячъ войскъ Реуфа-паши, собранныхъ частями изъ рущукской арміи и Стамбула. Получены свѣдѣнія, что турки намѣреваются атаковать всю мою армію со всѣхъ сторонъ, не исключая и тебя. Да поможетъ намъ Богъ

¹⁾ 26 ноября были именины великаго князя Георгія Александровича.

выдержать. Поздравляю тебя и новыхъ орденскихъ кавалеровъ съ праздникомъ.—Николай“.

Отъ кого Великій Князь получилъ эти тревожныя свѣдѣнія—мнѣ неизвѣстно. Но подъ вліяніемъ этихъ свѣдѣній онъ былъ сегодня совсѣмъ невдоровъ.

27 ноября.—Государь съ утра запросилъ Великаго Князя телеграммою:

„Каковъ ты сегодня? Ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Деллингсгаузена и Гурко“.

Великій Князь отвѣчалъ:

„Деллингсгаузенъ доноситъ, что вчера, 26-го, въ Яковцахъ и Златарицѣ была лишь незначительная артиллерійская и ружейная перестрѣлка. Отъ Гурко новаго ничего нѣтъ, большой подвижной резервъ уже сформированъ. Мнѣ лучше. Если завтра будетъ такъ же и ничто меня не задержитъ, постараюсь пріѣхать къ тебѣ къ завтраку“.

Поздно вечеромъ Великій Князь получилъ собственноручную записку Тотлебена: „По показаніямъ перебѣжчиковъ, Османъ-паша собирается выходить изъ Плевны или въ эту, или въ слѣдующую ночь. Съ нашихъ батарей и траншей дѣйствительно замѣчено, что передовыя турецкія траншеи опустѣли, что турецкія войска отовсюду отходятъ къ Плевнѣ и далѣе къ р. Виду. Всѣ начальники предупреждены, всѣ мѣры приняты“.

Около 1 часу ночи Непокойчицкій самъ зашелъ въ нашу кибитку, далъ прочесть эту записку и предупредилъ, что Великій Князь собирается съ утра вѣхать на передовыя позиціи. Распорядившись, чтобы верховыя лошади были къ утру готовы, мы легли спать.

28 ноября.—Холодный, немного вѣтреный день (термометръ на нулѣ). Рано утромъ былъ туманъ, который, впрочемъ, скоро разошелся.

Какъ встали, такъ узнали о подтвержденіи вчерашнихъ свѣдѣній Тотлебена. Еще ночью, въ началѣ 4-го часа, тученицкій телеграфистъ Свѣнцицкій телеграфировалъ флигель-адъютанту полковнику Чингисхану: „Со всѣхъ пунктовъ обложія Плевны получены донесенія о движеніи непріятеля; затѣмъ дезертиръ повазалъ, что Османъ намѣренъ сегодня ночью оставить Плевну. Кромѣ того, получено извѣстіе, что кришинскій редутъ оставленъ турками, и что они строятъ второй мостъ черезъ Видъ.“

Утромъ пришло уже официальное донесеніе, что турки атаковали гренадерскій корпусъ.

Великій Князь рѣшилъ сперва ѣхать на скобелевскую позицію. Но, получивъ телеграмму Государя, что онъ ѣдетъ на тученицкій редутъ, объявилъ, что надо отправиться туда же и тамъ ожидать Государя. Съ тѣмъ мы и выѣхали около 9¹/₂ час. утра.

Получивъ по дорогѣ телеграмму Скобелева о занятіи имъ (безъ боя) кришинскихъ редутовъ, Великій Князь завернулъ сперва къ Тотлебену въ Тученицу. Отъ него мы узнали, что турки очистили также гривницкій и опанецкій редуты, которые уже заняты: первый—нашими, а опанецкій редутъ—румынскими войсками. Тогда Великій Князь предложилъ Тотлебену и князю Имеретинскому ѣхать вмѣстѣ на тученицкій редутъ и тамъ ожидать Государя. Пріѣхали, но, убѣдившись, что оттуда ничего не видно, стали искать мѣста, удобнаго для наблюденія за ходомъ боя. По дорогѣ Великій Князь все время отдавалъ приказанія встрѣчавшимся войскамъ: „Вы идите тоже туда, въ тылъ неприятелю“; или: „Что же вы неидете? Вамъ тоже надо идти туда“. Съ такими же приказаніями разсылалъ и адъютантовъ, и ординарцевъ, напр.: „Поѣзжай, скажи командиру 4-го корпуса, что жъ онъ неидетъ? чтобъ тоже шель!“ Наконецъ, князь Имеретинскій не выдержалъ и сказалъ: „Ваше высочество, позвольте имъ подождать, пока придетъ приказаніе отъ корпуснаго командира: всѣ распоряженія уже сдѣланы и будутъ исполнены. Вѣдь обстановка выяснилась только за четверть часа до вашего пріѣзда къ намъ, и тогда только были отданы соответствующія приказанія. Неудивительно, что онѣ еще не исполнены“.

Это немного успокоило Великаго Князя. Рѣшилъ ѣхать въ Радишево и остановиться тамъ на телеграфной станціи, чтобы имѣть возможность получать донесенія и разсылать приказанія. Только-что тронулись—новое рѣшеніе: свернуть влѣво на видѣвшійся вдали холмъ, откуда, по мнѣнію Великаго Князя, все должно быть видно. Но на пути къ этому холму оказалось множество препятствій. Во-первыхъ, наши собственныя траншеи, вдоль линіи которыхъ мы долго путались, отыскивая мѣсто для перѣзда. Кончили тѣмъ, что поѣхали гуськомъ по дну рва и выбрались, наконецъ, въ поле пѣшкомъ, переведя лошадей въ поводу черезъ наши насыпи и рвы.

Въ полѣ, отдѣлявшемъ наши передовыя траншеи отъ турецкихъ, тамъ и сямъ лежали еще трупы, или, вѣрнѣе, скелеты нашихъ бѣдныхъ солдатиковъ, штурмовавшихъ Плевну 30 августа. Скелеты были, однако, одѣты, даже кепи лежали рядомъ съ ними. Въ числѣ скелетовъ одинъ въ офицерскомъ мундирѣ, но, конечно, уже нельзя было разобрать, какаго поля.

Выѣхали, наконецъ, на намѣченный издали холмъ. Оказалось, что и съ него ничего не видно. Объ установленіи сообщенія съ телеграфною станціею, чтобы всѣ знали, гдѣ находится главнокомандующій и начальникъ отряда обложенія со своими начальниками штабовъ—позабыли. Левицкій два раза напоминалъ Непокойчицкому, но безъ результата. Наконецъ, князь Имеретинскій самъ распорядился послать казаковъ на ближайшую телеграфную станцію. Но это ни къ чему не повело, такъ какъ мы переѣзжали цѣлый день съ мѣста на мѣсто, и найти насъ можно было только случайно.

Увидавъ вдали другой холмъ, поѣхали туда. Оказалось, что онъ находится уже за линіей турецкихъ укрѣпленій. Начали прыгать и перелѣзать черезъ нѣсколько брустверовъ и рововъ, держа лошадей въ поводу. При этомъ ежеминутно предостерегали другъ друга отъ валявшихся во множествѣ нашихъ же неразорвавшихся гранатъ. Стоило какой-нибудь лошади удачно наступить на ударную трубку—былъ бы взрывъ.

Турецкія укрѣпленія оказались прибранными начисто: ни одной валяющейся сумки или манерки. Въ нашихъ же траншеяхъ было разбросано много разныхъ вещей и еще больше—всякой дряни. И тылъ нашихъ траншей былъ сильно загаженъ—по русскому обыкновенію; въ тылу же турецкихъ траншей было почти совсѣмъ чисто.

Наконецъ, увидали у себя подъ ногами заколдованную Плевну. Тамъ было тихо и, казалось, совершенно пусто. Вдали, верстахъ въ четырехъ, на Опанецкихъ высотахъ, видѣлась масса румынскихъ войскъ; влѣво—наступающія между Плевною и за Видомъ войска Скобелева; а вправо и гораздо ближе къ намъ—наступалъ 9-й корпусъ барона Криденера. Пушечная и ружейная пальба, все время раздававшаяся изъ-за р. Вида, вдругъ прекратилась, но никто не зналъ, почему. Къ намъ прибѣжали изъ Плевны нѣсколько человекъ болгаръ и съ низкими поклонами, наперерывъ етали рассказывать, что турки еще вчера вечеромъ собрались въ путь, запрягли всю артиллерію и обозъ и всю ночь проходили сквозь Плевну, къ мосту черезъ Видъ. Одинъ изъ этихъ болгаръ очень хорошо говорилъ по-нѣмецки.

Выслушавъ ихъ, поѣхали въ Плевну, причемъ Великій Князь объявилъ, что мы будемъ тамъ ночевать, хотя до ночи было еще очень далеко и мы еще ровно ничего не знали объ исходѣ боя. Только-что это неожиданное рѣшеніе было объявлено—подѣхалъ какой-то саперный полковникъ и доложилъ Великому Князю, что въ Плевну ворвались вучки нашихъ и румынскихъ

солдатъ-мародеровъ и приступили къ грабежу; что вслѣдствіе этого раненые турки открыли по мародерамъ огонь изъ домовъ. Немедленно въ Плевну былъ посланъ комендантъ главной квартиры, генераль-майоръ Штейнъ, съ валичными жандармами, а барону Криденеру послано приказаніе послать въ распоряженіе Штейна галицкій пѣхотный полкъ. При этомъ Штейну все-таки было приказано приготовить въ Плевнѣ квартиру для Великаго Князя со свитою. Отправивъ Штейна, поѣхали вдоль окраины Плевны къ р. Виду. По пути туда, прежде всего получили румынское донесеніе объ окончаніи боя и о сдачѣ Османъ-паши. Не рѣшались, однако, вполне вѣрить послѣднему (что бой кончился—было ясно съ тѣхъ поръ, какъ прекратилась пальба), въ виду испытанной малонадежности румынскихъ донесеній. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа встрѣтили казака, везшаго турецкое знамя, и съ нимъ адъютанта командира 4-го корпуса, генераль-лейтенанта Зотова. Этотъ адъютантъ доложилъ, что бой конченъ, что вся турецкая армія сдалась командиру гренадерскаго корпуса Ганецкому и что даже совсѣмъ по близости стоитъ часть турецкихъ войскъ, уже положившая оружіе. Чтò стало съ Османомъ—адъютантъ не зналъ. Но во всякомъ случаѣ нельзя было уже сомнѣваться въ полной побѣдѣ. Снявъ шапки, мы всѣ перекрестились и прокричали восторженное ура.

Двинулись дальше. Вдругъ видимъ, что вправо отъ насъ, шагахъ въ 300, неподвижно стоитъ нѣсколько баталіоновъ. Присмотрѣлись, подѣхали ближе,—оказывается, турки! Составили ружья въ козлы и сповойно стоятъ и сидятъ около нихъ. Нашихъ—никого. Узнавъ о сдачѣ своихъ передовыхъ войскъ, турки сами составили ружья и ожидаютъ плѣна. Къ нимъ поставили одного казачьяго офицера и одного казака и велѣли передать „плѣнные“ баталіоны барону Криденеру, когда подойдетъ его войска.

Доѣхавъ до дороги, спускающейся къ мосту черезъ р. Видъ, Великій Князь, для сокращенія пути, предпочелъ спуститься напрямикомъ съ крутого берега къ рѣкѣ. Спѣшились и спустились съ величайшимъ трудомъ по мокрой, вязкой кручѣ, держа лошадей въ поводу. Очутившись, наконецъ, въ долину, перѣхали вбродъ рѣку Видъ и два рукава и — выѣхали почти къ тому же мосту. Вдали, въ разстояніи около версты, видѣлась масса войскъ. Подѣхалъ М. Д. Скобелевъ и доложилъ Великому Князю, что Османъ-паша, дѣйствительно, взятъ въ плѣнъ и притомъ раненъ, и что онъ, Скобелевъ, самъ его видѣлъ. Вотъ когда мы грянули самое восторженное ура! Вслѣдъ затѣмъ

подъѣхалъ и самъ герой дня, И. С. Ганецкій, котораго Великій Князь горячо обнялъ и распѣловалъ. Затѣмъ начался объѣздъ войскъ. Восторгъ гренадеръ былъ въ полномъ смыслѣ слова не описанный: лица офицеровъ и солдатъ сіяли, ура кричали всѣ оглушительно и безъ конца. Поблагодаривъ гренадеръ, Великій Князь направился къ румынамъ и натолкнулся на отвратительную картину. Вся румынская пѣхота, какая тутъ была, вразсыпную занималась грабежомъ. Тащили ружья, сумки, шапки, захватывали турецкую рухлядь съ повозокъ, увозили на себѣ пушки. Великій Князь крикнулъ на грабителей—никакого вниманія. Два румынскихъ офицера свиты Великаго Князя оставались совершенно безучастны, пока онъ не крикнулъ имъ, чтобы немедленно уняли своихъ и потребовали къ нему старшаго начальника. Подъѣхалъ бригадный командиръ: Великій Князь жестоко распекъ его по-французски и, приказавъ тотчасъ же восстановить порядокъ, поѣхалъ дальше. Но какъ я узналъ потомъ — грабежъ не прекратился, а продолжался до поздняго вечера.

Мы же повернули обратно по плевнинской дорогѣ къ мосту, такъ какъ Ганецкій доложилъ, что тамъ оставленъ раненный Османъ-паша. По обѣ стороны пути стояли массаи турки, повозки, скотъ. Поле было устлано брошенными ружьями и патронами. Понять не могу, какъ эти патроны не взрываютъ подъ ногами нашихъ лошадей. По пути къ мосту натолкнулись опять на безобразную сцену: румыны угоняли плѣнныхъ турокъ въ свой лагерь и увозили туда же брошенные орудія. Они и подошли лишь тогда, когда все было кончено: всю тяжесть боя вынесли на себѣ 3-я гренадерская и часть 2-й гренадерской дивизіи. Великій Князь подозвалъ къ себѣ румынскаго полкового командира (подполковника) и спросилъ, знаетъ ли онъ его. Получивъ утвердительный отвѣтъ, приказалъ ему остановить своихъ и вернуть заграбленные орудія и плѣнныхъ. Румынъ, даже не приложивъ руку къ козырьку, отвѣчалъ: „C'est impossible, Monseigneur“. Великій Князь вспыхнулъ. „Quand je l'ordonne, c'est possible et que ce soit fait! Votre nom?“

Вскорѣ подъѣхалъ самъ князь Карлъ, которому Великій Князь и сообщилъ фамилію этого наглеца (я ее не разслышалъ). Выскано ли съ него или нѣтъ — неизвѣстно.

Мнѣ показалось, что не только этотъ полковой командиръ, но и большинство румынскихъ офицеровъ и солдатъ были пьяны: вѣроятно, напѣлись передъ боемъ для храбрости.

Вскорѣ по соединеніи съ княземъ Карломъ, мы переѣхали

черезъ Видъ по мосту (прочному, на каменныхъ устояхъ) и увидѣли ѣхавшую намъ навстрѣчу коляску: въ ней сидѣлъ Османъ-паша, очень красивый и молодой. На переднемъ сидѣннѣ, противъ него, сидѣлъ докторъ. Великій Князь тотчасъ подъѣхалъ къ нему, подавъ руку и высказавъ ему по-французски свое уваженіе къ его храбрости и славной оборонѣ Плевны; мы же всѣ въ одинъ голосъ, не сговорившись, закричали: „Браво, Османъ-паша!“ Онъ былъ видимо очень взволнованъ такимъ пріемомъ и поручилъ своему доктору передать Великому Князю по-французски (самъ онъ плохо понимаетъ этотъ языкъ и знаетъ на немъ лишь нѣсколько словъ), что онъ тронутъ его вниманіемъ и очень благодаренъ. Послѣ Великаго Князя къ Осману подъѣзжали, называли себя, жали руку и говорили любезности: князь Карлъ, Неповойчицкій, Тотлебенъ и другіе старшіе генералы. Когда было названо имя Тотлебена, Османъ-паша встрепетулся, взглянулъ на него пристально, низко наклонилъ голову и съ особымъ чувствомъ отвѣтилъ на его рукопожатіе.

Затѣмъ, такъ какъ, по словамъ доктора, рана Османа-паши еще не была перевязана—Великій Князь разрѣшилъ ему ѣхать въ Плевну, на свою квартиру, и тамъ переночевать. Коляска Османа повернула обратно, а вслѣдъ за нею поѣхали шажкомъ и мы. Тутъ я познакомился съ его начальникомъ штаба, Тевфикъ-пашой, котораго М. Д. Скобелевъ взялъ подъ свое покровительство и пригласилъ къ себѣ ночевать. Я сказалъ Тевфику нѣсколько комплиментовъ, но онъ былъ такъ огорченъ и разстроенъ, что отвѣчалъ полусловами, съ растерянною улыбкой.

Тутъ же мы увидѣли главную массу турецкихъ плѣнныхъ. Они стояли сплошною, беспорядочною, необозримою толпою къ югу отъ дороги. Большинство имѣло жалкій видъ и смотрѣло или мрачно, или равнодушно. Но были между ними и довольныя, даже сіяющія лица. Люди, лошади, волы, повозки, пушки—все стояло въ перемѣшку. Тутъ же валялись массами брошенные ружья, штыки, обваженные пашки, сумки, мѣшки, патроны и т. п. На многихъ повозкахъ лежали раненные; около другихъ стояли толпы солдатъ, ѣвшихъ рисъ. Мы долго ѣхали среди густой толпы плѣнныхъ: они съ тупымъ равнодушіемъ, покорно разступались, давая намъ дорогу. Ни одного свирѣпаго или злобнаго взгляда! Эти люди, которые выдержали столько мѣсяцевъ осады, которые еще сегодня утромъ съ самозабвеніемъ шли героями въ атаку, — теперь имѣли забитый, смиренный, жалкій видъ. Грустно было смотрѣть на эту подавленную несчастьемъ храбрую армию.

Выбравшись, наконецъ, изъ толпы, мы вѣхали въ закодванную Плевну. Это—лучшій изъ всѣхъ видѣнныхъ мною доселѣ болгарскихъ городовъ. Дома и заборы каменные; въ числѣ домовъ нѣсколько большихъ двухъ-этажныхъ, совсѣмъ европейской архитектуры. Разрушенныхъ домовъ мало: большая часть совершенно невредимы. Улицы довольно широкія и мощены, но мостовая обратилась въ густой грязный кисель. Проѣхавъ всю Плевну, мы не замѣтили никакихъ признаковъ присутствія массы больныхъ и раненыхъ. Между тѣмъ, послѣ оказалось, что почти всѣ дома и подвалы переполнены ими. Въ послѣдующіе дни ежедневно открывали умирающихъ и раненыхъ турокъ, валявшихся въ погребахъ какъ со свѣжими, такъ и съ разложившимися трупами. Выяснилось, что раненыхъ и больныхъ вовсе не лечили, а просто оставляли на произволъ судьбы. А вчера, 27-го ноября, передъ выступленіемъ, ихъ даже заперли, „для порядка“. По словамъ болгаръ, такое обращеніе съ больными и ранеными было правиломъ. Такимъ образомъ, турецкіе солдаты, впередъ зная, что въ случаѣ выбитія изъ строя будутъ оставлены безъ помощи и призрѣнія—все-таки не падали духомъ и храбро сражались, безропотно повинувся начальству. Какой великолѣпный боевой матеріалъ! Съ такими солдатами, при правильной организаціи и при искусныхъ, заботливыхъ начальникахъ—можно чудеса дѣлать.

Сегодня, когда полученъ былъ приказъ сдаваться,—передъ многими турецкими таборами задымились костры: турки сожгли большую часть своихъ знаменъ, чтобы они намъ не достались. Это не то, что пресловутый Базенъ, который, сдавая Мецъ и всю армію въ плѣнъ нѣмцамъ,—чуть не при описи сдалъ имъ французскія знамена.

Благодаря тому, что въ Плевнѣ не оказалось ни одного незараженнаго дома, — намѣреніе ночевать тамъ было оставлено. Уже смеркось, когда мы оттуда выѣхали и, направившись по ловчинскому шоссе, вернулись въ 9 час. вечера домой, пробывъ почти 12 часовъ верхомъ безъ пищи и питья.

Только-что я сошелъ съ лошади, какъ Великій Князь приказалъ мнѣ составить и дать къ подписи двѣ телеграммы: Государю и циркулярную—во всеобщее свѣдѣніе. Вотъ онѣ:

„Порадимъ, Государю Императору:

„Имѣю счастье поздравить ваше императорское величество со славною новою побѣдою. Послѣ пятичасового жаркаго боя, вся армія Османа-паши взята въ плѣнъ и положила оружіе къ ногамъ вашего величества. Самъ Османъ-паша, легко раненный

въ ногу, взять въ плѣнъ. Вся артиллерія, весь обозъ, всё склады и лагери достались въ наши руки. Вся армія въ полномъ составѣ въ плѣну. Постараюсь привести въ извѣстность трофеи завтра. Наша потеря относительно невелика. Много пострадали и болѣе всѣхъ отличились астраханскій, мой сибирскій и самогитскій гренадерскіе полки. Всѣ вообще войска вели себя блистательно.—Николай“.

Вслѣдъ за этою телеграммою была послана другая: 1) Государю; 2) Императрицѣ въ Царское-Село; 3) Наслѣднику въ Брестовацъ; 4) великому князю Михаилу Николаевичу въ Тифлисъ; 5) начальнику главнаго штаба въ Петербургъ; 6) генералу Дрентельну и 7) русскому консулу Стюарту въ Бухарестъ; 8) одесскому градоначальнику; 9) Радецкому на Шипку; 10) Гурко въ Осиково, вслѣдъ; 11) Циммерману въ Чернаводы; 12) Деллинггаузену въ Тырновъ; 13) Карцову въ Ловчу:

„Сегодня, 28-го ноября, въ 7^{1/2} час. утра, вся армія Осман-паши атаковала нашъ гренадерскій корпусъ, занимавшій линію обложенія на лѣвомъ берегу Вида, съ цѣлью пробиться. Атака была ведена съ отчаянною храбростью: часть турецкихъ войскъ врывалась даже въ наши траншеи и батареи. Но всѣ усилія непріятеля сломить нашихъ гренадеръ были напрасны. Послѣ пятичасового жаркаго боя турки были отброшены. Окруженный надвинувшимися на него со всѣхъ сторонъ войсками нашими, храбрый защитникъ Плевны, Османъ-паша, раненный въ ногу, сдался въ плѣнъ со всею своею арміей. Привести въ извѣстность число плѣнныхъ и трофеи пока нѣтъ возможности. Могу лишь сказать, что въ наши руки попало все, что было въ Плевнѣ. У насъ потери пока еще не приведены въ извѣстность, но для достигнутаго результата невелики. Больше всѣхъ отличились и пострадали астраханскій, мой сибирскій и самогитскій гренадерскіе полки.—Николай“.

Сверхъ того, Непокойицкій телеграфировалъ нашему консулу въ Бухарестъ, чтобы онъ передалъ эту депешу по-французски въ Цетинье и Бѣлградъ.

По отправкѣ этихъ телеграммъ, сѣли ужинать. Весь вечеръ повсемѣстно гремѣло „Боже Царя храни“ и перекачивалось немолчаемое восторженное ура. Долго я не могъ заснуть въ эту ночь отъ массы пережитыхъ за день впечатлѣній и отъ радостнаго волненія. Государя съ его свитою мы сегодня такъ и не видали. Приѣхавъ на тученицкій редутъ и никого тамъ не найдя, онъ довольно скоро, впрочемъ, получилъ радостное извѣстіе. Великій Князь послалъ въ Государю съ докладомъ о побѣдѣ

своего любимаго ординарца и крестника, л.-гв. уланскаго полка, поручика Дерфельдена. Но еще до его прибытія Государь узналъ о плѣненіи Османа-паши со всею арміею отъ помощника коменданта главной квартиры, скромнаго кавалерійскаго полковника Моравскаго. Онъ ѣхалъ обратно въ Бототъ съ какимъ-то порученіемъ и, повстрѣчавшись Государю случайно, въ восторгѣ замахалъ фуражкой, крича прерывающимся голосомъ: „Ваше императорское величество! Плевна взята, вся армія и самъ Османъ въ плѣну!“ Государь воскликнулъ: „Не можетъ быть! Почему ты знаешь?“ Моравскій перекрестился:

— „Ей-Богу правда. Самъ видѣлъ!“

Въ порывѣ радости, Государь тутъ же поздравилъ его флигель-адъютантомъ. Бѣдный Моравскій совершенно ошалѣлъ отъ неожиданнаго счастья.

Недолго, впрочемъ, этотъ протеецъ носилъ царскіе вензеля. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его произвели въ генералы, чтобы съ почетомъ удалить изъ царской свиты, въ которой онъ былъ не подъ масть и самъ чувствовалъ себя неловко.

Государь назначилъ и Дерфельдена флигель-адъютантомъ, но на другой или на третій день, послѣ тонкаго намека Великаго Князя на то, какъ не повезло его любимцу Христи ¹⁾.

Отвѣтная телеграмма Государя изъ Порадима пришла сегодня же въ 10-ти час. вечера:

„Поздравляю отъ души съ полнымъ нашимъ успѣхомъ и спасибо тебѣ и всѣмъ моимъ молодцамъ. Завтра въ 12 час. хочу прибыть прямо въ Плевну и отслужить тамъ передъ войскомъ благодарственный молебенъ. Предоставляю тебѣ выбрать мѣсто за городомъ и сдѣлать всѣ нужныя къ тому распоряженія, выслать туда и моихъ лошадей. Сожалѣю, что не могъ обнять тебя сегодня же“.

Что телеграфировалъ на это Великій Князь собственно-ручно—я не знаю, но только къ 11 час. вечера была получена слѣдующая телеграмма Государя:

„Никакого сбора войскъ для молебна я не хочу дѣлать, а отслужить намѣренъ передъ тѣми, которыя ближе будутъ къ Плевнѣ, куда во всякомъ случаѣ я приѣду завтра въ 12 часамъ“.

29 ноября. — Сегодня состоялся торжественный молебенъ на гривницкомъ шоссе, на турецкомъ редутѣ № 5, гдѣ была ставка Османа-паши, въ присутствіи Государя и Великаго Князя со свитами и всѣхъ вблизи расположенныхъ войскъ.

¹⁾ Уменьшительное отъ имени—Христофоръ.

Государь сіяль радостію и осыпалъ всѣхъ своими милостями. Изъ своихъ рукъ пожаловалъ: Великому Князю Георгію 1-й степени, Непокойчицкому и Тотлебену—2-й степени, Ганецкому и князю Имеретинскому—3-й степени, Левицкому—4-й степени. Послѣдній скромно стоялъ въ сторонѣ; ему и въ голову не приходило, что онъ можетъ удостоиться какой-либо награды, тѣмъ болѣе, что стоустая молва давно избрала его возломъ отпущенія за всѣ бывшія неудачи. Вдругъ Государь обвелъ глазами свиту и назвалъ: „Левицкій!“ Тотъ растерянно подошелъ. Государь подалъ ему георгіевскій крестъ. Левицкій, окончательно растерявшись, не рѣшался даже принять крестъ, а только сказалъ взволнованнымъ голосомъ: „Ваше величество, за чтѣ? Я недостоянъ!“ Государь улыбнулся. „А ты забылъ наше совѣщаніе въ сентябрѣ, на которомъ ты первый подалъ голосъ, чтобъ намъ оставаться здѣсь?“ Левицкій отвѣчалъ: „Забылъ, ваше величество!“ Государь отвѣтилъ: „А я этого не забылъ и никогда не забуду“.

Левицкій былъ такъ потрясенъ этою неожиданною милостію, что весь день въ себя придти не могъ.

Только къ 5¹/₂ час. пополудни мы вернулись въ Боготъ, усталые, голодные, но счастливые.

Государь съ Великимъ Княземъ, высшими чинами и со своею свитою завтракалъ въ Плевнѣ и затѣмъ милостиво принялъ Османа-пашу, долго бесѣдовалъ съ нимъ и, въ знакъ уваженія къ его храбрости, возвратилъ ему саблю.

30 ноября.—Сегодня у Государя въ Порадимѣ — большой военный совѣтъ. Туда поѣхали Великій Князь, Непокойчицкій, Тотлебенъ, князь Масальскій, князь Имеретинскій и Левицкій. Послѣдніе трое, однако, не были приглашены на совѣщаніе. Участвовали только Великій Князь, князь Карлъ, Непокойчицкій, военный министръ, Тотлебенъ и Обручевъ.

На этомъ совѣщаніи рѣшено:

1) Усилить западный отрядъ Гурво 9-мъ арм. корпусомъ и 3-ю гвард. пѣх. дивизію. Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій обойти турецкія позиціи у Арабъ-Конака и Лютикова и, оттѣснивъ армію Мехмеда-Али, наступать къ Софіи и далѣе, вдоль южнаго склона Балканъ, къ Казанлыку, съ цѣлю выйти въ тылъ турецкой шипкильской позиціи. Если же Мехмедъ-Али отступить къ Филиппополю, то преслѣдовать его и гнать далѣе къ Адрианополю. Оба пути наступленія должны привести къ одной и той же цѣли: туркамъ придется бросить Шипку и отступать къ Адрианополю.

2) Усилить шипшинскій отрядъ Радецкого 11-мъ корпусомъ и частью 4-го корпуса подъ начальствомъ Скобелева, съ тѣмъ, чтобы всѣ эти войска тоже перешли въ наступленіе, когда Гурко перевалитъ черезъ Балканы.

3) Плевнинскій отрядъ расформировать, направивъ, какъ выше сказано, часть его къ Гурко и часть къ Радецкому, часть 4-го корпуса на подкрѣпленіе Цесаревичу и оставивъ гренадерскій корпусъ въ общемъ резервѣ.

4) Руцукскому отряду Цесаревича оставаться въ прежнемъ положеніи, отчасти для маскированія наступательныхъ дѣйствій, отчасти для прикрытія линіи сообщенія Систово-Тырновъ. Присоединить къ руцукскому отряду всѣ отряды наши, находящіеся въ Журжевѣ, Ольтеницѣ и Каларашѣ, замѣнивъ ихъ въ этихъ пунктахъ румынскими войсками.

Сегодня привезли изъ Плевны въ Боготъ Османа-пашу. Для него заранѣе была поставлена особая кибитка, рядомъ съ нашимъ столовымъ шатромъ, и у кибитки поставленъ офицерскій караулъ. Съ приближеніемъ коляски Османа-паши, которую конвоировала румынская кавалерія, караулъ взялъ на плечо, а когда коляска остановилась—Осману-пашѣ была отдана честь съ барабаннымъ боемъ. Османъ, видимо тронутый, приложилъ руку къ фескѣ. Сопровождавшій его драгоманъ Макѣевъ объяснилъ ему, что по Высочайшему повелѣнію ему отдается такая же честь, какъ русскому фельдмаршалу. Османъ поблагодарилъ и при помощи своего доктора (турка, говорящаго по-французски), Макѣева и нѣсколькихъ нашихъ офицеровъ — съ трудомъ вылезъ изъ коляски. Ходить онъ еще не можетъ. Виѣстѣ съ нимъ помѣщенъ и его докторъ.

Привезли также и прочихъ плѣнныхъ пашей. Ихъ оказалось всего десять, изъ нихъ двухъ младшихъ подарили румынамъ. По словамъ Макѣева, турки очень этимъ возмущены: самъ Османъ сказалъ ему, что этимъ двумъ пашамъ придется, по возвращеніи изъ плѣна, выйти въ отставку, какъ опозореннымъ. Турки вообще смотрятъ на румынъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Румыны же со своей стороны очень обижены, что имъ дали только двухъ пашей, и то самыхъ младшихъ: они убѣждены, наперекоръ очевидности, что намъ безъ ихъ содѣйствія не удалось бы взять Плевну. Замѣчательное самомнѣніе!

Подъ вечеръ получено радостное извѣстіе еще объ одномъ важномъ успѣхѣ нашего оружія: отряду Цесаревича удалось сегодня блистательно отбить ожесточенную турецкую атаку, направленную главнымъ образомъ на лѣвый флангъ руцукскаго

отряда, какъ ближайшій къ самому чувствительному мѣсту—къ ситовской переправѣ.

Объ этомъ важномъ событіи немедленно было донесено Государю и сообщено повсемѣстно слѣдующею телеграммою:

„Вчера, 29 ноября, съ 4-хъ часовъ пополудни турки начали переправляться большими силами черезъ Ломъ у деревни Красной. Къ вечеру переправилось уже болѣе 30-ти таборовъ. Сегодня, 30 ноября, утромъ турки атаковали всѣми силами корпусъ великаго князя Владиміра Александровича, направивъ главный ударъ на Мечку. Послѣ упорнѣйшаго боя, корпусъ великаго князя блистательно отбилъ турокъ съ фронта и перешелъ въ общее наступленіе, а между тѣмъ, по приказанію Наслѣдника-Цесаревича, лично присутствовавшаго въ сраженіи, подоспѣвшая бригада 35-й дивизіи ударила на лѣвый флангъ непріятеля. Дѣло было по истинѣ блестящее. Подробности дополнительно.

„На прочихъ мѣстахъ театра войны новаго ничего нѣтъ. У Яковцевъ и Златарицы войска наши попрежнему стоятъ на позиціи въ виду непріятеля.

„Противъ Лютикова, Арабъ-Канака и Златицы войска наши также занимаютъ прежнія позиціи.—Николай“.

Въ 9 час. вечера Государь отвѣтилъ:

„Благодарю отъ души. Ты поймешь, какъ я счастливъ и что сердце мое преисполнено благодарности къ Богу за новую Его милость. Сашѣ съ радостью вручу санъ Георгія 2-й степени и потому прошу ничего ему объ этомъ не говорить, равно и Владиміру, которому назначаю шпагу съ брилліатами“.

Вслѣдъ за сямъ была получена телеграмма Радецкого съ Шипки:

„Непріятель и его орудія до сихъ поръ еще на позиціи. Еслибъ и имѣлъ нѣсколько большія силы, то движеніемъ въ обходъ фланговъ и занятіемъ деревни Шипки можно было бы предупредить свозъ орудій и удобное его отступленіе“.

Къ сегодняшнему вечеру были собраны свѣдѣнія о нашихъ потеряхъ и трофеяхъ въ приснопамятный день 28-го ноября и Государю донесено слѣдующею телеграммою:

„Наша потеря въ гренадерскомъ корпусѣ въ день взятія Плевны 28 ноября:

„Убито: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 582.

„Ранено: штабъ-офицеровъ 5, оберъ-офицеровъ 40, нижнихъ чиновъ 1.207.

„Контужено: оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 3.

„Всего штабъ- и оберъ-офицеровъ 57, нижнихъ чиновъ 1.792.

„Потеря турокъ 28 ноября, по показанію Тевфикъ-паши, болѣе 4.000.

„Наши трофеи—плѣнныхъ: пашей 10, штабъ-офицеровъ 128, оберъ-офицеровъ 2.000; нижнихъ чиновъ: пѣхоты, за вычетомъ 4.000 потери, около 36.000; кавалеріи 1.200. Орудій взято 77.

„Число больныхъ и раненыхъ, не участвовавшихъ въ бою 28 ноября, еще неизвѣстно; число знаменъ—тоже.

„Знамя, отбитое съ бою, взялъ рядовой астраханскаго гренадерскаго Наслѣдника Цесаревича полка Егоръ Ждановъ.

„Плѣнные паши привезены сегодня въ Боготъ. Къ юртѣ Османа-паши я привезалъ поставить офицерскій караулъ, который при встрѣчѣ отдалъ ему честь съ барабаннымъ боемъ.—
Николай“.

Въ 9 час. вечера сегодня окончался, во всеобщему сожалѣнію, тяжело раненый гусарскій полковой адъютантъ, юный поручикъ графъ Бобринскій. Великій Князь, не желая огорчать Государя этимъ извѣстіемъ на ночь, отложилъ телеграмму о смерти Бобринскаго до утра.

1 декабря.—Сегодня уже выступили изъ-подъ Плевны: 2-я пѣхотная дивизія въ Корцелово (на Янтрѣ), въ распоряженіе Цесаревича, и командиръ 4-го армейскаго корпуса со своимъ штабомъ, 30-ю пѣхотною дивизією, 9-мъ драгунскимъ казанскимъ и 9-мъ гусарскимъ кіевскимъ полками—въ Тырновъ, на поддержаніе Радецкаго.

Великій Князь, получивъ дополнительную телеграмму Цесаревича о сраженіи 30 ноября, телеграфировалъ Государю:

„Вчерашняя атака турокъ на корпусъ Великаго Князя Владимира была ведена, по крайней мѣрѣ, 60-ю баталіонами и преимущественно на лѣвый флангъ и на центръ. Противъ праваго фланга были только слабыя демонстраціи. Мечку непріятель атаковалъ шесть разъ, но каждый разъ былъ отбрасываемъ съ огромнымъ урономъ. Къ часу дня подошла къ правому флангу 12-го корпуса 1-я бригада 35-й дивизіи. Ей было послано приказаніе немедленно взять во флангъ боевую линію турокъ. Когда бригада эта вступила въ бой и открыла огонь, то весь 12-й корпусъ перешелъ въ наступленіе и гналъ непріятеля по направленію на Красное до наступленія темноты. Турки отступали на Красное только потому, что путь на Чифликъ былъ имъ отрѣзанъ нашими войсками. Потеря турокъ должна быть очень велика: поле сраженія усыяно тѣлами убитыхъ и брошенными

ранеными. Наши потери еще не приведены въ извѣстность, но нѣсколько менѣе понесенныхъ 14-го ноября, хотя въ бою участвовало больше войскъ, чѣмъ тогда. Въ свѣтъ Великаго Князя Владиміра двое ранены: одна пуля упала около него самого. Поведеніе войскъ выше всякой похвалы.—Николай“.

На эту телеграмму Государь отвѣтилъ:

„Видно, что вчерашнее дѣло было серьезное и успѣхъ полный. Ты поймешь, сколь я счастливъ. Ёду сейчасъ къ молебну. Крайне сожалѣю о бѣдномъ Бобринскомъ. Пріѣхалъ ли его отецъ? До свиданія завтра въ 12 часовъ“.

По случаю расформированія отряда обложенія Плевны, номинальный начальникъ этого отряда, князь Карлъ Румынскій, составилъ прощальный приказъ, который я, по просьбѣ князя Имеретинскаго, перевелъ съ французскаго языка на русскій. Вотъ онъ:

„Приказъ по войскамъ отряда обложенія Плевны. № 31. Порадимъ 2-го декабря 1877 года.

„Офицеры и солдаты русской арміи! Ваша стойкость, ваши геройскія усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Плевна, которую непріатель мнилъ неприступною твердынею и непреодолимою преградю побѣдоносному шествію вашему, которая стояла христіанскому воинству столькожъ потоковъ благородной крови,—наконецъ пала.

„Цѣль, для которой былъ сформированъ отрядъ обложенія,— достигнута. Прощаясь нынѣ съ доблестными русскими войсками, начальство надъ которыми его величество Государь Императоръ удостоилъ мнѣ вѣрить,—я горячо благодарю всѣхъ, отъ генерала до солдата, за самоотверженное исполненіе каждымъ своего долга.

„Вы сражались все время на глазахъ вашего августѣйшаго повелителя и вашего рыцаря-главнокомандующаго, его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича. Они были свидѣтелями вашего геройскаго поведенія. Поэтому—не мнѣ воздавать вамъ должную хвалу.

„Но я не могу не высказать вамъ, что вы служили примѣромъ доблести и высшихъ воинскихъ добродѣтелей моимъ юнымъ войскамъ, которыя, пріявъ огненное крещеніе въ союзъ съ славною русскою арміей,—навсегда соединились съ вами узами военнаго братства. Я надѣюсь, что и вы сохраните о румынахъ, вашихъ боевыхъ товарищахъ, столь же доброе воспоминаніе, какое они навсегда сохранятъ о васъ.

„Съ глубокимъ сожалѣніемъ слагая сегодня съ себя на-

чальство надъ отрядомъ и прощаясь съ вами, я отъ души желаю вамъ и въ предстоящей еще борьбѣ за наше святое дѣло столь же блестящихъ успѣховъ, какъ и тѣ, которые вами уже такъ доблестно завоеваны.

„На прощанье провозгласимъ еще разъ вмѣстѣ, единогласно и единодушно: — Да здравствуетъ его величество Императоръ Всероссийскій! Ура!“

Подлинный подписалъ начальникъ отряда обложенія Плевны — Карль.

Сегодня за завтракомъ этотъ приказъ былъ прочитанъ вслухъ, послѣ чего исполнены гимны нашъ и румынскій.

Планъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій вызываетъ необходимость перемѣщенія и нашей главной квартиры. Государь со своею главною квартирою уѣдетъ на дняхъ въ Петербургъ: это рѣшено. Наслѣдника и великаго князя Владиміра Александровича хочетъ взять съ собою. Начальникомъ рущуевского отряда предполагается назначить или Тотлебена, или князя Дондукова-Корсакова, а начальникомъ штаба этого отряда, во всякомъ случаѣ, князя Имеретинскаго.

Намъ слѣдовало бы, выждавъ перехода Балканъ войсками Гурко, перейти въ Ловчу или Сельви, а затѣмъ, когда Гурко, наступая вдоль южнаго склона Балканъ, минуетъ эти пункты — перейти въ Габрово и наконецъ въ Шипку. Но Великій Князь уже проговорился, что лелѣетъ другую мысль: ему хочется перѣхать въ Орханію, чтобы слѣдовать вмѣстѣ съ войсками Гурко.

Если онъ это исполнитъ, то фактически не будетъ главнокомандующимъ, ибо, при нахожденіи на крайнемъ правомъ флангѣ, невозможно общее руководство военными дѣйствіями, въ особенности же по мѣстнымъ условіямъ и въ зимнее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Гурко лишится всякой самостоятельности, разъ что главнокомандующій, братъ Государя, постоянно будетъ у него надъ душой.

Богъ дастъ, еще удастся отклонить Великаго Князя отъ этой несчастной мысли.

2 декабря. — Сегодня состоялся въ Высочайшемъ присутствіи парадъ гренадерскому корпусу и другимъ частямъ войскъ, участвовавшимъ во взятіи Плевны. Къ сожалѣнію, я не могъ быть на этомъ историческомъ парадѣ, ибо былъ заваленъ спѣшною работою.

3 декабря. — Вчера поздно вечеромъ Великій Князь получалъ отъ Государя слѣдующую телеграмму:

„Прочитавъ сообщенное тобою послѣднее донесеніе Гурко, нахожу также крайне желательнымъ немедля приступить къ исполненію плана дѣйствій, о которомъ мы условились. Признаюсь, не легко мнѣ съ вами разставаться. Да будетъ благословеніе Божіе и впредь съ нами“.

Государь уѣзжаетъ завтра въ Наслѣднику и оттуда въ Россію. Сегодня утромъ получена интересная депеша „Agence Navas“, изъ Вѣны, отъ вчерашняго вечера; вотъ ея содержаніе въ русскомъ переводѣ:

„Константинополь, среда (т.-е. 30 ноября).—Паденіе Плевны произвело сильное впечатлѣніе на Порту. Опять возникъ вопросъ о смѣнѣ великаго визиря. Увѣряютъ, что Шахиру-пашѣ предписано замѣнить въ Софіи Мехмеда-Али, какъ отказавшагося, по недостаточности силъ, отъ союзнаго движенія съ Сулейманомъ, когда послѣдній двинулся по направленію на Тырновъ. Ходитъ слухъ, что Мухтаръ также будетъ смѣщенъ. Христіане повидимому вовсе не расположены вступать въ національную стражу. Въ греческихъ и армянскихъ церквахъ прибиты воззванія противъ военной службы“.

Я потому привожу дословно текстъ этой телеграммы, что она очень всѣхъ порадовала. Нелидовъ говорилъ мнѣ сегодня, что Государь склоненъ заключить миръ, если турки будутъ его просить, но перемирія—ни въ какомъ случаѣ не будетъ.

Послѣ-завтра отправляютъ въ Россію Османа-пашу. Куда—еще неизвѣстно, ибо выборъ мѣста предоставленъ министру внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы онъ сообщилъ свое рѣшеніе телеграммою въ Кишиневъ, бессарабскому губернатору. Османа повезетъ туда адъютантъ Великаго Князя, штабсъ-капитанъ Бибиковъ.

Османъ-паша просилъ позволенія телеграфировать о своемъ плѣненіи въ Константинополь. Разумѣется, ему это позволили. Сегодня я снялъ на память копію съ этой исторической телеграммы:

„Constantinople.—Riza-bey, maumtoz-effendi-zode, secrétaire du grand-visir.

„Vous ne devez pas ignorer, que depuis un mois et demi nous étions assiégés. Ne recevant pas depuis lors aucun secours et manquant complètement de vivres—j'ai pris la résolution, avec mes troupes, de frayer chemin à travers les rangs de l'armée russe. Mais, malgré tous mes efforts n'ayant pu réussir, suis tombé avec ma garnison prisonnier de guerre. Bravoure de mes soldats ayant été appréciée, j'ai trouvé l'accueil le plus bien-

veillant de S. M. l'Empereur, ainsi que de la part de son auguste frère. Ayant reçu légère blessure, à la jambe gauche, me porte assez bien. Ne connaissant pas encore endroit, où serai envoyé, vous écrirez lettres détaillées à mon arrivée à la résidence, qui me sera désignée. — Osman¹⁾.

Сегодня я просилъ Великаго Князя дать солдатскій георгиевскій крестъ корреспонденту „Новаго Времени“ В. И. Немировичу-Данченко, въ награду за его храбрость во время обложенія Плевны: онъ почти безотлучно находился на позиціи Скобелева и ежедневно былъ въ огнѣ. Великій Князь согласился и, приказавъ мнѣ привести его къ нему, лично вручилъ Немировичу крестъ. Конечно, онъ былъ въ полномъ восторгѣ.

4 декабря. — Вчера вечеромъ Великій Князь получилъ отъ Государя (изъ Брестоваца, под. въ 6 ч. вечера 3 декабря) слѣд. телеграмму:

„Вручилъ условенныя награды обоимъ братьямъ (т.-е. Цесаревичу и Великому Князю Владимиру). Ты поймешь ихъ радость и мою. Здѣсь послѣ 30 ноября все спокойно. Жду съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій отъ Деллингсгаузена и Гурво“.

Сегодня узналъ, что Цесаревичъ отказался ѣхать въ Россію до окончанія войны. Высоко-доблестный поступокъ! Сколь многіе простые смертные, не исключая и весьма-высокопоставленныхъ, спятъ и видятъ, какъ бы поскорѣе уѣхать въ Петербургъ подъ благовиднымъ предлогомъ. А наслѣдникъ престола, проникнутый высокимъ сознаніемъ долга, предпочитаетъ остаться на своемъ тяжеломъ, скучномъ и неблагодарномъ посту. Краснорѣчивый урокъ, но едва-ли онъ устыдитъ желающихъ отсюда вырваться: самое большое, если наиболѣе осторожные изъ нихъ будутъ сдерживать свои вожделѣнія.

Штабъ бывшаго отряда обложенія Плевны все время усиленно занятъ отправкою плѣнныхъ: около одной трети ихъ уже отправлено. Дѣло это шло сперва черезъ пень-колоду вслѣдствіе того, что Великій Князь отдавалъ прямыя приказанія на этотъ счетъ разнымъ лицамъ, помимо и безъ вѣдома Тотлебена. Приказанія

¹⁾ „Константинополь, Риза-бею, маумтозъ-эффенди-зодъ, секретарю великаго визира:

„Вамъ безвѣстно, что въ продолженіе полутора мѣсяцевъ мы были осаждены. Не получая съ тѣхъ поръ никакой помощи и совершенно истощивъ продовольственные запасы, я съ моими войсками рѣшился пробиться сквозь русскую армію. Несмотря на всѣ усилія, мнѣ это не удалось, и я со всѣмъ гарнизономъ по-

скрещивались и приводили къ путаницѣ и беспорядку, что, конечно, отражалось на участи плѣнныхъ: первые два—три дня они, буквально, голодали. Теперь Великій Князь пересталъ интересоваться этою новинкою, и дѣло наладилось.

Сегодня графъ Протасовъ-Бахметевъ, Левицкій и я, въ сопровожденіи драгомана Магъева, были съ визитомъ у Осман-паши. Пробыли у него недолго, чтобы не беспокоить своимъ любопытствомъ и чтобы не мѣшать ему поговорить съ Тевфикъ-пашой, который пришелъ вслѣдъ за нами, чтобы проститься со своимъ начальникомъ: его уже увозятъ. Весь разговоръ нашъ заключался въ комплиментахъ храбрости Османа и его арміи. Мы высказали ему, что всѣ русскіе всегда уважаютъ храбрыхъ и доблестныхъ враговъ, и что въ Россіи, куда онъ теперь поѣдетъ, всѣ постараются скрасить ему тяжесть плѣна, насколько возможно. Въ заключеніе мы пожелали ему счастливаго пути, добраго здоровья и скорого возвращенія на свободу.

Все это передавалъ ему Магъевъ. Османъ отвѣчалъ любезностями, но весьма односложными. Во время визита онъ лежалъ на походной кровати, мы сидѣли около него на табуретахъ, а его докторъ и Тевфикъ-паша стояли.

Великій Князь заходилъ къ Осману три раза. Османъ просилъ Великаго Князя принять на память его боевого коня, котораго Великій Князь и принялъ съ благодарностью, но, кажется, ничѣмъ его не отдарилъ: по крайней мѣрѣ, я ничего объ этомъ не слышалъ.

Отъ Магъева узналъ, что возвращенная Государемъ Осману-пашѣ сабля—не та, которая была пожалована ему султаномъ за отраженіе штурма 30-го августа. Жалованная сабля не успѣла до него дойти и, по слухамъ, лежитъ въ Софіи.

Вчера только полученъ точный списокъ взятыхъ въ Плевнѣ въ плѣнъ турецкихъ генераловъ: ферикъ (генераль-лейт.) Адель-паша; ливы (генераль-маіоры): Тахиръ-паша ¹⁾, Тевфикъ-паша (начальникъ штаба и начальникъ инженеровъ), Ахметъ-паша (начальникъ артиллеріи), Атыфъ, Садыкъ, Таиръ-Эмиръ, Гуссейнъ-Вашри и Эхемъ—паши. Всего съ Османомъ 10 пашей.

палъ въ плѣнъ. Во уваженіе къ храбрости моихъ солдатъ, я былъ чрезвычайно благосклонно принять какъ его величествомъ Императоромъ, такъ и его августѣйшимъ братомъ. Будучи легко раненъ въ лѣвую ногу, чувствую себя довольно хорошо. Такъ какъ мѣсто моего пребыванія мнѣ еще неизвѣстно, прошу написать мнѣ подробно уже по прибытіи моемъ по назначенію.—Османъ“.

¹⁾ Номинальный начальникъ штаба.

Сегодня отецъ и старшій братъ умершаго отъ ранъ поручика графа Владиміра Бобринскаго увезли его тѣло въ Россію.

Сегодня утромъ Великій Князь получилъ слѣдующія телеграммы:

1) Отъ Цесаревича изъ Брестовца:

„Отъ всей души благодарю за поздравленіе, а въ особенности за лестныя слова. Благодарю Бога, что Онъ не оставилъ насъ и съ честью вывелъ насъ изъ труднаго и тяжелаго положенія, въ которомъ мы находились. Только вчера узналъ о высшей военной награждѣ, тобою полученной. Отъ всего сердца поздравляю и обнимаю“.

2) Отъ великаго князя Владиміра Александровича, изъ Абла-нова:

„Счастливъ и радъ, что Господь сподобилъ дважды отравить настойчивыя атаки непріятеля. Да будетъ милость Его на насъ и впредь. Обнимаетъ тебя счастливѣйшій изъ корпусныхъ командировъ“.

Вскорѣ затѣмъ получена и телеграмма Государя изъ Брестовца, отъ 1 ч. настоящаго дня:

„Саша увѣдомить тебя о нѣсколькихъ наградахъ, которыя я далъ здѣсь. Прикажи Тотлебену и Имеретинскому отправиться сюда немедленно. Сейчасъ отправляюсь далѣе; телеграфируй мнѣ сегодня во Фратешти, завтра—въ Бухарестъ“.

Въ дополненіе къ этой телеграммѣ получена телеграмма отъ генерала Струкова изъ Петропашъ: „Государь Императоръ прибудетъ сюда въ три часа. Поѣздъ готовъ до Фратешти, гдѣ ночлежь“.

Государю послано сегодня три телеграммы:

1) Въ Брестовацъ:

„Деллинггаузенъ донесъ, что вслѣдствіе усиленія турокъ противъ нашего ханкюйскаго отряда и въ виду произведенной противъ него непріятелемъ усиленной рекогносцировки, онъ направилъ туда бригаду 26-й дивизіи. Еленинскій и златарицкій отряды расположились на позиціяхъ впереди этихъ пунктовъ, выдвинувъ авангарды въ Беброву“.

„Князь Миланъ сербскій телеграфируетъ мнѣ отъ 2-го декабря, что онъ вынужденъ снова поднять оружіе противъ турокъ и становится лично во главѣ своей арміи“.

2) Во Фратешти:

„Вчера, 3-го декабря, на Шипкѣ была перестрѣлка, въ которой у насъ ранено 20 нижнихъ чиновъ. Отъ Деллинггаузена и Гурко новаго ничего нѣтъ. 9-й корпусъ выступилъ сегодня

по назначенію (т.-е. на подрѣзание Гурко). Османа отправляю завтра въ Кишиневъ съ Бибиковымъ (адъютантъ Великаго Князя). До настоящаго дня всѣ пашы и 20.000 плѣнныхъ уже отправлены“.

5 декабря. — Сегодня утромъ Бибиковъ увезъ Османа-пашу въ Кишиневъ.

Ночью Великій Князь потребовалъ меня къ себѣ и приказалъ составить и отправить Государю (во Фратешти) слѣдующую телеграмму:

„Наши передовыя войска, преслѣдуя турокъ, захватили телеграфную линію отъ Елены до Беброва, вняли запасы галетъ, нѣсколько плѣнныхъ, заняли Беброво и достигли разбѣдами Ахмедли. Турки потеряли много убитыхъ и раненыхъ. Наша потеря 12 человекъ, въ томъ числѣ тяжело раненъ нарвскаго гусарскаго полка поручикъ Апушкинъ. Пожаръ въ Еленѣ прекращенъ нашими войсками: сгорѣло только 40 домовъ“.

Отвѣтъ отъ Государя на эту телеграмму былъ полученъ уже подъ вечеръ, изъ Бухареста, отъ 4 ч. 45 м. пополудни:

„Остался чрезвычайно доволенъ переправою въ Батинѣ. Здѣсь приемъ восторженный. Радуюсь занятію Беброва, жду съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій. Не забудь благодарить императора Вильгельма за золотой вѣнокъ къ ордену „roug le mérite“, который онъ тебѣ посылаетъ“.

Цесаревичъ, на запросъ Великаго Князя (текстъ коего мнѣ неизвѣстенъ) отвѣтилъ слѣдующей телеграммою:

„Когда поѣдемъ съ Владиміромъ, рѣшительно не знаю. Напишу тебѣ на-дняхъ. Очень желалъ бы знать, куда направится гвардейскій корпусъ и что предполагаетъ предпринять. Мнѣ необходимо знать для собственныхъ соображеній и расчета времени“.

Телеграмму эту Великій Князь передалъ сегодня вечеромъ на храненіе, но что отвѣтилъ—не сказалъ.

Сегодня же получены двѣ интересныхъ телеграммы агентства Гавасъ: 1) изъ Аѳинъ, отъ 4-го, о народной уличной манифестации въ пользу объявленія Турціи войны: участники разогнаны полиціей и жандармами; 2) изъ Константинополя, отъ 1-го декабря, черезъ Вѣну.

Обнаружено посланіе султана турецкому „парламенту“ во вкусъ и тонъ англійскихъ тронныхъ рѣчей, очевидно, англійскаго издѣлія. Привожу переводъ съ французскаго текста депеши:

Султанъ, упомянувъ о войнѣ, начатой Россією, добавилъ, что

нѣкоторая часть его подданныхъ возмутилась, не взирая на дарованіе имъ правъ, обезпечивающихъ равноправность всѣхъ національностей, вѣроисповѣданій и языковъ. Румынія объявила Турціи войну безъ всякаго законнаго повода и тѣмъ усугубила затруднительность положенія. Но, не взирая на все это, страна энергически защищается, патріотизмъ турокъ и храбрость войскъ вызываютъ удивленіе всего міра. Султанъ вновь обращается къ патріотизму и содѣйствию народа для защиты законныхъ правъ Порты. Образование ополченія будетъ вскорѣ закончено: немусульманскіе подданные султана сами выражаютъ желаніе принять участіе въ защитѣ отечества. Конституція даровала всѣмъ турецкимъ подданнымъ равныя права и налагаетъ на всѣхъ равныя обязанности. А посему весьма естественно, что немусульманскіе подданные султана должны быть привлечены къ воинской повинности, составляющей первый долгъ и основу равноправія: правительство уже рѣшило, что воинская повинность должна ложиться не на однихъ только мусульманъ, но на всѣхъ подданныхъ безъ различія вѣроисповѣданія. Единственное спасеніе имперіи—въ конституціи: султанъ желаетъ, чтобы всѣ его подданные могли вкусить блага прогресса и современной цивилизаціи. Султанъ настаиваетъ на преобразованіи финансовъ съ цѣлью выполненія лежащихъ на Турціи обязательствъ; на правильномъ распредѣленіи и взиманіи податей; на пересмотрѣ системы администраціи, судоустройства и судопроизводства; на реформѣ землевладѣнія и вакуфовъ; наконецъ, на преобразованіи жандармеріи. Къ несчастью, осуществленіе всѣхъ этихъ реформъ задерживается войною. Масса беззащитныхъ женщинъ и дѣтей подверглась возмутительнымъ, варварскимъ насиліямъ. Но султанъ надѣется, что въ будущемъ ничто не помѣшаетъ правильному отправленію правосудія. Муниципальный законъ, изданный въ прошломъ году, уже приведенъ въ исполненіе. Новые законопроекты, выработанные государственнымъ совѣтомъ, будутъ предложены на обсужденіе палаты: такъ, напр., законы о производствѣ выборовъ, о правахъ и обязанностяхъ министровъ, объ устройствѣ судовъ. Сверхъ того, палаты будутъ спрошены по вопросамъ объ устройствѣ вилайетовъ, о законахъ печати, о податяхъ. Будетъ доложено о положеніи дѣла разработки тѣхъ 16-ти законопроектовъ, которые обсуждались въ послѣднюю сессію. Султанъ обращаетъ особое вниманіе палаты на смѣту предстоящихъ расходовъ и прибавляетъ: внутреннія преобразованія, уже совершенныя, несмотря на войну, служатъ доказательствомъ искренности нашихъ намѣреній; въ обезпеченной свободѣ преній палаты имѣютъ наи-

лучшее средство раскрыть истину по всѣмъ вопросамъ, предлагаемымъ на ихъ обсужденіе.

Въ заключеніе султанъ говоритъ:

Наши отношенія съ дружественными державами—самыя сердечныя.

Кому нужна эта постыдная комедія англійскаго сочиненія? Кого этими благоглупостями благоудивить хотятъ?

Великій Князь говорилъ, что въ Петербургѣ вчера только установился санный путь. У насъ снѣгъ идетъ почти ежедневно, но только увеличиваетъ и безъ того глубокую грязь. Все время легкой морозъ по ночамъ и до 3⁰ тепла днемъ. Такъ какъ у насъ въ кибиткѣ выше 5⁰ не бываетъ, то Левицкій все стремится переѣхать въ землянку, но встрѣчаетъ рѣшительное несогласіе съ моей стороны. Великій Князь забавляется этимъ разногласіемъ и подтруниваетъ надъ Левицкимъ, что я его пригнѣблю.

6 декабря.—Сегодня Тотлебенъ съ княземъ Имеретинскимъ и всѣмъ бывшимъ штабомъ отряда обложенія Плевны ѣдутъ въ Брестоваць, къ Цесаревичу.

Характерно, что офицеры генеральнаго штаба всегда стремятся уйти изъ главной квартиры куда угодно. Причина вполнѣ понятна: во всякомъ отрядѣ офицеръ генеральнаго штаба на виду и въ серьезной работѣ, а въ главной квартирѣ—совершенно заслоненъ адъютантами и ординарцами Великаго Князя. Имъ даются всѣ видныя и серьезныя порученія, а офицеры генеральнаго штаба или корпятъ надъ бумагами, или принуждены слоняться безъ дѣла.

Фрезе вчера вернулся отъ Ганецкаго, который отъ него въ такомъ восторгѣ, что приписываетъ ему успѣхъ сраженія 28-го ноября и хочетъ представить его къ георгиевскому кресту.

Сегодня съ ранняго утра началась адская снѣжная метель, продолжавшаяся весь день и не утихшая и къ ночи. Вѣтеръ такъ и рветъ, снѣгъ вкрутить, морозъ усиливается.

Вчера получены извѣстія отъ агентства Гавасъ: Мехмедъ-Али-паша замѣненъ Шакиромъ-пашой; первый уже прибылъ въ Константинополь. Турецкія газеты, отъ 2-го декабря, говорятъ уже въ менѣ воинственномъ тонѣ. Въ Пештѣ 2-го декабря былъ турефильскій митингъ: собралось до 8.000 чел.; постановили требовать отъ правительства, чтобы оно положило предѣлъ развитію русскихъ успѣховъ, хотя бы силою оружія. Президентъ совѣта, которому была послана депутація, ее однако не

принялъ. Князь Миланъ 2-го декабря выѣхалъ изъ Бѣлграда въ Алексинацъ; моравскій отрядъ въ тотъ же день перешелъ границу и занялъ Сѣканицу и Топольницу. Всѣ эти свѣдѣнія сообщены сегодня Гурко въ Осиково телеграммою.

Государю донесено сегодня въ Бухарестъ, вслѣдъ:

„Деллингсгаузенъ донесъ, что непріятель отступилъ по всей линіи и наши войска заняли прежнее расположеніе: Джулуиъ, Златарицу, Елену, имѣя авангарды въ Кесаревѣ, Беци-Малѣ, Бебровѣ и Буйновцѣ. Ахмедли занято турецкимъ отрядомъ всѣхъ родовъ оружія. У Цесаревича все спокойно: Тотлебенъ съ Имеретинскимъ ѣдутъ туда сегодня. Арнольди донесъ отъ 3-го декабря, что 30-го ноября, 1-го и 2-го декабря турецкая пѣхота съ кавалеріей и двумя орудіями пыталась наступать изъ Берковца на Боровцы для овладѣнія мостомъ черезъ Клиссу, но отражена двумя эскадронами харьковскихъ уланъ. Отъ Гурко новаго ничего нѣтъ“.

Вслѣдъ за отправкою этой телеграммы, получена телеграмма Гурко, что, по донесенію изъ Врацы отъ 4-го декабря, турки, послѣ упомянутыхъ неудачныхъ попытокъ, оставили Бервовацъ и отступили къ Софіи, бросивъ въ Бервовцѣ одно орудіе. Вслѣдъ затѣмъ туда вступилъ разѣздъ л.-гв. уланскаго его величества полка подъ командою флигель-адъютанта ротмистра графа Берга.

Объ этомъ тотчасъ же было донесено Государю, съ добавленіемъ, что дѣло отправки плѣнной плевнинской арміи приходитъ къ концу. Османъ-паша отправленъ вчера, двое пашей и 9.000 плѣнныхъ переданы румынамъ.

7 декабря.—Только сегодня, послѣ цѣлаго ряда напоминаній, получены точныя свѣдѣнія о нашихъ потеряхъ въ сраженіи при Марени и Еленѣ 22-го ноября, которыя и сообщены немедленно начальнику главнаго штаба слѣдующими двумя телеграммами:

1) „Убито и взято въ плѣнъ (отдѣлить эти цифры невозможно) всего: 24 офиц. и 658 нижн. чиновъ“.

2) „Ранено всего: 31 офиц. и 1.149 нижн. чиновъ“.

Въ виду неизвѣстности фамилій офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ, Великій Князь телеграфировалъ Убри, нашему послу въ Берлинѣ, чтобы онъ попросилъ князя Рейсса (германскаго посла въ Константинополь) узнать и сообщить фамиліи плѣнныхъ, а также о состояніи здоровья тѣхъ изъ нихъ, которые ранены.

Сегодня у Великаго Князя было совѣщаніе: Непокойчицкій, М. Д. Скобелевъ и Левицкій. Рѣшено: 3-й стрѣлковой бригадѣ 9-го декабря выступать въ Ловчу, а 16-й пѣхотной дивизіи, 10-го декабря, въ Сельви.

Отъ Государя получена телеграмма со станці Рѣманъ, отъ 5 ч. пополудни:

„Прошу передать мое поздравленіе л.-гв. стрѣлковому баталіону императорской фамиліи съ ихъ праздникомъ и спасибо за молодецкую службу. Продолжаемъ путь благополучно“.

Великій Князь телеграфировалъ Государю:

„Въ отрядѣ Гурко новаго ничего нѣтъ. Вездѣ, особенно на Балканахъ, снѣжныя вьюги. Въ горахъ, занимаемыхъ войсками Гурко, таковой туманъ, что въ пяти шагахъ ничего не видно. Все это сильно замедляетъ движеніе войскъ, но тѣмъ не менѣе всѣ волонны идутъ по назначенію“.

Гурко послана въ Осиево слѣдующая телеграмма:

„Нашъ греческій посланникъ телеграфируетъ изъ Аѳинъ: отъ султана скрываютъ неудачи въ Орханіи и окрестностяхъ, почему онъ настаиваетъ на наступленіи. 27-го ноября стараго стила къ Мехмеду-Али подошли 12 баталіоновъ съ Шипки, что довело его армію до 43 баталіоновъ при 50 орудіяхъ. Значительная часть его войскъ—мобилизованная національная гвардія. Семь баталіоновъ было почти уничтожено, вѣроятно когда они атаковали московскій полкъ (21-го ноября) и отправлено въ Софію, гдѣ, кромѣ того, находятся только 1 баталіонъ, 2 эскадрона, 3 батареи. Армія, стоящая противъ васъ, деморализована“.

Великій Князь посылалъ какую-то собственноручную телеграмму Цесаревичу, отъ котораго и получилъ подъ вечеръ слѣдующій отвѣтъ:

„Благодарю сердечно за именинника и поздравляю тоже съ нашимъ баталіоннымъ праздникомъ. Пока лучше оставить конвой тамъ. Рѣшительно ничего не могу сказать, сколько времени останусь и куда поѣду. Переговоривши съ Тотлебенемъ, напишу тебѣ“.

Вторая часть телеграммы мнѣ непонятна. Можно лишь догадываться, что Государь передъ отъѣздомъ въ Россію о чемъ-то условился съ Наслѣдникомъ и притомъ отчасти по предварительному соглашенію съ Великимъ Княземъ, отчасти же и безъ вѣдома послѣдняго.

Уже ночью получена отъ Государя телеграмма изъ Яссы:

„Радуюсь занятію Берковца. Надѣюсь, что кавалерія будетъ вскорѣ замѣнена подошедшею пѣхотою. Здѣсь также снѣгъ и довольно сильный морозъ. Прошу телеграфировать мнѣ завтра въ Бирзулу“.

М. ГАЗЕНКАМЦЪ.

ПЕРВЫЙ КЛИЕНТЪ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Черная медвѣжья шкура, украшающая полъ моего кабинета, напоминаетъ мнѣ клиента, — перваго клиента въ моей жизни. Обстоятельства сдѣлали меня случайнымъ адвокатомъ, а его — случайнымъ преступникомъ. Я не искалъ его, онъ не искалъ меня, но все сложилось такъ, что мы встрѣтились на жизненномъ пути, и я нечаянно оказалъ ему услугу.

Я живо помню перваго своего клиента.

Это былъ коренастый якутъ, съ широкимъ лицомъ, узкими, фескими глазами, выражающими сразу и робость, и недовѣрчивость, и лукавство. Черныя, сросшіяся на переносицѣ брови, орлиный носъ и бѣлые крѣпкіе зубы, свергавшіе изъ-подъ рѣдкихъ усовъ, дѣлали его похожимъ на татарина. Слишкомъ выдающіяся скулы и низкій лобъ говорили о монгольскомъ происхожденіи. Въ общемъ, это былъ чистѣйшій представитель расы. Въ своей ушастой шапкѣ, кожаныхъ штанахъ, рубахъ изъ оленьихъ шкуръ, въ сапогахъ изъ сыромятной кожи, съ загнутыми вверхъ носками и безъ каблукъ — онъ былъ похожъ на воина Аттилы, изъ старинныхъ гравюръ. Недоставало только лука за плечами и аркана въ рубахъ.

И вотъ этотъ воинъ Аттилы, не понимавшій ни слова по-русски, очутился подъ судомъ и слѣдствіемъ.

Человѣкъ этотъ выросъ въ тайгѣ и зналъ только то, что

говорили ему вой пурги, грохотъ льдовъ на днѣ горной рѣчки, шумъ лѣсовъ, безлюдныхъ и безбрежныхъ, какъ небо, растялающееся надъ ними, въ блескѣ звѣздныхъ ночей... Онъ зналъ хорошо, что говорятъ слѣдъ звѣря въ сугробахъ лѣсной опушки, крикъ птицы на вершинѣ старой сосны, вой волка на днѣ каменнаго ущелья, движеніе облаковъ на тихой лазури лѣтнаго дня, и многое другое. Но не зналъ онъ ничего о томъ, что говорятъ законы Россійской Имперіи.

„Но развѣ эти законы,—могъ бы спросить житель тайги,—выработанные культурными людьми для культурныхъ людей,—понятны для обитателя лѣсовъ, который чувствуетъ, думаетъ и страдаетъ иначе, чѣмъ обитатель сель и городовъ?“

На этотъ вопросъ ему отвѣтили бы, что нельзя отговариваться невѣдѣніемъ законовъ, даже непонятныхъ и сложныхъ.

Такія мысли промелькнули у меня въ умѣ, когда я въ первый разъ увидѣлъ моего будущаго кліента, Петра Габышева, по-якутски Атасыва, передъ лицомъ судебного слѣдователя.

— Спроси его,—говорилъ слѣдователь переводчику, молодому якуту, только-что окончившему одноклассное училище,—признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что 15 сентября, на урочищѣ „Олбутъ“, онъ въ запальчивости и раздраженіи, однакоже не случайно, лишилъ жизни Ивана Сивцова, по прозванію Соймара, ударомъ палки по головѣ?

Переводчикъ, паренекъ лѣтъ четырнадцати, съ умнымъ и утомленнымъ отъ чрезмѣрнаго вниманія лицомъ,—повторилъ вопросъ по-якутски и, выслушавъ длиннѣйшую отповѣдь обвиняемаго, сказалъ:

— Не виновать, говорить... Это всѣ они по злобѣ на меня показываютъ, говорить... Они всѣ—родственники Соймара, говорить.... Торговали водкой, говорить, и боятся, какъ бы имъ за это не было худо... Потому неправду показываютъ... Врутъ все, говорить.

Слѣдователь слушалъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Его доброе лицо, съ болѣзненнымъ румянцемъ на щекахъ, какъ-то нервно подергивалось; надъ бровями появлялись морщины, глаза загорѣлись огонькомъ досады.

— Кто же убилъ Соймара? Вѣдъ свидѣтели видѣли его вмѣстѣ съ обвиняемымъ... Виѣли, какъ они водку пили, какъ ссорились. Самъ онъ себя уби ѣ, что-ли?..

— Не могу знать, говорить... Свидѣтели водкой торговали, оттого и показываютъ, говорить...

Слѣдователь быстро перелистываетъ толстое дѣло, начатое

еще за сѣдателемъ и переданное ему, первому мировому судѣ (онъ же слѣдователь и нотариусъ) округа, гдѣ съ 1-го іюля 1897 года введена судебная реформа. Когда онъ открывалъ мировой судъ въ городѣ, въ присутствіи всѣхъ нотаблей округа и улуса,—онъ говорилъ, что отнынѣ будетъ дѣйствовать судъ гласный, скорый и милостивый, и вѣрилъ тому, что говорилъ.

Но потомъ, когда отъ земскаго за сѣдателя стали поступать кипы старыхъ дѣлъ—наслѣдіе дореформеннаго суда,—когда изъ этихъ дѣлъ выяснилось, что въ разныхъ пунктахъ округа, этапъ на разстояніи верстъ восьмисотъ, ждутъ вскрытія, во временныхъ могилахъ, нѣсколько труповъ,—онъ пересталъ вѣрить тому, что говорилъ, и усомнился въ скорости новаго суда.

Одинъ изъ этихъ труповъ лежалъ уже мѣсяцевъ десять на урочищѣ Олбутъ и ждалъ вскрытія, во временной могилѣ. Чтобы добраться до него, нужно было переплыть одну огромную рѣку, одну средней величины рѣку и четыре малыхъ рѣчки; нужно было перевалить черезъ два „гольца“ или „камня“ и пробѣжать черезъ сорокаверстную полосу „вѣвѣчной“ тайги, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни мостовъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ давнихъ и самыхъ дальнихъ труповъ, и потому первый мировой судья округа и рѣшилъ начать съ него свою слѣдовательскую дѣятельность.

Въ сопровожденіи окружнаго врача, своего письмоводителя, которымъ въ это время былъ я, и двухъ якутовъ проводниковъ мировой судья переплылъ всѣ встрѣчныя рѣчки и рѣчки, перевалилъ черезъ всѣ встрѣчные гольцы и камни; пробѣжалъ верхомъ на дикомъ пугливомъ вонѣ, по еле замѣтной тропѣ, полосу тайги; добрался до урочища Олбутъ и приступилъ къ допросу свидѣтелей и обвиняемаго, такъ какъ вскрытія нельзя было произвести въ тотъ день.

Не имѣя возможности способствовать тому, чтобы судъ былъ скорый, судья хотѣлъ способствовать тому, чтобы судъ былъ милостивый, и старался подготовить для этого почву. При первыхъ же допросахъ онъ понялъ, что свидѣтели и обвиняемый мѣрятъ судъ новый мѣркою суда стараго. Они думали, что „судъ наѣхалъ“ не для того, чтобы выяснить дѣло и воздать каждому по заслугамъ, а для того, чтобы затемнить дѣло и завести волонити лѣтъ на десять.

^b Поэтому они говорили неохотно и уклончиво. Они хотѣли убедить судью, что Соймаръ самъ себя убилъ, и говорили это я того, чтобы уменьшить размѣръ „дани“. Большого труда и очу:ало дипломатическаго искусства понадобилось для того, чтобы авить свидѣтелей говорить правду.

Правда заключалась въ томъ, что на урочище Олбуть прибылъ русскій купецъ, культурный человекъ, для назиданія котораго преимущественно и были составлены законы и который еще менѣе могъ отговариваться незнаніемъ ихъ, чѣмъ якутъ.

Онъ прекрасно зналъ, что водку запрещено продавать въ „стойбищахъ“ инородцевъ, однако продавалъ ее, чтобы при помощи ея выгоднѣе купить соболей.

Атасыка и Соймаръ продали купцу бѣлку, добытую ими въ лѣсахъ, купили водки и напились. Напившись, они повздорили, повздоривши—подрались, и вотъ—Соймаръ лежитъ во временной могилѣ съ расколотымъ черепомъ, а Атасыка отданъ подъ строжайшій надзоръ общества.

Когда „судъ наѣхалъ“, общество засадило Атасыку въ пустой амбаръ, чтобы показать свою строгость.

Выпущенный изъ амбара, Атасыка впалъ въ мрачное настроеніе и не хотѣлъ признать очевидныхъ и доказанныхъ фактовъ.

— Скажи ему, — сказалъ судья переводчику, — что ему лучше всего сознаться. Тогда и наказаніе будетъ гораздо легче...

Переводчикъ переводилъ такъ усердно, что на лбу у него выступали капли пота, но Атасыка не сходилъ съ разъ занятой позиціи.

— Не могу знать... А только свидѣтели все врутъ на меня... Я не пилъ водки съ Соймаромъ, не ругался... Напрасно показываютъ...

Судью раздражало это упорство, лишившее его надежды способствовать тому, чтобы судъ былъ милостивый и чтобы возбудить довѣріе въ сердцахъ этихъ людей, привывшихъ въ волонитѣ, наѣздамъ и поборамъ.

— Чтò дѣлать! — обратился онъ ко мнѣ. — Запишите то, что онъ говорить... Можетъ быть, до суда онъ одумается...

Сколько рѣвъ, горь и лѣсовъ проѣхали мы, представители европейской культуры, для того, чтобы способствовать правильному ходу правосудія, — но врядъ ли этотъ ходъ былъ правиленъ, благодаря поведенію обвиняемаго, отягчавшему свое положеніе безъ всякой нужды, вопреки здравому смыслу. Упорство его происходило отъ традиціоннаго недовѣрія къ старому суду и къ законамъ, невѣдѣніемъ которыхъ онъ не могъ отговариваться.

II.

Вечеромъ, лежа на полу „лѣтника“ на душистомъ сѣнѣ, мы дѣлились впечатлѣніями дня. Упрямство Атасмен, не понимавшаго своей очевидной выгоды,—удивляло насъ. Судья склонился къ тому мнѣнію, что виновный дѣйствовалъ съ умысломъ, сознательно, а не въ пьяномъ видѣ и въ зазначивости.

— Вѣроятно, между ними были какіе-нибудь старые счёты изъ-за промысла или женщинъ... Еслибы онъ дѣйствовалъ безъ умысла, то навѣрное признался бы. Дѣяніе слѣдуетъ квалифицировать не по 1455, а по 1454 статьѣ уложенія.

Врачъ, знающій лучше край и его населеніе, не соглашался съ этимъ.

— Нѣтъ, онъ нагрезилъ съ пьяныхъ глазъ... А не признается потому, что не имѣетъ довѣрія къ намъ, людямъ культурнымъ, которыхъ онъ считаетъ своими естественными врагами за то, что они хотятъ ему навязать свои обычаи, законы, языкъ и взгляды; за то, что они вносятъ чуждую струю въ его простую, несложную, почти дикую жизнь...

— Но вѣдь якуты все болѣе и болѣе входятъ въ сферу вліянія присковъ,—возразилъ я.

— Они берутъ сами то, что имъ нравится въ укладѣ присковой жизни. А мы со своими обычаями, порядками и школами грозимъ имъ воренной ломкой устоевъ ихъ самобытной жизни, и они инстинктивно реагируютъ противъ культурнаго вліянія высшей расы... Чтò, батенька, приска! Якутъ везетъ туда свои продукты, получаетъ чистыя денежки, возвращается въ свои лѣса и горы и живетъ такъ, какъ жили дѣды. Это связь чисто экономическая... А мы, вотъ, хотимъ, чтобы эти инородцы переняли нашъ языкъ, нашъ укладъ жизни, хотимъ связать ихъ съ нами, такъ связать, морально...

— Надо сказать правду, что прежній, дореформенный судъ не способенъ былъ внушить довѣріе къ себѣ...

— О, да!.. Чтò это за судъ, гдѣ дѣла вершились слышными? Они занимались по вольному найму во всѣхъ канцеляріяхъ... Судили, собственно говоря, они, а начальство, занятое кутежами, лишь подписывало бумаги... Это былъ въ полномъ смыслѣ бумажный судъ. Только земскій засѣдатель, производившій слѣдствіе, могъ видѣть свидѣтелей, слышать живое слово...

При упоминаніи о старыхъ порядкахъ, мнѣ припомнились

дѣльцы суда до-реформеннаго. Это были уголовные ссыльные изъ привилегированныхъ, занимавшіеся въ судахъ по вольному найму. Жадные, искусившіеся въ крючкотворствахъ, они наводили страхъ на мирныхъ обывателей, и тѣ несли имъ дань при малѣйшемъ намежѣ на возможность имѣть дѣло съ судомъ.

— Похлопочите ужъ!—говорили они писцамъ. — Отъ роду не судился!.. сдѣлайте какъ-нибудь получше.

Конечно, эти „хлопоты“ не мало стоили обывателямъ, отъ роду не судившимся, и отбивали охоту судиться даже у обиженныхъ.

Судья былъ искренно огорченъ упорствомъ Атасыки. Сколько трудовъ было употреблено на то, чтобы добраться до Олбута и произвести слѣдствіе при той же обстановкѣ, при какой было совершенно преступленіе!

Цѣлый день съ утра до вечера пришлось ѣхать верхомъ по невозможной дорогѣ. Не привышій къ верховой ѣздѣ судья упалъ съ коня и чуть не сломалъ себѣ ногу. Единственнымъ удовольствіемъ для него было то, что онъ, житель столицы, очутился вдругъ въ заправской „вѣковѣчной“ сибирской тайгѣ, въ дикой безлюдной пустынѣ, о какой онъ мечталъ еще мальчикомъ, когда читалъ повѣсти Майнъ-Рида.

Въ тихій июльскій вечеръ мы выѣхали изъ сельскаго управленія Нюректейскаго наслѣга, гдѣ судья разбиралъ дѣла (по пути) и направились къ большой рѣкѣ, первой изъ тѣхъ, которыя надо было переплыть, чтобы добраться до временной могилы безвременно погибшаго Соймара.

По берегу рѣки тянулись заливные луга. Туманы сизой пеленой стлались по травѣ, вились надъ сырими равнинами, ползли, повисая сѣдыми ключьями на зеленыхъ кустахъ ольхи и тальника. Вокругъ насъ были ряды скошеннаго сѣна, топкія болота, косматая кочка, стволы полусгнившихъ деревьевъ. Черныя стѣны горъ, окаймлявшихъ рѣчную долину по лѣвому берегу, казалось, давили насъ своею тѣнью и закрывали отъ насъ заходящее солнце. Горы праваго берега, которыя намъ предстояло переправить, тоже чернѣли косматою гривой сосноваго бора. Все вокругъ было пасмурно, непривѣтливо и хмуро.

Вдругъ на поворотѣ дороги, заросшей кустами по краямъ, блеснула стальная лента рѣки, и видъ мгновенно измѣнился. Тѣ же хмурыя горы, казалось, ожили въ блескѣ угасающаго дня.

Хрустальная масса воды концентрировала въ себѣ и отражала отъ себя весь свѣтъ солнца и неба. Это была протока рѣки, омывающая большой островъ „Звѣриный“.

На островѣ не было ни одного хищнаго звѣря, по крайней мѣрѣ четвероногаго. Огромный, верстъ пятнадцать въ длину, затопляемый ежегодно водою, онъ давалъ баснословные урожаи сѣна и хлѣба и былъ житницей той мѣстности. Когда-то онъ былъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ, но кочевники, поселившись на немъ осѣдло, вырубали лѣсъ и превратили кочковатныя болота въ луга и нивы.

Селенія якутовъ были разбросаны по острову отдѣльными, разрозненными усадьбами, такъ что не оправдывали своего офиціального названія. На самомъ высомомъ, наименѣе подвергаемомъ наводненію мѣстѣ, возвышалась каменная церковь съ бѣлыми стѣнами и зеленымъ куполомъ, выстроенная подрядчикомъ-скопцомъ на средства богатаго якутскаго старшины, въ нѣкоторомъ родѣ владѣтельнаго князя острова. Тутъ же тянулось огороженное плетнемъ кладбище. Дома „князьцовъ“ (богатыхъ и вліятельныхъ людей) походили на помѣщичьи усадьбы. Это были просторныя и высокія деревянныя постройки съ крылечами, а иногда крытыми верандами, окруженныя двухъ-этажными амбарами для храненія товаровъ и продуктовъ, перевозкой которыхъ на пріиска, между прочимъ, также занимались жители острова „Звѣринаго“. Дома небогатыхъ обывателей были тоже русскаго типа; только кое-гдѣ видѣлись ветхія національныя жилища якутовъ—юрты, съ покатыми стѣнами, съ земляными крышами, поросшими травою и бурьяномъ. Огромные стога только-что скошеннаго сѣна высились на ровныхъ зеленыхъ полянахъ. Желтыя нивы зрѣющаго хлѣба перемежались съ черными полосами пара. Пахло свѣжескошеннымъ сѣномъ и сыростью.

Едва только пріѣхалъ судья въ сельское управленіе острова „Звѣринаго“, гдѣ назначена была ночевка, послѣ переправы черезъ протоку, какъ явились тяжущіеся.

Тяжбы были одно изъ любимыхъ занятій почтенныхъ островитянъ, въ часы досуга. Обезпеченные хлѣбомъ, сѣномъ, звѣринымъ промысломъ (въ лѣсахъ за рѣкой) и извозомъ на пріиска, жители богатаго острова имѣли много свободнаго времени, которое, между прочимъ, употребляли на споры и домашнія дразги. Потребности тѣла съ избыткомъ удовлетворяла суровая, но щедрая природа; потребности души—пирушки, споры и тяжбы.

Островитяне имѣли слишкомъ много досуга, и потому пользовались малѣйшимъ поводомъ, чтобы воспринимать высшій даръ навязанной имъ культуры—водку. Для этого справлялись именины всѣхъ живыхъ и мертвыхъ родственниковъ. На именинахъ пили за здоровье всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ зна-

вомыхъ; пили за здоровье еще не родившихся дѣтей и за поминъ души еще не умершихъ стариковъ; пили по поводу „большой воды“ („теперь будемъ съ хлѣбомъ!“) и по поводу „малой воды“ („въ домахъ меньше сырости будетъ!“). Въ свободное отъ выпивокъ время ссорились, сплетничали и судились.

Пріѣздъ судьи и доктора взволновалъ всѣхъ почтенныхъ островитянъ. Они обрадовались случаю посудиться и полечиться.

Лечение было не послѣднимъ дѣломъ въ ихъ жизни, такъ какъ рѣка, дававшая имъ богатство, заливая поля и нивы, — надѣляла ихъ болѣзнями.

Отъ рѣки, охватывающей островъ серебрястымъ кольцомъ движущихся водъ, поднимались туманы и окутывали плодородныя нивы и заливные луга сырою мглою.

Въ лунныя весеннія ночи изъ болотъ, оставшихся отъ наводненія, нерѣдко затоплявшаго всѣ дома, кромѣ церкви, — выходили безчисленные безформенные призраки и висли на зеленыхъ кустахъ, и стлались, какъ дымъ выстрѣловъ, надъ плодородной землей, и прокрадывались въ жилища... Всю ночь стояли они сизыми тучками надъ лугами и съ проблескомъ зари обильною росой падали на травы.

Отъ сырости и гнили въ жилищахъ, выстроенныхъ на болотѣ и затопляемыхъ въ половодье, люди заболѣвали туберкулезомъ и лихорадкой.

Врачъ, единственный дѣлитель огромнаго округа, не имѣлъ времени часто пріѣзжать на островъ, и его мѣсто занималъ вольнопрактикующій шаманъ.

Пріѣзду судьи предшествовала молва о немъ, и много страннаго для туземцевъ было въ этой молвѣ. Молва гласила, что „первый судья — или очень хитрый человекъ, или очень добрый, несомненно добрый“.

— А можетъ быть, онъ совсѣмъ не судья, а тайно посланъ узнать, какъ живутъ люди въ нашей дальней сторонѣ! — говорили brave островитяне.

— Слыханое ли дѣло, чтобы судья не судилъ, не кричалъ на виновныхъ, не стращалъ тюрьмой, а мирилъ? Раньше, бывало, пріѣдетъ засѣдатель, и первое дѣло — кричить и лупить ящичковъ; второе — пьетъ съ „тойонами“¹⁾, а третье — пишетъ и пишетъ. Мы боимся, какъ бы онъ чего худо не написалъ, и говоримъ: „Эй, перестань писать и получи отступного“... Онъ перестаетъ и прячетъ дѣло въ дорожный ящикъ. Черезъ годъ

¹⁾ Тойонъ — господинъ, богатъ, знатный человекъ (як.).

опять прѣзжаетъ и пишетъ... Лѣтъ черезъ пять дѣло такъ толстѣетъ, что еле помѣщается въ дорожномъ ящикѣ... А тамъ, глядишь, виноватый померъ и писать больше не о чемъ!.. А этотъ судья совсѣмъ мало пишетъ, а больше говорить... Говорить: „помиритесь, не ссорьтесь, грѣшно ссориться!“—и говорить лучше попа. Вотъ на Кочегарѣ двухъ враговъ помирилъ, двухъ братьевъ. Они уже лѣтъ двадцать судятся и другъ друга въ каторгу засудить не могутъ. Одинъ попроситъ засѣдателя, а другой—вдвое попроситъ... Такъ шло годами. А этотъ какъ заговорилъ, обоихъ слеза прошибла—и они помирились... Двадцать лѣтъ ссорились, а въ одинъ часъ помирились... Чудно!

Услышавъ такія рѣчи, островитяне захотѣли посмотрѣть необыкновеннаго судью, посудиться у него и увидѣть, какъ это онъ въ одинъ часъ ухитряется мирить людей, ссорившихся двадцать лѣтъ.

У сельскаго правленія встрѣтила прѣзжихъ толпа народа. Впереди стояли культурные представители островнаго населенія, въ черныхъ сюртукахъ, съ медалями на толстыхъ шеяхъ, а подале — воины Аттилы. Всѣ сняли шапки и привѣтствовали судью, который не пишетъ, а говоритъ, который не судитъ, а миритъ.

Всѣ были очень разочарованы, когда судья сказалъ, что онъ ѣдетъ на слѣдствіе, а потому мирить ихъ будетъ уже на обратномъ пути. Тѣмъ не менѣе, онъ принялъ письменныя прошенія, къ великой радости просителей, горѣвшихъ нетерпѣніемъ посудиться.

— Спасибо за привѣтствіе, господа!.. Надѣньте шапки, надѣньте... А дѣла разберу, когда вернусь съ Олбута.

— Спасибо, тойонъ!.. хорошо судилъ... учугей... ¹⁾ по-божьи судилъ... мы слыхаль... 'благодары!—послышалось изъ толпы.

Тяжущіеся ушли по домамъ, а больные выразили твердое желаніе поговорить съ врачомъ. Это были такіе больные, страдающіе которыхъ не могъ облегчить вольно практикующій шаманъ.

— Судиться можно подождать, а лечиться—нельзя!—сказалъ, смѣясь, врачъ и пригласилъ больныхъ къ себѣ тотчасъ же.

Одинъ изъ этихъ злополучныхъ пациентовъ шамана, якутъ, довольно сносно объяснявшійся по-русски,—держалъ такую рѣчь къ врачу:

— Вотъ, ваше благородіе,—я много водки пью, шибко много. И не желалъ бы пить, хвораю отъ этого, а пью. Потому что

¹⁾ Учугей—ладно.

(онъ понизилъ голосъ), скажу вамъ прямо, во мнѣ сидитъ чортъ! Онъ меня худому и научаетъ. Я говорю: „Не буду пить водки!“ А онъ говоритъ: „Пей!“ Я говорю: „Ну, выпью!“ А онъ: „И я съ тобой!“ И громко такъ говоритъ, даже въ ушахъ звонъ стоитъ. А посторонніе люди говорятъ, что ничего не слышатъ. Я спрашиваю: „Слышите, вотъ онъ заговорилъ?“ Люди смѣются и отвѣчаютъ: „Не слышимъ“. Разъ я хотѣлъ его попугать и говорю: „Я пойду въ церковь!“ А онъ: „И я съ тобой!“ — „Я буду исповѣдываться!“ А онъ: „И я съ то тобой!“ Ишь, язви тебя, думаю, даже церкви не боится! Ни молитвы, ни исповѣди... Я и сказалъ: „Я буду причащаться!“ Онъ и замолчалъ... Причастія побоялся. Вотъ онъ какой!

— Шаманъ не лечилъ тебя?—спросилъ врачъ.

— Какое не лечилъ? Лечилъ! Да не боится онъ шамана. Нѣсколько разъ шаманъ рычалъ по-медвѣжьи, лаялъ по-собачьи и кричалъ по-совиному и даже бубномъ его по головѣ лупилъ...

— Какъ его? Чорта, что-ли?..

— Ну, да... черезъ меня, то-есть. Онъ билъ меня по головѣ, а больно было тому, кто во мнѣ... Дай, пожалуйста, лекарства, чтобы его совсѣмъ выгнать, или чтобы хотя онъ сталъ смириѣе.

Глаза больного выражали испугъ; руки тряслись. Видно, онъ чересчуръ часто справлялъ именины и поминки и дошелъ до галлюцинацій.

— Ничего не пожалѣю, только успири его немного!—просилъ онъ, озираясь и ворочая воспаленными глазами.

Врачъ увелъ больного въ смежную комнату, чтобы осмотрѣть его и придумать, какъ усмирить „чорта“, котораго не могъ изгнать шаманъ.

III.

Урочище Олбутъ, гдѣ жила часть родовичей того же на-сlega, который обиталъ на островѣ „Звѣриномъ“, было совсѣмъ мало подвержено культурнымъ вліяніямъ. Отъ центра русской культуры данной мѣстности—окружного города—урочище было отдѣлено рѣками, горами и тайгой.

Какая это была дикая и величественная тайга!

Мощныя сосны, въ три-четыре обхвата, уходили высоко въ ясную лазурь неба своими косматыми вершинами. Онѣ стояли далеко одна отъ другой, давая бѣжище подъ своей тѣнью ку-стамъ. Цѣлыя поляны среди вустовъ синѣли отъ спѣлыхъ ягодъ

черники и голубицы; вѣтви шиповника, тянувагося зеленой зубчатой стѣной, были усыпаны уже покраснѣвшими завязями.

Проѣзжая по этому бору, похожему на огромный храмъ съ бурными колоннами, зелеными капителями и голубымъ куполомъ я вспоминалъ поэтическія строки Мицкевича и Ленартовича о литовскихъ лѣсахъ.

Я представлялъ себѣ этотъ дѣвственный, нетронутый топоромъ дровосѣка боръ—въ бурю. Я представлялъ себѣ, какъ перегибаются сосны черезъ горы и лощины, какъ мощный говоръ ихъ громовыми раскатами идетъ по рѣчной долинѣ, какъ тучи бросаютъ на серебристыя струйки горныхъ рѣчекъ свою хмурую тѣнь...

Еле замѣтная тропа вилась между стволовъ. Она была загромождена корнями деревьевъ и глыбами камней. Наши лошади то-и-дѣло спотыкались.

Версть пятнадцать дорога шла въ гору, а потомъ стала спускаться внизъ, къ рѣкѣ Чарѣ. День былъ ясный. Свѣтло-бирюзовое сибирское небо дышало тепломъ и лаской. Когда при спускѣ дорога стала ровнѣе, нашъ передовой ямщикъ пустилъ поводья и началъ пѣть. Рѣзкіе горловые звуки со странными переливами, и довольно монотонные, огласили тишину лѣса.

Якутъ пѣлъ про то, что видѣлъ, про то, что думалъ. Онъ выражалъ свои непосредственныя впечатлѣнія, и я понималъ то, что онъ пѣлъ. Его пѣсня имѣла нѣкоторое отношеніе къ судебной реформѣ, только-что введенной въ краѣ, и потому я ее запомнилъ:

День хорошій, солнце грѣетъ
И лѣсъ темный не шумитъ,
Ягоды уже краснѣютъ,
Ручей весело журчитъ.
Время лучшее настало:
Радуйся, соха-народъ! ¹⁾
Мы судью тебѣ веземъ,
Сами весело поемъ!
Вѣкъ такого ты не видѣлъ.
Этотъ судья не обидѣлъ.

Еще никого! Эге-кай, ого-кай!

Мы тоже испытывали среди этой дѣвственной природы подъемъ духа. Докторъ всю дорогу пѣлъ. Ему приятно было вырваться изъ душной городской больницы въ тайгу, куда не могли за нимъ послѣдовать стационарные и амбулаторные боль-

¹⁾ Соха — якутъ.

ные, рецепты, отчеты, рапорты и отношенія, надоѣвшіе ему до смерти. Судья полной грудью вдыхалъ въ себя живительный аромать сосноваго бора.

Въ полдень былъ сдѣланъ привалъ на ровной полянкѣ, поросшей мягкой, точно бархатной муравой, подъ большимъ засохшимъ деревомъ. Нижнія вѣтви дерева и столбъ, вкопанный въ землю, для привязыванья лошадей, — были увѣшаны кусками ситца, кожи, пучками конскаго хвоста и гривы. Это были жертвы якутовъ „хозяину мѣста“, властелину этой горы и бора, расположеннаго между двумя рѣками, Леной и Чарой.

Нѣкогда здѣсь было кладбище, воздушное кладбище шамановъ. Они были похоронены не въ землѣ, а надъ землей, на деревьяхъ. Настало иное время. Пришли русскіе люди — „нюча“ — и уничтожили могилы на деревьяхъ. Деревянные корыта, гдѣ были спрятаны покойники, были раскрыты или разсыпались...

„Нюча“ уничтожили воздушныя кладбища, но не могли уничтожить шаманизма. И вотъ древнее сухое дерево служитъ своего рода лѣснымъ храмомъ, гдѣ приносятся убогія жертвы убогому, свергнутому съ престола, лѣсному богу.

Ямщики разложили костеръ. Пока они жарили пашлыкъ, мы собирали ягоду. Голубицы было такъ много, что можно было собирать ее горстями. Въ Европѣ ее утилизировали бы, сдѣлали бы даже изъ нея вино, а здѣсь она осыпалась, и некому, кромѣ медвѣдей, было ее собирать.

Было тихо и ясно въ лѣсу и на душѣ хорошо. Зеленые куполы сосенъ бросали на ярко освѣщенные ряды кустовъ причудливыя тѣни.

— Вотъ прелесть! — воскликнулъ судья, на берегу Чары, тихой, пустынной рѣки. — Какъ далеко отъ людей, отъ ихъ мелочной жизни! Какъ здѣсь славно: вверху небо, по обѣимъ сторонамъ — скалы и лѣсъ, и ни одного человѣческаго жилища!.. Идеальная пустыня!

За Чарой, которую мы переплыли на лодкѣ, опять начались сосновый боръ, луга, болота, рѣчки. Наконецъ, къ вечеру мы добрались до жилища „князьца“, помѣщичьяго дома, окруженнаго березовой рощей, владями хлѣба, конюшнями и амбарами (въ одномъ изъ которыхъ потомъ былъ посаженъ, усердія ради, строптивый Атасыка).

На слѣдующій день утромъ тѣло Соймара было вынуто изъ временной могилы, устроенной въ очень живописной мѣстности, на границѣ сосноваго бора, уходившаго по горамъ въ золотоносныя долины Витима, и огромнаго луга, спускавшагося по покатымъ равнинамъ къ рѣкѣ.

Здѣсь въ лощинѣ, неподалеку отъ ручья, была могила Соймара. Бравый поселенецъ, Никита, долгое время занимавшійся спиртоношествомъ и выдавшій виды, руководилъ работами по открытію могилы и устройству операционнаго стола. Онъ же за пять рублей и бутылку водки, обѣщанные старостой (князьцомъ тожь), взялся исполнять обязанности фельдшера при вскрытіи. Помогалъ ему „подгородній“ якутъ, тоже вкусившій всѣхъ благъ культуры на присѣкахъ.

Мѣстные же жители боялись подходить близко къ мѣсту производства вскрытія. Нѣсколько любопытныхъ рабочихъ, бывшихъ неподалеку на повокъ, собрались въ кучку на пригорочкѣ и смотрѣли издалека на браваго Никиту и врача, которые, засучивъ рукава рубахъ, потрошили Соймара.

Трупъ прекрасно сохранился въ мерзлой почвѣ, только слегка покрылся цвѣлью, похожей на мохъ. Надо было дать тѣлу оттаять. Врачъ и слѣдователь закурили папирсы и усѣлись на травѣ, поодаль отъ сколоченнаго изъ колевъ и досокъ операционнаго столика, а бравый Никита рассказывалъ приличные случаю воспоминанія изъ своихъ походовъ.

— Эге-ге!.. Я ужъ привыкъ къ этимъ покойничкамъ!.. Слава Богу! двадцать лѣтъ бродяжилъ по тайгѣ; по спиртоношеству чего не насмотришься!.. Идешь, къ примѣру, по тропѣ и видишь: изъ-подъ снѣга торчитъ обглоданная рука, али нога. „Кто бы это могъ быть?“—спросишь себя, и идешь дальше, и уже на зимовьѣ узнаешь, что тамъ Ивана Непомнящаго „пришили“... Разъ я даже лежалъ въ ямѣ съ такимъ покойничкомъ, только кислымъ. Казаки стали меня настигать, а при мнѣ золотишко было. Да не въ золотѣ дѣло, а въ жизни. Казаки нашего брата убиваютъ, чтобы не представлять золота въ казну. Если они меня живымъ возьмутъ, то и золото должны представить, потому что я и самъ могу заявить, что золото они отъ меня отобрали. Легче и проще убить спиртоноса.

— Чисто по-американски!—сказалъ врачъ.

— Вѣрнѣе, по-азіатски!—добавилъ судья.

— Уже два раза они въ меня стрѣляли, да мимо. Бѣгу что есть силы и вижу—этакъ въ сторонѣ—яма, наполовину прикрытая валежникомъ. Видно, яму вырыли хищники, золота искавши, а направо отъ ямы—чаша. Я сразу смекнулъ, какъ сдѣлать: поворотилъ въ чашу, такъ что казаки меня не видѣли, а потомъ упалъ на землю и поползъ назадъ къ ямѣ. Казаки вдарились въ чашу, а я доползъ до ямы и прыгнулъ туда. Уткнулся я во что-то мягкое, слизкое и вонючее. Что такое?—думаю. Поси-

дѣлъ съ четверть часа, закрывши глаза, чтобы привыкнуть къ темнотѣ, а потомъ сталъ щупать и осматривать то, на чемъ лежу. Нащупываю вродѣ какъ бы руки человѣка, потомъ лицо, по лицу ползають черви... Одежда на ѣмъ, на человѣкѣ, сгнила, духъ идетъ особенный... А дѣлать нечего, подвинуться некуда... Пришлось живому въ могилѣ сидѣть и благодарить Бога за удачу. Такъ пролежалъ я часа три, до ночи. Ночью вышелъ, и когда увидѣлъ свѣтъ луны и зеленый лѣсъ, то чуть съ ума отъ радости не сошелъ. Мнѣ уже казалось, что я тамъ въ ямѣ помру и останусь навѣки, съ золотомъ въ поясѣ и съ покойникомъ вмѣсто подушки... Перекрестившись, взялъ я свой вилъ и началъ землю копать около ямы и сыпать въ яму, чтобы прикрыть покойника... одежей, похоронить, значить. Работалъ часа два и присыпалъ-таки немного. Копаю, а самъ думаю: „Вотъ какъ меня въ спину стрѣлять!“ Послѣ такихъ-то приключеніевъ, что значить для меня поработать при вскрытіи! Покойничекъ—свѣжій, какъ огурчикъ.

Свѣжаго покойничка положили на столъ. Врачъ вскрывалъ, а слѣдователь писалъ актъ вскрытія. Я фигурировалъ въ качествѣ понятого; Никита помогалъ врачу и балагурилъ, съ трубою въ зубахъ; „подгородній“ якутъ носилъ воду, подавалъ инструменты и вообще прислуживалъ, завязавъ платкомъ носъ, хотя запаха не было. Зрители-якуты сидѣли на пригоркѣ поодаль и внимательно смотрѣли на работу „наѣхавшаго суда“. Съ тѣхъ поръ какъ основанъ былъ поселокъ на урочищѣ „Олбутъ“, жители его не видѣли такого страннаго зрѣлища.

Солнце ярко свѣтило; трава зеленѣла; сосны бросали на тѣло Соймара, группу дѣйствующихъ лицъ и группу зрителей свои узорчатыя золотистыя тѣни; ягодные кусты качали синими кистями. Пахло свѣжескопленнымъ сѣномъ и смолой. Все было тихо, полно мира и красоты.

Вдругъ рѣзкій крикъ вѣрона прозвучалъ надъ нашими головами. Судья вздрогнулъ и уронилъ перо; якуты посмотрѣли вверхъ; Никита выругался.

— Ишь, язви ихъ! чуютъ падалъ за сто верстъ... Не хуже чѣмъ присковые казаки спиртовоса.

Вѣронъ покружилъ надъ нашими головами и опустился на вершину ближайшей сосны. На его крикъ прилетѣли еще три. Они сѣли на вѣтку и спокойно посматривали на необычайную сценку на опушкѣ лѣса, издавая рѣдкое и какъ бы насмѣшливое карканье.

— Это черти, а не вѣроны! — сказалъ тихо якутъ, обра-

щаяся къ Никитѣ. — Они хотятъ посмотрѣть на своего прія-теля...

„Подгородній“ якутъ указаль глазами на покойника.

Окончивъ дѣло, мы вернулись въ домъ князьца, гдѣ еще надо было допросить послѣдняго свидѣтеля, бывшаго гдѣ-то на покосѣ. Судья написалъ священнику, прося отпѣть Соймара, поручилъ доставить неявившагося свидѣтеля на „Звѣриный“ островъ, и мы уѣхали обратно тою же дорогой: черезъ рѣку, гору и великолѣпный сосновый боръ.

На закатѣ солнца мы слышали сзади топотъ коня. Это ѣхаль недопрошенный свидѣтель. Приѣхавъ къ князьцу послѣ отъѣзда судьи, онъ поскакалъ за нимъ въ догонку и настигъ насъ недалеко отъ дерева шамановъ.

Онъ поговорилъ съ проводниками, и тѣ остановились.

— Господинъ! — сказала проводникъ судѣ. — Этотъ человекъ свидѣтель и просить, нельзя ли его допросить сейчасъ же... Теперь горячее время, сѣвокосъ... Трудно ему будетъ ѣхать въ городъ. Спроси его. Я переведу.

Судья слѣзъ съ лошади, надѣлъ цѣпь, для пущей официальности, и усѣлся на кочкѣ; подлѣ него поставили вмѣсто стола кожаную суму, снятую съ лошади. Судья раскрылъ дѣло и записывалъ то, что говорилъ ему свидѣтель черезъ переводчика. По внѣшности и костюму это былъ такой же воинъ Аттилы, какъ Атасыка. Говорилъ онъ привѣтливо и смотрѣлъ на судью почтительно, но безъ робости. Онъ такъ торопился, что держалъ за поводъ свою лошадь, которая испуганно восилась на незнакомаго человека съ золотой цѣпью на шеѣ.

— Что онъ такъ торопится? — спросилъ судья у переводчика.

— А это отъ медвѣдей, господинъ!

— Какихъ медвѣдей?

— Тамъ около рѣки, недалеко отъ переправы на Олбуть, есть мѣсто, гдѣ ходитъ медвѣдь. Дорога тамъ узкая. Онъ дорогу и запираетъ, такъ что приходится переждать его или просить, чтобы онъ ушелъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ мы узнали, что когда медвѣдь „запираетъ дорогу“, то путешественники-аборигены боятся нападать на него, а пережидаютъ, пока онъ самъ не уйдетъ. Частью отъ скуки, частью по традиціи, они въ этихъ случаяхъ упражняются въ краснорѣчїи и убѣждаютъ медвѣдя уйти съ дороги и пропустить ихъ домой.

— Ну, какая тебѣ польза отъ того, что ты насъ не пу-

стишь?—говорят ораторы медвѣдю.—Съѣшь нашихъ лошадей? Такъ вѣдь онѣ—тощи, какъ весеннія шуки. Кости да кожа. Лучше тебѣ поискать добычи пожирнѣе и сдѣлать намъ одолженіе... Тогда люди о тебѣ будутъ говорить хорошо... Никто не станетъ тебя ругать и желать содрать съ тебя шкуру.

Качаясь на сѣдлѣ, на обратномъ пути на островъ, я думалъ объ этомъ своеобразномъ уголкѣ земли, гдѣ тѣла, подлежащія вскрытію, лежатъ по цѣлымъ годамъ во временныхъ могилахъ, гдѣ для того, чтобы произвести слѣдствіе, надо проѣзжать лѣса, горы, рѣки, рискуя сломать шею; гдѣ свидѣтели скачутъ въ догонку за судьями и допрашиваются подъ зеленымъ куполомъ сосны, гдѣ, наконецъ, медвѣди запираютъ дорогу и путешественники вступаютъ съ ними въ дипломатическіе переговоры...

IV.

Финалъ всѣхъ этихъ странствованій врача и слѣдователя черезъ лѣса и горы закончился въ камерѣ мирового судьи, гдѣ засѣдала первая выѣздная сессія окружного суда.

Это было первое гласное разбирательство дѣлъ (общей подсудности) въ захолустномъ городѣ, и всѣмъ его обывателямъ было интересно узнать, чтѣ изъ этого выйдетъ.

Открытія сессіи окружного суда всѣ ожидали съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ открытія суда мирового, о которомъ здѣсь никто, кромя ссыльныхъ, не имѣлъ понятія. Когда послѣ молебна о протоіерей, а затѣмъ судья произнесли рѣчи, въ которыхъ порицали старый, дореформенный судъ за его медленность, всѣ присутствовавшіе удивились тому, что теперь открыто порицается то, передъ чѣмъ раньше надо было преклоняться. Еще не вышедшіе въ тиражъ дѣятели этого суда, земскій засѣдатель и бывшій столоначальникъ, иронически улыбались, какъ бы говоря: „Посмотримъ, будете ли вы судить скорѣе и милостивѣе“.

Пріѣзд сессіи вызвалъ сенсацію въ захолустномъ городѣ и даже въ округѣ, въ особенности среди инородческаго населенія.

Жители ближайшихъ деревень и улусовъ съѣхались посмотреть на дебютъ суда. скорого, милостиваго и праваго, о которомъ отецъ-протоіерей наговорилъ столько интересныхъ вещей. Онъ говорилъ рѣчь по-якутски, и якуты съ большимъ вниманіемъ слушали то, чтѣ онъ говорилъ. Но слова его какъ-то не укладывались въ ихъ головы. Они не вѣрили, что новый судъ не будетъ дѣлать „наѣздовъ“ на улусы и тянуть дѣла до тѣхъ поръ, пока тяжущіеся помрутъ.

— Кто себѣ врагъ?—говорили они между собой.—Суды будутъ другіе, а будутъ ли люди другіе?.. Сколько ни было у насъ засѣдателей, всѣ — на одинъ ладъ. Одни уѣзжали, другіе пріѣзжали... одни были черные, другіе—рыжіе, третьи—русые, а дѣло вели одинаково...

И они скептически покачивали головами.

Первое же засѣданіе выѣздной сессіи суда значительно побавило этотъ скептицизмъ: якуты убѣдились, что судъ судить скоро. Судились люди, совершившіе преступленіе мѣсяцевъ пять тому назадъ, между тѣмъ какъ при старыхъ судахъ они ждали бы суда по два, по три года. Публика чрезвычайно зорко слѣдила за процедурой суда и была поражена тѣмъ, что судъ не дѣлаетъ никакой разницы между людьми „черными“ и людьми „бѣлыми“. Исправника, бывшаго свидѣтелемъ по одному дѣлу, посадили на одну скамью съ другими свидѣтелями башкирами, которые раньше никогда не осмѣлились бы сѣсть въ присутствіи исправника.

— Эгэ!—говорили якуты шопотомъ.—Теперь исправникъ не тойонъ, а судъ—тойонъ!

Это былъ переломъ вѣками установившихся взглядовъ, своего рода потрясеніе основъ.

Народъ переставалъ бояться суда и начиналъ чувствовать къ нему довѣріе.

Люди, еще недавно переѣзжавшіе рѣки, лѣса и горы для того, чтобы укрыться отъ суда, теперь переѣзжали рѣки, лѣса и горы, чтобы посмотреть, какъ судятся другіе и, при случаѣ, посудиться и самимъ.

Медовый мѣсяць реформъ былъ продолжительнѣе въ этой далекой окраинѣ, чѣмъ въ центрахъ.

Атасыку привезло на судъ общество, которому онъ былъ отданъ подъ надзоръ. Онъ одѣлся чище: въ сѣрый суконный кафтанъ, посеребренный поясъ, такъ что смотрѣлъ благообразнѣе, чѣмъ во время слѣдствія, но былъ такъ же мраченъ и угрюмъ. Узкіе глаза его выражали подозрительность.

Я былъ назначенъ въ эту сессію защитникомъ отъ суда и читалъ дѣла въ канцеляріи, когда Атасыку привели на судъ.

— Не хотите ли взять на себя защиту и этого субъекта?—спросилъ меня товарищъ прокурора.—Мнѣ искренно жаль его: онъ отрицаетъ очевидные факты и тѣмъ отягчаетъ свою участь. Вы, можетъ быть, уговорите его признаться, что онъ дрался съ Соймаромъ и въ драгѣ нанесъ ему ударъ...

Но уговорить Атасыку было нелегко. Все, чего я могъ

добиться отъ него черезъ переводчика, это было обѣщаніе не порочить свидѣтелей и признать, что онъ пилъ водку съ Соймаромъ, но какъ вышла ссора и драка — онъ не помнитъ.

На скамьѣ подсудимыхъ онъ чувствовалъ себя очень неловко и смотрѣлъ исподлобья, какъ звѣрь въ клѣткѣ, на судей, сидѣвшихъ за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, на разодрѣтыхъ городскихъ дамъ, занимавшихъ первыя скамьи, и сѣрую массу своихъ земляковъ, толпившихся у дверей, но съ интересомъ слѣдившихъ за переводчикомъ, образованнымъ якутомъ, переводившимъ суду показанія свидѣтелей и обвиняемаго.

Когда переводчикъ ошибался и переводилъ неточно, въ толпѣ якутовъ происходило движеніе. Это была весьма строгая и внимательная аудиторія, а главное, она понимала все, что говорили свидѣтели, лучше, чѣмъ люди, принимавшіе активное участіе въ судоговореніи и рѣшавшіе судьбу обвиняемаго. По-якутски понимали только секретарь — порядочно, и я, защитникъ обвиняемаго — немного. Судьи и прокуроръ не понимали ни слова изъ того, что говорили свидѣтели. Выходило, что они судили не на основаніи того, что говорили очевидцы преступленія, а на основаніи того, что говорилъ обо всемъ этомъ переводчикъ.

Переводчикъ выбивался изъ силъ, чтобы передать возможно точнѣе рѣчи свидѣтелей. При малѣйшей ошибкѣ, сзади него раздавался шопотъ аудиторіи:

— Невѣрно переводить!.. Не такъ онъ сказалъ... вотъ какъ надо перевести! — исправляла вполголоса аудиторія.

Иногда переводчикъ не понималъ вопроса, судьи не понимали отвѣта, свидѣтели не понимали, чего отъ нихъ требуютъ. Вслѣдствіе такого взаимнаго непониманія, допросъ свидѣтелей тянулся неимоვნно долго.

Изъ этихъ показаній нельзя было понять, отчего возникла между Соймаромъ и подсудимымъ драка. По словамъ свидѣтелей, они жили мирно, выпивали дружно и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начали драться.

— Кто приказалъ имъ драться, — свидѣтельствовалъ одинъ якутъ, — я не знаю. Одинъ подумалъ нехорошо, другой подумалъ еще хуже... Оттого и начали драться... А раньше думали хорошо и никогда не дрались...

— Отчего же они вдругъ подумали нехорошо? — спросилъ я. — Отъ водки?

— Кто его знаетъ! Мы тоже водку пьемъ, а думаемъ такъ же хорошо, какъ трезвые... Водка говоритъ разное: одному скажетъ ладно, другому — неладно...

Экспертъ-врачъ нашелъ, что смерть Соймара произошла отъ здоревеннаго удара по головѣ, отъ котораго хотя мгновенной смерти не послѣдовало, но черепъ треснулъ.

На мой вопросъ, могъ ли поправиться потерпѣвшій при немедленной медицинсой помощи—экспертъ не далъ положительнаго отвѣта.

Было очевидно, что роковой ударъ нанесъ не кто иной, какъ Атасыба.

Наконецъ, послѣ рѣчи прокурора, поддерживавшаго обвиненіе *ex officio*, настала моя очередь говорить, и вотъ въ общихъ чертахъ сущность того, что я сказалъ.

Я не оспаривалъ самаго факта, т.-е. того, что мой клиентъ во время начавшейся безъ всякаго намѣренія на убійство драки, нанесъ Соймару удары, отъ которыхъ тотъ въ послѣдствіи умеръ, хотя если бы было оказана ему своевременно медицинская помощь, то могло случиться иначе. Я построилъ защиту на общихъ причинахъ увеличенія преступности въ краѣ, на вліяніи культуры на инородцевъ, и, между прочимъ, сказалъ:

„Въ семидесятыхъ годахъ инородческое населеніе нашего округа отъ мирнаго пастушескаго образа жизни, отъ скотоводческаго хозяйства, безъ всякой постепенности въ ходѣ экономической эволюціи, перешло на службу приисковъ, если такъ можно выразиться. Своеобразный укладъ приисковой жизни, гдѣ главный стимулъ дѣятельности—это легкая нажива на счетъ ближняго,—не особенно благоприятно отразился на развитіи инородцевъ. Съ другой стороны, метрополія посылала и посылаетъ въ далекую колонію, въ землю якутовъ отребье своихъ городовъ, наводняя область уголовными ссыльными. Якуты переняли многія отрицательныя стороны нашей культуры: водку, карты, эксплуатацію человѣка человѣкомъ и проч. Они наивно подражаютъ своимъ учителямъ, уголовнымъ ссыльнымъ, до прихода которыхъ въ нашъ край жители не знали, что такое замки“.

Затѣмъ я указалъ на то, что фактъ заперательства подсудимаго не можетъ быть истолкованъ въ невыгодномъ для него смыслѣ, по той простой причинѣ, что это происходитъ отъ недовѣрія въ старому, дореформенному суду. Это недовѣріе и мѣшаетъ подсудимому признать фактъ и принести чистосердечное раскаяніе. Въ частности, изъ сопоставленія свидѣтельскихъ показаній, я вывелъ заключеніе, что подсудимый не враждовалъ съ Соймаромъ, и потому не можетъ имѣть мѣста предположеніе, что подсудимый дѣйствовалъ съ намѣреніемъ. Нѣкоторые свидѣтели показали, что Соймаръ первый повалилъ Атасыбу на землю,

а затѣмъ между ними началась драка палками. Опыяненіе обоихъ героевъ этой драки достаточно доказано. Водка имъ сказала, по выраженію одного изъ свидѣтелей, худое слово, а они разсердились другъ на друга, а не на водку.

Сгруппировавъ всѣ эти смягчающія вину обстоятельства, я ходатайствовалъ о возможно снисходительномъ отношеніи къ продукту культурнаго воздѣйствія прінсковъ...

Подсудимый, ободренный моею рѣчью, словъ которой онъ не понималъ, понимая лишь, что она клонилась къ его защитѣ, — смягчился и въ своемъ послѣднемъ словѣ сказалъ:

— Виноватъ я. Водку пилъ—не думалъ драться, а выпилъ—забылъ обо всемъ... Какъ дрался, чего дѣлалъ—не помню... Пожалѣйте меня праведные судьи и всѣ знатные люди.

Онъ поклонился суду и сѣлъ, повѣсивъ голову.

— А все равно уйдетъ въ каторгу!—сказалъ подошедшій ко мнѣ земскій засѣдатель.—Развѣ перемѣнять статью.

Человѣку, привыкшему къ бумажному формализму, привыкшему судить по статьямъ книги, а не обстоятельствамъ жизни, казалось, что влосчастный Атасыка не заслуживалъ снисхожденія.

Но судъ думалъ иначе: онъ приговорилъ Атасыку къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ и къ церковному покаянію по усмотрѣнію его духовнаго начальства. Мѣра пресѣченія была измѣнена: надзоръ общества былъ замѣненъ заключеніемъ подъ стражу, впредь до представленія залога въ сто рублей.

Осужденнаго окружили казаки и повели въ мѣстный „караульный домъ“. Онъ бросалъ на меня умоляющіе взгляды.

— Дешево отдѣлался!—сказалъ мнѣ засѣдатель.— Видно, статью перемѣнили... Поздравляю!

Атасыка, котораго я посѣтилъ въ караульномъ домѣ, остался приговоромъ доволенъ, но такъ какъ „въ распутицу“ его нельзя было отправить въ областной городъ для отбыванія наказанія, то ему приходилось сидѣть лишнихъ два мѣсяца до открытія навигаціи. Родственники Атасыки обрадовались тому, что его не засудили въ каторгу, достали денегъ и просили меня ходатайствовать, чтобы его выпустили подъ залогъ.

Я отправился къ предсѣдателю, и черезъ часъ Атасыка очутился на волѣ.

V.

Торжество открытія шволы въ деревнѣ Амга удалось на славу. Я былъ приглашенъ на это торжество въ числѣ городской знати.

Крестьяне деревни Амга—русскіе по племени, но почти якуты по языку—задумали, по инициативѣ о. протоіерея, устроить у себя церковно-приходскую школу. Для того, чтобы добыть денегъ, они обложили самихъ себя, по общественному приговору, налогомъ. Налогъ брался по пяти копѣекъ съ каждаго пуда, доставляемаго крестьянами на пріиска, по такъ называемому общественному подряду. Година черезъ три послѣ введенія налога, составился изрядный капиталецъ, на который и была открыта школа, пока въ наемномъ помѣщеніи.

На этотъ мѣстный праздникъ просвѣщенія собралась изъ города и окрестныхъ деревень и улусовъ вся „интеллигенція“, какъ называлъ гостей въ своей рѣчи о. протоіерея. Здѣсь были: исправникъ, земскій засѣдатель, священникъ, дьяконъ, псаломщики и учителя съ женами, и учительницы съ мужьями, словомъ—представители административной, духовной и педагогической сферъ.

День былъ праздничный и притомъ теплый.

Крестьянъ и якутовъ было такъ много, что негдѣ имъ было помѣститься въ зданіи, и многіе стояли на дворѣ и смотрѣли въ окна школьнаго зданія.

О. протоіерей говорилъ рѣчь.

Онъ говорилъ по-русски, а вновь назначенный учитель переводилъ эту рѣчь по частямъ на якутскій языкъ. Рѣчь на двухъ языкахъ тянулась очень долго, но крестьянамъ, похожимъ на якутовъ, и якутамъ, похожимъ на крестьянъ,—она очень понравилась. Не избалованы они были рѣчами, и потому внимательно слушали рѣчь о. протоіерея.

Протоіерей указалъ имъ на то, что они невѣжественны, темны, суевѣрны, не имѣютъ правильнаго понятія о религіи, не знаютъ ничего о томъ, что дѣлается въ другихъ земляхъ и странахъ и какъ живутъ другіе люди на свѣтѣ.

Съ этимъ всѣмъ слушатели охотно соглашались и говорили между собой вполголоса:

— Это правда!.. Онъ вѣрно говоритъ!..

О. протоіерей въ такомъ свѣтѣ выставилъ имъ блага, которыя сулитъ имъ школа, что слушатели пришли въ восторгъ и сказали въ одинъ голосъ:

— Спасибо, батюшка, что выхлопоталъ намъ школу! Теперь мы тоже будемъ какъ люди...

Послѣ рѣчи, волостной голова пригласилъ въ себѣ всѣхъ участниковъ торжества „хлѣба-соли откушать“, и тогда вся знать, а за нею и народъ изъ сель и улусовъ, повалили въ

домъ головы Общество разбилось на двѣ половины и расположилось въ двухъ смежныхъ помѣщеніяхъ: такъ называемая интеллигенція (по платью!), въ залѣ, образовала нѣчто вроде „палаты господъ“ (какъ мы назвали шутя), а простой народъ, въ „черной“ половинѣ дома, рядомъ съ кухней, образовалъ „палату общинъ“.

Въ обѣихъ половинахъ за обильной закуской и выпивкой было мало рѣчей, зато было много веселья. Краткую рѣчь о пользѣ просвѣщенія и вредѣ невѣжества сказалъ (въ „палатѣ господъ“) исправникъ, передъ тѣмъ какъ предложить выпить за здоровье инициаторовъ и жертвователей на школу. Еще болѣе краткую рѣчь на ту же тему сказалъ улусный писарь послѣ того, какъ всѣ выпили.

Ораторъ сравнилъ два учрежденія, которыя онъ почему-то называлъ „казенными“—кабакъ и школу—и напелъ, что открытіемъ послѣдней кабакъ пострадаетъ и уничтоженъ.

— Ей Богу такъ!—сказалъ онъ въ заключеніе.—Еще ни разу столько народу не собиралось на открытіе кабака, какъ теперь собралось на открытіе школы... Много славныхъ кабаковъ открывалось на моей памяти: напримѣръ, кабакъ Савостьянова, кабакъ Кярибенскаго и другихъ почетныхъ людей, а народу не бывало столько.. Говорю вамъ фактично!..

Ораторъ хотѣлъ говорить дальше, но супруга потянула его за полы скуртува, и онъ сѣлъ.

На другой половинѣ дома народъ проводилъ время веселѣе. Здѣсь не говорили рѣчей о пользѣ просвѣщенія, а пѣли пѣсни, старинныя русскія пѣсни. Дьяконъ, псаломщикъ, я, землемѣръ, проживавшій тогда въ Амгѣ по дѣламъ службы, и нѣсколько учителей и учительницъ предпочли пѣсни рѣчамъ и утвердились на той половинѣ, гдѣ былъ народъ.

Крестьяне, похожіе на якутовъ, говорили по-русски очень плохо, но пѣли настолько хорошо, что всѣмъ стало весело и всѣхъ потянуло присоединиться къ импровизированному хору.

Вся молодежь изъ „палаты господъ“ перебралась къ народу, и веселье полилось неудержимымъ потокомъ. Нашелся какой-то гармонистъ съ гармоніей „итальянкой“ и скрипачъ съ деревенской, чуть ли не самодѣльной скрипкой, и молодежь начала плясать русскую. Обитатели селъ и улусовъ плясали свои несложныя танцы съ такимъ неудержимымъ весельемъ, пѣли свои простыя пѣсни съ такимъ заразительнымъ увлеченіемъ, что трудно было противостоятъ искушенію присоединиться къ хору или хороводу. Молодежь (изъ чистой половины), шутя, назвала это общее увеселеніе „слияніемъ съ народомъ“.

Живя на далекихъ окраинахъ, я сдѣлалъ наблюденіе, что жители медвѣжьихъ угловъ, этихъ „станковъ“, населенныхъ „государевыми“ ямщиками, рыбацкихъ займокъ, ютящихся на краю тундры, пріисковыхъ „зимовьевъ“, — скорѣе страдаютъ избыткомъ веселья, чѣмъ недостаткомъ его. Праздновавшіе открытіе школы крестьяне слушали свои простыя пѣсни съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ въ большихъ, шумныхъ, но холодныхъ городахъ слушаютъ оперу... У нихъ были здоровые нервы, здоровые мускулы и здоровое воображеніе. Гдѣ не хватало реальныхъ красокъ, тамъ приходило на помощь воображеніе и раскрашивало неприглядную дѣйствительность въ радужные цвѣта.

— Вотъ это хорошо! — сказалъ интеллигентамъ, пришедшимъ изъ „палаты господъ“, старикъ крестьянинъ. — Вы не брезгаете народомъ... Мы это шибко любимъ и поминать васъ станемъ... Хорошо:

О. діаконъ въ нѣсколько пріемовъ сумѣлъ дисциплинировать сначала нѣсколько нестройный хоръ.

— Споемте нашу сибирскую пѣсню! — предложилъ онъ, и затянулъ:

Славное море—священный Байкалъ!
Славный корабль—омулевая бочка!
Эй, Баргузинъ, пошевеливай вагъ,
Молодцу плыть недалече...

Въ это мгновеніе подошелъ ко мнѣ молодой якутъ и сказалъ ломанымъ русскимъ языкомъ:

— Господинъ! къ тебѣ одинъ человѣка дѣло есть... Онъ тамъ, въ другой изба ожидаетъ.

Не желая заставлять ожидать человѣка и имѣя въ виду освѣжиться, я вышелъ вслѣдъ за якутомъ. Въ другой избѣ предсталъ передо мной Атасыка въ своемъ повседневномъ костюмѣ, дѣлавшемъ его такъ похожимъ на воина Аттилы изъ старинныхъ гравюръ.

Онъ смущенно поклонился по-якутски, кивнувъ головой подрядъ нѣсколько разъ и сказалъ переводчику, который меня привелъ, вполголоса нѣсколько словъ. Въ рукахъ у него была свернутая медвѣжья шкура. Между мной и переводчикомъ произошелъ такой діалогъ:

— Господинъ! — началъ переводчикъ. — Онъ говоритъ (переводчикъ указалъ на Атасыку): „Ты сдѣлалъ мнѣ добро. Когда ты пріѣзжалъ на Олбутъ съ судьей, я думалъ, что ты на меня сердитъ и говоришь обо мнѣ судѣ худо. А теперь на судѣ ты говорилъ обо мнѣ судьямъ хорошо, и судьи не стали обо мнѣ

думать, что я послѣдній человѣкъ, и судили меня хорошо, какъ судить отецъ... Я человѣкъ бѣдный, но я такъ же честенъ, какъ и богатые: возьми отъ меня въ подарокъ шкуру медвѣдя... Пожалуйста, возьми!

— Я не могу взять, — возразилъ я, обращаясь къ переводчику. — Я его защищалъ даромъ, а не за деньги... Меня судъ назначилъ его защищать, и потому я не имѣю права брать платы...

Переводчикъ передалъ мои слова. По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, лицо Атасыки омрачалось.

— Зачѣмъ ты меня обижаешь? — сказалъ онъ, обращаясь прямо ко мнѣ. — Развѣ я послѣдній человѣкъ? Чтò скажутъ обо мнѣ почетные люди нашего общества?!.. А можетъ быть, ты брезгаешь моимъ подаркомъ? Можетъ быть, этого мало?..

Дѣло принимало щекотливый оборотъ, и мнѣ теперь надо было доказывать, что этого вовсе не мало, а этого не нужно.

— Возьмите! — сказалъ мнѣ крестьянинъ, хозяинъ избы, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ. — Не отказывайтесь: этимъ вы его обижаете... Если бы онъ принесъ вамъ деньги, то, дѣйствительно, вы могли бы не взять... А это — подарокъ, самый настоящій ихній гостинецъ. Медвѣжину дарить они почитаютъ за честь.

Я согласился, и мой первый клиентъ просіялъ. На лицѣ его заиграла веселая улыбка.

— Благодары, господинъ, спасибо!

Онъ благодарилъ меня, точно я оказалъ ему большую услугу тѣмъ, что принялъ „гостинецъ“.

Я поручилъ хозяину избы уложить медвѣжину въ нашъ экипажъ и, побесѣдовавъ съ Атасыкой о его здоровьѣ и дѣлахъ, — ушелъ въ „палату общинъ“.

Прошли года. Много кліентовъ, и „казенныхъ“, и платныхъ, записано въ мой алфавитный списокъ. Но ни одинъ изъ нихъ не оставилъ въ моей памяти такого воспоминанія, какъ этотъ клиентъ, первый въ моей жизни, — этотъ полудиварь, знавшій хорошо, чтò говорить слѣды звѣря въ сугробахъ лѣсной опушки, вой волка на днѣ каменнаго ущелья, шумъ сосноваго бора, но не знавшій ничего о томъ, чтò говорить законы Россійской Имперіи...

А. К.—е.

ЕВРЕИ-ЗЕМЛЕДѢЛЦЫ

— Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи. Т. I
и II. Спб. 1904.

Несмотря на то, что еврейскій вопросъ не сходитъ со столбцовъ нашей періодической печати, дѣйствительное состояніе еврейскихъ массъ—экономическое и культурное, равно какъ и отношенія, въ чертѣ еврейской осѣдлости, между евреями и христианами, выросшее на почвѣ ихъ ежедневныхъ дѣловыхъ и сосѣдскихъ сношеній, — извѣстны русскому обществу въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ. Помимо причинъ народно-психологическаго характера, извѣстную роль въ этомъ обстоятельствѣ играло отсутствіе систематическихъ изслѣдованій объ экономическомъ и культурномъ состояніи евреевъ. Этотъ пробѣлъ въ настоящее время заполненъ, благодаря указанному выше изданію еврейскаго колонизаціоннаго общества, заключающему въ себѣ сводку матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи, собранныхъ, главнымъ образомъ, черезъ посредство мѣстныхъ жителей, а не путемъ экспедиціоннымъ, и потому уже не свободныхъ отъ многихъ крупныхъ недостатковъ. Это изданіе должно быть рассматриваемо поэтому лишь какъ предварительный очеркъ экономическаго положенія русскихъ евреевъ, за которымъ должно слѣдовать специальное изслѣдованіе, детально выясняющее различныя стороны предмета. Весьма желательно, чтобы въ этомъ изслѣдованіи русскіе дѣятели соединились съ еврейскими. Это было бы полезно для самаго изслѣдованія, потому что земская статистика выработала и прекрасныя программы изученія экономическаго положенія народа, и кадры опытныхъ изслѣдователей.

I.

Хотя попытки изслѣдованія экономическаго положенія русскихъ евреевъ предпринимались неоднократно, но лишь новѣйшее изданіе колонизаціоннаго общества представляется настолько законченнымъ и доступнымъ, что каждый получаетъ возможность составить нѣкоторое понятіе о предметѣ и нарисовать, хотя, правда, лишь въ общихъ чертахъ, картину занятій (кромѣ торговли) еврейскаго населенія Россіи и характерныхъ чертъ его промышленной дѣятельности. На этотъ разъ мы ограничиваемся задачею — ознакомить читателей съ сельско-хозяйственной дѣятельностью еврейскаго населенія. Хотя это занятіе и не играетъ видной роли въ дѣлѣ экономическаго обезпеченія еврейскихъ массъ, но вопросъ о томъ, чего можно ожидать отъ еврея, какъ отъ земледѣльца, имѣетъ немаловажный интересъ, потому что одно время наше правительство энергично стремилось къ приобщенію евреевъ къ земледѣлію, и что съ упраздненіемъ ограничительныхъ законовъ пятимилліонная еврейская масса, втиснутая въ настоящее время въ узкія рамки торгово-промышленной дѣятельности, не можетъ не предпринимать попытокъ расширить сферу приложенія своего труда и выступить на поле сельско-хозяйственной дѣятельности. Ознакомленіе съ земледѣльческими занятіями русскихъ евреевъ представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и особое удобство, заключающееся въ томъ, что по отношенію большей части еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ изслѣдованіи еврейскаго колонизаціоннаго общества примѣненъ былъ методъ подворнаго опроса населенія, доставляющій наиболѣе полныя и провѣренныя данныя. Статьи „Сборника“ по данному предмету принадлежатъ Б. Д. Бруцкису и Я. Г. Эттингеру.

Сельскимъ хозяйствомъ, какъ сказано выше, евреи занимаются мало. По приблизительному подсчету въ Царствѣ Польскомъ и 15 губерніяхъ черты еврейской осѣдлости, — сельско-хозяйственной дѣятельности отдаютъ свои силы до 9.000 семей въ земледѣльческихъ колоніяхъ, занимающихся, главнымъ образомъ, собственно хлѣбопашествомъ; около 8.000 лицъ крупныхъ и мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ отдѣльныхъ имѣній, дѣятельность которыхъ подробно изслѣдована не была; около 22.000, занимающихся различными спеціальными культурами, на площади около 20.000 десятинъ и до 13.000 человекъ, нанимающихся въ сельско-хозяйственные рабочіе. Считаая и членовъ

земледѣльческихъ семей, можно положить, что отъ сельско-хозяйственныхъ занятій получаютъ средства существованія около 150.000 евреевъ.

Земледѣльскія занятія евреевъ слагались не только подъ влияніемъ свободнаго ихъ стремленія къ той или другой дѣятельности, но и подъ давленіемъ законодательства и административныхъ распоряженій, поощрявшихъ или ограничивавшихъ приложение еврейскаго труда къ обработкѣ земли. Ограничительное вліяніе законодательства на земледѣльскія занятія евреевъ выражалось прежде всего въ томъ, что евреи имѣли право постоянного пребыванія лишь въ опредѣленныхъ губерніяхъ, за предѣлы коихъ они могли отлучаться лишь для временныхъ надобностей. Въ границахъ этихъ губерній, въ первую половину истекшаго вѣка, евреи имѣли право арендовать и прибрѣтать землю, и правительство даже стремилось къ тому, чтобы евреи приобщились къ сельско-хозяйственному промыслу. Въ этихъ видахъ имъ было предоставлено право переходить въ земледѣльческое званіе и отводились для поселенія казенныя земли—сначала въ рѣдко-населенныхъ новороссійскихъ губерніяхъ, а затѣмъ—въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ. Правительство не только поощряло поселеніе евреевъ на казенныхъ земляхъ освобожденіемъ ихъ на 25 лѣтъ отъ подушной подати, на 10 лѣтъ отъ земскихъ повинностей и на время отъ 25 до 50 лѣтъ отъ рекрутской повинности, но и вынуждало евреевъ къ поселенію въ рѣдко-населенныхъ южныхъ степныхъ губерніяхъ мѣрами прямого насилія. Это послѣднее обстоятельство, въ совокупности съ такою приманкой для мирнаго еврейскаго племени, какъ льгота по воинской повинности, привели къ тому, что вновь устриваемыя колоніи были заполнены жителями, совершенно неподготовленными къ сельско-хозяйственному промыслу и нечувствующими къ нему никакого влеченія. Евреи занялись поэтому въ колоніи, главнымъ образомъ, тѣми же промыслами, къ какимъ они привыкли на мѣстѣ первоначальнаго ихъ мѣстожительства, и мѣра пріученія ихъ къ хозяйству при посредствѣ поселенныхъ среди нихъ для образца хозяевъ-нѣмцевъ въ первое время давала очень мало положительныхъ результатовъ. Приспособленіе еврейскихъ колонистовъ къ совершенно новому для нихъ занятію происходило лишь медленно и постепенно. Въ западныхъ губерніяхъ, къ тому же, евреямъ отводились не совсѣмъ удобныя лѣсистыя угодья, требующія тяжелаго труда для приведенія ихъ въ культурное состояніе, и это еще болѣе отда-

мно поселенцевъ отъ того, чтобы серьезно заняться обработкой земли.

Въ 1859 году превращенъ былъ отводъ евреямъ казенныхъ земель, а въ 60-хъ годахъ было воспрещено перечисленіе евреевъ въ земледѣльческое званіе и дозволенъ обратный переходъ евреевъ-земледѣльцевъ въ мѣщане. Люстраціоннымъ комиссіямъ, производившимъ въ 1872 г. окончательную наръзку надѣловъ государственнымъ крестьянамъ, — въ виду извѣстій о слабомъ развитіи сельскаго хозяйства въ колоніяхъ западныхъ губерній, — было предписано оставлять евреямъ лишь ту землю, которую они сами обрабатываютъ. Въ сѣверо-западномъ краѣ еврейскія колоніи лишились, вслѣдствіе этого распоряженія, лишь участковъ отсутствующихъ семей, и потеряли, такимъ образомъ, 11% состоявшей при колоніяхъ земли. Но въ юго-западномъ краѣ, какъ общее правило, отъ евреевъ отбиралась вся пахотная и сѣнокосная земля. При этомъ основывались на показанія крестьянъ о занятіи евреевъ сельскимъ хозяйствомъ; а такъ какъ крестьяне полагали, что отрѣзанныя у евреевъ угодья будутъ переданы имъ, то ихъ показанія далеко не отличались должнымъ безпристрастіемъ. Значительная часть отобранной у евреевъ земли перешла даже въ собственность люстраторовъ. Всего изъ 47.000 десятинъ у колонистовъ было отрѣзано 29.000, или 62%. Оставленная у евреевъ (въ подворное владѣніе) земля обложена была выкупными платежами. Отрѣзка у юго-западныхъ колоній большей части земли привела къ тому, что нѣкоторыя колоніи совершенно опустѣли, а изъ другихъ ушла большая часть жителей. Введеніе въ 1874 г. всеобщей воинской повинности уничтожило послѣдній стимулъ, искусственно удерживавшій евреевъ при землѣ; изданіемъ же въ 1864 г. закона, запрещавашаго евреямъ (и полякамъ) приобрѣтать землю въ девяти западныхъ губерніяхъ и „Временныхъ Правилъ“ 1882 г., запретившихъ аренду и покупку евреями земель во всемъ районѣ черты осѣдности и не дозволявшихъ евреямъ даже селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ — создавались условія, прямо отвращавшія евреевъ отъ занятія сельскимъ хозяйствомъ.

Ограничительные законы привели къ тому, что количество земли, состоявшей въ пользованіи евреевъ, значительно сократилось, но они не уничтожили совершенно того явленія, съ которымъ призваны были бороться. Судя по неполнымъ официальнымъ даннымъ, можно полагать, что площадь земли, принадлежащей евреямъ (не считая колонистовъ) въ чертѣ еврейской осѣдности, сократилась на 40%. На аренду „Временныя

Правила " 1882 г. повліяли, конечно, еще болѣе; тѣмъ не менѣе, и въ настоящее время въ пятнадцати губерніяхъ черты осѣдлости, — преимущественно въ бессарабской, черниговской, гродненской, могилевской, херсонской и минской, — евреи арендуютъ до 600.000 десятинъ земли. Противозаконная аренда евреями земли можетъ широко распространяться, конечно, подъ условіемъ крупной выгоды отъ того для собственниковъ арендуемыхъ угодій и при возможности для собственника оберечь арендатора отъ полицейскихъ преслѣдованій. Поэтому евреи арендуютъ по преимуществу имѣнія крупныхъ собственниковъ и нерѣдко даже лицъ, занимающихъ высокіе административные посты. Собственники, конечно, не безкорыстно позволяютъ себѣ нарушать законъ: они вознаграждаютъ себя за это выгодными условіями аренды. Интересно, что въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ права аренды, какъ и приобрѣтеніе евреями земли, ограничены лишь запрещеніемъ совершенія сдѣлокъ на крестьянскія угодья, въ арендѣ у евреевъ находится менѣе 40.000 десятинъ. Въ собственности евреевъ здѣсь состоитъ около 300.000 дес., что составляетъ 5—6% всей частновладѣльческой земли этого района. Въ пятнадцати губерніяхъ черты осѣдлости евреи владѣютъ 450.000—500.000 десятинъ земли, или не болѣе 1,5% общей площади частнаго землевладѣнія. Около $\frac{3}{4}$ еврейскихъ владѣній находятся въ новороссійскихъ губерніяхъ. Хотя большая, вѣроятно, половина имѣній, принадлежащихъ евреямъ и ими арендуемыхъ, имѣетъ мелкіе размѣры, но въ общемъ еврейское землепользованіе принадлежитъ къ разряду крупныхъ. Это видно изъ того, что 95% площади земли, состоящей во владѣніи и арендѣ у евреевъ, принадлежитъ имѣніямъ выше 100 дес., и средній размѣръ такого крупнаго имѣнія равняется 700 десятинамъ.

Точныхъ свѣдѣній о способахъ эксплуатаціи земель, находящихся въ рукахъ отдѣльныхъ владѣльцевъ, не имѣется. Можно только съ извѣстной степенью вѣроятности утверждать, что около $\frac{2}{5}$ состоящей въ пользованіи евреевъ земли принадлежитъ лѣснымъ дачамъ, и что болѣе $\frac{1}{5}$ собственныхъ и арендованныхъ евреями имѣній находится въ личномъ управленіи собственниковъ и арендаторовъ.

Эти свѣдѣнія относятся къ чертѣ еврейской осѣдлости. Въ остальной Россіи евреямъ принадлежитъ около 750.000—800.000 десятинъ, и 75% этой площади относятся на долю лѣсовъ. Такимъ образомъ, евреи приобрѣтаютъ земельныя угодья во внутреннихъ губерніяхъ, какъ и въ чертѣ осѣдлости, главнымъ образомъ ради эксплуатаціи лѣсовъ, и потому-то ихъ земельная

собственность сосредоточивается въ нечерноземной полосѣ Россіи; $\frac{2}{3}$ этой собственности находятся въ смоленской (306.000 дес.) и псковской (190.000 дес.) губерніяхъ.

II.

Другую группу земельныхъ собственниковъ составляютъ еврейскіе колонисты. Слѣдуетъ отличать четыре различныхъ группы еврейскихъ колоній (кромѣ Царства Польскаго): въ новороссійскихъ губерніяхъ, въ сѣверо-западномъ краѣ, юго-западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ. Въ новороссійскомъ краѣ находится 21 колонія въ херсонской губерніи, 17 колоній въ екатеринославской губерніи и 6 колоній въ бессарабской. Начнемъ свой обзоръ съ херсонскихъ колоній, лучше всего изслѣдованныхъ.

Въ 21 херсонскихъ колоніяхъ числится 3.252 приписныхъ семьи; на мѣстѣ же, въ моментъ изслѣдованія, находилось 3.187 семей общей численностью въ 18.802 души. При колоніяхъ состоитъ 42,3 тыс. десятинъ надѣльной земли и 15,3 тыс. десятинъ запасной. Надѣльная земля была распределена между домохозяевами, въ моментъ образованія колоній, по 30 десятинъ на дворъ; она отдана въ наследственное владѣніе и распределена между ними въ настоящее время крайне неравномерно: $\frac{1}{5}$ часть наличныхъ дворовъ колоній вовсе не имѣетъ земли; $\frac{1}{4}$ часть владѣетъ участками отъ 5 до 10 десятинъ; $\frac{1}{4}$ часть — участками отъ 10 до 20 десятинъ, $\frac{1}{7}$ часть — участками менѣе 5 десятинъ и $\frac{1}{6}$ часть — участками болѣе 20 десятинъ. Последняя группа сохранила неподѣленными первоначальные тридцати-десятинные участки, и въ ея рукахъ сосредоточено 44% всей земли. Неравномерность землевладѣнія, рисуемая приведенными цифрами относительно распределенія земли между домохозяевами, покажется, впрочемъ, не столь значительной, если принять въ расчетъ рабочей составъ семей. Почти всѣ безземельныя семьи имѣютъ по одному работнику-мужчинѣ, а въ двухъ многоземельныхъ группахъ $\frac{1}{3}$ часть семей имѣетъ по два такихъ работника. Въ самой многоземельной группѣ насчитывается, впрочемъ, много (13%) семей, не имѣющихъ вовсе мужчинъ рабочаго возраста. Что касается безземельныхъ, то нѣкоторая ихъ часть находится, вѣроятно, временно въ такомъ положеніи. Это — тѣ молодые колонисты, которые послѣ женитьбы отдѣлились отъ родителей. Современемъ они, вѣроятно, получаютъ часть отцовской земли.

Состояніе сельскаго хозяйства въ общемъ итогѣ по колоніямъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

На 3.187 наличныхъ семей имѣется 42,3 тыс. десятинъ надѣльной и 17,7 тыс. десятинъ арендованной, всего 60.000 десятинъ земли или, въ среднемъ, 19 десятинъ на домохозяина. Засѣвается изъ этой площади 11 десятинъ, остальная земля находится подъ усадьбами, выгономъ и временнымъ сѣновосомъ, подъ который запускается часть пашни. Въ системѣ хозяйства евреи подражаютъ хищническимъ приемамъ русскихъ крестьянъ. Вспахиваютъ землю они не плугомъ, а преимущественно буккеромъ, который не взрыхляетъ, а лишь царапаетъ землю. Пашня засѣвается почти непрерывно; для восстановленія производительныхъ силъ почвы не примѣняется ни смѣна между пашней и выгономъ, ни паровая обработка полей, ни ихъ удобрение; 99⁰/₁₀₀ площади посѣвовъ заняты односторонне истощающими почву зерновыми хлѣбами. Жатва производится машинами, а молотѣба — катками. Въ послѣдніе годы, впрочемъ, появились признаки поворота къ болѣе рациональнымъ системамъ, выразившіеся пока въ томъ, что многіе домохозяева стали вспахивать землю плугомъ и притомъ осенью, — что имѣетъ важное значеніе для сохраненія въ почвѣ влаги при засушливомъ климатѣ Новороссіи. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ эти приемы обработки примѣняются къ болѣе половинѣ пахотной земли. Средній сборъ хлѣба въ колоніяхъ равняется 34 пудамъ съ десятины; онъ на 3,5 пуда выше урожая крестьянскихъ полей и на 7 пудовъ менѣе, чѣмъ собираютъ со своей земли нѣмцы-колонисты того же района. Стоимость собраннаго зерна, за вычетомъ посѣвныхъ сѣмянъ и расхода зерна на кормъ лошадей, опредѣляется въ 600.000 руб., а за вычетомъ 100.000 руб. въ уплату за арендованную землю она составитъ 500.000 руб., или 155 руб. на наличную семью. Колонисты получаютъ еще доходъ отъ продуктивнаго скота, имѣющагося у нихъ въ количествѣ 1,6 коровы и 2,3 штукъ прочаго скота на семью. Доходъ этотъ не превышаетъ 60 руб. и общій доходъ отъ сельскаго хозяйства поднимается, такимъ образомъ, до 215 руб. на семью. Изъ этого дохода должны быть уплачены казенные, земскіе, сельскіе и страховые платежи, въ суммѣ 19 руб., и на содержаніе семьи останется около 200 руб., или 33 руб. на душу. Въ такомъ почти размѣрѣ *Θ. А. Щербиной* опредѣлены, какъ извѣстно, потребительныя нужды семьи воронежскаго крестьянина. При вполнѣ равномерномъ распредѣленіи между домохозяевами собственной и арендованной земли, херсонскіе еврейскіе колонисты получили бы поэтому отъ

сельскаго хозяйства средства для поддержанія своего существованія на уровнѣ средняго крестьянскаго двора черноземной Россіи. Но посѣвы отдѣльных дворовъ крайне неравномѣрны. Тогда какъ 14% домохозяевъ засѣвають, въ среднемъ, по 44 десятины, а 16% по 15 десятинъ, т.-е. выше средней нормы (11 десятинъ на домохозяина),—20% имѣютъ въ посѣвѣ 8 десятинъ, 23%—3½ десятины, а 28% еврейскихъ колонистовъ вовсе не производятъ посѣвовъ. Нѣкоторые малосѣющие домохозяева—при небольшой семьѣ—могутъ удовлетворяться доходомъ отъ сельскаго хозяйства; но большая часть ихъ должна прибѣгать къ промысловымъ заработкамъ.

Этими послѣдними—исключительно или наряду съ сельскимъ хозяйствомъ—занято въ херсонскихъ колоніяхъ 51% наличныхъ домохозяевъ, а 49% послѣднихъ довольствуются доходами отъ своего хозяйства или добываютъ средства существованія, нанимаясь въ сельскіе работники къ сосѣдямъ. Исключительно промысламъ отдаютъ свои силы 430 еврейскихъ семей, или 13,5% всего ихъ числа; комбинируютъ промысловыя занятія съ земледѣльческими 1.194 семьи, или 37,5% домохозяевъ. Интересно, что во всѣхъ земельныхъ группахъ колонистовъ распределеніе домохозяевъ между тѣми, кто занимается исключительно сельскимъ хозяйствомъ, исключительно промыслами или комбинируетъ оба занятія,—почти одинаково; около половины хозяевъ каждой группы знаютъ только земледѣліе, 1/6—1/9—только промыслы и отъ 1/3 до 2/5—соединяютъ оба занятія. Не составляютъ исключенія изъ этого правила даже дворы безземельные, половина которыхъ занимается только сельскимъ хозяйствомъ, а третья часть—хозяйствомъ и промыслами. Возможность для безземельныхъ колонистовъ специализироваться на сельскомъ хозяйствѣ объясняется тѣмъ, что имъ сдаются въ аренду на льготныхъ условіяхъ находящіеся при колоніяхъ запасные участки. Они пользуются этой льготой, и половина безземельныхъ арендуетъ, въ среднемъ, по 19 десятинъ на семью. Это соотвѣтствуетъ площади средняго хозяйственнаго участка еврейскаго колониста, на которомъ производится, какъ мы видѣли, посѣвъ, въ 11 десятинъ. Такъ какъ безземельныя семьи, судя по неполнымъ, впрочемъ, даннымъ нашихъ матеріаловъ, довольно мелки, то доходъ отъ посѣва 11-ти десятинъ можетъ оказаться достаточнымъ для содержанія семьи земледѣльца, и она не станетъ искать дополнительныхъ заработковъ. Кромѣ половины безземельныхъ домохозяевъ, ограничивающихся сельско-хозяйственной дѣятельностью, 34% безземельныхъ дворовъ прилагаютъ

свои силы къ землѣ наряду съ другими занятіями, — причѣмъ земледѣліемъ имъ приходится заниматься по преимуществу, конечно, въ качествѣ наемныхъ работниковъ. Исключительно же промысламъ отдаютъ свои силы лишь 15% безземельныхъ домохозяевъ еврейскихъ колоній.

Широкое участіе безземельнаго населенія еврейскихъ колоній въ сельско-хозяйственной дѣятельности служить краснорѣчивымъ опроверженіемъ довольно распространеннаго у насъ мнѣнія, что евреи органически отвращаются отъ занятія земледѣліемъ. Если судить по этому одному признаку, то можно, пожалуй, утверждать, что евреи сильнѣе тянутся къ землѣ, нежели нѣмцы-земледѣльцы. По крайней мѣрѣ, изъ числа нѣмецкихъ колонистовъ бердянскаго уѣзда таврической губерніи, владѣющихъ землею подворно, какъ и херсонскіе евреи, — посѣвъ хлѣбовъ (на арендованной землѣ) наблюдается лишь у 37% безземельныхъ. Большой процентъ безземельныхъ посѣвщиковъ-евреевъ объясняется, впрочемъ, обычаемъ отдачи имъ въ аренду на льготныхъ условіяхъ запасныхъ общественныхъ участковъ.

Вышеприведенныя числа относятся къ цѣлымъ еврейскимъ семьямъ. Если же взять членовъ этихъ семей, то окажется, что изъ 9.092 лицъ обоюго пола (обнимающихъ все рабочее населеніе колоній), назвавшихъ при переписи свою профессію, 73% занимались исключительно земледѣліемъ въ качествѣ хозяевъ, членовъ ихъ семей или наемныхъ работниковъ, 18,5% комбинировали земледѣліе съ промысломъ и 8,5% отдавали всѣ свои силы неземледѣльческимъ занятіямъ разнаго рода. Причастными къ сельско-хозяйственной дѣятельности оказались, такимъ образомъ, 81,5% жителей колоній. Этими также достаточно выражаются земледѣльческія склонности населенія колоній, отношенія котораго къ землѣ стѣснены разными ограничительными законами, вродѣ запрещенія аренды христіанскихъ земель, жительства въ христіанскихъ деревняхъ и т. п. Но имѣющіяся въ нашихъ матеріалахъ данныя, вмѣстѣ съ свѣдѣніями другихъ источниковъ о хозяйствѣ христіанъ, даютъ возможность провести довольно детально параллель между евреями и христіанами-земледѣльцами южнаго — степного — района и установить сравнительную хозяйственную состоятельность тѣхъ и другихъ. Матеріаломъ для насъ будутъ служить данныя таврической земской статистики (относящіяся, впрочемъ, къ срединѣ 80-хъ годовъ) относительно трехъ материковыхъ (мелитопольскаго, днѣпровскаго и бердянскаго) уѣздовъ вообще и удобно сгруппированныя для нашей цѣли свѣдѣнія, касающіяся 25¹/₃ тысячъ русскихъ кре-

стьянъ-домохозяевъ днѣпровскаго и бердянскаго уѣздовъ, и $7\frac{1}{4}$ тыс. семей нѣмцевъ-колониство въ дворниковъ послѣдняго уѣзда ¹⁾. При пользованіи этими матеріалами слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что земельныя и посѣвныя группы, принятыя въ таврической земской статистикѣ, не совсѣмъ совпадаютъ съ группами матеріаловъ о херсонскихъ еврейскихъ, и мы можемъ только приблизительно точно перевести однѣ группы въ другія.

III.

По размѣрамъ посѣвовъ еврейскіе-херсонскіе колонисты распадаются на нѣсколько въ количественномъ отношеніи различныхъ группъ. Съ посѣвомъ до 5 дес. въ колоніяхъ насчитываются 22% домохозяевъ, отъ 5 до 10 дес.— 20% , отъ 10 до 20 дес.— 16% , и болѣе 20 дес.— 14% ; 28% колониство не имѣютъ самостоятельнаго посѣва. Изъ этихъ расчетовъ слѣдуетъ заключеніе, что чѣмъ крупнѣе площадь посѣва, тѣмъ меньше число единицъ, входящихъ въ составъ группъ; мелкіе и средніе посѣвы здѣсь преобладаютъ надъ крупными. Въ русскихъ селеніяхъ материковыхъ уѣздовъ таврической губ. наблюдаются иныя отношенія. Посѣвы до 5 дес. имѣются у $\frac{1}{8}$ части домохозяевъ, отъ 5 до 10 дес.—почти у $\frac{1}{4}$ части, отъ 10 до 25 дес.—у $\frac{2}{5}$ домохозяевъ, и посѣвы выше 25 дес.—у $\frac{1}{8}$ части ихъ. Послѣдняя группа посѣвщиковъ представляетъ рѣзкое отклоненіе отъ прямой пропорціональности между площадью посѣвовъ и числомъ хозяевъ, ее примѣняющихъ. Это отклоненіе значительно уменьшится, если высшую группу посѣвщиковъ образовать, какъ это сдѣлано для еврейскихъ колоній, изъ хозяевъ, засѣвающихся не 25, а 20 дес. и болѣе. Предполагая, что предпослѣдняя группа (10—25 дес.) потеряетъ вслѣдствіе этого въ пользу высшей $\frac{1}{4}$ часть своего состава, или 10% общаго числа домохозяевъ, мы будемъ имѣть въ этихъ двухъ русскихъ группахъ 30% и 27% (въ высшей группѣ) общаго числа русскихъ земледѣльцевъ. Въ нѣмецко-болгарскихъ колоніяхъ даннаго района, владѣющихъ, какъ и херсонскіе евреи, землю наслѣдственно, не замѣчается и этого отклоненія. Тамъ существуетъ полный параллелизмъ между ростомъ посѣвной площади группъ и числомъ хозяевъ, входящихъ въ составъ послѣднихъ. Въ трехъ низшихъ группахъ (однородныхъ съ группами русскихъ посѣвщиковъ)

¹⁾ Сб. стат. свѣд. по таврической губ. Т II, V, IX.

число сѣющихъ составляетъ послѣдовательно 6% — 7% — 28% , а вмѣстѣ съ лицами непродувающими посѣва (9%) это составитъ половину населенія колоній; другая его половина состоитъ изъ домохозяевъ, высѣвающихъ 25 дес. и болѣе. Кромѣ послѣдовательнаго возрастанія состава посѣвныхъ группъ, нѣмецко-болгарскія поселенія отличаются, какъ мы видимъ, отъ русскихъ и еврейскихъ также незначительнымъ процентомъ, падающимъ на низшія посѣвныя группы.

Преобладаніе крупныхъ посѣвовъ среди колонистовъ таврической губ. находитъ себѣ простое объясненіе въ условіяхъ ихъ землевладѣнія. Нѣмцы, составляющіе большую часть этой категоріи земледѣльцевъ, не допускаютъ свободнаго раздѣла отцовскаго участка между наслѣдниками и заботятся о томъ, чтобы первоначальные семейные участки, площадью въ 60 дес., дробились возможно менѣе. Благодаря такому обыкновенію, въ нѣмецкихъ колоніяхъ бердянскаго уѣзда, съ населеніемъ въ $7\frac{1}{4}$ тысячъ домохозяевъ, число семей, владѣющихъ до 10 дес. пашни, составляетъ лишь 10% общаго числа хозяевъ, владѣющіе 10—15 дес. образуютъ 17% , имѣющіе 15—30 дес. составляютъ 26% дворовъ, а домохозяева съ болѣе крупными участками составляютъ 37% населенія. Процентъ владѣльцевъ увеличивается здѣсь вмѣстѣ съ ростомъ площади владѣнія, между тѣмъ какъ въ еврейскихъ колоніяхъ среднія группы земледѣльцевъ преобладаютъ надъ крайними. Послѣдняго рода отношенія наблюдаются и среди русскихъ крестьянъ материковыхъ уѣздовъ таврической губ. Такъ, $25\frac{1}{3}$ тыс. домохозяевъ бердянскаго и днѣпровскаго уѣздовъ, для которыхъ имѣется надлежащая группировка данныхъ подворныхъ переписей, распредѣляются между четырьмя земельными группами такимъ образомъ, что на долю двухъ крайнихъ группъ приходится приблизительно по $\frac{1}{6}$ части общаго числа поселенцевъ, а на долю двухъ среднихъ группъ (5—10 и 10—20 дес. пашни)—по $\frac{1}{3}$ части. Въ еврейскихъ колоніяхъ крайнимъ группамъ принадлежитъ та же доля цѣлаго; но, благодаря большому числу безземельныхъ, на долю среднихъ группъ приходится не по $\frac{1}{3}$, а по $\frac{1}{4}$ общаго числа дворовъ.

Несмотря на сходство русскихъ земледѣльцевъ и евреевъ въ отношеніи распредѣленія между ними земли, относительное число домохозяевъ, составляющихъ различныя посѣвныя группы, далеко у нихъ не одинаково. Распредѣленіе еврейскихъ колонистовъ по посѣвнымъ группамъ слѣдуетъ, какъ мы видѣли, такому порядку, что по мѣрѣ увеличенія посѣва уменьшается

(медленно) число хозяевъ, его практикующихъ. Среди русскихъ земледѣльцевъ наблюдается обратное явленіе; и во всякомъ случаѣ здѣсь существуетъ тенденція къ болѣе крупнымъ посѣвамъ, чѣмъ среди евреевъ.

Въ среднемъ, на одного домохозяина въ еврейскихъ колоніяхъ приходится 13 дес. надѣльной и 6 дес. арендованной, всего 19 дес.; изъ нихъ подъ посѣвъ отводится 11 дес., или около 60%. Средній русскій крестьянинъ материковыхъ уѣздовъ таврической губ. пользуется 19 дес. надѣльной и 3 дес. арендованной, всего 22 дес., изъ коихъ засѣвается 16 дес., или $\frac{2}{3}$. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ этого района засѣвается меньшая доля владѣній, чѣмъ въ русскихъ и даже въ еврейскихъ селеніяхъ. Мѣра эксплуатаціи земли, если ее выразить площадью, отводимой подъ посѣвъ, въ еврейскихъ и христіанскихъ обществахъ, какъ видитъ читатель, приблизительно одинакова. Въ направленіи хозяйственной дѣятельности христіанъ и евреевъ не усматривается, поэтому, существенныхъ различій, и если, тѣмъ не менѣе, мы наблюдаемъ рѣзкую разницу въ составѣ группъ, производящихъ мелкіе и крупные посѣвы, если мелкихъ посѣвщиковъ среди евреевъ больше, а крупныхъ — меньше, нежели среди русскихъ, если болѣе состоятельные евреи засѣваютъ относительно менѣе, а менѣе состоятельные — болѣе того, что наблюдается въ русскихъ селеніяхъ, то причину неодинаковой напряженности тамъ и здѣсь въ разныхъ земельныхъ группахъ хозяйственной энергіи можно искать во внѣшнихъ и во внутреннихъ условіяхъ хозяйственной дѣятельности населенія, облегчающихъ или затрудняющихъ доступъ къ землѣ малосостоятельнымъ лицамъ.

Въ русскихъ селеніяхъ, гдѣ преобладаетъ общинное владѣніе землей, доступъ къ надѣльной землѣ открытъ почти для всего населенія, и это обстоятельство привело къ тому, что хотя мало-земельныя семьи здѣсь почти вовсе устранены отъ аренды владѣльческихъ угодій, но дворовъ, не производящихъ посѣва, насчитывается здѣсь всего 8%, между тѣмъ какъ среди евреевъ неимѣющіе посѣва составляютъ 28% всего числа колонистовъ. Въ еврейскихъ колоніяхъ, зато, есть другое условіе, облегчающее хозяйственную дѣятельность малосостоятельныхъ семей: наличность запасныхъ участковъ, сдающихся малоземельнымъ (по крайней мѣрѣ, безземельнымъ) на льготныхъ условіяхъ. Участки эти составляютъ большую часть аренднаго фонда и ими обеспечивается возможность пополненія недостатка надѣльной земли именно для тѣхъ группъ населенія, которымъ всего труднѣе

конкурировать—въ борьбѣ за арендуемыя угодья—съ болѣе состоятельными домохозяевами.

Но кромѣ этого социальнаго условія, есть и индивидуальво-хозяйственныя тенденціи, дѣйствующія въ томъ же направленіи; онѣ заключаются въ слабомъ, сравнительно, стремленіи болѣе крупныхъ еврейскихъ колонистовъ къ обработкѣ земли за свой страхъ. Эта тенденція проявляется, во-первыхъ, въ широкомъ развитіи сдачи многоземельными домохозяевами въ аренду своихъ угодій. Сравнивая въ этомъ отношеніи еврейскихъ колонистовъ и нѣмецкихъ, увидимъ, что въ еврейскихъ селеніяхъ сдача земли увеличивается вмѣстѣ съ ростомъ землевладѣній и число сдатчиковъ, начиная съ 17⁰/₁₀₀ числа домохозяевъ въ низшей земельной группѣ, доходитъ до 49⁰/₁₀₀ въ группѣ высшей; въ нѣмецкихъ колоніяхъ бердянскаго уѣзда всѣ земельныя группы (кромѣ первой) даютъ почти одинаковый (около 20) процентъ сдатчиковъ. Русскіе крестьяне бердянскаго и днѣпровскаго уѣздовъ не представляютъ такого рѣзкаго отличія отъ евреевъ. Процентъ сдатчиковъ у нихъ, какъ и у евреевъ, повышается отъ мелкихъ земельныхъ группъ къ крупнымъ, и въ каждой группѣ тамъ и здѣсь почти одинаковъ; исключеніе составляетъ высшая группа, дающая въ еврейскихъ селеніяхъ около половины сдатчиковъ, а въ русскихъ—около ²/₅. Во всякомъ случаѣ, оказывается, что тогда какъ у нѣмецкихъ колонистовъ бердянскаго уѣзда самая многоземельная группа домохозяевъ насчитываетъ 20⁰/₁₀₀ сдатчиковъ, а среди русскихъ крестьянъ днѣпровскаго и мелитопольскаго уѣздовъ 40⁰/₁₀₀,—изъ многоземельныхъ домохозяевъ еврейскихъ колоній къ сдачѣ въ аренду своихъ угодій прибѣгаетъ цѣлая половина, и половина этой половины отчуждаетъ всю свою пахотную землю. О болѣшемъ развитіи сдачи земли у еврейскихъ состоятельныхъ домохозяевъ сравнительно съ русскими и нѣмецкими свидѣтельствуетъ еще болѣе тотъ фактъ, что тогда какъ земля, сданная многоземельными еврейскими домохозяевами, составляетъ ¹/₄ часть площади владѣній этой группы, у русскихъ она не превышаетъ ¹/₈ части, а у нѣмцевъ—¹/₁₆.

Меньшая склонность къ земледѣльческимъ занятіямъ многоземельныхъ еврейскихъ колонистовъ сравнительно съ средне- и малоземельными, проявляется еще въ томъ фактѣ, что процентъ домохозяевъ, не производящихъ посѣвъ, во всѣхъ земельныхъ группахъ одинаковъ, несмотря на то, что обладаніе тридцатидесятинымъ участкомъ, напр., составляетъ болѣе благопріятное условіе для этого промысла, нежели распоряженіе пятидесятинымъ надѣломъ, и что естественнѣе было бы наблюдать обратную

пропорціональность между процентомъ домохозяевъ, не имѣющихъ посѣва, и площадью принадлежащихъ имъ угодій. Такая обратная пропорціональность наблюдается въ обществахъ русскихъ и нѣмецкихъ земледѣльцевъ. Полный отказъ отъ посѣва здѣсь, кромѣ того, распространенъ мало, и это указываетъ уже на большую склонность къ сельскому хозяйству русскихъ и нѣмцевъ, сравнительно съ евреями вообще. Тогда какъ во всѣхъ земельныхъ группахъ еврейскихъ земледѣльцевъ приблизительно $\frac{1}{4}$ часть не производитъ посѣва хлѣбовъ, число не сѣющихъ домохозяевъ у крестьянъ днѣпровскаго и бердянскаго уѣздовъ колеблется по земельнымъ группамъ между 1,5 (у высшей) и 17 (у низшей земельной группы) процентами.

Распределение между домохозяевами живого и мертвого инвентаря свидѣтельствуетъ о тѣхъ же явленіяхъ слабой хозяйственной организациі евреевъ-земледѣльцевъ сравнительно съ христіанами и меньшей склонности къ сельскому хозяйству многоземельныхъ евреевъ-колонистовъ сравнительно съ малоземельными.

Число головъ рабочаго скота, приходящихся на одного домохозяина, колеблется по земельнымъ группамъ еврейскихъ колонистовъ очень мало: у самыхъ малоземельныхъ его находится 2 головы, а у наиболѣе многоземельныхъ—2,7 штуки на семью. У русскихъ крестьянъ днѣпровскаго и бердянскаго уѣздовъ эти колебанія больше (отъ 2 до 4,5 головъ на хозяина), и въ двухъ многоземельныхъ группахъ обеспеченность рабочимъ скотомъ выше того, что наблюдается въ еврейскихъ колоніяхъ: въ группѣ 10—15 дес. пашни на дворъ на одного домохозяина приходится 3,1 шт. рабочаго скота, а въ слѣдующей—4,5 штуки; тогда какъ въ еврейскихъ колоніяхъ соответствующіе показатели обеспеченности живымъ инвентаремъ суть: 2,3 и 2,7. Относительно нѣмецкихъ колоній придется повторить то же самое. Пахотныхъ орудій въ еврейскихъ колоніяхъ приходится, въ среднемъ, по 0,77 на одного сѣющаго хлѣбъ домохозяина; въ христіанскихъ колоніяхъ каждый сѣющій хозяинъ имѣетъ, въ среднемъ, по одному такому орудію. Въ еврейскихъ колоніяхъ пахотныя орудія находятся лишь у 37% всѣхъ домохозяевъ, причемъ у трехъ высшихъ группъ процентъ хозяевъ съ пахотными орудіями колеблется въ предѣлахъ 41—49%.

Въ христіанскихъ селеніяхъ бердянскаго и мелитопольскаго уѣздовъ пахотными орудіями владѣютъ 62% домохозяевъ; данныхъ о распределеніи этихъ орудій между хозяевами различныхъ земельныхъ группъ не имѣется.

Соответственно указанному различію евреевъ и христіанъ въ

отношеніи содержанія живого и мертвaго инвентаря, эти группы земледѣльцевъ различаются и по числу домохозяевъ, обрабатывающихъ землю наемнымъ трудомъ. У евреевъ насчитывается въ $2\frac{1}{2}$ раза больше (27% всего числа сѣющихъ домохозяевъ) посѣвщиковъ, прибѣгающихъ къ этому труду, нежели у христіанскихъ земледѣльцевъ бердянскаго и мелитопольскаго уѣздовъ (11%). Число евреевъ, сѣющихъ наемнымъ трудомъ, по мѣрѣ роста землевладѣнія понижается съ 38 до 22%. Это служитъ доказательствомъ, что въ основѣ даннаго явленія лежитъ, главнымъ образомъ, недостатокъ собственнаго инвентаря.

Всѣ разсмотрѣнныя выше данныя приводятъ къ заключенію, что—какъ мелкіе земледѣльцы—евреи херсонской губерніи представляются болѣе слабыми въ хозяйственномъ отношеніи сравнительно съ христіанами. Въ средѣ самихъ еврейскихъ колонистовъ наблюдается больше равномѣрности въ распредѣленіи между домохозяевами положительныхъ и отрицательныхъ признаковъ хозяйственнаго порядка. Явленіе это обуславливается съ одной стороны наличностью аренднаго земельного фонда, назначеннаго преимущественно для малоземельныхъ поселанъ, съ другой—слабо выраженнымъ, сравнительно, стремленіемъ болѣе крупныхъ колонистовъ-землевладѣльцевъ къ обработкѣ за личный счетъ собственныхъ и арендованныхъ угодій. О причинахъ этого различія мы поговоримъ ниже; въ настоящій же моментъ остановимся ненадолго на другихъ районахъ еврейскихъ земледѣльческихъ поселеній. Здѣсь мы замѣтимъ, въ общемъ, тѣ же характерныя черты еврейскаго земледѣлія, хотя отсутствіе аналогичныхъ данныхъ для христіанскаго населенія не представляетъ возможности опредѣленныхъ сравнительныхъ заключеній.

Въ южной степной полосѣ имѣется другой районъ земледѣльческихъ еврейскихъ поселеній—въ маріупольскомъ и александровскомъ уѣздахъ екатеринославской губерніи. Подворнаго изслѣдованія этого района, обнимающаго 1.400 семей, произведено въ послѣднее время не было; но, судя по болѣе раннимъ изысканіямъ и по нѣкоторымъ общимъ даннымъ, собраннымъ для интересующаго насъ изданія, можно положить, что хозяйственное состояніе этого района, въ общемъ, сходствуетъ съ положеніемъ херсонскихъ колонистовъ.

Въ южной полосѣ есть еще шесть еврейскихъ колоній, состоящихъ изъ 800 домохозяевъ кореннаго населенія: это—районъ бессарабской губерніи, рѣзко отличающійся отъ двухъ предшествующихъ въ томъ отношеніи, что колоніи основаны не на казенной, а на купленной землѣ, и характеризуются поэтому

значительнымъ малоземельемъ. Всего земли въ этихъ колоніяхъ около 3.000 десятинъ, что соотвѣтствуетъ 5,5 дес. на земельный дворъ.

Незначительная площадь собственнаго владѣнія колонистовъ, при условіяхъ экстенсивнаго хозяйства южныхъ степей, составляетъ, конечно, весьма неблагоприятное условіе для серьезной хозяйственной дѣятельности. Правда, колоніи арендуютъ около 3.000 десятинъ чужихъ земель, совершая условіе на словахъ и притомъ на имя христіанъ. Но къ арендѣ прибѣгаютъ преимущественно зажиточные домохозяева, а при исключительно земледѣльческомъ характерѣ окрестнаго христіанскаго населенія малоземельные евреи и при болѣе сильномъ стремленіи къ занятію сельскимъ хозяйствомъ врядъ ли могли обезпечить себѣ достаточное для этого количество земли. Многие изъ нихъ къ тому же, нуждаясь въ деньгахъ, вынуждены сдавать въ аренду и отдавать въ залогъ свои земельные участки. Большая половина бессарабскихъ евреевъ имѣетъ менѣе 4 дес. земли на дворъ и всего 10% владѣютъ болѣе, чѣмъ 8-ю десятинами. При такихъ условіяхъ лишь немногіе колонисты лично исполняютъ всѣ операціи обработки посѣвовъ. Большая ихъ часть вспахиваетъ землю чужимъ трудомъ, а при посѣвѣ пшеницы и ячменя (занимающихъ половину посѣвной площади) они рѣдко выполняютъ своимъ трудомъ и остальные хозяйственныя операціи. Всего болѣе еврейскія семьи работаютъ при культурѣ кукурузы, занимающей почти половину еврейскихъ посѣвовъ. Настоящіе хлѣборобы находятся въ значительномъ числѣ, главнымъ образомъ, въ колоніи Домбровены, состоящей изъ 139 земельныхъ дворовъ, и гдѣ на земельного домохозяина приходится, въ среднемъ, 8,5 дес. земли. Этой колоніи принадлежитъ и болѣе $\frac{2}{3}$ арендованной колонистами земли.

При описанныхъ условіяхъ землевладѣнія и сельскаго хозяйства въ еврейскихъ колоніяхъ бессарабской губерніи, не-земледѣльческіе промыслы должны составлять главный источникъ средствъ существованія колонистовъ, а среди этихъ промысловъ на первомъ мѣстѣ по числу лицъ слѣдуетъ поставить торговлю, которой отдаютъ свои силы — самостоятельно или наряду съ земледѣліемъ — 36% еврейскихъ семей.

Второе мѣсто занимаютъ представители различныхъ отдѣловъ чернорабочихъ — по сельско-хозяйственному найму, извозу и т. д., — привлекающихъ 22% колонистовъ, а третье мѣсто — ремесло (портные, сапожники, шорники), занимающіе силы 12% колонистовъ. Большая половина торговцевъ занимается скупкою и под-

вовомъ въ станціямъ желѣзныхъ дорогъ мѣстныхъ земледѣльческихъ произведеній, и самое содержаніе рабочаго скота въ колоніяхъ имѣеть въ виду болѣе промышленныя цѣли, чѣмъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ.

IV.

Въ десяти западныхъ губерніяхъ находится 248 земледѣльческихъ еврейскихъ поселеній съ 30,6 тыс. коренного населенія; сплошному подворному изслѣдованію изъ нихъ были подвергнуты 139 болѣе крупныхъ селеній съ 25,2 тыс. жителей. Въ виду того, что это изслѣдованіе обнимаетъ 82⁰/₀ евреевъ-колонистовъ—результаты его могутъ быть распространены на все земледѣльческое еврейское населеніе даннаго района.

Первоначально поселились въ этихъ колоніяхъ 3.250 семей, но окончательно основались здѣсь лишь 2.160 семей. Къ моменту переписи это первоначальное ядро колонистовъ разрослось почти до 6.000 семей; изъ нихъ около 2.000 семей оставило колоніи; на ихъ мѣсто, впрочемъ, прибыло 1.200 семей, и все населеніе 139 колоній составляютъ въ настоящее время 30.000 человекъ. Подворной переписи изъ нихъ подверглись лишь 25,2 тыс. душъ коренного населенія, изъ коихъ 1,7 тыс. душъ находилась во временной отлучкѣ. Изъ числа 139 поселеній, 95 основаны на надѣльной землѣ, 32 — на собственной и 12—на арендной. Въ шести сѣверо-западныхъ (литовскихъ и бѣлорусскихъ) губерніяхъ находится 93 колоніи съ 2.000 хозяйствъ и 14.000 населенія; въ четырехъ юго-западныхъ губерніяхъ—46 колоній съ 2.084 семействами и 11.000 жителей. Въ сѣверо-западномъ краѣ дѣйствительное число семей нѣсколько выше показаннаго, потому что при переписи за одинъ дворъ считались здѣсь двѣ или три семьи, владѣвшія сообща землей. Общее владѣніе земельными угодьями ведетъ, вѣроятно, происхождение отъ тѣхъ временъ, когда правительство искусственно соединяло двѣ мелкихъ еврейскихъ семьи въ одно хозяйство, руководствуясь соображеніемъ о болѣе выгодности крупныхъ семей.

Во владѣніи сѣверо-западныхъ колонистовъ находится 20.000 дес. земли, въ томъ числѣ 13,4 тыс., или 66⁰/₀,—надѣльной, 29⁰/₀—собственной и 5⁰/₀—арендованной; колонисты юго-западныхъ губерній владѣютъ 11.000 дес., изъ коихъ надѣльная составляетъ всего 37⁰/₀, собственная—56⁰/₀ и арендованная—7⁰/₀. Еврейскія колоніи образованы были на землѣ, покрытой лѣсомъ; послѣдній постепенно выкорчевывался или самими евреями, или

крестьянами, которымъ земля отдавалась во временное пользованіе. Процессъ обращенія лѣсной площади подъ сельское хозяйство медленно совершался въ юго-западныхъ губерніяхъ, и здѣсь у еврейскихъ колонистовъ находится еще 15% лѣсовъ; подъ пашней здѣсь считается 38%, а подъ усадьбами и огородами — 10% общей площади. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ пашня занимаетъ 57%, а усадьбы и огороды — 4,5% площади колоніальныхъ владѣній. У крестьянъ этого района пахотная земля занимаетъ такую же площадь надѣла; что же касается юго-западнаго края, то крестьяне распахали гораздо болѣе земли, чѣмъ евреи: у послѣднихъ подъ пашней находится 38%, а вмѣстѣ съ огородами — 48% земли, а у крестьянъ распахано 66% ихъ надѣла.

Какъ новички въ сельскомъ хозяйствѣ, евреи западныхъ губерній подражали въ приемахъ культуры крестьянамъ. Они ввели трехпольный сѣвооборотъ, приобрѣли деревянные бороны и сохи въ сѣверо-западныхъ, и плуги — въ юго-западныхъ губерніяхъ; молотятъ хлѣбъ цѣпами или лошадьми, и т. п. Впрочемъ, евреи не строго придерживаются трехполя съ свободнымъ паромъ, и если только представляется возможность арендовать выгоны, они не гоняютъ скотъ на свои пары и обезпечиваютъ себѣ такимъ образомъ, свободу посѣвовъ. Удобреніе полей практикуется вездѣ, даже въ черноземныхъ губерніяхъ; но по причинѣ малаго количества у колонистовъ скота примѣненіе его весьма ограничено. По свойству нечерноземныхъ почвъ, для надлежащаго удобренія въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ слѣдуетъ держать 1¹/₂ головы скота на десятину пашни; у колонистовъ же имѣется его лишь ¹/₂ головы на десятину. При недостаткѣ удобренія для всей своей земли колонисты стараются лучше удобрить огороды и ближайшую пашню. А такъ какъ плохо удобряемая земля не обѣщаетъ сносныхъ урожаевъ, то худшіе участки пашни евреи не обрабатываютъ, а либо сдаютъ крестьянамъ изъ доли урожая, либо оставляютъ въ залежи. Евреи, вообще, съ большимъ расчетомъ относятся къ хозяйству, чѣмъ крестьяне, и не обрабатываютъ того участка, который не обѣщаетъ достаточнаго, по ихъ мнѣнію, вознагражденія за трудъ (напр., 15 коп. за день). Промышленный характеръ націи, облегчающій примѣненіе силъ въ разныхъ другихъ занятіяхъ, позволяетъ евреямъ примѣнять къ хозяйству такія правила коммерческаго расчета. Они умѣютъ использовать и выгоды расположенія своихъ владѣній близъ городовъ. Они получаютъ изъ города удобреніе и вводятъ интен-

сивное хозяйство, основанное на культурѣ картофеля и содержанія большаго количества скота.

Въ послѣднее время среди колонистовъ замѣчается стремленіе къ улучшенію хозяйства, въ видѣ распространенія травосѣянія, искусственныхъ удобреній, замѣны сохи плугомъ и т. п.

Въ обследованныхъ колоніяхъ сѣверо-западныхъ губерній на одинъ дворъ коренного населенія приходится, въ среднемъ, 8 дес., а въ юго-западныхъ колоніяхъ — 4 дес. земли. Если же исключить безземельныхъ (13⁰/₀ коренного населенія въ первомъ районѣ и 17⁰/₀ — во второмъ), то средній земельный участокъ возрастетъ, приблизительно, на десятину. По расчету на мужскую душу (вмѣстѣ съ безземельными) это составитъ 2,3 дес. въ сѣверо-западныхъ и 1,4 дес. въ юго-западныхъ губерніяхъ. Приблизительно такое же количество надѣльной земли (нѣсколько развѣ болѣе) имѣетъ въ своемъ пользованіи и крестьянское населеніе соответствующаго района ¹⁾. Что касается основного земельного фонда, то еврейское населеніе западныхъ губерній, въ отношеніи занятія сельскимъ хозяйствомъ, находится, слѣдовательно, въ одинаковомъ положеніи съ своими сосѣдами-христіанами. Но оно рѣзко отличается отъ нихъ въ томъ отношеніи, что оно лишилось законной возможности дополнять этотъ фондъ путемъ покупки или аренды земли. Фактически, впрочемъ, евреи не эксплуатируютъ и всей той земли, какая находится въ ихъ владѣніи. Хотя нѣкоторая часть колонистовъ и арендуетъ чужія угодья, но другая, большая часть сдаетъ свою землю въ аренду. Покрывая сдачу арендой и наоборотъ, все-таки окажется, что въ арендѣ у окрестныхъ крестьянъ находится ¹/₁₀, а вмѣстѣ съ землей отсутствующихъ колонистовъ — 20⁰/₀ еврейскихъ пахотныхъ угодій. Сдача евреями въ аренду своихъ угодій отчасти объясняется указаннымъ выше отношеніемъ къ хозяйству евреевъ, учитывающихъ сравнительныя выгоды, какія они могутъ получить отъ занятія земледѣіемъ и промысломъ; отчасти же это зависитъ отъ большой задолженности колонистовъ окрестному населенію, причемъ обезпеченіемъ долга служатъ отдаваемые ими въ закладъ сѣнокосные и пахотные участки. „Вопреки установленнымъ предразсудкамъ объ экономическомъ преобладаніи евреевъ, — говоритъ по этому предмету „Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ“, — колонисты обычно бьвають кругомъ въ долгу у сосѣднихъ крестьянъ, которымъ они

¹⁾ См. „Матеріалы по вопросу о движеніи благосостоянія сельскаго населенія“.

часто вынуждены за безцѣною закладывать свои поля и особенно сѣновосы“ (стр. 148 — 9). Для должной оцѣнки описываемаго явленія сдачи колонистами въ аренду своихъ земель слѣдуетъ имѣть въ виду тотъ фактъ, что $\frac{4}{5}$ сданной пахотной земли находится въ исполной арендѣ, при которой хозяинъ участка получаетъ арендную плату не деньгами, а урожаемъ. Это даетъ ему хотя часть зерна для прокормленія семьи и соломѣ для его скота.

Въ соответствии съ фактомъ сдачи еврейской земли въ аренду крестьянамъ находится и явленіе меньшей, сравнительно съ крестьянами, обеспеченности колонистовъ рабочимъ скотомъ. Основываясь на данныхъ военно-конскихъ переписей и мѣстнаго изслѣдованія еврейскихъ колоній, рассматриваемое нами изданіе показываетъ, что процентъ безлошадныхъ домохозяевъ у колонистовъ сѣверо-западныхъ губерній вдвое выше, а число лошадей на дворъ—въ $1\frac{1}{2}$ раза меньше, чѣмъ у крестьянъ.

Подворное распредѣленіе рабочаго скота колонистовъ обнаруживаетъ еще тотъ интересный фактъ, что число лошадей, приходящихся на дворъ, мало зависитъ отъ того, сколько у домохозяевъ находится земли. Это служитъ доказательствомъ, что лошадь еврейскій колонистъ содержитъ не только для полевыхъ работъ, но и ради промышленныхъ цѣлей. И дѣйствительно, значительная часть евреевъ занимается извозомъ и скупкою крестьянскихъ произведеній, которыя доставляются затѣмъ на лошадахъ покупателей на станціи желѣзныхъ дорогъ.

Распредѣленіе земли между домохозяевами-колонистами весьма неравномѣрно. $\frac{1}{8}$ часть въ сѣверо-западныхъ и $\frac{1}{6}$ — въ юго-западныхъ губерніяхъ вовсе не имѣютъ земли, а 10% въ первомъ районѣ и 44% во второмъ—имѣютъ ея не болѣе 2,5 дес. на дворъ. Безземельные и совершенно малоземельные домохозяева составляютъ, такимъ образомъ, больше 60% колонистовъ юго-западныхъ губерній, и въ виду такихъ данныхъ неудивительно, если половина евреевъ послѣдняго района не ведетъ хозяйства за свой счетъ; впрочемъ, почти третья часть этихъ безхозяйныхъ сдаетъ свою землю исполу, и имѣетъ, такимъ образомъ, собственное зерно и соломѣ. Въ литовскихъ губерніяхъ, гдѣ колонисты лучше обеспечены землею, сельскимъ хозяйствомъ за свой страхъ занимаются 76% домохозяевъ коренного населенія. Посѣвы еврейскихъ колонистовъ невелики: въ ковенской губерніи они составляютъ, въ среднемъ, 4,2 дес., въ юго-западныхъ губерніяхъ—2,3 дес. на сѣющаго домохозяина (объ остальныхъ губерніяхъ свѣдѣній не имѣется). Въ ковенской губерніи

средній посѣвъ домохозяина находится въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ площадью его надѣла и колеблется по различнымъ земельнымъ группамъ отъ 0,7 (у колонистовъ, владѣющихъ до 2,5 дес.) до 8 дес. (у хозяевъ, имѣющихъ болѣе 20 дес.) на сѣющій дворъ. Въ юго-западныхъ колоніяхъ эти колебанія очень незначительны (отъ 1,9 до 3,7 дес.). Малоземельные домохозяева въ юго-западныхъ колоніяхъ засѣвають (по расчету на сѣющаго домохозяина) въ два-три раза болѣе земли сравнительно съ малоземельными колонистами ковенской губерніи. Это представляется возможнымъ потому, что черноземная почва земли въ юго-западномъ краѣ допускаетъ отведеніе подъ посѣвъ почти всей площади владѣнія. Въ отношеніи многоземельныхъ хозяевъ обоихъ районовъ наблюдается совершенно обратное явленіе: многоземельные колонисты въ юго-западныхъ губерніяхъ засѣвають вдвое мѣншую площадь, нежели въ ковенской губерніи. Незначительное развитіе запашекъ среди многоземельныхъ колонистовъ юго-западнаго края доказываетъ слабое стремленіе этихъ колонистовъ къ сельско-хозяйственному промыслу.

Характернымъ для еврейскаго хозяйства въ западныхъ губерніяхъ является фактъ большого числа лицъ, вспахивающихъ землю подъ посѣвъ при помощи наемнаго инвентаря. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ къ найму постороннихъ лицъ (преимущественно окрестныхъ крестьянъ) прибѣгаютъ 40% сѣющихъ домохозяевъ, а въ юго-западныхъ — 69%. Къ найму пахарей въ одинаковой почти мѣрѣ прибѣгаютъ и мелкіе, и болѣе крупныя землевладѣльцы. Эти факты приводятъ насъ къ заключенію, что даже для большей части сѣющихъ колонистовъ юго-западныхъ губерній сельское хозяйство не представляется настолько выгоднымъ или интереснымъ занятіемъ, чтобы ему стоило отдавать трудъ главнаго работника, который поэтому, можетъ быть, и не научился управлять сохою. Правда, болѣе, чѣмъ хлѣбопашествомъ, еврейскіе колонисты западныхъ губерній занимаются огородничествомъ, и огороды находятся у $\frac{9}{10}$ земельныхъ домохозяевъ. Но это занятіе, которому отдаетъ свои силы женская часть населенія колоніи, не имѣетъ промышленнаго характера, и овощи (преимущественно картофель, затѣмъ свекла, морковь, брюква, фасоль, лукъ, мало огурцовъ, еще меньше капусты) выращаются лишь для собственнаго потребленія. Той же цѣли, въ большинствѣ случаевъ, служатъ и посѣвы колонистами хлѣбовъ; а принимая во вниманіе, что, судя по размѣру запашекъ, полное обезпеченіе продовольствіемъ имѣетъ съ своихъ полей лишь $\frac{1}{6}$ часть домохозяевъ ковенской губерніи и $\frac{1}{4}$ часть колони-

стовъ юго-западнаго края, мы получимъ ясное понятіе о томъ, какое важное значеніе въ хозяйственной жизни евреевъ западнаго края должны играть неземледѣльческія занятія. И дѣйствительно, въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ лишь $\frac{1}{5}$ часть домохозяевъ кореннаго населенія колоній, — а въ юго-западныхъ губерніяхъ всего $\frac{1}{14}$ — часть занимаются исключительно сельскимъ хозяйствомъ; остальное же коренное населеніе колоній, въ числѣ трехъ тысячъ человекъ въ каждомъ районѣ, имѣетъ какое-либо другое занятіе неземледѣльческаго характера, или участвуетъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ качествѣ наемныхъ работниковъ въ экономіяхъ черноземнаго края. Сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, впрочемъ, насчитывается въ обоихъ районахъ всего 115: „конкурренція крестьянъ дѣлаетъ наемъ на сельско-хозяйственныя работы евреевъ невыгоднымъ“. Промыслами занимается большая половина трудоспособнаго (18—60 лѣтъ) населенія обоюга пола. $\frac{1}{5}$ промышленниковъ занята чернорабочимъ трудомъ — вродѣ сплава лѣса, грузки товаровъ, каменныхъ ломовъ и т. п., $\frac{1}{6}$ — тяжелыми работами ремесленнаго характера — плотничествомъ, кузнечествомъ, каменными работами и др., и $\frac{1}{12}$ — извозомъ. Тяжелымъ работамъ, слѣдовательно, отдаютъ свои силы 45% промышленниковъ. Ремесла другого характера, какъ-то: портновство, сапожничество и другія, привлекаютъ къ себѣ $\frac{1}{5}$ часть промышленниковъ. Есть пѣлыя колоніи плотниковъ, каменщиковъ, гонтовщиковъ, странствующихъ деревенскихъ портныхъ; есть кустари, зимой приготавлиющіе шапки, шорныя издѣлія и др., а лѣтомъ развозящіе ихъ по армаркамъ. 160 евреевъ имѣютъ небольшія мельницы, кожевенные, смолокуренные и др. заводы. Болѣе $\frac{1}{4}$ части промышленниковъ занимаются торговлей, преимущественно скупкою продуктовъ крестьянскаго хозяйства. 400 человекъ въ обоихъ районахъ находятся на службѣ или учительствуютъ въ еврейскихъ школахъ.

За отсутствіемъ подворнаго изслѣдованія крестьянскаго хозяйства соотвѣтствующихъ районовъ, мы не можемъ произвести сравненія промышленныхъ занятій евреевъ и христіанъ. Если же обратиться къ ближайшей къ сѣверо-западному району Смоленской губерніи, для которой (6 уѣздовъ) существуетъ подробное изслѣдованіе 80-хъ гг., то окажется, что по числу домохозяевъ, имѣющихъ заработокъ внѣ собственнаго сельскаго хозяйства, эта губернія почти не отличается отъ района еврейскихъ колоній: въ послѣднихъ исключительно земледѣлію отдаютъ свои силы нѣсколько менѣе $\frac{1}{5}$ части (19%) домохозяевъ, въ первой — нѣсколько болѣе $\frac{1}{5}$ части (22%). Что же касается состава

промысловъ, привлекающихъ русскихъ и евреевъ, то существенное различіе между ними заключается въ томъ, что среди Смоленскихъ крестьянъ, работающихъ внѣ своего хозяйства, насчитывается не мало (7—8%) сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, что они даютъ очень небольшой процентъ кустарей и ремесленниковъ въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова (портныхъ и т. п.), и, главное, что лишь очень небольшая ихъ часть занимается торговлей.

Для полноты нашего обзора земледѣльческихъ еврейскихъ колоній будетъ излишнимъ сообщить, что еврей-колонисты, въ числѣ 2,5 тыс. семей, находятся еще въ различныхъ губерніяхъ Царства Польскаго; что въ пользованіи этихъ семей состоитъ до 15 тыс. десятинъ земли, изъ коихъ $\frac{1}{6}$ часть принадлежитъ арендованнымъ угодьямъ, а $\frac{5}{6}$ состоитъ изъ надѣльной и купленной земли. Свѣдѣнія о хозяйственномъ положеніи этихъ колонистовъ крайне скудны и отрывочны.

V.

До сихъ поръ мы вели рѣчь о занятіяхъ евреевъ хлѣбопашествомъ, — но не мѣньшее, если не большее число евреевъ отдаетъ свои силы специальнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Число такихъ лицъ (не считая крупныхъ предпринимателей и простыхъ арендаторовъ садовъ ради сбора готоваго урожая) въ чертѣ еврейской осѣлости, на основаніи отвѣтовъ корреспондентовъ колонизаціоннаго общества, опредѣляется въ 13—14 тыс., изъ коихъ $\frac{4}{5}$ занимаются огородничествомъ и садоводствомъ, а $\frac{1}{5}$ — табаководствомъ. Подъ всѣми специальными культурами занято около 20 тыс. десятинъ земли, изъ коихъ 75% — арендованной. Только $\frac{2}{5}$ всей земли находится въ чертѣ городовъ и мѣстечекъ, а $\frac{3}{5}$ ея состоитъ въ сельскихъ районахъ. Такое положеніе, когда хозяину, для занятія своимъ дѣломъ, приходится начать съ нарушенія закона и вѣчно находится подъ дамокловымъ мечомъ естественныхъ юридическихъ послѣдствій этого акта, не можетъ не отражаться на доходахъ хозяина, находящагося во вредной зависимости отъ землевладѣльца и мѣстной администраціи, и на приѣмахъ самой культуры.

Болѣе половины евреевъ, занимающихся специальными культурами, и болѣе трети земли, состоящей подъ этими послѣдними, находится въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, гдѣ широко

распространено еврейское огородничество. Огородничество преобладает над садоводством и въ юго-западныхъ губерніяхъ; занятіе же садоводствомъ распространено среди евреевъ преимущественно въ хотинскомъ уѣздѣ бессарабской губерніи, славящемся высокимъ состояніемъ этой отрасли хозяйства. На бессарабскую губернію приходится и $\frac{3}{4}$ евреевъ-виноградарей, изъ общаго числа таковыхъ около 800 человекъ, а также большая половина евреевъ-табаководовъ.

Приемы культуры евреевъ невысоки, такъ какъ во всѣхъ отрасляхъ, — кромѣ развѣ табаководства, которымъ евреи занимаются издавна, — они подражаютъ приемамъ обрестныхъ крестьянъ. Работы исполняются или наемнымъ, или семейнымъ трудомъ. Въ табачныхъ плантаціяхъ въ Малороссіи или на виноградникахъ бессарабской губерніи примѣняется, въ большинствѣ случаевъ, трудъ наемныхъ рабочихъ; табачныя плантаціи Бессарабіи воздѣлываются почти исключительно трудомъ женщинъ и дѣтей самихъ плантаторовъ. Примѣненіе къ данному дѣлу труда мужчины-хозяина зависитъ отъ того, сколь великъ ожидаемый доходъ и стоитъ ли отказаться ради него отъ другого, выгоднаго занятія.

Несмотря на скромныя абсолютныя числа евреевъ, занятыхъ специальными отраслями хозяйства, соответствующая дѣятельность евреевъ не можетъ считаться ничтожной, если ее разсматривать съ мѣстной точки зрѣнія. Такъ, мелкое промышленное огородничество въ Литвѣ и Бѣлоруссіи находится почти исключительно въ рукахъ евреевъ; табаководство въ бессарабской губерніи, да и во всемъ приднѣстровскомъ районѣ, находится, главнымъ образомъ, въ ихъ же рукахъ. Точно также и молочное хозяйство, коимъ въ чертѣ еврейской осѣдлости занимается около 8 тыс. евреевъ, во многихъ мѣстностяхъ находится въ исключительномъ вѣдѣніи евреевъ; многіе корреспонденты колонизаціоннаго общества изъ сѣверо-западнаго края и Царства Польскаго сообщаютъ, что всѣ землевладѣльцы ихъ районовъ сдають свой молочный скотъ въ аренду евреямъ.

Заключеніе, естественно вытекающее изъ того, что было выше говорено о земледѣльческой дѣятельности евреевъ, состоитъ въ томъ, что общій характеръ отношенія евреевъ къ сельскохозяйственному промыслу отличается отъ характера отношеній къ нему со стороны крестьянъ. Послѣдніе всѣмъ своимъ прошлымъ подготовлялись для занятія хозяйствомъ, и устраненіе ихъ отъ этого промысла связано съ ломкою ихъ быта. Поэтому, если у крестьянина есть земля, или если, не имѣя своей собственной

земли, онъ можетъ нанять чужую, то, какъ общее правило, онъ станетъ ее обрабатывать, не производя предварительнаго расчета о томъ, что онъ можетъ получить отъ нея въ вознагражденіе за свой трудъ. Еврей историческимъ своимъ прошлымъ подготовлялся къ другому отношенію къ дѣлу. Это прошлое вырабатывало въ немъ коммерческаго человѣка, разсчитывающаго расходы и доходы предпріятія, и этотъ элементъ расчета онъ вноситъ въ свою сельско-хозяйственную дѣятельность. Не пріобрѣтая специальной привычки и любви къ хозяйству, имѣя зато коммерческія способности вообще, онъ прилагаетъ свои силы и средства къ земледѣлію по расчету того, получить ли онъ отъ этого промысла столько же, сколько онъ можетъ добыть, занимаясь другимъ, доступнымъ ему дѣломъ, и, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на вопросъ, отдаетъ земледѣлію только часть своихъ силъ и средствъ, или предпочитаетъ, вмѣсто собственной обработки, сдать свой участокъ въ аренду. Смѣна нѣсколькихъ поколѣній земледѣльцевъ выработаетъ, можетъ быть, и у евреевъ-колонистовъ отношеніе къ земледѣльческому промыслу, сходное съ отношеніемъ къ нему русскаго крестьянина. Этого можно ожидать въ особенности потому, что пріобрѣтеніе болѣе или менѣе обезпеченныхъ средствъ существованія на полѣ торгово-промышленной дѣятельности, вслѣдствіе конкуренціи растущей массы безземельныхъ въ Россіи, становится болѣе и болѣе затруднительнымъ. Но въ прошедшемъ въ районахъ еврейскихъ поселеній имѣли мѣсто обратныя отношенія. Бѣдность этихъ районовъ представлятелями промышленнаго труда открывала первымъ евреямъ-поселенцамъ поле выгоднаго приложенія силъ въ области ремесла и торговли. Въ томъ же направленіи развитія торгово-промышленныхъ занятій толкали еврейскихъ колонистовъ и вынесенныя ими изъ города формы матеріальной культуры. Евреи не знали домотканой одежды и должны были покупать многое изъ того, что исконная крестьянская семья производила дома, а для пріобрѣтенія средствъ для этихъ покупокъ свободные члены семьи должны были прибѣгать къ подсобнымъ неземледѣльческимъ занятіямъ. Подсобныя занятія имѣли и крестьянскія семьи, но тогда какъ, благодаря натуральному хозяйству, русскіе земледѣльцы производили холсты, сукна, овчины для собственнаго потребленія—евреи покупали для себя подобные предметы, а продавали продукты своего промышленнаго труда или самый этотъ трудъ, и еврейскія колоніи пріобрѣтали, поэтому, характеръ земледѣльческо-промышленныхъ поселеній. Въ настоящее время это выражается тѣмъ, что цѣлая половина, напимѣръ,

семей херсонскихъ колонистовъ отдается промышленнымъ занятіямъ, но изъ нихъ лишь $\frac{1}{4}$ часть, или 13,5% всего числа колонистскихъ семей, занимается исключительно промыслами и торговлей, а 37% всѣхъ колонистовъ соединяютъ промыселъ съ земледѣліемъ. Этимъ достаточно характеризуется серьезность, такъ сказать, земледѣльческаго характера херсонскихъ евреевъ-колонистовъ, и совершенно правильнымъ слѣдуетъ признать мнѣніе нашихъ „Матеріаловъ“, что эти колонисты „совершенно освоились съ земледѣльческимъ трудомъ“, и что „обсуждать нынѣ, спустя много десятковъ лѣтъ послѣ поселенія евреевъ, хозяйственную жизнь колоній съ точки зрѣнія способности евреевъ въ земледѣлію, представляется несообразнымъ“ (стр. 50).

Какъ на важный факторъ, вліявшій на отношеніе евреевъ къ земледѣльческому промыслу въ прошедшемъ, и который будетъ оказывать соотвѣтствующее вліяніе въ будущемъ— „Сборникъ Матеріаловъ“ о евреяхъ указываетъ на степень производительности земледѣльческаго труда. Въ настоящее время эта производительность, какъ извѣстно, очень низка, и чтобы удовольствоваться обычнымъ доходомъ мелкаго земледѣльца, нужно обладать довольно низкимъ уровнемъ потребностей. Уровень этотъ въ сельскихъ мѣстностяхъ ниже, нежели въ городахъ, и еврей, какъ представитель городской культуры, чувствуетъ на землѣ стѣсненіе при такомъ доходѣ, который удовлетворяетъ исконнаго сельскаго жителя. Расходы евреевъ превышаютъ расходы крестьянъ еще въ силу нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ первыхъ. Евреи много тратятъ денегъ на леченіе; обученіе ихъ дѣтей обходится въ 9—10 р. въ годъ на cadaго мальчика. Расходъ этотъ тѣмъ тяжелѣе для бѣдной еврейской семьи, что обученіе ребенка продолжается очень долго (около восьми лѣтъ), что специальная еврейская школа не даетъ учащемуся никакихъ званій, помогающихъ въ борьбѣ за существованіе, и что она скорѣе уменьшаетъ шансы побѣды въ этой борьбѣ, потому что долготѣнее непрерывное пребываніе ребенка въ отвратительной обстановкѣ хедерской школы значительно подрываетъ его здоровье и физическія силы. Крупный расходъ еврейской семьи связанъ съ выдачею дѣвушки замужъ. Еврейская невѣста простыхъ классовъ должна имѣть приданое въ нѣсколько сотъ рублей, потому что еврейская женщина не имѣетъ, подобно русской крестьянкѣ, самостоятельной цѣнности, какъ работница, или потому что на это приданое рассчитываютъ какъ на средство образованія самостоятельнаго хозяйства новобрачныхъ.

По всѣмъ указаннымъ выше причинамъ, средняя еврейская

семья должна имѣть больше денегъ, чѣмъ средняя семья крестьянская. Согласно изслѣдованіямъ *Θ. А. Щербини*, воронежскій крестьянинъ расходуетъ 35 руб. въ годъ на душу. По наблюденіямъ въ виленской губ., еврей-земледѣлецъ тратитъ 55 руб. на душу. Этой разницей личныхъ расходовъ еврея и крестьянина объясняется и тотъ фактъ, что, при одинаковомъ доходѣ, крестьянинъ-земледѣлецъ можетъ больше затратить на производительныя цѣли и окажется поэтому болѣе устойчивымъ въ хозяйственномъ отношеніи, чѣмъ еврей. Отъ той же причины зависятъ и большая задолженность еврейскихъ колонистовъ ихъ сосѣдямъ-крестьянамъ.

В. В.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО

ВЪ

РОССІИ

I.

Переселеніе на Руси—явленіе старое, самобытное. Оно было извѣстно во всѣ эпохи исторической жизни нашего государства и составляло одну изъ видныхъ страницъ въ лѣтописяхъ его, служа первымъ пособникомъ въ дѣлѣ „собиранія земли русской“. Переселеніемъ росло и вѣщило государство русское и совидалось единство народности на всемъ пространствѣ его; переселеніемъ вносились въ далекія пустынные окраины начала мирнаго земледѣльческаго труда и насаждались гражданскія формы быта. О колонизаціонныхъ способностяхъ русскаго народа правительство хорошо было освѣдомлено, и только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить, что оно всегда шло на встрѣчу событіямъ, закрѣпляя за „высокою государевой рукою“ одну окраину за другой и расширяя предѣлы государства.

Переселеніе изстари держалось главнѣйшаго направленія— съ запада на востокъ и частью съ сѣвера на югъ и выражалось въ двоякой формѣ,—въ формѣ правительственной колонизаціи и колонизаціи самовольной. Первая, однако, не имѣла въ прежнее время постояннаго характера, являясь скорѣе случайною и незначительною по размѣрамъ. Всѣ распоряженія московскаго правительства сводились въ этомъ отношеніи обыкновенно

въ частичнымъ отправкамъ небольшого числа „пашенныхъ“ крестьянъ въ новый край. Дѣлу правительственной колонизаціи помогали преимущественно служилые, ратные люди, поворавшіе край. Эти ратные люди, по завоеваніи края, большею частью оставались въ немъ, выписывали свои семьи и садились на пашню сами, или селили на пожалованныхъ земляхъ своихъ крѣпостныхъ. Но главную роль въ исторіи заселенія окраинъ играла колонизація самовольная. Эта послѣдняя въ народномъ сознаніи шла всегда рука объ руку съ правительственною колонизаціею и обыкновенно значительно опережала ее какъ по времени, такъ и по достигнутымъ результатамъ. Передъ размѣрами этой колонизаціи переселеніе „по прибору“, „вызову“ и „по указу“ отъ правительства представлялось иногда совершенно ничтожнымъ.

Не всегда, однако, переселеніе имѣло мирныя колонизаціонныя цѣли. Объ этомъ можно судить по многочисленнымъ челобитнымъ инородческихъ племенъ, которыя слались московскимъ государямъ о выдачѣ имъ оберегательныхъ грамотъ „отгѣхъ русскихъ людей отъ насильства“. Но инородческія племена были слабы, чтобы оберечь себя „отъ насильства“ русскихъ людей; слабо было и правительство прежняго времени, чтобы остановить движеніе „вольныхъ, охочихъ людей“ въ новый край.

Вторая половина XVI-го и XVII-ое столѣтіе особенно замѣчательны въ исторіи заселенія приволжскихъ окраинъ и Зауралья. Туда массами приливали бѣглецы со всѣхъ концовъ Россіи, гонимые различными побужденіями. Иной шелъ какъ ослушникъ „царевой воли“, прирѣплявшій его къ землѣ; другой въ далекихъ лѣсахъ и степяхъ разсчитывалъ сохранить неприкосновенною свою „старую вѣру“; иному хотѣлось избавиться отъ записи въ рекрутскій наборъ или отъ „насильства“ воеводъ. Особенно всякаго рода „сходцевъ“ много было въ нижнемъ Поволжьѣ и Оренбургскомъ краѣ. Въ докладѣ тайнаго совѣтника Неплюева отъ 1774 г. указывается сенату: „всѣ крестьяне, что ихъ ни есть въ Исетской Провинціи, не суть тамошніе природные, но сходцы изъ разныхъ мѣстъ... почему всѣ тѣ слободы такими гулящими людьми, и какъ чаятельно и не безъизвѣстно, по большей части или едва не всѣ помѣщичьими населены“. Въ указѣ сената отъ 22 ноября 1784 г. сообщается, что при ревизіи, производившейся въ Астрахани, явились „изъ подлыхъ людей, объявляющихъ о себѣ, что не знаютъ они своихъ помѣщиковъ, ни того, гдѣ родилися, которыхъ по указамъ и ревизіи высылать оттоль велѣно въ Петербургъ на поселеніе, а они по привычѣ жить кругомъ Астрахани, отъ той высылки бѣгутъ въ Персію

и басурманятся, такожъ въ степи на Кубанскую сторону, на рѣку Куму и на Бухарскую сторону, за Яикъ, и тамъ промысломъ звѣринымъ питаются, звѣрски въ отчаяніи живутъ“.

Роль правительства въ дѣлѣ самовольнаго заселенія окраинъ бѣжавшимъ туда тяглымъ населеніемъ была не изъ легкихъ. Съ одной стороны, интересы закрѣпленія этихъ окраинъ и объединеніе ихъ съ коренною Россіею требовали направленія туда русскаго земледѣльца; съ другой, различныя внутреннія причины и нерѣдко соображенія, что „въ государеву казну съ тѣхъ крестьянъ (бѣглыхъ) оброчовъ и нивакихъ денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ неидеть“, обязывали отрицательно относиться къ подобному способу ухода крестьянъ съ насиженныхъ мѣстъ и принимать противъ этого ухода строгія запретительныя мѣры. „И ты бѣ въ Перми Великой и въ Чердыни, и у Соликамской, и въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ пристойно, — говорится въ грамотѣ 1683 г. на имя стольника и воеводы Барятинскаго, — велѣлъ поставить заставы крѣпкія, чтобы съ Руси въ Сибирь никакого чину людей конныхъ и пѣшихъ, безъ Нашихъ Государскихъ проѣзжихъ грамотъ никого не пропустить, для того что изъ поморскихъ и русскихъ городовъ многіе люди вышли и нынѣ идутъ въ Сибирь; а буде которые люди какого чина нибудь на заставахъ, безъ Нашихъ Государскихъ грамотъ, объявятся, и ихъ отсылать на прежнія ихъ мѣста, кто откуда пришелъ“. Почти столѣтія спустя, по поводу проникшаго въ населеніе слуха о дозволеніи по Высочайшему указу селиться около Царицынской линіи и обнаружившагося бѣгства туда „по такому злему вымышленному разглашенію изъ многихъ мѣстъ“ однодворцевъ и крестьянъ, состоялся именной указъ 1728 г., въ которомъ выражено, чтобы „во всѣхъ городахъ и уѣздахъ публиковать печатными листами изъ сената, что такого позволительнаго указа не токмо никогда не бывало, но и многими другими указами такіе побѣги чинить запрещено, и для поимки тѣхъ бѣглецовъ заставы учинены, которыхъ велѣно ловить и, чиня наказаніе, бивъ кнутомъ, отсылать на прежнія жилища, а пушчихъ заводчиковъ и подговорщиковъ казнить смертію“.

Несомнѣнно однако, что подобныя запрещенія не приводили къ ожидаемымъ результатамъ, и первыми нарушителями этихъ распоряженій были тѣ же царскіе воеводы, о чемъ достаточно было освѣдомлено и центральное правительство. Воеводы понимали, какъ дорого обходится казнѣ и народу переселеніе, предпринимаемое самимъ правительствомъ, и какіе ничтожные результаты давало оно. По поводу отправки въ Сибирь изъ Соль-

вычегодска 30-ти хлѣбопашныхъ семей въ 1590 г. наказомъ воеводѣ поставлялось въ обязанность наблюдать, напр., чтобы „у каждаго хозяина было три мерина добрыхъ, да по три боровы, да по двѣ козы, да по три свиньи, да по пяти овецъ, да по два гуся, да по пятеру нуровъ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха совѣмъ для пашни, да телѣга, да сани и всякая житейская рухлядь“ и сверхъ того на каждую семью указано было выдать по 25 руб. Заготовленіе подобнаго имущества и сборъ денежныхъ средствъ на подъемъ переселенцевъ возлагались перѣдко, въ видѣ повинности, на мѣстное населеніе. При такихъ условіяхъ и при нежеланіи иногда самого населенія слѣдовать на новыя мѣста даже по вызовамъ правительства, когда переселяющимся давались казенныя подводы и корма и на мѣстахъ водворенія предоставлялись различныя льготы, трудно было ожидать скората заселенія окраинъ путемъ правительственныхъ мѣропріятій; а между тѣмъ на окраинахъ надо было и „государеву пашню“ пахать, и „государевы издѣлія“ выполнять, надо было набирать и ратныхъ людей, и стрѣльцовъ. Поэтому воеводы, вопреки строгимъ указамъ о высылкѣ бѣглыхъ и препровожденіи „съ ихъ крестьянскими животы и съ хлѣбомъ на прежнія жилища“, обыкновенно не выдавали ихъ и оставляли на пашнѣ, а правительство, отчасти изъ нежеланія подрывать развивавшуюся колонизацію, отчасти изъ соображенія, что „такое большое число бѣглецовъ трудно выслать безъ огромныхъ конвоевъ“, мирилось съ подобнымъ явленіемъ и въ концѣ концовъ узаконяло пребываніе самовольныхъ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Вышеприведенный указъ сената характерно опредѣляетъ судьбу бѣглыхъ, объявившихся при ревизіи въ Астрахани: „а по разсмотрѣніи дѣла можетъ быть за потребно разсуждено будетъ тамъ въ Астрахани ихъ въ перепись написать и поселить по рѣкѣ Волгѣ на пустыхъ мѣстахъ, которыя никакой пользы, будучи пустыми, не приносятъ, а поселенные во всякомъ случаѣ потребны“. По докладу т. с. Неплюева сенатомъ также испрошено было Высочайшее повелѣніе, чтобы крестьянъ, поселившихся въ Исетской Провинціи до ревизіи 1719 г., и бѣглыхъ, записавшихся въ казаки, „хотя помѣщики и другіе владѣли и крѣпости на нихъ имѣютъ, для представленныхъ отъ тайнаго совѣтника Неплюева резоновъ, и чтобы той Провинціи не опустошить... изъ тѣхъ слободъ не высылать и никому не отдавать, а быть тѣмъ всѣмъ крестьянамъ въ той Провинціи вѣчно“, записавшимся же въ казаки „быть имъ, какъ оныя нынѣ есть, въ казакахъ“.

Въ такихъ запрещеніяхъ самовольнаго ухода крестьянъ и

въ периодическихъ признаніяхъ совершившагося факта переселенія проходить почти вся исторія нашего законодательства и распоряженій правительства по части переселенія до самаго послѣдняго времени, когда сооруженіе сибирской желѣзной дороги и сознавая необходимость усиленнаго заселенія Сибири побудили правительство широко раскрыть двери послѣдней для приѣма новыхъ насельниковъ и тѣмъ отвѣтить потребностямъ земледѣльческаго населенія въ переселеніи. А потребности эти были всегда значительными и по размѣрамъ своимъ почти никогда не укладывались въ рамки создававшихся правительствомъ условий для переселенія. Въ этомъ кроется объясненіе причинъ, которыя вызвали постоянно самовольный массовый уходъ крестьянъ со старины.

II.

Главнѣйшія побужденія, заставлявшія населеніе стремиться на новыя мѣста, въ различные историческія эпохи жизни государства были неодинаковы; неодинаковымъ поэтому представляется и отношеніе къ нимъ и къ самому переселенію правительства. Въ прежнее время уходъ крестьянъ въ окраины вызывался чисто внутренними политическими обстоятельствами, — прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, возникновеніемъ раскола, установленіемъ рекрутской повинности и т. п., — а при такихъ условіяхъ правительство никоимъ образомъ не могло мириться и создавать для переселенія надлежащую, болѣе широкую организацію, такъ какъ оно не желало, чтобы крестьянство путемъ переселенія избавлялось отъ подчиненія тому укладу народно-государственной жизни, который былъ установленъ самимъ правительствомъ. Съ теченіемъ времени, однако, причины эти начали постепенно утрачивать свое значеніе, и въ послѣднее полу столѣтіе, съ отмѣною крѣпостной зависимости, почти совершенно отпали. Взаимнъ ихъ выросталъ и окрѣпъ для земледѣльческаго населенія новый, не менѣе существенный и сильный поводъ къ переселенію, обусловливавшійся „утѣсненіемъ въ землѣ“, которое начало испытываться у крестьянъ, вслѣдствіе увеличенія народонаселенія и высокаго поднятія арендныхъ цѣнъ на сосѣднія частно-владѣльческія земли. Съ безошибочностью можно утверждать, что въ настоящее время означенная чисто экономическая причина является, за незначительными исключеніями, главнѣйшимъ двигателемъ, побуждающимъ крестьянъ переселяться; и данныя опроса новоселовъ, производившагося въ нѣкоторыхъ

мѣстностяхъ Сибири, вполне подтверждають это положеніе, указывая, что до 75—80% всѣхъ переселяющихся идутъ отъ недостаточности земельныхъ надѣловъ, плохихъ качествъ ихъ или отъ случающагося мѣстами недорода хлѣбовъ. И по мѣрѣ того, какъ поляе и шире выяснялось значеніе этой причины, правительство все болѣе отрѣшалось отъ установившагося взгляда на переселеніе, какъ явленіе только терпимое, и все чаще стало дѣлать попытки, направленные къ упорядоченію крестьянскихъ переселеній и къ цѣлесообразной постановкѣ переселенческаго дѣла, согласно пользамъ и нуждамъ населенія и видамъ и цѣлямъ самого правительства. Однако, дѣятельность его въ этомъ отношеніи долгое время не могла принять опредѣленнаго выраженія и характеризовалась постоянными колебаніями почти до послѣднихъ лѣтъ истекшаго столѣтія.

Уже въ концѣ XVIII-го столѣтія встрѣчаются отдѣльныя распоряженія правительства, которыя по смыслу представляются какъ бы первообразомъ взглядовъ и началъ, положенныхъ въ основаніе послѣдующихъ мѣропріятій по части переселеній. Такъ, указъ сената отъ 17-го октября 1776 г. опредѣляетъ переселеніе 2.000 душъ малоземельныхъ экономическихъ крестьянъ на земли, „оставшіяся отъ волжскихъ казаковъ“ по астраханской дорогѣ, „въ такія селенія, гдѣ людей мало, а земель съ большимъ излишествомъ“. Въ этомъ указѣ приведены и соотвѣтственные объяснительные мотивы состоявшагося распоряженія о переселеніи. „Какъ за симъ переводомъ, — говорится въ немъ, — оставшіе на прежнихъ жилищахъ крестьяне воспользуются оставшею отъ тѣхъ переведенныхъ землею и имѣть оной будутъ въ своемъ владѣніи безъ недостатка, а съ тѣмъ купно минуютъ въ земляхъ утѣсенія“. Именной Высочайшій указъ, данный сенату 25 іюня 1781 г., о добровольномъ переводѣ до 44.000 душъ экономическихъ крестьянъ въ юго-восточныя и южныя губерніи, какъ на основанія для такого перевода, указываетъ на „пространство, плодосіе и положеніе въ одномъ изъ лучшихъ климатовъ“ земель тѣхъ губерній и, сверхъ того, на размноженіе въ нѣкоторыхъ губерніяхъ „людей, жителей разныхъ селеній, паче же экономическіе крестьяне не имѣютъ достаточно земли“.

Съ теченіемъ времени подобныя попытки направлять малоземельныхъ государственныхъ крестьянъ въ мѣстности, обильныя землями, все болѣе учащаются, отдѣльныя распоряженія по этому предмету въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ приводятся въ связь и въ 1842—1843 г. приобрѣтають въ „Уставѣ о благо-

устройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ“ и дополнительныхъ къ нему правилахъ цѣльный характеръ широкой общегосударственной мѣры. Такая постановка дѣла о переселеніяхъ обязана главнѣйшимъ образомъ первому по времени министру государственныхъ имуществъ графу Киселеву, который въ заботахъ о хозяйственномъ преуспѣяніи казенныхъ крестьянъ, поступившихъ въ вѣдѣніе вновь учрежденнаго министерства государственныхъ имуществъ, обратилъ особенное вниманіе на дѣло переселенія. Признавая дѣйствовавшія ранѣе постановленія по этому предмету недостаточно обезпечивающими интересы переселяющихся, онъ въ измѣненіе и дополненіе ихъ выработалъ новыя правила, удостоенныя Высочайшаго утвержденія 8 апрѣля 1843 г.

По мысли графа Киселева, положенной въ основаніе правилъ, переселеніемъ государственныхъ крестьянъ преслѣдовалась двоякая цѣль: „чтобы сельскимъ обществамъ, нуждающимся въ землѣ, предоставить, съ выходомъ переселенцевъ, потребное количество оной на остальныя души, и чтобы излишнія руки въ однихъ мѣстахъ обратить къ воздѣлыванію пространствъ, впустѣ лежащихъ“. При такихъ условіяхъ переселеніе допущено было только изъ малоземельныхъ обществъ, гдѣ угодій приходилось менѣе пяти десятинъ на душу, и съ такимъ расчетомъ, чтобы цифра оставшагося населенія не превышала указаннаго отношенія къ земельному надѣлу. Переселеніе въ многоземельныя губерніи Европейской Россіи производилось съ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ, а въ сибирскія губерніи — мѣстныхъ палатъ, но въ томъ и другомъ случаѣ не иначе, какъ по просьбѣ самихъ переселяющихся и съ согласія общества. Для водворенія назначались мѣстности, въ которыхъ имѣлось достаточно свободныхъ земель. Въ такихъ мѣстностяхъ заранѣе на рѣзывались участки, площадью отъ 4 до 5 тысячъ десятинъ, къ осмотру которыхъ допускались довѣренные отъ лицъ, уже получившихъ разрѣшеніе на переселеніе, а въ Сибири — и до полученія этого разрѣшенія. Земли отводились въ общинное пользованіе, съ надѣломъ по 15 десятинъ на душу, но въ извѣстныхъ случаяхъ допускалось образованіе и семейныхъ участковъ, отъ 30 до 60 десятинъ на дворъ. Желаящимъ до выхода съ мѣста жительства не воспрещалось отказаться отъ переселенія и удержать за собою прежнія земли. Сельскія общества, въ пользу которыхъ отходили земельные участки переселявшихся, обязывались въ вознагражденіе за то выдавать послѣднимъ пособія на передвиженіе, по взаимному соглашенію. Продажа имущества на старинѣ допускалась только по полученіи разрѣшенія

на переселеніе, приче́мъ выходящіе члены общества сохраняли за собою право снять хлѣбъ, посѣянный на своихъ участкахъ, и изъ общественныхъ магазиновъ получить все количество зерна, какое по числу ихъ душъ причиталось изъ наличныхъ запасовъ.

Къ мѣстамъ водворенія переселенцы отправлялись подъ надзоромъ особыхъ проводниковъ и во время пути должны были получать готовое продовольствіе отъ обывателей, склонявшихся къ тому окружными начальниками, могли пользоваться безвозмездно квартирами въ придорожныхъ селеніяхъ и правомъ пастбы скота на общественныхъ пастбищахъ и бесплатнаго перевоза черезъ рѣки. Заболѣвшіе въ пути доставлялись въ ближайшіе города и лечились на счетъ казны. Палаты государственныхъ имуществъ обязаны были оказывать переселяющимся „всевозможныя пособія и ограждать ихъ отъ притѣсненій всякаго рода“.

На мѣстахъ водворенія переселенцы размѣщались по квартирамъ въ сосѣднихъ селеніяхъ; для нихъ заранѣе отправленными членами семей своевременно производились запашки и посѣвы хлѣбовъ на участкахъ и заготовлялось въ потребномъ количествѣ сѣно, а казна закупала рабочій скотъ и земледѣльческія орудія. Послѣднихъ выдавалось бесплатно не менѣе одного плуга на восемь домохозяевъ, а рабочаго скота—по парѣ воловъ на семью. На домообзаведеніе отпускался безвозмездно лѣсъ по сто корней на каждую семью, и сверхъ того выдавалось безвозвратно денежное пособие въ размѣрѣ 20 рублей, или при неотпускѣ лѣса—35 рублей; затѣмъ ссужались сѣмена для посѣва въ поляхъ, съ условіемъ возврата ихъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ случаѣ недостатка воды на участкѣ или отсутствія близлежащихъ мельницъ, на счетъ хозяйственнаго капитала министерства государственныхъ имуществъ устраивались для новоселовъ колодцы и возводились мельницы. Переписка о перечисленіи переселенцевъ возлагалась на палаты государственныхъ имуществъ, которыя обязывались всѣ требуемыя для такого перечисленія документы представлять въ казенныя палаты.

Переселенцамъ предоставлялась шестилѣтняя льгота отъ воинскаго поста, освобожденіе на три набора отъ рекрутской повинности и на восемь лѣтъ отъ платежа всѣхъ податей и денежныхъ и натуральныхъ повинностей, кромѣ оброчной подати, которая въ послѣдніе четыре года взималась въ половинномъ размѣрѣ; наконецъ, съ переселившихся слагались всѣ личныя недоимки въ государственныхъ податяхъ, недоимки же по земскимъ повинностямъ перелagались на прежнія общества.

Кромѣ переселенія на свободныя казенныя земли, дѣйстви-

завшими правилами допускался переход отдѣльных семей въ другія, хотя бы и малоземельныя общества, причемъ соблюдался порядокъ, который перешелъ затѣмъ въ „Положеніе“ 19 февраля 1861 г. Изъ многоземельныхъ губерній переселеніе на казенныя земли разрѣшалось только въ особо уважительныхъ случаяхъ и притомъ въ однѣ сибирскія губерніи.

Въ приведенномъ законодательномъ актѣ нельзя не видѣть всей опекунской заботливости, которую проявило министерство государственныхъ имуществъ по отношенію къ переселенцамъ, за время управленія казенными крестьянами. Постановленія „Устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ“ и распоряженія министерства при графѣ Киселевѣ входили во всѣ подробности устройства переселенцевъ и старались оградить ихъ отъ всѣхъ неблагопріятныхъ случайностей. Произведенныя въ 80-хъ и 90-хъ годахъ хозяйственно-статистическія изслѣдованія Сибири выяснили, между прочимъ, тотъ фактъ, что дѣло переселенія при графѣ Киселевѣ было весьма удовлетворительно и прочно поставлено. Если и встрѣчались случаи неудачныхъ переселеній, когда нѣкоторыя изъ новыхъ поселеній приходили въ разстройство и даже совсѣмъ распадались, то случаи эти, сравнительно, были нечасты и обусловливались главнымъ образомъ отводомъ плохихъ мѣстъ подъ водвореніе.

Съ 1831 по 1866 г., т.-е. въ теченіе тридцати-пяти лѣтъ, слѣдовавшихъ преимущественно за учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, переселилось на изложенныхъ выше основаніяхъ 57.442 семьи, въ количествѣ 320.000 душъ обо-его пола, изъ которыхъ значительнѣйшее большинство, почти до 93⁰/₀, вышли изъ центральныхъ губерній Россіи. Вначалѣ переселенцы направлялись въ южныя губерніи: воронежскую, харьковскую, тамбовскую, затѣмъ въ юго-восточныя: саратовскую, астраханскую, оренбургскій край и области сѣвернаго Кавказа, а въ 50-хъ годахъ преимущественно въ Западную Сибирь и енисейскую губернію. Въ одной Западной Сибири водворилось такимъ образомъ до 100.000 душъ казенныхъ крестьянъ.

На нужды переселенческаго дѣла ежегодно отпускались въ распоряженіе министерства государственныхъ имуществъ, начиная съ 1839 и по 1865 г., особые кредиты, размѣръ которыхъ составлялъ около 142.000 руб. въ годъ.

III.

Хотя „Уставомъ“ строго воспрещалось самовольное переселеніе казенныхъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе оно не прекращалось и шло обычнымъ порядкомъ наряду съ правительственною колонизаціею. Въ самовольномъ переселеніи участвовали крестьяне всѣхъ наименованій, и этотъ видъ переселенія давалъ окраинамъ, надо думать, еще большее число насельниковъ, чѣмъ уходившихъ съ предварительнаго разрѣшенія правительства. Официальными данными установлено, что въ началѣ 40-хъ годовъ изъ тамбовской губерніи самовольно выселялось, напр., до 1.000 душъ ежегодно, изъ полтавской за семь лѣтъ ушло свыше 2.000 душъ. Распоряженіями правительства, которое находило, что возвращеніе на родину самовольныхъ переселенцевъ „привело бы ихъ къ совершенному разстройству, не принося при этомъ никакой пользы казнѣ“, всѣ подобные переселенцы обыкновенно оставались на мѣстахъ новаго жительства. Нѣкоторымъ изъ нихъ отводились казенныя земли, однако безъ предоставленія льготъ и пособій; инымъ предоставлялось причисляться къ обществамъ старожиловъ, съ переводомъ на нихъ недоимокъ по прежнимъ обществамъ и съ обязательствомъ отбывать рекрутскую повинность на новыхъ мѣстахъ. Въ 1845 г. на такихъ основаніяхъ устроены, напр., были всѣ самовольные переселенцы, прибывшіе безъ соблюденія требованій „Устава“ въ губерніи оренбургскую, самарскую, тобольскую и томскую.

При широкой организаціи правительственной помощи переселенцамъ, существованіе подобнаго явленія надо приписать, несомнѣнно, тому обстоятельству, что „Уставъ“, будучи продуктомъ своего времени, касался только одной группы крестьянъ—государственныхъ. Всѣ владѣльческіе крестьяне стояли внѣ дѣйствія этого „Устава“ и составляли, какъ извѣстно, едва ли не самое главное ядро лицъ, самовольно уходившихъ съ родины. Такими выходцами изъ крѣпостныхъ почти исключительно былъ заселенъ, напр., въ то время миусскій округъ Области Войска Донскаго и нѣкоторыя другія мѣстности Новороссійскаго края. По отношенію къ крѣпостнымъ роль правительства всецѣло замѣнялась властью и усмотрѣніемъ помѣщиковъ, которымъ и предоставлялось право переселять своихъ людей. Помѣщики, въ случаѣ надобности, переводили своихъ людей изъ имѣній въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ въ малолюдныя помѣстья или на купленные для этой цѣли пустопорожни земли, а иногда и прямо прода-

вали крѣпостныхъ „на свозъ“, для водворенія на земляхъ, принадлежащихъ постороннимъ владѣльцамъ. Для такого переселенія со стороны помѣщиковъ достаточно было одного заявленія въ земскій судъ и соблюденія правила, чтобы переселяемыми были внесены подати и исполнена рекрутская повинность за текущій годъ. По отношенію къ крѣпостнымъ законъ допускалъ вмѣшательство правительственной власти только въ двухъ случаяхъ: онъ не позволялъ самовольнаго переселенія владѣльческихъ крестьянъ и требовалъ обязательнаго перевода ихъ помѣщиками въ другія вотчины, когда земли у нихъ приходилось менѣе $4\frac{1}{2}$ десятинъ на душу. Какъ переселяли своихъ крѣпостныхъ помѣщики, на какихъ основаніяхъ устраивали ихъ на новыхъ мѣстахъ и, наконецъ, какое мѣсто въ общемъ колонизаціонномъ движеніи занималъ этотъ видъ переселенія, — свѣдѣній объ этомъ не имѣется. По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что подобные переводы крестьянъ въ нѣкоторыя мѣстности, особенно на Уралъ и въ южныя новороссійскія губерніи, производились въ довольно широкихъ размѣрахъ. Въ этомъ случаѣ допускалась также предварительная отправка работниковъ на новыя мѣста для заготовки земли подъ пашню и постройки избъ и отъ односельцевъ давалась „подмога“, при отправкѣ переселяющихся, натурою или деньгами.

Болѣе широкое право въ дѣлѣ переселенія владѣльческихъ крестьянъ правительство оставило за собою лишь по отношенію къ небольшой группѣ такъ называемыхъ половниковъ вологодской губерніи. Эти послѣдніе переселялись правительствомъ на свободныя казенныя земли или приписывались къ многоземельнымъ обществамъ государственныхъ крестьянъ, съ согласія таковыхъ, когда окажется, что они не заключили установленныхъ закономъ условій съ владѣльцами половническихъ земель. Въ томъ и другомъ случаѣ переселенцы получали извѣстныя льготы и пособія примѣнительно къ установленнымъ для переселенцевъ изъ государственныхъ крестьянъ. Приписку къ многоземельнымъ обществамъ казенныхъ крестьянъ съ надѣломъ землею и безъ согласія обществъ законъ допускалъ также для лицъ, обязанныхъ избрать родъ жизни.

Такимъ образомъ, въ дореформенное время, когда до половины земледѣльческаго населенія Россіи было несвободнымъ, законодательство наше признавало за крестьянами всѣхъ категорій, не исключая и помѣщичьихъ, право на переселеніе, а въ извѣстныхъ случаяхъ это переселеніе даже вмѣняло въ обязанность имъ. Право же это исключительно основывалось на соот-

ношеніи размѣровъ душевого надѣла къ нормамъ его, которыя признавались необходимыми для хозяйственнаго обезпеченія семьи. Такое положеніе дѣла побуждало какъ правительство, такъ и самихъ землевладѣльцевъ постоянно заботиться, по мѣрѣ сгущенія населенія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, о переселеніи избытка его на новыя свободныя земли. Это цѣлесообразное начало, положенное въ основаніе земельной политики государства въ прежнее время, въ значительной степени способствовало поднятію и упроченію того благосостоянія, которымъ пользовалось сельское населеніе временъ императора Николая I. Но вскорѣ въ направленіи переселенческаго дѣла произошелъ существенный поворотъ и впервые рѣзкое отступленіе отъ указанныхъ руководящихъ началъ допустилъ великій освободительный актъ 19 февраля 1861 года.

IV.

По „Положенію“ 19 февраля крестьяне получали личную свободу и обязывались выкупать въ собственность предоставленные имъ земельные надѣлы, становясь, такимъ образомъ, крестьянами-собственниками и выходя изъ-подъ опеки помѣщиковъ. Въмѣстѣ съ такимъ выходомъ они, однако, не сливались съ остальнымъ населеніемъ крестьянъ государственныхъ, такъ какъ у этихъ послѣднихъ зѣмли считались принадлежащими казнѣ. При такихъ условіяхъ ни помѣщики, ни правительство не считали болѣе своею обязанностью заботиться о судьбѣ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, и весь приростъ населенія ихъ долженъ былъ находить удовлетвореніе уже безъ всякаго правительственнаго воздѣйствія. Всѣ законоположенія объ устройствѣ лицъ сельскаго состоянія, изданныя въ дополненіе и развитіе „Положенія“ 19 февраля, не содержатъ никакихъ указаній относительно переселенія крестьянъ, оставаясь, такимъ образомъ, вѣрными началамъ, выраженнымъ въ этомъ „Положеніи“. „Положеніе“ же это устанавливало только правила для перехода крестьянъ изъ одного общества въ другое и нигдѣ не говорило о переселеніи.

Другимъ существеннымъ отступленіемъ отъ прежде принятыхъ основаній въ дѣлѣ обезпеченія населенія землею являлось допущеніе для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, такихъ земельныхъ надѣловъ, размѣръ которыхъ, при существующихъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства, совсѣмъ не отвѣчалъ представленію о такомъ обезпеченіи. Противъ надѣла, бравшагося въ дореформенное время за норму при устройствѣ лицъ

сельскаго состоянія, крестьянскіе душевые надѣлы во многихъ черноземныхъ губерніяхъ ограничены были 2—3 дес. на ревизскую душу, затѣмъ допущены были несоотвѣтственно малые надѣлы, какъ четвертные, дарственные, и, наконецъ, цѣлыя группы лицъ, устройство которыхъ закономъ не было предусмотрено, остались совсѣмъ безъ земли. Къ числу таковыхъ относились батраки и бобыли, не пользовавшіеся, въ мѣстностяхъ съ подворнымъ владѣніемъ, усадебнымъ или полевымъ надѣломъ въ селеніяхъ крестьянъ, бывшіе вольные люди, проживавшіе на помещичьихъ земляхъ, неполучившіе надѣла дворовые люди и др.

Столь существенныя отступленія, указывая на безповоротное рѣшеніе правительства снять съ себя хозяйственныя заботы и попеченія о сельскомъ населеніи, не замедлили повести за собой и дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи. Въ 1866 г. государственные крестьяне были переданы въ вѣдѣніе общихъ крестьянскихъ учрежденій и къ нимъ примѣнены были основныя начала „Положенія“ 19 февраля. Такимъ образомъ „Уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ“, хотя и не отмѣненный послѣдующими законоположеніями, фактически пересталъ дѣйствовать, какъ законъ. Съ того времени для крестьянъ всѣхъ наименованій закрылся доступъ къ законному переселенію и все понятіе о немъ свелось къ простому переходу крестьянъ изъ одного общества въ другое, на основаніи ст. 130 „Общаго Положенія о крестьянахъ“. Исключеніе допущено было только для государственныхъ крестьянъ, въ случаѣ, если при производствѣ поземельно-устроительныхъ работъ оказался бы у нихъ недостатокъ въ землѣ или выяснились неудобства землевладѣнія. Право на переселеніе сохранено было также за половниками вологодской губерніи и лицами, обязанными избрать родъ жизни, или установлено въ позднѣйшіе 1861—1868 годы по спеціальнымъ узаконеніямъ для нѣкоторыхъ немногихъ видовъ сельскаго состоянія, какъ для крестьянъ мелкопомѣстныхъ имѣній, горно-заводскихъ мастеровыхъ, однодворцевъ западныхъ губерній, отставныхъ и безсрочно отпущенныхъ нижнихъ чиновъ и нѣкоторыхъ другихъ. Хотя законоположеніями объ этихъ послѣднихъ лицахъ переселяющимся на казенныя земли предоставлялись извѣстныя льготы и пособія, тѣмъ не менѣе точныхъ и опредѣленныхъ правилъ о порядкѣ переселенія ихъ нигдѣ не указывалось и на практикѣ примѣненіе этихъ частныхъ узаконеній должно было представлять значительныя затрудненія.

Такимъ образомъ, послѣдствіемъ освободительной реформы явилось то общее положеніе, что крестьяне, получившіе тѣ или

иные земельные надѣлы, лишены были права на переселеніе на казенныя земли. Хотя въ періодъ времени отъ 1858 до 1866 г. правительство принимало мѣры къ заселенію нѣкоторыхъ окраинныхъ мѣстностей Россіи, какъ Приамурскаго края, сѣверныхъ предгорій западнаго Кавказа и Черноморскаго округа, но мѣры эти, какъ частныя, притомъ вызванныя особыми соображеніями политическаго свойства, не говорили за возбужденіе общаго вопроса о переселеніяхъ. Съ характеромъ болѣе общаго значенія являлось узаконеніе 30 іюля 1865 г., которымъ допускалось переселеніе государственныхъ крестьянъ на земли Кабинета Его Величества и водвореніе ихъ, съ разрѣшенія алтайскаго горнаго правленія, на свободныхъ участкахъ, но и оно было издано лишь по соображеніямъ, главнымъ образомъ, выгоды такого переселенія для нуждъ и потребностей горныхъ заводовъ. Между тѣмъ, постоянные случаи самовольнаго ухода крестьянъ изъ мѣстъ приписки указывали, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи существовали побудительныя причины, которыя приводили къ необходимости переселеній. Въ одномъ положеніи малоземелья, вслѣдствіе изложенныхъ выше причинъ, оказалось послѣ выдачи уставныхъ грамотъ до 1.000.000 душъ крестьянъ. Отводъ земельныхъ надѣловъ не на наличныя, а на ревизскія души привелъ, равнымъ образомъ, къ тому, что весь естественный приростъ населенія со времени послѣдней ревизіи 1857 г. и до 1861 г., т.-е. до времени составленія уставныхъ грамотъ, земли не получилъ. Если, сверхъ того, принять во вниманіе, что нѣкоторыя категоріи безземельныхъ крестьянъ остались совсѣмъ неустроенными въ поземельномъ отношеніи и въ то же время размѣры установленнаго податнаго обложенія оказались по многимъ мѣстностямъ неотвѣчающими доходности крестьянскихъ земель, то тяготѣніе крестьянства къ переселенію станетъ совершенно понятнымъ. „Есть мѣстности,—говорилось въ запискѣ о переселеніяхъ рязанскаго губернскаго предводителя дворянства, представленной въ 70-хъ годахъ министру внутреннихъ дѣлъ,—въ которыхъ крестьяне дѣйствительно пришли въ крайнюю нищету отъ недостатка полевыхъ, и другихъ угодій, и неисходное положеніе отдѣльныхъ семействъ и даже цѣлыхъ обществъ заставляетъ ихъ искать гдѣ бы то ни было средствъ къ существованію. Эти исключительныя несчастныя семьи, поселки и деревни зародились вслѣдствіе допущенныхъ при введеніи Положенія 19 февраля 1861 г. безобразныхъ надѣловъ“. Но рядомъ съ этими чисто экономическими причинами на переселеніе вліяли также и вся совокупность бытовыхъ условій жизни русскаго на-

рода, вытекавшихъ изъ его исторіи, и изстари сложившееся стремленіе его къ расселенію по окраинамъ.

Поэтому послѣ освобожденія крестьянъ переселенія не только не прекратились, но подъ влияніемъ новыхъ условій жизни, вызванныхъ изданіемъ Положенія 19 февраля, которое кореннымъ образомъ измѣнило патріархально-вотчинный строй быта населенія, и вслѣдствіе постоянного уменьшенія размѣровъ крестьянскаго душевого владѣнія, приняли еще болѣе широкіе размѣры. Однако правительство, озабоченное осуществленіемъ великихъ реформъ, долгое время не хотѣло считаться съ этимъ явленіемъ, и если принимало тѣ или иные мѣры, направленные къ упорядоченію переселенія, то мѣры эти не говорили за ясно сознательное убѣжденіе въ государственномъ и экономическомъ значеніи переселенія, а скорѣе за временную потребность распутать годами нарождавшійся хаосъ въ переселенческомъ дѣлѣ по какой-либо мѣстности.

При такихъ условіяхъ въ теченіе почти трехъ десятилѣтій, считая отъ начала 60-хъ годовъ, крестьяне въ исканіи новыхъ мѣстъ были предоставлены самимъ себѣ и предпринимали переселеніе на собственный рискъ и страхъ. Броженіе, выразившееся въ формѣ ухода съ насиженныхъ мѣстъ, все увеличивалось и незамѣтно охватывало всю коренную крестьянскую Россію, продолжавшую самостоятельно выполнять свою важную историческую миссію расселенія населенія по огромной территоріи государства. Стѣсняемые выполненіемъ требованій ст. 130 Общ. Пол., крестьяне, подъ видомъ ухода на заработки, выпрашивали паспорта, распродавали свое имущество, забирали семью и въ нѣсколькихъ сколоченной повозкѣ отправлялись въ путь, иногда украдкой по ночамъ, изъ опасенія встрѣчи съ начальствомъ. Многіе, не зная назначенія путей, ведущихъ къ намѣченной дѣлѣ, и не смѣя спросить кого-либо, подолгу блуждали въ дорогахъ, и бывали случаи, что вмѣсто одной мѣстности или даже губерніи—попадали совершенно въ другую. Придорожные обыватели, боясь отвѣта за „странныхъ людей“, рѣдко давали приютъ имъ; поэтому остановки по ночамъ дѣлались въ открытомъ полѣ, въ лѣсу или за околицей селеній. При истощеніи средствъ, переселенцы двигались „Христовымъ именемъ“ или нанимались въ работы къ крестьянамъ. Цѣлые мѣсяцы, иногда годы проходили въ такомъ передвиженіи до новыхъ мѣстъ, куда семьи новоселовъ приходили нерѣдко совершенно обезсилѣвшими, обнищавшими и неспособными не только къ устройству собственнаго хозяйства, но даже къ труду.

Шестидесятые и семидесятые годы отмѣчены особенно сильнымъ движеніемъ переселенцевъ въ Оренбургскій край, который являлся тогда первымъ этапомъ по пути въ Сибирь. Молва о земельных богатствахъ этого края, послужившая поводомъ къ изданію особыхъ льготныхъ законовъ для пріобрѣтенія башкирскихъ земель, побудила крестьянъ искать себѣ земельного простора и приволья тамъ же, гдѣ это приволье продавалось всѣмъ, желавшимъ воспользоваться изданіемъ сказанныхъ законовъ. Переселенцы пошли и какъ бы сознательно отвѣтили на призывъ уфимскаго дворянства, возбуждавшаго въ это время вопросъ объ искусственномъ привлеченіи крестьянъ-переселенцевъ на ихъ пуштовавшія бездоходныя земли. Въ Оренбургскомъ край осѣдали не только направлявшіеся сюда выходцы изъ другихъ губерній, но нерѣдко и шедшіе въ далекую Сибирь и остановившіеся здѣсь, вслѣдствіе утомленія отъ продолжительнаго пути или истощенія средствъ. Къ концу семидесятыхъ годовъ число такихъ переселенцевъ по оренбургской и уфимской губерніямъ насчитывалось до 118.000 душъ. За крайне ограниченнымъ количествомъ казенныхъ земель, нарѣзавшихся для цѣлей поселенія, и плохимъ качествомъ участковъ, переселенцы устраивались преимущественно на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и частью на земляхъ башкиръ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1883 г., изъ всего числа выходцевъ, прибывшихъ въ уфимскую губернію, до 75% оказавшись, такимъ образомъ, водворившимися на частновладѣльческихъ земляхъ и до 19% въ дачахъ башкиръ-вотчинниковъ, и только около 6% осѣло на казенныхъ земляхъ или приписалось къ обществамъ старожиловъ. Землевладѣльцы съ охотою уступали переселенцамъ свои участки, купленные за безцѣнокъ на льготныхъ условіяхъ и остававшіеся большею частью безхозійными. Являясь на дѣйствиныя, плодородныя земли, новоселы наскоро совершали съ владѣльцами ихъ договорныя условія и приступали къ постройкамъ. Условія эти носили самый разнообразный характеръ, до домашнихъ и словесныхъ актовъ включительно. Для переселенцевъ прежде всего нужна была земля, а не эти условія, смыслъ которыхъ для нихъ былъ мало понятенъ, и они вѣрили въ силу хотя бы и словесныхъ договоровъ. Послѣдствія, однако, показали, насколько легковѣрны были новоселы, когда многіе изъ нихъ, уплативъ за приторгованную землю значительную часть договоренной суммы и обзаведясь прочною домашнею осѣдлостью, въ концѣ концовъ, по настоянію владѣльцевъ, должны были уходить съ участковъ, какъ лишенные правъ на нихъ, бросать имущество и почти совершенно разорваться.

Съ такимъ же легковѣріемъ отнеслись переселенцы и къ водворенію на башкирскихъ земляхъ. Владѣльцы обширныхъ вотчинныхъ дачъ — башкиры не отставали отъ частныхъ владѣльцевъ въ желаніи наиболѣе выгоднымъ образомъ использовать свои земли, и это желаніе доходило до того, что они, въ нарушение всѣхъ правилъ и распоряженій правительства, позволили новоселамъ приселяться къ себѣ „на умершія души“ или устраиваться цѣлыми колоніями на своихъ душевыхъ надѣлахъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, оренбургскій генералъ-губернаторъ сообщалъ министерству внутреннихъ дѣлъ, что на башкирскихъ земляхъ „существуютъ цѣлыя селенія изъ переселенцевъ, состоящія болѣе чѣмъ изъ 800 душъ. Подобныя селенія, какъ учредившіяся безъ разрѣшенія правительства, остаются безъ общественнаго управленія, безъ приписки къ волостямъ и безъ начальства“. Новоселы, хотя и сознавали отчасти все безправіе своего положенія, тѣмъ не менѣе, продолжали строиться и селиться въ смутной надеждѣ, что, обзаведясь осѣдлостью, они явятся тѣми же припущенниками башкиръ-вотчинниковъ, какими явились осѣвшіе въ прежнее время переселенцы.

Такое положеніе дѣла побудило администрацію уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ сдѣлать попытку къ упорядоченію крестьянскихъ переселеній въ Оренбургскій край. По соглашенію съ министерствомъ государственныхъ имуществъ были выработаны особыя правила о переселеніи въ оренбургскую ¹⁾ и самарскую губерніи и сообщены для руководства губернаторамъ въ циркулярѣ отъ 13-го апрѣля 1868 г.

На основаніи этихъ правилъ, желающіе поселиться въ одной изъ названныхъ губерній допускались мѣстнымъ управленіемъ государственными имуществами къ осмотру казенныхъ участковъ и, по выборѣ таковыхъ, снабжались отъ управленія особыми разрѣшительными свидѣтельствами, которыя служили замѣною приѣмныхъ приговоровъ. Избранные участки зачислялись за переселенцами на одинъ годъ со дня выдачи упомянутыхъ свидѣтельствъ. Отводъ земель возлагался на мѣстныя управленія государственными имуществами и производился по перечисленіи переселенцевъ по мѣсту новаго водворенія. Для этого послѣдняго требовалось представленіе ими въ мѣстную казенную палату увольнительнаго свидѣтельства отъ волостного старшины и свидѣтельства на право водворенія на казенномъ участкѣ.

Означенный порядокъ былъ установленъ для крестьянъ „всѣхъ

¹⁾ Оренбургская губернія въ то время была еще нераздѣльною съ уфимскою.

наименованій“, которые желали переселиться „единично или, по крайней мѣрѣ, не въ большемъ числѣ“ семей, но для переселенія „цѣлыми обществами и вообще большими массами“ требовалось предварительное разрѣшеніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Въ томъ же циркулярѣ указывалось на полезность разсылки его въ волостныя правленія, дабы „распоряженіе это, облегчивъ крестьянскому населенію ознакомленіе съ порядкомъ и условіями переселенія, тѣмъ самымъ содѣйствовало бы къ воздержанію желающихъ переселиться отъ напраснаго отправленія въ такія мѣстности, гдѣ водвореніе ихъ, по неимѣнію тамъ свободныхъ казенныхъ земель, невозможно“.

Обнародованіе циркуляра, устанавливавшего новыя правила въ дѣлѣ переселенія, какъ и можно было ожидать, послужило толчкомъ еще къ большому броженію въ умахъ крестьянъ, которое замѣчалось въ то время, вслѣдствіе ходившихъ среди населенія различныхъ слуховъ о „новой волгѣ“, „общемъ передѣлѣ земель“ и т. п. Указаніе на „переселеніе“ понято и истолковано было многими, какъ вызовъ и даже принужденіе къ выселенію. Были случаи, что иные подавали прошенія объ оставленіи ихъ на старыхъ мѣстахъ. Пошли толки о „земляхъ царицы“, о „степяхъ Тавриі“, куда, будто бы, переселяютъ народъ, и движеніе повсемѣстно стало разрастаться. Усиленію этого движенія немало способствовалъ также неурожай, охватившій нѣкоторыя изъ западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній.

Въ виду этого, не далѣе, какъ черезъ три недѣли, былъ опубликованъ новый циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 4-го мая 1868 г., который хотя и не отменялъ изданныхъ правилъ о переселеніи, но дополнительными разъясненіями о неуклонномъ соблюденіи дѣйствующихъ правилъ объ увольненіи изъ прежнихъ обществъ и требованіемъ недопущенія самовольнаго ухода со старины, подъ угрозой строгой отвѣтственности не только самихъ переселяющихся, но и должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія, въ значительной степени затруднилъ и сократилъ примѣненіе ихъ на дѣлѣ. Мѣстною администраціею приняты были экстренныя мѣры, въ видѣ разъясненія циркулярныхъ распоряженій на сходахъ, невыдачи паспортовъ на отлучку и разрѣшительныхъ свидѣтельствъ на поселеніе въ Оренбургскомъ краѣ, даже возвращенія переселенцевъ съ пути и т. п. Путемъ принятыхъ мѣръ движеніе стало ослабѣвать, но въ то же время опасеніе новаго усиленія его побудило почти совсѣмъ прекратить на дѣлѣ примѣненіе правилъ 13-го апрѣля 1868 года.

V.

При такомъ направленіи дѣла, дальнѣйшія мѣры правительства по части переселенія сводятся, главнымъ образомъ, къ узаконенію и устройству быта уже осѣвшихъ на новыхъ мѣстахъ переселенцевъ.

Послѣдствіемъ хлопотъ и ходатайствъ мѣстнаго управленія Оренбургскимъ краемъ объ обеспеченіи быта водворившихся въ немъ переселенцевъ явились два, одинъ за другимъ слѣдовавшіе, закона: 9-го апрѣля 1869 г. „о мѣрахъ къ водворенію въ оренбургской губерніи издавна проживающихъ тамъ переселенцевъ изъ другихъ губерній“ и 6-го февраля 1871 г.—о распространеніи этихъ мѣръ на губернію уфимскую и на проживающихъ въ ней, а также въ оренбургской губерніи, горнозаводскихъ мастеровыхъ казенныхъ и частныхъ заводовъ и бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ. Законъ 9-го апрѣля 1869 г. касается проживающихъ въ оренбургской губерніи крестьянъ, бывшихъ государственныхъ, которые, слѣдуя по полученнымъ разрѣшеніямъ въ Сибирь и на Амуръ, остановились въ названной губерніи или издавна водворились въ ней и арендуютъ казенныя или частныя земли, и крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ съ дарственнымъ надѣломъ. Тѣмъ и другимъ онъ предоставляетъ, въ случаѣ заявленнаго желанія, перейти въ разрядъ мѣстныхъ крестьянъ, съ причисленіемъ къ одному изъ ближайшихъ обществъ, съ согласія послѣдняго, или къ волости, и съ переводомъ на ихъ личную отвѣтственность числившихся по прежнимъ обществамъ недоимокъ въ податяхъ и рекрутской повинности. Переписка по дѣламъ о подобныхъ перечисленіяхъ возлагалась на губернское присутствіе. Тѣмъ же закономъ предоставлялось означеннымъ переселенцамъ образовывать изъ себя отдѣльныя общества, при условіи пріобрѣтенія ими въ собственность участковъ земли, въ размѣрѣ не менѣе $\frac{1}{4}$ высшаго или указнаго надѣла по той мѣстности, гдѣ они проживаютъ. Такое устройство переселенцевъ допускалось только для лицъ, прибывшихъ въ губернію до дня обнародованія закона, а согласно позднѣйшему узаконенію—до 6-го февраля 1871 г.

Приведенныя постановленія, однако, не достигли своей цѣли, такъ какъ переселенцы продолжали попрежнему прибывать и увеличивать собою неустроенный элементъ въ край. По сообщенію оренбургскаго генераль-губернатора, въ теченіе менѣе, чѣмъ двухъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за изданіемъ законовъ, прибыло въ

край „до 10.000 душъ бродячаго безземельнаго населенія, состоящаго изъ крестьянъ, которые остаются безъ приписки въ обществахъ и не имѣютъ средствъ выйти изъ края обратно“. Въ свою очередь, хотя значительное число изъ ранѣе прибывшихъ переселенцевъ получило законное право считаться жителями оренбургской и уфимской губерній, тѣмъ не менѣе оно лишено было прочнаго земельного устройства и осталось въ томъ же неопредѣленномъ положеніи, какъ и до изданія упомянутыхъ законовъ. Окончательно устроенными могли считаться только тѣ немногія лица, которые получили пріемные приговоры отъ сельскихъ обществъ или же участки казенной земли. Такое положеніе дѣла въ связи съ наплывомъ новыхъ переселенцевъ и невозможностью безъ окончательнаго разоренія и значительныхъ ущербовъ для казны возвращать ихъ обратно на родину ставило въ затруднительное положеніе мѣстную администрацію, вынужденную силою вещей допускать дальнѣйшее пребываніе на новыхъ мѣстахъ всѣхъ пришельцевъ и возбуждать передъ правительствомъ рядъ вопросовъ и отдѣльныхъ ходатайствъ объ устройствѣ ихъ.

Въ виду всего этого, въ 1873 г. при министерствѣ государственныхъ имуществъ была учреждена особая коммиссія изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ для обсужденія вопросовъ, касающихся устройства переселенцевъ въ Оренбургскомъ краѣ. На основаніи заключеній этой коммиссіи, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ внесено было представленіе въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, удостоенное Высочайшаго утвержденія 28 января 1876 г.

Новое „Положеніе“ шло значительно далѣе предшествовавшихъ постановленій и опредѣляло устройство въ оренбургской и уфимской губерніяхъ всѣхъ „прибывшихъ туда изъ другихъ губерній переселенцевъ“. Изъ числа таковыхъ, согласно I-й статьѣ, оно разрѣшало водвореніе на свободныхъ казенныхъ земляхъ кромѣ лицъ, имѣвшихъ уже право на это водвореніе по существующимъ узаконеніямъ: безземельнымъ крестьянамъ, не воспользовавшимся надѣломъ по уставнымъ грамотамъ и владѣннымъ записямъ, бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, принадлежавшимъ къ обществахъ, которые получили въ даръ $\frac{1}{4}$ высшаго или указнаго надѣла, бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, уволеннымъ изъ своихъ обществъ до выдачи владѣнныхъ записей, и затѣмъ изъ прочихъ переселенцевъ тѣмъ, которые, получивъ увольненіе изъ прежнихъ обществъ, прибыли въ Оренбургскій край до обнаруженія „Положенія“.

Остальнымъ переселенцамъ, которые проживали по увольнительнымъ свидѣтельствамъ или срочнымъ паспортамъ на земляхъ, купленныхъ или нанимаемыхъ у башкиръ и другихъ частныхъ владѣльцевъ, съ устройствомъ тамъ усадебной осѣдности, и желали бы окончательно водвориться въ краѣ, предоставлено причислиться къ ближайшей волости безъ испрошенія пріемнаго приговора или же составить изъ себя отдѣльныя сельскія общества. Такое образование обществъ допускалось для всѣхъ переселенцевъ какъ при условіяхъ, опредѣленныхъ уже закономъ 9 апрѣля 1869 г., т.-е. при покупкѣ въ собственность участка земли не менѣе $\frac{1}{4}$ высшаго или указнаго на душу надѣла, такъ и при условіяхъ арендованія земли. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ требовалось, чтобы крестьяне держали въ вѣдомѣ по письменнымъ договорамъ, на сроки не менѣе 12-ти лѣтъ, земельный участокъ, составляющій на каждую душу не менѣе одного высшаго или указнаго надѣла, установленнаго по той мѣстности „Положеніями“ 19 февраля. Сверхъ того, всякое образование обществъ законъ обуславливалъ наличностью не менѣе сорока душъ мужескаго пола.

Относительно той группы переселенцевъ, которые, получивъ разрѣшеніе на переселеніе въ Сибирь, остались въ краѣ, за истощеніемъ средствъ въ дальнѣйшему слѣдованію, и не приобрѣли осѣдности, постановлено, что они должны приписаться къ мѣстнымъ сельскимъ или городскимъ обществамъ, или къ волостямъ, въ 6-ти-мѣсячный срокъ со дня обнародованія закона, а лица, пришедшія послѣ обнародованія его, — со дня заявленія желанія остаться въ краѣ, съ тѣмъ, чтобы всѣ неисполнившіе этого требованія были приписаны по мѣсту своего настоящаго жительства распоряженіемъ начальства.

Переписка по дѣламъ о перечисленіи переселенцевъ Оренбургскаго края возлагалась, какъ и предшествовавшимъ закономъ, на мѣстныя губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; при этомъ разрѣшалось также состоявшія за перечисленными недоимки въ казенныхъ платежахъ и сборахъ переводить на нихъ долгомъ по мѣсту новаго жительства, съ освобожденіемъ прежнихъ обществъ отъ всякой за переселенцевъ ответственности.

Такимъ образомъ, хотя разсматриваемый законъ не имѣлъ общаго для всѣхъ заселяемыхъ мѣстностей значенія, но по отношенію къ Оренбургскому краю значеніе его сказалось уже въ томъ, что онъ расширялъ кругъ лицъ, которымъ предоставлялось право на отводъ надѣловъ изъ казенныхъ оброчныхъ ста-

тей. Для осуществленія этого права, по точному смыслу закона, признавалось достаточнымъ только факта „прибытія“ въ край перечисленныхъ въ ст. 1-й крестьянъ, причемъ время этого прибытія для большинства изъ нихъ не обусловливалось какими-либо сроками и, слѣдовательно, они не лишались правъ на казенную землю и въ случаѣ фактическаго переселенія послѣ изданія закона 28 января. Но, допуская водвореніе на казенныхъ земляхъ, „Положеніе“ не опредѣляло, однако, ближайшаго порядка, какимъ это водвореніе могло происходить. При такомъ положеніи дѣла и при несоответственно-маломъ запасѣ свободныхъ земель, предназначенныхъ для цѣлей поселенія, трудно было рассчитывать, чтобы всѣ предусматриваемыя закономъ лица были обезпечены казенною землею, и въ дѣйствительности значительная часть ихъ хотя и была перечислена по мѣсту новаго жительства, но оказалась неустроенною въ поземельномъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, приведенное „Положеніе“, устанавливая тотъ или иной порядокъ устройства всѣхъ переселенцевъ оренбургской и уфимской губерній, представляется серьезною попыткою въ разрѣшеніи переселенческаго вопроса въ край.

По тѣмъ же соображеніямъ усиленнаго наплыва переселенцевъ и необходимости устройства ихъ быта на новыхъ мѣстахъ послѣдовало изданіе двухъ позднѣйшихъ узаконеній—9 ноября 1876 г. и 13 мая 1878 г., изъ которыхъ первое касалось переселенцевъ тобольской и томской губерній, „водворившихся тамъ съ давняго времени“, а второе—проживавшихъ въ самарской губерніи на нанимаемыхъ удѣльныхъ земляхъ крестьянъ другихъ губерній. Тѣмъ и другимъ предоставлено было въ порядкѣ, установленномъ для переселенцевъ Оренбургскаго края, перечислиться по мѣсту новаго жительства, а арендаторамъ удѣльныхъ земель самарской губерніи, сверхъ того, и образовать изъ себя отдѣльныя сельскія общества, съ переводомъ на личную отвѣтственность перечисляемыхъ недоимокъ по прежнимъ обществамъ и съ разсрочкою уплаты таковыхъ для переселенцевъ тобольской и томской губерній на четыре года.

Въ довершеніе мѣръ, принятыхъ по Оренбургскому краю, въ концѣ 70-хъ годовъ возбужденъ былъ вопросъ, по ходатайству оренбургскаго генераль-губернатора, объ облегченіи способовъ устройства переселенцевъ на башкирскихъ и частновладѣльческихъ земляхъ оренбургской губерніи путемъ выдачи имъ денежныхъ ссудъ для покупки означенныхъ земель изъ особыхъ суммъ, которыя, въ размѣрѣ 250.000 руб., предположено было позаимствовать изъ продовольственнаго капитала башкиръ оренбург-

ской губерніи. Предположенія эти вмѣстѣ съ проектомъ правилъ о выдачѣ ссудъ были внесены на разсмотрѣніе государственнаго совѣта и удостоены Высочайшаго утвержденія 22-го мая 1879 г.

Положеніе это предоставляло право на получение ссудъ тѣмъ переселенцамъ, которые пожелали бы приобрести въ собственность земли, арендуемыя ими въ оренбургской губерніи у башкиръ или частныхъ лицъ, съ устройствомъ тамъ усадебной осажденности и учрежденіемъ отдѣльнаго общественнаго управленія. Для получения ссудъ требовалось, чтобы арендуемыя земли покупались цѣлымъ обществомъ крестьянъ-переселенцевъ, въ количествѣ не свыше одного высшаго или увазнаго на каждую душу мужского пола надѣла, опредѣленнаго для той мѣстности „Положеніемъ“ 19 февраля, и по цѣнѣ не свыше устанавливавшейся съ этою цѣлью оренбургскимъ генераль-губернаторомъ. Размѣръ ссудъ опредѣлялся въ 95% покупной цѣны участка, — остальную часть покупщики должны были внести въ казначейство изъ своихъ средствъ. Ссуды погашались въ теченіе двадцати-шести лѣтъ платежемъ ежегодно изъ 7% съ суммы капитальнаго долга. Обезпеченіемъ ссудъ служили наложеніе запрещенія на купленный участокъ земли, круговая порука членовъ общества и установленіе порядка увольненія отдѣльныхъ членовъ его до окончательнаго погашенія долга на условіяхъ, соблюдаемыхъ относительно состоящихъ на выкупѣ обществъ. Ссуды испрашивались чрезъ мѣстныя крестьянскія учрежденія, на основаніи приговора, постановленнаго съ участіемъ всѣхъ полноправныхъ домохозяевъ общества, и утверждались еще оренбургскимъ генераль-губернаторомъ.

За семьдесятые годы, о которыхъ по отчетамъ губернаторовъ имѣются болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія, переселенцы выходили главнымъ образомъ изъ густо населенныхъ земледѣльческихъ губерній центральной полосы Россіи: орловской, тульской, рязанской, тамбовской, пензенской, воронежской и курской. Меньшее, но тѣмъ не менѣе значительное число ихъ дали также среднія и восточныя губерніи, расположенныя по рѣкамъ Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ. Наболѣе слабое движеніе замѣчалось изъ губерній западныхъ, юго-западныхъ и малороссійскихъ. Весь размѣръ движенія, направлявшагося въ однѣ южныя и юго-восточныя степныя губерніи Европейской Россіи, указывается за упомянутый періодъ времени въ огромной цифрѣ — 182.000 душъ обоого пола. Если имѣть въ виду, что цифра эта не обвиняетъ движенія, происходившаго въ шестидесятые годы, и что значительное число переселенцевъ одновременно слѣдовало также въ Сибирь

и на сѣверный Кавказъ, то можно съ безошибочностью утверждать, что за оба разсматриваемыя десятилѣтїя размѣры всего выселенїя должны превышать приведенную цифру, по крайней мѣрѣ, втрое или вчетверо.

Переселеніе держалось двухъ направленїй: восточнаго и южнаго. Первое—сильнѣйшее въ предѣлахъ Европейской Россїи—шло въ губерніи оренбургскую и уфимскую (118 т. д.) и частью въ самарскую и астраханскую; второе—болѣе слабое—въ губерніи новороссїйскія и въ область Войска Донскаго, гдѣ за семидесятыя годы водворилось также до 50.000 душъ обоюго пола. Изъ числа сибирскихъ губерній главнымъ прїемникомъ земледѣльческаго населенїя служила томская губернія и преимущественно Алтайскій округъ ея. Съ 1870 по 1880 г. водворившихся и перечисленныхъ переселенцевъ насчитывалось въ ней свыше 17.000 душъ обоюго пола, но, несомнѣнно, цифра эта не обнимала всего дѣйствительнаго размѣра вселенїя, такъ какъ по учету, произведенному въ 1880 г., только въ двухъ южныхъ округахъ губерніи оказалось до 24.000 переселенцевъ, которые оставались безъ перечисленїя. Усиленно двигались переселенцы также и въ области сѣвернаго Кавказа. Здѣсь они мѣстомъ для водворенїя избирали отчасти западную часть ставропольской губерніи, но преимущественно Кубанскую Область. Только на однѣ войсковыя территорїи послѣдней ежегодно направлялось свыше 20.000 душъ, и въ началѣ 80-хъ годовъ цифра пришлаго населенїя, осѣвшаго въ качествѣ арендаторовъ военныхъ земель, опредѣлялась до 270.000 душъ обоюго пола.

Всеподданнѣйшіе отчеты губернаторовъ устававливаютъ, что главнымъ двигателемъ, заставлявшимъ крестьянъ переселяться, являлось, съ одной стороны, возрастающее малоземелье, съ другой—непомѣрное возвышенїе наемныхъ и продажныхъ цѣнъ на земли. Оба эти обстоятельства, въ связи съ несовершенною техникою земледѣлія у крестьянъ, въ свою очередь указывали, что при настоящихъ экономическихъ и хозяйственныхъ условїяхъ многія мѣстности во внутреннихъ губерніяхъ Россїи прокормить населенїе не могли. Этою причиною объясняется и первенствующая роль во всѣхъ выселенїяхъ центральной полосы Россїи, такъ какъ въ этой полосѣ оказывались и наименьшіе средніе надѣлы у крестьянъ, и наиболѣе высокія арендныя и покупныя цѣны на землю. Что касается губерній степныхъ и полустепныхъ, то значительное выселенїе изъ нихъ обуславливалось главнымъ образомъ разпространенностью здѣсь крестьянскихъ хозяйствъ съ недостаточными четвертными и дарствен-

ными надѣлами и сверхъ того мѣстными природными особенностями, неблагоприятно вліявшими иногда на урожаи хлѣбныхъ. Послѣдствія неурожаявъ, напр., особенно сильно отражались на самарской губерніи, гдѣ послѣ неурожайныхъ годовъ движеніе всегда замѣтно возрастало и ослабѣвало послѣ годовъ урожайныхъ. Выселеніе изъ губерній промысловыхъ и нечерноземныхъ представлялось совершенно ничтожнымъ и по весьма понятнымъ причинамъ. Въ губерніяхъ этихъ многоземелье и малоземелье не играютъ существенной роли въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и недостатки земельного надѣла и плохія качества его крестьяне восполняютъ уходомъ на заработки, который является такимъ образомъ какъ бы особымъ видомъ временнаго переселенія. Значительнымъ препятствіемъ къ выселенію служило здѣсь также обремененіе малоцѣнной крестьянской земли податями и налогами, вслѣдствіе чего сельскія общества старались препятствовать выселенію своихъ односельцевъ, не желая принимать на себя бремя новыхъ повинностей, оставляемыхъ на надѣлахъ.

Совокупность изложенныхъ обстоятельствъ показываетъ, что законоположенія 60-хъ и 70-хъ годовъ, опредѣляя незначительный кругъ лицъ, которымъ дозволялось водвореніе и устройство на казенныхъ земляхъ, не обнимали всего существа переселенческаго дѣла. Данныя того времени свидѣтельствуютъ, что изъ числа переселявшихся только ничтожная часть могла, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, водвориться на казенныхъ земляхъ. Всѣ же остальные лишены были этого права и вынуждены были подчиняться всѣмъ невыгодамъ непрочного водворенія на частновладѣльческихъ, башкирскихъ и иныхъ земляхъ и оставлять незанятыми заготовлявшіеся для цѣлей водворенія казенные участки. Почти изъ 300.000 десятинъ, предназначенныхъ подъ водвореніе переселенцевъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи за время производства систематической нарѣзки участковъ, съ 1868 и по 1880 г. было отведено только 127.000 десятинъ, что при надѣлѣ отъ 5-ти до 15-ти десятинъ доставило устройство не болѣе 14 тысячамъ душъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что при наплывѣ переселенцевъ не всѣ считавшіеся незаселенными казенные участки на дѣлѣ оказывались таковыми и, напр., въ 1880 г. обнаружено было, что значительное число свободныхъ оброчныхъ статей, расположенныхъ въ екатеринославской, таврической и херсонской губерніяхъ, было занято самовольными переселенцами, которые проживали тамъ по частнымъ условіямъ съ сѣмщиками земель и успѣвали устроиться цѣлыми поселеніями иногда по нѣскольку десятковъ дворовъ.

VI.

Такимъ образомъ, основнымъ положеніемъ для всего разсмѣривнаго періода слѣдуетъ признать отсутствіе общихъ организаціонныхъ мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію крестьянскихъ переселеній. Отъ принятія подобныхъ мѣръ удерживало правительство главнымъ образомъ господствовавшее въ то время воззрѣніе, что устроенное въ поземельномъ отношеніи населеніе не должно болѣе нуждаться въ правительственныхъ заботахъ о его благосостояніи. Къ этому присоединялось еще опасеніе возбудить среди крестьянъ превратныя толки о значеніи этихъ мѣръ и несбыточныя надежды на дополнительную прирѣвку земли. Характернымъ выраженіемъ такого взгляда на переселенческій вопросъ является отзывъ бывшаго министра государственныхъ имуществъ, Валуева, по поводу ходатайства черниговскаго губернскаго земства о предоставленіи нуждающимся крестьянамъ черниговской губерніи правъ водворенія на казенныхъ земляхъ оренбургской и уфимской губерній. Въ отзывѣ этомъ указывалось на необходимость относиться къ поступающимъ ходатайствамъ о переселеніи на казенныя земли „съ величайшею осторожностью, дабы тѣмъ внушить населенію, что правительство, разъ устроивъ поземельный бытъ сельскаго населенія, не считаетъ себя обязаннымъ продолжать это устройство и раздавать цѣнныя казенныя земли для удовлетворенія временныхъ и случайныхъ потребностей“. Въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ заявлялось, что отклоненіе подобныхъ ходатайствъ имѣетъ особое значеніе еще „вслѣдствіе повсемѣстно наблюдаемаго настроенія сельскаго населенія, которое на основаніи ложныхъ слуховъ и злонамѣренныхъ толкованій вездѣ ожидаетъ новой нарѣзки земли, въ видахъ дополненія надѣловъ“. Между тѣмъ въ дѣйствительной жизни наблюдалось теченіе, показывавшее, что приступали къ переселенію на новыя мѣста и водворялись—самовольно или съ участіемъ правительственныхъ лицъ и учреждений—не одни крестьяне тѣхъ разрядовъ, которымъ по закону предоставлялось право переселенія, а преимущественно другія лица, относительно которыхъ въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ не содержалось никакихъ опредѣленныхъ правилъ и указаній. Въ теченіе пяти почти лѣтъ, съ 1876 по 1881 г., въ министерство государственныхъ имуществъ поступило однихъ прошеній болѣе, чѣмъ отъ 4.000 семей, объ отводѣ участковъ казенной земли, но большинство этихъ ходатайствъ, за отсутствіемъ, будто бы, законныхъ основаній въ ихъ

удовлетворенію, оставлено было безъ послѣдствій. Нерѣдко случалось, что и имѣвшіе право на переселеніе крестьяне, не выжидая результатовъ просьбъ своихъ, а иногда и безъ подачи прошеній, распродалаи свое имущество на родинѣ и уходили на новыя мѣста, водворяясь на казенныхъ, башкирскихъ, казачьихъ или частно-владѣльческихъ земляхъ, или приселяясь къ обществамъ старожиловъ. Къ началу 80-хъ годовъ ежегодный размѣръ переселенческаго движенія на востокъ достигалъ уже 40.000 душъ, а въ этомъ движеніи самостоятельное переселеніе всегда преобладало надъ правительственнымъ, превосходя его въ нѣсколько разъ. Такой характеръ и размѣры переселенія указывали на необходимость дальнѣйшаго упорядоченія переселенческаго движенія и пополненія существующихъ законоположеній правилами, которыя устранили бы несоотвѣтствіе между законодательствомъ и требованіями жизни.

Въ связи съ этимъ нѣкоторые изъ губернаторовъ среднихъ и южныхъ губерній Россіи, ссылаясь на недостатокъ и недоброкачественность земельныхъ надѣловъ у крестьянскаго населенія и указывая на затруднительность одними запретительными мѣрами сдерживать попытки этого населенія къ переселенію, возбуждали передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ходатайства объ облегченіи условій и способовъ перехода на новыя мѣста нуждающихся въ землѣ лицъ. Подобныя же заявленія и соображенія были высказаны во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи орловской губерніи за 1880 годъ, и по поводу ихъ состоялась Высочайшая отмѣтка: „Обратить серьезное вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ“.

Въ виду этого въ маѣ 1881 г. состоялся указъ объ учрежденіи особой комиссіи для составленія проекта общаго закона о переселеніяхъ. Находя, однако, что выработка соотвѣтственныхъ предположеній по этому предмету потребуетъ значительнаго времени, министерство признало нужнымъ ограничиться предварительно изданіемъ, по взаимному соглашенію съ министерствомъ финансовъ и государственныхъ имуществъ, временныхъ по настоящему вопросу правилъ. Съ этою цѣлью въ комитетъ министровъ были представлены предположенія названныхъ вѣдомствъ о порядкѣ разрѣшенія переселеній и упорядоченія движенія переселенцевъ.

Представленіе это выражаетъ значительную перемѣну во взглядахъ на переселенческій вопросъ и на отношеніе къ нему администраціи. Наряду съ заявленіемъ о невозможности оставить долге переселенческое дѣло „въ его настоящемъ неопре-

дѣленномъ положеніи“, въ представленіи высказывалось желаніе „удовлетворить безъ особой огласки выразившейся потребности отдельныхъ группъ земледѣльческихъ классовъ къ водворенію на новыхъ мѣстахъ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ поясненіе должнаго порядка и основаній удовлетворенія такой потребности, указывалось на несовершенства прежней системы обозначенія въ законѣ категорій крестьянъ, которые имѣли бы право на переселеніе, а также заявлялось о неудобствахъ предварительно намѣчать мѣста выхода переселенцевъ или допускать переходъ такихъ на основаніи цифровыхъ соотношеній между числомъ переселяющихся и остающихся въ обществѣ. Установленіе подобныхъ нормъ, по мнѣнію министровъ, при отсутствіи точныхъ и подробныхъ изслѣдованій, явилось бы совершенно произвольнымъ и, лишая возможности перехода на новыя мѣста иногда дѣйствительно нуждающихся лицъ, привело бы къ необходимости прибѣгать къ постояннымъ отступленіямъ отъ принятыхъ правилъ. Въ виду такихъ соображеній и во избѣжаніе превратныхъ толкованій крестьянъ о значеніи проектируемыхъ мѣръ, было признано наиболѣе цѣлесообразнымъ сохранить выдачу разрѣшеній на переселеніе за центральными органами, и въ основаніе такой выдачи полагать производство черезъ мѣстныя крестьянскія учрежденія изслѣдованій экономическаго быта просителей. При этомъ для лицъ, получившихъ право на переселеніе, предположено было допустить нѣкоторыя облегченія, по примѣру предоставленныхъ оренбургскимъ переселенцамъ, и освободить ихъ отъ стѣснительныхъ формальностей представленія пріемныхъ приговоровъ отъ обществъ, куда они переходили, и обязательной уплаты, при выходѣ со старины, числящихся на семействахъ увольняемаго податей и недоимокъ.

Составленныя въ такомъ опекунскомъ духѣ предположенія были утверждены 10-го іюля 1881 г. и получили силу временныхъ правилъ, не подлежащихъ обнародованію.

Согласно сказаннымъ правиламъ, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ было предоставлено разрѣшать, по взаимному ихъ соглашенію, ходатайства о переселеніи крестьянъ, „хотя и неимѣющихъ по дѣйствующему закону на то права, но экономическое положеніе коихъ въ тому вынуждаетъ“. Для водворенія переселенцевъ назначались ранѣ образованные участки, а равно предположенные къ образованію изъ оброчныхъ статей въ многоземельныхъ губерніяхъ: херсонской, екатеринославской, таврической, саратовской, самарской, оренбургской и уфимской. Участки эти подлежали отводу въ кратко-

срочное, отъ 6-ти до 12-ти лѣтъ, пользованіе, въ размѣрѣ не болѣе высшаго или указаго по мѣстности надѣла и во всякомъ случаѣ не выше восьми десятинъ на душу, съ уплатою оброка, сообразно дѣйствительному доходу, получавшемуся казною съ земель до водворенія на нихъ переселенцевъ. Всѣ недоимки въ казенныхъ податяхъ и выкупныхъ платежахъ, числившіяся за переселенцами по прежнимъ обществамъ, разрѣшалось переводить на личную ихъ отвѣтственность, съ разсрочкою уплаты этихъ недоимокъ и текущихъ поземельныхъ платежей на такое число лѣтъ, въ теченіе которыхъ признано будетъ возможнымъ взыскать ихъ.

Для содѣйствія переселенцамъ, направлявшимся въ юго-восточныя губерніи и въ Западную Сибирь, министру внутреннихъ дѣлъ было предоставлено образовать, въ видѣ опыта, переселенческую контору при одномъ изъ перевозовъ черезъ Волгу, въ составъ которой должны были входить представители отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, и земствъ самарскаго и симбирскаго. На обязанность конторы возлагалось сообщеніе переселенцамъ свѣдѣній о свободныхъ участкахъ, назначенныхъ подъ заселеніе, о продажныхъ цѣнахъ на частновладѣльческія земли, указаніе маршрутовъ до мѣстъ водворенія, призрѣніе заболѣвшихъ въ пути и посредничество между переселенцами и частными землевладѣльцами при покупкѣ земель.

Независимо отъ того, правила коснулись и оренбургскихъ переселенцевъ. Дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 28 января 1876 г. положенія главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія относительно лицъ, получившихъ право водворенія на свободныхъ казенныхъ земляхъ оренбургской и уфимской губерній, при условіи законнаго увольненія изъ прежнихъ обществъ и прибытія въ край до обнародованія закона, было распространено на всѣхъ переселенцевъ, которые, имѣя такое увольненіе, прибыли въ названныя губерніи до 1 января 1882 г.

Приведенныя правила установили такимъ образомъ право переселенія не для отдѣльныхъ разрядовъ крестьянъ, а для всѣхъ лицъ, „коихъ экономическое положеніе къ тому вынуждаетъ“. Такое опредѣленіе явилось естественнымъ слѣдствіемъ того положенія вещей, что хозяйственное обезпеченіе крестьянской семьи не всегда обусловливалось наличностью и величиною одного только душевого владѣнія крестьянъ, а нерѣдко различными экономическими особенностями, присущими данной мѣстности. До крестьянской реформы, при слабомъ развитіи среди населенія мѣстныхъ

и отхожихъ промысловъ, благосостояніе этого населенія основывалось и зависѣло почти исключительно отъ одной земли, и поэтому только количествомъ этой послѣдней, состоявшей во владѣніи крестьянъ, опредѣлялись права ихъ на переселеніе. Въ позднѣйшее время, хотя значеніе надѣльной земли, какъ основы крестьянскаго благосостоянія, не утратилось по прежнему, тѣмъ не менѣе все чаще стали встрѣчаться случаи, когда, при существованіи побочныхъ занятій и арендѣ постороннихъ земель, душевой надѣлъ пересталъ уже являться главнымъ и единственнымъ средствомъ для содержанія семьи.

Приведенными основными положеніями временныхъ правилъ создавался такимъ образомъ общій канцелярскій порядокъ для всего крестьянскаго населенія въ дѣлѣ переселенія, и въ этомъ отношеніи въ правилахъ этихъ нельзя не усматривать внутренней связи съ руководящими началами, положенными въ основаніе дѣйствовавшихъ въ дореформенное время законовъ о переселеніи. Эта связь проходитъ еще далѣе, если принять во вниманіе, что правительство рѣшилось одновременно вступить и на практическій путь оказанія помощи переселенцамъ, открывая особую переселенческую контору въ главномъ пунктѣ остановокъ и скопленія переселенцевъ при Волгѣ—въ Батракахъ, переведенную впоследствии въ г. Сызрань.

Придавая существенное значеніе дѣятельности названной конторы, министерство внутреннихъ дѣлъ въ томъ же году испросило на учрежденіе ея особый кредитъ изъ средствъ государственнаго казначейства, въ размѣрѣ 60 тыс. руб. Цѣлью и назначеніемъ этого кредита, по предположеніямъ министерства, должно было служить, кромѣ устройства и содержанія конторы, оказаніе медицинской и продовольственной помощи переселенцамъ во время остановокъ ихъ въ Батракахъ и облегченіе способовъ къ дальнѣйшему передвиженію немущихъ изъ нихъ путемъ выдачи денежныхъ пособій. Дѣятельности конторы въ этомъ отношеніи придавался „чисто благотворительный характеръ“, ибо, по мнѣнію министерства, „своевременно оказанная помощь даетъ возможность сберечь много силъ, пропадающихъ иначе безслѣдно“. Въстѣ съ тѣмъ, объ образованіи конторы поставлены были въ извѣстность всѣ подвѣдомственные министерству внутреннихъ дѣлъ учрежденія (циркуляръ 29 сент. 1881 г.) и имъ вѣнено „въ непремѣнную обязанность безотлагательное исполненіе всѣхъ могущихъ къ нимъ поступить законныхъ требованій конторы“; уѣздной же полиціи поручалось освѣдомлять контору о всѣхъ проходящихъ переселенческихъ партияхъ и на-

правлять тѣ изъ нихъ, которыя слѣдовали въ восточныя губерніи или въ Сибирь безъ опредѣленно-намѣченной цѣли, за указа- ніями къ ней.

Учрежденная на приведенныхъ основаніяхъ и снабженная особою инструкціею контора открыла свои дѣйствія въ концѣ 1881 г. Уже въ слѣдующемъ 1882 г. число всѣхъ прошед- шихъ черезъ Батраки переселенцевъ зарегистрировано было ею свыше 15 тыс. душъ. Хотя въ послѣдующіе годы размѣры дви- женія замѣтно возрастали, тѣмъ не менѣе удаленное положеніе конторы отъ главныхъ центровъ выселенія и отъ другихъ зна- чительныхъ пунктовъ переправы черезъ Волгу лишало ее воз- можности выполнять во всемъ объемѣ, сообразно выяснявшимся требованіямъ и нуждамъ дѣла, возлагавшіяся на нее задачи. По- этому еще въ 1883 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ воз- буждался вопросъ о переводѣ названной конторы въ Оренбургъ, какъ конечный пунктъ желѣзной дороги, гдѣ скоплялись сходя- шіеся съ разныхъ мѣстъ переселенцы, но вопросъ этотъ, бу- дучи поставленъ въ связь съ происходившею разработкою основ- ного закона о переселеніяхъ, не получалъ разрѣшенія въ то время. Вскорѣ съ проведеніемъ уральской желѣзной дороги до Тюмени и отклоненіемъ главнаго направленія переселенческаго движенія въ Сибирь воднымъ путемъ на Пермь, значеніе сызран- ской конторы сильно упало и съ середины 80-хъ годовъ она дѣйствовала въ составѣ всегда почти одного только члена, рас- ходую на нужды переселенческаго дѣла самыя незначительныя средства изъ отпускавшагося ей кредита, рѣдко превышавшія 1—2 тыс. руб. въ годъ.

По точному смыслу временныхъ правилъ дѣйствіе ихъ рас- пространялось только на многоземельныя губерніи Европейской Россіи, вслѣдствіе чего Сибирь оказалась въ числѣ мѣстностей, не регулированныхъ никакими законодательными нормами въ отношеніи переселенія. Между тѣмъ, съ самаго начала 80-хъ годовъ стало замѣчаться усиленное движеніе туда переселенцевъ, достигавшее въ первую половину десятилѣтія 10—12 тыс. душъ въ годъ. Всѣ эти переселенцы слѣдовали въ Сибирь исключи- тельно по паспортамъ или другимъ документамъ безъ разрѣше- нія правительства и устранивались на новыхъ мѣстахъ самостоя- тельно или путемъ приписки къ обществамъ старожиловъ. Только водвореніе въ Алтайскомъ округѣ производилось по правиламъ 30-го іюля 1865 г., специально относившимся до него. Съ 1886 г. движеніе въ Сибирь начинаетъ еще болѣе усиливаться и достигаетъ 15—38 тыс. въ годъ. Въ виду этого, по хода-

тайству нѣкоторыхъ губернаторовъ, было признано возможнымъ примѣнять въ отдѣльныхъ случаяхъ и къ переселенцамъ, направившимся въ Сибирь, правила 10-го іюля 1881 г. Однако подобнымъ разрѣшеніемъ, послѣдовавшимъ во второй половинѣ десятилѣтія, воспользовались лишь немногія, сравнительно, группы крестьянъ, — большинство же лицъ, о которыхъ своевременныхъ ходатайствъ не было возбуждаемо, продолжали слѣдовать самостоятельно.

VII.

Въ числѣ „самовольно“ переселявшихся или возбуждавшихъ ходатайства о разрѣшеніи переселенія встрѣчалось значительное число лицъ, которымъ ни временныя правила, ни другія дѣйствовавшія постановленія не предоставляли правъ водворенія на казенныхъ земляхъ, по той лишь причинѣ, что они носили званіе мѣщанъ, хотя по роду своихъ занятій нерѣдко ничѣмъ не отличались отъ окружающаго крестьянскаго населенія. Послѣдовательность въ проведеніи установленныхъ началъ, однако, требовала, чтобы новый законъ могъ одинаково примѣняться ко всему вообще земледѣльческому населенію, а не къ отдѣльнымъ сословнымъ группамъ его. Поэтому Высочайше утвержденнымъ 17-го февраля 1884 г. положеніемъ комитета министровъ дѣйствіе временныхъ правилъ было распространено также на „лицъ, хотя и не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, но издавна занимающихся хлѣбопашествомъ, какъ главнымъ источникомъ средствъ къ пропитанію себя и семействъ, и по быту своему не отличающихся отъ крестьянъ“.

Одновременно съ изданіемъ временныхъ правилъ, министерство внутреннихъ дѣлъ приступило къ выработкѣ общаго закона о крестьянскихъ переселеніяхъ, согласно упомянутому выше указу 1881 г. Съ этою цѣлью была образована особая коммиссія изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ.

По разсмотрѣннн вопроса, коммиссія пришла къ убѣжденію, что обнаружившееся въ послѣдніе годы среди крестьянъ стремленіе къ переходу на новыя мѣста составляетъ „явленіе не случайное, а вполне естественное, вызванное совокупностью экономическаго положенія и поземельныхъ отношеній крестьянъ на стародавнихъ мѣстахъ ихъ жительства“. Признавая поэтому, что правильная организація переселеній можетъ „сохранить не только немало народныхъ капиталовъ отъ непроизводительной затраты,

но и множество человеческихъ жизней“, комиссія высказала, что переселеніе всецѣло должно быть подчинено руководительству государственной власти. Такое соображеніе положено было въ основаніе трудовъ комиссії и проектировавшихся ею правилъ по настоящему вопросу.

Въ дѣлѣ переселенія, по мнѣнію комиссії, слѣдуетъ различать губерніи малонаселенной степной и нечерноземной полосы, въ которыхъ, за отсутствіемъ общаго малоземелья или существованіемъ обезпечивающихъ населеніе мѣстныхъ и отхожихъ заработковъ, особой надобности въ выселеніи не испытывается. Въ этихъ губерніяхъ могутъ встрѣтиться только отдѣльныя мѣстности, гдѣ при недостаткѣ удобныхъ для хлѣбопашества земель замѣчается недостатокъ и въ заработкахъ. Въ такихъ случаяхъ надлежитъ прибѣгать не къ переселенію, а къ разселенію въ предѣлахъ тѣхъ же губерній на остатки свободныхъ казенныхъ земель или на земли частныхъ владѣльцевъ, которые пожелали бы принять къ себѣ переселенцевъ.

Иное положеніе представляютъ густонаселенныя черноземныя и центральныя губерніи, въ которыхъ земледѣліе составляетъ главное и почти исключительное занятіе населенія. Для этихъ губерній, въ виду испытываемаго малоземелья и невозможности устранить или ослабить значеніе его мѣстными средствами, является необходимою организація дальнихъ переселеній. Соображаясь, однако, съ тѣмъ, что запасъ свободныхъ казенныхъ земель, сравнительно съ числомъ сельскихъ обывателей, нуждающихся въ переселеніи, довольно ограниченъ, комиссія полагала право на таковое предоставить, подъ условіемъ выраженного желанія, лишь „наиболѣе стѣсненнымъ въ землѣ крестьянамъ безъ различія ихъ наименованій“, которые получили недоброкачественныя земли или имѣютъ не болѣе $\frac{1}{3}$ высшаго или указнаго надѣла на наличную душу. Въ послѣднемъ случаѣ выселеніе предполагалось разрѣшать до той степени, пока количество земли у оставшихся членовъ общества не достигнетъ на наличную душу $\frac{2}{3}$ высшаго или указнаго надѣла. Затѣмъ возможнымъ считалось допускать переселеніе и крестьянъ съ надѣлами отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ дес., но лишь въ случаѣ признаннаго стѣсненнаго ихъ экономическаго положенія.

При распредѣленіи переселенцевъ между губерніями водворенія, комиссія проектировала большинство изъ нихъ, приблизительно около $\frac{3}{4}$ всего числа, направлять въ Западную Сибирь и около $\frac{1}{4}$ въ губерніи Европейской Россіи, съ предоставленіемъ участковъ въ общинное или, по усмотрѣнію пере-

селенцевъ, въ подворное владѣніе и съ отводомъ надѣла въ Сибири отъ 8 до 15 дес. на наличную мужескаго пола душу, а во внутреннихъ губерніяхъ—примѣнительно къ размѣрамъ вышшаго по мѣстности надѣла, установленнаго „Положеніемъ“ 19-го февраля. За оставляемые въ пользу обществъ земельныя надѣлы признавалось справедливымъ обязывать эти общества къ выдачѣ переселяющимся особымъ „выводныхъ платъ“, по опредѣленію уѣздныхъ земскихъ собраний, и сверхъ того, если переселеніе совершалось съ согласія общества, къ уплатѣ всѣхъ числящихся за выходящими членами недоимокъ и текущихъ податей и повинностей, а если согласія на увольненіе не послѣдовало, то только къ уплатѣ послѣднихъ, съ оставленіемъ недоимокъ на личной отвѣтственности переселенцевъ.

Водворяющимся на казенныя земли предполагалось предоставить извѣстныя льготы при передвиженіи и устройствѣ на новыхъ мѣстахъ, заключающіяся въ перевозкѣ переселенцевъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ по воинскому тарифу и въ освобожденіи ихъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ по водвореніи отъ платежа всѣхъ казенныхъ сборовъ и въ теченіе трехъ послѣдующихъ—отъ взноса половины этихъ сборовъ. Независимо отъ того, къ содѣйствию переселенцамъ проектировалось привлечь и земства тѣхъ губерній, въ которыя направлялось переселеніе, путемъ предоставленія новоселамъ разсрочки въ земскихъ сборахъ и заимообразнаго отпуска хлѣба и сѣмянъ на продовольствіе и обмѣненіе полей. Наконецъ, въ исключительныхъ случаяхъ желательнымъ признавалось выдавать нуждающимся семьямъ правительственныя пособія на передвиженіе и устройство на новыхъ мѣстахъ.

По вопросу объ организаціи переселенія коммиссія полагала ближайшее завѣдываніе этимъ дѣломъ на мѣстахъ возложить на соединенныя присутствія изъ членовъ губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ. Уѣздныя присутствія обязывались, по проекту, составленіемъ списковъ всѣхъ сельскихъ обществъ, подходящихъ по размѣрамъ своихъ надѣловъ подъ вышеуказанныя условія, и приведеніемъ въ извѣстность числа душъ, имѣющихъ право ходатайствовать объ устройствѣ ихъ на казенныхъ земляхъ. Свѣдѣнія эти должны были доставляться въ министерство внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго, по соглашенію съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, зависѣло затѣмъ распредѣленіе между губерніями запаса свободныхъ земель, предназначенныхъ въ данномъ году для заселенія, и увѣдомленіе о причитающемся на

каждую губернію количествомъ участковъ, съ точнымъ обозначеніемъ размѣра ихъ и мѣстности, гдѣ они расположены. Земли эти, въ свою очередь, распредѣлялись губернскими присутствіями между уѣздами и соотвѣтствующія сельскія общества извѣщались о числѣ лицъ, подлежащихъ переселенію. Въ случаѣ численнаго перевѣса желающихъ переселиться, на сельскіе сходы возлагалось опредѣленіе дворовъ, которымъ предоставлялось право перехода на новыя мѣста. Объ излишнѣ или недостаткѣ переселенческихъ душевыхъ участковъ по уѣзду сообщалось губернскимъ присутствіямъ, которыя передавали нераспредѣленные участки въ другіе уѣзды. Въ такомъ же порядкѣ поступали министерства внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ по отношенію къ цѣлымъ губерніямъ.

По распредѣленіи земель между переселенцами, уѣздныя присутствія составляли изъ послѣднихъ особыя партіи, снабжавшіяся „выходными свидѣтельствами“ на предметъ передвиженія до участковъ и водворенія на нихъ; при этомъ означеннымъ партіямъ предоставлялось отправлять предварительно своихъ выборныхъ для осмотра будущихъ мѣстъ поселенія. Передъ отправкою переселенцевъ, уѣздныя присутствія сообщали имъ подробный маршрутъ пути, входили въ сношеніе съ мѣстными по пути слѣдованія властями объ оказаніи имъ, „въ случаѣ нужды, всякаго содѣйствія и покровительства“ и, наконецъ, выдавали нуждающимся семьямъ назначенныя отъ казны пособія.

Озабочиваясь упорядоченіемъ переселеній на казенныя земли, коммиссія усматривала вмѣстѣ съ тѣмъ, что и въ многоземельныхъ сельскихъ обществахъ встрѣчается немало домохозяевъ съ надѣлами въ одну и менѣ десятины, не подходящихъ подъ предположенныя ею условія, но въ то же время испытывающихъ крайнюю нужду въ улучшеніи своего положенія. Для такихъ лицъ и въ потребныхъ случаяхъ также для крестьянъ малонаселенныхъ губерній она признавала полезнымъ организовать переселенія на частно-владѣльческія земли. Однако, предположенія ея въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе закончившейся въ то время разработки проекта учрежденія крестьянскаго поземельнаго банка, ограничились лишь установленіемъ нѣкоторыхъ положеній, касавшихся самостоятельныхъ долгосрочныхъ арендъ сельскими обывателями владѣльческихъ земель, съ правомъ выкупа ихъ и съ облегченіемъ нотаріальныхъ формальностей при покупкѣ. По мнѣнію коммиссіи, правительство могло принимать на себя посредничество въ дѣлѣ переселенія крестьянъ на владѣльческія земли лишь въ случаѣ, если владѣлецъ изъявитъ со-

гласіе отдать свою землю въ арендное содержаніе переселенцамъ на срокъ отъ 12 до 36 лѣтъ, съ правомъ досрочнаго выкупа ея во всякое время по заранѣе опредѣленной цѣнѣ. Заявленія лицъ, предоставляющихъ свои земли подъ водвореніе переселенцевъ на указанныхъ условіяхъ, должны были разсматриваться въ уѣздныхъ соединенныхъ присутствіяхъ, которыя входили въ предварительное соглашеніе съ владѣльцами относительно главнѣйшихъ основаній найма и выкупа земель. Окончательные договоры объ арендованіи земли составлялись по приходѣ переселенцевъ на мѣсто, и затѣмъ на участокъ налагалось запрещеніе. Въ случаѣ желанія крестьянъ воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ выкупа арендуемой земли, они представляли въ крестьянскія учрежденія постановленный по этому предмету общественный приговоръ и квитанцію мѣстнаго казначейства во взносѣ всей причитающейся за землю покупной суммы.

Переселявшіеся на владѣльческія земли никакими пособіями, по проекту, не пользовались. Желательнымъ признавалось только допущеніе для нихъ 2-хъ-лѣтней льготы отъ платежа подушной подати, считая со дня водворенія. Затѣмъ для всѣхъ вообще переселенцевъ коммиссія полагала установить порядокъ, который облегчалъ бы стѣснительныя условія выхода изъ прежнихъ обществъ, и съ этою цѣлью проектировала отміну представленія приемныхъ приговоровъ отъ обществъ, куда переходили переселенцы, обязательства уплаты состоящихъ на нихъ при увольненіи недоимокъ и оклада текущаго года и, наконецъ, по отношенію къ крестьянамъ-собственникамъ, отміну статей 173 и 174 Пол. о выкупѣ, какъ затрудняющихъ выходъ отдѣльныхъ членовъ требованіемъ ручательства обществъ въ исправномъ взносѣ выкупной ссуды за участокъ увольняемаго.

VIII.

Послѣ канцелярской разработки изложенныхъ предположеній, признано было полезнымъ передать вопросъ на обсужденіе особаго совѣщанія изъ лицъ, близко ознакомленныхъ съ положеніемъ переселенческаго дѣла на мѣстѣ. Совѣщаніе это было создано въ томъ же 1881 г. и извѣстно подъ названіемъ „совѣщанія свѣдущихъ людей“. При разсмотрѣніи упомянутаго проекта, оно въ значительной мѣрѣ разошлось съ заключеніями коммиссіи какъ по основнымъ возрѣніямъ на существо переселенче-

скаго вопроса, такъ и относительно практической постановки дѣла.

Совѣщаніе находило, что дѣйствовавшее доселѣ законодательство о переселеніяхъ предоставляло право перехода на новыя мѣста извѣстнымъ группамъ крестьянъ лишь при условіи послѣдовавшаго на то разрѣшенія правительственной власти и обязательнаго отвода казенной земли подъ поселеніе. Изъ такихъ же основаній исходила и правительственная коммиссія, при обсужденіи настоящаго вопроса. По проекту коммисіи, только для крестьянъ, водворяющихся на частно-владѣльческихъ земляхъ, допускалось свободное переселеніе по паспортамъ, когда непосредственное участіе правительства въ судьбахъ ихъ замѣнялось простымъ посредничествомъ для заключенія сдѣлокъ съ частными землевладѣльцами. Но этотъ видъ переселенія ограниченъ въ своихъ размѣрахъ, и поэтому вся тяжесть вопроса перенесена коммиссіею на переселеніе, совершаемое съ помощью и по указаніямъ правительства, т.-е. на тотъ видъ его, гдѣ вопросъ о переселеніи постоянно смѣшивается съ вопросомъ о водвореніи на казенныхъ земляхъ и понятіе о личной свободѣ крестьянъ—съ представленіемъ объ опежѣ, соотвѣтствовавшей эпохѣ 60-хъ годовъ. Между тѣмъ, переселеніе и водвореніе, хотя имѣютъ ближайшую связь между собою, однако совѣтъ не тождественны и за каждымъ переселяющимся нельзя еще признавать права на отводъ казенной земли, такъ какъ онъ можетъ водвориться и не на казенныхъ земляхъ. Такое смѣшеніе понятій, по мнѣнію совѣщанія, имѣло послѣдствіемъ, что переселеніе, какъ таковое, представляется явленіемъ, не предусмотрѣннымъ закономъ, и остается невыясненнымъ, какъ относиться къ нему: какъ къ дѣйствию дозволенному, терпимому, или какъ прямо противозаконному. Однако переселеніе, умалчиваемое въ законѣ, съ каждымъ годомъ все болѣе разрастается и принимаетъ размѣры, небывалые въ дореформенное время. Очевидно, явленіе это создается условіями самой жизни, и отсутствіе законныхъ нормъ, въ которыя укладывалось бы оно, порождаетъ все болѣшую неурядицу въ жизни. При такомъ положеніи законъ не можетъ хранить долѣе молчаніе, „а долженъ высказаться“ и въ положительномъ для переселенія смыслѣ, такъ какъ всякое воспрепятствіе его „было бы равносильно закрѣпленію крестьянъ къ землѣ“ и, не достигая цѣли, принесло бы существенный вредъ государству какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Но, высказываясь опредѣленно, законъ не можетъ исходить изъ представленія, „что крестьянинъ

лишенъ права располагать собою, что всякое его дѣйствіе становится правомѣрнымъ только по полученіи санкции отъ власти, на которую возложена надъ нимъ опека". Подобное представленіе о крестьянахъ упразднено „Положеніемъ“ 19 февраля, установившимъ начала его личной свободы и снявшимъ тяготѣвшую надъ нимъ опеку. Возстановленіе этой опеки являлось бы поэтому несправедливымъ и, кромѣ того, послужило бы въ ущербъ интересамъ государства, поведя къ значительному сокращенію переселеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не вызывалось бы и особою надобностью, такъ какъ совершающееся нынѣ переселеніе, лишенное всякой правительственной опеки и даже, наоборотъ, оставленное различными стѣсненіями и препятствіями, достаточно показываетъ, что „крестьяне вполне способны безъ всякихъ попечителей и опекуновъ благополучно совершать самыя рискованныя предпріятія, требующія большой отваги и рѣшительности“.

По приведеннымъ соображеніямъ совѣщаніе признавало, что въ основу переселенческаго законодательства должно быть положено признаніе права каждаго лица на переселеніе, но съ такими лишь ограниченіями, чтобы осуществленіе этого права не нарушало правильнаго и свободнаго теченія жизни. Однако, допуская свободу переселеній, оно находило въ то же время, что государство не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ переселенческаго движенія, такъ какъ для него не безразлично, какъ крестьяне будутъ устраиваться на новыхъ мѣстахъ, т. е. съ затрудненіями, когда имъ пришлось бы подолгу бродить въ бесплодныхъ поискахъ осѣлости, или безъ затрудненій, когда это устройство достигалось бы тотчасъ же по приходѣ въ новый край. Поэтому на государствѣ должна лежать обязанность оказывать содѣйствіе всѣмъ переселенцамъ, безотносительно къ ихъ имущественному состоянію и къ избранному ими направленію на тѣ или иныя земли. Съ государственной и экономической точки зрѣнія должно оправдываться переселеніе лицъ всѣхъ состояній и во всѣхъ его видахъ, коль скоро оно возникаетъ изъ потребностей жизни. Для неимущихъ переходъ на новыя мѣста является однимъ изъ наилучшихъ средствъ обезпеченія ихъ быта, а лица состоятельныя представляютъ наиболѣе сильныхъ и надежныхъ колонизаторовъ, устраиваясь въ то же время на мѣстахъ водворенія безъ всякаго пособія отъ казны и оставляя на родинѣ достаточный земельный просторъ, вслѣдствіе уменьшенія спроса на арендную землю, снимаемую ими въ болѣе значительномъ противъ неимущихъ количествѣ.

Но содѣйствіе, по мнѣнію совѣщанія, не можетъ быть обращено въ поощреніе, т.-е. въ прямое вмѣшательство государства въ дѣло переселенія, съ цѣлью искусственнаго усиленія его путемъ установленія особыхъ льготъ. Размѣры движенія опредѣляются потребностями самого населенія, и нѣтъ основанія нарушать это естественное начало, особенно при той крупной цифрѣ переселяющихся, каковой достигло движеніе послѣдняго времени. Поощреніе можетъ быть оправдываемо только исключительными обстоятельствами, какъ необходимо по политическимъ соображеніямъ скорѣйшаго заселенія окраинъ и потребностью въ улучшеніи экономическаго положенія крестьянъ, въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ, при невозможности дать имъ полезное примѣненіе на мѣстѣ. Имѣя въ виду, однако, что обезсильшіе въ хозяйственномъ отношеніи крестьяне часто не въ состояніи предпринять переселеніе на собственные средства, представлялось бы согласнымъ съ государственными пользами оказывать имъ, въ случаѣ надобности, матеріальную помощь. Подобная помощь оправдывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что она выводитъ неимущаго крестьянина изъ обстановки, обуславливающей его бѣдность, и даетъ ему возможность вновь поставить прочно свое хозяйство, чѣмъ обезпечиваетъ исправное выполненіе лежащихъ на немъ повинностей.

Исходя изъ изложенныхъ соображеній, совѣщаніе пришло къ заключенію, что законодательство, касаясь переселенія, съ одной стороны, „какъ факта жизни народной“, и съ другой—„какъ орудія въ рукахъ правительства для достиженія извѣстныхъ государственныхъ цѣлей“, должно распадаться: на а) общій законъ, который, устраняя всѣ существующія нынѣ препятствія къ переселенію, устанавливалъ бы порядокъ правительственнаго содѣйствія всѣмъ переселяющимся на свой счетъ и страхъ, и б) законъ спеціальнй о льготномъ переселеніи, совершаемомъ съ помощью и по указаніямъ правительства, съ цѣлью улучшенія экономическаго быта крестьянъ и для достиженія другихъ государственныхъ цѣлей.

Признавая затѣмъ, что переселеніе представляется полезнымъ для государства только при условіи прочнаго водворенія крестьянъ на новыхъ мѣстахъ, совѣщаніе находило, что такому условію, кромѣ случаевъ приселенія къ существующимъ обществамъ, наиболѣе всего отвѣчаютъ казенныя земли. Но, имѣя въ виду незначительный запасъ этихъ земель въ предѣлахъ Европейской Россіи, оно полагало направлять сюда исключительно лицъ, совершающихъ переселеніе съ пособіемъ отъ правительства, пре-

доставляя всѣмъ остальнымъ водвориться на казенныхъ земляхъ Сибири, Средней Азіи или Закавказья, или на земляхъ частныхъ лицъ и учреждений. При этомъ по отношенію къ частновладѣльческимъ землямъ, въ видахъ прочнаго устройства переселенцевъ, совѣщаніе высказалось за установленіе такихъ правилъ водворенія, которыя ограждали бы новоселовъ „отъ произвола“ владѣльцевъ и „отъ полной экономической зависимости отъ нихъ“.

Обращаясь къ вопросу объ организаціи переселеній на основаніи общаго закона, совѣщаніе находило цѣлесообразнымъ для облегченія и устройства переселенцевъ, снабжать ихъ при выходѣ особымъ „переселенческимъ свидѣтельствомъ“, которое, замѣняя паспортъ и увольнительное свидѣтельство, заключало бы въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія для приписки къ мѣсту новаго водворенія. Выдачу подобнаго свидѣтельства предположено было производить чрезъ волостного старшину, на сроки не свыше двухъ лѣтъ, и подъ условіемъ выполненія требованій ст. 130 „Общаго Положенія о крестьянахъ“, кромѣ обязательства уплаты недоимокъ по казеннымъ податямъ и повинностямъ, которыя могли зачислиться долгомъ на переселенца и занисываться въ этомъ случаѣ въ выдаваемое ему свидѣтельство. Душевой надѣлъ переселяющагося сдавался въ общество, обязывавшееся платить за землю всѣ причитающіеся сборы, и оставался въ пользованіи его, впредь до перечисленія однообщественника или возвращенія его обратно, когда онъ снова вступалъ въ прежнія права по владѣнію мірскою землею.

Содѣйствіе лицамъ, предпринявшимъ переселеніе на свой счетъ и страхъ, должно было выражаться, по мысли совѣщанія, въ освобожденіи отъ сборовъ на переправахъ, мостахъ и шоссейныхъ дорогахъ, въ устраненіи случайныхъ препятствій при передвиженіи, въ сообщеніи свѣдѣній о предстоящемъ пути и объ условіяхъ водворенія на новыхъ мѣстахъ и въ подаваніи помощи при заболѣваніяхъ. Обязанности по оказанію такого содѣйствія возлагались на правительственныя, земскія и городскія учрежденія.

Подводя подъ понятіе переселенія всѣ случаи выхода крестьянъ изъ общества и устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ, совѣщаніе проектировало рядъ правилъ для водворенія переселенцевъ, какъ на земляхъ различныхъ наименованій, такъ въ городскихъ и сельскихъ обществахъ. По проекту, водвореніе считалось законнымъ, если оно производилось на основаніи приемнаго приговора городского, сельскаго или станичнаго общества, разрѣшенія, даннаго казною или кабинетомъ на занятіе свободной земли, или особаго акта, дозволяющаго устройство на землѣ

частнаго лица или учрежденія или утверждающаго за переселенцемъ право собственности на земельный участокъ. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ переселенцы могли водворяться путемъ поселенія къ существующимъ городамъ и селеніямъ, а также устройства отдѣльныхъ хуторовъ, поселковъ и деревень, съ причисленіемъ къ мѣстному обществу или волости, или съ образованіемъ особаго общественнаго управленія, если селеніе состояло не менѣе, какъ изъ сорока наличныхъ душъ мужского пола. Лицамъ, поселившимся законнымъ порядкомъ, предоставлялась трехлѣтняя льгота отъ платежа казенныхъ сборовъ и зачисленныхъ по свидѣтельству недомокъ прежнихъ лѣтъ, изъ которыхъ послѣднія взимались съ разсрочкою въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ.

Водвореніе на казенныхъ земляхъ допускалось только въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи и не иначе, какъ съ разрѣшенія подлежащей власти, вѣдающей землями, и по ходатайству самихъ крестьянъ, указывавшихъ въ прошеніяхъ мѣсто будущаго своего поселенія. Съ этою цѣлью казенныя земли приводились въ извѣстность и годныя изъ нихъ нарѣзались участками, не свыше какъ на 500 душъ, и предоставлялись переселенцамъ съ отводомъ надѣла, размѣръ котораго въ Средней Азии и Закавказскомъ краѣ опредѣлялся по соглашенію министерства государственныхъ имуществъ съ главнымъ начальствомъ края, а въ Западной и Восточной Сибири — по 15 дес. на наличную душу мужского пола и сверхъ того по 6 дес. на прибылое и ссыльное населеніе. Переселенцы облагались государственною оброчною податью и не могли выкупать и отчуждать надѣльную землю, составлявшую „неотчуждаемую собственность мірскаго общества“. Такой же порядокъ устанавливался для водворенія на земляхъ Кабинета Его Величества, съ тѣмъ лишь различіемъ, что оброчная подать отчислялась въ доходъ Кабинета.

Водвореніе на казачьихъ земляхъ могло производиться только путемъ приписки къ мѣстнымъ обществамъ крестьянъ-собственниковъ или зачисленія по приемному приговору въ казачье сословіе, или же, наконецъ, устройства на земляхъ частныхъ лицъ, съ припискою къ ближайшей крестьянской волости.

Водвореніе на земляхъ частныхъ лицъ и учреждений допускалось въ предѣлахъ губерній оренбургской, уфимской, ставропольской и въ областяхъ казачьихъ войскъ, а въ случаѣ оказавшейся надобности, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Переселенцы считались законноводворившимися, если приобрѣли въ собственность

участокъ земли не менѣе вышлага, по мѣстности, душевого надѣла на каждую наличную мужского пола душу или сняли въ аренду такой же участокъ на девятилѣтній срокъ, съ правомъ поселенія и выкупа его въ этотъ срокъ. Для такого выкупа они обязывались внести въ мѣстное казначейство всю причитающуюся за землю сумму или часть ея, если съ владѣльцемъ вошли въ соглашеніе относительно разсрочки уплаты денегъ. Право на выкупъ арендуемой земли прекращалось, за истеченіемъ девятилѣтняго срока. Въ случаѣ водворенія переселенцевъ безъ соблюденія установленныхъ правилъ, если они прожили осѣдло на арендуемой землѣ болѣе двухъ лѣтъ и къ нимъ не было предъявлено владѣльцемъ требованій о выселеніи, какъ къ самовольно поселившимся, за ними признавалось право на аренду и выкупъ земли.

По вопросу о переселеніи, предпринимаемомъ съ содѣйствіемъ правительства, совѣщаніе находило, что означенное переселеніе является особенно необходимымъ для улучшенія быта крестьянъ, экономическое положеніе которыхъ при малоземельи пришло въ упадокъ, вслѣдствіе высокихъ арендныхъ цѣвъ на сосѣднія земли и отсутствія мѣстныхъ и отхожихъ заработковъ. Но, считая толкованіе, данное правительственною комиссіею понятію о малоземельи, слишкомъ узкимъ, оно полагало наиболѣе цѣлесообразнымъ воздержаться отъ опредѣленія въ законодательномъ порядкѣ нормъ надѣла, какъ основаній для разрѣшенія и содѣйствія переселенію. Для водворенія неимущихъ переселенцевъ совѣщаніемъ предполагалось назначать казенныя земли въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ центральнымъ, густонаселеннымъ губерніямъ, съ нарѣзкою участковъ примѣнительно къ среднему надѣлу окрестныхъ государственныхъ крестьянъ. Водворившимся проектировалось предоставить льготу въ податяхъ, одинаковую съ установленною для государственныхъ крестьянъ, при переселеніи ихъ въ порядкѣ поземельнаго устройства, и заключающуюся въ освобожденіи въ теченіе трехъ первыхъ лѣтъ отъ платежа всѣхъ казенныхъ сборовъ и отъ взноса половины этихъ сборовъ въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ. Въ случаѣ надобности, признано было необходимымъ выдавать нуждающимся семьямъ денежныя пособія на передвиженіе и устройство на новыхъ мѣстахъ, въ размѣрѣ, соображаемомъ съ дальностью разстоянія участковъ и хозяйственными условіями ихъ. Выдачу означенныхъ пособій совѣщаніе не находило возможнымъ, однако, ставить въ зависимость отъ усмотрѣнія земствъ или сельскихъ обществъ. По мнѣнію совѣщанія, расходы по оказанію денежной помощи переселенцамъ должны всецѣло отно-

ситься на средства казны, такъ какъ переселеніе имѣетъ не мѣстное, а обще-государственное значеніе и, независимо отъ устройства нуждающихся въ землѣ лицъ, направлено также къ поднятію благосостоянія остающихся въ прежнихъ обществахъ крестьянъ, съ каковою цѣлью, между прочимъ, было бы несогласно установленіе для послѣднихъ обязательнаго сбора въ пользу выходящихъ односельчанъ. Размѣромъ денежныхъ ассигнованій и количествомъ предназначаемыхъ подъ водвореніе земельныхъ участковъ должны опредѣляться и размѣры переселенія съ пособіемъ отъ правительства.

Находя предположенную организацію переселеній связанною главнымъ образомъ съ наръзкою и отводомъ казенныхъ земель, совѣщаніе признавало необходимымъ сосредоточить это дѣло въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, возложивъ на него обязанности по проектированной правительственною комиссіею разверсткѣ участковъ между губерніями и назначенію ихъ для переселенцевъ. Ближайшее завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ въ губерніяхъ выхода крестьянъ оно полагало поручить губернскимъ земскимъ управамъ, какъ учрежденіямъ постояннымъ и сосредоточивающимъ въ себѣ всѣ свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи населенія, а въ уѣздахъ — уѣзднымъ земскимъ управамъ, съ участіемъ одного изъ членовъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и съ разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ предварительныхъ вопросовъ въ соединенныхъ засѣданіяхъ управы и присутствія. Въ видахъ достиженія большаго единства въ дѣйствіяхъ уѣздныхъ учреждений и съ цѣлью оказанія матеріальной помощи переселенцамъ и содѣйствія при передвиженіи, совѣщаніе находило полезнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ командировать въ означенныя губерніи особыхъ временныхъ уполномоченныхъ отъ министерства государственныхъ имуществъ.

Общее завѣдываніе дѣломъ устройства переселенцевъ въ губерніяхъ водворенія предполагалось возложить, при участіи особыхъ членовъ отъ упомянутаго министерства, на губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, какъ несущія близкія уже обязанности по припискѣ и образованію изъ переселенцевъ новыхъ сельскихъ обществъ. Наконецъ, въ конечныхъ пунктахъ переселенческихъ трактовъ предположено было учредить конторы, по образцу сызранской, для сообщенія свѣдѣній объ участкахъ земли и объ условіяхъ поселенія на нихъ и для оказанія медицинскон помощи проходящимъ переселенцамъ.

Въ заключеніе, совѣщаніе высказалось за полезность обнародованія закона о переселеніяхъ, съ цѣлью ослабить броженіе,

которое можетъ быть вызвано въ населеніи превратнымъ толкованіемъ его, но съ приуроченіемъ времени этого обнародованія къ осеннимъ мѣсяцамъ или къ рѣшенной правительствомъ отмѣнѣ подушной подати или къ пониженію выкупныхъ платежей, когда у многихъ лицъ отпало бы желаніе подняться на переселеніе. Такая отсрочка, по мнѣнію совѣщанія, оправдывается и необходимостью принятія со стороны министерства государственныхъ имуществъ подготовительныхъ мѣръ, вызываемыхъ закономъ о переселеніи.

Всѣ вышеприведенныя предположенія совѣщанія, однако, не составляли единогласнаго сужденія всѣхъ членовъ его, а лишь мнѣніе большинства. По окончаніи занятій въ 1882 г., совѣщаніе представило три проекта правилъ о переселеніи, сообразно тремъ группамъ, на которыя распалось оно, при обсужденіи разсматриваемаго вопроса. Всѣ члены совѣщанія единогласно признавали только необходимость изданія правилъ, регулирующихъ крестьянскія переселенія, но въ отношеніи подробностей этихъ правилъ расходились не только съ проектомъ правительственной комиссіи, но и въ мнѣніяхъ между собой. Разногласіе это касалось даже самыхъ основныхъ сторонъ дѣла, какъ вопроса о существѣ льготъ для переселяющихся, о правѣ водворенія различныхъ категорій крестьянъ на казенныхъ земляхъ, о порядкѣ опредѣленія этого права и т. п. Въ виду этого выработанныя совѣщаніемъ свѣдущихъ людей предположенія были переданы на заключеніе губернаторовъ.

IX.

По полученіи отзывовъ и по сношеніи съ подлежащими министерствами, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Толстой представилъ Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ о главнѣйшихъ началахъ для положенія ихъ въ основаніе переселенческаго закона.

Въ докладѣ этомъ графъ Толстой указывалъ, что потребность выселенія части крестьянъ въ другія мѣстности представляется настоятельною лишь въ двѣнадцати главнымъ образомъ среднихъ, частью южныхъ и средневожскихъ губерніяхъ. Что касается прочихъ губерній, то въ однѣхъ изъ нихъ, за достаточнымъ количествомъ надѣльной земли, потребности въ выселеніи не замѣчается, а въ другихъ, при обиліи свободныхъ земель, переселеніе нуждающихся въ землѣ лицъ можетъ быть замѣняемо разселеніемъ въ предѣлахъ тѣхъ же губерній. То же раз-

селеніе является желательнымъ и въ западныхъ губерніяхъ Россіи, откуда выселеніе не можетъ быть допущено по политическимъ соображеніямъ, чтобы „не дать усилиться въ тѣхъ мѣстностяхъ враждебнымъ Россіи элементамъ“. Далѣе министръ внутреннихъ дѣлъ заявлялъ, что обнародованіе общаго закона о переселеніяхъ, которымъ предоставлялись бы крестьянамъ различныя льготы, неминуемо вызоветъ среди населенія сильное броженіе и „подниметъ на переселеніе массы крестьянъ, вовсе не нуждающихся въ томъ“, вслѣдствіе чего такое движеніе причинитъ администраціи „чрезвычайныя затрудненія“, тѣмъ болѣе, что правительство не располагаетъ еще достаточнымъ запасомъ заготовленныхъ и годныхъ для поселенія участковъ казенныхъ земель.

Признавая при такихъ условіяхъ допущеніе свободы переселенія не только „вреднымъ, но и прямо невозможнымъ“, графъ Толстой наиболѣе цѣлесообразнымъ полагалъ разрѣшать выходъ крестьянъ на новыя мѣста лишь въ мѣрѣ дѣйствительно назрѣвшей потребности, и для этого проектировалъ принять слѣдующія мѣры.

Въ губерніяхъ Европейской Россіи всѣ освобождающіяся казенныя земли, которымъ не будетъ дано другого назначенія, обращать подъ водвореніе переселенцевъ исключительно изъ наиболѣе нуждающихся крестьянъ, по выбору администраціи. Означеннымъ переселенцамъ предоставить „возможно широкія“ льготы въ денежныхъ платежахъ и облегченія при передвиженіи и отбываніи воинской повинности, а наиболѣе нуждающимся выдавать денежные ссуды на путевые расходы и первоначальное обзаведеніе, съ разсрочкою уплаты этихъ ссудъ на десять лѣтъ и съ отпускомъ на этотъ предметъ ежегодно потребныхъ суммъ изъ средствъ государственнаго казначейства.

Относительно Западной Сибири предоставить министру государственныхъ имуществъ принять мѣры къ приведенію въ извѣстность годныхъ для водворенія земель и къ образованію изъ нихъ такого количества участковъ, которое могло бы „удовлетворить постоянно возрастающей на нихъ потребности“. Для переселяющихся въ Сибирь допустить извѣстныя льготы, опредѣленіе которыхъ, за невозможностью выяснить предварительно существо ихъ, предоставить соглашенію подлежащихъ министерствъ, въ зависимости отъ ходатайства мѣстной власти. Для содѣйствія переселенцамъ, направляющимся въ Сибирь, образовывать на главныхъ путяхъ переселенческаго движенія, а также въ гг. Томскѣ и Тобольскѣ, особыя переселенческія конторы, сна-

буженныя для исполненія возлагаемыхъ на нихъ обязанностей денежными средствами.

Для единообразнаго направленія переселенческаго дѣла и для принятія всѣхъ необходимыхъ въ этомъ дѣлѣ мѣръ образовать при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особое учрежденіе изъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ, съ предоставленіемъ этому учрежденію болѣе или менѣе широкихъ исполнительныхъ правъ. Завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ на мѣстахъ возложить на учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, кромѣ губерній, гдѣ представится надобность въ образованіи особыхъ учреждений. Для упорядоченія движенія переселенцевъ предоставить администраціи право воспрещать выдачу паспортовъ и распродажу крестьянскаго имущества и останавливать переходъ на новыя мѣста во всѣхъ случаяхъ, когда она убѣдится, что „переселеніе предпринимается недостаточно осмотрительно, безъ необходимыхъ средствъ и ясно намѣченной цѣли“.

26 апрѣля 1884 года повелѣно было разсмотрѣть докладъ этотъ въ особомъ совѣщаніи изъ министровъ: императорскаго двора, военнаго, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ и путей сообщенія.

Вполнѣ раздѣляя основныя взгляды, выраженные во всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Толстого, совѣщаніе нашло лишь необходимымъ внести въ него нѣкоторыя исправленія, исключивъ слова: „возможно широкія“, при опредѣленіи льготъ, даруемыхъ переселенцамъ, и „на десять лѣтъ“, предположенныхъ срокомъ уплаты выдаваемыхъ ссудъ. Сверхъ того, признано было болѣе цѣлесообразнымъ, вмѣсто учрежденія переселенческихъ конторъ, командировать на мѣста особыхъ довѣренныхъ лицъ, снабженныхъ надлежащими инструкціями, и общее завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ возложить на министерство внутреннихъ дѣлъ, при участіи представителей отъ министерствъ финансовъ и государственныхъ имуществъ, не учреждая для этого особаго центральнаго органа.

17 мая 1884 года приведенныя общія положенія были Высочайше одобрены, какъ планъ дѣйствій подлежащихъ министерствъ, причемъ было выражено, чтобы переселенія были всецѣло направляемы правительствомъ.

Л. Чарушинъ.

ПЛАМЕННЫЯ ДУШИ

РОМАНЪ.

Flammen. Roman von Wilhelm Hegeler. Berlin, 1905.

II *).

Художникъ Гебгардъ, какъ было условлено, явился въ назначенный день къ Грабаусу, чтобы вмѣстѣ отправиться на журфиксъ, гдѣ имъ предстояло встрѣтиться съ госпожею Маріею-Луизою Платенъ.

— Какъ фамилія хозяйки?—спросилъ Грабаусъ художника.

— Графиня Борке. Предупреждаю, что большинство людей, собирающихся у нея, немножко помѣшаны, такъ что ты не удивляйся.

Электрическій трамвай останавливалась почти у самага дома графини, и черезъ минуту они уже были у цѣли. На вѣшалкѣ въ узкой передней висѣло уже множество пальто, цилиндровъ и дамскихъ шляпъ. Когда они вошли, Гебгардъ сейчасъ же подвелъ Грабауса къ хозяевамъ, которые стояли въ первой комнатѣ, представилъ его и затѣмъ, обвинявшись съ графомъ нѣсколькими словами, внезапно исчезъ. Слегка разсердившись на его безцеремонность, Грабаусъ оглянулся на исчезнувшаго проводника, и почти не слышалъ вопроса графини, когда она

*) См. выше: июнь, стр. 637.

очень любезно, но нѣсколько боязливо подвела его къ одной изъ группъ.

— Вы позволите мнѣ познакомить васъ кое съ кѣмъ?—спросила она и назвала нѣсколько именъ, но такъ неразборчиво, что Грабаусъ ни одного не разслышалъ.

— Вы уже часто бывали на нашихъ вечерахъ?—спросила его дама, съ которой его только-что познакомили.

— Нѣтъ, сегодня первый разъ. Я уже шесть лѣтъ какъ не былъ въ Берлинѣ.

— Эти вечера у графини для меня настоящій праздникъ духа. Тутъ можно встрѣтить столь рѣдкое сочетаніе интеллигентности и красоты, граціи и почтенности.

Нѣсколько удивленный—не столько самими словами, сколько тѣмъ тономъ, какимъ они были сказаны,—Грабаусъ посмотрѣлъ въ лицо своей собесѣдницы. По своей внѣшности она не могла претендовать ни на одно изъ названныхъ ею качествъ. Съ виду это была или старая дѣва, или несчастная въ замужествѣ женщина. На ея неуклюжемъ, жалкомъ тѣлѣ висѣло платье изъ легкаго чернаго шолка, составленное изъ безчисленныхъ складокъ и сборокъ. Самонадѣянная, слащавая и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливая улыбка казалась непріятной гримасой на ея очень обыденномъ, грязновато-румяномъ лицѣ. При этомъ ея тусклые глаза съ вызывающимъ кокетствомъ разглядывали его въ лорнетъ.

— Мы слушали здѣсь чтеніе самыхъ знаменитыхъ представителей искусства и науки,—продолжала она.—Можетъ быть, и вы артистъ?

— Нѣтъ. Но не будете ли вы любезны сообщить, кого мы сейчасъ услышимъ!

— Сегодня баронъ фонъ-Толь будетъ читать на тему: „Ницше, великій пробудитель сердецъ“. Вы вѣдь знаете барона фонъ-Толя?

— Не знаю.

— Онъ очень извѣстенъ въ высшемъ обществѣ. Необыкновеннаго ума человѣкъ—и притомъ чрезвычайно изящень.—Но вотъ онъ, посмотрите.

Она указала на высокаго, довольно полнаго господина съ круглымъ лицомъ. На нѣсколько сдавленномъ носу его торчало пенсне безъ оправы. Сверкающія стекла, огромный бѣлый воротникъ, пестрый галстухъ и къ тому еще черные усики, причесанные вверхъ волосокъ къ волоску,—все это настолько бросалось въ глаза, что остальные черты лица казались какъ бы пустымъ фономъ для всѣхъ этихъ достопримѣчательностей. Ба-

ронъ прислонился къ двери и, постукивая золотымъ карандашомъ объ зубы, покровительственно смотрѣлъ сверху внизъ на стоявшаго передъ нимъ стараго господина.

— А кто тотъ, съ кѣмъ онъ говоритъ?—спросилъ Грабаусъ.

— Это графъ Страввистъ, родственникъ знаменитаго поэта. Онъ славится своей благотворительностью—никогда не пройдетъ мимо нищаго, не подавъ ему.

Въ эту минуту къ нимъ подошла хромая, очень немолодая барышня съ осунувшимся, болѣзненно-блѣднымъ лицомъ, дернула собесѣдницу Грабауса за рукавъ и сказала:

— Здравствуйте, Пшють.

— Здравствуйте, милая, какъ поживаете?

— Благодарю. Я читала вашу послѣднюю статью. Страшно умно написано.

— Вы находите? Позвольте вамъ представить доктора—простите, я не разслышала вашей фамиліи,—обратилась она къ Грабаусу.

Когда Грабаусъ назвалъ себя, барышня опять прошла, прихрамывая, дальше, и Грабаусъ спросилъ, кто она такая.

— Это замѣчательно интересный человекъ. Представьте, она уже двадцать лѣтъ больна злѣйшей чахоткой. Всѣ врачи давно отказались отъ нея, а все-таки она жива, бодра, весела и восхищаетъ всѣхъ своей любезностью.

— Ее зовутъ „трупомъ въ отпуску“, — прибавилъ вполголоса толстый, гладко выбритый актеръ, который съ улыбкой поклонился, проходя мимо нихъ въ сосѣдную комнату.

— Какъ вамъ не стыдно!—крикнула ему вслѣдъ Пшють. — Его-то вы навѣрное знаете—это нашъ знаменитый актеръ на характерныя роли. Онъ недавно перешелъ въ христіанство по убѣжденію. Графиня была его крестной матерью. На рѣдкость добрый человекъ. Но я хотѣла разсказать вамъ про фрейлейнъ Палдову, — представьте себѣ, она продолжаетъ жить только благодаря своей магнитической силѣ. Иногда она лежитъ по цѣлымъ днямъ какъ въ столбнякѣ, съ запрокинутымъ языкомъ, не ѣстъ, не пьетъ и не дышетъ. А послѣ того она иногда начинаетъ пророчествовать. А васъ уже представили молодой графинѣ?

— Нѣтъ еще.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте это сдѣлать мнѣ. Но, простите мое невѣжество, — невозможно знать всѣхъ знаменитостей, — на какомъ поприщѣ вы прославились?

— Я приватъ-доцентъ философіи въ Іевѣ, — но совершенно не знаменитость.

— Ваше имя, однако, мнѣ такъ знакомо. Я вѣроятно гдѣ-нибудь читала о васъ. А вотъ и графиня.

Въ это время молодая графиня, худенькая молодая дѣвушка, съ болѣзненнымъ лицомъ и красивыми волосами, подходила къ матери. Направляясь къ ней, Грабаусъ заглянулъ въ большую комнату рядомъ, и тамъ замѣтилъ въ углу Гебгарда; онъ наклонился и говорилъ съ кѣмъ-то невидимымъ изъ-за стоявшихъ вокругъ людей. Около него стоялъ пожилой господинъ съ сѣдыми волосами и черными усами, очень стройный, съ мужественнымъ и въ то же время добрымъ лицомъ. Это былъ первый человекъ, который показался интереснымъ Грабаусу среди всѣхъ присутствующихъ. Тѣмъ временемъ они приблизились къ молодой графинѣ.

— Позвольте вамъ представить, дорогая графиня, доктора Гарауса—знаменитаго профессора изъ Иены,—сказала Пшютъ.

Грабаусъ поклонился и прибавилъ:

— Фрейлейнъ Пшютъ ошиблась. Меня зовутъ не Гараусъ, а Грабаусъ. Я вовсе не знаменитый профессоръ, а самый обыкновенный приватъ-доцентъ.

— Вы изъ Иены?—спросила молодая графиня съ застывшимъ выраженіемъ лица.—Значить, вы живете въ одномъ городѣ съ моимъ смертельнымъ врагомъ—профессоромъ Геккелемъ?

— Геккель? Чтò онъ вамъ сдѣлалъ дурного?

— Онъ пишетъ отвратительныя книги—онъ невѣжественный и дерзкій человекъ; я его ненавижу.

Она произнесла это чрезвычайно спокойно и заложила руки за спину. Помолчавъ двѣ, три секунды и не давая времени Грабаусу придти въ себя отъ удивленія, она продолжала:

— Не удивляйтесь, господинъ докторъ, моей односложности и дикости. Я все еще не могу привыкнуть къ западной культурѣ.

— А гдѣ же вы прежде жили, графиня?

— Я два года прожила на Цейлонѣ—отчасти для поправки здоровья, отчасти для изученія буддизма и теософіи. Боже, какъ тамъ хорошо, среди благородной тишины храмовъ!—Вамъ уже дали чаю?

Она подошла къ столу, на которомъ стояли чашки съ чаемъ и корзинки съ печеньемъ.

— Это настоящій цейлонскій чай—единственное, чтò мнѣ здѣсь кажется роднымъ.—Вамъ дать рому или молока?

— Нѣтъ, только сахару.

Грабаусъ обратилъ вниманіе на то, что какъ только онъ хотѣлъ взять изъ рукъ молодой дѣвушки чашку чаю, она быстро

поставила чашку на столъ. Въ это время къ ней приблизился одинъ изъ гостей, и она отошла, разговаривая съ нимъ. Грабаусъ едва успѣлъ отпить глотокъ чаю, какъ къ нему снова подскочила Пшютъ и спросила.

— Ну, что, вы очарованы графиней? Не правда ли, она замѣчательный человекъ? Замѣтили вы ея руки?

— Она ихъ всегда держитъ за спиной.

— Вы это замѣтили? Какой вы наблюдательный! Она никому—даже родителям—не даетъ руки, — развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ. Дѣло въ томъ, что изъ рукъ ея исходятъ магнитическіе лучи. Она можетъ исцѣлять ими.

— Да неужели? — сказалъ Грабаусъ, придя въ дурное настроеніе отъ столькихъ чудесъ.

— Клянусь вамъ. Я сама это испытала. Я пришла сюда со страшной головной болью, и нѣсколько самыхъ слабыхъ пассовъ совершенно излечили меня. Но каждый разъ, когда графиня исцѣляетъ кого-нибудь, она страшно слабѣетъ. Говорила она вамъ о Цейлонѣ? Ее туда послали—она вѣдь совсѣмъ, совсѣмъ больна. Но при этомъ она—поразительный человекъ. Пойдемте, сядемъ впереди.

Въ это время раздался слабый звукъ колокольчика, и всѣ двинулись впередъ. Только нѣсколько стариковъ расположились поудобнѣе въ креслахъ въ первой комнатѣ. Грабаусъ, волей-неволей, сѣлъ рядомъ съ Пшютъ, на одномъ изъ стоявшихъ полукругомъ плетеныхъ стульевъ.

На маленькой до смѣшного каедрѣ стояла графиня и озиралась вокругъ себя съ застѣнчивой улыбкой; отъ времени до времени она звонила въ маленькій колокольчикъ, точно надѣясь, что это положить конецъ шопоту и передвиганію стульевъ. Когда наконецъ всѣ сѣли, она сказала:

— Я объявляю нашъ сегодняшній вечеръ — или, вѣрнѣе, имѣя въ виду, что собираемся днемъ, — наше сегодняшнее собраніе открытымъ, и передаю слово — ахъ, нѣтъ, я должна еще что-то объявить.

Она сообщила, что черезъ нѣсколько дней состоится концертъ одного слѣпого органиста при участіи нѣсколькихъ знакомыхъ обществу мужчинъ и дамъ, и выразила надежду, что всѣ посѣтятъ этотъ концертъ, на который можно у нея получить билеты. Затѣмъ, она еще дала отчетъ о прошедшемъ четвергѣ, выразила увѣренность, что всѣ вынесли изъ тогдашняго собранія много отраднхъ впечатлѣній, и наконецъ — передала слово барону фонъ-Толю.

Когда она кончила, всѣ опять задвигали стульями. Пшютъ все время совершенно безцеремонно болтала со своимъ сосѣдомъ и показывала ему разныхъ знаменитостей. Она была очень щедра въ своемъ распредѣленіи лавровъ, и каждый разъ удивлялась тому, что Грабаусъ не знаетъ называемыхъ ею именъ.

— Взгляните туда, позади,—тамъ сидитъ красавица фрау Платенъ. Находите вы, что она дѣйствительно такъ красива? Вонъ тамъ въ углу, рядомъ съ господиномъ Гебгардомъ.

Грабаусъ могъ только очень смутно разглядѣть сидѣвшую на указанномъ мѣстѣ женщину: часть ея лица скрывалась широкими полями шляпы.—Марія-Луиза, Марія-Луиза!—прозвучало въ немъ, какъ отголосокъ вчерашняго дня, но уже замирающимъ, потерявшимъ волшебную силу тономъ. Онъ поглядѣлъ въ уголъ съ почти холоднымъ любопытствомъ.

— Красивы у нея собственно только глаза, — шептала Пшютъ.—Или, можетъ быть, вамъ нравятся такія лица?

Грабаусъ только нахмурилъ лобъ въ отвѣтъ, и указалъ глазами на барона; взглянувъ въ послѣдній разъ въ зеркало и поправивъ на галстухѣ золотую булавку, изображавшую черепъ, лекторъ вошелъ на кафедру. Онъ небрежно облокотился рукой на нее, вынулъ карандашъ изъ кармана, поглядѣлъ на него, какъ бы ища вдохновенія, потомъ вдругъ сталъ выпаливать цѣлые потоки словъ.

Въ высшей степени раздраженный всѣмъ видѣннымъ, Грабаусъ сталъ осматривать общество. Всѣ эти люди вокругъ него были заняты исключительно собой, тѣмъ чтобы сѣсть поудобнѣе, чтобы изобразить на лицѣ глубокомысліе или заманить кого-нибудь кокетствомъ. Никогда еще онъ не наблюдалъ такого яснаго отраженія внутренней лживости на лицахъ и въ движеніяхъ, какъ на этотъ разъ. „Что это за люди?—думалъ онъ съ истиннымъ возмущеніемъ.—Ничего въ нихъ нѣтъ подлиннаго. Даже ихъ глупое увлеченіе, ихъ бессмысленная вѣра въ чудеса—напускная“. Онъ взглянулъ на барона, который, повидимому, хотѣлъ изобразить изъ себя не оратора, а *causeur*'а. Онъ дѣлалъ видъ, что импровизируетъ, и потому нарочно колебался, какъ бы подыскивалъ слова, даже слегка заикался,—хотя для Грабауса не было сомнѣнія въ томъ, что онъ знаетъ каждое слово своего доклада наизусть. При этомъ онъ каждую фразу начиналъ съ „я“ и продолжалъ съ „Ницше“. Все, что онъ говорилъ, было ни умно ни глупо. Но даже еслибы онъ говорилъ самыя поразительныя вещи, изъ его суетныхъ устъ и Платоновская мудрость звучала бы обезьяничаньемъ.

„Господи!—подумаль Грабаусъ съ возрастающимъ гнѣвомъ,—и вотъ ради чего Ницше всю свою жизнь избѣгалъ людей. Вотъ къ чему сводятся безсмертіе и слава! Сдѣлаться достояніемъ умничающихъ фатовъ—вотъ участь самыхъ великихъ людей. Но нѣтъ, это вѣдь только карикатуры. Настоящіе люди не здѣсь“.

Налетѣвшій порывъ вѣтра прошумѣлъ у окна и, улетѣвъ, унесъ съ собой мысли Грабауса. Ему мучительно захотѣлось очутиться въ лѣсу, вздохнуть на просторѣ полной грудью и пометать объ ожидавшемъ его новомъ дѣлѣ. Еслибы изъ этого что-нибудь вышло, еслибы ему дѣйствительно дали каедрю въ польскомъ университетѣ? Стать нравственнымъ завоевателемъ враждебно настроенной націи—вотъ это истинная радость! „Еслибы это осуществилось, я извѣдалъ бы величайшее счастье на землѣ.—Да, она, можетъ быть, дѣйствительно красива,—промелькнуло у него вдругъ въ головѣ, когда взглядъ его упалъ на тонкій профиль фрау Платенъ,—но какое мнѣ дѣло до красоты? Любовь, женщины—пусть этимъ развлекаются люди, у которыхъ ничего другого нѣтъ въ жизни. Она, дѣйствительно, красива. Марія-Луиза, Марія-Луиза! Но какая при этомъ кокетка, какъ медленно она стягиваетъ шведскую перчатку и гладитъ свою бѣлую ручку. Все-таки моя жена лучше ихъ всѣхъ. Она, по крайней мѣрѣ, откровенна и не ломается. Зарабатывай деньги, доставай хлѣбъ и платья—больше ничего ей не нужно. Ну, да теперь можно надѣяться, что обстоятельства ихъ будутъ хороши.—Теперь дѣти идутъ спать. Малютка молится обо мнѣ. А какъ было бы хорошо сидѣть теперь дома и ѣсть на ужинъ картофель собственной посадки!..“

Баронъ закончилъ свой короткій докладъ, и по общему восторгу можно было бы подумать, что всѣ присутствующіе не только впервые узнали отъ него о Ницше, но и что слова его были для всѣхъ откровеніемъ новой истины. Дамы, которыя все время разсѣянно слушали, занятая кокетничаньемъ, теперь бѣшено аплодировали. Нѣкоторыя повскакали съ мѣстъ отъ чрезмѣрнаго возбужденія и окружили барона. Даже въ сосѣдней комнатѣ проснулись спавшіе во время доклада старички и тоже стали аплодировать. Кругъ людей вокругъ барона все увеличивался. Пшютъ стояла въ первомъ ряду, но и самые отдаленные единодушно хвалили докладчика.

Оставшись вдругъ одинъ среди пустоты, такъ какъ всѣ устремились къ барону, Грабаусъ подошелъ къ художнику, который остался въ своемъ углу съ фрау Платенъ и нѣсколькими незнакомыми Грабаусу людьми.

— А вѣдь онъ замѣчательно читаль, — сказалъ Гебгардъ. — Такая манера чтенія подѣ статью любому профессору.

— Хороша похвала, нечего сказать, — возразилъ Грабаусъ.

— Во всякомъ случаѣ мы узнали еще кое-что новаго. Я уже такъ много слышалъ чтеній и разсужденій о Ницше, что никогда не могъ собраться читать его самого. Но позвольте, фрау Платенъ, представить вамъ моего друга, доктора Грабауса.

Грабаусъ поклонился Марию-Луизѣ, не поглядѣвъ на нее болѣе внимательно. Потомъ его познакомили еще съ нѣсколькими господами, въ томъ числѣ съ тѣмъ, который уже раньше обратилъ на себя его вниманіе своей привлекательной наружностью; это былъ майоръ, фамилію котораго онъ не разслышалъ.

Оставшись опять одинъ, онъ сталъ внимательно разглядывать Марию-Луизу. На ней была шляпа съ широкими полями, украшенная страусовыми перьями. Бархатный лифъ оранжеваго цвѣта былъ покрытъ тяжелымъ желтоватымъ кружевомъ, еще болѣе смягчавшимъ мягкой тонъ бархата — цвѣта осенней листвы. Черное полковое платье, падавшее широкими трубчатыми складками, придавало ей стройной фигурѣ граціозную медлительность движеній. Весь этотъ туалетъ произвелъ на Грабауса только впечатлѣніе чего-то темнаго и свѣтлаго, блѣдно-золотистаго, очень красиваго и драгоцѣннаго. Онъ только сразу обратилъ вниманіе, хотя тоже вскользь, что она держится очень прямо и даже слегка выгибается назадъ. Такимъ образомъ она, хотя и не была выше ростомъ, чѣмъ Гебгардъ, все-же смотрѣла на него нѣсколько сверху внизъ и какъ бы ограждалась отъ него. Но выраженіе ея при этомъ не было высокомернымъ. Напротивъ того, у нея было очень открытое лицо и живые, блестящіе глаза. Грабаусъ чувствовалъ, глядя на нее, прежде всего, крайнее изумленіе — до того ея красота была другой, чѣмъ онъ ожидалъ. Въ ней не было ничего ослѣпительнаго или поражающаго. Красота лица создавалась прежде всего гармоніей чертъ, ихъ одухотворенной живостью, которая въ свою очередь была порождена глубокой тихой замѣнутостью. Грабаусу казалось очаровательнымъ это соединеніе естественности и унаслѣдованной, бессознательно проявлявшейся старой культуры. Въ общемъ она казалась ему болѣе обаятельной, нежели красивой.

Онъ еще внутренне подыскивалъ окончательное опредѣленіе для ея красоты, когда майоръ, имени котораго онъ не разслышалъ, обратился къ нему и сказалъ:

— Я преклоняюсь передъ всякимъ, кто умѣетъ свободно говорить. Я этимъ даромъ не обладаю, хотя пора бы въ старости ужъ научиться этому. У насъ былъ разъ полковой командиръ, который, какъ и я, совершенно не былъ ораторомъ. Блестящій офицеръ, пріятный собесѣдникъ, а когда приходилось—ну, хоть тостъ произнести въ день рожденія императора—кончено! Послѣ первыхъ же двухъ-трехъ словъ начиналъ путаться, умолкалъ, и наступала томительная тишина. Мы не знали, куда дѣваться: командиръ блѣднѣлъ, вытиралъ потъ съ лица, начиналъ съизнова, опять останавливался—и наконецъ долженъ былъ все-таки вынуть изъ кармана приготовленную бумажку и читать по ней. Да, краснорѣчіе—истинный даръ божій.

— Люди дѣйствія—плохіе ораторы, это ужъ давно замѣчено. Въ сущности, это странно. Рѣшимость въ дѣйствіи и на словахъ—одного и того же происхожденія. Но, конечно, сильно чувствовать—вовсе не значить болтать о своихъ чувствахъ.

Майоръ кивнулъ головой въ знакъ согласія и, слегка нагнувшись къ Грабаусу, спросилъ довѣрчивымъ тономъ:

— Скажите, Ницше—это писатель, котораго необходимо знать? Я не варваръ, но фронтовая служба такъ утомляетъ за день, что потомъ трудно читать и вникать въ серьезное чтеніе. Теперь-то у меня побольше времени—но у меня ужъ составилъ кругъ писателей, которыхъ я перечитываю вновь отъ времени до времени. И я рѣдко когда прибавляю кого-нибудь новаго къ ихъ числу. Можетъ быть, это признакъ старости.

— Почему? Когда имѣешь старыхъ друзей, незачѣмъ искать новыхъ.

Майоръ кивнулъ головой, какъ-то особенно обрадовавшись этимъ словамъ, и продолжалъ оживленнымъ голосомъ:

— Да, лѣтъ двадцать-пять тому назадъ я учился здѣсь въ академіи и жилъ вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ; мы оба тогда бредили Шопенгауэромъ. Мы много гуляли тогда Подъ-Липами, но вовсе не въ настроеніи, подобающемъ молодцоватымъ поручикамъ, а съ глубокимъ отчаяніемъ въ душѣ. Мы даже собирались выйти въ отставку. Но на это суровая дѣйствительность наложила свое veto. Служи или помирай—другого выхода не было.

Онъ улыбнулся, и вокругъ его сѣрыхъ стальныхъ глазъ обрисовались глубокія гусинныя лапки, а изъ-подъ темныхъ усовъ сверкнули крѣпкіе, красивые зубы. Это придавало его загорѣлому, мужественному лицу выраженіе большой искренности и доброты; Грабаусъ чувствовать къ нему все большую симпатію.

— Все-таки это было хорошее время, — продолжалъ майоръ. — Мы чувствовали себя очень ничтожными, и въ то же время какими-то великанами. Во всякомъ случаѣ жизнь не была будничной. А въ нашемъ пессимизмѣ былъ виноватъ, главнымъ образомъ, нашъ сидячій образъ жизни. Когда вскорѣ послѣ того меня отрядили на маневры въ кавалерійскій полкъ, я былъ самъ пораженъ, до чего мнѣ вдругъ сдѣлалось весело на душѣ. Свѣжій осенній воздухъ и постоянная ѣзда верхомъ излечили меня — тѣмъ болѣе, что лошадь, которая мнѣ досталась отъ эскадронаго начальника, была довольно породистая.

Во время разговора майоръ нѣсколько разъ переглянулся съ Маріей-Луизой и разъ даже кивнулъ ей. Въ выраженіи его лица Грабаусъ прочелъ заботливость и гордость отца, который радуется успѣху своей дочери. Онъ сравнилъ ихъ лица, и нашелъ даже фамиліное сходство — только не въ глазахъ, потому что глаза Маріи-Луизы казались ему въ эту минуту совершенно особенными, похожими на росистые цвѣтки, озаряющіе своимъ блескомъ все лицо; но тонкій прямой носъ и въ особенности мягкія очертанія губъ могли быть наслѣдіемъ отъ отца. Теперь, когда заходящее солнце освѣтило полнымъ свѣтомъ ея задумчивое лицо, она дѣйствительно выдѣлялась какимъ-то свѣтлымъ видніемъ среди другихъ женщинъ, казалась совершенствомъ среди всѣхъ половинчатыхъ существъ въ залѣ. Отъ нея вѣяло такой нетронутостью, что ее трудно было принять за замужнюю женщину. Во всякомъ случаѣ она, вѣроятно, очень недавно вышла замужъ, — но Грабаусъ тщетно искалъ среди окружающихъ ее мужа.

Вмѣсто мужа около нея стоялъ художникъ, слегка склонивъ голову впередъ, съ сверкающими глазами и почти боязливо-напряженными чертами, явно свидѣтельствующими, что онъ пустилъ въ ходъ весь свой запасъ пламенности, ума и сообразительности, чтобы выказать себя съ выгодной стороны передъ женщиной, которой онъ поклонялся. Отъ времени до времени онъ бросалъ на Грабауса быстрый взглядъ, который говорилъ: — Вѣдь красива она, красива?

Такъ какъ майоръ заговорилъ въ это время съ какой-то дамой, то Грабаусъ приблизился къ группѣ около Маріи-Луизы, оставаясь, однако, скромно позади. Но Гебгардъ тотчасъ же повернулся къ нему:

— Представь себѣ, — сказалъ онъ, — фрау Платенъ не нравится Берлинъ. Она находитъ его скучнымъ, прозаичнымъ, непривѣтнымъ, уродливымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого я не сказала. Я только сказала, что онъ—другой, нежели я ожидала. Онъ дѣйствуетъ отрезвляющимъ образомъ. Можетъ быть, это и хорошо въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

— Вы такъ говорите потому, что вращаетесь среди слишкомъ трезвыхъ людей, въ придворныхъ и военныхъ кругахъ. Если бы вы побывали въ обществѣ художниковъ, вы вынесли бы другое впечатлѣніе. Вѣдь въ Берлинѣ есть очень интересное артистическое общество

— Нѣтъ, не хочу. Я хочу наслаждаться искусствомъ, а не знакомиться съ художниками. Не то я и въ нихъ разочаруюсь. Мы одинъ разъ были на первомъ представленіи въ театрѣ—во второй разъ я уже не пойду.

— Почему?

— Марія-Луиза, подойди сюда, дитя мое!—подозвалъ ее въ эту минуту майоръ.

— Простите, на минутку...

Она съ улыбкой вышла изъ разступившагося передъ нею круга, а художникъ увелъ своего друга въ уголокъ и спросилъ его, упоенный видомъ любимой женщины:

— Ну, что, хороша она? Теперь ты меня понимаешь? Или все еще считаешь меня варваромъ за то, что я ее люблю? Да что любовь!—я ее обожаю, я ею восторгаюсь, какъ художникъ, люблюсь ея линиями и красками. Я хотѣлъ бы написать ее въ костюмѣ à la Гэнсборо, съ левреткой, идущей рядомъ съ ней,—на фонѣ мечтательнаго осенняго парка. Молодость, сладкая грусть, благородное изящество, все это сливающееся въ одно общее настроеніе—и падающая золотисто-багровая листва, а въ воздухѣ серебристый тонъ—нѣжный и въ то же время красочный. Боже, Боже! Она вѣдь уѣзжаетъ.

Онъ вскопчалъ, увидавъ, что майоръ прощается.

— Мы ее проводимъ. Пойди и ты съ нами. Я ни на шагъ не отойду отъ нея. Но ты скажи еще поскорѣе графинѣ нѣсколько любезностей относительно ея вечера. Что-нибудь о духовномъ наслажденіи—и какъ можно расплывчатѣе. Чѣмъ меньше она пойметъ, тѣмъ болѣе будетъ довольна.

Прошло еще нѣсколько времени, прежде чѣмъ дѣйствительно стали расходиться. Грабаусъ поблагодарилъ графиню въ крайне запутанныхъ восторженныхъ выраженіяхъ, съ замысловатыми сравненіями и открывающими горизонты періодами, изъ которыхъ онъ самъ едва смогъ выпутаться. Графиня дала ему гектографированную записку съ программой чтенія въ слѣдующій четвергъ, и онъ ушелъ изъ дома графини въ гораздо лучшемъ

настроениі, чѣмъ ожидалъ. Симпатичный майоръ и Марія-Луиза примирили его со всѣми прочими гостями. На опустѣвшей улицѣ уже горѣли фонари. Вся компанія пошла пѣшкомъ по направленію къ „Тиргартену“; Марія-Луиза шла впереди, по ея правую руку—Фрицъ Гебгардъ, по лѣвую—Грабаусъ, а сзади—майоръ съ нѣсколькими знакомыми. Общество уже дошло до „Тиргартена“, а никакого общаго разговора не завязывалось. Всѣ трое молча наслаждались ночной прохладой, мягкимъ свѣтомъ звѣздъ и прянымъ ароматомъ блекнущихъ листьевъ. Но позади загорѣлся оживленный споръ. Вдругъ чей-то голосъ воскликнулъ:

— Это намъ лучше всего сможетъ разъяснить Гебгардъ... Гебгардъ! будьте любезны, можно васъ попросить къ намъ на минуту? Намъ нужно ваше компетентное мнѣніе.

Гебгарду пришлось послѣдовать зову.

— На какой премьерѣ вы были?—спросилъ Грабаусъ, продолжая идти вдвоемъ съ Маріей-Луизой.

Она назвала пьесу.

— Въ такомъ случаѣ я вполне понимаю ваше разочарованіе. Пьеса вѣдь провалилась.

— Дѣло не въ этомъ,—быстро возразила она.—Мнѣ пьеса скорѣе понравилась. Но неприятно мнѣ было скорѣе по причинѣ—до нѣкоторой степени личнаго характера.

— Васъ оскорбила самая борьба между недоброжелательствомъ публики и силой таланта? Такъ ли я васъ понялъ?

— Да. И особенно по отношенію къ этому автору. Я его знала, читала его произведенія и воображала его сильнымъ и гордымъ. И вдругъ я увидѣла его передъ толпой: онъ стоялъ такой блѣдный и несчастный, съ такимъ выраженіемъ отчаянія на лицѣ!.. Въ этомъ и состояло мое разочарованіе. Мнѣ поэтому бы и не хотѣлось лично знать художника, произведенія котораго мнѣ нравятся. Такимъ, каковъ онъ среди творческой работы, я его все равно не увижу. А пустой глиняный сосудъ—на что онъ мнѣ? Впрочемъ, я, кажется, напрасно говорю вамъ все это. Вы сочтете меня очень ужъ наивной. Если бы вы были берлинцемъ, я бы съ вами ни за что не говорила объ этомъ. Но вашъ другъ сказалъ, что вы пріѣхали изъ Іены,—поэтому я и довѣрилась вамъ. Въ Іенѣ вы почти нашъ сосѣдь. Мы вѣдь тоже пріѣхали сюда только погостить. Мы живемъ въ Веймарѣ.

Грабаусъ остановился и сказалъ:

— Не поразительно ли это? Я пробылъ здѣсь четыре дня и велъ самые разнообразныя разговоры съ разными людьми,—а первый человѣкъ, который говоритъ моимъ языкомъ, языкомъ

моей духовной родины—именно вы. Вы живете въ Веймарѣ? Сколько разъ я тамъ бывалъ, и никогда васъ не встрѣчалъ. И познакомились мы именно въ Берлинѣ.

Грабаусъ услышалъ голосъ майора, который крикнулъ Маріа-Луизѣ, что она идемъ слишкомъ длинной дорогой.

— Кажется, вашъ отецъ зоветъ васъ,—сказалъ Грабаусъ своей спутницѣ.

Но она уже обернулась и крикнула въ отвѣтъ майору:

— Когда я иду впереди, всегда выходитъ длиннѣе. Но теперь такъ приятно ходить, что не бѣда.

Майоръ указалъ палкой, куда слѣдуетъ повернуть.

— Направо,—сказалъ онъ.

Маріа-Луиза и Грабаусъ повернули направо. Потомъ Маріа-Луиза повернулась къ своему спутнику и спросила:

— Что вы сказали: мой отецъ?..

— Ну, да—развѣ майоръ...

По его растерянности она поняла, что онъ дѣйствительно считалъ майора ея отцомъ. Она разсмѣялась тихо и весело, какъ совсѣмъ молоденькая дѣвушка.

— Неужели же у меня столь мало внушительная наружность? А между тѣмъ у меня есть сынъ, который скоро пріѣдетъ изъ вадетскаго корпуса,—сынъ шестнадцати лѣтъ.

— Простите, я скорѣе бы повѣрилъ, что вамъ шестнадцать лѣтъ, чѣмъ тому, что у васъ сынъ такихъ лѣтъ.

— Хорошо, я не буду хвастать. Это не мой сынъ, а пасынокъ—сынъ мужа отъ перваго брака. Но то, что вы приняли меня за дочь моего мужа, я могу объяснить только темнотой.

— Нѣтъ, уже раньше, въ освѣщенной залѣ...

Но она какъ будто не слышала его словъ,—можетъ быть, не хотѣла слышать, и продолжала оживленно говорить.

— Мой сынъ тоже иногда недостаточно почтителенъ ко мнѣ. Недавно, когда онъ былъ въ отпуску дома, онъ нашелъ у меня одну книгу,—очень невинную естественно-научную книгу—и удивился: „Неужели ты собираешься это читать, мама? Ты не поймешь. У нашего учителя естественной исторіи тоже есть эта книга, но намъ онъ ее не даетъ—говорить, что не поймемъ: „оставайтесь при Моисеевой исторіи творенія, господа, это по крайней мѣрѣ нѣчто твердое“. Ну, а если мы, вадеты старшаго класса, не можемъ понять, то гдѣ ужъ тебѣ!“ И мальчишка сказалъ это мнѣ съ самымъ чистосердечнымъ выраженіемъ лица.

— Что же вы отвѣтили?

— Я стала, конечно, на материнскую точку зрѣнія,—ска-

зала ему, чтобы онъ остерегался мужского самоувѣрія. Не то ему плохо придется, если онъ случайно женится на умной женщинѣ.

Грабаусъ шелъ рядомъ съ Маріей-Луизой, испытывая такое глубокое блаженство, что ему было почти больно отъ напряженности чувства. Каждое ее слово казалось ему прекраснымъ, правдивымъ, очаровательнымъ, и онъ чувствовалъ, что въ ней еще скрыты цѣлыя сокровища ума и красоты. Онъ точно глядѣлъ сквозь разрывающійся покровъ облаковъ на снѣжныя высоты, то надѣясь, что солнце освѣтитъ вершину горы, то боясь, что облака стянутся и все скроютъ. Прислушиваясь къ голосамъ позади, трепеща, чтобы кто-нибудь изъ остальной компаніи не присоединился къ нимъ, онъ, самъ того не замѣчая, все ускорялъ шаги, и Марія-Луиза бодро шла, не отставая отъ него.

— Какъ пріятно,—сказала она,—вдыхать ясный осенній воздухъ!.. Вотъ видите, я пробыла въ Берлинѣ цѣлый мѣсяцъ, а самое пріятное впечатлѣніе за все время—это наша теперешняя прогулка по „Тиргартену“. А это удовольствіе я могла имѣть и дома, гуляя въ нашемъ паркѣ. Теперь я знаю, что, живя въ тишинѣ у себя дома, я ничего не теряла—и это сознание меня очень радуетъ. Мой мужъ считаетъ нашу жизнь въ Веймарѣ слишкомъ однообразной для меня. У насъ довольно ограниченный кругъ знакомыхъ,—и онъ полагаетъ, что нехорошо для меня видѣть всегда только однихъ и тѣхъ же людей, что нужны новыя впечатлѣнія. Онъ такъ часто это повторялъ, что я повѣрила. И чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе, онъ взялъ меня съ собой въ Берлинъ. Я дѣйствительно видѣла здѣсь много прекраснаго. Но уже мнѣ хочется скорѣе вернуться домой... Многое, казавшееся мнѣ издали большимъ, теперь представляется маленькимъ. Я вполне увѣрилась въ томъ, что собственно всегда знала,—что истинное счастье—въ тишинѣ и уединеніи, въ томъ, чтобы быть какъ можно дальше отъ всего, что люди называютъ жизнью.

Но Грабаусъ прервалъ ее съ такой горячностью, точно что-то давно затаенное и давившее его душу съ силой вырвалось, наконецъ, на свободу.

— Нѣтъ, нѣтъ, не въ этомъ счастье!—взволнованно говорилъ онъ.—То, что вы говорите—самообманъ. Къ чему жить, если убѣгать отъ жизни? Если не пользоваться своими силами, то на что онѣ? Зачѣмъ тогда чувствовать ихъ напоръ? Нѣтъ, не слѣдуетъ сторониться отъ жизни и прикрывать свою убогость словами о томъ, что все—суета. Я тоже укрылся въ сдѣмъ

гнѣздѣ, и мнѣ вѣжется, что я проспалъ всё эти долгіе годы и только теперь проснулся. А между тѣмъ я не жилъ въ праздности. Но я часто ложился спать, утомленный только будничностью жизни и тѣмъ, что въ ней не было ничего яркаго. И какъ часто я просыпался съ чувствомъ: зачѣмъ вставать, вѣдь сегодня такой же день, какъ вчера? Проклятое, бесплодное, пустынное время! И послѣ того, какъ я работалъ, читалъ, думалъ до того, что у меня голова кружилась, мной овладѣвалъ безумный страхъ: мнѣ казалось, что все это продѣлываетъ не я, и даже не частица меня. Мнѣ казалось, что я похороненъ. Но теперь я проснулся. Теперь я увидѣлъ, что міръ полонъ красоты и чудесъ, и что жизнь—великое благо. Я хочу жить всѣми фибрами души. Я никогда не паду духомъ, всё дороги будутъ мнѣ открыты, всё возможности будутъ использованы. И если я даже при этомъ погибну,—что за бѣда! Все-таки я не поддался, все-таки боролся. Только бы выплыть въ море на всѣхъ парусахъ! И въ тысячу разъ лучше погибнуть среди океана, чѣмъ сгнить въ гавани!

Онъ кончилъ и они молча пошли дальше по блѣдно освѣщенной дорогѣ. Прохладный ночной вѣтеръ раскачивалъ деревья и кусты, рассыпалъ у ногъ ихъ золотистые листья и покрывалъ рябью темную воду, въ которую глядѣли звѣзды, сверкая какъ расплавленное серебро. Все вокругъ было мягко и тихо. А впереди, за мощными верхушками деревьевъ, высилось небо, побагровѣвшее отъ безчисленныхъ огней большого города.

Послѣ долгаго молчанія, Марія-Луиза, наконецъ, сказала:

— Вы такъ говорите, имѣете право такъ говорить, потому что вы—мужчина. Женщины же не могутъ сами создавать свою жизнь. Онѣ ее принимаютъ готовой, и должны быть благодарны, если ихъ жизнь направляетъ добрая, заботливая рука.

Грабаусъ остановился и, глядя на темную воду, изъ глубины которой какъ бы всплывали вверхъ серебристыя искры, сказалъ:

— Знаете, мы едва ли увидимся еще когда-нибудь. Поэтому лучше въ эти немногія минуты говорить все до конца. То, что я сказалъ—все это... Еще часъ тому назадъ, я проклиналъ общество людей. Я жаждалъ одиночества, какъ вы. Въ одиночествѣ такъ хорошо. Чувствуешь себя свободнымъ и сильнымъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, становишься бѣднымъ. Перестаешь вѣрить, потому что не видишь. Дверь, которую всегда держать на запорѣ, скрипитъ, когда ее открываютъ. И сердце, которое перестаетъ раскрываться, сжимается. Оно пусто и все-же въ немъ нѣтъ мѣста.

Онъ замолчалъ, потомъ, поглядѣвъ въ лицо Маріи-Луизы,

продолжалъ такимъ голосомъ, точно говорилъ не онъ, а что-то болѣе мощное въ немъ:

— Все дѣло въ томъ, чтобы въ надлежащій моментъ найти надлежащаго человѣка. Одинъ часъ—столь мимолетный—можетъ стать путеводной звѣздой для всей жизни.

Она ничего не отвѣтила, но остановилась, и они стояли другъ противъ друга, не глядя въ лицо, пока остальная часть общества не нагнала ихъ. И когда послѣ этого всѣ стали протѣяться, Марія-Луиза протянула ему руку молча.

Грабаусъ получилъ письмо отъ жены, въ которомъ она общала, что дома всѣ здоровы, и удивлялась, что мужъ ничего не пишетъ объ ея матери и сестрахъ. Что онъ былъ у нихъ сейчасъ же по прїѣздѣ—въ этомъ она не сомнѣвалась. А между тѣмъ Грабаусъ все время откладывалъ этотъ непрїятный визитъ, а потомъ просто забылъ о немъ. Теперь необходимо было исправить свою оплошность.

Его тестъ, бывший пѣвецъ королевской оперы, или, вѣрнѣе, его теща, Констанція Бухбиндеръ, — мужъ ея въ сущности не игралъ никакой роли въ семьѣ, — жила на Шенебергской набережной. У нея были не только собственные четыре дочери, изъ которыхъ только старшая была замужемъ, но всегда еще жили на полномъ пансіонѣ нѣсколько барышень изъ зажиточныхъ провинціальныхъ семей, прїѣхавшихъ въ Берлинъ заниматься музыкой, живописью или чѣмъ-нибудь другимъ, или же просто прїятно провести зиму въ столицѣ. Такимъ образомъ, домъ всегда былъ полонъ дамъ.

Бывшему пѣвцу было около пятидесяти лѣтъ; онъ былъ одуловатъ, страдалъ одышкой и очень медленно двигался. Деспотъ по натурѣ, онъ все-таки былъ подъ башмакомъ у своей жены. Собственно говоря, онъ былъ почти посторонній человѣкъ въ этой семьѣ, единственный мужчина въ этомъ царствѣ амазонокъ, и доставлялъ только лишнія хлопоты своимъ присутствіемъ. Онъ очень блестяще началъ свою карьеру, но его талантъ постепенно заглохъ среди будничной жизни. Онъ разжирѣлъ и обрюзгъ. Его музыкальность служила ему теперь только для того, чтобы давать уроки пѣнія пансіонеркамъ жены и по воскреснымъ вечерамъ играть для танцевъ. Плата за уроки и маленькая пенсія изъ какаго-то фонда—вотъ все, что онъ со своей стороны вносилъ въ хозяйство. Вся тяжесть заботъ о семьѣ всегда лежала на его женѣ. Въ девятнадцать лѣтъ она была красивой дѣвушкой

съ маленькимъ приданымъ, съ сентиментальными мечтами о счастья, и вышла замужъ по любви за пѣвца, имѣвшаго тогда большой успѣхъ. Но любовь, приданое, сентиментальность—все это было поразительно быстро уничтожено суровой дѣйствительностью. Констанція сама еще едва вышла изъ полудѣтскаго возраста, когда поняла, что отецъ ея дѣтей — самъ большое дитя. Такъ какъ онъ по своей артистической беззаботности очень быстро спустилъ всѣ деньги, то ей пришлось бороться съ нуждой, и она, наконецъ, рѣшилась взять въ домъ пансіонерокъ. Дочери подростали и, благодаря ея вліянію, становились очень благо-разумными и практичными дѣвушками. Три старшія, Елена, затѣмъ вторая, жена Грабауса, и третья, Берта, сдали экзаменъ на учительницъ, а самая младшая, которая была и красивѣе, и легкомысленнѣе старшихъ, была только фребеличкой. Необходимость заботиться о себѣ развила во всѣхъ сестрахъ преждевременную самостоятельность. Онѣ еще признавали до нѣкоторой степени авторитетъ матери, но отцу не выказывали ни малѣйшаго уваженія. И это пренебрежительное отношеніе къ отцу онѣ переносили на всѣхъ мужчинъ. Онѣ хотя и гнались за женихами, но въ глубинѣ души считали мужчинъ безсердечными эгоистами и низшими существами, которые, по какому-то недо-разумію, въ силу какого-то предрасудка, занимаютъ первенствующее положеніе, которое въ сущности должны были бы занимать женщины.

Грабаусъ пошелъ къ нимъ обѣдать въ воскресенье. Вся семья уже сидѣла за столомъ въ длинной и мрачной столовой. Въ широкое окно во дворъ глядѣлись пасмурныя, грустныя сумерки, смѣшиваясь съ желтоватымъ свѣтомъ висячей лампы. Подали супъ. Пѣвецъ, засунувшій салфетку за воротникъ, отложилъ ложку и сказалъ:

— Вашъ супъ...

— Чѣмъ тебѣ супъ не нравится? — довольно нелюбезно спросила жена.

— Ваша Аугуста, вѣрно, опять влюбилась?

— Ахъ, папа, Аугусты уже нѣтъ съ перваго числа! Теперешнюю горничную зовутъ Линой! — поправила отца младшая дочь, Френцхенъ.

— Аугуста или Лина, не все ли равно? Во всякомъ случаѣ, супъ слишкомъ солонъ. Послушай, Генрихъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ зятю, — на дняхъ со мной случился смѣшной анекдотъ. Я долженъ тебѣ его рассказать.

Но при словѣ „рассказать“, жена его сдѣлала ему знакъ

замолчать. Его рассказы обыкновенно не годились для ушей молодых дѣвушекъ.

— Ну, я расскажу тебѣ это въ другой разъ.— Да вѣдь ты ужъ, кажется, достаточно нарѣзала мяса, мама. Вотъ этотъ кусочекъ недурень, — можешь дать его мнѣ.

Ему положили на тарелку облюбованный имъ кусокъ, и онъ, наконецъ, замолчалъ.

Ближе къ концу стола сидѣли молодые дѣвушки — три дочери дома и четыре пансионерки. Лена рассказала о своемъ катаньи на велосипедъ въ это утро, въ компаніи нѣсколькихъ знакомыхъ. Она говорила, что было очаровательно, что листья дубовъ по дорогѣ сверкали какъ золото, и что всѣ мчались, какъ безумные.

— Горнеманъ тоже ѣздилъ съ вами? — спросила Берта, вторая сестра.

— Конечно.

— Почему конечно? Ему могло вѣдь что-нибудь помѣшать.

— Ну, знаешь ли!.. — съ упрекомъ возразила Лена. — Мы съ нимъ ѣздили взапуски. Страшно устала, — такъ что дыханіе захватило.

Она весело засмѣялась своимъ широкимъ ртомъ, и темные добродушные глаза засверкали отъ удовольствія. Сегодня жизнь ей улыбалась; завтра, быть можетъ, она будетъ чувствовать себя несчастной въ зависимости отъ того, — за нею или за другой будетъ ухаживать интересующій ее въ данное время молодой человѣкъ.

— Ты тоже ѣдешь на велосипедъ? — спросилъ Грабаусъ свою belle-soeur Бертю.

— Нѣтъ! — отвѣтила она съ нѣсколько злобной усмѣшкой. — Я нахожу это неженственнымъ.

— Ты просто не умѣешь, — въ этомъ все дѣло, — дерзко возразила ей Френцхенъ.

— Вотъ какъ! Грабовскій десять разъ предлагалъ научить меня, но мнѣ не хочется. Вообще, ѣзда на велосипедъ выходитъ теперь изъ моды для дамъ.

— Кто это Грабовскій?

— Очень милый и порядочный человѣкъ, — объяснила Грабаусу его теща. — Ассистентъ доктора Лейснера. Ты увидишь его сегодня вечеромъ.

— Какъ можно интересоваться зубнымъ врачомъ? — сказала Лена, качая головой.

— Почему же не интересоваться? Вы какъ думаете, фрейлейнъ Рикхенъ?

Берта обратилась при этомъ съ злой улыбкой къ одной изъ пансіонерокъ, некрасивой дѣвушкѣ, которая покраснѣла и смущенно улыбулась, показывая криво разставленные зубы.

— Все дѣло въ томъ, каковъ человѣкъ, а не въ томъ, чѣмъ онъ занимается.

— А по-моему, самое главное, сколько у него денегъ,— сказала Френцхенъ.

— Ну и взгляды!—замѣтилъ Грабаусъ полушутливо, полу-возмущенно; другія сестры объяснили ему, что Френцхенъ, вообще, настоящая американка по своей практичности.

— Да развѣ я не права?—защищалась Френцхенъ. — Воздухомъ и любовью нельзя прожить. Выйти замужъ съ тѣмъ, чтобы опять терпѣть нужду—благодарю покорно!

Она сворчила презрительную и возмущенную гримасу.

— Ну, да, квартира окнами на улицу, въ лучшей части города, и не меньше пяти комнатъ,—на меньшее ты не согласна, не правда ли?—спросила Берта.

— И чтобы непременно было электрическое освѣщеніе. Электрическая лампа надъ постелью—какой восторгъ!

— Нѣтъ, послушайте-ка эту дѣвчонку! — Старый пѣвецъ громко расхохотался.—О томъ, кто рядомъ...

— Тссъ!..—остановила его жена.

И барышни приняли возмущенный видъ и сидѣли съ серьезными, неподвижными лицами. Прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ возстановился общій разговоръ.

Послѣ обѣда Грабаусъ поговорилъ еще спокойно съ тещей около часа. Она распросила его про жену и дѣтей, и потомъ сама навела разговоръ на искусство. Гдѣ-то въ угольѣ ея озабоченной души жила еще любовь къ искусству. У нея не было денегъ, чтобы посѣщать театры, концерты и выставки, не было времени читать книги, но она любила, по крайней мѣрѣ, говорить обо всемъ этомъ.

Къ вечеру въ гостиную снова вошли барышни, которыя тѣмъ временемъ переодѣлись. Черезъ нѣсколько времени стали раздаваться непрерывные звонки, и гостиная наполнилась молодежью.

Вечеръ начался по обыкновенію съ музыки. Пансіонеркамъ, которыя брали уроки пѣнія, хотѣлось, конечно, показать, какіе онѣ сдѣлали успѣхи. Потомъ стали разносить чай и бутерброды, а послѣ того начались танцы.

Странное настроеніе нашло на Грабауса, когда онъ сѣлъ поодаль отъ другихъ и сталъ глядѣть на танцующія пары. Къ

мыслямъ о Маріи-Луизѣ примѣшивались, сначала понемногу, потомъ все сильнѣе, воспоминанія о давно минувшихъ дняхъ. Въ памяти ожили воскресные вечера, которые и онъ проводилъ студентомъ въ этомъ домѣ. Развѣ все не осталось здѣсь по старому? Теперь, какъ и тогда, старый пѣвецъ сидѣлъ у рояля, барабана танцы, и сосалъ кончикъ потухшей сигары, а его жена суетливо бѣгала взадъ и впередъ, какъ насѣдка вокругъ своихъ цыплятъ; какъ и тогда, дѣвушка вносила поочередно то поднось съ бутербродами, то поднось съ стаканами пива и зельтерской воды. А этотъ Грабовскій! Тогда, кажется, тоже бродилъ по комнатѣ элегантный зубной врачъ съ такимъ элегическимъ лицомъ, точно онъ чувствовалъ на себѣ боль, которую выносили его паціенты. А эти два вольноопредѣляющіеся, которые шептались другъ съ другомъ и отъ времени до времени утирали потъ съ лица. А этотъ господинъ изъ провинціи! Теперь его зовутъ Горнеманомъ, и онъ — инженеръ. Тогда онъ былъ врачъ, и носилъ другое, столь же прекрасное имя. Но другой разницы между ними не было. У этого такой же видъ, какъ у его предшественника, такіе же широкіе сапоги, и онъ танцуетъ вальсъ съ такимъ же напряженнымъ серьезнымъ лицомъ, точно танцы — тяжелая работа, а не удовольствіе. И когда онъ отдыхалъ, обмахиваясь платочкомъ, и при этомъ слѣдилъ глазами за Леной, которая танцевала съ другимъ, то на его нахмуренномъ лицѣ ясно выражалась мысль: сдѣлать предложеніе или не сдѣлать? Увы, и онъ, вѣроятно, рѣшить не дѣлать... „Бѣдная Лена! — подумалъ Грабаусъ. — Она единственная между ними, у которой есть живыя чувства. Другія сестры умѣютъ только считать“.

Но имъ овладѣлъ искренній ужасъ, когда онъ вдругъ увидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ БERTY, поглощенную разговоромъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Они сидѣли въ самомъ отдаленномъ, тихомъ углу, между книжнымъ шкапомъ и столикомъ для цвѣтовъ, въ тѣни того же араукарія, подъ которымъ онъ часто сидѣлъ со своей невѣстой. У собесѣдника БERTY были свѣтлые волосы, красивые мечтательные глаза и лицо его было совсѣмъ другое, чѣмъ у остальныхъ суетливыхъ и шумныхъ молодыхъ людей.

Грабаусъ глядѣлъ на нихъ, и ему казалось, что онъ ясно слышитъ ихъ разговоръ: молодой человѣкъ говорилъ взволнованно, дрожащимъ голосомъ, точно изъ души его выливались давно затаенныя въ ней слова; а БERTY слушала его, дѣлая видъ, что она очень заинтересована разговоромъ, и все-таки отъ времени до времени бросала скупающій взглядъ на танцующихъ,

точно жалѣя, что она не среди нихъ. И чѣмъ дольше Грабаусъ глядѣлъ на нихъ, тѣмъ больше ему казалось, что это онъ самъ сидитъ на мѣстѣ незнакомаго юноши и рассказываетъ любимой дѣвушкѣ, что онъ думалъ и пережилъ наединѣ. Неужели же все въ жизни повторяется, неужели всѣ должны пережить тѣ же надежды и тѣ же разочарованія?

Онъ почувствовалъ странную симпатію къ незнакомому юношѣ,—ему казалось, что его долгъ придти ему на помощь, открыть ему глаза и предостеречь его.

Танцы кончились. Всѣ стали искать, гдѣ сѣсть. Берта и ея собесѣдникъ встали и вскорѣ были отдѣлены другъ отъ друга. Черезъ нѣсколько времени Берта вошла въ сосѣдную комнату и присѣла къ Грабаусу.

— Ты, кажется, молча наблюдаешь?—спросила она.

— Что тебѣ рассказывалъ молодой человекъ, съ которымъ ты такъ оживленно говорила?

— Представь себѣ, онъ мнѣ стихи читалъ.

— Стихи? Съ которыхъ это порѣ ты стала любить стихи?

— Я очень люблю стихи, — особенно такіе. Они мнѣ посвящены.

— Вотъ какъ. Кто этотъ молодой человекъ?

— Студентъ-юристъ. Онъ изучаетъ, главнымъ образомъ, политическую экономію—можетъ быть, будетъ готовиться къ профессурѣ. На это, конечно, нужны средства. Своихъ денегъ у него нѣтъ, но у него очень богатые родственники.

Грабаусъ съ удивленіемъ взглянулъ на Берту.

— Ты, кажется, серьезно интересуешься имъ?

Она нѣсколько смущенно разсмѣялась и вскочила.

— А ты бы хотѣлъ знать?

„Значить, я не ошибся“,—подумалъ Грабаусъ. И ему представилось, что и Констанція вѣроятно въ свое время говорила о немъ въ томъ же тонѣ, какъ теперь Берта, что она рассчитывала, какіе шансы на успѣхъ можетъ имѣть философія. У него тоже не было своего состоянія, но имѣлась стипендія. Это, вѣроятно, и побудило ее выйти за него замужъ.

Бѣдный наивный юноша,—подумалъ онъ,—неужели и тебѣ предстоитъ то же, что и мнѣ? Неужели и ты отдашь свое сердце этому ограниченному существу и захочешь сдѣлать изъ ея жалкой душонки душу святой Варвары? Проклятіе нашему невѣдѣнію, нашей молодости! Чѣмъ мы чище, тѣмъ беззащитнѣе. И къ тебѣ, какъ и ко мнѣ, явится твой будущій тесть, грубо коснется твоего вѣжнаго чувства и дастъ тебѣ непрошенное благословеніе“.

Грабаусу бросилась кровь въ лицо, когда онъ вспомнилъ объ этомъ посѣщеніи: старикъ явился въ его маленькую студенческую комнату съ торжественнымъ выраженіемъ на своемъ въ обычное время плутовскомъ веселомъ лицѣ и былъ похожъ на „каменнаго гостя“ въ „Донъ-Жуанѣ“. Онъ сталъ говорить о соблазнахъ столичной жизни и о пользѣ ранняго брака. Сначала слова его не имѣли успѣха, потому что молодой студентъ не чувствовалъ за собой никакихъ грѣховъ; онъ сталъ говорить въ виду этого все яснѣе, пока наконецъ Грабаусъ не выдалъ ему своей тайны. Тогда онъ простеръ руку и сказалъ:

— Вы сдѣлали хорошій выборъ. Старшая лучше всѣхъ. Пойдите, поговорите съ ней. Вы не будете обмануты въ вашихъ надеждахъ. Я знаю, что Лена васъ любитъ. — Онъ даже не зналъ хорошенько, о которой дочери идетъ рѣчь.

Грѣвное чувство стыда и возмущенія снова загорѣлось въ сердцѣ Грабауса. Онъ все простилъ своему тестю—кромѣ этого посѣщенія. Уже тогда его первой мыслью было: бѣжать, скорѣе бѣжать! Теперь все прекрасное и поэтичное загрязнено. Въ ту минуту въ душу его закралось подозрѣніе, но потомъ—потомъ именно это посѣщеніе и побудило его сдѣлать предложеніе.

Около полуночи Грабаусъ случайно сѣлъ рядомъ съ тещей и Френцхенъ. Черезъ нѣсколько времени къ нимъ подѣла и Берта.

— Ты тоже хочешь отдохнуть?—спросилъ Грабаусъ.

— Мнѣ кажется некрасивымъ, когда слишкомъ разгорячешься.

— Она думаетъ, что блѣдность ей больше въ лицу,—сказала Френцхенъ.

— Не говори глупостей!

— Что у тебя вышло съ фрейлейнъ Риххенъ?—спросила мать.—Вы, кажется, опять повздорили?

— Зачѣмъ она бѣгаетъ за Грабовскимъ?—рѣзко сказала Френцхенъ.—Это такъ смѣшно!

— Конечно, смѣшно,—сказала Берта, — тѣмъ болѣе, что ему она совсѣмъ не нравится. Онъ ей сказалъ сегодня, чтобы она пришла къ нему на пріемъ,—что онъ починить ей зубы—безвозмездно.

— Когда онъ это сказалъ? Все это ты выдумала.

— Что ты, Френцхенъ! Да вѣдь это только доказываетъ, что онъ ея не интересуется. Когда нравится молодая барышня, ей не предлагаютъ починить зубы,—это было бы безтактно.

Берта сказала это съ такимъ невинно-убѣжденнымъ видомъ,

что трудно было рѣшить, говорить ли она серьезно, или только дразнить сестру.

Когда незнакомый молодой блондинъ подошелъ къ Бертѣ и пригласилъ ее танцовать, Грабаусъ спросилъ:

— Что же, наклеивается, кажется, женихъ?

— Какъ знать?—со вздохомъ сказала фрау Бухбиндеръ.— Этого молодого человѣка никакъ нельзя разгадать.

— Да развѣ можно разгадать мужчинъ? Они такъ глупы, что намъ ихъ не понять,—прибавила Френцхенъ.

— Онъ уже вторую зиму бываетъ у насъ. Меня все это очень беспокоитъ. Берта такъ привязалась къ нему.

— Почему же тебѣ не послать къ нему папу?

— Ахъ, дитя мое, я такъ неохотно прибѣгаю къ этому средству.

— Для меня тебѣ этого дѣлать не придется. Если онъ самъ не захочетъ, такъ Богъ съ нимъ. Но Берта совсѣмъ помѣшалась—до того ей хочется выйти за него замужъ. Да оно, дѣйствительно, звучитъ недурно: Берта фонъ-Элленъ.

— Что? Какъ его зовутъ?—спросилъ Грабаусъ совершенно, опѣшивъ.

— Вольфъ фонъ-Элленъ.

— Изъ Веймара?

— Да.

— Значитъ, я сегодня познакомился съ его сестрой.

— Его сестра замужемъ за майоромъ.

— Ну, да, значитъ, это онъ.

Грабаусъ быстро поднялся, подошелъ къ брату Маріи-Луизы, поздоровался съ нимъ и уже весь вечеръ не отходилъ отъ него.

— Хотите, пойдемте въ кафе и поболтаемъ еще часокъ?—предложилъ Грабаусъ брату Маріи-Луизы, котораго мысленно называлъ уже „братомъ Вольфомъ“, до того ему понравился молодой человѣкъ.— Какъ это поразительно!—сказалъ онъ.— Вчера я познакомился съ вашей сестрой, а сегодня—съ вами. Это что-нибудь да значить. Нужно непременно понять—что.

Въ кафе Вольфъ фонъ-Элленъ сидѣлъ значала задумчивый и смущенный. Прежняя его разговорчивость въ обществѣ Берты смѣнилась полнымъ молчаніемъ. Но Грабаусъ не унывалъ, увѣренный, что сможетъ поспорить съ Бертой въ умъныя располжитъ къ себѣ человѣка. Дѣйствительно, ему удалось своимъ дружескимъ побѣдить сдержанность молодого человѣка. Онъ сталъ

говорить—сначала еще нерѣшительно, потомъ все болѣе довѣрчиво—о своей жизни и о борьбѣ, которую ему пришлось уже выдержать въ жизни. Видно было, что онъ жаждалъ открыть свою душу, и теперь обрадовался, встрѣтивъ теплое отношеніе къ себѣ. Грабаусу онъ все болѣе нравился и казался достойнымъ братомъ Маріи-Луизы.

Вольфъ фонъ-Элленъ учился въ Берлинѣ уже два года, и сначала велъ такую же беззаботно-веселую жизнь, какъ другіе знакомые ему студенты. Но отчасти случайно, отчасти по внутреннему побужденію онъ ближе ознакомился съ социальнымъ вопросомъ, и это сразу измѣнило всю его жизнь. Онъ отошелъ отъ всѣхъ прежнихъ друзей и знакомыхъ, поселился въ бѣдномъ кварталѣ, въ сѣверной части Берлина, въ очень маленькой бѣдной комнаткѣ, сырой и полутемной. Онъ долгое время избѣгалъ встрѣчаться съ прежними знакомыми, которые смѣялись надъ его планами общественнаго переустройства, и почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ, кромѣ своей квартирной хозяйки, простой работницы, привлекавшей его своей жаждой образованности. Онъ хотѣлъ жить какъ пролетарій и упрямо искоренялъ въ себѣ всѣ привычки прежней избалованной жизни. Его угнеталъ страшный открытый вопросъ о нуждѣ рабочаго класса. Онъ ходилъ на рабочія собранія и въ рабочіе клубы, но все, что онъ тамъ слышалъ, не удовлетворяло его, — онъ не видѣлъ никакой надежды освѣтить окружавшій его мракъ. Такъ онъ прожилъ болѣе года; иногда только на него нападали приступы острой жажды радости, жизни для себя. Онъ отправлялся тогда куда-нибудь за городъ или уходилъ въ „Тиргартенъ“, шелъ слѣдомъ за какой-нибудь молодой дѣвушкой, смѣхъ которой звучалъ для него гимномъ освобожденія. Или же онъ открывалъ заколоченный ящикъ, вынималъ книгу, и когда онъ читалъ ее, ему представлялось, что въ немъ просыпается другой человекъ, — плѣнникъ, рвущійся на свободу. И ему казалось, что этотъ плѣнникъ—онъ самъ, его жаждущая свободы душа.

Годъ тому назадъ, зимой, одинъ знакомый ввелъ его къ Бухбиндерамъ. Воскресные вечера у нихъ были его единственнымъ развлеченіемъ, единственной связью съ міромъ, отъ котораго онъ прежде такъ тщательно сторонился. Но поѣздки въ аристократическую часть Берлина были въ его глазахъ измѣной его убѣжденія. Болѣе изящный сюртукъ, который онъ надѣвалъ, отправляясь въ гости, казался ему украденнымъ у немущихъ. И теперь онъ все еще терзался сомнѣніями, мучился вопросомъ, имѣетъ ли онъ право на удовольствіе, когда столько людей голодаетъ.

Грабаусъ сталъ ему доказывать, что горе и нужда всегда будутъ въ мирѣ, но что это не должно уничтожать радость, которая имѣетъ полное право на существованіе. Въ каждую данную минуту кто-нибудь на землѣ страдаетъ, но это не должно лишать насъ способности наслаждаться всѣмъ, что есть радостнаго въ мирѣ. Здоровый человѣкъ долженъ умѣть и выносить безропотно страданія, и наслаждаться счастьемъ. Это нужно, чтобы сохранять силы для борьбы.

— Въ наше время, — говорилъ Грабаусъ, — болѣе, чѣмъ когда-либо нужны бодрые, радостные люди, ибо только въ радостномъ сердцѣ могутъ возникнуть творческая сила и энергія. Достаточно на землѣ жалобъ и возмущеній. А гдѣ добрые, отважные люди, которые дѣйствительно сдѣлали бы что-нибудь для улучшенія условій жизни? Неужели вы думаете, что, надрывая силы плохимъ питаніемъ и жизнью въ полутьмѣ, вы этимъ можете людямъ? Вы только грабите себя, никого не обогащая. Вы думаете, что можно отбросить всѣ привычки воспитанія, не принося этимъ ущерба своимъ духовнымъ силамъ? Поймите, я вовсе не осуждаю васъ: хорошо, что вы вняли голосу, звавшему васъ помогать страждущимъ и голодающимъ. Теперь вы уже никогда не пройдете равнодушно мимо чужого страданія, никогда не будете относиться съ насмѣшкой къ борьбѣ обездоленныхъ. Но голосъ, который громко говоритъ въ васъ: въ тебѣ есть еще нѣчто большее — тоже правъ. Это — голосъ вашей души, вы обязаны внять ему.

Молодой человѣкъ сначала мрачно смотрѣлъ на Грабауса, погруженный въ свои мысли, потомъ взоръ его все свѣтлѣлъ, и онъ весь раскраснѣлся отъ радости. Онъ долго молчалъ, потомъ сказалъ:

— Все, что вы говорите, я тоже чувствовалъ, и часто говорилъ себѣ. Но я не вѣрилъ своимъ собственнымъ доводамъ — мнѣ нуженъ былъ толчокъ извнѣ. Я все надѣялся, что встрѣчу человѣка, — такого, какъ вы, — который оправдаетъ меня передъ самимъ собой. И какъ странно, что я познакомился съ вами именно въ столь важную для меня минуту жизни.

— Я вѣдь говорилъ, что это болѣе чѣмъ простая случайность, — весело сказалъ Грабаусъ. — И у меня къ тому же такое чувство, точно мы ужъ Богъ вѣсть какъ давно знакомы. Бываютъ часы, которые исчисляются не минутами, бываютъ люди, которые... Ну, словомъ, если вы ничего противъ этого не имѣете, — я бы очень охотно сталъ вашимъ другомъ.

— Я этого желаю всей душой, — отвѣтилъ Вольфъ, схвативъ

руку Грабауса и крѣпко пожимая ее: Счастливая улыбка, вдругъ озарившая его лицо, придавала ему поразительное сходство съ сестрой. — Когда я выходилъ отъ Бухбиндеровъ, — сказалъ онъ, — я предчувствовалъ, что меня ожидаетъ сегодня еще большая радость.

Грабаусъ пошелъ проводить своего новаго друга, и когда онъ простился съ нимъ у его дома, Вольфъ пошелъ въ свою очередь провожать его. Это они продѣлали нѣсколько разъ. Все возникало еще что-нибудь новое, о чемъ имъ хотѣлось поговорить. Уже начинало свѣтать, когда они, наконецъ, разошлись. Грабаусъ уговаривалъ молодого фонъ-Эллена не только выѣхать изъ своей прежней комнаты, но и покинуть Берлинъ. Зачѣмъ томиться въ этой каменной пустынѣ, гдѣ такъ трудно найти, среди миллионъ, нѣсколькихъ настоящихъ людей? Онъ убѣждалъ его переѣхать въ Иену, гдѣ при его содѣйствіи Вольфъ сможетъ кромѣ юридическихъ занятій слушать общенаучныя лекціи. Это предложеніе было принято молодымъ человѣкомъ съ радостью, и когда они разстались, переѣздъ Вольфа въ Иену былъ дѣломъ окончательно рѣшеннымъ. О Бергѣ и о всей семьѣ Бухбиндеровъ они оба не упомянули ни словомъ, но Грабаусъ чувствовалъ, что въ этомъ и не было надобности, что его другъ самъ высвободится изъ разставленныхъ ему сѣтей.

Но зато Грабаусъ узналъ еще нѣчто весьма для него интересное. Вольфъ ему рассказалъ, что его сестра съ мужемъ собираются быть въ ближайшее воскресенье на общественномъ балу въ рейхстагѣ. Грабаусъ собирался уѣхать уже во вторникъ, но теперь твердо рѣшилъ остаться и поглядѣть на Марію-Луизу хоть издали въ воскресенье.

Когда онъ легъ и потушилъ свѣчу, то послѣдняя картина, мелькнувшая передъ нимъ, когда онъ засыпалъ, была связана съ Маріей-Луизой. Онъ видѣлъ передъ собой большую мраморную залу, толпу людей, оркестръ музыки и свержающіе огни. И среди всего этого самой прекрасной и сіяющей была она — Марія-Луиза. Самъ же онъ, прислонившись къ колоннѣ, стоялъ, погруженный въ созерцаніе ея лица, — какъ бѣдный уличный мальчикъ, который стоитъ на темной улицѣ и глядитъ въ окна освѣщенной праздничной залы, томясь желаніемъ радости, едва не плача и все-таки испытывая жгучую радость.

На слѣдующее утро Грабаусъ получилъ письмо такого содержания: „Дорогой другъ, приходите ко мнѣ сегодня днемъ вы-

пить чашку чая. Я покинута всѣми и страшно несчастна. При-
вѣтъ. Ваша Магги Тѣнь. — Пожалуйста, приходите, не обманите!

Около пяти часовъ Грабаусъ направился на Кирхштрассе. Когда онъ позвонилъ, старуха Марушка осторожно открыла только щелку въ двери и сердито оглядѣла его своими недоверчивыми цыганскими глазами, прежде чѣмъ впустить.

— Ахъ, это вы! Я пойду, скажу барышнѣ. Можетъ быть, она тогда встанетъ.

— Развѣ она еще въ постели?

— Она ужъ два дня какъ не вставала. Говорить, что не для чего. Мы ужъ и доктора звали.

— Развѣ она больна?

— Не то чтобы больна, но у нея былъ сердечный припадокъ. Докторъ говоритъ, что сердце здоровое, только переутомленное. Да и не удивительно!

Старуха провела его въ гостиную, гдѣ были спущены шторы. Она зажгла свѣтъ и снисходительно пододвинула ему кресло.

— Присядьте пока. Барышня, вѣрно, скоро выйдетъ.

Прошло, однако, еще довольно много времени, прежде чѣмъ открылась дверь и вошла Магги. Она безмолвно остановилась у порога, вытерла платочкомъ послѣднюю слезу изъ глазъ и медленно опустила узкую руку на свое лиловое платье. Углы ея рта устало опустились, лицо было блѣдное, цвѣта пожелтѣвшаго шолка; глаза, окруженные черными тѣнями, казались огромными и черными какъ уголь. Несмотря на всю свою печаль, она была чрезвычайно красива въ эту минуту. Растроганный чуть не до слезъ ея скорбнымъ видомъ, Грабаусъ подошелъ къ ней и, передавая ей букетъ розъ, сказалъ:

— Магги, не приходите въ такое отчаяніе!

— Ахъ, милый другъ, какъ я вамъ благодарна за то, что вы пришли! Теперь, по крайней мѣрѣ, у меня есть передъ кѣмъ излить мое горе. Зачѣмъ я еще жива? Я уже четыре дня не встаю съ постели, лежу въ темнотѣ и не могу никого видѣть. Ахъ, какъ у меня болитъ сердце! Я такъ устала! Я такъ больна!

Она опустила на стулъ у маленькаго столика, отирая платочкомъ слезы, которыя не переставали литься у нея изъ глазъ. Грабаусъ нѣжно гладилъ ея руку, стараясь успокоить ее. Марушка безмолвно вошла и принесла чай.

— Принесите и рому для доктора Грабауса.

Но такъ какъ Грабаусъ не пилъ рома, то Магги влила двѣ ложечки себѣ въ чай. Она глубоко вздохнула съ искренней душевной мукой и, глядя на своего гостя затуманенными отъ слезъ глазами, сказала:

— Какъ можно быть такимъ жестокимъ! Онъ въ двухъ словахъ сообщаетъ мнѣ, что между нами все кончено, что онъ меня больше не любитъ. И онъ полагаетъ, что я тоже сейчасъ же разлюблю его. Я даже не порвала его письма. Оно лежитъ у меня на столѣ. Я лишилась чувствъ.

— Магги, онъ недостойнъ вашей любви!

— Недостойнъ! Развѣ любовь объ этомъ спрашиваетъ? Любишь человѣка—вотъ и все. И въ этомъ счастье. Есть на свѣтѣ человѣкъ, ради котораго живешь. Вѣдь и въ отсутствіи мнѣ все-таки казалось, что онъ здѣсь, въ моей комнатѣ. Я не была одна. А теперь я чувствую себя тавой одинокой! Какая мука лежать въ постели безъ сна и все время—днемъ и ночью—слушать тиканье часовъ! И сердце тоже стучало все время въ тактъ часамъ. Ужасно, ужасно! Отъ этого не умираешь, но чувствуешь, какъ постепенно точно разбиваешься на кусочки. Я такъ устала, такъ пала духомъ! И какъ продолжать жить въ такомъ состояніи?

— Магги! Грѣшно приходитъ въ такое отчаяніе. Вы такъ молоды, прекрасны, очаровательны...

— Это вы говорите, чтобы утѣшить меня. На самомъ дѣлѣ, я сдѣлалась уродомъ.

— Нѣтъ,—искренно возразилъ онъ.—Вы менѣе всего уродъ. Когда вы вотъ стояли тамъ,—я даже былъ пораженъ,—вы были истинно очаровательны. Страніе сдѣлало васъ еще болѣе красивой.

— Неужели?

Ея лицо невольно озарилось счастливой улыбкой. Она налила себѣ еще чашку чая, влила въ нее три ложечки рома и выпила почти залпомъ.

— Дѣйствительно, не стоитъ горевать,—сказала она вдругъ измѣнившимся голосомъ.—Нужно быть веселой, легкомысленной,—вѣдь жизнь такъ коротка! Ну, а теперь расскажите что-нибудь о себѣ. Какъ это случилось, что вы еще въ Берлинѣ?

Грабаусъ сталъ рассказывать. Такъ какъ ему, однако, не хотѣлось говорить Магги о Маріи-Луизѣ, то онъ объяснилъ отсрочку своего отъѣзда тѣмъ, что общалъ сдѣлать докладъ въ одномъ литературно-научномъ обществѣ; это была правда. Онъ назвалъ тему своего доклада, распространился объ основной идеѣ. Магги слушала его очень невнимательно; слезы все обильнѣе катились изъ ея глазъ, и чѣмъ дольше онъ говорилъ, тѣмъ болѣе она нервно двигалась и вздыхала. Наконецъ, она схватила его за руку.

— Я даже не поблагодарила васъ за розы,—сказала она.— Онѣ такъ дивно пахнутъ. Но зачѣмъ вы меня такъ балуете? Розы теперь не для меня. Мнѣ больше къ лицу вѣнокъ изъ иммортелей. Мнѣ часто за это время снилось, что я лежу въ гробу. И мнѣ было такъ хорошо. Смерть вѣдь прекрасна.

— Чтѣ вы говорите, Магги? Неужели вы серьезно хотите умереть?—съ ужасомъ спросилъ Грабаусъ.

— Вы мнѣ не вѣрите? Если бы вы знали, какъ часто я думаю о смерти. Уже въ дѣтствѣ мнѣ хотѣлось умереть; я почувствовала, что жизнь моя будетъ печальная. Какія у меня радости въ жизни? Родителей у меня нѣтъ. Всѣ кругомъ мнѣ измѣняютъ. Будь теперь зима, я бы выбѣжала и легла въ снѣгъ. Говорятъ что это такая пріятная смерть... А вы еще не вѣрите, что я дѣйствительно хочу умереть!

Возмущенная его недоувѣріемъ, она налила себѣ еще чашечку—наполовину чая, наполовину рома—и быстро выпила ее.

— Неужели вы считаете меня легкомысленной—такой, какъ другія актрисы? Вы думали, что я говорю на вѣтеръ! Вотъ увидите, я скоро умру, и вамъ же будетъ жалко меня. Докторъ меня изслѣдовалъ—и такимъ тономъ сказалъ, что причина моей болѣзни не въ сердцѣ, что я поняла его: у меня легочная болѣзнь. Я навѣрное скоро умру отъ чахотки,—тогда вы ужъ не станете говорить, что я не серьезно говорю о смерти.

Она стала громко рыдать, какъ безутѣшный ребенокъ, и Грабаусу стоило большого труда успокоить ее. Наконецъ она поддалась его уговорамъ, осушила слезы и сказала, вдругъ возвысивъ голосъ:

— Хорошо, я не буду больше плавать,—да у меня ужъ и слезъ нѣтъ. И зачѣмъ плакать? Его любовь дала мнѣ много радости,—можетъ быть, даже больше, чѣмъ ему—моя. А теперь—ха-ха-ха!—теперь я буду смѣяться.

Она засмѣялась нѣсколько неестественнымъ смѣхомъ и прихлебнула изъ чашки, въ которой было больше рома, нежели чая.

— Да чтѣ, собственно, случилось? Кому какое дѣло до того, что разбито сердце у несчастной дѣвушки,—что ея бѣдное, молодое сердце глубоко страдаетъ? Но неужели ему все равно, что онъ разлюбилъ меня? Какъ онъ меня не пожалѣетъ?! Меня, которая такъ горячо его полюбила и теперь осуждена на безвыходную муку?

Сказавъ это, она вдругъ вскочила и, сдѣлавъ отстраняющій жестъ рукой, неожиданно заговорила совсѣмъ другое.

— Нѣтъ, я не хочу, чтобы онъ меня жалѣлъ. Не хочу!

Совершенно растерявшись отъ изумленія, Грабаусъ молча глядѣлъ на нее. Ея слова казались ему такими знакомыми. Онъ все это уже слыхалъ,—только не могъ припомнить теперь, отъ кого и гдѣ. Магги продолжала страстныя изліянія своей скорби. Теперь она уже не только говорила, но дѣлала разные жесты, то складывала руки на груди, то закрывала и открывала глаза и лицо ея поражало выразительностью мимики. Все это было очаровательно, но очень удивляло Грабауса, казалось ему наполовину правдой, наполовину комедіанствомъ. И слова ея странно противорѣчили одни другимъ. Они звучали то цитатой изъ Гёте, то тирадой изъ Сарду. Потомъ она стала постепенно успокаиваться, сѣла на диванъ рядомъ со своимъ новымъ другомъ и уже только потихоньку рыдала.

— Будьте добры ко мнѣ!—Я говорю отъ души.—Будьте мягки и милы со мной! Мнѣ нужно, чтобы меня любили. Я такъ одинока!—Дайте мнѣ еще чашечку чая.

Онъ налилъ ей еще чашку и сталъ пить ее, какъ ребенка. Потомъ она опустила голову ему на грудь, едва слышно вздохнула нѣсколько разъ и закрыла глаза. Грабаусъ сидѣлъ почти не двигаясь и прислушиваясь къ ея ровному дыханію, доказывавшему, что она заснула. Такъ прошло минутъ десять. Тогда онъ осторожно положилъ ея голову на подушку и хотѣлъ тихонько выйти изъ комнаты. Но когда Магги услышала легкій скрипъ двери, она приподнялась и съ изумленіемъ спросила:

— Развѣ вы уже собираетесь уходить?

— Я долженъ, Магги. Пора.

— Подождите еще минутку. Вы еще не попрощались со мной.

Онъ снова подошелъ къ ней и участливо спросилъ:

— Вамъ лучше теперь?

Она протерла глаза, зѣвнула и сказала довольно веселымъ голосомъ:

— Я, кажется, глубоко заснула.—Но послушайте, завтра я играю. Приходите въ театръ. Обѣщаете?

— Я условился съ однимъ пріятелемъ провести вечеръ вмѣстѣ,—сказалъ Грабаусъ.

— Такъ приведите и его. Я пришлю два билета. Потому мы вмѣстѣ поужинаемъ и поболтаемъ еще. Мнѣ не хотѣлось бы поѣхать домой сейчасъ же послѣ спектакля.

— Я съ удовольствіемъ приду, если вы позволите привести моего пріятеля. Онъ очень милый молодой человѣкъ.

— Неужели есть милые люди—среди мужчинъ?—элегическимъ тономъ спросила Магги. Но потомъ она вскочила и

восторженно воскликнула:—Конечно есть! Вѣдь вотъ вы такой хорошій! Вы такъ славно утѣшили меня. Я вамъ истинно благодарна. Вы отнеслись ко мнѣ серьезно,—и я въ этомъ очень нуждаюсь. Всѣ обращаются со мной какъ съ легкомысленнымъ ребенкомъ. Но вѣдь вы—вы вѣрите глубинѣ моихъ чувствъ?

— Да,—отвѣтила Грабаусъ, едва удерживаясь отъ улыбки. Магги протянула ему руку, и онъ ушелъ.

Никогда еще Грабаусъ не занимался такъ тщательно своимъ туалетомъ, какъ въ этотъ разъ, и никогда не былъ такъ неуверенъ въ себѣ. Онъ расчесалъ волосы и бороду, въ третій разъ вымылъ руки, и осмотрѣлъ себя въ зеркалѣ, какъ молодая дѣвушка, держа высоко въ рукѣ свѣчу. Потомъ онъ вдругъ отставилъ свѣчу и сѣлъ на стулъ въ глубокомъ раздумьи.

„Что все это означаетъ?—подумалъ онъ.—Неужели я сдѣлался фатомъ и надѣюсь ей больше понравиться, если я наряжусь какъ обезьяна? Зачѣмъ мнѣ вообще идти на этотъ балъ? То, что было хорошо разъ, не повторяется. Она окружена толпой людей, должна исполнять свою роль свѣтской женщины, а я—я навѣрное буду держаться натянуто, замкнуто и уйду глубоко разочарованный. Тотъ единственный моментъ внезапно отделилъ насъ отъ всѣхъ окружающихъ, отъ всякихъ условностей. И если я хочу видѣть ее такой, какова она въ дѣйствительности, лучше пойти въ „Тиргартенъ“ или смотрѣть на звѣзды.

Раздался стукъ въ дверь, и въ комнату вошелъ молодой фонъ-Элленъ.

— Какъ, уже во всемъ парадѣ?

— Да. Я не могъ въ точности разсчитать, сколько времени нужно, чтобы добраться сюда,—это такъ далеко отъ меня. А я хотѣлъ придти лучше слишкомъ рано, чѣмъ опоздать. Но вы, пожалуйста, не торопитесь. У насъ еще много времени.

Онъ снялъ пальто, и такъ какъ оба соломенныхъ стула были заняты платьемъ и книгами, то усѣлся на краю кровати. Эти нѣсколько дней уже измѣнили его. Лицо его расцвѣло и казалось особенно свѣжимъ послѣ того, какъ онъ провелъ цѣлый день, гуляя по потсдамскому парку.

— Какъ вы себя чувствуете во фракѣ? — спросилъ Грабаусъ.—Нѣсколько не по себѣ съ непривычки?

— Да, немножко. Удивительно, до чего мы зависимъ отъ всего внѣшняго. Я вѣдь съ моей хозяйкой въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Считаюсь какъ бы членомъ семьи. Она обо

всемъ мнѣ рассказываетъ, совѣтуется со мной. Когда я былъ боленъ, она за мной ухаживала. Ея дѣти считаютъ мою комнату своимъ царствомъ, играютъ въ ней, карабкаются ко мнѣ на колѣни. Но сегодня все измѣнилось. Передъ уходомъ я хотѣлъ еще закусить и позвонилъ. Хозяйка вошла. Увидавъ меня во фракѣ, она съ испугомъ поставила лампу на столъ. Младшій ребенокъ по привычкѣ подбѣжалъ ко мнѣ, но старшая сестра остановила его. „Ты съ ума сошелъ!—крикнула она.—Ты запачкаешь господина фонъ-Эллена“. Всегда меня называли „дядей“, теперь я вдругъ сдѣлался господиномъ фонъ-Элленомъ. И самое глупое то, что и я въ эту минуту смотрѣлъ на нихъ другими глазами. Никогда дѣтишки не казались мнѣ до такой степени грязными и запущенными. Потомъ мнѣ даже стало стыдно.

— Такова природа человѣка. Мы постепенно становимся дѣйствительно таковы, какими кажемся.

Среди разговора Грабаусъ кончилъ свой тщательный туалетъ, и такъ какъ дѣйствительно было еще рано, то заказалъ еще бутылку вина и бутербродовъ. Пока они подерѣплялись, они сразу завели разговоръ, увлекшій ихъ очень далеко отъ предстоящаго вечера. Когда Вольфъ взглянулъ на часы, оказалось, что прошелъ уже цѣлый часъ, и что нужно торопиться. Они уже надѣли пальто, когда Грабаусъ вдругъ сказалъ:

— А что, если бы совсѣмъ не пойти? Не лучше ли отскатать какое-нибудь тихое кафе и продолжать тамъ нашъ разговоръ?

— Но я общалъ сестрѣ придти, и кромѣ того—я хотѣлъ бы повидать еще разъ фрейлейнъ Тень.

— Развѣ она тамъ будетъ?

— Она, по крайней, мѣрѣ общала...

— Въ такомъ случаѣ, конечно, дѣло другое,—со смѣхомъ сказалъ Грабаусъ.

— Да вѣдь это только... мы говорили о Грильпарцерѣ въ тотъ вечеръ послѣ театра. И я теперь хотѣлъ бы подѣлиться съ ней одной мыслью, которая пришла мнѣ въ голову.

— Идемте же скорѣе. Я только пошутилъ. Само собой разумѣется, что мы будемъ на вечерѣ.

Они быстро добѣжали до конца улицы и сѣли въ конву. Очень внушительные осанистые лакеи отобрали у нихъ билеты при входѣ въ рейхстагъ. На вѣшалкахъ въ передней уже почти не было свободнаго мѣста.

— Развѣ уже началось?—спросилъ Грабаусъ.

— Нѣтъ, но сейчасъ начнутъ,—отвѣтила женщина, которой они вручили наконецъ свои пальто и шляпы.

Они быстро взбѣжали по лѣстницѣ. Передъ ними открылся залъ съ мраморными колоннами и стѣнами. Толпа людей почти исчезала въ этомъ огромномъ пространствѣ. Грабауса охватило чувство своего ничтожества. Въ разныхъ мѣстахъ стояли группы разговаривающихъ людей, старыхъ дамъ, старавшихся замѣнить пышностью туалетовъ и длиной шлейфовъ отсутствіе красоты и молодости, молодыхъ женщинъ съ нѣжно-розовыми лицами и плечами, мужчинъ во фракахъ, съ напускнымъ выраженіемъ интересности на лицахъ, офицеровъ въ парадной формѣ. Въ первый разъ общественный балъ устраивался въ залахъ рейхстага. Но вся эта болтающая, свободно двигающаяся толпа чувствовала себя здѣсь повидимому какъ дома. Изрѣдка только кто-нибудь говорилъ:— „Очень мило, очень красиво. Не мало, вѣрно, денегъ стоило“. Но большинство было, повидимому, гораздо болѣе занято собой, чѣмъ видомъ залъ. Въ одномъ углу Грабаусъ неожиданно увидѣлъ директора департамента, Вальбольда. Онъ казался совершенно невзрачнымъ среди блестящихъ мундировъ. Какъ всегда, одна его рука была засунута въ карманъ панталонъ, и Грабаусу ясно представлялся огромный ключъ, которымъ онъ игралъ. Вальбольдъ оживленно говорилъ съ какимъ-то человѣкомъ, повидимому о дѣлахъ, и глаза его были полузакрыты. Только когда по близости проходила красивая женщина въ глубокомъ декольтѣ, взоръ его оживлялся, какъ у гастронома, которому неожиданно попался въ ротъ лакомый кусокъ.

Вдругъ кто-то хлопнулъ Грабауса по плечу.

— Здравствуй, здравствуй. Ты еще здѣсь? А я думалъ, что ты давно вернулся въ свое гнѣздо.

Грабаусъ узналъ Гебгарда, пожалъ ему руку, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь отвѣтить, художникъ уже куда-то исчезъ.

— Мы, надѣюсь, еще увидимся, — крикнулъ онъ ему вслѣдъ.

Грабаусъ взялъ подъ руку Вольфа, и они врѣзались вдвоемъ въ толпу, озираясь по сторонамъ. Вдругъ Грабаусъ увидѣлъ Марію-Луизу.

— Ваша сестра вонъ тамъ, въ первыхъ рядахъ, — сказалъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

— Кого вы увидели? Фрейлейнъ Тёнъ?

Грабаусъ отрицательно покачалъ головой. Онъ чувствовалъ, какъ кровь прилила ему въ сердце и онъ весь похолодѣлъ.

— Вонъ тамъ стоитъ ваша сестра. Развѣ вы не хотите подойти къ ней?

— Конечно хочу, я только не зналъ, гдѣ она, — равнодушно отвѣтилъ Вольфъ.

Имъ пришлось сдѣлать большой кругъ, чтобы дойти туда. Много рядовъ стульевъ, много людей, прорывавшихся впередъ, раздѣляли ихъ отъ группы, среди которой находилась Марія-Луиза. Наконецъ Вольфъ тоже увидалъ сестру и направился къ ней. Грабаусъ медленно пошелъ за нимъ, не замѣчая ничего вокругъ себя, видя только впереди высокую, стройную фигуру. Съ каждымъ шагомъ, приближавшимъ его къ ней, сердце его сильнѣе стучало.

Въ послѣдніе дни онъ часто останавливался на улицѣ передъ витринами большихъ магазиновъ, гдѣ выставлены были бальные туалеты. Прежде онъ бы прошелъ мимо нихъ совершенно равнодушно, но теперь витрины съ нарядами привлекали его взоръ съ магической силой. Его фантазіи рисовался образъ Маріи-Луизы во всѣхъ этихъ бѣлыхъ, розовыхъ, кремовыхъ и другого цвѣта платьяхъ. Но когда онъ ее увидѣлъ теперь въ туалетѣ изъ бирюзоваго шолка, изъ котораго выступали ея нѣжныя, бѣлыя какъ мраморъ плечи, и въ качествѣ единственнаго украшенія — тонкую бархатку на шеѣ съ большимъ брилліантомъ по срединѣ, онъ ясно почувствовалъ, что только это платье она и могла надѣть.

Вольфъ поздоровался съ сестрой и шуриномъ. Марія-Луиза протянула руку Грабаусу. Онъ ей низко поклонился, но не могъ произнести ни слова. Майоръ съ искренней радостью пожалъ ему руку.

— Какъ это хорошо, что вы здѣсь! Мы сможемъ выразить вамъ сейчасъ же нашу благодарность. Но, скажите, есть у васъ мѣсто? Хорошо бы намъ сидѣть всѣмъ рядомъ. Только позвольте...

Майоръ сталъ называть множество именъ, обремененныхъ титулами и почетными званіями, и Грабаусу долгое время приходилось все только кланяться направо и налево.

— Вольфъ, ты бы постарался раздобыть нѣсколько стульевъ, — обратился майоръ къ своему шурину, окончивъ представленія.

Въ то время какъ Вольфъ услужливо пошелъ исполнить порученіе майора, Марія-Луиза обратилась къ Грабаусу. Едва замѣтное смущеніе слышалось въ ея тонѣ, когда она сказала послѣ короткаго колебанія:

— Какъ странно, что вы встрѣтились съ моимъ братомъ!

— Да, странно! — отвѣтилъ онъ, едва рѣшаясь взглянуть на нее.

Съ галереи раздались звуки трубъ, и публика стала быстро

занимать мѣста. Вольфъ нашелъ только одинъ стулъ и приставилъ его къ концу ряда. На него сѣлъ Грабаусъ, очутившись такимъ образомъ очень близко отъ Маріи-Луизы; ихъ раздѣляли только четыре человѣка, но все-таки онъ не могъ ее видѣть. Въ то время какъ бурные звуки музыки, какъ гнѣвно вздымающіяся волны, ударялись о мраморныя стѣны, его охватила безграничная душевная мука. Ему казалось, что Маріи-Луиза на вѣки отдалена отъ него, и что всѣ люди, громкія имена которыхъ ему называли, — люди ея, а не его круга, — стоятъ между ними какъ стѣна. Чтò онъ такое, и чѣмъ онъ могъ стать? Если будущее ему улыбнется, то его имя будетъ окружено почетомъ. Онъ можетъ стать выдающимся ученымъ, и тогда она будетъ относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ, можетъ быть будетъ интересоваться его книгами, но все-же ихъ будетъ раздѣлять глубокая пропасть. Онъ будетъ всегда для нея чуждымъ другимъ міра.

Послѣдній грубый звукъ отзвучалъ, какъ угасаетъ послѣдній знойный лучъ солнца. Наступила тишина. Слышался только легкій шумъ электричества, и отъ времени до времени стукъ передвигаемаго стула. Тишина становилась все болѣе и болѣе глубокой. Съ мраморныхъ колоннъ, съ бѣлоснѣжныхъ стѣнъ, съ высокаго купола лились потоки благоговѣйнаго трепета, и свѣтская зала преобразилась сама собой въ храмъ. Раздались звуки Бетховенскаго: „Небеса славятъ Господа“. Мощно и въ то же время съ какой-то трепетной робостью, съ ликованіемъ и нѣжностью понеслись звуки мужскихъ голосовъ, наполняя огромную залу волнами свѣта, побѣды и радости. Сердце Грабауса воспрянуло при этихъ звукахъ, уносившихъ его ввысь. Ему казалось, что ликующій хоръ возвѣщаетъ славу Маріи-Луизы. Пусть она витаетъ въ недосягаемыхъ для него даяхъ, — достаточное блаженство уже знать ее и глядѣть на нее, какъ на далекую сияющую звѣзду.

Пѣніе гимновъ и кантатъ длилось, однако, слишкомъ долго, чтобы удержать вниманіе публики. Всѣ уже стали поглядывать на программу, и нѣкоторыя дамы съ неудовольствіемъ задвигались на стульяхъ, очевидно думая, что вѣдь не ради этого почетнаго хора онѣ надѣли столько брилліантовъ.

Всѣ вздохнули свободнѣе, когда выступила солистка. Ея пѣніе вызвало шумные аплодисменты. Но все-таки, когда одинъ господинъ сказалъ своему сосѣду: „Не аплодируйте слишкомъ настойчиво, а то она еще вздумаетъ биссировать“, то эти слова вполне выражали общее настроеніе.

Но она все-таки биссировала, и публика выслушала ее съ корректнымъ вниманіемъ. Но когда замерь послѣдній звукъ, вся толпа хлынула въ сосѣднюю комнату, гдѣ разставлены были буфеты. Марія-Луиза и ея компанія сѣли за столы, приготовленный для нихъ Гебгардомъ. Лавей принесъ шампанское и холодныя закуски. Около Маріи-Луизы сидѣлъ старый генераль, который говорилъ съ восторгомъ о великомъ прошломъ, когда еще Бисмаркъ произносилъ рѣчи въ рейхстагъ. Молодой блѣдный графъ съ женственнымъ лицомъ и тонкимъ голосомъ рѣзко критиковалъ архитектуру рейхстага. — Это изобиліе мрамора и эти гигантскія дорическія колонны подходятъ для людей въ пестрыхъ декоративныхъ костюмахъ, — говорилъ онъ, — а не для современныхъ нѣмцевъ.

Вольфъ, который все еще безпокойно искалъ глазами Магги, съ трудомъ поддерживалъ разговоръ съ молодой барышней изъ Потсдама.

— Я сегодня провелъ цѣлый день въ Потсдамѣ, — сказалъ онъ ей.

— Въ Потсдамѣ? — отвѣтила барышня.

— Я бродилъ по паркамъ. Конечно, я заходилъ и въ замки. Больше всего мнѣ понравился Санъ-Суси.

— Санъ-Суси? — отвѣтила барышня.

— Тамъ все еще сохранилось въ старомъ видѣ. Тамъ вѣтъ еще духъ стараго Фрица.

— Стараго Фридриха Великаго? — отвѣтила барышня.

— Вы вѣдь, конечно, знаете Санъ-Суси?

— Санъ-Суси — да, снаружи. Я была съ мамой въ новомъ дворцѣ.

Мама, старая толстая маленькая генеральша, съ копной фальшивыхъ сѣдыхъ волосъ на головѣ, была гораздо разговорчивѣе. Она точно освѣдомилась, кто онъ и откуда, и потомъ сказала:

— Удивительно, до чего изъ газетъ ничего нельзя узнать. Постоянно читаешь о томъ, что въ рейхстагъ всѣ спорятъ и не соглашаются съ мнѣніемъ другъ друга. А вотъ о томъ, что у нихъ такой прекрасный хоръ, въ газетахъ не пишутъ. Мнѣ было очень приятно слушать, какъ они согласно поютъ.

Разубѣдить генеральшу въ томъ, что хоръ состоитъ не изъ членовъ парламента, было очень трудно, и Грабаусъ оставилъ ее при ея убѣжденіи. Ко всему, что говорилось и происходило вокругъ него, онъ былъ почти глухъ и слѣпъ, — до того вся душа его была преисполнена близостью Маріи-Луизы. Она спросила

его черезъ весь столъ, какъ ему понравилось пѣніе хора,—и звуки ея голоса долго продолжали звучать въ его ушахъ. Какое ему дѣло до хора? Онъ только зналъ, что ея голосъ поразительно звучитъ, что ея глаза все освѣщаютъ и все затмеваютъ собой, какъ солнце.

Изъ большой залы раздались звуки вальса. Всѣ поднялись. Марія-Луиза тоже встала и ушла подъ-руку со старымъ генераломъ, который ступалъ на цыпочкахъ и шелъ еще молодцоватымъ шагомъ, какъ боевая лошадь, слышавшая знакомые звуки марша. Маленькая, толстая генеральша обратилась къ Грабаусу и сказала:

— А теперь покажите мнѣ знаменитостей. Меня очень интересуютъ знаменитые люди.

— Простите,—отвѣтилъ Грабаусъ, — я не могу вамъ быть полезнымъ, потому что не знаю никого изъ знаменитостей. Я вообще здѣсь знаю двухъ-трехъ людей, но вамъ можетъ показать всѣхъ мой другъ.

Быстро рѣшившись, онъ схватилъ художника за руку, представилъ его генеральшѣ и объяснилъ ему ея желаніе. Гебгардъ услужливо предложилъ ей руку и пошелъ съ ней по заламъ.

Когда Грабаусъ вошелъ въ танцевальную залу, его остановилъ Вольфъ.

— Уже одиннадцать часовъ, а я ея все еще не видѣлъ,—прошепталъ онъ съ отчаяніемъ въ голосъ, поглядывая при этомъ съ страдальческимъ видомъ на свою сосѣдку, которая стояла подлѣ него съ равнодушнымъ лицомъ хорошо воспитанной дѣвушки.

Грабаусъ прислонился къ одной изъ колоннъ, и въ то время, какъ то вблизи, то вдали мелькало бирюзовое платье Маріи-Луизы, выдѣлявшееся своимъ изысканнымъ цвѣтомъ среди всѣхъ другихъ пестрыхъ туалетовъ, настроеніе у него было такое, какового онъ ожидалъ: томительное, близкое къ рыданіямъ и все-же блаженное. Онъ былъ убѣжденъ, что оно останется такимъ же до конца вечера. Окруженная столькими людьми, развѣ она удѣлитъ ему хоть немного времени? Но когда онъ ее увидѣлъ среди маленькой группы, рядомъ съ мужемъ, и замѣтилъ, что она отказала офицеру, подошедшему пригласить ее танцевать, онъ быстро направился къ ней черезъ толпу. У него было такое чувство, какъ у человѣка, который бросается въ горящій домъ, чтобы во что бы то ни стало вынести оттуда самое дорогое ему существо. При видѣ его, майоръ протянулъ ему руку.

— Мы все время искали васъ,—сказалъ онъ.—Уже скоро

полночь, а мы совсѣмъ не говорили съ вами. А моя жена весь день твердила мнѣ о томъ, какъ мы должны быть вамъ благодарны. Скажи же, что ты хотѣла сказать! Но не будь такой застѣнчивой, какъ иногда, когда ты не рѣшаешься сказать то, что нужно.

— Я полагаю, что докторъ Грабаусъ хорошо знаетъ, что я ему хочу сказать, — отвѣтила Марія-Луиза, — и понимаетъ также, что я не могу говорить, когда каждую минуту мѣшаютъ посторонніе люди. Пойдемте, сядемъ.

Она подошла къ стулу, сѣла и попросила его сѣсть подлѣ нея.

— Я васъ прошу, — сказалъ Грабаусъ, — не говорите мнѣ о благодарности. За что меня благодарить?

— Мы вамъ чрезвычайно обязаны — я въ особенности. Вы мнѣ вернули брата.

— Я ничего для этого не сдѣлалъ, — только сказалъ ему то, что онъ самъ давно чувствовалъ. Все случилось бы и безъ меня.

— Мы всѣ его уговаривали. Намъ онъ не вѣрилъ. Меня, свою сестру, онъ прямо чуть не выгналъ въ прошломъ году.

— Тогда, можетъ быть, было еще слишкомъ рано?

— Можетъ быть. Но вы не представляете себѣ, до чего я беспокоилась о немъ. Можетъ быть, даже совершенно напрасно. Но таковы мы, женщины: то, что намъ кажется въ другихъ прекраснымъ и достойнымъ подражанія, пугаетъ насъ, когда это касается близкихъ людей, за которыхъ мы чувствуемъ себя отвѣтственными.

— Вы, дѣйствительно, напрасно тревожились.

— Я уже говорила это себѣ. Теперь, когда онъ вернулся къ намъ, я это ясно вижу. Но подумайте, что было бы, еслибы онъ навсегда обрекъ себя на такую жалкую участь!

— Навсегда! — вотъ въ чемъ все дѣло, — возразилъ Грабаусъ. — Когда люди дѣлаютъ что-либо необыкновенное, ихъ сейчасъ же пугаютъ этимъ словомъ. Къ нимъ являются боязливые и говорятъ: теперь-то еще ничего, но что если это будетъ продолжаться? А дѣло въ томъ, что ничего не остается неизмѣннымъ, что всегда сама собой приходитъ реакція. Природа достигаетъ гармоніи посредствомъ контрастовъ. И если только поступки чело-вѣка порождаются здоровыми инстинктами, всегда слѣдуетъ ему простить односторонность и чрезмѣрное увлеченіе. Но относительно близкихъ людей намъ всегда хочется, чтобы они не сходили съ прямой дороги, не ушиблись и не пострадали. А между тѣмъ вѣдь мы знаемъ, что нормальные люди всегда были только подражателями и ничего порядочнаго не сдѣлали.

— Какой серьезный разговоръ среди бала! — произнесъ чей-то голосъ.

За ними стоялъ Гебгардъ. Марія-Луиза обернулась къ нему нѣсколько нетерпѣливымъ, нервнымъ жестомъ.

— Простите, фрау Платенъ, что я прерываю вашъ разговоръ. Но я такъ удивленъ, что мой другъ еще въ Берлинѣ, и не могу не высказать ему этого.

— У меня завтра докладъ въ одномъ научномъ обществѣ, — отвѣтилъ Грабаусъ.

— Такъ это наука задержала тебя въ Берлинѣ?

— Кто эта красивая дама, которая танцуетъ съ моимъ братомъ? — спросила Марія-Луиза Грабауса.

— Эта дама — фрейлейнъ Тёнъ, актриса нѣмецкаго театра. Вашего брата познакомилъ съ нею я, а меня познакомилъ вотъ этотъ мой другъ.

Художникъ тоже съ удивленіемъ взглянулъ на танцующую парочку, видимо очень занятую другъ другомъ. Они никого не замѣчали и быстро приближались, вальсируя, къ разглядывающей ихъ группѣ.

— Да, дѣйствительно — фрейлейнъ Тёнъ. Но простите меня, фрау Платенъ, я какъ разъ вижу тамъ...

Гебгардъ отвѣсилъ глубокой поклонъ и постарался какъ можно скорѣе исчезнуть. Грабаусъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ. Вольфъ и Магги провальсировали мимо нихъ съ раскраснѣвшимися лицами, свергающими глазами и, повидимому, очень увлеченные другъ другомъ.

— Какъ они очаровательно танцуютъ! — сказала Марія-Луиза. — Я такъ рада видѣть его снова танцующимъ. Я бы не повѣрила, что это возможно. И какой онъ веселый, сіяющій!

— Вы, вѣжета, тоже любите танцовать?

— Да, очень люблю, — отвѣтила она и быстро поднялась.

— Ахъ, а я такой плохой танцоръ!

— Все-таки попытайтесь. Вы навѣрное сможете протанцовать вальсъ, въ особенности этотъ, мой любимый. Вы вѣдь его знаете?

— Я долженъ сознаться, къ моему стыду...

— Какъ, вы не знаете вальса изъ „Фрейшюца“? Не знаете очаровательной исторіи о томъ, какъ Веберъ его сочинилъ?

— Нѣтъ.

— Вся опера была уже у него готова, недоставало только вальса, и ему не приходилъ въ голову ни одинъ тактъ. Онъ бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ очень раздраженный, и въ

это время вошла къ нему его хозяйка, м-мъ Нудельбекенъ. Вдругъ у него прозвучала въ ухахъ мелодія вальса,—онъ схватилъ толстую даму за талію, сталъ вертѣть ее и при этомъ напѣвать: „Мадамъ Нудельбекенъ... мадамъ Нудельбекенъ... мадамъ Нудельбекенъ“... Это и была мелодія вальса. Попробуйте и вы.

Она ловкимъ движеніемъ приподняла шлейфъ платья, въ то время какъ онъ трепетно обнялъ ее за талію. Онъ былъ плохимъ танцоромъ, но еслибы въ эту минуту Марія-Луиза потребовала отъ него, чтобы онъ прошелся по канату, протянутому на высотѣ башни, онъ бы исполнилъ это съ совершенствомъ. Онъ уже не былъ самимъ собой, а существомъ съ неограниченной силой и чувствовалъ себя способнымъ на все, что угодно. Они скользили по гладкому и въ то же время мягкому, поддающемуся движенію ногъ, мраморному полу. Марія-Луиза слегка наклонила голову на правое плечо и съ улыбкой на полу-открытыхъ губахъ напѣвала въ полголоса: „Мадамъ Нудельбекенъ, мадамъ Нудельбекенъ, мадамъ Нудельбекенъ“. Онъ крѣпко обхватилъ ее за талію, и у него было такое чувство, точно онъ не кружится на твердой почвѣ, а поднимается все выше и выше съ этимъ легкимъ существомъ, и что люди исчезаютъ все глубже и глубже внизу. Онъ бы не могъ остановиться самъ, и когда музыка оборвалась, онъ продолжалъ нестись, пока Марія-Луиза не низвела его медленно на землю, остановившись подлѣ мужа.

— А!—произнесла она, глубоко вздохнувъ.—Это вы называете быть плохимъ танцоромъ?

— Дитя, дитя! — сказалъ маіоръ:—какой это былъ нескончаемый танецъ!

Грабаусъ поблагодарилъ ее глубокимъ поклономъ и — случайно ли это было, или ему показалось — онъ почувствовалъ, отпуская ея руку, короткое пожатіе. Въ эту минуту подошли еще нѣсколько людей, и онъ смогъ незамѣтно уйти. Онъ прошелъ мимо толпы людей, миновалъ сосѣдную залу, гдѣ лакеи убирали опустѣвшіе столы, затѣмъ комнату, гдѣ у зеленыхъ столовъ сидѣли въ удобныхъ позахъ группы разговаривающихъ, еще одну комнату, гдѣ вспугнулъ занятую нѣжнымъ разговоромъ влюбленную парочку, и вошелъ въ темную, освѣщенную только нѣсколькими свѣчами, залу. Это была зала засѣданій рейхстага. Онъ сѣлъ на первый попавшійся стулъ, какъ разъ тамъ, гдѣ обыкновенно сидѣли члены оппозиціи. Большая полутемная зала, слабо освѣщенная сверху матовымъ свѣтомъ, дрожащіе блики на полированномъ дубовомъ деревѣ, пустыя галереи и множество пустыхъ мѣстъ, при этомъ тишина, въ которой слышались отго-

лоски взволнованныхъ рѣчей, — все это было очень странно и почти таинственно. Онъ сѣлъ, опираясь на руки, и обхватилъ руками голову. Такъ онъ глядѣлъ въ пространство, въ сильномъ волненіи; бушующія въ его сердцѣ силы грозили устойчивости всего его существа.

Говорятъ, что всемірная выставка въ Чикаго была открыта тѣмъ, что рука ребенка нажала электрическую кнопку. Въ тотъ моментъ, когда слабый дѣтскій палецъ соединилъ провода, задыгались машины, заходили колеса, полилась потоками вода — и проснулись миллионы дремлющихъ человѣческихъ чувствъ.

То же произошло и съ Грабаусомъ. Пожатіе руки Маріи-Луизы воспалило всю его душу; все, что казалось неизблемымъ, пришло въ движеніе. Для него не было теперь ничего твердаго, невозможнаго, недостижимаго. Его честолюбіе, его дѣятельность, его жена и дѣти, Марія-Луиза и ея мужъ, — все это столь устойчивое еще такъ недавно — расплывалось, какъ туманъ, какъ дымъ. Возникъ новый міръ, съ новыми неясными образами: Грабаусъ откинулся назадъ, вытянулъ впередъ руки и едва слышно произнесъ ея имя. Въ этой залѣ, въ которой звучало много громкихъ и знаменательныхъ рѣчей, быть можетъ, никогда еще не раздавались слова, исходяція изъ такого пламеннаго сердца.

III.

— Знаете, братъ Вольфъ, — сказалъ Грабаусъ молодому фонъ-Элену, взявъ его подъ руку, — изъ васъ должно выйти что-нибудь путное. Имѣя такую сестру, какъ ваша, и пользуясь ея любовью, — ну, продолжайте рассказывать. Такъ что же ваша сестра сдѣлала послѣ смерти отца?

Оба друга предприняли въ субботній день длинную прогулку изъ Іены, и теперь бодро шагали по глинистой дорожкѣ, которая вела въ расположенный по близости лѣсъ. Была уже осень. Послѣдніе лучи заходящаго солнца пробивались сквозь сѣрый туманъ, и верхушки видѣвшейся издали вишневоыя аллеи пламенѣли какъ горячіе кусты.

— Да, послѣ смерти отца, — началъ Вольфъ, но сейчасъ же остановился и спросилъ: — Вамъ не скучно? Я вѣдь уже разъ рассказывалъ вамъ все это.

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не скучно, — нетерпѣливо сказалъ Грабаусъ.

— Отецъ мой умеръ какъ разъ когда долженъ былъ занять постъ министра. Онъ уже давно управлялъ дѣлами министер-

ства и назначеніе ожидалось со дня на день, какъ вдругъ, въ придачу къ его астмѣ, онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и черезъ недѣлю умеръ. Вы не можете себѣ представить, что это значитъ для маленькой резиденціи. Только-что мы были первыми людьми въ городѣ—и вдругъ превратились въ ничто. Положеніе такое, точно загушили въ домѣ огни и сидишь въ потемкахъ. Я самъ, хотя еще былъ тогда глупымъ мальчишкой, замѣтилъ разницу отношеній къ намъ. Разъ я сказалъ сестрѣ о томъ, что все измѣнилось, и она мнѣ тогда отвѣтила: „Послушай, Вольфъ, научись смотрѣть на все открытыми глазами. Намъ придется еще много терпѣть. Отецъ намъ ничего не оставилъ и мы бѣдны. Но все-таки держи голову высоко и гордись своимъ отцомъ—онъ былъ первымъ человѣкомъ въ городѣ. Но для мамы это ужасно, и потому не дай Богъ, чтобы она что-нибудь замѣтила. Мы должны разыгрывать передъ нею комедію“.—Какъ же это сдѣлать?—„Ужъ это я устрою,—отвѣтила она.—Ты мнѣ только помоги. Прежде всего, будь дома всегда веселымъ и бодрымъ, угождай мамѣ, радуй ее хорошими откѣтками и т. д. Было бы даже хорошо, еслибы ты берегъ свое платье. Объ остальномъ ужъ я позабочусь“. И она стала вести хозяйство прямо на диво. Иногда мнѣ казалось, что она не знаетъ, какъ свести концы съ концами, но никто ничего не замѣчалъ. Она продолжала быть веселой, какъ будто ничего не случилось. Разъ мать мнѣ сказала: „Еслибы я не знала Лизу, я могла бы подумать, что она безсердечная дѣвушка. Ходить въ траурныхъ платьяхъ, а съ виду совершенно не грустная“.—Вотъ мы и стали ограничивать себя, насколько только могли, но такъ, чтобы мама не замѣчала. Когда она иногда удивлялась совращеніямъ въ хозяйствѣ, сестра смѣялась и говорила, что такъ гораздо уютнѣе. Лакея она сейчасъ же расчитала, на что мама охотно согласилась. Но ей трудно было рѣшиться отпустить камеристку. Тогда сестра сама стала причесывать ее каждое утро. И такъ она во всемъ поступала. Я прежде бралъ частные уроки французскаго языка—теперь она мнѣ ихъ стала давать. Она иногда сама варила и гладила. Затѣмъ пришлось сдать внаймы первый этажъ. Еслибы мама знала, что это дѣлается ради денегъ, она была бы страшно несчастна. Но Марія-Луиза сказала ей, что ей жутко жить въ большомъ домѣ одной съ матерью, безъ мужчинъ. Я еще тогда былъ мальчишкой, и мама сама подала мысль о сдачѣ внаймы. И когда послѣ того явился мой зять, съ которымъ Лиза уже давно вела переговоры, то мама была совершенно счастлива и была твердо увѣрена, что все устроено ею.

— Вашъ зять долго былъ съ вами знакомъ, прежде чѣмъ сдѣлался женихомъ вашей сестры?

— Почти цѣлый годъ. Это было замѣчательно пріятное время. Я помню, какъ онъ въ первый разъ былъ торжественно приглашенъ къ чаю. Потомъ онъ сталъ бывать все чаще и чаще. Мнѣ онъ очень нравился. Онъ всегда относился ко мнѣ какъ къ взрослому, и это, конечно, очень располагало меня къ нему. Разъ сестра меня спросила, какъ мнѣ собственно нравится майоръ? Я разсмѣялся и сказалъ:— Неужели ты думаешь, что я ничего не замѣчаю? Я все знаю.— Она покраснѣла и сказала: „Что же ты знаешь, глупый мальчишъ?“— Да вѣдь совершенно ясно,— отвѣчалъ я,— что майоръ—мы его всегда звали между собой майоромъ—хочетъ жениться на мамѣ.—Сестра вздрогнула, сказала: „Ты съ ума сошелъ!“ и выбѣжала изъ комнаты. Я нѣсколько смутился, но все-таки ничего не понялъ. Черезъ два дня послѣ того, мнѣ сестра сказала тономъ, котораго я никогда въ жизни не забуду: „Вольфъ, майоръ просилъ моей руки; я къ нему очень хорошо отношусь и дала ему согласіе“.

— Ну, а что же вы сказали?

— Я? Все это было такъ неожиданно, что я растерялся, бросился на шею сестрѣ и разрыдался, а потомъ выбѣжалъ изъ комнаты. У насъ въ саду было великолѣпное грушевое дерево. Я часто взбирался на него. Но въ тотъ день я влѣзъ на самый верхъ и сталъ раскачиваться. Слечу внизъ, такъ слечу, думалъ я. Но я не слетѣлъ,—только груши посыпались на землю и дерево сотряслось до самыхъ корней. Мысль о томъ, что кто-нибудь можетъ жениться на моей сестрѣ, казалась мнѣ ужасной. И къ тому еще—майоръ. Я былъ тогда еще глупымъ мальчишомъ, но у меня уже было смутное чувство рискованности, почти неестественности такого брака. Мой зять вѣдь на тридцать лѣтъ старше сестры. Ну, а все-таки имъ хорошо живется. Они совершенно счастливы.

Грабаусъ и Вольфъ дошли до вершины. Узкая тропинка вела вдоль лѣса. На далекомъ горизонтѣ плылъ среди сѣрыхъ облаковъ темно-красный полный мѣсяцъ; въ эту минуту онъ какъ разъ стоялъ надъ одинокой сосной и казался краснымъ макомъ. Передъ нимъ открывался далекій видъ черезъ глубокія долины къ далекой опушкѣ лѣса. Дорога вела въ лѣсъ, гдѣ было такъ темно, что они едва могли видѣть другъ друга. Тогда Грабаусъ вдругъ сказалъ, точно отвѣчая самъ себѣ на сложныя, противорѣчивыя мысли:

— А все-таки это очень странно.

— Ахъ!—отвѣтила Вольфъ съ наивной убѣжденностью:— это странно только для стоящихъ далеко, для людей, которые видятъ только фактъ, только то, что человѣкъ пятидесяти-двухъ лѣтъ женится на дѣвушкѣ двадцати-одного года. Но кто знаетъ обоихъ, кто знаетъ, какъ еще внутренно молодъ зять, и каковъ характеръ моей сестры, тому ясно, что они должны быть счастливы. У сестры моей удивительно счастливая натура. Собственно говоря, у нея нѣтъ никакихъ желаній. Когда она попадаетъ въ общество веселыхъ людей, она веселится болѣе, чѣмъ кто-либо. Вы вѣдь видѣли ее на балу? Но она не нуждается въ праздникахъ,—дома, въ тишинѣ, она чувствуетъ себя также хорошо. Собственно говоря, она—человѣкъ, всецѣло живущій для другихъ. Единственная ея слабость—та, что она всегда о комъ-нибудь хлопочетъ. Даже тогда, послѣ смерти отца, когда мы должны были рассчитывать каждый грошъ, у нея была еще масса бѣдняковъ, которымъ она помогала. Мы взяли къ себѣ въ домъ одного моего шеольнаго товарища, который потерялъ родителей. Потому она еще хлопотала цѣлую недѣлю, чтобы пристроить служившую у насъ прежде дѣвушку. Какъ теперь вижу ея радостное лицо, когда ей удавалось что-нибудь сдѣлать для другихъ.

Они молча продолжали путь, пока не пришли къ опушкѣ лѣса. Мѣсяць тѣмъ временемъ поднялся выше и серебрился сквозъ покровъ облаковъ. Откуда-то изъ глубины долинъ раздавался отъ времени до времени вечерній звонъ. Изъ невидимой глубины виднѣлся слабый свѣтъ огней, покрывавшихъ небо красноватымъ отблескомъ.

Грабаусъ указалъ туда пальцемъ.

— Это, вѣрно, Веймаръ?

Они оба стояли, погруженные въ созерцаніе. Вдругъ раздался издалека ликующій звукъ, нарушившій тишину сумерекъ; это былъ свистъ локомотива. Передъ ними вспыхнула красная змѣйка въ облакѣ бѣлыхъ клубовъ дыма, быстро вввилась и исчезла за горой. Но издали она еще нѣсколько разъ повторила ликующій звукъ.

Точно увлеченный вдаль этимъ призывомъ, Грабаусъ въ одну секунду мысленно перенесся въ Веймаръ. Онъ открылъ дверь большого дома, вошелъ въ комнату, гдѣ у стола, при свѣтѣ лампы, сидѣла Марія-Луиза. Она поднялась и съ удивленіемъ посмотрѣла на поздняго гостя. Онъ подошелъ къ ней, смиренно взявъ ее за руку и сказалъ приблизительно слѣдующее:

— Я тоскую по вашей близости, Марія-Луиза. Я хотѣлъ бы быть однимъ изъ бѣдняковъ, къ которымъ вы такъ добры.

Но она протянула ему руки, посмотрѣла на него съ любовью и усадила его около себя.

Грабаусъ уже двѣ недѣли какъ вернулся въ Іену. Наружно все вошло въ прежнюю колею, но внутренно пламя, зажегшееся въ его груди, продолжало горѣть все ярче и ярче и освѣщало всю его жизнь. Прежде въ жизни его смѣнялись чувства и свѣтлые часы, смотря по тому, складывались ли обстоятельства по его желанію, или противъ него; теперь же его окружало вѣчное сіяніе.

Все ему удавалось превыше мѣры. Онъ нѣсколько боялся свиданія съ женой, но Констанція измѣнилась послѣ его возвращенія. То, что всемогущій „тайный совѣтникъ“ обѣщала хлопотать о ея мужѣ, было для нея вѣрнымъ залогомъ его будущей успѣшной карьеры. Когда же черезъ нѣсколько дней пришло письмо отъ отца Грабауса, который писалъ, что Вальбольдъ отозвался очень мило о Генрихѣ и намекалъ на какой-то сюрпризъ, Констанція стала считать назначеніе мужа профессоромъ въ Пруссію дѣломъ вполне рѣшеннымъ. Указывая на колѣняхъ своихъ дѣтей и поочередно лаская ихъ, она внутренно соображала, сколько онъ будетъ получать жалованья, сколько получить подъемныхъ, а потомъ и пенсіи. Человѣкъ, имѣющій право на пенсію, былъ въ ея глазахъ идеаломъ совершенства. Пачочка сдѣлался теперь первымъ человѣкомъ въ семьѣ, и даже Малютка, со свойственной ей чуткостью, поняла, что произошла перемѣна, и стала болѣе осторожно относиться къ рукописямъ отца, которыя прежде такъ безцеремонно пачкала чернилами.

У Грабауса было чувство, что именно теперь, когда онъ внутренно отошелъ отъ своей жены, онъ долженъ болѣе заботиться о ея благополучіи. Онъ поэтому набросился на работу съ торопливостью крестьянина, который, видя издали приближеніе грозы, торопится убрать въ амбары остатки жатвы. И въ немъ тоже незамѣтно поднялась въ типичнѣ минувшихъ годовъ богатая жатва; онъ чувствовалъ это въ своей расширяющейся отъ полноты ощущеній груди. Кромѣ многочисленныхъ маленькихъ работъ, которыя должны были дать ему непосредственный заработокъ, онъ предпринималъ теперь большую работу, къ которой долго не рѣшался приступать. Теперь же онъ храбро взялся за нее, и такъ быстро и твердо писалъ, какъ будто его направляла чья то незримая рука.

Въ университетѣ его тоже ждалъ пріятный сюрпризъ. Хотя

назначенный имъ курсъ былъ далекъ отъ общихъ интересовъ, все-же на него записалось большое число студентовъ. И Грабаусъ началъ читать съ такимъ жаромъ, внесъ такъ много общечеловѣчнаго въ свою ограниченную область, что слушатели не только шумно апплодировали ему каждый разъ, но и являлись на каждую лекцію все въ большемъ количествѣ. Такъ протекали дни среди работы, но при этомъ душа Грабауса была переполнена блаженствомъ. Все его существо было охвачено пламенемъ, которое увеличивало полноту его силъ и пожирало до самаго основанія все темное, смутное въ немъ, всѣ его сомнѣнiя и колебанiя.

Грабаусъ въ первый разъ поѣхалъ къ Платенамъ въ Веймаръ съ Вольфомъ. Констанція была нездорова, и Грабаусъ не очень настаивалъ на томъ, чтобы и она поѣхала съ ними. Они застали майора больнымъ. Онъ лежалъ на диванѣ; у него былъ опять припадокъ ишиасъ. Эта болѣзнь мучила его уже нѣсколько лѣтъ и въ свое время была причиной его выхода въ отставку. Кромѣ майора и его жены, они застали брата майора, врача, который жилъ вмѣстѣ съ ними.

Докторъ Платень, или дядя Рудольфъ, какъ его звали въ семьѣ, имѣлъ только кое-какія общія семейныя черты съ братомъ, но ихъ можно было замѣтить только при близкомъ знакомствѣ. Въ остальномъ же онъ совершенно былъ не похожъ на майора. Вздернутыя губы надъ жесткой сѣдой бородой придавали его лицу ворчливое выраженіе. Глубокія поперечныя морщины прорѣзывали его мощный лобъ, и казалось, что стѣнки его лба состоятъ изъ болѣе твердыхъ и крѣпкихъ костей, чѣмъ у другихъ людей. Онъ былъ меньше ростомъ, чѣмъ майоръ, держался нѣсколько сутуло. Когда онъ ходилъ или стоялъ, то большей частью закладывалъ руки за спину и глядѣлъ на кончики сапогъ. Если же онъ смотрѣлъ кому-нибудь въ лицо, то съ такой пронизательностью и силой, что становилось жутко отъ взора этого нѣмого наблюдателя.

Когда посѣтителы вошли въ комнату, дядя Рудольфъ поднялся съ своего кресла, стоявшаго въ самомъ темномъ углу комнаты, крѣпко сжалъ при представленіи руку Грабауса, чуть не раздавивъ ему пальцы, и затѣмъ опять безмолвно усѣлся въ своемъ креслѣ. За все время до обѣда и за столомъ онъ сказалъ всего нѣсколько словъ, и то скорѣе промывчалъ что-то нечленораздѣльное. Но отъ времени до времени Грабаусъ чувствовалъ на себѣ его пронизывающій тяжелый взглядъ, и это портило его радость отъ близости любимой женщины. Онъ тщетно

старался быть веселымъ. Все время его не оставляла мысль: что за неприятный человекъ! И чего онъ хочетъ? Что въ немъ происходитъ? Какъ Марія-Луиза можетъ выносить его общество?

Послѣ обѣда пошли гулять. Иней покрывалъ деревья и кусты, и широкій дугъ разстилался серебристо-сѣрымъ плюшевымъ ковромъ. Послѣ долгихъ стараній Грабаусу удалось очутиться съ Маріей-Луизой позади другихъ вдвоемъ. Онъ поспѣшилъ сказать то, что все время было у него на языкѣ:

— Какой странный человекъ вашъ деверь!

— Къ нему нужно привыкнуть, — съ улыбкой отвѣтила Марія-Луиза. — Онъ сразу не можетъ понравиться. Но чѣмъ больше его знаешь, тѣмъ больше начинаешь его цѣнить.

— Можетъ быть. Но пока я не могу его понять. Его молчаніе прямо пугаетъ.

— Онъ по природѣ замкнутый человекъ и въ тому же испыталъ много тяжелаго въ жизни. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у него умерли отъ дифтерита его двое дѣтей. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ заниматься медициной.

— Онъ вдовецъ, — я этого не подумалъ бы, — сказалъ Грабаусъ. — Я былъ увѣренъ, что онъ закоренѣлый холостякъ.

— Онъ развелся съ женой. Это тоже подѣйствовало на него подавляющимъ образомъ. Онъ — драгоценный человекъ въ тяжелыя минуты жизни. Тогда только узнаешь, какой онъ преданный, добрый человекъ. Но въ другіе часы, конечно...

Она не докончила, но, пройдя нѣсколько шаговъ, вернулась къ той же темѣ; видно было, что она немало думала о Рудольфѣ, старалась понять его.

— Мнѣ кажется, — сказала она, — что люди, которые сами несчастны, не могутъ и дать счастья другимъ. Его же главное несчастье въ томъ, что разсудокъ заглушилъ въ немъ сердце. Вы понимаете меня?

— Кажется, понимаю.

— У разсудка, по моему, злой взглядъ. Если смотрѣть на жизнь только глазами разсудка, то ничего другого въ ней не увидишь, кромѣ расчета, низости, нужды — и въ концѣ жалкую смерть. Чувство скрашиваетъ эту картину. Мы, женщины, уступаемъ мужчинамъ въ умственномъ отношеніи. Но мы вникаемъ въ жизнь душевно, это — наше преимущество. Мы судимъ не такъ рѣзко, — но въ общемъ, можетъ быть, болѣе правильно. Вы не согласны со мной?

— Развѣ мы судимъ о чемъ-либо однимъ только разсудкомъ? Сердце всегда принимаетъ участіе въ сужденіяхъ. Разсудокъ

даетъ неокрашенные понятія—и образы становятся темными или свѣтлыми, приобретаютъ краски и оттѣнки только подъ вліяніемъ чувства.

— И это вѣрно,—возразила Марія-Луиза.—Зачѣмъ, въ сущности, описывать вамъ такъ пространно моего девера! Составьте себѣ сами представленіе о немъ. Какъ бы я радовалась, еслибы вы современемъ подружились съ нимъ. Это было бы большимъ облегченіемъ для него—онъ такъ одинокъ,—а также...

— Облегченіемъ для васъ?—спросилъ Грабаусъ.

— Откровенно говоря—да. Это было бы хорошо для моего мужа и для меня. Онъ оказываетъ на насъ—вамъ, быть можетъ, даже трудно этому повѣрить—очень большое и странное вліяніе. Онъ хоть и сдержанъ и такъ скупъ на слова, все-же однимъ своимъ присутствіемъ производитъ впечатлѣніе постояннаго вопрошающаго ко всему отношенія. Иногда вернешься домой въ веселомъ настроеніи духа послѣ чего-нибудь пріятнаго, чувствуешь даже какую-то вызывающую радость, а взглянешь на его неподвижное лицо, увидишь его недоувѣрчивый взглядъ—и всякая радость становится сомнительной, блѣдной. Онъ приводилъ насъ обоихъ въ подавленное состояніе духа. Мы долгое время молчали объ этомъ, потомъ одновременно сознались другъ другу въ отношеніи къ Рудольфу. Это и было причиной нашей поѣздки въ Берлинъ.

— Но теперь его вліяніе можетъ возобновиться.

— Никогда,—возразила Марія-Луиза.—Теперь, когда я знаю, въ чемъ заключается его вліяніе, я знаю и какъ ему противодействовать. Я просто смѣюсь надъ нимъ.

Въ тотъ же вечеръ Грабаусъ имѣлъ случай ближе познакомиться съ докторомъ Платеномъ, затѣявъ съ нимъ споръ. Когда они вернулись домой съ прогулки, Грабаусъ сталъ хвалить изящную обстановку дома Платеновъ. Особенно понравился ему салонъ Маріи-Луизы въ стилѣ empire, и когда онъ узналъ, что большая часть мебели—наслѣдство отъ дѣда Маріи-Луизы, а нѣкоторые предметы найдены и куплены ею самой на аукціонахъ, его восторгъ еще усилился. И до того ему нравилось все связанное съ любимой женщиной, что онъ уже сталъ восхищаться всѣмъ безъ разбора. Увидавъ висѣвшую въ углу миниатюру, онъ и ее нашелъ очаровательной, хотя опытный глазъ, разглядѣвъ ее при свѣтѣ, понялъ бы, что работа довольно плохая. Дядю Рудольфа, повидимому, раздражалъ чрезмѣрно восторженный гость. Когда потомъ всѣ перешли въ комнату майора и Марія-Луиза зажгла свѣчи въ бронзовыхъ канделябрахъ, Грабаусъ сталъ снова восхищаться.

— Какъ хорошо, что у васъ не газовое освѣщеніе! По моему—естественный свѣтъ куда красивѣе.

Въ отвѣтъ на это, докторъ Платенъ, сидѣвшій уже нѣсколько времени накупившись въ своемъ креслѣ, сказалъ вдругъ довольно сердито:

— Не все ли равно, чортъ возьми, какое освѣщеніе въ домѣ!

Но Грабаусъ, очень возбужденный всѣми ощущеніями и воинственно настроенный противъ доктора Платена, набросился на него:

— По-вашему это безразлично? Да развѣ хоть что бы то ни было на свѣтъ безразлично?

Докторъ Платенъ еще болѣе нахмурилъ брови и отвѣтилъ насмѣшливымъ тономъ:

— Ваши слова можно съ тѣмъ же успѣхомъ перевернуть и сказать, что все, что бы то ни было, безразлично.

— Ты такъ привыкъ считать все неважнымъ, — сказала Марія-Луиза, обращаясь къ Рудольфу, — что на твоёмъ надгробномъ памятникѣ когда-нибудь сдѣлаютъ такую надпись: „Мнѣ совершенно все равно, живъ ли я, или умеръ“.

— Это совершенно вѣрно.

— Что жъ,—сказалъ Грабаусъ, — противъ такого взгляда на жизнь трудно спорить. Но счастья это не даетъ.

— Счастья? Да развѣ кто-нибудь на свѣтъ счастливъ?

— Я!—воскликнулъ Вольфъ, вскакивая съ мѣста.

— Ты имѣешь теперь на это основаніе, вернувшись къ сытой жизни.

— Однако...

— Да и вообще—сколько тебѣ, собственно, лѣтъ?

— Меня ты не можешь упрекнуть въ чрезмѣрной молодости,—сказалъ майоръ, вмѣшиваясь въ разговоръ.—Но и я долженъ сказать, оглядываясь на жизнь: были грустные дни, было много печальныхъ годовъ,—но все же я былъ бы благодаренъ, если бы сказалъ, что былъ несчастенъ въ жизни.

— Это ты говоришь совершенно искренно?

Завязался горячій споръ. Всѣ сплотились и стали защищать жизнь противъ нападокъ доктора Платена: Вольфъ—съ увѣренностью молодости, которая видитъ настоящее озареннымъ своими свѣтлыми надеждами на будущее, майоръ—несмотря на физическія страданія и затаенное грустное настроеніе—изъ чувства справедливости, а Марія-Луиза—изъ женской потребности видѣть во всемъ хорошую сторону и утѣшать: ей хотѣлось внести свѣтъ

своими словами въ мрачную душу Рудольфа.. Но горячѣ всѣхъ говорилъ Грабаусъ. Въ немъ послѣ долгаго сна пробудилась полнота душевныхъ силъ; во всякомъ несчастіи онъ видѣлъ теперь только преграду, которую считалъ себя способнымъ побѣдить, и ненавистническое отношеніе къ жизни казалось ему поѣтому безуміемъ. Онъ спорилъ страстно и также впадалъ въ крайности, какъ и его противникъ. Вся душа его была полна Маріей-Луизой, и онъ восхвалялъ красоту міра, какъ человекъ, стоящій въ свѣту, говорилъ бы, обращаясь къ другому, притаившемуся въ темнотѣ и моргающему глазами, жалуясь на темноту и стужу. Но всѣ его слова были напрасны. Докторъ Платенъ разрушалъ своими озлобленными словами всѣ образы, приводимые Грабаусомъ. Красота природы—какъ бы не такъ! Кто наблюдаетъ природу вблизи—видитъ въ ней только борьбу за существованіе. Жизнерадостность здоровыхъ людей—какъ бы не такъ! А болѣзни? А старость? Счастье производительной работы—ну да! А тупое рабство миллионѣвъ, работающихъ изъ-за сухой корки хлѣба? Счастье дружбы, идеаловъ, любви, самопожертвованія—пышныя фразы! Въ дѣйствительности все—обманъ, зависть, ненависть, эксплуатація.

Споръ уже утратилъ первоначальную объективность. Сами того не замѣчая, спорщики стали говорить грубости другъ другу. Одинъ нападалъ на бесплодный пессимизмъ, другой—на оптимистическое вранье. Майоръ тщетно пытался ихъ примирить. Наконецъ онъ налилъ вина въ стаканы и предложилъ разгоряченнымъ спорщикамъ чокнуть и выпить. Но прежде чѣмъ выпить, докторъ Платенъ сказалъ съ раскраснѣвшимся отъ гнѣва лицомъ:

— Я могу только сказать, что въ моей жизни не было ни одного дня, который я хотѣлъ бы снова пережить. И если бы людей не удерживалъ низменный инстинктъ жизни...

Грабаусъ отставилъ стаканъ и возразилъ:

— А я говорю: если бы я теперь заболѣлъ, если бы на меня обрушились всѣ несчастія жизни, я бы все-таки продолжалъ славить жизнь, которая влечетъ человека къ невѣдомой цѣли.

Наконецъ споръ превратился. Но, прощаясь другъ съ другомъ, оба, Грабаусъ и докторъ Платенъ, почувствовали, что они—непримиримые враги, и что имъ лучше не встрѣчаться.

Съ нѣм. З. В.

ПРИРОДА ЧЕЛОВѢКА

по

МЕЧНИКОВУ

На природу человѣка могутъ быть двѣ точки зрѣнія. Наиболѣе яркими представителями первой изъ нихъ были древніе греки. Человѣческая природа представлялась имъ идеаломъ красоты и совершенства. Эта точка зрѣнія нашла себѣ у нихъ наиболѣе полное выраженіе въ томъ, что они представляли себѣ боговъ въ образѣ людей. То же самое направленіе мы видимъ, — говорятъ И. И. Мечниковъ, — и въ греческой философіи, когда послѣдняя стремилась найти обоснованіе для морали въ свойствахъ человѣческой природы. „Метриопатіей“ называлась такая научная доктрина, задача которой заключалась въ томъ, чтобы разрѣшить, что такое нравственная жизнь, основываясь на свойствахъ человѣческой природы. Трудность въ томъ и заключалась, чтобы узнать, что же именно свойственно человѣческой природѣ.

Полною противоположностью первой точкѣ зрѣнія на природу человѣка является другая, нашедшая наиболѣе полное себѣ выраженіе въ буддійской и христіанской религіяхъ. Согласно этой точкѣ зрѣнія, человѣческая природа является чѣмъ-то крайне несовершеннымъ. Согласно буддійскимъ или христіанскимъ воззрѣніямъ, человѣческое тѣло есть нѣчто презрѣнное, нечистое, жалкое, оно — темница для духа. Эти двѣ точки зрѣнія можно прослѣдить въ продолженіе всей исторіи человѣчества. Въ періоды его расцвѣта, какъ, напр., во время эпохи Возрожденія, верхъ беретъ первая — греческая точка зрѣнія. Ее можно видѣть у философовъ XVIII-го вѣка, энциклопедистовъ; наконецъ, эту точку зрѣнія можно отмѣтить у Дарвина и Спенсера. Точно также

до настоящаго времени можно прослѣдить и противоположную точку зрѣнія. Посмотримъ,—задаетъ себѣ вопросъ И. И. Мечниковъ,—какъ же смотреть на природу человѣка современная наука?

Мечниковъ раздѣляетъ живыя существа на виды совершенные, гармонично организованные, приспособленные къ условіямъ своего существованія, и на виды неудовлетворительно организованные. Примѣромъ перваго ему служатъ чудныя приспособленія цвѣтковь, служащія къ опыленію ихъ насѣкомыми, а также организація и нравы ось-землекопателей. Примѣромъ несовершенства организаціи ему служитъ непреодолимое стремленіе нѣкоторыхъ насѣкомыхъ и перелетныхъ птицъ къ свѣту, влекущее за собою для этихъ живыхъ существъ самыя гибельныя послѣдствія. Какъ извѣстно, вокругъ полей для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ зажигаютъ костры, въ которыхъ массы послѣднихъ и погибаютъ. Общеизвѣстный также фактъ, насколько гибельными для перелетныхъ птицъ являются огни большихъ маяковъ: перелетныя птицы неудержимо стремятся къ нимъ и падаютъ, разбившись о рѣшетки и толстыя стекла маячныхъ фонарей. Той или другой организаціи должно соотвѣтствовать и психическое состояніе этой организаціи. Такъ, Мечниковъ предполагаетъ, что существо вродѣ пчелы, прекрасно приспособленное къ собиранію меда, должно быть оптимистомъ, а какою-нибудь неуклюжей жукъ, который не въ состояніи пробраться въ цвѣтковь къ пыльцѣ и сладкому соку, по крайней мѣрѣ, въ этотъ моментъ долженъ быть пессимистично настроенъ. Въ природѣ недостаточное приспособленіе къ условіямъ существованія не представляетъ рѣдкости. Выраженное въ достаточно сильной степени, оно ведетъ вѣдь къ вымиранію соотвѣтственнаго вида живыхъ существъ, а изъ исторіи жизни на землѣ мы знаемъ, какое громадное количество видовъ исчезло съ лица земли. „Задолго до появленія человѣка на землѣ,—говоритъ Мечниковъ,—существовали существа счастливыя, прекрасно приспособленные къ условіямъ обстановки, въ которой имъ приходилось жить, и существа несчастныя, которыя слѣдовали влеченію своихъ вредныхъ инстинктовъ и кончали тѣмъ, что или портились, или даже окончательно губили свою жизнь. Еслибы эти существа могли мыслить и сообщить намъ свои размышленія по этому поводу, то очевидно, что хорошо приспособленные, какъ, напр., орхидеи или оси-землеройки, оказались бы въ рядахъ оптимистовъ. Они объявили бы, что міръ устроенъ самымъ совершеннымъ образомъ, что достаточно только слѣдовать своимъ природнымъ инстинктамъ,

чтобы добиться удовлетворенія и полного счастья. Наоборотъ, существа неудовлетворительно организованныя, плохо приспособленныя къ условіямъ своего существованія, высказались бы опредѣленными пессимистами. Помилуйте, вотъ божья коровка, которую ея пристрастіе къ меду и голодъ заставляютъ лѣзть въ цвѣтокъ, и которая наталкивается только на неудачи. Или вотъ насѣкомыя, которыхъ инстинктъ ихъ направляетъ прямо въ огонь, и которыя сжигаютъ свои крылья и должны погибнуть. Очевидно, что они заявили бы намъ, что міръ сотворенъ самымъ возмутительнымъ образомъ, и что лучше всего было бы, еслибы онъ совсѣмъ не существовалъ. Въ какую же изъ этихъ двухъ группъ живыхъ существъ мы должны помѣстить человѣка? Соответствуетъ ли его природа тѣмъ условіямъ, въ которыхъ онъ долженъ жить, существуетъ ли гармонія между отдѣльными отправлениями его организма?"

Разрѣшенію этой-то задачи и посвящена послѣдняя большая работа И. И. Мечникова.

Тщательное изслѣдованіе строенія человѣка и животныхъ окончательно доказало тѣсное родство его съ высшими или чело-вѣкообразными обезьянами. Разница въ строеніи костей, мышцъ, зубовъ, внутреннихъ органовъ, которую мы находимъ между человѣкомъ и высшими обезьянами, не столь значительна, сколько разница между тѣми же самыми высшими обезьянами (гориллой, шимпанзе, орангъ-утангомъ) и другими обезьянами. За послѣднія сорокъ лѣтъ каждое новое изслѣдованіе, какъ, напр., изслѣдованіе развитія высшихъ обезьянъ, подтверждало этотъ выводъ. Въ самое послѣднее время изученіе кровяныхъ сыворотокъ дало новые факты, подтверждающіе то же самое.

Свѣже выпущенная кровь человѣка и животныхъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ скоромъ времени свертывается, то-есть изъ жидкаго состоянія переходитъ въ студнеобразное; благодаря этому и происходитъ, главнымъ образомъ, остановка кровотеченій. Эта красная студенистая масса, получившаяся отъ свертыванія крови, такъ называемый кровяной сгустокъ, въ скоромъ времени начинаетъ сморщиваться и выдѣлять изъ себя капли прозрачной жидкости соломенно-желтаго цвѣта. Это и есть, такъ называемая, кровяная сыворотка, получившая въ послѣднее время такую извѣстность, такъ какъ кровяныя сыворотки отъ специально-подготовленныхъ животныхъ приобрѣли такое значеніе при леченіи заразныхъ болѣзней. При изученіи сыворотокъ выяснился слѣдую-

щій интересный фактъ. Если мы какому-нибудь животному, напр. кролику, будемъ впрыскивать подъ кожу сыворотку, полученную отъ другого животного, напр. отъ морской свинки, то послѣ нѣсколькихъ повторныхъ впрыскиваній сыворотка перваго животного—кролика—получитъ совершенно новое свойство, которымъ до того она не обладала. А именно, отъ прибавленія первой сыворотки къ сывороткѣ втораго животного получается бѣлый осадокъ, т.-е. отъ смѣшиванія двухъ прозрачныхъ жидкостей получается мутная смѣсь, при отстаиваніи дающая, какъ мы сказали уже, осадокъ. Это свойство сыворотки перваго животного—совершенно новое, такъ какъ если мы возьмемъ сыворотку отъ кролика, не подвергавшагося предварительнымъ впрыскиваніямъ сыворотки отъ морской свинки, то такая сыворотка никакого осадка не дастъ. Смѣсь получится такая же прозрачная, какой была и сыворотка до смѣшиванія. Это новое свойство сыворотки потому получаетъ большой интересъ, что оно очень специфично, т.-е. сыворотка приготовленнаго животного даетъ осадокъ обыкновенно только съ сывороткой того животного, впрыскиванію котораго оно подвергалось. Такъ, если мы впрыскивали, напр., козѣ сыворотку человѣка, то сыворотка такой козы будетъ давать осадокъ только съ сывороткой, добытой отъ людей, но не съ сывороткой другихъ животныхъ, какъ, напр., лошади, собаки и т. д. Этотъ опытъ имѣетъ въ томъ смыслѣ большое значеніе, что даетъ возможность отличать сыворотку опредѣленнаго животного отъ другихъ. Пріемъ этотъ уже получилъ практическое примѣненіе въ судебной медицинѣ. Этотъ способъ изслѣдованія интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность узнавать близкое родство между видами. Такъ, сыворотка, полученная отъ впрыскиванія животному человѣческой сыворотки, не дастъ осадка при прибавленіи къ ней сыворотки не только отъ животныхъ вообще, но и отъ большинства обезьянъ. Съ сывороткой же человѣкообразныхъ обезьянъ такой осадокъ получится. Грюнбаумъ, который производилъ въ Ливерпулѣ многочисленные опыты въ этомъ направленіи, говоритъ, что ему было совершенно невозможно отличить осадокъ, получаемый отъ прибавленія сыворотки человѣкообразныхъ обезьянъ, отъ того осадка, который получается отъ прибавленія человѣческой сыворотки. Эти осадки не разнились ни по своему качеству, ни по количеству. Это явленіе доказываетъ, что между организмами человѣка и высшихъ обезьянъ существуютъ не только поверхностныя аналогіи въ строеніи, но и глубокое внутреннее сродство.

„Такимъ образомъ, — говоритъ Мечниковъ, —нельзя сомнѣ-

ваться въ томъ, что человѣкъ есть животное, принадлежащее къ группѣ высшихъ обезьянъ (приматовъ) и связанное тѣснымъ родствомъ съ нынѣ живущими обезьянами этой группы“.

Интереснымъ является то обстоятельство, что человѣкъ имѣетъ болѣе общихъ чертъ съ зародышами обезьянъ, чѣмъ со взрослыми обезьянами. Точно также молодыя обезьянки имѣютъ болѣе чертъ сходства съ человѣкомъ, чѣмъ взрослые. Человѣкъ въ отношеніи строенія тѣла представляетъ какъ бы остановку развитія по сравненію съ обезьянами. Въ то время какъ у человѣка и у молодыхъ обезьянокъ та часть черепа, которая является вмѣстилищемъ мозга, больше по сравненію съ лицомъ, — у взрослыхъ обезьянъ сильно развиваются челюсти и вообще кости лица. То же найдено недавно и по отношенію къ волосамъ, покрывающимъ тѣло обезьянъ и человѣка. Какъ извѣстно, все тѣло человѣка, за исключеніемъ опредѣленныхъ мѣстъ, покрыто короткими маленькими волосками, причемъ особенно бѣдна ими спина. По изслѣдованіямъ послѣдняго времени (Денивера), оказалось такое же расположеніе волосъ и у зародышей обезьянъ (гориллы), и только въ послѣднее время утробной жизни зародышъ гориллы покрывается такими же длинными волосами на спинѣ, какъ и у взрослого животного. Такимъ образомъ, человекообразныя обезьяны уклонились, пошли въ извѣстномъ направленіи впередъ отъ того первоначальнаго типа, которому человѣкъ остался, такъ сказать, болѣе вѣренъ. „Изъ всей совокупности извѣстныхъ намъ фактовъ, — говоритъ Мечниковъ, — можно заключить, что человѣкъ представляетъ изъ себя остановку въ развитіи высшей обезьяны предыдущей эпохи, нѣчто вродѣ обезьяняго „урода“, — конечно, не съ эстетической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія исключительно зоолога. На человѣка можно смотрѣть какъ на ребенка-„чудо“ высшей обезьяны, ребенка, родившагося съ мозгомъ и умственными способностями, гораздо болѣе развитыми, чѣмъ у его родителей“.

Подтверженіе этому Мечниковъ находитъ въ новыхъ теоріяхъ, которыми объясняется происхожденіе видовъ, а именно въ такъ называемой мутаціонной теоріи Гуго де-Вриса. Согласно этой теоріи, происхожденіе новыхъ видовъ объясняется внезапнымъ появленіемъ среди живыхъ существъ опредѣленнаго вида рѣзкихъ отклоненій отъ ихъ сородичей. Отклоненія эти передаются по наслѣдству, и если они окажутся полезными, то обладатели этихъ новыхъ свойствъ окажутся побѣдителями въ борьбѣ за существованіе, — и такимъ образомъ возникнетъ новый видъ живыхъ существъ. Мечниковъ отмѣчаетъ появленіе такихъ рѣзкихъ

отклоненій и у человѣка. Какъ примѣръ, онъ приводитъ появленіе людей, одаренныхъ феноменальною способностью къ счисленію, въ самой неинтеллигентной средѣ. Первые люди, — говорить онъ, — были, по всей вѣроятности, гениальными дѣтьми, родившимися отъ высшихъ обезьянъ.

Нѣмецкій анатомъ Видерсгеймъ подвелъ такой итогъ нашимъ современнымъ знаніямъ о строеніи человѣка. Онъ нашелъ, что пятнадцать органовъ человѣка представляютъ собою значительный шагъ впередъ по сравненію съ соотвѣтственными органами человѣкообразныхъ обезьянъ. Наряду съ этими прогрессирующими органами, Видерсгеймъ нашелъ семнадцать органовъ, представляющихъ явленія регресса, и не менѣе ста-семи органовъ рудиментарныхъ, т.-е. представляющихъ собою остатки органовъ, бывшихъ когда-то полезными отдаленнымъ предкамъ человѣка, теперь же не имѣющихъ для него никакого значенія.

Человѣческое тѣло, съ точки зрѣнія внѣшней формы, является идеаломъ красоты. Искусство не могло придумать ничего болѣе красиваго. Но, — говоритъ Мечниковъ, — невозможно обобщать этотъ выводъ относительно всей природы человѣка. Красивымъ тѣло бываетъ только во время молодости и зрѣлаго возраста. Въ старости же и мужчина, и женщина, дѣлаются болѣе или менѣе безобразными.

Затѣмъ, Мечниковъ приступаетъ къ подробному перечисленію тѣхъ крупныхъ недостатковъ, которые онъ находитъ въ организаціи человѣка.

Все тѣло человѣка покрыто маленькими волосками. Эти волоски, конечно, не могутъ защищать насъ отъ холода и представляютъ остатокъ того обильнаго волосяного покрова, которымъ были когда-то одѣты наши очень отдаленные животныя предки. Этотъ волосяной покровъ, не принося существенной пользы, можетъ въ то же время явиться источникомъ значительнаго вреда. Эти маленькіе волоски задерживаютъ пыль и грязь. Особенно чехлы, окружающіе ихъ корешки, являются прибѣжищемъ для множества иногда вредоносныхъ микробовъ. Такимъ образомъ, эти волоски являются исходнымъ пунктомъ для чирьевъ и нагноеній.

Послѣдняя пара коренныхъ зубовъ, такъ-называемые зубы мудрости, точно также не являются необходимыми для жеванія и отсутствуютъ у значительнаго числа людей. Появляются они поздно, очень скоро послѣ своего прорѣзыванія они подвергаются порчѣ. А между тѣмъ эти почти бесполезные органы

являются источникомъ заболѣваній, страданій, и описаны даже случаи смерти, причиною которой были нагноенія, источникомъ которыхъ были эти зубы.

Особенно рѣзкимъ примѣромъ вреда рудиментарныхъ органовъ является червовидный отростокъ. У нѣкоторыхъ животныхъ, особенно у грызуновъ, онъ достигаетъ большихъ размѣровъ и участвуетъ въ пищевареніи, но у человѣка онъ столь незначительныхъ размѣровъ, что его роль не можетъ быть значительна, а между тѣмъ онъ является мѣстомъ возникновенія опаснаго заболѣванія—воспаленія червовиднаго отростка, которое въ 9—10 проц. даетъ смертельный исходъ.

Но не только рудиментарные органы, какъ зубы мудрости и червовидный отростокъ, или органы регрессирующие, какъ, напр., слѣпая кишка, которая у человѣка значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ у нѣкоторыхъ животныхъ,—нужно считать за излишніе. Мало того, даже тѣ части кишечнаго канала, которыя отличаются своими размѣрами и развитіемъ, и ихъ считаетъ Мечниковъ бесполезнымъ наслѣдствомъ, оставленнымъ намъ нашими предками-животными. „Можно утверждать, — говоритъ Мечниковъ,—что не только червовидный отростокъ и слѣпая кишка, но и вся толстая кишка человѣка, т.-е. очень значительная часть всѣхъ кишекъ вообще, является излишнею для нашего организма, и удаление ея повлекло бы за собою очень счастливые результаты. Толстая кишка особенно сильно развита у травоядныхъ животныхъ. Бесполезная для перевариванія пищи животнаго происхожденія, она несомнѣнно полезна при усвоеніи пищи растительной. Съ другой стороны, толстая кишка играетъ роль, соответствующую роли мочевого пузыря. Какъ въ мочевомъ пузырьѣ скопляется моча, такъ толстыя кишки служатъ мѣстомъ, гдѣ накапливаются непереваренные остатки пищи. Толстая кишка развита въ значительной степени только у млекопитающихъ. Большая часть млекопитающихъ представляютъ собою животныхъ быстро передвигающихся. Это для нихъ необходимо или ради того, чтобы догнать добычу, или ради того, чтобы избѣжать преслѣдованія. Въ виду этого имъ было бы крайне неудобно, во время бѣгства отъ врага или во время преслѣдованія добычи, останавливаться для испражненія. Возможность задерживать испражненія въ объемистомъ резервуарѣ являлась очень важной выгодой въ борьбѣ за существованіе. Что касается птицъ,—говоритъ Мечниковъ,—то онѣ живутъ, такъ сказать, въ воздухѣ, не нуждаются въ остановкахъ для выбрасыванія непереваренныхъ остатковъ отъ пищеваренія. Но

толстая кишка является органомъ не только бесполезнымъ, но и прямо вреднымъ. Застаивающіяся въ ней большія количества непереваренныхъ остатковъ отъ пищи являются почвой, на которой развиваются массы бактерий. Послѣднія развиваютъ въ толстыхъ кишкахъ вредные продукты, которые всасываются организмомъ и отравляютъ его. Кроме того, толстая кишка является мѣстомъ развитія такихъ опасныхъ болѣзней, какъ дизентерія. Злокачественныя опухоли точно также часто развиваются въ толстыхъ кишкахъ.

Однимъ изъ тѣхъ органовъ, которые особенно часто поражаются злокачественными опухолями, является желудокъ. А между тѣмъ, люди могутъ обойтись безъ желудка. Извѣстно нѣсколько случаевъ полного удаленія желудка посредствомъ операціи, и эти люди оставались живы и удовлетворительно питались. Точно также извѣстны случаи удаленія двухъ-третьей толстой кишки безъ дурныхъ послѣдствій для больныхъ. Особенно поучителенъ одинъ случай, въ которомъ оказалось, что старуха жила долгіе годы послѣ того, какъ у нея атрофировалась толстая кишка, совсѣмъ не участвовавшая въ пищевареніи. Вполнѣ понятно, — говоритъ Мечниковъ, — почему органы пищеваренія человѣка представляютъ такъ много примѣровъ ненужныхъ и исчезающихъ частей. Человѣкъ когда-то употреблялъ болѣе грубую и менѣе питательную пищу. Вотъ къ перевариванію такой грубой пищи и приспособлены наши органы пищеваренія. Между тѣмъ съ успѣхами культуры люди стали ѣсть болѣе питательную и, благодаря вулинарнымъ процедурамъ, уже подготовленную къ усвоенію пищу. Въ виду этого извѣстныя части пищеварительныхъ органовъ оказались ненужными и находятся въ настоящее время на пути къ уничтоженію. Подобное же мы видимъ и у нѣкоторыхъ животныхъ, поставленныхъ въ исключительно благоприятныя условія для питанія. Такъ, ленточныя глисты живутъ въ кишечномъ каналѣ другихъ животныхъ и со всѣхъ сторонъ окружены питательною жидкостью, содержащею уже переваренныя вещества, которыя достаточно для глисты всосать черезъ стѣнки своего тѣла. И дѣйствительно, у этихъ глисть нѣтъ совсѣмъ пищеварительныхъ органовъ. Въ томъ же направленіи идетъ процессъ и у человѣка, но, конечно, находится въ другой стадіи.

Наконецъ, Мечниковъ упоминаетъ, какъ неудовлетворительно дѣйствуютъ тѣ инстинкты, которые должны были бы руководить человѣкомъ при выборѣ пищи. Какъ только ребенокъ начинаетъ ползать, онъ подбираетъ съ полу всѣ предметы, какіе только

можетъ забрать, и тотчасъ отправляетъ ихъ въ ротъ. Въ виду этого и случаи отравленія—не рѣдкость. Наконецъ, рѣзкимъ примѣромъ заблужденій инстинкта можетъ служить стремленіе людей отравлять себя алкоголемъ, эфиромъ, опиумомъ и морфіемъ. Алкоголизмъ можетъ служить лучшимъ примѣромъ, насколько губельны противорѣчія между инстинктомъ, руководящимъ нами въ выборѣ пищевыхъ веществъ, и инстинктомъ сохраненія жизни.

Точно также долго останавливается Мечниковъ на несовершенствахъ, наблюдаемыхъ въ органахъ размноженія. Какъ извѣстно, всякія кровотеченія считаются болѣзненнымъ явленіемъ. Между тѣмъ женщины подвержены ежемѣсячнымъ періодическимъ кровотеченіямъ. Мечниковъ утверждаетъ, что эти періодическія кровотеченія есть результатъ отклоненій условій нашей жизни отъ условій жизни первобытныхъ людей. Тогда, нужно предполагать, женщина дѣлалась беременной до появленія мѣсячныхъ и во всю ея жизнь мѣсячныя не могли проявиться, такъ какъ періодъ кормленія грудью непосредственно смѣнялся новой беременностью.

Половые органы человѣка особенно богаты рудиментами; такъ какъ человѣкъ происходитъ отъ двуполыхъ животныхъ, и половые органы каждой особи заключаютъ въ себѣ недоразвившіеся зачатки половыхъ органовъ другого пола.

Наконецъ, мучительность родового акта является крупнымъ недостаткомъ организаціи половой сферы.

Особенно же Мечниковъ останавливается на тѣхъ отклоненіяхъ, которыя представляетъ собою половой инстинктъ. Появляется онъ у мальчиковъ еще тогда, когда половые органы не достигли своего полнаго развитія, что является причиной болѣзненныхъ проявленій—онанизма. Остается этотъ инстинктъ уже послѣ того, какъ половые органы атрофировались. Особенно современныя условія жизни вносятъ много ненормальнаго въ половую жизнь человѣка. Въ то время какъ половая зрѣлость наступаетъ еще тогда, когда организмъ не достигъ своего полнаго развитія, между двѣнадцатю и четырнадцатью годами (у мужчинъ), средній возрастъ вступленія въ бракъ у культурныхъ народовъ отодвигается до двадцати-четырехъ—двадцати-деяти лѣтъ. Изъ этихъ цифръ видно, насколько расходится время вступленія въ бракъ и время появленія полового чувства.

Далѣе Мечниковъ отмѣчаетъ извращеніе инстинкта сохраненія своего рода въ видѣ такого широкаго распространенія мѣръ для избѣжанія дѣторожденія.

У первобытныхъ народовъ большую роль играетъ убиваніе

или бросаніе на произволь дѣтей. Несомнѣнно, то же явленіе, конечно въ замаскированномъ видѣ, распространено и у болѣе культурныхъ расъ.

Одна изъ самыхъ интересныхъ главъ въ книгѣ Мечникова, — это та, которая посвящена измѣненіямъ, которымъ подвергается инстинктъ сохраненія жизни въ разные возрасты. Мечниковъ отмѣчаетъ, что въ молодые годы инстинктъ этотъ слабо развитъ. Молодые люди мало дорожатъ жизнью, легко жертвуютъ ею. Пессимистическія теоріи точно также созданы главнымъ образомъ молодыми людьми. Такъ, Шопенгауэръ, когда онъ опубликовалъ свою знаменитую теорію пессимизма, былъ всего тридцати-одного года, а Гартманъ, будучи всего двадцати-шести лѣтъ отъ роду, заявилъ, что жизнь есть зло, и чѣмъ скорѣе мы отъ нея освободимся, тѣмъ лучше. Наоборотъ, представители оптимистическихъ теорій — люди болѣе или менѣе престарѣлые. Чѣмъ люди болѣе подвигаются къ преклонному возрасту, тѣмъ они болѣе начинаютъ цѣнить жизнь, и, наконецъ, въ извѣстный моментъ, это стремленіе къ жизни, эта любовь къ жизни смѣняется инстинктивнымъ страхомъ смерти.

„Нѣтъ сомнѣнія, — говоритъ Мечниковъ, — что среди другихъ инстинктовъ человѣкъ обладаетъ однимъ, который заставляетъ его цѣнить жизнь и ужасаться передъ смертью. Этотъ инстинктъ постепенно развивается вмѣстѣ съ годами. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко и удивительнымъ образомъ отличается отъ всѣхъ другихъ инстинктовъ. Послѣ того какъ голодъ, жажда, половой инстинктъ удовлетворены, появляется ощущеніе сытости, которое можетъ достигнуть степени пресыщенія и даже усталости. Такое состояніе длится нѣкоторое время, чтобы потомъ смѣниться новымъ пробужденіемъ этихъ инстинктовъ. Совсѣмъ не то наблюдается по отношенію къ инстинкту жизни. Этотъ инстинктъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ развивается поздно и постепенно усиливается въ продолженіе всего теченія жизни: дѣти и юноши всегда стремятся скорѣе сдѣлаться взрослыми. Но, достигнувъ зрѣлаго возраста, человѣкъ никогда не стремится состарѣться. Съ тяжелымъ чувствомъ замѣчаютъ появленіе первыхъ морщинъ и сѣдыхъ волосъ. Вмѣсто того, чтобы испытывать удовлетвореніе по поводу того, что значительная часть жизненнаго пути пройдена, люди ощущаютъ большую печаль, видя себя ближе къ смерти. Старость — такая, какою она обыкновенно проявляется — характеризуется безобразностью и чѣмъ-то отталкивающимъ и даже устрашающимъ. И несмотря на все, что дѣлаетъ старость ужасной, бесполезной и въ самой лучшей обста-

новѣ только терпимой, несмотря на ослабленіе и души, и тѣла у стариковъ, инстинктъ жизни сохраняется у нихъ съ полною силой. Мечниковъ часто посѣщалъ богадельни, и ему пришлось убѣдиться, что всѣ обитатели ихъ желаютъ еще долго жить. Въ Сальпетриврѣ очень много женщинъ преклоннаго возраста: семидесятилѣтнія—почти на положеніи молодыхъ. Все честолюбіе девяностолѣтнихъ старухъ заключается въ томъ, чтобы достигнуть ста лѣтъ. Стремленіе жить замѣчается у всѣхъ.

Яркій расцвѣтъ стремленія жить въ тотъ моментъ, какъ приближается смерть, ощущается особенно мучительно. Смерть тогда кажется еще непонятнѣе и ужаснѣе. Въ виду этого человѣчество съ незапамятныхъ временъ стремилось отыскать ключъ къ этой загадкѣ. Вопросъ о смерти есть главное содержаніе и религіи, и философіи. „Религія,—говоритъ Гюйо,—есть главнымъ образомъ размышленіе о смерти. Еслибы мы не должны были умирать, среди людей, конечно, были бы распространены суевѣрія, но не было бы ни суевѣрій, возведенныхъ въ систему, ни религіи“. Точно также, дальше говоритъ Мечниковъ, уже нѣкоторые философы древности высказали мысль, что философія есть не что иное, какъ размышленіе о смерти.

Такимъ образомъ, по словамъ Мечникова, нельзя не признать, что человѣческая природа, столь замѣчательная во многихъ отношеніяхъ, представляетъ многочисленныя и глубокія несовершенства, которыя являются источникомъ столькихъ несчастій. Человѣкъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ живыхъ существъ, которыя прекрасно приспособлены къ условіямъ своего существованія, какъ приспособлены, напр., орхидеи къ оплодотворенію ихъ насѣкомыми, или осы-землеройки къ выращиванію своего потомства. Наоборотъ, человѣческая природа напоминаетъ тѣхъ насѣкомыхъ, которыхъ инстинктъ толкаетъ ихъ летѣть на огонь и которыя обжигаютъ себѣ крылья.

Что же человѣчество сдѣлало, чтобы примирить несовершенства своей природы?

Какъ было сказано выше, главное содержаніе и религіи, и философіи заключается въ томъ, чтобы найти исходъ изъ того безвыходнаго положенія, въ которое человѣкъ поставленъ несовершенствами своей природы. Двѣ главы своей книги посвящаетъ Мечниковъ изложенію и критикѣ этихъ попытокъ. Всѣ религіи, начиная съ самыхъ первобытныхъ, для того, чтобы примирить человѣка съ неизбежностью смерти, имѣютъ только одинъ доводъ, а именно—вѣру въ загробную жизнь. Доводъ, который совершенно не удовлетворяетъ Мечникова. Нельзя привести ни одного убѣдительнаго факта въ подтвержденіе возможности для

духа существовать независимо отъ тѣла;—въ виду этого число людей изъ образованныхъ классовъ, не признающихъ существованія загробной жизни, все увеличивается,—говоритъ онъ.

За исключеніемъ своего главнаго назначенія, которое заключается въ томъ, чтобы дать утѣшеніе человѣчеству, осужденному на сознаніе неизбежности смерти, религіи занимались еще рядомъ другихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ несовершенствъ человѣческой природы. Во всѣ времена они пытались регулировать вопросы питанія и размноженія человѣчества, а также предупреждать и лечить всевозможныя болѣзни. Что касается этихъ гигиеническихъ предписаній, то для нѣкоторыхъ изъ нихъ можно найти рациональныя основанія, но большинство изъ нихъ имѣетъ только историческій интересъ.

Попытки религіозныхъ ученій предлагать мѣры въ борьбѣ съ заразными болѣзнями легко объясняются тѣмъ, что сами болѣзни большинствомъ религіозныхъ ученій признаются за навожденіе злыхъ духовъ. Такъ, даже Мартинъ Лютеръ признавалъ сверхъестественное происхожденіе болѣзней: „Вотъ уже вопросъ, относительно котораго,—говоритъ онъ,—не можетъ быть сомнѣній, что чума, лихорадка и другія тяжелыя болѣзни суть дѣло рукъ дьявола“. Но религіозныя предписанія, направленныя къ борьбѣ съ заразными болѣзнями, замѣнены нынѣ научно-обоснованными предписаніями медицины и гигиены.

Наконецъ, и всѣ попытки философіи примирить человѣка со смертью не могутъ удовлетворить Мечникова, такъ какъ они всѣ сводятся къ одному совѣту, а именно: примириться съ неизбежнымъ.

Единственно, отъ чего можно ждать помощи, это — наука. И успѣхи науки въ XIX-мъ вѣкѣ грандіозны. Особенно велики успѣхи науки въ вопросѣ борьбы съ болѣзнями, а именно существованіе болѣзней и было главнымъ факторомъ, способствовавшимъ выработкѣ пессимистическаго міровоззрѣнія. Конечно, остается еще очень много сдѣлать, но то, что уже достигнуто, является громаднымъ результатомъ, а главное, мы въ состояніи на основаніи уже достигнутаго предвидѣть еще новыя завоеванія науки.

Но на это возражаютъ: „Да, наука въ состояніи помочь человѣку, когда онъ страдаетъ отъ той или другой болѣзни, но вопросъ не въ этомъ. Болѣзнь есть только эпизодъ въ жизни человѣка, въ то время какъ основные вопросы ея не разрѣшены наукой. Недостаточно вылечить человѣка отъ дифтеріи или болотной лихорадки. Нужно разрѣшить вопросъ, что его ожидаетъ и почему онъ долженъ старѣться и умереть въ тотъ моментъ, когда у него наибольшая потребность жить. Вотъ тутъ,

говорят противники науки, выступает съ полной ясностью безсиліе ея и здѣсь начинается благодѣтельная роль религіи и философіи. А такъ какъ наука постоянно вноситъ сомнѣніе къ догмамъ вѣры и постоянно критикуетъ философскія системы, то въ виду этого, говорятъ противники науки, наука не только не полезна, но вредна". Нападки на науку начались давно. Первымъ блестящимъ противникомъ науки былъ Руссо, а теперь наиболѣе выдающимся является гр. Л. Н. Толстой. Мечниковъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ выводы Толстого: „Наука не можетъ разрѣшить вопроса, въ чемъ заключается истинный смыслъ жизни“. Въ виду того, что столько и въ томъ числѣ такіе выдающіеся люди нападаютъ на науку, невольно является вопросъ, — дѣйствительно, не вредна ли наука на самомъ дѣлѣ. Можетъ это стремленіе людей къ свѣту знанія быть такъ же губительно для человѣческаго рода, какъ для бѣдныхъ ночныхъ бабочекъ губительно ихъ стремленіе къ огню.

Но Мечниковъ не можетъ примириться съ такимъ рѣшеніемъ и думаетъ, что наука въ состояніи дать отвѣтъ на самые роковые вопросы человѣческаго существованія. Чтò же извѣстно современной наукѣ о старости и о смерти?

Неизбѣжность смерти для всего живого является одной изъ самыхъ банальныхъ истинъ, а между тѣмъ за послѣднее время являются голоса, которые высказываютъ сомнѣніе въ возможности обобщать это положеніе на всѣхъ живыхъ существъ. Ученымъ, впервые высказавшимъ это сомнѣніе, былъ Вейсманъ. Живыя существа можно раздѣлить на двѣ большихъ группы: на существа одноклѣточные и существа, состоящіа изъ множества клѣтокъ. Что касается второй группы живыхъ существъ, къ которой принадлежитъ и человѣкъ, то для нея неизбѣжность смерти несомнѣнна; не то для первой группы, къ которой принадлежатъ микроскопическія существа, состоящіа всего изъ одной клѣтки. Является вопросомъ, существуетъ ли для такого существа естественная, не насильственная смерть. Если мы будемъ наблюдать за жизнью такого существа, то увидимъ, что оно двигается, поглощаетъ пищу, а черезъ нѣкоторый промежутокъ времени увидимъ, что такое существо раздѣлилось на два новыхъ — тождественныхъ съ нимъ — существа. Какъ индивидуальность, прежнее одноклѣточное существо перестало существовать, разсавшись на два новыхъ, но ничего похожего на смерть мы тоже не найдемъ, такъ какъ и послѣ дѣленія тѣло этого существа продолжаетъ существовать, только раздѣленное на двѣ части. Такимъ образомъ, смерть, съ этой точки зрѣнія, является привилегіей существъ болѣе высокаго и сложнаго строенія.

То же самое разсужденіе мы можемъ распространить и на старость. Каждому извѣстны проявленія старости, какъ они выражаются на человѣкѣ. Тѣ же самыя проявленія мы можемъ констатировать у высшихъ животныхъ, даже у птицъ; наконецъ, даже у деревьевъ мы можемъ видѣть явленія, которыя мы можемъ отождествлять съ дряхлостью. Но если мы обратимся къ одноклѣточнымъ существамъ-инфузоріямъ, амебамъ или бактеріямъ, то намъ будетъ трудно найти такія явленія, которыя мы могли бы отождествить со старостью. Мы увидимъ, какъ такое существо живетъ, размножается дѣленіемъ, и такъ повторяется многое число разъ. Но затѣмъ можно наблюдать, какъ послѣ ряда послѣдовательныхъ дѣленій инфузоріи дѣлаются все меньше и меньше по величинѣ,—онѣ вырождаются, но онѣ обладаютъ средствомъ опять возвратить себѣ прежніе размѣры и здоровье. Для этого два существа должны слиться въ одно; процессъ этотъ называется копуляціей и за нимъ слѣдуетъ опять быстрое размноженіе простымъ дѣленіемъ этихъ инфузорій, вернувшихъ себѣ такимъ способомъ прежніе размѣры и молодость. Ничего подобнаго не существуетъ для существъ многокѣточныхъ, и всѣ они обречены на постепенное увиданіе—старость.

Мечниковъ ставитъ себѣ задачей бороться со старостью. Но для того чтобы бороться съ чѣмъ-нибудь, надо знать то, съ чѣмъ приходится бороться. Чтò же такое старость съ точки зрѣнія современной науки?

Давно уже замѣчено, что мясо старыхъ животныхъ отличается жесткостью. Про него говорятъ, что оно какъ подошва. И въ этомъ сравненіи есть большая доля правды. Мясо оттого дѣлается такимъ жесткимъ, что въ немъ развивается много той же самой ткани, изъ которой состоитъ подошва. Характерное свойство старости заключается въ томъ, что при ней самыя цѣнныя, благородныя элементы организма атрофируются, а ихъ мѣсто занимаетъ развившаяся соединительная ткань. Каждый важный для жизни органъ состоитъ изъ особенныхъ характерныхъ для него клѣтокъ, которыя и выполняютъ лежащую на этомъ органѣ работу: такъ мозгъ состоитъ изъ нервныхъ клѣтокъ, печень изъ печеночныхъ клѣтокъ, и эти важные для жизни элементы заложены въ основу, состоящую изъ соединительной ткани. Послѣдняя играетъ роль скелета, опоры, которая поддерживаетъ и охраняетъ отъ механическихъ поврежденій болѣе важные элементы. Но при старости число благородныхъ элементовъ уменьшается, а ихъ мѣсто занимаетъ разросшаяся соединительная ткань. Интересно, что тотъ же самый процессъ мы имѣемъ и при хроническихъ воспаленіяхъ,—и при нихъ благородныя эле-

менты исчезаютъ и замѣняются разросшейся соединительной тканью. И это является подтвержденіемъ мысли Мечникова, что та старость, которую мы видимъ вокругъ насъ, есть болѣзненное явленіе, а смерть, которою умираетъ громадное большинство современныхъ намъ людей, есть смерть насильственная.

Всѣмъ извѣстна теорія Мечникова, объясняющая явленія старости. Въ человѣческомъ организмѣ есть цѣлый классъ клѣтокъ, напоминающихъ своей формой и строеніемъ свободно живущихъ одноклѣточныхъ существъ. Назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, съ одной стороны, защищать организмъ отъ проникающихъ въ него бактерій, съ другой—чтобы пожирать умершія клѣтки организма. И вотъ старость, по Мечникову, объясняется тѣмъ, что эти клѣтки начинаютъ нападать на ослабленные разными вредными вліяніями благородныя клѣтки организма, на тѣ клѣтки, безъ которыхъ мы не можемъ существовать. Въ подтвержденіе этого Мечниковъ приводитъ свои наблюденія и наблюденія его учениковъ надъ тѣмъ, какъ въ центральной нервной системѣ, въ почкахъ онъ видѣлъ благородныя элементы органовъ, пожираемые этими блуждающими клѣтками.

Онъ даже предлагаетъ бороться съ явленіями старости, приготовивъ такую сыворотку, которая вредно дѣйствовала бы на эти блуждающія клѣтки и уменьшала бы ихъ энергію, направленную въ столь невыгодномъ для насъ направленіи.

Но если блуждающія клѣтки нападаютъ на самыя драгоценныя клѣтки нашего организма, то это потому, что послѣднія ослаблены вслѣдствіе различныхъ вредныхъ вліяній. Что же это за вредныя вліянія? Наиболѣе частой причиной какъ перерожденія клѣтокъ внутреннихъ органовъ, такъ и развитія на ихъ мѣстѣ соединительной ткани, являются алкоголизмъ и сифилисъ. На ихъ долю приходится около половины рѣзкихъ измѣненій внутреннихъ органовъ, аналогичныхъ измѣненіямъ происходящимъ отъ старости, но только констатированныхъ въ болѣе ранніе года. Сифилисъ и алкоголь дѣйствуютъ на благородныя элементы организма какъ яды и ослабляютъ ихъ, а блуждающія клѣтки, какъ не такіе нѣжные элементы, менѣе страдаютъ отъ этихъ ядовъ, и этимъ объясняется побѣда ихъ надъ болѣе благородными элементами. Въ остальныхъ же случаяхъ, гдѣ мы видимъ явленія гибели важныхъ для жизни элементовъ и замѣны ихъ разросшейся соединительной тканью и гдѣ не было ни сифилиса, ни алкоголизма,—причина другая.

Эта причина, по Мечникову, заключается въ громадной массѣ бактерій, развивающихся въ ненужной толстой кишкѣ человѣка. Эти бактеріи, развиваясь на счетъ непереваренныхъ

остатковъ пищи, размножаются въ громадныхъ количествахъ и производятъ вредныя, отравляющія насъ вещества, которыя изъ кишечника всасываются въ кровь и разносятся по всему организму. Правда, пытались доказать, что эти обитатели нашего кишечнаго канала необходимы для пищеваренія и такимъ образомъ являются полезными гостями для насъ. Но эти доводы, по мнѣнiю Мечникова, не доказательны, а между тѣмъ фактъ, что они являются источникомъ вредныхъ для организма веществъ — несомнѣненъ. Развитие толстой кишки имѣло своимъ послѣдствиемъ нѣкоторыя выгодныя стороны для млекопитающихъ животныхъ; но это развитие толстой кишки сопровождалось сокращенiемъ срока жизни. Птицы, у которыхъ нѣтъ толстой кишки и у которыхъ бактерiальная флора кишечника значительно болѣе бѣдна, чѣмъ у млекопитающихъ, — соответственно этому обладаютъ значительно болѣе продолжительностью жизни. Между птицами есть одно очень знаменательное исключенiе: страусы отличаются отъ другихъ птицъ значительнымъ развитiемъ толстой кишки и соответственно съ этимъ обильной бактерiальной флорой кишечнаго канала. Сообразно съ этимъ и продолжительность жизни страусовъ значительно короче, чѣмъ другихъ птицъ, значительно меньшихъ его по размѣрамъ.

Разъ выяснено, въ чемъ заключается причина преждевременной болѣзненной старости, мы должны бороться съ этими вредными факторами. Конечно, несмотря на всѣ успѣхи современной хирургiи, мы не можемъ рассчитывать на то, чтобы вредная для человечества толстая кишка удалялась хирургическимъ путемъ, но возможенъ еще другой путь борьбы съ тѣмъ вредомъ, который человѣку приносятъ размножающiяся въ кишечномъ каналѣ бактерiи. Эти бактерiи попадаютъ въ нашъ кишечникъ безъ нашего вѣдома вмѣстѣ съ непрокипяченной водой или съ плохо вымытыми сырыми фруктами. Это, такъ сказать, дикiя бактерiи, — и является чрезвычайно страннымъ, что человѣкъ, который съ такимъ старанiемъ удаляетъ всякихъ вредныхъ существъ изъ окружающаго, не обращаетъ никакого вниманiя на цѣлый мiръ живыхъ существъ, населяющихъ его внутренности. Безусловно необходимо замѣнить этихъ бактерiй, подчасъ прямо опасныхъ, а по мнѣнiю Мечникова — вредныхъ, другими бактерiями — полезными, такъ сказать, домашними. Такими бактерiями являются бактерiи молочнокислаго броженiя, развивающiяся при закисанiи молока. Вслѣдствiе ихъ жизнедѣятельности молоко закисаетъ въ простоквашу. Полезное свойство этихъ бактерiй заключается въ томъ, что онѣ производятъ изъ молочнаго сахара, заключеннаго въ молоко, кислоты, а послѣдняя мѣшаетъ вред-

нымъ бактеріямъ развиваться. Съ этой точки зрѣнія употребленіе кислаго молока является въ высшей степени полезнымъ.

Въ виду всего этого, говоритъ Мечниковъ, можно признать, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ удастся видоизмѣнить старость. вмѣсто болѣзненной и отталкивающей она будетъ физиологическимъ увяданіемъ, которое можно будетъ выносить. Удастся также увеличить и продолжительность жизни. Но этого мало. Можно предполагать, что когда людямъ сдѣлается доступной физиологическая старость, измѣнится и ихъ отношеніе къ смерти. Выше мы видѣли, какъ мѣняются инстинкты живого существа съ измѣненіемъ его возраста. Смерть, которую теперь умираютъ люди, есть смерть насильственная. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда теперь мы видимъ старика, тихо скончавшагося безъ какихъ бы то ни было страданій, все-таки на вскрытіи обыкновенно находятъ рѣзкое измѣненіе, разрушеніе того или другого органа. Для насъ понятнымъ является трагическое противорѣчіе между разрушающимся тѣломъ и жаждой жизни. Мы можемъ предполагать, что когда смерть будетъ результатомъ равномернаго увяданія организма, вмѣстѣ съ ослабваніемъ жизненныхъ процессовъ будетъ ослабввать и инстинктъ стремленія жить, этотъ инстинктъ замѣнится другимъ, а именно стремленіемъ умереть. Мечниковъ приводитъ примѣръ насѣкомыхъ, называемыхъ эфемерами, которыя въ состояніи личинки энергично защищаютъ свою жизнь, въ состояніи же взрослога насѣкомаго, все назначеніе котораго заключается въ томъ, чтобы положить яйца, никакого стремленія избѣжать опасности не замѣчается. Можно себѣ представить, что на исходѣ физиологической старости человѣкъ будетъ съ такимъ же спокойствіемъ и удовлетвореніемъ ждать смерти, съ какимъ ежедневно онъ ожидаетъ наступленія сна.

Мечниковъ рисуетъ такую идиллическую картину будущности человѣчества. Жизнь будетъ раздѣляться на два періода: одинъ посвященный размноженію и своей семьѣ, и другой, когда способность воспроизведенія загложнетъ, цѣликомъ посвященный на благо человѣчества. Старики будутъ сохранять всю свою интеллектуальную мощь и будутъ драгоцѣнными руководителями общественной жизни.

Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе книги Мечникова. Перейдемъ теперь къ обсужденію его основныхъ выводовъ.

Прежде всего остановимся на его раздѣленіи живыхъ существъ на два отдѣла—на виды прекрасно, гармонично органи-

званные и на виды неудовлетворительно организованные; къ послѣднимъ, по его мнѣнію, относится и человекъ. По нашему мнѣнію, нѣтъ возможности согласиться съ такимъ раздѣленіемъ. Среди живыхъ существъ мы можемъ найти виды процвѣтающіе въ данный моментъ и виды вымирающіе, но чтобы среди живыхъ существъ мы могли найти такихъ, которыя представляли бы грубые недостатки и ошибки въ своемъ строеніи, это представляется маловѣроятнымъ. Если какой-нибудь видъ вымираетъ, это еще не значитъ, чтобы въ его организаціи открылась какая-нибудь ошибка; это обозначаетъ только, что въ данной мѣстности появился другой видъ животныхъ, имѣющій передъ первымъ преимущество въ борьбѣ за существованіе. При этомъ не нужно думать, что побѣждающій видъ лучше организованъ, чѣмъ побѣждаемый. Приведемъ слѣдующій примѣръ: какъ извѣстно, на небольшихъ островахъ, расположенныхъ среди океана, не существуетъ обыкновенно летающихъ насѣкомыхъ, а только ползающія. Это обуславливается тѣмъ, что на такихъ островахъ вѣтеръ сноситъ въ море всѣхъ насѣкомыхъ, пытающихся летать, и оттого выжить на такомъ островѣ могутъ только ползающія.

Примѣръ, приводимый Мечниковымъ, показываетъ, до какой степени гибельный факторъ можетъ быть по отношенію къ жизни извѣстнаго вида случайнымъ и совсѣмъ несвязаннымъ съ той или другой степенью совершенства въ организаціи. Мечниковъ ничего не говоритъ про несовершенство въ организаціи птицъ, онъ даже ставитъ ихъ въ примѣръ человекъ и млекопитающимъ, такъ какъ онѣ не обладаютъ толстой кишкой. Однако эти существа гибнутъ тысячами, привлекаемыя роковымъ для нихъ свѣтомъ маяковъ. То обстоятельство, что электрическій свѣтъ, зажигаемый для своихъ цѣлей людьми, оказывается гибельнымъ для птицъ, не доказываетъ нисколько несовершенства природы птицъ.

Не нужно забывать, до какой степени на шаткой почвѣ находимся мы, когда говоримъ о тѣхъ или другихъ несовершенствахъ организаціи. Мечниковъ часто останавливается на вопросѣ о ненужности того или другого органа. Какіе же доводы можемъ мы привести, чтобы судить объ этой ненужности? Первый доводъ, которымъ обосновываютъ ее, состоитъ въ томъ, что въ настоящее время намъ неизвѣстны функціи, которыя органъ выполняетъ. Шаткость довода сама бросается въ глаза: изъ того, что намъ ничего неизвѣстно о томъ, для чего служить какой-нибудь органъ, можно сдѣлать только одинъ выводъ—о несовершенствѣ нашихъ знаній. Особенно открытія послѣдняго времени поучительны въ этомъ отношеніи. Такъ, цѣлый рядъ железъ могъ считаться совершенно ненужнымъ,—оказалось, однако, что онѣ

безусловно необходимы для жизни. Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ примѣръ щитовидной железы: функція ея была совершенно неизвѣстна, и поэтому можно было заключать о совершенной ея ненужности. Исслѣдованія показали, что если ея удалить, то наступаетъ рядъ крайне тяжелыхъ болѣзненныхъ явленій. Особенно неудобно самому Мечникову основываться на подобномъ доводѣ. Всѣмъ извѣстно, какъ онъ много сдѣлалъ для выясненія роли блуждающихъ кровяныхъ шариковъ (фагоцитовъ), а между тѣмъ еще недавно роль ихъ была совершенно неизвѣстна, и ихъ можно было бы считать за совершенно бесполезныя образованія.

На первый взглядъ кажется, что относительно рудиментарныхъ органовъ, какъ, напр., червовидный отростокъ и др., мы можемъ съ большимъ правомъ отрицать какое бы то ни было ихъ значеніе, такъ какъ относительно ихъ ясно, что они не выполняютъ той роли, какую они выполняли когда-то у предковъ животнаго. Но и въ этомъ отношеніи дѣло усложняется тѣмъ, что какой-нибудь органъ можетъ быть рѣзко уменьшеннымъ по сравненію съ тѣмъ, какимъ онъ былъ у предковъ этого животнаго; въ тому же, можетъ быть ясно, что этотъ органъ уже не выполняетъ той роли, какую онъ когда-то выполнялъ, но это не исключаетъ возможности того, чтобы онъ взялъ на себя другое назначеніе.

Другой доводъ, на который опирается часто Мечниковъ, желая доказать бесполезность извѣстнаго органа, заключается въ томъ, что этотъ органъ, безъ рѣзко замѣтнаго вреда для организма, можно удалить. Всякому, кто нѣсколько болѣе знакомъ съ патологическими явленіями, вполне ясна послѣдствіе такого заключенія. Организмъ устроенъ такимъ образомъ, что въ случаѣ, если въ немъ какой-либо органъ перестаетъ работать, роль его обыкновенно въ значительной степени берутъ на себя другіе органы. Такъ, въ случаѣ вырѣзыванія желудка большую часть его работы берутъ на себя кишки. Въ случаѣ заболѣванія почки роль ихъ берутъ на себя кожа и кишки. Такимъ образомъ, если послѣ удаленія какого-нибудь органа мы не замѣтимъ, сколько-нибудь значительныхъ разстройствъ, то это зависитъ не оттого, что этотъ органъ излишенъ и ненуженъ организму, а оттого, что прекрасно выработанъ аппаратъ, замѣщающій этотъ органъ, въ случаѣ недостаточной его дѣятельности. Характернымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить нашъ селезенка. Мечниковъ первый не будетъ утверждать, что это—излишній органъ, такъ какъ селезенка состоитъ изъ блуждающихъ кѣлокъ, которымъ такое большое значеніе придаетъ онъ; однако, селезенку много разъ вырѣзывали безъ какого-либо

ущерба для организма. Изъ всего этого можно заключить, насколько мало имѣютъ подъ собою почвы всѣ утверждения объ излишности и ненужности тѣхъ или другихъ органовъ.

Другимъ крупнымъ доводомъ, служащимъ Мечникову для доказательства несовершенства человеческой природы, являются неправильности и извращения инстинктовъ, наблюдаемыхъ у человѣка. Но не нужно забывать, насколько измѣнчивы, непрочно инстинкты въ зависимости отъ измѣненія тѣхъ условій, въ которыхъ находится животное. Инстинктъ дѣйствуетъ правильно обыкновенно только до тѣхъ поръ, пока не измѣняется обстановка, въ которой находится животное. Особенно долго въ этомъ отношеніи Мечниковъ останавливается на отклоненіяхъ, представляемыхъ половымъ инстинктомъ у человѣка. Для сравненія мы можемъ привести слѣдующее: какъ извѣстно, въ неволѣ слоны перестаютъ размножаться. Животное осталось въ томъ же климатѣ, въ той же странѣ. Разница только въ томъ, что оно находится въ неволѣ, и этого достаточно для того, чтобы половой инстинктъ исчезъ совсѣмъ. Какъ извѣстно, люди необыкновенно рѣзко мѣняютъ условія своего существованія при переходѣ изъ города въ деревню, отъ сельскаго хозяйства къ работѣ на фабрикахъ, отъ условій первобытной жизни къ культурѣ. Такъ что надо скорѣе удивляться прочности инстинктовъ человѣка, чѣмъ тому, что встрѣчаются тѣ или другія отклоненія. Тѣмъ болѣе, что многое, что въ жизни первобытныхъ народовъ мы считаемъ за уродливыя отклоненія, является неизбѣжнымъ результатомъ тѣхъ условій, въ которыхъ они живутъ, и въ этихъ условіяхъ — цѣлесообразно.

Такимъ образомъ, мы не можемъ признать обоснованными тѣ доводы, которые приводятся въ пользу несовершенства человеческой природы. Болѣе вѣрной и плодотворной является точка зрѣнія, признающая человеческую природу за идеалъ совершенства. По крайней мѣрѣ для нашего современнаго пониманія ничего не можетъ быть прекраснѣе и совершеннѣе человѣка.

Намъ пришлось самимъ слышать, какъ Мечниковъ на публичной лекціи въ „Свободномъ русскомъ университетѣ“ въ Парижѣ излагалъ свои взгляды о природѣ человѣка, вошедшіе потомъ въ книгу, которой и посвящена эта статья. Мы не zapomнимъ, чтобы намъ пришлось слушать болѣе блестящаго лектора, чѣмъ И. И. Мечниковъ. Вся лекція была прочитана необыкновенно ярко, образно, съ огнемъ. Къ слову сказать, намъ не пришлось и видѣть нигдѣ такой симпатичной аудиторіи, какъ въ парижскомъ русскомъ университетѣ. И, несмотря на весь ея блескъ, эта лекція оставила во мнѣ неудовлетворительное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что эта лекція не удовлетворяла требованіямъ,

которые мы, ученики русской научной школы, предъявляемъ въ такихъ лекціяхъ. Когда маститый ученый-естественникъ читаетъ передъ аудиторіей молодежи, то мы прежде всего ждемъ, что онъ представитъ въ своей лекціи образецъ строгаго, послѣдовательнаго логическаго мышленія, который навсегда вѣзался бы въ память слушателя. Это есть самое дорогое, что онъ можетъ вынести изъ аудиторіи. Лекція И. И. Мечникова была необыкновенно блестяща, но изъ нея можно было извлечь все, что угодно, только не примѣръ строгаго и послѣдовательнаго мышленія. Эта лекція, также какъ и книга, представляетъ собой блестящій букетъ, — цѣлый фейерверкъ гипотезъ. Только-что выдвинута одна гипотеза, какъ за ней тотчасъ же выдвигается вторая, третья. На первой, еще недостаточно обоснованной гипотезѣ строится еще новая. Клодъ Бернаръ однажды сказалъ, что ученый, для того, чтобы объяснить и связать факты, можетъ дѣлать совсѣмъ маловѣроятныя предположенія во время своей работы, только бы эти предположенія позволили ему подвинуться впередъ въ его изслѣдованіи. Но это далеко не заставляетъ ученаго дѣлиться со всѣми своими зачастую крайне неосновательными предположеніями, возникающими въ его головѣ во время изслѣдованія.

Конечно, нѣкоторыя гипотезы Мечникова крайне интересны, какъ, напр., его теорія старости, по которой послѣдняя зависитъ оттого, что блуждающія кѣтки нападаютъ на самые цѣнные элементы нашего организма, или теорія преждевременнаго одряхлѣнія, зависящая отъ вреднаго вліянія многочисленнаго бактеріальнаго населенія нашего кишечника. Но цѣна такихъ теорій заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, насколько онѣ окажутся полезными для дальнѣйшаго хода изслѣдованія. Если онѣ явятся исходнымъ пунктомъ новыхъ работъ, если онѣ поведутъ къ открытію новыхъ фактовъ и обобщеній, значеніе ихъ будетъ велико, въ противномъ случаѣ—нѣтъ. Пока же, какъ ни блестящи эти теоріи, по поводу ихъ можно сказать, что онѣ еще далеко не достаточно обоснованы.

Но чѣмъ дальше мы слушали лекцію, тѣмъ ярче для насъ выступала другая ея сторона—чувство протеста и возмущенія противъ того, съ чѣмъ тысячи и миллионы мирятся, какъ съ чѣмъ-то неотвратимымъ и неизбежнымъ. Мы говоримъ о той старости и той смерти, жертвами которыхъ являются современные люди. Мы говорили уже, что центральнымъ, самымъ важнымъ выводомъ книги Мечникова является утвержденіе, что наша старость есть неестественное, болѣзненное явленіе, а наша смерть есть смерть насильственная. Конечно, это не есть новый вы-

воду,—наоборотъ, онъ вытекалъ неизбежно изъ всѣхъ работъ, посвященныхъ этимъ вопросамъ, и его высказывали болѣе или менѣе ясно всѣ, кому только ни приходилось заниматься этими вопросами. Особенно поражаетъ то, когда умираетъ великій человѣкъ въ полномъ разгарѣ своей общественной или научной дѣятельности, хотя бы и въ преклонныхъ годахъ по нашей современной мѣрѣ. Въдъ смерть отъ воспаления легкихъ или отъ кровоизліянія въ мозгъ отъ разорвавшейся артеріи въ тотъ моментъ, когда человѣкъ не только хочетъ жить, но и весь преисполненъ стремленіемъ осуществить рядъ неисполненныхъ плановъ, является въ такой же мѣрѣ насильственной, какъ и смерть отъ удара дубиной по головѣ.

По поводу протеста Мечникова противъ старости и смерти невольно приходитъ на память другая крупная личность, выдвинутая русской жизнью—Л. Н. Толстой. Его философскія и публицистическія произведенія находятъ откликъ во всемъ мірѣ. Когда онъ выступаетъ съ протестомъ противъ каваго-либо изъ проявленій общественной жизни, то та философская система, на которой онъ его обосновываетъ, можетъ вызвать противъ себя много крупныхъ возраженій. Когда же дѣло доходитъ до тѣхъ мѣръ, которыя, по мнѣнію Толстого, необходимы, чтобы поборотъ зло, то уже онѣ обыкновенно совершенно не выдерживаютъ критики. И несмотря на все это, вліяніе Толстого на современное человѣчество громадно и все болѣе и болѣе связывается. Пускай его философская система неудовлетворительна, пускай средства, которыя онъ предлагаетъ для борьбы со зломъ, таковы, что не могутъ имѣть успѣха,—самое главное заключается въ ярости и силѣ его протеста противъ такихъ явленій жизни, съ которыми человѣчество мирится какъ съ чѣмъ-то неизбежнымъ и неотвратимымъ. Толстой толкаетъ и будитъ людей. Каждый вмѣсто тѣхъ причинъ, которыми Толстой объясняетъ зло, найдетъ свои обоснованія. Отыскивая выходъ, каждый пойдетъ по своей дорогѣ, сообразно своему круговору и своимъ силамъ. Значеніе же Толстого заключается въ томъ, что оно открываетъ людямъ глаза, вселяетъ въ нихъ энергію и силу.

Совершенно такъ же представляешь себѣ и значеніе той стороны дѣятельности Мечникова, которая вылилась въ послѣдней его книгѣ. Какъ мы говорили выше, самымъ важнымъ въ ней является утвержденіе, что старость—такая, какую мы видимъ вокругъ насъ,—есть болѣзнь, а смерть, которая постигаетъ окружающихъ насъ, есть смерть насильственная. И раньше Мечникова высказывались эти взгляды, значеніе же его заключается въ томъ, что книга его способна распространить эту точку зрѣнія въ

широкихъ кругахъ, вселить въ нихъ стремленіе бороться съ этими печальными явленіями и вѣру въ успѣшность этой борьбы.

Какъ мы говорили выше, мы не считаемъ твердо установленной теорію Мечникова относительно происхожденія старости и дѣйствительными—средства борьбы съ нею, предлагаемыя имъ. Вредное вліяніе толстой кишки на организмъ человѣка и губельное значеніе населяющихъ ее микробовъ не доказаны. Поэтому мы не можемъ придавать такого рѣшающаго значенія попыткамъ видоизмѣнить населеніе нашихъ кишекъ, какъ это предлагаетъ Мечниковъ. Съ болѣзненными проявленіями старости и преждевременною смертію нужно бороться, но только эта борьба должна быть направлена не въ томъ направленіи, въ какомъ думаетъ Мечниковъ. Какъ ни интересны проявленія старости, нужно думать, что непосредственное изученіе ихъ самихъ по себѣ врядъ ли обѣщаетъ большіе практическіе результаты. Самъ Мечниковъ указываетъ, какую большую роль среди причинъ, вызывающихъ преждевременное одряхлѣніе и смерть, занимаютъ заразные болѣзни. Современная наука придаетъ имъ первенствующее значеніе среди другихъ болѣзненныхъ факторовъ, и остальные отступаютъ далеко на второй планъ. Такимъ образомъ, борьба съ заразными болѣзнями и уничтоженіе послѣднихъ близко приблизили бы насъ къ той цѣли, которую ставитъ И. И. Мечниковъ. А тутъ мы подходимъ къ вопросу объ общихъ социальныхъ проблемахъ. Ни одинъ отдѣльный человѣкъ самъ по себѣ, ни отдѣльная небольшая группа людей не могутъ быть счастливы, если рядомъ существуютъ обездоленные группы. Каждый новый шагъ по пути изученія причинъ развитія заразныхъ болѣзней, а также по пути проведенія въ жизнь гигиеническихъ мѣропріятій, все болѣе выясняетъ ту связь, которая существуетъ между интересами отдѣльныхъ лицъ и всего человѣчества. Солидарность интересовъ отдѣльныхъ людей является необходимою не только съ точки зрѣнія требованій нравственности, но и съ точки зрѣнія вѣрно понятыхъ интересовъ самой отдѣльной личности. Нелѣпо думать, что можно какимъ-либо образомъ оградиться отъ болѣзней, когда рядомъ живутъ въ униженіи и нищетѣ народныя массы, среди которыхъ возбудители заразы находятъ себѣ удобное поле для распространенія.

Но не только равномѣрное распространеніе благосостоянія и просвѣщенія имѣетъ значеніе въ этомъ вопросѣ,—дальнѣйшій прогрессъ и здѣсь сводится къ всестороннему гармоническому росту человѣческой личности.

Александръ Яроцкій.

ДЖОНЪ ТАЛЬБОТЪ

ИЗЪ

САНТА-УРСУЛЫ

РАЗСКАЗЪ.

— Gertrude Atherton. The bell in the fog and other stories. London, 1905.

I.

Какъ всегда, сенора прислала поутру Джону Тальботу официальное приглашеніе отобѣдать у нея въ „Оливковомъ Ранчо“, по случаю дня его рожденія. Хотя онъ круглый годъ бывалъ у сеноры разъ въ недѣлю, и предлагаемое ею угощеніе состояло исключительно изъ чашки шоколада или освѣжающаго питья, но для этого дня у нея рѣзали индѣйку, и старая кухарка приготовляла такое множество горячихъ блюдъ и старинныхъ сладостей, что Тальботъ чувствовалъ себя несчастнымъ человѣкомъ въ теченіе трехъ дней. Но онъ скорѣе согласился бы страдать въ теченіе цѣлой недѣли, чѣмъ отказаться отъ этого праздника и связаннаго съ нимъ представленія о семейной жизни.

Сенора и завѣдующій миссіей священникъ—были единственными друзьями Тальбота въ Санта-Урсулѣ, хотя, вслѣдствіе причинъ политическаго характера, онъ часто бывалъ въ гостинныхъ мѣстечка и обсуждалъ съ ихъ разноплеменными обитателями разныя дѣла и злобы дня, доходившія до этого отдаленнаго уголка Калифорніи. А между тѣмъ, за исключеніемъ кратковре-

менныхъ поѣздокъ въ Сантъ-Франциско, Сакраменто и въ южные города, онъ прожилъ въ Санта-Урсулѣ ровно двадцать-три года.

Почему же и послѣ того какъ онъ сталъ богатымъ человѣкомъ, онъ все еще оставался въ этой забытой Богомъ норѣ? Прогуливаясь взадъ и впередъ по корридорамъ миссiи, Тальботъ не безъ юмора спрашивалъ себя объ этомъ на сороковомъ году отъ рожденiя, какъ онъ уже и ранѣе неоднократно спрашивалъ себя о томъ же.

Для нѣкоторыхъ людей глубокое спокойствiе, теплая, дремотная красота всей окружающей картины — послужили бы положительнымъ отвѣтомъ. Два монаха, въ коричневыхъ рясахъ, проходили мимо него, перебирая четки. Вдали, за аркадами корридора, съ возвышенности, на которой стояло длинное бѣлое зданiе миссiи, открывался видъ на необозримую долину съ запада и съ юга, перерѣзываемую съ сѣверной стороны горнымъ хребтомъ Санта-Барбары. Солнце казалось мѣдно-краснымъ на темной синевѣ небесъ, и подъ его лучами обширныя, покрывавшiя долину оливковыя плантаціи — напоминали серебряное море. Листва деревьевъ искрилась и отливала серебромъ, сливаясь съ синевою горизонта, рѣзко отбѣняемой темною массою горъ. Тальботъ увидѣлъ, какъ птица словно окунулась въ море зелени, и когда она снова поднялась вверхъ, ему подумалось, что съ крыльевъ ея должны упасть блестящiя капли. Онъ невольно вздохнулъ, подумавъ, что тамъ, въ тѣни деревьевъ и темныхъ гротовъ, должно быть очень прохладно, гораздо прохладнѣе, чѣмъ во время переѣзда въ восемь миль подъ жгучими лучами полуденнаго калифорнскаго солнца... Но тутъ онъ вспомнилъ, что „зага“ въ ранчо сеноры — также темная и прохладная, и что предстоящiй ему путь пролегаетъ отчасти вдоль рѣки, мимо ивъ и хлопчато-бумажныхъ плантацій. Большая доза философіи была солью его жизни въ Санта-Урсулѣ.

Одна изъ отдаленныхъ отъ края высокнхъ горныхъ вершинъ, находившаяся на разстоянiи одной мили отъ миссiи, густо поросла лѣсомъ; узкая, извивающаяся тропинка вела на верхъ ея, и мало кто зналъ объ ея существованiи. Джону Тальботу была хорошо извѣстна тропинка и то, къ чему она вела: озеро на самой вершинѣ горы, такое прозрачное и свѣтлое, что въ немъ отражалась каждая игла окружавшихъ его сосенъ.

А на востокъ отъ миссiи, за рѣкою, окаямленною бахромою ивъ и плантаціями хлопка, въ концѣ длинной пыльной дороги, пролежавшей по полямъ и холмамъ, находился старинный домъ, именуемый „Оливковымъ Ранчо“.

Тальботъ былъ современнымъ дѣловымъ человѣкомъ. Ему принадлежали оливковыя плантаціи, миниатюрный отель на горѣ, земля, на которой возникло мѣстечко съ единственною лавкою, общественнымъ „салономъ“, почтовою конторою и домами гражданъ, изъ которыхъ далеко не всѣ могли назваться почтенными. Тальботъ былъ также и общественнымъ дѣятелемъ, такъ какъ онъ уже два года состоялъ представителемъ своего округа и о немъ говорили какъ о будущемъ сенаторѣ. Нельзя сказать, чтобы люди, среди которыхъ онъ жилъ такъ долго, любили его, такъ какъ онъ былъ сдержанъ и никого не похлопывалъ по плечу. Кромѣ того, предполагалось, что онъ подписывается въ Санъ-Франциско на газету, которую не раскладываетъ у себя на столѣ, и что въ одной изъ комнатъ миссіи у него имѣется обширная бібліотека. Что же до сосѣдей — всѣ могли видѣть, что онъ близокъ лишь съ однимъ падре. И несмотря на это, онъ пользовался общимъ довѣріемъ и уваженіемъ въ качествѣ человѣка, который въ теченіе двадцати-трехъ лѣтъ ни разу не измѣнилъ своему слову и не воспользовался правомъ сильнѣйшаго; даже тѣ, кого обижало его уклоненіе отъ всякой фамиллярности, чувствовали, что достоинство и интересы ихъ штата будутъ сохранены въ его рукахъ. Не исключая и наиболѣе ревностныхъ сторонниковъ очереднаго начала, всѣ пришли къ убѣжденію, что было бы недурно провести его въ конгрессъ. Пускай сначала онъ пробудетъ два-три срока въ палатѣ депутатовъ, а затѣмъ, если онъ оправдаетъ ихъ ожиданія и окажется полезнымъ, они употребятъ всѣ усилія для того, чтобы провести его въ сенатъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ Санта-Урсулѣ имѣлась лишь одна улица, но ея „салонъ“ былъ центромъ на сто миль въ окружности. Когда первый гражданинъ мѣстечка сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ „Тальботъ изъ Санта-Урсулы“ — имя, полученное имъ въ отличіе отъ двоихъ, носившихъ ту же фамилію, сотоварищей-депутатовъ, — обитатели мѣстечка безмѣрно возгордились имъ. Мѣстныя газеты поспѣшили упрочить за нимъ это званіе, которое онъ сохранилъ до конца своей жизни.

Послѣ избранія Тальбота въ сенатъ, округъ его впервые узналъ изъ газетнаго интервью о томъ, что именитый гражданинъ его былъ по рожденію англичаниномъ. Онъ эмигрировалъ съ родителями въ Америку, когда ему было всего четырнадцать лѣтъ, а такъ какъ въ этой мѣстности часть населенія состояла изъ нѣмцевъ, ирландцевъ, шведовъ, мексиканцевъ и итальянцевъ, національность его не играла въ его жизни никакой роли. Кромѣ

того, если не считать оказанной ему дядею поддержки, онъ самъ составилъ себѣ состояніе и былъ американцемъ съ ногъ до головы.

Англія осталась для него мирнымъ сномъ, долиною отдохновенія, которая бываетъ обыкновенно на закатѣ жизни, но у него она страннымъ образомъ оказалась на зарѣ ея. У него сохранился въ памяти лишь одинъ, относившійся къ тому времени, эпизодъ, но этотъ эпизодъ страннымъ образомъ повліялъ на всю его жизнь.

Сегодня онъ вновь пришелъ ему на память, хотя казалось бы, что подобныя воспоминанія были неумѣстны въ это жаркое утро въ длинномъ бѣломъ зданіи миссіи, серебрястые колокола котораго звывали когда-то сотни индѣйцевъ на молитву. Они громко звонили и теперь, но немногіе отзывались на ихъ призывъ. И тѣмъ не менѣе, онъ задумался о прошломъ. Мать его, вдова, держала лавку въ своей родной деревнѣ. Съ пяти лѣтъ онъ ходилъ въ школу и болѣе интересовался книжками, нежели борьбою съ товарищами на лужайкѣ; онъ быстро росъ и былъ слабаго здоровья, повуда Новый Свѣтъ не сдѣлалъ изъ него другого человѣка. Но онъ любилъ книжки, мальчики были добры къ нему, и въ общемъ онъ былъ доволенъ своею жизнью до того дня, какъ мать его однажды велѣла ему надѣть его праздничное платье и пойти съ нею въ церковь—посмотрѣть свадьбу.

Онъ презрительно фыркнулъ, такъ какъ у него была въ рукахъ интересная книга; но онъ привыкъ слушаться приказаній матери, поэтому онъ кое-какъ одѣлся наскоро и послѣдовалъ за нею и нѣсколькими пожилыми ея пріятельницами въ каменную церковь, находившуюся на другомъ концѣ деревни. Выходила замужъ дѣвица изъ знатнаго дома, и по этому случаю всѣ маленькія дѣвочки, которыхъ звалъ Джонъ, были одѣты въ бѣлыя платья и усыпали цвѣтами дорогу вплоть до воротъ замка. Джону показалось все это „вздоромъ“ и тратою цвѣтовъ, но все-же онъ не безъ любопытства остановился въ толпѣ у церковной ограды.

Невѣста была одною изъ замѣчательнѣйшихъ красавицъ своего времени, но не одна красота ея заставила Джона разинуть ротъ и вытаращить глаза, когда она подѣхала въ открытомъ экипажѣ, а затѣмъ, выйдя изъ него, прошла пѣшкомъ отъ воротъ до храма. Онъ и раньше видѣлъ красавицъ, но никогда не видѣлъ онъ такого взгляда и осанки, какіе бываютъ лишь у существъ высшей природы, такого непередаваемого выраженія гордости, такой стройной, изящной фигуры, такого поворота головы, на которой, вмѣсто подвѣчнаго вѣнка, словно сіяла

звѣзда. Ничто подобное не снилось ему и во снѣ, а между тѣмъ она была не ангеломъ, а человѣкомъ. Онъ глубоко перевелъ духъ и окинулъ взглядомъ деревенскихъ красавицъ, напомнившихъ ему красныя ядреныя яблоки. И мать его, увь, ничѣмъ не отличалась отъ нихъ.

По окончаніи обряда, когда невѣста двинулась къ выходу, онъ снова впился въ нее глазами, и замѣтилъ, что въ ея свитѣ были и другія подобныя ей созданія. Это открытіе наполнило его сердце изумленіемъ и страннымъ чувствомъ надежды. Онъ вырвался отъ матери и четверть мили бѣжалъ за коляскою, стараясь наглядѣться досыта. Невѣста замѣтила его и, улыбаясь, кинула ему розу изъ своего букета. Она и до сихъ поръ у него хранилась.

Прошло болѣе недѣли, прежде чѣмъ онъ сознался матери, что намѣренъ, когда вырастетъ, жениться на „лэди“. Но когда нѣсколько дней спустя онъ въ часъ вечерняго отдыха повторилъ это заявленіе, мать рѣшительно приказала ему выкинуть подобныя мысли изъ головы: люди въ ихъ положеніи не женятся на „лэди“. И когда съ рѣзкою прямою, которую она считала въ данномъ случаѣ полезною, она объяснила ему почему этого не бываетъ, Джонъ былъ такъ огорченъ, какъ только можетъ быть огорченъ четырнадцатилѣтній мальчуганъ. Вскорѣ, однако, рѣшивъ эмигрировать въ Америку, мать объявила ему объ этомъ намѣреніи и прибавила полу-шутя:

— А можетъ быть, твое желаніе и исполнится. Тамъ, говорятъ, всѣ люди равны, и если ты будешь умнымъ мальчикомъ и заработаешь много денегъ, то можешь жениться или не жениться на комъ захочешь.

Она, конечно, сейчасъ же забыла о своихъ словахъ, — но Джонъ не забылъ ихъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Нью-Йоркъ, м-съ Тальботъ умерла, а выписавшій ихъ братъ ея помѣстилъ Джона на два года въ школу. Однажды онъ приказалъ ему уложиться: они отправлялись въ Калифорнію въ качествѣ золотоискателей. Купивъ удобную переселенческую повозку, они присоединились къ партіи золотоискателей, готовившейся отправиться въ долины на поиски Эльдорадо. Во время этого достопамятнаго путешествія Джонъ чувствовалъ себя героемъ романа, — у нихъ было не менѣе трехъ стычекъ съ индѣйцами и двое изъ бѣлыхъ оказались свальпированными. Вспоминая это время, Тальботъ молодѣлъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ въ жизни эпизодовъ, когда все случается именно такъ, какъ должно было случиться.

Онъ пробылъ съ дядею въ домигъ Санъ-Юакимо цѣлый годъ, и хотя имъ не такъ везло, какъ другимъ, они все-же вернулись въ Санъ-Франциско съ нѣсколькими лишними тысячами въ карманѣ. Тамъ мистеръ Квинъ открылъ игорный домъ, при помощи котораго разбогатѣлъ быструе, чѣмъ на своемъ прискѣ, гдѣ, говоря по правдѣ, онъ зачастую проигрывалъ ночью болѣе, нежели успѣлъ заработать днемъ. Но въ качествѣ добраго дяди, если и не совсѣмъ добродѣтельнаго гражданина, онъ скоро отослалъ Джона въ Санта-Урсуду, съ тѣмъ, чтобы тотъ присмотрѣлъ ранчо по близости отъ миссiи. Молодой человекъ такъ и не узналъ, что собственность эта была выиграна на зеленомъ полѣ у донъ-Роберто Ортега, одного изъ самыхъ отчаянныхъ игроковъ въ Калифорнiи. Его доля состояла изъ пятидесяти тысячъ акровъ, среди которыхъ были небольшiя оливковыя плантаціи; онъ засадилъ оливковыми деревьями и двѣнадцать тысячъ акровъ, составившихъ собственность дяди. Они рѣшили стать компаньонами, причемъ старшій назначилъ младшаго своимъ наслѣдникомъ. Наслѣдовать ему не пришлось, однако, ничего, такъ какъ дядя его женился на мексиканкѣ, зарѣзавшей своего супруга и сбѣжавшей съ деньгами, отложенными на непредвидѣнный случай. Но Джонъ упорно работалъ, закупалъ товаръ въ Санъ-Франциско, снабжалъ чуть ли не весь штатъ оливками и масломъ, и въ концѣ концовъ—разбогатѣлъ.

А идеаль его? Одни лишь индѣйцы временно изгнали его изъ памяти молодого человека. Ни золотые прискы; ни краткій, но бурный періодъ жизни въ Санъ-Франциско, ни тяжелый трудъ среди оливковыхъ плантаціи, ни возрастающiя богатство и популярность—не изгнали изъ его памяти желанiя, родившагося въ церковной оградѣ его родной деревни. Женщина съ серебристымъ смѣхомъ нанесла смертельный ударъ этому желанiю, и вотъ почему красивый, мужественный, мало поддавшійся влiянію времени, онъ въ сорокъ лѣтъ былъ холостякомъ.

Въ первые годы по приѣздѣ въ миссiю, онъ не встрѣчалъ такой женщины; мѣстечка еще не существовало, а единственное ранчо въ окрестностяхъ стояло запертымъ. Онъ охотно работалъ цѣлыми днями и съ пользою проводилъ вечера въ обществѣ образованныхъ священниковъ, подъ руководствомъ которыхъ онъ изучалъ законовѣдѣніе и свою любимую науку—политическую экономію. Хотя юноша былъ очень красивъ, съ загорѣлымъ, тонко очерченнымъ лицомъ и стройною фигурою, священникамъ никогда не приходило въ голову, что въ немъ—наряду съ любознательнымъ мозгомъ—уживается самое романтическое сердце.

Онъ никогда не говорилъ о женщинахъ и только одважды выразилъ друзьямъ свое удовольствіе по поводу того, что онъ больше не увидитъ этихъ ужасныхъ созданій изъ Санъ-Франциско, и добродушнымъ падре не приходило въ голову, что онъ цѣлыми часами мечтаетъ объ изящной женщинѣ, которая вознаградитъ его впоследствии за всѣ его труды и сдѣлаетъ его счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Ему было двадцать лѣтъ и ранчо уже принадлежало ему, когда онъ встрѣтилъ Дельфину Карильо. Донъ Роберто Ортега своевременно умеръ, не успѣвъ спустить въ карты вторую половину своего имѣнія, и бывшая слабого здоровья вдова его покинула ихъ ранчо въ окрестностяхъ Монтера, съ тѣмъ, чтобы снова отогрѣться на жгучемъ солнцѣ юга. Съ нею пріѣхалъ и сынъ ея, донъ Энрико, — и Джонъ видѣлъ, какъ онъ днемъ и ночью постоянно куда-то скакалъ во весь опоръ и порою забѣгалъ по дорогѣ въ миссію, чтобы выпить стаканъ вина.

Это былъ блестящій кабалеро, стройный и смуглый, съ большими миндалевидными глазами и длинными волосами на небольшой головѣ. Онъ носилъ костюмы изъ яркаго шолка, рубашки съ кружевными жабо и серебряные шнуры на своемъ сомбреро. Его длинные желтые сапоги были тоже съ серебряною шнуровкой и сѣдло такъ изукрашено тѣмъ же металломъ, что лишь мѣстный конь могъ выдерживать подобную тяжесть. Джонъ презрительно поглядывалъ на разряженнаго кабалеро, мысленно сравнивая его съ комедіантомъ и наѣздникомъ изъ цирка; тѣмъ не менѣе, ему было очень интересно взглянуть на жизнь калифорнскихъ аристократовъ, о которой онъ много слышалъ. Когда падре Ортега, кузень вдовы, сообщилъ ему, что недѣли черезъ двѣ въ домѣ ея состоится большой сѣздъ и онъ уже просилъ позволенія привезти на балъ, которымъ открываются празднества, своего молодого друга, — Джонъ принялся мечтать съ юношескою радостью о предстоящихъ увеселеніяхъ.

Онъ воспользовался отсрочкою для того, чтобы сѣздить въ Санъ-Франциско, гдѣ пріобрѣлъ себѣ необходимый въ свѣтскомъ обществѣ гардеробъ; это были не мѣстныя, но выписанныя изъ Америкы вещи, и еслибы Джонъ обладалъ всѣмъ богатствомъ сѣвернаго края, онъ и тогда бы не рѣшился вырядиться въ шолкъ и кружева.

Почтовая карета не доходила до Санта-Урсулы, но за двадцать миль отъ дому его встрѣтилъ слуга съ лошадыю для него самого и кабриолетомъ для его вещей. Выкупавшись въ заливѣ, чтобы смыть съ себя дорожную грязь, онъ вскочилъ на свою

крупную сѣрую кобылу и поѣхалъ легкимъ галопомъ по направлению къ своему ранчо. Онъ готовъ былъ пѣть отъ удовольствія, такъ какъ утро было чудесное, онъ сидѣлъ на одномъ изъ лучшихъ коней въ цѣломъ краю и на сердцѣ у него было такъ легко, какъ у юноши, которому только-что улыбнулось счастье. Онъ безъ страха готовился къ вступленію въ общество, такъ какъ къ этому времени онъ уже усвоилъ присущую американцамъ независимость и самоувѣренность; онъ могъ считать себя человѣкомъ образованнымъ, былъ крупнымъ земельнымъ собственникомъ и намѣревался завоевать богатство и успѣхъ. Не мудрено, что ему хотѣлось пѣть.

Джонъ уже проѣхалъ миль восемь-десять, не встрѣтивъ ни души въ этой пустынѣ, какъ вдругъ онъ сдержалъ лошадь и прислушался. Онъ спускался въ узкое ущелье, среди котораго протекала горная рѣчка. Съ наружной стороны ущелья шла дорога, и изъ-за холмовъ, составлявшихъ стѣны ущелья, до слуха Джона доносились звуки веселыхъ, молодыхъ, беззаботныхъ голосовъ.

Онъ вспомнилъ, что гости донны-Мартины уже должны были съѣзжаться, и сейчасъ же угадалъ, что это, по всей вѣроятности, нѣкоторые изъ нихъ. Въ тѣ времена калифорнская молодежь ѣздила не иначе какъ верхомъ, и переѣздъ въ сорокъ миль подъ жгучими лучами полуденнаго солнца былъ для нея ни почемъ. Джонъ, бывший наименѣе самоувѣреннымъ изъ смертныхъ, порадовался, что на немъ новый сѣрый костюмъ изъ лѣтней матеріи, и что онъ смылъ съ себя въ заливѣ дорожную пыль.

Показавшаяся на вершинѣ холма компанія начала спускаться въ ущелье. Джонъ приподнял фуражку, и кабаллеро сняли свои сомбреро. Покуда они подъѣзжали—Джонъ залюбовался блестящею картиною. Онъ потерялъ сознание дѣйствительности, забылъ о своихъ оливкахъ, ему вспомнились рассказы священниковъ объ увеселеніяхъ и великолѣпіи калифорнскихъ „доновъ“, прежде чѣмъ американцы завладѣли ихъ странюю.

Кабаллеро были разодѣты въ шолье, и разнообразіе его оттѣнковъ напоминало іюньскій садъ въ полномъ цвѣту. Ихъ бѣлье и серебро были ослѣпительны, а золотистая масть коней казалась отраженіемъ солнца. Лошади съ серебристыми хвостами и гривами казались нарочно созданными для этихъ блестящихъ всадниковъ. Дѣвушки менѣе поражали великолѣпіемъ костюмовъ,—на нихъ были платья болѣе нѣжныхъ оттѣнковъ, а на головахъ онѣ носили вмѣсто сомбреро—шолковыя покрывала. Зато увидѣвъ ихъ вблизи, Джонъ позабылъ о кабаллеро: длинныя черныя

косы, большіе темные глаза и бѣлая кожа—дѣлали, буквально, всѣхъ женщинъ красавицами; но хотя Джонъ любилъ красоту даже въ видѣ оливковыхъ деревьевъ и пурпурныхъ гранатовъ, не красота испанокъ взволновала его кровь и заставила забиться его сердце. Едва ли не въ первый разъ послѣ достопамятнаго дня свадьбы, ему пришлось увидать вблизи изящныхъ, благовоспитанныхъ женщинъ, и убѣжденіе, что часъ его насталъ, наполнило его одновременно и торжествомъ, и страхомъ, покуда онъ слѣдилъ за кавалькадою, спускавшеюся съ холма среди золотистой травы и густой зелени ущелья. Вскорѣ онъ узналъ донъ-Энрико Ортега, любезно съ нимъ заговорившаго при встрѣчѣ. Молодой человекъ вѣхалъ въ воду и далъ своей лошади напиться. Они уже видались въ мисси, и хотя донъ-Энрико смотрѣлъ на завоевателей какъ на низшую расу, Джонъ былъ въ его глазахъ не хуже всякаго другого; притомъ Ортега не желалъ ни съ кѣмъ ссориться и былъ хорошо воспитанъ.

— А, донъ-Жуанъ!—воскликнулъ онъ:—вы ѣздили въ Эрба-Буэна—теперь вы называете его Санъ-Франциско, не такъ ли? А я встрѣчаю нашихъ гостей, пожелавшихъ сдѣлать намъ честь своимъ посѣщеніемъ. Если позволите, я познакомлю васъ съ ними, такъ какъ вы—другъ моего кузена—падре Ортега.

Общество разсѣялось вдоль рѣви; костюмы всадниковъ казались пестрою, извивавшеюся по ущелью лентою. Донъ-Энрико съ торжественностью представилъ Джона поочередно всѣмъ своимъ гостямъ. Кабаллеро поспѣшили съ пылкою неискренностью завѣрить его въ своей дружбѣ.

Дѣвушки весело сверкнули глазами и показали свои ослѣпительные зубы при видѣ голубоглазаго американца, сохраняя, однако, всю недоступность, свойственную ихъ полу и расѣ.

Въ ихъ жилахъ текла лучшая испанская кровь, и какъ бы на него ни было пріятно смотрѣть, американецъ всегда оставался для нихъ американцемъ.

Дѣвушки казались очень похожими другъ на друга въ ребозо, обрамлявшихъ ихъ лица, и Джонъ сразу влюбился во всѣхъ. Позднѣе онъ сдѣлаетъ между ними выборъ; въ эту минуту онъ былъ слишкомъ счастливъ для того, чтобы загадывать о брачѣ, но онъ рѣшилъ покорить сердце одной изъ нихъ.

Онъ выѣхалъ изъ ущелья вмѣстѣ съ ними, всѣ онѣ были съ нимъ любезны и болтали о предстоящихъ въ „Оливковомъ Ранчо“ увеселеніяхъ.

Джонъ замѣтилъ, что донъ-Энрико упорно держался около одной изъ молодыхъ дѣвушекъ и даже ѣхалъ съ нею нѣсколько

впередѣ. Она была очень высока, стройна и такъ граціозна, что пригибалась почти къ самой шеѣ лошади, когда имъ попадались на пути черезчуръ низко растущія вѣтви деревь. Джону захотѣлось увидѣть ея лицо.

— Это Дельфина Карильо,—сказала ѣхавшая съ нимъ рядомъ сенорита, слѣдя за направлениемъ его взгляда,—кажется, она выходитъ за него замужъ. Онъ очень влюбленъ и ей тоже нравится, но, впрочемъ, это еще не рѣшено.

Быть можетъ, именно потому, что этотъ очаровательный цвѣтокъ труднѣе всего было сорвать, мысли Джона сосредоточились на прекрасной дѣвушкѣ, и онъ принялся разспрашивать о ней свою спутницу. Оказалось, что красавица была дочерью богатаго ранчери изъ Санта-Барбары и покорительницею всѣхъ сердецъ въ краю.

— Она сибѣнила Хуаниту Итурби-и-Монкада, и многіе кабаллеро сватаются за нее, но она ни на кого не обращаетъ вниманія; мнѣ кажется, что ей нравится донъ-Энрико. Онъ такъ чудно поетъ, сеноръ,—не удивительно, если она любитъ его. Онъ каждую ночь даетъ ей серенады, а она любитъ музыку.

„Такъ оно и должно быть, — подумалъ Джонъ, — вѣдь у него совсѣмъ пустая голова“.

Ему не пришлось увидѣть ее до вечера. Падре Ортега явился на балъ въ своей коричневой рясѣ, а Джонъ—во фракѣ, и оба казались не у мѣста среди этихъ ярко оперенныхъ птицъ.

Донья-Мартина, толстая, смуглая, съ усиками, вся увѣшанная алмазами, сидѣла у стѣны съ другими сенорами ея лѣтъ. На нихъ были тяжелыя красныя и желтыя атласныя платья, а на сеноритахъ—легкія шолковыя ткани, развѣвавшіяся при каждомъ ихъ движеніи.

Донья-Мартина поздоровалась съ нимъ, и онъ сразу обратилъ свое вниманіе на танцы, въ которыхъ не могъ принять участія.

Въ эту минуту по срединѣ залы танцевала дѣвушка, и Джонъ инстинктивно почувствовалъ, что это была Дельфина Карильо. Подобно другимъ дѣвицамъ, она носила волосы зачесанными наверхъ подъ высокимъ гребнемъ, и ея бѣлое платье было отдѣлано испанскимъ кружевомъ. Ноги ея были, конечно, очень малы; онѣ видѣлись изъ-подъ ея слегка приподнятаго платья, и она танцевала, какъ бы носимая легкимъ вѣтеркомъ, колеблющимъ вѣтку вьющагося растенія. При входѣ Джона она только-что начала танецъ, и зрители молча стояли вдоль стѣны, но черезъ вѣскольго минутъ среди молодыхъ людей пробѣжалъ рокотъ

восторга, — они принялись хлопать въ ладоши и притопывать, и наконецъ, не помня себя, запустили руки въ карманы и стали, по мексиканскому обычаю, бросать къ ея ногамъ золотныя монеты. Но она, ничего не замѣчая, продолжала носиться, какъ существо, сотканное изъ свѣта и воздуха, и только ноздри ея слегка раздувались.

Красота ея была поразительна. Джонъ, какъ ни былъ онъ молодъ, понялъ, что онъ едва ли увидитъ еще когда-нибудь подобную красавицу. Лицо ея не было одухотвореннымъ, но въ смыслѣ очертаній и колорита оно было безупречно. Громадныя черныя глаза отбѣнялись такими шелковистыми и длинными рѣсницами, что можно было удивляться, какъ онѣ не путаются. Близна кожи гармонировала съ гнѣзнымъ румянцемъ щекъ и яркою окраскою губъ тонко очерченного подвижнаго рта; въ совершенныхъ линіяхъ всей ея фигуры, въ ея плечахъ, рукахъ и ногахъ была та выразительность, которой, быть можетъ, не доставало ея лицу. Джонъ замѣтилъ ея короткую верхнюю губу, надменный вырѣзъ ноздрей, ея осанку, полную затаенной гордости.

И Джонъ полюбилъ ее разъ и навсегда. Она явилась ему живымъ воплощеніемъ мечтаній его романтическаго сердца. Въ первую минуту онъ похолодѣлъ при мысли о преградахъ, стоявшихъ между нимъ и этимъ исключительнымъ существомъ, но онъ былъ юнымъ завоевателемъ и жизнь до сихъ поръ милостиво улыбалась ему. Онъ собрался съ духомъ и попросилъ, чтобы его представили ей.

Глаза ея безучастно скользнули по его лицу, но глубина его восхищенія невольно привлекла ея вниманіе, и хотя, очевидно, она не любила разговаривать, она раза два улыбнулась, а когда она улыбалась, лицо ея, буквально, ослѣпляло своею красотой.

— Какъ вы удивительно танцуете, сенорита! Но неужели вы не устали?

— Нѣтъ.

— Вамъ было пріятно доставить намъ такое громадное удовольствіе?

— Да.

— Вы такъ привыкли къ комплиентамъ — я знаю, какъ ваши кабаллеро умѣютъ ихъ говорить, но все-таки вы позволите мнѣ сказать вамъ, что ничего прекраснѣе я не видалъ, — а я порядочно пострадалъ на своемъ вѣку.

— Да?

— Мнѣ хотѣлось бы умѣть танцовать для того, чтобы я могъ танцовать съ вами.

— Вы не танцуете?—Тонъ ея выражалъ вѣжливое презрѣніе, хотя слова были едва слышны.

— Можетъ быть... можетъ быть, вы не откажетесь просидѣть со мной этотъ танецъ?

— О, нѣтъ!

Она казалась такою же изумленною, какъ еслибы Джонъ предложилъ ей запереться съ нею на весь вечеръ въ ея комнату, и, медленно отвернувшись отъ него, она опустила руку на плечо донъ-Энрико. Черезъ минуту она уже кружилась по комнатамъ въ его объятіяхъ, и Джонъ замѣтилъ, что румянецъ на ея щекахъ сгустился.

„Не можетъ быть, чтобы она влюбилась въ эту куклу,—подумалось ему,—нѣтъ, это невозможно!“

Въ теченіе слѣдующихъ дней онъ убѣдился, однако, что ему предстоитъ горячая борьба.

Онъ принималъ участіе во всѣхъ увеселеніяхъ; общество танцевало каждый вечеръ; среди плантацій хлопка и въ горахъ постоянно устраивались „меріенды“. Скачки, бои быковъ, всевозможныя игры, посѣщенія миссіи—смѣняли другъ друга. Джону также выпало на долю удовольствіе—дать у себя балъ при лунномъ свѣтѣ въ тѣни оливковыхъ деревьевъ.

Вниманіе донъ-Энрико къ его прекрасной гостьѣ было очевидно и упорно. Каждую ночь онъ давалъ ей серенады. Джонъ, которому не спалось, развѣзжая ночью въ окрестностяхъ ранчо, слышалъ эти сладкія теноровскія клятвы, раздававшіяся подъ окномъ Дельфины, и начиналъ такъ ругаться, что пугалъ ночныхъ птицъ.

Онъ тоже старался быть какъ можно чаще съ Дельфиною; Энрико хмурился порою, но онъ слишкомъ презиралъ всѣхъ американцевъ для того, чтобы опасаться серьезнаго соперничества со стороны одного изъ нихъ. Джону удалось нѣсколько разъ поговорить съ нею наединѣ, и онъ убѣдился, что природа мало позаботилась о внутреннемъ содержаніи этой прекрасной оболочки. Она почти ничего не читала и думала не болѣе чѣмъ читала. Умъ ея занимался исключительно конкретными предметами; она была кротка, несмотря на свою гордость, и не эгоистична, не взирая на богатство и успѣхъ, но въ качествѣ товарища, она врядъ ли могла дать многое человѣку. Тѣмъ не менѣе, Джонъ, будучи натурою пылкою и цѣльною, отнесся къ этому безразлично; притомъ она была его первою любовью. Еслибы вмѣсто того, чтобы держать себя съ достоинствомъ, она глупо хихикала,—онъ и тогда бы не разочаровался. Въ своей

красотѣ и обаятельности она воплощала его идеалъ, вторую половиною котораго было честолюбіе.

Его оливковыя деревья были забыты, и онъ проводилъ часы разлуки въ безумной ѣздѣ по окрестностямъ, приче́мъ онъ такъ же не жалѣлъ лошадей, какъ еслибы онъ былъ калифорнцемъ по происхожденію. Иногда, тронутая юношескимъ восторгомъ, свѣтившимся въ его глазахъ, Дельфина предлагала ему два-три относившихся къ нему вопроса: поразительная милость со стороны такой скупой на слова дѣвушки. Однажды, когда въ тѣни деревьевъ онъ снялъ ее съ лошади, она подарила его взглядомъ, отъ котораго Джонъ бѣжалъ безъ оглядки—изъ опасенія разыграть передъ всѣми дурака. Несмотря на весь пылъ своей страсти, онъ не чувствовалъ себя несчастнымъ, находя волненія любви, надежды и опасенія столь же сладостными, какъ и необычайными.

Но кризисъ наступилъ.

Дельфина выразила желаніе увидѣть озеро на вершинѣ одиноко стоящей горы. Его открыли индѣйцы, но избалованные калифорнцы ничего не знали о немъ. Общество, собравшееся въ длинной галереѣ „Каза Ортега“, очень удивилось, когда Дельфина приказала донъ-Эврико проводить ихъ нынче вечеромъ на гору.

— Но, *senorita mia!*—воскликнулъ Эврико, поблѣднѣвъ отъ страха при мысли, что его богиня можетъ разсердиться:—туда нѣтъ тропинки, и я не знаю дороги, и она такая же отвѣсная, какъ башня мисси...

Джонъ выступилъ впередъ.

— Существуетъ тропинка, проложенная индѣйцами,—я не разъ взбирался по ней. Она очень узка и крута, конечно...

Глаза Дельфины, только-что гнѣвно сверкнувшіе на Эврико, улыбнулись Джону.

— Мы ѣдемъ съ вами,—объявила она,—сегодня же, потому что будетъ луна. И я поѣду съ вами впередъ.

И теперь, двадцать лѣтъ спустя, Тальботъ, глядя на пустынную, какъ прежде, гору, говорилъ себѣ, что это была счастливейшая ночь въ его жизни. Они опередили прочихъ на нѣсколько сажень и имъ пришлось ѣхать очень близко другъ къ другу—плечомъ къ плечу. Стояла полная луна, но сквозь вѣтви деревьевъ лишь по временамъ пронизвалъ одинокій серебряный лучъ. Еслибы не веселые, раздававшіеся позади голоса, они могли бы подумать, что ихъ окружаетъ первобытная тишь.

Никогда Дельфина не была такъ обаятельна; она даже немного разговорила, но ея утонченное кокетство не нужда-

лось въ словахъ. Однимъ наклоненіемъ головы, интонаціей голоса она могла выразить больше, чѣмъ любая женщина, въ распоряженіи которой имѣются мозги и цѣлый словарь словъ. Джонъ чувствовалъ, что голова у него идетъ кругомъ, но еще сохранилъ достаточно разсудка, чтобы сдержаться, ожидая той минуты, когда они останутся наединѣ.

Озеро казалось увеличеннымъ отраженіемъ самой луны, такъ какъ темныя деревья бросали тѣнь лишь у берега.

Красота обрѣзающаго была такъ изумительна, что въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ общество безмолвно созерцало ее и на вершинѣ горы царилъ прежняя вѣковая тишина. Наконецъ кто-то воскликнулъ: „Ау, уі“—и затѣмъ поднялся цѣлый хоръ восклицаній: „Dios de mi alma!“ — „Dios de mi vida!“ — „Ау de mi, de mi, de mi!“

Всѣ, даже Энрико—были поглощены зрѣлищемъ. Джонъ, схвативъ лошадь Дельфины за поводья, увлекъ ее въ лѣсъ. И тутъ слова его полились потокомъ.

— Я долженъ, долженъ говорить, — шепталъ онъ безумно, съ трудомъ сдерживая голосъ:— у меня почти не было ни случая, ни возможности завоевать вашу любовь, но я не могу ждать долѣе, я долженъ сказать, что я люблю васъ. Я люблю васъ... Я хочу на васъ жениться! О, я задыхаюсь!

Онъ рванулъ себя за воротникъ; ему казалось, что гора подъ нимъ колеблется.

— Ай! — проговорила Дельфина, откинувъ голову назадъ. Затѣмъ она засмѣялась.

Она не имѣла намѣренія быть жестокой, но Джонъ, при звукѣ ея смѣха, поблѣднѣлъ и задрожалъ съ головы до ногъ. Даже въ лѣсномъ сумракѣ можно было видѣть, до какой степени онъ блѣденъ. Она перестала смѣяться и ласково заговорила съ нимъ.

— Бѣдный юноша, мнѣ жаль, что я заставила васъ страдать, но я не могу быть вашею женою. Никогда я не могла бы полюбить американца, они не похожи на нашихъ мужчинъ—такихъ красивыхъ, ловкихъ, нарядныхъ. Вы мнѣ нравитесь, потому что вы—очень милый мальчикъ, но я выхожу замужъ за Энрико. Поэтому не думайте больше обо мнѣ.

Затѣмъ, такъ какъ онъ все еще стоялъ съ застывшимъ взоромъ, дѣвушка, тронутая юношескою агоніей страданія въ его лицѣ, нагнулась къ нему, ласково проговорила:

— Можете поцѣловать меня одинъ разъ. Вы для меня—еще мальчикъ, поэтому я вамъ и позволяю!

И онъ подѣловаль ея съ такою силою отчаянія и страсти, что дѣвушка была изумлена, и никогда уже впослѣдствіи ей не пришлось переживать ничего подобнаго.

Джонъ не вернулся въ „Каза Ортега“; онъ скрывался у себя въ роцѣ, покуда кавалькада неслась по направленію къ миссис.

Въ концѣ недѣли Дельфина уѣхала домой, а три мѣсяца спустя вернулась сюда —женою Энрико Ортега.

Тальботъ слегка улыбнулся, вспоминая эти давно погребенныя юношескія страданія. Вслѣдъ за мѣсяцами безумнаго отчаянія потянулись долгіе унылыя годы, полныя отвращенія ко всему въ жизни, за исключеніемъ работы. Онъ не могъ рѣшиться продать ранчо и бѣжать отъ этихъ мѣстъ, гдѣ его постигъ тяжелый ударъ,—онъ былъ молодъ, и ему доставляло болѣзненное удовольствіе беречь свою рану.

Онъ не видѣлъ Дельфину въ продолженіе трехъ лѣтъ. За это время она имѣла уже троихъ дѣтей и начала полнѣть. Но она все еще была очень хороша, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Джонъ тщательно избѣгалъ ея.

Но годы шли съ необычайною быстротою. Донья-Мартина умерла. Умерли шестеро изъ цѣлаго десятка дѣтей Дельфины. Умеръ наконецъ и донъ-Энрико, оставивъ свое значительно уменьшившееся помѣстье, вдову и четырехъ дѣвочекъ—на попеченіе Джова Тальбота. Это произошло послѣ четырнадцатилѣтняго супружества и шестилѣтнихъ дружескихъ отношеній, завязавшихся между Тальботомъ и хозяевами „Оливковаго Ранчо“. Однажды Энрико, приведенный въ отчаяніе захватами его земель нѣкоторыми „сваттерами“, вспомнилъ объ американцѣ, ставшемъ теперь самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ краѣ, и обратился къ нему за совѣтомъ. Тальботъ пріискалъ ему адвоката, одолжилъ нужную сумму, и сваттеры были выселены. Признательность Энрико не знала границъ; онъ затащилъ его къ себѣ, и съ теченіемъ времени они стали друзьями.

Ортега съ Дельфиною хорошо ужилась. Она оказалась примѣрною женою, любящею матерью и прекрасною хозяйкою, какъ это полагалось по традиціямъ. Изъ него вышелъ добрый, снисходительный мужъ, и хотя у нихъ было немного предметовъ для разговора, бесѣды ихъ всегда отличались дружелюбіемъ. Съ годами Энрико не поумнѣлъ, но онъ остался радушнымъ хозяиномъ, хорошимъ игрокомъ на билліардѣ, и даже слегка интересовался политикою. Скоро Джонъ пріобрѣлъ привычку проводить по два вечера въ недѣлю въ „Оливковомъ Ранчо“,

и никогда не забывалъ привозить сластей для дѣвочекъ, любившихъ его едвали не болѣе, чѣмъ отца.

А любовь его? Онъ часто думалъ, что она погребена подъ мавзолеемъ изъ жира, образовавшимся вокругъ Дельфины Карильо. Она вѣсила двѣсти фунтовъ, и ея черные волосы и бѣлые зубы являлись единственными остатками ея былой красоты. Лицо у нея было широкое, смуглое, и хотя она сохранила свою величественную осанку и двигалась съ лѣнливою граціей былыхъ временъ, все-же она казалась тѣмъ, чѣмъ была: испанкою среднихъ лѣтъ, матерью многихъ дѣтей. Перемѣна совершалась постепенно, и Джонъ не страдалъ отъ нея. Памятью онъ обладалъ хорошою, и когда порою ему вспоминалась молодость и единственная страсть его жизни, въ груди у него поднималось рыданіе—отголосокъ пережитой имъ агоніи, но это былъ именно отголосокъ. Иногда онъ удивлялся: почему онъ не полюбилъ другую, почему его честолюбивое желаніе взять въ жены женщину знатнаго рода—умерло вмѣстѣ съ первою его страстью? Онъ заключалъ изъ этого, что его способность сильно чувствовать—перегорѣла на медленномъ огнѣ страданій, и онъ уже сталъ неспособенъ къ новой любви. Бракъ безъ любви не привлекалъ его, судя по тѣмъ наблюденіямъ, какія ему приходилось дѣлать.

Иногда, прощаясь съ толстою, смуглою женщиною, посылавшею ему привѣтъ рукою, стоя въ амбразурѣ двери, которую она всю занимала своею особою, онъ со вздохомъ вспоминалъ очаровательное видѣніе своей юности. Но вздохи становились все рѣже и рѣже; могила въ его сердцѣ не только поросла травкою, но сенора Ортега сдѣлалась для него самымъ близкимъ и необходимымъ другомъ. Она восполняла сердечностью все то, чего ей не доставало по умственной части, хотя съ годами она и въ этомъ отношеніи значительно развилась. Мало-по-малу у него вошло въ привычку говорить съ нею о своихъ честолюбивыхъ замыслахъ и надеждахъ, въ особенности теперь, послѣ смерти Энрико, когда они проводили вдвоемъ цѣлые часы. Послѣ смерти Энрико, Тальботъ принялъ на себя управленіе имѣніемъ, и вдова не входила ни въ какія подробности относительно получаемого съ него весьма крупнаго дохода. Одна за другою дочери ея вышли замужъ, и Тальботъ далъ имъ всѣмъ приданое. Онѣ были хорошенькія, и Тальботъ любилъ ихъ, такъ какъ каждая изъ нихъ наследовала какую-нибудь черту Дельфины Карильо, и если онѣ напоминали ему горе его юности, то напоминали

виѣстѣ съ тѣмъ и ея восторги. Сенора не помнила ни того, ни другого.

Въ этомъ году она осталась совсѣмъ одинокой. Двѣ дочери ея жили въ столицѣ Мексикѣ, одна вышла замужъ за испанскаго консула и уѣхала съ нимъ въ Испанію; послѣдняя жила въ Санъ-Франциско и собиралась, какъ только домашнія обстоятельства позволятъ ей, навѣстить своихъ сестеръ. Тальботъ, когда онъ не былъ въ отъѣздѣ, разъ въ недѣлю навѣщалъ сенору и каждый разъ привозилъ ей романъ или иллюстрированный журналъ.

— Въ чемъ трагедія?—говорилъ себѣ Тальботъ, расказывая по корридорамъ миссии въ утро своего сорокалѣтія, — въ томъ ли, что я не могъ жениться на ней въ то время, когда сходилъ по ней съ ума, или въ томъ, что я могу жениться на ней теперь, когда я уже не хочу этого?

Онъ зналъ, что сенора была очень одинока въ своемъ большомъ домѣ, и, можетъ быть, въ тайникахъ ея существа смутно шевелилось желаніе имѣть добраго и преданнаго спутника жизни.

Индѣецъ-слуга подвелъ ему коня; онъ съ сожалѣніемъ взглянулъ на прохладную галерею въ зданіи миссии и вышелъ на солнце.

Тальботъ былъ немногимъ тяжелѣе, чѣмъ въ дни своей юности, но онъ ѣхалъ медленнѣе, такъ какъ его любимая сѣрая лошадь была уже немолода. Для него прошли тѣ дни, когда онъ объѣзжалъ дикихъ мустанговъ, и онъ любилъ животное, которое вело себя именно такъ, какъ полагалось четвероногому спутнику его жизни.

Дорога, шедшая среди блѣднозеленыхъ плантацій хлопва и плакучихъ ивъ, окаймлявшихъ берега рѣки—почти пересохшей, была сравнительно прохладна и тѣниста, но послѣ поворота ему пришлось сдѣлать болѣе пяти миль подъ палящимъ солнцемъ по холмамъ, выжженнымъ отъ зноя и казавшимся желтыми, какъ чеканное золото. Небо походило на темносиній металлъ съ отверстіемъ по срединѣ для огненнаго озера. Въ сожженныхъ поляхъ чуялось трепетаніе зноя и горы млѣли въ пурпурной дымкѣ. Тальботъ держалъ во рту виноградный листъ, онъ уже давно закалился на солнцѣ, но все-же онъ желалъ теперь, какъ желалъ этого и ранѣе, чтобы рожденіе его было зимою.

Часа черезъ полтора онъ достигъ полей, окружавшихъ „Каза Ортега“. Тутъ онъ поѣхалъ быстрѣе, такъ какъ по пути встрѣчалось много старыхъ дубовъ, и атмосфера была на двадцать градусовъ прохладнѣе. Слуга-мексиканецъ вышелъ къ нему навстрѣчу. Тальботъ сошелъ съ лошади и прошелъ нѣсколько остававшихся до дому сажень пѣшкомъ. Онъ вздохнулъ, вспо-

мнивъ, какъ въ прошломъ году, въ день его рожденія, здѣсь еще была младшая изъ дѣвушекъ—Эрминія, которая ждала его на этомъ мѣстѣ, чтобы поздравить и поцѣловать его. Ему захотѣлось вернуть ихъ всѣхъ четырехъ, и онъ пожалѣлъ о томъ, что теперь онѣ ушли навсегда изъ его жизни.

„Каза Ортега“ былъ очень длинный домъ; сенора ежегодно приказывала бѣлить его, и недостающія красныя черепицы на кровлѣ постоянно возобновлялись,—поэтому онъ не имѣлъ того вида грусти и запустѣнія, который свойственъ большинству старыхъ домовъ.

Длинная, со столбами веранда прилегала къ переднему фасаду; на ней были разставлены цвѣтные стулья, придававшіе ей веселый видъ; но она была пуста, и Тальботъ прошелъ прямо въ залу—тоже длинную комнату, строго меблированную въ старинномъ стилѣ. Напротивъ двери висѣлъ портретъ Дельфины Карильо.

Тальботъ рѣдко позволялъ себѣ глядѣть на него, и если бы только смѣлъ—онъ попросилъ бы, чтобы его убрали. Могила въ его сердцѣ поросла травой, но онъ зналъ, что существуютъ призраки.

Сенора сидѣла въ углу полутемной прохладной залы и сейчасъ же поднялась съ мѣста. Она двинулась къ нему на встрѣчу съ тою же граціей и величественнымъ видомъ, которыми онъ до сихъ поръ не могъ не восхищаться. Но она была очень смугла и прежняя чарующая улыбка затерялась среди шпировыхъ щекъ и двойного подбородка. Она носила свою полноту такъ же непринужденно, какъ легкій черный кашемиръ—зимою и вислою—лѣтомъ, причемъ единственнымъ украшеніемъ ея костюма была брошка—миніатюрный портретъ ея мужа. Даже глаза ея уже не казались громадными, а пушистыя рѣсницы выпали отъ пролитыхъ ею слезъ, такъ какъ на кладбищѣ мисси было шесть дѣтскихъ могилокъ, а сенора нѣжно любила своихъ дѣтей. Ей исполнилось всего тридцать-девять лѣтъ, но она не сохранила никакихъ слѣдовъ молодости; все ея существо выражало собою, что жизнь ея была кончена, и какое-то спокойное примиреніе съ этимъ фактомъ. Тальботъ часто спрашивалъ себя: не тяготитъ ли ее по временамъ ея одиночество? Но она ничѣмъ этого не выказывала, и онъ пришелъ къ убѣжденію, что посѣщеніе церкви и чтеніе книгъ—наполняютъ ея жизнь.

— Очень жарко, не такъ ли? — проговорила она своимъ вѣчнымъ, очень тихимъ голосомъ.—Вы очень красны, но черезъ вѣсколько времени это пройдетъ. Здѣсь прохладно, не правда ли?

— Да, я чувствую себя на десять лѣтъ моложе противъ того, какъ чувствовалъ себя четверть часа тому назадъ. Увы, было время, когда и я могъ шесть часовъ подъ-рядъ выдерживать ѣзду подъ калифорнскимъ солнцемъ, но теперь...

— Да, съ каждымъ годомъ мы старѣемся. Прошло уже двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я гостила въ этомъ домѣ и мы устраивали меренды и танцевали ночи напролетъ. И вы были тогда худощавымъ юношей съ длинными руками и ногами и пробивающимися усиками.

Еще въ первый разъ она упомянула объ ихъ молодости, и онъ изумленно поглядѣлъ на нее. Но лицо ея было такъ же спокойно, какъ если бы она предлагала ему цыплятъ подъ чилийскимъ соусомъ. Онъ взглянулъ на портретъ, казавшійся въ полутемной комнатѣ живымъ, и ему почудилось въ глазахъ его— почти трагическое выраженіе.

„Какъ она *можетъ* это выносить?“ — подумалъ онъ невольно.

— Вы похорошѣли,—продолжала она любезно;—американцы не старѣются, какъ испанцы или женщины, имѣвшія десять челоуѣкъ дѣтей. Толстѣешь, опускаешься... Гора было немало.

— Вы хорошо сохранились, сенора! — воскликнулъ Тальботъ, запнувшись на первомъ комплиментѣ, сдѣланномъ имъ за эти двадцать лѣтъ.

Она спокойно улыбнулась и слегка повела головою,—слово: покачала—было бы для нея чересчуръ рѣзко.

— Передо мною—зеркало и—мой портретъ. И я объ этомъ не горюю, донъ-Жуанъ. Когда женщина схоронила шестерыхъ дѣтей, ей все равно: стара она или нѣтъ. Чѣмъ скорѣе я состарѣюсь, тѣмъ скорѣе умру и увижу крошекъ... Я люблю и Энрико,—прибавила она,—хотя въ молодости я больше его любила. Онъ былъ всегда очень добръ, но онъ, какъ и я, состарѣлся и растолстѣлъ. Только вы похорошѣли, мой другъ. И это—одна изъ причинъ, почему я всегда такъ бываю рада видѣть васъ... Вы напоминаете мнѣ то время, когда всѣ мы были малы и счастливы...

Старый Марсіа доложилъ, что обѣдъ поданъ, и Тальботъ, поднявшись съ чувствомъ облегченія, предложилъ руку сенорѣ. Во время превосходнаго и очень пикантнаго обѣда она не упоминала о прошломъ, но говорила объ урожаѣ, и съ глубокимъ интересомъ выслушивала политическія соображенія Тальбота. Она знала, что политика становится главною цѣлью жизни ея друга, и хотя она предчувствовала, что современемъ эта политика отни-

метъ его у нея, сенора все-же поощряла его въ этомъ направленіи: она уже давно перестала жить для себя.

Покончивъ со сладкими блюдами, они прошли на веранду и лѣниво перебрасывались замѣчаніями, повуда не задремали оба въ своихъ креслахъ.

Вначалѣ тяжелый обѣдъ какъ-то одурманилъ мозги Тальбота, но затѣмъ ему приснилась его молодость, и сцены, героиней которыхъ была Дельфина Карильо, выступили изъ своихъ поблекшихъ рамъ на яркій свѣтъ его воспоминаній: онъ снова переживалъ восторги и муки тѣхъ дней.

Тальботъ проснулся сразу. Сенора все еще спала, и лицо ея было во снѣ такъ же спокойно-безмятежно, какъ и на яву. Она казалась такою смуглою, толстою и широкою, что Тальботъ, еще находившійся подъ впечатлѣніемъ сна, рѣшительно поднялся и, войдя въ залу, остановился передъ портретомъ. Онъ былъ написанъ талантливымъ художникомъ,—фигура словно отдѣлялась отъ полотна, алыи, обольстительно изогнутый ротъ улыбался, глаза сіяли торжествомъ молодости и побѣдъ, кожа была такою же бѣлою, какъ цвѣтъ луны ночью на поляхъ...

Тальботу вспомнилась ночь, когда онъ держалъ ее въ объятіяхъ,—ее, не ту женщину, что дремлетъ на верандѣ,—и онъ невольно простеръ руки къ портрету.

— А я думалъ, что все прошло!—вырвалось у него испуганнымъ шопотомъ;—но я отдалъ бы душу и все, чего добился въ жизни, для того, чтобы она на одинъ часъ вышла изъ рамы и полюбила меня...

— Чтò вы говорите?—произнесъ тихій голосъ.—Я заснула, не правда ли? Не позвоните ли вы въ маленькій колокольчикъ, чтобы Марсіа принесъ намъ шоколадъ? Здѣсь не будетъ слишкомъ жарко, или лучше на верандѣ?

— Лучше на верандѣ. Теперь стало прохладнѣе, и мнѣ какъ-то недостаетъ воздуху...

Ему хотѣлось ухватъ, но онъ прихлебывалъ шоколадъ и слушалъ рассказы о своихъ пріемныхъ дочеряхъ. Сенора безконечно гордилась внучатами и въ домѣ была масса ихъ фотографій. Около шести часовъ онъ пожалъ ей руку и вскочилъ въ сѣдло. Проѣзжая по аллеѣ, онъ, какъ всегда, оглянулся съ подороги. Она все еще стояла на верандѣ и, ласково улыбаясь ему, махала смуглою рукою.

Это было послѣднее его свиданіе съ сенорой.

II.

Черезъ день Тальботу пришлось уѣхать въ Санъ-Франциско, а когда онъ вернулся, сенора лежала въ постели; она заболѣла сильною простудою. Онъ послалъ ей кипу книгъ и газетъ, ящикъ шоколадныхъ конфетъ, и въ разгаръ выборной борьбы временно забылъ объ ея существованіи. Была осень 1868 года, и онъ считался въ числѣ пламенныхъ сторонниковъ Гранта. Интересъ его къ политикѣ все возрасталъ по мѣрѣ успѣховъ знаменитаго генерала, и наконецъ онъ заявилъ, что приметъ участіе въ слѣдующихъ выборахъ въ конгрессъ. Два дня спустя, умеръ представитель ихъ округа, и Тальботу сейчасъ же предложили занять его мѣсто.

Когда въ концѣ ноября онъ отправился въ Вашингтонъ, сенора все еще лежала въ постели, страдая отъ сильнаго кашля и простуды. Онъ захотѣлъ узнать объ ея здоровьи и передать ей привѣтъ черезъ старика Марсіа. Книгопродавцу въ Санъ-Франциско было приказано постоянно снабжать сенору книгами.

Во время пребыванія въ Вашингтонѣ, полного захватывающаго интереса, Тальботъ лишь изрѣдка вспоминалъ о ней. Убѣдившись, что нашелъ свое настоящее призваніе, онъ рѣшилъ посвятить политикѣ остатокъ своей жизни. Волненіе въ странѣ было велико, пылкая южная кровь взывала о возмездіи, и ходили слухи, что Грантъ будетъ убитъ южанами въ самый день избранія его президентомъ. Этого не случилось, и Тальботъ радовался, что ему удалось быть въ этотъ день въ Вашингтонѣ. Онъ написалъ сенорѣ подробный отчетъ о воинственномъ настроеніи города и о блестящихъ празднествахъ въ сенатѣ, но она уже перестала быть для него чѣмъ-то необходимымъ въ его жизни.

Будучи холостымъ, красивымъ и богатымъ человекомъ, онъ скоро пустился на всѣхъ парусахъ по общественному морю. Въ первый разъ со времени увеселеній въ „Оливковомъ Ранчо“, ему пришлось бывать въ обществѣ. Санъ-Франциско былъ въ сущности пародіей на свѣтскость, но Вашингтонъ представилъ для него большой интересъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ не одну женщину, напомнившую ему его первый полудѣтскій идеалъ, вывезенный изъ Англіи и не походившій на Дельфину Карильо; другой Дельфины Карильо не существовало въ цѣломъ мірѣ.

Сессія была тяжелая, продолжительная, и онъ отдавалъ всѣ силы своего ума на великое дѣло организаціи страны, но при этомъ зачастую спрашивалъ себя: не пора ли ему жениться, не

долгъ ли его по отношенію къ самому себѣ — исполнить свое задушевное желаніе? Красивая, изящная, хорошо воспитанная жена могла быть большою радостью въ его жизни. За послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ, онъ могъ жениться на любой красивой дѣвицѣ въ Санъ-Франциско, но промежутковъ между пылкою любовью молодости и представлявшимися ему затѣмъ „партіями“, внушилъ ему отвращеніе къ такъ называемымъ „подходящимъ бракамъ“. Теперь Калифорнія была далеко, въ Вашингтонѣ жизнь складывалась иначе; ему исполнилось всего сорокъ лѣтъ, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ умственныхъ и физическихъ силъ. Неужели онъ не сможетъ снова полюбить? Оставаясь наединѣ съ красивою женщиною въ ея будуарѣ, любуясь прелестною дѣвушкою среди блѣднаго освѣщенія оранжереи, онъ тщетно старался вызвать въ себѣ прежній трепетъ надежды и страха. Онъ рѣшилъ, что объяснится при первомъ же признакѣ зарождающагося чувства, но онъ былъ заинтересованъ и — только. Ничто не могло вызвать въ немъ желаннаго прилива страсти: море ушло въ свои берега.

Отъ сеноры нельзя было ждать писемъ,—она ненавидѣла перья и чернила, и писала одинъ разъ въ мѣсяцъ коротенькія письма своимъ дочерямъ.

Падре Ортега былъ слишкомъ старъ для того, чтобы заниматься перепиской,—поэтому Тальботъ имѣлъ извѣстіе изъ Санта-Урсулы лишь отъ своего майордома, ежемѣсячно посылавшаго ему отчетъ объ оливковыхъ плантаціяхъ и дѣлахъ по дому. Къ сожалѣнію, онъ не былъ многорѣчивъ, и Тальботъ, несмотря на то, что дважды осведомлялся о состояніи здоровья сеноры, ни разу не получилъ отъ него отвѣта до самаго конца сессіи. Около этого времени майордомъ прислалъ свой отчетъ, въ концѣ котораго находилась слѣдующая приписка: „Сенора умираетъ. У нея чахотка—скоротечная, по всей вѣроятности. Можете застать ее въ живыхъ, а можете и не застать. Мы всѣ очень о ней жальдемъ, такъ какъ она со всѣми ладила и была очень добра“.

Оставалось еще три недѣли до окончанія сессіи, но комитетъ Тальбота, въ сущности, уже закончилъ свое дѣло, и онъ могъ считать себя свободнымъ. Онъ передалъ бразды правленія одному изъ своихъ сотоварищей-демократовъ и выѣхалъ въ Калифорнію въ тотъ же день, какъ получилъ извѣстіе. Онъ забылъ красивыхъ вашингтонскихъ дамъ, всѣ свои планы. Стремленіе поспѣть къ смертному одру стараго друга оказалось самымъ сильнымъ, не терпящимъ отлагательства... Ему казалось, что поѣздъ еле тащится.

Воспоминанія, преслѣдовавшія его во время долгаго жаркаго пути, не были сентиментальнаго характера. Будь они такими, онъ отогналъ бы ихъ, такъ какъ они не вязались бы съ печальною дѣйствительностью. Умиралъ его старый другъ—самый необходимый, самый симпатичный, какаго онъ когда-либо имѣлъ.

Онъ понялъ, что она все-же незамѣнима для него, что съ ея смертью онъ будетъ очень одинокъ. Память его постоянно возвращалась къ сенорѣ, къ ея доброму, широкому, смуглому лицу, и онъ смигнулъ съ рѣсницъ не одну слезу, думая, что ему не придется болѣе обращаться къ ней за сочувствіемъ, и онъ уже не станетъ скрашивать своими посѣщеніями ея одинокую жизнь. Менѣе всего онъ былъ подготовленъ къ тому, что ожидало его въ „Оливковомъ Раячо“.

Тальботъ пріѣхалъ ночью. Падре Ортега оказался въ отъѣздѣ, и за исключеніемъ того, что сенора еще жива, онъ ничего не могъ узнать о ней, и сейчасъ же послалъ къ ней нарочнаго съ письмомъ, извѣщая ее, что будетъ завтра въ одиннадцатъ часовъ утра.

Снова длинный, утомительный переѣздъ по выжженнымъ солнцемъ полямъ и холмамъ. До дня его рожденія оставалось всего недѣли три. Подѣзжая къ дубовой аллеѣ, онъ замѣтилъ висѣвшій на верандѣ гамакъ, въ которомъ кто-то лежалъ: очевидно, женщина, такъ какъ изъ гамака свѣшивалась до самаго полу тяжелая черная коса.

„Навѣрное это не сенора, — подумалъ онъ, — сенора въ гамакѣ?..“

И тутъ онъ внезапно вспомнилъ, что за время болѣзни она должна была похудѣть.

Руки его дрожали, покуда онъ слѣзалъ съ лошади и привязывалъ ее, и, сознавая свою блѣдность, онъ долго съ этимъ возился. Но онъ привыкъ владѣть собою, и черезъ минуту уже твердо шелъ впередъ и поднимался по ступенямъ веранды. Тѣмъ не менѣе, подойдя къ гамаку, онъ убѣдился, что долженъ призвать на помощь все свое самообладаніе.

Сеноры не было, — вмѣсто нея въ гамакѣ лежала Дельфина Карильо. Это не была великолѣпная, полная силъ красавица прежнихъ лѣтъ, но некрасивая смуглость кожи исчезла вмѣстѣ съ жиромъ, кожа ея побѣлѣла, на щекахъ горѣли алыя пятна. Глаза казались громадными и ротъ пріобрѣлъ прежнюю выразительность и тонкія очертанія, хотя углы губъ и опустились. На ней былъ бѣлый капотъ съ массою кружевъ у шеи, и, будучи

тѣню самой себя, она все-же была прекрасна и казалась женщиною лѣтъ двадцати-шести.

— Дельфина! — прошепталъ онъ. — Дельфина!

Онъ долженъ былъ присѣсть — колѣни его дрожали. Кровь шумѣла у него въ головѣ, и послѣ первой минуты захватывающаго блаженства имъ овладѣло острое чувство сожалѣнія, вызванное утратою добраго стараго друга — сеноры. Онъ невольно оглядѣлся вокругъ. Куда дѣвалась она, эта другая женщина? Даже душа, глядѣвшая изъ большихъ глазъ лежавшей въ гамакѣ женщины, была прежняя.

Дельфина молча глядѣла на него нѣсколько секундъ, затѣмъ она проговорила со вздохомъ: — А вѣдь это Жуанъ!

Она приподнялась и быстро заговорила:

— Слушайте, я сначала не узнала васъ, я по временамъ забываюсь, и тогда Марсія все говоритъ мнѣ, что я — та, прежняя Дельфина. И даже въ то время, когда я бываю въ полной памяти, мнѣ также это кажется, можетъ быть, потому, что я одна; мнѣ нечего вспоминать, и мнѣ пріятны такія мечты... Когда я заболѣла, во мнѣ пріѣзжала Эрминія, но затѣмъ я написала ей, что поправляюсь, такъ какъ она съ мужемъ хотѣла ѣхать въ Мексико. И чѣмъ хуже мнѣ становится, тѣмъ болѣе я радуюсь, что моихъ дѣвочекъ нѣтъ здѣсь. То, что мнѣ представляется въ забытіи — такъ отрадно; оно возвращаетъ меня къ молодымъ, счастливымъ годамъ. Я радуюсь, что умираю не такъ, какъ всѣ старыя люди, а именно такимъ образомъ... Вы не можете себя представить, Жуанъ, какъ я бываю иногда счастлива! Помните, какъ вы бывали здѣсь за два мѣсяца до моей свадьбы? Я вижу васъ, Энрико, всѣхъ друзей моихъ и себя — такою веселою, красивою, вспоминаю, какъ всѣ кабаллеро сходили по мнѣ съ ума... И блестящіе костюмы, и чудныхъ коней — все вспоминаю...

Она остановилась, но затѣмъ продолжала:

— И часто я думаю о васъ, часто... Какъ странно, вѣдь я въ то время любила Энрико, но когда вы уѣхали въ Вашингтонъ, я очень по васъ скучала и все читала и перечитывала, что о васъ писали въ газетахъ... Энрико уже давно умеръ, а любовь моя умерла еще ранѣе, — я говорю о той любви, изъ-за которой я вышла за него замужъ; — конечно, я любила его, потому что любить мужа — моя обязанность. Но когда вернулась моя молодость, я почему-то больше всего думаю о васъ. И я такъ хотѣла, такъ хотѣла васъ видѣть, но не звала васъ потому, что вы очень заняты и честолюбивы, и я знала, что черезъ годъ вы пріѣдете, и потому была счастлива. Не плачьте, другъ

мой,—видите, я не плачу,—отрадно быть снова молодой... Часто я не понимаю, какъ я могла тогда не полюбить васъ? Вы—такой теперь красавецъ, но въ то время вы были мальчишкой, а я восхищалась нашими кабаллеро; они—такіе нарядные, любезные, и мы не знаемъ другихъ мужчинъ. Въ то время я мало думала, затѣмъ у меня было много дѣтей и горя, но въ глубинѣ души я всегда чувствовала, что у меня чего-то нѣтъ, чего-то самого главнаго. Часто я вздыхала, сама не зная: отчего? Но теперь, передъ смертью, я много думаю, и теперь я знаю, что еслибы я дѣйствительно была молода и здорова, я полюбила бы васъ и была бы съ вами вполнѣ счастлива, и умъ былъ бы у меня настоящій. Въ дѣйствительности, *я никогда не жила*. И теперь я это знаю...

Она откинулась назадъ, задыхаясь; ея тихій голосъ сталъ почти неслышнымъ. Она указала на бутылку съ питьемъ. Джонъ приподнялъ больную въ своихъ объятіяхъ и поднесъ стаканъ къ ея губамъ. Легкая краска выступила на ея щекахъ, она подняла руки и обвилась ими вокругъ его шеи.

— Жуанъ,—прошептала она умоляюще,—вы когда-то любили меня и плакали, такъ какъ я принесла вамъ горе... Повѣрьте въ то, что я стала прежнею дѣвушкою, и полюбите меня, какъ тогда! Я скоро умру, а это сдѣлаетъ меня невыразимо счастливою.

— Мнѣ будетъ нетрудно повѣрить въ это,—отвѣтилъ онъ,—слишкомъ нетрудно. Не было ли все прошедшее, дѣйствительно, сномъ, а настоящая жизнь начинается лишь теперь—на порогѣ вѣчности?..

Съ англ. О. Ч.

ПРЕЗИДЕНТЪ РУЗЕВЕЛЬТЪ

и

ВНУТРЕННЯЯ ЕГО ПОЛИТИКА

Ровно полстолѣтія тому назадъ, когда принципиальная разница между двумя тогдашними политическими партіями Сѣверо-Американскаго Союза, вигами и тори, сошла на ничто, и „платформы“ (программы) этихъ партій, различествуя въ изложеніи, представляли въ сущности одно и то же,—возникла третья партія, съ уничтоженіемъ рабства какъ главнымъ ея лозунгомъ, и произошло совершенное распаденіе прежнихъ аффилиацій, съ возникновеніемъ двухъ новыхъ партій—на совершенно новыхъ началахъ. Такое же положеніе, повидимому, переживаетъ политическая жизнь Соединенныхъ-Штатовъ и въ настоящую минуту. За пятьдесятъ лѣтъ существованія современныхъ республиканской и демократической партій, послѣ рѣшеннаго навсегда войной 1861—1865 годовъ вопроса о рабствѣ, между ними возникали серьезные принципиальныя различія, по временамъ существенно обострившіяся; въ 1896 году эти различія болѣе или менѣе ступивались, зато появился на сценѣ вопросъ серебряный;—въ 1900 году къ нему присоединился и новый вопросъ объ имперіалистской политикѣ, вызванный результатами испано-американской войны. Событія шли своимъ чередомъ, и за послѣднее четырехлѣтіе и эти два вопроса,—такіе жгучіе, такіе, казалось, всеобъемлющіе—восемь и четыре года тому назадъ,—успѣли совершенно

выдохнуться и потерять всякое практическое значеніе настолько, что въ національныхъ платформахъ обѣихъ партій въ послѣдней выборной кампаніи по обоимъ этимъ вопросамъ не оказалось никакой разницы—слова и фразы различны, но сущность совершенно одинакова.

Республиканская партія стоитъ на той же политической почвѣ, что и восемь, и четыре года тому назадъ, а демократы, отказавшись формально и отъ своихъ воззрѣній на вышеупомянутые вопросы, и отъ своихъ вожаковъ того времени, не выставили ни одной новой идеи, такъ что въ эту кампанію 1904 года вопросъ шель уже не о принципахъ, а только о личностяхъ претендентовъ на должности президента и вице-президента Союза. Предварительные пути обѣихъ партій, прежде чѣмъ онѣ пришли къ однимъ и тѣмъ же выводамъ, существенно различествовали между собою, и кампанія изобиловала разными необычными инцидентами, вродѣ кандидатуры Хёрста и телеграммы Паркера національной демократической конвенціи, такъ что хроникеру кампаніи остается только выяснить и очертить эту разницу въ путяхъ;— что же касается разницы въ принципахъ, то она исчезла, и заурядный избиратель просто подавалъ голосъ за наиболѣе симпатичнаго ему кандидата—Рузвельта или Паркера. Вся суть свелась, въ концѣ-концовъ, къ ихъ личностямъ. Такова была наружная, показная сторона этого послѣдняго американскаго политическаго конфликта. Онъ не обладаетъ ни интересомъ, ни живостью: разъ таковой конфликтъ принимаетъ исключительно личный характеръ, онъ теряетъ свое общее значеніе, какъ для самой страны, такъ и для остального міра. Но, помимо этой наружной стороны, кампанія имѣла и другую, внутреннюю, которая, на мой взглядъ, чрезвычайно многозначительна и заключается въ томъ, что консервативные элементы страны оказались въ такомъ большинствѣ въ обѣихъ партіяхъ, что успѣли устранить всѣ болѣе или менѣе радикальныя вліянія отъ какого бы то ни было активнаго воздѣйствія и на кампанію, и на выборъ кандидатовъ. Въ средѣ республиканской партіи не было организованной оппозиціи такому результату, но въ демократической ему предшествовала многосторонняя и серьезная борьба. Поэтому я и скажу предварительно нѣсколько словъ объ этой президентской кампаніи 1904-го года, и начну именно съ этой послѣдней партіи.

I.

Съ безповоротнымъ рѣшеніемъ вопросовъ о рабствѣ негровъ и степени независимости отдѣльныхъ штатовъ относительно общегосударственныхъ, федеральныхъ дѣлъ, — главной принципиальной разницей между республиканцами и демократами оставался протекціонизмъ первыхъ и фритрэдерство — вторыхъ. Въ 1892 г., съ вторичнымъ выборомъ въ президенты Кливелэнда и безусловнаго большинства демократовъ въ обѣ палаты конгресса, они получили полную возможность осуществлять свои фритрэдерскія тенденціи на практикѣ въ какой бы то ни было степени. Принимая національную платформу демократовъ въ президентскую кампанію 1892 г. въ серьезъ, страна была готова къ всевозможнымъ экспериментамъ въ фритрэдерскомъ направленіи, — на пути къ нимъ не было ни малѣйшихъ препятствій, и многія отрасли промышленности, основанныя на покровительственныхъ пошлинахъ, ожидали съ покорностью смертельнаго для себя удара. Теперь уже установлено, что именно страхъ такого удара и вызвалъ финансовый и промышленный кризисъ 1893—1896 годовъ, такъ какъ въ рѣшительную минуту демократы абсолютно спасовали, и, отмѣнивъ тарифъ Макъ-Кинлэя, ввели тарифъ Вильсона-Гормана, отличавшійся отъ перваго только деталями, а никакъ не сущностью. Получивъ въ свои руки управленіе страной на платформѣ прямого обязательства введенія свободы торговли и парализовавъ промышленность страны, они оставили въ силѣ тотъ же протекціонный тарифъ, слегка понизивъ пошлины въ нѣкоторыхъ отрасляхъ и даже возвысивъ ихъ въ другихъ, какъ, напр., въ сахаро-рафинадной. Во всей исторіи американскаго тарифнаго законодательства нѣтъ другого примѣра такой непонятной непоследовательности, такой больше чѣмъ странной игры съ торжественными, всенародными обязательствами. Едвали подлежить сомнѣнію, что этотъ фактъ надолго устранилъ съ политической арены Соединенныхъ-Штатовъ борьбу между протекціонистами и фритрэдерами какъ серьезный факторъ; — страна поняла, что какъ бы извѣстная политическая партія ни ратовала за „открытіе дверей“ иностраннымъ мануфактурамъ, въ ея средѣ всегда найдутся достаточно сильные элементы, которые, въ союзѣ съ открытыми протекціонистами, всегда будутъ въ состояніи разбить дѣйствительныхъ сторонниковъ свободы торговли. Весь политико-экономическій строй страны долженъ

существенно измѣниться, прежде чѣмъ эти послѣдніе могутъ разсчитывать на введеніе хоть сколько-нибудь радикальных измѣненій въ существующихъ тарифахъ, не говоря уже о свободѣ торговли въ широкомъ смыслѣ. Благодаря этому, къ президентской кампаніи 1896 г. демократы остались бы совершенно на мели въ принципиальномъ смыслѣ, безъ какого бы то ни было серьезнаго разногласія съ республиканцами, еслибы не внезапное появленіе на политической аренѣ Брайяна и его серебрянаго вопроса. Вопросъ этотъ по своему существу—чисто-финансовый и былъ навязанъ странѣ какъ политическое яблоко раздора совершенно насильно. Въ исторіи Союза не было другого такого рѣзкаго и остраго перехода отъ благосостоянія и общаго довольства къ финансово-промышленному кризису, безработицѣ и пощданію долготѣльныхъ сбереженій, какъ тѣ, которыми ознаменовалась администрація Кливелэнда 1892—1896 годовъ; бывшимъ у кормила правленія демократамъ было необходимо объясненіе такого небывалаго феномена, и серебряный вопросъ явился козломъ отпущенія, несмотря на серьезнѣйшія предостереженія наиболѣе интеллигентныхъ и знающихъ людей всѣхъ партій. Страстность и стремительность натиска „сильверитовъ“ прямо отуманила страну;—они успѣли не только перетасовать самымъ существеннымъ образомъ личный составъ всѣхъ партій, расколоть ихъ навсегда, хотя и въ неравной степени, но и убѣдить почти половину націи, что воспослѣдуетъ чуть ли не всемірный политико-экономическій и политическій потопъ, если ихъ идеи не будутъ приняты страной. Несмотря на жестокое пораженіе 1896 г., они оказались въ состояніи поддерживать серебряный гипнозъ и въ теченіе всего слѣдующаго четырехлѣтія, такъ что и въ 1900 году тотъ же насильственный биметаллизмъ оказался „гвоздемъ“ національной платформы демократовъ, успѣвшихъ тѣмъ временемъ поглотить популистовъ какъ третью партію, и тотъ же Брайянъ былъ опять назначенъ кандидатомъ совершенно объединенной на этотъ разъ оппозиціи въ президенты Союза. Между тѣмъ, за четырехлѣтіе 1896—1900 гг. произошла испано-американская война, и появился новый, чрезвычайно важный и дѣйствительно чисто политическій вопросъ о вполнѣ опредѣлившейся къ началу президентской кампаніи 1900 года имперіалистской политикѣ республиканской партіи. Вопросъ этотъ, конечно, не имѣлъ ничего общаго съ вопросомъ о биметаллизмѣ,—тѣмъ не менѣе, національная конвенція демократовъ поставила ихъ на одну доску, такъ что сознательный политическій анти-имперіалистъ вынужденъ былъ вотировать въ то

же время и за свободную чеканку серебра. Подсчетъ и анализъ поданныхъ въ президентскую кампанію 1900 года голо-совъ доказали безусловно, что свыше милліона избирателей не могли переварить этого требованія и отказались отъ подачи го-лоса, — а въ результатъ Брайанъ и его платформа были побиты еще рѣшительнѣе, чѣмъ въ 1896 году. Съ этими-то двумя яркими уроками въ своемъ самомъ непосредственномъ прошломъ, демократическая партія приступила къ послѣдней президентской кампаніи 1904 года.

За восемь лѣтъ — 1896 — 1904 гг. — весьма значительное число демократовъ перешло въ ряды республиканской партіи. Въ 1896 году „золотые“ демократы, т.-е. противники серебра въ средѣ демократической партіи, имѣли свою платформу и тикетъ; въ 1900 году они открыто голосовали за Макъ-Кинлэя. Эта фракція, не столько многочисленная, какъ вліятельная, особенно во всѣхъ сѣверныхъ и западныхъ штатахъ, вотировала за Рузвельта и въ 1904 году. Опасность принятія страной серебряной валюты, какъ ни отдаленна она была въ дѣйстви-тельности, пересилила въ ихъ глазахъ всѣ другія чисто-полити-ческія соображенія, аффиліаціи и традиции всего ихъ прошлаго. Я довольно хорошо знакомъ съ личнымъ составомъ этой фракціи — люди переходили въ ряды своего недавняго непріятели совер-шенно открыто, обыкновенно мотивируя этотъ переходъ въ га-зетахъ, и хотя въ этомъ составѣ не было выдающихся политиче-скихъ съ національной репутаціей, онъ, тѣмъ не менѣе, несо-мнѣнно заключалъ въ себѣ наиболѣе интеллигентныхъ и неза-висимо думающихъ людей — судей, адвокатовъ, мануфактури-стовъ, купцовъ, — во многихъ мѣстностяхъ безспорную соль ихъ демократической партіи. Я лично думаю, что эта потеря была для нея до-нѣльзя чувствительной, во многихъ случаяхъ прямо незамѣнимой, какъ ни старались партійные вожаки умалить ея значеніе. Утрата демократической партіей этихъ самостоятель-ныхъ элементовъ въ президентскія кампаніи 1900 и 1904 го-довъ имѣла на ихъ исходъ то же рѣшающее вліяніе, что и утрата республиканской партіей въ 1884 году фракціи мюгвом-повъ, принесшая зѣ собою поражение Блэна Кливелэндомъ. Интеллигентный избиратель, лично извѣстный въ своей мѣст-ности какъ лицо независимое отъ своей партійной организаціи, смѣло объявляющій о своемъ добровольномъ переходѣ въ не-пріяельскій дотолѣ политическій лагерь, имѣлъ обыкновенно въ этой мѣстности гораздо больше вліянія, чѣмъ цѣлая дюжина прямо заинтересованныхъ въ раздѣлѣ общественнаго пирога про-

фессиональныхъ политикановъ. Въ подсчетъ голосовъ такіе переходы всегда даютъ себя чувствовать болѣе или менѣе осязательно, и, будучи особенно частыми въ теченіе президентской кампаніи 1900 года, они, тѣмъ не менѣе, открыли глаза вожакамъ демократовъ, только когда положеніе сдѣлалось уже совершенно безнадежнымъ относительно исхода этой кампаніи, — зато они уже немедленно послѣ этихъ выборовъ взялись за работу, дабы одолѣть, наконецъ, сильверитовъ въ своей собственной средѣ, и, повидимому, успѣли въ этомъ къ началу президентской кампаніи 1904 года. Ошеломленный своимъ вторичнымъ, еще болѣе рѣшительнымъ поражениемъ, Брайанъ вынужденъ былъ заявить публично, что не будетъ болѣе искать назначенія демократической партіей въ кандидаты въ президенты, и хотя не отказался лично отъ своихъ сильверитскихъ вождѣній, но не препятствовалъ, по крайней мѣрѣ публично, начавшейся въ средѣ демократовъ реорганизациі партіи на новыхъ началахъ. Политиканы штата Нью-Йорка сразу стали во главѣ этой реорганизациі. Штатъ этотъ, по числу принадлежащихъ ему голосовъ въ избирательной коллегіи, всегда имѣлъ рѣшающее значеніе въ президентскихъ выборахъ — безъ него демократы не могутъ рассчитывать на побѣду, и потому на нѣсколькихъ національныхъ совѣтахъ партіи это главенство и было ему безмолвно предоставлено. Къ сожалѣнію, въ средѣ демократической партіи Нью-Йорка царствовалъ совершеннѣйшій разладъ, и одолѣли, въ концѣ-концовъ, самые нежелательные въ ней элементы въ смыслѣ ихъ популярности въ народныхъ массахъ: — Огюсть Бельмонтъ, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ денежныхъ воротилъ Wall Street'a, экс-губернаторъ и экс-сенаторъ Дэвидъ Хилль, чрезвычайно беззастѣнчивый и безпринципный политиканъ, когда-то очень успѣшный, но за послѣднее время сданный-было въ политическій архивъ, наконецъ — представители Таммани-Голла. Мнѣ всегда казалось, что одной этой комбинаціи было совершенно достаточно, дабы безповоротно утопить любую платформу и любого кандидата. Тѣмъ не менѣе, она оказалась живучей и очень дѣятельной, и уже на созванной очень рано демократической конвенціи штата Нью-Йорка успѣла дать тонъ всей послѣдующей національной кампаніи. Принятая этой конвенціей платформа является замѣчательнымъ документомъ по своей крайней неопредѣленности, по тому искусству, съ которымъ ея составители сумѣли обойти всѣ безъ исключенія серьезные вопросы — о трѣстахъ, объ имперіализмѣ, о валютѣ, объ отношеніяхъ капитала къ труду. Громкія, но ничего не значащія,

ничего не опредѣляющія фразы,—толкуйте ихъ въ какую угодно сторону, выводите изъ нихъ какія угодно заключенія! И Богу свѣча, и чорту кочерга! И тѣмъ не менѣе, очевидная необходимость въ реорганизаци и объединеніи партіи была настолько сильна, что всѣ консервативные элементы демократической партіи всѣхъ оттѣнковъ, противные Брайяну и радикализму, весьма быстро сплотились по всему Союзу подъ этимъ вновь выкинутымъ знаменемъ неопредѣленности и безсодержательности,—и элементы эти оказались въ огромномъ большинствѣ почти вездѣ.

Двукратное поражение Брайяна, очевидная недостижимость на практикѣ его серебряныхъ теорій, рѣзкость и опредѣленность другихъ его требованій, утрата партіей многихъ самыхъ вліятельныхъ и уважаемыхъ ея членовъ,—все это неотвратимо дѣйствовало на демократическія массы, и толкало ихъ на противоположный всему этому путь, который оказался искусно подготовленнымъ Бельмонтомъ, Хилломъ и К^о, и давалъ, повидимому, нѣкоторую надежду на успѣхъ. Надежда эта подогрѣвалась и тѣмъ обстоятельствомъ, что было извѣстно, что энергично подготовленный консервативными элементами демократической партіи за все послѣднее четырехлѣтіе въ кандидаты въ президенты Союза, судья верховнаго суда штата Нью-Йорка Альтонъ Паркеръ вполне одобрилъ принятую демократической конвенціей этого штата платформу. Кандидатура эта подготавливалась чрезвычайно искусно, послѣдовательно и энергично, хотя и трудно понять, почему былъ выставленъ именно онъ. За исключеніемъ чисто судебныхъ сферъ своего штата, Паркеръ былъ почти совершенно неизвѣстенъ. Кто такой Паркеръ? Почему именно Паркеръ? Такіе вопросы слышались вездѣ и всюду въ теченіе всей кампаніи. Всю свою жизнь онъ сначала занималъ мелкіе судебные посты въ своемъ графствѣ, затѣмъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, былъ назначенъ однимъ изъ верховныхъ судей штата—никогда не принималъ никакого видимаго участія ни въ конвенціяхъ своей партіи, ни въ политическихъ кампаніяхъ, никогда ничего не писалъ, никогда не говорилъ публично, и въ политическомъ, и во всякомъ другомъ отношеніи былъ абсолютнымъ сфинксомъ для народныхъ массъ. Чтò онъ думаетъ о трѣстахъ, объ имперіализмѣ, о золотой валютѣ, о рабочемъ вопросѣ? Было извѣстно, что онъ оба раза голосовалъ за Брайяна—и только. Горсть личныхъ друзей—людей почти безъ исключенія съ неособенно чистыми политическими репутаціями—выдвинула его впередъ, восхваляя его гражданскія доблести, но только таинственно пожимала плечами, когда ихъ спрашивали

о его политическомъ credo. И до, и послѣ назначенія, Паркеръ хранилъ самое упорное молчаніе—даже его знаменитая телеграмма конвенціи въ Санъ-Луисъ не открыла публикѣ, что именно онъ самъ думаетъ о золотѣ и серебрѣ, а только констатировала всѣмъ извѣстный фактъ. Общественное мнѣніе страны не могло не придти, въ концѣ-концовъ, къ тому заключенію, что Паркеръ не что иное, какъ оппортунистъ чистѣйшей воды, готовый идти по теченію согласно обстоятельствамъ, что онъ, какъ и демократическая партія вообще въ настоящую кампанію, не представляетъ собою чего-либо хоть сколько-нибудь опредѣленнаго. Я склоненъ думать, что именно этотъ фактъ и былъ главной причиной его феноменальнаго пораженія на выборахъ 8-го ноября. Онъ сумѣлъ захватить формальную организацію своей партіи, ея политикановъ и слѣпо слѣдующіе за ними во всякомъ конфликтѣ элементы, но ея болѣе или менѣе самостоятельно мыслящее и дѣйствующее меньшинство, на этотъ разъ очень значительное, отказалось слѣдовать за подобной неопредѣленностью, и или совсѣмъ воздержалось отъ подачи голоса, или голосовало за Рузвельта.

Вожаки радикальныхъ элементовъ демократической партіи, конечно, сообразили все вышеназложенное и оцѣнили тенденціи большинства еще задолго до того, какъ все это было уяснено себѣ массами. Помимо Брайна и его приверженцевъ, въ средѣ демократической партіи на этотъ разъ появилась новая радикальная фракція съ новымъ предводителемъ. Вильямъ Хёрстъ, молодой, сравнительно, человекъ—ему нѣтъ еще и сорока лѣтъ—пожелалъ сдѣлаться президентомъ Соединенныхъ-Штатовъ, какъ представитель демократовъ. Въ политической исторіи Союза значитъ немало выскочекъ, по временамъ игравшихъ болѣе или менѣе значительную роль—Хёрстъ, на мой взглядъ, далеко превосходитъ ихъ всѣхъ своей наглостью, своей откровенностью. Судя по всѣмъ даннымъ, весь его умственный и нравственный багажъ состоитъ исключительно изъ ненасытнаго честолюбія и поразительнаго самоувѣрія. Онъ не умѣетъ ни говорить, ни писать, никогда не выдался хоть чѣмъ-либо на общественномъ поприщѣ, неспособенъ къ какой-либо серьезной усидчивой работѣ, по своимъ личнымъ привычкамъ—не что иное, какъ снобъ, свѣтскій хлыщъ, ведущій роскошную, пріятную свѣтскую жизнь въ Вашингтонѣ. Два года назадъ, въ одномъ изъ наиболѣе продажныхъ дистриктовъ города Нью-Йорка, онъ былъ выбранъ въ федеральную палату представителей, какъ демократъ, но посѣщалъ конгрессъ только очень рѣдко, на нѣ-

сколько минутъ,—очевидно, только для того, чтобы заявлять время отъ времени о своемъ существованіи. Его покойный отецъ, эксъ-сенаторъ отъ штата Калифорніи въ федеральномъ сенатѣ, оставилъ ему огромное состояніе, оцѣнивавшееся въ 30—40 милліоновъ долларовъ и сдѣланное имъ во время золотой и первой желѣзно-дорожной горячки тихоокеанскаго побережья; молодой Хёрстъ сначала очень успѣшно прожигалъ жизнь на разные манеры въ Санъ-Франциско, Нью-Йоркѣ и въ Европѣ, потомъ, въ одинъ прекрасный день, когда это времяпрепровожденіе ему надоѣло, вздумалъ сдѣлаться журналистомъ и или купилъ, или основалъ большія ежедневныя газеты въ городахъ Нью-Йоркѣ, Бостонѣ, Чикаго, Санъ-Франциско и Лосъ-Анжелесѣ. Его можно смѣло назвать отцомъ „желтаго журнализма“ въ Америкѣ. Неизвѣстно, насколько газеты эти оплачивались — милліоновъ Хёрста хватило на многие годы и убыточнаго издательства,—но несомнѣнно то, что сотни и даже тысячи обыкновенныхъ газетъ не могутъ надѣлать ничего подобнаго тому шуму, который ежедневно производили изданія Хёрста. Ихъ motto—сенсационализмъ, сенсационализмъ во что бы то ни стало. Завѣдуютъ ими всегда очень талантливые, хотя и безусловно безпринципные люди—у нихъ наилучше оплачиваемые редакторы и репортеры по всѣмъ отраслямъ, свои собственныя телеграфныя и телефонныя проволоки по всему Союзу, спеціальныя корреспонденты во всѣхъ большихъ центрахъ Стараго Свѣта—управленіе не останавливается ни передъ какими расходами, не ограничено никакою моралью, ни даже страхомъ уголовного суда. Ему ничего не стоитъ выдумать самую грязную, самую nepозволенную исторію, оклеветать публично самаго невиннаго чело-вѣка или учрежденіе. Если на земномъ шарѣ не происходитъ ничего изъ ряда вонъ выходящаго, Хёрстовская газета не стѣсняется изобрѣсти цѣликомъ какую-нибудь мѣстную сенсацию, убійство, похищеніе, растрату. Американская „Associated Press“ обыкновенно очень сдержанна и обстоятельна—Хёрстъ давно уже разстался съ ея услугами для своихъ изданій и наполнялъ ихъ исключительно собственными „спеціальными“ извѣстіями и новостями.

Послѣдніе два года передъ выборами газеты эти выставили кандидатуру Хёрста въ президенты—и начали предварительную кампанію. Онѣ нападали на всѣхъ и на все, — въ особенности на болѣе или менѣе опредѣленныя фракціи въ средѣ своей собственной демократической партіи, пытаясь разбить такъ или иначе начинавшіе объединяться консервативные элементы; един-

ственнымъ лозунгомъ было—набиратьъ себѣ сторонниковъ гдѣ бы то ни было и какой бы то ни было цѣной. Помимо разнообразныхъ, большею частью ультра-радикальныхъ заявленій по разнымъ политическимъ вопросамъ и безусловнаго поддерживанія трэдьюньюнизма, Хёрстъ не предложилъ странѣ никакой опредѣленной платформы, ничего такъ или иначе оформленнаго и точнаго, — это было просто осужденіе всего существующаго, и призывъ къ выбору именно его въ президенты — наглая, ничѣмъ не прикрытая пропаганда отдѣльной личности.—Выберите меня, — а затѣмъ хоть трава не расти!—На эту пропаганду Хёрстъ извелъ до двухъ милліоновъ долларовъ, его агенты ревниво слѣдили за выборами делегатовъ, покупали ихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, гдѣ только это было возможно, и добились-таки того, что во времени открытія національной конвенціи до двухсотъ ея членовъ оказались купленными, — они обошлись Хёрсту приблизительно въ десять тысячъ долларовъ за голосъ. До чего открыто велась эта покупка—было доказано демократической конвенціей штата Калифорніи. Конвенція эта засѣдала два дня,—въ первый была принята платформа и выбрано бюро, причемъ оказалось, что у приверженцевъ Хёрста не хватило около десяти голосовъ, такъ какъ кандидатъ противниковъ былъ выбранъ въ председатели именно такимъ большинствомъ. За ночь эти недостающіе голоса были найдены и куплены—по десяти долларовъ каждый,—и на слѣдующій день полная делегация въ пользу Хёрста на національную конвенцію была выбрана именно этимъ недостававшимъ накануне числомъ голосовъ. Это былъ самый откровенный, самый вопіющій политическій скандалъ,—тѣмъ не менѣе, делегация была допущена національной конвенціей, такъ какъ всѣ требуемыя формальности были соблюдены, и голосовала единогласно за Хёрста.

Независимая демократическая пресса сначала относилась къ этой куплѣ съ пренебреженіемъ и насмѣшками, затѣмъ назвала ее непозволительной дерзостью, оскорбленіемъ чести американскаго народа, но къ концу кампаніи стала обнаруживать прямо страхъ передъ возможностью назначенія Хёрста;—конечно, вся „желтая пресса“ удесятерила дѣйствительныя силы его сторонниковъ и число купленныхъ делегатовъ; передъ самой конвенціей въ демократическихъ массахъ произошло нѣчто вродѣ паники—такъ сильно пресса эта кричала о исполнѣ, якобы, уже обезпеченномъ ею успѣхѣ. Даже серьезные, исполнѣ, казалось бы, освѣдомленные люди покачивали головами и остерегались высказываться опредѣленно — такую массу пыли успѣли напу-

стить въ глаза американской публики Хёрстовскія газеты. Ничто не могло такъ блистательно доказать поразительную политическую и общественную деморализацію американскаго народа, вызванную торговопромышленнымъ кризисомъ 1893—1896 годовъ и испано-американской войной, какъ этотъ комическій страхъ цѣлой націи передъ возможностью откровенной, нахальной покупки мѣста въ Бѣломъ-Домѣ за наличныя деньги беззащитнымъ, смѣлымъ билліонеромъ-претендентомъ, не имѣвшимъ на это абсолютно никакихъ правъ, кромѣ безграничной власти золота надъ современными политическими дѣльцами. Это былъ какой-то гипнозъ,— и страна вздохнула спокойно только тогда, когда телеграфъ разнесъ вѣсть о томъ, что изъ тысячи делегатовъ конвенціи оказались купленными Хёрстомъ только около двухсотъ!

Хотя въ исторіи президентской кампаніи 1904 года фракцію Хёрста и принято называть радикальной, но едвали подлежитъ сомнѣнію, что она отнюдь не заслуживаетъ такой чести. Въ ея составѣ было не больше двухъ-трехъ десятковъ наивныхъ искреннихъ людей,—остальные были просто наемники, которые едва ли стѣснились бы продать свои голоса тому же Паркеру, еслибы онъ счелъ ихъ покушку желательной. Тѣмъ не менѣе, кандидатура Хёрста несомнѣнно и разъединила, и ослабила тѣ радикальные элементы демократической партіи, которые, подъ предводительствомъ Брайнана, руководили ею за послѣднія восемь лѣтъ. Элементы эти, за отказомъ Брайнана выступить кандидатомъ, остались и безъ организаціи, и безъ предводителя. Фракція Хёрста держалась вмѣстѣ только его золотомъ; она не имѣла ничего общаго ни съ фракціей Брайнана,—въ тому же очень, сравнительно, немногочисленной,—ни съ судьбами демократической партіи вообще. Они были за Хёрста,—а затѣмъ, если онъ не могъ быть назначенъ кандидатомъ, подавали голосъ по собственному усмотрѣнію — ихъ организація не шла дальше кандидатуры одного Хёрста. Еслибы они могли соединиться съ другими элементами принципиальной радикальной оппозиціи, они могли бы затормозить всю работу національной конвенціи демократовъ, собравшейся 4-го іюля въ городѣ Санъ-Луисъ. Включая фракцію Хёрста, такихъ радикальныхъ элементовъ было нѣсколько больше одной трети всей конвенціи, и они могли бы, дѣйствуя заодно, продиктовать и платформу партіи, и даже кандидатовъ—или сдѣлать конвенцію недействительной и необязательной для партіи, требующей большинства двухъ-третей голосовъ для законности какого-либо рѣшенія. Но Хёрстъ нисколько

не интересовался исходомъ помимо своей собственной кандидатуры, и потому его фракція не сыграла абсолютно никакой роли. Ея безсиліе было опредѣлено первымъ же голосованіемъ, и послѣ него консервативное большинство не обращало на нее ни малѣйшаго вниманія, сосредоточивъ всѣ свои усилія на то, чтобы привлечь Брайана и его фракцію въ пользу Паркера;—такой союзъ обезпечивалъ ему нужное большинство двухъ третей голосовъ всей конвенціи. Передъ нею, въ нѣсколькихъ публичныхъ рѣчахъ, Брайанъ открыто и энергично высказался противъ кандидатуры Паркера,—и для того, чтобы заручиться его согласіемъ на эту кандидатуру, консервативному большинству пришлось поступиться заготовленной имъ платформой и сгладить ее согласно требованіямъ Брайана.

Этотъ характерный эпизодъ—борьба одного человѣка съ значительнымъ большинствомъ всей конвенціи, продолжавшаяся двое сутокъ и окончившаяся безусловной его побѣдой—поднялъ весьма существенно упавшій-было довольно низко престижъ Брайана и доказалъ, что и въ этой конвенціи, почти поголовно ему враждебной, онъ все-таки оказался первенствующимъ лицомъ. Достигнутый, такимъ образомъ, компромиссъ окончательно обезличилъ всю платформу, причемъ вопросъ о валютѣ былъ совершенно упущенъ,—вопросы же о тарифѣ, о трѣстахъ, объ империализмѣ получили такую редакцію, что ничѣмъ въ сущности не отличались отъ положеній относительно ихъ платформы республиканской партіи. Брайанъ, не будучи въ состояніи провести свои завѣтныя идеи, не допустилъ и противниковъ до чего-либо опредѣленнаго,—онъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ обезличилъ консервативное большинство настолько, что и вся платформа оказалась не чѣмъ инымъ, какъ ничего не значащимъ фарсомъ. На мой взглядъ, Брайанъ оказался гораздо дальновиднѣе своихъ противниковъ: согласившись на ихъ кандидата, онъ въ то же время окончательно дискредитировалъ консервативное большинство въ глазахъ массъ своей партіи и принудилъ его собственными руками вырыть свою же политическую могилу. Бельмонтъ, Хилль и К^о получили свое дѣтище Паркера, но при условіи неизбежнаго пораженія, благодаря той платформѣ, на которую его поставилъ Брайанъ.

Въ такомъ видѣ платформа была принята конвенціей, единогласно,—какъ единогласно же, на первомъ же голосованіи, былъ назначенъ кандидатомъ и Паркеръ.

Будучи извѣщенъ о текстѣ платформы и о своемъ назначеніи въ кандидаты, Паркеръ немедленно прислалъ конвенціи слѣ-

дующую телеграмму: „Я полагаю, что золотая валюта установлена твердо и безповоротно, и буду дѣйствовать соответственно, если буду избранъ. Такъ какъ платформа не упоминаетъ объ этомъ вопросѣ, конвенція должна быть освѣдомлена о моемъ къ нему отношеніи, и если оно не одобряется большинствомъ, прошу принять мой отказъ отъ назначенія, дабы другое лицо могло быть назначено, прежде чѣмъ конвенція закончится“. Послѣ долгаго совѣщанія вожаковъ, конвенція отвѣтила на эту телеграмму слѣдующимъ образомъ:

„Платформа, принятая конвенціей, не упоминаетъ о валютѣ, потому что вопросъ этотъ не можетъ играть никакой роли въ настоящей кампаніи,—а только такіе вопросы и перечислены въ платформѣ. Поэтому во взглядѣ, изложенномъ въ вашей телеграммѣ, нѣтъ ничего, что могло бы препятствовать человѣку, его раздвѣляющему, принять назначеніе на этой платформѣ“.

Такимъ образомъ, и волки оказались сыты, и овцы остались цѣлы. Ни національная демократическая конвенція 1904 г., ни Паркеръ не одобрили золотой валюты;—первая просто признала ее неподлежащей обсужденію въ настоящую кампанію, а второй—только твердо установленной, хотя прежде оба дважды голосовали противъ нея.

Эпизодъ съ этими телеграммами создалъ у насъ цѣлую огромную литературу предмета. Нѣтъ во всей странѣ ни одного журнала, ни одной газеты, которые не обсуждали бы его съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Сторонники Паркера провозгласили его чуть ли не величайшимъ человѣкомъ всего міра за его твердость и прямодушіе. На меня же лично эпизодъ этотъ произвелъ самое неприятное, самое тяжелое впечатлѣніе, какъ блистательный образецъ того отвратительнаго лицемерія, которое царствуетъ у насъ вездѣ и всюду. Это какая-то недостойная игра въ прятки, обморочиваніе и публики, и самихъ себя, по поводу самыхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ.

Развѣ прилично національной конвенціи великой политической партіи великой и свободной страны, подобно глупому страусу, прятать свою голову въ кустъ? Развѣ прилично кандидату въ президенты умышленно молчать нѣсколько лѣтъ относительно всего, что касается предполагаемаго имъ управленія страной, дабы уловить нѣсколько лишнихъ голосовъ, и, когда лицезрѣе верховнаго совѣта партіи приперло его наконецъ къ стѣнѣ, сослаться не на свое собственное мнѣніе, а на „твердо установленное“ кѣмъ-то положеніе?

„Въ многоглаголаніи нѣсть спасенія“—къ сожалѣнію, въ

настоящую кампанію объ партіи совершенно упустили изъ виду эту истину. Платформа демократической партіи состоитъ изъ 28 параграфовъ и занимаетъ собою 7¹/₂ страницъ убористой печати, — а республиканской 26 параграфовъ и 6 страницъ. Демократическая платформа длиннѣе, потому что партія не у дѣлъ, и посвятила около двухъ страницъ уличеніямъ своихъ политическихъ противниковъ въ разныхъ преступленіяхъ по должности. Это, впрочемъ, обычное явленіе въ американской политикѣ — партія не у дѣлъ всегда уличаетъ въ чемъ-нибудь партію въ силѣ.

Въ кандидаты въ вице-президенты былъ назначенъ безъ всякой оппозиціи Дэвисъ, архи-милліонеръ изъ штата Западной Вирджиніи, желѣзнодорожникъ, дѣлецъ и открытый другъ капитала и трѣстовъ. Ему 82 года; онъ ничѣмъ никогда не выдавался на общественномъ поприщѣ, кромѣ своихъ безспорныхъ дѣловыхъ успѣховъ, и его назначеніе было сдѣлано въ надеждѣ, что онъ щедро удѣлитъ отъ своихъ богатствъ въ пользу фонда кампаніи. Паркеръ — человекъ хотя и состоятельный, но далеко не богатый въ современномъ американскомъ смыслѣ этого понятія, а политическія кампаніи стоятъ теперь огромныхъ денегъ, и изысканіе необходимыхъ средствъ представляетъ собою одинъ изъ самыхъ важныхъ элементовъ успѣха.

Такъ какъ платформы партій въ сущности тождественны, — личности кандидатовъ получаютъ особенное значеніе. Какъ уже было упомянуто выше, о судѣ Паркеръ американскій народъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго понятія, и его предшествовавшія аффилиаціи въ политическомъ мірѣ сыграли немалую роль въ мало-по-малу образовывавшихся о немъ представленіяхъ нашего общественнаго мнѣнія. По моимъ наблюденіямъ, заурядный американецъ относится очень безразлично къ тому, что думаетъ извѣстный кандидатъ по поводу разныхъ отвлеченныхъ, такъ сказать, этическихъ вопросовъ. Такъ, напр., вопросъ объ имперіализмѣ никогда не интересовалъ наши массы — только самое незначительное меньшинство сознаетъ его значеніе. Наоборотъ, вопросъ объ отношеніи извѣстнаго кандидата къ трѣстамъ, къ организованному труду, къ правительственному регулированію желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ тарифовъ занимаетъ эти массы до чрезвычайности. Правильно или нѣтъ, о Паркерѣ очень скоро сложилось такое мнѣніе, что онъ — врагъ юнѣонизма и другъ трѣстовъ и всякихъ другихъ монополій. Какъ председателю верховнаго суда штата Нью-Йорка, ему пришлось рѣшить нѣсколько крупныхъ принципиальныхъ дѣлъ

по поводу правоспособности рабочихъ союзовъ—въ этихъ рѣшеніяхъ публица усмотрѣла односторонность, стремленіе ограничить союзы, осудить нѣкоторые изъ наиболѣ чувствительныхъ ихъ средствъ въ самооборонѣ. Огромное распространеніе въ прессѣ и народныхъ массахъ получило сдѣланное имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ публичное заявленіе о томъ, что чернорабочій долженъ бы былъ довольствоваться заработной платой не выше одного доллара въ день. Съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе укоренилось убѣжденіе и въ томъ, что онъ въ душѣ 'союзникъ трѣстовъ, такъ какъ всѣ его политическіе друзья, въ особенности же люди, хлопотавшіе о его назначеніи въ кандидаты, являются представителями различныхъ монополій и, конечно, не хлопотали бы о немъ такъ усердно, еслибъ не были увѣрены въ его дѣйствительныхъ симпатіяхъ. Говорили много и объ его холодности, неотзывчивости къ человѣческимъ слабостямъ; утверждали, что если онъ, вѣроятно, и нелицепріятный судья, то долгое судейство зачерстило его душу, и сдѣлало его сухимъ формалистомъ. Вообще, его личность не только не возбуждала энтузіазма, но не могла принести ему даже и заурядной популярности.

Національныя демократическія конвенціи никогда не отличались особеннымъ порядкомъ—въ нихъ обыкновенно преобладаютъ южане, а они отличаются и своей неукротимостью, и предубѣжденіемъ противъ всякихъ формальностей. Описываемая конвенція не только не составляла исключенія въ этомъ отношеніи, но и отличалась особеннымъ безпорядкомъ. Ея предсѣдателемъ былъ выбранъ Шарпъ Вильямсъ, вожакъ демократовъ въ федеральной палатѣ представителей, членъ ея отъ штата Миссисипи, человѣкъ очень образованный, находчивый и остроумный, но физически очень слабый и совсѣмъ безголосый—онъ не былъ въ состояніи справиться съ буйными элементами въ зрительныхъ трибунахъ, и они своимъ безпрестаннымъ вмѣшательствомъ, своими свистами, шиканьемъ и аплодисментами обратили конвенцію въ какой-то Бэдламъ. Къ сожалѣнію, среди тысячи делегатовъ не оказалось ни одного первокласснаго оратора—Брайанъ былъ очень утомленъ, его голосъ надорванъ, и вся конвенція прошла очень вяло и не дала ни одной вспышки энтузіазма или увлеченія. Вообще, демократы, повидимому, работали спуста рукава,—у нихъ съ самаго начала не было серьезной надежды на возможность побѣды.

II.

За послѣднее десятилѣтіе республиканская партія упрочила и усилила свою партійную организацію до небывалаго еще въ исторіи американской политики совершенства въ смыслѣ централизаціи власти. Національная конвенція 1900 года, назначившая на второй термъ покойнаго Макъ-Кинлэя, была лишена всякаго интереса, такъ какъ и платформа, и кандидатъ, были окончательно предрѣшены до ея собранія, нисколько и ни въ чемъ не зависѣли отъ ея усмотрѣнія, и она была въ сущности только ратификаціонной формальностью, требуемой политическими обычаями страны. Единственнымъ ея актомъ, не вполне предопредѣленнымъ національной партійной организаціей, оказалось назначеніе въ вице-президенты Рузвельта. Федеральные сенаторы отъ штата Пенсильванія — Квэй и отъ штата Нью-Йорка — Платтъ, давніе политическіе союзники и единомышленники, не пожелали въ то время окончательно ступешаваться, и достигли своей цѣли—удаленія Рузвельта съ политической арены штата Нью-Йорка, въ которомъ онъ былъ губернаторомъ и яблокомъ партійнаго раздора, наперекоръ желаніямъ Макъ-Кинлэя и его друзей. Партійная организація уступила имъ не потому, что не могла одолѣть ихъ вліянія, а потому, что не считала вопроса существеннымъ; только благодаря неожиданной смерти Макъ-Кинлэя, конфликтъ этотъ получилъ такое серьезное значеніе и для исторіи Союза, и для будущаго республиканской партіи. Рузвельтъ еще болѣе скрѣпилъ и усилилъ ея организацію, — мало-по-малу онъ одолѣлъ одинъ за другимъ всѣ оппозиціонные ему элементы и, къ іюню 1904 года, ко времени созыва новой національной конвенціи, оказался абсолютнымъ диктаторомъ своей партіи. Никогда еще ея организація не была такъ компактна, такъ эффектна, — никогда еще Бѣлый-Домъ въ Вашингтонѣ не бывалъ такимъ всестороннимъ, такимъ абсолютнымъ хозяиномъ политическаго положенія страны.

Еще задолго до созыва національной конвенціи республиканской партіи 1904 года ея личный составъ былъ намѣченъ едвали не до послѣдняго человѣка, платформа была составлена и оба кандидата назначены—ни той, ни имъ не предвидѣлось ни малѣйшей оппозиціи. Вожаки партіи, такъ называемые у насъ политическіе „боссы“, предрѣшили и покончили заблаговременно всю эту работу, которая предполагалась быть результатомъ совѣщанія

именно свободной національной конвенціи выбранныхъ партіей делегатовъ. Въ дѣйствительности же, делегаты эти сѣзжались только чтобы ратифицировать совершившіеся факты, уже вполне готовую работу другихъ людей, безъ какой бы то ни было возможности возраженія противъ нея или принятія въ ней активнаго участія. Хуже всего было то, что все это было досконально извѣстно не только вожакамъ и делегатамъ, но и всей странѣ. Конвенція не возбуждала ни малѣйшаго интереса съ чьей бы то ни было стороны. Было извѣстно, что платформа составлена и формулирована окончательно федеральнымъ сенаторомъ отъ штата Массачузетса, Лоджемъ, и что предназначенный свыше быть предсѣдателемъ конвенціи бывший военный министръ Рутъ въ своей первой рѣчи обрисуетъ положеніе республиканской партіи и обоснуетъ и освѣтитъ предлагаемую платформу. Лоджъ и Рутъ — самые выдающіеся, самые талантливые современные американскіе политики — и оба закадычные друзья Рузвельта и его самые вліятельные совѣтники. Программа эта и была разыграна какъ по нотамъ. Не было ни возраженій, ни свободнаго обсужденія — все шло какъ по маслу, подготовленное и предрѣшенное. „Гвоздемъ“ и платформы, и рѣчи Рута оказались услѣхи республиканской политики: народное благосостояніе, престижъ Союза въ международныхъ дѣлахъ — весьма краснорѣчивое славословіе настоящему режиму и мудрости и честности президента Рузвельта. Для всего этого имѣлись нѣкоторыя основанія; тѣмъ не менѣе, читая протоколы конвенціи и всѣ произнесенныя на ней хвастливыя рѣчи, невольно приходишь къ тому заключенію, что весь этотъ театралный эффектъ сильно отдаетъ и преувеличеніемъ, и мишурой, — дѣйствительно великіе люди въ американской исторіи никогда прежде не прибѣгали къ подобнымъ банальнымъ приемамъ. Говорили только отборнѣйшіе ораторы, царствовалъ во всемъ изумительный порядокъ, не приключилось ни одной вспышки, ни малѣйшей задоринки; каждое слово, произнесенное съ трибуны, было предварительно обдуманно, взвѣшено и одобрено синклитомъ вожаковъ; это было театралное представленіе, превосходно разученное и разыгранное опытными первоклассными артистами. Даже время открытій, перерывовъ и закрытій было опредѣлено заранѣе въ точности. Это была самая короткая, самая безцвѣтная изъ всѣхъ національныхъ конвенцій, когда-либо происходившихъ въ американскомъ Союзѣ.

Всякій независимый избиратель, не состоящій въ партійномъ рабствѣ, долженъ былъ неизбѣжно глубоко призадуматься надъ

рѣзкой разницей между республиканской и демократической національными конвенціями 1904 года. Первая поражаетъ своей бесполезностью, своей абсолютной ненужностью. Зачѣмъ было стѣзжаться на конвенціи графствъ и штатовъ, выбирать делегатовъ, интриговать и входить во всѣ эти огромные расходы, если дюжина вожаковъ предрѣшила все напередъ самымъ безапелляціоннымъ образомъ? Делегаты оказались не только несвободными, но и съ герметически завязаннымъ ртомъ. Даже многія республиканскія газеты отозвались на это политическое рабство самыми злыми карриатурами. Появилось и немало серьезныхъ сомнѣній въ томъ, не устарѣла ли настоящая система организации партій и не утратили ли національныя конвенціи—этотъ выработанный почти столѣтнимъ опытомъ, практической, неписанный методъ приведенія американской конституціи въ исполненіе—свое первоначальное значеніе? Не исключаетъ ли онъ, при современной обстановкѣ, свободное народное участіе въ руководствѣ партійной дѣятельности, и если да, то какъ его замѣнить или исправить?

Демократическая конвенція была несомнѣнно свободной—но, можетъ быть, только по наружности. Въ ней, кромѣ назначенія Паркера, и то лишенаго практическаго значенія, ничто не произошло такъ, какъ предполагало большинство. Зато въ ней царствовалъ хаосъ, и результаты ея работы были, пожалуй, еще менѣе удовлетворительны въ практическомъ смыслѣ. Демократическая партія очевидно раскололась на непримиримыя фракціи;—стремленіе объединить ихъ, найти общую почву и такимъ образомъ водворить между ними гармонию обезличило ихъ и привело къ безсильной, практически никуда негодной и ничего не выражающей платформѣ.

Платформа республиканцевъ не выдвинула ни одного новаго вопроса, не освѣтила ни одного серьезнаго принципа. Возникшее—было въ рядахъ партій въ нѣсколькихъ западныхъ штатахъ, въ особенности въ Эйоузъ, недовольство нѣкоторыми статьями слишкомъ высокаго протекціоннаго тарифа было подавлено съ большою суровостью еще до конвенціи, и передовой адвокатъ этого недовольства, губернаторъ Куммингсъ, оставленъ не у дѣлъ. Платформа просто восхваляла дѣла своей партіи, пѣла благодарственный гимнъ Рузевельту и просила націю оставить власть въ его рукахъ и на слѣдующее четырехлѣтіе на тѣхъ же основаніяхъ, которыя выразились его управленіемъ въ теченіе прошлаго тѣрма. Она была принята конвенціей безъ малѣйшихъ возраженій, и такъ же единогласно были назначены

въ кандидаты—въ президенты Рузвельтъ и въ вице-президенты Фэрбанксъ, федеральный сенаторъ отъ штата Индианы.

Говорять, что сначала назначеніе кандидата въ вице-президенты предполагалось оставить на благоусмотрѣніе конвенціи, дабы самостоятельнымъ рѣшеніемъ хотя бы этого второстепеннаго вопроса хоть сколько-нибудь признать ея дѣйствительную законную юрисдикцію. Но еще задолго до ея созыва стало выясняться, что въ такомъ случаѣ окажется весьма вѣроятнымъ назначеніе въ кандидаты члена федеральной палаты представителей отъ штата Иллинойса, Хитта, человѣка лично непріятнаго Рузвельту. Тогда программа эта была измѣнена, и делегации отъ штата Нью-Йорка внушено высказаться публично за Фэрбанкса, чѣмъ и было окончательно предрѣшено его назначеніе. Фэрбанксъ — человѣкъ съ долгимъ и серьезнымъ политическимъ прошлымъ, и хорошо извѣстенъ всему Союзу,—но и онъ страдаетъ непримиримымъ партизанствомъ и считается однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ Рузвельта.

Теодоръ Рузвельтъ давно стоитъ въ первомъ ряду самыхъ видныхъ политическихъ дѣятелей Союза, и мнѣ уже много разъ приходилось писать о немъ. Проведенные имъ въ Бѣломъ Домѣ три съ половиною года не даютъ никакихъ основаній къ тому, чтобы хоть сколько-нибудь измѣнить уже данную мною его характеристику. Онъ прежде всего—человѣкъ импульса, и почти невозможно предвидѣть, какъ онъ поступитъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Однако уже выяснилось окончательно то, что онъ гораздо лучший политикъ въ практическомъ смыслѣ, чѣмъ это предполагалось. Сдѣлавшись президентомъ, онъ не только бросилъ свою роль политическаго *enfant terrible* и пересталъ антагонизировать вожакамъ своей собственной партіи,—что онъ дѣлалъ постоянно, будучи губернаторомъ штата Нью-Йорка,—но и очень искусно заслужилъ ихъ довѣріе и даже благорасположеніе, несмотря на непримиримыя различія въ ихъ личностяхъ во многихъ случаяхъ. Это умѣнье ладить съ ними, добиться ихъ общей поддержки и съ ихъ помощью подавлять время отъ времени появляющіеся оппозиционные элементы—доказало неподозрѣвавшіяся въ немъ доселѣ организаціонныя способности и гибкость характера. Рузвельтъ довольно часто мѣняетъ своихъ министровъ, иногда довольно неожиданно для публики, и его назначенія верѣдко кажутся эксцентричными,—тѣмъ не менѣе, всѣ эти перемѣны несомнѣнно укрѣпляли партійную организацію и въ этомъ отношеніи всегда были очень цѣлесообразны. Зато сравнительная независимость самихъ министровъ несомнѣнно

значительно уменьшилась, — за исключеніемъ министра иностранныхъ дѣлъ Хэя, сумѣвшаго удержатъ за собою свое англофильское вліяніе, которымъ онъ широко пользовался еще при Мавъ-Кинлѣ, — современные министры перестали представлять собою извѣстную программу или систему, тѣмъ болѣе, что Рузвельтъ часто дѣлаетъ самостоятельныя распоряженія, особенно въ дѣлѣ личныхъ назначеній.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Рузвельтъ безусловно честный человекъ, повидимому, вполне искренно стремящійся къ искорененію многочисленныхъ злоупотребленій въ сложной федеральной правительственной машинѣ, и что въ этихъ видахъ онъ по временамъ мало передъ тѣмъ останавливается, — тѣмъ не менѣе, хотя сколько-нибудь значительнаго успѣха въ этомъ направленіи онъ не имѣлъ, такъ какъ такой успѣхъ не подь силу одному человеку обыкновеннаго калибра, хотя бы и президенту Союза, при современномъ общемъ упадкѣ дѣловой и всякой другой морали въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ дѣятельности Рузвельта, какъ президента, ярко выдѣляются три эпизода, каждый изъ которыхъ, на мой взглядъ, ясно доказываетъ, что онъ, во-первыхъ, человекъ почти исключительно импульса, а во-вторыхъ, что онъ серьезно склоненъ къ диктаторству, къ поправію законныхъ ограниченій его власти и общепринятыхъ общественныхъ требованій.

Когда углекопная стачка 1902 года упорно не поддавалась обычнымъ въ такихъ случаяхъ мѣропріятіямъ и грозила сдѣлаться серьезнымъ государственнымъ бѣдствіемъ, онъ остановилъ ее и внезапно и прямо по-диктаторски, создавъ ни однимъ закономъ не установленную специальную комиссію съ правомъ разрѣшить споръ обязательно для обѣихъ сторонъ. Мѣра эта удалась только въ томъ отношеніи, что работа немедленно возобновилась и угольный кризисъ благополучно миновалъ, — но не только прочнаго, а и какого бы то ни было дѣйствительнаго рѣшенія спора не послѣдовало, такъ какъ обѣ стороны остались недовольны рѣшеніями комиссіи и не подчинились ея требованіямъ, такъ что все дѣло и до сихъ поръ тянется въ разнообразныхъ судахъ и отнюдь не можетъ считаться законченнымъ. Тѣмъ не менѣе, острый кризисъ былъ успѣшно устраненъ, также какъ и казавшееся неизбѣжнымъ кровопролитіе; — Рузвельтъ взялъ на себя отвѣтственность дѣйствія вѣдъ закона, и эта смѣлость только подняла его репутацію въ глазахъ массъ, — хотя и была, и останется осужденной какъ диктаторство въ глазахъ всѣхъ почитателей законности.

Сознавая все значеніе трѣстовъ и монополій въ нашей современной экономической и политической жизни, Рузвельтъ постоянно пытается ограничить нѣкоторыя, наиболѣе опасныя, стороны ихъ дѣятельности. Дабы организовать постоянное надъ ними правительственное наблюденіе, онъ создалъ новое министерство—промышленности и торговли—и назначилъ очень способныхъ и ловкихъ людей и министромъ, и начальниками департаментовъ въ немъ. Но министерство это, само по себѣ, совершенно безсильно, и, повидимому, покуда по крайней мѣрѣ, довольствуется ролью отлично обставленнаго статистическаго бюро. Безъ энергичной помощи министерства юстиціи оно не можетъ завести ни одного дѣла, — а это послѣднее безспорно хромаетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Рузвельтъ переимѣнилъ уже нѣсколькихъ министровъ юстиціи—но всѣ они, не исключая и настоящаго, не проявляютъ большого желанія выступить открыто противъ трѣстовъ. Было начато нѣсколько изслѣдованій и судебныхъ дѣлъ, разрѣшено окончательно верховнымъ судомъ Союза только одно—о компаніи сѣверныхъ бумажныхъ цѣнностей— „Northern Securities Company“ — и то только на бумагѣ. Дѣло это, очень у насъ громкое, состоитъ въ незаконной консолидаціи двухъ сѣверо-западныхъ трансконтинентальныхъ дорогъ, „Northern Pacific“ и „Great Northern“, съ нѣсколькими восточными желѣзнодорожными линіями, и хотя верховный судъ и призналъ ее противозаконной и подлежащей упраздненію на практикѣ, она все еще существуетъ во всей своей первоначальной цѣлостности, и, по всѣмъ видимостямъ, такъ и останется въ дѣйствиіи. Преслѣдованіе мясного трѣста, не въ мѣру жаднаго, окончательно провалилось во всѣхъ инстанціяхъ—публика прямо обвиняетъ оба министерства—и юстиціи, и промышленности и торговли—не только въ вялости и неумѣлости этого преслѣдованія, но и въ умысленности ихъ ошибокъ и пораженій. Въ настоящее время идетъ очень громкое преслѣдованіе—и федеральное, и нѣсколькихъ штатовъ, въ особенности Канзаса и Тексаса—противъ отца всѣхъ американскихъ трѣстовъ, знаменитой „Standard Oil Company“. Штаты, можетъ быть, и выживутъ его на нѣкоторое время изъ своихъ предѣловъ, хотя и это болѣе чѣмъ сомнительно, такъ какъ успѣшная чисто экономическая конкуренція съ нимъ останется прямо невозможной вслѣдствіе его громадныхъ промышленныхъ и торговыхъ преимуществъ на общемъ рынкѣ страны, преимуществъ, съ которыми ни одна отдѣльная мѣстность не въ состояніи бороться; простое же признание закономъ неправильности его дѣйствій не можетъ имѣть

никакого практическаго результата. Федеральное же преслѣдованіе окажется еще болѣе смѣшнымъ фарсомъ, чѣмъ покойное уже преслѣдованіе мясного треста.

Не довольствуясь этими дѣлами, Рузевельтъ взялся и за прavitельственное регулированіе нѣкоторыхъ междуштатныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ и приданіе спокойно спящей уже около десятилѣтія „Interstate Commerce Commission“ болѣе активнаго значенія. Но и это его начинаніе встрѣтило упорное противодѣйствіе и въ федеральномъ сенатѣ, и даже въ министерствѣ; — его настоящій морской министръ и близкій личный другъ Поль Мортонъ оказался лично виновнымъ въ самыхъ нахальныхъ дискриминаціяхъ въ пользу большихъ грузоотправителей на контролируемой имъ желѣзнодорожной системѣ „Atchison, Topeka & Santa Fe“, одной изъ значительныхъ въ Америкѣ, а приглашенные Рузевельтомъ для личныхъ совѣщаній президенты нѣсколькихъ самыхъ крупныхъ дорогъ единогласно высказались противъ — не только цѣлесообразности, но и практической возможности ограниченія ихъ свободы дѣйствій.

И въ эпизодѣ преслѣдованія „Northern Securities Company“, какъ и въ эпизодѣ углекопной стачки, Рузевельтъ лично руководилъ дѣломъ, и также не разъ преступалъ прямые законы и въ своемъ нетерпѣніи игнорировалъ очень многое. Партизанская пресса восхваляла его храбрость, и не подлежитъ сомнѣнію, что его личная популярность въ народныхъ массахъ постоянно подогревалась этими его донъ-вихотскими экскурсіями въ міръ трестовъ и монополій. Но въ практическомъ смыслѣ результаты оказывались въ каждомъ случаѣ только плачевными.

Третьимъ выдающимся эпизодомъ въ дѣятельности Рузевельта, какъ президента, оказалось приглашеніе на обѣдъ въ Бѣлый Домъ директора негритянской технической школы въ штатѣ Алабамѣ, въ мѣстечкѣ Тускеджи, негра Бувера Вашингтона. Приглашеніе это вызвало во всей странѣ настоящую бурю, которая, хотя нѣсколько и поулеглась теперь, черезъ два года послѣ эпизода, тѣмъ не менѣе, все еще часто даетъ о себѣ знать весьма чувствительно, и, по моему мнѣнію, не успокоится окончательно, пока Рузевельтъ не умретъ. Русскому читателю, въ особенности либеральному, невозможно понять все значеніе этого пустого, повидимому, эпизода, во всей его полнотѣ. Негръ и до сихъ поръ составляетъ яблоко раздора между Сѣверомъ и Югомъ. Этотъ послѣдній вполнѣ примирился съ его освобожденіемъ и экономическими его послѣдствіями, но, повидимому, никогда не примирится съ идеей равенства негра съ бѣлымъ, какъ политиче-

скаго, такъ и, въ особенности, общественнаго. Теперь негръ безусловно лишень избирательныхъ правъ на Югѣ и, какъ общественный дѣятель, какъ чиновникъ, немислимъ тамъ почти повсемѣстно. Сѣверъ ворчалъ и ворчитъ и теперь противъ этого узаконеннаго беззаконія, но ничего не предпринялъ, да, по всѣмъ видимостямъ, ничего не предприметъ и въ будущемъ. Дѣло въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ улучшеніе отношеній между Сѣверомъ и Югомъ привнается обѣими сторонами не только желательнымъ, но и необходимымъ для дальнѣйшаго процвѣтанія Союза. Поколѣніе, вынесшее на своихъ плечахъ междоусобную войну 1861—1865 годовъ, почти совсѣмъ сошло уже со сцены, и настоящіе дѣятели, и, въ особенности, молодежь, уже не пропитаны горечью пораженія на Югѣ и чувствомъ превосходства на Сѣверѣ; имъ легче понимать другъ друга, легче столкнуться и работать за-одно. Испано-американская война и искусная политика Макъ-Кинлэя въ теченіе ея и послѣ нея чрезвычайно способствовали этому постепенному примиренію, облегчили и ускорили его; можно было надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ всѣ слѣды этой жестокой и кровавой распри исчезнутъ и страна опять окончательно объединится. Нужно знать кипучую, неукротимую натуру настоящаго американскаго южанина, его нервность, подозрительность и предрасудки, дабы понимать всю ту осторожность, даже утонченную деликатность, которую необходимо было проявлять федеральнымъ общественнымъ дѣятелямъ республиканской партіи для того, чтобы не портить этого сближенія, такъ важнаго для всей страны. Макъ-Кинлэй отлично понималъ все это, постоянно дѣйствовалъ соотвѣтственно этому и несомнѣнно довелъ бы дѣло сближенія до благополучнаго конца, еслибы не былъ убитъ. Своимъ приглашеніемъ Букера Вашингтона къ обѣду Рузвельтъ опять отдалилъ это сближеніе на неопредѣленное время и, въ то же время, несомнѣнно повредилъ дѣлу негритянской расы въ Америкѣ вообще, возбудивъ противъ нея самое острое чувство на всемъ Югѣ и отчасти и на Сѣверѣ. Югъ принялъ это за вызовъ, хуже—за пощечину. Въ политическомъ смыслѣ этотъ обѣдъ былъ грандіознѣйшей безтавтъностью, непростительной импульсивностью, чрезвычайно опасною въ такомъ крупномъ общественномъ дѣятелѣ. Что Рузвельтъ сознаетъ это и самъ, ясно изъ того, что съ нѣкоторыхъ поръ упорно распространяется новая версія всего эпизода, идущая прямо изъ Бѣлаго-Дома и состоящая въ томъ, что никакого предварительнаго приглашенія къ обѣду не было, а что президентъ, заинтересовавшись завязавшимся разговоромъ и не имѣя возможности

отложить его до другого раза, за близкимъ отъѣздомъ Вашингтона изъ столицы, желалъ тогда же окончить этотъ разговоръ и необдуманно оставилъ его въ обѣду, который былъ, между тѣмъ, поданъ, такъ какъ это былъ единственный путь къ достиженію цѣли. Дабы освѣтить этотъ эпизодъ вполне, необходимо прибавить, что Букеръ Вашингтонъ не только не пользуется симпатіями интеллигентныхъ негритянскихъ сферъ въ Америкѣ, но и, наоборотъ, рѣзко осуждается ими за всю его дѣятельность. Его открыто обвиняютъ въ томъ, что онъ продался бѣлымъ, играетъ въ ихъ руку; что, проповѣдуя исключительно ремесленное образованіе для негровъ, какъ рѣшеніе расовой проблемы Америки, онъ сознательно ставитъ ихъ въ положеніе низшей расы, способной только на ручной трудъ, и тѣмъ лишаетъ ихъ по справедливости принадлежащаго имъ мѣста въ человѣческой семьѣ народовъ. Пригласивъ его обѣдать съ собой, Рузвельтъ не угодилъ ни бѣлымъ, ни чернымъ, и только вызвалъ ненужную, вредную рознь, броженіе, которое не можетъ не задержать весьма существенно излеченія старыхъ ранъ, изнурительныхъ для всего государственнаго организма. Я лично никогда не симпатизировалъ Югу, но, будучи врагомъ всякаго насилія, всякой централизаціи, признаю за нимъ безусловное право на его обычай и даже предрасудки, и нисколько не удивляюсь, что онъ счелъ себя кровно обиженнымъ.

Популисты, какъ третья политическая партія, со времени ихъ несчастной коалиціи съ демократами въ кампанію 1896 года, постепенно утратили всякое значеніе; въ настоящую кампанію они имѣли самостоятельный тикетъ далеко не во всѣхъ штатахъ. Ихъ кандидатомъ въ президенты былъ Ватсонъ, изъ штата Джорджіи, бывший въ 1896 году самостоятельнымъ кандидатомъ популистовъ въ вице-президенты, человѣкъ энергичный и искренній, но и онъ не только не могъ вдохнуть душу въ мертвое тѣло популизма, но и даже придать своей кампаніи хоть какой-нибудь, хоть мѣстный интересъ. Онъ свирѣпо возставалъ противъ Паркера, представлялъ его прямымъ кандидатомъ интересовъ Wall Street'a и трѣстовъ, и если и не успѣлъ привлечь избирателей въ свою пользу, — несомнѣнно уменьшилъ, болѣе или менѣе существенно, число поданныхъ за Паркера голосовъ. Интересно то, что остатки популистовъ, повидимому, ничего не имѣли противъ Рузвельта и республиканской партіи, но проявили удивительную злобу къ своимъ недавнимъ союзникамъ — демократамъ.

Прогрессионисты также участвовали въ кампаніи съ своимъ обычнымъ кандидатомъ въ президенты Сваллоу, и по обыкновенію не играли никакой роли; благодаря крайней односторонности и непрактичности своей платформы.

Соціалисты выставили два тикета — соціально-рабочій и соціалистическій, съ извѣстнымъ Юджиномъ Дебсомъ, какъ кандидатомъ въ президенты. Послѣ крайне неудачной великой желѣзно-дорожной стачки 1894 года, Дебсъ основалъ соціалистическую земледѣльческую колонію въ штатѣ Юго, тоже окончившуюся въ скоромъ времени полнымъ распаденіемъ и большими убытками основателямъ и участникамъ. Затѣмъ онъ довольно долго не появлялся на общественной аренѣ — и выплылъ опять, какъ кандидатъ въ президенты, на соціалистическомъ тикетѣ, послѣ того какъ назначеніе Парвера оттолкнуло отъ нея радикальные элементы демократической партіи.

III.

Прошлая политическая кампанія была безспорно самой вялой и безцвѣтной изъ всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ мнѣ пришлось принимать участіе за четверть вѣка моей жизни въ Америкѣ. Отсутствіе какихъ-либо дѣйствительныхъ принципиальныхъ различій между партіями дѣлало какой-либо серьезный споръ невозможнымъ; воображаемые противники, разъ они обладали достаточнымъ развитіемъ, не могли не видѣть, что спорить можно было только о формѣ, а отнюдь не о существѣ. Поэтому ни обычной народной борьбы, ни даже сколько-нибудь замѣтнаго возбужденія въ народныхъ массахъ совсѣмъ не было, — публичные митинги не посѣщались, было гораздо меньше дебатовъ, даже обычная на всякихъ выборахъ специальная партійная пресса выпускалась въ гораздо меньшихъ размѣрахъ и не находила обычныхъ читателей. Борьба была, и довольно свирѣпая, но почти исключительно между партійными организаціями, между профессиональными политиканами и кандидатами на разныя должности, — она не отзывалась замѣтно на народонаселеніи страны. Исключеніе составляли тѣ штаты и мѣстности, гдѣ національные выборы совпадали съ мѣстными; во многихъ мѣстахъ эти послѣдніе были даже чрезвычайно оживлены, какъ читатель усмотритъ ниже, именно благодаря безцвѣтности и бессодержательности національныхъ платформъ.

Единственный, нѣсколько оживившій кампанію, инцидентъ случился въ самомъ ея концѣ, недѣли за двѣ до выборовъ.

Предсѣдателемъ исполнительнаго комитета республиканской партіи былъ Кортелью, сначала личный секретарь президентовъ Мак-Кляля и Рузвельта, затѣмъ назначенный послѣднимъ министромъ вновь учрежденнаго министерства торговли и промышленности, молодой человекъ очень способный и бойкій, необычайно быстро поднявшійся изъ простыхъ клерковъ въ министры. Когда въ теченіе кампаніи выяснилось, что республиканцы гораздо лучше снабжены деньгами для успѣшной политической работы, чѣмъ демократы, Паркеръ выступилъ въ газетахъ съ открытымъ обвиненіемъ Кортелью въ томъ, что онъ, пользуясь, какъ министръ, своимъ знаніемъ дѣлъ разныхъ сомнительныхъ трѣстовъ, вынуждаетъ ихъ на пополненіе своего кампанейскаго фонда по мѣрѣ надобности. Обвиненіе это, вѣроятно, имѣло нѣкоторыя основанія,—но доказать его, конечно, не было возможности, и самъ Рузвельтъ немедленно выступилъ съ самымъ энергичнымъ публичнымъ же его опроверженіемъ. Эпизодъ этотъ вызвалъ очень горячую полемику между крайними партизанами,—но врядъ ли имѣлъ какое-либо вліяніе на исходъ кампаніи. Взяточничество всякаго рода теперь такъ распространено въ Америкѣ, не только въ политической, но и въ частной жизни, что имъ у насъ никого не удивишь, а въ политикѣ давно уже все рѣшительно считается дозволительнымъ. Что въ массахъ партій господствовало недовольство работой національных конвенцій, что массы эти всевозможными способами пытались выразить свое неодобреніе диктаторству вожаковъ республиканцевъ и непрактичному и неудачному компромиссу вожаковъ демократовъ—было блистательно доказано результатами выборовъ. Серьезный анализъ выборной статистики, дѣйствительно, даетъ нѣкоторые чрезвычайно интересные выводы, которые и являются единственнымъ поучительнымъ факторомъ настоящей кампаніи.

Общее число поданныхъ во всей странѣ голосовъ равняется на этотъ разъ только 13.508.496—на цѣлыхъ 460.078 голосовъ меньше, чѣмъ было подано въ президентскую кампанію 1900 года, четыре года тому назадъ, и на 405.998 меньше, чѣмъ въ президентскую кампанію 1896 года, восемь лѣтъ тому назадъ. Высчитывали, что въ 1900 г. свыше милліона избирателей воздержались отъ подачи голоса, благодаря непримиримому недовольству платформами обѣихъ партій,—нынче это число больше чѣмъ удвоилось и по той же причинѣ. Ростъ народонаселенія шелъ за эти восемь лѣтъ своимъ чередомъ, и еслибъ свойственная всѣмъ прежнимъ президентскимъ выборамъ пропорція роста въ числѣ подаваемыхъ каждые четыре года го-

лосовъ была удержана, число поданныхъ въ 1904 году голосовъ должно бы было быть не меньше $16\frac{1}{2}$ милліоновъ, т.-е. на 3 милліона больше, чѣмъ было подано въ дѣйствительности. Эти 3 милліона гражданъ воздержались отъ голосованія, потому что не одобряли ни самохвальства республиканцевъ, ни безсодержательности демократовъ. Это тѣ самостоятельныя мыслящіе элементы, не состоящіе въ партійной крѣпостной зависимости, которые выжидаютъ подходящаго времени для того, чтобы выступить съ новыми, самостоятельными требованіями, съ новой платформой, которой связанныя по рукамъ и по ногамъ старыя партіи неспособны дать;—такое же точно явленіе замѣчалось и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, передъ распаденіемъ виговъ и тори и организаціей современныхъ политическихъ партій. Теперь и эти партіи впали въ рутину и все больше и больше перестаютъ давать удовлетвореніе мыслящимъ людямъ, для которыхъ не существуетъ партійный бичъ;—господствующая партія, республиканская, осталась у дѣлъ, но и за нее подано было значительно меньше половины всѣхъ избирательныхъ голосовъ, которыхъ, какъ уже было упомянуто выше, должно бы было быть около $16\frac{1}{2}$ милліоновъ. За республиканца Рузвельта было подано 7.627.632 голоса; за демократа Паркера—5.080.054; за социалиста Дебса—391.587; за прогибиціониста Сваллоу—260.303; за популиста Ватсона—114.637; за рабочаго социалиста Корретана—33.453. Извѣстно, что за Дебса голосовало около 300.000 демократовъ-радикаловъ, отнюдь не социалистовъ по своимъ убѣжденіямъ, но не могшихъ переварить Паркера и голосовавшихъ за Дебса, чтобы выразить свой протестъ.

Рузвельтъ выбранъ 33 штатами съ 336 членами въ избирательной коллегіи,—тогда какъ за Паркера подали голоса 13 штатовъ съ 140 членами. Въ 1900 г. Макъ-Кинлэй былъ выбранъ 28 штатами съ 292 голосами противъ Брайна съ 17 штатами съ 155 голосами. Въ настоящую кампанію избирательная коллегія увеличилась на 29 голосовъ, согласно новому распредѣленію между штатами представителей въ коллегіи, вызванному всеобщей переписью 1900 года. Исключительно штаты Юга голосовали за Паркера—весь остальной Союзъ высказался за Рузвельта.

Что личная популярность Рузвельта, особенно между молодежью, популярность, не имѣющая ничего общаго съ платформой республиканской партіи, сыграла главную роль на выборахъ 8-го ноября—доказывается тѣмъ фактомъ, что въ цѣлыхъ пяти штатахъ, давшихъ ему, въ общемъ, 335.000 большинства, губер-

наторами и другими штатными чинами выбраны демократы большинствомъ, въ общемъ, превышающимъ 100.000 голосовъ. Въ той же приблизительно пропорціи идутъ большинства, подавннѣ въ его пользу, сравнительно съ большинствами штатныхъ тивотовъ почти во всѣхъ штатахъ, гдѣ происходили штатные выборы, начиная съ штата Нью-Йорка, гдѣ большинство республиканскаго губернатора было слишкомъ на 100.000 голосовъ меньше большинства Рузвельта. Одиѣ мѣстныя причины не могутъ объяснить этого явленія, такъ какъ оно, при равныхъ мѣстныхъ условіяхъ, проявилось, однакоже, вездѣ одинаково.

Выборы штатныхъ легислатуръ, избирающихъ новыхъ сенаторовъ въ федеральный сенатъ, были, въ общемъ, такъ же благоприятны республиканскоѣ партіи, какъ и прямыя выборы въ федеральную палату представителей, такъ что въ будущую сессию конгресса почти двѣ-трети членовъ обѣихъ его палатъ будутъ республиканцы. Въ конгрессѣ не осталось ни одного члена третьихъ партій, и господство республиканцевъ въ обѣихъ отрасляхъ управленія—законодательной и исполнительной—вполнѣ обезпечено.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ весьма прискорбный фактъ въ современной американской политикѣ, вполнѣ выясненный послѣдними выборами,—это то, что вліяніе федеральнаго сената въ совѣтахъ обѣихъ партій сдѣлалось въ сущности всецѣльнымъ. Рузвельтъ сдѣлался диктаторомъ именно благодаря тому, что всецѣло соединился съ сенатомъ и манипулируетъ партійной организаціей при его посредствѣ и помощи. Прежніе президенты имѣли обыкновеніе не только мѣшаться лично въ партійную политику въ штатныхъ дѣлахъ, но и ссорились о вліяніи въ нихъ съ мѣстными федеральными сенаторами—Рузвельтъ предоставилъ ихъ вполнѣ въ распоряженіе этихъ послѣднихъ, и этимъ заручился ихъ безусловной поддержкой во всѣхъ національныхъ дѣлахъ. Национальная конвенція республиканской партіи и оказалась такой ручной именно потому, что признанные Рузвельтомъ политическіе „боссы“ въ каждомъ штатѣ выбрали составы делегацій сообразно этому соглашенію; единственнымъ исключеніемъ былъ штатъ Висконсинъ, гдѣ губернаторъ-реформаторъ Лафоллетъ боролся за вліяніе съ федеральными сенаторами штата и прислалъ и свою делегацію на національную конвенцію. Хотя она и была правильной въ смыслѣ законности, ее, однако, не допустили до участія—это былъ единственный конфликтъ въ средѣ республиканской партіи, ярко подчеркнувшій систему Рузвельта править политикой своей партіи посредствомъ федеральныхъ се-

наторовъ. Съ теоретической точки зрѣнія такая система казалась бы и желательной, и благоразумной, такъ какъ, повидимому, препятствуетъ излишней централизаціи,—но на практикѣ она вызвала тотъ порядокъ, что, благодаря контролю федеральнаго патронажа въ своихъ штатахъ,—патронажа многочисленнаго и чрезвычайно выгоднаго,—федеральные сенаторы сдѣлались въ сущности такими же диктаторами въ дѣлахъ штатныхъ, какимъ оказался президентъ въ дѣлахъ національныхъ. А почти всѣ современные федеральные сенаторы—адвокаты съ огромной корпоративной практикой, то-есть, другими словами, представляютъ собою мозгъ нашихъ трѣстовъ. Такимъ образомъ, оказывается, что въ законодательной борьбѣ противъ этихъ послѣднихъ американскій народъ имѣетъ противъ себя въ сущности весь федеральный сенатъ—и его же абсолютное вліяніе и на штатныя легислатуры. По моему крайнему разумѣнію, одного этого факта совершенно достаточно, дабы уничтожить значеніе Рузвельта, какъ возможнаго реформатора и нашихъ современныхъ политическихъ методовъ, и все возрастающаго вліянія трѣстовъ и всевозможныхъ монополій. Безъ энергичной, искренней помощи федеральной законодательной власти, конгресса, президентъ совершенно безсиленъ,—а онъ самъ же укрѣпилъ и усилилъ значеніе сената и сдѣлалъ изъ него надежнѣйшаго покровителя и защитника власти капитала. Съ самаго занятія Рузвельтомъ поста президента Союза, стали ходить упорные слухи о томъ, что „Wallstreet“ и трѣсты вообще будутъ всячески противодействовать его назначенію въ кандидаты въ 1904 г.; утверждали даже, что кандидатура Паркера была именно дѣтищемъ этой оппозиціи,—но я никогда не придавалъ никакого значенія этимъ слухамъ и толкамъ, считая ихъ только ширмой, отводомъ глазъ;—наши денежные воротилы гораздо дальновиднѣе всѣхъ подобныхъ наивностей,—они давно поняли Рузвельта и отлично знаютъ, что его имъ нечего бояться. Онъ самъ побьетъ всякое свое же начинаніе, именно благодаря неспособности обнять сразу всѣ стороны даннаго предмета и воздѣйствовать на него послѣдовательно и систематично, обезпечивъ своевременно фланги и тылъ.

П. А. ТВЕРСКОЙ.

Апрѣль 1905 г.
Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

НАШЕ ЗЕМСТВО

и

ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКІЯ МЪРОПРІЯТІЯ

О ЧЕРКЪ.

Экономическія мѣропріятія земствъ расширялись и постепенно расширяются, что видно изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ. Въ 1896 году на содѣйствіе экономическому благосостоянію назначалось 671.000 рублей, а это составляло 1,0 % всего земскаго бюджета. Въ 1900 году цифра ассигнованій возросла до 2.301.000 (2,6% бюджета)¹⁾, а въ 1903 году ассигновано 3.564.000 рублей, что составляло уже 3,4% бюджета²⁾.

Больше всего расходовалось на улучшение производительности въ сельскомъ хозяйствѣ (около 50%), затѣмъ слѣдуетъ ассигновка на развитіе кустарныхъ промысловъ (19%), на содержаніе агрономическаго персонала (13%) и на улучшение естественныхъ условий сельскаго хозяйства (11%). Оборотные капиталы земства, предназначенные на осуществленіе коммерческихъ предпріятій, имѣющихъ своей задачей содѣйствіе сельско-хозяйственной промышленности, и выдачу всякаго рода ссудъ, составляли въ 1895 году 678.000 руб., а въ 1902 году—5.598.000 рублей.

¹⁾ Доходы и расходы 34-хъ губерній по смѣтамъ на 1900 г. Изд. Департ. окладн. сборовъ.

²⁾ Расходи земствъ 34-хъ губерній по смѣтамъ на 1903 г. Саратов. Зем. Нед. 1904 г. № 4.

Всѣ эти цифры до нѣкоторой степени показываютъ, какое значеніе приобрѣтаютъ въ земской дѣятельности экономическія мѣропріятія.

Путемъ долгаго опыта выработанъ существующій типъ земской школы; земская медицина такимъ же долгимъ путемъ постепенно выработала наиболѣе цѣлесообразныя формы помощи заболѣвшимъ обывателямъ. Работа эта еще далеко не закончена. Жизнь движется впередъ, усложняется, а отсюда рождается потребность въ постоянныхъ пересмотрахъ существующей организаціи, дабы не отстать отъ жизни отъ ея потребностей. Почти ежегодно въ той или другой земской губерніи происходятъ съѣзды врачей, учащихся и т. д. Намѣчаются новые пути, систематизируются указанія накопившагося опыта, пересматриваются съ точки зрѣнія вновь возникшихъ интересовъ существующія мѣропріятія.

Экономическія мѣропріятія—молодая отрасль земскаго хозяйства. Приходится прокладывать новые пути, идти подчасъ ощупью. Промахи и даже крупныя ошибки поэтому неизбежны. Тѣмъ не менѣе, за послѣднія 10—15 лѣтъ земствомъ сдѣлано немало, и экономическія мѣропріятія ждутъ своего изслѣдователя, который безпристрастно разсмотрѣлъ бы судьбу ихъ, значеніе для народнаго благосостоянія и условія для устойчиваго и успѣшнаго проведенія въ жизнь въ связи съ мѣстными особенностями. вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось бы, какія изъ мѣропріятій обречены заранѣе на прозябаніе и представляютъ увлеченіе тѣмъ или другимъ моднымъ теченіемъ. Не менѣе важно выяснить, какое положеніе должно занять земство по отношенію къ вновь возникающимъ кооперативнымъ организаціямъ,—мелкимъ сельскохозяйственнымъ обществамъ, сельскимъ потребительскимъ лавкамъ, ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, кредитнымъ товариществамъ и производительнымъ товариществамъ разнаго рода. Не слѣдуетъ ли земствамъ нѣкоторыя изъ своихъ мѣропріятій, особенно коммерческаго характера, передать этимъ добровольнымъ союзамъ, или же, напротивъ, развивать эти мѣропріятія за страхъ и рискъ собранныхъ со всего населенія капиталовъ? Подобнаго рода вопросы требуютъ тщательнаго и объективнаго разсмотрѣнія. Матеріалъ о земскихъ мѣропріятіяхъ чрезвычайно обширенъ. Кромѣ журналовъ, докладовъ и отчетовъ, въ которыхъ имѣется иногда прекрасно разработанный матеріалъ, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ издавало „Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству“ (три огромныхъ тома), составленный Г. П. Сазоновымъ. Обзоръ содержитъ свѣдѣнія за 1865—1895 годы. В. А. Крандѣевскимъ составленъ обзоръ земскихъ мѣропріятій въ области сельскаго хозяйства за 1892—1893 гг. Полтавская губернская управа выпустила въ свѣтъ „Краткій очеркъ экономическихъ мѣропріятій земствъ 23 губерній

Россіи (1865—1892 гг.). Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ издавало періодически обстоятельные обзоры дѣятельности земствъ. Мы не говоримъ уже о цѣломъ рядѣ статей какъ въ общей, такъ и въ специальной печати.

Не задаваясь широкими задачами использовать весь этотъ матеріалъ, мы попытаемся разсмотрѣть лишь нѣкоторые изъ указанныхъ мѣропріятій.

Значеніе экономическихъ мѣропріятій не слѣдуетъ преувеличивать. Причины оскудѣнія крестьянскаго хозяйства лежатъ глубоко. Область воздѣйствія земства крайне ограничена.

Въ сводѣ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ—въ книгѣ „Крестьянскій правопорядокъ“—ярко очерчены тѣ причины, которыя тормозятъ проявленіе хозяйственной предпримчивости, а слѣдовательно и улучшение земледѣльческой культуры. Подавляющее число комитетовъ признало, что главной причиной отсталости является крестьянское право, проникнутое началами административнаго попечительства и сословной обособленности, которое рѣзко отдѣляетъ преобладающее большинство населенія страны отъ прочаго, сравнительно незначительнаго меньшинства. Въ докладѣ подготовительной комиссіи дохвицкаго уѣзднаго комитета слѣдующими правдивыми словами обрисовано существующее положеніе: „Безпристрастное изслѣдованіе современной сельской жизни съ полной убѣдительностью указываетъ, что при такихъ порядкахъ оставаться невозможно. Экономическое положеніе и хозяйство такъ же безотрадны, какъ и неразрывно съ нимъ связанная и въ сильной мѣрѣ его обуславливающая личность крестьянина, какъ гражданина. Внимательное наблюденіе за крестьянской жизнью убѣждаетъ въ томъ, что вся существующая нынѣ опека надъ хозяйственной, бытовой и правовой жизнью деревни загнала ее внутрь—и только. Нужды села и волости, выражаемыя въ приговорахъ, контролируемыхъ начальствомъ и часто имъ же внушаемыхъ, вовсе не выражаютъ тѣхъ потребностей и нуждъ, которыя сложились и живутъ въ населеніи. О нуждѣ можно заставить не говорить, но этимъ уничтожить ее нельзя. И въ крестьянской средѣ, загнанной всякой опекой, выработалась привычка молчать и чувствовать и думать втихомолку. Это влечетъ за собой усиленіе розни между крестьянами и болѣе полноправными, сравнительно съ ними, классами и порождаетъ озлобленіе. Трудно себѣ представить, въ какихъ затрудненіяхъ это можетъ повести. Реформа существенно необходима, и не въ видѣ частныхъ поправокъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ, а широкая, способная исправить разомъ всѣ недостатки теперешняго положенія, обновивъ сельскую общественную жизнь“. Въ этой области земство бессильно,

если не считать довольно призрачнаго права доводить до свѣдѣнія центральнога правительства о ненормальномъ положеніи вещей.

Не менѣе сильное вліяніе на хозяйственное благополучіе населенія имѣетъ экономическая политика государства, обусловленная, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вовлеченіемъ Россіи въ мировой обмѣнъ товаровъ.

Земство не въ состояніи остановить повсемѣстнаго перехода отъ обычныхъ натуральныхъ формъ къ денежнымъ. Обольщенія на этотъ счетъ были бы крайне печальны. Необходимо трезво взглянуть на положеніе и по возможности смягчать тѣ болѣзненные подчасъ процессы, которые сопровождаютъ рожденіе новаго строя. Здоровому организму роды не опасны. Не слѣдуетъ затрачивать народныхъ средствъ на предпріятія, которыя заранѣе обречены на гибель. Важно и необходимо каждую копѣйку использовать возможно цѣлесообразнѣе, поддерживая, развивая и вызывая къ жизни тѣ мѣры, которыя не противорѣчатъ новому строю хозяйства. Слѣдуетъ не задерживать роды, чѣмъ истощается организмъ, а, напротивъ, ускорять ихъ. Задача земства—идти не противъ требованій жизни, а за ними. Развитіе самосознанія и самодѣтельности—одно изъ главнѣйшихъ условий для прочнаго проведенія въ жизнь экономическихъ мѣропріятій. Съ этой точки зрѣнія народное образованіе должно быть поставлено на первое мѣсто. Значеніе его, какъ фактора экономического преуспѣянія, бесспорно ¹⁾. Взаимодѣйствіе между степенью развитія народнаго образованія и высотой благосостоянія населенія—самое тѣсное. Они относятся другъ къ другу одновременно—какъ причина и слѣдствіе. Но опять-таки не слѣдуетъ преувеличивать значенія образованія, или, лучше сказать, той грамотности, которая пріобрѣтается въ народной школѣ. Воспитываетъ и развиваетъ весь укладъ жизни. Весьма важно поддерживать возникающія организациі, которыя развиваютъ самодѣтельность и инициативу, т. е. такія качества, которыя, вслѣдствіе многолѣтней опеки, отсутствуютъ въ населеніи. Такими организациями являются мелкія сельско-хозяйственныя общества, потребительскія лавки, кредитныя товарищества и другіе виды свободно возникающихъ союзовъ. Несмотря на кратковременность своего существованія, мелкія сельско-хозяйственныя общества развили крайне полезную и разностороннюю дѣятельность. Многія изъ нихъ если не открыли, то проектируютъ организовать потребительскія лавочки, кредитныя операціи и т. д. Практическія мѣропріятія показываютъ, что нужды деревни ясно сознаны. Вообще, въ дѣятельности обществъ чувствуется біеніе пульса живой общественной жизни.

¹⁾ См. Янжулъ. Экономическая оцѣнка народн. образованія.—Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ: „Нужды деревни“, изд. Н. Н. Львова и А. А. Стаховича.

Въ послѣднее время многія земства приступили къ устройству телефонныхъ сообщеній. Значеніе этого мѣропріятія трудно учесть и выразить въ цифрахъ. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того, что это—вполнѣ культурное начинаніе, имѣющее немалое экономическое значеніе. Въ остзейскихъ губерніяхъ и въ Финляндіи никто не считаетъ телефонное сообщеніе ненужной роскошью. При теперешнемъ денежномъ строѣ хозяйствъ особое значеніе приобрѣтають пути сообщенія и быстрая и своевременная освѣдомленность о положеніи рынка. Земство находится въ постоянномъ общеніи съ населеніемъ. Общеніе это происходитъ при посредствѣ цѣлаго ряда служащихъ—врачей, агрономовъ, фельдшеровъ, учителей и т. д. Облегченіе способовъ сношеній ихъ съ управой, несомнѣнно, должно отразиться и на интересахъ населенія. Деревня наша полна всякаго рода нестройній. При существованіи телефона случаи грубаго произвола должны уменьшиться: всякій по телефону можетъ сообщить въ городъ о происшедшемъ случаѣ. Современная обстановка деревни не удовлетворяетъ потребностямъ даже невзыскательнаго человѣка. Изъ деревни бѣгутъ всѣ, кто только можетъ. Деревня бѣдна мѣстными силами, что, разумѣется, отражается и на дѣятельности земства. Заботы о благоустройствѣ деревни—ближайшая задача земства: культурность деревни привлечетъ силы и разовьетъ жизнь, и въ общемъ отразится на экономическомъ благополучіи населенія. Появленіе телефона въ деревнѣ, какъ намъ кажется, не должно пройти бесслѣдно. Противники телефона обыкновенно указываютъ на народное образованіе, медицину, дорожное дѣло и т. д., какъ на отрасли, которыя далеко еще не приведены въ блестящій видъ. Если стать на эту точку зрѣнія, то земство должно сначала идеально поставитъ народное образованіе, а тогда только взяться за медицину, затѣмъ приняться за устройство дорогъ и т. д. Едвали кто будетъ защищать подобную точку зрѣнія. Земство углубляетъ и расширяетъ существующія мѣропріятія и въ то же время проводитъ въ жизнь новыя начинанія. И въ общей, и въ специальной печати („Русск. Вѣд.“, „Сар. Зем. Нед.“) вопросъ о земскихъ телефонахъ подвергся обсужденію. Новое начинаніе расширяетъ сферу вліянія земства и заслуживаетъ полного вниманія и сочувствія.

Земледѣліе—главнѣйшее занятіе нашего населенія, но способы обработки и эксплуатаціи земли далеко не совершенны. Крупные землевладѣльцы въ большинствѣ случаевъ ведутъ вполнѣ рациональное хозяйство, крестьяне же придерживаются устарѣлыхъ „прадѣдовскихъ“ пріемовъ, крайне невыгодныхъ, а то и прямо хищническихъ. Въ результатъ поля все болѣе и болѣе истощаются и засоряются негод-

ными травами. Какъ общее правило, наблюдается крайне печальный фактъ: урожай съ крестьянскихъ полей на 25—30% ниже экономическихъ.

Созданіе агрономической организаціи, какъ показали опытъ многихъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, весьма плодотворно. Устройство показательныхъ полей, демонстративныхъ опытовъ борьбы съ вредителями сельскаго хозяйства, чтеній и т. д., не проходитъ для населенія безслѣдно. Намъ лично извѣстны факты, какъ послѣ бесѣды о рациональномъ садоводствѣ, сопровождавшейся демонстраціей приѣмовъ посадки, обрѣзки, прививки и т. д., въ населеніи пробудился живѣйшій интересъ; старые сады были приведены въ порядокъ и началось усиленное развитіе новыхъ.

Мѣропріятія экономическаго характера, какъ мы говорили выше, требуютъ крайней осторожности. Поэтому весьма полезно учрежденіе экономическихъ совѣтовъ. Въ составъ послѣднихъ должны входить какъ гласные, по выбору собранія, такъ и всѣ наличные представители агрономическихъ силъ губерніи, практики-хозяева и выборные отъ крестьянъ. Подобный составъ является наиболѣе желательнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служить извѣстнымъ коррективомъ недостатковъ существующей системы земскаго представительства и отсутствія мелкой земской единицы. Приглашеніе специалистовъ по садоводству, скотоводству, пчеловодству (гдѣ послѣднее развито) является вполне продуктивной затратой.

Въ официальномъ изданіи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ мы находимъ слѣдующія строки: „Земство представляетъ собою организацію, которая сама по себѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ она предусмотрена общимъ земскимъ положеніемъ, мало приспособлена къ разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ оказаніемъ воспособленія сельскому хозяйству въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ, и къ осуществленію относящихся сюда мѣропріятій. Поэтому постоянно расширяющіеся размѣры дѣятельности земства въ данной области потребовали специальной для того, иногда очень сложной, организаціи, получившей названіе агрономической. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ такую организацію можно признать вполне уже сформировавшеюся. Въ другихъ она только формируется и переживаетъ ту или другую переходную стадію. Наконецъ, имѣются земства, которыя въ подобной организаціи вовсе пока не ощущаютъ надобности, такъ какъ задачи, для выполненія которыхъ она служить, еще не выдвинуты на очередь, или же объемъ ихъ крайне незначителенъ. Въ составъ вполне сформировавшихся агрономическихъ организацій обыкновенно входятъ: коллегіальные органы совѣщательнаго характера по сельско-хозяйственной части (сельско-хозяйственные или экономиче-

скіе совѣты, комитеты, бюро, правильные періодическіе сѣзды сельскихъ хозяевъ и агрономовъ и т. п.), такіе же коллегіальные исполнительные органы (экономическія или сельско-хозяйственныя бюро, коммисіи и т. п.) и приглашаемые на службу земствами агрономы и специалисты по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. При многихъ общихъ чертахъ, функціи перечисленныхъ органовъ въ отдѣльныхъ случаяхъ весьма разнообразны. Такъ, задача коллегіальныхъ совѣщательныхъ органовъ заключается преимущественно въ обсужденіи и разработкѣ различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ осуществленіемъ мѣръ на пользу сельскаго хозяйства. Самый, однако, объемъ подобнаго рода функцій далеко не всегда одинаковъ. При своемъ зарожденіи коллегіальные совѣщательные органы лишь содѣйствуютъ управамъ въ подготовкѣ докладовъ, касающихся воспособленія сельскому хозяйству, для земскихъ собраній. Поэтому, при слабыхъ размѣрахъ такого воспособленія и несложности относящихся сюда мѣръ, учрежденные совѣщательные коллегіальные органы сплошь и рядомъ впоследствии ничѣмъ не проявляютъ своего существованія и даже фактически вовсе не существуютъ, за невыборомъ въ составъ ихъ членовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ объ ихъ существованіи, повидимому, забываютъ, и земскія собранія дѣлаютъ новыя постановленія объ учрежденіи коллегіальныхъ совѣщательныхъ органовъ подъ новымъ наименованіемъ. Рядомъ же съ этимъ, въ другихъ случаяхъ, функціи совѣщательныхъ органовъ постепенно расширяются, равно какъ и ихъ составъ. Можно лишь сказать, что значеніе ихъ въ этомъ отношеніи усиливается по мѣрѣ расширенія объема дѣятельности земства въ области воспособленія сельскому хозяйству. Точно также увеличивается и число земствъ, располагающихъ подобнаго рода коллегіальными органами. Къ 1901 г. изъ 34 губернскихъ земствъ не располагали ими только 7 земствъ (въ 1898 г.—9)—бессарабское (учрежд. въ 1902 г.), владимірское, воронежское, калужское, рязанское, тверское (упраздн. въ 1898 г.) и таврическое. Въ періодъ съ 1898 г. по 1901 г. они учреждены оловецкимъ и полтавскимъ земствами. Коллегіальныхъ сельско-хозяйственныхъ органовъ при уѣздныхъ земствахъ въ 1898 г. было 149, а къ 1901 г.—199. Наибольшее число вновь учрежденныхъ коллегіальныхъ сельско-хозяйственныхъ органовъ приходится на губерніи: черниговскую—6, харьковскую—5, екатеринославскую, калужскую и нижегородскую—по 4 ¹⁾).

Изъ другихъ мѣропріятій для улучшенія сельскаго хозяйства крестьянъ слѣдуетъ упомянуть объ отдачѣ сельско-хозяйственныхъ

¹⁾ Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Выпускъ 5. Изд. министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

машинъ и орудій—куколетборниковъ, сѣялокъ и т. д. въ арендное пользованіе населенія. Земство не несетъ никакихъ тратъ—стоимость орудій погашается платой за пользованіе ими.

Скотоводство повсемѣстно падаетъ. Причинъ—много; отсутствіе выпасовъ и хроническія голодовки—главнѣйшія изъ нихъ. Въ Малороссіи волъ замѣняется лошадыю. Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ охотно приходило на помощь земству, но приплоды отъ сименталовъ, швицовъ и породистыхъ украинскихъ производителей быстро вырождается въ мѣстную „тосканскую“ породу. Симентала трудно прокормить полугнилой соломой съ крышгъ. Очевидно, что производителями могутъ пользоваться болѣе или менѣе зажиточные классы населенія, рядовой же крестьянинъ не польстится на казеннаго бугая. Когда распространится многопольная система и населеніе перейдетъ къ стойловому содержанію скота, тогда сименталы окажутся на своемъ мѣстѣ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Теперь нерѣдко земство расходуетъ крупныя суммы на улучшеніе скотоводства и коневодства, собранныя со всего населенія,—фактически же эти мѣропріятія нужны болѣе крупнымъ землевладѣльцамъ.

При недостаткѣ и дороговизнѣ земли, особенно въ губерніяхъ густо-населенныхъ, особое значеніе пріобрѣтаетъ приведеніе въ культурное состояніе песчаныхъ и неудобныхъ пространствъ, укрѣпленіе овраговъ и осушеніе заболоченныхъ пространствъ.

Правильная организація кредита чрезвычайно важна какъ для крупныхъ, такъ и для мелкихъ хозяйствъ. Въ нѣкоторыхъ земствахъ выдаются ссуды на покупку земли. Какъ извѣстно, крестьянскія надѣльныя и потомственныя казачьи земли могутъ переходить лишь въ руки однообщественниковъ. На этой почвѣ возникаютъ крайне ненормальныя явленія. Переселенецъ можетъ продать свою землю ограниченному кругу покупателей. Большинство принадлежитъ къ „голотѣ“, а потому земля переходитъ къ „панъ-отцу“ по сильно пониженной цѣнѣ. Въ данныхъ случаяхъ помощь земства ничѣмъ не замѣнима. Операціи этого рода полтавскаго уѣзднаго земства заслуживаютъ вниманія. Ссуды начали выдавать съ 1894 года; до января настоящаго года выдано 379 ссудъ на сумму 57.965 руб., на которыя пріобрѣтено 570 десятинъ земли. Разумѣется, оборотный капиталъ далеко не можетъ удовлетворить всей потребности, но, къ сожалѣнію, ресурсы земства крайне ограничены. Полтавское губернское земство обладаетъ такъ называемымъ Александровскимъ капита-

ломъ въ 330 тысячъ рублей, но значеніе этого капитала—по тѣмъ же причинамъ—незначительно. Всего за счетъ этого капитала приобрѣтено 2.802 десятины земли.

Большое, сравнительно, распространеніе имѣютъ мелкопромышленныя ссуды за счетъ кредита государственнаго банка, ссуды подъ залогъ хлѣба и кредитъ вещный при покупкѣ сельско-хозяйственныхъ орудій изъ земскихъ складовъ. Обыкновенно всѣ эти операціи не объединены, для каждаго рода ссудъ существуютъ особые капиталы, образованные самымъ разнообразнымъ путемъ; одни—изъ займа страхового капитала за 4% годовыхъ; другіе оперируютъ за счетъ суммъ, отпускаемыхъ государственнымъ банкомъ за 6% годовыхъ; третьи, наконецъ, образованы путемъ отчисленія прибылей и внесеніемъ извѣстныхъ ассигновокъ въ смѣту. Одна изъ ближайшихъ задачъ земства—объединить всѣ эти операціи. Особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности выработало проектъ земскихъ кассъ съ довольно широкими функціями. Образцовые уставы до настоящаго времени не опубликованы, и потому трудно судить, насколько широкъ будетъ просторъ для дѣятельности кассъ. Нѣкоторые земскіе дѣятели находятъ, что открытіе кассы свяжетъ руки, тогда какъ операціи за счетъ собственныхъ капиталовъ на существующихъ началахъ позволятъ слѣдовать за потребностями жизни, ибо измѣненія достигаются простымъ постановленіемъ земскаго собранія, тогда какъ въ первомъ случаѣ необходимо руководствоваться существующимъ уставомъ.

Сельское населеніе занято полевыми работами 5—6 мѣсяцевъ въ году. Использовать наиболѣе выгоднымъ способомъ свободное время весьма важно. Въ фабричномъ районѣ, вблизи большихъ городовъ можно найти работу. Въ долгую осень и зиму крестьяне занимаются всякаго рода *домашними промыслами*: ткуть полотно, чинятъ мертвый инвентарь и т. д. При благоприятныхъ условіяхъ развивается изъ домашнихъ промысловъ такъ называемая *кустарная промышленность*, т.-е. производство издѣлій на рынокъ. До послѣдняго времени лишь земство, болѣе или менѣе близкое населенію и знакомое съ его нуждами, помогало развитію этого рода промышленности. Все вниманіе государства поглощено развитіемъ фабричной промышленности, для поддержанія которой приносились и приносятся колоссальныя жертвы. Къ сожалѣнію, помощь земства не всегда направлена на тѣ производства, которыя, при современныхъ условіяхъ, являются жизненными и могутъ конкурировать съ фабричной промышленностью. Полагать, что всѣ виды кустарныхъ производствъ могутъ конкурировать съ фабричными—большое заблужденіе, которое въ области практическихъ мѣропріятій можетъ принести одни лишь горькія разочарованія.

Въ такомъ именно положеніи находится ткачество, которое почти повсемѣстно распространено какъ домашній промыселъ. Нерѣдко можно услышать и въ земскихъ собраніяхъ, и въ литературѣ указаніе на то, что въ Англии, въ странѣ, по преимуществу крупной текстильной промышленности, существуютъ кустари-ткачи,—что извѣстныя брюссельскія кружева производятся кустарями, что ліонскій бархатъ выдѣлывается кустарями же и т. д. Очевидно, что въ данномъ случаѣ кроется крупное недоразумѣніе, если не простое незнаніе. Нашъ ткачъ—человѣкъ въ большинствѣ случаевъ неграмотный, незнакомый съ техникой своего производства, безъ всякаго художественнаго чутья. Ліонскій ткачъ работаетъ дома на станкѣ, пользуясь при этомъ электрической энергіей. Англійскіе кустари удовлетворяютъ изысканнымъ вкусамъ лордовъ. Ихъ издѣлія высокой художественности и доброты рассчитаны на опредѣленный, ограниченный сбытъ и оплачиваются высоко. Ничего подобнаго нельзя сказать о нашихъ ткачахъ, побывавшихъ даже въ мастерскихъ. Извѣстный профессоръ и общественный дѣятель г. Туганъ-Барановскій помѣстилъ въ „Экономической газетѣ“ (№ 17 за текущій годъ) интересное письмо изъ Лохвицы—„Кустари и земство“. Бывшій правовѣрный марксистъ, г. Туганъ-Барановскій въ настоящее время принимаетъ дѣятельное участіе въ мѣстномъ кустарномъ комитетѣ и живо интересуется кустарными промыслами.

„Для сѣраго деревенскаго ткача роскошная ткацкая школа полтавскаго губернскаго земства (въ Дегтяряхъ) является совершенно чуждымъ учрежденіемъ.

„Такихъ ткацкихъ школъ, хотя менѣе роскошно обставленныхъ, въ полтавской губерніи нѣсколько. Несмотря на это, масса ткачей не имѣетъ никакого представленія объ усовершенствованныхъ приемахъ ткачества и никогда не слыхала, напр., о станкѣ-самолетѣ.

„Техническія школы, конечно, дѣло полезное. Но однѣхъ ихъ, очевидно, мало. И если земство не сдѣлаетъ дальнѣйшаго шага и не позаботится о созданіи организаци, долженствующей распространять техническія знанія за предѣлами школы и непосредственно знакомить массу населенія, самихъ кустарей, съ улучшенными приемами производства, то всѣ эти школы будутъ больше служить для украшенія земскихъ отчетовъ, чѣмъ для дѣйствительной пользы народа. Между тѣмъ, именно мѣстное деревенское ткачество заслуживаетъ того, чтобы о поднятіи его техники позаботилось земство.

„Мнѣ казалось, что прежде всего нужно направить усилія на распространеніе среди ткачей стана-самолета. Земство могло бы пригласить инструкторовъ по ткацкому дѣлу, которые, разъѣзжая изъ села въ село со станомъ-самолетомъ (и иными усовершенствованными

орудіями ткачества), знакомили бы мѣстныхъ ткачей съ новыми приемами ткачества. Для облегченія пріобрѣтенія ткачами новыхъ орудій производства, земство могло бы открывать ткачамъ соотвѣтствующій кредитъ.

„Лохвицкая земская управа согласилась съ этими предложеніями, и земское собраніе ассигновало нужныя средства. Дѣло началось. Первоначально я пригласилъ въ инструкторы уже состоявшую на земской службѣ мастерицу, кончившую курсъ въ школѣ губернскаго земства. Она умѣла хорошо ткать твани изъ фабричной пряжи, но къ работѣ на грубой деревенской пряжѣ не привыкла. Вѣроятно, по этой причинѣ ткачи отнеслись къ работѣ на новомъ станѣ съ большимъ недоумѣріемъ.

„Моя инструкторша объѣздила нѣсколько селъ безъ всякаго успѣха: ткачи признали станъ-самолетъ никуда негоднымъ, и ни одинъ изъ нихъ не пожелалъ завести такового у себя.

„Тогда мнѣ пришла въ голову счастливая мысль оставить ученыхъ мастерицъ и выбрать инструкторомъ какого-нибудь смышленнаго ткача-вустаря. Мой выборъ оказался удачнымъ. Правда, приглашенный въ инструкторы ткачъ первоначально плохо справлялся со станомъ-самолетомъ; но такъ какъ эта наука немудреная, то скоро онъ вполне освоился съ новымъ станомъ и, будучи человѣкомъ очень неглупымъ, сдѣлалъ цѣлый рядъ улучшеній въ станѣ, въ смыслѣ приспособленія его къ тканью крестьянской пряжи. Я назначилъ ему небольшую премію за распространеніе среди ткачей станомъ-самолетовъ и металлическихъ ткацкихъ бердъ. Дѣло пошло въ ходъ.

„Кромѣ станомъ-самолетовъ, мой инструкторъ распространялъ также металлическія ткацкія берда. Таковыхъ у насъ былъ выписанъ большой запасъ, и ткачи раскупали ихъ очень охотно—всего ихъ было куплено на наличныя деньги 34 штуки.

„Кромѣ стана-самолета и металлическаго берда, ткацкій инструкторъ можетъ знакомить населеніе и съ другими вспомогательными орудіями ткачества—какъ, напр., съ вращающимися сновальными, которыя чрезвычайно ускоряютъ и облегчаютъ снованье; онъ можетъ продавать ткачамъ фабричную пряжу, давать ткачамъ рисунки скатертей и другихъ узорчатыхъ тканей, знакомить съ приемами работы этихъ тканей и т. д., и т. д. Вообще такой инструкторъ, если онъ человѣкъ сколько-нибудь толковый, можетъ оказать очень большое вліяніе на характеръ и технику ткацкаго промысла. Болѣе интеллигентные и грамотные ткачи обнаруживаютъ большую готовность учиться. Въ хату, куда пріѣзжаетъ инструкторъ, набирается масса народа, и всѣ съ величайшимъ интересомъ смотрятъ на работу на новомъ станѣ.

„Мой непродолжительный опыт привел меня къ убѣжденію въ крайней важности, въ ряду другихъ земскихъ мѣропріятій по помощи кустарной промышленности, организациі развѣжающихъ земскихъ кустарныхъ инструкторовъ. Но дѣло это можетъ имѣть успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если оно не приметъ бюрократическаго характера и если инструкторъ будетъ близко стоять къ кустарямъ; всего лучше, если онъ будетъ самъ изъ кустарей. Только въ живой связи съ народной массой земство можетъ успѣшно выполнять свое великое дѣло. Нивакой чиновникъ—все равно, будетъ ли онъ получать жалованье изъ земской или государственной казны—не поможетъ деревнѣ, если онъ не будетъ участвовать въ ея жизни. Всякая земская организація, имѣющая въ виду помощь кустарямъ, должна прежде всего позаботиться о томъ, чтобы привлечь къ участию въ ней самихъ кустарей. Кустари были бы самыми полезными членами всякихъ кустарныхъ комитетовъ, экономическихъ бюро и прочихъ земскихъ и не-земскихъ учреждений, вѣдающихъ кустарную промышленность; они внесли бы въ эти учрежденія ту живую струю, которой недостаетъ многимъ изъ этихъ комитетовъ и бюро, подчасъ напоминающихъ департаментскія канцеляріи. Вообще, большая ошибка думать, что бюрократическій духъ свойственъ только государственнымъ учреждениямъ“.

Намъ кажется, что опытъ г. Туганъ-Барановскаго заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Созданіе школъ съ дорогой администраціей не достигаетъ цѣли. Полтавское уѣздное земство затратило большія средства на ткацкія школы и послѣ пятилѣтняго опыта пришло къ грустному результату. Собраніе постановило реорганизовать Рунувщинскую мастерскую, по возможности упростивъ ее.

Нѣкоторые земскіе дѣятели полагаютъ, что въ ткацкія школы можно вдохнуть жизнь. Такой живой водой является, по мнѣнію полтавской губернской управы, введеніе національныхъ рисунковъ, орнаментировка издѣлій въ малорусскомъ духѣ. Не отрицая извѣстной практичности подобнаго направленія дѣла, все-же можно выразить сомнѣніе, чтобы мастерскія бюрократаческаго характера, далекія отъ населенія, проявили признаки жизнеспособности.

Ткачь-инструкторъ могъ бы съ успѣхомъ пропагандировать и малорусскій орнаментъ.

Во всякомъ случаѣ ткацкія мастерскія далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ, и слѣдуетъ обстоятельно обсудить вопросъ, прежде чѣмъ открывать мастерскія подобнаго типа.

Иначе населеніе относится къ руководѣльнымъ мастерскимъ. Жизненность ихъ—внѣ сомнѣнія. Мастерскія не могутъ вмѣстить всѣхъ желающихъ. Обыкновенно мастерскія являются дополнительными классами земской школы. Принимаются лишь окончившіе курсъ послѣд-

нихъ. Число учащихся достигаетъ рѣдко до 40 и больше человекъ. Организация несложна, расходы небольшіе. Плата мастерицы рѣдко превышаетъ 300 руб., оборудованіе несложно. Такимъ образомъ, при наличности помѣщенія содержаніе обходится 400—500 рублей, а то и значительно дешевле. Крупнымъ недостаткомъ является отсутствіе занятій по общеобразовательнымъ предметамъ. Желательны, въ крайнемъ случаѣ, вечернія дополнительныя занятія раза три въ недѣлю, организація чтеній и т. д. Крестьяне цѣнятъ эти мастерскія за то, что въ нихъ пріобрѣтается умѣнье, необходимое въ каждомъ хозяйствѣ. Для болѣе талантливыхъ ученицъ портняжно-швейное мастерство является профессиональнымъ занятіемъ, обеспечивающимъ существованіе.

Корзиночныя мастерскія даютъ вѣрный заработокъ своимъ бывшимъ ученикамъ. Къ сожалѣнію, постановка дѣла не всегда правильна. Очень часто земскія мастерскія носятъ характеръ частныхъ, гдѣ ученики, присматриваясь къ работѣ мастера, постепенно пріобрѣтаютъ необходимый навыкъ. Мастеръ и ученики получаютъ издѣльно плату и не столько заботятся объ ученіи, какъ о томъ, чтобы возможно больше заработать. Такая постановка едва ли желательна. Результаты весьма плачевны. Ученики уходятъ, научившись кое-какъ дѣлать корзины и простѣйшія вещи. Работы часто неудовлетворительны и бракуются покупателями. Изъ другихъ специальныхъ и правильно организованныхъ заведеній необходимо упомянуть о сельско-хозяйственныхъ школахъ, практическихъ школахъ садоводства, маслодѣлія и т. д., находящихся въ вѣдѣніи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, ремесленныхъ школахъ (вѣдомства министерства финансовъ) и т. п. Всѣ эти школы субсидируются правительствомъ, и все-таки содержаніе ихъ обходится земству довольно дорого. Окончившіе прилагаютъ свои знанія въ крупныхъ экономіяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ и т. д. Въ крестьянскую среду рѣдко кто изъ нихъ возвращается. Школы эти вызваны запросами болѣе или менѣе крупнаго землевладѣнія и промышленной буржуазіи. Разумѣется, отрицать пользы этихъ школъ нельзя. Профессиональное техническое образованіе развито у насъ слабо. Весь вопросъ заключается въ томъ, слѣдуетъ ли земству открывать ихъ, или обязанность эта должна быть возложена на государство.

Такъ называемыя „крестьянскія“ земства—пермское и вятское—произвели интересный опытъ пріурочить специальныя знанія къ земской школѣ. По нашему мнѣнію, опытъ этотъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

„Поднять качество работника, повысить его смѣтливость и энергію, снабдить необходимыми сподручными знаніями, дать ему возможность

производительно использовать пропадающий даромъ зимній досугъ, — говоритъ статсъ-секретарь А. Н. Куломзинъ въ своей книгѣ: „Доступность начальной школы въ Россіи“, — все это важѣйшія коренныя мѣры, какими только и можно вызвать дѣйствительный прочный подъемъ любой отрасли хозяйственной дѣятельности“. Земскія школы въ этомъ отношеніи могутъ сыграть немалую роль, но необходимо только, чтобы преподаваніе ремеселъ и сельско-хозяйственной техники было отдѣлено отъ обученія грамотѣ и составило особый дополнительный классъ“.

Большинство мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности высказалось за присоединеніе „техническихъ“ классовъ къ общеобразовательной школѣ, за школьныя хозяйства, сады, огороды и пасѣки, за снабженіе школьныхъ библиотекъ соотвѣтствующими сочиненіями, а также за сельско-хозяйственную подготовку учителей и учительницъ народныхъ школъ въ учительскихъ семинаріяхъ, а равно на дополнительныхъ лѣтнихъ курсахъ при специальныхъ сельско-хозяйственныхъ школахъ и образцовыхъ хозяйствахъ. По поводу послѣдняго пожеланія слѣдуетъ замѣтить, что подготовка учителей къ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ, садомъ, огородомъ, пчелами, могла бы сдѣлать ихъ людьми болѣе нужными и болѣе „своими“ въ деревнѣ, сблизила бы ихъ съ учениками, иногда, при умѣломъ веденіи школьныхъ хозяйствъ, могла бы служить даже къ улучшенію матеріальнаго положенія учащихся. Но едва ли возможно каждому сельскаго учителя, а тѣмъ болѣе каждую учительницу, обязать къ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ: такое дѣло требуетъ любви, доброй воли и знанія.

Для спеціального же обученія дѣтей сельскому хозяйству, а тѣмъ болѣе ремеслу, нужны, во всякомъ случаѣ, особые классы, особые учителя; для ремеселъ — и особыя помѣщенія. Рассчитывать, какъ нѣкоторые комитеты, на преподаваніе сельскаго хозяйства и ремеселъ мимоходомъ, при помощи ариметическихъ задачникковъ, въ которыхъ задачамъ дано „сельско-хозяйственное“ содержаніе, или на урокахъ объяснительнаго чтенія, подбирая тексты, рисующіе „картины жизни крестьянской семьи, раціонально ведущей свое хозяйство“, врядъ ли возможно. Серьезному практическому дѣлу и учить надо серьезно и практически, въ спеціальной школѣ или въ хорошо поставленныхъ дополнительныхъ классахъ общей начальной школы. Если спеціальная школа имѣетъ преимущества въ смыслѣ большей прочности профессиональнаго обученія, то спеціальныя классы при начальныхъ школахъ стоятъ дешевле и доступны несравненно большому числу дѣтей.

Тогда не будетъ основаній опасаться, что обученіе мастерству

только будетъ отнимать время у общеобразовательныхъ предметовъ и окажется призрачнымъ.

Въ пермской губерніи подобнаго рода отдѣленія начали открываться лѣтъ семь тому назадъ. Эти отдѣленія съ теоретическими и практическими въ нихъ занятіями учащихся все болѣе и болѣе начинаютъ привлекать къ себѣ симпатіи крестьянскаго населенія. Теперь встрѣчаются даже такіе факты, что приходится нѣкоторымъ желающимъ поступить въ четвертыя отдѣленія отказывать „за недостаткомъ мѣстъ“.

Курсъ обученія въ четвертыхъ сельско-хозяйственныхъ отдѣленіяхъ двухлѣтній. Въ этихъ отдѣленіяхъ проходится курсъ естествознанія и сельскаго хозяйства, какъ главный основной предметъ, и кромѣ того Законъ Божій, ариметика, русскій языкъ, исторія и географія, какъ повторительный курсъ народной школы, съ нѣкоторыми пополненіями.

Всѣ преподаватели четвертыхъ отдѣленій имѣютъ среднее сельско-хозяйственное образованіе. При отдѣленіяхъ учреждены должности помощниковъ преподавателей, замѣщенныхъ лицами, имѣющими званіе народнаго учителя.

Дополнительныя отдѣленія находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и открываются съ разрѣшенія послѣдняго. Въ текущемъ году оканчивающимъ предоставлено право на пользованіе льготой 2-го разряда по воинской повинности.

Четвертыя отдѣленія при начальныхъ училищахъ могутъ положить прочное начало популяризаціи научныхъ знаній въ деревнѣ. Учителя дополнительныхъ отдѣленій въ пермской губерніи имѣютъ право устраивать систематическія чтенія по естествознанію для деревенскаго населенія въ формѣ живыхъ бесѣдъ, не стѣсненныхъ ни выборомъ матеріала, ни формою изложенія.

Знанія, почерпнутыя въ дополнительныхъ отдѣленіяхъ, будутъ примѣнены въ собственномъ хозяйствѣ, какъ бы мало оно ни было.

Это—не „специалистъ“, котораго рѣшился пригласить частный владѣлецъ. Эти же отдѣленія разрѣшаютъ вопросъ о высшемъ типѣ земской школы: центръ тяжести дополнительныхъ отдѣленій—въ общеобразовательныхъ предметахъ.

Склады сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, сѣмянъ и жѣлѣза въ ряду экономическихъ мѣропріятій занимаютъ особое мѣсто. Каждое отдѣльное мѣропріятіе только тогда можетъ правильно развиваться, когда ясно сознано, къ чему должны быть направлены всѣ усилія. Открывая склады, земство руководствовалось желаніемъ рас-

пространить среди населенія улучшенныя сельско-хозяйственныя машины и сѣмена при помощи возможно льготнаго кредита. Интересы массы населенія стояли на первомъ мѣстѣ. Крестьяне не умѣютъ разобратся въ предлагаемыхъ въ частныхъ складахъ орудіяхъ, не знаютъ, откуда выписать ихъ. Крупные хозяева менѣе нуждаются въ услугахъ складовъ. Каждый изъ нихъ знаетъ, какія орудія ему нужны, знаетъ, откуда и выписать ихъ. Земскій складъ приноситъ и имъ значительную пользу—регулируя и понижая цѣны. Несмотря на отсутствіе коммерческихъ задачъ, послѣднія иногда постепенно начинаютъ играть преобладающую роль въ дѣятельности складовъ. Такое направленіе въ корнѣ противорѣчить основнымъ задачамъ складовъ. Земскіе склады оперируютъ за счетъ земскихъ суммъ, собранныхъ со всего населенія. Общественныя суммы требуютъ особенно тщательнаго къ себѣ отношенія. Земскіе склады, пока обороты ихъ невелики, легко поддаются отчету и контролю. По мѣрѣ своего развитія, когда въ предпріятіе завязываются все большіе и большіе капиталы, увеличивается и рискъ. Въ торговомъ дѣлѣ безъ послѣдняго обойтись, разумѣется, нельзя. Затрудненія при контролѣ (фактическомъ, а не бумажномъ) возрастаютъ. Приходится создавать цѣлыя штаты служащихъ, основывать все дѣло на довѣрїи, такъ какъ выборный персоналъ не настолько великъ, чтобы значительную часть времени удѣлять складамъ. Довѣрїе необходимо въ каждомъ дѣлѣ, но несомнѣнно также, что земская денежка подлежитъ строгому учету и контролю. Тамъ, гдѣ является отвѣтственность за десятки тысячъ рублей, нельзя обойтись общимъ наблюденіемъ и направленіемъ дѣла. Необходимо вникать въ каждую мелочь. И мы нерѣдко видимъ, что складамъ удѣляется масса времени и вниманія въ ущербъ другимъ весьма важнымъ отраслямъ земскаго хозяйства.

Гарантїей могущихъ быть убытковъ, всегда возможныхъ въ коммерческихъ мѣропріятіяхъ, является начисленіе прибылей на продаваемые товары. Изъ этихъ же поступленій отчисляется необходимая сумма на содержаніе складовъ. Администрація обходится дорого. Такъ, намъ извѣстенъ складъ, обороты котораго простираются до 80 тысячъ рублей, а на содержаніе расходуется 2.200 рублей, при чемъ оплата труда служащихъ собственно въ канцелярїи управы и почти всецѣло занятыхъ дѣлопроизводствомъ и счетоводствомъ складовъ не посчитана въ эту сумму.

Слишкомъ высокій процентъ прибыли подрывалъ бы значеніе склада, ибо одна изъ главныхъ его задачъ—создать спросъ, вызвать частную инициативу, регулировать и понижать цѣны. Вообще, задача склада—распространеніе орудій за возможно пониженную цѣну.

Наряду съ земскими складами обыкновенно возникаютъ и частныя,

гдѣ населеніе пользуется такими же льготами, какъ и въ земскихъ. Большое заблужденіе думать, что земскіе склады убьютъ частныя. Вотъ почему стремленіе увеличивать обороты не должно входить въ кругъ прямыхъ задачъ земскихъ складовъ. Все вниманіе необходимо сосредоточить на самомъ тщательномъ выборѣ сельско-хозяйственныхъ орудій, сѣмянъ и т. д. и отпускѣ по возможно пониженной цѣнѣ. При этомъ главное вниманіе должно быть сосредоточено на массовомъ покупателѣ—крестьянахъ. Словомъ, складъ долженъ носить характеръ агрономическаго, а не коммерческаго мѣропріятія.

Для распространенія машинъ и орудій среди населенія недостаточно еще открыть складъ. Цѣны на орудія слишкомъ высоки. Небольшіе, сравнительно, земскіе склады всецѣло зависятъ отъ извѣстныхъ крупныхъ фирмъ и поставщиковъ. Послѣдніе диктуютъ условія, и волей-неволей приходится соглашаться съ ними. Заводы игнорируютъ мелкихъ заказчиковъ, предпочитая имѣть дѣло съ фирмами, ведущими дѣло на широкую ногу. Зачастую земскіе склады получаютъ меньшую скидку, чѣмъ торговцы. Отдѣльные склады безсильны и не могутъ бороться съ этими неблагоприятными условіями.

Объединеніе въ одну организацію многихъ земскихъ складовъ можетъ сильно измѣнить дѣло. При большихъ оптовыхъ заказахъ заводы охотно пойдутъ на уступки и предоставятъ земствамъ тѣ выгоды, которыми теперь пользуются лишь крупныя фирмы. Въ этихъ видахъ при орловской губернской управѣ уже нѣсколько лѣтъ функционируетъ посредническое бюро. Въ послѣднее время вопросъ о совѣстной закупкѣ орудій, желѣза и сѣмянъ обсуждался въ Москвѣ, а затѣмъ, въ іюлѣ этого года, въ Орлѣ. На совѣщаніи выработанъ проектъ устава, который, надо думать, при теперешнемъ направленіи внутренней политики, будетъ утвержденъ. Въ газетахъ сообщался слухъ, что на соединенныя средства предположено открыть земскій заводъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. Если слухъ окажется вѣрнымъ, то цѣны на орудія должны значительно понизиться. Къ сожалѣнію, таможенная политика, искусственно повышая стоимость чугуна, желѣза и стали, тѣмъ самымъ поднимаетъ значительно цѣны и на издѣлія изъ нихъ. И въ данномъ случаѣ нашъ многострадальный крестьянинъ платитъ обильную дань на поддержаніе и развитіе отечественной крупной промышленности.

Весьма благодарной задачей является стремленіе нѣкоторыхъ земствъ развитъ кустарное производство сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. Такъ, въ вятской и пермской губерніяхъ развито производство вѣялокъ, боронъ и т. д. Къ сожалѣнію, лишь немногія земства обратили на это серьезное вниманіе. Зачастую выписываются такіе

предметы, производство которых легко можно было бы организовать на мѣстѣ.

Мы коснулись лишь немногих и, какъ намъ кажется, наиболѣе типичныхъ экономическихъ мѣропріятій. Болѣе или менѣе исчерпывающее разсмотрѣніе потребовало бы цѣлаго изслѣдованія. Такъ, мы прошли молчаніемъ сыпку хлѣба, поставку обуви и мѣшковъ интендантству, организацію хлѣбныхъ ломбардовъ, покупку лошадей для безлошадныхъ хозяйствъ и т. д.

Изученіе экономическихъ мѣропріятій показываетъ, что земство въ теперешнемъ его видѣ мало приспособлено для продуктивной работы въ этой области. Сословная организація, недоувѣріе правительства къ дѣятельности земствъ, ограниченность средствъ, подавленность и темнота населенія парализуютъ зачастую то или другое начинаніе или придаютъ ему своеобразную окраску. Весьма немногія земства обратили вниманіе на положеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, на улучшеніе условій переселеній. На мѣропріятія другого характера иногда затрачиваются приличныя суммы. Такъ, одно изъ земствъ (если не ошибаемся, тамбовское) ассигновало 40 тысячъ рублей на улучшеніе коневодства.

Впрочемъ, нужно оговориться, что большинство земствъ не заслуживаетъ упрека въ проведеніи мѣръ, необходимыхъ главнымъ образомъ для крупнаго землевладѣнія.

Второй причиной, обуславливающей неуспѣхъ многихъ экономическихъ мѣръ, является отчужденность земства отъ населенія. Въ данной области съ наибольшей остротой ощущается потребность въ мелкой земской единицѣ. Записка 18-ти членовъ московскаго губернскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности утверждаетъ, — и съ этимъ согласится каждый, кто близко знакомъ съ дѣйствительностью, — что населеніе считаетъ земство чѣмъ-то стоящимъ вѣкъ его. „Чтобы приобщить весь русскій народъ къ общественной самодѣятельности и органически связать его съ земствомъ, необходимо приблизить земскія учрежденія къ деревнѣ, сдѣлать такъ, чтобы дѣятельность ихъ протекала на глазахъ сельскаго населенія и при ближайшемъ участіи возможно большаго числа уполномоченныхъ этого послѣдняго; необходимо создать мелкую земскую единицу. Созданіе мелкой земской единицы вызывается многочисленными запросами жизни, все болѣе выдвигаемыми земскою дѣятельностью и настоятельно требующими своего разрѣшенія. Необходимость болѣе мелкой, чѣмъ уѣздъ, земской единицы ощущается рѣшительно во всѣхъ областяхъ земскаго дѣла — школьной, санитарной, медицинской, ветеринар-

ной и т. д.,—и нигдѣ не проявляется съ такою настоятельностью, какъ въ области экономическихъ мѣропріятій“.

Политика „недовѣрія“ съ особенной силой проводилась по отношенію къ сельскимъ сословіямъ. Всякое проявленіе инициативы, самостоятельности считалось опаснымъ. Полагали, что опека земскихъ начальниковъ можетъ замѣнить всѣ эти качества. Развитіе кооперации, союзовъ, встрѣчало прямо-таки непреодолимые препятствія. „Можно признать вполнѣ несомнѣннымъ, что сколько-нибудь широкое содѣяствіе населенію въ его экономическихъ нуждахъ невозможно безъ организаціи разнаго рода кредитовъ (подъ залогъ хлѣба, на покупку скота, меліоративнаго, кустарнаго и т. п.), устройства артелей и товариществъ потребительныхъ, производительныхъ и т. д.; съ другой стороны, несомнѣнно также и то, что всѣ эти очень сложныя и новыя въ нашей жизни мѣропріятія могутъ получить успѣшное осуществленіе на практикѣ только въ томъ случаѣ, если будутъ существовать на мѣстахъ такія организаціи, которыя съ любовью отнесутся къ этому дѣлу, сочтутъ его своимъ и будутъ неослабно слѣдить за его развитіемъ“¹⁾.

Если вся Россія, по словамъ князя Евгенія Трубецкого, спала по приказанію начальства, то наша деревня покоилась мертвымъ сномъ. Частныя мѣропріятія, читаемъ мы въ новгородскомъ докладѣ, техническія, агрономическія и т. п., которыя предлагаются и могутъ быть предложены, сами по себѣ весьма благожелательныя, разумныя и повидимому, цѣлесообразныя, но не рассчитанныя на устраненіе причинъ, вызывающихъ тѣ или инныя неблагопріятныя явленія, окажутся палліативами, примѣненіе которыхъ, въ концѣ концовъ, разочаруетъ самихъ авторовъ такихъ мѣропріятій, а въ населеніи, кромѣ того, укрѣпитъ и разовьетъ горькое чувство недовѣрія къ заботамъ о его благѣ...

Для того, чтобы дѣйствительно помочь нуждамъ деревни, необходимо устранить тѣ общія условія, на почвѣ которыхъ они возникаютъ,—и, прежде всего, необходимо устранить—наряду съ народнымъ невѣжествомъ—режимъ безграничнаго усмотрѣнія, царящій въ деревнѣ.

Тамъ, гдѣ правовой порядокъ почти отсутствуетъ, а господствуетъ произволъ, невозможна правильная экономическая дѣятельность, и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно и прочное благосостояніе населенія. Произволъ въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ въ кре-

¹⁾ Записка 18 членовъ московск. губернска. комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Стр. 35.

стьянскомъ быту тормазить всякую энергію и не даетъ развиваться личной предприимчивости ¹⁾).

Провозглашенное „довѣріе“ къ общественнымъ силамъ заставляло надѣяться, что общія условія нашей жизни должны измѣниться. Поставленныя правильно земскія учрежденія совмѣстно съ кооперативными организаціями сумѣють развить и правильно поставить экономическія мѣропріятія. И теперь безпристрастный изслѣдователь можетъ сказать, что земство сдѣлало все возможное *при данной обстановкѣ*. Приобрѣтенный опытъ не пропалъ даромъ. Земство уяснило тѣ причины, которыя тормазили начинанія, а въ будущемъ этотъ же опытъ укажетъ, что слѣдуетъ предпринять для поднятія благосостоянія населенія.

Различныя начинанія въ области экономическихъ мѣропріятій убѣдили земство, что „первымъ и самымъ существеннымъ условіемъ для предотвращенія окончательнаго упадка деревни должно служить обезпеченіе *свободы личности* (т.-е. неприкосновенности личныхъ правъ) въ интересахъ развитія инициативы, предприимчивости и хозяйственной самостоятельности населенія“.

Эти начинанія только подтвердили справедливость извѣстнаго изреченія Монтескьё: „Les pays ne sont pas cultivés en raison de leur fertilité, mais en raison de leur liberté“.

Идеи свободы и твердаго, правильнаго порядка однѣ могутъ оказывать благотворное вліяніе на подъемъ народнаго благосостоянія. Лишь въ этихъ условіяхъ возможна плодотворная работа и въ области экономическихъ мѣропріятій.

Дм. Ярошевичъ.

¹⁾ Нужда деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ с.-х. промышленности.
Т. I. Стр. 42—43.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1905.

Историческій день 6-го іюня.—Рѣчь кн. С. Н. Трубецкого и комментаріи къ ней.—Рефератъ П. А. Некрасова о „Новой Палатѣ“.—Финляндія и государственная дума.—Министерство полиціи.—Характерное дѣло.—„Московская Недѣля“ и тульская брошюра.—Послѣдствія положенія комитета министровъ.

6-ое іюня навсегда останется памятнымъ днемъ въ исторіи Россіи. Государемъ Императоромъ были приняты и выслушаны люди, уполномоченные—не формально, но фактически—говорить отъ лица значительной части русскихъ гражданъ. Они принесли съ собою петицію на Высочайшее имя, составленную, 25-го мая, въ Москвѣ и одобренную, два дня спустя, с.-петербургскою городскою думою. Вотъ текстъ этого замѣчательнаго документа, заимствуемый нами изъ № 153 „Русскихъ Вѣдомостей“.

„Ваше Императорское Величество.

Въ минуту величайшаго народнаго бѣдствія и великой опасности для Россіи и самаго престола Вашего мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ, отложивъ всякую рознь и всѣ различія, насъ раздѣляющія, движимые одной пламенной любовью къ отечеству. Государь, преступнымъ небреженіемъ и злоупотребленіями Вашихъ совѣтниковъ Россія ввергнута въ гибельную войну. Наша армія не могла одолѣть врага, нашъ флотъ уничтоженъ и, грознѣе опасности внѣшней, разгорается внутренняя усобица. Увидавъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ Вашимъ всѣ пороки ненавистнаго и пагубнаго приказнаго строя, Вы положили измѣнить его и предначертали рядъ мѣръ, направленныхъ къ его преобразованію. Но предначертанія эти были искажены и ни въ одной области не получили надлежащаго исполненія. Угнетеніе личности и общества, угнетеніе слова и всякій произволъ множатся и растутъ. Вмѣсто предуказанной Вами отъѣны усиленной охраны и административнаго произвола полицейская власть усиливается и получаетъ неограниченныя полномочія, а подданнымъ Вашимъ преграждается путь, открытый Вами, дабы голосъ правды могъ восходить до Васъ. Вы

положили созвать народныхъ представителей для совѣстнаго съ Вами строительства земли, и слово Ваше осталось безъ исполненія донинѣ, несмотря на все грозное величіе совершающихся событій; а общество волнуется слухи о проектахъ, въ которыхъ обѣщанное Вами народное представительство, долженствовавшее упразднить приказный строй, замѣняется сословнымъ совѣщаніемъ. Государь, пока не поздно, для спасенія Россіи, во утверженіе порядка и мира внутренняго, повелите безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными Вашими. Пусть рѣшать они, въ согласіи съ Вами, жизненный вопросъ государства, вопросъ о войнѣ и мирѣ, пусть опредѣляютъ они условія мира, или, отвергнувъ его, превратятъ эту войну въ войну народную. Пусть явятъ они всѣмъ народамъ Россію не раздѣленную болѣе, не изнемогающую во внутренней борьбѣ, а испѣленную, могущественную въ своемъ возрожденіи и слитившуюся вокругъ единаго стаяга народнаго. Пусть установятъ они въ согласіи съ Вами обновленный государственный строй. Государы! Въ рукахъ Вашихъ честь и могущество Россіи, ея внутренній миръ, отъ котораго зависитъ и внѣшній миръ ея, въ рукахъ Вашихъ держава Ваша, Вашъ престоль, унаслѣдованный отъ предковъ. Не медлите, Государь. Въ страшный часъ испытанія народнаго велика отвѣтственность Ваша предъ Богомъ и Россіей“.

Первымъ обратился съ рѣчью къ Государю Императору кн. С. Н. Трубецкой, профессоръ философіи въ московскомъ университетѣ, одинъ изъ ближайшихъ друзей покойнаго Влад. Серг. Соловьева.

„Позвольте выразить Вашему Величеству, — сказалъ онъ, — нашу глубокую искреннюю благодарность за то, что Вы приняли насъ послѣ нашего къ Вамъ обращенія. Вы поняли тѣ чувства, которыя руководили нами, и не повѣрили тѣмъ, кто представлялъ насъ — общественныхъ и земскихъ дѣятелей — чуть ли не измѣнниками престола и врагами Россіи. Насъ привело сюда одно чувство — любовь къ отечеству и сознание долга передъ Вами.

Мы знаемъ, Государь, что въ эту минуту Вы страдаете больше всѣхъ насъ. Намъ было бы отрадно сказать Вамъ слово утѣшенія, и если мы обращаемся къ Вашему Величеству теперь въ такой необычной формѣ, то вѣрьте, что къ этому побуждаетъ насъ чувство долга и сознание общей опасности, которая велика, Государь.

Въ смутѣ, охватившей все государство, мы разумѣемъ не крамолу, которая сама по себѣ, при нормальныхъ условіяхъ, не была бы опасна, а общій разладъ и полную дезорганизацію, при которой власть осуждена на безсиліе. Русскій народъ не утратилъ патриотизма, не утратилъ вѣры въ Царя и въ несокрушимое могущество Россіи; но именно поэтому онъ не можетъ уразумѣть наши неудачи, вашу внутреннюю неурядицу; онъ чувствуетъ себя обманутымъ и въ немъ зарождается мысль, что обманываютъ Царя. И когда народъ видитъ, что Царь хочетъ добра, а дѣлается зло, что Царь улаживаетъ одно, а творится совершенно другое, что предначертанія Вашего Величества урѣзываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными преобразованиямъ, то такое

убѣжденіе въ немъ все болѣе растеть. Страшное слово „измѣна“ произнесено, и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ,— и въ генералахъ, и въ совѣтчикахъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ „господахъ“ вообще. Это чувство съ разныхъ сторонъ эксплуатируется. Одни натравляютъ народъ на помѣщиковъ, другіе—на учителей, земскихъ врачей, на образованные классы. Однѣ части населенія возбуждаются противъ другихъ. Ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся вѣками обидъ и утѣсненій, обостряемая нуждой и горемъ, безправіемъ и тяжкими экономическими условіями, подымается и растеть, и она тѣмъ опаснѣе, что вначалѣ облекается въ патриотическія формы,—тѣмъ болѣе она заразительна, тѣмъ легче она зажигаетъ массы. Вотъ грозная опасность, Государь, которую мы, люди, живущіе на мѣстахъ, измѣрили до глубины во всемъ ея значеніи и о которой мы сочли долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій—это путь, указанный Вами, Государь,—созывъ избранныхъ народа. Мы всѣ вѣримъ въ этотъ путь, но сознаемъ, однако, что не всякое представительство можетъ служить тѣмъ благимъ цѣлямъ, которыя Вы ему ставите. Вѣдь оно должно служить водворенію внутренняго мира, созиданію, а не разрушенію, объединенію, а не раздѣленію частей населенія и, наконецъ, оно должно служить „преобразованію государственному“, какъ сказано было Вашимъ Величествомъ. Мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія. Если позволите, Государь, мы можемъ сказать только то, что объединяетъ всѣхъ насъ, что объединяетъ большинство русскихъ людей, искренно желающихъ идти по намѣченному Вами пути.

Нужно, чтобы всѣ Ваши подданные—равно и безъ различія—чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя части населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народнаго, не обращались бы тѣмъ самымъ во враговъ обновленнаго строя; нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ. Мы хотѣли бы, чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чуждые намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое Отечество, въ Васъ—своего Государя; чтобы они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію такъ же, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ. Какъ Русскій Царь—не Царь дворянъ, не Царь крестьянъ или купцовъ, не Царь сословій,— а Царь всея Руси, такъ и выборные люди отъ всего населенія, призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ваше Государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общегосударственнымъ интересамъ. Сословное представительство неизбѣжно должно породить сословную рознь тамъ, гдѣ ея не существуетъ вовсе.

Далѣе, народное представительство должно служить дѣлу „преобразованія государственнаго“. Бюрократія существуетъ вездѣ, во всякомъ государствѣ, и, осуждая ее, мы винили не отдѣльныхъ лицъ, а „приказный строй“. Въ обновленномъ строѣ бюрократія должна занять подобающее ей мѣсто. Она не должна узурпировать Вашихъ

державныхъ правъ, она должна стать отвѣтственной. Вотъ дѣло, которому должно послужить собраніе выборныхъ представителей. Оно не можетъ быть заплатой къ старой системѣ бюрократическихъ учреждений. А для этого оно должно быть поставлено самостоятельно, и между имъ и Вами не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учреждений Имперіи. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, Государь, когда призовете избранниковъ народа и встанете съ ними лицомъ къ лицу, какъ мы стоимъ передъ Вами.

Наконецъ, предначертанныя Вами преобразования столь близко касаются русскаго народа и общества, нынѣ призываемаго къ участію въ государственной работѣ, что русскіе люди не только не могутъ, но не должны оставаться къ нимъ равнодушны. Посему необходимо открыть самую широкую возможность обсужденія государственнаго преобразования не только на первомъ собраніи выборныхъ, но нынѣ же въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать свободнаго сужденія. Это подорвало бы довѣріе къ осуществленію реформъ, мѣшало бы успѣшному проведенію ихъ въ жизнь.

Государь, на довѣріи должно созидаться обновленіе Россіи“.

Гласный с.-петербургской городской думы М. П. Федоровъ высказалъ слѣдующее:

„Позвольте, Ваше Величество, присоединить къ тому, что сейчасъ было высказано княземъ Трубецкимъ, еще и то, что тревожить и волнуетъ города. Городъ и деревня такъ близки другъ другу, что всякая невзгода деревни отражается и на благосостояніи города; бѣднѣетъ деревня, и мы страдаемъ.

Мы не можемъ не беспокоиться о задачахъ ближайшаго будущаго: какъ бы Ваше Величество ни разрѣшили вопросъ войны и мира, война все-таки когда-нибудь кончится, и тогда настанетъ необходимость залечивать нанесенныя ею раны—экономическія и финансовыя; мы предвидимъ, что нашъ бюджетъ долженъ будетъ увеличиться ради этого на много милліоновъ въ годъ. Чтобы достать эти милліоны, чтобы найти источникъ для покрытія этихъ расходовъ, нужно начать огромную культурную работу, нужно озаботиться о подъемѣ производительныхъ силъ страны, а это только возможно тогда, когда будетъ призвано къ жизни все, что есть даровитаго и талантливаго въ народѣ, и возбуждена широкая самодѣятельность общества.

У Вашего Величества есть, правда, люди и люди талантливыя, но ихъ немного, и они могутъ присматриваться къ потребностямъ и вуждамъ народнымъ только изъ своихъ кабинетовъ и канцелярій, тогда какъ предстоящая работа потребуетъ людей, стоящихъ у самой жизни. Вотъ почему и города всецѣло присоединяются къ голосу земскихъ людей, мысли которыхъ передалъ здѣсь князь Трубецкой“.

Его Императорскому Величеству благоугодно было отвѣтить:

„Я радъ былъ выслушать васъ. Не сомнѣваюсь, что вами, господа, руководило чувство горячей любви къ Родинѣ въ вашемъ непосредственномъ обращеніи ко Мнѣ.

„Я вмѣстѣ съ вами и со всѣмъ народомъ Моимъ всею душою скорбѣлъ и скорблю о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя принесла Россіи война и которыя необходимо еще предвидѣть, и о всѣхъ внутреннихъ нашихъ неурядицахъ.

„Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля—воля Царская—созывать выборныхъ отъ народа—непреклонна. Привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ.

„Вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ.

„Я твердо вѣрю, что Россія выйдетъ обновленною изъ постигшаго ее испытанія.

„Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ.

„Я надѣюсь, вы будете содѣйствовать Мнѣ въ этой работѣ“.

Кромѣ кн. Трубецкого и М. П. Федорова, въ представленіи участвовали земскіе гласные: московскіе—*О. А. Головинъ* (предсѣдатель московской губернской земской управы) и кн. *Пав. Д. Долгоруковъ*, псковской—*гр. П. А. Гейденъ*, саратовскій—*Н. Н. Львовъ*, тамбовскій—*Ю. А. Новосильцовъ*, тверскіе—*И. И. Петрункевичъ* и *Ф. И. Родичевъ*, тульскій—кн. *Г. Е. Львовъ* (предсѣдатель тульской губернской земской управы), харьковскій—*Н. Н. Ковалевскій*, ярославскій—кн. *Д. И. Шаховской*, и с.-петербургскіе городскіе гласные *бар. П. Л. Корфъ* и *А. Н. Никитинъ*. „Въ составѣ этой исторической депутаціи“—справедливо замѣчаетъ „Русь“—„находилось нѣсколько лицъ, обычно подвергающихся самымъ грубымъ нападкамъ реакціонной печати... Земля избрала и верховная власть приняла людей высокодостойныхъ этого двойного довѣрія, но чьи имена съ наглостью, свойственною ободраемымъ и натравляемымъ рептиліямъ, трепали еще очень и очень недавно „Московскія Вѣдомости“ и союзные имъ органы клеветничества... Со столбцовъ газетъ злобныя и живыя аттестаціи въ весьма недавнее еще время, при *В. К. Плеве*, поднимались гораздо выше, въ административныя сферы, и неразборчивая рука фанатика бюрократіи давила аттестованныхъ, чѣмъ только могла давить. Менѣе года назадъ поднадзорные, политически неблагонадежные, они вчера приняты были въ Фермерскомъ дворцѣ... Черезъ многое пришлось пройти многимъ земскимъ дѣятелямъ, отстаивавшимъ правду и законъ въ русской землѣ противъ безпардоннаго, нечестнаго беззаконія русской бюрократіи“.

Глубокое, потрясающее впечатлѣніе произвела въ широкихъ кругахъ столь же продуманная, сколько и прочувствованная рѣчь князя С. Н. Трубецкого. Ярко, въ немногихъ, но вѣскихъ словахъ обрисовавъ причины зла, отъ котораго страдаетъ Россія, онъ указалъ путь, ведущій впередъ, къ добру и свѣту. Отсюда тревога, поднявшаяся среди сторонниковъ тьмы и неправды. Сначала они пустили въ ходъ „пріемъ ироніи“, приписывая князю Трубецкому и его товарищамъ страхъ передъ *земскою* неурядицей, осужденіе „вреднаго направленія“, принятаго нѣкоторыми земскими и городскими учрежденіями¹⁾. Убѣдясь, что слишкомъ ужъ очевидна искусственность и фальшь подобнаго пріема, они перешли въ открытое нападеніе, соединенное съ самозащитой (говоримъ: *самозащитой*, потому что все, противъ чего возставалъ кн. Трубецкой, поддерживала, одобряла или вдохновляла реакціонная печать). Какъ ведется нападеніе, къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ защита—этому достаточно привести нѣсколько примѣровъ. Слова кн. Трубецкого: „предназначенія верховной власти урѣзываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными преобразованіямъ“—истолковываются исключительно въ смыслѣ упрека министру внутреннихъ дѣлъ, медлящему созывомъ представителей, и затѣмъ дѣлается попытка доказать, что этотъ упрекъ не заслуженъ, что работа первостепенной важности не могла быть закончена въ болѣе короткое время. Всѣ эти аргументы бьютъ мимо цѣли. Дѣло не столько въ томъ, допущена или не допущена медленность въ созывѣ представителей,—сколько въ томъ, въ чьи руки попадаетъ исполненіе реформъ—въ руки искреннихъ ихъ друзей или въ руки враговъ, тайныхъ, а иногда и явныхъ? На этотъ вопросъ, прямо и ясно поставленный кн. Трубецкимъ, не можетъ быть двухъ различныхъ отвѣтовъ: достаточно припомнить, сколько совершилось въ послѣднее время, на бумагѣ, отступленій отъ системы, почти четверть вѣка сряду господствовавшей въ нашемъ официальномъ мірѣ—и какъ мало намѣнился до сихъ поръ личный составъ этого міра. Кн. Трубецкой безусловно правъ—и доказательствомъ его правоты служить, между прочимъ, именно эскамотажъ, производимый надъ его мыслью.

„Страшное слово: *измѣна*“—читаемъ мы дальше въ рѣчи кн. Трубецкого—„пронесено, и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ—и въ генералахъ, и въ совѣтчикахъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ *господахъ* вообще. Это чувство съ разныхъ сторонъ эксплуатируется. Одни натравливаютъ народъ на помѣщиковъ, другіе—на учителей, земскихъ врачей, на образованные классы“. Неправда—возражаетъ московская газета,—„неправда, что народъ ищетъ измѣнни-

¹⁾ См. „Московскія Вѣдомости“, №№ 154 и 156.

ковъ среди генераловъ и чиновниковъ; среди нихъ стараются найти измѣнниковъ только радикалы. Народъ инстинктивно ищетъ измѣнниковъ среди людей, умышленно создающихъ правительству всевозможныя затрудненія въ видѣ стачекъ, открытыхъ бунтовъ, подрыва кредита, сношеній съ непріятелемъ... Народъ дѣйствительно натравливаетъ на помѣщиковъ; но кто это дѣлаетъ? Кто совѣтовалъ—поправъ всѣ законы собственности,—отнять землю у помѣщиковъ и раздать крестьянамъ? Кто, какъ не слушатели этихъ совѣтовъ, ходять по деревнямъ, благо у нихъ много свободнаго времени, и подстрекають населеніе къ грабежамъ? Кто натравливаетъ общество на учителей, какъ не либеральная печать, представляющая учителя какимъ-то извергомъ, пожирающимъ дѣтей живьемъ?—Претендуя на возстановленіе правды, вся эта тирада представляетъ собою сплошное ея нарушеніе. Печать, какъ радикальная, такъ и либеральная—въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между тою и другою—нигдѣ не искала и не ищетъ измѣнны и измѣнниковъ: она констатировала и констатируетъ неспособность, легкомысліе, отсутствіе чувства долга, злоупотребленіе властью — но винить въ этомъ не столько отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, сколько режимъ, на почвѣ котораго они воспитались и подъ покровомъ котораго они дѣйствовали... или бездѣйствовали. Не ищетъ измѣнниковъ и народъ, даже въ своихъ стихійныхъ эксцессахъ; не вѣрятъ въ измѣну и „черныя сотни“, когда предпринимають изобіеніе евреевъ, студентовъ или гимназистовъ. Пропагандою этой вѣры занимается одна лишь реакціонная печать. Образецъ приемовъ, къ которымъ она при этомъ прибѣгаетъ, мы видѣли выше. Одинъ изъ нихъ—сваливанье въ одну кучу самыхъ разнородныхъ обвиненій: стачки, фактически даже у насъ переставшія считаться преступленіемъ, ставатся рядомъ съ открытымъ бунтомъ, отказъ въ поддержкѣ правительства приравняется... къ сношеніямъ съ непріятелемъ! Слѣдуя принципу: *calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose*, обвинители рассчитываютъ на то, что изъ нагромождаемыхъ подозрѣній западетъ хоть что-нибудь въ душу довѣрчивыхъ читателей... Другой полемическій приемъ — смѣшеніе небольшой доли истины съ очень крупной долей вымысла. Въ публичныхъ чтеніяхъ, въ печати, на сѣздахъ говорилось, въ послѣднее время, о необходимости выкупа части помѣщичьихъ земель, для увеличенія крестьянскихъ надѣловъ: и вотъ, подъ перомъ самозванныхъ „охранителей“ это предложеніе, прямо примыкающее къ крестьянской реформѣ 1861 года, превращается въ „попраніе права собственности“, въ стремленіе отнять землю у помѣщиковъ. Третій приемъ—это намекъ, отъ котораго можно, въ случаѣ надобности, и отречься. Кого имѣеть въ виду газета, когда говоритъ о „слушателяхъ совѣтовъ“, ходящихъ

по деревьямъ, „благо у нихъ много свободнаго времени“, и подстрекающихъ населеніе къ „грабежамъ“? Для насъ не существуетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подчеркнутыя слова направлены противъ студентовъ: студенты—обычные слушатели профессоровъ; студенты, вслѣдствіе прекращенія занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣютъ много свободнаго времени. Но прямо они не названы — и для беззащитнаго обвинителя остается открытой лазейка, черезъ которую онъ можетъ уйти отъ отвѣтственности... Четвертый приемъ можетъ быть названъ сознательнымъ недоразумѣніемъ. Совершенно очевидно, что, говоря о натравливаніи народа на учителей, кн. Трубецкой имѣлъ въ виду исключительно учителей начальной школы, которые одни только непосредственно соприкасаются съ народомъ. Не можетъ быть, чтобы этого не понимала московская газета; но ей нужно было взвести новое обвиненіе на либеральную печать—и вотъ, она замѣняетъ слово *народъ* словомъ *общество*, и сказанное о народныхъ учителяхъ примѣняетъ къ учителямъ средней школы, о которыхъ вовсе не помышлялъ кн. Трубецкой. И на послѣднихъ, впрочемъ, никогда никого не натравливала либеральная печать, очень хорошо понимая, что недостатки учителей всецѣло зависятъ отъ недостатковъ учебной системы.

Предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ о способѣ образованія и порядкѣ дѣйствій народнаго представительства, разсматриваемыя, со второй половины мая, въ совѣтѣ министровъ, будутъ утверждены, повидимому, безъ передачи на обсужденіе особаго совѣщанія, проектированнаго Высочайшимъ рескриптомъ 18-го февраля. Обнародованіе закона, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждетъ Россія, состоится, по всей вѣроятности, весьма скоро. Излишне было бы, поэтому, входить въ подробный разборъ проекта, составленнаго гофмейстеромъ Булыгинымъ — тѣмъ болѣе излишне, что о содержаніи его нѣтъ до сихъ поръ достовѣрныхъ свѣдѣній. Любопытно отмѣтить, какъ долго и упорно держалась, въ извѣстныхъ сферахъ, надежда на то, что все или почти все останется попрежнему. Характернымъ проявленіемъ этой надежды служить отвѣтъ, данный однимъ изъ членовъ сформировавшагося въ Москвѣ „союза русскихъ людей“, П. А. Некрасовымъ, на вопросъ, сдѣланный ему по выслушаніи его реферата на современную тему ¹⁾. Вопросъ былъ поставленъ такъ: нужна ли „Новая Палата“, т. е., по терминологіи г. Некрасова, собраніе выборныхъ, имѣющее стать рядомъ съ „Старой Палатой“ (государственнымъ совѣтомъ). „Я думаю“,—сказалъ г. Некрасовъ,—„что хорошая

¹⁾ См. фельетонъ въ № 10514 „Новаго Времени“.

палата, съ доблестнымъ большинствомъ, нужна и желательна, а плохая — конечно нѣтъ. Судя по нынѣшней спутанности взглядовъ и понятій, скорѣе можно ожидать образованія палаты послѣдняго типа, чѣмъ добropорядочной“. Достаточно ясной представляется уже первая часть отвѣта: если желательна только *хорошая* палата — хорошая, конечно, на вкусъ говорящаго, — а возможна и *плохая*, то лучше обойтись вовсе безъ палаты. Вторая часть отвѣта идетъ еще дальше, находя избраніе плохой палаты, въ настоящую минуту, не только *возможнымъ*, но и *спросятымъ*. И такъ смотреть на дѣло членъ „союза русскихъ людей“, не отрицающаго, въ принципѣ, ни необходимости, ни даже своевременности реформъ! Если въ словахъ г. Некрасова отразился взглядъ „союза“, въ засѣданіи котораго онъ читалъ свой рефератъ, то болѣе послѣдовательными, чѣмъ члены этого союза, должны быть признаны единомышленники г. Грингмута, рекомендующіе отложить реформы (*какія* реформы — это вообразить себѣ нетрудно!) до окончанія войны. „Союз“, столь мало довѣряющій русскому народу и русскому обществу, не имѣетъ права именовать себя союзомъ *русскихъ людей*, точно также какъ партія, отстаивающая неограниченность произвола, не въ правѣ называться *монархическою* партией. Подходящее прозвище для послѣдней найдено уже давно: она была и остается партией *реакціонной*, а соприкасающійся, но не сливающійся съ нею „союзъ русскихъ людей“ представляетъ собою, быть можетъ, зерно будущей *консервативной* партіи.

Заслуживаетъ вниманія еще одна черта въ рефератѣ г. Некрасова. Отвѣчая на вопросъ, одна ли нужна палата или нѣсколько, референтъ высказался за нѣсколько палатъ — центральную и мѣстныя, причемъ послѣднія должны рѣшать тѣ вопросы, которые по закону будутъ признаны относящимися къ компетенціи провинціальныхъ учреждений. Мѣстныя *законопроективныя* (!) палаты, по мнѣнію г. Некрасова, „необходимы для закономѣрной децентрализаціи законодательства. У центра есть важныя нужды — интересы цѣлаго; мѣстныя нужды кажутся ему микроскопическими, являясь въ его глазахъ пылью, по законамъ перспективы“. Еслибы подъ именемъ мѣстныхъ палатъ разумѣлись здѣсь губернскія земскія учреждения, противъ мысли г. Некрасова нельзя было бы возразить ни слова; существованіе центрального народнаго представительства, конечно, не устраняетъ надобности въ мѣстныхъ органахъ самоуправленія, а наоборотъ, можетъ только способствовать широкому ихъ развитію и плодотворной дѣятельности. Согласиться съ г. Некрасовымъ можно было бы и въ такомъ случаѣ, еслибы онъ имѣлъ въ виду созданіе областного представительства, въ районахъ болѣе крупныхъ, чѣмъ губернія, и вмѣстѣ съ тѣмъ объединенныхъ сходствомъ этнографическаго состава или общностью

интересовъ, матеріальныхъ или духовныхъ. Съ земскими учрежденіями, однако, „мѣстныя палаты“ г. Некрасова, очевидно, не совпадаютъ, потому что въ сферу дѣйствій земства функція *законодательная* не входитъ и входить не могутъ. Объ автономіи областей, хотя бы и заключенной въ сравнительно тѣсные предѣлы, г. Некрасовъ, столь же очевидно, не помышляетъ: она шла бы въ разрѣзъ съ основными взглядами „русскихъ людей“, въ специфическомъ смыслѣ этого слова. Что же такое, въ концѣ концовъ, „мѣстныя законопроективные палаты“, что такое ожидаемая отъ нихъ „закономѣрная децентрализація законодательства“? Единственнымъ возможнымъ разрѣшеніемъ этой загадки кажется намъ раздробленіе законодательной инициативы между нѣсколькими собраніями, дѣйствующими независимо одно отъ другого и отъ центральной палаты и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе зависимыми отъ администраціи. „Децентрализація законодательства“, такимъ образомъ понимаемая — то же самое, что централизація власти. Нельзя же было бы, въ самомъ дѣлѣ, допустить совмѣстное существованіе нѣсколькихъ законодательствъ, несогласованныхъ между собою—и согласующая, т.-е. рѣшающая роль оказалась бы въ рукахъ правительства. Измѣнилась бы форма, но содержаніе осталось бы прежнее. По истинѣ данаевыми были бы дары, уготовляемые для Россіи ораторомъ „союза русскихъ людей“. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мысль г. Некрасова отстааетъ даже отъ законодательныхъ актовъ, плохо соблюдаемыхъ, но все-же не отмѣненныхъ. „Всѣмъ конституціямъ, требующимъ независимости суда отъ верховной власти, можно сказать: судьи, не заслоняйте солнца правды того государства, которому вы служите!“ Въ этомъ восклицаніи г. Некрасова воскресаетъ точка зрѣнія, надъ которою почти полвѣка тому съумѣли возвыситься составители нашихъ судебныхъ уставовъ.

Извѣстный афоризмъ о соприкосновеніи крайностей нашелъ недавно неожиданное подтвержденіе въ различныхъ взглядахъ на отношеніе Финляндіи къ переустроенной Россіи. Проектъ гофмейстера Булыгина допускаетъ участіе въ государственной думѣ представителей отъ финляндскаго сейма (по три отъ каждаго сословія) при разсмотрѣніи законопроектовъ, общихъ для имперіи и великаго княжества финляндскаго, а также законопроектовъ, относящихся къ одной Финляндіи, но затрагивающихъ и общегосударственные интересы. Право имѣть представителей въ всероссійскомъ государственномъ учрежденіи признаютъ за Финляндіей, съ другой стороны, и резолюціи собиравшагося недавно въ Петербургѣ съѣзда журналистовъ, предоставляющія Финляндіи „опредѣлить свои отношенія къ Россіи на тѣхъ началахъ,

какія счелъ бы нужнымъ выработать финляндскій сеймъ, избранный на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія половъ“. Противъ обоихъ мнѣній, сходящихся между собою на одномъ пунктѣ и далеко расходящихся по всѣмъ остальнымъ, возражаетъ профессоръ Вреде, въ интересной статьѣ, помѣщенной въ № 22 „Права“. Остановливаясь сначала на резолюціи съѣзда журналистовъ, онъ напоминаетъ, что Финляндія имѣетъ свою старинную конституцію, измѣненіе которой, хотя бы и къ лучшему, возможно только въ порядкѣ, установленномъ основными законами великаго княжества. Финляндія—продолжаетъ г. Вреде—„находится, въ этомъ отношеніи, въ совершенно иныхъ условіяхъ, нежели имперія. Россія не имѣетъ конституціоннаго строя, вслѣдствіе чего народное представительство можетъ быть организовано въ ней почти любымъ способомъ. Въ Финляндіи сеймъ, избранный на тѣхъ началахъ, о которыхъ говорится въ резолюціи съѣзда журналистовъ, или вообще иначе, чѣмъ предписываютъ основные законы края, не имѣлъ бы никакой законной власти и не могъ бы принимать рѣшеній, обязательныхъ для финскаго народа“. Столь же категорически г. Вреде высказывается и противъ участія представителей Финляндіи въ русской государственной думѣ. Потребность въ законахъ, общихъ для имперіи и для великаго княжества, встрѣчается весьма рѣдко, да и въ этихъ исключительныхъ случаяхъ обязательную силу для Финляндіи законы могутъ получить лишь по утвержденіи ихъ въ обычномъ порядкѣ. Возможна, пожалуй, совмѣстная подготовка такихъ законовъ, но самое принятіе ихъ должно происходить особо для каждой страны, согласно ея конституціи. На участіе въ разрѣшеніи тѣхъ немногихъ вопросовъ, по которымъ неизбежно согласіе между имперіей и великимъ княжествомъ (напр. порядокъ престолонаслѣдія, внѣшняя политика), Финляндія, по словамъ г. Вреде, никогда не претендовала и не претендуетъ: ихъ всегда рѣшала самостоятельно имперія. „Финляндцы надеются“—такъ заканчивается статья г. Вреде,—„что обновленная Россія будетъ уважать финляндскую конституцію“. Мы раздѣляемъ эту надежду и продолжаемъ думать, что участіе представителей Финляндіи въ общеимперской государственной думѣ сдѣлается желательнымъ и возможнымъ только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, когда прочно, на широкихъ началахъ, установится новый порядокъ въ Россіи и приблизится къ нему, безъ принужденія извнѣ, политическій строй великаго княжества. Недостатки этого строя хорошо сознаются въ самой Финляндіи; коренное преобразование его—вопросъ времени. Необходимо только, чтобы инициатива перемѣны шла отъ тѣхъ, кто въ ней непосредственно заинтересованъ. Для диктовки, хотя бы заимствованной изъ самыхъ лучшихъ прописей,

здѣсь не должно быть мѣста. Навязывать финляндцамъ формулу, медную, въ данный моментъ, среди русскаго общества, значило бы забывать поговорку: „въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ“.

Чаще, чѣмъ когда-либо, повторяются въ послѣднее время случаи изданія важныхъ законодательныхъ актовъ внѣ установленнаго закономъ порядка. Мы видѣли, мѣсяцъ тому назадъ, что именно такъ было упразднено министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ; теперь намъ приходится занести въ нашу хронику другую аналогичную мѣру — учрежденіе министерства полиціи. Въ Высочайшемъ указѣ 21-го мая нѣтъ этого слова, но несомнѣнно имѣется на лицо соотвѣтствующее ему содержаніе. Разъ что товарищу министра, завѣдующему полиціей, предоставлено разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, входящихъ, по закону, въ кругъ власти министра, разъ что ему дано и право всеподданнѣйшаго доклада, и право непосредственнаго сношенія со всѣми правительственными мѣстами и лицами, онъ несомнѣнно является министромъ, если не по имени, то на самомъ дѣлѣ. Обыкновенный товарищъ министра исполняетъ указанія своего начальника, замѣняя его только во время его отсутствія или болѣзни; всѣ отрасли управленія, образующія компетенцію министерства, остаются въ вѣдѣніи и распоряженіи министра, хотя бы ближайшее руководство нѣкоторыми изъ нихъ и было возлагаемо на одного изъ товарищей. Совсѣмъ не то мы видимъ въ данномъ случаѣ: полиція, продолжая составлять предметъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, не только фактически, но и юридически изъята изъ вѣдѣнія министра. Этого мало: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующій полиціей, получаетъ возможность вмѣшательства въ сферу дѣйствій другихъ министерствъ и даже высшихъ государственныхъ установленій. Онъ облеченъ правомъ высшаго надзора за порядкомъ содержанія подъ стражей лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ — и, слѣдовательно, раздѣляетъ это право съ министромъ юстиціи, въ вѣдѣніи котораго находятся всѣ мѣста заключенія. Онъ уполномоченъ закрывать сѣзды, разрѣшаемые какъ установленіями министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ и *установленіями другихъ ведомствъ* — и, слѣдовательно, можетъ отмѣнить распоряженіе любого министерства, съ согласія котораго собрался тотъ или другой сѣздъ. Отъ него зависитъ закрытіе, на срокъ до одного года, всякаго рода обществъ, собраній, союзовъ и тому подобныхъ учрежденій, въ какомъ бы порядкѣ ни послѣдовало ихъ открытіе и къ какому бы вѣдомству они ни принадлежали. Въ этомъ отношеніи онъ не только поставленъ выше отдѣльныхъ министровъ, но приравненъ къ коми-

тету министровъ, отъ котораго одного, по общему правилу, могли исходить, до сихъ поръ, распоряженія о закрытіи законно учрежденныхъ обществъ (если въ ихъ уставахъ не предусмотрънъ другой порядокъ прекращенія ихъ дѣйствій). Поколеблены, такимъ образомъ, основы нашей бюрократической іерархіи, нарушено нормальное отношеніе властей, созданы поводы для множества недоразумѣній и конфликтовъ. Проще было бы, повидимому, учредить министерство полиціи,—т.-е., внести въ государственный совѣтъ проектъ, его учреждающій. Быть можетъ, этому помѣшало сознаніе, что нигдѣ и никогда министерство полиціи не приводило къ цѣли, не служило опорой для государственнаго порядка; быть можетъ, нѣкоторую роль сыграла и недобрая память, оставленная третьимъ отдѣленіемъ—этою специально русскою разновидностью министерства полиціи. Дѣло, однако, не въ названіи. Для всѣхъ ясно, что товарищъ министра, самостоятельный и полноправный, ничѣмъ не отличается отъ министра; столь же ясно и то, что значеніе полицейскаго вѣдомства обуславливается не положеніемъ, номинально отводимымъ ему въ ряду другихъ государственныхъ учреждений, а характеромъ и объемомъ принадлежащихъ ему полномочій. Третье отдѣленіе, упраздненное въ 1880-мъ году, воскресло весьма скоро въ лицѣ департамента полиціи; министръ внутреннихъ дѣлъ унаслѣдовалъ не только титулъ, но и функціи шефа жандармовъ. Нѣсколько лѣтъ, даже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, расширеніе власти товарища министра, завѣдующаго полиціей, вызвало бы, поэтому, только тѣ формальныя возраженія, которыя сдѣланы нами выше; теперь оно возбуждаетъ рядъ другихъ вопросовъ, несравненно болѣе серьезныхъ. Какъ согласить его съ указомъ 12-го декабря и рескриптомъ 18-го февраля? Какъ объяснить, что вмѣсто возвышеннаго укрѣпленія законности мы присутствуемъ при новыхъ ея нарушеніяхъ, при новомъ обостреніи произвола? Какъ совмѣстить колоссальный ростъ полицейскаго усмотрѣнія съ ожидаемымъ преобразованиемъ государственнаго строя? Мыслимо ли такое преобразование, пока не только сохраняются, но даже обостряются характернѣйшія черты старой системы? Недаромъ же въ адресахъ, резолюціяхъ, заявленіяхъ всякаго рода необходимымъ условіемъ, необходимой предпосылкой коренной реформы выставляется признаніе и проведеніе въ жизнь тѣхъ элементарныхъ правъ личности, на игнорированіи которыхъ зиждется полицейское всевластіе. Въ такое время, какое мы переживаемъ теперь, репрессія, виѣ-законная и виѣ-судебная, не только возмущаетъ общественную совѣсть: она не достигаетъ даже своей ближайшей цѣли. „Нарушенія порядка“ повторяются такъ часто, нарушителей оказывается такъ много, что всею и всѣхъ мѣры предупрежденія и пресѣченія коснуться все равно не могутъ. Принимаемая болѣе или менѣе случайно, онѣ тяжело отзываются на

отдѣльныхъ лицахъ, не приводя ни къ какимъ общимъ результатамъ.

Съ особенною ясностью несостоятельность и несправедливость полицейскаго режима отражается въ лишеніи свободы, практикуемомъ, какъ общее правило, по отношенію къ подозрѣваемымъ въ политическомъ преступленіи. Примѣровъ этому слишкомъ много: приведемъ одинъ изъ нихъ, только-что оглашенный въ печати. Вотъ что пишетъ „Руси“ присяжный повѣренный М. В. Беренштамъ: „Поздно вечеромъ 14-го апрѣля ко мнѣ явились съ обыскомъ. Тщательный осмотръ всей квартиры не далъ почти никакихъ результатовъ: въ составленный по поводу обыска протоколъ занесено, что ничего явно-предсудительнаго у меня не найдено. Всѣ письма, замѣтки, рукописи и пр. были, конечно, отобраны. Среди нихъ находились и бумаги, относящіяся къ сѣзду адвокатовъ въ Петербургѣ. Производившія обыскъ лица ихъ даже не просматривали и о содержаніи ихъ не знали. Тѣмъ не менѣе, въ силу даннаго полицейскому приставу предписанія, я былъ арестованъ и отправленъ въ тюрьму. 25 апрѣля дѣло обо мнѣ передано жандармскому управленію. 30 апрѣля мнѣ сдѣлали первый допросъ. Мнѣ предъявили обвиненіе по 126-й ст. угол. улож. и пояснили, что преступнымъ сообществомъ, въ принадлежности къ коему обвиняюсь я, является союзъ адвокатовъ. Никакого другого обвиненія мнѣ не предъявляли. Спрашивали меня по поводу бумагъ, имѣющихъ отношеніе къ сѣзду адвокатовъ и оказавшихся у меня при обыскѣ. Допросъ закончился тѣмъ, что мнѣ объявили постановленіе о дальнѣйшемъ содержаніи меня подѣ стражей. Послѣ допроса я провелъ въ тюрьмѣ еще ровно четыре недѣли—до 28-го мая. За это время меня ни разу не допрашивали. 28-го мая меня доставили въ жандармское управленіе, гдѣ и объявили постановленіе о замѣнѣ содержанія подѣ стражей особымъ надзоромъ полиціи“.

Изъ сопоставленія фактовъ, приведенныхъ въ письмѣ М. В. Беренштама, явствуетъ, что въ моментъ обыска и ареста противъ него не было собрано никакихъ опредѣленныхъ данныхъ. Въ принадлежности къ союзу адвокатовъ онъ въ это время не обвинялся, такъ какъ иначе относящіяся сюда бумаги несомнѣнно обратили бы на себя вниманіе полицейскихъ властей; въ чемъ-либо другомъ онъ также заподозрѣнъ не былъ, потому что иначе поводы къ подозрѣнію не могли бы быть обойдены при позднѣйшемъ его допросѣ. Остается предположить, что его просто считали неблагонадежнымъ—основаніе, очевидно, болѣе чѣмъ недостаточное для принятія такихъ мѣръ, какъ обыскъ и арестъ (въ одиночной камерѣ). Далѣе: цѣлыхъ десять дней *дѣло* объ арестованномъ не передается въ жандармское управленіе; еще пять дней проходитъ между этой передачей и допросомъ обви-

няемаго. *Допь недѣли*, слѣдовательно, ему остаются неизвѣстными причины, по которымъ онъ лишенъ свободы (для обыкновенныхъ обвиняемыхъ такое положеніе не можетъ, по общему правилу, продолжаться болѣе однихъ сутокъ). Послѣ допроса его держать подъ стражей еще четыре недѣли, не вызывая его болѣе къ слѣдователю, что свидѣлствуетъ объ отсутствіи какихъ бы то ни было новыхъ обвинительныхъ данныхъ. Спрашивается, что мѣшало оставить его на свободѣ съ самаго начала или, по меньшей мѣрѣ, освободить его вслѣдъ за первымъ (и единственнымъ) допросомъ? Опасаться бѣгства обвиняемаго не было причины; бѣжать расположены только тѣ, кто дѣйствовалъ втайнѣ,—а союзъ адвокатовъ образовался совершенно открыто. Столь же мало вѣроятны, по той же причинѣ, были сношенія обвиняемаго съ его „сообщниками“. Образъ дѣйствій полици по отношенію къ М. В. Беренштаму нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, кромѣ рутинѣ, окрѣпшей въ теченіе многихъ, многихъ лѣтъ и воспитавшей полнѣйшее равнодушіе къ праву, свободѣ, достоинству „обыкновенныхъ гражданъ“. Чего стоятъ одни обыски, производимые поздно вечеромъ или ночью, безъ всякаго вниманія къ семейному положенію обыскиваемаго! Чего стоитъ состояніе неизвѣстности, въ которомъ недѣлями, мѣсяцами пребываютъ люди близкіе къ обвиняемому! Противъ порядка вещей, допускающаго и оправдывающаго такіа нравственныа пытки, высказался недавно даже комитетъ министровъ—и все-таки онъ продолжаетъ существовать, скорѣе укрѣпляясь, чѣмъ ослабѣвая.

Кстати о союзѣ адвокатовъ. За принадлежность къ нему привлеченъ къ отвѣтственности по ст. 126 угол. уложенія ¹⁾, кромѣ М. В. Беренштама, еще присяжный повѣренный М. М. Биваверь. По словамъ „Права“, остальные члены союза подали въ жандармское управленіе заявленіе о принадлежности ихъ къ союзу, объясняя, что если въ этомъ заключаются признаки вступленія, то они виновны наравнѣ съ названными выше лицами и подлежатъ одинаковой съ ними отвѣтственности. Не явствуетъ ли отсюда, что пора съузить понятіе о политическомъ преступленіи, расширивъ предѣлы законной дѣятельности, личной и коллективной? Провозгласить свободу союзовъ и собраній—значило бы сразу уменьшить число политическихъ процессовъ, безъ всякаго вреда для общественнаго спокойствія и порядка. Потребность соединиться для общихъ цѣлей слишкомъ велика, чтобы ее могли подавить полицейскія мѣры. Союзъ адвокатовъ—только одинъ

¹⁾ На основаніи ст. 126 новаго уголовнаго уложенія виновный въ участіи въ обществѣ, завѣдомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя, наказывается каторгой на срокъ не свыше восьми лѣтъ или ссылкой на поселеніе.

изъ многихъ, образовавшихся въ последнее время. Преслѣдовать нѣсколькихъ членовъ союза, не трогая остальныхъ, было бы явною несообразностью; преслѣдовать всѣхъ—значило бы создать цѣлый рядъ чудовищно-грубныхъ процессовъ, безъ всякой надежды остановить широко разросшееся движеніе. Слабыми, устарѣвшими плотинами нельзя предупредить разливъ рѣки, въ періодъ таянія снѣга; представленная самой себѣ, она скорѣе войдетъ въ берега.

Растущимъ чувствомъ солидарности, продиктовавшимъ образъ дѣйствій адвокатовъ, внушено и другое аналогичное заявленіе, идущее отъ сотрудниковъ „Московской Недѣли“—еженедѣльной газеты, основанной кн. С. Н. Трубецкимъ. Первые три нумера ея были задержаны цензурой, и кн. Трубецкому объявлено о привлеченіи его къ уголовной отвѣтственности, послѣ чего редакция рѣшила временно приостановить изданіе. Главные сотрудники его—большую часть извѣстные земскіе и городскіе дѣятели—выразили желаніе отвѣчать на судѣ вмѣстѣ съ кн. Трубецкимъ, такъ какъ статьи, послужившія поводомъ къ преслѣдованію, написаны по общему ихъ согласію. Отказаться въ исполненіи этого желанія будетъ нелегко: новое уголовное уложеніе (ст. 307) примѣняетъ къ проступкамъ печати общее правило (ст. 51), въ силу котораго соучастниками признаются всѣ непосредственно учинившіе преступное дѣяніе или *участвовавшіе въ его выполненіи*. Чрезвычайно поучителенъ можетъ быть, при такихъ условіяхъ, процессъ „Московской Недѣли“, если только ему суждено состояться: въ газетахъ появилось извѣстіе, что прокуроръ московской судебной палаты не находитъ въ инкриминированныхъ статьяхъ ничего подходящаго подъ дѣйствіе уголовного закона... Судебныя преслѣдованія не освобождаютъ печать отъ административнаго гнета. Часто, очень часто появляются запретительные циркуляры, мало согласованные съ ст. 140-ой и налагающіе на печать молчаніе о многомъ, что особенно полезно было бы доводить до всеобщаго свѣдѣнія. За неисполненіе требованія одного изъ этихъ циркуляровъ приостановлена на мѣсяцъ газета „Русь“—приостановлена именно въ такое время, когда каждый день приносить съ собою важныя событія, когда вдвойнѣ тяжело каждое ограниченіе гласности. Невольно припоминаются слова, сказанныя кн. Трубецкимъ 6-го іюня: „было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ—и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать свободного сужденія“...

Въ то самое время, когда встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія органъ кн. С. Н. Трубецкого, поощреніемъ, очень далеко идущимъ, пользуется изданіе, посвященное „натравливанью“ одной части населенія противъ другой. Въ тульской губерніи, по словамъ корреспон-

дента „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 154), разсылалась въ большомъ количествѣ экземпляровъ брошюра, озаглавленная: „Доброе и правдивое слово къ простымъ русскимъ людямъ“, но по содержанию своему заслуживавшая эпитетовъ прямо противоположныхъ. Напечатана она была въ типографіи губернскаго правленія и названа изданіемъ тульского губернскаго комитета попечительства о народной трезвости. Оказалось, однако, что это названіе „не соответствуетъ дѣйствительности“, о чемъ, отъ имени комитета, и появилось заявленіе въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Путеводною нитью для раскрытія „настоящей дѣйствительности“ послужила надпись на корректурномъ оттискѣ брошюры, сдѣланная рукою редактора неофициальной части „Губернскихъ Вѣдомостей“, г. Кранухина: „отпечатать 10 тыс. экземпляровъ, изъ которыхъ 200 отослать г. Малицкому (автору брошюры, преподавателю духовной семинаріи), а остальные—по чайнымъ и другимъ мѣстамъ такимъ же по губерніи. Деньги взять съ попечительства за наборъ и печать, а съ чайныхъ—за бумагу“. По объясненію г. Кранухина, г. Малицкій сдалъ рукопись прямо губернатору, а тотъ приказалъ передать ее въ типографію для набора. Когда наборъ былъ сдѣланъ и корректура продержана, губернаторъ, въ присутствіи г. Малицкаго, сдѣлалъ то самое распоряженіе, которое значится на корректурномъ оттискѣ и написано рукою г. Кранухина. Надпись: „Изданіе губернскаго комитета попечительства о народной трезвости“ явилась въ виду того, что губернаторъ въ то же время—предсѣдатель этого комитета... Исторія выяснилась, но только послѣ отъѣзда губернатора (г. Шлиппе); въ бытность его въ Тулѣ никто изъ членовъ губернскаго комитета не имѣлъ смѣлости поднять голосъ противъ узурпаціи его имени и его правъ. Брошюра вышла мѣсяца два тому назадъ, возбудила въ мѣстномъ обществѣ много толковъ, но комитетъ молчалъ... Въ этой исторіи все своеобразно: и самый фактъ напечатанія брошюры, по распоряженію губернской администраціи, на счетъ учрежденій попечительства народной трезвости, и обязательная покупка ея чайными, и обращеніе губернскаго комитета въ издателя *sans le savoir et sans le vouloir*, и продолжительное молчаніе комитета, и внезапное возвращеніе ему дара слова. Сколько аналогичныхъ, можетъ быть еще болѣе характерныхъ эпизодовъ остается подъ спудомъ, впредь до „перемѣны обстоятельствъ“! Какая богатая жатва предстоитъ будущимъ провинціальнымъ лѣтописцамъ!

Среди событій первостепенной важности, быстро слѣдующихъ другъ за другомъ, мало замѣченнымъ осталось положеніе комитета министровъ объ отиѣвѣ нѣкоторыхъ стѣсненій, тяготѣвшихъ до сихъ

поръ надъ губерніями Царства Польскаго. Еще недавно такія мѣры, какъ увеличеніе правъ польскаго языка (въ школахъ, присутственныхъ мѣстахъ и частныхъ обществахъ), какъ приступъ къ земской и городской реформѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, которыя будутъ приняты для центральныхъ губерній, произвели бы сильное и, конечно, благоприятное впечатлѣніе среди поляковъ; теперь онѣ не удовлетворяютъ почти никого. Запоздалость, въ подобныхъ случаяхъ—синонимъ недостаточности. Болѣе чѣмъ когда-либо выступаетъ на видъ необходимость дальнѣйшихъ, гораздо болѣе рѣшительныхъ преобразованій, предпринять и довершить которыя суждено, по всей вѣроятности, государственной думѣ.

Ничего не предрѣшаетъ положеніе комитета министровъ по еврейскому вопросу: учреждено только особое вѣдѣдомственное совѣщаніе, съ обычнымъ составомъ, и ему поручено „установить важнѣйшія составныя части еврейскаго вопроса, разрѣшеніе коихъ могло бы дать главныя основанія для пересмотра всего законодательства о евреяхъ, для представленія таковыхъ на разсмотрѣніе имѣющаго быть созваннымъ, согласно Высочайшему рескрипту 18 февраля, собранія избранныхъ отъ населенія людей и для дальнѣйшаго затѣмъ направленія настоящаго дѣла на уваженіе государственнаго совѣта“. Слѣдуетъ надѣяться, что въ народномъ представительствѣ, призываемомъ, такимъ образомъ, къ участію въ разрѣшеніи еврейскаго вопроса, найдется мѣсто и для самихъ евреевъ. Только тогда евреи, говори словами кн. Трубецкаго, могутъ почувствовать себя „русскими гражданами, не обездоленными и не безправными“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1905

Значеніе и послѣдствія цусимскаго боя.—Запоздалое крейсерство.—Газетные толки о войнѣ и мирѣ.—Паденіе франко-русскаго союза и мароккскій конфликтъ.— Политическіе кризисы въ Скандинавіи и Венгріи.

Казалось бы, что послѣ гибели нашего флота въ Корейскомъ проливѣ общее положеніе дѣлъ на театрѣ войны выяснилось съ достаточною опредѣленностью: на морѣ, какъ и на сушѣ, мы побѣждены не численнымъ превосходствомъ непріятельскихъ силъ и не выдающимися талантами ихъ вождей, а всецѣло и исключительно надменнымъ невѣжествомъ нашихъ собственныхъ распорядителей, многолѣтнимъ систематическимъ отрицаніемъ и преслѣдованіемъ всякихъ умственныхъ потребностей и интересовъ народныхъ массъ, невысокимъ нравственнымъ уровнемъ всего нашего военно-административнаго персонала, неспособностью, привычною пассивностью или небрежностью командировъ и понятною растерянностью, недоувѣріемъ и упадкомъ духа среди несчастныхъ исполнителей, рядовыхъ офицеровъ и солдатъ. Эти общія причины нашихъ неудачъ не могутъ исчезнуть въ ближайшемъ будущемъ, и потому ожидать благоприятнаго поворота въ дальнѣйшемъ ходѣ войны при существующихъ условіяхъ было бы безразсудно.

Какъ ни старались наши фальшивые патріоты умалить значеніе цусимской катастрофы, объясняя ее разными несчастными стихійными обстоятельствами и непреодолимыми техническими трудностями боя, но и они должны были признать, что это было одно изъ позорнѣйшихъ пораженій, какія когда-либо испытывала Россія. Въ сущности, это была не битва, а одностороннее истребленіе могущественной эскадры, лишенной почему-то съ самаго начала способности бороться на равныхъ правахъ и оказывать надлежащее сопротивленіе непріятелю. Извѣстныя до сихъ поръ подробности этого колоссальнаго разгрома устанавливають рядъ совершенно невѣроятныхъ фактовъ.

Во-первыхъ, оказывается, что эскадра, имѣвшая своей задачей разбить или разстроить японскій флотъ, чтобы добраться до Владивостока, — страдала не только недостаткомъ угля, но и недостаткомъ боевыхъ снарядовъ. Если можно еще понять рѣшимость остаться въ послѣдній моментъ безъ достаточнаго количества угля и, тѣмъ не менѣе, идти впередъ навстрѣчу роковой судьбѣ, то недостатокъ боевыхъ принад-

лежностей, привезенныхъ изъ Кронштадта или изъ Либавы, является уже чѣмъ-то безусловно загадочнымъ. Какъ же думали сражаться, наши адмиралы, не запасшись боевыми снарядами въ достаточномъ изобиліи? Или заранѣе предполагалось обречь эскадру на гибель и уступить часть броненосцевъ адмиралу Того?

Во-вторыхъ, командовавшій нашимъ флотомъ адмиралъ Рождественскій, извѣстный своею строгостью къ подчиненнымъ, не считалъ нужнымъ ни разу, за всѣ семь мѣсяцевъ плаванія, привлечь подвластныхъ ему адмираловъ и командировъ къ совмѣстному обсужденію предстоящихъ военныхъ дѣйствій и даже передъ послѣднимъ выходомъ къ Корейскому проливу не сообщилъ никому своего плана,—если вообще какой-нибудь планъ былъ выработанъ имъ или его штабомъ,—такъ что начальники отдѣльныхъ частей эскадры и командиры отдѣльныхъ судовъ остались безъ всякаго руководства въ самомъ началѣ битвы, когда былъ раненъ адмиралъ Рождественскій. Результатомъ этой непостижимой скрытности командовавшаго адмирала и его штаба было то, что подчиненные ему командиры вынуждены были дѣйствовать вразбродъ и кидались безпомощно въ разныя стороны, не зная въ точности, куда направиться и что предпринять, а такое состояніе легко вызывало панику при непрерывной убійственной стрѣльбѣ непріятельскихъ орудій.

Въ-третьихъ, при Цусимѣ произошло еще нѣчто худшее, чѣмъ уничтоженіе эскадры: четыре могучихъ броненосца были добровольно отданы японцамъ, причѣмъ первоначальные намеки на бунтъ команды, требовавшей, будто бы, этой постыдной сдачи, оказались ложными. Три другихъ корабли, подъ начальствомъ адмирала Энквиста, ушли самовольно на югъ и искали спасенія у Филиппинскихъ острововъ; вмѣсто того, чтобы помочь оставшимся на мѣстѣ судамъ и сдѣлать попытку прорваться къ Владивостоку,—какъ это удалось единственно лишь небольшому крейсеру „Алмазъ“ и двумъ миноносцамъ—жалкимъ остаткамъ грозной „армады“, посланной для поддержанія славы русскаго имени на Дальнемъ Востокѣ.

Какимъ же образомъ случилось, что предположенная слава, которую такъ краснорѣчиво заранѣе воспѣвали мнимо-патріотическія газеты, внезапно уступила мѣсто сплошному, небывалому еще позору? Оффиціальная телеграмма генерала Ливевича отъ 28 мая даетъ нѣкоторое понятіе о ходѣ боя и объ отдѣльныхъ его эпизодахъ, но оставляетъ многое еще неяснымъ. „Вечеромъ 12-го мая,—сказано въ этой депешѣ,—крейсеръ „Ураль“ обнаружилъ переговоры непріятеля по беспроволочному телеграфу. 14-го утромъ эскадра генералъ-адъютанта Рождественскаго въ строѣ двухъ кильватерныхъ колоннъ, имѣя транспорты по срединѣ, подходила къ восточному Корейскому проливу. Въ лѣвой колоннѣ шли броненосцы, въ правой—крейсера“. Значить,

отъ вечера 12-го мая до утра 14-го, эскадра была уже предупреждена о возможномъ нападеніи непріятельскаго флота и имѣла возможность подготовиться къ событіямъ, и если транспорты были всѣтаки оставлены въ серединѣ между двумя рядами военныхъ судовъ, то это было сдѣлано сознательно, хотя даже профанъ могъ бы предвидѣть явныя неудобства и опасности такого расположенія силъ эскадры. „Въ седьмомъ часу утра—говорится далѣе—увидѣли съ правой стороны крейсеръ „Идзуми“, шедшій почти параллельнымъ курсомъ съ эскадрой. Въ одиннадцатомъ часу усмотрѣли слѣва отрядъ крейсеровъ „Касаги“, „Нитакэ“, „Читога“, „Тсусима“, идущіе сходящимися курсами по направленію въ проливъ. Въ это время „Владимиръ Мономахъ“ по сигналу перешелъ на правый траверсъ транспортовъ и открылъ огонь по „Идзуми“, который, отвѣчая ему, скрылся во мглѣ. Въ 11 часовъ 20 минутъ второй броненосный отрядъ по сигналу открылъ огонь по японскимъ крейсерамъ, причемъ было замѣчено попаданіе въ крейсеръ „Нитакэ“ или „Тсусима“. Японцы отвѣчали на огонь, повернули влѣво и скрылись въ туманѣ“. Итакъ, потребовалось четыре часа — отъ седьмого до одиннадцатаго, — чтобы рѣшиться отогнать шедшій почти рядомъ съ эскадрой японскій развѣдочный крейсеръ, которому дана была, такимъ образомъ, возможность обстоятельно разсмотрѣть наши суда и получить всѣ нужныя свѣдѣнія для передачи адмиралу Того; затѣмъ понадобилась цѣлая часть для того, чтобы наши броненосцы начали стрѣльбу противъ слѣдовавшихъ за ними четырехъ непріятельскихъ крейсеровъ, причемъ отмѣчено „попаданіе“ только въ одинъ крейсеръ, безъ причиненія ему существеннаго вреда, и, слѣдовательно, всѣ остальные выстрѣлы съ нашей стороны не попадали въ цѣль или снаряды выпускались безъ опредѣленной цѣли, безъ того сосредоточенія огня на одномъ предметѣ, которое постоянно практикуется у японцевъ и которому, кажется, не трудно было научиться у нихъ въ теченіе настоящей кампаніи. Эта необыкновенная медлительность дѣйствій или какъ бы намѣренная бездѣятельность нашей эскадры при первой встрѣчѣ съ японскими военными судами особенно поражаетъ насъ, когда мы вспомнимъ, съ какою послѣдственною стремительностью та же эскадра дѣйствовала противъ гульскаго рыбацкаго флота, или какъ наши вспомогательные крейсера энергично разстрѣливаютъ и топятъ попадающіеся имъ на пути иностранныя торговые пароходы, причиняя этимъ огромныя убытки нашему государственному казначейству, безъ малѣйшей къ тому надобности. Очевидно, адмиралъ Рожественскій, подобно генералу Куропаткину, рѣшилъ предоставить противнику выборъ момента и мѣста битвы. И адмиралъ Того, подобно Куроки и Ойямѣ, не преминулъ воспользоваться предоставленною ему инициати-

вою. Японскій крейсеръ, безпрятственно наблюдавшій нашу эскадру въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, аккуратно исполнилъ свою задачу и вскорѣ привелъ съ собою весьма внушительныя силы. Въ двадцать минутъ второго часа, „развѣдочный непріятельскій отрядъ опять показался слѣва, повидимому идя на соединеніе съ главными силами. Въ часъ сорокъ минутъ показалась непріятельская эскадра, состоящая изъ четырехъ броненосцевъ, шести крейсеровъ (включая и названный выше „Идзуми“) и нѣкоторыхъ другихъ судовъ, всего восемнадцать кораблей, шедшихъ большимъ ходомъ на встрѣчу. Туманъ уже разсѣялся, но горизонтъ былъ мгlistый, вѣтеръ южный... Сѣровая окраска японскихъ судовъ, сливаясь съ мглой, дѣлала ихъ малозамѣтными“. Даже эта легко достижимая „малозамѣтность“ для врага осталась почему-то недоступною нашимъ судамъ, упорно окрашеннымъ въ рѣзкій черный цвѣтъ, съ ярко-желтыми трубами: простая мысль о переимѣнѣ окраски предполагала бы все-таки нѣкоторое элементарное творчество, нѣкоторую способность отступить отъ освященной высшимъ начальствомъ рутины, а между тѣмъ наши командиры, вѣроятно, желали и надѣялись остаться „малозамѣтными“ для японцевъ по пути къ Владивостоку.

Активная роль злополучнаго флота въ разгорѣвшемся боѣ продолжалась очень недолго. „Наша эскадра открыла огонь, продолжая идти тѣмъ же курсомъ, а транспорты уклонились вправо и отошли отъ эскадры, имѣя слѣва крейсерскій отрядъ и сзади—развѣдочный. Первый броненосный отрядъ повернулъ влѣво и сталъ во главѣ второго броненоснаго отряда“. Изъ этого видно, что всѣ наши крейсера были съ самаго начала обречены на бездѣйствіе ради охраны транспортовъ, и что забота объ этихъ транспортахъ совершенно подавляла сознаніе роковой важности боя; и здѣсь, какъ и у генерала Куропаткина, маленькія побочныя соображенія ставились впереди главнѣйшей, исключительной цѣли, которой должно было бы подчиняться все остальное. Оттого двадцать-два японскихъ судна, дѣйствуя сознательно и сосредоточенно, по опредѣленному плану, противъ нашихъ разрозненныхъ двадцати-шести кораблей, успѣли сразу обезпечить себѣ полный успѣхъ. „Стрѣльба японцевъ—какъ сообщаетъ официальное донесеніе—была очень мѣткая; они, буквально, засыпали наши суда снарядами и сосредоточили огонь преимущественно на нашихъ адмиральскихъ и головныхъ корабляхъ, стрѣляли фугасными снарядами, сносили трубы, рангоутъ и всѣ надстройки, производили пожары и уже послѣ этого начинали громить бронебойными снарядами“. Съ нашей стороны, значительное преимущество въ численности броненосцевъ оставалось совершенно неиспользованнымъ, и чрезмѣрная заботливость о транспортахъ только ускорила гибель всей эскадры

вмѣстѣ съ охраняемыми ею транспортами. „Маневрирование нашей эскадры—по словамъ того же телеграфнаго отчета—стѣснялось присутствіемъ транспортовъ“. Съ самаго начала битвы, приблизительно черезъ полчаса послѣ открытія огня, отъ японской эскадры отдѣлились семь крейсеровъ для обстрѣливанія транспортовъ, среди которыхъ „произошло замѣшательство, вслѣдствіе желанія уйти изъ-подъ перекрестнаго огня“. На помощь транспортамъ нѣсколько разъ отдѣлялись „Дмитрій Донской“ и „Владиміръ Мономахъ“. Тѣмъ временемъ главные удары были направлены противъ нашихъ броненосцевъ, изъ которыхъ прежде всего пострадали „Ослябя“ и „Суворовъ“. Японскіе крейсера систематически, по очереди, разстрѣливали наши сильнѣйшія суда, оказавшіяся почему-то вполне незащитными. Къ тремъ часамъ „Ослябя“ пошелъ ко дну, перевернувшись килемъ вверхъ. Вскорѣ за нимъ вышелъ изъ строя и „Суворовъ“, у котораго были сбиты обѣ мачты, трубы, всѣ надстройки; „повидимому, онъ не имѣлъ возможности управляться и стоялъ въ сторонѣ отъ района маневрированія эскадры, но не переставалъ поддерживать энергичный огонь“. Въ это время адмиралъ Рожественскій, раненый въ самомъ началѣ боя, перешелъ съ своимъ штабомъ на миноносець „Буйный“. вмѣсто „Суворова“ во главѣ эскадры сталъ „Бородино“. Около четырехъ часовъ дня, „Сисой Великій“ тоже вышелъ изъ строя и тушилъ большой пожаръ въ носовой и средней частяхъ, но продолжалъ стрѣлять по легкимъ японскимъ крейсерамъ, старавшимся отрубать наши транспорты и крейсера. На броненосцѣ „Императоръ Александръ III“ былъ виденъ большой пожаръ, который, однако, удалось потушить. Послѣ семи часовъ „Бородино“ повернулся на правую сторону и, менѣе чѣмъ въ три минуты, пошелъ ко дну. Вечеромъ того же 14-го мая оставшіеся еще броненосцы повернули влѣво, стараясь сблизиться съ отрядомъ нашихъ крейсеровъ, изъ которыхъ одни пошли на югъ, а другіе направились на сѣверъ; но эта попытка соединиться съ крейсерами, уходящими въ разныя стороны, была предпринята уже тогда, когда вся эскадра могла считаться погибшею. „Съ наступленіемъ темноты бой продолжался“, т.-е. японцы добывали остатки нашего флота; на этомъ моментѣ останавливается сообщеніе генерала Ливевича.

Замѣчательно, что почти цѣлый день наши суда „энергично“ стрѣляли, даже находясь въ крайне печальномъ состояніи; о „Бородинѣ“ сказано, что онъ „лихо продолжалъ вести бой“,—и вся эта энергическая, лихо направляемая пальба за цѣлый день не вывела изъ строя ни одного неприятельскаго корабля, между тѣмъ какъ наши броненосцы и крейсера уничтожались съ поразительною быстротою. Поневолю приходится заключить, что наши стрѣ-

ляли большею частью мимо цѣли, на воздухъ или въ море, наугадъ или на-авось, стараясь причинить какъ можно меньше ущерба японскому флоту; сами японцы были поражены ничтожествомъ своихъ потерь сравнительно съ громадною достигнутою резульатою, и потому настойчивыя указанія официальныхъ репортеровъ на неустанную лихую стрѣльбу нашихъ судовъ производятъ крайне странное впечатлѣніе. Чѣмъ больше было выпущено нами снарядовъ за цѣлый день, тѣмъ хуже для нашей флотской артиллеріи, ибо бесплодность стрѣльбы свидѣтельствовала бы о непрерывной паникѣ, которая, по всей вѣроятности, дѣйствительно овладѣла нашею злосчастною эскадрою послѣ того какъ вынужденъ былъ устраниваться отъ командованія тяжело раненный адмиралъ Рожественскій; только безотчетною паникою можно объяснить и бѣгство части крейсерскаго отряда, и неслышанный фактъ сдачи четырехъ броненосцевъ японцамъ. Ночью и утромъ 15-го мая дѣло истребленія нашего флота доведено было до конца.

Что касается капитуляціи адмирала Небогатова и его офицеровъ, то объ этомъ мы имѣемъ лишь краткое официальное подтвержденіе, ничего пока не разъясняющее, но бросающее грустный свѣтъ на многолѣтнюю систему назначеній и повышеній должностныхъ лицъ въ морскомъ вѣдомствѣ: „Въ виду возникшихъ въ обществѣ и печати разнорѣчивыхъ слуховъ по поводу сдачи неприятелю броненосцевъ „Императоръ Николай I“, „Орель“, „Адмиралъ Сенявинъ“ и „Генералъ-адмиралъ Апраксинъ“, главный морской штабъ сообщаетъ, что контръ-адмиралъ Небогатовъ и командиры этихъ судовъ, по возвращеніи изъ плѣна въ Россію, подлежатъ преданію суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ статью 279 военно-морского устава о наказаніяхъ“. Въ указанной здѣсь статьѣ военно-морского устава говорится: „Кто, командуя флотомъ, эскадрою, отрядомъ судовъ или кораблемъ, спуститъ предъ неприятелемъ флагъ, или положить оружіе, или заключить съ нимъ капитуляцію, не исполнивъ своей обязанности по долгу присяги и согласно съ требованіями воинской чести и правилами морского устава, тотъ подвергается: исключенію изъ службы съ лишеніемъ чиновъ; если таковыя дѣйствія совершены безъ боя или несмотря на возможность защищаться: смертной казнью“. Такимъ образомъ, на важный постъ командира цѣлой эскадры, отправленной на Дальній Востокъ для поддержанія чести и славы Россіи, былъ выбранъ человѣкъ, котораго само назначившее его вѣдомство признаетъ теперь способнымъ нарушить долгъ присяги и требованія воинской чести. Это значитъ, что можно дослужиться до адмирала и получить мѣсто командующаго эскадрою не только безъ необходимыхъ для этого специальныхъ знаній и опыта, но и не обладая даже элементарными военными и человѣческими качествами—чув-

ствомъ личнаго достоинства, сознаниемъ долга и отвѣтственности предъ своимъ отечествомъ и народомъ. Высшіе военно-морскіе чины, призванные распоряжаться и руководить подчиненными, оказываются вдругъ доступными низменнымъ порывамъ трусости и паники: можно ли представить себѣ болѣе чудовищное сочетаніе качествъ и обязанностей должностныхъ лицъ? И такія лица имѣли успѣхъ на службѣ, выдвигались впередъ и играютъ первыя роли на высшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы не въ одномъ морскомъ вѣдомствѣ, а во всѣхъ отрасляхъ правительственной дѣятельности. Такова вообще система управленія, въ которой всецѣло господствуютъ личные интересы властвующихъ, старательно огражденные отъ общественнаго контроля, и для которой интересы государства и отечества остаются лишь условными, ни къ чему не обязывающими формулами. Извѣстные всѣмъ способы хозяйничанья въ области обширнаго морскаго бюджета, ярко освѣщенные послѣдовательнымъ рядомъ крупныхъ и мелкихъ катастрофъ, не мѣшали тѣмъ же распорядителямъ попрежнему стоять во главѣ, истрачивать казенные милліоны безъ пользы для дѣла, назначать завѣдомыя бездарности на крупные посты, вытѣснять способныхъ и честныхъ людей, какъ неудобныхъ и безпокойныхъ, давать ходъ сомнительнымъ или темнымъ аферамъ, и только позоръ цусимскаго боя вызвалъ, наконецъ, существенныя перемены въ составѣ высшей военно-морской администраціи, хотя общій ея характеръ ни въ чемъ не измѣнился. Такъ же точно до самаго послѣдняго времени продолжали существовать и намѣстничество, и комитетъ Дальняго Востока съ ихъ главными дѣятелями и состоящими при нихъ канцеляріями, и только послѣ окончательной гибели всего русскаго флота упразднены, наконецъ, эти ненормальныя, такъ дорого обошедшіяся государству учрежденія, которыя никогда не могли бы возникнуть при правильномъ общемъ режимѣ.

Если нужны были еще какія-нибудь доказательства полной дезорганизациі нашего военно-морскаго административнаго персонала, то ихъ вновь потрудились доставить наши вспомогательные крейсера, которые даже послѣ цусимской катастрофы, на обратномъ пути изъ негостеприимныхъ японско-китайскихъ водъ, занялись, какъ ни въ чемъ не бывало, грозною ревизіею встрѣчаемыхъ торговыхъ кораблей и безошаднымъ потопленіемъ ихъ при обнаруженіи на нихъ такъ называемой контрабанды. Между тѣмъ еще въ прошломъ году, по поводу инцидента съ „Knight Commander“, наше правительство вынуждено было формально обѣщать Англій распорядиться, чтобы наши крейсера воздерживались на будущее время отъ самовольнаго уничтоженія нейтральныхъ судовъ; а такъ какъ наше морское вѣдомство не имѣло правильныхъ сношеній съ судами, находившимися въ отда-

ленныхъ моряхъ, то британскому адмиралтейству предоставлено было самому сообщить нашимъ крейсерамъ соответственныя инструкціи отъ имени русскаго начальства, черезъ посредство командировъ или офицеровъ британскихъ эскадръ. Тогда уже было совершенно ясно, что крутыя мѣры противъ частныхъ иностранныхъ пароходовъ причиняютъ вредъ только намъ самимъ, а вовсе не Японіи или Англіи, и можно было думать, что всѣ командиры нашихъ судовъ получили надлежащія указанія въ этомъ смыслѣ, для избѣжанія непріятныхъ конфликтовъ. Однако, эти новыя указанія и инструкціи, на которыя въ свое время ссылалось министерство иностранныхъ дѣлъ въ отвѣтъ на протесты британской дипломатіи, до сихъ поръ еще не дошли до нашихъ вспомогательныхъ крейсеровъ, какъ видно изъ дѣйствій командировъ „Дона“, „Двѣира“ и „Терека“, а сами эти командиры не считали нужнымъ сообразоваться съ измѣнившимся положеніемъ дѣлъ послѣ гибели нашего флота, сохраняя какъ будто увѣренность, что хозяевами на морѣ являемся мы, а не японцы и не англичане. И опять пришлось нашимъ дипломатамъ говорить объ отсутствіи сношеній съ крейсерами, и вновь предоставлено было англійскимъ судамъ ловить эти крейсера для передачи имъ нужныхъ предписаній. причемъ враждебная намъ лондонская пресса получила благодарный матеріалъ для разсужденій на тему о великодушіи Англіи, не желающей пользоваться нашими несчастіями и причинять намъ на этотъ разъ излишнія затрудненія. Даже такая простая вещь, какъ сообщеніе необходимыхъ инструкцій командирамъ военныхъ кораблей по важному и згучему вопросу объ условіяхъ захвата иностранныхъ судовъ, оказывается какъ бы не по силамъ существующей военно-морской администраціи, и за это приходится расплачиваться милліонами изъ скудныхъ народныхъ средствъ...

Нѣкоторые наивные патріоты удивляются тому кажущемуся равнодушію, съ какимъ наше общество относится, будто бы, къ тяжелымъ внѣшнимъ ударамъ, обрушивающимся на насъ почти безъ перерыва въ теченіе полутора года; но можно ли назвать равнодушіемъ такое состояніе, которое выражается въ повсемѣстныхъ волненіяхъ, возбуждаемыхъ одною руководящею мыслью, одною мучительною заботою, — о спасеніи Россіи посредствомъ необходимаго коренного переустройства ея государственнаго быта? Компетентные люди отлично понимали и предвидѣли, что при данномъ административно-политическомъ строѣ мы не можемъ имѣть ни разумной внѣшней политики, ни прочнаго внутренняго порядка и спокойствія; ни цѣлесообразной военной организаціи, ни хорошаго флота, ни дѣльныхъ офицеровъ и адмира-

ловъ; понимали это и тѣ, которымъ пришлось быть невольными участниками военныхъ событій, и даже тѣ, которые своею неустанною мнимо-патріотическою ложью толкали страну на путь опасныхъ приключеній. Съ необыкновеннымъ—быть можетъ, безсознательнымъ—цинизмомъ „Новое Время“ разоблачило недавно, что оно знало о негодности балтійской эскадры передъ отправленіемъ ея въ походъ, и что объ этомъ съ болью въ сердцѣ говорилъ издателю названной газеты погибшій нынѣ командиръ броненосца „Александръ III“, Бухвостовъ, въ августѣ прошлаго года. Бухвостовъ откровенно высказывался въ томъ смыслѣ, что весь нашъ флотъ никуда не годится, что онъ вовсе не нуженъ Россіи, что „постройка этихъ громадъ—только разореніе казнѣ и нажива строителямъ, и къ добру она никогда не поведетъ“. Если намъ нуженъ флотъ—продолжалъ онъ,—то только миноносный, для защиты нашихъ береговъ, а съ броненосцами намъ дѣлать нечего. Вы смѣтрите и думаете, какъ тутъ все хорошо устроено. А я вамъ скажу, что тутъ совсѣмъ не все хорошо. Вы желаете намъ побѣды. Нечего и говорить, какъ мы ее желаемъ. Но побѣды не будетъ! Я боюсь, что мы растеряемъ половину эскадры по пути, а если этого не случится, то насъ разобьютъ японцы. У нихъ и флотъ исправнѣе, и моряки они настоящіе. За одно я ручаюсь: мы всѣ умремъ, но не сдадимся“... Эскадра добралась благополучно до Корейскаго пролива, не растерявъ своихъ судовъ,—но предсказаніе Бухвостова исполнилось въ точности, и самъ онъ погибъ со всѣмъ экипажемъ,—„со всею этою симпатичною, мужественною молодежью, напоминавшею скорѣе взрослыхъ дѣтей, чѣмъ закаленныхъ моряковъ“. И газета, настойчиво требовавшая отправленія этой массы симпатичныхъ людей на вѣрную смерть, проливаетъ теперь крокодиловы слезы по поводу ихъ ужасной судьбы. Бухвостовъ не могъ не идти, какъ должны были безпрекословно идти и подчиненные ему юные офицеры, какъ обязанъ былъ идти и самъ Рождественскій, если ему данъ былъ категорическій приказъ; но покойный командиръ „Александра III“ не обманывалъ себя и другихъ, а говорилъ чистосердечную правду, тогда какъ „Новое Время“ скрывало эту правду отъ своихъ читателей и замѣняло ее завѣдомо-ложивыми фразами о неминуемой будущей побѣдѣ.

Съ такою же искренностью газета возстаетъ теперь противъ толковъ о мирѣ и упорно настаиваетъ на продолженіи войны, доказывая необходимость ея успѣшнаго и почетнаго конца. Газета не можетъ не понимать, что, кромѣ желанія пробѣды, которое несомнѣнно было и у Рождественскаго, и у Куропаткина, и у Бухвостова, и у всѣхъ другихъ участниковъ и руководителей войны, нужно еще многое другое для достиженія и обезпеченія торжества,—нужны

извѣстныя реальныя условія, которыхъ до сихъ поръ намъ, очевидно, недоставало. Умалчивая объ истинныхъ причинахъ нашихъ бѣдствій и не задаваясь вопросомъ о скорѣйшемъ устраненіи этихъ причинъ, газетные патріоты предлагаютъ слѣдовать по прежнему пути и совѣтуютъ во что бы то ни стало добиваться военныхъ успѣховъ тѣми же средствами, которыя понинѣ приводили лишь къ пораженіямъ. Кого обманываютъ эти мнимые патріоты своимъ пустымъ, самоувѣреннымъ фразерствомъ? Если полумилліонная армія, доказавшая свое умѣнье сражаться и умирать, испытала до сихъ поръ однѣ неудачи и горькія разочарованія, то можно ли серьезно говорить о непремѣнномъ заключительномъ торжествѣ при дальнѣйшемъ веденіи войны? Развѣ въ чемъ-нибудь измѣнились условія и порядки на театрѣ военныхъ дѣйствій, способности назначенія и возвышенія начальниковъ, умственный и нравственный уровень войскъ и офицеровъ, организація штабовъ и т. п.? Развѣ непопулярная и ненавистная по существу манчжурская война стала вдругъ національною? Развѣ появились новые даровитые генералы и полководцы, окруженные ореоломъ славы и способные внушить арміи и странѣ довѣріе къ своимъ военнымъ планамъ? Или общій порядокъ въ государствѣ представляется настолько благополучнымъ, что народъ можетъ спокойно стремиться къ безконечному продолженію кроваваго дѣла, начатаго самовольными предпринимателями на Дальнемъ Востоцѣ? Ни одинъ добросовѣстный публицистъ, хотя бы проникнутый патріотизмомъ въ стилѣ „Новаго Времени“, не можетъ стоять за войну при настоящихъ условіяхъ, ибо никакой миръ не можетъ быть позорнѣе того, что намъ принесла и приноситъ война.

Въ Европѣ все сильнѣе даетъ себя чувствовать устраненіе Россіи изъ числа активныхъ великихъ державъ, способныхъ поднимать свой голосъ въ текущихъ вопросахъ международной политики. Поглощенная изнурительною азіатскою войною и мучительнымъ внутреннимъ кризисомъ, Россія никому не можетъ служить опорой и ни для кого не является уже грознымъ пугаломъ; она какъ будто потеряла свою цѣну на общемъ политическомъ рынкѣ, гдѣ недавно еще господствовало неограниченное довѣріе къ ея могуществу и авторитету.

Въ теченіе многихъ лѣтъ вся внѣшняя политика Германіи опредѣлялась заботами о прочной дружбѣ съ Россією, и измѣнившееся теперь положеніе вещей съ наибольшою рѣзкостью выразилось въ новомъ свободномъ „курсѣ“ нѣмецкой дипломатіи. Франція осталась безъ союзниковъ, и прежній двойственный союзъ, предназначенный служить противовѣсомъ чрезмѣрному преобладанію Германіи, фактически пересталъ существовать. Для политической предприимчивости

германской націи открываются новыя горизонты, и личное честолюбіе императора Вильгельма II, не сдерживаемое уже никакими внѣшними соображеніями, становится крупнымъ факторомъ въ ходѣ международныхъ событій. Съ необыкновенною ловкостью онъ задѣлъ большое мѣсто Франціи, сохраняя видъ безусловнаго миролюбія, — и затронутый имъ мароккскій вопросъ, который на первыхъ порахъ казался незначительнымъ и второстепеннымъ, разросся мало-по-малу въ нѣчто очень сложное. Французы, успѣвшіе уже привыкнуть къ дружескому ухаживанію нѣмцевъ, поняли по-своему неожиданное германское вмѣшательство въ дѣла Марокко; они представили себѣ, что на этой почвѣ и этимъ путемъ берлинскій кабинетъ желаетъ побудить Францію искать прочнаго непосредственнаго сближенія съ Германіею. Нельзя было ничего имѣть противъ такого обоюднаго соглашенія, хотя оно предполагало и нѣкоторыя уступки въ пользу нѣмцевъ; и чтобы облегчить задачу, рѣшено было пожертвовать министромъ иностранныхъ дѣлъ Делькассѣ, который считался главнымъ препятствіемъ къ компромиссу. Делькассѣ былъ олицетвореніемъ тѣсной франко-русской дружбы и солидарности; онъ поэтому не годился для новыхъ политическихъ комбинацій, предполагавшихъ нѣкоторый поворотъ въ сторону Берлина. Делькассѣ ушелъ, и его мѣсто временно занялъ самъ глава кабинета, дѣловитый практикъ и финансовый миротворецъ Рувье. Новый руководитель французской дипломатіи предложилъ Германіи откровенно высказать свои пожеланія, чтобы приготовить почву для взаимно-выгодной сдѣлки, и онъ былъ крайне удивленъ и разочарованъ вѣжливымъ отказомъ нѣмцевъ вступить по этому поводу въ какое-либо предварительное соглашеніе. Перемена министра не имѣла ожидаемыхъ послѣдствій; Германія упорно стояла за формальное право и не допускала никакихъ компромиссовъ. Французы были озадачены, и ими вдругъ овладѣла сильнѣйшая тревога: не думаютъ ли нѣмцы предпринять войну?

Трудно было объяснить мотивы этого внезапнаго и серьезно-сосредоточеннаго интереса Германіи къ международному положенію Марокко. Имѣя за собою согласіе двухъ наиболее заинтересованныхъ державъ, Англии и Испаніи, французское правительство предложило мароккскому султану свои услуги для установленія внутренняго культурнаго порядка въ странѣ и для введенія общепользныхъ реформъ; берлинскій кабинетъ, съ своей стороны, признаетъ этого султана вполне независимымъ повелителемъ, не подлежащимъ чьей-либо односторонней опеки, и отрицаетъ право Франціи навязывать ему опредѣленную программу преобразований. По внушенію Германіи, султанъ выразилъ желаніе созвать конференцію державъ, участвовавшихъ въ мадридскомъ договорѣ 1880 года относительно Ма-

рокко, и мысль объ этой конференціи для обсуждения культурно-реформаторскихъ проектовъ настойчиво поддерживается германскою дипломатіею. Французы находили, что, прежде чѣмъ идти на подобное международное совѣщаніе, нужно имѣть готовую программу, или, по крайней мѣрѣ, точно установить тѣ пункты, по которымъ возможно соглашеніе или которые остаются спорными; нѣмцы же утверждали, что всякое предварительное соглашеніе противорѣчило бы принципу независимости султана и нарушало бы смыслъ мадридской конвенціи 1880 года, — хотя, конечно, для независимости мароккессаго султана было бы еще лучше, еслибы не было ни конвенціи, ни конференціи постороннихъ державъ по дѣламъ Марокко.

Нѣмецкіе дипломаты увѣряютъ, что они стоятъ на почвѣ строгаго международного права и охраняютъ существующіе формальные договоры, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, изъ одного лишь уваженія къ отвлеченному праву; въ то же время они заранее устанавливаютъ для Марокко обязанность имѣть „открытыя двери“ для иностранной торговли и не допускать никакой иной экономической политики въ сношеніяхъ съ чужими государствами. Франція соглашается и на „открытыя двери“ для всѣхъ націй, но недоумѣваетъ, для чего нужна конференція; Германія защищаетъ идею конференціи, чтобы подъ прикрытіемъ международного права отнять у французской руководящую роль въ дѣлахъ Марокко. Около этихъ сухихъ формальныхъ пререканій вертится весьма существенный, все болѣе обостряющійся дипломатическій споръ, въ которомъ всѣ преимущества остаются на сторонѣ Берлина. Франція вынуждена согласиться на конференцію безъ предварительнаго опредѣленія ея программы, и по мѣрѣ французской уступчивости возрастаетъ престижъ германской дипломатіи и ея руководителя, канцлера Булова, получившаго, вкстати, княжескій титулъ.

Въ мароккескомъ вопросѣ нѣмцы наглядно показали, насколько измѣнилось общее международное положеніе съ апрѣля прошлаго года, т.-е. со времени подписанія англо-французскаго соглашенія, относившагося, между прочимъ, и къ Марокко. Дѣло, очевидно, не въ личностяхъ министровъ, не въ Делькассэ или Рувье, а въ фактической перемѣнѣ группировки великихъ державъ, причѣмъ Франція является уже вполне изолированной на материкѣ Европы. Паденіе франко-русскаго союза совершилось само собою, но оно выяснилось для всего міра въ послѣднее время, при дѣятельномъ участіи Германіи. Этотъ союзъ былъ съ самаго начала порожденіемъ близорукаго оппортунизма, скрывавшаго въ себѣ непримиримыя внутреннія противорѣчія, и французскіе министры, бывшіе горячими его привер-

женцами, ничего не сдѣлали для того, чтобы облагородить выраженный въ немъ культъ вѣдшей силы попытками сближенія въ области извѣстныхъ нравственныхъ и политическихъ принциповъ. Делькассэ былъ искреннимъ поклонникомъ блестящихъ вѣдшихъ сторонъ союза, и французское правительство, за-одно съ значительной частью націи, несомнѣнно способствовало могущественному развитію и процвѣтанію всѣхъ отрицательныхъ особенностей режима, приведшаго насъ къ нынѣшнимъ бѣдствіямъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя быть признательнымъ французской республикѣ и ея правителямъ за искусственное поддержаніе чужихъ иллюзій, которыя столь печально отражались на внутренней жизни союзной страны.

Политическая унія, связывавшая Швецію и Норвегію въ теченіе почти цѣлаго столѣтія подѣ властью королей изъ фамиліи Бернадотта, расторгнута рѣшеніемъ норвежскаго представительнаго собранія, 7 іюня (нов. ст.), вслѣдствіе невозможности совмѣстить личные взгляды короля Оскара II съ требованіями норвежской конституціи и съ существенными интересами націи. Пользуясь политической автономіею, имѣя свое отвѣтственное правительство и свою армію, подѣ общимъ управленіемъ конституціоннаго короля, Норвегія долго и тщетно добивалась права имѣть за границею своихъ отдѣльныхъ консульскихъ представителей, для специальной охраны норвежскихъ торговыхъ интересовъ, которые часто не только не совпадаютъ съ шведскими, но прямо противорѣчатъ имъ: шведы держатся протекціонизма, а норвежцы стоятъ за свободу торговли. Король упорно отказывалъ въ своемъ утвержденіи восходившимъ до него законопроектамъ и постановленіямъ норвежскаго стортинга по вопросу о консулахъ, а стортингъ, въ свою очередь, упорно стоялъ на своемъ и систематически возобновлялъ свои требованія; наконецъ, въ виду послѣдней отрицательной резолюціи короля, норвежскій совѣтъ министровъ, или „государственный совѣтъ“, вышелъ въ отставку въ полномъ составѣ; король сообщилъ, что онъ не принимаетъ отставки, такъ какъ онъ не можетъ найти никакихъ другихъ министровъ, согласныхъ съ его мнѣніемъ; такимъ образомъ, создалось такое положеніе, что существовавшее правительство перестало функционировать, а новое не могло быть организовано королевемъ; поэтому стортингъ рѣшилъ, что за отказомъ короля отъ образованія новаго министерства конституціонная королевская власть перестала дѣйствовать въ Норвегіи и бывшіе министры должны временно взять на себя управление страномъ; „унія съ Швеціею прекращается, ибо король пересталъ исполнять свои обязанности, какъ норвежскій король“. Въ подробно мотивированномъ

адресъ къ королю стуртингъ объясняетъ логическую неизбежность принятаго рѣшенія, выражаетъ наилучшія чувства къ нему лично и ко всей королевской фамиліи, какъ и къ братскому шведскому народу, и въ заключеніе проситъ содѣйствовать назначенію одного изъ принцевъ норвежскимъ королемъ. Мужественное рѣшеніе стуртинга возбудило единодушный энтузіазмъ въ Норвегіи; король назвалъ этотъ шагъ революціоннымъ и незаконнымъ, но вынужденъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ, несмотря на готовность многихъ шведскихъ консерваторевъ довести дѣло до войны. Чрезвычайное собраніе шведскаго сейма 21 іюня одобрило предложеніе правительства вступить въ переговоры съ цѣлью обезпеченія дальнѣйшаго мирнаго сожителства обоихъ народовъ, и престарѣлый король, ни за что не желавшій допустить существованія особыхъ норвежскихъ консульствъ, долженъ былъ, противъ воли, признать существованіе особой самостоятельной Норвегіи.

Къ подобной же развязкѣ неудержимо клонится и многолѣтній венгерскій кризисъ. Императоръ Францъ-Іосифъ, отличающійся еще болѣе упорнымъ характеромъ, чѣмъ король Оскаръ II, никакъ не можетъ согласиться на то, чтобы военные начальники обращались къ войскамъ на ихъ національномъ языкѣ, а не на нѣмецкомъ; между тѣмъ мадьяры считаютъ употребленіе чужихъ командныхъ словъ въ венгерской арміи не только бессмысленнымъ, но и оскорбительнымъ для своего національнаго достоинства; чехи, хорваты и другія народности также требуютъ употребленія родного языка въ военной службѣ, но въ этомъ императоръ и король остается непреклоннымъ. Венгрія могла сдѣлаться почти вполне самостоятельнымъ государствомъ; она имѣетъ своего конституціоннаго короля, въ лицѣ австрійскаго императора, имѣетъ свое законодательство, свой парламентъ, свое управленіе, свою монетную систему, свою экономическую и таможенную политику, свою національную армію,—все это допускаетъ Францъ-Іосифъ; но одно только онъ признаетъ совершенно немислимымъ,—чтобы мадьярами командовали на венгерскомъ языкѣ. Имперія давно превратилась въ сложную систему отдѣльных государствъ и автономныхъ областей; такую же пеструю по составу является и армія, но императоръ твердо убѣжденъ, что спасительное внѣшнее единство исчезнетъ въ тотъ день, когда начальники заговорятъ съ солдатами на понятномъ имъ языкѣ. Императоръ Францъ-Іосифъ скорѣе готовъ потерять Венгрію, чѣмъ сдѣлать такую уступку, и эта непопятная настойчивость борьбы противъ общаго національнаго требованія служить, въ сущности, единственнымъ источникомъ непрерывныхъ министерскихъ кризисовъ и неурядицъ, волнующихъ мадьяръ за послѣдніе годы. Послѣ графа Стефана Тиссы назначенъ тешеръ.

главою министерства старый генераль, баронъ Фейервари, имѣющій столь же мало шансовъ на успѣхъ, какъ и его предшественники; парламентъ и вся страна заранѣе высказываются 'противъ правительства, не отвѣчающаго конституціоннымъ условіямъ, и результаты предвидятся прежніе—тѣ же шумные парламентскіе скандалы, которые потомъ приписываются парламентаризму вообще, тѣ же безплодныя волненія и безпорядки,—но зато въ венгерскихъ войскахъ всетаки употребляются и будутъ употребляться тѣ же нѣмецкія командныя слова, какъ и въ Вѣнѣ и въ Прагѣ, согласно неизмѣнному желанію императора Франца-Іосифа...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1905 г.

I.

— Проблемы психологій. Ложь и свидѣтельскія показанія. Выпускъ I (подъ ред. О. Б. Гольдовскаго, В. П. Потемкина и И. Н. Холчева—издателя). Спб. 1905.

Подъ этимъ заглавіемъ задумана и предпринята серія выпусковъ по вопросамъ научной психологій. Вопросы эти, въ постановкѣ составителей данной книги, возбуждаютъ живѣйшій интересъ и заслуживаютъ того, чтобы остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе. Въ первомъ выпускѣ, въ видѣ програмнаго введенія, помѣщена (въ переводѣ) статья бреславльскаго профессора Вилліама Штерна — „Прикладная психологія. Изученіе свидѣтельскихъ показаній“. Въ началѣ своей статьи Штернъ выясняетъ значеніе прикладной психологій, которую онъ тщательно отгораживаетъ, какъ отъ ярыхъ поклонниковъ или защитниковъ интуиціи, такъ и отъ ихъ антиподовъ „психологистовъ“. „Каждой наукѣ, — говоритъ онъ, — которая стремится стать „прикладной“, приходится защищать себя, такъ сказать, на два фронта: съ одной стороны—противъ предрасудковъ такъ-называемаго „здраваго смысла“, съ другой—противъ излишняго „интеллектуализма“. Для перваго—всякая способность служить практической жизни дается самой же жизнью: онъ утверждаетъ, что обычай, переживающій поколѣнія, рутиня и опытъ, въ соединеніи съ житейскимъ знаніемъ людей, врожденнымъ тактомъ и чувствостью интуитивныхъ воспріятій, являются исключительными и вполне достаточными двигателями нашей культуры. „Интеллектуализмъ“, напротивъ, надѣется одними общими понятіями и отвлеченными началами теоріи исчерпать всю

пеструю массу индивидуальностей и конкретных явленій дѣйствительности; расчлененный предметъ аналитическихъ операций вполнѣ замѣняетъ для него живую цѣлостность существованія, — холодная объективность и безразличіе его готовы устранить изъ жизни всякую любовь и ненависть, всякую оцѣнку и участіе, всякое оправданіе и осужденіе — какъ противорѣчіе требованіямъ чистой истины“. Дѣйствительно только научно-обоснованное построеніе психологіи, стоящее въ опредѣленной и положительной связи съ различными областями реальной, практической дѣятельности. Штернъ не настаиваетъ на томъ, чтобы каждый дѣятель, напримѣръ, суда или школы, былъ специалистомъ-психологомъ; однако, слѣдовало бы требовать, по его мнѣнію, отъ юристовъ, педагоговъ и т. д. болѣе глубокихъ психологическихъ познаній, пониманія закономерности, господствующей въ душевной жизни, умѣнья различать ея типическіе феномены, улавливать ихъ связь и соотношенія, чтобы все это приводило ихъ къ убѣжденію, что во всѣхъ вопросахъ организаціоннаго или преобразовательнаго характера необходимо справляться съ психологіей и слѣдовать ея опредѣлительнымъ показаніямъ.

Устанавливая объемъ и предѣлы прикладной психологіи, Штернъ даетъ такое опредѣленіе ея существеннѣйшаго признака: „Психологизмомъ“ мы называемъ то воззрѣніе, которое стремится сдѣлать психологію *основой всякаго гуманитарнаго знанія*—включая въ его область и нормативныя науки, и, по возможности, даже общую философію; не ограничиваясь этимъ, оно объявляетъ ее главнымъ и опредѣляющимъ факторомъ самой *практической жизни*—поскольку въ послѣдней проявляется наше *духовное* начало. Сторонники „психологизма“ разсуждаютъ, обыкновенно, слѣдующимъ образомъ. Психологія есть наука о духѣ. Гуманитарное знаніе, — какъ показываетъ самое его обозначеніе, — предметомъ своимъ имѣетъ извѣстныя проявленія и потребности челоѣческаго духа—другими словами, то, основныя, производящія причины чего лежатъ въ психической жизни челоѣба; строго-прагматическое изслѣдованіе такихъ явленій необходимо должно опираться на послѣднюю доступную намъ первооснову. Очевидно отсюда, что гуманитарное знаніе естественно покоится на психологіи. Помимо того, существуютъ области практической жизни, гдѣ приходится имѣть дѣло съ душою челоѣба, чтобы вліять на неѣ; но такъ какъ, прежде чѣмъ мочь, надобно знать,—то понятно, что для успѣха подобной дѣятельности необходимо строить ее на знаніи духа, — т.-е. психологіи. Такъ же точно, напримѣръ, техникъ, чтобы умѣть обращаться съ желѣзомъ и пользоваться имъ, долженъ знать физическія и химическія свойства этого металла“.

Сфера приложенія психологіи простирается ровно настолько же,

насколько обширна реальная область духовной жизни человѣка. Критеріемъ истиннаго смысла и дѣйствительной цѣли жизни служить не безстрастное воззрѣніе на окружающее, а субъективная его оцѣнка, непосредственное, личное къ нему отношеніе. Исходя изъ этой точки зрѣнія, авторъ такъ формулируетъ значеніе психологіи для задачъ практической жизни: „Право и обязанность такъ или иначе оцѣнивать человѣка и активно къ нему относиться—равно какъ и руководящія нормы такого поведенія — устанавливаетъ не психологія, а этика. Но при изысканіи и изслѣдованіи данныхъ, на основѣ которыхъ возникаетъ морально обязательное отношеніе, а также при выборѣ способовъ, какими вѣрнѣе всего достигается требуемая цѣль, вступаетъ въ свои права и теоретическое знаніе духовной природы человѣка“.

Прикладной наукой, такимъ образомъ, психологія становится или какъ опора для психологическаго сужденія, т.-е., какъ „психогностика“, или же какъ ученіе о средствахъ психическаго воздѣйствія, т.-е. какъ „психотехника“. Особую пользу *общей* психогностики авторъ полагаетъ тамъ, гдѣ, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, происходитъ судъ между живыми людьми, т.-е., гдѣ составляется моральная ихъ оцѣнка, при одобреніи или порицаніи, обвиненіи или оправданіи чего-либо съ этической точки зрѣнія, при этомъ имѣются въ виду не всѣ психическія свойства субъекта, а преимущественно опредѣленная группа душевныхъ его функций. Дифференцированіе, распознаваніе типическихъ формъ и проявленій духовной жизни на различныхъ стадіяхъ развитія, которыя не поддаются примитивнымъ средствамъ субъективной оцѣнки; составляетъ одну изъ главныхъ задачъ *частной* психогностики. „Практическое значеніе дифференціальной психогностики выясняется всего нагляднѣе опять-таки въ вопросахъ моральной оцѣнки... Какое вопіющее насиліе, напримѣръ, творили въ теченіе цѣлыхъ столѣтій надъ дѣтьми—исходя изъ мнимой аналогіи между ребенкомъ и взрослымъ человѣкомъ! Къ дѣтямъ предъявляли одинаковыя со взрослыми требованія ригористической морали; въ нихъ предполагали ту же способность, тѣ же приемы оцѣнки явленій, такую же сложность актовъ сознательнаго выбора; въ лучшемъ случаѣ, воображали, что при помощи воспитанія и примѣра легко можно привить ребенку весь строй вполне зрѣлаго характера. Если же на практикѣ подобное представленіе оказывалось ошибочнымъ, то въ этой неудачѣ видѣли, просто-на-просто, несчастный случай, встрѣчаясь съ которымъ, приходится или прибѣгнуть къ наказанію, или слегка измѣнить свои педагогическіе приемы. Словомъ, на дѣтей смотрѣли, какъ на маленькихъ взрослыхъ, или какъ на субъектовъ, въ которыхъ готовится уже полная зрѣлость природы; въ нихъ не

признавали самостоятельной величины съ характерными особенностями внутреннихъ склонностей. Теперь дѣло обстоитъ иначе — настолько иначе, что новое столѣтіе называютъ уже вѣкомъ дѣтей. Однимъ изъ главныхъ требованій народившагося направленія является то, чтобы ребенка старались понять въ существенныхъ его свойствахъ, чтобы инстинктивные его склонности, симпатіи и антипатіи принимались, какъ вполне нормальные признаки переживаемой имъ стадіи развитія. Условіемъ для этого являются не только догадливое материнское чувство или тонкій педагогическій тактъ, но и научное знаніе дѣтской души—какъ статики ея, такъ и динамики. И психологія дѣтей—будь она систематическаго или же біографическаго характера—можетъ оказаться въ высшей степени плодотворной по своимъ выводамъ“.

Общія соображенія объ изученіи дѣтской психики Штернъ распространяетъ и на другія спеціальныя группы психическихъ явленій. Правдиво-нормальный человѣкъ судить, напримѣръ, преступника съ высоты трибунала: часто ли случается, чтобы онъ почелъ для себя обязательнымъ ознакомиться съ личностью обвиняемаго, съ тѣми индивидуальными данными, которыя направляютъ волю и дѣятельность преступника? Часто бываетъ на судѣ, что флегматикъ сурово относится къ вспыльчивости сангвиника, и наоборотъ;—различіе чело-вѣческихъ темпераментовъ почти не принимается во вниманіе.

Авторъ считается съ возможностью недоразумѣнія: не вытекаетъ ли изъ „tout comprendre“ психологіи—„tout pardonner“ психологизма?—Нисколько, замѣчаетъ онъ: „Психологія преступника или ребенка отнюдь не должна имѣть своимъ послѣдствіемъ ниспроверженіе объективнаго права порицать, осуждать или наказывать; она обязана только стремиться къ тому, чтобы основою такого сужденія была не формула, подставленная по субъективной аналогіи, а сама психологическая дѣйствительность. При такихъ условіяхъ, понятіе добра и зла, сообщенное намъ этикой, какъ критерій, остается въ полной своей силѣ; оно лишь теряетъ субъективный характеръ и становится точнѣе и отчетливѣе“.

Такимъ образомъ, авторъ выдвигаетъ требованіе необходимости изученія всего многообразія духовной жизни—дарованія, интересовъ, темпераментовъ, психическихъ и тѣлесныхъ силъ, умственныхъ способностей, воли и т. д., чтобы устанавливать опредѣленные данныя для сужденія о людяхъ во всѣхъ случаяхъ реальной жизни: при совершеніи суда, выборѣ карьеры, прохожденіи школы извѣстнаго типа и т. д. Далѣе, необходима этиологія, т.-е. знаніе того, въ какой зависимости стоятъ индивидуальныя особенности человѣка; наконецъ, стоитъ на очереди вопросъ о выработкѣ симптоматологіи и діагно-

статьи, которыя дали бы возможность безошибочно относить индивидуумъ къ той или иной категоріи психическихъ типовъ. Таковы проблемы психогностики; представляя же рядъ извѣстныхъ приѣмовъ, при помощи которыхъ является возможность разрѣшать весьма важные практическіе вопросы, эта наука является тѣмъ, что авторъ опредѣляетъ словомъ „психотехника“: она сводится къ циклу правилъ, какъ пользоваться извѣстными психическими функциями (напр., памятью) и какъ къ нимъ относиться. Эти правила создадутъ впослѣдствіи цѣлую систему указаній и методовъ. „Такъ, напримѣръ, новая психологія переутомленія приведетъ, быть можетъ, когда-нибудь къ коренному пересмотру вопросовъ—о продолжительности учебныхъ занятій, о распредѣленіи уроковъ, о домашнихъ работахъ и т. д.; психологія свидѣтельскихъ показаній установитъ необходимыя предосторожности при допросѣ свидѣтелей, устранитъ причины извѣстныхъ ошибокъ и введетъ въ шеву разумный принципъ воспитанія памяти“.

Мы потому такъ долго остановились на основныхъ мысляхъ статьи Штерна, помимо ея общаго интереса, что кружокъ психологовъ, составившій первый выпускъ „Проблемъ психологін“, придаетъ ей руководящее значеніе въ смыслѣ популяризаціи задачъ прикладной психологін и увеличенія числа лицъ, интересующихся этимъ предметомъ. Тѣми же свойствами святости, ясности и доступности и тою же програмностью отличается помѣщенная вслѣдъ за первой и вторая статьи Штерна—изученіе свидѣтельскихъ показаній. Особое вниманіе удѣляетъ здѣсь авторъ организаціи массоваго эксперимента, къ которой приглашаются представители всѣхъ специальностей, заинтересованныхъ въ проблемѣ свидѣтельскихъ показаній. На желательность совмѣстными усиліями выработать программу международнаго опыта указываетъ и г. О. Гольдовскій въ своей интересной статьѣ—„Психологія свидѣтельскихъ показаній“, гдѣ онъ, между прочимъ, приводитъ рядъ любопытныхъ примѣровъ ошибокъ воспріятія. „Международный опытъ,—говоритъ г. Гольдовскій,—даетъ возможность наиболее солидно разрѣшить споръ между сторонниками эксперимента и скептиками, которые возлагаютъ свои надежды на интуицію, тактъ, житейскій опытъ, а не на сухой подсчетъ“.

Таковымъ скептикомъ въ нѣкоторомъ отношеніи, но, конечно, далекимъ отъ отрицанія научныхъ наблюденій въ этой области вообще, является А. Э. Кони въ слѣдующей статьѣ—„Свидѣтели на судѣ (Замѣтки и воспоминанія судьи)“. Начавъ съ указанія, что наше время называютъ временемъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, А. Э. Кони предостерегаетъ отъ увлеченія многими переоцѣнками и, въ частности, скептически относится къ прагматическому значенію психологическаго опыта въ области правосудія въ томъ смыслѣ, какъ этотъ опытъ по-

нимается Штерномъ, а вслѣдъ за нимъ и г. Гольдовскииъ. „Экспериментальная психологія—наука новая и въ высшей степени интересная,—говоритъ г. Кони.—Если и считать ея отдаленнымъ началомъ берлинскую рѣчь Гербарта „о возможности и необходимости примѣненія въ психологіи математики“, произнесенную въ 1822 году, то, во всякомъ случаѣ, серьезнаго и дружнаго развитія она достигла лишь въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Молодости свойственна увѣренность въ своихъ силахъ и нерѣдко непосильная широта задачъ. Отъ этихъ завидныхъ свойствъ не свободна и экспериментальная психологія, считающая, что труднѣйшіе изъ вопросовъ права, науки о воспитаніи и ученія о душевныхъ болѣзняхъ, не говоря уже о психологіи въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, могутъ быть разрѣшены при помощи указываемыхъ ею приѣмовъ и способовъ. Но „старость ходить осторожно—и подозрительно глядить“. Эта старость, т.-е. вѣковое изученіе явленій жизни въ связи съ задачами философскаго мышленія, не спѣшаетъ присоединиться къ побѣднымъ кликамъ новой науки. Она сомнѣвается, чтобы сложные процессы душевной жизни могли быть выяснены опытами въ физиологическихъ лабораторіяхъ и чтобы уже настало время для вывода на прочныхъ основаніяхъ общихъ научныхъ законовъ даже для простѣйшихъ явленій этой жизни“. Устанавливая рядомъ живыхъ и яркихъ примѣровъ, что важно знать судьбъ и съ чѣмъ слѣдуетъ считаться при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній, авторъ полагаетъ центръ тяжести правосудія въ томъ, что у судей есть служебный опытъ и навыкъ, „что ихъ умъ изощренъ къ воспріятію впечатлѣній ежедневно развертывающейся передъ ними житейской драмы“ и что, поэтому, образы, вытекающіе изъ показаній свидѣтелей и объясненій подсудимаго и сторонъ, въ соединеніи съ совѣстливымъ судомъ присяжныхъ, могутъ въ болѣе полной мѣрѣ обезпечить истинныя требованія правосудія, чѣмъ указанія и методы психологическаго эксперимента. „Поэтому тамъ,—говоритъ г. Кони,—гдѣ экспериментальная психологія съ требованіемъ указываемыхъ ею опытовъ выступаетъ на замѣну совокупной работы здраваго разсудка присяжныхъ, знанія ими жизни и простого совѣстливаго отношенія къ своимъ обязанностямъ—тамъ слѣдуетъ сказать суду присяжныхъ, что его пѣсенка спѣта. Да и вообще не послѣдовательнѣе ли было бы въ такомъ случаѣ преобразовать судъ согласно мечтаніямъ криминальной психологіи, замѣнивъ и профессиональныхъ и выборныхъ общественныхъ судей смѣшанною коллегією изъ врачей, психіатровъ, антропологовъ и психологовъ, предоставивъ тѣмъ, кто нынѣ носить незаслуженное имя судей, лишь формулировку мнѣній этой коллегіи“.

Едва ли, по мнѣнію автора, психологическій экспериментъ имѣ-

знать что-либо въ ходѣ и устройствѣ современнаго, уголовного по преимуществу, процесса, какъ въ смыслѣ судопроизводства, такъ и съ точки зрѣнія судоустройства. Въ торжествѣ психологическаго эксперимента авторъ усматриваетъ возможность „колебанія основъ“ какъ суда вообще, такъ и суда присяжныхъ въ частности, и выражаетъ надежду, что послѣдній, переживъ „мечь враговъ и клевету друзей“, переживетъ и новую, грозящую ему *теоретическую опасность*— „и останется еще надолго не только органомъ, но и школою общественнаго воспитанія“. Написанная съ обычнымъ мастерствомъ и блестящимъ аргументаціи, статья А. Ф. Кони возбуждаетъ критическое отношеніе къ вопросу о практической приложимости новѣйшей теоріи психологическаго эксперимента, но въ то же время приводимыя имъ „доказательства отъ противнаго“ изъ его богатой судейской практики даютъ цѣнный матеріалъ именно для той психологіи, о которой пока мечтаютъ молодые психологи. Таковы наблюденія автора, сложившіяся въ цѣлую отчетливую систему, надъ психологической природой свидѣтельскихъ показаній, сознательной и безсознательной лжи, замѣчанія относительно памяти, вниманія, значенія племенныхъ особенностей свидѣтеля, языка и т. п. Если вопросъ о приложимости психологическаго эксперимента, какъ ее понимаютъ представители теоріи, оставить пока открытымъ, то надо признать, что работа г. Кони вызоветъ большой интересъ къ знакомству съ новой теоріей.

Кромѣ отмѣченныхъ статей, находимъ въ этой книгѣ: А. Н. Бернштейна—„Воспоминаніе и дѣйствительность“, г. Крамера—„Вліяніе душевныхъ болѣзней и смежныхъ съ ними состояній на качество свидѣтельскихъ показаній“, г. Маркса Лобзина—„Свидѣтельскія показанія дѣтей школьнаго возраста и отношеніе ихъ къ дѣйствительности“, г. Ив. Холчева.—„Воспріятіе и дѣйствительность“. Статья г. Лобзина заключаетъ въ себѣ описаніе ряда опытовъ и способовъ ихъ организаціи, весьма несложной, но приводящей къ любопытнымъ результатамъ. „Нужно принять какъ общее правило,—говоритъ г. Холчевъ,—что люди воспринимаютъ не факты, а картины, которыя они себѣ составляютъ о воспринятомъ происшествіи. Составленіе же этой картины будетъ зависѣть въ значительной мѣрѣ не отъ воспринятыхъ только фактовъ, а отчасти и отъ субъективныхъ моментовъ воспринимающаго: развитіе умственное и соціальное настроеніе— все это окраситъ извѣстнымъ образомъ составленную имъ картину. Но индивидуальными особенностями не исчерпывается вопросъ о несоотвѣтствіи воспріятій и дѣйствительности и постоянныхъ конфликтахъ между ними. На долю общихъ соціальныхъ и политическихъ условій воспитанія народа принадлежитъ немалая часть этихъ причинъ. Намъ, русскимъ, больше, чѣмъ кому-либо, извѣстны эти при-

чины, мы больше, чѣмъ кто-нибудь, страдаемъ отсутствіемъ ясныхъ, полныхъ и точныхъ воспріятій вещей, мы больше другихъ живемъ общими идеями и схемами, мы не знаемъ конкретнаго міра во всей красотѣ его реальныхъ мелочей, мы не любимъ его. Таково наше какъ общее, такъ и специальное образованіе, такова наша общественная и политическая жизнь.

„Продолжая нашъ логическій путь, мы приходимъ отъ спеціальнаго вопроса къ общему, широкому выводу: непривычка и неумѣніе воспринимать міръ отчетливо и полно вообще—лишаетъ многихъ радостей бытія, а русскаго гражданина дѣлаетъ пессимистомъ или безпочвеннымъ фантазеромъ и космополитомъ“.

Уже изъ этого бѣлаго обзора читатель можетъ видѣть, насколько жизненны и важны сами по себѣ тѣ вопросы, изученію которыхъ посвящаютъ себя авторы отмѣченной книги. Нельзя не пожелать имъ успѣха и не выразить надежды, что задуманная ими серія выпусковъ встрѣтитъ сочувственный приѣмъ среди широкаго круга образованной и ищущей образованія публики.

II.

— Изъ жизни идей. Научно-популярная статья проф. слб. университета Э. Зѣлинскаго. Спб. 1905.

Проф. Зѣлинскій—убѣжденный и пламенный поборникъ античной культуры. Античный міръ для него, по его собственному признанію, не тихій и отвлекающій отъ современной жизни музей, а „живая часть новѣйшей культуры“, которая живетъ и движется тѣми же идеями, родоначальницей которыхъ была античность. „Изучая, такимъ образомъ, античность, если можно такъ выразиться, съ наклономъ къ современности, я,—говоритъ авторъ,—намѣтилъ планъ гигантскаго научнаго зданія, которое бы обнимало и біографію, и біологію тѣхъ идей, совокупность которыхъ составляетъ современную умственную культуру. Конечно, мнѣ было ясно, что выполненіе этой задачи превышаетъ силы отдѣльной личности; все-же я черпалъ энергію и бодрость для своихъ научныхъ изслѣдованій въ созерцаніи моего, пока еще чисто призрачнаго зданія, и убѣжденъ, что оно можетъ сослужить такую же службу и другимъ“.

Статья, вошедшая въ этотъ сборникъ (кромѣ одной), задумана авторомъ, какъ составныя части этого зданія, сохраняющія между собой внутреннюю связь. Красной нитью проходитъ по нимъ одна коренная мысль. Истинное міросозерцаніе можетъ быть построено

только на началахъ, завѣщающихъ античностью, которая представляется автору „сводомъ здоровыхъ темъ, повторившихся съ тѣхъ поръ въ несчастливыхъ варіаціяхъ до нашихъ временъ и имѣющихъ повторяться, пока живъ будетъ міръ“. Эта принципиальная точка зрѣнія автора ложится въ основу предлагаемаго читателю ряда очерковъ популярно-философскаго и историко-литературнаго характера. Очерки эти весьма разнообразны и по темамъ, и по глубинѣ разработки, и по степени внутренней убѣдительности, но все они написаны красиво, увлекательно и читаются съ несотвѣвающимъ вниманіемъ. Античный міръ, жизнерадостный, сильный, здоровый, сіяющій полнотою жизни и жаждой счастья, въ яркихъ картинахъ встаетъ подъ перомъ талагтливаго автора, и читатель невольно поддается его увлеченію, забывая обратную сторону медали—узаконовенность насилія, рабства, тиранніи, наряду съ высокимъ пониманіемъ односторонне развитыхъ принциповъ индивидуальной и общественной морали. Въ этомъ отношеніи книга проф. Зѣлинскаго можетъ сослужить, дѣйствительно, хорошую службу. Античностью теперь мало интересуются, и современный молодой читатель въ своихъ представленіяхъ о ней нерѣдко попадаетъ въ положеніе философа Мениппа, который переселился въ царство тѣней и не только не нашелъ сразу Сардапала, но не могъ даже различить, гдѣ Агамемнонъ, гдѣ Аяксъ, гдѣ Ахиллъ. „Гдѣ Сократъ?“—спрашиваетъ онъ у Эака.—„Видишь этого лысаго чловѣка?“—указываютъ ему.—„Да они все лысы“...—„Старика со вздернутымъ носомъ?“—„Да они все курносы“,—говоритъ недоумѣвающій Мениппъ, оглядываясь на пустые черепа... Г. Зѣлинскій сразу заинтересовываетъ своей книгой, направляя мысль на серьезное изученіе предмета. Но иное дѣло „наклонъ къ современности“, котораго все время не упускаетъ изъ вида авторъ. Энергично звучитъ призывъ автора къ античности, какъ сокровищницѣ идей, нужныхъ человѣчеству для его поступательнаго движенія, но едва ли этотъ призывъ встрѣтитъ горячій откликъ въ молодыхъ поколѣніяхъ, которымъ по преимуществу посвящается книга. Теперь все, что живетъ и мыслить въ Россіи, какъ и во всей Европѣ, напряженно смотритъ впередъ, съ бурной тревогой стремится навстрѣчу великимъ социальнымъ и политическимъ реформамъ, и, обгоняя закономѣрный ходъ исторіи, ждетъ откровеній, событій необыкновенныхъ, непредугаданныхъ. Культурная мысль, общественное чувство, у насъ въ Россіи—истомленная національная душа—все обратилось къ будущему, словно ожидая пришествія пророка, который словомъ грозы и вдохновенія разсѣялъ бы страхъ малодушныхъ, поддерживавъ въ колеблющихся сладостную вѣру въ свѣтлое будущее человѣчества. Античность, принараженная, скрашенная искусной рукой худож-

ника, влечетъ къ созерцанію, къ примиренію съ дѣйствительностью, къ погруженію въ міръ общечеловѣчности, искусства, красоты...

Независимо отъ переживаемаго нами времени, особенный характеръ котораго не можетъ не отразиться на преобладаніи тѣхъ или иныхъ интересовъ общества, кто же станетъ отрицать громадное значеніе греко-римской античности въ исторіи европейской культуры? Возвысивъ, облагородивъ наслѣдіе, полученное отъ болѣе раннихъ культуръ, эта античность завѣщала грядущимъ вѣкамъ рядъ идей, отиѣченныхъ высокимъ общечеловѣческимъ характеромъ, выразившимъ въ то же время высшую степень цѣльнаго и здороваго жизнепониманія. Но идеи, что сѣмена цвѣтовъ: онѣ гложутъ на камень и даютъ пышный расцвѣтъ, встрѣчая благодатную почву. Прекрасныя сами по себѣ, онѣ пріобрѣтаютъ руководящее значеніе лишь въ томъ случаѣ, если обнаруживается ихъ органическая связь съ интересами эпохи, съ ближайшими идеалами человѣческаго счастья, во имя которыхъ въ данный моментъ совершается борьба. Воскрешая картины античной жизни, авторъ искусно осмысливаетъ ихъ и, наглядно и мѣтко формулируя идеи, выясняетъ ихъ генезисъ и развитіе. Но, будучи оторваны отъ античной почвы, эти идеи, въ своемъ схематическомъ, отвлеченномъ видѣ, могутъ показаться, съ точки зрѣнія руководящихъ идей иной эпохи, слишкомъ элементарными, перешедшими въ разрядъ самыхъ обыкновенныхъ истинъ, составляющихъ слишкомъ общую подпочву современнаго, крайне дифференцированнаго міросозерцанія.

Въ частности, рекомендуемое авторомъ глубокое (превышающее общеобразовательныя цѣли) изученіе античности (отнюдь не смѣниваемое нами съ пресловутой классической системой) для русскаго юношества, весьма мало просвѣщаемого по части изученія своей родины, ея исторіи и литературы, — явилось бы, по нашему мнѣнію, роскошью, желательною для многихъ, необходимою для меньшинства. Наступленіе вѣка глубокихъ социальныхъ переустройствъ заставляетъ по необходимости обращаться къ изученію многихъ и специальныхъ доктринъ, имѣющихъ въ виду выработку активного, жизнеприложимаго міросозерцанія. Неизбѣжный, въ подобные переживаемыя нами моменты, процессъ броженія и борьбы стараго съ новымъ, авторъ опредѣляетъ, какъ „скитаніе мыслей и чувствъ“, отъ котораго такъ пріятно удалиться подъ сѣнь античности, привлекательной и мирной. Эта тенденція явственно звучитъ въ словахъ автора. „Всякая эпоха живетъ своей жизнью, и всякая жизнь интересна, — говоритъ г. Зѣлинскій по поводу процесса изветшанія и обновленія идей. — Все же обреченному жить въ эпоху скитанія мыслей и чувствъ пріятно и отрадно обращаться къ тому времени, когда здоровое не было еще

пошлимъ, а интересное—болѣзненнымъ, когда идеи, ставшія поздѣе ходячей монетой, еще только выработывались и, появляясь на свѣтъ, были насыщены той магнетической силой, которую создаетъ соединеніе двухъ элементовъ: здоровья и новизны. Въ этомъ именно и заключается прелесть античности для тѣхъ, кто умѣетъ ее понимать“.

Отмѣчая значительную степень увлеченія автора предметомъ своей книги, мы отнюдь не имѣемъ въ виду умалять ея серьезныхъ и крупныхъ достоинствъ. Даже болѣе: книга г. Зѣлинскаго важна не только какъ цѣнный вкладъ въ нашу популярно-образовательную литературу, но и какъ противовѣсъ тому искаженному пониманію античности, какое создалось благодаря уродливой катковско-толстовской постановкѣ у насъ классическаго образованія. Но отъ высокаго пониманія античности, основаннаго на продолжительномъ и глубокомъ изученіи ея, до признанія ея универсальной обязательности—громадное разстояніе, и, право, не будетъ слишкомъ большимъ преступленіемъ, если иной средній читатель, воздавъ должное книгѣ почтеннаго автора, вспомнить при воцѣ безсмертныхъ слова Ахилла:

О Одиссеѣ! утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся.

Лучше-бъ хотѣлъ я живой, какъ воденщикъ работа въ полѣ,

Службой у бѣднаго пахара хлѣбъ добывать свой насущный,

Нежели здѣсь надъ бездушными тѣнями царствовать мертвый.

Изъ статей, вошедшихъ въ настоящую книгу, съ особымъ интересомъ читаются: „Идея нравственнаго оправданія“, „Ифигенія“, „Воскресшіе поэты“ (Вахкидидъ, Геродъ, Менаандръ), „Антигона“, „Происхожденіе комедіи“, „Гейдельбергъ“ (личныя впечатлѣнія автора, работавшаго тамъ въ университетской библиотекѣ и наблюдавшаго нравы этого оригинальнаго города, исполнены глубокаго интереса и занимательности). Нѣкоторыя статьи нѣсколько эскизны, отрывочны, кое-гдѣ грѣшатъ неудачными сопоставленіями античнаго съ современнымъ. Последнее особенно относится къ статьѣ про „нечистую силу“, гдѣ авторъ указываетъ, впрочемъ, полупуштя, полусерьезно, на вытѣсненіе въ наше время античныхъ суевѣрій въ области любовныхъ чаръ, „конкурентками“—Сплетней, Доносомъ, Подвохомъ, Клеветой и т. д., какъ будто эти средства не были въ такомъ же ходу у древнихъ, наряду съ самыми грубыми суевѣріями, и какъ будто послѣднія исчезли въ нашей еще въ общемъ мало культурной средѣ. Но образцомъ полемическаго таланта автора служить его интересная статья: „Нищѣ и античность“, гдѣ авторъ едва ли не сливается съ германскимъ философомъ основной чертой своего міросозерцанія—индивидуализмомъ по формулѣ: не въ массѣ, а въ отдѣльныхъ со-

вершенихъ личностяхъ—соль земли. По крайней мѣрѣ, все его ученіе объ античности проникнуто характеромъ своеобразно-аристократическаго индивидуализма.

III.

— П. А. Берлинъ. Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители (Будущность некультурныхъ народовъ и культуртрегерство европейцевъ). Изданіе Г. Э. Львовича. Спб. 1905.

Книга г. Берлина выдвигаетъ интересный и важный вопросъ объ отношеніи такъ называемыхъ некультурныхъ народовъ къ представителямъ европейской цивилизаціи. Не претендуя на глубину научнаго изслѣдованія, авторъ умѣлымъ подборомъ примѣровъ иллюстрируетъ свою основную мысль о разлагающемъ вліяніи цивилизаціи на духовный и матеріальный бытъ дикарей. Останавливаясь на первыхъ страницахъ книги, на выясненіи основныхъ понатій, г. Берлинъ сопоставляетъ мнѣнія авторитетныхъ историковъ культуры и приходитъ къ выводу, что подъ культурою въ широкомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать ту искусственную социальную среду, которую создаетъ вокругъ себя человекъ своими *орудіями*, подобно тому, какъ, въ зачаточномъ видѣ, животныя создаютъ ее своими *органами*. Приминая, такимъ образомъ, къ мнѣнію тѣхъ изслѣдователей, которые допускаютъ существованіе зародышевыхъ, инстинктивно-обычныхъ формъ культуры въ зоологическомъ мірѣ, авторъ понимаетъ культуру, какъ выраженіе процесса безсознательнаго техническаго творчества, достигшаго у людей высокой степени развитія и обезпечившаго имъ извѣстное господство надъ силами природы, подорвавъ тѣмъ самымъ вѣру въ ихъ слѣпую обоготворенность. На мѣсто вѣры является знаніе, наука. Постепенное разростаніе и усложненіе культуры ведетъ къ росту общественныхъ силъ на счетъ силъ природныхъ, приобретающихъ служебное значеніе, и служить постояннымъ и дѣятельнымъ факторомъ, разрушающимъ основы прежняго быта и міросозерцанія. „Подъ воздействием этого объективнаго развитія культуры пробуждается работа пытливей, критической мысли, которая по мѣрѣ роста власти человека надъ природой становится все сильнѣе и сознательнѣе, а благодаря этому, безсознательный процессъ культурнаго развитія, достигнувъ извѣстнаго пункта, начинаетъ будить сознательную работу мысли и изъ внѣшняго процесса развитія культуры переходитъ въ процессъ развитія цивилизаціи“.

Такимъ образомъ, цивилизація является у автора продуктомъ процесса развитія культуры. Различіе между культурою и цивилизаціей, кажется автору, есть различіе не по существу, а скорѣй по степени.

Формулировка г. Берлина въ этомъ пунктѣ не весьма убѣдительна. „Культура охватываетъ больше процессъ борьбы человѣка съ природою и процессъ бессознательнаго созданія социальной среды, тогда какъ цивилизація включаетъ въ себя уже борьбу за переустройство общественнаго строя, согласно господствующимъ въ данное время идеаламъ истины и справедливости, подготовляемымъ въ свою очередь ходомъ развитія культуры“. Неясность въ представленіяхъ автора объ этомъ различіи возникла, главнымъ образомъ, отъ того, что, взявъ исходной точкой происхожденіе культуры изъ ея зачаточныхъ формъ въ зоологическомъ мірѣ, онъ смотритъ на цивилизацію, какъ на результатъ процесса развитія культуры, тѣмъ создается возможность представленія цивилизаціи, какъ чего-то отдѣльнаго и подвѣйшаго сравнительно съ культурой.—Не вѣрнѣе ли понимать оба эти понятія, какъ двѣ стороны одного и того же процесса, изъ которыхъ первая характеризуется преобладаніемъ въ развитіи внѣшнихъ, материальныхъ формъ быта, а вторая—духовныхъ? Конечно, подъ „формами“ культуры и цивилизаціи мы понимаемъ тѣ или иные объекты культуры не сами по себѣ, но въ ихъ возможности стать явленіями культуры или цивилизаціи, реализація которыхъ обусловливается работою нашихъ стремленій и желаній.

Далѣе авторъ приводитъ примѣры жестокости, которая проявлялась цивилизованными людьми по отношенію къ дикарямъ на всемъ протяженіи исторіи ихъ столкновеній, и опредѣляетъ основныя социальныя и психологическія черты, которыя дѣлаютъ дикарей и людей цивилизаціи на два лагеря и мѣшаютъ имъ мирно ужиться въ однихъ и тѣхъ же формахъ жизни. Особенно рельефно высказывается эта разнь въ области экономической, гдѣ коммунистическій строй хозяйства, составляющій характерную черту дикарей, дѣлалъ неизбѣжнымъ рѣзкій конфликтъ съ индивидуалистическимъ хозяйственнымъ строемъ цивилизованнаго общества. Въ то время какъ у некультурныхъ людей, въ предѣлахъ одной объединенной группы, имущество считается общимъ и зачастую до послѣдней степени исчезаетъ различіе между „моимъ“ и „твоимъ“,—хозяйственный строй цивилизованнаго общества всецѣло опирается на частную собственность и въ основѣ своей предполагаетъ экономную затрату энергіи, экономизація которой, во всѣхъ ея видахъ, совершается дикаремъ въ самыхъ элементарныхъ формахъ инстинктивнаго приспособленія. „Ясное дѣло, — говоритъ авторъ, — что при такихъ условіяхъ между двумя полюсами экономического міра, наивнымъ коммунистомъ-дикаремъ и хищническимъ индивидуалистомъ-европейцемъ, невозможно перекинуть мостъ регулярнаго мѣноваго сношенія, тѣмъ болѣе, что дикари не понимаютъ всемірнаго экономического языка,—денегъ. Обмѣнъ предполагаетъ

равноцѣнность вступающихъ въ актъ обмѣна благъ, иначе изъ обмѣна онъ превращается просто-на-просто въ обманъ, и торговля сношеніи цивилизованныхъ людей съ дикарями представляютъ не что иное, какъ беззастѣнчивый, наглый обманъ "...

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ выясняетъ, какъ, при разрушеніи хозяйственнаго уклада первобытнаго общества, въ его мирозерцаніе, привычки и складъ характера вносятся новые элементы, лишающіе дикаря его прежняго духовнаго равновѣсія и поселяютъ въ его психическомъ мірѣ рядъ непримиримыхъ противорѣчій, среди которыхъ несоотвѣтствіе между дѣйствіями христіанъ-цивилизаторовъ и ихъ проповѣдью религіи и морали является наиболѣе разрушительнымъ. Это противорѣчіе дѣлаетъ ихъ проповѣдь совершенно безплодною. Съ религіозно-нравственной стороны вліяніе цивилизаціи на дикіе народы оказалось, по мнѣнію автора, двойственнымъ: „цивилизация, съ одной стороны, внесла въ жизнь дикарей новые элементы, новыя нравственныя заповѣди и этимъ самымъ столкнула два моральныхъ уклада, пробудила въ дикарѣ извѣстную критическую работу мысли, заставила его, быть можетъ, впервые, задуматься надъ нравственными вопросами,—не сдѣлавъ, съ другой стороны, ничего для того, чтобы воспитать мысль и чувство дикаря къ самостоятельному разрѣшенію этихъ вопросовъ, и заставила его принять новыя нравственныя начала не за совѣсть, а за страхъ“. Оттого религіозно-нравственная миссія оказалась печальна и бесплодна.

Единственный спасительный выходъ для нарождающихся дикарей г. Берлинъ видитъ въ постепенномъ и рациональномъ приобщеніи ихъ къ цивилизаціи, которое, заключалось бы въ медленномъ и заботливомъ приученіи ихъ къ болѣе производительнымъ, при данномъ соотношеніи социально-географическихъ условій, формамъ хозяйства. Авторъ вспоминаетъ при этомъ рядъ примѣровъ, какъ понимали свои задачи наши отечественные цивилизаторы канцелярскаго типа, которые, не сообразуясь съ особенностями всего прошлаго нашихъ кочевниковъ, стремились (и продолжаютъ стремиться и теперь) во что бы то ни стало превратить ихъ въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ. „Чрезвычайно при этомъ любопытно, что образцы хозяйственныхъ формъ, усвоить которые приказывалось инородцамъ, заимствовались изъ Германіи. Полу-дикарямъ-инородцамъ изъ петербургскихъ канцелярій предписывалось чуть ли не въ 24 часа покинуть прежній бытъ и перейти къ новому, придуманному нѣмцами, передовымъ культурнымъ народомъ!“

Съ отдѣльными частностями читатели едва ли согласятся,—напримѣръ, по вопросу объ условіяхъ непримѣнимости къ дикарямъ христіанской морали, о возможности „раціональной постановки“ смѣшенія

рась и др.; наряду съ примѣрами изъ жизни дикарей (понятіе, точно не формулированное авторомъ) указываются факты изъ исторіи цивилизаторской дѣятельности европейцевъ въ Китаѣ; наконецъ, что касается источниковъ, г. Берлинъ ссылается на авторитеты далеко не одинаковаго достоинства. Но въ общемъ книга его заслуживаетъ полнаго сочувствія, какъ попытка отвѣтить на важный и давно уже назрѣвшій вопросъ.

IV.

— Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго Общества при Имп. Спб. Университетѣ, издаваемый подъ редакціей секретаря общества Б. Ф. Адлеръ. (Т. I, 1904). Спб. 1905.

Нельзя не привѣтствовать рѣшенія антропологическаго общества приступить къ изданію своихъ трудовъ въ видѣ „Ежегодника“. Сообразно цѣлямъ общества, направленнымъ на изученіе человѣка въ его жизненныхъ проявленіяхъ на землѣ въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, „Ежегоднику“ предстоитъ занять особое мѣсто, наряду съ такими почтенными изданіями, какъ „Этнографическое Обозрѣніе“ и „Живая Старина“, посвящаемыми по преимуществу описательной этнографіи и разработкѣ духовной культуры и уже имѣющими за собой столь крупныя заслуги въ дѣлѣ развитія въ обществѣ этнографическихъ интересовъ. Въ соотвѣтствіи съ задачами антропологическаго общества, редакція „Ежегодника“ не предполагаетъ однако придавать ему характеръ только соматической антропологии. Въ первый томъ вошли, какъ работы чисто соматическаго, такъ и этнологическаго и этнографическаго характера, даже статья по фольклору. Основной статьёй „Ежегодника“ является магистерская диссертация покойнаго Д. А. Коропчевскаго—„Значеніе „географическихъ“ провинцій въ этногенетическомъ процессѣ“. „Начатая покойнымъ работа,—говоритъ редакторъ,—доведена была до десятаго листа; остальная часть осталась въ рукописи въ первоначальномъ видѣ, въ какомъ Д. А. ее написалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вслѣдствіе этого вторая часть лишена той окончательной отдѣлки и переработки, согласно позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, какую бы имѣ, конечно, придалъ Д. А. Этотъ недостатокъ не умаляетъ крупнаго достоинства работы, вышедшей изъ-подъ пера человѣка, чутко прислушивавшагося къ научному формированію антропологии въ теченіе 35 лѣтъ и намѣтившаго вѣхи русской научной этнографіи“.

И въ этомъ видѣ работа Коропчевскаго имѣетъ значительный общій интересъ. При слабомъ развитіи въ русскомъ обществѣ научныхъ свѣдѣній о человѣкѣ въ зависимости отъ окружающихъ его

условій, при обширности и специальномъ характерѣ европейской литературы объ этомъ предметѣ, при неустойчивости въ этой области научной терминологіи, работѣ Корончевскаго предстояло стать крупнымъ, объединяющимъ трудомъ, отчетливо намѣчавшимъ основныя проблемы и, до известной степени, пути къ ихъ разрѣшенію. Если въ нѣкоторыхъ частяхъ авторъ и не успѣлъ воспользоваться новѣйшими изслѣдованіями, то общій планъ работы, расположеніе матеріала, сводка литературы—все это заслуживаетъ самаго пристального вниманія. Въ первой главѣ авторъ останавливается на классификаціонныхъ терминахъ современной антропологіи; во второй—рассматриваетъ различныя воззрѣнія на дѣйствія географической среды, въ связи съ изученіемъ происхожденія и развитія этническихъ типовъ (вопреки ученію о типахъ расовыхъ), устанавливая положеніе, что „географическая среда дѣйствуетъ на мѣняющимся образомъ на человѣческій организмъ, и что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій, при постоянномъ дѣйствіи благопріятствующихъ имъ условій, могутъ поддерживаться въ потомствѣ и становиться признаками мѣстной человѣческой группы“. Въ дальнѣйшемъ авторъ подробно останавливается на ученіи Морица Вагнера о происхожденіи видовъ путемъ изолированія ихъ въ пространства; ученіе это, горячимъ сторонникомъ котораго является Корончевскій, носитъ вполне географическій характеръ, такъ какъ оно основывается не только на связи естественной группы съ мѣстомъ ея обитанія, но и на необходимости особой области для образованія типическихъ особенностей группы. Ученіе Вагнера встрѣтило въ европейской наукѣ рядъ общихъ и частныхъ возраженій, которыя не успѣлъ отмѣтить Корончевскій, но изложеніе этого ученія само по себѣ можетъ имѣть для читателя значительный интересъ. Въ послѣднихъ главахъ авторъ рассматриваетъ условія образованія племенныхъ типовъ сѣверо-западной и средней, сѣверо-восточной и южной Америки, Австраліи, Океаніи и юго-восточной Азіи. Полезнымъ дополненіемъ труда Корончевскаго служить статья Н. М. Могиланскаго, объединяющая научные взгляды покойнаго ученаго, вратній некрологъ котораго сообщенъ въ этой же книжкѣ Д. А. Клеменцемъ.

Кромѣ отмѣченныхъ, находимъ статьи: гг. Чепурковскаго („Къ вопросу о наследованіи и вариации у различныхъ антропологическихъ типовъ“), Бодуэна-де-Куртена („Объ одной изъ сторонъ восточнаго человѣченія языка въ области произношенія въ связи съ антропологіей“), а также гг. Адлера, Бѣлынецкаго-Бируля, Руссова и Ларионова.

V.

— Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, написаннымъ Н. Денисюкъ. Вып. I. (1856—1863 гг.).

Щедринъ принадлежитъ къ числу писателей, не то чтобы забываемыхъ въ наше смутное время, но во всякомъ случаѣ мало изучаемыхъ съ точки зрѣнія освѣщенія совершающейся на нашихъ глазахъ политической и общественной борьбы. Причина этому—отчасти въ вынужденномъ эзоповомъ языкѣ нашего сатирика, требующемъ для современнаго читателя комментаріевъ, отчасти въ той быстротѣ событій и тревожномъ настроеніи, которыя затрудняютъ возможность дѣлать историческія справки и водить параллели. Между тѣмъ Салтыковъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ у насъ дѣятелей литературы, которые способны были уловить въ пестромъ хаосѣ разнороднѣйшихъ явленій и событій глубокой и, для своего времени, тайный смыслъ происходившаго. Своимъ врагамъ Салтыковъ не столько былъ страшенъ обличеніями, сколько загорававшейся отъ нихъ вѣрой въ торжество ненавистныхъ его противникамъ освободительныхъ началъ, своею ненавистью къ тому общественному строю, историческимъ недоразумѣніемъ вкоренившемуся въ Россіи, который заключилъ русскую жизнь въ тяжкія условія насилія, неправды, нищеты, варварства. Встрѣченный восторженной поддержкой такихъ умовъ, какъ Чернышевскій и Добролюбовъ, Салтыковъ нещадно бичевалъ по преимуществу тѣ стороны русской жизни, развитію которыхъ особенно благопріятствовали вышнія условія; въ борьбѣ съ ними, онъ принесъ въ жертву публицистикѣ свой громадный беллетристическій талантъ (проявившійся столь ярво въ „Господахъ Головлевыхъ“), представивъ для изученія эпохи незамѣнимый и замѣчательный матеріалъ, оцѣнка котораго еще вся въ будущемъ. По мнѣнію комитета министровъ, опубликованному въ свое время, Салтыковъ проводилъ въ своихъ сочиненіяхъ „вредное направленіе—осмѣяніе и стараніе выставить въ ненавистномъ свѣтѣ существующій общественный, государственный и экономическій строй какъ у насъ, такъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, наряду съ этимъ не скрывая симпатіи къ крайнимъ социалистическимъ доктринамъ“. Лучшая часть русскаго общества переводила эту оцѣнку на свой языкъ и видѣла въ литературной дѣятельности замѣчательнаго сатирика подвигъ великаго гражданскаго мужества и пламенной любви къ родинѣ.

Литература о Салтыковѣ пока бѣдна. Какъ объединяющій трудъ,

существуетъ пока единственная книга покойнаго А. Н. Пыпина. Поэтому заслуживаютъ вниманія даже изданія компилятивнаго характера, не предназначенныя для историко-литературныхъ цѣлей,—къ числу которыхъ относится и книга г. Денисюкъ. „Въ предлагаемыхъ книгахъ (авторомъ задумано четыре выпуска) мы собрали все,—говоритъ г. Денисюкъ,—что разбросано въ различныхъ газетахъ и журналахъ, по интересующему насъ вопросу, причемъ, конечно, дали мѣсто въ нашемъ изданіи только тѣмъ статьямъ и замѣткамъ, которыя представляютъ съ объективной точки зрѣнія, какой-нибудь литературный интересъ. Кроме того, въ предлагаемое изданіе не войдутъ статьи біографическаго характера, такъ какъ цѣлью нашей книги является, какъ мы уже сказали, желаніе дать матеріалъ для комментаріевъ сочиненій нашего писателя. Взаимно этихъ пропущенныхъ статей нами приложенъ біографическій очеркъ Щедрина, сообщающій, въ главныхъ чертахъ, факты жизни и литературной дѣятельности сатирика, въ связи съ современной ему общественной обстановкой. Для болѣе полнаго пониманія приводимыхъ здѣсь критическихъ статей сдѣланы, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, примѣчанія, выясняющія литературную фізіономію автора данной статьи или органа, въ которомъ эта статья была напечатана. Для читателей, незнакомыхъ съ иностранными языками, сдѣланы переводы встрѣчающихся на этихъ языкахъ фразъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это могло бы затруднить пониманіе автора, а также помѣщены и другія мелкія поясненія, историческія справки, раскрыты нѣкоторые псевдонимы и т. д.“.

Эти слова автора обнаруживаютъ всѣ особенности, которыми отличается его книга: она предназначена преимущественно для возбужденія интереса къ сочиненіямъ Салтыкова,—но біографическій очеркъ составленъ для такого изданія нѣсколько сбѣгло; недостаточны и примѣчанія для цѣли автора—„дать матеріалъ для комментаріевъ“ къ сочиненіямъ Салтыкова. Въ первый выпускъ вошли статьи Добролюбова, Чернышевскаго, Анненкова, Дружинина, Эдельсона и др., статьи изъ „Отечественныхъ Записокъ“, „Библиотеки для Чтенія“, „Голоса“, „Сына Отечества“ и нѣк. др. Изданіе съ вѣшной стороны выполнено очень внимательно; къ нему приложена автотипія съ извѣстнаго портрета, исполненнаго въ свое время экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ.

VI.

— Сергій Маковский. Собраніе стиховъ. Книга первая. Спб. 1905.

За последнее десятилетіе читающая публика привыкла видѣть поэзію на ущербѣ, и многимъ начинаетъ казаться, что надолго иссякли родники могучихъ вдохновеній и живыхъ, блестящихъ волшебствомъ истиннаго пафоса гѣсень. Темныя тучи русской жизни сдвинули и въ этой области творческія силы страны и словно обвѣяли гнетущимъ кошмаромъ поэтическія грезы. Особенно бѣдна талантами, такъ называемая, общественная стихія въ поэзи: съ могучей силой вырвавшись на волю въ Некрасовской музѣ „мести и печали“, она словно истощилась, напоминая о себѣ во временахъ въ тусклыхъ перебивкахъ на гражданскія темы, звучащихъ призывными кличами, въ которыхъ слышатся страданіе и скорбь, но — увы! — не замороженныхъ тайной поэтическаго обаянія. И, можетъ быть, не безъ связи съ направлениемъ новѣйшихъ философскихъ теченій, оказавшихъ своеобразное вліяніе на поэтовъ Запада, — можетъ быть, подъ вліяніемъ несбывшихся своевременно надеждъ нашего политическаго идеализма, — русская поэзія отразила въ себѣ всѣ признаки охватившей значительную часть общества реакціи, утомленія, жажды успокоенія и отдыха и, въ исканіи новыхъ путей, подверглась процессу внутренняго перерожденія. Для большинства поэтовъ внѣшній міръ переставалъ служить предметомъ реальнаго интереса, превращаясь въ сокровищницу символовъ, при помощи которыхъ поэты изображали свои душевныя состоянія, „настроенія“. По мѣрѣ удаленія отъ реальнаго, внѣшняго міра развивался особый родъ индивидуализма, въ которомъ анализъ ощущеній, иногда намѣренно укрываясь отъ свѣта критической мысли, искалъ откровенія въ сумеркахъ души, въ бессознательной борьбѣ стремленій и желаній, въ логическихъ противорѣчіяхъ, еле ощутимыхъ движеніяхъ духа. Изошряя тонкость и чуткость самовоспріятія, если можно такъ выразиться, этотъ процессъ неминуемо приводилъ къ культу собственнаго „я“, которое приобрѣтало мало-по-малу всѣ признаки самообожествленія и помѣщало себя въ центрѣ планетной системы. Если то, что у прежнихъ поэтовъ служило конкретнымъ содержаніемъ, утрачивало свое значеніе для представителей этого направления, зато у нихъ, безспорно, выигрывала въ своемъ значеніи форма, которая достигала, путемъ тщательной и упорной работы, невиданныхъ прежде степеней виртуозности и звуковыхъ эффектовъ. Пышныя, съ прихотливо разрушенной гармоніей, образы, звонкіе, гремящіе, неожиданные переливы строфъ и созвучій, филигранная от-

дѣлка, капризный „аморальный“ эстетизмъ, туманъ неразрѣшимыхъ философскихъ проблемъ и загадокъ—вотъ признаки того направленія, которое выступило, подъ флагомъ грифовъ, скорпионовъ и иныхъ символическихъ чудовищъ, и уже, повидимому, отшумѣло, не устоявъ въ своемъ гордомъ индифферентизмѣ передъ властными призывами ломающей оковы новой жизни. По крайней мѣрѣ, голоса талантливейшихъ изъ нихъ начинаютъ отзываться на реальныя человѣческія скорби...

Декаденты-символисты едва ли признаютъ г. Маковского своимъ, хотя, несомнѣнно, онъ обязанъ имъ очень многимъ. Болѣе отзывчивый и чуткій къ тому, что творится въ его собственной душѣ, чѣмъ во внѣшнемъ мѣрѣ, онъ взялъ у нихъ гибкость и красоту формы, свободный темпъ, оригинальность музыкальной фразировки, но вложилъ свое индивидуальное содержаніе, — извѣстную глубину мысли и чувства, искренность и рѣдкую артистичность выраженій, оборотовъ, образовъ, проникнутыхъ непринужденностью, свободой воображенія и свѣжестью настроенія... Мы затрудняемся опредѣлить степень дарованія г. Маковского, но намъ думается, что такъ въ избранной области можетъ писать лишь настоящій поэтъ, — съ органическимъ влеченіемъ къ творчеству.

Но есть въ его поэзіи черта, проводящая слишкомъ замѣтную грань между нимъ и новѣйшими представителями символизма.

Г. Маковский менѣе всего — молниеносный зигзагъ, хаосъ, разрушеніе, менѣе всего оргіастъ и пророкъ; поэзія страсти — не его удѣлъ, и даже столь обычные у поэтовъ изліянія любви принадлежать къ менѣе удачнымъ его стихотвореніямъ. Нарядная и красивая, поэзія его ясна, понятна, полна возвышеннаго раздумья и мечтательности, прозрачной и нѣжной.

Проснулось озеро. Воздушныя очертанья
холмовъ. Ужъ ночи нѣтъ, и всюду свѣтъ проникъ.
Ужъ воздухъ дышитъ имъ, и сводъ небесъ великъ,
какъ замисель Творца въ предвѣчный день созданья.

И такъ прекрасенъ мѣръ, весь — нѣжность и сіянье,
весь — трепеть юности. Какъ будто въ этотъ мигъ,
не вѣдая ни зла, ни счастья, ни страданья,
изъ тьмы невѣдомой впервые онъ возникъ...

Поэтическое міросозерпаніе г. Маковского подернуто дымкой легкаго философскаго разочарованія, сосредоточеннаго въ лирикѣ души, ея воспріятія и переживанія. Мѣръ своимъ реальнымъ содержаніемъ мало интересуется поэта, но въ немъ такъ много разлито красоты, что поэтъ не можетъ не остановиться передъ ней въ восторженномъ со-

зерцанія. Но, какъ и все въ мірѣ, красота эта—вѣковѣчная загадка, передъ которой нѣмѣетъ мысль:

И жизнь и смерть таинственны равно,
и красота—лишь символъ безконечный
того, что намъ постигнуть не даво.

Чудесное—вездѣ. Душа поэта сознаетъ себя на грани двухъ міровъ, равно прекрасныхъ, но непостижимыхъ:

Не спрашивай, о чемъ волна морская
поетъ, шумя на берегу нѣмомъ,
и отчего въ безмолвіи nocturno
звѣзда небесъ горитъ, не угасая.

Не спрашивай. Люби, не понимая.
Любовь—печаль. Въ невѣдѣнны земномъ—
предчувствіе о вѣдѣнны иномъ,
въ земной тоскѣ—отрада неземная.

И если-бъ вѣдалъ ты, о чемъ волна
на берегу поетъ неутомимо,
и отчего звѣздами ночь хранима,
и если-бъ зналъ, зачѣмъ обречена
душа твоя въ невѣдѣнны томиться,
не могъ бы ты ни вѣрить, ни молиться.

Явленія быстро смѣняются и исчезаютъ, все существующее—тлѣны и бренность, но, съ другой стороны, поэтъ успокаиваетъ мысль о призрачности всего земного и недостижимости разгадки мірозданія: „непостижимость—рай познанья моего“, „мое невѣдѣнье таинственно и свято“, говоритъ поэтъ въ мечтательномъ полузабвеньи, выражая желаніе, характеризующее, впрочемъ, довольно значительную группу современныхъ поэтовъ,—„пусть грезой будетъ жизнь и жизнью греза станеть“.

Отсюда понятенъ и источникъ фаталистическаго отношенія къ жизни:

Плывемъ, не зная, что насъ манять,
какая сила гонитъ насъ,
какое счастье насъ обманетъ
когда-нибудь, въ послѣдній разъ.

Не все-ль равно? Пусть цѣль—далѣко;
для нашей скорби вѣтъ преградъ.
Мы будемъ плыть. Мы дѣти рока.
Мы не воротимся назадъ.

Лиризмъ г. Маковского отличается тою особенностью, что поэтъ не столько мыслить, или, если угодно, чувствуетъ образами, непосредственно выражая предметъ своихъ ощущеній, сколько *реально*

мечтаетъ о томъ, что переживаетъ его душа и какимъ неостижимымъ для него явленіемъ она открыта. Свое личное тонетъ у него во всеобщемъ міровомъ, вѣчномъ, и это смягчаетъ впечатлѣніе отъ слишкомъ пристального вниманія къ собственному „я“.

Между прочимъ, весьма знаменательно въ нашъ вѣкъ „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“ стихотвореніе, въ которомъ авторъ обращается къ „современнику“:

Безумцамъ новизны не вѣрь, поэтъ! Забудь
о новомъ. Всѣ творцы идутъ путемъ единымъ.
Отъ сердца глубины къ невѣдомымъ глубинамъ,
во имя вѣчнаго и къ вѣчному—тотъ путь.

Не бойся старыхъ словъ. Собой безстрашно будь.
И старыя слова, съдымъ крыламъ орлинымъ
подобныя, внесутъ тебя къ роднымъ вершинамъ;
ихъ царственный полетъ не можетъ обмануть.

Въ порывѣ—творчество. Ни мыслей устарѣлыхъ,
ни словъ отверженныхъ, ни чувствъ отжившихъ нѣтъ,
когда вѣщаетъ ихъ и вѣритъ имъ поэтъ.

Не чувства отжили, но въ душахъ омертвѣлыхъ,
въ сердцахъ, исполненныхъ гордыни и тоски,
иззякли вѣчныхъ чувствъ живые родники.

Конечно, было бы напрасно опѣивать поэта съ точки зрѣнія общественныхъ или гражданскихъ мотивовъ,—тревога, порывъ не въ поэтической натурѣ г. Маковского. Съ недостижимыхъ высотъ поэтъ нигдѣ не роняетъ стиха ободренія, надежды, призыва, и въ этомъ отношеніи поэзія его слишкомъ субъективна. Вся въ мягкихъ, покойныхъ тонахъ, съ нѣжными пейзажами, настроеніями мечтательной нѣги, безпредметной грусти, поэзія г. Маковского, несомнѣнно, встрѣтитъ сочувственный приѣмъ у той части читателей, которая будетъ искать въ ней поэтического забвенія отъ жизненныхъ бурь, страстей и сомнѣній, того, что такъ удачно выразилъ французскій поэтъ:

Le sommeil, le repos, le nirvâna des brâhmes,
Instants qui sont pour nous, par leur oubli profond,
Les meilleurs après ceux dans lesquels nous aimâmes.

Matière inerte et sourde en tout qui tout se confond,
Toi qui n'a pas de chair douloureuse et subtile,
Quand tu m'ouvres ton sein, j'y descends jusqu'au fond...

. Но люди сильной воли и могучихъ порывовъ, не знающіе устали въ кипучей борьбѣ обновляющихся силъ страны, еще ждутъ своего поэта...

VII.

- П. Соловьева (Allegro). Иней. Рисунки и стихи. Сиб. 1905.

Г-жа Соловьева пользуется извѣстностью талантливой поэтессы; ея стихотворенія издавна находятъ себѣ пріютъ на страницахъ лучшихъ журналовъ. Въ этой со вкусомъ изданной книгѣ, носящей нѣсколько символическое заглавіе „Иней“, читатель знакомится не только съ поэтическимъ творчествомъ автора, но и съ его талантомъ, какъ художницы. Рисунки исполнены перомъ въ повѣйшемъ стилѣ; многіе изъ нихъ оригинальны, милы, но не въ нихъ основное достоинство книги. Стихотворенія г-жи Соловьевой отличаются прежде всего изяществомъ формы, благородствомъ настроенія; ихъ содержаніе—міръ нѣжныхъ и тонкихъ движеній мыслей и сердца, порывовъ къ прекрасному и далекому, міръ свѣтлыхъ надеждъ, воздушныхъ мечтаній. Женственно и красиво:—этими двумя словами можно опредѣлить цѣлый рядъ пьесъ, вродѣ, напримѣръ, — „Въ склепѣ“, „Петербургъ“, „Вечерняя заря“, „Въ зимнюю ночь“ и др.

Весенній солнца лучъ сквозь низкое окно
Скользнулъ въ угрюмый мракъ нѣмого подземелья,
И на холодный полъ горячее пятно
Онъ бросилъ, какъ призывъ забытаго веселья.

Улыбкой блѣдною отвѣтили кресты,
Померкшимъ серебромъ бѣлыя на покровахъ,
Вѣнковъ увядшіе, истлѣвшіе листы
Почуяли съвозъ сонъ дыханье роцъ лавровыхъ.

Пріотворилась дверь... съ порывомъ вѣтерка
Привѣтъ весны слетѣлъ на тихія могилы,
И чья-то нѣжная и тонкая рука
Весенніе цвѣты на камень положила.

И снова стихло все, но яркіе цвѣты
Въ холодномъ сумракѣ нѣжныхъ благоухали,
Какъ позабытыя, но вѣчныя мечты,
И мертвымъ о любви и радости шептали.

Стремленіе автора къ прекрасному и свѣтлымъ сторонамъ бытія находитъ себѣ удовлетвореніе въ красотѣ природы и томъ сложномъ мірѣ чувствъ, мыслей и желаній, къ которому онъ чутко прислушивается и для котораго ищетъ возвышенныхъ и музыкальныхъ выраженій. Красота природы не сама по себѣ привлекаетъ автора, хотя и изъ этой области есть у него нѣсколько хорошенькихъ картинокъ,— но лишь какъ отправная точка для полета въ міръ таинственныхъ

сновъ и горнихъ откровений. На параллелизмъ реального и воображаемаго міровъ построена символика автора, неясная, воздушная, гонящая полунамекми, полувздохами, полумечтами...

Погляди, деревья встали
И вблизи и вдалекъ.
Погляди, какія дали
На серебряной рѣкѣ.

Связовъ жемчужныя сплетеня
Въ серебристо-синей мглѣ,
Видишь, ангеловъ движенья
Вдругъ застыли на стеклѣ.

Въ сочетаньи небываломъ
Здѣсь земля и небеса,
И глазамъ, глазамъ усталымъ
Вновь доступны чудеса.

Стремленіе автора въ потусторонній міръ нигдѣ не приводитъ его къ мрачному пессимизму и отчаянію; большею частью оно разрѣшается тихой молитвой и надеждой на Бога. Кое-гдѣ читатель можетъ встрѣтить намекъ, что авторъ, отнюдь не ищущій бури, направляетъ свои исканья, подкрѣпленныя молитвой, въ мирную обитель, граничащую съ эдемомъ:

Руку дай, дитя, тропюю хвойною
Забредемъ далеко мы, туда,
Гдѣ насъ жизнь загадкой безпокойною
Не найдетъ, не встрѣтитъ никогда.

Гдѣ мгновенья стннуть, не мѣняются,
Гдѣ не вянутъ тихіе цвѣты,
Гдѣ въ прозрачномъ небѣ поднимаются
Тонкихъ елей стройные кресты.

Тамъ, забывъ стремиться въ даль неясную,
Къ тишинѣ душою ты прильнешь
И молитву первую, безгласную
Ты съ моею молитвою сольешь.

Грусть одиночества, дѣлающая дни „тусклыми“, воспоминаніе о прошломъ, робкое томленье и грезы любви служатъ темами очень многихъ стихотвореній; автору знакомы „мертвые часы душевной лѣни“, когда „мысли тускнутъ, замеревъ“, — и другіе, часы раздумья, полные противорѣчивыхъ чувствъ и загадки:

Море любить землю, вѣчно негодуя,
Переходить въ ропотъ подѣлуи моря,—

Такъ тебѣ на встрѣчу радостно иду я,
Но въ душѣ упреки, въ сердцѣ столько горя.

Мы живемъ и дышимъ жизнью не одною:
Ты—понять не можешь, я—сказать не въ силахъ...
Такъ не властно море пѣнною волною
Отдохнуть, смирившись, на земныхъ могиллахъ.

Наряду съ такими превосходными пьесами, какъ „Слѣпой“ (драматическая поэма въ четырехъ картинахъ) или „Старый домъ“, у г-жи Соловьевой встрѣчаются стихотворенія холодныя, не дающія ни образа, ни настроенія; тщательная, въ общемъ, отдѣлка стихотвореній встрѣчаетъ мѣстами, неодолимыя препятствія, оставляя выраженія и обороты вродѣ— „птица вдругъ *проплакала* ночная“, „все слышнѣй во мракѣ *зоркомъ* чьи-то вздохи и слова“, „оттого сердцемъ, *жизнию* раненымъ, мнѣ умершихъ мгновеній не жаль“; въ строеніи стиха также встрѣчаются недочеты, особенно неприятыя тамъ, гдѣ логическое удареніе расходится съ музыкальнымъ. Нельзя не отмѣтить, впрочемъ, почти безукоризненной формы въ поэмѣ „Слѣпой“, равно интересной и по замыслу, и по исполненію; мѣстами эта пьеса глубоко трогаетъ читателя своей искренностью и задушевностью; и въ ней соблюдена отличающая г-жу Соловьеву нѣжная и воздушная прозрачность образовъ.—Евг. Л.

VIII.

— Крестьянскій строй. Т. I. Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого при участіи редакціи газеты „Право“. Сиб. 1905 г.

Крестьянамъ принадлежитъ такое видное мѣсто въ общественномъ строѣ Россіи и положеніе ихъ у насъ настолько ненормально, что всякое оживленіе преобразовательныхъ стремленій выдвигаетъ на первый планъ крестьянскій вопросъ. Ненормальность положенія крестьянъ обуславливается не только тѣмъ, что реформы шестидесятихъ годовъ не вывели окончательно этотъ классъ русскихъ гражданъ изъ прежняго приниженаго положенія и не уравнили его въ правахъ съ прочимъ населеніемъ Россіи. Сведеніе крестьянскаго вопроса въ вопросу юридическому было, правда, очень популярной идеей нашей публицистики и законодательнаго творчества послѣднихъ пятнадцати лѣтъ; при чемъ одни желали расширенія юридическихъ крестьянскихъ правъ, а другіе стремились къ ихъ ограниченію. Въ формахъ крестьянскаго правопорядка видѣли главную причину не только политическаго, но и экономическаго угнетенія крестьянъ; а уравненіе по-

слѣднихъ въ правахъ съ другими сословіями (при условіи преобразованія нашего политическаго строя вообще) считалось достаточнымъ средствомъ для того, чтобы ввести жизнь болѣе или менѣе спокойнаго теченія и стереть крестьянскій вопросъ съ лица русской земли. Гораздо меньшая часть русскаго общества усматривала въ крестьянскомъ вопросѣ столь же важные экономическіе, какъ и политическіе элементы; но и она, однако, находила, что удовлетворенію тѣхъ и другихъ требованій должно предшествовать преобразование нашего государственнаго строя, каковое почиталось, такимъ образомъ, необходимымъ и возможнымъ независимо отъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Еще меньшая или, по крайней мѣрѣ, менѣе видная группа русскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей не только ставила крестьянскій вопросъ, какъ вопросъ социальный, но и не полагала возможнымъ политическія преобразования отдѣлять отъ экономическихъ и достигать политическаго освобожденія русскаго общества, не ставя вмѣстѣ съ тѣмъ на разрѣшеніе и вопроса объ удовлетвореніи главнѣйшихъ экономическихъ нуждъ крестьянъ. Первыя же вѣянія свободы безапелляціонно разрѣшили эти разногласія.

Первоначально эти вѣянія проявились въ средѣ привилегированнаго общества, и активные представители послѣдняго выразили это провозглашеніемъ чисто политической программы. Но въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года произошла грандіозная манифестація петербургскихъ рабочихъ, послѣ чего движеніе распространилось на рабочіе классы страны—сперва городскіе, затѣмъ сельскіе—и приняло здѣсь явно экономическую и даже социальную окраску. Пока дѣло ограничивалось классами наемныхъ рабочихъ—осложненіе движенія экономическими чертами только усиливало чисто политическое теченіе, потому что препятствія, встрѣчаемыя рабочими въ осуществленіи ихъ экономическихъ требованій, неминуемо толкали ихъ на политическую борьбу. Но когда движеніе распространилось на классъ мелкихъ земледѣльцевъ, и крестьяне заявили притязаніе на помѣщичьи земли, политическому теченію предстояло или включить въ программу экономическія требованія крестьянъ, или идти на рискъ вооружить противъ себя наиболѣе многочисленный классъ русскаго населенія. На этомъ мотивѣ предполагаемаго недовольства крестьянъ одними политическими реформами основаны и надежды реакціонеровъ на неудачу освободительнаго движенія, и въ этомъ смыслѣ началась уже ихъ агитація среди темныхъ элементовъ деревни. Тѣмъ болѣе необходимымъ сдѣлалось дополненіе либеральныхъ политическихъ программъ пунктами экономическаго характера, и среди русскаго интеллигентнаго общества начало широко распространяться сознаніе того, что очередная задача

преобразования нашего строя—не чисто политическая, а социальная. При такомъ пониманіи задачъ русскаго общественнаго быта, политическія реформы становятся первымъ шагомъ только потому, что безъ нихъ оказывается невозможнымъ удовлетворить остальные требованія момента, и прежде всего экономическія требованія крестьянъ.

Послѣ всего сказаннаго не слѣдуетъ удивляться тому, что крестьянскій вопросъ привлекаетъ въ послѣднее время бѣльшее и бѣльшее вниманіе общества, что книжный рынокъ обогащается новыми и новыми сочиненіями по крестьянскому вопросу, причемъ отдѣльными изданіями появляются не только новыя работы, но и сборники статей уже печатавшихся въ журналахъ. Крестьянскому вопросу посвященъ и сборникъ, названный въ заголовѣ настоящей замѣтки. Задуманъ этотъ сборникъ въ январѣ мѣсяцѣ прошлаго года, и его цѣлью было оказать сильное противодѣйствіе проектируемой министерствомъ внутреннихъ дѣлъ реформѣ узаконеній о крестьянахъ въ духѣ обособленія послѣднихъ отъ прочихъ классовъ населенія, причемъ это обособленіе рекомендовалось, какъ дальнѣйшее развитіе началъ, положенныхъ въ основу реформы 19-го февраля. Нужно было доказать неправильность такого сближенія крѣпостническихъ тенденцій новаго времени съ освободительнымъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ, и въ этихъ видахъ признано было необходимымъ „уяснить въ общественномъ сознаніи историческія судьбы нашего крестьянства, смыслъ и значеніе освободительной реформы и тѣ пути, которые она намѣтила для дальнѣйшаго развитія неисчерпаемаго уничтоженіемъ крѣпостнаго права крестьянскаго вопроса. Необходимо было выяснитъ, насколько отъ этихъ путей уклонился весь ходъ законодательства о крестьянахъ въ послѣдовавшее сорокалѣтіе и въ какомъ отношеніи къ реформѣ 19-го февраля стоятъ“ новыя предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ, „составляющія лебединую пѣснь бюрократическаго творчества. Въ этихъ цѣляхъ и задуманъ былъ настоящій сборникъ“. Послѣ того, какъ извѣстно, обстоятельства рѣзко измѣнились. Единственный сильный представитель „бюрократическаго творчества“, министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Плеве, закончилъ свое служебное поприще; безпримѣрный крахъ бюрократическаго руководства судьбами великаго народа на полѣ войны и безсиліе бюрократіи прекратить волненія внутри страны совершенно дискредитировали принципъ бюрократическаго самовластия въ глазахъ самихъ бюрократовъ и поставили ребромъ вопросъ о полномъ преобразованіи нашихъ государственныхъ порядковъ. вмѣстѣ съ этимъ не можетъ не быть сданнымъ въ архивъ и проектъ покойнаго министра, и борьба съ этимъ проектомъ становится, по нашему мнѣнію, совершенно безцѣльной. Это, однако, не говоритъ въ пользу того, чтобы задуманный ранѣе

трудъ по исторіи крестьянскаго дѣла потерялъ свое значеніе. Крестьянскій вопросъ есть одинъ изъ первыхъ, съ которымъ придется имѣть дѣло новому государственному строю. Уясненіе этого вопроса съ принципиальной и исторической стороны представляется, поэтому, во всякомъ случаѣ необходимымъ; мы считаемъ, вслѣдствіе этого, вполне умѣстнымъ появленіе разсматриваемаго сборника, хотя и не согласны съ издателями въ томъ, что ихъ сборникъ необходимъ въ качествѣ орудія борьбы съ проектомъ, который они сами считаютъ „лебединою пѣсню бюрократическаго творчества“.

Разсматриваемый сборникъ состоитъ изъ четырехъ статей: исторія образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянъ, А. С. Лаппо-Данилевскаго; крестьянскій вопросъ во второй половинѣ XVIII-го и въ первой половинѣ XIX-го вѣка, В. И. Семевскаго; исторія составленія положенія 19 февраля А. А. Корнилова и исторія крестьянскаго вопроса послѣ 1861 г. до момента составленія предположеній о преобразованіи узаконеній о крестьянахъ при покойномъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, И. М. Страховскаго. Второй томъ „Крестьянскаго строя“ предполагается посвятить разбору этихъ предположеній. Статья А. С. Лаппо-Данилевскаго заключаетъ въ себѣ преимущественно исторію великорусскихъ крестьянъ, которая доведена въ ней до начала XIX-го столѣтія. Указавъ въ самыхъ общихъ чертахъ—лишь насколько это необходимо для соблюденія „требованія исторической перспективы“—на положеніе сельскихъ классовъ въ древней Руси, авторъ описываетъ затѣмъ историческія судьбы государственныхъ и владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ и въ Россійской имперіи, отводя; конечно, гораздо больше мѣста разряду владѣльческихъ крестьянъ. Быть можетъ вслѣдствіе этого обстоятельства, статья о государственныхъ крестьянахъ представляется какъ бы не совсѣмъ отдѣланною. Статья В. И. Семевскаго представляетъ переработанное и дополненное по новымъ источникамъ введеніе къ извѣстному его сочиненію: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вв.“. Въ немъ излагается исторія крестьянскаго вопроса при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I въ печатной и рукописной литературѣ, особенно подробно излагаются взгляды на крестьянскій вопросъ декабристовъ и дается краткій очеркъ положенія владѣльческихъ крестьянъ при обоихъ императорахъ. Гдѣ оставляетъ крестьянскій вопросъ В. И. Семевскій, тамъ его начинаетъ А. А. Корниловъ, которому принадлежитъ статья „Крестьянская реформа 19 февраля“. Въ этой статьѣ авторъ почти не останавливается на роли печати въ подготовленіи реформы, высказывая, въ противность мнѣнію другихъ писателей, что роль эта не могла быть значительной уже потому, что печать была допущена къ обсу-

жденію крестьянской реформы послѣ того, какъ были выработаны главныя ея основанія, и что со статьями о реформѣ выступали преимущественно лица, еще ранѣе изложившія свои мысли въ частныхъ запискахъ, въ устныхъ и письменныхъ заявленіяхъ на засѣданіяхъ губернскихъ комитетовъ. Общіе принципы и частныя положенія этой важнѣйшей реформы въ нашей исторіи выработывались за предѣлами печатнаго слова, при помощи литературы непечатной (записки, представлявшіяся правительству и обращавшіяся въ обществѣ), путемъ кабинетной работы мысли государственныхъ людей, стоявшихъ во главѣ движенія, обсужденія вопроса въ правительственныхъ коммисіяхъ и дворянскихъ комитетахъ, созданныхъ для подготовки реформы. Такой способъ скрытой разработки важныхъ вопросовъ не только бюрократіей, но и самимъ обществомъ—благодаря извѣстнымъ порядкамъ нашего государственнаго строя—составляетъ, впрочемъ, обыкновенное явленіе и предшествующей, и послѣдующей эпохи. Въ силу указанного обстоятельства цѣлыя важныя теченія нашей общественной мысли протекаютъ почти неотмѣченными литературой и остаются малоизвѣстными не только слѣдующимъ поколѣніямъ, но подчасъ и массамъ современниковъ. Оттого-то у насъ такъ легко порывается преемственная связь стараго и молодого поколѣній. Крестьянская реформа, какъ извѣстно, въ свое время не была окончательно завершена, и Положеніе 19 февраля заключаетъ черты и новаго, и стараго духа. Въ статьѣ И. М. Страховскаго: „Крестьянскій вопросъ въ законодательныхъ и законосовѣщательныхъ коммисіяхъ послѣ 1861 г.“, излагается послѣдующая исторія крестьянскаго дѣла, которая должна бы, казалось, заключаться въ доведеніи начатой реформы до ея логическаго конца. Но судьба рѣшила иначе. Въ преформенной исторіи крестьянскаго вопроса авторъ различаетъ три періода: „время пассивнаго отношенія къ существу крестьянскаго вопроса“, которое авторъ видитъ въ уравниніи крестьянъ въ правахъ со всѣмъ населеніемъ; время борьбы прогрессивнаго и реакціоннаго теченій съ перевѣсомъ послѣдняго и „періодъ попечительныхъ заботъ о внутреннемъ устройствѣ крестьянъ на началахъ, установленныхъ въ предшествующемъ періодѣ“. Сколько-нибудь подробно авторъ останавливается на юридической сторонѣ крестьянскаго вопроса.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе перваго тома „Крестьянскаго строя“. Второй томъ, какъ сказано выше, будетъ посвященъ разбору трудовъ редакціонной коммисіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, касающихся также исключительно крестьянскихъ правъ. Но крестьянское дѣло далеко не исчерпывается вопросомъ о гражданскихъ и политическихъ правахъ сельскаго населенія, каковая сторона представляется даже наиболѣе легкой для разрѣшенія. Гораздо

затруднительнѣе разрѣшать социальныя экономическія вопросы крестьянскаго быта, потому что они не представляютъ таковой простоты, какъ вопросы права, ихъ разрѣшеніе невозможно безъ широкихъ социальныхъ преобразованій всей страны, и что историческій опытъ западной Европы не даетъ образцовъ для ихъ разрѣшенія. Эти вопросы требуютъ самостоятельной творческой работы общественной мысли. Будемъ же надѣяться, что они не замедлятъ привлечь къ себѣ достаточное вниманіе изслѣдователей, и новыя государственныя учрежденія не останутся въ недоумѣніи передъ мрачной таинственностью надвигающагося социального вопроса.

IX.

— А. А. Корниловъ. Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи. Спб. 1906.

Книга, названная въ заголовкѣ этой замѣтки,—составленная изъ статей, печатавшихся въ разныхъ журналахъ, и принадлежащая одному изъ авторовъ, участвовавшихъ въ составленіи сборника, только-что нами разсмотрѣннаго,—по ея содержанію составляетъ какъ бы дополненіе послѣдняго. Самая большая ея статья, „Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—59 гг.“ (служившая матеріаломъ для статьи г. Корнилова въ сборникѣ „Крестьянскій строй“), посвящена тому моменту въ исторіи подготовки законодательнаго акта объ освобожденіи крестьянъ, когда правительство, побудивъ самихъ рабочвладѣльцевъ пойти навстрѣчу этому необходимому историческому факту, возложило на нихъ разработку проектовъ его осуществленія. Этотъ моментъ не былъ описанъ въ извѣстномъ трудѣ проф. Иванюкова: „Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи“, который обращался къ заключеніямъ губернскихъ комитетовъ лишь какъ къ исходной точкѣ работъ редакціонныхъ комиссій, и разсматриваемый трудъ А. А. Корнилова пополняетъ, поэтому, одинъ изъ пробѣловъ въ нашей небогатой сводными работами литературѣ по данному вопросу. Значеніе дворянскихъ комитетовъ въ исторіи освобожденія крестьянъ опредѣляется, впрочемъ, не столько матеріальнымъ содержаніемъ составленныхъ ими „Положеній“, сколько тѣмъ, что обсужденіе вопроса въ комитетахъ способствовало, во-первыхъ, выясненію и разработкѣ взглядовъ немногихъ лицъ, искренно желавшихъ блага народу и оказавшихъ существенное вліяніе на правительство; во-вторыхъ, содѣйствовало распространенію мнѣнія о необходимости эмансипаціи въ массѣ дворянства и подготавливало общество къ реформѣ. Что касается направленія работы

г. Корнилова, то, не ограничиваясь изложеніемъ хода дѣлъ въ губернскихъ комитетахъ, онъ поставилъ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ задачу „выяснить внутреннюю связь рѣшеній, принятыхъ въ различныхъ комитетахъ, и образовавшихся въ нихъ направлений съ предшествовавшимъ движеніемъ въ дворянской средѣ и въ правительственныхъ сферахъ, и съ мѣстными условіями, вліявшими на образованіе и развитіе тѣхъ или другихъ интересовъ и связанныхъ съ ними идей и убѣжденій“ (стр. 309). Мѣстныя условія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, рѣзко отразились на предположеніяхъ дворянскихъ комитетовъ черноземныхъ и нечерноземныхъ губерній. Въ центральныхъ черноземныхъ, исключительно земледѣльческихъ губерніяхъ, съ весьма плодородной почвой и густымъ крѣпостнымъ населеніемъ, которому владѣльцы обязаны были помогать въ случаѣ неурожаевъ и другихъ бѣдствій, но которое нельзя было эксплуатировать инымъ способомъ, кромѣ примѣненія его силъ къ обработкѣ земли, въ которой ощущался недостатокъ,—помѣщики дорожили не столько крестьянскимъ трудомъ, сколько своими землями, и стремились къ тому, чтобы крестьяне были освобождены безъ земли. Владѣльцы нечерноземныхъ районовъ получали доходъ не столько отъ земли, сколько отъ промысловыхъ заработковъ своихъ крѣпостныхъ. Имъ важно было поэтому получить вознагражденіе за утрату этого источника дохода, которое дало бы имъ и денежные средства для обработки земли наемнымъ трудомъ, и удержать на мѣстахъ освобождаемыхъ крестьянъ, какъ рабочую силу для будущихъ ихъ хозяйствъ. Они стояли, поэтому, за освобожденіе крестьянъ съ землей и за выкупъ ихъ личности.

Вторая большая статья сборника посвящена „судьбѣ крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ“. Собственно говоря, крѣпостное право вмѣстѣ съ вотчинной властью помѣщиковъ было упразднено въ Польшѣ Наполеоновской конституціей 1807 г.; но земля, на которой жили и которую обрабатывали крестьяне, была признана помѣщицьею собственностью, и крестьянамъ предоставлялось пользоваться ею по добровольнымъ соглашеніямъ съ владѣльцами. Новая конституція Царства Польскаго, данная русскимъ правительствомъ, признала личную свободу крестьянъ, но и возстановила вотчинную власть помѣщика. По-земельныя же отношенія крестьянъ оставались нетронутыми до 1846 г., когда, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ галиційской рѣзни, изданъ указъ, запретившій помѣщикамъ произвольно изгонять крестьянъ, обрабатывающихъ для себя не менѣе 1½ дес. земли, присоединять освобождающіеся крестьянскіе участки къ владѣльческимъ землямъ и возвышать повинности крестьянъ. Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи основной идеи этого указа должны были быть переводъ крестьянъ съ барщины на денежный оброкъ и уничтоженіе вотчин-

ной власти помѣщиковъ; но нерасположеніе къ реформѣ мѣстнаго общества и мѣстной власти помѣшало ея завершенію; а когда, послѣ подавленія польскаго возстанія 1863 года, было приступлено къ окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній въ Царствѣ Польскомъ, и осуществленіе этого было поручено виднѣйшимъ дѣателямъ реформы 1861 г.—Милютину, Черкасскому, Самарину, Соловьеву, Кошелеву—крестьянскій вопросъ въ Царствѣ Польскомъ былъ разрѣшенъ радикальнѣе, чѣмъ въ Россіи. Такъ, крестьяне получили въ собственность всѣ земли, находившіяся въ ихъ владѣніи въ моментъ изданія Положенія 19 февраля 1864 г., и тѣ, которыя неправильно были изъяты изъ ихъ пользованія. Вознагражденіе помѣщикамъ за эти земли рѣшено было уплатить не изъ средствъ освобождаемыхъ крестьянъ, а путемъ возвышенія налоговъ на поземельную собственность всѣхъ категорій. Общественное управленіе крестьянъ было построено на началѣ участія въ немъ землевладѣльцевъ всѣхъ сословій. Милютинъ и его сотрудники-славянофилы задались цѣлью „вывести на историческую сцену въ преобразуемой странѣ крестьянство, какъ новый, самостоятельный, свободный и сознательный элементъ общественной жизни“, а для достиженія этого, кромѣ обезпеченія экономической независимости и нѣкотораго самоуправленія крестьянъ, нужно было позаботиться и объ ихъ образованіи. Организациія школьнаго дѣла была, поэтому, третьимъ моментомъ реформы, проводимой Милютинымъ. Онъ желалъ школы, независимой отъ всякихъ политическихъ тенденцій, и въ этихъ видахъ, „устранивъ изъ шволы всякое непосредственное къ ней отношеніе пановъ и ксендзовъ, передалъ завѣдываніе ею въ руки вновь созданныхъ гминныхъ и сельскихъ сходоу. Предполагалось, что освобожденные крестьяне сами устремятся къ просвѣщенію“. Изъ всѣхъ этихъ предначертаній удавшейся слѣдуетъ считать лишь аграрную реформу. Что же касается развитія самоуправленія и образованія польскихъ крестьянъ, то, по извѣстнымъ всѣмъ причинамъ, русскія реформы привели какъ разъ къ обратному тому, что предполагалось ихъ инициаторомъ. „Въ бытность мою комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Царствѣ Польскомъ,—пишетъ А. А. Корниловъ,—я самъ имѣлъ случай неоднократно убѣдиться, какъ трудно иногда бываетъ составить сходъ для обсужденія какаго-либо дѣла. Уѣздной администраціи приходится принудительно заставлять свободныхъ людей пользоваться своимъ правомъ участвовать въ общественныхъ дѣлахъ—печальный результатъ реформы, долженствовавшей вывести на историческую сцену крестьянство, какъ сознательную политическую силу“.

Къ исторіи крестьянскаго дѣла въ эпоху освободительныхъ реформъ относятся еще двѣ небольшія статьи сборника: „Вопросъ объ

административномъ устройствѣ крестьянъ во время разработки крестьянской реформы“ и биографическій очеркъ: „Ю. О. Самаринъ“. Последняя, большая статья сборника посвящена общественной, литературной и государственной дѣятельности Николая Ивановича Тургенева. Статью эту нельзя считать совершенно оторванной отъ остального содержанія сборника, потому что основная идея, воодушевлявшая Тургенева, была—борьба съ крѣпостнымъ правомъ. Эта очень интересная статья, въ которой авторъ довольно подробно останавливается на тайномъ обществѣ, къ которому принадлежалъ Тургеневъ, „не столько даетъ біографію этого замѣчательнаго дѣятеля первой половины XIX столѣтія, сколько выясняетъ общественное значеніе и развитіе его идей въ связи съ тѣмъ общественнымъ движеніемъ, въ которомъ онъ принималъ непосредственное участіе и которое, несомнѣнно, исторически связано съ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ“.

X.

— С. Н. Прокоповичъ. Къ рабочему вопросу въ Россіи. Спб. 1905.

Отдѣльныя статьи, составляющія содержаніе книжки С. Н. Прокоповича, рѣзко различаются по своему характеру. Статьи: „Общества взаимопомощи“, „Забастовки“ и „Всеобщая забастовка 1905 г.“—представляютъ простые своды фактическихъ данныхъ по соотвѣствующимъ предметамъ, настолько скудныхъ, что по отношенію къ нимъ становится излишней и мало возможной научная разработка. Статьи „Фабричное законодательство“ и „Отвѣтственность предпринимателей“ заключаютъ, напротивъ того, критическій и, такъ сказать, социологическій разборъ законовъ, относящихся къ рабочему вопросу. Данные, заключающіяся въ статьяхъ перваго рода, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ отсталости Россіи въ промышленномъ отношеніи. Говоря вообще, „помощь неимущимъ первоначально организуется на началахъ благотворительности“. Съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній число лицъ, не обезпеченныхъ имущественно, настолько возрастаетъ, что оказаніе имъ помощи становится не подъ силу благотворительности, а моральный характеръ рабочаго настолько измѣняется, что онъ теряетъ желаніе становиться въ положеніе нищаго. Тогда получаетъ широкое развитіе организація взаимопомощи съ большимъ или меньшимъ участіемъ государства. Этотъ моментъ давно наступилъ на Западѣ, но „экономическая отсталость Россіи настолько велика, что мы до сихъ поръ не вышли изъ періода филантропической организаціи помощи неимущимъ“. Кассы взаимопомощи распро-

странены среди нашихъ рабочихъ крайне мало, преимущественно на окраинахъ, а также въ горной промышленности и въ желѣзнодорожныхъ предприятияхъ, гдѣ эти кассы, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ не принадлежатъ къ свободнымъ рабочимъ организаціямъ и видная роль въ ихъ управленіи принадлежитъ хозяевамъ. Широкое развитіе профессиональныхъ рабочихъ организацій было у насъ невозможно уже по причинѣ крайне подозрительнаго отношенія къ нимъ власти. Но въ самые послѣдніе годы, въ видахъ отвлеченія рабочихъ отъ политической пропаганды, полиція, какъ извѣстно, стала покровительствовать и даже сама устраивать общества взаимопомощи рабочихъ, пыталась вмѣстѣ съ тѣмъ регулировать ихъ дѣятельность такимъ образомъ, чтобы не допускать ихъ переступить границы экономической борьбы съ предпринимателями. Но два крупныхъ рабочихъ движенія послѣднихъ лѣтъ показали ясно, что при данныхъ политическихъ условіяхъ рабочія организаціи, даже благословляемыя полиціей, при живой ихъ работѣ неизбежно становятся опасными для охраняемыхъ властью порядковъ. Мы говоримъ здѣсь о всеобщихъ забастовкахъ въ крупныхъ городахъ на югѣ Россіи въ 1903 г., въ которыхъ очень видную роль играли полицейскія рабочія организаціи, руководитель коихъ былъ послѣ того подвергнутъ административной ссылке, и о трагически окончившейся политической манифестаціи въ январѣ текущаго года, организованной тѣмъ самымъ „Собраніемъ русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ“, которое было учреждено съ цѣлью „возбужденія и укрѣпленія въ средѣ членовъ-рабочихъ русскаго національнаго самосознанія“ и состояло „подъ ближайшимъ надзоромъ и руководствомъ с.-петербургскаго градоначальника“ (Прокоповичъ, стр. 42). Послѣ того полиція дѣлаетъ попытку, въ защитѣ отживающаго режима, опереться на неорганизованные открыто темные элементы народа, возстановляя одни слои населенія противъ другихъ. Врядъ ли можно, однако, сомнѣваться въ томъ, что окончательнымъ результатомъ и этой политики будетъ ускореніе процесса политическаго развитія страны.—Данными приемами въ среду самыхъ темныхъ слоевъ населенія вносятся политическіе вопросы, и немного потребуется времени для того, чтобы эти вопросы были разрѣшены здѣсь не въ томъ направленіи, какое желательно реакціи, а—какъ и среди фабричныхъ рабочихъ—сообразно истиннымъ интересамъ трудящихся, т.-е. въ духѣ устраненія путей, связывающихъ общественную самостоятельность.

Отсутствіе профессиональныхъ рабочихъ организацій оказало, конечно, соответствующее вліяніе на развитіе стачечнаго движенія въ Россіи, которое лишь въ послѣднее время стало приобрѣтать организованный характеръ. Авторъ начинаетъ свою лѣтопись стачекъ съ 1870 г., который нѣкоторыми считается даже исходнымъ пунктомъ

стачечнаго движенія въ Россіи, и заканчиваетъ ее серединою восьмидесятихъ годовъ, а для послѣдующаго времени останавливается на тѣхъ движеніяхъ, въ которыхъ проявляется уже классовая солидарность рабочихъ и нѣкоторыя политическія тенденціи. Къ этимъ движеніямъ авторъ относитъ петербургскія стачки 1896 г., стачки на югѣ въ 1903 г. и всеобщую забастовку въ 1905 г. Онъ пользуется для своего описанія газетнымъ матеріаломъ, но, кажется, использовалъ его неполно.

Положительныя мѣропріятія власти для удовлетворенія рабочихъ заключались въ изданіи охранительныхъ по отношенію къ нимъ законовъ. Общее заключеніе автора о нашемъ фабричномъ законодательствѣ таково, что оно создавалось подъ влияніемъ стачекъ и главной его цѣлью была не охрана рабочаго класса, сама по себѣ, а полицейскія соображенія о поддержаніи общественнаго порядка и спокойствія. Этимъ объясняется тотъ интересный фактъ, что защитникомъ рабочихъ во время составленія фабричныхъ законовъ (и, какъ мы слышали отъ фабричныхъ инспекторовъ, при ихъ примѣненіи) являлось то самое вѣдомство, которое безжалостно расправлялось съ рабочими во время стачекъ (стр. 106). Въ томъ и другомъ случаѣ, это вѣдомство преслѣдовало исключительно интересы полицейскаго порядка: давленіемъ на фабрикантовъ въ спокойное время оно надѣялось предупредить активное выраженіе недовольства рабочихъ, а давленіемъ на рабочихъ во время забастовокъ оно стремилось скорѣе прекратить „безпорядки“. Заключеніе автора послѣ всего, имъ изложеннаго, таково, что дальнѣйшіе успѣхи рабочаго дѣла въ Россіи будутъ зависѣть, какъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, отъ систематически-организованной дѣятельности самого рабочаго класса, которая сдѣлается возможной лишь послѣ приобрѣтенія имъ политическихъ правъ. Рабочій вопросъ въ Россіи есть, поэтому, прежде всего вопросъ политическій, и нашему пролетаріату надлежитъ образовать самостоятельную политическую партію. Авторъ пытается намѣтить и программу этой послѣдней. Въ виду непорвавшейся еще связи фабричныхъ рабочихъ съ землею, вреднаго влиянія на положеніе рабочихъ экономической необезпеченности крестьянъ и въ виду того политическаго преобладанія, какое получаютъ у насъ крестьяне при введеніи всеобщаго избирательнаго права, авторъ включаетъ въ программу рабочей партіи и такія требованія, которыя отвѣчаютъ интересамъ крестьянъ, создавая, такимъ образомъ, какъ бы общую программу партіи трудящихся классовъ Россіи. Намъ кажется, что интересы страны требуютъ, а социальныя условія допускаютъ болѣе глубокое проведеніе принципа объединенія трудящихся классовъ Россіи. У насъ естественно образованіе единой партіи трудящихся, лишь

раздѣляемой на отдѣлы или фракціи, соотвѣтственно профессіямъ, отдѣльнымъ районамъ и т. п. Такое объединеніе и будетъ, вѣроятно, совершаться по мѣрѣ политическаго развитія рабочаго класса. Лишь послѣ того, какъ заимствованный съ Запада лозунгъ зародыша рабочей партіи въ Россіи: „пролетаріи всѣхъ странъ—соединяйтесь“—замѣнится лозунгомъ: „всѣ трудящіеся Россіи—соединяйтесь“—можно будетъ сказать, что развитіе политическаго самосознанія русскихъ рабочихъ завершилось. Формальное объединеніе трудящихся и даже образованіе партіи пролетаріата представляется намъ, впрочемъ, главной задачей ближайшаго будущаго. Что же касается нынѣшняго дня, то существенно необходимымъ кажется намъ обращеніе возможно большаго количества сосредоточенныхъ въ городахъ сознательныхъ силъ на распространеніе политическаго самосознанія въ массахъ сельскаго населенія. При обычномъ у насъ обмѣнѣ населенія между городомъ и деревней выполненіе этой задачи не представляетъ, по крайней мѣрѣ для рабочихъ города, существенныхъ затрудненій.—В. В.

Въ теченіе іюня въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Авдеевъ, В. Н. — Из Книгі Гор. 4 тетр. и 1 свитокъ. Кисловод. 904 (т.-е. Изъ Книги Горъ).

Бьлозерскій, Н.—Ае. П. Шаповъ, какъ педагогъ. № 1. Сиб. 905. Ц. 25 к.

Базаревъ, Е.—Стихотворенія. Томскъ, 904. Ц. 40 к.

Багашевъ, И.—Минеральные источники Забайкалья. М. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Бауманъ, В. —Курсъ маркшейдерскаго искусства. Ч. II, съ 120-ью черт. Спб. 905. Ц. 2 р. 20 к.

Балабановъ, М.—Фабричныя законы. Сборникъ законовъ, распоряженій и разъясненій по вопросамъ русскаго фабричнаго законодательства. Кіевъ, 905. Ц. 75 к.

Билимовичъ, Ал. Д.—Годъ войны и наши финансы. Кіевъ, 905.

Бобылевъ, Д. М.—Волостные писаря Пермской губерніи. Пермь, 905.

Головинъ, К. Ф.—Виѣ партій. Опытъ политической психологіи. Спб. 905.

Цѣна 2 руб.

Головачевъ, П.—Сибирь: Природа—Люди—Жизнь. 2-е изд. М. 905. Цѣна 1 р. 50 к.

Гредескулъ, Н. А.—На темы дня. Двѣ рѣчи, произнесенныя въ засѣданіи Харьковскаго Юридическаго Общества 19 марта 1905 г. Харьк. 905.

Геничинъ, И. Э.—Прибалтійскіе напѣвы. Стихотворенія. Рига, 905. Ц. 1 р.

Димовъ, Осипъ.—Солнцеворотъ. Спб. 905.

Добролюбовъ, Александръ.—Изъ книги невидимой. Изд. „Скорпіона“. М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Дубинскій, М.—Сумерки жизни. Стихотв. Изд. 2-е. Спб. 904. Ц. 75 к.

Житота, Б.—Русскіе финансы и война. Съ польск. Краковъ, 905.

Ибсенъ, Ганрихъ.—Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Перъ Гюнтъ; Союзъ молодежи; Кесарь и Галилеянинъ. Перев. съ датско-норвежскаго А. и П. Ганзель. Изд. С. Скирмунта. Стр. 691. М. 905. Ц. 2 р.

Крототовъ, Г.—Сводныя статистическія таблицы экономическаго положенія крестьянъ Саратовской губерніи на 1 января 1902 года. Объяснительная записка и схематическая карта губерніи. Саратов. 904.

— *Костромской (П. Соколовъ).*—Въ глухой тайгѣ. Спб. 904.

— Концертъ съ благотворительной цѣлью. Этюдъ изъ современной жизни. Спб. 905. Ц. 40 к.

Крыловъ, И. А. — Полное собраніе сочиненій, подъ ред. В. В. Калаша. Т. III: Почта духовъ (ч. III и IV).—Журнальныя статьи и письма. Спб. 905.

Костомарова, Александра.—Двѣ лиліи. Спб. 904. Ц. 1 р.

— Осенніе цвѣты, покрытые снѣгомъ. Стихотв. Спб. 902.

Карышевъ, Н.—Изъ литературы вопроса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ. М. 905. Ц. 1 р.

Красовъ, А. — О преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Опытъ краткаго методическаго руководства по предмету Закона Божія. Вятка, 904. Ц. 25 к.

Лермонтова, М. Ю.—Подное собраніе сочиненій, подъ ред. Арс. Введенскаго. Т. III: Юношескія стихотворенія и поэмы. Спб. 905.

Левитскій, В. Ф., и Алексѣенко, М. М.—К. К. Гаттенбергеръ, проф. Харьк. университета. Харьк. 905. Ц. 80 к.

Линскій, В. И.—Горная Бухара. Результаты 3-лѣтнихъ путешествій въ Среднюю Азію, въ 1896, 1897 и 1899 г. Ч. III. Спб. 905.

Мускатблитъ, Ф.—Битва при Ляоянѣ. Критич. оч. съ 6 рис., 5 карт. и 1 черт. Од. 905. Ц. 30 к.

Мирославъ, Н. — Страница изъ исторіи великой французской революціи (Г-жа Роланъ). Съ предисловіемъ Н. Карѣва. Съ 2-мя портретами. М. 905. Ц. 1 руб.

Норовъ, В.—Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. Ч. II: Финансовыя результаты винной монополіи. Организация виннаго хозяйства. Спб. 905. Ц. 1 р.

Оловковъ, К.—Сибирь и ея экономическая будущность. Съ франц. А. Погрюзова. Спб. 905. Ц. 2 р.

Освальдъ, В.—Школа химіи. Общедоступное введеніе въ изученіе химіи. 2-я часть. Перев. съ нѣм. О. Писаржевской. Од. 905. Ц. 1 р.

Островскій, А. Н. — Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. М. И. Писарева. Т. V. Стр. 517. Съ иллюстр.—Т. VI. Стр. 513. Съ портретомъ автора.—Т. VII. Стр. 536. Съ портр. Мартынова. — Т. VIII. Стр. 571. Съ портр. Васильева. — Т. IX. Стр. 720. Съ иллюстр.—Т. X. Стр. 612. Съ портр. автора. Ц. за 10 том. 16 р. Изд. фирмы „Просвѣщеніе“. Спб. 905.

Пуришкевичъ, В.—За кѣмъ. Пьеса въ 1 д. 2-е изд. Спб. 904. Ц. 30 к.

Подъячевъ, С.—Среди рабочихъ. Спб. 905. Ц. 75 к.

— Мытарства: 1) Московскій работный домъ. 2) По этапу. Спб. 905. Цѣна 75 к.

Потхлинъ, А. А. — Сочиненія. Т. VII: Молодые побѣги. Т. VIII: Около денегъ; Порченная. Т. IX: Судъ людской—не Божій;—Шуба овечья—душа человѣчья;—Чужое добро въ прокъ не идетъ;—Мишура. Т. X: Новѣйшій ора-

куль;—Отрванный ломоть;—Виноватая;—Закулисныя тайны. Спб. 905. Ц. 12 т. 12 рублей.

Полодинъ, А. Д.—Почему не говорятъ животныя? Къ вопросу о происхожденіи языка. Варш. 905.

Прокатовичъ, С. Н.—Къ рабочему вопросу въ Россіи. Спб. 905. Ц. 1 р.

Семеновъ, Леонидъ.—Собраніе стихотвореній. Спб. 905.

Спенсеръ, Гербертъ.—Введеніе въ философію. Въ краткомъ изложеніи И. М. Любомудрова. 3-е изд. съ біографіей Г. Спенсера. Ковровъ, 905. Цѣна 40 коп.

Сакулинъ, П.—А. Н. Пыпинъ. М. 905.

Савишова, М.—Изъ жизни земли. Съ 6 рис. Спб. 905. Ц. 25 к.

Сагоновъ, Г. П.—Народное представительство безъ народа. Спб. 905. Цѣна 30 к.

Сумцовъ, Н. Ѳ.—Изъ Украинской старины. Харьк. 905. Ц. 2 р.

Тиченко, Ѳ.—Люди темные. Быль, рассказанная крестьяниномъ. М. 905. Цѣна 10 к.

Фармаковский, В. И.—Охрана здоровья учащихся. Сводъ практическихъ свѣдѣній, относящихся къ сбереженію здоровья дѣтей, посѣщающихъ школу. 9-е изд. Од. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Цандицкѣ-Зюденторстъ, О., фонъ.—Теорія и политика заработной платы, въ особенности изслѣдованіе вопроса объ установленіи минимума заработной платы. Съ нѣм. Б. Авилонъ. М. 905. Ц. 2 р.

Чалсушьянъ, Гр.—Армянскій вопросъ въ Россіи. Рост.-на-Д. 905. Ц. 10 к.

Чернышевскій, Н. Г.—Статья по крестьянскому вопросу („Современникъ“, 1857—1859 гг.). Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 905. Ц. 2 р.

Шалабановъ, Д. П.—Организація обществ.-промышленнаго нитомнѣе плодовыхъ деревьевъ. Спб. 905.

Юшкевичъ, проф. В. А.—Наполеонъ I на попріищѣ гражданскаго права-вѣдѣнія и законодательства. Изд. 2-е. М. 905. Ц. 1 р.

Яковлевъ, Сергій.—Александра Николаевна Стрекалова. Біограф. очеркъ. М. 904.

Янжулъ, Еват.—Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. 3-е исправл. и дополн. изданіе. Спб. 905. Ц. 2 р.

Askenazy, S.—Uniwersytet Warszawski. W. 905.

Brancoff, D. M.—La Macédoine et sa population chrétienne. Avec 2 cartes ethnographiques. Paris, 905.

René, C.—Russland und die Ostasiatische Frage. Berl. 905. M. 1, 60.

— Библиотека „Всходоѣ“: 1) Море и его обитатели, составл. Э. Пименовой, съ 175 рис., ц. 1 р. 2) Черная смерть, пов. А. Алтаева, съ 11 рис., цѣна 40 к. 3) Подъ солнцемъ Индіи, путев. письма Э. Геккеля, перев. съ нѣм. И. Игнатъева, съ 70 рис., ц. 35 к. 4) Потѣшныя люди, пов. А. Зарина, съ 7 рис. ц. 30 к. 5) Въ странѣ дѣтговъ, В. Сѣрошевскій, пов., съ 90 рис., ц. 50 к. 6) Янъ Гусъ изъ Гусинца, пов. А. Алтаева, съ 6 рис., ц. 40 к. 7) Антошва, пов. К. Станюковича, съ 23 рис., ц. 80 к. 8) Малайскій архипелагъ, А. Уоллеса, перев. п. р. В. Львова, съ 31 рис., ц. 40 к. 9) Маленькій Джорджъ, Мэкъ Стюартъ, разск. съ 5 рис., перев. З. Р., ц. 20 к. 10) А. В. Кольцовъ, Е. Д. Носкова, съ 12 рис., ц. 20 к. 11) Похожденіе Тима, пов. К. Уитгинъ, съ англ. Е. Бэръ, съ 6 рис., ц. 20 к. 12) Скрипачъ, пов. А. Зарина, ц. 50 к. 13) Ассанъ-

Жизнь, пов. А. Алтаева, ч. 75 к. 14) Дѣти напровать; миссъ Брэддонъ, ч. 25 к. 15) Въ горахъ Тибета, С. Рингардтъ, съ 40 рис., ч. 60 к. 16) И. Игнатьевъ, Колумбово ядро. Физика въ опытахъ. Сборникъ научныхъ развлеченій, съ 138 рис., ч. 1 р. Спб. 905.

— Библіотека Хозяина. № 49: В. Н. Сомовъ (Николаевъ), Барбарисъ. Спб. 905. Ц. 30 к.

— Ежегодникъ министерства финансовъ. Выпускъ 1904 года. Спб. 905.

— Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьянъ Олонецкой губерніи. Иллюстриров. изданіе. Петрозаводскъ, 905. Стр. 109+161+325+155. Ц. 4 руб.

— Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. VIII. Библиографич. указатель литературы по статистикѣ землевладѣнія. Спб. 904. Стр. 121 и V.

— Мелкіе штрихи для большихъ портретовъ. О писателяхъ. Собранные и написанные А. Мошнымъ рассказы очевидцевъ объ А. Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ, Тургеневѣ, Некрасовѣ, Достоевскомъ, Салтыковѣ, Л. Н. Толстомъ и Гюи де-Мопассанѣ. Спб. 905. Ц. 20 к.

— Нѣкоторыя данныя о кн. С. В. Волконскомъ и его отношеніяхъ къ крестьянской реформѣ. Ряз. 905.

— Отчетъ о состояніи начальныхъ училищъ въ Н.-Новгородѣ за 1904 г. Н.-Новг. 905.

— Почтово-Телеграфная Статистика за 1903 г., съ краткимъ обзоромъ дѣятельности почтово-телеграфнаго вѣдомства за тотъ же годъ. Спб. 905.

— Протоколы по крестьянскому дѣлу. Засѣданія съ 8 декабря 1904 г. по 30 марта 1905 г. Спб. 905.

— Ремесла и промыслы Херсонской губерніи. Херс. 905.

— Сводъ статистическихъ данныхъ по желѣзнодорожной промышленности. Вып. XII. Спб. 904. Изд. Ред. „Вѣстника Финансовъ“. Ц. 1 р.

— Севастополь и его оборона. Посвящается памяти его защитниковъ. Съ 5 рис. и 2 карт. Спб. 905. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 30 к.

— Сельско-хозяйственная текущая статистика: 1904 годъ. Вып. 1.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1903 годъ. Н.-Н. 905.

— Статистическій обзоръ Калужской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи за 1902 и за 1903 г. Годъ VII и VIII. Кал. 904.

— Статистическое описаніе Калужской губерніи. Т. II; вып. 2: Лихвинскій уѣздъ. Кал. 904. — Т. V: Малоярославецкій уѣздъ. Кал. 904.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Hermann Bahr. Sanna. Schauspiel in fünf Aufzügen. Berlin, 1906 (S. Fischer, Verlag).

Современная драма построена на превознесеніи сильной личности, на утвержденіи жизни, т.-е. на проповѣди полноты ощущеній. Только тѣ пьесы находятъ откликъ въ современной публикѣ, въ которыхъ поются гимны свободному человѣку. Современная драма—отъ Ибсена до Гауптмана—превратилась изъ прежней психологической, направленной на анализъ сложныхъ процессовъ души, въ драму воли. Единственный доминирующий въ ней вопросъ—слѣдующій: какъ утвердить могущество человѣка въ жизни, черезъ какія высоты—и черезъ какія паденія—ведетъ путь къ самоутвержденію личности? Прежняя трагедія судьбы, также какъ и драма совѣсти, поднимающая вопросъ о добрѣ и злѣ въ поступкахъ и чувствахъ, отошли на второй планъ передъ проблемой личности. И эта основная идея раздѣляетъ современную драму на двѣ категоріи. Къ одной относятся драмы внутренняго самоутвержденія путемъ созерцательнымъ, путемъ признанія первенства внутреннихъ переживаній передъ всѣмъ тѣмъ, что даетъ миръ внѣшнихъ ощущеній. Такова вся символическая драма, таковъ Вильде-Лиль Аданъ, ставящій воображенія выше дѣйствительности, таковъ театръ Метерлинка; въ немъ дѣйствіе сосредоточено на бессознательной жизни души, и конецъ драмы наступаетъ, когда выступаютъ наружу факты дѣйствительности. Вторая категорія современныхъ драмъ основана на самоутвержденіи человѣка въ области воли, въ господствѣ надъ реальнымъ міромъ, въ проявленіи власти и свободы духа. Ибсенъ, Гауптманъ и длинный рядъ драматурговъ между ними—проповѣдники волевого индивидуализма, противоположнаго мистическому. Но оба разряда драмъ—только разныя стороны одной и той же проблемы личности. Она поднята и во всѣхъ другихъ областяхъ отвлеченной мысли и художественной литературы. Наиболее дерзновенно ее поставилъ Ницше, и черезъ его влияние она сдѣлалась и центромъ драмы, гдѣ она выступаетъ особенно сильно и убѣдительно.

Въ нѣмецкой драмѣ одинъ изъ наиболѣе громкихъ проповѣдниковъ сильной личности—Германъ Баръ. Его пьесы имѣютъ большой успѣхъ именно тѣмъ, что изображаютъ людей, созидающихъ свою жизнь своей волей, наперекоръ всему, что создаетъ воля толпы. Въ нѣсколькихъ драмахъ—„Силачъ“ („Der Athlet“), „Властелинъ жизни“ („Der Meister“)—Баръ воплотилъ свой идеалъ свободного и сильного чело-

вѣка, которому принадлежить будущее. Во имя сильныхъ людей онъ же проповѣдуетъ и радость жизни, т.-е. властный, безъ колебаній и компромиссовъ, захватъ всего, что жизнь можетъ принести. Эта тема лежитъ въ основѣ новой драмы Бара: „Занна“. Основной приемъ автора въ этой драмѣ остается тѣмъ же, что и въ прежнихъ. Чтобы показать, что нужно созидать свою жизнь своей волей, Баръ показалъ своего „силача“ и своего „мастера“ въ такихъ жизненныхъ положеніяхъ, въ которыхъ ихъ свободная воля наиболѣе ломается, и на ихъ пораженіи въ жизни онъ основываетъ ихъ нравственное торжество. Центръ тяжести этихъ пьесъ—въ испытаніяхъ, т.-е. въ противо-дѣйствіи жизни правамъ свободной и сильной личности. Выводомъ же изъ его пессимистическаго отношенія къ дѣйствительности становится проповѣдь иного идеала жизни, еще неосуществленнаго, открывающагося только сознанію отдѣльныхъ просвѣтленныхъ людей. Точно также и въ „Заннѣ“ проповѣдуется радость жизни путемъ обличенія жизненныхъ компромиссовъ, губящихъ возможность радости. И эта драма, какъ и двѣ предыдущія, крайне пессимистична въ изображеніи дѣйствительности, но въ идеалъ она ведетъ къ утверженію жизни, къ восстановленію правъ на радость, на проявленіе личности.

„Занна“ производитъ двойственное впечатлѣніе. Фабула драмы банальна, сентиментальна. Молодая дѣвушка любитъ лейтенанта, который не можетъ жениться на ней, не имѣя, чѣмъ уплатить требуемый залогъ. Богатый дядя Занны не даетъ нужныхъ денегъ, и бракъ разстраивается. Лейтенантъ, болѣе покорный судьбѣ, болѣе готовый на компромиссы, отказывается отъ любимой дѣвушки, но она, болѣе пламенная и мятежная, не признаетъ смиренія. Убѣдившись, что противъ нея не только родители, но и слабовольный юноша, котораго она любитъ, Занна не согласна подчиниться обстоятельствамъ, выйти замужъ за богатаго старика—и бросается изъ окна. Самоубійство, какъ слѣдствіе разочарованія въ любви—одинъ изъ наиболѣе использованныхъ мотивовъ въ литературѣ вообще и въ драмѣ въ частности. Но въ „Заннѣ“ есть много другого, очень интереснаго—есть цѣлая коллекція чудачковъ и убѣжденныхъ добродѣтельныхъ пошляковъ—мужчинъ и женщинъ. Всѣ они вмѣстѣ хорошо иллюстрируютъ основную мысль автора. Баръ доказываетъ, выводя ихъ на сцену, что жизнь, основанная не на радостномъ торжествѣ молодыхъ, жаждущихъ счастья силъ, полна уродства и создаетъ безсмысленныя аномалии, извращенія здоровой радости жизни. Эта сторона драмы такъ интересно разработана, что и банальность самой фабулы приобряетъ нѣсколько иной оттѣнокъ, кажется намѣренной. Самая типичная, самая схематичная исторія разбитаго молодого существованія, противопоставленная искаженной радости жизни въ оригинальныхъ типахъ, кажется наиболѣе доказательной.

Во имя удобствъ жизни, люди сознательно убиваютъ ея радость: — это коренное заблужденіе, ведущее къ роковымъ послѣдствіямъ, иллюстрируется на примѣрѣ семьи синдика въ маленькомъ австрійскомъ городѣ. Житейское благоразуміе, требующее компромиссовъ, обрѣзывающее жизнь ради прочности мелкаго существованія, воплощено въ лицѣ жены синдика, Каролины. Она въ свое время вышла замужъ по любви и такъ изстрадалась въ борьбѣ съ житейскими трудностями, что хочетъ избавить своихъ дочерей отъ своей печальной участи. Она поэтому убиваетъ въ нихъ всѣ порывы къ молодому властному счастью. Одна изъ ея дочерей, старшая, уже сдѣлалась жертвой материнскихъ заботъ; ей не позволили выйти замужъ по влеченію; она покорилась и теперь живетъ безрадостная въ родительскомъ домѣ, убивая свою тоску въ музыкѣ; но, по мнѣнію матери, это лучше, чѣмъ необезпеченный бракъ, и она увѣрена, что спасла дочь. Каролина все дѣлаетъ, чтобы поднять благосостояніе семьи. Въ домѣ живетъ старикъ дядя—восьмидесятилѣтній, наполовину выжившій изъ ума старый жуиръ. Каролина всячески угождаетъ ему, выноситъ капризы старика, чрезвычайно неудобные въ домѣ, гдѣ есть молодая дѣвушка, и всячески старается предотвратить помѣщеніе старика въ специальную лечебницу. Ей нужна его денежная поддержка для веденія дома,—и этому приносится въ жертву всякая деликатность чувства. Но это еще наименьшій изъ компромиссовъ; гораздо большимъ является испорченная жизнь старшей дочери. Мать не сознаетъ, однако, своей вины передъ Луизой, и продолжаетъ свою систему относительно и другихъ дочерей. Ея мужъ, синдикъ Тростъ, раздѣляетъ ея практическіе взгляды на жизнь—пока ему не отерываеъ глаза судьба младшей дочери, героини драмы,—шестнадцатилѣтней Занны.

Занна—воплощеніе радости жизни. Въ душѣ ея „все поетъ и пламенѣетъ“, какъ она сама говоритъ своей печальной старшей сестрѣ, рассказывая о своей любви, и она не согласна жертвовать собой ради практическихъ соображеній. Она не любитъ мать—„эту мрачную старую женщину, которая сидитъ въ сумеркахъ на креслѣ, какъ злая птица“,—и боится ея вліянія. Она вѣритъ въ себя, въ свою любовь. Лейтенантъ, влюбленный въ нее и полюбившійся ей, приходитъ къ нимъ въ домъ; его дядя, докторъ, пользующій старика, надѣется устроить счастье молодой пары, уговорить старика заплатить залогъ. Старикъ милъ съ лейтенантомъ, смѣется его шуткамъ,—но когда докторъ объясняетъ ему положеніе дѣлъ, онъ отказывается въ деньгахъ—отказываетъ бессмысленно, тутъ же предлагая дать деньги, если лейтенантъ женится на младшей сестрѣ, четырнадцатилѣтней дѣвочкѣ съ сильно развращеннымъ всѣмъ, что она видитъ кругомъ себя, воображеніемъ. Отказъ жениться на дѣвочкѣ онъ принимаетъ за своеволие, и тѣмъ болѣе не согласенъ уплатить залогъ. Этимъ рѣ-

шена судьба Занны. Со всѣхъ сторонъ ей доказываютъ, что нужно покориться, отказаться отъ недостижимаго. Но Занна тверда, увѣренная что тотъ, кого она любитъ, такъ же непоколебимъ, какъ она. Она свое счастье занюхаетъ. Послѣ ухода лейтенанта, она совершенно спокойна; мать даже думаетъ, что она вовсе не страдаетъ. „Молодость все стерпитъ“,—говоритъ себѣ въ утѣшеніе Каролина. Только Луиза, въ приливѣ по-новому охватившаго ее горя о своей разбитой жизни, молить отца помочь Заннѣ, спасти ее. Она знаетъ, что отречение убиваетъ душу. Но пока Занна еще полна радости. Ей позволено поговорить съ лейтенантомъ на балу у штатгальтера, и она знаетъ, что ее и его спасетъ сила ихъ любви. Балъ у штатгальтера, составляющій содержаніе третьяго акта драмы, даетъ выпуклую картину отрицательныхъ типовъ, убивающихъ здоровую радость жизни. Старикъ Фурнианъ, восьмидесятилѣтній дядя, уже ярко выступаетъ въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ. Онъ преслѣдуетъ служанку своими ухаживаниями, лобуется своимъ сверкающимъ кольцомъ, все вспоминаетъ о томъ, какъ его какой-то кардиналъ назвалъ святымъ человекомъ, и при этомъ всѣхъ подозреваетъ въ желаніи ограбить его. Этотъ слабоумный тиранъ подчиняетъ своей волѣ молодыхъ членовъ семьи и самъ наслаждается, потворствуя своимъ инстинктамъ. Онъ стоитъ во главѣ „отравителей радости“, изображенныхъ въ драмѣ Бара. Отнимая радость жизни у тѣхъ, кому она принадлежитъ по праву, они искажаютъ, уродуютъ ее. Насколько прекрасна любовь Занны къ юношѣ, которому она отдаетъ свои сибѣя, яркія чувства, настолько похищенія старика—карикатура на радость. А его желанія свершаются,—Занна же, лишенная естественнаго права на радостную жизнь, погибаетъ. Вотъ постоянный припѣвъ во всей драмѣ, состоящей изъ противопоставленій торжествующихъ уродливыхъ отравителей радости и погибающихъ жертвъ житейскихъ компромиссовъ. Другой типъ на ряду съ Фурнианомъ—шеольный инспекторъ Цингерль. Ему пятьдесятъ лѣтъ—и за него прочать шестнадцатилѣтнюю Занну на томъ основаніи, что „бѣднымъ людямъ нельзя быть разборчивыми“. То, что Занна любитъ другого, не смущаетъ мать.—„Отъ любви не умираютъ“,—необдуманно говоритъ она, не предвидя, что на этотъ разъ ея житейская мудрость не оправдывается. Шеольный инспекторъ интересно обрисованъ во второмъ дѣйствіи, въ сценѣ, гдѣ онъ приноситъ рѣдкостный подарокъ семьѣ Тростовъ—цвѣтущій кактусъ. Цингерль ищетъ сильныхъ опущеній для своихъ притупленных нервовъ и находитъ ихъ только въ зрѣлищѣ смерти. Онъ съ упоеніемъ рассказываетъ о томъ, какъ наканунѣ присутствовалъ при трудной агоніи какой-то старой женщины, какъ она три часа кричала, прежде чѣмъ ей наконецъ закрыли глаза. У него слуга приученъ вывѣдывать про умирающихъ и докладывать ему во-время о готовя-

щихся желанныхъ зрѣлищахъ.— „Многое уясняется, когда глядишь, какъ умираетъ человекъ“,—говоритъ онъ—и всѣ восхваляютъ христіанскія чувства, побуждающія школьнаго инспектора оказывать умирающимъ поддержку своимъ присутствіемъ. Несовсѣмъ по-христіански только то, что послѣ бѣднѣй у ложа умирающихъ, онъ непремѣнно посылаетъ къ канонику за какимъ-то опредѣленнымъ виномъ и пирожками,—находя особую прелесть въ тонкой ѣдѣ именно въ подобныхъ случаяхъ. Всѣ его вкусы отмѣчены тѣмъ же характернымъ оттѣнкомъ жестокости и тяготѣнія къ уродливому или неживому. Онъ восторгается цвѣткомъ кактуса, потому что онъ похожъ, по его словамъ, на уродливаго маленькаго паука, и онъ съ особеннымъ удовольствіемъ даритъ этотъ цвѣтокъ Заннѣ и ея младшей сестрѣ Ганзль, радуясь, когда дѣвочка колетъ себѣ пальцы, касаясь растенія. Ему также пріятно поставить цвѣтокъ въ бѣленькую дѣвичью комнату Занны, какъ бы отравляя ея полудѣтскую жизнь близостью уродливаго растенія. А младшей дѣвочкѣ онъ даритъ изображеніе мученицы Агаты въ золотомъ медальонѣ, объясняя подробно, какимъ мученіямъ подвергалась святая мученица. Этотъ старикъ съ его особыми вкусами причастенъ къ радости—нечистой и отталкивающей, и его доля радости—та, которую онъ хочетъ отнять у бѣдной Занны. О своемъ желаніи жениться на Заннѣ Цингерль говоритъ не съ ней, а съ ея матерью, и считаетъ дѣло рѣшеннымъ. Возможность несогласія, даже протеста со стороны дѣвушки—только лишняя приманка для этого любителя всякихъ страданій, и большихъ, и маленькихъ.

Въ третьемъ дѣйствіи всѣ эти и другіе „отравители радости“ сходятся въ пестрой толгѣ, объединенной общимъ пониманіемъ жизни и одинаковыми стремленіями, на балу у штатгальтера. Мать Занны расцвѣтаетъ, испытывая всѣ удовольствія, которыя составляютъ для нея смыслъ жизни; имъ-то она и приноситъ въ жертву всѣ истинныя радости своихъ дѣтей. Штатгальтеръ особенно любезенъ съ ея дочерью Занной,—и ея тщеславіе удовлетворено. Разбитое счастье дочери кажется ей теперь тѣмъ болѣе несущественнымъ происшествіемъ, что вниманіе, удѣленное дѣвушкѣ хозяиномъ бала, должно вызвать общій интересъ къ ней. Общество на балу, дамы, комментирующія вниманіе штатгальтера къ скромной дѣвушкѣ, самъ величественный савонникъ, который даритъ улыбки и милостивыя слова, всѣ гости, свяшенно выполняющіе законы свѣтскаго этикета, составляютъ фонъ самодовольнаго прозябанія, замѣняющаго для этихъ рабовъ условности истинную радость жизни. На этомъ балу Заннѣ наносится ударъ, съ которымъ она при всей своей волѣ къ счастью не можетъ справиться. Она сильна относительно своихъ духовныхъ враговъ,—въ этой роли выступаетъ и ея мать, несмотря на все свое желаніе блага своей дочери. Несмотря на требованія матери, Занна, однако, не только не

цѣнить вниманія штатгальтера, но даже отказывается отъ его приглашенія пойти съ нимъ танцовать, говоря, что она обѣщала уже этотъ танецъ лейтенанту. Но штатгальтеръ настаиваетъ на своемъ приглашеніи и уводитъ ее отъ лейтенанта; послѣднему, конечно, остается отвѣтить согласіемъ на просьбу штатгальтера уступить ему свою даму. Но того, что штатгальтеръ говорилъ ей, Занна не можетъ передать матери, когда та съ нетерпѣливымъ любопытствомъ разспрашиваетъ ее: она не слушала его, занятая мыслью о лейтенантѣ. Наконецъ, подъ звуки гвѣнія одной изъ приглашенныхъ дамъ, Занна говоритъ съ лейтенантомъ и узнаетъ отъ него, что онъ покоряется родителямъ любимой дѣвушки и отказывается отъ нея. Занна—въ полномъ ужасѣ: всѣ ея надежды рушились, когда она не находитъ поддержки у того, кого любитъ. У нея хватаетъ, только силы и гордости, чтобы рѣзко оборвать разговоръ съ лейтенантомъ. Онъ говоритъ ей, что его долгъ—уйти отъ нея, чтобы не компрометтировать ее. Занна, ждавшая смѣлыхъ словъ вѣрной любви, рѣзко вышучиваетъ этого охранителя ея чести и проситъ поскорѣе уйти и оставить ее въ покоѣ. Еще одно испытаніе ждетъ дѣвушку на роковомъ для нея балу. Ея измученный видъ привлекаетъ вниманіе любителя всего болѣзненнаго и страдальческаго, т.-е. школьнаго инспектора Цингерля; онъ подходитъ къ ней, совѣтуетъ ей дать волю своимъ слезамъ, излить передъ нимъ свое горе, вмѣсто того чтобы таить его въ душѣ и еще болѣе страдать отъ этого. Подъ влияніемъ его мнимо участливыхъ словъ Занна начинаетъ безудержно рыдать; тогда онъ, довольный достигнутымъ результатомъ, утѣшаетъ ее. Только когда онъ отъ общихъ утѣшеній переходитъ къ разговору о себѣ, о своей привязанности, о томъ, что онъ можетъ предложить ей въ жизни, она съ ужасомъ начинаетъ понимать, къ чему онъ клонитъ разговоръ; при его попыткѣ ласково погладить ея руку, она съ ужасомъ гонитъ его прочь; а когда онъ продолжаетъ свои приставанія, она зоветъ на помощь отца. Отецъ и мать Занны подходятъ къ ней, но Цингерль не смущается; онъ спокойно, съ доброй улыбкой, заявляетъ имъ, что немножко ухаживалъ за милой Занной, что она пока сопротивлялась, но что это упрямство ничего не значить—оно пройдетъ. Его поведеніе, его спокойная увѣренность въ своей силѣ, пугаетъ Занну; ей страшно за свое будущее. Она ни въ комъ не видитъ сочувствія. Мать явно надѣется сломить ея упрямство,—и только отецъ въ разговорѣ съ докторомъ высказываетъ первыя сомнѣнія въ правильности своихъ требованій отъ дочери. Вправдѣ ли родители ломать ея жизнь, вмѣсто того чтобы помочь ей достигнуть счастья? Докторъ успокаиваетъ Троста, говорить о необходимости отреченія и смиренія въ жизни,—но Тростъ не убѣжденъ и боится за младшую дочь, боится, что и Занна, какъ бѣдная Луиза, будетъ навсегда не-

счастлива. Въ одномъ онъ ошибается:—Занну слишкомъ пугаетъ насивная участь Луизы, чтобы согласиться на нее.—Или полная радость жизни, или смерть,—рѣшаетъ она. Вернувшись домой послѣ вечера, она машинально выслушиваетъ увѣщанія матери и нѣсколько растерянные объясненія отца, который чувствуетъ глубину ея горя и смутно боится чего-то страшнаго. Онъ сознаетъ свою вину передъ Занной, кается въ томъ, что практическія заботы изсушили его и его жену, и что они дѣтямъ не могутъ дать самаго важнаго—душевнаго тепла. Когда отецъ уходитъ, Луиза, потрясенная повтореніемъ своей судьбы въ жизни младшей сестры, старается утѣшить Занну, объяснить, что лейтенантъ не могъ иначе поступить, не могъ не уступить обстоятельствамъ, несмотря на свою любовь. Занна только говоритъ, что такая любовь ей не нужна, и убѣгаетъ въ другую комнату. Слышится звукъ раскрываемаго окна. Луиза—въ нервномъ припадкѣ и не можетъ сразу крикнуть или броситься къ сестрѣ; когда она, задыхаясь отъ усилій, зоветъ наконецъ на помощь—уже поздно. Занна выбросилась изъ окна. Она мертва. Сестры и отецъ мечутся, обезумѣвшіе отъ ужаса и горя; мать въ безсиліи опускается на стулъ со словами: „Какой позоръ, какой позоръ! Бѣдное мое дитя!“ Первая мысль этой рабы общественной нравственности обращена къ постороннимъ; самое важное для нея—мнѣніе такихъ же рабовъ, какъ она сама.

Самое интересное въ драмѣ Бара—последнее дѣйствіе: сцены въ гостиной у Тростовъ на второй день послѣ смерти Занны; „общество“ приходитъ съ выраженіями соболгѣзнованія къ родителямъ умершей дѣвушки, тѣло которой выставлено въ сосѣдней комнатѣ. „Отравители радости“ тутъ всѣ въ полномъ составѣ, и они выступаютъ во всемъ своемъ уродствѣ въ сосѣдствѣ съ своей мертвой жертвой. У матери, которая хоронитъ молодую дочь,—по-своему сильно ею любимую,—есть, однако, въ этотъ день много удовлетвореній: штатгальтеръ не только прислалъ чудный вѣнокъ на гробъ, но и самъ пришелъ поклониться праху Занны. Каролина благодаритъ его искренно, очастливленная оказанной ей честью. Всѣ вокругъ говорятъ о необыкновенной любезности штатгальтера и убѣждаютъ родителей умершей въ томъ, что ихъ должно утѣшать общее сочувствіе. Каролина, дѣйствительно, находитъ въ этомъ утѣшеніе: „Да,—говоритъ она,—мы очень счастливы въ этомъ отношеніи; намъ со всѣхъ сторонъ выказываютъ столько теплаго участія“. И въ отвѣтъ на это, одна изъ присутствующихъ дамъ говоритъ: „Такимъ образомъ, среди горя испытываешь иногда истинно отрадные чувства“. Эти двѣ фразы, матери и гостя, рисуютъ всю извращенность понятій, которыми живетъ толпа среднихъ людей. Они уничтожаютъ—для себя и для своихъ близкихъ—истинную радость и замѣщаютъ ее мелкими, уродли-

выми удовлетвореніями. Конечно, неотлученъ отъ покойницы старый Цингерль. Онъ просидѣлъ, не отходя отъ нея, всю ночь, вызывая общіе восторги такими глубокими христіанскими чувствами—и теперь, по обыкновенію, посылаетъ къ канонику за виномъ и пирожками, чтобы подрѣпиться излюбленнымъ лакомствомъ. Благодарность за вниманіе къ покойницѣ онъ, однако, отстраняетъ: „За это не благодарятъ,—говоритъ онъ.—Это вознаграждается самой собой. Вотъ она лежала тутъ цѣлую ночь передо мной,—такая тихая, точно спящая... и совершенно беззащитная,—охраняемая только смертью. Да, это странное чувство—начинаешь многое понимать по иному. Благодарить за это нечего“. Кошмарный Цингерль подчеркиваетъ своими нечистыми радостями ужасъ смерти молодой дѣвушки. Кошмаръ разрастается дальше, усугубляясь поведеніемъ двухъ сестеръ умершей Занны. Луиза, обезумѣвшая отъ горя, играетъ передъ покойницей на рояли всѣ свои любимыя пьесы, чувствуя умершую Занну еще болѣе близкой себѣ, чѣмъ живу. Младшая сестра, дѣвочка Ганзль, уже развращенная средой, въ которой живетъ, потрясена смертью сестры; она чувствуетъ и себя обреченной на безрадостность,—т.-е. на такую же смерть, какъ Занна, или какъ мертвая при жизни Луиза. Все это жертвы искаженной жизни, предоставляющей радости только тѣмъ, кто уже испытываетъ ее или оплошленной компромиссами и условностями, или извращенной порочностью. Торжествуетъ Фурнианъ, который теперь объявляетъ, что не пожажѣтъ денегъ на самыя парадныя похороны Занны; торжествуетъ Цингерль, который уже особенно ласковъ съ Ганзль: въ присутствіи покойницы онъ особенно расположенъ къ умиленной нѣжности. И только одинъ безумный голось протеста противъ всего этого искаженного строя жизни раздается изъ устъ отца Занны. Онъ прозрѣлъ, понялъ свою вину передъ дочерью, понялъ вину всѣхъ рабовъ мнимаго долга передъ загубленными—безрадостными жизнями. Онъ осыпаетъ упреками лейтенанта—за его малодушіе, и стараго дядю—за его упрямство. Старикъ бормочетъ что-то о долгахъ передъ государствомъ, передъ обществомъ, но обезумѣвшій отъ горя отецъ кричитъ: „Нѣтъ, старикъ, все дѣло въ томъ только, чтобы жить... жить!“

Этимъ протестомъ во имя радости жизни заканчивается пьеса, очень современная по замыслу, интересная по выполненію,—главнымъ образомъ, по изображенію уродливыхъ явленій жизни, какъ результата ненормальныхъ принциповъ, которыми живетъ среднее человечество. Наболѣе слабы въ драмѣ сама героиня и лейтенантъ,—но они нужны автору только какъ схема, для противопоставленія имъ торжествующихъ „отравителей радости“. Послѣдніе обрисованы въ драмѣ достаточно сильно.

II.

Feth. Gedichte; Polonskij. Gedichte. Autorisierte Verdeutschung von Fr. Fiedler.
Leipzig. Verl. von Ph. Reclam jun.

Извѣстный нѣмецкій переводчикъ русскихъ поэтовъ, Ф. Фидлеръ, знакомить въ двухъ послѣднихъ сборникахъ нѣмецкихъ читателей съ поэзіей Фета и Полонскаго. У Фета г. Фидлеръ выбралъ для перевода все наиболѣе конкретное, его пѣсни о природѣ, о любви, оставляя въ сторонѣ его поэзію мистическихъ настроеній. Для популяризаціи поэта у иностранныхъ читателей этотъ выборъ, пожалуй, благоразумень—тѣмъ болѣе, что всѣ знаменитыя, вошедшія въ хрестоматіи стихотворенія, какъ „Печальная береза“, „Шопотъ, робкое дыханье“ и т. д., въ точности переданы переводчикомъ. Достоинства перевода г. Фидлера—тѣ же, какъ и въ другихъ прежнихъ его работахъ: большая добросовѣстность и умѣнье передать всѣ отгѣнки смысла. Мелодичность оригинальнаго стиха и особенность красокъ не всегда сохраняются,—но этого и трудно требовать при передачѣ на другой языкъ. Во всякомъ случаѣ, нѣмецкій читатель можетъ себѣ составить ясное понятіе по переводу г. Фидлера о тѣхъ мотивахъ поэзіи Фета, которые сказались въ выбранныхъ переводчикомъ стихотвореніяхъ.

Намъ кажется, что изъ двухъ послѣднихъ переводныхъ сборниковъ г. Фидлера большій успѣхъ долженъ имѣть у нѣмецкихъ читателей томикъ стиховъ Полонскаго, соединяющихъ отпечатокъ славянства съ мотивами, близкими и понятными европейскому читателю. Если всмотрѣться въ творчество Полонскаго и прослѣдить судьбу его поэзіи, отношеніе къ ней русскаго общества, то вмѣстѣ съ отзывчивостью поэта къ окружающей его жизни выясняется также общекультурное—міровое содержаніе его поэзіи. Онъ писалъ болѣе пятидесяти лѣтъ—отъ 1844 года, когда появился его первый сборникъ—поэту въ то время было, впрочемъ, двадцать-четыре года—и до его смерти въ 1898 г. И за все это время онъ и отражалъ русскую дѣйствительность своего времени, и хранилъ вѣрность святынямъ собственной души—очень своеобразнымъ и тихимъ святынямъ, далекимъ отъ шумныхъ и людныхъ храмовъ. Поэзія Полонскаго подчинялась бездумно законамъ искусства и стремилась выразить духовность бытія. Въ теченіе значительной части жизни поэта стремленіе это шло въ разрѣзъ съ духомъ времени, и Полонскій встрѣчалъ больше равнодушія и порицаній, чѣмъ пониманія и сочувствія. Начало пути его было еще болѣе свѣтлымъ. Онъ выступилъ въ праздничную пору русской поэзіи, когда не считалось празднымъ пѣть о тайнѣ міра, о человѣкѣ въ связи съ природой, о внутреннемъ смыслѣ жизни. Еще

слышны были отголоски Пушкинской и Лермонтовской музы в поэзии Тютчева, Майкова, Фета. Но исторический законъ нагналъ на русскую жизнь новую волну. „Культъ красоты“ смѣнился таготѣніемъ къ гражданскимъ мотивамъ; также выросло и окрѣпло поколѣніе поэтовъ, созданныхъ новыми вкусами. Полонскій въ полномъ расцвѣтѣ таланта попалъ въ эпигоны отжившей эпохи и долженъ былъ выслушивать отъ Писарева совѣтъ „подумать да поучиться“, а отъ Добролюбова, за нѣсколько лѣтъ до того, похвалы за отсутствіе мистицизма, за отреченіе отъ нелѣпныхъ сказокъ няни, а также упреки за недостаточность гражданского пыла. Среди измѣнившейся вокругъ него жизни Полонскій не шелъ одиноко своимъ путемъ. Онъ не принадлежитъ къ числу одинокихъ умовъ и гордыхъ душъ. Ему нужно было постоянно чувствовать свою близость къ великому единству, сознавать себя частью стихій—сливаться въ поэтическомъ провидѣніи съ природой, сливаться въ жизни и въ помыслахъ съ общей жизнью страны, съ тѣмъ, чѣмъ волнуются всѣ: „Писатель, если только онъ—Волна, а океанъ—Россія,—Не можетъ быть не возмущенъ,—Когда возмущена стихія“. Это характерное для Полонскаго стихотвореніе есть въ переводномъ томикѣ г. Фидлера. Полонскій возмущался и радовался одними печалами и радостями съ чуждымъ ему по духу поколѣніемъ. Критики 60-хъ и позднѣйшихъ годовъ находятъ у него много достойнаго похвалы. „На кораблѣ“ правилось Добролюбову намеками на борьбу съ общественнымъ зломъ; позднѣйшимъ критикамъ полюбилися стихотворенія объ узникахъ и узницахъ,—знаменитое „Что мнѣ она, не жена, не любовница..“ (хорошо переведенное г. Фидлеромъ, такъ же какъ и другія характерныя стихотворенія Полонскаго) и „Литературный врагъ“, гдѣ примирительницей поэта съ его литературнымъ противникомъ является тюрьма, прикрывшая недавняго врага, какъ щитомъ.

И по этому легкому пути единенія посредствомъ отъликовъ на злобы дня Полонскій шелъ охотно, иногда находя искренніе отвѣтные звуки въ душѣ, иногда же пользуясь своей необычайной легкостью стиха для исписыванія безконечнаго числа страницъ вялыми, мало художественными стихотвореніями, доказывавшими лишь его отъзывчивость на интересы дня. Война съ Турціей создала множество патріотическихъ стихотвореній Полонскаго, гдѣ поэтъ громилъ политику „коварнаго Альбіона“, посылалъ проклятія „ренегату христіанину“, ставшему турецкимъ пашой, воспѣвалъ болгарку, рабыню султанскихъ женъ, и проникался ненавистью къ политическимъ врагамъ Россіи. Повинуясь инымъ требованіямъ общественности, онъ пѣлъ о голодѣ въ духѣ Некрасовской поэзіи, о всеобщности науки, о гордой „натурщицѣ, жертвѣ экономическаго гнета“, и т. д. Иногда широкая гуманность замысла придавала силу и колоритность его поэмамъ,

какъ, напр., поэмѣ „Казимиръ Великій“,—нѣмецкій переводъ г. Фидлера хорошо передаетъ грустную поэтичность этой поэмы. Иной разъ только онъ своевольно вносилъ диссонансъ въ гражданскія настроенія. Такъ, напр., въ стихотвореніи „На улицахъ Парижа“ онъ оплакиваетъ жертву народной ярости—невинную, случайно захваченную и казненную дѣвушку. Переводъ этого стихотворенія сдѣлать г. Фидлеромъ слишкомъ схематично. Сохраняя общее настроеніе оригинала, г. Фидлеръ не передаетъ, однако, нѣжныхъ оттѣнковъ въ описаніи жертвы. Конецъ стихотворенія у Полонскаго построенъ на контрастѣ кровожадности толпы и безпомощности дѣвушки-цвѣтка: „Страшной ненависти буря—Дымнымъ залпомъ разразилась,—И въ крови въ могилу, въ мусоръ—Какъ цвѣтокъ она свалилась.—Солнце встало надъ Парижемъ—И ясна была погода,—Лишь грозой носился пьяный—Крикъ: Да здравствуетъ свобода!“ Въ переводѣ г. Фидлера стерты краски (Und es knatterte die Salve,—Und der Rauch flog hin und wieder... Und in eine Kehrichtgrube—Sank sie blutig leblos nieder... Die Pariser Strassen strahlen—In das Lenzessonne Weben,—Und die trunknen Rufe gelten:—Hoch die Freiheit! Sie soll leben!). Ни ярости толпы, ни сравненія съ цвѣткомъ, нѣтъ въ нѣмецкомъ текстѣ, а trunknen значить „опьяненный“, а не „пьяный“.

Чѣмъ болѣе старился Полонскій, тѣмъ шире становилась его отзывчивость, тѣмъ ревнивѣе онъ заботился о сохраненіи близости съ общимъ теченіемъ жизни. Не было того литературнаго юбилея, русскаго или иностраннаго, къ которому не было бы приурочено стихотвореніе Полонскаго. Шиллеръ, Шекспиръ воспѣты имъ въ столѣтнія годовщины ихъ памяти, и большинство русскихъ національных событій отмѣчены кратко или пространно въ его поэзіи. Но въ то же время Полонскій не переставалъ никогда пѣть свое—т.-е. то что внѣ событій времени, что на глубинѣ вѣчныхъ началъ бытія. Онъ едва ли самъ дѣлалъ различіе между „своимъ“ и „постороннимъ“, и съ легкостью по-дѣтски простой и мудрой души переходилъ отъ стихотворныхъ описаній и разговоровъ „въ гостяхъ“ къ сказкамъ о Царь-Дѣвицѣ, которая, „вторичнымъ поцѣлуемъ, заградивъ ему уста“,—откроетъ передъ нимъ „тайный теремъ красоты“, и къ грезамъ о „звѣздистой ткани міра“, о музыкѣ, которая „изъ вѣчности вдругъ раздалась и въ безконечность полилась“, о томъ, „какъ сливаются вѣчность и мигъ“. Это философская поэзія не по мысли, а по чувству. Говоря о природѣ и о неразгаданныхъ тайнахъ, поэтъ „не мыслить, а любить“; стихомъ „загадочно прекраснымъ“ онъ пѣлъ лишь для того, кто „готовъ страданья принимать безъ словъ“, и, привѣтствуя весну, онъ танулся-тянулся, „какъ лучъ, въ одну струну“,—боясь, что сердце оборвется.

Космическая поэзія Полонскаго и ея неожиданныя глубины и

откровения звучали долго диссонансомъ въ русской поэзіи, занятой животрепещущими интересами дня. Отеликаясь на волнения своихъ современниковъ, Полонскій оставался чуждъ имъ въ томъ, что глубже всего таилось въ его задумчивой, вопрошающей міръ и жизнь душѣ. Но долгая, сравнительно, жизнь Полонскаго принесла ему то рѣдкое утѣшеніе, что разладъ съ вступающимъ въ жизнь молодымъ литературнымъ поколѣніемъ не увеличивался съ годами, какъ это часто бываетъ со старѣющими писателями, а напротивъ того, все болѣе сглаживался. Поэтъ умеръ не забытый, а понятый и цѣнимый болѣе, чѣмъ въ прежніе, молодые и бодрые годы. Творчество Полонскаго стало роднымъ и понятнымъ именно современникамъ его старости. Онъ умеръ не старымъ, а возродившимся поэтомъ, къ которому примыкаетъ, — идя только гораздо дальше, чѣмъ онъ, — смѣняющее его поколѣніе. Въ то время, какъ другіе поэты должны обыкновенно ждать, чтобы прошли годы, прежде чѣмъ исторія произнесетъ имъ безпристрастный приговоръ, Полонскій нашелъ самую вѣрную оцѣнку среди тѣхъ, которые его хоронили, и останется жить въ русской поэзіи тѣми своими качествами и красотами, которыя подмѣчаетъ и чувствуетъ въ немъ именно наше время.

Въ чемъ же заключается эта особенность поэзіи Полонскаго? Какимъ образомъ поэтъ съ дѣтской душой, чуждый разсудочности и сознательной работы мысли, отразилъ глубокое міросозерцаніе и каждымъ изъ своихъ лучшихъ стиховъ напоминалъ о скрытомъ смыслѣ явленій и зрѣлищъ жизни? Отгадка кажущагося противорѣчія, т.-е. того, что въ поэзіи Полонскаго отсутствуетъ сознательная работа мысли, но велика бессознательная мудрость, — весьма простая. Полонскій, какъ истинный поэтъ, не думалъ, а провидѣлъ тайны міра и выражалъ то, что тѣснилось въ его душѣ такъ, какъ оно зарождалось. Не пытаясь рѣшать недоумѣнія разумомъ, не стремясь познать больше, чѣмъ знаетъ и таитъ въ себѣ природа, онъ только изливалъ свою изумленную душу въ такихъ же вопросахъ безъ отвѣта и въ такомъ же примиреніи съ таинственностью и неразгаданностью міра, какъ это дѣлаетъ вся природа, полная загадокъ, которымъ нѣтъ разрѣшенія.

Въ этомъ — обаяніе философской поэзіи Полонскаго, въ этомъ — источникъ его мудрости, — стихійной, а не разсудочной, созданной не трезвымъ логическимъ умомъ, а стихійно-пытливой душой: онъ вопрошаетъ природу и жизнь, его тревожный духъ не знаетъ предѣловъ — все и малое, и великое изумляетъ его, во всемъ онъ ясно видитъ чудо. Въсѣтъ съ тѣмъ, странно безмятежный среди тревожныхъ запросовъ души, онъ глубоко примиренъ съ необходимостью тайны, съ тѣмъ, что отвѣтовъ нѣтъ и не можетъ быть. Можно справедливо упрекать Полонскаго, какъ это часто дѣлала критика, въ томъ, что онъ — плохой

мыслитель, и что самостоятельныхъ философскихъ идей нѣтъ въ его поэзіи,—но логической, сознательной силы ума для стихійной поэзіи, можетъ быть, и не нужно. Тѣмъ Полонскій и дорогъ намъ, что, не будучи глубокимъ по уму, онъ во многихъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, —мудръ, и что, не создавъ никакой метафизической теории, онъ выразилъ, однако, въ своей поэзіи новую, свою мудрость и отразилъ ее такъ, какъ отражаетъ природа—бездумно, но просто и глубоко, понятно для духовнаго взора человѣка. Не будь этой мудрости въ поэтѣ, и всё его пѣсни о природѣ, вся наивная фантастичность его полу-дѣтскихъ сказочныхъ поэмъ, вся его лирика, то смѣлая и страстная въ пѣсняхъ торжествующей любви, то какъ бы заледенѣвшая отъ близости смерти, то погребальная любовь къ женщинѣ въ любви къ пробудившейся для созерцанія природѣ, не будила бы въ насъ столь глубокаго отклика, не казалась бы символическимъ отраженіемъ того, что не укладывается въ слова и мысли жизненнаго обихода. Вся поэзія Полонскаго озарена изнутри тихимъ свѣтомъ этой мудрости. Полонскій создалъ свое настроеніе, не похожее на отношеніе къ міру никакого другаго поэта. У него всегда звучитъ высшая примиренность съ тѣмъ, что будетъ и что должно быть. Если ему хочется объяснить, чѣмъ и для чего живетъ природа и почему ей нуженъ человѣкъ, у него рождаются въ душѣ лишь дѣтскіе отвѣты, лишь тихая вѣра въ чудеса, и въ эти моменты онъ создаетъ дѣтскія стихотворенія необычайной прозрачности. Нужно, дѣйствительно, чувствовать братскую любовь солнца и мѣсяца, чтобы такъ близко и такъ просто объединить дѣтскую душу и душу природы, какъ это сдѣлалъ Полонскій въ своемъ стихотвореніи „Солнце и мѣсяцъ“ (переводъ этого стихотворенія—одинъ изъ наиболѣе удачныхъ въ сборникѣ г. Фидлера). Нужно дѣтской душой вѣрить въ нянины чудеса, ждать Царь-дѣвицу, нужно въ самомъ дѣлѣ любить край родной, „какъ векша—сумракъ бора“, чтобы такъ отразить власть чудеснаго надъ душой въ тотъ мигъ, когда душа чувствуетъ себя въ силахъ постигнуть тайну бытія. Міръ чудесъ, въ которомъ живетъ и довѣрчивая душа ребенка, и вѣковая народная мудрость—единственный источникъ поэта, когда онъ ощущаетъ потребность утверждать, вѣрить и объяснять.

Но въ мірѣ чудеснаго, дающаго на все отвѣты, Полонскій живетъ лишь частью своей души, сохранившей дѣтскую пытливость. На болѣе глубокой глубинѣ лежитъ другое основное настроеніе поэзіи Полонскаго—его примиренность. Все, что Полонскій написалъ лучшаго, проникнуто странной вопросительностью тона. Ко всему, къ природѣ, къ человѣку, къ своей собственной душѣ съ ея противорѣчивыми желаніями и чувствами онъ подходитъ съ вѣчнымъ вопросомъ на устахъ. Жизнь тянется для него „какъ непонятный сонъ, въ которомъ все чудесно“, и на все душа проситъ отвѣта. „И зачѣмъ тамъ въ степи пыль стол-

бами встает? И зачѣмъ та рѣка широко разлилась?—Оттого-ль разлилась, что весна началась?—„Спроси“,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—„О чемъ шумить потокъ,—Иль шепчетъ полевой цвѣтокъ,— Спроси, о чемъ такъ тѣжко—Гремитъ изъ тучъ, затмившихъ свѣтъ,— А лѣсъ, окваченный дождемъ,— О чемъ шумить ему въ отвѣтъ?“

И тѣ же вопросы будить въ немъ непонятная жизнь его собственной души.—„Отчего я люблю тебя, свѣтлая ночь?“—вопрошаетъ онъ въ одномъ изъ самыхъ извѣстныхъ своихъ стихотвореній (странно, что оно не переведено въ сборникѣ г. Фидлера), все дальше и дальше проникая своими неумолчными вопросами въ тайны скрытыхъ чувствъ. „Отчего-жъ былого счастья мнѣ теперь ничуть не жаль,—Отчего была радость безотраднa какъ печаль,— Отчего печаль была такъ свѣжа и такъ ярка?—Непонятное блаженство,—Непонятная тоска!“

Среди этихъ безконечныхъ вопросовъ и вѣчныхъ недоумѣній, казалось бы, мракъ долженъ былъ наполнить душу Полонскаго и приобщить его къ тѣмъ новѣйшимъ поэтамъ, которыхъ русская дѣйствительность создавала съ особой щедростью. Но вотъ въ чемъ сказалась сила Полонскаго, и въ чемъ залогъ его глубокаго значенія для поэзіи: когда недоумѣнія и вопросы, страданія и сомнѣнія направлены на явленія вѣшной жизни, они ведутъ къ житейскому пессимизму; пытаюсь ими, душа не крѣпнетъ, а падаетъ, отдаваясь во власть земного, преходящаго страданія; когда же, какъ у Полонскаго, душа вопрошаетъ не о вѣшнемъ и случайномъ, а о вѣчномъ и безвыходно таинственномъ, тогда въ глубинѣ сомнѣній для души отерывается свѣтъ. Полонскій провидитъ этотъ внутренній духовный свѣтъ въ удивительномъ стихотвореніи „Сны“, въ которомъ отразился разладъ поэта съ вѣшной жизнью. Лежа одинъ, безъ огня, въ комнатѣ, гдѣ затворены душевныя ставни, онъ съ грустью спрашиваетъ себя: „Когда-то закатится солнце, когда-то проснется душа?“—и отвѣчаетъ самъ себѣ, просыпаясь отъ сна, гдѣ онъ видѣлъ себя въ толпѣ людей: „Проснулся—затворены ставни,—Одинъ я лежу безъ огня,— Не жаль мнѣ ни яснаго солнца,—Ни яркаго бѣлаго дня“.

Не жаль потому, что озарилъ его духовный свѣтъ, и въ душѣ началось пониманіе тайны. Оцъ понялъ, что вопросы, которыми полна душа, должны оставаться безъ отвѣта, и что нужно отдаться во власть непонимаемой тайнѣ. „Громъ и шумъ, корабль качаетъ,—море темное кипитъ,—вѣтеръ парусъ обнимаетъ—И въ снастяхъ свиститъ. Помрачился сводъ небесный,—И вѣвряясь кораблю,—Я дремлю въ каютѣ тѣсной,—Закачало. Сплю... Просыпаюсь—что случилось?—Рули оторванъ, черезъ носъ—Вдоль волна перекатилась—Унесенъ матросъ. Что-же дальше. Ну, что будетъ!—Въ руки Бога отдаюсь.—Если смерть меня разбудитъ,—Я не здѣсь проснусь“. Последнее четверостишіе по

освобожденности духа отъ воли случая, по тишинѣ и простотѣ, невольно вызываетъ сравненіе съ одной изъ лучшихъ строкъ Верлена: „Je suis un berceau—Qu'une main balance—Au fond d'un caveau.—Silence, Silence!“

Странное это совпаденіе—почти тождественность настроенія у двухъ поэтовъ разныхъ странъ. Есть, очевидно, „духъ времени“, и въ немъ слились невѣдомые одинъ другому поэты, порвавшие оба съ пессимизмомъ своихъ современниковъ и стремившіеся оба найти таинственное созвучіе всѣхъ противорѣчивыхъ голосовъ природы, человѣческой и божественной.

Примиренный съ величайшей грозной тайной міра — смертью, — поэтъ съ тѣмъ же свѣтлымъ смиреніемъ все пріемлетъ, во всемъ находитъ божественную необходимость. Въ любви онъ благословляетъ страданія и измѣну, которую она несетъ съ собой. Поэту не нужно исполненій и разрѣшеній; онъ понимаетъ, что великій, слитный аккордъ бытія включаетъ въ себя и земное, и неземное, и что нельзя искать исхода въ одномъ земномъ, въ томъ, что есть лишь часть великаго цѣлаго. Поэтъ живетъ согласной жизнью со всѣми стихіями и чувствуетъ соотношенія души человѣка съ таинственностью природы. Въ этомъ согласованіи—трагическій мотивъ его тихой и свѣтлой поэзіи. Какъ страшна ему кажется иногда дѣвушка, пришедшая послушать соловья—страшнѣе лѣса, куда она явилась („Всѣхъ сказочныхъ чудесъ, повѣрь, она страшнѣе“). Иногда же, напротивъ того, красота ночи мучительнѣе влечетъ его къ себѣ, чѣмъ любимая женщина. Онъ уходитъ въ просторъ полей и говоритъ возлюбленной: „Не жди, я въ эту ночь къ соблазнамъ равнодушенъ,—я въ эту ночь къ тебѣ не буду ревновать“.

Все—одинаковая тайна—природа, человѣкъ и чувства, ихъ связывающія. Полонскій въ лучшихъ своихъ стихахъ счастливъ тѣмъ, что ее чувствуетъ, и понимаетъ необходимость мириться съ ней, какъ съ единственнымъ залогомъ высшаго созвучія. Онъ все благословляетъ. Прекраснымъ заключительнымъ аккордомъ всей его поэзіи звучитъ короткое стихотвореніе, отразившее наиболѣе полно основной тонъ его души—смиренной, проникновенной и полной созвучій. Это стихотвореніе, начинающееся словами: „Я-ль первый отойду изъ міра въ вѣчность, ты ли...“—и кончающееся примиренными словами: „Но... Ты скажи, что я не проклиналъ,—А я скажу, что ты благословляла“.

Основные мотивы поэзіи Полонскаго, лѣнца слитной жизни природы и человѣка, нѣмецкіе читатели могутъ теперь несомнѣнно уяснить себѣ изъ переводовъ г. Фидлера, передающихъ образцы всѣхъ настроеній поэта.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 июля 1906.

Новые типы, создаваемые новыми условиями.—Группировка партий, не исключающая возможность временного союза.—„Средняя позиция“ и „расположившіеся на ней люди“.—Мнимая панацея.—Военные суды и смертная казнь.—Законъ и циркуляръ.—Тревожныя вѣсти.—Д. Л. Мордовцевъ и П. Г. Мироновъ †.

Приближается минута, когда выступить на сцену первое въ Россіи государственное представительное собраніе. Выдвинуть ли оно людей, вокругъ которыхъ могли бы сложиться политическія группы—и окажутся ли на лицо условия, благоприятныя для прочной и правильной организаціи такихъ группъ? Многое зависитъ, конечно, отъ системы выборовъ, до сихъ поръ еще окончательно не установленной, отъ обстановки, при которой они состоятся. И теперь, однако, нѣтъ недостатка въ данныхъ, подсказывающихъ вѣроятный отвѣтъ на поставленные нами вопросы.

Не было въ русской государственной жизни шага впередъ, которому не противопоставлялось бы возраженіе, основанное на „отсутствіи людей“—и не было случая, когда это возраженіе оправдывалось бы на самомъ дѣлѣ. Для реформъ крестьянской, земской, судебной отыскивались безъ труда подходящіе исполнители—и если иногда слишкомъ скоро рѣдѣли ихъ ряды, то причина этому коренилась въ неустойчивости шедшихъ сверху теченій. Новое положеніе создавало или, лучше сказать, обнаруживало, выводило на свѣтъ новыя дарованія. О чемъ можно было только догадываться, слушая въ московскихъ салонахъ пламенные инвективы Герцена или тонкую диалектику Хомякова, то стало очевидно для всѣхъ, когда распахнулись двери суда и рядомъ съ бумажнымъ производствомъ отведено было мѣсто живому слову: русскому человѣку дана способность говорить убѣдительно и свободно. Рядомъ съ судебнымъ краснорѣчіемъ вырабатывалось и практическое, дѣловое, въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ. Оно меньше блистало и гремѣло, меньше обращало на себя вниманія, вслѣдствіе большей обыденности и большей, повидимому, ограниченности своихъ темъ; но его воспитательная роль была велика уже потому, что въ русло земской жизни просачивалась, несмотря на всѣ плотины, весьма замѣтная, по временамъ, политическая струйка. Съ областью политики соприкасались—за исключеніемъ „мертвaго сезона“, наступившаго въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ

и окончившагося лишь недавно—и судебныя, въ особенности защитительныя рѣчи. На почвѣ, такимъ образомъ подготовленной, не могло не расцвѣсть и политическое краснорѣчье. Арена для него, узкая по числу слушателей, но не по свойству обсуждаемыхъ вопросовъ, открылась еще раньше созыва государственной думы. Кому пришлось присутствовать на сѣздахъ, собиравшихся прошлой осенью и нынѣшней весной, тотъ знаетъ, что у насъ уже теперь есть политическіе ораторы, различные по характеру таланта, но одинаково выдающіеся по его размѣрамъ. Никого не называя, попробуемъ намѣтить главныя формы, въ которыя облекается новая у насъ разновидность ораторскаго искусства.

Много лѣтъ тому назадъ, разбирая первый сборникъ рѣчей А. Э. Кони, мы пытались установить, въ чемъ заключаются характерныя черты русскаго судебного краснорѣчья. Главную его силу мы видѣли въ простотѣ—той самой простотѣ, которою запечатлѣны лучшія произведенія русской литературы. „Русскій судебный ораторъ, наиболѣе близкій къ идеалу русскаго судебного краснорѣчья“,—говорили мы дальше,—„не становится на ходули, не надѣваетъ на себя трагическую маску, не гоняется за эффектами, не высоко цѣнитъ громкія, трескучія фразы. Онъ больше бесѣдуетъ, чѣмъ декламируетъ или вѣщаетъ, обращается больше къ здравому смыслу, чѣмъ къ воображенію; ему случается, конечно, апеллировать къ чувству, но не къ чувствительности. Онъ не чуждается украшеній рѣчи, но не въ нихъ ищетъ и находить главный источникъ силы. Онъ не нарушаетъ безъ надобности уваженія къ чужой личности, падить, по возможности, даже своихъ противниковъ, ни въ чемъ существенномъ, однако, не уступая и не отступая. Само собою разумѣется, что разница въ темпераментѣ, въ направленіи, въ свойствахъ дарованій всегда будетъ сказываться въ судебномъ краснорѣчьи, какъ и въ другихъ видахъ творчества—но мы и не думаемъ подводить судебную рѣчь подъ дѣйствіе неподвижныхъ, для всѣхъ и всегда одинаковыхъ правилъ. Въ предѣлахъ, только-что указанныхъ, возможно величайшее разнообразіе приемовъ; къ одному и тому же идеалу можно идти самыми различными путями“. Все это примѣнимо почти буквально къ зарождающемуся у насъ политическому краснорѣчью. Лучшимъ его представителямъ чужда напыщенность, чужда искусственность и претенціозность. Обдуманность рѣчи не обращается у нихъ въ расчитанность; они идутъ прямо къ цѣли, не злоупотребляя вступленіями и отступленіями, не занимая слушателей собственной особой, не подготавливая такъ называемыхъ *effets de la fin*, не подводя свою аргументацію подъ правила музыкальнаго *crescendo* или *rinforzando*. Черты сходства и здѣсь, однако, не исключаютъ глубокихъ различій. Главная сила одного изъ орато-

ровъ заключается, напимѣрь, въ невозмутимомъ спокойствіи, за которымъ скорѣе угадывается, чѣмъ слышится страстность. Онъ мастерски владѣетъ ироніей, быстро схватываетъ и ярко освѣщаетъ слабыя стороны оспариваемыхъ имъ мнѣній, искусно доводитъ ихъ до того пункта, на которомъ они должны пасть сами собою. Почти не повышая и не измѣняя тона, онъ дѣйствуетъ на слушателей строго логическою цѣпью доводовъ, предвидѣніемъ возраженій, яснымъ пониманіемъ настроенія, которое онъ хочетъ поддержать и усилить. Въ его рѣчахъ чувствуется соединеніе большой практической опытности съ обширнымъ теоретическимъ знаніемъ: земская работа воспитала въ немъ дѣловитость, привычку всесторонне изучать спорные вопросы и не преувеличивать значенія формы—чтеніе и размышленіе приготовили его къ вступленію на болѣе широкую дорогу... Другой ораторъ обладаетъ темпераментомъ народнаго трибуна. Могучій голосъ, пылъ, сначала сдерживаемый, потомъ прорывающійся наружу, негодованіе при видѣ торжествующаго зла или поправнаго права, несокрушимая вѣра въ близость лучшаго будущаго—все это даетъ ему, по крайней мѣрѣ на время, настоящую власть надъ аудиторіей. Ему недостаетъ, пока, умѣнья остановиться, когда сказано все существенное: упорно стремясь къ побѣдѣ, но все еще не увѣренный въ ней, онъ впадаетъ иногда въ повторенія, ослабляющія впечатлѣнія. Какъ бы то ни было, и теперь уже онъ—опасный противникъ и драгоценный союзникъ. Еще сильнѣе, быть можетъ, дѣйствуетъ на слушателей третій ораторъ, говорящій рѣдко и мало. Его особенность—необыкновенная задушевность рѣчи, красивой, изящной, скорѣе спокойной, чѣмъ бурной, но всегда поразительно сильной. Убѣждая, онъ увлекаетъ—и нужно сдѣлать большое усиліе надъ собою, чтобы не согласиться съ тѣмъ или другимъ его аргументомъ. Ни у кого мы не встрѣчали такихъ удачныхъ сравненій; онъ не рассыпаетъ ихъ щедрой рукой, ихъ у него немного, но каждое изъ нихъ сообщаетъ его рѣчи какой-то поэтической колоритъ, неотразимо симпатичный... Насколько руководство партіей зависитъ отъ ораторскаго таланта, оно по силамъ для всѣхъ тѣхъ, о комъ мы до сихъ поръ говорили, да и не для нихъ однихъ: мы исчерпали далеко не весь матеріалъ, данный нашими наблюденіями, и привели лишь нѣсколько примѣровъ, особенно врѣзавшихся въ память. Довольно высокимъ, далѣе, можно назвать и средній уровень ораторскаго искусства, обнаружившагося въ нашихъ первыхъ политическихъ собраніяхъ: справляться съ словомъ умѣло громадное большинство. Правда, участниками собраній были почти исключительно общественные дѣятели, прошедшіе черезъ школу земскаго или городского самоуправления; но если имъ удалось быстро и легко приспособиться къ новымъ условіямъ, то нѣтъ причины опа-

саться, что слишкомъ долгимъ и труднымъ будетъ періодъ ученичества для выступающихъ впервые на поприще публичной жизни.

Умѣнье владѣть словомъ—далеко не единственное требованіе, которому должны удовлетворять руководители политическаго собранія: необходима еще организаторская способность, выражающаяся, прежде всего, въ выборѣ и подготовкѣ почвы, на которой можетъ и должно состояться объединеніе партіи или группы. Отдѣлять важное отъ неважнаго, главное отъ второстепеннаго, настоятельно спѣшное отъ допускающаго отсрочку; предупреждать несогласованность дѣйствій и разбросанность усилий; во-время заключать союзы и во-время отъ нихъ отказываться—все это входитъ въ составъ своеобразной тактики, совершенствующейся, конечно, путемъ продолжительнаго опыта, но слагающейся уже на зарѣ политической жизни. У насъ она несомнѣнно существуетъ и даже имѣетъ свою исторію. Ея начатки восходятъ къ небольшимъ земскимъ съѣздамъ, собиравшимся, въ неопредѣленные сроки, еще въ началѣ девятидесятихъ годовъ. Во второй половинѣ того же десятилѣтія дѣлается попытка устроить періодическія собранія предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ — попытка, разбившаяся о противодѣйствіе администраціи. Въ 1902-мъ году, въ эпоху наибольшаго недовѣрія къ земству и ко всѣмъ формамъ общественной самодѣятельности, происходитъ новый съѣздъ земскихъ дѣятелей, вызывающій гоненіе на его участниковъ, но создающій общеземское бюро, въ составъ котораго входятъ главные носители земской идеи. Какъ только подходитъ благопріятная минута, это бюро выступаетъ съ широко задуманной программой, которую и принимаетъ ноябрьскій съѣздъ 1904-го года. Разногласіе, происшедшее по одному—важнѣйшему—пункту программы, приводитъ къ распаденію группы, составлявшей до тѣхъ поръ одно цѣлое. Между недавними союзниками остается, однако, много точекъ соприкосновенія, серьезныхъ и важныхъ. Возникаетъ вопросъ, что возьметъ верхъ въ критическую минуту: общее, соединяющее — или частное, влекущее въ разныя стороны. Новымъ усложненіемъ является разногласіе относительно избирательной системы, обнаруживающееся на апрѣльскомъ съѣздѣ. Критическій моментъ настаетъ весьма скоро: въ половинѣ мая совершаются событія, обостряющія до крайности и внѣшній, и внутренній кризисъ. Больше чѣмъ когда-либо становится желательнымъ единодушный откликъ на нихъ со стороны общественныхъ организацій. Такой откликъ былъ данъ ¹⁾—и это значительно поднимаетъ наши надежды на будущее. Чтобы сдѣлать его возможнымъ, нужна была, во-первыхъ, подготовительная работа немногихъ лицъ, испол-

¹⁾ См. петицію, приведенную выше, во „Внутреннемъ Обзорѣнѣ“.

ненная быстро и умѣло; нужно было, во-вторыхъ, такое настроеніе массы, которое благоприятствовало бы взаимнымъ уступкамъ. Оба условія, къ счастью, оказались на лицо: удачно намѣченный путь привелъ къ единогласному рѣшенію. Есть, слѣдовательно, основаніе думать, что и на другомъ, болѣе широкомъ поприщѣ у насъ явятся и полководцы, способные начертать планъ кампаніи, и войска, готовые его исполнить... Подчеркнемъ еще одну симпатичную черту, обрисовавшуюся съ достаточною яркостью: уваженіе къ чужому убѣжденію, къ личности противника. Въ самый разгаръ преній, выраженія, недопустимыя въ корректномъ спорѣ, встрѣчались весьма рѣдко, а знаки неодобренія, прерывавшіе оратора, прекращались при первомъ внушеніи предсѣдателя... Мы не скрываемъ отъ себя, что не такъ легко будетъ достигнуть подобныхъ результатовъ въ собраніи гораздо болѣе многочисленномъ и разношерстномъ, гдѣ очутятся лицомъ къ лицу уже не отгѣнки мнѣній, а рѣзко противоположные взгляды; но характеръ первыхъ шаговъ не можетъ остаться безъ вліянія на послѣдующіе, какова бы ни была ихъ обстановка.

Готовность дѣйствовать заодно, когда этого требуетъ данная комбинація обстоятельствъ, не исключаетъ, конечно, обособленія группъ, расходящихся между собою въ выборѣ окончательныхъ цѣлей или хотя бы средствъ къ ихъ достиженію. Какъ только открывается просторъ для сколько-нибудь свободной политической жизни, различіе направленій, въ болѣе или менѣе скрытомъ видѣ существовавшее и раньше, получаетъ наглядное выраженіе въ занятіи различныхъ „позицій“—крайнихъ и средней, или, лучше сказать, *среднихъ*, потому что разстояніе между крайностями велико, переходныхъ ступеней много. Всякая позиція имѣетъ свои удобства и свои неудобства. Положеніе тѣхъ, кто занимаетъ одну изъ среднихъ позицій, усложняется необходимостью вести борьбу „на два фронта“—не только съ исконными противниками, но и съ недавними союзниками. Не отступая передъ этой необходимостью, мы помнимъ, что послѣдніе во многомъ, очень многомъ близки намъ и теперь, въ особенности тамъ, гдѣ наше разногласіе не имѣетъ принципиальнаго характера.

„Расположившимся на средней позиціи“—въ томъ числѣ „Вѣстнику Европы“—посвящена хроника внутренней жизни въ майской книжкѣ „Русскаго Богатства“. Имъ ставится въ вину, между прочимъ, готовность „удовлетвориться выборами, хотя бы послѣдніе были произведены при отсутствіи свободы слова и собраній“. „Рано затѣвывать выборы“—читаемъ мы дальше. „Народу нужны не выборы, не представители; ему нужна свобода... Для успѣха выборовъ (по системѣ

всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія) нужно время для предвыборной агитаціи—но мы ждали такъ долго, что жалѣть на это времени не приходится“. Да, защитники „средней позиціи“ стояли и стоять за скорѣйшее производство выборовъ; но въ томъ же смыслѣ высказался и послѣдній общеземскій съѣздъ, при восторженномъ одобреніи общества и печати. Приверженцы и противники „четырёхчленной формулы“ сошлись на томъ, что необходимо, необходимо именно теперь избраніе представителей, какъ условіе наступленія свободы. Обстоятельства не таковы, чтобы можно было длить ad infinitum предвыборную агитацію. Что для полнаго успѣха выборовъ нужна свобода печати, союзовъ, собраній—это всегда признавали и „расположившіеся на средней позиціи“; но гдѣ же ружье въ томъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—или лѣтъ—эта свобода будетъ осуществлена въ должной мѣрѣ? Ожидать ея прихода, не приступая къ выборамъ, не значило ли бы возвращаться въ заколдованномъ кругѣ? И наоборотъ, не слѣдуетъ ли думать, что созывъ представителей, ставъ совершившимся фактомъ, принесетъ съ собою желанныя блага?.. Хроникеръ „Русскаго Богатства“ (А. В. Пѣшеховъ) „далекъ отъ мысли, что выборы не могутъ состояться до тѣхъ поръ, пока во всей странѣ—сверху донизу—не упрочится свобода“. Онъ считаетъ вполне возможнымъ и даже вѣроятнымъ, что „неперевоспитанными останутся земскіе начальники, урядники и стражники, старшины и старосты“. Онъ допускаетъ, что „упрочить свободу въ низахъ народной жизни удастся не сразу“, что „вырвать всѣ безчисленные корни вѣдрившагося въ нее бюрократическаго древа“—дѣло упорной работы не одного, быть можетъ, представительнаго собранія; „но, вверху свобода должна быть призвана теперь же, ибо пока высится и гордо красуется своею короною бюрократическій стволъ, къ корнямъ нельзя будетъ и приступиться“. Намъ кажется, что въ настоящую минуту „признаніемъ свободы сверху“ будетъ именно созывъ народныхъ представителей, за которымъ неизбѣжно послѣдуетъ „перевоспитаніе“ властей.

До чего можетъ доходить вѣра въ всемогущество излюбленнаго принципа—объ этомъ даютъ понятіе слѣдующія слова нашего противника: „я ни на минуту не усомнился бы высказаться за всеобщую и прямую подачу голосовъ, даже въ томъ случаѣ, если бы мнѣ завѣдомо было извѣстно, что выборы окажутся неудачными. Пусть народъ не сумѣетъ выбрать наиболѣе отвѣчающихъ его интересамъ программъ, пусть онъ не найдетъ достойныхъ для проведенія ихъ депутатовъ, пусть разобьются голоса, пусть въ представительное собраніе явятся ретроградные элементы—и все-таки для дѣла народной свободы будетъ сдѣлано несравненно больше, чѣмъ при самыхъ удач-

ныхъ выборахъ по той или иной компромиссной системѣ. Въ сознаниі народа запечатлѣется и уже никогда не изгладится, что ему дана была власть рѣшить государственные вопросы такъ или иначе. Если онъ потомъ убѣдится, что они рѣшены не такъ, какъ бы слѣдовало, то будетъ знать, что это его ошибка, и какъ эту ошибку поправить. Въ первыхъ же всеобщихъ и прямыхъ выборахъ родится русская демократія... Другой результатъ еще несомнѣннѣе и, быть можетъ, еще важнѣе. Призванный къ обсужденію и рѣшенію государственныхъ вопросовъ обыватель превратится въ гражданина... Тупая апатія уступить мѣсто живой активности, житье со дня на день смѣнить жизнь съ самыми широкими перспективами... На самомъ дѣлѣ политическія ошибки сознаются не такъ скоро и исправляются не такъ легко, особенно если онѣ допущены въ переходные моменты народной жизни. Неудачно выбранное собраніе, руководимое „ретроградными элементами“, можетъ создать такія преграды на пути дальнѣйшаго развитія, для устраненія которыхъ понадобятся цѣлыя десятилѣтія. Медленно и постепенно, съ другой стороны, совершается превращеніе обывателя въ гражданина. Всеобщее избирательное право, пользованіе которымъ наступаетъ одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ—вовсе не чудотворная сила, сразу обновляющая страну и расширяющая „перспективы“ населенія. Оно воплѣнн совместно съ политическимъ индифферентизмомъ, съ прозябаніемъ изо дня въ день, съ отсутствіемъ интереса къ задачамъ будущаго. Припомнимъ, напримеръ, исторію всеобщей подачи голосовъ во Франціи, въ срединѣ XIX-го вѣка. Въ апрѣлѣ 1848 года она создаетъ учредительное собраніе, больше смотрящее назадъ, чѣмъ впередъ, ничего не дѣлающее для предупрежденія июньскихъ дней, остающееся глухимъ къ голосамъ сигнализирующимъ опасность всенароднаго избранія президента республики. Въ декабрѣ того же года она даетъ болѣе пяти миліоновъ голосовъ тому кандидату на званіе президента, самое имя котораго звучитъ погребальнымъ звономъ для народной свободы. Въ маѣ 1849 года она посылаетъ въ законодательное собраніе реакціонное большинство, прокладывающее дорогу къ декабрьскому перевороту. Подтвердивъ, двумя плебисцитами, результатъ переворота, она много лѣтъ сряду почти вездѣ подчиняется безпрекословно внушеніямъ власти, рекомендующей ей такъ называемыхъ официальныхъ кандидатовъ. „Ошибки“, такимъ образомъ, слѣдуютъ одна за другою, а исправленіе ихъ заставляетъ себя ждать долго, очень долго. Демократія—какъ и свобода, какъ и другіе „принципы 1789 года“,—оказывается торжествующею только на бумагѣ. Французскій крестьянинъ времени второй имперіи, несмотря на всеобщее и прямое голосованіе, является гораздо больше „обывателемъ“, чѣмъ „гражданиномъ“;

силыѣе „широкихъ перспективъ“ на него дѣйствуетъ, сплошь и рядомъ, общаніе небольшихъ, но осязательныхъ выгодъ, напр. постройки новаго моста, новой дороги... Слишкомъ оптимистичными, въ виду такихъ указаній недавняго прошлаго, кажутся намъ ожиданія А. В. Пѣшеконова. „Мнѣ приходилось“ — говорить онъ — „видать людей, которыхъ впервые захватывала общественность, и я воочию видѣлъ, какъ выростала при этомъ личность“. Въ отдѣльныхъ случаяхъ такіа превращенія, безъ сомнѣнія, возможны — но нельзя обобщать ихъ, нельзя выводить изъ нихъ заключеніе, распространяющееся на всю народную массу.

Возможность неудачнаго, на первыхъ порахъ, прижѣненія всеобщей и прямой подачи голосовъ А. В. Пѣшеконовъ допускаетъ, впрочемъ, лишь условно, „въ видахъ удобства изложенія“; на самомъ дѣлѣ онъ увѣренъ, что она — „при условіи, конечно, свободной агитации, — сразу дастъ достаточно благоприятные результаты и во всякомъ случаѣ лучшіе, чѣмъ при сословно-цензовой избирательной системѣ и при двухъ- или многостепенномъ голосованіи“. Основаніемъ для этой увѣренности служитъ неизбѣжная связь между политикой и экономикой. Объединить народныя массы, въ короткое время, около чисто-политической программы было бы трудно — но онъ и теперь „объединены своими экономическими, до извѣстной степени уже сознанными интересами. Идея очень быстро можетъ охватить тѣхъ, кто уже объединенъ чувствомъ“. Другими словами, при всеобщей и, тѣмъ болѣе, прямой подачѣ голосовъ, исходъ выборовъ можетъ быть предрѣшенъ экономическимъ знаменемъ, понятнымъ для народа, общающимся ему исполненіе его желаній. Здѣсь, по мнѣнію А. В. Пѣшеконова, главная разгадка возраженій, встрѣчаемыхъ всеобщей подачей голосовъ. Если не сами „расположившіеся на средней позиціи“, то многіе изъ тѣхъ, кто къ нимъ примыкаетъ, руководствуются, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ желаніемъ отстоять интересы „имущихъ классовъ“ вообще и землевладѣльцевъ въ особенности. Идеологи — говоритъ хроникеръ „Русскаго Богатства“, разумѣя въ данномъ случаѣ подъ этимъ именемъ В. Д. Кузьмина-Караваева и К. К. Арсеньева, — идеологи важны не сами по себѣ, а по тѣмъ общественнымъ силамъ, которыя ихъ идеологіей воспользуются“. Подобно тому, какъ подъ славянофильскій стягъ, поднятый Д. Н. Шиповымъ, немедленно стали стекаться всякаго рода *истинно-русскіе люди*¹⁾, подъ „либеральное знамя“, водру-

¹⁾ Расходись съ Д. Н. Шиповымъ по главному пункту политической программы, мы должны, однако, сказать въ его защиту, что „истинно-русскіе люди“, въ специфическомъ смыслѣ этого слова, группируются не подъ его „стягомъ“, а подъ фирмой „монархической партіи“ или, въ лучшемъ случаѣ, „союза русскихъ людей“.

женное „идеологами“, „начали уже собираться помѣщики... Замѣтимъ, прежде всего, что „идеологи“, которыхъ имѣеть въ виду А. В. Пѣшеховъ, возставали и возстають лишь противъ *немедленнаго* примѣненія всеобщей подачи голосовъ, не только допуская, но даже отстаивая обращеніе къ ней въ ближайшемъ будущемъ, т.-е. именно тогда, когда, по всей вѣроятности, настанетъ очередь экономическихъ реформъ. Первому собранію народныхъ представителей придется, быть можетъ, ограничиться установленіемъ главныхъ началъ новаго государственнаго строя; все остальное выпадеть на долю послѣдующихъ собраній, выбранныхъ уже на основаніи постояннаго, а не временнаго избирательнаго закона. Предположимъ, однако, что наиболѣе жгучій, наиболѣе важный для народной массы экономической вопросъ будетъ поставленъ вслѣдъ за созывомъ народныхъ представителей. Можно ли ручаться за то, что въ собраніи, избранномъ всеобщей подачей голосовъ, онъ получитъ разрѣшеніе наиболѣе правильное, наиболѣе согласное съ интересами крестьянства? Нѣтъ, по той простой причинѣ, что избиратели едва ли будутъ предоставлены самимъ себѣ, предвыборная агитація едва ли уравновѣситъ собою силу традиціонныхъ вліяній. И здѣсь достаточнымъ подтвержденіемъ нашихъ сомнѣній служатъ безспорные историческіе факты. Много ли сдѣлали для французскаго народа первыя собранія, избранныя всеобщей подачей голосовъ?.. Съ другой стороны, не въ земской ли средѣ, какъ это видно изъ резолюцій втораго апрѣльскаго сѣзда ¹⁾, нашель сочувствіе длинный рядъ крупныхъ экономическихъ преобразованій? Хроникеръ „Русскаго Богатства“ обвиняетъ „идеологовъ“ въ „народобоязни“; правильнѣе было бы приписать имъ *боязнь за народъ*—боязнь, что избирательная система, демократическая по своему принципу, приведетъ, въ данную минуту и при данныхъ условіяхъ, къ далеко не демократическимъ результатамъ. Слѣшимъ прибавить, что еще большія опасенія внушаетъ намъ избирательный порядокъ, проектируемый, судя по слухамъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ мы видѣли силу, способную противостоятъ внѣшнему давленію; ничего подобнаго не представляютъ собою уполномоченные отъ избирательныхъ сѣздовъ, созванныхъ на основаніи земскаго положенія 1864-го года.

Въ послѣднее время повторяется довольно часто изыятіе уголовныхъ дѣлъ изъ общаго порядка судопроизводства, съ преданіемъ обвиняемыхъ военному суду, по законамъ военнаго времени. Цѣль, въ подобныхъ случаяхъ, всегда преслѣдуется одна и та же: возможность

¹⁾ См. „Внутреннее Обзорѣніе“ въ іюньской книжкѣ „Вѣстника Европы“.

присужденія къ смертной казни, вѣ сравнительно тѣсныхъ предѣловъ, въ которые она заключена нашимъ общимъ законодательствомъ. Позволяемъ себѣ повторить сказанное нами, много лѣтъ тому назадъ, по аналогичному поводу ¹⁾. „Отступленіе отъ обычной подсудности и обычныхъ процессуальныхъ правилъ неизбежно заключаетъ въ себѣ элементъ случайности, несовмѣстимый съ требованіями справедливости и права. Преступленія одинаковаго свойства, совершенныя при одинаковыхъ условіяхъ, подлежатъ преслѣдованію и наказанію на основаніи одинаковыхъ началъ, заранѣе установленныхъ и заранѣе всѣмъ извѣстныхъ. По законодательству всѣхъ культурныхъ странъ, уголовный законъ, усугубляющій наказаніе, не долженъ имѣть обратнаго дѣйствія. Почему? Именно потому, что никто не долженъ нести за свои дѣйствія отвѣтственность въ большей мѣрѣ, чѣмъ та, которую онъ могъ и обязанъ былъ предвидѣть. Если уголовная кара, назначенная закономъ за то или другое преступленіе, признается недостаточно тяжкой, ничто не мѣшаетъ измѣнить законъ, сдѣлать его болѣе строгимъ, но лишь *на будущее время* и для *всѣхъ* преступныхъ дѣяній извѣстнаго рода. Можно находить, что единственное наказаніе, соответствующее заранѣе обдуманному убійству (при отсутствіи уменьшающихъ вину обстоятельствъ)—смертная казнь ²⁾; но тогда нужно открыто послѣдовать примѣру большинства западно-европейскихъ государствъ и прямо включить смертную казнь въ разрядъ наказаній, назначаемыхъ за убійство... Цѣлый рядъ писателей, еще съ половины XVIII-го вѣка, прославлялъ мудрость и гуманность русскаго законодательства, исключившаго смертную казнь изъ числа наказаній за обыкновенныя (не-политическія) преступленія. До шестидесятыхъ годовъ XIX-го столѣтія эти похвалы находили печальное опроверженіе въ фактическомъ существованіи у насъ смертной казни, и притомъ квалифицированной—медленной, мучительной: наказаніе кнутомъ, плетью, шпидрutenами оканчивалось, сплошь и рядомъ, смертью наказуемыхъ или наказанныхъ. Теперь такимъ же опроверженіемъ является смертная казнь, опредѣляемая приговорами военно-окружныхъ судовъ... Общій судъ, разсматривающій дѣло объ убійствѣ, ничѣмъ не стѣсненъ въ признаніи обстоятельствъ, уменьшающихъ вину. Въ иномъ положеніи оказывается военно-окружной судъ, вся *raison d'être* котораго—въ дѣлахъ, вообще ему неподвѣдомственныхъ—заключается именно въ томъ, что онъ, и только онъ одинъ, въ правѣ присудить обвиняемаго къ смерти. Постановитъ другой приговоръ, болѣе мягкій—значитъ какъ бы признать, что не было осно-

¹⁾ См. „Общественную Хронику“ въ № 9 „Вѣстника Европы“ за 1894 г.

²⁾ Мы тогда же оговорились, что не раздѣляемъ этого мнѣнія.

ванія къ передачѣ дѣла на разсмотрѣніе военнаго суда“. Всѣ эти соображенія вполне примѣнимы къ дѣламъ Дейча, Маньковскаго и другимъ, производившимся въ военномъ судѣ и окончившимся смертными приговорами (пока, кажется, еще неисполненными). Въ одномъ изъ нихъ обрисовалась съ особенною ясностью самая ужасная сторона смертной казни: возможность ошибки, ничѣмъ непоправимой. Когда Маньковский, судившійся за покушеніе на убійство двинскаго полиціймейстера, былъ присужденъ къ смерти, защитники его (присяжные повѣренные Беренштамъ и Козловскій и помощникъ присяжнаго повѣреннаго Эліашевъ) подали председателю военно-окружнаго суда слѣдующее заявленіе: „намъ съ непреложностью извѣстно, что по этому дѣлу никто изъ привлеченныхъ къ отвѣту ни въ коемъ отношеніи не причастенъ къ преступленію. Мы получили неопровержимыя доказательства тому. Мы тщетно со всею силою убѣжденія заявляли на судѣ о невинности Маньковскаго, но послѣдовалъ смертный приговоръ. Долженъ быть казненъ совершенно невинный человѣкъ, должно совершиться ужасное, непоправимое зло. Призракъ этого не дастъ намъ покоя, и мы еще разъ заявляемъ вамъ, что Маньковский невиновенъ. Мы клянемся и нашей честью, клянемся всѣмъ, что есть святого, что Маньковский — жертва судебной ошибки“. Такія слова, идущія отъ такихъ людей, предполагаютъ глубокое убѣжденіе, основанное на неотразимо вѣскихъ данныхъ. Неужели они прозвучать понапрасну?.. Непогрѣшимостью военно-окружной судъ обладаетъ, быть можетъ, въ еще меньшей степени, чѣмъ другіе суды. Намъ памятенъ случай ошибокъ, допущенныхъ имъ именно по дѣламъ, окончившимся смертными приговорами. Одна изъ нихъ, юридическая, стоила жизни Максиму Дмитріеву, присужденному къ смерти съ явнымъ нарушеніемъ закона и казненному въ Иркутскѣ, въ 1891 г. Другая ошибка — фактическая, т.-е. именно такая, какая, по словамъ защитниковъ, допущена въ дѣлѣ Маньковскаго. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ казненъ, по приговору омскаго военно-окружнаго суда, нѣкто Шуклинъ, ошибочно принятый за Лосева, обвинявшася въ убійствѣ двухъ конвойныхъ солдатъ. Въ 1896 г. было установлено тожество съ этимъ Лосевымъ бродяги Барончука, совершившаго цѣлый рядъ преступленій; Шуклинъ, слѣдовательно, оказался ни въ чемъ невиннымъ... И что же, приводятъ ли, по крайней мѣрѣ, смертные приговоры къ своей ближайшей цѣли — производятъ ли они устрашающее дѣйствіе, предупреждая, тѣмъ самымъ, повтореніе аналогичныхъ преступленій? Утвердительно отвѣтить на этотъ вопросъ рѣшаются только „Московскія Вѣдомости“. Всѣмъ памятно, по ихъ словамъ, „что широкое примѣненіе военныхъ судовъ (читай: смертной казни) въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ на долгіе годы заста-

вило замолкнуть гнусныхъ убійцъ. Почему же теперь результаты должны быть другіе?" Память измѣняетъ московской газетѣ: въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ смертныхъ приговоровъ, произносимыхъ военными судами, было меньше, чѣмъ въ концѣ семидесятыхъ, и пониженіе числа политическихъ преступленій зависѣло не отъ усиленія репрессіи. Нѣтъ надобности, притомъ, заглядывать далеко въ прошлое: опытъ послѣднихъ лѣтъ удостовѣряетъ, что непосредственно за исполненіемъ смертныхъ приговоровъ слѣдуетъ иногда обостреніе той спеціальной преступности, противъ которой они были направлены.

Положеніемъ комитета министровъ, Высочайше утвержденнымъ 17-го минувшаго апрѣля, министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями предоставлено принять мѣры къ отмѣнѣ административныхъ распоряженій, стѣсняющихъ права старообрядцевъ и сектантовъ на службу государственную и общественную. Смыслъ этого постановленія не допускаетъ никакихъ сомнѣній: всѣ стѣсненія, основанныя на административныхъ распоряженіяхъ, безусловно подлежатъ отмѣнѣ; министрамъ и, тѣмъ болѣе, мѣстнымъ властямъ отведена роль чисто исполнительная, безъ права разсуждать о характерѣ и достоинствѣ отмѣняемыхъ правилъ. Чтобы еще больше убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить приведенныя выше слова положенія 17-го апрѣля съ послѣднимъ пунктомъ положенія 1-го мая, также относящимся къ отмѣнѣ стѣснительныхъ административныхъ распоряженій (по предмету употребленія мѣстныхъ языковъ), но уполномочивающимъ министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями представлять, въ законодательномъ порядкѣ, объ утвержденіи тѣхъ распоряженій, примѣненіе которыхъ и впредь они признаютъ необходимымъ. Мы имѣли уже случай объяснить, какъ опасно, какъ нецѣлесообразно подобное полномочіе ¹⁾, несмотря на то, что оно дано только министрамъ, и окончательное рѣшеніе возбуждаемыхъ имъ вопросовъ вѣрено государственному совѣту. Что же сказать, затѣмъ, объ аналогичномъ полномочіи, предоставляемомъ, *вопреки закону, мѣстнымъ властямъ?*... „Если по вѣренной вамъ губерніи“ — гласить циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ на имя губернаторовъ и градоначальниковъ ²⁾, — „были изданы какія-либо правила, ограничивающія старообрядцевъ и сектантовъ въ правахъ на службу государственную и общественную, то эти правила должны прекратить свое дѣйствіе, *если только вы, въ виду соображеній особой важ-*

¹⁾ См. „Внутреннее Обзорѣніе“ въ іюньской книжкѣ нашего журнала, стр. 775.

²⁾ См. № 158 „Русскихъ Вѣдомостей“.

ности, не признаете необходимымъ сохранить изъ въ силѣ и на будущее время". Итакъ, примѣненіе Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ ограничивается оговоркой, вовсе въ немъ не заключающейся и прямо противорѣчащей его буквальному смыслу— и примѣненіе этой оговорки поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія градоначальника или губернатора! Трудно представить себѣ болѣе яркое доказательство тому, до какой степени необходимо водвореніе у насъ истинной законности — и до какой степени оно невозможно безъ коренной перемѣны въ нашемъ государственномъ строѣ... По словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, тѣмъ же циркуляромъ *всякое соращеніе* изъ православія причисляется къ дѣяніямъ, подлежащимъ уголовной карѣ. Если таково, дѣйствительно, мнѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, то нельзя, конечно, не пожалѣть объ ошибкахъ, въ которыя оно вовлечетъ особенно усердныхъ администраторовъ—но опасными эти ошибки будутъ только до тѣхъ поръ, пока не введено въ дѣйствіе новое уголовное уложеніе. Слишкомъ ясны тѣ его статьи (82—84), въ силу которыхъ соращеніе признается преступленіемъ лишь тогда, когда оно учинено преступными средствами (злоупотребленіе властью, принужденіе, обольщеніе общаніемъ выгодъ, обманъ, насиліе, наказуемая угроза).

Въ эту минуту, когда мы заканчиваемъ нашу хронику, о чрезвычайныхъ событіяхъ, совершившихся, около половини іюня, въ Лодзи и въ Одессѣ, все еще не появилось въ печати ни официальныхъ, ни неофициальныхъ сообщеній. О важности ихъ свидѣтельствуеетъ объявленіе военнаго положенія; о свойствѣ ихъ и причинахъ можно только догадываться по отрывочнымъ, неполнымъ свѣдѣніямъ, заимствуемымъ, болѣею частью, изъ иностранныхъ газетъ. Совершенно непонятно, съ какою цѣлью поддерживается искусственная тайна, оставляющая мѣсто для самыхъ невѣроятныхъ слуховъ. Когда, наконецъ, будетъ положенъ конецъ стѣсненіямъ, отъ которыхъ гораздо больше еще, чѣмъ печать, страдаетъ русское общество?

Скончавшійся на дняхъ Д. Л. Мордовцевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ писателей, которымъ жизнь дается сравнительно легко и успѣхъ, не блестящій, но прочный, не измѣняетъ ни на одномъ изъ избираемыхъ ими поприщъ. Начавъ съ историческихъ изслѣдованій, сразу обратившихъ на себя общее вниманіе, онъ нѣсколько лѣтъ сряду писалъ публицистическія статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (редакціи Некрасова и Салтыкова), а въ послѣднія два или три десятилѣтія выпустилъ въ свѣтъ множество беллетри-

стическихъ и полу-беллетристическихъ произведеній. Горячо преданный интересамъ малорусскаго языка и малорусской литературы, онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей Н. И. Костомарова, которому посвятилъ очень любопытныя воспоминанія. Въ нашемъ журналѣ онъ напечаталъ, кромѣ критической статьи о книгѣ Щебальскаго: „Начало и характеръ Пугачовщины“ (1866, 1), описаніе путешествія по Испаніи (1884, 1—3) и историческую повѣсть „Тимошъ“ (1889, 11—12).

Въ лицѣ П. Г. Миронова наша присяжная адвокатура потеряла даровитаго юриста и краснорѣчиваго оратора, всегда готоваго поддержать своимъ словомъ правое дѣло и вступить за слабыхъ, обиженныхъ и угнетенныхъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МОЙ ДНЕВНИКЪ

НА

ВОЙНЪ 1877-78 ГОДОВЪ.

1877-ой годъ.

III *).

9—20 декабря.

9 декабря.—Сегодня четвертый день снѣжной бури. Снѣгъ по колѣно и 8° мороза. Въ кибиткѣ нашей все время термометръ стоитъ на 0 днемъ, а по ночамъ и утрамъ—3° мороза. Тѣмъ не менѣе, приходится все время усиленно писать.

Но нѣтъ худа безъ добра. Быть можетъ, благодаря этой адской погодѣ, удалось окончательно отклонить Великаго Князя отъ намѣренія переѣхать въ Орханію и далѣе вслѣдъ за войсками Гурко. Слава Богу: вчера онъ объявилъ, что переѣдетъ въ Сельви. Дивизиону л.-гв. казачьяго его величества полка уже приказано идти впередъ, въ Ловчу.

Вчера Государю послана слѣдующая телеграмма:

„Гурко и Радецкій доносятъ, что снѣгъ завалилъ всѣ дороги и тропинки. Мятели съ морозомъ продолжаются третій день.

*) См. выше: июль, стр. 43.

Нѣтъ никакой возможности двигаться. Здѣсь буря съ мятелью. Снѣгу навалило выше колѣна. Движеніе обозовъ остановилось. Дай Богъ, чтобы поскорѣе эта непогода кончилась“.

Сегодня вечеромъ послана Государю же слѣдующая телеграмма:

„Вьюга прекратилась, но вездѣ снѣгъ выше колѣнъ и большой морозъ. Войска на Шипкѣ и на горѣ св. Николая сильно страдают. Всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ возможности наступленія. У меня въ палаткѣ менѣе 5°. За обѣдомъ сегодня вода и вина замерзли. Варку можемъ дѣлать только разъ въ день. Отогрѣваемся чаемъ. Войска веселы и даже поютъ, чтобы хоть этимъ согрѣться. Болѣзненность пока небольшая, кромѣ 24-й дивизіи на Шипкѣ, гдѣ до тысячи больныхъ въ каждомъ полку“.

Выступленіе Скобелева отложено до завтра, по причинѣ адской погоды. Переходъ въ наступленіе войскъ Гурко назначенъ на 11-е.

Сегодня, вскорѣ послѣ обѣда, Великій Князь послалъ за мной и удержалъ до вечера, отпустивъ лишь послѣ чаю. Это уже 4-й день подъ рядъ проходитъ такимъ образомъ: сперва читаю ему вслухъ полученныя въ теченіе дня реляціи, затѣмъ составляю и отправляю его депеши, и, наконецъ, идутъ просто разговоры. Сегодня Великій Князь вспоминалъ, какъ объявилъ мнѣ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, что беретъ меня съ собой, и спрашивалъ, какое впечатлѣніе произвело это тогда на мою жену. Я отвѣчалъ, что разлука съ семьей, конечно, не легка, но что мы оба все-таки предпочитаемъ, чтобы мнѣ быть на войнѣ, чѣмъ оставаться дома: вполне сознаемъ, что для военнаго не быть на войнѣ—значитъ чувствовать себя обойденнымъ, ненужнымъ. Но, конечно, было бы лицемѣріемъ съ моей стороны, еслибы я вздумалъ увѣрить, что радъ затяжекѣ войны. Напротивъ, я буду искренно радоваться ея окончанію, но только со славою. А на это теперь надѣяться можно.

Великій Князь вздохнулъ и сказалъ: „Дай Богъ! Я долше тебя терплю: ты всего восьмой мѣсяцъ въ разлукѣ съ семьей, а я—тринадцатый!“

10 декабря.—11° мороза. Чудный, ясный, сверкающій день. Много интересныхъ телеграммъ.

Полученныя:

1) Отъ Стюарта изъ Бухареста: Фельдманъ (нашъ военный агентъ въ Вѣнѣ) телеграфируетъ отъ 9-го декабря, что Сулейманъ-паша получилъ приказаніе отвести всю свою армію въ Румелію, оставивъ въ крѣпостяхъ только самые необходимые

гарнизоны. Онъ уже прибылъ въ Константинополь для участія въ военномъ совѣтѣ, который разрабатываетъ новый планъ дѣйствій. Реуфъ-паша назначенъ военнымъ министромъ.

2) Первая телеграмма Государя изъ Петербурга, отъ 11 ч. 30 м. сегодняшняго утра:

„Только-что воротился совершенно благополучно. Приѣмъ самый восторженный. Всѣхъ нашелъ здоровыми. Ожидая съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій. Да поможетъ намъ Богъ довершить святое дѣло“.

3) Отъ Радецаго съ Шипки отъ 12 ч. 55 м. сего дня, шифрованная, на имя Непокойчицаго:

„Движеніе на деревню Шипку прямо по дорогѣ ¹⁾ я считаю дѣйствіемъ совершенно безразсуднымъ, потому что спускъ къ Шипкѣ укрѣплялся турками съ начала августа и, по свѣдѣніямъ, весьма хорошо, съ перекрестною обороною во многихъ мѣстахъ. Поэтому, при настоящихъ непроходимыхъ снѣгахъ возможно овладѣть деревней Шипкой и долиною Тунджи движеніемъ нашего отряда отъ Тетевеня и Арабъ-Конака по Тунджѣ. Тогда турки должны будутъ уйти отсюда безъ выстрѣла и, вслѣдствіе этого, я буду дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій Его Высочества. Для полученія приказаній командирую начальника штаба генерала Дмитровскаго“.

4) Отъ Гурко изъ Осиковъ, отъ 9-го декабря:

„Снѣгу выпало очень много: на горахъ болѣе аршина, въ Орханійской долинѣ полъ-аршина. Сегодня третій день стоятъ морозы. Сегодня въ Орханійской долинѣ около 4⁰, а въ горахъ около 10⁰. Санитарное состояніе съ каждымъ днемъ ухудшается. Въ псковскомъ полку 6-го и 7-го декабря заболѣло 340 человекъ, но это самая большая болѣзненность. Среднимъ числомъ заболѣваетъ около 50 человекъ, въ полкахъ же, расположенныхъ по квартирамъ, значительно менѣе. На позиціяхъ стоятъ 6¹/₂ полковъ; по квартирамъ 5. Произвожу по возможности чаще смѣну. Положеніе очень тяжелое. Движеніе будетъ очень трудное, но съ Божьею помощью надѣюсь преодолѣть трудности. Теперь разрабатываю дорогу. Непріятель стоитъ и ничего не предпринимаетъ, весьма сильно укрѣпившись на своей позиціи. Подкрѣпленія къ туркамъ прибываютъ мало-по-малу. Теперь у Арабъ-Конака, кажется, около 40 баталіоновъ, у Лютиова и Златицы около 10 въ каждомъ пунетѣ, всего же около 60 ба-

¹⁾ Такого движенія никто и не предлагалъ. Предположено движеніе въ обходъ турецкихъ шипкинскихъ позицій съ обоихъ фланговъ.

таліоновъ, но всѣ далеко неполные; самое большее по 400 человекъ въ таборѣ, а есть таборы около 150 человекъ. Больше всего боюсь тумановъ и продовольствія. Всѣ заготовленные мною насчетъ страны склады въ Радомирцахъ, для трехъ прибывающихъ дивизій. Теперь у меня осталось 10.000 пудовъ сухарей, нагруженныхъ на повозки въ видѣ неприкосновеннаго запаса. Во Врачешѣ, въ складѣ, около 20.000 пудовъ муки, которая перепекается въ хлѣбъ въ устроенныхъ печахъ. Дальнѣйшаго запаса нѣтъ и не предвидится, дневной же расходъ — около 3.400 пудовъ. Теперь уменьшилъ дачу сухарей до 1 фунта; дней черезъ 10 не будетъ хлѣба. Крайне нуждаюсь въ перевозочныхъ средствахъ. Доставка скота весьма затруднительна. Жду прихода войскъ, чтобы перейти въ наступленіе, но прибытіе ихъ крайне затрудняется. Не знаю, когда подтянутся. Вся дорога ужасная и гололедица. Думаю, что раньше 13—14 декабря не буду въ состояніи двинуться: главное прошу спирту, чаю, сахару. Необходимо открыть въ Яблоницѣ 1 или 2 подвижныхъ госпиталя. 9-го декабря, 9 ч. вечера. Генераль-адъютантъ Гурко“.

5) Получена телеграмма князя Милана, что 7-го декабря сербы овладѣли съ бою проходомъ св. Николая и его укрѣпленіями: потери еще неизвѣстны. 8-го декабря сербы обошли турецкую позицію у Бабиной-главы и, принудивъ этимъ турокъ отступить, заняли эту позицію. Того же числа, послѣ упорнаго боя, сербы взяли укрѣпленія у Чичины, у моста на Моравѣ, южнѣе Ниша. Турецкія сообщенія между Нишемъ и Лесковацомъ, который еще южнѣе, прерваны.

Объ этомъ немедленно донесено Государю, а князьямъ сербскому и румынскому посланы слѣдующія телеграммы:

Belgrad, à suivre.

Prince Milan de Serbie.

„Félicite de tout coeur avec bon et beau commencement. Remerciez sincèrement de ma part vos vaillantes troupes. Souhaite succès ultérieurs. Que Dieu nous protège“.

Bucarest.

Prince Charles de Roumanie.

„Comme tu sais, les Serbes ont occupés le défilé de Saint-Nicolas. Je te prie donner ordre immédiat à Garalamba, qu'il transmet à Arnoldi ¹⁾ cette nouvelle afin qu'il entre en communication avec les Serbes, ainsi que tes troupes, qui marchent vers Viddin et Belgradschik“.

¹⁾ Командиръ 2-й бригады 4-й кавалер. дивизіи.

Получена телеграмма нашего посланника изъ Аѣинъ, содержаніе которой экстренно передано Цесаревичу, Гурко и Радецкому слѣдующими телеграммами (подчеркнутыя слова—зашифрованы мною).

Осиково. Генералу Гурко вслѣдъ.

Шипка. Генералу Радецкому.

„Отъ посланника нашего изъ Аѣинъ получено свѣдѣніе, что Мехметъ-Али, прибывъ въ Константинополь, объявилъ, что Турція остается одно: *вступить въ мирные переговоры непосредственно съ Россіей*, ибо всякое *вооруженное сопротивленіе дѣлается невозможнымъ*. Сулейманъ также прибылъ въ Константинополь. При такихъ обстоятельствахъ считаю совершенно необходимымъ *ускорить наступленіе* сколь возможно, дабы *усилить давленіе на Турцію*. Не теряйте времени“.

Брестовацъ.

Наслѣднику Цесаревичу.

Первая часть депеши—та же. Добавленіе: „Въ виду этого, я приказалъ *Гурко и Радецкому постыпиться наступленіемъ, дабы усилить давленіе на Турцію*. Тебѣ же необходимо *слѣдить за непріятелемъ* возможно *бдительнѣе*. Сообщи мнѣ, какъ полагаешь вслѣдствіе этого распорядиться. Гдѣ Тотлебенъ?“

11 декабря.—Ясный, тихій морозный день: 12⁰. Морозы и глубокіе снѣга неожиданно связали намъ руки, только-что развязанныя паденіемъ Плевны. Дороги еще непроходимы, двигаться впередъ нельзя, а стоять на мѣстѣ—тоже скверно. Въ горахъ войскамъ столь тяжко, какъ было во времена суворовскаго похода черезъ Альпы. Если морозы затянутся, то надо или идти впередъ, или отходить назадъ.

Конечно, мы рѣшились на первое. Въ рѣшеніи наступать Великій Князь вполнѣ сходится съ Гурко, но расходится съ Радецкимъ, который предпочитаетъ ждать, пока Гурко, переваливъ черезъ Балканы, выдѣтъ въ тылъ Шипкинской позиціи турокъ. Съ цѣлью убѣдить Великаго Князя согласиться съ его мнѣніемъ, Радецкій прислалъ своего начальника штаба Дмитровскаго, который и прибылъ сегодня. Но на этомъ пунктѣ Великаго Князя переубѣдить нельзя: онъ рѣшился твердо и ни за что не уступить, тѣмъ болѣе, что заручился Высочайшимъ одобреніемъ этого плана. Конечно, зимній переходъ черезъ Балканы—дѣло трудное и рискованное, но когда же и рисковать, какъ не теперь, пока турки еще подавлены плевненскою катастрофою. Допустивъ даже возможность неудачи, мы попадемъ лишь въ вы-

жидательное положеніе, которое намъ и безъ того пришлось бы принять, еслибы мы не рискнули наступать. А въ случаѣ удачи—конецъ войнѣ!

Морозы и снѣга, пріостановившіе переходъ въ наступленіе, задержали и нашъ предположенный переѣздъ въ Сельви на неопредѣленное время. Всѣ, начиная съ Великаго Князя, мечтають поскорѣе выбраться отсюда. У насъ въ кибиткѣ становится довольно скверно. И не столь непріятенъ холодъ, сколько необходимость сидѣть цѣлый день при свѣчахъ. Уже съ 3-го декабря нельзя открывать тюндюкъ (отверстіе въ вершинѣ кибитки). Выходя на воздухъ, надо зажмуривать глаза, чтобы свѣтъ и свѣгъ не ослѣпляли. Снѣгу навалило такую пропасть, что идешь почти по поясъ между снѣжными валами, гдѣ прочищено; а гдѣ нѣтъ—утопаешь въ снѣгу.

Сегодня окончилъ составленіе перваго всеподданнѣйшаго отчета Государю (въ его присутствіи отчетовъ не составлялось) и вечеромъ читалъ его Великому Князю въ присутствіи Непокойчицкаго. Оба остались чрезвычайно довольны. Великій Князь сказалъ: „Отлично написано. Ты мнѣ дѣлаешь громадное облегченіе, я прежде писалъ эти письма самъ, а Михаилъ Николаевичъ и теперь ихъ пишетъ самъ, собственноручно. Ну, да ему хорошо писать въ Тифлисѣ, а я здѣсь такъ забну, что и перо едва въ рукахъ держу. Большое тебѣ спасибо“.

Непокойчицкій пригласилъ меня переписывать отчетъ набѣло у него въ хатѣ, такъ какъ у насъ въ кибиткѣ черезчуръ холодно. Дѣйствительно, выше 4⁰ тепла не бываетъ, а вечеромъ, ночью и рано утромъ—ниже 0 и до 3⁰ мороза.

Я сегодня же воспользовался этимъ приглашеніемъ и послѣ чая съ закускою у Великаго Князя пошелъ къ Непокойчицкому и началъ переписывать отчетъ, чѣмъ и занимался до 12 часовъ ночи.

Пока сидѣлъ у Великаго Князя, была получена телеграмма Государя отъ 4 час. 50 мин. сегодняшняго дня:

„Дай Богъ, чтобы погода позволила, наконецъ, продолжать движеніе. Радуюсь первымъ успѣхамъ сербовъ. Твоихъ нашель здоровыми“.

Государю сегодня было донесено:

„Съ 5-го декабря все тихо и столкновений съ непріателемъ нигдѣ не было. Вездѣ глубокій свѣгъ, морозъ, на Дунаѣ у Зимницы показался ледъ. Дороги труднопроходимы, особенно въ горахъ. На восточномъ фронтѣ замѣчено, что турки вездѣ отступили на правый берегъ Лома: въ оставшихся лагеряхъ замѣтно лишь весьма небольшое движеніе. Цесаревичъ сообщалъ, что составляетъ соображеніе для движенія впередъ вслѣдъ за турками“.

12 декабря. — Дмитровскій имѣлъ продолжительную аудіенцію у Великаго Князя, который, конечно, остался непреклоненъ и отдалъ ему положительное приказаніе: немедленно приступить къ расчисткѣ обходныхъ путей и вообще ко всѣмъ подготовительнымъ распоряженіямъ для наступленія, которое должно быть начато около 20-го декабря:

Дмитровскій, упорно отставивъ взглядъ своего корпуснаго командира, настойчиво доказывалъ Великому Князю необходимость обождать, пока Гурко не совершитъ переходъ черезъ Балканы и не выйдетъ въ тылъ Шипгѣ. Указывалъ на крайнюю рискованность наступленія, на трудность обходнаго движенія по горнымъ тропинкамъ, заваленнымъ снѣгомъ. Великій Князь стоялъ на своемъ. Возражая противъ доказательствъ трудности обходнаго движенія, онъ между прочимъ сослался на отзывъ генеральнаго штаба полковника Соболева (правитель канцеляріи князя Черкаскаго по гражданскому управленію), что онъ самъ ѣздилъ по лѣвому обходному пути и удостовѣряетъ, что это путь широкій и вовсе не трудный. Дмитровскій напомнилъ Великому Князю, что Соболевъ ѣздилъ тамъ лѣтомъ и безъ непріятеля, а теперь зима и всѣ пути или преграждены, или наблюдаются турками. Великій Князь отвѣтилъ, что, по словамъ Соболева, онъ и теперь беретъся проѣхать. Дмитровскій разсердился. „Если Соболевъ это говорить, такъ пускай онъ это и докажетъ. Пришлите его къ намъ, ваше высочество: пусть онъ ведетъ колонну по этой дорогѣ“. Великій Князь согласился и приказалъ Соболеву собираться ѣхать на Шипку въ распоряженіе Радецкаго.

Дмитровскій тоже возвращается на Шипку, или сегодня же, или завтра утромъ.

Прелестная черта характера Великаго Князя: никогда не сердится и не обижается, когда ему возражаютъ. Дмитровскій, прямой, честный и чуждый всякой дипломатіи человекъ, отстаивалъ свои убѣжденія и спорилъ рѣзко, иногда даже грубо. Великій Князь нисколько не сердился, несмотря на то, что оспаривалась его завѣтная, прочно въ немъ засѣвшая, мысль. Рѣдко съ какимъ начальникомъ, даже изъ простыхъ смертныхъ, можно говорить такъ прямо, просто и откровенно, какъ съ нимъ.

Отъ князя Карла изъ Турну-Магурели получена телеграмма, что 10-го декабря занята румынами безъ боя Арчеръ-Паланка, очищенная турками. Отъ князя Милана сербскаго—что Тимоксій отрядъ занялъ безъ боя Адліе, а моравскій отрядъ—Мраморъ. Турки отступили.

Государю сегодня донесено:

„Въ отрядъ Цесаревича 11-го декабря были перестрѣли съ турками у нашихъ развѣздовъ, ходившихъ къ Нисовой и Соленику, которые оказались занятыми непріятелемъ, хотя и гораздо слабѣе прежняго. У Батинскаго моста показался мелкій ледъ. У Браилова ледоходъ начался такъ неожиданно и сильно, что мостъ былъ сорванъ и 21 плотъ снесло на три версты. Пароходъ нашъ засѣлъ во льду и не могъ подойти къ мосту до прекращенія ледохода. Великій князь Алексѣй доноситъ при этомъ, что сообщеніе у Браилова не можетъ быть въ настоящую минуту восстановлено.

„11-го декабря, при ясной погодѣ, турки сильно бомбардировали фортъ св. Николая на Шипкѣ, но наши потерпѣли лишь ничтожныя потери. Сегодня на Шипкѣ опять мятель при сильномъ морозѣ.

„Сербы окружили Нишъ и, будучи атакованы къ сѣверу отъ него турками, отбили атаку. Турки оставили на мѣстѣ 70 тѣлъ“.

Съ тѣхъ поръ, какъ Государь уѣхалъ, у Великаго Князя упразднены завтраки и обѣдаемъ гораздо раньше, между 2—3 часами. По вечерамъ Великій Князь развлекается тѣмъ, что устраиваетъ въ своей кибиткѣ, на походной складной плитѣ, домашнюю стряпню къ ужину. Въ этомъ развлеченіи главная роль принадлежитъ Скобелеву-отцу, великому человѣку на малыя дѣла: недаромъ ему дано мѣткое прозвище: „сынъ знаменитаго отца и отецъ знаменитаго сына“. Это прозвище, такъ сказать, Высочайше утвержденнаго образца: самъ Государь призналъ его необыкновенную мѣткость и много смѣялся, когда услышалъ его въ первый разъ.

Скобелевъ-отецъ сегодня великолѣпно приготовилъ варенаго судака къ ужину.

Сегодня Великій Князь получилъ изъ Москвы письмо, которое вечеромъ было прочитано мною вслухъ и очень всѣхъ насмѣшило. Привожу его съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

„Его Императорскому Высочеству Великому Князю Главнокомандующему Николаю Николаевичу.

Письмо.

„Отъ прикащика банъ В Москве у болшова каменава Моста Крестянина Андрея Ивлива Сослужащими.

Милый И низабвенной Нашъ батюшка благодетиль Николай Николаевичъ Мы Сечаясь получили Отъ вашей Милости чресъ Московскихъ ведомостей редактора Каткова Телеграму О взятіи Плевны и Асмана Пашы. Мы Срадостію Прочитали На томъ

мѣсти гдѣ Милостию божью имели щастія васъ Встречать 1875 года 12 Сентября Въ 10-ть часовъ Вечира На томъ Самомъ Подъезди Наружы Собнаженными головами И прочитавшы Кричали Отрадости какъ Я И сомной все Служащии даже И женщины ура.

„Втакомъ Случаи Спишимъ Поздравить Ваше Инпираторское Высочество Николай Николаевичъ Съ блистателной Победой А то унасъ Обвашемъ здаровьи было Сомнительно. Но Теперичя Слава Господу богу Наша Ожыдания Оправдались. Молимъ Мы Объ васъ ивашыхъ Подвижникахъ Господа бога чтоба Онъ вамъ послалъ быть Здаровымъ И нивридимымъ И покорать Врага Какъ Госпотъ Послалъ С. Вел: Мучинику И победоносцу Георгию Покорать Змея Подногами Такъ жа И вамъ Пошли Господи одержать Победы И Возвратитца Здаровымъ И нивридимымъ Внашу Матушку Москву. А мы Все помолимся Московскимъ Угодникамъ. Ваше Инпираторское Высочество Извинитя насъ Что Мы Осмелились вамъ Написать Писмо Мы очинь рады и нивнаемъ какъ васъ благодарить Приподаимъ къ вашимъ стапамъ Преданныя Ваши Служытели И прикащикъ Каменовскихъ банъ крестьянинъ Андрей Ивливъ“.

Великій Князь приказалъ мнѣ составить отвѣтную телеграмму, которая и была немедленно отправлена. Вотъ она:

„Москва. Бани у большого каменнаго моста. Крестьянину Андрею Іевлеву со служащими.

„Спасибо тебѣ и твоимъ товарищамъ за поздравительное письмо и за добрыя ваши пожеланія. Помолитесь святымъ московскимъ угодникамъ, чтобы Богъ помогъ намъ довести святое дѣло до конца.—Николай“.

Отчетъ я переписалъ, но Великій Князь не захотѣлъ подписывать его сегодня, а велѣлъ дать къ подписи завтра вечеромъ, ибо курьеръ поѣдетъ только 14-го утромъ. И дѣйстви-тельно: за цѣлыя сутки можетъ явиться необходимость что-нибудь и прибавить.

13 декабря.—Сегодня Государю донесено:

„Князь Рейссъ телеграфируетъ черезъ Берлинъ, что въ Константинополь привезены и водворены въ Сераскеріатѣ наши плѣнные офицеры: сѣвскаго полка штабсъ-капитанъ Сучковъ; орловскаго полка: командиръ полковникъ Клевезаль, штабсъ-капитаны Домбровскій и Розовъ, подпоручики Сотскій и Ласкевичъ. Всѣ ранены: состояніе здоровья удовлетворительно.

„Румыны заняли 10-го декабря Арцеръ-Паланку, которую турки очистили безъ боя, и начали укрѣплять ее.

„9-й корпусъ прибылъ по назначенію 11-го декабря.

„На восточномъ фронтѣ дивизіонъ чугуевскихъ уланъ съ 2 орудіями, посланный на развѣдку, встрѣтилъ у Сиды турецкій транспортъ, захватилъ 100 лошадей, 400 быковъ и 600 барановъ, изрубилъ 26 чел., взялъ въ плѣнъ 18, а остальное прикрытіе преслѣдовалъ почти до Аяслара. 2 улана ранены, 1 офицеръ и 2 улана контужены.

„Развѣдками обнаружено, что Иванъ-Чифликъ занятъ лишь небольшимъ отрядомъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и взвода кавалеріи. Въ Соленикскомъ лагерѣ неприятельскихъ войскъ также немного. По дорогѣ на Османбазаръ турки занимаютъ небольшими отрядами Чабанъ, Куруджеренъ и Джумалу.

„Въ прочихъ мѣстахъ новаго ничего нѣтъ. Морозы продолжаютъ: рукава Дуная у Журжевскаго берега замерзли. Въ Орханійской долинѣ морозъ дошелъ вчера до 18⁰, а въ горахъ больше 20⁰. Плѣнные, которые уже всѣ отсюда отправлены, массами умираютъ по дорогѣ отъ холода. Помочь столь бѣдственному положенію ихъ не могу: морозы наступили внезапно и захватили плѣнныхъ уже въ слѣдованіи. По точному счету, численность взятой въ плѣнъ арміи Османа оказалась 44.000, не считая убитыхъ и умершихъ отъ ранъ въ день боя 28-го ноября. Теперь еще осталось въ Плевнѣ 3.600 раненыхъ и больныхъ турокъ на нашемъ попеченіи“.

Отъ Государя вечеромъ полученъ слѣдующій отвѣтъ изъ Петербурга, отъ 2 ч. 50 м. пополудни:

„Крайне сожалѣю о продолжающихся морозахъ и мятежахъ, мѣшающихъ движенію войскъ. Съ сегодняшнимъ курьеромъ не имѣлъ возможности тебѣ написать: онъ везетъ тебѣ, Самѣ и Владиміру письма императора Вильгельма съ крестами „*pour le mérite*“. Вчерашняя церемонія удалась вполне. Въмѣсто умершаго Леонова ¹⁾ полагалъ бы назначить Ежена ²⁾. Завтра, если погода позволитъ, полагаю сдѣлать смотръ всѣмъ войскамъ передъ колонною“ (Александровскою).

Сегодня вечеромъ Великій Князь подписалъ 1-й отчетъ Государю; завтра утромъ отправится курьеръ. Привожу отчетъ дословно, по сохранившейся у меня одной черновой ³⁾.

¹⁾ Командиръ 2-й бригады 2-й гвард. кав. дивизіи.

²⁾ Т.-е. князя Евгенія Максимиліановича Романовскаго. Предположеніе это не состоялось по невѣстной мнѣ причинѣ: Князь остался состоять въ распоряженіи е. и. в. главнокомандующаго.

³⁾ Всѣ остальные отчеты, мною составленные и собственноручно переписанные, будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ ниже: черновія этихъ отчетовъ въ дѣла не по-

Его Императорскому Величеству

Главнoкомандующаго дѣйствующею арміею — рапортъ.

„Въ письмѣ моемъ вашему величеству отъ 7-го сего декабря ¹⁾ я уже представилъ общій очеркъ всѣхъ тѣхъ распоряженій, которыя сдѣланы мною для исполненія утвержденного Вашимъ Величествомъ плана дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Въ настоящемъ рапортѣ я имѣю въ виду представить Вашему Величеству общій систематическій сводъ всего, что произошло со дня паденія Плевны по 10-е декабря включительно.

„Съ расформированіемъ плевненскаго отряда обложенія и съ образованіемъ восточнаго, центрального и западнаго отрядовъ и общаго резерва арміи—потребовалось совершить значительныя передвиженія войскъ.

„28-го ноября пала Плевна, съ Османомъ-пашей и его арміей. 1-го декабря отрядъ обложенія былъ уже расформированъ и въ тотъ же день 4-й корпусъ, назначенный на усиленіе рущукскаго отряда, переименованнаго въ восточный, — былъ двинутъ на присоединеніе къ нему двумя колоннами: правая, изъ войскъ 30 пѣхотной дивизіи съ 9-мъ гусарскимъ кіевскимъ полкомъ—на Тырновъ; лѣвая, въ составѣ 2-й пѣхотной дивизіи (включенной въ составъ 4-го корпуса вмѣсто 16-й пѣх. дивизіи, получившей особое назначеніе), съ 9 драгунскимъ казанскимъ полкомъ и донскою № 2 батареею—на Косово. Обѣ колонны прибыли къ 9 декабря и расположились: правая—въ Тырновѣ, гдѣ останется впредь до особаго распоряженія; лѣвая—въ Дольнемъ-монастырѣ, Гельбунарѣ и Бешбунарѣ. Штабъ корпуса—при 30-й пѣхотной дивизіи.

„Такимъ образомъ, прежде всего былъ усиленъ нашъ восточный отрядъ въ томъ вниманіи, что противъ него стоитъ наименѣе разстроенная турецкая армія Сулеймана-паши.

„Почти въ то же время были двинуты и войска, назначенныя на усиленіе западнаго отряда. Но такъ какъ съ этимъ отрядомъ существуетъ только одно хорошее сообщеніе—Софійское шоссе, то войска, посланныя на подкрѣпленіе генераль-адъютанту Гурко, поневолѣ пришлось двинуть въ одной колоннѣ, вслѣдствіе чего, конечно, подкрѣпленія не могутъ подойти къ нему такъ скоро, какъ это было бы желательно. 3-я гвард. пѣх. дивизія выступила изъ-подъ Плевны 2-го и прибыла 7-го декабря ко Врачешу; 9-й же корпусъ, или, точнѣе, 31-я пѣхотная

падали, а сохранились у меня, ибо писаны наскоро, сокращенными полусловами и кромѣ меня самого—никто этихъ черновыхъ и разобрать не можетъ.

¹⁾ Письмо это было собственноручное, и я его содержанія не знаю.

дивизіи, 1-я бригада 5-й пѣх. дивизіи и донской № 34 полкъ выступили 4-го и 5-го декабря и должны были прибыть къ Орханіи 9-го и 10-го декабря. Что касается до 2-й бригады 5-й пѣх. дивизіи, то она образуетъ особый отрядъ, который 11-го сосредоточится во Врацѣ и будетъ служить для обезпеченія праваго фланга отряда генераль-адъютанта Гурко, находясь, конечно, въ полномъ его распоряженіи.

„Такимъ образомъ, къ 12-му декабря къ генераль-адъютанту Гурко подойдутъ всѣ назначенныя въ его распоряженіе подкрѣпленія, и тогда западный отрядъ можетъ перейти въ наступленіе. Но, какъ доносить генераль-адъютантъ Гурко, онъ едва ли будетъ въ состояніи начать рѣшительныя дѣйствія ранѣе 13-го или 14-го декабря, ибо глубокой снѣгъ, завалившій всѣ дороги, морозъ и гололедица представляютъ огромныя препятствія.

„Могу лишь сказать, что генераль-адъютантъ Гурко принимаетъ самыя энергическія мѣры для ускоренія возможности наступленія, такъ какъ положеніе его войскъ, занимающихъ позиціи въ горахъ—почти невыносимо. Только половина его войскъ расположена въ резервѣ по квартирамъ: другая половина bivакируетъ въ горахъ, на морозѣ, по колѣна въ снѣгу. Если температура смягчается, то морозъ смѣняется пронизывающею сыростью, дождями и такими сильными туманами, что въ пяти шагахъ ничего не видно. Счастье еще, что при такихъ условіяхъ болѣзненность меньше, чѣмъ можно было бы опасаться: среднимъ числомъ заболѣваетъ около 50 чел. въ каждомъ полку, изъ числа стоящихъ на позиціяхъ. Только въ псковскомъ пѣхотномъ полку въ теченіе двухъ дней (6-го и 7-го декабря) заболѣло 340 чел. Въ полкахъ, расположенныхъ по квартирамъ, болѣзненность значительно менѣе.

„Въ настоящее время, какъ извѣстно Вашему Величеству, въ составѣ западнаго отряда находятся части войскъ 3-й пѣх. дивизіи, притянутыя изъ Ловчи и Трояна. Эти войска, по прибытіи подкрѣпленій, должны быть стянуты къ лѣвому флангу отряда, съ тѣмъ, чтобы по первому востребованію можно было бы направить ихъ, вмѣстѣ съ кавказскою казачьею и сводною донскою (21 и 26 полки) бригадами,—на Златицу, Карлово и далѣе на Казанлыкъ. Тогда и остальные части 3-й пѣх. дивизіи будутъ спущены съ горъ и мало-по-малу вся дивизія соберется на походъ и подойдетъ къ Казанлыку уже въ полномъ составѣ. Само собою разумѣется, что этотъ маршъ будетъ согласованъ съ наступленіемъ изъ центра, отъ Габрова, такъ чтобы 3-я пѣх. дивизія примкнула къ нашимъ войскамъ, которыя будутъ спускаться съ Шипки.

Кавалерійскій отрядъ генераль-маіора Арнольди остался въ прежнемъ составѣ: 4-й уланскій харьковскій и 4-й гусарскій мариупольскій полки, 8-я конная батарея и румынская бригада Рошіоровъ съ конною батареею. Назначеніе его осталось прежнее: держать связь между румынскими войсками, занимающими Рахово и Ломъ-Паланку и западнымъ отрядомъ, наблюдая дорогу на Берковацъ. Очищеніе этого важнаго пункта турками и занятіе его нашими войсками много облегчило задачу этого отряда. Теперь, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій сербами, я приказалъ генераль-маіору Арнольди войти немедленно съ ними въ связь и постоянно поддерживать ее.

„Румынскія войска, какъ извѣстно вашему величеству, получили по взятіи Плевны разныя второстепенныя назначенія. 1-я, 2-я и 3-я дивизіи назначены для операцій противъ Агъ-Паланки, а 4-я дивизія—для конвоированія плѣнныхъ турокъ, съ тѣмъ, чтобы по сдачѣ ихъ въ вѣдѣніе генераль-адъютанта Дрентельна смѣнять наши войска, занимающія нынѣ Каларашъ, Ольтеницу и Журжево. Эти послѣднія, освободившись, будутъ направлены на присоединеніе къ своимъ частямъ, а именно:

„Изъ Калараша: 96-й пѣх. омскій полкъ съ двумя батареями—на Шипку; 1-й гусарскій сумскій полкъ съ 1-ю конною батареею—въ общій резервъ арміи, туда, гдѣ онъ въ тому времени будетъ расположенъ.

„Донской № 40 полкъ останется въ Каларашѣ.

„Изъ Ольтеницы и Журжева: 2-я бригада 32-й пѣх. дивизіи съ двумя батареями и 2-я бригада 11-й кавалер. дивизіи—въ составъ своего 11-го корпуса.

„Князь Карлъ предполагаетъ поставить на смѣну этимъ войскамъ 4 баталіона съ 2-мя батареями въ Журжевъ, столько же въ Каларашѣ и одинъ баталіонъ съ батареею въ Ольтеницѣ; три полка каларашей по берегу Дуная отъ Журжева до Калараша. Я нахожу, однако, это число войскъ недостаточнымъ, какъ по числу частей, такъ и по слабости ихъ состава, въ особенности въ виду возможности замерзанія Дуная. Поэтому я намѣренъ предложить князю Карлу усилить журжевскій отрядъ еще 4-мя баталіонами.

„Въ распоряженіе румынскихъ военныхъ властей передана также крѣпость Никополь, причемъ, однако, тамъ оставлены нашъ этапный начальникъ и наше гражданское управленіе. Послѣднее вводится также и въ Раховѣ, Ломъ-Паланкѣ, Врацѣ и прочихъ вновь занятыхъ пунктахъ виддинскаго пашалыка.

„Въ Плевнѣ учреждено также наше военно-этапное и гражданское управление: гарнизонъ города составитъ одинъ резервный баталіонъ, который я приказалъ туда направить. Этапная линія, шедшая прежде отъ Карагача-болгарскаго въ Дольному Дубняку черезъ Порадимъ, Боготъ, Ральево и Медованъ—теперь сокращена и идетъ прямо на Плевну, минуя послѣдніе четыре пункты. Отъ Дольнаго Дубняка она устраивается черезъ Телишъ, Горный Лузовецъ, Блажницу, Яблоницу и Осиково до Орханія включительно.

„Я не сказалъ ничего о времени, когда румынскія войска смѣнятъ наши на лѣвомъ берегу Дуная. Опредѣлить это пока еще нельзя, такъ какъ на смѣну назначена та румынская дивизія, которая вонвоируетъ плѣнныхъ.

Когда будетъ окончено это хлопотливое дѣло—совсѣмъ невозможно сказать, ибо оно находится въ полной зависимости отъ состоянія погоды и дорогъ. Отсюда плѣнные уже всѣ отправлены: первую выступила партія (9.000 чел., при 2-хъ пашахъ, 25 штабъ-и 200 оберъ-офицерахъ) тѣхъ плѣнныхъ, которые были выдѣлены мною для румынской арміи. Затѣмъ ежедневно выступало по 3.000 чел. съ соотвѣтствующимъ числомъ офицеровъ и слѣдуетъ черезъ Бресляницу, Никополь, Турну, Пятру, Александрію и Фратешти на Бухарестъ, откуда плѣнные уже отправляются далѣе по желѣзной дорогѣ, по распоряженію генералъ-адъютанта Дрентельна. Но слѣдованіе плѣнныхъ по этому маршруту страшно замедляется морозомъ и снѣжными завалами на дорогахъ. Непривычные въ суровому климату и истощенные недостаточнымъ продовольствіемъ и усиленными трудами во время обложенія, турки заболѣваютъ, замерзаютъ и умираютъ массами по пути; а тѣ, которые здоровы, едва двигаются. Приходится давать имъ частые отдыхи и дневки противъ маршрута, вслѣдствіе чего задерживаются и позади идущія партіи. Но это мало спасаетъ несчастныхъ турокъ отъ гибели. Мы нашли возможность, несмотря на множество затрудненій, съ самаго начала кормить всю массу плѣнныхъ и призрѣть брошенныхъ на произволъ судьбы и найденныхъ нами въ Плевнѣ раненыхъ и больныхъ: но размѣстить ихъ всѣхъ не было никакой возможности. Пришлось оставить ихъ на бивакѣ. Между тѣмъ вдругъ наступили холода, выпалъ глубокой снѣгъ, и эти несчастные, и прежде дрожавшіе отъ холоду въ своихъ лохмотьяхъ, босые, начали умирать массами. Тѣ, которые съ наступленіемъ морозовъ еще не были отправлены, были кое-какъ помѣщены вмѣстѣ съ нашими солдатами въ землянкахъ гренадерскаго корпуса; но тѣ,

которыхъ морозъ захватилъ въ пути—сильно пострадали. Я безуспѣшенъ противъ этого и могу лишь пожалѣть, что Османъ-паша не внялъ въ свое время моему предложенію капитулировать, которое я сдѣлалъ ему единственно въ видахъ челоуѣколюбія.

Численность пѣхотной Плевненской арміи оказалась не въ 40.000, какъ было опредѣлено первоначально, а въ 44.000 слишкомъ. Число орудій и знаменъ до сихъ поръ еще не приведено въ извѣстность окончательно, такъ какъ большая часть орудій была закопана, а знамена или спрятаны, или сожжены. До сихъ поръ найдено 88 орудій, а знаменъ, кромѣ тѣхъ двухъ, о которыхъ Вашему Величеству уже извѣстно (одно, зеленое, взято рядовымъ астраханскаго гренадерскаго полка Ждановымъ съ бою; другое, красное, взято въ обозѣ адъютантомъ командира 4-го корпуса, Пинкорнолли),—найдено 2 зеленыхъ, 3 красныхъ и сверхъ того 2 значка. Знамена эти при семъ повергаются къ стопамъ Вашего Величества.

„Обращаюсь теперь къ *центральному отряду*, ядро котораго составляетъ 8-й корпусъ, 4-я стрѣлковая бригада, болгарское ополченіе и первые три полка 24-й пѣхотной дивизіи. Всѣ эти войска уже сосредоточены на Шипкѣ и въ Габровѣ. Только елецкій полкъ съ двумя батареями (пѣшею и горною) попрежнему занимаетъ Хаянкійскій перевалъ.

„Эти силы я признаю недостаточными для того, чтобы сбросить турокъ съ горныхъ позицій, занимаемыхъ ими вѣрвугъ Шипки. Между тѣмъ необходимо сдѣлать это возможно скорѣе, такъ какъ положеніе войскъ, занимающихъ Шипку, крайне тяжелое. Морозъ, мятели, свѣгъ выше колѣнъ; рѣзкіе вѣтры, препятствующіе разводитъ костры, чтобы обогрѣться; однимъ словомъ, трудно представить себѣ все то, что уже вынесъ и продолжаетъ выносить Шипкинскій отрядъ. Достаточно вспомнить, что еще въ началѣ сентября мѣстные жители считали невозможнымъ, чтобы наши войска могли остаться на Шипкѣ даже осенью. Между тѣмъ не только прошла осень, но и наступила зима, а генералъ-лейтенантъ Радецкій попрежнему стоитъ на своемъ посту, столь прославленномъ предыдущей геройскою обороною. Но эта стойкость и обходится намъ очень дорого: уменьшенія боуѣзвенности нельзя достигъ никакими мѣрами. Особенно велика убыль въ полкахъ 24-й пѣхотной дивизіи, гдѣ болѣе $\frac{1}{3}$ всего состава людей постоянно находится въ лазаретахъ. Только спускъ на южную сторону Балканъ можетъ приостановитъ дальнѣйшее таяніе отряда.

„Я сдѣлалъ все, что могъ для *подготовки* перехода въ на-

ступленіе. Но при всемъ моемъ желаніи его ускорить, не могу даже приблизительно сказать, когда онъ состоится. Все зависитъ отъ погоды и состоянія дорогъ. Генераль-лейтенантъ Радецкій рѣшительно заявляетъ, что теперь всѣ пути черезъ Балканы такъ завалены снѣгомъ, что движеніе по нимъ немислимо. Одно, что при этихъ обстоятельствахъ я могу сдѣлать, это сосредоточить войска такимъ образомъ, чтобы можно было двинуться впередъ немедленно, какъ только состояніе дорогъ позволитъ. Съ этою цѣлью я уже двинулъ въ Сельви особый, нарочно для этого сформированный мною отрядъ генераль-лейтенанта Скобелева 2, состоящій изъ 16-й пѣхотной дивизіи, 3-й стрѣлковой бригады, 4-го сапернаго баталіона и донского № 9 полка: всего 17 баталіоновъ, 6 сотенъ и 48 орудій (при этомъ одна 4-хъ фунт. батарея 16-й арт. бригады замѣнена скорострѣльною батареею). Отрядъ этотъ выступилъ изъ-подъ Шлевны 9 и 10 декабря и долженъ прибыть въ Сельви 13 и 14 декабря. Тамъ онъ будетъ ожидать моихъ приказаній насчетъ дальнѣйшаго движенія, уже за Балканы.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, для того, чтобы по возможности сократить число войскъ восточнаго отряда, охраняющихъ нашу коммуникаціонную линію, и увеличить число войскъ, которое я хочу двинуть за Балканы, я приказалъ обратить Тырновъ въ обширный укрѣпленный лагерь, для защиты котораго можно было бы обойтись двумя пѣхотными дивизіями. Этотъ самъ по себѣ весьма важный пунктъ имѣетъ теперь еще особое значеніе, какъ обширный складъ всякаго рода запасовъ, ибо тамъ, а также въ Габровѣ, Сельви и Ловчѣ собирается, по заблаговременному моему распоряженію, 20-дневный запасъ для 11-ти пѣхотныхъ и 4-хъ кавалерійскихъ дивизій. Прочное укрѣпленіе Тырнова дастъ мнѣ возможность обойтись меньшимъ числомъ войскъ для охраненія коммуникаціонной линіи. Но и помимо этого, я думаю, что если подтвердятся приходящія ко мнѣ съ разныхъ сторонъ извѣстія о томъ, что армія Сулеймана отступаетъ за Балканы, оставляя въ четырехугольникѣ крѣпостей лишь одни гарнизоны—то можно будетъ тронуть, вслѣдъ за непріателемъ, большую часть восточнаго отряда, оставивъ лишь необходимое число войскъ для наблюденія за крѣпостями.

„Я бы и теперь уже сдѣлалъ это, въ виду полного согласія идущихъ со всевозможныхъ сторонъ показаній насчетъ того, что турки переносятъ свою оборону за Балканы и поставили себѣ теперь главную цѣлью—затруднить наше дебушированіе въ Румелію и прикрыть Адрианополь. Но, во-первыхъ, я ожидаю

еще, что скажетъ по этому поводу его императорское высочество начальникъ восточнаго отряда, мнѣніе котораго я запросилъ; а во-вторыхъ, морозъ и непроходимость дорогъ связываютъ мнѣ руки. Я принужденъ самъ попрежнему оставаться въ Боготѣ, такъ какъ не вижу цѣли куда-либо переѣзжать прежде, чѣмъ откроется возможность движенія впередъ черезъ горы, такъ какъ всякое мое передвиженіе обнаружитъ мои намѣренія. Общій резервъ пока тоже здѣсь. Гренадерскій корпусъ вѣрнѣе Дольнаго Дубняка, а кавалерію (1-й драгунскій, 1-й и 9-й уланскіе и донской № 7 полкъ съ 7-ю конною батареею), въ видахъ облегченія довольствія лошадей, я приказалъ размѣстить по квартирамъ между Ловчею, Трояномъ и Турскимъ Изворомъ. Донской № 4 полкъ содержитъ пока летучую почту между главною квартирою и отрядами: генераль-адъютанта Гурко и генераль-маіора Арнольди.

„Въ общемъ, положеніе мое можетъ быть резюмировано слѣдующимъ образомъ: стратегическое положеніе, съ паденіемъ Плевны, даетъ мнѣ полный перевѣсъ въ силахъ надъ непріателемъ, но наступившая въ то же время строгая и сибѣжная зима съ мятелями отняла у меня всякую возможность этимъ воспользоваться. Теперь я нахожусь опять въ полной зависимости отъ стихійныхъ силъ, какъ это было уже въ промежутокъ времени между 12 апрѣля и началомъ іюня, но съ тою лишь разницею, что тогда неблагоприятныя вліянія природы только парализовали мои дѣйствія, а теперь они, сверхъ того, вредно вліяютъ на здоровье арміи. Къ этому нужно еще прибавить, что, кромѣ увеличенія болѣзненности, затрудненій въ подвозѣ и невозможности движенія черезъ горы безъ колоссальныхъ работъ (которыя уже производятся) по прокладкѣ путей, предстоитъ еще одно грозное затрудненіе: ранній ледоходъ на Дунаѣ, который сдѣлаетъ наши сообщенія съ Румыніей весьма хрупкими и ненадежными.

„Выводъ изъ настоящаго положенія тотъ, что мнѣ едва ли удастся помѣшать весьма вѣроятному сосредоточенію турецкихъ войскъ за Балканами и спуститься съ горъ прежде, чѣмъ они успѣютъ собраться и устроиться на южномъ ихъ склонѣ. Для непріятеля снѣжные завалы въ горныхъ проходахъ не имѣютъ такого значенія, какъ для насъ, ибо онъ можетъ совершенно спокойно расчищать себѣ пути на Сливно и Котель, вполне ему принадлежащіе. Мы же можемъ воспользоваться лишь обходными проселками и тропинками, такъ какъ главные выходы изъ Балканъ (Твардица, Хаинкіой, Шипка, Златица, Арабъ-Конакъ) вездѣ заперты непріателемъ.

„Будемъ надѣяться, что съ помощью Божіей намъ удастся преодолѣть и всѣ эти затрудненія, какъ удалось уже, благодаря несравненному мужеству и терпѣнію славной арміи вашего величества, преодолѣть массу другихъ затрудненій.

„Въ заключеніе представляю Вашему Величеству общій перечень военныхъ дѣйствій, съ 28 ноября по 10 декабря включительно.

1) *Въ восточномъ отрядѣ.* 29 ноября, въ 4 часа пополудни, турки начали переправляться большими силами черезъ р. Ломъ у дер. Красной и къ вечеру уже переправили болѣе 30 таборовъ, а 30 ноября утромъ атаковали нашъ 12-й корпусъ болѣе, чѣмъ 60-ю таборами. Общій ходъ боя, окончившагося блистательнымъ отраженіемъ турецкой атаки, а также наши потери въ этомъ бою уже извѣстны вашему величеству. Подробную реляцію я представляю немедленно по полученіи отъ его императорскаго высочества начальника восточнаго отряда.

„Послѣ этого на всемъ восточномъ фронтѣ нашемъ наступило полное затишье и, кромѣ ничтожныхъ и непродолжительныхъ аванпостныхъ перестрѣлокъ, никакихъ дѣйствій не было. Развѣдами обнаружено, что турки оставили свои передовыя позиціи на среднемъ теченіи Лома, смѣнили свои войска, во многихъ пунктахъ, вооруженными жителями и—по показаніямъ болгаръ—стативаются въ Балванамъ. То же самое замѣчено и передовыми отрядами 11-го корпуса. Первымъ признакомъ было поспѣшное очищеніе турками Елены 2-го декабря, причѣмъ они даже бросали запасы галетъ и оставили телеграфную линію между Еленою и Бебровымъ. Передовыя войска наши немедленно двинулись вслѣдъ за неприятелемъ и, занявъ 3 декабря позиціи впереди Елены и Златарицы, выдвинули авангарды къ Беброву, Буйновцу и Бѣщи-Малѣ. Пожаръ въ Еленѣ, которая была зажжена неприятелемъ, войска наши успѣли потушить: сгорѣло только 40 домовъ. Но зато Беброво найдено совершенно разореннымъ: турки буквально не оставили камня на камнѣ въ этомъ несчастномъ мѣстечкѣ. Преслѣдованіе турокъ продолжалось только до Ахмедли, которое и понинѣ занято неприятельскимъ отрядомъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія. Командующій 11-мъ корпусомъ приказалъ ограничиться однимъ лишь наблюденіемъ за этимъ отрядомъ, такъ какъ выбивать его оттуда безцѣльно. Во время преслѣдованія мы потеряли 12 чел., въ томъ числѣ тяжело раненъ нарвскаго гусарскаго полка поручикъ Апушкинъ.

„Такимъ образомъ, несчастное Еленинское дѣло 22-го ноября не имѣло никакихъ послѣдствій. Туркамъ, впрочемъ, трудно было бы развить пріобрѣтенный ими частный успѣхъ, такъ какъ немедленно по полученіи извѣстія о дѣлѣ 22-го ноября, были сдѣланы всѣ распоряженія для того, чтобы преградить имъ дальнѣйшій путь на Тырновъ. И дѣйствительно, благодаря обдуманному расположенію войскъ, черезъ два дня послѣ дѣла, у Яковцевъ и Златарицы было уже сосредоточено 31 баталіонъ и 12 эскадроновъ: два полка 9-й пѣхотной дивизіи, три полка 11-й пѣхотной дивизіи, вся 26-я пѣхотная дивизія, 4-я стрѣльцовая бригада, 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи и драгунскій военнаго ордена полкъ. Кромѣ того, вся 1-я пѣхотная дивизія была собрана въ Чаирѣиоѣ и Копривацѣ, въ полной готовности: или идти къ Тырнову, или ударить черезъ Кесарево во флангъ туркамъ, еслибы они вздумали продолжать наступленіе.

„Тѣмъ не менѣе, Еленинское дѣло составляетъ весьма прискорбный эпизодъ. Не говоря уже о понесенныхъ нами большихъ потеряхъ и о потерѣ 11-ти орудій, дѣло это раздуто Сулейманомъ-пашей въ большое сраженіе и не могло не поднять духъ невѣжественной и фанатической мусульманской массы, влияніе которой въ Константинополѣ такъ чувствительно отражается на настроеніи султана и его правительства. Я еще не могу разъяснить вашему величеству причины, по которымъ дѣло 22-го ноября выпало столь несчастливо для насъ, ибо не имѣю подробной реляціи. Для всесторонняго разъясненія дѣла я приказалъ, чтобы, независимо отъ общей реляціи, мнѣ были представлены подробныя донесенія о дѣйствіяхъ каждой отдѣльной части прямо отъ командировъ этихъ частей. Всѣ эти донесенія я представлю Вашему Величеству съ моимъ заключеніемъ.

„2) *Въ центральномъ отрядѣ*, на Шипкѣ, была 3-го и 4-го декабря ружейная и артиллерійская перестрѣлка, во время которой у насъ ранено 20 нижнихъ чиновъ. Послѣ 4-го декабря на Шипкѣ было все тихо.

„3) *Въ Западномъ отрядѣ*, съ 28-го ноября по 10-е декабря, произошло лишь одно столкновеніе съ непріателемъ, а именно: 30-го ноября турки, получивъ въ Златицѣ подрѣзненія, атаковали отрядъ свиты вашего величества генераль-маіора Брокъ, занимавшій позиціи у дер. Челопецъ и Клиссакиой, на дорогахъ въ Златицу изъ Софіи и Этрополя. Бой продолжался съ утра до сумерекъ и вечеромъ турки утвердились на высотахъ, командующихъ вышеупомянутыми нашими позиціями, вслѣдствіе чего генераль Брокъ приказалъ ихъ очистить. Дальнѣйшихъ подроб-

ностей объ этой стычкѣ еще нѣтъ и послѣ этого никакихъ новыхъ столкновений съ турками не было.

„3-го декабря турецкій отрядъ, занимавшій Берковацъ, послѣ слабыхъ попытокъ пройти въ Кутловацу, повторенныхъ три раза (30-го ноября, 1-го и 2-го декабря) и отраженныхъ одними харьковскими уланами,—совсѣмъ очистилъ Берковацъ, оставивъ тамъ одно орудіе. Этотъ важный пунктъ занятъ нынѣ харьковскимъ уланскимъ полкомъ съ 4 орудіями, а передовые отряды наши проникли уже въ Клиссуру и заняли брошенное турецкое укрѣпленіе впереди нея.

„Сопоставляя время очищенія Берковаца съ паденіемъ Плевны, можно безошибочно заключить, что въ виду послѣдняго событія турки окончательно отказались отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій въ Западной Болгаріи, тѣмъ болѣе, что сербы уже открыли военныя дѣйствія. Какъ они разовьются дальше—связать трудно; но по крайней мѣрѣ начало, о которомъ я уже телеграфировалъ Вашему Величеству, было весьма удачное.—
Николай.—Боготъ, 13-го декабря 1877 года“.

14 декабря.—Ночью Великій Князь получилъ слѣдующую телеграмму Гурко изъ Орханіи отъ 9 часовъ вчерашняго утра:

„Сейчасъ выступаю за Балканы тремя колоннами: одною на гору Умургачъ и Жыляву; другою на Чурьякъ, Потопъ, Елешницу; третьей изъ Этрополя на Бабу-гору и Буново. Надѣюсь утромъ 14-го декабря быть въ долину Софіи и въ Мирковѣ. Да поможетъ намъ Богъ“.

Великій Князь, какъ только всталъ, сейчасъ же прошелъ самъ въ Непокойчицкому и потребовалъ туда же и меня. До самаго обѣда я просидѣлъ тамъ, составляя и шифруя депеши. При этомъ случаѣ узналъ секретъ, который давно чувствовалъ по разнымъ намекамъ и недомолвкамъ въ нѣкоторыхъ прежнихъ депешахъ Государю и Наслѣднику, но только не зналъ, въ чемъ секретъ заключается. Теперь все выяснилось, но мнѣ приказано молчать, ибо никто въ главной квартирѣ, кромѣ Великаго Князя и Непокойчицаго, объ этомъ и не подозреваетъ. Оказывается, что между Государемъ и Великимъ Княземъ, передъ отъѣздомъ Его Величества въ Петербургъ, условлено: если Гурко удастся пересечь Балканы, то Цесаревичъ сдаетъ начальство надъ восточнымъ отрядомъ Тотлебену и ѣдетъ принимать начальство надъ западнымъ отрядомъ, а Гурко дѣлается его начальникомъ штаба. Великій Князь Владиміръ Александровичъ сдаетъ 12-й корпусъ его настоящему командиру Ванновскому, ѣдетъ вмѣстѣ съ Цесаревичемъ въ западный отрядъ и вступаетъ

въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ. Князь Имеретинскій дѣлается начальникомъ штаба восточнаго отряда Тотлебена. Вотъ, слѣдовательно, истинная причина, почему оба они сидятъ въ штабѣ Цесаревича безъ всякаго дѣла.

Гурко объ этомъ ничего не знаетъ. Едва ли эта комбинація будетъ приятнымъ для него сюрпризомъ. Хотя и лестно быть начальникомъ штаба у своего будущаго Государя, но обратиться въ подначальное лицо изъ полководца, да еще немедленно по совершеніи блистательнаго, труднаго подвига—едва ли можетъ кому-нибудь доставить удовольствіе, особенно такому самостоятельному и самолюбивому человеку, какъ Гурко: онъ будетъ кровно обиженъ. Онъ даже и не родится въ начальники штаба и не выдержитъ этого положенія: характеръ слишкомъ независимый, крутой и строптивый.

Въ случаѣ—чего Боже сохрани—переходъ черезъ Балканы не удастся, Наслѣдникъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ возвратится въ Петербургъ, такъ что начальство надъ восточнымъ отрядомъ во всякомъ случаѣ перейдетъ къ Тотлебену.

Вотъ тѣ депеши, которыя составлены и отправлены сегодня вслѣдствіе полученія телеграммы Гурко. Подчеркнутыя слова — зашифрованы.

1) Брестовацъ. Наслѣднику Цесаревичу ¹⁾.

„Отъѣздъ твой и Владиміра въ Питеръ теперь немислимъ. Гвардія двинулась вчера впередъ. Если Богъ благословитъ, она сегодня будетъ за Балканами. Поэтому прошу тебя еще выждать на мѣсть моего уведоменія о результатахъ ея движенія. Если будетъ удача, то уведомяю и тогда твой приѣздъ къ ней будетъ полезенъ и поручу въ такомъ случаѣ твоей командѣ, имѣя Гурко начальникомъ штаба, всѣ войска западнаго отряда. Объ этомъ условился я съ нами до его отъѣзда, о чемъ, какъ я вижу, онъ съ тобою говорилъ. Обо всемъ этомъ сообщаю только лично для тебя и прошу никому объ этомъ не говорить, и равно не давай знать объ этомъ и намъ“. Николай.

2) Шипка. Генералу Радецкому.

„Гурко двинулся вчера тремя колоннами на перевалы черезъ Балканы и полагалъ быть сегодня въ долину Софій. Готовьтесь: Великій Князь свяжетъ вамъ, когда тронутся. Наши вошли въ связь съ сербами“. Непокойчицкій.

3) Тырновъ. Генералу Деллинггаузену ²⁾.

¹⁾ Эту телеграмму Великій Князь составилъ самъ и приказалъ мнѣ только зашифровать.

²⁾ Текстъ этой шифрованной депеши у меня не сохранился; записано только ея содержаніе.

Сообщено то же самое, съ прибавленіемъ, что если наступленіе Гурко будетъ удачно, то около 20-го декабря перейдетъ въ наступленіе и Радецкій; а для отвлеченія силъ и вниманія турокъ онъ, Деллинггаузенъ, долженъ произвести демонстраціи на Хайнцію, Твардицу, Ахмедли и по Османъ-Базарской дорогѣ. Для этого онъ можетъ располагать и 30-ю пѣхотною дивизією, но преимущественно по Османъ-Базарской дорогѣ. Посему приготовиться и ожидать приказаній.

Получивъ сегодня же утромъ депешу Цесаревича о предложенныхъ имъ наступательныхъ дѣйствіяхъ (текста этой депеши у меня не сохранилось), Великій Князь отвѣчалъ ему:

4) Брестовацъ. Наслѣднику Цесаревичу.

„Предположенное движеніе, какъ общее наступленіе, кажется мнѣ преждевременнымъ, и притомъ колонна отъ Калцалева на Опарчинъ, Емичію и Карахасанкію не будетъ ли слишкомъ уединена. Полагалъ бы пока занять только сильными аватардами главнѣйшіе пункты по Лому и Кара-Лому, отъ нихъ выслать подвижныя колонны для рекогносцировки и вѣдѣмъ, на основаніи добытыхъ свѣдѣній, точно и опредѣленно поставить цѣль для наступленія массою. Повторяю, что наступленіе съ праваго фланга 13-го корпуса болѣе соотвѣтствуетъ общему плану. За этимъ флангомъ и нужно будетъ держать главные резервы. Сообразно съ этимъ и сдѣлай распоряженіе, о результатѣ котораго сообщи мнѣ“. Николай.

Сегодня же получены свѣдѣнія ¹⁾ о расположеніи сербскихъ войскъ.

Несмотря на сомнительную достовѣрность свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ мало-авторитетнаго источника и переданныхъ столь юнымъ и неопытнымъ офицеромъ (корнетъ Галль произведенъ въ офицеры въ нынѣшнемъ году), Великій Князь донесъ все это телеграммою Государю и сообщилъ князю Карлу: послѣднему не только для свѣдѣнія, но и для распоряженій.

5) Bucarest. Prince Charles de Roumanie.

„Les Serbes sont devant Pirot et leurs avant-postes à Tchuprovo et vers Bélémir. Mes troupes sont déjà en communication avec eux. J'ai prié Cernat ²⁾ d'envoyer une de ses brigades de cavalerie avec une batterie vers Belgradtchick pour tenir les communications avec nous et les Serbes. Je te prie en même temps de faire tes dispositions pour cerner Widdin et

¹⁾ Отъ ординарца Великаго Князя, корнета Галла, вернушагося изъ Бѣленира.

²⁾ Телеграмма эта послана Чернату, въ Ломъ-Паланку, Непокойчицимъ.

Belgradtchick. Les Serbes sont de ce coté à Adlié, où j'ai donné ordre qu'ils restent". Nicolas.

Если удастся сбросить турокъ съ Шипки, то всѣ войска Радецкаго, сосредоточившись у Казанлыка, будутъ ожидать прибытія гренадерскаго корпуса и резервной кавалеріи для дальнѣйшаго наступленія по указанію главнокомандующаго.

Вечеръ провелъ у Великаго Князя, читалъ ему вслухъ иностранныя газеты.

15 декабря.—Сегодня получено отъ генераль-адъютанта Аркаса изъ Севастополя радостное извѣстіе о взятіи и приводѣ вчера въ Севастополь флигель-адъютантомъ Барановымъ турецкаго парохода „Мерсина“ съ цѣлымъ таборомъ анатолійскаго низама (1 штабъ-офицеръ, 10 оберъ-офицеровъ и 700 нижнихъ чиновъ); на пароходѣ, кромѣ того, найдена весьма важная переписка Мухтара-паши. Это извѣстіе немедленно было сообщено всѣмъ начальникамъ отрядовъ для объявленія по войскамъ.

Радецкій сообщилъ, что болязненность въ 24-й пѣхотной дивизіи увеличилась до чрезвычайности: въ красноярскомъ пѣхотномъ полку осталось налицо всего 397 нижнихъ чиновъ. Поэтому онъ принужденъ отправить всю дивизію на поправку въ Сельви. Для защиты шипчинской позиціи остается только 14-я пѣхотная дивизія и брянскій пѣхотный полкъ. 16-я пѣхотная дивизія подходит сегодня изъ Сельви къ Габрову. Поповъ (адъютантъ Великаго Князя, капитанъ л.-гв. сапернаго баталіона), посланный укрѣплять Тырновъ, телеграфировалъ сегодня, что шереметская позиція выбрана окончателно и укрѣпленія намѣчены Байковымъ (подполковникъ генеральнаго штаба). По окончаніи укрѣпленій Тырновъ будетъ недоступенъ со стороны Османъ-Базара. Работа идетъ крайне вяло по винѣ болгаръ. Посему, въ виду возведенія редута на 16 орудій, необходимо прислать для работъ баталіонъ саперъ и полкъ пѣхоты.

Вечеромъ узналъ о полученіи слѣдующей телеграммы Государя отъ 14-го декабря 2 ч. 20 м. дня: „Весьма радъ, что девятый корпусъ прибылъ по назначенію. Надѣюсь, что морозы не помѣшаютъ дальнѣйшему движенію. Только-что воротился со смотра передъ Александровскою колонною: всѣ войска представились въ отличномъ видѣ и въ особенности кирасиры. Погода весьма пріятная, термометръ на замерзаніи и снѣгу очень мало“.

Всѣ эти дни по вечерамъ сижу подолгу у Великаго Князя: составляю и шифрую телеграммы, ужинаю, пью чай, читаю ему вслухъ реляціи и иностранныя газеты. Третьяго дня произвелъ

большой фуроръ, прочитавъ ему à livre ouvert, прямо въ русскомъ переводѣ, безъ запинокъ и шероховатостей, передовую статью вѣнской газеты „Die Presse“. У Великаго Князя стоитъ на столѣ круглая коробка съ шоколадными конфетами, которыми онъ меня всегда угощаетъ послѣ чтенія. Артамонову (штаб-офицеру надъ вожаками) онъ даетъ по конфетѣ за каждое приятное извѣстіе.

16 декабря, пятница. — Вернувшись вчера отъ Великаго Князя въ свою кибитку, я проработалъ до половины второго ночи. Только что легъ спать, какъ за мной пришелъ камердинеръ Великаго Князя. Пospѣшилъ къ нему. Онъ только-что получилъ огромную шифрованную депешу изъ Вѣны отъ нашего военнаго агента Фельдмана. Я просидѣлъ у Великаго Князя за дешифровкой до 5¹/₂ часовъ утра. Когда дѣло стало подходить къ концу, Великій Князь послалъ за Неповойчицкимъ и Левницкимъ и велѣлъ мнѣ прочесть разобранную депешу вслухъ. Послѣ этого Неповойчицкій увелъ меня къ себѣ — составлять и шифровать извлечения изъ этой депеши для Цесаревича и Радецкого. За эту работу я просидѣлъ до 7 ч. утра, затѣмъ проспалъ полураздѣтымъ часа три и опять засѣлъ за работу на цѣлый день.

Подлинная депеша Фельдмана у меня не сохранилась: привожу лишь текстъ того извлечения изъ нея, которое было сообщено телеграммами Цесаревичу и Радецкому (зашифрованы были только подчеркнутыя слова):

„Турки рѣшились употребить все усилія, чтобы облегчить сколь возможно условия будущаго мира и преградить намъ путь къ Царьграду. Для этого укрѣпляются три позиціи: между Софіею и Филиппополемъ, въ Адрианополь и передъ Царьградомъ. Въ Адрианополь организуютъ резервную армию, преимущественно изъ рекрутъ. Кадрами ея служатъ: войска, привозимыя изъ Варны моремъ черезъ Царьградъ, которыхъ отправлено уже въ Адрианополь восемь тысячъ, и войска, собираемыя изъ разныхъ мѣстъ Этира и Фессалии. Всего собрано пока въ Адрианополь тридцать таборовъ. Общую численность тамошней арміи хотять довести до ста пятидесяти тысячъ. Организуетъ ее и руководить инженерными работами Сулейманъ. Чтобы дать ему время окончить это дѣло, всемъ прочимъ приказано задерживать насъ возможно долѣе. Шипку будто бы хотять оставить, бросивъ въ случаѣ крайности даже артиллерію. Софію также. Въ Шумъ и Руцикъ войскъ мало, въ провіантъ и боевыя запасахъ вездѣ недостатокъ“.

„Циммерману приказано послать сильный отряд для рекогноспировки и по возможности для разрушения желѣзной дороги Русчукъ-Варна“.

Отъ Гурко извѣстій нѣтъ.

Сегодня вдругъ стала оттепель, а послѣ 6 часовъ вечера поднялся сильный вѣтеръ.

17 декабря, суббота. — Циммерманъ (в-рь 14-го корпуса) отвѣтилъ на посланную ему вчера телеграмму, шифромъ, что „вчера 16-го декабря посланъ мною значительный кавалерійскій отрядъ въ Базарджикъ. По всѣмъ прежнимъ извѣстіямъ, Базарджикъ сильно укрѣпленъ и занятъ 15.000, о чемъ я доносилъ, одной кавалеріи, поддержанной 4-мя полками пѣхоты. Очень трудно и рискованно двинуться по русчукской дорогѣ Варна-Шумла, оставивъ у себя въ тылу Базарджикъ. Отъ насъ до линіи варненской желѣзной дороги около 140 верстъ, лѣсная мѣстность, за Базарджикомъ крайне пересѣченная. Сулейманъ прибылъ въ Константинополь еще 8-го декабря. По свѣдѣніямъ, турки рѣшили: держаться въ оборонительномъ положеніи на линіи Русчукъ-Варна-Силистрія и въ Базарджикѣ, а излишекъ своихъ войскъ, отъ 10 до 20 тысячъ, отправить къ Адрианополю. Движеніе этихъ войскъ, кажется, уже оканчивается. Согласно вашего приказанія буду готовить отрядъ и ожидать прибытія нарочнаго, о которомъ изволите упоминать“.

Что именно телеграфировалъ Великій Князь Циммерману и о какомъ нарочномъ идетъ рѣчь—я не знаю.

Сегодня получена телеграмма Гурко: послѣ немовѣрно-труднаго похода черезъ снѣжныя горы по обледѣлымъ тропинкамъ, при жестомъ морозѣ и вьюгѣ, таща на своихъ плечахъ 9-ти фунтовыхъ орудія, пролагая новыя дороги, авангардъ западнаго отряда овладѣлъ выходами изъ Балканъ между Арабъ-Конакомъ и Софіей, а кавалерія стала уже на Софійскомъ шоссе. Благодаря тому, что непріятель былъ захваченъ врасплохъ, мы потеряли при дебушированіи изъ горъ только 5 человекъ ранеными: 2-хъ въ преображенскомъ полку и 3-хъ въ кавказской казачьей бригадѣ. Насколько труденъ переходъ черезъ Балканы въ настоящее время, видно изъ того, что отъ Врачеша до Негошева, Еленицы и Жилвы пришлось идти почти три дня.

Это радостное извѣстіе было немедленно сообщено Государю и цесарю.

Сегодня же получена телеграмма изъ Николаева отъ генералъ-адъютанта Аркаса: „въ ночь на 16-е декабря минные катера,

посланные съ парохода „Константинъ“, атаковали на батумскомъ рейдѣ трехмачтовый турецкій броненосецъ. Пущенная съ катера „Чесма“ самодвижущаяся мина Уайтхеда, ударивши въ середину судна, взорвалась подъ трубой; другая, пущенная съ катера „Синопь“, взорвалась противъ гротмачты. Поднявшаяся тревога, стрѣльба и высланная погоня заставили катера отступить и скрыться въ Поті и въ Сухуму. Затѣмъ „Константинъ“, забравъ свои катера, отправился въ Севастополь. Послѣдствія произведеннаго взрыва неизвѣстны. Убитыхъ и раненыхъ нѣтъ“.

Почти одновременно получена слѣдующая телеграмма Государя отъ 9 ч. вечера 16-го декабря:

„Новый молодецкій подвигъ нашихъ моряковъ меня очень порадовалъ. Надѣюсь, что погода у васъ наконецъ поправится и что можно будетъ продолжать наступательныя дѣйствія. Я немного простудился и чувствую лихорадку“.

Съ Шипки Радецкій телеграфировалъ сегодня въ 6^{1/2} ч. вечера: „со вчерашняго вечера здѣсь сильная мѣтель при морозѣ 15 градусовъ. Войска смѣняются своль возможно чаще.“

18 декабря, воскресенье.—Получена отвѣтная телеграмма Государя отъ 11 ч. 20 м. сегодняшняго утра: „Радуемся овладѣнію выходомъ въ Софійскую долину. Кажется, можно надѣяться, что Арабъ-Конакъ будетъ брошенъ и войска будутъ менѣ страдать отъ холода въ долинѣ. Я все еще не совсѣмъ отдѣлился отъ лихорадки“.

Поглощенъ составленіемъ отчета Государю. Великій Князь предполагалъ завтра выѣхать въ Ловчу и оттуда на Шипку, но сегодня вечеромъ это отмінено, вслѣдствіе полученія телеграммы Радецкаго, что раньше 24-го онъ никакъ не можетъ начать наступленіе. Теперь предположено выждать 24-го. Я доволенъ. Какъ ни скверно здѣсь, но по крайней мѣрѣ всѣ дѣла идутъ безъ задержки. Стоитъ только намъ тронуться, весь механизмъ управленія надолго расклеится, ибо разъ начнется кочевка, — не скоро кончится. Необходимо выждать хоть до тѣхъ поръ, пока не окончится переходъ Гурко за Балканы. Надо надѣяться, что, несмотря на колоссальныя трудности, это смѣлое предпріятіе завершится удачно.

Вернулся изъ Петербурга адъютантъ Великаго Князя Орловъ. Говорить, что переѣздъ по Болгаріи и Румыніи—нѣчто ужасное. На обыкновенныхъ дорогахъ невылазная грязь, неообразная неурядица, отсутствіе лошадей и ямщиковъ. На станціяхъ приходится ждать иногда по нѣскольку сутокъ; 15—20-верстный

перегоны надо ѣхать цѣлый день, а иногда приходится и заночевать въ полѣ. На желѣзныхъ дорогахъ безпрестанныя задержки, остановки, сходъ съ рельсовъ, пропажа вещей. Такъ, на примѣръ, тотъ багажный вагонъ, въ которомъ ѣхали вещи Орлова, былъ неизвѣстно почему отцѣпленъ въ Яссахъ (какъ оказалось впоследствии), и если найденъ впоследствии, то только благодаря тому, что въ этомъ же вагонѣ были вещи инженера путей сообщенія Струве.

Предстоящее намъ путешествіе будетъ тоже не безъ приключеній, по теперешнему времени года. Съ обозомъ почти навѣрняка не увидимся, если пойдемъ безостановочно впередъ.

Слава Богу, что кончится житье въ кибиткѣ и будемъ ночевать въ домахъ. Надоѣла кибитка. Теперь чуть не черезъ день если не буря, то сильный вѣтеръ: вслѣдствіе этого въ кибиткѣ почти такъ же холодно, какъ и на воздухѣ. Импровизированную печку (вѣрнѣе—углубленіе въ землѣ) топимъ почти непрерывно и все-таки въ кибиткѣ морозъ: днемъ отъ 1—2°, а ночью и подъ утро до—4°. Кромѣ того, за невозможностью открыть тундую (верхнее отверстіе) приходится цѣлый день работать при свѣчахъ. Выдешь на воздухъ—глаза слѣпнуть отъ постоянного сидѣнья въ полупотьмахъ.

Если переходъ Гурко и Радецаго черезъ Балканы удастся, то, вѣроятно, будемъ встрѣчать новый годъ или на Балканахъ, или за Балканами. Если турки не запросятъ мира—пойдемъ на Адрианополь. Такъ какъ онъ сильно укрѣпленъ, то Великій Князь полагаетъ тамъ не задерживаться, а оставить передъ нимъ наблюдательный отрядъ и идти прямо на Демотиву. Это предположеніе содержится въ большой тайнѣ.

Но какъ мы будемъ продовольствовать армию и снабжать ее боевыми припасами, когда очутимся за Балканами; какъ устроимъ тамъ санитарную часть—это вопросъ, о которомъ никто не задумывается. Великъ Богъ земли русской—вывезетъ!

Дай Богъ поскорѣе окончить войну. Политическія обстоятельства сложились столь благоприятно для насъ, что такая обстановка едва ли повторится. Случай дованать Турцію—единственный. Но я сильно сомнѣваюсь въ умѣннн использовать его до конца и порѣшить Восточный вопросъ окончательно. Если удастся добиться образованія изъ Болгаріи вассальнаго государства, усиленія Сербіи и Черногоріи и нѣкотораго территориальнаго приращенія для насъ—то и слава Богу. Полное уничтоженіе Парижскаго трактата—само собой. Большаго результата мы не сможемъ добиться. Легко стереть Турцію съ карты Европы,

сидя въ дипломатическомъ и редакціонномъ кабинетѣ, а на дѣлѣ—мудрено.

У насъ здѣсь новая забава: телефонъ. Онъ попалъ сюда случайно. Нѣкто генераль-маіоръ Адамовичъ выписалъ себѣ ящикъ вина. Привезли ящикъ. Раскупорилъ, видитъ какія-то трубки, похожія на стетоскопы, и отсылаетъ ящикъ къ военно-медицинскому инспектору. Въ то время, когда онъ съ недоумѣніемъ разсматривалъ странную посылку, къ нему случайно зашелъ начальникъ полевого телеграфа Г. М. Шталь, опозналъ въ загадочной послылкѣ телефонный аппаратъ и забралъ его къ себѣ. Тотчасъ же телефонъ былъ установленъ между походною телеграфною станціею и кибиткою Великаго Князя, на разстояніи около версты. Два дня забавлялись переговорами по телефону съ телеграфною станціею, а затѣмъ рѣшили попробовать соединиться съ Порадимомъ. Опять удалось: за 15 верстъ можно переговариваться и узнавать голосъ говорящаго. Но надо говорить очень выразительно и раздѣльно, иначе ничего не разберешь. Весь инструментъ простъ, легокъ, укладистъ и почти никакихъ приспособленій не требуетъ: можно пользоваться обыкновенною телеграфною проволокою. Шталь говоритъ, что можно переговариваться на разстояніи до 60-ти верстъ. Но нельзя сомнѣваться въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи этого интереснѣйшаго изобрѣтенія, которому, конечно, предстоитъ великая будущность.

19 декабря.—Сегодня получены и донесены Государю по телеграфу слѣдующія извѣстія:

1) „16-го декабря сербы заняли Пиротъ. Подробности этого молодецкаго дѣла слѣдующія. По занятіи Бабиной-Главы и взятіи съ боя прохода св. Николая, былъ двинутъ сильный развѣдочный отрядъ къ укрѣпленному лагерю Будиндолъ, прикрывающему Пиротъ съ сѣвера. Лагерь этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ укрѣпленій, расположенныхъ по обимъ берегамъ Нишавы между деревнями Станечна, Нишоръ и Сопотъ. Такъ какъ лагерь оказался сильно занятымъ и почти неприступнымъ съ фронта, то рѣшено было сперва атаковать Авъ-Паланку, а потомъ уже Пиротъ. 12-го началось наступленіе: правая колонна атаковала и взяла Авъ-Паланку, а лѣвая производила въ этотъ день канонаду и демонстративныя атаки противъ Будиндола, для отвлеченія вниманія непріятеля. Общій резервъ оставался на Бабиной-Главѣ. 14-го декабря правая колонна, усиленная частью резерва, двинулась отъ Авъ-Паланки къ Пироту. 15-го въ 8 часовъ утра

она атаковала лѣвый флангъ турецкой позиціи и въ 4 часа пополудни овладѣла Блатой и Бѣливой, гдѣ и переночевала. Лѣвая колонна, съ первымъ выстрѣломъ правой колонны, двинулась въ атаку съ фронта, взяла Станечну и вошла съ правою колонною въ связь. 16-го декабря, съ разсвѣтомъ, бой возобновился по всей линіи. Правая колонна въ 11 часовъ утра уже вступила въ Пиротъ, встрѣченная жителями съ духовенствомъ во главѣ. Лѣвая же колонна сломила упорное сопротивление турокъ лишь тогда, когда они узнали, что у нихъ въ тылу завать Пиротъ. Потери: болѣе 50-ти убитыхъ и около 150-ти раненыхъ. Турки, которыхъ было 6 таборовъ, понесли большія потери: вся позиція усыяна ихъ трупами. Сербы взяли 23 орудія, въ томъ числѣ 4 крупновесныхъ⁴.

2) „Генераль Криденеръ доноситъ отъ 18-го декабря, что 17-го турки очистили Лютиково, которое и занято нашими войсками. Противъ турецкихъ позицій Арабъ-Конакъ и Шандорникъ наши войска занимаютъ: съ сѣвера перевалъ Баба-Конакъ; съ юго-востока Бабу-гору и обходятъ правый флангъ турокъ; съ юго-запада занимаютъ пространство между Даушкѣй, Елешницею и Софійскимъ шоссе. Погода переменнѣно отвратительная: морозъ, мѣтель, глубокіе снѣга. Люди молодцами“.

3) „Получилъ еще донесеніе отъ Гурво изъ Чурьяка отъ часу дня 17-го декабря, что турки стоятъ на своихъ позиціяхъ и что сообщенія ихъ съ Софіею совершенно прерваны. Это донесеніе болѣе старое, чѣмъ донесеніе Криденера, которое я уже тебѣ сообщилъ. Цесаревичъ телеграфировалъ сегодня, что у него 18-го декабря все было тихо, только въ центрѣ была безвредная перестрѣлка развѣздовъ. Снѣга такъ много, что лошади едва двигаются. Ледоходъ продолжается; вчера около полудня даже пароходъ у Батина долженъ былъ прекратить рейсы. Вода спадаетъ. Надо ожидать, что ледъ на Дунаѣ скоро станетъ“.

17-го декабря до 5-ти часовъ вечера была перестрѣлка между Журжевымъ и Руцукѣмъ⁴.

20 декабря.—Вчера я прочелъ Великому Князю, а ночью и сегодня утромъ переписалъ и представилъ къ подписи слѣдующее донесеніе Государю¹⁾, изъ Богѣта.

„Настоящее мое донесеніе начну съ того, что сосредоточиваетъ на себѣ теперь мое почти исключительное вниманіе: съ дѣйствій западнаго отряда генераль-адъютанта Гурво.

¹⁾ Отправлено сегодня же съ фельдшеремъ капитаномъ Фельшемъ.

„Авангарды этого отряда перешли 16-го декабря Балканы. Подробности этого молодецкаго марша мнѣ еще неизвѣстны, но я могу представить вашему величеству довольно полный очеркъ всѣхъ подготовительныхъ распоряженій, сдѣланныхъ генераль-адъютантомъ Гурко.

10-го декабря онъ раздѣлилъ ввѣренныя ему войска на шесть отрядовъ. Эти шесть отрядовъ сформированы вновь. Кромѣ нихъ еще три прежнихъ. Всего 78¹/₂ баталіоновъ, 47 эскадроновъ и сотенъ, 160 орудій.

Въ первыхъ четырехъ отрядахъ было приказано взять только по одному зарядному ящику на орудіе, выбравъ для сего самыхъ лучшихъ лошадей. Людямъ приказано выдать сухарный запасъ по расчету 1 фунтъ на человѣка въ день, на время съ 13—18 декабря включительно, и водки по три чарки на каждого. Мясную порцію увеличить; порціонному скоту слѣдовать за войсками. Всѣ обозы и парки, какъ артиллерійскіе, такъ и интендантскіе, были собраны въ вечеру 12-го декабря въ д. Правецъ подъ начальствомъ командира л.-гв. жандармскаго эскадрона полковника Шевича. Всѣ батареи, не вошедшія въ составъ отрядовъ, къ тому же времени собраны у д. Лажени и построены по батарейно въ нѣсколько линій такимъ образомъ, чтобы всякая батарея, въ какой бы она линіи ни стояла, могла по первому требованію выѣхать безъ всякой помѣхи. Начальство надъ этимъ артиллерійскимъ резервомъ ввѣрено одному изъ батарейныхъ командировъ.

Дороги для движенія войскъ были разработаны, насколько возможно, заблаговременно и для охраненія дорогъ разставлены въ разныхъ мѣстахъ команды саперъ подъ начальствомъ офицеровъ.

13-го декабря генераль-адъютантъ Гурко началъ свое трудное движеніе въ обходъ турецкой позиціи у Арабъ-Конака. Цѣль движенія—выйти въ Софійскую долину и вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзать турецкимъ войскамъ, расположеннымъ у Арабъ-Конака, путь отступленія на Софію. Подробности движенія лучше всего видны изъ прилагаемой при семъ диспозиціи, отданной генераль-адъютантомъ Гурко на 13 декабря.

16-го декабря утромъ головы колоннъ, очевидно, уже овладѣли южными выходами изъ Балканъ, ибо въ 6 часовъ пополудни 16-го декабря генераль-адъютантъ Гурко отправилъ мнѣ изъ д. Чурьякъ (до Осикова съ вѣстовымъ, а оттуда по телеграфу) слѣдующее донесеніе:

„Выходъ въ долину Софіи открытъ. Я занимаю теперь Нѣгошево, Елешницу и Жилияву. Моя главная квартира въ Чурьякъ.

Три баталіона стоятъ надъ Даушкюемъ. Кавказская казачья бригада и астраханскій драгунскій полкъ занимаютъ шоссе между Стольникомъ и Бугаровымъ. Овладѣніе выходами въ долину сопровождалось небольшимъ дѣломъ, причѣмъ мы потеряли 5 чел. ранеными (2 л.-гв. преображенскаго полка, 3 кавказской бригады). Колонна Г. М. Дандевилы заняла Бабу-гору и выходитъ въ тѣль Шандорнику. Екатеринбургскій драгунскій полкъ съ двумя сотнями казаковъ долженъ былъ занять Буново и Мирково. Генераль Брокъ опять занялъ Челонецъ. Движеніе войскъ встрѣчаетъ невообразимыя трудности: подъемъ орудій на перевалы представляетъ гигантскую работу. Колонны соберутся не ранѣе 17-го декабря вечеромъ, такъ что окончательный выходъ въ долину послѣдуетъ не ранѣе 18-го декабря. Турки были захвачены врасплохъ. Кавказская бригада отбила два транспорта съ сѣномъ и боевыми припасами“.

Это было первое полученное мною донесеніе, такъ какъ всѣ приготовленія свои къ походу генераль-адъютантъ Гурко держалъ въ строжайшей тайнѣ.

Имѣя въ виду тѣ невѣроятныя трудности, съ которыми сопряженъ въ настоящее время переходъ черезъ горы, по заваленнымъ снѣгомъ и обледѣлымъ дорогамъ, я сильно опасался, что предполагаемый переходъ черезъ Балканы будетъ, пожалуй, совсѣмъ невозможенъ. Но, слава Богу, начало сдѣлано: желѣзная воля и образцовая распорядительность генераль-адъютанта Гурко и безпримѣрное мужество, терпѣніе и усердіе войскъ преодолѣли препятствія такъ же, какъ славные предки наши во времена Суворова. Разъ, что начало сдѣлано, я начинаю надѣяться, что и прочимъ войскамъ западнаго отряда удастся спуститься въ Софійскую долину и заставить турокъ очистить позиціи у Арабъ-Ковака и Шандорника.

Въ виду этого я, немедленно по полученіи телеграммы Гурко 19-го декабря, сдѣлалъ всѣ распоряженія для перехода черезъ Балканы и на Шипкъ. 3-й стрѣлковой бригадѣ, находящейся пока еще въ Ловчѣ, я приказалъ двинуться 18-го декабря въ распоряженіе генерала Радецаго. Генераль-лейтенантъ Скобелевъ 2-й съ 16-ю пѣх. дивизіей находится въ настоящее время въ Габровѣ, но уже получилъ приказаніе придвинуться 18-го декабря къ Зеленому-Древу и Топлишу. Движеніе войскъ генерала Радецаго я предполагаю начать, во всякомъ случаѣ, 24-го декабря. Въ общихъ чертахъ предполагено совершить движеніе слѣдующимъ образомъ:

Правая колонна генераль-лейтенанта Скобелева 2-го пойдетъ отъ Зеленаго-Древа на Иметли.

Лѣвая колонна генераль-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго пойдетъ отъ Травны на Крестецъ, Сельцо и Янину, выславъ прикрывающій боковой отрядъ къ Маглышу.

Обѣ колонны, достигнувъ Иметли и Янины, двинутся въ обходъ обоехъ фланговъ турокъ, на д. Шипку или на г. Казандыкъ. Движеніе начнется не ранѣе 24-го декабря, если позволить погода. Но во всякомъ случаѣ войска могутъ взять съ собою только горную артиллерію.

Три полка 24-й пѣх. дивизіи отправлены пока на поправку въ г. Сельви, такъ какъ число больныхъ въ этой дивизіи, попавшей прямо въ неслыханно-тяжелыя условія шипкинской службы, не успѣвъ втянуться въ эти условія помаленьку, дошло до огромной цифры.

Для облегченія обхода шипкинской позиціи я приказалъ генералу барону Деллинггаузену произвести, одновременно съ этимъ обходомъ, демонстраціи на Ахмедли, Твардицу и Хаинкюй, условившись съ Радецкимъ относительно времени ихъ производства. Для усиленія демонстрацій я предоставилъ генераль-лейтенанту Деллинггаузену право привлечь къ нимъ и 30-ю пѣхотную дивизію, но преимущественно на Османь-Базарской дорогѣ.

24-го же декабря я предполагаю перевести мою главную квартиру изъ Богда въ Ловчу и оттуда черезъ Сельви въ Габрово; въ послѣднемъ пунктѣ рассчитываю быть 29-го или 30-го декабря. Вмѣстѣ со мною пойдетъ, четырьмя эшелонами, весь гренадерскій корпусъ, который 30-го или 31-го декабря соберется въ Габрово и Сельви. Съ головнымъ эшелономъ гренадерскаго корпуса идетъ 1-й лейбъ-драгунскій московскій вашего величества полкъ и донской № 1 полкъ. 1-й и 9-й уланскіе полки соберутся 30-го или 31-го декабря въ Сельви, но дальѣе не пойдутъ впередъ безъ особаго моего приказанія ¹⁾.

Дальнѣйшее движеніе гренадерскаго корпуса и мое будетъ вполне зависѣть отъ хода дѣлъ: если Богъ поможетъ выжить турокъ съ Шипки и благополучно перевалить черезъ Балканы, то я вмѣстѣ съ гренадерскимъ корпусомъ пойду вслѣдъ за отрядомъ генераль-лейтенанта Радецкаго, займу выгодную позицію и выжду, пока подойдутъ войска западнаго отряда, которыя хочу направить отъ Софій на Филиппополь. Буду стараться облегчить ему это движеніе. Если удастся овладѣть Филиппополемъ, то,

¹⁾ Въ настоящее время резервная кавалерія расположена слѣдующимъ образомъ: 1-й драгунскій полкъ — Хирва; 1-й уланскій — Демяново; 1-й донской казачій — Чадырлы; 9-й уланскій — Акинджильяръ; 1-я конная батарея и марки дивизіи — Рава.

устройвъ и обезпечивъ свой тылъ, я двинусь со всѣми силами по направленію къ Адрианополу.

Не могу, однако, скрыть отъ Вашего Величества, что, какъ операція перехода черезъ Балканы, такъ и дальнѣйшее наступленіе будетъ сопряжено съ колоссальными затрудненіями. Каждый шагъ впередъ придется расчищать отъ снѣга и гололедицы; бивакированіе въ горахъ есть не отдыхъ, а страданіе для войскъ. А когда удастся перевалить черезъ горы, то невозможно ручаться за поддержаніе правильнаго сообщенія съ тыломъ: оно будетъ вполне зависѣть отъ каприза погоды. Уже теперь я съ арміей почти отрѣзанъ отъ сообщеній съ имперіей вслѣдствіе ледохода на Дунай¹⁾, а тогда на сообщеніяхъ моихъ явится еще вторая преграда—Балканы. Подвозъ продовольствія и боевыхъ запасовъ будетъ и крайне затруднителенъ, и неправиленъ.

Но, несмотря на это, я только и думаю о томъ, какъ бы поскорѣ Богъ помогъ перебраться за Балканы, ибо хотя впереди можетъ придтись и очень круто, но стоять на мѣстѣ—еще хуже. Средства края почти совершенно истощены: продовольствіе по сю сторону Балканъ можетъ быть основано только на подвозѣ, а подвозъ крайне труденъ. Продукты же, не поддающіеся дальней перевозкѣ, какъ сѣно и фуражъ, почти всѣмъ на исходѣ. Въ особенности трудно въ этомъ отношеніи войскамъ отряда цесаревича. Мѣстность, въ которой онъ находится, вообще была очень бѣдна фуражемъ съ самаго начала, а теперь—отрядъ положительно бѣдствуетъ. Подвезти трудно, купить негдѣ. Цесаревичу уже пришлось приказать выдать въ войска неприкосновенный запасъ ячменя, сѣна и конскихъ консервовъ изъ Бѣловскаго склада.

Я сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія для экстреннаго подвоза въ восточный отрядъ этихъ запасовъ, но не могу быть увѣреннымъ, что они придутъ своевременно, ибо это вполне зависѣть отъ состоянія переправы и дорогъ.

О состояніи дорогъ я уже писалъ Вашему Величеству. Могу лишь прибавить, что онѣ почти непроходимы вездѣ, а не только въ горахъ. Ужасное состояніе дорогъ, въ связи съ разореннымъ положеніемъ восточной части Болгаріи, которая теперь обращается въ совершенную пустыню уходящими изъ нея въ Дели-

¹⁾ 10 декабря начался ледоходъ; 11-го былъ сорванъ мостъ у Браилова; 14-го разведены мосты у Систова и Батина и переправа совершенно прекратилась. При этомъ систовскіе мосты потерпѣли такіа поврежденія, что придется впоследствии, на первое время, изъ двухъ мостовъ оставить одинъ. Вода спадаетъ; надо ожидать, что ледъ на Дунаѣ скоро стаетъ.

Орманскіе лѣса мусульманскими жителями—заставило меня призадуматься надъ предполагаемымъ мною наступательнымъ движеніемъ восточнаго отряда. Какъ извѣстно Вашему Величеству, я хотѣлъ, чтобы отрядъ этотъ, одновременно съ движеніемъ войскъ генераль-лейтенанта Радецкаго за Балканы, занялъ линію рѣкъ Лома и Кара-Лома и, утвердившись на ней, выслалъ впередъ подвижныя колонны. Сообразно съ этимъ, его императорское высочество начальникъ отряда представилъ мнѣ свои соображенія. Но, получивъ отъ него рядъ донесеній о совершенной непроходимости дорогъ, о крайнемъ недостаткѣ фуража, о сожженіи деревень уходящимъ мусульманскимъ населеніемъ—я пришелъ къ заключенію, что, пожалуй, благоразумнѣе будетъ отказать отъ этого движенія. Помѣшать турецкимъ войскамъ уходить за Балканы и сосредоточивать войска для защиты Адрианополя мы не могли и не можемъ. Они уходятъ не по обыкновеннымъ дорогамъ, а переѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ въ Варну, оттуда моремъ въ Константинополь и затѣмъ опять по желѣзной дорогѣ до Адрианополя. Поэтому безцѣльно занимать пустое, разоренное и выжженное пространство: только увеличатся продовольственныя затрудненія и напрасно утомятся войска. Я полагаю, что лучше ихъ побережъ теперь, чтобы потомъ можно было двинуть возможно дальше за Балканы. Въ этомъ смыслѣ я телеграфировалъ цесаревичу, который и приостановилъ сдѣланныя уже имъ распоряженія для движенія впередъ.

Но чтобы не допустить турокъ спокойно пользоваться рущукско-варнскою желѣзною дорогою для перевозки войскъ, я приказалъ направить отряды для разрушенія ея въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Отъ восточнаго отряда должны быть отправлены только команды охотниковъ для разрушенія ея въ двухъ мѣстахъ: между Рущукомъ и Разградомъ и между Разградомъ и Шумлой. Генералу же Циммерману я велѣлъ выдвинуть для этой цѣли впередъ всю кавалерію и для поддержки ея—отъ 3—4 пѣхотныхъ полковъ. Генераль Циммерманъ выслалъ кавалерійскій отрядъ въ Базарджику еще 16-го декабря. По имѣющимся у него извѣстіямъ, Базарджикъ сильно укрѣпленъ и занятъ 15.000-мъ отрядомъ. Поэтому онъ полагаетъ, что пройти мимо Базарджика до варна-шумлинской желѣзной дороги чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что мѣстность за Базарджикомъ крайне лѣсистая и пересѣченная. По его же свѣдѣніямъ, турки отправили изъ четырехугольнива крѣпостей черезъ Варну моремъ въ Константинополь и оттуда въ Адринополь только отъ 10—20.000, остальные

же войска оставили въ Русувѣ, Силистріи, Базарджикѣ и Варнѣ, рѣшивъ держаться въ Восточной Болгаріи въ оборонительномъ положеніи.

Мнѣ остается лишь сказать о кавалерійскомъ отрядѣ генераль-маіора Арнольди. Отрядъ этотъ вошелъ въ связь съ сербами еще 9-го декабря у Бѣлемира. Получивъ объ этомъ извѣстіе, я приказалъ генераль-маіору Арнольди выдвинуть 4-й гусарскій мариупольскій полкъ (безъ артиллеріи) отъ Бѣлемира къ Пироту съ тѣмъ, чтобы онъ наступалъ оттуда къ Софіи вмѣстѣ съ передовыми сербскими войсками; а 4-й уланскій харьковскій полкъ, съ 8-ю конною батареею, въ случаѣ оставленія тургама Гинчъ-пасса, двинуть отъ Берковаца черезъ этотъ проходъ въ Софійскую долину и приказать ему войти въ связь какъ съ сербами, такъ и съ войсками генераль-адъютанта Гурко. Для содержанія же связи съ сербами въ сторонѣ Бѣлградчика я просилъ князя Карла выставить бригаду румынской кавалеріи.

Долженъ сказать, что лишь нужда заставляеть меня обратиться къ содѣйствию румынской кавалеріи. Хотя она и несетъ службу чрезвычайно аккуратно и усердно, но смотритъ на Болгарію не какъ на освобождаемую, а какъ на завоевываемую страну; до меня уже не разъ доходили жалобы на нарушеніе румынами права собственности.

Кромѣ занятія авангардомъ западнаго отряда выходовъ въ Софійскую долину, военныхъ дѣйствій въ промежутокъ времени между 11—17 декабря не происходило; были лишь незначительныя перестрѣлки между разъѣздами на восточномъ фронтѣ. Самымъ выдающимся было дѣло 12-го декабря у Сиды и Аяслара, въ которомъ полковникъ Полторацкій съ дивизиономъ чугуевскихъ уланъ и двумя орудіями 18-й конной батареи достигъ турецкій транспортъ, отбилъ скотъ и, разбивъ на-голову прикрытіе, разсѣялъ его, изрубивъ 26 чел. и взявъ 18 чел. въ плѣнъ. Въ этомъ дѣлѣ 1 офицеръ и 2 улана были контужены и 2 улана ранены.

16-го декабря охотники якутскаго пѣхотнаго полка сожгли 18 крайнихъ домовъ деревни Чаталь-дере (южнѣ Джулуна), изъ которой вооруженные жители постоянно стрѣляютъ по нашимъ разъѣздамъ. При этомъ у насъ 2 нижнихъ чина ранено и 1 пропалъ безъ вѣсти.

Златицкое дѣло 30-го ноября, о которомъ я упоминалъ въ предыдущемъ моемъ донесеніи, оказалось лишь ничтожною перестрѣлкою, хотя и продолжавшеюся цѣлый день, но съ большого разстоянія и безъ всякаго результата. Мы потеряли въ этой

перестрѣлкѣ 2 чел. убитыми и 13 ранеными. Генераль Брокъ очистилъ, однако, послѣ этого дѣла д. Челопецъ и занялъ ее вновь лишь съ началомъ перехода черезъ горы прочихъ частей западнаго отряда.

Дѣло подъ Еленой 22-го ноября, какъ оказывается изъ общей и частныхъ реляцій, при семъ представляемыхъ, имѣло столь несчастный для насъ исходъ лишь вслѣдствіе нѣсколько нерасчетливой стойкости войскъ, слишкомъ долго и упорно защищавшихъ передовыя позиціи, не имѣвшія для насъ особаго значенія. Отступленіе, неизбѣжное при подавляющемъ перевѣсѣ атакующаго насъ непріятеля, было начато слишкомъ поздно и привело поэтому къ столь чувствительной потерѣ въ офицерахъ, нижнихъ чинахъ и орудіяхъ.

Въ заключеніе я долженъ сказать нѣсколько словъ о военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ союзниковъ.

Румынскія войска, занявъ Арцеръ-Паланку, взяли на себя всѣ операціи противъ Бѣлградчика и Виддина; для скорѣйшаго обложенія сего послѣдняго приняты всѣ мѣры.

Сербы превзошли всѣ мои ожиданія. Перейдя 3-го и 4-го декабря границу, они въ продолженіе двухъ недѣль достигли весьма серьезныхъ результатовъ. 7-го декабря они взяли съ бою проходъ св. Николая; 8-го обошли турецкую позицію у Бабиной Главы и, принудивъ этимъ турокъ отступить, заняли эту позицію; въ тотъ же день взяли съ бою укрѣпленія у Чичины южнѣе Ниша, прервавъ его сообщеніе съ Лесковацемъ. 9-го вошли въ связь съ нашими войсками по дорогѣ изъ Бѣлградчика на Берковацъ, у Бѣлемира. Заняли Мраморъ и Адліе, откуда турки отступили безъ боя. У Адліе вошли въ связь съ румынами, дѣйствовавшими противъ Бѣлградчика. Будучи атакованы сѣвернѣе Ниша турками, отбили атаку съ большимъ урономъ. 11-го декабря атаквали Куршумле, выбили оттуда гарнизонъ, состоявшій изъ 200 чел. низама и 2.000 арнаутовъ и башибузуковъ и овладѣли этимъ пунктомъ, взявъ лагерь, оружіе, боевыя припасы и лошадей. 12-го декабря взяли, послѣ восьмичасоваго боя, Акъ-Паланку и отбросили турокъ на Лесковацъ, овладѣвъ при этомъ тремя орудіями. 16-го декабря взяли Пиротъ и въ немъ 23 орудія.

Достойно замѣчанія, что оба послѣдніе пункта были взяты благодаря остроумно-составленному, заранее-обдуманному плану и точному, искусному его исполненію. Атака на Акъ-Паланку была произведена раньше атаки на Пиротъ потому, что по предварительной рекогносцировкѣ укрѣпленій послѣдняго оказа-

лось, что взять ихъ съ фронта чрезвычайно трудно. Поэтому было рѣшено сперва овладѣть Акъ-Паланкой, а потомъ уже направить оттуда главный ударъ на лѣвый флангъ пиротской позиціи, наименѣе защищенный природою и укрѣпленіями. Овладѣвъ Акъ-Паланкою при помощи искуснаго обходнаго движенія, исполненнаго подъ покровомъ тумана, сербы двинулись оттуда къ Пироту 14-го декабря. Колонна, стоявшая противъ Пирота со стороны Бабиной-Главы, между тѣмъ, все время обманывала турокъ канонадою и ложными атаками съ фронта. 15-го декабря подошла правая колонна отъ Акъ-Паланки и овладѣла деревнями Блатой и Бѣлявой, на лѣвомъ флангѣ непріятельской позиціи. Между тѣмъ, лѣвая колонна, атаковавъ съ фронта, взяла д. Станечну. 16-го декабря Пиротъ былъ взятъ, причемъ лѣвая колонна заняла городъ въ тылу непріятеля и этимъ заставила его поспѣшно отступать. Теперь сербы могутъ выполнить задачу, данную имъ мною въ началѣ войны: оставивъ отрядъ для наблюденія за Нишемъ, идти на Софію, на соединеніе съ нашими войсками“.

М. Газенкампфъ.

ДВОРЯНСТВО

и

• ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

Мы имѣли уже случай, говоря о дворянскомъ землевладѣніи ¹⁾, высказать, что хотя дворянское землевладѣніе и не находится въ столь безвыходномъ положеніи, какъ это утверждаютъ пессимисты, но все же, по разнымъ причинамъ, а не только вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, ему пришлось перенести довольно тяжелый кризисъ, послѣдствія котораго продолжаютъ проявляться по настоящее время.

При такомъ положеніи дѣла правительство рѣшилось въ послѣднее время, вслѣдствіе ходатайства дворянскихъ обществъ, придти имъ на помощь еще рядомъ мѣропріятій, которыя и остается рассмотреть.

Вопросъ о кредитѣ продолжаетъ играть первостепенную роль въ потребностяхъ дворянскаго землевладѣнія. Относительно долгосрочнаго ипотечнаго кредита уже дарованныя дворянству льготы достигли, какъ мы видѣли, послѣднихъ предѣловъ возможнаго, при данныхъ условіяхъ рынка.

Затѣмъ остается краткосрочный соло-вексельный кредитъ, относительно котораго оказалось возможнымъ допустить еще рядъ облегченій, соотвѣтственно желаніямъ дворянства.

Въ дополненіе къ этому, состоялось, по почину самого дворянства, изданіе положенія о дворянскихъ кассахъ, имѣющихъ назначеніемъ оказывать дворянамъ-землевладѣльцамъ помощь въ

¹⁾ См. „Вѣсти. Европы“, 1904 г., мартъ, 5 стр.

исправномъ внесеніи слѣдующихъ банкамъ, за заложенные имѣнія, платежей, въ такіе моменты, когда вслѣдствіе какихъ-либо исключительныхъ затрудненій землевладѣльцы оказывались бы временно лишенными возможности своевременно исполнить лежащія на нихъ срочныя обязательства.

Въ другой области дворянамъ оказано воспособленіе по образованію дворянскаго юношества, учрежденіемъ специальныхъ дворянскихъ корпусовъ и дарованіемъ пособій на устройство интернатовъ.

Наконецъ, по желанію дворянства выработано положеніе о временныхъ заповѣдныхъ имѣніяхъ, измѣнены условія приобрѣтенія права дворянства и подвергнуто пересмотру все положеніе о дворянскихъ учрежденіяхъ, въ видахъ большаго приспособленія ихъ къ главной цѣли поддержанія дворянства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждена специальная канцелярія для дѣлопроизводства по дворянскимъ дѣламъ.

I.

Соло-вексельный кредитъ.

Въ 1883 г., какъ уже выше указано, дворянамъ-землевладѣльцамъ было предоставлено пользованіе краткосрочнымъ кредитомъ, подъ соло-векселя, изъ государственнаго банка.

Кромѣ долгосрочнаго кредита, землевладѣлецъ можетъ нуждаться еще въ средствахъ, оборотныхъ для уплаты рабочимъ, на покупку сѣмянъ и на тому подобныя расходы, которые должны возвращаться въ теченіе болѣе краткаго срока и которые потому называются оборотными.

Несомнѣнно, эти средства могутъ быть добыты и путемъ ипотечнаго кредита и притомъ болѣе дешевымъ образомъ, если изъ полученной ипотечной ссуды землевладѣлецъ отдѣлитъ часть въ оборотный капиталъ, который и будетъ дѣйствовать изъ года въ годъ, постоянно потребляясь и постоянно восстанавливаясь. Такъ поставлено дѣло на западѣ, гдѣ совершенно не существуетъ соло-вексельнаго земельного кредита. Но тамъ ипотечная задолженность не превышаетъ 50% стоимости имѣнія, у насъ же *нормальною* задолженностью опредѣляется въ 60%, а фактически большинство имѣній заложены въ несравненно высшемъ размѣрѣ. Если, кромѣ того, принять въ соображеніе, что оцѣнка

имѣній у насъ въ значительной мѣрѣ была сдѣлана при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, то нельзя не признать, что послѣ всего того, что уже сдѣлано для облегченія пользованія долгосрочнымъ кредитомъ, выдача дополнительныхъ ипотечныхъ ссудъ для образованія оборотныхъ капиталовъ представлялась совершенно невозможною. При такихъ условіяхъ именно тѣ землевладѣльцы, которые наиболѣе нуждались въ оборотныхъ средствахъ, не имѣли возможности добыть таковыя путемъ ипотечнаго кредита.

Для удовлетворенія этой послѣдней потребности и введена была у насъ въ 1883 г. соло-вексельная операція.

Съ самаго начала ея открытія въ средѣ дворянства стали высказываться жалобы на стѣснительность нѣкоторыхъ постановленій, которыми была обставлена эта операція, но особенное неудовольствіе въ средѣ дворянъ-заемщиковъ было вызвано изданіемъ правилъ 1896 года.

До 1896 г. оборотный кредитъ назначался безсрочно, по правиламъ же 1896 г. для соло-векселей былъ установленъ максимальный годовой срокъ, по истеченіи котораго открытый землевладѣльцу кредитъ подвергался пересмотру, причемъ разрѣшеніе продленія прежняго кредита на дальнѣйшій годъ должно было обуславливаться, такъ называемымъ, правильнымъ пользованіемъ кредита, т.-е. такимъ его использованіемъ, при которомъ частныя позаймствованія покрывались соотвѣтственными частными уплатами, и притомъ полученныя средства дѣйствительно употреблялись на предназначенный предметъ; кромѣ того, должно было быть принимаемо въ соображеніе: продолжаетъ ли состояніе имѣнія обезпечивать размѣръ открытаго кредита. Въ противномъ случаѣ кредитъ подвергался постепенному сокращенію. Затѣмъ пріемъ векселей долженъ былъ прекращаться уже при первой публикаціи, а при второй — кредитъ подвергался окончательному закрытію.

Всѣ эти распоряженія, какъ мы видѣли, дворянство считало крайне стѣснительными для себя. Такъ какъ результаты сельско-хозяйственнаго оборота проявляются обыкновенно только на слѣдующій годъ, то оборотный сельско-хозяйственный кредитъ, по мнѣнію дворянства, долженъ бы простираться по крайней мѣрѣ на пятнадцати-мѣсячный срокъ; затѣмъ, сообразно съ условіями сельскаго хозяйства, не дающаго большого дохода, и оборотный кредитъ для него долженъ бы быть кредитомъ дешевымъ.

Постановленія правилъ 1896 года не отвѣчали, по мнѣнію дворянъ-землевладѣльцевъ, ни тому, ни другому требованію —

кредитъ оказывался и слишкомъ краткосрочнымъ, и слишкомъ дорогимъ; ссуда въ 2.000 руб. обходилась, если принять въ соображеніе всѣ расходы, соединенные съ открытіемъ кредита, въ $8\frac{1}{2}$, а ссуда въ 1.000 руб.—въ 11% и т. д.

Утвержденіе, что первоначальныя постановленія соло-вексельной операціи соотвѣтствовали потребностямъ заемщиковъ, потомъ же послѣдовали разныя стѣсненія, не вполне было согласно съ дѣйствительностью. При учрежденіи соло-вексельной операціи совершенно не имѣлось въ виду допущенія ни долгосрочнаго кредита, ни переписки векселей. Въ первоначальныхъ правилахъ было постановлено, что кредитующіяся лица обязаны соблюдать срочность уплаты и производить таковую наличными деньгами, а не перепиской векселей. Въ послѣдующее время были дѣйствительно изданы разныя дополнительныя правила, но эти правила обуславливались необходимостью соблюденія вышеозначеннаго главнаго основанія и сохраненія за соло-вексельнымъ кредитомъ характера краткосрочности, т. е. кредита, предназначаемаго исключительно для оборотныхъ операцій, и были вызваны тѣмъ обстоятельствомъ, что съ самаго начала переписка векселей, принципиально не допускаемая, стала все болѣе и болѣе виѣдряться и, наконецъ, сдѣлалась явленіемъ почти общимъ. Выданныя деньги не возвращались въ банкъ, а между тѣмъ сумма кредитовъ росла все сильнѣе и сильнѣе. Съ 3,8 милліоновъ рублей при началѣ операціи въ 1884 г. затрата банка возросла въ 1895 г. до 59 милліоновъ, съ остаткомъ къ концу года, какъ выше показано, до 27 милліоновъ. При такомъ положеніи дѣла, въ виду невозможности иммобилизаціи столь значительной суммы въ долгосрочную и трудно-реализуемую затрату, банкъ старался, не стѣсняя чрезмѣрно заемщиковъ, реализовать постепенно долги по соло-векселямъ, превратившимся фактически въ долги долгосрочные; только въ тѣхъ случаяхъ, когда подобная реализація оказывалась невозможною, банкъ приступалъ къ ликвидаціи ссуды. Никакихъ рѣзкихъ мѣръ при этомъ принимаемо не было, не требовалось внезапнаго погашенія выданныхъ ссудъ и не приступалось къ продажѣ заложенныхъ въ банкъ имѣній. Банкъ ограничивался требованіемъ частичнаго десятипроцентнаго погашенія долга при замѣнѣ срочныхъ векселей, т. е., другими словами, устанавливалась десятилѣтняя разсрочка долга для лицъ, которыя не были въ состояніи подчиниться требованіямъ новыхъ правилъ. Но и это требованіе касалось только случаевъ неправильнаго пользованія кредитомъ. При правильномъ же пользованіи ссудами сокращеніе кредита предусматривалось только для исключительныхъ случаевъ.

При опредѣленіи размѣра роста по необходимости приходилось сообразоваться съ рыночнымъ процентомъ. Сообразно съ этимъ въ самомъ началѣ ростъ по соло-вексельной операціи былъ установленъ въ 6⁰/о и затѣмъ пониженъ до 5 и 4¹/₂⁰/о. Послѣдовавшее вслѣдъ затѣмъ крайне сильное развитіе соло-вексельной операціи, при значительномъ паденіи кассовой наличности банка, вызвало въ 1895 г. необходимость повышенія процента, который былъ доведенъ до 6¹/₂. По минованіи же стѣсненія рынка процентъ былъ опять пониженъ до 6 и 5¹/₂.

Не слѣдуетъ терять изъ виду, что въ дѣлѣ кредита необходимо сообразоваться не только съ потребностью кредитующихся, но и съ источниками, изъ коихъ почерпаются средства для кредитованія. Получая средства отъ вкладчиковъ, кредитное учрежденіе, играющее роль посредника, принуждено сообразоваться относительно размѣра, срочности и роста ссудъ съ количествомъ поступающихъ вкладовъ и съ рыночнымъ процентомъ. Помѣщеніе на долгіе сроки суммъ, принятыхъ въ видѣ краткосрочныхъ вкладовъ, представляло бы коренное нарушеніе основъ банковаго дѣла и повело бы къ подрыву всякой гарантіи банковской состоятельности. Заемщики большею частію не хотятъ себѣ усвоить этой точки зрѣнія. Ипотечный кредитъ можетъ быть долгосрочнымъ, потому что средства для него обрѣтаются путемъ выпуска долгосрочныхъ долговыхъ обязательствъ; но въ совершенно другомъ положеніи находится соло-вексельный кредитъ, питаемый средствами банковской кассы, наличность которой постоянно измѣняется. Замѣчаніе, что соло-вексельный кредитъ не чисто личный кредитъ, потому что онъ обезпечивается стоимостью самого имѣнія, не измѣняетъ сущности дѣла. Банку необходимъ реально-краткосрочный портфель, т. е. такой, который дѣйствительно можно реализовать въ краткій срокъ. Между тѣмъ путемъ продажи имѣній,—уже не говоря о томъ, что банкъ совершенно не приступалъ къ этому средству по соло-вексельной операціи,—занятія суммы не могли бы быть возвращены въ срокъ. Оставаясь на почвѣ правильнаго веденія дѣла и не теряя изъ вида, что главная задача банка—обезпеченіе правильнаго денежнаго обращенія, банкъ не могъ допускать превращенія соло-вексельныхъ ссудъ въ долгосрочныя обязательства съ ипотечнымъ характеромъ. Точно также и размѣръ кредитованія подъ соло-векселя долженъ былъ зависѣть отъ размѣра прилива капиталовъ на денежный рынокъ, а высота процента кредитованія—отъ рыночнаго процента. Вотъ почему банкъ не имѣлъ возможности принимать прежде всего въ соображеніе

стѣснительность хозяйственнаго положенія лицъ, нуждающихся въ кредитѣ, а долженъ былъ сообразоваться съ условіями капитальнаго рынка.

При такихъ условіяхъ, въ видахъ удовлетворенія вышеуказанныхъ дворянскихъ ходатайствъ, пришлось ограничиться нижеизложенными облегченіями въ существовавшихъ соло-вексельныхъ правилахъ, какъ не противорѣчащихъ по самому существу основной задачѣ государственнаго банка.

Относительно продленія срока векселей. По дѣйствовавшимъ правиламъ кредиты въ сущности назначались безсрочно; требовалось только, чтобы каждое позаймствованіе покрывалось въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двѣнадцати-мѣсячнаго срока. При невозможности допущенія болѣе продолжительнаго срока по соло-вексялямъ, въ видахъ облегченія постановлено, что кредитъ можетъ оставаться неизмѣннымъ въ томъ случаѣ, когда совокупность взятыхъ въ теченіе года кредитовъ покрывалась ежегодными доходами имѣнія. Что же касается переписки старыхъ векселей, было признано возможнымъ считать оплату срочныхъ векселей деньгами обязательно только въ томъ случаѣ, когда заемщикъ изъявлялъ желаніе сохранить дарованный ему кредитъ на прежнихъ основаніяхъ, съ допущеніемъ притомъ одной трехмѣсячной отсрочки безъ частичнаго погашенія долга, и оплаты срочныхъ векселей на счетъ могущаго быть остатка кредита. Невозможность же уплаты векселя деньгами должна затѣмъ вести къ сокращенію кредита ¹⁾.

Относительно размѣра задолженности признано возможнымъ поднять таковую съ 60 до 75⁰/₀, съ непринятіемъ въ расчетъ одного полугодоваго платежа; касательно же опредѣленія *размѣра оборотнаго капитала*—исчислять его не на десятину всякой земли, а на десятину пашни, съ нѣкоторымъ увеличеніемъ числа особыхъ отраслей сельскаго хозяйства, принимаемыхъ при этомъ расчетѣ въ дополнительное соображеніе, за исключеніемъ молочнаго хозяйства, какъ составляющаго естественную принадлежность всякаго сельскаго хозяйства.

Записки дворянства содержали жалобы на *составъ учетнаго комитета* банка, который былъ призванъ въ разборъ степени состоятельности заемщика. Комитетъ этотъ состоялъ изъ 8 купцовъ и 4 землевладѣльцевъ, такъ что по числу голосовъ за купцами всегда оставалось большинство. Вслѣдствіе того, по мнѣ-

¹⁾ При нормальномъ же пользованіи кредитомъ, сокращеніе его, которое допускалось въ исключительныхъ случаяхъ, впредь уже не будетъ имѣть мѣста.

нію дворянства, купцамъ предоставлялась возможность, во-первыхъ, вліять на опредѣленіе стоимости дворянскихъ имѣній, а затѣмъ и знакомиться съ положеніемъ дѣлъ кредитующихся дворянъ. При такихъ условіяхъ купцы, желавшіе пріобрѣсть дворянское имущество, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ владѣльца, могли, затрудняя выдачу ему дополнительнаго кредита, принудить владѣльца къ отчужденію недвижимости по низкой цѣнѣ. Если же это предположеніе на практикѣ и не осуществлялось, то все же землевладѣлецъ, находящійся въ зависимости отъ купца, часто могъ быть принужденъ продавать ему хлѣбъ по невыгодной для него цѣнѣ, потому что купецъ, пользуясь своими свѣдѣніями о положеніи продавца, могъ производить на него давленіе.

Въ видахъ удовлетворенія въ этомъ отношеніи желаній дворянства, постановлено, что учетный комитетъ для соло-вексельной операціи будетъ впредь составляться исключительно изъ свѣдущихъ мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, съ совершеннымъ устраненіемъ изъ него купеческаго элемента.

Что касается *размѣра роста*, то въ виду, хотя бы и неосновательныхъ, сѣтованій на большую дешевизну коммерческаго кредита, признано возможнымъ постановить общимъ правиломъ, что высшій процентъ по соло-вексельной операціи не долженъ превышать существующаго въ данное время размѣра учетнаго процента для шести-мѣсячныхъ торговыхъ векселей. *Контроль* за употребленіемъ полученныхъ подъ соло-векселя денегъ также вызывалъ неоднократно неудовольствіе заемщиковъ. По мнѣнію дворян-землевладѣльцевъ, пользовавшихся соло-вексельнымъ кредитомъ, не слѣдовало терять изъ вида, что соло-вексельный кредитъ есть кредитъ оборотный, а не меліоративный. При послѣднемъ естественно и правильно слѣдить за тѣмъ, чтобы кредитуемая деньги употреблялись дѣйствительно на то улучшеніе, на которое онѣ испрашивались; но при оборотномъ кредитѣ слѣдовало бы только наблюдать за своевременной уплатой по векселямъ, предоставляя заемщику распорядиться по своему усмотрѣнію полученными суммами. Такъ какъ у купца при учетѣ векселя не спрашивается на что онъ употребитъ ссужаемыя ему деньги, то справедливо ли подвергать контролю употребленіе дворянами полученныхъ ими по векселю денегъ подъ угрозой сокращенія или даже совершеннаго закрытія кредита за несоотвѣтствіе въ способѣ употребленія ихъ съ указанными правилами. Затѣмъ, самый процессъ контроля представлялся стѣснительнымъ и непріятнымъ для землевладѣльца по своей формѣ. Онъ производился коман-

дируемыми для того чиновниками банка, которымъ приходилось показывать всѣ подробности хозяйства, подчинять ихъ оцѣнкѣ всѣхъ дѣйствій хозяина, доказывать имъ, что деньги употреблены правильно и т. д., причемъ точность и вѣрность собранныхъ чиновниками свѣдѣній трудно подчинялась повѣрѣ. Все это ставило нуждавшагося въ краткосрочномъ кредитѣ землевладельца въ крайне тяжелое положеніе.

По дѣйствовавшимъ правиламъ соло-вексельныя ссуды должны были дѣйствительно имѣть предметный характеръ, т.-е. точно опредѣленное назначеніе. Въ этихъ видахъ производился до открытія кредита осмотръ имѣнія, съ цѣлью опредѣленія размѣра потребности въ оборотномъ капиталѣ; затѣмъ при разрѣшеніи каждой ссуды обсуждался вопросъ о необходимости ея для хозяйства, наконецъ, по временамъ производился еще осмотръ имѣнія для постояннаго наблюденія за экономическимъ его положеніемъ и за правильностью употребленія разрѣшенной ссуды.

Въ виду сѣтованія дворянства на стѣснительность подобнаго порядка допущены слѣдующія въ немъ измѣненія.

Признано возможнымъ не входить въ обсужденіе назначенія каждой отдѣльной ссуды съ тѣмъ, чтобы ограничиваться наблюденіемъ за общимъ положеніемъ хозяйства заемщика; такимъ образомъ заемщику предоставлена возможность пользоваться полученными деньгами по своему усмотрѣнію. При этомъ постановлено, что поводомъ къ сокращенію кредита при его пересмотрѣ можетъ служить только малая подвижность въ позайствованіяхъ изъ открытаго кредита, т.-е. исчерпываніе его полностью или въ значительномъ размѣрѣ.

Нормальнымъ пользованіемъ кредита нельзя не признавать такое пользованіе, при которомъ въ каждый моментъ изъ него берется столько, сколько нужно для даннаго оборота, причемъ по окончаніи оборота вексель уплачивается, потомъ вновь берется ссуда и т. д. Когда же съ самаго начала выбирается весь кредитъ и остается не возвращеннымъ до послѣдняго срока, то это служить доказательствомъ, что деньги взяты не на потребности оборота.

Такимъ образомъ, совершенно устраненъ меліоративный характеръ ссуды, и за нею сохраненъ только характеръ кредита оборотнаго.

Наконецъ, относительно *осмотра* имѣнія признано возможнымъ совершенно отказаться отъ предварительнаго осмотра во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда размѣръ испрашиваемаго кредита не превышаетъ 10⁰/₀ имѣющейся въ банкѣ оцѣнки имѣнія, при

одновременномъ ограниченіи нормы кредита десятию рублями на десятину посѣва; такимъ образомъ, можно сказать, что при испрошеніи нормального кредита уже не будетъ требоваться предварительнаго осмотра имѣнія, каковое будетъ имѣть мѣсто только тогда, когда заемщикъ пожелаетъ воспользоваться кредитомъ въ высшемъ размѣрѣ. Что же касается послѣдующихъ осмотровъ, то и таковые будутъ производиться только въ исключительныхъ случаяхъ, а именно—когда вовсе не имѣется свѣдѣній о положеніи хозяйства или хотя и имѣются свѣдѣнія, но неблагоприятныя.

Въ дополненіе ко всему вышензложенному, признано было еще возможнымъ устранить разныя формальности, на стѣсненія которыми жаловались землевладѣльцы, а именно—тройная публикація недоимщиковъ замѣнена однократною, съ соответственнымъ сокращеніемъ расходовъ на публикацію и со взысканіемъ платы за нее при самой выдачѣ ссуды, отмѣнено веденіе особыхъ списковъ неисправныхъ заемщиковъ, разрѣшено вносить слѣдующіе банку платежи не только въ банкъ, но и въ мѣстныя казначейства и т. п.

Затѣмъ неоднократно возникалъ вопросъ, насколько землевладѣльцы, пользующіеся *торговымъ кредитомъ*, могутъ временно пользоваться и соло-вексельнымъ кредитомъ?

По постановленіямъ уставовъ коммерческихъ банковъ, послѣднимъ предоставлено учитывать только основанные на торговыхъ сдѣлкахъ векселя. Само собою разумѣется, что и въ распоряженіи землевладѣльцевъ могутъ находиться такіе векселя, поскольку они продаютъ произведенія своего хозяйства въ кредитъ. Равнымъ образомъ землевладѣльцы могутъ извлекать извѣстную пользу также и изъ того кредита, который банки, на точномъ основаніи своихъ уставовъ, предоставляютъ торговцамъ для учета векселей, выданныхъ землевладѣльцами. Должно ли пользованіе такимъ чисто коммерческимъ кредитомъ служить поводомъ къ сокращенію соло-вексельнаго кредита? Въ интересахъ землевладѣльцевъ этотъ вопросъ разрѣшенъ такимъ образомъ, что сокращеніе торговыхъ кредитовъ будетъ впредь происходить только въ томъ случаѣ, когда торговый кредитъ открытъ на нужды предпріятія, обороты котораго будутъ приняты въ расчетъ при опредѣленіи размѣра соло-вексельнаго кредита.

Не ограничиваясь вышензложенными облегченіями, возникла мысль, въ видахъ еще болѣе широкаго удовлетворенія потребности и землевладѣльцевъ въ обратномъ кредитѣ,—воспользоваться для означенной цѣли содѣйствіемъ акціонерныхъ банковъ

и обществѣ взаимнаго кредита. Въ пользу привлеченія послѣднихъ къ оказанію краткосрочнаго землевладѣльческаго кредита говорило то соображеніе, что частнымъ банкамъ, въ особенности же основаннымъ на началахъ взаимности, болѣе чѣмъ государственному банку доступна оцѣнка кредитоспособности заемщиковъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ они безпрепятственно могутъ производить взыскапія съ послѣднихъ, не стѣсняясь такими обстоятельствами, съ которыми иногда приходится считаться правительственному кредитному учрежденію. Въ силу этихъ соображеній въ 1898 г. былъ изданъ законъ о разрѣшеніи означеннымъ кредитнымъ учрежденіямъ выдавать ссуды подъ соло-векселя, обеспеченные сельско-хозяйственными имѣніями. Хотя значительное число банковъ вслѣдствіе того изъявили желаніе производить такіа ссудныя операціи, послѣднія не получили, однако, до сего времени значительнаго развитія. По начало 1902 года было выдано такихъ ссудъ подъ соло-векселя всего лишь на сумму около двухъ милліоновъ рублей.

Въ средѣ дворянства возбуждался, кромѣ того, вопросъ объ организаціи краткосрочнаго сельско-хозяйственнаго кредита самимъ дворянствомъ путемъ землевладѣльческихъ товариществъ, связанныхъ круговымъ другъ за друга ручательствомъ, которыя бы стали дѣйствовать сначала при помощи государственнаго банка и затѣмъ самостоятельно на собственные средства. Возможность практическаго осуществленія такого предположенія возбудила, однако, серьезныя сомнѣнія въ средѣ самого дворянства. Многіе члены дворянства указывали на то, что круговая отвѣтственность членовъ подобныхъ товариществъ могла бы имѣть значеніе въ томъ лишь случаѣ, если бы въ составъ товарищества вошли состоятельные землевладѣльцы, могущіе представлять серьезную гарантію исправности долговыхъ платежей; а такъ какъ подобныя лица всегда могутъ найти кредитъ и внѣ проектируемыхъ товариществъ, то можно было сомнѣваться, чтобы они согласились принять на себя рискъ отвѣтственности по обязательствамъ другихъ менѣе кредитоспособныхъ землевладѣльцевъ. Затѣмъ нельзя было не принять въ соображеніе, что и означенныя товарищества могли бы дѣйствовать только въ зависимости отъ условій денежнаго рынка, какъ и другіе банки. Вслѣдствіе того этотъ проектъ не получилъ осуществленія и все ограничилось въ средѣ дворянства учрежденіемъ дворянскихъ басъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Вышеприведенныя постановленія, предоставляющія нѣкоторыя льготы соло-вексельнымъ заемщикамъ, имѣли главною цѣлью урегулировать соло-вексельную операцію и постепенно ликвидировать тѣ кредиты, которые получили характеръ неподвижности, безъ особаго стѣсненія для заемщиковъ. Поэтому примѣненіе новыхъ правилъ естественно должно было повести къ сокращенію соло-вексельной операціи. Многіе заемщики приступили къ ликвидаціи своихъ долговъ, испросивъ для этого установленную новыми правилами разсрочку или же получивъ средства для уплаты путемъ перезалога имѣній въ земельныхъ банкахъ. На ряду съ этимъ уменьшилось и число вновь открываемыхъ соло-вексельныхъ кредитовъ, частью вслѣдствіе точнаго соблюденія банкомъ условія краткосрочности позаймствованій, частью вслѣдствіе отказовъ банка принимать въ залогъ имѣнія, ипотечная задолженность коихъ превышаетъ установленную норму. Въ результатъ сокращеніе оборотовъ по соло-вексельной операціи выразилось въ пониженіи балансоваго остатка ссудъ съ 26,7 милл. руб. въ концѣ 1896 г. до 14,7 милл. руб. въ концѣ 1898 г. и 7,6 милл. руб. въ 1901 году.

Затѣмъ при учрежденіи особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности соло-вексельная операція была включена въ программу занятій совѣщанія и подверглась въ его средѣ новому обсужденію. По этому случаю нѣкоторыми мѣстными комитетами были вновь выражены различныя пожеланія, отчасти аналогичныя съ прежде высказанными пожеланіями дворянства, отчасти заключавшія въ себѣ новыя ходатайства.

По разсмотрѣніи этихъ ходатайствъ особое совѣщаніе пришло къ заключенію о возможности допущенія еще нижеслѣдующихъ дальнѣйшихъ облегченій въ постановкѣ соло-вексельной операціи, а именно, признано возможнымъ: разрѣшить обмѣнъ соло-векселей безъ частичнаго погашенія въ предѣлахъ 12-мѣсячнаго срока, а въ случаѣ постигшихъ имѣніе заемщика особыхъ бѣдствій—и за предѣлами этого срока; повысить размѣръ кредита, открываемаго безъ предварительнаго осмотра имѣнія съ 5 до 10% (а по незаложеннымъ имѣніямъ—до 20%) определенной учетнымъ комитетомъ стоимости имѣнія и съ 7 до 10 рублей на десятину обрабатываемой пахотной земли; опредѣлять нормы кредита по отношенію къ оборотному капиталу возможно ближе къ дѣйствительной надобности въ расходахъ по имѣнію, не стѣсняясь существующими нормами, особенно для имѣній мало заложенныхъ; принимать въ разсчетъ, при опредѣленіи размѣра оборотнаго капитала, расходы на спеціальныя отрасли хозяйства и

производства; не признавать сокращеніе хозяйства или обна-
руженное его разстройство обязательнымъ поводомъ къ умень-
шенію или закрытію кредита и, наконецъ, увеличить компетенцію
мѣстныхъ учрежденій государственнаго банка по открытію соло-
вексельныхъ кредитовъ.

II.

Губернскія дворянскія кассы взаимопомощи.

Въ нѣкоторыхъ дворянскихъ обществахъ на собственныя
средства были образованы дворянскія кассы для выдачи ссудъ
дворянамъ землевладѣльцамъ, находящимся случайно въ затрудни-
тельныхъ обстоятельствахъ,—на уплату процентовъ по лежащимъ
на нихъ имѣніяхъ долгамъ. Затѣмъ въ 1897 году, при обсужде-
ніи предположеній о мѣрахъ къ облегченію положенія заемщи-
ковъ государственнаго дворянскаго земельного банка, возникалъ
вопросъ о введеніи въ отношенія дворянскаго банка въ своймъ
заемщикамъ попечительнаго начала, осуществляемаго при по-
средствѣ мѣстныхъ сословныхъ дворянскихъ учрежденій, на по-
добіе дворянскихъ кассъ взаимопомощи, уже существовавшихъ въ
нѣкоторыхъ губерніяхъ.

Но для того, чтобы подобныя учрежденія взаимопомощи могли
получить широкое распространеніе, представлялось необходимымъ
оказаніе имъ нѣкотораго вспомошествованія.

Поэтому, естественно возникалъ вопросъ — не слѣдуетъ ли
выдавать дворянскимъ обществамъ пособие изъ государственнаго
казначейства въ тѣхъ случаяхъ, когда они будутъ приступать
самостоятельно къ устройству подобныхъ кассъ, съ ассигнова-
ніемъ нѣ котораго капитала изъ собственныхъ средствъ.

Цѣлесообразность подобнаго мѣропріятія вызывала, однако,
нѣкоторыя существенныя сомнѣнія.

Съ разныхъ сторонъ высказывалось мнѣніе, что охраненіе
дворянскаго землевладѣнія едва ли можетъ быть достигнуто озна-
ченнымъ путемъ. Въ области поземельнаго кредита предоставле-
ніе заемщикамъ слишкомъ широкихъ льготъ вообще рѣдко при-
носитъ дѣйствительную помощь, въ особенности когда задолжен-
ность дошла уже до крайнихъ предѣловъ. Выдача на покрытие
просроченныхъ взносовъ ссудъ возвыситъ послѣдующій размѣръ
годовыхъ платежей—источникомъ же для покрытия ихъ оста-
нутся тѣ же доходы отъ имѣнія, которые благодаря такой от-
срочкѣ едва-ли сдѣлаются значительнѣе. Предположенный над-

зоръ дворянской кассы за имѣніемъ также не сдѣлаетъ его болѣе доходнымъ. Выданныя ссуды лягутъ лишь новымъ бременемъ на имѣніе и въ конечномъ результатѣ придется все же обратиться къ принудительной его продажѣ и только при еще худшихъ условіяхъ.

Съ другой стороны, въ защиту предполагаемаго мѣропріятія высказывалось, что затруднительное положеніе дворянина можетъ быть временное, вызванное исключительными, случайными неблагоприятными обстоятельствомъ; въ такой моментъ дополнительное пособіе, которое при обыкновенныхъ условіяхъ было бы совершенно бесполезно, можетъ оказать дѣйствительную пользу и спасти землевладѣльца отъ разоренія. Невнесенный въ срокъ платежъ по обременяющему имѣнію долгу увеличиваетъ задолженность на соотвѣтствующую сумму, и пополненіе этого платежа, на счетъ полученной изъ кассы ссуды, не измѣнитъ общаго размѣра задолженности по имѣнію. Несомнѣнно могутъ быть случаи, когда пособіе изъ дворянской кассы не будетъ въ состояніи отвратить катастрофу, но отъ управленія кассы всегда будетъ зависѣть разрѣшать выдачу пособія въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда ссуда дѣйствительно можетъ предотвратить отчужденіе имѣнія, которое безъ такого пособія не могло бы быть сохранено за владѣльцемъ.

Одно то, что въ нѣкоторыхъ дворянскихъ обществахъ уже существуютъ подобныя кассы, доказываетъ, что могутъ быть случаи, когда онѣ будутъ приносить дѣйствительную пользу.

На основаніи вышесказанныхъ соображеній состоялось постановленіе о факультативномъ учрежденіи губернскихъ дворянскихъ кассъ взаимопомощи. Главнѣйшія статьи означеннаго положенія заключаются въ слѣдующемъ.

Губернскія дворянскія кассы могутъ быть учреждаемы по постановленіямъ губернскаго дворянскаго собранія. На составленіе основнаго капитала кассы обращается дворянская складка, устанавливаемая губернскимъ собраніемъ, и разныя другія отчисления и пожертвованія. Кромѣ того, въ теченіе десяти лѣтъ на образованіе капитала кассы имѣетъ производиться ежегодное пособіе изъ казны, въ размѣрѣ дѣйствительно поступившей за истекшій годъ дворянской складки, а въ самый моментъ образованія кассы ассигнуется изъ государственнаго казначейства нѣкоторая единовременная сумма, по непосредственному усмотрѣнію Е. И. В. Кассы выдаютъ потомственнымъ дворянамъ ссуды на производство срочныхъ платежей по займамъ, заключеннымъ подъ залогъ находящихся въ губерніи имѣній. Ссуды

эти съ своей стороны обезпечиваются залогомъ соответственныхъ имѣній или поручительствомъ двухъ благонадежныхъ лицъ изъ числа дворянъ-землевладѣльцевъ губерніи, причемъ общая задолженность имѣнія, вмѣстѣ съ ссудою изъ кассы, не должна превышать 90⁰/₀ его оцѣнки. Кромѣ того, кассамъ предоставляется выдавать дворянамъ землевладѣльцамъ еще ссуды по случаю разнаго рода бѣдственныхъ событій въ хозяйствѣ имѣнія. Эти послѣднія ссуды подлежатъ возврату по истеченіи годового срока со дня ихъ полученія, но въ виду особо уважительныхъ причинъ возвратъ можетъ быть отсроченъ до двухъ лѣтъ.

При выдачѣ ссуды касса или устанавливаетъ надзоръ за имѣніемъ, обезпечивающимъ ссуду, или принимаетъ имѣніе въ свое завѣдываніе впредь до погашенія долга кассѣ. Касса можетъ, однако, по своему усмотрѣнію, — напр., въ случаѣ успѣшнаго возстановленія доходности имѣнія, — передать его обратно заемщику и ранѣе наступленія означеннаго срока. При накопленіи, напротивъ того, недоимки до суммы, превышающей два срочные платежа, касса приступаетъ къ досрочному взысканію долга.

По ходатайству заемщика дворянскаго банка, имѣніе коего назначено въ продажу съ торговъ, кассѣ предоставляется оставить такое имѣніе за собою, войдя предварительно въ соглашеніе какъ съ держателями частныхъ закладныхъ, такъ и съ другими кредиторами владѣльца, требованія которыхъ обезпечены зачетомъ на имѣніи, о порядкѣ расчета съ ними.

Лежащій на имѣніи долгъ дворянскому банку при этомъ переводится на кассу.

Кассѣ предоставляется кромѣ того оставлять за собою также имѣнія, заложенные у нея, если торгъ на продажу не состоится или высшею предложенною цѣною долгъ кассѣ не будетъ покрываться.

Имѣніе, оставленное за кассой, должно быть продано не позже пяти лѣтъ со дня поступленія его во владѣніе кассы. При этомъ, въ случаѣ продажи по вольной цѣнѣ преимущественное право на покупку предоставляется въ порядкѣ постепенности прежнему владѣльцу имѣнія и его нисходящимъ родственникамъ. Касса не обязана, однако, входить въ сношеніе съ прежнимъ владѣльцемъ и его нисходящими. Означенныя лица въ случаѣ желанія выкупить имѣніе обязаны сами предварить о томъ кассу, которая, съ своей стороны, сообщаетъ имъ свѣдѣніе о покупной цѣнѣ, а въ случаѣ продажи съ торговъ — извѣщеніе еще и о днѣ торга.

При переходѣ заложеннаго въ кассѣ имѣнія къ новому вла-

дѣльцу переводъ долга кассы на послѣдняго зависитъ во всѣхъ случаяхъ отъ усмотрѣнія кассы, кромѣ случаевъ перехода имѣнія съ публичныхъ торговъ или по наслѣдству, когда долгъ переводится на новаго владѣльца и помимо согласія кассы. При этомъ если лицо, на которое переведенъ долгъ, лежащій на имѣнии, не принадлежитъ къ числу потомственныхъ дворянъ губернія, то оно обязано во всѣхъ случаяхъ, кромѣ наслѣдованія по закону, погасить весь долгъ въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня акта укрѣпленія на имѣніе или со дня вступленія во владѣніе по завѣщанію.

III.

Пособіе на воспитаніе и образованіе дворянскаго юношества.

Въ 1899 году было постановлено оказывать пособіе дворянскимъ обществамъ на устройство и содержаніе пансіоновъ-пріютовъ для воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства изъ сыновей потомственныхъ дворянъ. Въ этихъ видахъ было рѣшено выдавать дворянскимъ обществамъ на расходы по содержанію такихъ пансіоновъ единовременныя пособія изъ государственнаго казначейства въ полномъ размѣрѣ на устройство такихъ пансіоновъ и ежегодныя пособія въ суммахъ, недостающихъ для покрытія издержекъ по ихъ содержанію, сверхъ расходовъ, принятыхъ на себя дворянствомъ, но не болѣе половины означенныхъ издержекъ.

Соотвѣтственно съ этимъ постановленіемъ было израсходовано на этотъ предметъ изъ государственнаго казначейства въ 1900 г. — 2.000.000 р., въ 1901 г. — 1.000.000 р. и въ 1902 г. тоже 1.000.000 р. Кромѣ того, на государственное казначейство были еще возложены расходы по образованію 415 бесплатныхъ вакансій для сыновей потомственныхъ дворянъ въ двухъ новыхъ кадетскихъ корпусахъ, всего 186.750 р. въ годъ, и вѣторая сумма по учрежденію дворянскихъ сословныхъ стипендій въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства:

Одновременно съ этимъ, тульскимъ предводителемъ дворянства была возбуждена мысль о желательномъ учрежденіи на соединенныя средства дворянства и государственнаго казначейства сословныхъ закрытыхъ школъ особаго типа, предназначенныхъ къ подготовленію сыновей недостаточныхъ потомственныхъ дво-

рянъ для поступленія въ окружныя юнкерскія училища. Школы эти предполагались въ составѣ трехгодичныхъ классовъ съ элементарнымъ курсомъ образованія.

По мнѣнію тульского предводителя дворянства, учрежденіе проектируемыхъ школъ являлось единственнымъ способомъ вернуть значительную часть дворянства къ военной службѣ въ офицерскихъ чинахъ, издавна составлявшей призваніе нашего высшаго сословія. До введенія всеобщей воинской повинности доступъ въ корпусъ офицеровъ былъ широко открытъ сыновьямъ потомственныхъ дворянъ путемъ службы въ юнкерскомъ званіи. Уставъ 1874-го года лишилъ дворянство этого преимущества. Учрежденный тогда, взамѣнъ юнкеровъ, институтъ вольноопредѣляющихся оказался менѣе доступнымъ дворянину, жителю деревни, нежели любому разночинцу, проживающему въ городѣ. Конечно, экзаменъ для поступленія вольноопредѣляющимся, приравненный къ курсу уѣздныхъ училищъ, не могъ считаться труднымъ, но, тѣмъ не менѣе, это все же былъ экзаменъ, требовавшій извѣстныхъ познаній, а приобрѣсти ихъ довольно значительному числу дворянскаго юношества было далеко не легко. Въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ, именно въ тѣхъ, гдѣ дворянство наиболѣе старинное и, такъ сказать, наиболѣе предъ государствомъ заслуженное, по отзыву предводителя дворянства имѣлось не мало дворянскихъ семей, нерѣдко высокаго рода, во послѣдствіи обѣднѣвшихъ и проживавшихъ на незначительныхъ клочкахъ земли, ничтожная доходность коихъ лишила собственниковъ этихъ земель возможности давать какое бы то ни было, даже элементарное, образованіе своимъ сыновьямъ, а тѣмъ болѣе приготовить послѣднихъ къ испытанію по программѣ вольноопредѣляющихся втораго разряда. Въ одной тульской губерніи, по отзыву предводителя дворянства, такихъ, въ сущности обнищавшихъ дворянскихъ семей насчитывалось до 500. Затѣмъ, по его же утвержденію, во всѣхъ безъ исключенія внутреннихъ губерніяхъ много такихъ коренныхъ многосемейныхъ дворянъ, которые, при условіи крайняго напряженія своихъ имущественныхъ средствъ, могутъ давать среднее образованіе только одному изъ своихъ сыновей, на воспитаніе же всѣхъ остальныхъ не въ состояніи удѣлить ничего изъ своего скуднаго бюджета.

Для молодыхъ людей обѣихъ указанныхъ категорій, число которыхъ въ общей совокупности, безъ сомнѣнія, весьма значительно, учрежденіе предполагаемыхъ школъ было бы, по мнѣнію предводителя дворянства, истиннымъ благодѣяніемъ, ибо открывало бы имъ доступъ къ служебной дѣятельности, обеспечивающей без-

Объдное существованіе и отвѣчающей сословнымъ традиціямъ той среды, къ которой они принадлежатъ по рожденію. Подобная мѣра была бы не бесполезна и въ общемъ государственномъ смыслѣ, такъ какъ существованіе ея способствовало бы увеличенію числа потомственныхъ дворянъ въ составѣ офицеровъ нашей арміи.

Предположеніе тульскаго предводителя дворянства встрѣтило сочувствіе въ правительственныхъ сферахъ. Но такъ какъ не въ одной только тульской губерніи имѣлись недостаточныя дворянскія семьи, потребностямъ коихъ въ подготовительномъ образованіи для ихъ сыновей могли бы служить проектируемыя школы, то было признано цѣлесообразнымъ не ограничивать означенную мѣру одною тульскою губерніей и предоставить каждому дворянскому обществу право ходатайствовать объ учрежденіи на вышеуказанныхъ основаніяхъ необходимаго числа такихъ школъ въ предѣлахъ губерніи.

Одновременно съ признаніемъ желательности усиленія дворянскаго элемента въ корпусѣ офицеровъ и принятія съ этою цѣлью соотвѣтствующихъ мѣръ, относительно самой постановки вопроса была, однако, выяснена необходимость существенныхъ измѣненій въ проектируемыхъ правилахъ. Военное вѣдомство стремится къ возвышенію уровня образованія въ средѣ офицеровъ; между тѣмъ, вышеозначенныя школы, въ томъ видѣ, какъ онѣ проектировались, едва ли отвѣчали указанной потребности. Даже въ случаѣ безпрепятственнаго прохожденія воспитанниками школы послѣдующаго курса окружныхъ юнкерскихъ училищъ, такая школа способствовала бы лишь приливу въ корпусъ офицеровъ такихъ лицъ, которыя не имѣли бы среднеобразовательнаго ценза. При соображеніи курса школы съ тѣми требованіями, которыя предъявляются лицамъ, желающимъ подвергнуться существующему конкурсному испытанію для поступленія въ юнкерское училище, нельзя было не усмотрѣть, что требованія эти превышаютъ познанія, которыя могли бы быть приобрѣтаемы молодыми людьми въ проектировавшихся школахъ. Въ теченіе трехлѣтняго курса научныя свѣдѣнія, требуемыя для вступленія въ юнкерскія училища, не могли бы быть усвоены юношами, не получившими никакой подготовки, а такихъ молодыхъ людей и предполагалось именно принимать въ эти школы. Вслѣдствіе вышеназложеннаго было признано необходимымъ учреждать проектируемыя школы не съ трехлѣтнимъ, а съ пятилѣтнимъ курсомъ, съ соотвѣтственнымъ тому расширеніемъ учебной программы.

Школы предположено открывать по ходатайству дворянства отдѣльных губерній по возможности внѣ городовъ, въ деревенской обстановкѣ, въ усадьбахъ, имѣющихъ разныя угодья, какъ садъ, рощу, рѣку и т. п. Составъ воспитанниковъ каждой школы признано необходимымъ опредѣлить въ 120 человекъ интерновъ. Въ виду того, что въ каждой губерніи проживаетъ нѣкоторое число дворянъ, достаточно обеспеченныхъ въ средствахъ жизни, предположено включить въ то число по десяти своекоштныхъ воспитанниковъ съ платою по двѣсти рублей въ годъ. Доходъ отъ нихъ долженъ возмѣщать въ нѣкоторой мѣрѣ расходъ на содержаніе школы.

На устройство каждой школы предположено ассигновать до 150.000 р. изъ государственнаго казначейства, а на содержаніе школы ежегодно сумму въ размѣрѣ отъ половины до трехъ четвертей исчисленныхъ по штату расходовъ, съ тѣмъ, чтобы остальную половину или четверть означеннаго расхода принимало на себя дворянство. Выборъ кандидатовъ предположено предоставить дворянству губерніи, по ходатайству котораго школа будетъ открыта. Представителей дворянства положено, кромѣ того, привлекать непосредственно къ дѣлу въ качествѣ членовъ педагогическаго и хозяйственнаго комитетовъ школы.

Дворянскія кадетскія школы должны будутъ находиться въ вѣдѣніи военнаго министерства.

IV.

Временно-заповѣдныя имѣнія.

Обязательный раздѣлъ родовыхъ дворянскихъ имѣній между всѣми членами семейства, устанавливаемый нашимъ закономъ о наследствѣ, несомнѣнно ведетъ къ дробленію дворянскихъ имѣній и къ измелчанію дворянской собственности.

Устраненіе неблагопріятныхъ для дворянскаго сословія послѣдствій указаннаго закона могло бы быть достигнуто измѣненіемъ самаго закона, въ смыслѣ предоставленія дворянамъ-землевладельцамъ права путемъ завѣщанія передавать свои родовыя имѣнія одному изъ своихъ наследниковъ. Тѣмъ самымъ могло бы быть устранено дробленіе дворянскихъ имѣній ниже извѣстнаго предѣла, ведущаго большею частью, съ теченіемъ времени, къ принудительному отчужденію имѣнія и потому къ убыли дворянскаго землевладѣнія.

Вмѣсто предположенія о подобномъ коренномъ преобразованіи нашего законодательства о наслѣдствѣ, въ средѣ дворянства возникла мысль о допущеніи образованія мелкихъ временно-заповѣдныхъ имѣній—нераздѣльныхъ и неотчуждаемыхъ.

Поводомъ къ тому послужилъ между прочимъ примѣръ того, что въ этомъ отношеніи происходитъ съ нѣкотораго времени въ другихъ государствахъ.

Съ разныхъ сторонъ и между прочимъ въ запискѣ рязанскаго дворянства указывалось на то, что уже въ другихъ странахъ, вслѣдствіе признанія важности интересовъ землевладѣльческаго класса, поземельное законодательство пошло по пути противодѣйствія крайнему измелъчанію имѣній. Упадокъ сельско-хозяйственной промышленности и хищническая обработка земли стали обращать на себя вниманіе законодателя. Ранѣе всего этотъ вопросъ получилъ разрѣшеніе въ Сѣверной Америкѣ изданіемъ закона Homestead-law; замѣчательно, что мотивомъ этого закона послужила не экономическая сторона вопроса, а сознаніе необходимости охранить семью путемъ цѣлостной передачи домашняго очага изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Въ Соединенныхъ Штатахъ существовалъ также законъ равнаго раздѣла земель по наслѣдству, но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ освобождалъ наслѣдника отъ всякой отвѣтственности за долги наслѣдодателя, вслѣдствіе чего землевладѣлецъ могъ пользоваться только личнымъ кредитомъ. Отмѣна этого послѣдняго постановленія повела къ ужасному кризису, до того, что множество землевладѣльцевъ въ разныхъ штатахъ побросали свои владѣнія и направились въ Техасъ на новыя земли. Желая прикрѣпить переселенцевъ къ землѣ и предупредить на будущее время повтореніе того землевладѣльческаго погрома, который проявился въ нѣкоторыхъ другихъ штатахъ, правительство Техаса издало извѣстный Homestead-exemption-law, по которому каждая усадьба становилась принадлежностью всей семьи и обращалась въ такое имущество, котораго никто не можетъ быть лишенъ. На основаніи этого закона каждому землевладѣльцу предоставляется упрощеннымъ формальнымъ порядкомъ, простою записью въ поземельную книгу, объявить свою усадьбу въ опредѣленномъ размѣрѣ, съ домомъ и инвентаремъ, имуществомъ нераздѣльнымъ и не подлежащимъ никакому взысканію. Соответственный законъ съ незначительными измѣненіями былъ введенъ въ послѣдствіи и въ нѣкоторыхъ другихъ штатахъ. Затѣмъ въ Европѣ положеніе о нераздѣльности крестьянскихъ участковъ существуетъ въ Ганноверѣ, подобное же положеніе о нераздѣльности какъ крестьянскихъ,

такъ и дворянскихъ имѣній существуетъ въ Вестфалии, аналогичный законъ о мелкой собственности—въ Австріи и т. д.

Причины, вызвавшія подобныя постановленія въ другихъ странахъ, съ тою же силою дѣйствуютъ и у насъ. Такъ, напр., извѣстный сельско-хозяйственный писатель Шатиловъ, утверждая, что среднепомѣстное дворянство является до сихъ поръ по преимуществу проводителемъ сельско-хозяйственной культуры въ странѣ, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что если эта дѣятельность не дастъ еще вполне всѣхъ результатовъ, то причина къ тому кроется въ необходимости дробить имѣнія между наслѣдниками.

Такимъ образомъ представлялось цѣлесообразнымъ и намъ вступить на этотъ путь, что и подало мысль объ образованіи временно-заповѣдныхъ имѣній, недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ.

Существующій законъ признаетъ учрежденіе безсрочныхъ заповѣдныхъ имѣній, но только для владѣній весьма значительныхъ размѣровъ. По этой причинѣ до сихъ поръ законъ о заповѣдности находилъ примѣненіе лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Со времени изданія закона о заповѣдности, въ 1845 году, по настоящее время всего учреждено только шестьдесятъ заповѣдныхъ имѣній.

Между тѣмъ дворянская собственность средняго типа значительно превышаетъ у насъ группу большихъ землевладѣльцевъ; притомъ же дворяне-землевладѣльцы средняго размѣра обыкновенно тѣснѣе связаны съ землею и съ мѣстными интересами, чѣмъ большіе землевладѣльцы. Можно было поэтому предположить, что въ этой средѣ найдется не мало лицъ, которыя путемъ заповѣдности пожелаютъ сохранить имѣніе въ цѣлости въ своемъ родѣ.

Незначительное развитіе у насъ начала заповѣдности объяснялось, однако, не только тѣмъ, что законъ ставилъ слишкомъ большія требованія относительно размѣровъ имѣнія, могущаго быть обращеннымъ въ заповѣдное, но еще и тѣмъ, что учрежденіе заповѣдности имѣнія предполагается закономъ на вѣчное время, между тѣмъ какъ послѣднее условіе совершенно не свойственно начинаніямъ частно-гражданскаго характера. Въ Англіи, гдѣ маіоратныя имѣнія весьма распространены, не существуетъ заповѣдности, обязательной для всего нисходящаго потомства учредителя.

Вотъ почему и возникла мысль одновременно съ допущеніемъ заповѣдности для менѣе значительныхъ имѣній ограничить ея обязательный срокъ ближайшими поволеніями.

Несмотря на несомнѣнныя неудобства существующаго по-

рядка, возникали, однако, сомнѣнія относительно достижимости полезныхъ для дворянства результатовъ отъ предполагаемой мѣры.

Указывалось, что заповѣдность не согласуется ни съ историческимъ ходомъ нашего законодательства, имѣющаго цѣлью обезпеченіе всѣхъ членовъ семьи, ни съ нравами нашего общества, ослабляя прочность семейныхъ узъ и возбуждая въ семьѣ раздоры со стороны обездоленныхъ ея членовъ; что владѣлецъ заповѣднаго имѣнія, лишенный кредита, вмѣстѣ съ тѣмъ лишается и возможности вводить какія-либо усовершенствованія въ своемъ хозяйствѣ и т. п.

Не отрицая нѣкоторой доли справедливости вышеизложенныхъ соображеній, имъ нельзя было придавать, однако, слишкомъ большого значенія.

Нашъ законъ о наслѣдствѣ стремится, дѣйствительно, къ обезпеченію всѣхъ членовъ семьи, но насколько онъ достигаетъ желаемой цѣли?

Въ сущности онъ ведетъ часто къ совершенно противоположному результату. Вызывая безконечное дробленіе родовыхъ имѣній, онъ тѣмъ самымъ ведетъ только къ разоренію всей семьи, такъ что окончательно ни одинъ изъ ея членовъ не оказывается обезпеченнымъ. Между тѣмъ, при заповѣдности имѣнія глава семейства остается въ обезпеченномъ положеніи и можетъ всегда въ нѣкоторой мѣрѣ оказывать поддержку всѣмъ членамъ семьи. Значеніе заповѣдности не ограничивается устраненіемъ крайняго дробленія дворянскихъ родовыхъ имѣній, но, удерживая въ семьѣ и родѣ дворянскія имѣнія, она можетъ обезпечивать всѣмъ членамъ семьи пріютъ въ родовомъ гнѣздѣ. Это именно и можетъ служить къ укрѣпленію какъ семейныхъ связей, такъ и связей дворянъ съ землею, удерживая ихъ на мѣстахъ; преемственная же принадлежность поземельной собственности упрочиваетъ пріобрѣтаемое нѣсколькими поколѣніями довѣріе окружающаго сельскаго населенія и вліяніе на мѣстное общество. Наконецъ, обязательное обезпеченіе въ нѣкоторой мѣрѣ вдовы и другихъ членовъ семействъ могло бы быть специально оговорено.

Что же касается стѣсненія, которому подвергается владѣлецъ заповѣднаго имѣнія въ пользованіи кредитомъ, то этого стѣсненія отвергать нельзя, но ничѣмъ не ограниченная возможность пользоваться кредитомъ едва ли составляетъ преимущество для владѣльцевъ мелкихъ имѣній. При существующемъ дробленіи имѣній возможность залога ведетъ обыкновенно, въ конечномъ результатѣ, къ отчужденію имѣнія и къ конечному разоренію владѣльца. Притомъ же, владѣлецъ заповѣднаго

имѣнія не лишается возможности пользоваться кредитомъ, хотя и въ крайне умѣренномъ размѣрѣ.

Въ виду всего этого мнѣніе правительства склонилось въ пользу удовлетворенія ходатайства дворянства объ изданіи закона о временной заповѣдности. Затѣмъ оставалось только ближе опредѣлить вопросы: о размѣрахъ временно-заповѣдныхъ имѣній, о границахъ, въ которыхъ имъ можетъ быть предоставлено пользование кредитомъ, и о способѣ обезпеченія не наслѣдующихъ членовъ семейства.

Относительно *низшаго размѣра* имѣній, которыя могутъ быть обращаемы во временно-заповѣдныя, было признано возможнымъ остановиться на размѣрѣ одного дворянскаго ценза, т. е. стоимости не менѣе 15.000 рублей, но за исключеніемъ лежащихъ на имѣніи долговъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ оказались бы имѣнія, которыя не въ состояніи выдержать заповѣдности. Что же касается высшаго предѣла, то было признано цѣлесообразнымъ установить его въ 10.000 дес., размѣръ, составляющій въ настоящее время низшій предѣлъ имѣній, которыя могутъ быть обращаемы въ вѣчно заповѣдныя, такъ какъ не полагалось упразднить закона о послѣднихъ.

По вопросу о границахъ, въ которыхъ владѣльцамъ временно-заповѣдныхъ имѣній можетъ быть предоставлено пользование *кредитомъ*, было принято въ соображеніе, что по основной мысли заповѣдности имѣніе вовсе не можетъ быть обременяемо долгами и можетъ отвѣчать только за тѣ ипотечные долги, которыми имѣніе было обременено еще до объявленія его заповѣднымъ. Могутъ быть, однако, случаи, когда владѣлецъ такого имѣнія, не располагая личнымъ кредитомъ, будетъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе, если онъ будетъ лишень всякой возможности пользоваться какимъ-либо кредитомъ подъ обезпеченіе имѣніемъ. Въ виду этого соображенія признано возможнымъ разрѣшить владѣльцамъ временно-заповѣдныхъ имѣній, въ особыхъ случаяхъ, съ согласія мѣстныхъ предводителей и депутатовъ дворянства, получать изъ государственнаго банка на льготныхъ основаніяхъ ссуды, не превышающія сложности двухгодоговго чистаго дохода имѣнія или 8⁰/₁₀₀ его стоимости, съ нѣкоторымъ послабленіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ временной неисправности владѣльца въ платежахъ, принятіемъ имѣнія на нѣкоторое время въ опеку и т. п.

Съ другой стороны, было признано необходимымъ установить нѣкоторое обезпеченіе въ интересъ какъ могущихъ быть кредиторовъ учредителя заповѣднаго имѣнія, такъ и разныхъ мелкихъ

обиходныхъ долговъ, могущихъ оставаться послѣ всякаго владѣльца такими имѣніями.

Учрежденіе временной заповѣдности въ имѣніи существенно измѣняетъ его кредитное положеніе. До учрежденія заповѣдности всякое взысканіе по долгамъ владѣльца могло быть обращено на имѣніе, капитальная цѣнность котораго являлась основаніемъ кредита. Съ учрежденіемъ заповѣдности имѣніе уже не можетъ быть обращено въ продажу даже за долговныя обязательства, которыя были заключены учредителями до образованія заповѣдности, за исключеніемъ лишь случаевъ залога имѣнія. Такимъ образомъ, личные кредиторы учредителя временно-заповѣднаго имѣнія, вступившіе съ нимъ въ обязательство, до учрежденія заповѣдности, какъ не огражденные залогомъ имѣнія, были бы поставлены въ невозможность получить удовлетвореніе по своимъ требованіямъ. Подобное положеніе дѣла могло бы даже подать поводъ недобросовѣстнымъ землевладѣльцамъ обращать свое имѣніе въ заповѣдное, чтобы такимъ путемъ уклониться отъ обязанности удовлетворять кредиторовъ. Въ видахъ устраненія подобныхъ злоупотребленій было признано необходимымъ допустить принудительное отчужденіе за долги, заключенныя до учрежденія заповѣдности.

По существу заповѣдности, наслѣдники, вступая во владѣніе имуществомъ, не отвѣчаютъ за личные долги, оставшіеся неуплаченными отъ прежняго владѣльца. Въ этомъ отношеніи допущено, однако, исключеніе: 1) для долговъ по счетамъ за издержки по послѣдней болѣзни и погребенію прежняго владѣльца; 2) по содержанію семейства въ послѣднее полугодіе его жизни; 3) по счетамъ за сдѣланныя имъ въ теченіе послѣдняго полугодія починки, поправки и постройки въ имѣніи; 4) по неуплаченному за послѣдніе шесть мѣсяцевъ служителямъ жалованью.

Наконецъ, касательно отвѣтственности владѣльца временно заповѣднаго имѣнія по собственнымъ долгамъ признано необходимымъ предоставить кредитору право, въ случаѣ невозможности покрыть свои претензіи изъ другого имущества владѣльца или изъ доходовъ имѣнія, требовать учрежденія надъ имѣніемъ администраціи. Обращаясь, наконецъ, къ вопросу объ обезпеченіи и наслѣдниковъ послѣ смерти владѣльца временно-заповѣднаго имѣнія, необходимо различить два случая: обезпеченія наслѣдниковъ послѣ учредителя временно-заповѣднаго имѣнія и обезпеченіе наслѣдниковъ послѣдующаго владѣльца такимъ имѣніемъ.

Въ первомъ случаѣ этотъ вопросъ совершенно устранился бы при согласіи всѣхъ будущихъ наслѣдниковъ на превращеніе ро-

дового имѣнія во временно-заповѣдное, или въ случаѣ обезпеченія ихъ изъ другого имущества учредителя.

Принимая, однако, въ соображеніе, что вновь создаваемый видъ заповѣдности состоитъ въ обезпеченіи сохраненія дворянскихъ имѣній неотчуждаемыми и нераздробляемыми въ рядѣ поколѣній, не только въ интересѣ отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ, но и въ видахъ государственной пользы, связанной съ существованіемъ дворянскаго землевладѣнія, нельзя не имѣть въ виду, что подобная задача невыполнима безъ нѣкотораго матеріальнаго ущерба для членовъ семьи, устранимыхъ въ каждомъ поколѣніи отъ наслѣдованія имѣніемъ, обрацаемымъ во временно-заповѣдное. Вотъ почему признано возможнымъ постановить слѣдующее: въ случаяхъ отсутствія согласія всѣхъ будущихъ наслѣдниковъ или невозможности обезпеченія остальныхъ изъ другого имущества—если стоимость имѣнія превышаетъ 25.000 р., разрѣшается превращать имѣніе въ заповѣдное при условіи обезпеченія участи каждаго изъ прочихъ наслѣдниковъ учредителя, соразмѣрно законнымъ ихъ долямъ, такъ чтобы превышеніе наслѣдственной доли получающаго временно заповѣдное имѣніе составляло не болѣе 25.000 р.; если же общая стоимость имѣнія менѣе 25.000 р. (сверхъ банковаго долга), то заповѣдность можетъ быть учреждаема безъ всякаго обезпеченія ненаслѣдующихъ въ такомъ имѣніи членовъ семьи учредителя.

Что же касается наслѣдниковъ владѣльца существующаго заповѣднаго имѣнія, то ихъ положеніе оказывается уже предопредѣленнымъ. Не имѣя возможности распоряжаться заповѣднымъ имѣніемъ для раздѣла наслѣдства, владѣлецъ могъ бы принять только другія доступныя для него мѣры, въ смыслѣ капитализаціи части доходовъ, чтобы не оставить остальныхъ дѣтей въ положеніи полной необезпеченности. Въ случаѣ же смерти владѣльца, не сдѣлавшаго никакого распоряженія въ этомъ отношеніи, признано возможнымъ постановить, чтобы въ имѣніяхъ, превышающихъ стоимость 100.000 р., былъ составленъ особый капиталъ, для раздѣла между остальными дѣтьми и равняющійся двухлѣтнему съ имѣнія чистому доходу. Владѣльцу же имѣнія стоимостью отъ 25 до 100 тыс. руб. предоставляется право (но не обязанность) возлагать на своего наслѣдника по имѣнію такое обязательство относительно дѣтей, не наслѣдующихъ послѣ него.

Для образованія означеннаго капитала имѣніе можетъ быть закладываемо, но съ тѣмъ, чтобы сумма всѣхъ долговъ на имѣніи не превышала 33% его стоимости.

Относительно вдовы владѣльца заповѣднымъ имуществомъ было бы несправедливо оставлять ее безъ всякаго обезпеченія, а потому признано необходимымъ предоставить вдовѣ какъ учредителя, такъ и всякаго послѣдующаго владѣльца заповѣднымъ имѣніемъ, какава бы ни была стоимость послѣдняго, право на полученіе по смерти или по вступленіи ея въ новое замужество одной шестой части чистаго дохода съ имѣнія.

Если владѣтель имѣнія—лицо женскаго пола, то указанная права переходятъ къ мужу покойной и ея дѣтямъ.

Выборъ наслѣдника предоставленъ учредителю, но при наличности прямыхъ нисходящихъ потомковъ не допускается назначеніе наслѣдника изъ числа боковыхъ родственниковъ, и мужское потомство предпочитается женскому.

Учредителю и послѣдующимъ владѣльцамъ, не имѣющимъ нисходящаго потомства, предоставлено право завѣщать имѣніе въ пожизненное владѣніе женѣ.

Затѣмъ еще постановлено, что при переходѣ временно-заповѣднаго имѣнія по наслѣдству, оно освобождается отъ взиманія пошлинъ, установленныхъ съ имуществовъ переходящихъ безмезднымъ способомъ и, наконецъ, что свойство временно-заповѣднаго имѣнія можетъ быть уничтожено не ранѣе двухъ слѣдующихъ за учредителемъ поколѣній духовнымъ завѣщаніемъ лица унаслѣдовавшаго имѣнія отъ перваго за учредителемъ владѣльца.

V.

Наслѣдственно (вѣчно)-заповѣдныя имѣнія.

Параллельно съ образованіемъ временно-заповѣдныхъ имѣній сохраняется сила и основной законъ о наслѣдственныхъ заповѣдныхъ имѣніяхъ.

Высшій размѣръ, который былъ принятъ для временно-заповѣдныхъ имѣній—10.000 десятинъ—совпадалъ съ низшимъ размѣромъ, существовавшимъ для наслѣдственно заповѣдныхъ имѣній.

По этому поводу возникъ вопросъ—не слѣдуетъ ли понизить низшій размѣръ наслѣдственныхъ имѣній.

При такомъ пониженіи оказалась бы цѣлая группа имѣній, которыя по размѣру своему стали бы подходить подъ требованія закона какъ временной, такъ и вѣчной заповѣдности. Съ этимъ не только не связывалось бы никакого неудобства, но, напро-

тивъ того, такое совмѣстное существованіе двухъ типовъ имѣній давало бы возможность землевладѣльцамъ, сообразно съ ихъ желаніями и семейными условіями, обращать свое имѣніе въ ту или другую форму заповѣдности.

И при настоящихъ тяжелыхъ условіяхъ средняго дворянскаго землевладѣнія положеніе отдѣльныхъ хозяевъ представляется далеко не одинаковымъ. Въ числѣ среднепомѣстныхъ владѣній есть многія, которыя или вовсе не заложены, или заложены въ небольшой соразмѣрно съ ихъ стоимостью суммѣ. Они заключаютъ въ себѣ элементы наибольшей сельско-хозяйственной устойчивости, и владѣльцы ихъ находятся въ наилучшихъ условіяхъ мѣстнаго быта. Сохраненію подобныхъ помѣстій отъ раздробленія и перехода во владѣніе лица другого сословія нельзя было не придавать существеннаго значенія. Собственники означенныхъ имѣній не нуждаются въ особыхъ облегченіяхъ, а поэтому допускаемые для временно-заповѣдныхъ имѣній льготныя правила по уплатѣ банковыхъ долговъ не могли бы ихъ привлечь къ обращенію своихъ помѣстій во временно-заповѣдныя. Можно даже предполагать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мысль объ отмѣнѣ заповѣдности въ третьемъ поколѣннн могла бы отвратить владѣльцевъ такихъ имѣній отъ превращенія ихъ во временно-заповѣдныя. Поэтому казалось цѣлесообразнымъ предоставить владѣльцамъ имѣній означенной категоріи право устанавливать для нихъ наследственную заповѣдность.

Вслѣдствіе вышеизложенныхъ соображеній постановлено понизить низшій размѣръ имѣній, которыя могутъ быть обращаемы въ наследственно-заповѣдныя до 5.000 десятинъ или до размѣра имѣній, принсящихъ не менѣе 6.000 рублей дохода.

VI.

Расширеніе права выкупа родовыхъ имѣній.

Одновременно съ вопросомъ о временной заповѣдности былъ возбужденъ вопросъ о расширеніи права выкупа родовыхъ имѣній, о чемъ были заявлены пожеланія въ нѣкоторыхъ дворянскихъ запискахъ.

По закону выкупъ родовыхъ населенныхъ имѣній предоставляется дворянамъ безъ всякаго ограниченія; что же касается до ненаселенныхъ имѣній, то право выкупа ихъ допускается только при условіи принадлежности продавца и покупателя къ одному сословію.

До освобожденія крестьянъ земельныя имущества находились почти исключительно въ рукахъ дворянъ, которые одни только могли владѣть населенными имѣніями. Въ собственность лицъ другихъ сословій могли поступать только ненаселенныя имѣнія. Но такъ какъ и послѣднія входили большею частью въ составъ родовыхъ дворянскихъ имѣній, то примѣненіе и къ нимъ права выкупа лишило бы лицъ другихъ сословій почти всякой возможности сохранить за собою пріобрѣтенныя ими земли. По этой причинѣ относительно ненаселенныхъ земель и было ограничено право выкупа принадлежностью продавца и покупателя къ одному сословію.

Съ отмѣною крѣпостного права все это измѣнилось, — всѣ имѣнія получили характеръ ненаселенныхъ земель. При такихъ условіяхъ вышеуказанное ограничительное условіе, теряя разумное основаніе, становится только препятствіемъ для дворянъ выкупать свои родовыя имѣнія, перешедшія въ руки лицъ другихъ сословій. Вотъ почему и былъ возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ существующаго ограниченія.

Цѣлесообразность расширенія права выкупа вызвала однако немаловажныя сомнѣнія.

Съ одной стороны, въ общемъ количествѣ сдѣлокъ на недвижимыя имѣнія выкупъ родовыхъ имѣній имѣетъ лишь ничтожное значеніе и потому не можетъ содѣйствовать въ сколько-нибудь значительной мѣрѣ сохраненію за дворянами ихъ недвижимаго имущества; а съ другой стороны, всякое расширеніе существующаго права выкупа распространило бы связанныя съ нимъ неудобства на болѣе широкій кругъ лицъ, являющихся покупателями дворянскихъ имѣній. Въ конечномъ результатѣ это отразилось бы неблагоприятно и на интересахъ самого дворянства. Съ развитіемъ промышленности и экономическихъ оборотовъ неудобства права выкупа должны постоянно возрастать. Земли мобилируются и образуютъ новыя сельско-хозяйственныя и промышленныя единицы, въ составъ которыхъ входятъ нерѣдко уголья, пріобрѣтенныя въ разное время отъ разныхъ лицъ по отдѣльнымъ актамъ, причемъ могутъ оказаться и участки бывшіе родовые. Выкупъ такихъ участковъ могъ бы разрушить хозяйственное или промышленное значеніе имѣнія и обезцѣнить остающіяся части имѣнія. Лицо, выкупающее родовое имѣніе, обязано по закону уплатить сверхъ цѣны имѣнія и крѣпостныхъ пошлинъ издержки, употребленныя настоящимъ владѣльцемъ на поддержаніе и улучшеніе имѣнія, расходы же по хозяйственному обзаведенію не подлежатъ возврату; между тѣмъ пріобрѣтенный вла-

дѣльцемъ живой и мертвый инвентарь можетъ оказаться для него совершенно ненужнымъ. Что же касается средствъ, употребленныхъ владѣльцемъ на улучшеніе имѣнія, то опредѣлить ихъ съ точностью будетъ всегда крайне трудно.

При такихъ условіяхъ едва ли нашлось бы значительное число лицъ, которыя рѣшились бы употребить свои капиталы на покупку имѣній, могущихъ подлежать выкупу. Распространеніе права выкупа на родовыя имѣнія, отчужденныя лицамъ не дворянскаго происхожденія, неизбѣжно повело бы, поѣтому, къ сокращенію числа покупателей дворянскихъ имѣній. Тѣ же лица, которыя все же рѣшились бы приобрѣтать подобныя имѣнія, озаботились бы огражденіемъ себя отъ возможнаго выкупа, посредствомъ означенія въ купчихъ крѣпостяхъ увеличенной цѣны имѣнія. Оба эти послѣдствія отразились бы неблагоприятно на интересахъ дворянъ-продавцовъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, а также принимая въ соображеніе, что этотъ вопросъ затрагиваетъ не только интересы дворянъ, но и другихъ сословій, и потому требуетъ предварительно всесторонняго рассмотрѣнія въ связи съ общимъ вопросомъ о родовыхъ имуществахъ—признано было умѣстнымъ передать этотъ вопросъ предварительно на рассмотрѣніе комиссіи для составленія гражданскаго уложенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было признано, однако, возможнымъ допустить освобожденіе отъ уплаты крѣпостныхъ пошлинъ сдѣлки по выкупу родовыхъ имѣній, въ виду того, что подобное облегченіе не повлечетъ за собою увеличенія числа выкупныхъ сдѣлокъ.

Θ. ТЕРНЕРЪ.

„ВѢРНЫЙ ПУТЬ“

Р А З С К А З Ъ.

I.

Выпускные воспитанники одного изъ духовныхъ учебныхъ заведеній смущены и взволнованы до послѣдней степени.

Жили они до сихъ поръ въ полной дружбѣ и согласіи; одинъ другому помогали, другъ за друга стояли и „сора изъ избы никогда не выносили“.

И вдругъ недавно стали они замѣчать, что среди нихъ завелся какой-то наущникъ, который все переноситъ начальству: и что они дѣлають, и куда ходять по праздникамъ, и съ кѣмъ знакомство ведутъ, и даже что говорить между собой.

Отправятся ли, напримѣръ, семинаристы вечеркомъ поплясать куда-нибудь, — никто объ этомъ, кажется, не знаетъ, а смотришь, у танцоровъ тотчасъ же уменьшаются отмѣтки въ поведеніи.

Получить ли кто-нибудь интересную брошюрку или письмо отъ бывшаго товарища, перешедшаго въ университетъ, и черезъ нѣсколько часовъ и то и другое отбирается.

Случится ли кому въ разговорѣ съ товарищами рѣзко отозваться о своемъ ближайшемъ начальствѣ, и на другое же утро отецъ-ректоръ непремѣнно подзоветъ увлекшагося юнца и, внушительно повачивая влобукомъ, скажетъ:

— А вамъ, господинъ Петровъ, лучше бы слѣдовало помнить слова апостола: „повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь, ти бо бдять о душахъ вашихъ“.

— Что за притча?—ворчить про себя получившій замѣчаніе:—говорилъ вчера только при Васильевѣ и Лапидевскомъ, а сегодня ужъ и этому извѣстно.

Долго не могли семинаристы понять, какимъ образомъ доходятъ до инспекціи ихъ маленькія тайны.

Пробовали слѣдить, не подслушивается ли кто; наблюдали за классными и спальными служителями, но ничего подозрительнаго съ этой стороны не замѣчалось.

Прислуживавшіе семинаристамъ запасные ефрейторы и вахмистры видимо вовсе не интересовались бесѣдами своихъ „господъ“.

Подмета вое-какъ полъ и наскоро перемывъ посуду, они спѣшили на любимую „приворотную“ скамеечку, гдѣ, лихо покручивая усы, доказывали мѣстнымъ горничнымъ и кухаркамъ, что побѣдоносное всероссійское воинство несокрушимо и „кого хошь раскатаеть, только бы приказъ вышелъ“.

Ожидать шпіонства отъ этихъ недалекихъ, самодовольныхъ людишекъ было смѣшно и нелѣпо.

Корень зла таился, очевидно, не здѣсь.

— Но гдѣ же, гдѣ? — ломали голову возмущенные семинаристы.

Крѣпкія товарищескія традиціи, издавна установившіяся въ семинаріяхъ, не допускали даже и мысли, что предателемъ можетъ быть кто-либо изъ своихъ же однокурсниковъ.

Донести, „сфискалить“ на товарища, да еще въ старшемъ, выпускномъ классѣ, казалось невозможнымъ.

Пойти на такую низость могъ какой-либо „приготовишеа“ уѣзднаго училища, но не взрослые „кандидаты священства“, которымъ въ большинствѣ уже порядочно перевалило за двадцать лѣтъ.

Младшіе воспитанники въ спальню выпускныхъ и тѣмъ болѣе въ классъ почти никогда не допускались.

Инспектора, его помощниковъ и надзирателей остерегались какъ огня, и вступали съ ними только въ самые необходимые разговоры.

При такихъ условіяхъ, казалось бы, все должно было оставаться „шито-крыто“, а между тѣмъ всякое неосторожное слово, каждый самый незначительный проступокъ воспитанника немедленно же достигали ушей начальства и вызывали болѣе или менѣе строгую кару.

Долго и упорно боролись семинаристы съ наушничествомъ, но такъ бы, вѣроятно, никогда и не открыли неуловимаго фискаля, еслибы, наконецъ, не пришелъ имъ на помощь всесильный случай.

II.

Василій Ѳедоровичъ Аннинскій,—лучшій ученикъ шестого класса,—вернулся какъ-то изъ отпуска довольно поздно.

Когда онъ вошелъ въ спальню, всѣ уже спали.

Аннинскій присѣлъ на свою кровать, покрытую сѣрымъ байковымъ одѣяломъ, и сталъ тихонько раздѣваться, стараясь не потревожить спящихъ.

Какъ ни старался молодой семинаристъ быть осторожнымъ, однако, стаскивая еще не разносившіеся сапоги, онъ сильно ударился ногою о ночной столикъ и разбудилъ лежавшаго рядомъ товарища.

— Ѳедорычъ! это ты?—соннымъ голосомъ спросилъ разбуженный, не открывая глазъ.

— Я, голубчикъ, я. Прости, что тебя обезпокоилъ. Сапоги проклятые: еле-еле снялъ.

— Ну, не бѣда: успѣю еще выспаться. Который теперь часъ?

— Половина второго.

— Ого! Ты сейчасъ только пришелъ?

— Да, минутъ десять назадъ.

— А Шурка Ильинскій? Вы вѣдь, кажется, вмѣстѣ уходили?

— Шурка, должно быть, сзади идетъ. Я съ нимъ сегодня разсорился.

— Ну?! Изъ-за чего?

— Какъ же, помилуй! Знаешь, что я совсѣмъ не могу пить, и чуть не насильно влилъ мнѣ въ ротъ двѣ рюмки воды.

— Вѣроятно, онъ и самъ-то шибко пьянъ?

— Конечно. Едва ноги передвигаетъ. Будь онъ трезвъ, съ нимъ бы вѣдь еще можно сговориться, а пьяный онъ, самъ знаешь, никакихъ резоновъ не принимаетъ: „пей“, да все тутъ. Однако, прощай, голубчикъ! Я хочу поскорѣй заснуть; голова очень кружится и тошнить начинается.

— Покройной ночи!

Аннинскій залѣзъ подъ одѣяло и вѣрѣево закрылъ глаза. Сонъ, однако, бѣжалъ отъ него. Его товарищъ снова уже сладко храпѣлъ, а онъ все еще безпокойно вертѣлся съ боку на бокъ. Иногда онъ совсѣмъ уже начиналъ забываться; дыханіе становилось ровнѣй, сознаніе затемнялось... Еще нѣсколько секундъ, и онъ вступилъ бы въ царство сновидѣній. Но непривычное къ алкоголю сердце вдругъ принималось усиленно биться, и онъ мгновенно просыпался весь въ холодномъ поту.

Въ концѣ концовъ Василій Ѳедоровичъ потерялъ всякую надежду заснуть и лежалъ на спинѣ съ открытыми глазами. Голова его тяжела была какъ свинецъ. Въ ухахъ шумѣло. Въ пересохшемъ рту ощущался отвратительный вкусъ виннаго перегара.

Не легче было и на душѣ.

„Вотъ дернула нелегкая нажраться,—мысленно казнилъ себя молодой человѣкъ,—и ради чего? Удовольствія ни малѣйшаго: въ желудкѣ скверно, на сердцѣ тоже нехорошо,—точно больной. Да и завтра, пожалуй, будетъ не лучше, послѣ безсонной-то ночи. А на первомъ урокѣ какъ разъ церковная исторія, а потомъ догматическое богословіе,—предметы все серьезные. Вотъ нарвусь на единицу, въ шестомъ-то классѣ, такъ и будетъ ладно: придется вмѣсто академіи въ дѣячки идти. Ахъ, гадость, гадость!“

Часы пробили два, три, четыре .. Аннинскій все еще не спалъ.

„Однако, мнѣ необходимо заснуть, во что бы то ни стало,—не на шутку взволновался онъ, когда рѣзкій ударъ возвѣстилъ половину пятаго:—если я не вздремну хоть полчаса, я завтра расхвораюсь въ самомъ дѣлѣ. Сходить развѣ холодной водой помыться? Говорять, отъ бессонницы это очень помогаетъ“.

Василій Ѳедоровичъ началъ уже искать рукою висѣвшее въ головахъ полотенце, какъ вдругъ вниманіе его привлечено было очень страннымъ явленіемъ.

Помѣщавшійся насупротивъ него семинаристъ, доселѣ, по-видимому, крѣпко спавшій, неожиданно поднялся и, осторожно ступая, сталъ поочередно обходить всѣ кровати, заглядывая въ лица спящихъ.

— Что съ нимъ такое? Лунатикъ онъ, что ли? — съ недоумѣніемъ подумалъ Аннинскій и инстинктивно закрылъ глаза, когда обходившій наклонился надъ его постелью.

Убѣдившись, что всѣ товарищи покоятся мертвымъ сномъ, „лунатикъ“ накинулъ на плечи сюртукъ, остальные части костюма взялъ подъ мышку и тихо вышелъ за дверь.

— Куда это онъ пошелъ?—еще болѣе удивился Василій Ѳедоровичъ, съ любопытствомъ наблюдавшій за ушедшимъ:—если хочетъ зубрить, такъ классы еще не открыты. Въ уборную, можетъ быть? Но зачѣмъ же онъ взялъ тогда съ собой галстукъ, жилетъ и брюки? Странно что-то. А, впрочемъ, я сейчасъ узнаю: пойду мыться и посмотрю.

Аннинскій проворно вскочилъ съ постели, обулся и, захвативъ полотенце, направился въ уборную.

III.

Уборная была пуста.

Не видно было ни души и на длинномъ корридорѣ, тянущемся между спальнями. Только на ступеняхъ широкой лѣстницы, ведущей въ квартиру ректора, глухо раздавались чьи-то осторожные шаги.

— Вотъ удивленье-то! И здѣсь никого,—развелъ руками Аннинскій:—куда-жъ онъ въ самомъ дѣлѣ могъ уйти? Неужто на свиданье съ кѣмъ-нибудь? Да нѣтъ: гдѣ ему, такому вахлаву. Да и наружность тоже несладкая: глазки крошечные, скулы какъ у татарина, на подбородкѣ всегда щетина. Кто на такого-то польстится? Ну, однако, задумываться надъ этимъ не стоитъ: спрошу завтра прямо, и вся недолга.

Начиная голову и вытеревъ грудь и спину мокрымъ полотенцемъ, Василій Ѳедоровичъ возвратился въ спальню и снова легъ въ постель. Освѣщенное тѣло его подергивалось пріятнымъ ознобомъ. Его сильно клонило ко сну, но мысль объ ушедшемъ товарищѣ ни на минуту не покидала его.

— Если онъ не въ уборной, не въ классѣ и не на свиданіи, то гдѣ же онъ, наконецъ? Выйти ночью изъ этого зданія нельзя нигуда: выходныя двери всѣ заперты, и ключи у дежурнаго служителя, который ходитъ снаружи и не выпуститъ никого. Внутри же зданія—только спальни, классы, помѣщенія прислуги и квартира ректора. Ба! Да ужъ не къ нему ли онъ пошелъ? Въ такую-то пору? Невѣроятно. Да и зачѣмъ?

И вдругъ молодого человѣка осѣнила идея, которая разомъ стряхнула съ него надвигавшійся сонъ.

— А чтò, если онъ ходитъ къ ректору наушничать? Знаетъ же черезъ кого-нибудь начальство каждый нашъ шагъ. И развѣ это ужъ такъ невозможно? Ректоръ вѣдь самъ похвалялся, что встаетъ всегда въ четыре часа утра.

Анинскому невольно стали припоминаться въкоторые странные случаи изъ жизни подозрительнаго товарища.

Вспомнилъ онъ, какъ впервые посѣтилъ семинарію новый преосвященный, только-что пріѣхавшій на епархію.

Владыка прибылъ очень рано, когда воспитанники присутствовали еще на утренней молитвѣ.

Ради такого выходящаго изъ ряда событія моленіе Господу Богу было прервано. вмѣсто обычныхъ молитвословій ангелу

и пр. дорогого гостя встрѣтили въ дверяхъ рекреационнаго зала входнымъ „Достойно“.

Совершивъ отпустъ и выслушавъ громовое „Исполнѣти дѣспота“, исполненное четырьмя слишкомъ сотнями голосовъ, преосвященный началъ благословлять подходящихъ одинъ за другимъ воспитанниковъ.

По установившемся обычаю, первыми принимали благословеніе младшіе классы.

Владыка быстро осѣнялъ подходившихъ нѣжною, бѣлою рукою и, не говоря ни слова, подавалъ ее для поцѣлуя.

Приблизился, наконецъ, и выпускной курсъ.

Преосвященный взглянулъ черезъ плечо на стоящаго сзади ректора и, медленно растягивая слова, сказалъ:

— А покажите-ка мнѣ вашего лучшаго ученика?

Аннинскій и другой воспитанникъ, шедшіе первыми въ классѣ, быстро оправили скуртуки и приготовились предстать предъ владычннми очи. Они ожидали только знака своего начальника, но отецъ-ректоръ выискивалъ глазами кого-то другого.

Замѣтивъ въ заднемъ ряду низенькаго семинариста съ крошечными, безцвѣтными глазками и широкими татарскими скулами, онъ радостно закивалъ ему головой и произнесъ тонкимъ фальцетомъ, который почему-то всегда являлся у него въ присутствіи начальства:

— Господинъ Миролюбовъ! пожалуйста сюда!

Одликнутый вышелъ, изумительно тонко изображая всей своей невзрачной фигурой полное смиреніе и почтеніе.

— Вотъ, ваше высокопреосвященство, нашъ примѣрный ученикъ!—сказалъ, подобострастно склонившись, ректоръ.

Архіерей истово благословилъ Миролюбова, и когда тотъ цѣловалъ ему руку, слегка коснулся губами его головы. Однако, выраженіе лица „примѣрнаго ученика“, должно быть, показалось епископу недостаточно интеллигентнымъ, и онъ съ легкимъ сомнѣніемъ въ голосъ спросилъ:

— И учится хорошо? Способенъ?

Ректоръ чуть замѣтно съѣжился и взглянулъ на инспектора.

Тотъ понялъ этотъ взглядъ и, ни минуты не задумываясь, густымъ, „протоіаконовскимъ“ басомъ гаркнулъ:

— Совершенно удовлетворительно, ваше высокопреосвященство, совершенно удовлетворительно.

— Хвалю, хвалю,—милостиво произнесъ владыка и ласково потрепалъ Миролюбова по плечу:—старайтесь, работайте, а мы будемъ имѣть васъ въ виду.

Семинаристы въ недоумѣнн даже рты поразѣвали.

Они знали, что Миролюбовъ—самая бездарная посредственность, что онъ еле-еле переходитъ изъ класса въ классъ и окончитъ курсъ, вѣроятно, послѣднимъ. Знали они, что и нравственные устои Миролюбова недостаточно тверды, что онъ—золъ, завистливъ, жаденъ, склоненъ въ сплетнямъ и ханжеству. Они отлично понимали, что и для властей семинарскихъ все это—не тайна, и вдругъ такой отрицательныхъ качествъ субъектъ ставится имъ „примѣромъ“.

Что-то странное и ни съ чѣмъ несообразное!

„А... теперь я все это прекрасно понимаю,—думалъ Аннинскій, лежа на постели:—онъ наушничалъ, переносилъ о насъ все ректору, вотъ и оказался примѣрнымъ. Тутъ просто была услуга за услугу“.

Вспомнился ему и другой случай, бывший совѣмъ ужъ недавно.

Въ числѣ семинарскихъ педагоговъ былъ нѣкто Александръ Александровичъ Металловъ, преподававшій въ старшихъ классахъ греческій языкъ.

Металловъ носилъ ученую степень магистра и лѣтъ уже десять считался „восходящей звѣздой“ богословской науки, но въ сущности былъ человекъ ограниченный и бездарный.

Онъ достигъ магистерства благодаря лишь своей изумительной усидчивости и трудолюбію и, главнымъ образомъ, поддержкѣ профессора-рецензента, съ дочерью котораго онъ былъ помолвленъ еще на послѣднемъ академическомъ курсѣ.

Добродушный старецъ, безумно любившій свою „дѣвчурку“, переработалъ самъ всю диссертацию будущаго зятя и далъ объ авторѣ восторженный отзывъ, назвавъ его между прочимъ „будущимъ свѣтиломъ“.

Заручившись такой аттестаціей, Александръ Александровичъ рискнулъ просить кѣреды въ родной академіи, но противъ этого энергично возсталъ ректоръ, извѣстный своею прямою и неподкупностью, и въ высшемъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія одною безталантностью стало меньше.

Скрѣпя сердце, Металловъ примирился съ неудачей и взялъ мѣсто преподавателя греческаго языка въ семинаріи.

Профессорскій отзывъ и здѣсь сослужилъ ему службу: его встрѣтили съ большимъ почетомъ, какъ человека выдающагося по способностямъ, и голосъ его сразу же приобрѣлъ значительный вѣсъ въ семинарскихъ дѣлахъ.

Наученный горькимъ опытомъ, Металловъ принялъ, однако, и другія мѣры, чтобы еще болѣе упрочить свое положеніе.

Такъ, ректоръ былъ у него воспріимникомъ всѣхъ пятерыхъ дѣтей.

Инспекторъ состоялъ духовникомъ его жены, а для помощниковъ инспектора, надзирателей и остального учебнаго персонала Металловъ ежемѣсячно устраивалъ званые обѣды, кончавшіеся обыкновенно далеко за полночь.

Благодаря такимъ приемамъ, Александръ Александровичъ пользовался полнымъ расположеніемъ всей семинарской корпораціи и въ особенности ректора, который при всякомъ удобномъ случаѣ выпрашивалъ своему любезному куманьку чинокъ или орденчекъ.

Не любили Металлова одни лишь семинаристы.

Его черствость, сухое, безцвѣтное преподаваніе и недостатокъ снисходительности къ питомцамъ возстановляли противъ него даже самыхъ тихихъ и безобидныхъ скромниковъ.

Особенно ненавидѣли его воспитанники за полное неумѣнье сообразоваться съ силами учениковъ.

Двѣ-три страницы перевода изъ какаго-нибудь тяжеловѣснаго „Шестоднева“ Василія Великаго или „Пастыря“ Ерма были у него самымъ обычнымъ урокомъ.

Когда же преподавателю хотѣлось поскорѣе дочитать какую-нибудь главу, число страницъ увеличивалось до пяти и даже десяти.

— Помилуйте, Александръ Александровичъ,—пробовали въ началѣ возражать семинаристы:—намъ этого не приготовить; вѣдь у насъ, кромѣ вашего, еще четыре урока каждый день, надо же и ихъ подучить.

На подобныя заявленія Металловъ отвѣчалъ обыкновенно тѣмъ, что на другой день обязательно спрашивалъ всѣхъ „протестантовъ“ и выставлялъ имъ въ классномъ журналѣ по жирной единицѣ, хотя бы они и довольно порядочно знали урокъ.

Такія своеобразныя мѣры привели, разумѣется, къ тому, что воспитанники перестали вступать съ преподавателемъ въ откровенныя объясненія и рѣшили прибѣгнуть къ обману.

Наблюдательная молодежь очень скоро подмѣтила, что ихъ „грекъ“ мнить себя великимъ знаткомъ своего предмета и при всякомъ удобномъ случаѣ любить пускаться въ пространныя филологическія разьясненія.

Цѣлыми часами, напримѣръ, могъ онъ толковать о значеніи приставки „де“ или объ отличіи аориста отъ прошедшаго-совершеннаго.

Этою слабостью Металлова очень остроумно и воспользовались семинаристы.

Когда данная Александромъ Александровичемъ работа казалась имъ чрезчуръ обременительной, они условливались готовить только половину ея, треть или и того еще меньше. Затѣмъ лучшіе ученики старательно выискивали нѣсколько „заковыристыхъ“ мѣстъ, на которыхъ можно было остановить вниманіе преподавателя и съ легкимъ сердцемъ приступали къ другимъ занятіямъ.

Начинался урокъ Александра Александровича.

Воспитанники переводили, дѣлали грамматическій и стилистическій разборъ, приводили комментаріи,—однимъ словомъ, все шло, какъ по маслу.

Но вотъ достигали, наконецъ, одного изъ намѣченныхъ мѣстъ. Скрытая въ немъ филологическая тонкость большею частью ускользала отъ вниманія Металлова.

Тогда вставалъ кто-либо изъ „первачей“ и съ самымъ невиннымъ видомъ задавалъ вопросъ:

— Александръ Александровичъ! А почему здѣсь поставленъ родительный падежъ? Вѣдь по правилу слѣдовало бы, кажется, дательный съ предлогомъ?

Этого было вполне достаточно, чтобы Металловъ пустился въ пространнѣйшія объясненія.

Онъ начиналъ толковать своимъ питомцамъ, что извѣстныя имъ правила грамматики составлены по лучшимъ писателямъ „золотого вѣка“ и не могутъ примѣняться въ полномъ объемѣ къ изучаемому автору, жившему уже во времена упадка греческой литературы; что употребленіе предлога отняло бы тотъ оттѣнокъ настойчиваго запрещенія, который имѣлъ въ виду придать въ данномъ случаѣ авторъ; что, наконецъ, благородное ухо грековъ, не выносившее сліянія такихъ-то и такихъ-то звуковъ, требуетъ непремѣннаго исключенія предлога.

Самоулаждаясь обширностью своихъ познаній, преподаватель разливался соловьемъ, а воспитанники украдкой поглядывали на часы и тихонько посмѣивались, радуясь, что до конца урока уже остается лишь нѣсколько минутъ.

Александръ Александровичъ былъ очень доволенъ любознательностью своихъ учениковъ и приписывалъ это своему умѣлому преподаванію.

— Всякій даже самый сухой предметъ можно сдѣлать интереснымъ для изученія,—ораторствовалъ онъ въ учительской комнатѣ, съ чувствомъ собственного превосходства поглядывая на товарищей:—зависитъ это исключительно отъ талантиности руководителя. Возьмите, напримѣръ, мой предметъ. Что можетъ быть

скучнѣе, безжизненнѣе давно исчезнущаго „мертваго“ языка? А посмотрите, какъ живо интересуются имъ мои ученики.

Долго бы водила такъ за носъ самоувѣреннаго, но недалекаго наставника плутоватая молодежь, еслибы не тотъ же предатель-наушникъ.

Однажды утромъ Металловъ явился на урокъ видимо чѣмъ-то взволнованный и разсерженный.

Не дождавшись окончанія молитвы, онъ вскопчилъ на кафедру и сразу же принялся спрашивать заданный урокъ.

Вопреки обыкновенію, онъ совсѣмъ не останавливался на излюбленномъ синтаксическомъ разборѣ и быстро переводилъ страницу за страницей.

Чтобы какъ-нибудь остановить его, семинаристы попробовали задать нѣсколько „недоумѣнныхъ“ вопросовъ.

— Прошу не задерживать меня пустяками, — сказалъ, отмахнувшись рукой, Металловъ и продолжалъ переводъ.

Измученные такимъ необычнымъ ходомъ занятій, воспитанники стали боязливо переглядываться. Они видѣли, что на этотъ разъ Металловъ доберется до неприготовленной ими части урока, и положительно не знали, что предпринять.

И дѣйствительно, Александръ Александровичъ скоро дошелъ до того мѣста, на которомъ условились съ вечера остановиться семинаристы, и съ ехиднымъ торжествомъ посмотрѣлъ на своихъ питомцевъ.

Словно готовясь къ интересному зрѣлищу, онъ оправилъ толстыя золотыя очки, поудобнѣе усѣлся и, заглянувъ мелькомъ въ журналъ, небрежно сказалъ:

— Господинъ Молчановъ! Продолжайте!

Медленно, точно преодолевая большія затрудненія, поднялся вызванный и обвелъ своихъ товарищей жалобнымъ, растеряннымъ взглядомъ.

Семинаристы поняли эту безмолвную просьбу и тотчасъ же выступили на защиту своего одноклассника.

Не успѣлъ еще Молчановъ взяться за книжку, какъ помѣщавшійся рядомъ съ нимъ Аннинскій вышелъ изъ-за скамейки и, обращаясь къ преподавателю, сказалъ:

— Александръ Александровичъ! Мы далѣе не готовились.

— Почему?— съ дѣланымъ удивленіемъ спросилъ тотъ.

— У насъ на сегодня было дано очень много работы: по догматикѣ шесть страницъ, по обличительному богословію столько же, по исторіи церкви проповѣдь къ завтрашнему дню; да двобазокъ еще вчера долго на спѣвѣхъ продержали.

— Ну, меня это не касается. Урокъ былъ заданъ, — значить, долженъ быть и приготовленъ.

— Да если не было возможности.

— Прошу васъ съѣсть: я все равно не приму никакихъ отговорокъ.

Аннинскій передернулъ плечомъ и возвратился на мѣсто.

Выѣстъ съ нимъ грузно опустился на скамью и Молчановъ.

— А вы зачѣмъ же усѣлись? — вновь обратился къ послѣд-
нему Металловъ: — я, кажется, просилъ васъ продолжать пере-
водъ?

— Да вѣдь вамъ уже сказали, что мы далѣе урока не
знаемъ, — грубымъ басомъ отвѣчала добродушный, но не особенно
благовоспитанный Молчановъ.

— Извольте быть вѣжливей! — вспылить „грекъ“: — я пола-
гала, что Аннинскій отказывается только за себя.

— Нѣтъ, мы всѣ не готовились, — дружнымъ хоромъ пре-
рвали его семинаристы.

— А! вотъ что?! У васъ, значить, стачка. Въ такомъ слу-
чаѣ я буду спрашивать важдаго пятаго человѣка, и кто не
отвѣтитъ, получить по нулю.

Металловъ взялъ перо, попробовалъ конецъ его на ногтѣ
и, обманувъ въ чернильницу, началъ выкликать фамилии уче-
никовъ, имѣвшихъ несчастье стоять въ концѣ пятковъ:

— Господинъ Аннинскій!

— Я не готовился, Александръ Александровичъ!

— Извольте садиться!

Противъ имени лучшаго ученика зачернѣлся жирный нуль.

— Господинъ Быстровъ!

— Я тоже не знаю!

— Извольте садиться!

Новый нуль украсилъ страницы класснаго журнала.

Перебравъ еще нѣсколько воспитанниковъ, Александръ Але-
ксандровичъ дошелъ, наконецъ, до Миролюбова, стоявшаго по
списку тридцать пятымъ.

— Господинъ Миролюбовъ!

Вызванный вскочилъ, какъ ужаленный пчелою, и съ недо-
умѣніемъ посмотрѣлъ на преподавателя.

Металловъ тоже поднялъ на него глаза и, словно что-то
вспомнивъ, слегка замаялся и сконфуженно забормоталъ:

— А впрочемъ... извините... виновать... я больше спраши-
вать не буду. Извольте садиться!

— Ну, счастливъ твой Богъ, — говорили товарищи Миро-

любову по окончаніи урока:—видно, за тебя какая-нибудь бабушка угодниковъ умолила.

Семинаристы сочли тогда это происшествіе съ Миролюбовымъ простою случайностью, но Аннинскій видѣлъ теперь въ немъ нѣчто совсѣмъ другое.

— Просто выдалъ онъ насъ Металлову, вотъ тотъ его и не спросилъ. Сначала, было, забылъ, а потомъ поправился. Это ясно, какъ Божій день. Впрочемъ, завтра все это разслѣдуемъ хорошенько...

Чтобы не слышать начинающагося съ разсвѣтомъ стука ломовыхъ экипажей, ежедневно тянущихся мимо семинаріи на желѣзную дорогу, Аннинскій заврылъ голову подушкой и сладко, наконецъ, задремалъ...

IV.

Рѣзкій звонъ колокольчика разбудилъ семинаристовъ ровно въ семь часовъ утра.

Нѣсколько мгновений въ спальнѣ царилъ мертвая тишина. Видно было, что разнѣженнымъ сномъ воспитанникамъ не хочется разставаться съ теплою постелью, и они очень не прочь бы поспать еще часовъ-другой.

Потомъ кое-гдѣ зашевелились, и послышались звуки, сопровождающіе обыкновенно пробужденіе большого количества людей: кто кашлялъ, кто сморкался, кто оглушительно зѣвалъ; трещали кости отъ потяготы, скрипѣли кровати, звонко хлопали въ воздухѣ встряхиваемыя принадлежности костюмовъ.

Аннинскій проснулся съ первымъ ударомъ колокольчика и, слегка пріотервъ глаза, посмотрѣлъ на Миролюбова.

Послѣдній спалъ, повидимому, крѣпчайшимъ сномъ.

— Будетъ дрыхнуть-то!—дернулъ его за плечо спавшій по сосѣдству Молчановъ:—невѣсты всѣ ворота заплевали.

Миролюбовъ поднялъ голову и усиленно сталъ протирать глаза.

„Что, онъ притворяется или въ самомъ дѣлѣ такъ крѣпко спалъ?“—подумалъ Аннинскій.

Во время умыванія, за утренней молитвой и чаемъ и въ получасовой промежутокъ до перваго урока Аннинскій внимательно слѣдилъ за Миролюбовымъ, но ничто не оправдывало его подозрѣній.

„Неужели я ошибся?“—мелькало въ головѣ молодого чело-вѣка, въ душѣ искренно желавшаго впасть въ такую ошибку.

Въ девять часовъ новый звонокъ возвѣстилъ начало уроковъ. Едва успѣли воспитанники занять свои мѣста, какъ дверь шестого класса легонько пріоткрылась, и чей-то гнусливый голосъ крикнулъ:

— Господа Ильинскій и Аннинскій! Пожалуйте сюда!

— Ректоръ!— шепнулъ по дорогѣ Аннинскій товарищу.

— Влопались!— уныло отвѣчалъ ему тотъ.

Ректоръ ожидалъ ихъ въ концѣ корридора, ставъ спиной къ широкому окну.

Это былъ высокій, плотный архимандритъ, въ черной шелковой рясѣ, съ дорогимъ, украшеннымъ брилліантами крестомъ на груди. Его круглое обрамленное жиденькою бородкою лицо и пухлыя руки отличались той мертвенно-блѣдной полнотою, которую можно встрѣтить лишь у страдающихъ водяною да кой у кого изъ монаховъ, ведущихъ сидячую жизнь. Острые, каріе глаза, прикрытые темными очками, безпрестанно перебѣгали съ одного предмета на другой, обличая хитрую и скрытную натуру.

Молодые люди подошли подѣ благословеніе и молча остановились предъ начальникомъ. Яркій свѣтъ изъ окна ударялъ имъ прямо въ глаза, и они слегка жмурились.

Нѣкоторое время ректоръ безмолвно разсматривалъ ихъ, словно бы видѣлъ впервые. Потомъ, покачивая по привычкѣ головой и прибавляя чрезъ каждыя три-четыре слова „да-да“, онъ заговорилъ наставительнымъ тономъ:

— Я не зналъ, господа, что вы пьете... да-да! Это очень-очень нехорошо... да-да! Наше духовенство чаще всего упрекаютъ въ нетрезвости... да-да! И намъ внушаютъ, чтобы мы воспитывали въ васъ... да-да! отвращеніе къ вину... да-да! А вы, съ позволенія сказать, напиваетесь, какъ сапожники... да-да! Сколько вы вчера выпили, Аннинскій?

Спрошенный хотѣлъ-было чистосердечно признаться, но его предупредилъ Ильинскій.

— Да мы совсѣмъ и не пили, отецъ-ректоръ!—сказалъ онъ.

— Лжете, лжете... да-да! я по глазамъ вижу, что лжете... да-да! Видите, вы на меня не можете смотрѣть: это, значить, совѣсть не чиста... да-да! совѣсть!

— Просто намъ свѣтъ бьетъ въ глаза,—отпарировалъ Ильинскій:—станьте на наше мѣсто, такъ и вы прищуритесь!

— Неправда, неправда... да-да! Запирательство васъ не спасеть... да-да! Чѣмъ вы докажете, что вчера были трезвы?

— Помилуйте, отецъ-ректоръ, какъ мы можемъ доказать? Но вѣдь и вы ничѣмъ не можете теперь удостовѣрить, что мы

вчера были пьяны,—отвѣчалъ находчивый Ильинскій:—это надо было разбирать вчерашній день.

Пораженный такою строгою логичностью отвѣта, ректоръ рассердился и, крѣпко стиснувъ зубы, прошипѣлъ:

— Пошли на мѣсто, безстыжіе лгуны!

— А я, Шура, думалъ-было во всемъ признаться,—сказалъ Аннинскій Ильинскому, входя въ классъ.

— И былъ бы дуракъ,—отрѣзалъ тотъ:—еслибы ты сознался, тебя вытурили бы изъ семинаріи, а теперь много, что два праздника въ отпускъ не пустать, да по поведенію балла два сбавять. Но любопытно мнѣ, откуда онъ пронюхалъ, что мы съ тобой вчера гульнули. Дорого бы я далъ, чтобы это узнать.

— А я, кажется, нашелъ разгадку. Это дѣло Миролюбова; кромѣ него никому.

И Аннинскій рассказалъ товарищу о ночной продѣлкѣ Миролюбова и о всѣхъ своихъ подозрѣніяхъ.

Выслушавъ рассказчика, Шура съ сердцемъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Конечно, это—онъ, жаба египетская! Сегодня же изобью мерзавца до полусмерти.

— Полно, полно, успокойся! — удержалъ расходившагося юношу болѣе разсудительный товарищъ:—надо сначала уличить его предъ всѣми, а тамъ ужъ видно будетъ, что предпринять.

— Но какъ ты поймашь такого мошенника? Видишь, какая онъ хитрая бестія.

— Ну, можетъ быть, что-нибудь и придумаемъ. Пословица говорить: „утро вечера мудренѣе“. Подождемъ-ка лучше до завтра.

V.

На другой день, послѣ обѣда, Ильинскій, Аннинскій, Молчановъ и Быстровъ долго гуляли по семинарскому саду и горячо о чемъ-то спорили.

А вечеромъ всѣ четверо принялись за очень странное занятіе: они рѣзали на мелкіе кусочки листы разноцвѣтной бумаги и аккуратно ссыпали ихъ въ сумочку.

— Что это вы дѣлаете?—полюбопытствовалъ Миролюбовъ.

— Калейдоскопъ хотимъ смастерить,—отвѣчалъ за всѣхъ Ильинскій.

— Вишь ты, малютки какія!—усмѣхнулся Миролюбовъ.

Товарищи промолчали.

Когда обрѣзковъ было заготовлено достаточное количество, вся компанія отправилась въ лазаретъ.

— И что вы по ночамъ шлетесь!—съ сильнымъ не русскимъ акцентомъ закричалъ на нихъ старенькій фельдшеръ:— мало вамъ было дня? Нѣтъ отъ васъ покоя ни минуты.

Молодые люди нисколько, однако, не смутились такимъ пріемомъ. Они отлично знали, что у этого стараго крикуна подъ свѣрливою вѣшней оболочкою таится доброе, отзывчивое сердце, готовое на всякую услугу для „милыхъ дитятокъ“.

Всѣ они не разъ лежали въ лазаретѣ и видѣли, какъ этотъ вѣчно брюзжащій и ругающій воспитанниковъ старикъ не спитъ иногда напролетъ цѣлыя ночи, ухаживая за наиболѣе слабыми больными. Какъ нѣжная мать, онъ ловко оправлялъ у нихъ подушки, подавалъ питье, осторожно растиралъ наболѣвшія части, и въ это же самое время ругательски ругалъ своихъ пациентовъ.

Поэтому-то къ брани фельдшера всѣ давно привыкли, и никто уже не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія.

Такъ же отнеслись къ ней и вошедшіе семинаристы.

— Помилуйте, Тимошеей Павлычъ,—забасилъ Молчановъ:— какъ же я могъ раньше придти, если у меня сейчасъ только заболѣла шея?

— И что же у васъ такое?

— Да вотъ головы не поворотить, и сильно болятъ въ это мѣсто.

Молчановъ ткнулъ пальцемъ за лѣвое ухо.

Тимошеей Павлычъ очень внимательно осмотрѣлъ и прощупалъ указанную область.

— О, дьяволы! На вѣтру стоите, реуематизмы и получаете. Натритесь вотъ этимъ на ночь!

Фельдшеръ подалъ маленькую деревянную коробочку съ мазью.

— А у васъ что?

— Да рука что-то зудить,—отвернулъ рукавъ Аннинскій.

— Пхэ! ничего еще незамѣтно. Помажьте вотъ цинковой мазью! А вы что?

— Поморозился немножко, Тимошеей Павлычъ! — показалъ Ильинскій на свое до-красна натертое ухо.

— О, дураки, балбесы! Да вы живой человекъ или мертвый? Не слыхалъ, что уши мерзнуть! Натрите вотъ гусянаго сала. А вы что?

— Руки вотъ отъ холода трескаются, Тимошеей Павлычъ! — смиренно отвѣчалъ Быстровъ.

— Натѣ вазелину.

Поблагодаривъ фельдшера, семинаристы выбѣжали изъ лазарета и со смѣхомъ сложили всѣ мази въ общую банку, которую взялъ къ себѣ Молчановъ.

За вечернею молитвою ни Аннинскій, ни Ильинскій не присутствовали. Они пришли въ спальню, когда всѣ уже лежали въ постеляхъ.

— Гдѣ вы были?—спросилъ Миролюбовъ, когда они проходили мимо его кровати.

— Ходили къ служителямъ, опохмелиться послѣ вчерашняго.

Поговоривъ съ полчаса, воспитанники мало-по-малу стали засыпать.

Когда въ спальнѣ все замолкло, Молчановъ опустил потихоньку руку подъ кровать Миролюбова, взялъ его сапоги и, подержавъ ихъ нѣсколько времени у себя подъ одѣяломъ, такъ же осторожно поставилъ на мѣсто. Потомъ перекрестился нѣсколько разъ на чуть виднѣвшійся на стѣнѣ образъ, плотнѣе закутался и сладко захрапѣлъ.

VI.

— Господа! Погодите вставать!—громко кричалъ Ильинскій на слѣдующее утро, когда раздался первый звонокъ.

— Почему это?—спросило нѣсколько голосовъ.

— Потому, господа, что мы поймаемъ сегодня фискала, который наушничаетъ на насъ начальству.

Еслибы надъ воспитанниками началъ рушиться потолокъ, то это не произвело бы, вѣроятно, такого дѣйствія, какъ связаннаго Ильинскимъ слова.

Почти всѣ мгновенно сѣли на постеляхъ.

— Какъ? Чтò такое? Объясни!—загудѣло кругомъ.

— Извольте, извольте, господа!

Ильинскій подробно передалъ товарищамъ, какъ они съ Аннинскимъ дошли до мысли, что предателемъ-наушникомъ является кто-нибудь изъ своихъ одноклассниковъ.

— Мы имѣли очень основательныя подозрѣнія на одно лицо, но не хотѣли выдавать его, не провѣривъ нашихъ предположеній, — сказалъ онъ:—и вотъ вчера мы добыли у Тимоея Павловича нѣсколько лекарствъ, въ составъ которыхъ входитъ сало или вазелинъ, и намазали ими подошвы сапогъ подозрѣваемого субъекта. А у входовъ въ квартиры ректора и инспектора незамѣтно насыпали кусочковъ мелко нарѣзанной бумаги.

И вотъ, если этотъ господинъ ходилъ къ кому-нибудь изъ нихъ ночью, то вы сейчасъ увидите это сами. Пусть каждый покажетъ свои сапоги! Вотъ мои,—извольте смотрѣть!

Ильинскій, взявъ за каблуки, высоко поднялъ надъ головою свою обувь.

— А вотъ и мои!.. А вотъ и мои!..—засуетились воспитанники, спѣша показать товарищамъ чистыя подошвы.

Только Миролюбовъ лежалъ спокойно и, повидимому, равнодушно смотрѣлъ на происходящее.

— А ты что же не показываешь сапогъ?—обратился къ нему Молчановъ.

— Что я, дуракъ, что ли?—грубо огрызнулся спрошенный:—вы, можетъ быть, нарочно прилѣпили мнѣ бумажекъ, чтобы наравить на меня товарищей.

— Нѣтъ, ты покажи!—настаивалъ Молчановъ.

— Убирайся къ чорту! Не стану я потагать вашими глупостямъ. Обуюсь вотъ, да и въ самомъ дѣлѣ пойду къ ректору и расскажу, что вы тутъ продѣлываете.

И Миролюбовъ дѣйствительно протянулъ-было руку къ своимъ сапогамъ.

— Нѣтъ, ты погоди, погоди!—ухватили его Аннинскій и Ильинскій:—ты покажи сначала подошвы, а потомъ и иди хоть къ дьяволу. Правда вѣдь, господа!

— Да, да!—закричали семинаристы:—ты обязанъ показать.

— Никто меня не можетъ заставить,—продолжалъ упорствовать Миролюбовъ:—не хочу и не покажу. А будете насильничать,—честное слово, нажалуюсь начальству.

— Что на него смотрѣть!—крикнулъ Ильинскій:—Молчановъ! бери у него сапоги!

Ловкимъ движеніемъ Молчановъ вырвалъ у Миролюбова обувь и повернулъ ее подошвами къ товарищамъ: толстыя, двойныя подметки сплошь были усѣяны прилипшими кусочками разноцвѣтной бумаги...

VII.

Послѣ этого приключенія Миролюбовъ переселился на житье въ лазаретъ.

Ему отвели рядомъ съ аптекой крошечную каморочку, которая предназначалась для остро-заразныхъ больныхъ и почти всегда стояла пустою.

— Вотъ гдѣ у меня ваша чума сидитъ!— шутилъ Тимоѳей Павлычъ, проходя съ воспитанниками мимо стеклянныхъ дверей этой палаты.

Въ этомъ-то помѣщеніи и прожилъ Миролюбовъ все остальное время до окончанія курса.

Никто изъ товарищей съ нимъ не говорилъ, не здоровался, не вступалъ ни въ какія сношенія, но онъ очень мало обращалъ на это вниманія.

Своимъ практическимъ умомъ онъ отлично понималъ, что товарищескія узы рѣдко продолжаютъ за предѣлами школы.

„Друзья! Товарищи!— мысленно разсуждалъ онъ:— а выйдутъ изъ семинаріи— за первое же мѣсто передерутся, какъ собаки изъ-за кости. Небось, одинъ другому по чувству товарищества не уступитъ“.

Выпускные экзамены Миролюбовъ сдалъ очень плохо. По нѣкоторымъ предметамъ онъ даже вовсе не могъ отвѣчать, но такъ какъ предсѣдателями экзаменаціонныхъ комиссій были неизмѣнно ректоръ или инспекторъ, то ему всегда ставили удовлетворительныя отмѣтки.

Получивъ свидѣтельство объ окончаніи курса, Миролюбовъ началъ пріискивать себѣ занятіе.

Какъ выпущенному изъ семинаріи послѣднимъ, ему, конечно, трудно было бы найти хорошее мѣсто, еслибы не помогли прежнія негласныя заслуги предъ отцомъ-ректоромъ.

Выполняя давно уже обдуманнѣйшій планъ, Миролюбовъ сталъ проситься учителемъ въ церковно-приходскую школу.

Предсѣдателемъ епархіальнаго училищнаго совѣта, который единолично распоряжался раздачей учительскихъ должностей, былъ какъ-разъ семинарскій ректоръ.

Къ нему-то и прибѣгнулъ „съ всеповорнѣйшей“ просьбой Миролюбовъ.

— Есть, есть у меня для васъ мѣстечко,— ласково потрепалъ по плечу просителя ректоръ:— многіе точатъ на него зубы,— да-да! Между прочимъ и ваши товарищи: Быстровъ и Ильинскій... да-да! но я нахожу болѣе справедливымъ... да-да!.. отдать его вамъ. По моему глубокому убѣжденію... да-да!.. вы болѣе подходите по своимъ нравственнымъ качествамъ для нашихъ цѣлей, чѣмъ тѣ... да-да!

И Миролюбовъ тутъ же былъ зачисленъ учителемъ въ богатѣйшее пригородное село Заболотье, гдѣ учащіе пользовались и прекрасной квартирой, и довольно высокимъ содержаніемъ, сравнительно съ остальными нищенствующими собратьями.

VIII.

Миролюбовъ пріѣхалъ въ Заболотье задолго до начала занятій, чтобы „принюхаться“, какъ онъ говорилъ, „къ мѣстному житью-бытью“.

На другой же день по пріѣздѣ онъ пригласилъ завѣдующаго школою отца Павла Казанскаго отслужить молебень, по окончаніи котораго очень ловко втиснулъ ему въ руку три рубля.

— Да не надо бы, Иванъ Петровичъ!—попробовалъ отказать священникъ, искоса взглядывая на новенькую бумажку:— вы сами еще вновь, во всемя, поди, нуждается...

— Полноте, батюшка, что вы! — горячо запротестовалъ Миролюбовъ:— я человѣкъ молодой, одинокий; вина не пью, табаку не курю, въ карты не играю,—на что мнѣ деньги. А у васъ вонъ семья-то, кажется, девять душъ. Всѣхъ надо одѣть, накормить, обучить. Я по своему родителю знаю, какъ это тяжело. Насъ было всего шесть человѣкъ, да и то папенька-то бился, ой-ой какъ!

— Правда, Иванъ Петровичъ, воистину правда! Спасибо, что вы все это понимаете!—вздохнулъ отецъ Павелъ, принимая, наконецъ, кредитку, и про себя подумалъ:—какой прекрасный молодой человѣкъ! Обстоятельный, разсудительный, не чета нынѣшнимъ вертунамъ.

Съ этихъ поръ Миролюбовъ сталъ у Казанскаго своимъ человѣкомъ.

Батюшка бесѣдовалъ съ нимъ, какъ съ равнымъ, расписывалъ своихъ прихожанъ и сосѣдей и отрывалъ даже нѣкоторыя сокровенныя тайны, вплоть до точной цифры своихъ доходовъ.

Расположивъ къ себѣ отца Павла, Миролюбовъ, однако, не удовольствовался этимъ.

Обзаведясь самоваромъ и чайной посудой, онъ сталъ по вечерамъ приглашать „попить чайку“ и мужичковъ, выбирая при этомъ наиболѣе простодушныхъ и болтливыхъ.

Благодушествуя за китайской травкой, говорливые крестьяне скоро посвятили Ивана Петровича во всѣ мѣстныя дѣла-дѣлишки.

Черезъ какой-нибудь мѣсяцъ времени Миролюбовъ узналъ уже, что „батюшка отецъ Павелъ—человѣкъ ничего себѣ, но маленько слабоватъ“, дьяконъ Арсеній Барсовъ—„задира отъявленный и сутяга“, а псаломщикъ Семень Рождественскій „парень добръющій, но до винца жадѣнъ, а во хмелю буѣнъ“.

Узнавъ онъ кое-что и про мѣстнаго воротилу и церковнаго старосту Андрея Михайловича Парамыгина.

Опоражнивая стаканъ за стаканомъ, разговорчивые мужички повѣдали, хотъ и съ нѣкоторой опаской, что староста—„купецъ ндравный“, съ причтомъ „не ладить“ и любить вообще тѣхъ, „которые, значить, съ язычкомъ“.

Благодаря этимъ бесѣдамъ, Миролюбову вскорѣ была извѣстна вся подноготная тѣхъ лицъ, съ которыми ему предстояло жить и работать, и онъ очень ловко воспользовался этимъ.

IX.

Занятія въ школѣ Миролюбовъ началъ, какъ и подобаетъ, молебномъ „въ наученіе отроковъ“.

Помолившись Господу Богу о ниспосланіи „силы и премудрости къ познанію преподаваемыхъ ученій“, причтъ перешелъ въ помѣщеніе учителя, гдѣ была уже приготовлена обильная выпивка и закуска.

Усадивъ дорогихъ гостей, Иванъ Петровичъ особенно усердно принялся угощать псаломщика, и дѣйствовалъ такъ успѣшно, что черезъ какихъ-нибудь полчаса сильно подгулявшій Рождественскій крѣпко обнималъ радушнаго хояина и называлъ его „Ваней“ и „единственнымъ другомъ“.

На слѣдующее утро въ Заболотской школѣ начались уроки.

Новый учитель повелъ дѣло довольно своеобразно.

Учебною частью онъ занимался очень мало. Русское чтеніе и письмо, ариметика и объяснительныя бесѣды стояли у него на заднемъ планѣ. Онъ налегалъ преимущественно на церковное пѣніе и славянскій языкъ.

Но самое главное вниманіе Ивана Петровича обращено было на воспитаніе учениковъ „въ духѣ исконныхъ завѣтовъ земли русской“.

Его питомцы за версту ломали шапку предъ всякой фуражкой съ кокардой, по пяти разъ на дню подбѣгали къ отцу Павлу „за благословеніемъ“ и каждый праздникъ приходили за восемь-девять верстъ въ церковь, хотя нерѣдко морозили при этомъ носы и уши и горько-прегорько плакали.

„Полезная“ дѣятельность Ивана Петровича скоро была замѣчена и оцѣнена по достоинству.

— Славнаго намъ Богъ учителя послалъ, — говорилъ добродушный отецъ Павелъ епархіальному наблюдателю, изможден-

ному городскому протоіерею, давно уже ничего не читавшему „за недосугомъ“.

Тотъ утвердительно помычалъ ему въ отвѣтъ, и недѣли черезъ двѣ заболотскому учителю „за отлично-усердную и примѣрно-полезную дѣятельность“ передано было „благословеніе“, подкрѣпленное нѣсколькими новыми полунимперіалами.

Къ концу учебнаго года воспитанники Миролюбова еле-еле разбирали русскую печать, съ грѣхомъ пополамъ считали цѣлыми десятками до сотни и попрежнему были убѣждены, что громъ происходитъ отъ колесницы пророка Іліи.

Зато они бойко читали за всеобщимъ „шестопсалміе“ и „каѳизмы“, пѣли „Господи воззвахъ“ на „греческіе“, „знаменныя“ и „кіевскіе“ распѣвы, а во время храмоваго праздника исполнили „за причастнымъ“ даже громогласный концертъ Борнянскаго: „Сей день, его же сотвори Господь“.

Но особенно отличился Иванъ Петровичъ на экзаменѣ своей школы.

Испытывать познанія заболотскихъ школьниковъ явилась цѣлая коммиссія.

Во главѣ ея стоялъ попечитель школы, отставной кавалеристъ, Ѳеодоръ Ивановичъ Губаревъ, по общему мнѣнію, „опоздавшій родиться“ ровно на полтора столѣтія.

Въ качествѣ представителя земства приглашенъ былъ учитель мѣстнаго министерскаго училища Ѳеодотъ Алексѣичъ Евсѣевъ, изъ окончившихъ учительскій институтъ крестьянъ.

Уѣздное отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта отрядило своего почетнаго члена Андрея Михайловича Шарамыгина, явившагося на экзаменъ въ „благодѣтельномъ“ мундирѣ, украшенномъ девятью золотыми и серебряными медалями, пятью знаками различныхъ обществъ и какимъ-то иностраннымъ орденомъ.

Присутствовалъ, конечно, и отецъ Павелъ Казанскій, состоявшій законоучителемъ и завѣдующимъ школой.

Экзаменъ былъ назначенъ въ девять часовъ утра, но коммиссія собралась только около одиннадцати и, испивъ предварительно у Миролюбова чайку съ любезно-присланной Шарамыгинымъ „свинь-шампанью“, приступила къ испытанію.

Вызванные ученики очень обстоятельно рассказали, какъ Каинъ убилъ Авеля, а Ной посадилъ виноградникъ; передали кое-что объ Іосифѣ и жевѣ Пентефрія; о Кисовыхъ ослицахъ и прегрѣшеніи Давида, и изъ всего этого вывели назидательныя заключенія.

Все это сильно отзывалось чѣмъ-то дѣланнымъ, натянутымъ, фальшивымъ.

Видно было, что экзаменующіеся повторяютъ лишь заученныя слова законоучителя, сами плохо понимая ихъ смыслъ.

Но въ общемъ всѣ отвѣчали бойко, и „испытатели“ щедрою рукою сыпали имъ пятерки.

Вслѣдъ за священной исторіей приступили къ испытанію по славянскому языку.

И тутъ заботскіе швольники не ударили въ грязь лицомъ. Читали довольно бѣгло, увѣренно разбирались въ разныхъ „титлахъ“, „словотитлахъ“, „каморахъ“ и „варіяхъ“ и быстро отыскивали указанные главы и стихи.

Маленькая заминка произошла только тогда, когда Ѳедотъ Алексѣичъ вздумалъ спросить:

— А что значать эти слова: „еродіево жилище предводительства уми“?

— Позвольте-съ! — энергично выступилъ на защиту своихъ питомцевъ Миролюбовъ, — вы, очевидно, совсѣмъ незнакомы съ нашими программами. Мы обязаны переводить только простѣйшія слова и выраженія.

— Да я совсѣмъ и не требовалъ перевода, — возразилъ Евсѣевъ, — я только поинтересовался узнать, понимаютъ ли они прочитанное?

— Это въ программу не входитъ.

— Но, помилуйте, здравый смыслъ подсказываетъ это. Къ чему читать, если не понимаешь?

— Ну, объ этомъ разсуждать не наше дѣло. Мы должны исполнять требованія программы, — и вся недолга.

Евсѣевъ пожалъ плечами и замолкъ.

Андрей Михайлычъ, недолюбливавшій независимо державшагося учителя, насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— Что, братъ, съѣлъ грибокъ? — казалось, говорили его мутные, заплывшіе жиромъ глазки: — туда же, спорить лѣзетъ съ умными людьми.

Отецъ Павелъ тоже взглянулъ съ торжествомъ на попечителя, словно бы желая сказать:

— Каковъ паренёкъ-то? Золото, а не учитель.

Когда маленькое недоразумѣніе было исчерпано, принялись за русскій языкъ и счисленіе.

Здѣсь дѣла пошли хуже.

Зная недостаточную подготовку своихъ учениковъ, Миролюбовъ заблаговременно назначилъ каждому изъ нихъ отдѣльный отрывокъ для чтенія и задачу, которые они должны были выучить „на зубокъ“.

Благодаря такому приему, отвѣты общались быть блестящими, но все испортилъ неугомонный Евсѣевъ.

Когда экзаменующійся мальчуганъ, звонко постукивая мѣломъ, окончилъ задолбленные выкладки и хотѣлъ уже идти на мѣсто, Федотъ Алексѣичъ вдругъ остановилъ его вопросомъ:

— Футъ проволоки стоитъ три копейки. Сколько стоитъ аршинъ?

Огорошенный „незнакомой“ задачей, школьникъ долго стоялъ съ открытымъ ртомъ и, какъ ни подсказывалъ Миролюбовъ, рѣшить ее не могъ.

Другіе ученики оказались не лучше и на всѣ вопросы Евсѣева только усиленно хлопали глазами.

Чтобы подправить испорченное впечатлѣніе, Иванъ Петровичъ предложилъ перейти къ экзамену по церковному пѣнію.

Въ этомъ испытаніи руководящую роль принялъ на себя Шарамыгинъ.

— А-а-а-м-мо-о-гутъ они,— началъ онъ, сильно занеаясь на первыхъ слогахъ,— симоновскую херувимскую изобразить?

— Съ удовольствіемъ, Андрей Михайловичъ, съ удовольствіемъ, — почтительно поклонился ему Миролюбовъ и, ударивъ камертономъ по тыльной сторонѣ ладони, задалъ тонъ.

Херувимскую спѣли гладко.

„Почетный членъ“ слушалъ, зажмуривъ отъ удовольствія глазки, умильно вздыхалъ и покачивалъ въ тактъ головою, причемъ его многочисленныя регалии мягко позванивали.

— А-а-а-т-те-е-переча нельзя ли турчаниновскій задостойникъ?

Пропѣли и „задостойникъ“.

Шарамыгинъ расчувствовался, вытащилъ изъ бокового кармана объемистый бумажникъ, долго рылся въ немъ и подалъ, наконецъ, учителю трехрублевую бумажку.

— Бла-а-дарю! В-великое, можно сказать, удовольствіе доставили. Примите эфто отъ моихъ щедротъ!

— Благодарите, ребятки, благодѣтеля!—мигнулъ Иванъ Петровичъ своимъ питомцамъ.

И вымуштрованная стая дружно запищала:

— Покорнѣйше благодаримъ васъ, батюшка Андрей Михайловичъ, за ваши милости!

— Смотрите, какія вѣжливыя стали дѣти!—шепнулъ отецъ Павелъ Губареву.

— Да, доброе вліяніе много значить!—отвѣчалъ тотъ:— бывало, идешь по улицѣ, ни одинъ тебѣ мерзавецъ поклониться

не хочетъ, точно свой братъ-сиволапъ идетъ. А теперь смотрю, чуть не за сотню шаговъ шапочки снимають.

Экзаменъ окончился.

Выславъ дѣтей „погулять“, принялись обсуждать, кто изъ нихъ достоинъ получить свидѣтельство объ окончаніи курса.

Губаревъ, отецъ Павелъ, Шарамыгинъ и Миролюбовъ находили, что аттестаты слѣдуетъ выдать всѣмъ подвергавшимся испытанію.

Евсѣевъ былъ другого мнѣнія.

— Помилуйте, — говорилъ онъ, — да они читать по-русски порядкомъ не умѣють, въ простѣйшей задачѣ разобраться не могутъ, а въ воззрѣніяхъ на явленія природы такъ же темны, какъ и ихъ отцы. Признавать ихъ окончившими начальную школу—прямая насмѣшка надъ народнымъ образованіемъ, которое мы призваны насадить въ невѣжественныхъ массахъ.

— Вы стоите на неправильной точкѣ зрѣнія, — съ ехидной улыбочкой возразилъ Миролюбовъ, — нашему народу не надо образованія. Ему нужна простая грамотность и религиозно-нравственное воспитаніе. Этого желаетъ самъ народъ. И ваша школа, отвращающая его отъ вѣры, не соответствуетъ его желаніямъ.

— Простите!—рѣзко оборвалъ учителя Евсѣевъ, — я самъ — крестьянинъ и лучше васъ знаю, чего хочетъ нашъ народъ. Но откуда вы взяли, что наша школа отвлекаетъ народъ отъ вѣры? Мы всѣ—люди болѣе или менѣе вѣрующіе и знаемъ, какое незамѣнимое утѣшеніе приноситъ иногда человѣку вѣра. Но развѣ вѣра и образованіе исключаютъ другъ друга?

— Знаемъ мы вашу вѣру, — иронически засмѣялся Миролюбовъ: — про нее можно выразиться словами Некрасова: „безъ церковнаго пѣнья, безъ ладана, безъ всего, чѣмъ могила крѣпка“. Нѣтъ, не этого ищетъ народъ. Ему нужна вѣра, въ которой онъ исторически родился и выросъ, и съ Божьей помощью проживетъ еще долгіе дни. И кто думаетъ иначе, тотъ не другъ, а врагъ русскаго народа.

Послѣднія слова Иванъ Петровичъ подчеркнул и выразительно посмотрѣлъ на остальныхъ членовъ комиссіи.

Одетъ Алексѣичъ вновь пожалъ плечами и привуслилъ языкъ.

Всѣ ученики заболотской школы получили свидѣтельства объ окончаніи курса, а о поступкѣ Миролюбова доведено было „до свѣдѣнія“ начальства, которое постановило „имѣть его въ виду“, какъ полезнаго дѣятеля и преданнѣйшаго борца за „коренные устои“.

X.

Приголубленный учителемъ псаломщикъ Рождественскій зачастилъ къ своему „единственному другу“.

Дня не проходило, чтобы Семенъ Ильичъ не заглянулъ вечеромъ въ школу.

Приходилъ онъ всегда полупьяненькій, а временами и въ довольно сильныхъ „градусахъ“, но Иванъ Петровичъ встрѣчалъ его съ неизмѣннымъ радушіемъ и тотчасъ же посылалъ за водкой.

И, сидя за бутылкой „смирновки“, или „поповки“, псаломщикъ плакалъ горючими слезами и жаловался на свою горькую долю.

Что онъ, въ сущности, такое? Несчастливая парія, которой всѣ помыкають.

Его не слушается даже церковный сторожъ Кучуга, такой же пьянчужка, какъ и онъ самъ.

Развѣ не обидно ему, что какой-нибудь булавъ Андрей Шарамыгинъ говоритъ ему „ты“, а отецъ Павелъ въ глаза называетъ „болваномъ“?

Вотъ, напримѣръ, и сегодня онъ нѣсколько опоздалъ подать батюшкѣ ризу, а тотъ и закричалъ на него на весь алтарь:

— Что-жь, болванъ, стоишь? Подавай облачаться!

А вѣдь онъ тоже учился въ семинаріи и учился хорошо. Думалъ даже въ академію идти, да, по несчастію, въ пятюмъ уже классѣ попался въ пьянствѣ и съ позоромъ былъ выгнанъ вонъ.

Миролюбовъ слушалъ эту пьяную болтовню внимательно и сочувственно покачивалъ головою.

А временами, какъ будто невзначай, произносилъ:

— Ну, ужъ я бы, Сеня, не стерпѣлъ этого на твоемъ мѣстѣ: такъ бы прямо въ морду и далъ.

— И я дамъ. Ты думаешь, не дамъ? Вотъ сейчасъ пойду и дамъ.

И въ пьяномъ азартѣ Рождественскій отправлялся къ священнику и хоть не осмѣливался „дать ему въ морду“, но грубилъ и бранился до неприличія.

— Совсѣмъ у меня нынче дьячекъ отъ рукъ отбился, — сказалъ однажды отецъ Павелъ Миролюбову, зашедшему къ нему „побесѣдовать“: — бывало, пьяный хоть прятался отъ меня. А теперь, какъ напьется, такъ и лѣзетъ сюда. Ругается, сквернословить, того и жду, что еще драться начнетъ.

— Очень уже вы, батюшка, добры, — вкрадчиво замѣтилъ Иванъ Петровичъ, — столько времени терпите около себя этакаго негодяя. И хоть бы псаломщикъ-то былъ порядочный, дѣло свое зналъ, а то вѣдь нигуда не годится: ни пѣть, ни читать, ни вамъ прислужить. Смотрю я какъ-то, подаетъ онъ вамъ кадило. Гдѣ бы у пастыря руку при этомъ поцѣловать, а онъ сунуль, да и вонъ изъ алтаря. Нѣтъ, я и самъ готовился священникомъ быть, а когда въ семинаріи прислуживалъ священнику, всегда ему руку лобызалъ.

— Такъ то вы, Иванъ Петровичъ, человекъ умный, разсудительный. Гдѣ такихъ-то псаломщиковъ найдешь?

— Ну, отчего же; найдутся охотники. Вѣдь у васъ, поди, въ годъ рублей восемьсотъ на его долю придется?

— Всю тысячу кладите. Да земля еще, да квартира, да разные сборы натурой: петровщина, тамъ, христовщина, осенщина.

— Вотъ видите ли! На такихъ условіяхъ всякій согласится.

— Ну, положимъ, не всякій. Взять въ примѣру, вы первый не согласились бы.

— Я? Отчего же? Съ удовольствіемъ.

— Хе, хе, хе! Шутникъ вы, Иванъ Петровичъ! На виду у начальства стоите, а пойдете въ дьячки. Вамъ и въ священническомъ мѣстѣ не откажутъ.

— А почему же и дьячкомъ не послужить? Святой Іоаннъ Златоустъ и получше насъ былъ, да тоже начиналъ свою службу церкви чтецомъ, пѣвцомъ и свѣщеносцемъ.

— Такъ-то такъ. Говорять-то это многіе, а какъ до дѣла коснется, такъ сейчасъ и на попятный.

— Ну, я не изъ такихъ. Сказалъ — пойду, и пошелъ бы.

— Голубчикъ, Иванъ Петровичъ! Да позвольте же въ такомъ случаѣ поймать васъ на словѣ. Проситесь ко мнѣ на мѣсто Рождественскаго!

— Благодарю васъ, дорогой батюшка! — тщетно выжимая на глаза слезу, проговорилъ учитель и, наклонившись, поцѣловалъ руку священника.

— Но какъ же Семенъ Ильичъ-то? Вѣдь онъ пова состоитъ еще на службѣ.

— Объ этомъ забота не ваша. Мѣсто освободится скоро. Согласны его завять?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!

— Значить, по рукамъ?

— По рукамъ!

Батюшка протянулъ Миролюбову руку, которую тотъ еще

нѣсколько разъ облобызала, и сдѣлка, рѣшавшая участь заболотскаго псаломщика, была заключена.

XI.

Отецъ Павелъ принялся за „выкуриванье“ Рождественскаго очень горячо.

Въ тотъ же вечеръ онъ отправилъ чрезъ благочиннаго „репортъ“ въ консисторію, въ которомъ писалъ, что подвѣдомственный ему псаломщикъ пьетъ мертвую чашу, обязанностей своихъ не исполняетъ, грубитъ и грозитъ даже нанести ему оскорбленіе дѣйствіемъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого въ Заболотье внезапно пріѣхалъ помощникъ благочиннаго, отецъ Антоній Лавровскій, и приступилъ къ производству слѣдствія по дѣлу „о нетрезвомъ поведеніи псаломщика Рождественскаго и о неповиновеніи онаго своему священнику“.

Спрошенный Семень Ильичъ не отрицалъ, что онъ частенько „выпиваетъ“, но въ неисправности по службѣ и въ угрозахъ священнику не признавался.

Слѣдователь произвелъ такъ называемый въ консисторскомъ дѣлопроизводствѣ „большой повальный обыскъ“, т.-е. опросилъ всѣхъ окрестныхъ домохозяевъ, но и тутъ ничего существеннаго не выяснилось.

Мужички показали, что Рождественскій дѣйствительно „вино попиваетъ“, но „въ службѣ Господней усерденъ“, а грубилъ ли когда священнику, про то они „доподлинно неизвѣстны“.

Тогда по просьбѣ отца Павла допрошенъ былъ учитель Миролюбовъ, и дѣло сразу же измѣнилось не въ пользу Семена Ильича.

„Единственный другъ“ Рождественскаго, приведенный въ присягѣ, показалъ, что псаломщикъ почти каждый день является къ нему въ безобразно-пьяномъ видѣ, настойчиво требуетъ себѣ вина и всячески поноситъ при этомъ священника, обѣщая „дать ему въ морду“; что нѣсколько разъ, несмотря на удерживанья, онъ убѣгалъ къ отцу Казанскому съ явнымъ намѣреніемъ оскорбить послѣдняго дѣйствіемъ, и хотя ему, Миролюбову, въ точности неизвѣстно, приводились ли эти замыслы въ исполненіе, но онъ всякій разъ слышалъ въ домѣ батюшки отчаянные крики.

Невеселыми красками обрисовалъ Иванъ Петровичъ и служебную дѣятельность псаломщика.

По его словамъ, Рождественскій не помогаль, а мѣшалъ отцу Павлу, безпрестанно вызываль его на замѣчанія и тѣмъ смущаль молитвенное настроеніе прихожанъ.

„Если бы не мой школьники, да не два-три мужичка, такъ батюшкѣ, пожалуй, и литургію служить бы не съ кѣмъ было“, закончилъ свои показанія Миролюбовъ.

Получивъ такое полное подтвержденіе донесенію священника, слѣдователь уѣхаль, а еще черезъ двѣ недѣли благочинный прислаль отцу Павлу консисторскій указъ, которымъ псаломщикъ Рождественскій отрѣшался отъ мѣста, съ отдачею на полгода въ монастырь „на черныя работы“ и съ правомъ прійскать себѣ „по отбытіи сего срока“ другое псаломщическое мѣсто.

На другой же день по полученіи этого указа Иванъ Петровичъ отправился къ викарному епископу, завѣдывавшему назначеніемъ низшихъ членовъ причта, и спустя еще дня три вернулся назадъ уже псаломщикомъ Тихвинской церкви села Заболотья.

ХІІ.

По странной случайности, первый визитъ новаго „псаломщика“ былъ не къ облагодѣтельствовавшему его отцу Павлу, а къ мѣстному благочинному, протоіерею Михаилу Ивановичу Соловьеву.

Иванъ Петровичъ поѣхаль къ нему прежде другихъ въ виду будто бы необходимости „предъявить“ указъ объ опредѣленіи на мѣсто.

Протоіерей Соловьевъ состоялъ настоятелемъ собора въ соседнемъ уѣздномъ городкѣ и жилъ отъ Заболотья верстахъ въ двадцати.

Низенькаго роста, съ густыми, бѣлыми, какъ ленъ, курчавыми волосами и такою же бородкою, съ пухлыми, покрытыми нѣжнымъ румянцемъ щечками и кругленькимъ брюшкомъ, отецъ-благочинный былъ еще очень бодръ и подвиженъ для своихъ семидесяти лѣтъ.

Онъ велъ жизнь вообще очень скромную и умѣренную, но изрѣдка, „въ пріятной компаніи“, не отказывался и отъ лишней рюмочки, и могъ безъ всякаго вреда для здоровья просидѣть ночь напролетъ за зеленымъ столомъ.

Какъ человекъ, Михаилъ Ивановичъ былъ очень добръ и снисходителенъ къ чужимъ недостаткамъ, но когда было нужно, умѣль и постоять за своихъ подчиненныхъ.

Онъ держался правила, что „свой своему поневолѣ братъ“, и при всѣхъ столкновенияхъ духовенства съ „міранами“ неизмѣнно принималъ сторону первыхъ.

А такъ какъ, въ довершеніе всего, отецъ Михаилъ былъ еще великій хлѣбосоль и не скупъ на представленія къ наградамъ, то всѣ его сослуживцы и подначальные относились къ нему любовно и охотно прощали кой-какія слабости.

Самой главной изъ этихъ слабостей отца протоіерея была его чрезмѣрная заботливость о своихъ близкихъ.

Около бездѣтнаго, давно овдовѣвшаго благочиннаго всегда проживалъ десятокъ всякихъ ближнихъ и дальнихъ родственниковъ, которыхъ онъ заботливо пристраивалъ во вѣренномъ ему округѣ.

Въ концѣ концовъ почти всѣ священнослужительскія мѣста въ благочиніи протоіерея Соловьева были заняты его родными и двоюродными племянниками, крестниками и мужьями его безчисленныхъ внучекъ.

Когда въ день двадцатипятилѣтія благочиннической дѣятельности подвѣдомственное духовенство поднесло отцу Михаилу свою фотографическую карточку, онъ посмотрѣлъ на нее, добродушно засмѣялся и сказалъ:

— Хорошіе мои! Да гдѣ-жъ тутъ мои подчиненные? Вѣдь это все мои милые родственники.

Ивана Петровича благочинный встрѣтилъ особенно привѣтливо.

Миролюбовъ обязанъ былъ этимъ отчасти усиленнымъ похваламъ отца Павла, до небесъ превозносившаго „полезнаго“ учителя, главнымъ же образомъ тому, что Михаилъ Ивановичъ видѣлъ въ немъ подходящаго жениха своей внучатной племянницѣ, восемнадцатилѣтней Зиночкѣ, которую давно бы пора ужъ пристроить за хорошаго человѣка.

Взглянувъ мелькомъ на поданный Миролюбовымъ указъ, протоіерей потащилъ гостя въ уютную столовую, гдѣ за ярко блестящимъ самоваромъ сидѣла миловидная Зиночка, просто, но со вкусомъ одѣтая и причесанная.

Представивъ молодыхъ людей другъ другу, отецъ Михаилъ приказалъ подать закуски, водочки и принялся обстоятельно разспрашивать новаго знакомаго.

— Вашего паленьку-то не Петромъ ли Сергѣичемъ звать?— прежде всего полюбопытствовалъ онъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прибавилъ:— Вы, значитъ, выходите Сергѣя Арвадьича внучекъ? Такъ, такъ! хорошій былъ человѣкъ, царство ему небесное! Мы съ нимъ вмѣстѣ въ бурсѣ учились. Одно время онъ

даже мои́мъ аудиторомъ былъ. Требовательный былъ юноша, а справедливый,—пожаловаться нельзя. Выпоролъ онъ однажды меня за лѣдность,—здорово выпоролъ,—но я не обижаюсь. По-дѣломъ вору и мука! Ха-ха-ха!

Благочинный звонко разсмѣялся, причемъ кругленькое личико его все засвѣтилось весельемъ. Изъ-подъ густыхъ, коротко подстриженныхъ усовъ, изъ каждой морщинки около глазъ такъ и брызгали живой, заразительный смѣхъ. Трудно было удержаться отъ улыбки, глядя на этого благодушно смѣющагося старичка.

Припомнивъ еще кой-какія приключенія изъ былой бурсацкой жизни и вдоволь нахохотавшись, отецъ Михаилъ заинтересовался узнать, доволенъ ли Иванъ Петровичъ своимъ положеніемъ и какіе планы строить въ будущемъ? Миролюбовъ очень степенно отвѣчалъ, что въ его годы трудно устроиться лучше, и онъ можетъ только благодарить Господа Бога и свое начальство за незаслуженныя милости, а о дальнѣйшемъ онъ не думаетъ: будетъ жить, какъ Богъ велитъ.

— Превосходно, сударь мой, разсуждаете,—одобрительно кивнулъ головой протоіерей:—во всемъ надлежитъ располагаться на Бога. Но иногда и немножко поразмыслить о своей судьбѣ тоже не мѣшаетъ. Вѣдь вотъ захотите, поди, обзавестись домкомъ, семейкой? Тутъ надо очень и очень подумать. Или, можетъ быть, весь вѣкъ разсчитываете холостякомъ скоротать?

— Что вы? Помилуйте!—скромно потупилъ глазки псаломщикъ:—хоть мнѣ и рановато помышлять о женитьбѣ, но ужъ какое житье безсемейному? Ни уютнаго угла у тебя нѣтъ, ни ласки, ни привѣта, словно живешь, какъ въ чужой квартирѣ.

— Правильно судите. А сколько, смѣю спросить, вамъ лѣтъ?

— Да вотъ уже двадцать седьмой идетъ.

— Такъ чего-жъ еще откладывайте? Женитесь, Иванъ Петровичъ, скорѣй женитесь! Я даже, какъ благочинный, приглашаю вамъ. Ха-ха-ха!

— Радъ бы, ваше высокопреподобіе, сейчасъ исполнить приказаніе, да двѣ причины не позволяютъ.

— Позвольте узнать: какія?

— Во-первыхъ, невѣсты нѣтъ...

— Ну, это пустяки. Въ этомъ ужъ вы на меня, старика, положитесь: я вамъ такую краплю сосватаю, что пальчики оближете.

— Премного благодаренъ, отецъ благочинный! Но мнѣ не хотѣлось бы вступать въ бракъ, пока я только еще въ должности псаломщика.

— Почему же? Мѣсто у васъ, слава Богу, хорошее: средствъ прокормить семью хватить.

— Такъ-то такъ, но все же мнѣ во многомъ придется отказывать женѣ и дѣтишкамъ. А мнѣ хотѣлось бы, чтобы они жили въ полномъ довольствѣ. Поэтому-то я и рѣшилъ жениться только тогда, когда получу хорошее священническое мѣсто.

Съ послѣдними словами Миролюбовъ пристально посмотрѣлъ въ глаза благочинному, какъ бы желая сказать:

— Понимаешь?

Умудренный долгимъ житейскимъ опытомъ, старецъ сразу же понялъ этотъ выразительный взглядъ.

— И за этимъ дѣло не станетъ, — весело засмѣялся отецъ Михаилъ и дружески похлопалъ гостя по плечу: — присматривайте только мѣстечко по сердцу, а ужъ невѣсту и все остальное я вамъ устрою. Авось вспомните когда-нибудь отца благочиннаго!

Новые знакомцы остались вполне довольны другъ другомъ.

— Вотъ, Зиночка, и женишокъ тебѣ, слава Богу, навертывается. Парень, какъ видится, ходовой, но смирный. Нравится онъ тебѣ?

Молодая дѣвушка промолчала. Ей стыдно было сказать дѣду, что въ сладкихъ дѣвичьихъ снахъ ей грезится совсѣмъ другой избранникъ сердца, нисколько не похожій на плюгаваго, суластаго, заросшаго по самые глаза бороδοю забодотскаго псаломщика.

М. О. Лувинскій.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО

ВЪ

РОССІИ

Окончаніе.

XI *).

Еще въ 1884-мъ году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ испрошенъ для оказанія помощи переселенцамъ денежный кредитъ, въ размѣрѣ 40.000 руб., и въ главные пункты движенія и остановокъ въ пути переселенцевъ, расположенные частью при переходѣ черезъ Уралъ, частью за Ураломъ, по трактамъ Сибири, въ города: Екатеринбургъ, Златоустъ, Оренбургъ, Тобольскъ и Томскъ,—командированы особые чиновники. Пункты эти были избраны сообразно опредѣлившемуся въ 80-хъ годахъ главному направленію переселенческаго движенія въ Сибирь. Изъ нихъ вскорѣ, за проведеніемъ уральской желѣзной дороги до Тюмени, екатеринбургскій пунктъ былъ закрытъ, а тобольскій переведенъ въ Тюмень.

Однако и въ описываемое время правительство продолжало выказывать замѣтную нерѣшительность въ направленіи пересе-

*) См. выше: июль, стр. 139.

ленческаго дѣла, обусловливавшуюся, главнымъ образомъ, опасеніемъ массоваго передвиженія крестьянъ. Вслѣдствіе этого, оно не только не рѣшается на установленіе болѣе широкихъ основаній въ дѣлѣ выдачи разрѣшеній на переселеніе, но, наоборотъ, въ слѣдующемъ, 1885 г., сочло нужнымъ даже уменьшить до 20.000 руб. кредитъ, отпускавшійся на воспособленіе переселенцамъ, опредѣливъ размѣръ его по дѣйствительному расходованію, произведенному въ предшествовавшемъ году. Кредитъ этотъ, ежегодно возобновляемый, оставался неизмѣннымъ до самаго конца десятилѣтія. Послѣдствіемъ такой нерѣшительности и также того обстоятельства, что сибирскіе переселенцы оказались внѣ дѣйствія временныхъ правилъ 10 іюля 1881 г., явилось положеніе, сходное съ существовавшимъ въ два предъидущія десятилѣтія, при которомъ самостоятельный уходъ крестьянъ на новыя мѣста нисколько не уменьшился, выражаясь иногда въ самомъ невыгодномъ соотношеніи съ „законнымъ“ переселеніемъ. Въ началѣ разсматриваемаго десятилѣтія общіе размѣры переселенческаго движенія на востокъ опредѣлялись ежегодно до 40.000 душъ, между тѣмъ съ 1881 года по 1884 число семей, получившихъ разрѣшеніе на переселеніе, насчитывалось только 975. Къ тому же многія изъ этихъ семей не воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ переселенія и остались на родинѣ. Нѣкоторыя облегченія въ дѣлѣ официальнаго разрѣшенія переселеній замѣчаются лишь съ середины 80-хъ годовъ, когда состоялось Высочайшее повелѣніе 17 мая 1884 г. и образованъ былъ въ Западной Сибири, на основаніи закона 22 января 1885 г., особый отрядъ межевыхъ чиновъ съ спеціальной цѣлью наръзки и отвода земли переселенцамъ.

Разработка основнаго переселенческаго закона на началахъ, указанныхъ этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, была возложена на особую комиссію, образованную, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве, изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ.

Исходя изъ представленія о главнѣйшемъ направленіи переселенческаго движенія на казенныя земли Европейской Россіи и Сибири и на земли частныхъ владѣльцевъ, комиссія проектировала рядъ правилъ для перехода и устройства переселенцевъ на означенныхъ земляхъ. По отношенію къ казеннымъ землямъ она находила, что установленный закономъ 10 іюля 1881 г. порядокъ распредѣленія ихъ между нуждающимися лицами представляетъ значительныя неудобства, такъ какъ отводъ ихъ

опредѣляется фактомъ не разстроеннаго имущественнаго состоянія крестьянъ, а своевременнаго возбужденія ходатайствъ о переселеніи, вслѣдствіе чего наиболѣе нуждающіеся въ землѣ, но неосвѣдомленные о существованіи нераспубликованнаго закона могутъ совсѣмъ лишиться возможности улучшить свое положеніе путемъ перехода на новыя мѣста. Поэтому было предположено установить порядокъ избранія лицъ, подлежащихъ переселенію, „самою центральною администраціею“, и съ этою цѣлью требовать отъ губернаторовъ самыхъ подробныхъ свѣдѣній „о всѣхъ селеніяхъ, откуда выселеніе части крестьянъ можетъ представляться необходимымъ“. Согласно означеннымъ свѣдѣніямъ предстояло опредѣлить, по проекту, въ каждомъ данномъ году мѣста будущаго водворенія переселенцевъ и установить постепенность перехода ихъ, назначая къ выселенію изъ обществъ такое число лицъ, чтобы остающіеся въ прежнемъ мѣстѣ могли существовать на отведенныхъ для общества надѣлахъ. Къ переселенію допускались только желающіе. Если число ихъ оказывалось превышающимъ предположенное къ выселенію, то производился выборъ по жребію. При этомъ получившимъ разрѣшеніе предоставлялось отправлять ходоконъ для предварительнаго осмотра назначенныхъ подъ водвореніе земель.

Въ видахъ прочаго водворенія и устройства крестьянъ на новыхъ мѣстахъ, комиссія признавала желательнымъ разрѣшать переселеніе *исключительно* лицамъ, ведущимъ хозяйство на своихъ или арендованныхъ земляхъ и находящимъ въ земледѣліи главный источникъ къ существованію. Подобное ограниченіе не предполагалось, однако, распространять на тѣ части безземельнаго населенія, по отношенію къ которымъ уже послѣдовали правительственныя распоряженія о признаніи за ними права на надѣлъ казенной земли. вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія находила возможнымъ допускать переселеніе изъ обществъ, владѣющихъ недоброкачественными надѣлами, но лишь въ такомъ количествѣ душъ, чтобы оставшіеся угодья не оказались совсѣмъ заброшенными. Наконецъ, было высказано соображеніе о предпочтительномъ выборѣ переселенцевъ изъ лицъ, „еще не окончательно разорившихся“, такъ какъ такимъ путемъ, независимо отъ скорѣйшаго устройства на новыхъ мѣстахъ, „можетъ быть достигнута и другая цѣль — съ небольшими средствами произвести переселеніе возможно большаго количества людей“.

Въ основаніе переселенія на казенныя земли Европейской Россіи комиссіею положена была мысль о сбереженіи этихъ земель для наиболѣе нуждающихся крестьянъ. Участки проекти-

ровалось нарѣзать по числу наличныхъ мужского пола душъ, съ отводомъ надѣла въ предѣлахъ Европейской Россіи не болѣе выспаго или указного по мѣстности и во всякомъ случаѣ не свыше 8 дес. на душу, а въ Сибири, впредь до окончательнаго установленія нормъ надѣловъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, по не свыше 15 дес. Земли предполагалось предоставлять въ общинное владѣніе, съ правомъ замѣны его подворнымъ, и съ обложеніемъ этихъ земель оброчною податью, исчисляемою сообразно доходамъ, которые получались казною до водворенія на нихъ переселенцевъ.

При передвиженіи и устройствѣ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, комиссія полагала предоставить имъ довольно значительныя льготы, особенно водворяющимся на казенныхъ земляхъ Европейской Россіи. Эти послѣдніе, по проекту, освобождались въ теченіе первыхъ 3-хъ лѣтъ по водвореніи отъ всѣхъ казенныхъ податей и повинностей, и въ теченіе 3-хъ послѣдующихъ—отъ платежа половины ихъ. Лица, состоящія въ призывномъ возрастѣ, въ первые три года, со времени прибытія на новыя мѣста, пользовались льготою отъ воинской повинности, зачисляясь прямо въ запасъ, а призываемые въ послѣдующіе три года получали отсрочку въ исполненіи означенной повинности до окончанія 6-лѣтняго льготнаго срока. При передвиженіи переселенцамъ предоставлялось право на удешевленный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и на освобожденіе отъ сборовъ за переправы и за проѣздъ по шоссе и мостамъ. На мѣстахъ водворенія имъ отпускался, съ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ, потребный для возведенія построекъ матеріалъ изъ казенныхъ лѣсовъ и дозволялось получать ссуды на продовольствіе и обсмѣненіе полей, наравнѣ съ мѣстными крестьянами и до перечисленія къ мѣстамъ новой осѣдности. Наконецъ, въ случаѣ несостоятельности, переселявшіеся получали заимообразныя ссуды на передвиженіе и устройство на новыхъ мѣстахъ, въ размѣрѣ не свыше 200 рублей на семью. Опредѣленіе размѣра этихъ ссудъ, срока и порядка уплаты ихъ возлагалось на министерство внутреннихъ дѣлъ.

Надѣлы, оставшіеся за выходомъ крестьянъ, поступали въ общества, на которыя переводились всѣ числящіяся на переселенцахъ недоимки. При неудовлетворительныхъ качествахъ надѣловъ или по другимъ причинамъ, когда подобный переводъ недоимокъ и текущихъ платежей не могъ бы быть допущенъ „безъ явнаго ущерба для крестьянъ“, отъ крестьянскихъ учрежденій зависѣло возбуждать ходатайства о соотвѣтственномъ пониженіи платежей и сложеніи недоимокъ.

Значительно меньшими льготами пользовались, по проекту, переселенцы, водворявшіеся на казенныхъ земляхъ Западной Сибири. Для нихъ, какъ болѣе состоятельныхъ, льготы были приравнены къ установленнымъ для поселяющихся на частновладѣльческихъ земляхъ и притомъ предоставлялись лишь въ томъ случаѣ, если они шли на участки, заранѣе отведенные по ихъ ходатайству еще до выхода съ родины, и соблюли при этомъ выходъ всѣ требованія закона.

При переселеніи на частно-владѣльческія земли комиссія предполагала оказывать содѣйствіе только лицамъ, водворяющимся „на земляхъ, купленныхъ въ собственность или заарендованныхъ съ правомъ выкупа ихъ по желанію арендатора“. Въ обоихъ случаяхъ, независимо отъ выдачи ссудъ изъ крестьянскаго банка на приобрѣтеніе земель, признавалось цѣлесообразнымъ поселяющихся въ той же или смежной губерніи освобождать отъ уплаты казенныхъ сборовъ на два года, а въ болѣе отдаленныхъ на три, считая со дня перечисленія, и въ теченіе того же срока давать отсрочку въ исполненіи воинской повинности. При передвиженіи переселенцы пользовались, по проекту, тѣми же облегченіями, какія допускались для устраивающихся на казенныхъ земляхъ Европейской Россіи. На мѣстахъ водворенія имъ предоставлялось образовывать изъ себя отдѣльныя сельскія общества или приписываться къ волостямъ, въ предѣлахъ которыхъ они проживали, безъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ. При выходѣ съ родины переселенцы могли требовать принятія ихъ надѣловъ обществами, но безъ перечисленія на эти общества недоимокъ. Послѣднія они уплачивали сами или просили о переводѣ ихъ долговъ по мѣсту новаго водворенія. Подобный переводъ допускался, однако, лишь при условіи, что приобрѣтаемая земля способна выдержать всѣ причитающіеся съ переселенцевъ платежи и переводимую недоимку. При несоотвѣтствіи выкупныхъ платежей съ доходностью оставляемаго надѣла, выходящіе члены обязывались уплатить обществу капитализированную изъ 6⁰/₀ разницу между означенными платежами и доходностью, которая въ такомъ случаѣ опредѣлялась губернскимъ присутствіемъ.

Приведенныя льготы и преимущества комиссія не признавала возможнымъ распространить на переселенцевъ, устраивающихся на частновладѣльческихъ земляхъ на простомъ арендномъ правѣ. Однако, считая вопросъ о прочномъ водвореніи ихъ весьма существеннымъ, она полагала установить за правило, чтобы договоры объ арендѣ земель были письменные, обязательно свидѣтельствовались въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, и

если не имѣлось въ виду выкупа земли, заключались на сроки не свыше 12-ти лѣтъ. При несоблюденіи означенныхъ условий, когда будетъ доказана 3-лѣтняя давность арендованія переселенцами земли, съ устройствомъ тамъ усадебной осѣдлости, и установлено отсутствіе заявленій со стороны владѣльца о выселеніи ихъ, какъ самовольно водворившихся, предполагалось весь занятый участокъ считать предоставленнымъ крестьянамъ съ правомъ выкупа его и съ опредѣленіемъ стоимости и порядка взноса выкупной суммы губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, если не послѣдуетъ по этому предмету полюбовнаго соглашенія сторонъ.

Для организаціи переселеній на указанныхъ основаніяхъ комиссія предполагала образовать при земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ особое совѣщаніе изъ представителей министерствъ финансовъ и государственныхъ имуществъ, подъ предсѣдательствомъ управляющаго названнымъ отдѣломъ. Къ обязанностямъ этого совѣщанія относилось, по проекту, общее руководство переселенческимъ дѣломъ и предварительное обсужденіе мѣръ, вызываемыхъ развитіемъ его; разъясненіе сомнѣній и недоразумѣній, встрѣченныхъ на мѣстахъ, и распоряженіе денежными суммами, отпускаемыми на надобности дѣла; разрѣшеніе переселеній и распредѣленіе назначаемыхъ министерствомъ государственныхъ земель между переселенцами; собраніе свѣдѣній о годныхъ для поселенія казенныхъ и частновладѣльческихъ земляхъ и распространеніе этихъ свѣдѣній, въ случаѣ надобности, на мѣстахъ.

Общее наблюденіе за правильнымъ ходомъ переселенческаго дѣла на мѣстахъ возлагалось на губернаторовъ. Губернскимъ присутствіямъ и совѣтамъ, съ участіемъ предсѣдателя казенной палаты и управляющаго государственными имуществами, поручалось наблюденіе за дѣйствіями уѣздныхъ крестьянскихъ учреждений, распоряженіе отпускаемыми суммами и собраніе и сообщеніе нуждающимся лицамъ и учреждениямъ всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній, касающихся переселенія. На уѣздныя крестьянскія учреждения возлагалось въ мѣстахъ выселенія: сообщеніе желающимъ переселиться свѣдѣній о свободныхъ земляхъ и объ условіяхъ водворенія на нихъ, и снабженіе ихъ, при окончательномъ выходѣ, свидѣтельствами на льготный проѣздъ до мѣстъ назначенія; въ мѣстахъ водворенія: наблюденіе за устройствомъ переселенцевъ и ближайшее попеченіе о нуждахъ ихъ; собраніе свѣдѣній о земляхъ и объ условіяхъ покупки и арендованія ихъ; посредничество между переселенцами и собственниками земель,

при заключеніи договоровъ и условій, и свидѣтельствованіе послѣднихъ; приведеніе въ извѣстность ранѣе состоявшихся переселеній и содѣйствіе къ окончателъному устройству и перечисленію переселенцевъ по мѣсту новаго жительства.

Проектируя указанную организацію, комиссія признала желательнымъ командировать „въ тѣ губерніи, въ которыя преимущественно направляется переселеніе“, особыхъ лицъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, специальнымъ назначеніемъ которыхъ являлось бы содѣйствіе мѣстнымъ учрежденіямъ въ завѣдываніи переселенческимъ дѣломъ путемъ какъ личнаго участія въ засѣданіяхъ этихъ учрежденій, такъ и непосредственной дѣятельности на мѣстахъ. Полезность подобной мѣры оправдывалась бы, по мнѣнію комиссіи, и необходимостью поддерживать постоянную связь между дѣятельностью названныхъ учрежденій и центральнымъ управленіемъ.

При обсужденіи вопроса о средствахъ, потребныхъ на нужды переселенческаго дѣла, комиссія высказала, что разрѣшеніе подобнаго вопроса должно всецѣло зависѣть отъ денежныхъ суммъ, которыя будутъ отпускаемы изъ государственнаго казначейства, но, считая нужнымъ опредѣлить хотя приблизительно размѣры ассигнованій, необходимыхъ для осуществленія составленныхъ ею предположеній, она полагала, что „съ отпускомъ трехсотъ тысячъ рублей дѣло переселенія могло бы получить уже довольно правильную постановку“. Основаніемъ къ такому расчету послужили соображенія о возможномъ числѣ переселенцевъ, которые будутъ нуждаться въ оказаніи денежной помощи, и о примѣрныхъ расходахъ, вызываемыхъ веденіемъ переселенческаго дѣла въ десяти губерніяхъ, въ которыхъ проектировалось водвореніе крестьянъ. Согласно такимъ расчетамъ, комиссія полагала необходимымъ отпустить до 200 тысячъ рублей на выдачу пособій нуждающимся переселенцамъ и до 100 тысячъ рублей на расходы учреждений, завѣдывающихъ переселеніемъ, и на содержаніе чиновниковъ, командированныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ заключеніе, комиссія усматривала, что въ губерніяхъ и областяхъ Сибири проживаетъ по паспортамъ и инымъ документамъ или безъ всякихъ видовъ значительное число переселенцевъ, продолжающихъ числиться членами обществъ, изъ которыхъ они ушли, и не рассчитывающихъ совсѣмъ возвращаться на родину. Въ виду этого она признавала необходимымъ упрочить ихъ положеніе на новыхъ мѣстахъ и проектировала для всѣхъ лицъ, не имѣющихъ установленныхъ видовъ, обязательную,

а для имѣющихъ таковыя виды добровольную приписку къ волостямъ по мѣсту настоящаго ихъ жительства, безъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ, и съ переводомъ, а въ случаѣ надобности, и съ разсрочкою недоимокъ въ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ платежахъ. Подобную же мѣру она предполагала распространить и на переселенцевъ оренбургской и уфимской губерніи, но имѣя въ виду близость этихъ губерній къ мѣстамъ выселенія и возможность частыхъ случаевъ возвращенія крестьянъ на родину, комиссія находила болѣе цѣлесообразнымъ, въ огражденіе правъ волости по приему новыхъ членовъ, примѣнить мѣру приписки только къ переселенцамъ, купившимъ въ собственность участки земли, или заарендовавшимъ землю съ устройствомъ тамъ усадебной осѣдлости. Всѣ распоряженія по дѣламъ о перечисленіи переселенцевъ предполагалось возложить на мѣстныя крестьянскія учрежденія.

ХІІ.

Работы комиссіи были закончены въ 1885 году и препровождены на заключеніе министровъ государственныхъ имуществъ и финансовъ. Въ отзывѣхъ своихъ названные министры представили нѣкоторыя замѣчанія по отдѣльнымъ частямъ проекта, касающіяся, главнымъ образомъ, порядка разрѣшенія переселеній, предложенныхъ льготъ для переселяющихся и правилъ водворенія на частновладѣльческихъ земляхъ. По мнѣнію статсъ-секретаря Островскаго, къ которому присоединился и министръ финансовъ, экономическія потребности крестьянскаго населенія представляются крайне разнообразными, и опредѣленіе мѣстностей, изъ которыхъ предстояло бы разрѣшать переселеніе, на основаніи однихъ только спѣшно собранныхъ администраціею свѣдѣній, явилось бы совершенно произвольнымъ и породило бы „массу прискорбныхъ недоразумѣній. Благосостояніе крестьянъ въ каждомъ частномъ случаѣ обусловливается множествомъ мѣстныхъ особенностей, предвидѣть и усмотрѣть которыя, при отсутствіи точныхъ и систематическихъ изслѣдованій, не представляется возможнымъ и установленіе какихъ-либо нормъ въ этомъ отношеніи „имѣло бы характеръ произвольнаго распоряженія“. Поэтому министръ государственныхъ имуществъ, не находя возможнымъ предоставить выборъ переселенцевъ администраціи, полагалъ въ дѣлѣ разрѣшенія переселеній сохранить порядокъ, установленный временными правилами 10-го іюля 1881 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, сообразя на недостаточное количество свободныхъ казенныхъ земель во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и на возможность ближайшаго устройства нуждающихся крестьянъ преимущественно въ Западной Сибири, онъ находилъ цѣлесообразнымъ допустить при переселеніи туда, какъ въ удаленный край, болѣе широкія льготы, сохранивъ для разселяющихся въ предѣлахъ Европейской Россіи лишь право на облегченія при передвиженіи и на полученіе въ исключительныхъ случаяхъ пособій на домоустройство. Съ своей стороны, Н. Хр. Бунге высказался также за предоставленіе сибирскимъ переселенцамъ всѣхъ предполагаемыхъ комиссіею льготъ и пособій, но, впредь до указаній опыта, безъ опредѣленія высшаго размѣра послѣднихъ. По вопросу о переселеніи на частновладѣльческія земли министръ государственныхъ имуществъ, раздѣляя мысль о необходимости обезпечить переселенцамъ прочное устройство на этихъ земляхъ, находилъ, однако, проектируемыя правила односторонними и не ограждающими интересы владѣльцевъ отъ возможнаго отказа крестьянъ выкупить заарендованные ими участки, особенно по истощеніи ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для переселяющихся на частныя земли, какъ лицъ болѣе состоятельныхъ, онъ не признавалъ справедливымъ устанавливать какія-либо льготы, а полагалъ ограничиться исключительно широкимъ содѣйствіемъ крестьянскаго банка къ приобрѣтенію владѣльческихъ земель. Поэтому составленный комиссіею проектъ подлежалъ, по его мнѣнію, пересмотру и затѣмъ уже внесенію на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ.

Согласно указаннымъ замѣчаніямъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были вновь составлены проекты правилъ: а) о переселеніи земледѣльческаго населенія на казенныя земли и б) о порядкѣ перечисленія переселенцевъ, водворившихся въ прежнее время въ губерніяхъ тобольской, томской, оренбургской и уфимской. Предположенія же о переселеніи на частновладѣльческія земли признано было необходимымъ обратить къ дальнѣйшей разработкѣ въ направленіи, указанномъ статсъ-секретаремъ Островскимъ.

По полученіи отзывовъ на вышеозначенные проекты отъ министровъ государственныхъ имуществъ и финансовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ приступило къ разработкѣ представленія по этому предмету въ государственный совѣтъ. При этомъ графъ Толстой, находя, что разрѣшеніе на переселеніе предполагается давать сообразно съ ходомъ межевыхъ работъ по образованію переселенческихъ участковъ, и усматривая вмѣстѣ съ тѣмъ, что

проектируемыя правила предоставляютъ крестьянамъ, переселяющимся съ разрѣшенія правительства, довольно широкія льготы, склонилъ къ мысли объ обнародованіи этихъ правилъ, такъ какъ разъясненіе крестьянамъ сущности установленныхъ условий и порядка переселенія будетъ въ значительной степени способствовать ослабленію беспорядочнаго самовольнаго перехода крестьянъ на новыя мѣста и побудитъ лицъ, стремящихся къ такому переходу, быть осмотрительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и предпочитать ради собственныхъ выгодъ законный путь переселенія незаконному. Къ такому убѣжденію привело его также сознаніе, что большинство крестьянскаго населенія оказалось осѣдомленнымъ о существованіи правилъ 10-го іюля, хотя они и не были обнародованы установленнымъ порядкомъ. Поэтому министръ внутреннихъ дѣлъ находилъ, что сохраненіе въ тайнѣ законоположеній, относящихся къ такимъ явленіямъ народной жизни, какъ переселеніе, рѣдко достигаетъ своей цѣли, а скорѣе приводитъ къ совершенно обратнымъ послѣдствіямъ: неполное и неточное знакомство съ дѣйствующими правилами вызываетъ среди населенія всегда преувеличенные слухи и толки о значеніи этихъ правилъ, чѣмъ и объясняется, по его мнѣнію, усиливающаяся за послѣднее время стремленіе крестьянъ къ выселенію.

Составленные на приведенныхъ основаніяхъ, выработанныхъ комиссіею фонъ-Плеве, проекты правилъ съ частными измѣненіями и исправленіями, внесенными отдѣльными министрами, были представлены министромъ внутреннихъ дѣлъ въ государственный совѣтъ. При обсужденіи означеннаго представленія соединенные департаменты законовъ и государственной экономіи высказали, что новый проектъ закона о переселеніяхъ вызванъ дѣйствительными потребностями народной жизни, такъ какъ „прогрессивный, изъ года въ годъ, приростъ массы сельскихъ обывателей, въ связи съ замѣчаемымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ общимъ малоземельемъ, заставляетъ правительство не закрывать возможности переселенія, какъ единственнаго средства къ уменьшенію крайней густоты населенія и къ поправленію хозяйственнаго быта тѣхъ крестьянскихъ семействъ, которымъ, за недостаткомъ земли, угрожаетъ безысходная нищета. Сюда же присоединяется предпринятое, въ политическихъ видахъ, заселеніе отдаленныхъ или бѣдныхъ русскимъ элементомъ окраинъ государства“. Тѣмъ не менѣе, указывая на доступность арендованія для крестьянъ вѣнадѣльныхъ земель, вслѣдствіе замѣчаемаго въ послѣднее время соотвѣтствія арендной платы съ доходностью этихъ земель, и ссылаясь на

дѣятельность крестьянскаго банка, „до послѣдней доступной степени“ облегчающаго приобрѣтеніе частныхъ имѣній и тѣмъ устраняющаго тяжелыя экономическія послѣдствія малоземелья, они находили, что въ обстоятельствахъ, вызывавшихъ переходъ крестьянъ на новыя мѣста, произошли существенныя перемѣны и „потребность въ переселеніяхъ, столь живо и настоятельно ощущавшаяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, значительно сократилась противъ прежняго“. По этимъ основаніямъ соединенные департаменты считали, что „на правительствѣ лежитъ обязанность скорѣе сдерживать переселеніе, нежели поощрять его, посредствомъ оказываемаго переселенцамъ содѣйствія въ разныхъ видахъ“. Наряду съ этимъ, во избѣжаніе возможнаго зарожденія среди населенія преувеличенныхъ толковъ и неосновательныхъ ожиданій, надлежало, по мнѣнію департаментовъ, придать означеннымъ правиламъ „болѣе скромную постановку, ограничась изданіемъ постановленій, опредѣляющихъ собственно порядокъ заселенія свободныхъ казенныхъ земель, въ случаяхъ, когда то будетъ правительствомъ признано полезнымъ или необходимымъ“.

Государственный совѣтъ, въ общемъ собраніи, признавъ переработанные соединенными департаментами проекты законовъ отвѣчающими цѣли, обратилъ вниманіе на слѣдующее. Усматривая, что проекты совсѣмъ не касаются крестьянъ, водворившихся на казенныхъ земляхъ, на основаніи Высочайше утвержденного 10 іюля 1881 года положенія комитета министровъ, и находя въ то же время число ихъ весьма значительнымъ, онъ полагалъ распространить и на эту часть переселенцевъ дѣйствіе правилъ объ образованіи сельскихъ обществъ и волостей изъ переселенческихъ поселковъ. Независимо отъ того, онъ считалъ своевременнымъ, въ интересахъ заселенія окраинъ и устройства крестьянъ, направляющихся за предѣлы предусматриваемаго проектомъ района, возбудить вопросъ о разработкѣ подлежащими вѣдомствами предположеній о переселеніи въ Закавказье, Туркестанскій край и Закаспійскую область. Наконецъ, ссылаясь на указанія опыта, что „огромное большинство переселенцевъ приступаетъ къ осуществленію задуманнаго предпріятія съ денежными средствами весьма ограниченными“ и вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ „терпятъ въ пути голодь и вообще испытываютъ крайнюю нужду“, общее собраніе государственнаго совѣта находило цѣлесообразнымъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министрами государственныхъ имуществъ и финансовъ, разрѣ-

шать въ заслуживающихъ уваженія случаяхъ выдачу переселяющимся денежныхъ пособій на прокормленіе во время слѣдованія ихъ къ мѣстамъ новаго водворенія.

Подвергнутыя затѣмъ нѣкоторымъ редакціоннымъ измѣненіямъ, заключенія соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи Высочайше утверждены 13 іюля 1889 года.

XIII.

Сущность получившихъ такимъ образомъ силу закона и донныя дѣйствующихъ „правилъ о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли и о порядкѣ перечисленія лицъ означенныхъ сословій, переселившихся въ прежнее время“, заключается въ слѣдующемъ. Переселеніе допускается безъ увольнительныхъ отъ обществъ приговоровъ, но не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Лица, принявшія переселеніе безъ такого разрѣшенія, возвращаются въ мѣста ихъ приписки распоряженіями административныхъ властей. Разрѣшеніе на переселеніе дается только въ случаяхъ, когда причины, вызвавшія ходатайство о переселеніи, признаны будутъ заслуживающими уваженія и притомъ имѣются свободные участки казенной земли, предназначенной для водворенія переселенцевъ. Просьбы о переселеніи подаются по мѣсту приписки на имя губернатора и представляются послѣднимъ съ заключеніемъ губернскихъ присутствій и свѣдѣніями объ имущественномъ и хозяйственномъ положеніи просителей въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ этихъ просьбахъ дозволяется указывать мѣстности, куда крестьяне желали бы переселиться, но удовлетвореніе такихъ заявленій зависитъ отъ усмотрѣнія правительства.

Для водворенія переселенцевъ министру государственныхъ имуществъ предоставляется образовывать въ губерніяхъ Европейской Россіи, въ Западной Сибири и степныхъ областяхъ особые участки изъ казенныхъ земель, которые отводятся переселенцамъ, по числу наличнаго мужского населенія, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ по соображеніи съ условіями земледѣлія и производительностью почвы въ данной мѣстности. Казенныя земли въ Европейской Россіи отводятся первоначально во временное арендное пользованіе, на сроки отъ 6-ти до 12-ти лѣтъ, а по истеченіи таковыхъ могутъ быть оставляемы за переселенцами на основаніяхъ, одинаковыхъ съ бывшими государственными

крестьянами. Въ предѣлахъ Азіатской Россіи земли предоставляются прямо въ безсрочное пользованіе переселенцевъ на общихъ съ сибирскими крестьянами основаніяхъ и съ выдачею отводныхъ актовъ. Участки отводятся въ общинное или подворное владѣніе, по выбору самихъ переселенцевъ, и не могутъ быть ни отчуждаемы, ни обременяемы долгами. Плата за землю опредѣляется: въ Европейской Россіи не свыше выкупныхъ платежей, безъ погасительной части, которые причитаются съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, владѣющихъ одинаковыми по качеству земельными угодьями, а въ Сибири—по соразмѣрности съ подушною за землю податью, платимую старожилами, по переложеніи ея на десятину земли. Въ степныхъ областяхъ земельный платежъ опредѣляется особыми положеніями.

Въ каждомъ поселѣ, состоящемъ не менѣе какъ изъ 40 наличныхъ душъ мужского пола, образуется отдѣльное сельское общество, въ составъ котораго позднѣйшіе переселенцы входятъ безъ пріемныхъ приговоровъ, пока участки не заполнятся соответствующимъ числомъ душъ. Вновь возникающія общества входятъ въ составъ существующихъ волостей или образуютъ отдѣльныя. Всѣ обязанности по введенію въ новыхъ поселеніяхъ общественнаго или волостного устройства возлагаются на крестьянскія учрежденія, а въ степныхъ областяхъ—на областныя правленія.

Переселенцамъ предоставляются слѣдующія льготы. Лица, изъятія отъ платежа подушной подати, не облагаются ею и при перечисленіи въ мѣстности, гдѣ эта подать существуетъ. Переселенцы освобождаются отъ всякаго рода казенныхъ сборовъ и арендныхъ платежей за отведенныя земли въ Европейской Россіи на два года, а въ Азіатской на три, считая со дня водворенія. Въ послѣдующіе затѣмъ три года упомянутые сборы и платежи взимаются въ половинномъ размѣрѣ. Лицамъ, достигшимъ въ годъ переселенія призывного возраста, исполненіе воинской повинности отсрочивается въ Европейской Россіи на два года, а въ остальныхъ мѣстностяхъ на три. Невыкупленные окончательно надѣлы переселенцевъ остаются въ составѣ земель ихъ прежнихъ обществъ и на эти общества переводятся лежащія на оставляемыхъ надѣлахъ выкупные платежи и всѣ недоимки, которыя числились за выбывающими членами обществъ въ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборахъ и въ продовольственныхъ ссудахъ. Долги по этимъ послѣднимъ, въ размѣрѣ, не превышающемъ $1\frac{1}{2}$ четвертей хлѣба на ревизскую душу переселяющихся, слагаются со счетовъ обществъ. По прибытіи

на мѣсто водворенія, переселенцы пользуются правомъ полученія ссудъ на продовольствіе и обмѣненіе полей, не ожидая окончательнаго перечисленія, на общихъ съ старожилами основаніяхъ. Наконецъ, согласно VII отдѣлу закона, не опубликованному во всеобщее свѣдѣніе, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ предоставлено, по взаимному ихъ соглашенію, разрѣшать, въ случаѣ надобности, выдачу путевыхъ пособій переселенцамъ и денежныхъ ссудъ на первоначальное обзаведеніе, приобрѣтеніе рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій, а также производить отпускъ необходимаго для возведенія усадебныхъ построекъ лѣсного матеріала безвозмездно или за допennyя деньги.

Независимо отъ того, особый III-й отдѣлъ предусматриваетъ порядокъ устройства лицъ, самовольно переселившихся въ прежнее время, и требуетъ обязательнаго перечисленія по мѣсту новаго жительства всѣхъ переселенцевъ, прибывшихъ до изданія закона въ губерніи оренбургскую, уфимскую, самарскую, въ Западную Сибирь и степныя области, предоставляя лицамъ, водворившимся по приѣмнымъ приговорамъ въ существующихъ сельскихъ обществахъ, причислиться къ таковымъ, а проживающимъ въ городахъ, селеніяхъ или хуторахъ на арендуемыхъ и купленныхъ земляхъ приписаться къ городамъ или волостямъ, среди которыхъ они поселились, безъ испрошенія приѣмныхъ приговоровъ и съ правомъ образованія отдѣльныхъ обществъ, если въ возникшемъ поселѣ насчитывается не менѣе 40 наличныхъ душъ мужского пола. Дѣла о такомъ перечисленіи исполняются крестьянскими учрежденіями, которыя озачиваются истребованіемъ съ мѣстъ приписки переселенцевъ увольнительныхъ на нихъ свидѣтельствъ. Выдача послѣднихъ для обществъ является обязательною. Всѣ состоящія на перечисляемыхъ недоимки по прежнимъ обществамъ въ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборахъ и въ продовольственныхъ запасахъ переводятся по мѣсту новаго водворенія переселенцевъ на личную ихъ отвѣтственность. Уплата означенныхъ недоимокъ, съ разрѣшенія министра финансовъ, можетъ быть расрочена на три года, сообразно съ платежными средствами перечисляемыхъ.

Наряду съ этимъ законъ 13 іюля 1889 г. не оставляетъ также безъ правительственнаго надзора переселенцевъ во время слѣдованія ихъ къ мѣсту назначенія. Съ этою цѣлью — „для ближайшаго наблюденія за движеніемъ переселенцевъ, оказанія имъ необходимаго содѣйствія во время слѣдованія къ мѣстамъ новаго водворенія и регистраціи переселеній“ — учреждены при

земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ шесть должностей чиновниковъ особыхъ порученій. Въмѣстѣ съ тѣмъ закономъ предусмотрѣно закрытіе существовавшей въ Сызрани переселенческой конторы.

Въ заключеніе нераспубликованная часть закона содержитъ указанія относительно необходимости выясненія вопроса о возможномъ направленіи колонизаціи изъ внутреннихъ губерній на казенныя земли Закавказскаго края и средне-азиатскихъ владѣній и объ основаніяхъ водворенія на нихъ переселенцевъ. Въ этихъ видахъ, согласно отдѣламъ VIII и IX, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и военному предоставлено войти въ обсужденіе означеннаго вопроса, первому по Закавказью, а второму — по Туркестанскому краю и Закаспійской области.

XIV.

Пока шла разработка основнаго закона, переселенческое движеніе не прекращалось, безостановочно развиваясь и усиливаясь съ каждымъ годомъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ движеніе это начинаетъ принимать преимущественно зауральское направленіе, совершаясь по тремъ главнымъ трактамъ: черезъ Тюмень, Оренбургъ и Златоустъ. Изъ означенныхъ пунктовъ г.г. Тюмень и Оренбургъ, какъ связанные рѣчными и желѣзнодорожными путями сообщенія съ мѣстами выхода и водворенія переселенцевъ, являлись главными магистральными воротами, черезъ которыя проходила переселенческая волна. Съ конца восьмидесятыхъ годовъ, по проведеніи уральской желѣзной дороги, особенно возросло движеніе на Тюмень и черезъ этотъ пунктъ проходило до 75⁰/₁₀₀ всего числа переселявшихся въ Сибирь.

Мѣстами выхода переселенцевъ служили почти всѣ губерніи Европейской Россіи, за исключеніемъ промышленныхъ центральныхъ и промысловыхъ сѣверныхъ; но преимущественно въ движеніи участвовали земледѣльческія губерніи средней черноземной полосы Россіи и малороссійскія, за ними ближайшія къ Уралу сѣверо-восточныя и наконецъ сѣверо-западныя и расположенныя по средней Волгѣ. Въ ряду этихъ губерній особенно выдѣлялась курская, изъ которой въ концѣ десятилѣтія, т.-е. въ годы наиболѣе усиленнаго движенія, прослѣдовало свыше 35⁰/₁₀₀ всѣхъ переселенцевъ. По размѣрамъ переселеніе восьмидесятыхъ годовъ представляется несравненно болѣе крупнымъ противъ происшедшаго въ предшествовавшее десятилѣтіе. За одинъ Уралъ въ

девятнадцатилѣтній періодъ времени (съ 1881 по 1889 г.), относительно котораго имѣются болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія, прошло свыше 210.000 душъ обоого пола. Но, помимо зауральскаго, переселеніе попрежнему продолжало ити въ губерніи бывшаго оренбургскаго генераль-губернаторства: оренбургскую, уфимскую и самарскую. Хотя точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ этого движенія, направлявшагося различными трактами, не имѣется, но данныя опроса сызранской переселенческой конторы свидѣтельствуютъ, что въ названныхъ губерніяхъ за указанный періодъ времени поселилось свыше 100.000 душъ пришлаго населенія. Еще болѣе сильное движеніе наблюдалось на территорію сѣвернаго Кавказа, гдѣ въ одной Кубанской области осѣло до 300.000 душъ переселенцевъ, въ качествѣ, главнымъ образомъ, арендаторовъ войсковыхъ казачьихъ земель. Если также имѣть въ виду происходившее одновременно переселеніе въ южныя губерніи Европейской Россіи и Туркестанъ, затѣмъ предпринятую правительствомъ отправку переселенцевъ моремъ на дальній востокъ и передвиженіе крестьянъ на арендованныя и купленныя съ содѣйствіемъ крестьянскаго поземельнаго банка земли, то можно полагать, что общіе размѣры переселенческаго движенія за все десятилѣтіе выразятся въ цифрѣ не менѣе 800.000 душъ обоого пола. Изъ этого числа, судя по свѣдѣніямъ о сибирскомъ переселеніи, развѣ только третья, четвертая часть направлялась въ законномъ официальномъ порядкѣ, остальные 65 — 75% шли самостоятельно.

Изъ сибирскихъ переселенцевъ большинство двигалось въ томскую губернію, преимущественно на земли кабинета Его Величества; во всѣ прочія губерніи и области Азіатской Россіи прослѣдовало менѣе половины всего числа ихъ, именно до 40%, которые распредѣлялись главнымъ образомъ между губерніями тобольской и енисейской и областями акмолинской и тургайской; сравнительно меньшая часть направлялась въ области семи-палатинскую, семирѣченскую и амурскую. Приуральскіе переселенцы мѣстомъ для водворенія избирали предпочтительно оренбургскую и уфимскую губерніи и только нѣкоторые направлялись въ предѣлы самарской губерніи.

Съ родины переселенцы подымались въ путь обыкновенно при наступленіи весны и лишь немногіе изъ нихъ предпочитали для передвиженія зимнее время. Съ открытіемъ навигаціи почти каждый пароходъ, слѣдовавшій по Волгѣ, увозилъ въ далекую Сибирь цѣлыя партіи семей и каждый поѣздъ оренбургской желѣзной дороги доставлялъ въ Приуралье десятки, сотни выход-

цевъ изъ внутреннихъ губерній. Направлявшіеся на Тюмень сибирскіе переселенцы, въ ожиданіи навигаціи по рѣкамъ Западной Сибири, вынуждены были дѣлать продолжительныя остановки въ Тюмени и въ недѣлю—двѣ ихъ скопилось тамъ до 10.000—15.000 душъ. Отсюда пароходами они плыли дагѣ къ Томску, Павлодару, Омску или, по примѣру двигавшихся отъ Оренбурга, направлялись сухопутными трактами. Если путь по Волгѣ и Камѣ совершался сравнительно скоро и удобно, то путь по рѣкамъ Западной Сибири, при несовершенствѣ и недостаткѣ перевозочныхъ средствъ, представлялся крайне тягостнымъ. Скученное въ трюмахъ товарныхъ баржъ иногда по нѣскольку сотъ человѣкъ и лишенные всякаго попеченія и надзора, переселенцы слѣдовали до Томска въ теченіе 12—18 сутокъ. При такомъ продолжительномъ пути у многихъ изъ нихъ истощались не только всѣ взятые на дорогу пищевые запасы, но и средства для приобретенія ихъ; при этомъ на значительномъ протяженіи водныхъ путей, особенно по р. Оби, пароходы останавливались нерѣдко въ безлюдныхъ мѣстностяхъ, гдѣ приобрести что-либо даже состоятельнымъ переселенцамъ не было никакой возможности. Послѣдствія такихъ условій передвиженія не могли не отражаться гибельно на состояніи здоровья переселенцевъ, и среди нихъ, а особенно дѣтей, быстро развивались тяжелыя заболѣванія, которыя вызывали усиленную смертность, доходившую до 4⁰/₀.

До Тюмени переселенцы успѣвали прибывать еще съ нѣкоторыми, хотя и не всегда достаточными запасами средствъ, но до Томска, по крайней мѣрѣ, 25—30⁰/₀ изъ нихъ достигало въ положеніи, близко граничащемъ къ нищетѣ. Борьба съ этою нищетою было затруднительно, и всѣ мѣры, принимавшіяся въ этомъ направленіи, оканчивались въ лучшемъ случаѣ изысканіемъ какихъ-либо способовъ къ дальнѣйшей отправкѣ прибывшихъ къ мѣстамъ водворенія. Но скромныя средства, которыя отпускались казною въ распоряженіе переселенческихъ чиновниковъ, являлись часто недостаточными даже для удовлетворенія этой неотложной потребности. На такіе пункты наиболѣе сильнаго скопленія, какъ Тюмень, Томскъ, Оренбургъ, ежегодный отпускъ денежныхъ суммъ рѣдко превышалъ 5.000—7.000 руб. и, при возраставшемъ наплывѣ переселенцевъ и необходимости одновременно производить траты на врачебно-продовольственную помощь, въ пособіе на дальнѣйшій путь нуждающимся выдавалось иногда лишь по нѣскольку рублей. Вслѣдствіе этого многія семьи вынуждены были слѣдовать пѣшкомъ, рассчитывая на подаянія или заработки въ попутныхъ селеніяхъ, а значительная

часть ихъ была отправляема изъ Томска на наемныхъ подводахъ съ вѣса, какъ кладь. О бѣдственномъ положеніи немущихъ переселенцевъ не переставали свидѣтельствовать переселенческіе чиновники. Въ 1888 г. томскій чиновникъ сообщалъ, что происходившее въ этомъ году чрезмѣрное „движеніе явилось почти неожиданнымъ и поставило въ немалое затрудненіе лицъ, обязанныхъ оказывать возможное удовлетвореніе переселенческимъ нуждамъ въ пути и на новыхъ мѣстахъ. Средства получались тѣ же, а переселенцевъ явилось въ три раза болѣе. Послѣдніе оказались въ критическомъ положеніи. Большую часть ихъ пришлось отправить на наемныхъ подводахъ съ выдачею пособій на продовольствіе иногда отъ 2 до 5 руб. на семью въ 8—10 душъ и при разстояніи до мѣста слѣдованія въ 500 верстъ. Конечные результаты такихъ пособій не замедлили сказаться: многіе переселенцы, особенно изъ амурскихъ, вернулись назадъ, многіе остались въ пути, а иные хотя и достигли мѣсть водворенія, но оказались еще въ худшемъ положеніи: жить съ семьею подъ открытымъ небомъ безъ хлѣба, теплой одежды и безъ надежды на скорое устройство своего быта“. Министерство внутреннихъ дѣлъ, освѣдомленное о такомъ неудовлетворительномъ положеніи дѣла, ограничивалось только указаніемъ „соблюдать возможную экономію и бережливость“ въ дѣлѣ расходованія отпускаемыхъ суммъ. При указанной, болѣе чѣмъ недостаточной, помощи со стороны правительства, съ дѣломъ оказанія поддержки и содѣйствія переселенцамъ стали выступать благотворительные комитеты, открывавшіеся въ разное время по почину мѣстной администраціи и общества. Такіе комитеты возникли въ г. Тюмени, Томскѣ, Иркутскѣ, Читѣ и Петербургѣ. Равнымъ образомъ, на помощь переселенцамъ приходили нѣкоторые частныя лица и редакціи повременныхъ изданій, производившія сборъ пожертвованій на нужды переселенческаго дѣла.

XV.

Скромная помощь правительства и еще болѣе скромная— частной благотворительности достигали развѣ того, что переселенцы, по прибытіи на пункты, гдѣ была организована эта помощь, могли рассчитывать на бесплатный пріютъ въ баракахъ, медицинскую помощь, даровое продовольствіе и, въ случаѣ полной нищеты, на скудное снаряженіе въ дальнѣйшій путь. О дальнѣйшей же судьбѣ, постигавшей переселенцевъ въ пути и на

новыхъ мѣстахъ, куда многіе прибывали нерѣдко безъ всякихъ средствъ, предоставлялось заботиться имъ самимъ. Поэтому немущіе, по прибытіи на мѣсто назначенія, вынуждены были обращаться прежде всего не къ устройству хозяйства, а къ изысканію средствъ для своего пропитанія. Такими средствами служили, главнымъ образомъ, заработки у мѣстныхъ крестьянъ, на которые и устремлялось большинство необеспеченныхъ новоселовъ. Часто заработки эти доставляли только пропитаніе семьѣ и не давали никакихъ сбереженій, съ помощью которыхъ представлялось бы возможнымъ завести собственное хозяйство, и конечнымъ удѣломъ такихъ лицъ становилось продолжительное безхозяйное положеніе. Въ 1886 г. переселенческой чиновникъ, командированный въ Златоустъ, сообщалъ, что „уфимская губернія даетъ массу пришлаго населенія, совсѣмъ нигдѣ не пристроившагося и проживающаго въ селеніяхъ мѣстныхъ крестьянъ въ качествѣ батраковъ, поденщиковъ, кустарей, существующихъ различными мѣстными заработками. Обслѣдованіе златоустовскаго уѣзда на мѣстѣ показало, что во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ селахъ и деревняхъ такое населеніе считается цѣлыми десятками семей и достигаетъ въ нѣкоторыхъ до 50—70 семей на селеніе. Застигнутые въ дорогѣ случайнымъ несчастіемъ или истощеніемъ путевыхъ средствъ и встрѣчая препятствіе къ дальнѣйшему передвиженію, переселенцы оставались въ попутныхъ селеніяхъ, пока не представлялось возможности слѣдовать далѣе къ мѣсту первоначальнаго назначенія и пріобрѣсти тамъ болѣе или менѣе прочную осѣдность. Но нерѣдко всѣ усилія ихъ поправить хозяйство и двинуться далѣе съ запасомъ необходимыхъ средствъ кончались ничѣмъ, и они, проведя цѣлые годы безхозяйной и бездомовой жизни, теряли способность и силы къ обзаведенію самостоятельнымъ хозяйствомъ и обращались навсегда въ безземельныхъ бобылей, пролетаріевъ въ чуждомъ имъ обществѣ. Положеніе такихъ переселенцевъ или, по мѣстному выраженію, „страннихъ людей“ не представляетъ ничего утѣшительнаго. Они составляютъ каковой-то отбросъ въ пріютившемъ ихъ обществѣ и лишены всякихъ гражданскихъ и юридическихъ правъ. Имъ не дозволяется ставить отдѣльные дома на землѣ общества, не дозволяется приписываться къ нему и снимать общественную землю. Экономическая маломочность ихъ такова, что они не въ состояніи даже арендовать дешевыя башкирскія земли и принуждены во время страды наниматься въ чужія работы или уходить въ батраки. Въ послѣднемъ случаѣ работники живутъ отдѣльно отъ семьи и на получаемую плату содержатъ

семью, снимая для нея гдѣ-нибудь на окраинѣ села квартиру, въ видѣ простой „скотской заднюшки“. Кустари и ремесленники находятся въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ, и многіе изъ нихъ поселяются въ зажиточныхъ селеніяхъ крестьянъ государственныхъ специально ради занятія извѣстными промыслами. Въ отношеніяхъ указаннаго неприписнаго населенія къ старожиламъ и обратно нельзя не замѣтить нѣкоторой втянутости. Старожилы скорѣе терпятъ такихъ „страннихъ людей“ и смотрятъ на нихъ, какъ на необходимую въ страдную пору дешевую рабочую силу; „странніе же люди“, сознавая свое безсиліе когда-либо выйти изъ настоящаго положенія и обзавестись собственнымъ хозяйствомъ, съ глухою завистью относятся къ этимъ „богачамъ“, живущимъ въ довольствѣ, и видятъ въ нихъ какъ бы даже причину своей нищеты“. Переселенческимъ чиновникомъ въ Оренбургѣ указывалось въ 1888 году, что многіе изъ выходцевъ, „прибывъ на новыя мѣста жительства и истративъ всѣ свои средства, занимаются подневными работами въ городахъ, богатыхъ селеніяхъ и станицахъ. Насколько значительно число этихъ переселенцевъ, можно судить изъ того, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ обратилось за единовременными пособиями свыше 660 семействъ, проживающихъ въ г. Оренбургѣ и въ окрестныхъ селеніяхъ. По собраннмъ свѣдѣніямъ оказалось, что у нихъ, за исключеніемъ ветхой одежды, положительно ничего нѣтъ“.

Въ иныхъ, лучшихъ случаяхъ заработка переселенцевъ носили характеръ отработковъ за купленный у старожилонъ хозяйственный инвентарь. При такомъ способѣ обзаведенія каждый приобретаемый предметъ оплачивался почти вдвое противъ его действительной стоимости, и верѣдно вся семья, включая и подростковъ, принимала участіе въ подобныхъ отработкахъ, чтобы оборудовать свое хозяйство въ возможно скоромъ времени. Большинство малолетнихъ переселенцевъ, пришедшихъ на новыя мѣста и особенно въ Сибирь и не потерявшихъ энергіи и надежды на самостоятельное устройство, испытывали эту общую участь задолженности и непосильныхъ отработковъ старожиламъ. Весьма немногіе изъ нихъ въ первый же годъ, по приходѣ, успѣвали приступить къ собственному хозяйству, засѣвая $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ десятины земли озимымъ хлѣбомъ. Остальные ожидали весны, рассчитывая зимою поправиться къ посѣву хлѣбовъ. Но проходила зима, полная лишеній для переселенческой семьи, находившей пріютъ гдѣ-нибудь въ сырой землянкѣ или на задворкахъ старожильскихъ строеній, а весною новыя нужды и новыя

просьбы къ старожиламъ—ссудить лошадей, хлѣбомъ, зерномъ, бороною. Описывая положеніе основаннаго близъ Томска Сухорѣченскаго поселка, томскій переселенческій чиновникъ въ 1888 г. сообщалъ: „несмотря на давнее отъ одного до двухъ лѣтъ поселеніе нѣкоторыхъ въ участкѣ, изъ 39 домохозяевъ 14 не имѣли своихъ избъ, 9 составляли разрядъ безлошадныхъ, а 15 успѣли завести только по одной лошади, что совершенно недостаточно для успѣшнаго веденія хозяйства въ Сибири. Посѣвы производились самые ничтожныя; почти недостаточныя для собственнаго продовольствія. Изъ 1.590 десятинъ обработано подъ пашню и засеяно лишь 59 десятинъ на всѣ 39 дворовъ, отчего 22 семьи должны были кормиться покупнымъ хлѣбомъ большую часть зимы и не имѣть собственнаго зерна къ посѣву яровыхъ хлѣбовъ. Сторонніе заработки, при всей ихъ ничтожности, служили единственнымъ средствомъ въ существованію: 24 семьи выслали своихъ работниковъ для такихъ заработковъ на сторонѣ, а заработки эти сводились почти исключительно къ отработкамъ у мѣстныхъ крестьянъ и заимщиковъ за приторгованныя у нихъ старыя избы, муку, хлѣбное зерно, лошадей и т. п. Отработки эти составляютъ для переселенцевъ тотъ же родъ подневольнаго, кабальнаго труда, оплачиваемаго вдвое дешевле противъ вольнаго найма. При зимней рабочей платѣ въ 20 коп. за пудъ хлѣба переселенецъ долженъ отработать 4—5 дней и этотъ пудъ ему такимъ образомъ обходится въ 80 коп.—1 руб., т.-е. вдвое противъ базарныхъ цѣнъ въ Томскѣ, имѣвшихъ мѣсто въ 1887 году“. Только черезъ 3—5 лѣтъ неимущіе переселенцы, при благопріятныхъ условіяхъ, начинали оправдаться отъ пережитой нужды и могли считать дальнѣйшее хозяйство свое упрощеннымъ.

Помято матеріальныхъ лишеній, положеніе переселенцевъ, водворившихся на казенныхъ земляхъ Западной Сибири, отягощалось еще особыми спеціальными причинами, которыя являлись плодомъ чисто-административныхъ недоразумѣній. Поселяясь на земляхъ, отводившихся въ арендное пользованіе, переселенцы, по контрактамъ съ казною, облагались особою оброчною податью, которая, будучи переложена на землю, исчислялась по совокупности подушной и оброчной податей, уплачивавшихся старожилами данной мѣстности. Платежъ этотъ являлся единственнымъ въ казну, пока новоселы не были перечислены; съ момента же перечисленія они зачислялись въ податной окладъ въ полномъ объемѣ, взимавшемся съ сибирскихъ старожиловъ, т.-е. съ включеніемъ въ него подушной и оброчной подати, и въ то же время

не освобождались отъ уплаты установленной за землю оброчной подати. Такимъ образомъ переселенцы должны были вести двойное обложеніе въ казну и испытывать въ этомъ отношеніи несравненно худшее положеніе противъ сибирскихъ старожиловъ и лицъ, поселявшихся въ сосѣднемъ Алтайскомъ округѣ или въ енисейской губерніи, гдѣ земли отводились прямо въ надѣль новоселамъ. Порядокъ этотъ существовалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока въ 1888 году не послѣдовала отмѣна его и переселенцы, съ зачисленіемъ въ окладъ податей, не стали освобождаться отъ платежа оброка.

Равнымъ образомъ, вопреки принятому повсемѣстно въ Сибири порядку допускать водвореніе переселенцевъ на избранныхъ ими лично или черезъ ходяковъ участкахъ земли, для поселявшихся на казенныхъ земляхъ Западной Сибири съ 1886—1887 гг. установлено было совершенно обратное начало предварительнаго предназначенія участковъ, когда таковые предоставлялись безъ всякаго соображенія съ желаніемъ новоселовъ занять ихъ или даже предварительно удостовѣриться въ пригодности ихъ для себя. Подобное начало проводилось на мѣстѣ иногда столь строго, что многіе не допускались къ поселенію даже на сосѣднемъ съ разрѣшеннымъ участкѣ. При такихъ условіяхъ переселенцамъ, разочаровавшимся въ качествахъ предназначенныхъ земель, оставалось или возвращаться обратно на родину, или уходить въ мѣстности, гдѣ подобнаго порядка не существовало. Таковой уходъ съ предназначенныхъ мѣстъ являлся обычнымъ въ тобольской и томской губерніяхъ и, хотя онъ влекъ за собою нежелательныя послѣдствія потерь, связанныхъ съ дальнѣйшими поисками подходящихъ земель, тѣмъ не менѣе переселенцы предпочитали его перспективѣ вѣчно оставаться на участкѣ, который они нашли неудобнымъ для себя. Такимъ образомъ, выработавшейся практикой и признанный наиболѣе цѣлесообразнымъ порядокъ поселенія на свободныхъ земляхъ Сибири, по собственному выбору переселенцевъ, какъ обезпечивавшій имъ возможность скорѣйшаго устройства на новыхъ мѣстахъ, мѣрами административными былъ замѣненъ другимъ для водворявшихся съ разрѣшенія правительства на казенныхъ земляхъ, и вслѣдствіе этого переселенцы эти были поставлены въ условія, которыхъ не знали даже самовольно-пришедшіе, такъ какъ послѣдніе нерѣдко занимали тѣ же казенныя участки по своему усмотрѣнію и, въ концѣ концовъ, добивались разрѣшенія оставить ихъ за собой.

XVI.

Вообще въ дѣлѣ устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ въ 80-хъ годахъ замѣчается примѣненіе началъ, которыя представлялись верѣждо не только не согласованными между собою, но даже совершенно противорѣчащими другъ другу. Хотя по дѣйствующимъ правиламъ самостоятельныя переселенцы лишены были права на отводъ казенной и кабинетской земли, но обстоятельства, вызывавшія чрезмѣрнымъ наплывомъ ихъ и невозможностью принять какія-либо мѣры противъ таковаго наплыва, вынуждали чиновъ межевыхъ отрядовъ, заготовлявшихъ переселенческіе участки, прилагать одинаковыя заботы къ устройству и такимъ переселенцевъ. Оправданіемъ къ этому служило еще и отсутствіе объединяющихъ началъ, которыми должны были руководствоваться правительственныя учрежденія и лица при разрѣшеніи ходатайствъ о переселеніи и отводѣ земли для поселяющихся. Достаточно указать на то, что на огромной заселяемой территоріи, простиравшейся отъ рѣки Волги до Охотскаго моря и отъ береговъ Мурмана и Новой Земли до границъ Персіи въ отношеніи переселенія дѣйствовали совершенно различныя правила и распоряженія, частью устарѣвшія, частью почти совсѣмъ неизвѣстныя, разобратся въ которыхъ было затруднительно не только для переселенцевъ, но даже для руководившей дѣйствіями ихъ мѣстной власти.

Если не считать южно-уссурійскаго переселенія, направлявшагося въ особомъ порядкѣ моремъ, амурскіе переселенцы, слѣдовавшіе сухопутными трактами, и алтайскіе подчинялись дѣйствію особыхъ специальныхъ узаконеній 26-го марта 1861 года и 25-го апрѣля 1865 года, которыя допускали переселеніе крестьянъ путемъ непосредственныхъ сношеній администраціи внутреннихъ губерній Россіи съ главнымъ начальствомъ Приамурскаго края и Алтайскаго округа. Но на практикѣ порядокъ таковаго разрѣшенія, требуемый закономъ, замѣнялся въ названныхъ мѣстностяхъ болшею частью признаніемъ совершившагося факта переселенія.

Къ территоріи иркутскаго генералъ-губернаторства или, ближайшимъ образомъ, енисейской губерніи, куда преимущественно направлялось движеніе переселенцевъ, въ порядкѣ разрѣшенія и отвода имъ земли до самаго конца десятилѣтія примѣнялся уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ. Но за прекращеніемъ дѣйствія этого устава и отсутствіемъ другихъ замѣ-

няющихъ его правилъ, мѣстныхъ казенныя палаты, завѣдывавшія казенными землями, вынуждены были снисходительно относиться къ устройству самовольныхъ выходцевъ, требуя отъ нихъ выполнения лишь двухъ условій, чтобы избранный участокъ былъ вымежеванъ изъ владѣнія сибирскихъ старожиловъ и чтобы площадь его была не менѣе предусматриваемой ст. 26-ой устава, т.-е. 4.000 десятинъ.

Отчасти этимъ же уставомъ руководствовались и земельныя управленія Западной Сибири, при устройствѣ переселенцевъ на казенныхъ земляхъ, пока частные случаи примѣненія временныхъ правилъ 10-го іюля 1881 года не повели въ средній 80-хъ годовъ къ распространенію дѣйствія этихъ правилъ на всѣхъ лицъ, водворявшихся на означенныхъ земляхъ, и кореннымъ образомъ не измѣнили практиковавшійся дотогѣ порядокъ отвода земли новоселамъ. Установленіе и точное проведеніе этого порядка на мѣстахъ водворенія явилось для множества семей, уже занявшихъ казенныя земли, совершенно неожиданнымъ. Большинство изъ нихъ оказалось невыполнившимъ указанія закона и пришедшимъ безъ предварительнаго разрѣшенія на переселеніе, вслѣдствіе чего требованіе объ обязательномъ выполненіи законнаго порядка переселенія, предъявленное даже къ лицамъ, успѣвшимъ окончательно поселиться и обзавестись хозяйствомъ, поставило многихъ въ безвыходное положеніе и побудило, за затруднительность и часто невозможность возбуждать ходатайства о переселеніи съ мѣстъ прежняго жительства, уходить съ участковъ.

Далѣе, въ губерніяхъ бывшаго оренбургскаго генераль-губернаторства дѣйствовали два законоположенія—26-го января 1876 г. и 10-го іюля 1881 года, изъ которыхъ первое, допуская устройство на казенныхъ земляхъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ,— „прибывшихъ туда изъ другихъ губерній“, и требуя для осуществленія этого устройства только факта таковаго прибытія, тѣмъ самымъ находилось какъ бы въ прямомъ противорѣчьи съ позднѣйшимъ закономъ, допускавшимъ переселеніе и водвореніе на казенныхъ земляхъ въ названныхъ губерніяхъ лишь съ предварительнаго разрѣшенія правительства. На ряду съ тѣмъ и въ порядкѣ отвода земли, предусматриваемомъ обоими законоположеніями, замѣчалось такое же несоотвѣтствіе принятыхъ основаній. Въ то время, какъ по закону 1876 года свободныя казенныя земли наръзались на ревизскія души и отводились прямо въ надѣль переселенцамъ, на основаніи временныхъ правилъ

онѣ поступали въ арендное пользованіе и исчислялись по наличному составу душъ мужского пола.

Наконецъ отдѣльною территоріею въ колонизаціонномъ отношеніи стояли степныя области и область тургайская. Хотя движеніе крестьянъ въ эти области постоянно увеличивалось и принимало съ годами все болѣе замѣтные размѣры, тѣмъ не менѣе онѣ являлись какъ бы изъятыми изъ вѣдѣнія всѣхъ законовъ и распоряженій правительства о переселеніи, и лица, стремившіеся поселиться въ нихъ, не оставалось другого выбора, какъ слѣдовать „самовольно“ и устраиваться на свой рискъ и страхъ путемъ приписки къ городамъ или водворенія на арендованныхъ киргизскихъ земляхъ.

Что касается затѣмъ Кавказа и Турвѣстана, то никакихъ опредѣленныхъ правилъ о переселеніи на казенныя земли названныхъ окраинъ не существовало и переселенцы направлялись туда самостоятельно или устраивались по особымъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разрѣшеніямъ правительства.

Все изложенное выше о существовавшемъ порядкѣ переселенія въ 80-хъ годахъ свидѣтельствуетъ, насколько затруднительно было для мѣстной власти, не только въ губерніяхъ выселенія, но и въ губерніяхъ водворенія, слѣдовать разнорѣчимымъ указаніямъ закона и согласовать ихъ съ установившеюся практикою дѣла. Поэтому, обращая прежде всего вниманіе на фактъ наплыва переселенцевъ, администрація заселяемыхъ мѣстностей всѣ старанія направляла главнымъ образомъ къ тому, чтобы устроить ихъ на новыхъ мѣстахъ, и находила излишнимъ входить въ обсужденіе правъ ихъ на такое устройство. Такимъ образомъ, „самовольное“ переселеніе фактически было узаконяемо мѣстною властью, и этотъ порядокъ узаконенія существовалъ повсемѣстно въ Сибири, не исключая и степныхъ областей.

XVII.

При наплывѣ переселенцевъ, Сибирь оказалась совершенно неподготовленною въ межевомъ отношеніи для приѣма цѣлыхъ десятковъ тысячъ новыхъ насельниковъ. Въ большинствѣ ея областей и губерній точнаго межеванія земель не было, а производилась лишь въ разное время военно-топографическая съемка на планъ мѣстностей. Хотя съ начала 40-хъ годовъ въ Западной и отчасти Восточной Сибири приступлено было къ послѣдовательному межеванію казенныхъ земель, но работы эти ве-

лись медленно и не подвергались исправленію въ связи съ измѣненіями, которыя происходили въ земельной картѣ Сибири, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія и наплыва пришлага. Поэтому планы мѣстностей, обойденныхъ межеваніемъ, представляли въ большинствѣ случаевъ матеріалъ крайне устарѣвшій и совершенно непригодный для руководства. На ряду съ этимъ сформированный въ Западной Сибири для образованія переселенческихъ участковъ отрядъ межевыхъ чиновъ явился малочисленнымъ и не въ состояніи былъ удовлетворять возрастающему спросу на землю, который всегда опережалъ работы по вымежеванію участковъ. При такихъ условіяхъ, съ цѣлью скорѣйшаго устройства переселенцевъ, межевые чины вынуждены были спѣшно и торопливо производить частичное вымежеваніе земель изъ казенныхъ дачъ, иногда безъ должнаго соображенія съ количествомъ и качествомъ содержащихся въ нихъ угодій, или указывать на такія изъ этихъ дачъ, которыя значились когда-то свободными по планамъ 50-хъ, 60-хъ годовъ. Дачи же эти нерѣдко оказывались непригодными для веденія сельскаго хозяйства, сданными въ аренду или самовольно занятыми мѣстными крестьянами, съ устройствомъ тамъ цѣлой сѣти хуторовъ и заимокъ. Вслѣдствіе этого при водвореніи между переселенцами и старожилами возникали всегда крушныя недоразумѣнія и споры, которые нерѣдко оканчивались недопущеніемъ новоселовъ до пользованія указанною для поселенія землею, и послѣдніе вынуждены были уходить съ назначеннаго мѣста или же ожидать нарушенія аренднаго контракта или разрѣшенія споровъ и недоразумѣній прибывшими межевщиками. Ожиданія же эти, за медленностью переписки и отсутствіемъ межевыхъ чиновъ на мѣстѣ, тянулись иногда по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ и лишали прибывшихъ возможности не только приступить къ хозяйству, но и остановить произволъ арендаторовъ, которые разоряли оставляемый участокъ.

Не лучшее положеніе ожидало переселенцевъ и въ Алтайскомъ округѣ, гдѣ планы межеванія земель были еще болѣе старыми, чѣмъ въ прочихъ мѣстностяхъ Западной Сибири, относясь къ началу столѣтія, и гдѣ штатъ межевыхъ чиновъ, состоявшій при главномъ управленіи округа и съ 1884 г. начавшій производить работы по обмежеванію переселенческихъ участковъ, также не соответствовалъ потребностямъ дѣла. Въ числѣ другихъ заселяемыхъ районовъ Сибири округъ этотъ уже давно славился печальною извѣстностью, вслѣдствіе постоянныхъ земельныхъ неурядицъ, происходившихъ среди мѣстнаго населенія

и особенно обострившихся при усиленном наплывѣ переселенцевъ. Отъ тяжелыхъ послѣдствій неурейства спасало послѣднихъ только то обстоятельство, что въ степной сѣверо-западной окраинѣ этого округа находились обширныя пространства пустовавшихъ земель, изъ которыхъ безъ особыхъ затрудненій и отводились участки подъ поселеніе.

Еще менѣе обезпеченными представлялись интересы переселенцевъ при устройствѣ на свободныхъ земляхъ въ другихъ мѣстностяхъ Зауралья, какъ въ Восточной Сибири и на Амурѣ, гдѣ специальныхъ межевыхъ отрядовъ совсѣмъ не существовало, а въ распоряженіи мѣстныхъ земельныхъ управленій или замѣнявшихъ ихъ казенныхъ палатъ состояли небольшіе штаты землемѣровъ, которые при случаѣ и наръзали землю для переселяющихся. Нарѣзка эта производилась обыкновенно на основаніи выдававшихся чинами земской полиціи удостовѣреній о свободности земельного участка или чаще всего заявленій о томъ самихъ же переселенцевъ. При такихъ условіяхъ отвода участковъ послѣднимъ приходилось ожидать иногда по году и болѣе, но при томъ облегчающемъ условіи, что имъ не воспрещалось занятіе и пользованіе землею впредь до вымежеванія ея. Такой порядокъ, при обиліи пустовавшихъ земель, устранялъ для многихъ переселенцевъ затрудненія, связанныя съ необходимостью водворенія и устройства на новыхъ мѣстахъ.

Если въ поименованныхъ мѣстностяхъ работы по обмежеванію переселенческихъ участковъ носили столь неудовлетворительный характеръ, то въ степныхъ областяхъ, гдѣ земледѣльческая колонизація начала-было развиваться уже въ 70-хъ годахъ, отчасти по почину самого же правительства, къ этому присоединился еще составившійся у областной администраціи взглядъ на вредъ вообще русской колонизаціи для кочевого киргизскаго населенія. Въ виду этого, послѣ совершившагося признанія нѣкоторыхъ самовольно образованныхъ поселеній въ краѣ, рѣшено было не только превратить всякую нарѣзку участковъ подъ водвореніе переселенцевъ, но и принять рядъ строгихъ мѣръ для предотвращенія дальнѣйшаго поселенія въ степяхъ и даже для выселенія самовольно прибывшихъ семей.

Переселеніе въ снежную тургайскую область, какъ не регламентированное никакими правилами и распоряженіями правительства, предоставлено было всецѣло естественному теченію вещей и совершалось безъ всякаго надзора и вѣдома административной власти. Переселенцы шли, образовывали многочисленныя хутора и займы, группируясь иногда въ значительныя отдѣль-

ныя поселенія, и такое водвореніе въ области обуславливалось только однимъ соглашеніемъ съ кочевниками объ арендѣ земель. Новыя поселенія состояли болѣею частью изъ случайно собравшихся семей и не имѣли никакого официально признаннаго внутренняго устройства и управленія.

XVIII.

Кромѣ водворенія на свободныхъ земляхъ, другою распространеною формою устройства переселенцевъ въ Сибири являлась приписка къ мѣстнымъ многоземельнымъ обществамъ. До середины 80-хъ годовъ къ подобному способу устройства прибѣгала большая часть новоселовъ, почти до $\frac{4}{5}$ числа ихъ, уплачивая за право приписки извѣстную вступную плату. Вначалѣ небольшая плата эта съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ непрекращавшагося наплыва переселенцевъ, значительно возросла и достигла мѣстами, особенно въ Алтайскомъ округѣ, до 50—75 руб. съ души. Обстоятельство это, въ связи съ уменьшеніемъ площади свободныхъ общественныхъ земель и съ принятою заготовкою специальныхъ переселенческихъ участковъ, значительно повліяло на измѣненіе установившагося способа устройства переселенцевъ, и большинство изъ нихъ мѣстами для поселенія стало избирать свободныя земли. Однако и послѣ этого приселеніе къ обществамъ, главнымъ образомъ, алтайскихъ крестьянъ представлялось въ глазахъ многихъ болѣе удобнымъ, такъ какъ не требовало ближайшаго вниманія правительственной власти, и поэтому нерѣдко предпочиталось передъ водвореніемъ на свободныхъ участкахъ. Къ этому склоняло иныхъ еще сознаніе, что они попадутъ не „на пустое мѣсто“ и могутъ приобрѣсть въ пользованіе лучшія угодья, чѣмъ нарѣзавшіяся изъ свободныхъ земель. Послѣдствія, однако, не всегда оправдывали подобные расчеты новоселовъ, и многіе изъ нихъ, особенно не располагавшіе достаточными средствами, скоро убѣждались въ роковой, непоправимой ошибкѣ. Договоры о вступной платѣ съ обществомъ сопровождались обыкновенно выдачею задатка съ одной стороны и позволеніемъ строиться и обзаводиться съ другой, при этомъ вопросъ о приѣмномъ приговорѣ отлагался болѣею частью до уплаты всей договоренной суммы, которую переселенцы надѣялись скопить путемъ заработковъ. Пользуясь разрѣшеніемъ, они немедленно приступали къ постройкамъ, постепенно приводили ихъ къ концу, уплачивали затѣмъ всю догово-

ренную сумму, но обезпечить себѣ правовое положеніе у общества не могли. Выдача приѣмнаго приговора отлагалась послѣднимъ подъ разными предлогами, и въ ожиданіи этой выдачи часто проходило неопредѣленное время, пока, наконецъ, новоселы не убѣждались, что общество совсѣмъ не желаетъ принимать ихъ, пользуясь ими только какъ доходною статьею и обя-зывая ихъ къ выполненію всѣхъ повинностей, наравнѣ съ своими членами, и къ уплатѣ аренды за занятую подъ посѣвъ и строе-нія землю. Прикрываясь закономъ, предоставляющимъ въ дѣлѣ приѣма новыхъ членовъ руководствоваться собственнымъ усмо-трѣніемъ, общество, въ концѣ концовъ, отрѣкалось и отъ дан-ныхъ новоселамъ обѣщаній и отъ самаго факта полученія съ нихъ условленной платы, чѣмъ поставило ихъ въ самое безвы-ходное положеніе. Многочисленныя просьбы и жалобы, посту-павшія отъ алтайскихъ переселенцевъ на подобныя злоупотре-бленія сельскихъ обществъ, свидѣтельствуютъ, насколько значи-теленъ былъ кругъ лицъ, обманувшихся въ расчетахъ на устрой-ство путемъ приписки къ обществамъ. Къ концу 80-хъ годовъ въ Алтайскомъ округѣ такихъ безправныхъ, неустроенныхъ пере-селенцевъ среди мѣстнаго населенія насчитывалось свыше 100.000 душъ.

XIX.

Порядокъ переселенія и устройства крестьянъ въ приураль-скихъ губерніяхъ почти ничѣмъ не отличался отъ установивша-гося въ предшествовавшее десятилѣтіе, нося ту же беспорядоч-ную случайную форму. Причиною этому служилъ, несомнѣнно, недостатокъ свободныхъ казенныхъ земель, предназначавшихся подъ водвореніе переселенцевъ, и въ связи съ этимъ затрудни-тельность приобрѣтенія частновладѣльческихъ земель черезъ по-средство крестьянскаго банка. Переселенцы направлялись пре-имущественно въ оренбургскую и уфимскую губерніи, гдѣ за-пасъ свободныхъ участковъ представлялся совершенно ничтож-нымъ и допускалъ возможность устройства развѣ единичныхъ семей. Главная площадь казенныхъ земель расположена была въ предѣлахъ самарской губерніи, но здѣсь, на основаніи пра-вилъ 10 іюля 1881 г., устроилось по 1887 г. всего до 5.000 душъ мужского пола. Новоселы избѣгали степныхъ, нерѣдко без-водныхъ участковъ, нарѣзавшихся въ южныхъ уѣздахъ означен-ной губерніи, и предпочитали поѣтому поселяться въ вышена-званныхъ губерніяхъ, устраиваясь на частновладѣльческихъ и

башкирскихъ земляхъ, или водворяясь въ обществахъ старожиловъ и въ казачьихъ станицахъ. Съ положеніемъ приуральскихъ переселенцевъ обстоятельно знакомятъ свѣдѣнія, собранія по этому предмету переселенческимъ чиновникомъ въ оренбургской губерніи. Къ началу 1888 г. на территоріи ея проживало водворившагося въ разное время пришлаго населенія до 110.000 душъ обоого пола. Изъ нихъ прочно устроенными въ поземельномъ отношеніи могли считаться только 9⁰/₀ лицъ, купившихъ въ собственность земли преимущественно на имѣвшіяся у нихъ личныя средства (до 6⁰/₀). Остальные 91⁰/₀ собственной земли не имѣли и проживали большею частью отдѣльными хуторами на заарендованныхъ земляхъ (53⁰/₀) или въ селеніяхъ крестьянъ и казачьихъ станицахъ, въ которыхъ занимались съемкою общественныхъ земель подъ хлѣбопашество, торговлею, промыслами или временными случайными работами. Почти до 70⁰/₀ переселенцевъ не было перечислено по мѣсту новаго жительства, изъ остальныхъ же часть была приписана къ волостямъ безъ земли, а другая, вдвое большая—къ городамъ.

Отсутствіе свѣдѣній о переселенческомъ движеніи, направлявшемся въ другія заселяемыя мѣстности, какъ въ Закавказье, Туркестанъ и прочія губерніи Европейской Россіи, не позволяетъ въ точности судить о размѣрѣ этого движенія и о порядкѣ устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Хотя Закавказье начало заселяться русскими еще съ 30—40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, но заселеніе это носило болѣе штрафной характеръ. Русскія поселенія въ край образовывались изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ и главнымъ образомъ изъ сектантовъ, ссылавшихся сюда изъ внутреннихъ губерній и водворившихся на казенныхъ земляхъ. Остальные выходцы изъ Россіи были предоставляемы собственнымъ силамъ и разумнію, и поэтому, за неотводомъ казенной земли, устраивались большею частью въ городахъ, гдѣ проживали различными заработками. Обстоятельство это, несомнѣнно, служило причиною, что Закавказье, какъ заселяемая мѣстность, совершенно не привлекало къ себѣ русскаго населенія. Далѣе, въ южныхъ губерніяхъ Россіи: таврической, херсонской, екатеринославской, а также въ юго-восточной саратовской, были открыты для заселенія небольшіе запасы свободныхъ казенныхъ земель, на которыхъ, съ разрѣшенія правительства, устроилось по 1887 г. безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ около 4.500 душъ мужского пола. Несомнѣнно, однако, приведеннымъ числомъ переселенцевъ не обнималось все движеніе, какое замѣчалось какъ въ названныя, такъ и въ прочія

губерніи Россіи, и не ограничивалось ихъ устройство только путемъ водворенія на казенныхъ земляхъ, особенно послѣ учрежденія крестьянскаго банка, съ содѣйствіемъ котораго, какъ извѣстно, многіе стали устраиваться на купленныхъ земляхъ и ради этого переселяться изъ мѣстъ своей прежней приписки.

XX.

Слѣдуя на новыя мѣста, особенно въ далекую Сибирь, большинство переселенцевъ смутно представляло ту дѣйствительность, какая ихъ ожидала. Многіе даже не знали, куда собственно они направлялись: шли на „Мамурь-рѣку“, на „Китайскій клинъ“, въ „Бѣловодье“, но какія мѣстности разумѣлись подъ этими названіями, гдѣ онѣ расположены и какими путями достигнуть ихъ, переселенцы часто не могли сказать. Лишь немногіе изъ нихъ посылали предварительно ходоконъ, остальные направлялись по письмамъ родныхъ или знакомыхъ, а чаще всего по слухамъ. Слухи же эти являлись обыкновенно самыми сбивчивыми, неясными и изображавшими жизнь на новыхъ мѣстахъ въ столь заманчивыхъ краскахъ, что невольно увлекали воображеніе крестьянъ. На основаніи этихъ слуховъ нерѣдко иные представляли Сибирь страной теплою, изобилующею фруктовыми садами, цѣннымъ звѣремъ и рыбою и имѣющею всюду прекрасныя сѣнокосныя и лѣсныя угоды, тучную черноземную почву, съ которой получались необыкновенные урожаи, обезпечивавшіе почти въ одинъ день труда существованіе земледѣльца на цѣлый годъ. Точно также среди крестьянъ передавалось, что переселенцамъ на новыхъ мѣстахъ даются деньги и устроенныя казною готовыя хозяйства, усадьба, строенія, скотъ, необходимый хозяйственный инвентарь и даже вся домашняя утварь. Въ пересказахъ о новыхъ мѣстахъ иные простирали свои вымыслы до устройства переселенческихъ избъ особыми военными полками, до изготовленія казною кваса для водворяющихся, до предоставленія имъ такой земли, съ которой получается самъ собою урожай хлѣбомъ и ватой и т. п. При такихъ условіяхъ совершенно понятнымъ становится то разочарованіе, какое постигало переселенцевъ, когда они, вмѣсто подобныхъ вымысловъ, встрѣчали суровую сибирскую дѣйствительность. Разочарованіе это, въ связи съ испытываемою нуждою, безцѣльными скитаніями въ вонскахъ за воображаемыми благодатными мѣстами и тяжелыми неудачами, приводили нерѣдко къ тому, что новоселы толпами возвращались назадъ на родину.

Если прямое движеніе, за Уралъ направлялось преимущественно на Тюмень, то обратное, напротивъ, выбирало сухопутные тракты, гдѣ, за отсутствіемъ средствъ на передвиженіе, представлялось возможнымъ слѣдовать своею подводою или пѣшкомъ и рассчитывать на подавнїя придорожныхъ селянъ. Такимъ трактомъ для обратнаго передвиженїа служилъ обыкновенно путь на Оренбургъ, который предпочитался еще по причинѣ его относительно южнаго положенїа, позволявшаго переселенцамъ двигаться до глухой поздней осени. Сообразно прямому движенію, размѣры обратнаго переселенїа изъ Сибири представлялись довольно значительными и въ концѣ 80-хъ годовъ достигали въ среднемъ до 3—4 тыс. душъ ежегодно или до 12⁰/₁₀₀ всего прямого движенїа переселенцевъ.

Такимъ образомъ, 12⁰/₁₀₀ всѣхъ переселяющихся въ Сибирь удаляла изъ себя, какъ лицъ, не нашедшихъ устройства на обширной территорїи ея. Какой при этомъ процентъ былъ тѣхъ, которые, растративъ все, не имѣли даже возможности двинуться назадъ и обрекали себя на вѣчное положенїе бобылей и батраковъ у сибирскихъ крестьянъ, на снисканїе дневнаго пропитанїа путемъ случайныхъ заработковъ въ городахъ и селенїяхъ, на постоянную перекочевку изъ общества въ общество въ тайной надеждѣ пристроиться гдѣ-нибудь болѣе прочно, — свѣдѣнїй о томъ не имѣется, но несомнѣнно, процентъ этотъ долженъ быть несравненно выше указаннаго. Кромѣ Сибири обратное переселенїе шло и съ Кавказа, и изъ оренбургскаго края, но точныя цифры его неизвѣстны. Надо думать, однако, судя по числу переселявшихся и отсутствїю свободныхъ земель подъ водворенїе, размѣры обратнаго выселенїа изъ названныхъ мѣстностей были не менѣе значительны.

XXI.

Въ такомъ положенїи находилось переселенческое дѣло, когда послѣдовало изданїе закона 13 іюля 1889 г., которымъ имѣлось въ виду замѣнить всѣ существовавшїя доселѣ правила о переселенїи въ предусматриваемыя имъ мѣстности. Представляя изъ себя полный сводъ постановленїй, законъ этотъ и понынѣ остается основнымъ въ дѣлѣ переселенїа на казенныя земли и только для Сибири послѣ учрежденїа комитета Сибирской желѣзной дороги дополненъ рядомъ развивающихъ его узаконенїй и распоряженїй.

Первоначально законъ примѣнялся только въ нѣкоторыхъ

многоземельнымъ губерніямъ Европейской Россіи, въ Западной Сибири и степнымъ областямъ, но вскорѣ признано было необходимымъ распространить дѣйствіе его и на нѣкоторыя другія мѣстности, куда направлялось переселеніе или гдѣ требовалось принятіе мѣръ для его упорядоченія. Съ этою цѣлью въ ближайшій періодъ времени изданъ былъ рядъ отдѣльныхъ узаконеній, изъ которыхъ важнѣйшими являются 25 марта 1891 г. и 20 апрѣля 1892 года Первымъ изъ этихъ указовъ дѣйствіе правилъ о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли распространено было на области Уральскую и Тургайскую, а вторымъ—на губерніи енисейскую и иркутскую; при этомъ указанныя области въ отношеніи отвода казенныхъ земель переселенцамъ и предоставляемыхъ имъ льготъ приравнены были къ степнымъ областямъ, а губерніи Восточной Сибири—къ губерніямъ томской и тобольской. Законъ 20 апрѣля касается вмѣстѣ съ тѣмъ и вопроса о перечисленіи переселенцевъ, ранѣе водворившихся въ губерніяхъ енисейской и иркутской, и опредѣляетъ порядокъ отвода имъ казенныхъ земель, требуя, чтобы отводъ производился на прежнемъ основаніи по распоряженію мѣстныхъ властей. Этимъ же закономъ предусмотрено затѣмъ учрежденіе при иркутскомъ генералъ-губернаторѣ должности чиновника особыхъ порученій по переселенческимъ дѣламъ.

Если примѣненіе правилъ 13 іюля 1889 г. въ енисейской и иркутской губ., вслѣдствіе обилія расположенныхъ въ нихъ свободныхъ казенныхъ земель и водворенія значительнаго числа нуждавшихся въ устройствѣ своего быта переселенцевъ, представлялось своевременнымъ и необходимымъ, то нельзя того же сказать про области Уральскую и Тургайскую, гдѣ свободныхъ казенныхъ земель, вымежеванныхъ изъ владѣній киргизовъ, совершенно не имѣлось. Поэтому фактически переселеніе въ названныя области и послѣ состоявшагося Высочайшаго повелѣнія 25 марта 1891 г. не могло получить правильнаго разрѣшенія и все значеніе закона свелось лишь къ устройству ранѣе водворившихся переселенцевъ, въ порядкѣ отдѣла III правилъ 13 іюля.

Значеніе остальныхъ узаконеній носило болѣе частный характеръ и выражалось преимущественно въ развитіи нѣкоторыхъ основныхъ положеній закона 13 іюля. Такъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 11 мая 1890 г. и 27 апрѣля 1891 г. положеній комитета министровъ, отдѣлъ III означеннаго закона былъ распространенъ на нѣкоторыхъ лицъ, поселившихся въ

предѣлахъ Европейской Россіи, а именно: 1) на переселенцевъ изъ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ въ прежнее время на казенныхъ земляхъ вятской губерніи, и 2) на самовольно осѣвшихъ въ уинской казенной дачѣ, пермской губерніи. Случаи, вызвавшіе изданіе этихъ специальныхъ законовъ, указывали на возможность возникновенія ихъ и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи и на необходимость принятія подобныхъ же мѣръ къ устройству водворившихся въ нихъ переселенцевъ; поэтому, во избѣжаніе изданія каждый разъ особыхъ указовъ, тѣмъ же закономъ 27 апрѣля 1891 года предоставлено было министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, а при неокончателномъ разрѣшеніи вопроса о поземельномъ устройствѣ, также по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ, право примѣнять отдѣлъ III правилъ 13 іюля, при перечисленіи лицъ, поселившихся въ прежнее время на казенныхъ земляхъ въ мѣстностяхъ, которыя означенными правилами не предусмотрѣны. Въ связи съ этимъ для облегченія способовъ скорѣйшаго и прочнаго устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ и устраненія зависимости этого устройства отъ факта прибытія ихъ изъ тѣхъ или иныхъ мѣстностей, Высочайше утвержденнымъ 8 ноября 1893 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта дѣйствіе постановленій, изложенныхъ въ отдѣлѣ III, распространено было на лицъ сельскаго состоянія и мѣщанъ, которыя, проживая въ губерніяхъ и областяхъ, гдѣ примѣнялся законъ 13 іюля 1889 г., переселились до изданія его изъ однихъ уѣздовъ или волостей въ другіе.

XXI.

При рассмотрѣніи правилъ 13 іюля и изданныхъ въ развитіе ихъ позднѣйшихъ узаконеній нельзя не убѣдиться, что новый законъ объединялъ дѣйствовавшія ранѣе постановленія по переселенію и распространялся лишь на тѣ мѣстности, гдѣ существовали запасы свободныхъ казенныхъ земель, и гдѣ имѣлось въ виду именно заселеніе этихъ земель. Такимъ образомъ, являясь основнымъ въ дѣлѣ переселенія и распространяясь на обширную территорію отъ восточныхъ губерній Европейской Россіи до границъ Приамурскаго генералъ-губернаторства, означенный законъ отнюдь не обнималъ всѣхъ случаевъ переселенія и способовъ устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ и не охватывалъ всей территоріи имперіи. Въ дѣйствіи этого

закона оставались многоразличные случаи перехода крестьянъ на новыя мѣста путемъ, напр., водворенія въ старожильскихъ обществахъ или на купленныхъ съ содѣйствіемъ крестьянскаго банка земляхъ; точно такъ же въ территоріальномъ отношеніи отъ дѣйствія закона были изъяты всѣ прочія, кромѣ упомянутыхъ въ немъ, мѣстности имперіи, для которыхъ остались въ силѣ изданныя въ разное время спеціальныя узаконенія о переселеніи или которыя были совсѣмъ обойдены вниманіемъ законодателя въ этомъ отношеніи, какъ Кавказъ, Туркестанъ, центральныя и западныя губерніи Европейской Россіи и пр. Если не считать правительственныхъ мѣръ, принимавшихся къ развитію промышленной колонизаціи на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи и установленныхъ съ этой цѣлью въ 70-хъ и 80-хъ годахъ особыхъ правилъ для водворенія и упроченія русскихъ промышленниковъ на Новой Землѣ и на Мурманскомъ берегу, архангельской губерніи, правильная болѣе или менѣе организація переселенія земледѣльческаго населенія существовала по особымъ законоположеніямъ еще на казенныя земли Амурской и Приморской области, на земли кабинета Его Величества и до извѣстной степени на земли казачьихъ войскъ.

Отдаленность Приамурскаго края и государственная важность заселенія его еще въ концѣ 50-хъ годовъ заставила обратить на себя особое вниманіе правительства и обставить переселеніе туда возможно льготными условіями, хотя и безъ пособій со стороны казны. Предполагавшаяся-было вначалѣ организація широкой матеріальной помощи переселенцамъ не осуществилась, вслѣдствіе возникшаго соображенія, что нѣтъ особо побудительныхъ причинъ стремиться къ скорѣйшему заселенію края, земли котораго должны послужить запасомъ для будущаго, и поэтому замѣнъ денежныхъ пособій рѣшено было установить самыя широкія льготы для переселяющихся на свой счетъ. Согласно Высочайше утвержденному 26 марта 1861 г. Положенію сибирскаго комитета, переселеніе въ Амурскую и Приморскую области разрѣшалось „всѣмъ вообще желающимъ какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ“, получившимъ узаконенныя свидѣтельства на переселеніе и представившимъ ихъ по мѣсту приписки. Земля для переселенцевъ отводилась въ общинное, при составѣ общества не менѣе пятнадцати семействъ, или подворное владѣніе, по расчету въ томъ и другомъ случаѣ не свыше 100 дес. на семью. Въ теченіе 20-ти лѣтъ земля состояла въ бесплатномъ пользованіи, а затѣмъ облагалась оброчною и поземельною податью. Участки бесплатнаго пользованія переселенцы обязывались обработать въ

теченіе 5-ти лѣтъ; въ противномъ случаѣ правительство могло отобрать ихъ въ необработанной части въ свое распоряженіе. Желавшіе могли выкупить свой участокъ въ собственность, съ уплатою по 3 рубля за десятину и съ правомъ распоряженія по своему усмотрѣнію, на общемъ законномъ основаніи, кромѣ лицъ, поселившихся по р. Уссурі. Послѣднимъ земля предоставлялась въ вѣчное пользованіе. Переселенцы освобождались отъ рекрутской повинности на десять наборовъ и отъ платежа подушной подати навсегда.

При отводѣ земель соблюдались слѣдующія правила. Правительство ежегодно назначало извѣстныя пространства земель для отвода переселенцамъ и о сдѣланныхъ распоряженіяхъ по этому предмету публиковало для общаго свѣдѣнія. Участки отводились „желающимъ безъ всякаго затрудненія, по ихъ собственному избранію“; при этомъ преимущество отдавалось лицамъ, прежде другихъ изъявившимъ желаніе пріобрѣсть землю въ пользованіе или въ собственность. На пользованіе землею выдавались особыя свидѣтельства, а на полную собственность—„данныя“, совершаемыя, въ теченіе 20-ти лѣтъ по изданіи правилъ, безъ взиманія пошлинъ.

Приведенныя правила сохраняютъ свою силу и до настоящаго времени. Позднѣйшими узаконеніями 26 января 1882 г. и 18 іюня 1892 г. въ нихъ внесены были лишь нѣкоторыя измѣненія, въ смыслѣ прекращенія дѣйствія ихъ въ отношеніи иностранцевъ и освобожденія переселенцевъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ по водвореніи отъ земскихъ повинностей.

Установленіе широкихъ льготъ для переселяющихся вызвало вначалѣ довольно замѣтное движеніе крестьянъ на Амуръ, которое не прекращалось въ теченіе всего десятилѣтія, слѣдовавшаго за изданіемъ закона. Затѣмъ остановившееся было въ 70-хъ годахъ, вслѣдствіе отклоненія главнаго движенія въ Оренбургскій край, сухопутное переселеніе на Дальній Востокъ вновь усилилось въ 80-хъ годахъ, когда прослѣдовало на Амуръ до 10.000 душъ обоаго пола. Отдаленность края и затруднительность передвиженія сильно вліяли на сокращеніе размѣровъ переселенческаго движенія и приблизительно такое же число лицъ, направлявшихся въ край, вынуждено было отказаться отъ первоначальнаго намѣренія и устроиться въ попутныхъ губерніяхъ и областяхъ Сибири. Амурскіе переселенцы осѣдали преимущественно въ низменной равнинѣ, расположенной между притоками Амура—Зеей и Буреей, гдѣ и устраивались на свободныхъ земляхъ, избирая участки по своему усмотрѣнію. Хотя

правилами 1861 г. въ обязанность мѣстной администраціи вмѣнялось ежегодно образовывать участки для переселенцевъ, тѣмъ не менѣе требованіе это, за недостаткомъ межевыхъ силъ, почти совсѣмъ не выполнялось и водворяшіеся въ принсканіи мѣсть новаго жительства руководствовались чаще всего собственнымъ выборомъ. Относительная зажиточность приходившихъ въ край, въ связи съ благоприятными естественными и экономическими условіями его, выразившимися въ плодородіи почвы, высокихъ цѣнахъ на продукты сельскаго хозяйства и большомъ спросѣ на рабочія руки, имѣли своимъ послѣдствіемъ, что переселенцы въ скоромъ времени по водвореніи достигали такого хозяйственнаго благосостоянія, каковаго почти не встрѣчалось въ другихъ мѣстностяхъ Сибири.

Незначительные въ общемъ размѣры переселенія для такого обширнаго края и, наряду съ этимъ, замѣчавшееся временами ослабленіе движенія и предпринятая одновременно колонизація китайскими выходцами мѣстностей, прилегающихъ къ русскимъ владѣніямъ, побудили правительство принять болѣе рѣшительныя мѣры въ заселенію важнѣйшаго по стратегическому значенію Южно-Уссурійскаго края.

Выработанныя въ особой комиссіи изъ представителей отдѣльныхъ вѣдомствъ и лицъ, непосредственно ознакомленныхъ съ положеніемъ переселенческаго дѣла въ Уссурійскомъ краѣ, предположенія по этому предмету были внесены на уваженіе государственнаго совѣта и удостоены 1 іюня 1882 г. Высочайшаго утвержденія.

Изданными правилами „объ организаціи переселеній въ Южно-Уссурійскій краѣ“ опредѣлено было ассигновать въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ 2.400 рублей на посылку ходоковъ на Дальній Востокъ и затѣмъ постановлено, начиная съ 1883 г., отправлять моремъ въ названный краѣ по 250 семей, съ отнесеніемъ всѣхъ расходовъ по перевозкѣ, устройству переселенцевъ на мѣстахъ водворенія и по снабженію ихъ продовольствіемъ и земледѣльческими орудіями безвозвратно на счетъ казны. Съ этою цѣлью назначено было отпускать ежегодно по 323.200 рублей и сверхъ того одновременно ассигновано 70.000 рублей на устройство во Владивостокѣ переселенческихъ барачковъ. Выборъ переселенцевъ возложенъ былъ на министерство внутреннихъ дѣлъ, а отправка ихъ на одесскаго генералъ-губернатора. Для приѣма, дальнѣйшаго направленія и устройства переселенцевъ на мѣстахъ учреждено было въ Южно-Уссурійскомъ краѣ особое переселенческое управленіе.

Предпринятый опытъ отправки переселенцевъ побудилъ нѣкоторыхъ крестьянъ къ передвиженію на Дальній Востокъ моремъ на свой счетъ. Обстоятельство это въ связи съ чрезмѣрно отяготительнымъ расходомъ на организацію казеннокоштного переселенія повело къ изданію новаго закона 12-го мая 1887 г., по которому перевозка на средства казны допущена лишь въ случаѣ особой нужды, для небольшихъ переселенческихъ партій. Вообще же установлено переселеніе морскимъ путемъ на собственный счетъ переселяющихся, съ предоставленіемъ имъ льготъ, дарованныхъ для сухопутныхъ переселенцевъ Приамурскаго края. Наиболѣе нуждающимся опредѣлено было выдавать ссуды на домообзаведеніе не свыше 600 р. на семью, срокомъ на 33 года съ погашеніемъ ежегодными взносами 6⁰/₁₀ съ числящагося долга. Для указанной цѣли въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ постановлено отпускать ежегодно по 128.200 рублей, причемъ изъ этихъ суммъ должны были производиться также расходы на удовлетвореніе всѣхъ прочихъ нуждъ, вызываемыхъ южно-уссурійскимъ переселеніемъ.

Основаніемъ для выработки специальныхъ правилъ по переселенію въ Алтайскій округъ послужилъ фактъ, съ одной стороны, замѣчавшагося поселенія крестьянъ на земляхъ округа, съ другой—желаніе привлечь населеніе съ цѣлью доставленія заводамъ наибольшаго числа наемныхъ рабочихъ рукъ. Высочайше утвержденныя 30-го іюля 1865 г. правила о переселеніи въ Алтайскій округъ, продолжающія дѣйствовать до настоящаго времени, предусматриваютъ водвореніе государственныхъ крестьянъ на заводскихъ земляхъ округа какъ въ существующихъ обществахъ, съ согласія послѣднихъ, такъ и на свободныхъ участкахъ, по предварительномъ осмотрѣ ихъ избранными изъ среды переселяющихся лицами. Въ томъ и другомъ случаѣ для узаконенія водворенія требовалось разрѣшеніе алтайскаго горнаго правленія. При водвореніи на свободныхъ участкахъ въ надѣлъ отводилось по 15 дес. на душу удобной земли съ обложеніемъ въ доходъ кабинета оброкомъ, въ размѣрѣ 6 р. съ души, каковой былъ установленъ для бывшихъ приписныхъ крестьянъ. Примѣнительно къ порядку поселенія и устройства на удѣльныхъ земляхъ, къ которымъ были приравнены земли Алтайскаго округа, никакихъ пособій и льготъ для переселяющихся не было установлено и они уплачивали оброкъ тотчасъ же по причисленіи къ мѣсту новаго жительства. Только на постройку усадебъ отпускался бесплатно лѣсъ поселяющимся и выдавалось топливо въ потребномъ количествѣ, наравнѣ съ мѣстными крестьянами.

Особые правила переселения и особый порядок устройства переселенцевъ установленъ былъ для военныхъ казачьихъ земель или, ближайшимъ образомъ, для территоріи кубанскаго казачьяго войска, куда преимущественно направлялись выходцы изъ Россіи, слѣдовавшіе на Кавказъ. Преобладающею группою среди такихъ выходцевъ являлись крестьяне и мѣщане, т.-е. тѣ именно лица, которыя стремились „на Кубань“ съ исключительною цѣлью осѣсть на землѣ и заняться земледѣліемъ, представляя собою такимъ образомъ обычный типъ переселенцевъ-пахарей. Переселеніе въ Кубанскую область шло преимущественно изъ ближайшихъ къ Кавказу губерній: воронежской, курской, харьковской и полтавской, но также нерѣдко и изъ центральныхъ великороссійскихъ и даже прибалтійскихъ. Временами оно принимало весьма значительные размѣры, достигая 50—60 тыс. душъ въ годъ, изъ которыхъ до 80⁰/о осѣдало на войсковой территоріи въ станицахъ и селеніяхъ области. Такой ростъ пришлаго населенія имѣлъ своимъ послѣдствіемъ, что въ началѣ 90-хъ годовъ переселенцы или такъ называемые „иногородніе“, водворившіеся на казачьихъ земляхъ, составляли по отношенію собственно къ станичному населенію до 40⁰/о, все же число ихъ опредѣлялось свыше 600 т. душъ обою пола.

Начало водворенію переселенцевъ среди казаковъ положило Высочайше утвержденное, 10-го мая 1862 г., „Положеніе о заселеніи предгорій западной части Кавказскаго хребта кубанскими казаками и другими переселенцами изъ Россіи“, которымъ, на ряду съ переселеніемъ нѣкоторой части названныхъ казаковъ на передовыя линіи, предусматривалась продажа крѣпостнымъ порядкомъ съ разрѣшенія войскаго правленія ихъ усадебъ въ старыхъ обществахъ „не только лицамъ казачьяго сословія, но и лицамъ къ этому сословію не принадлежащимъ“. На такихъ же основаніяхъ разрѣшалось „продавать подъ строенія“ сады и пустопорожнія мѣста. Лица невойскаго сословія, получившія черезъ покупку усадебъ и пустопорожнихъ мѣстъ право осѣлости въ кубанскомъ войскѣ, обязывались „за находящуюся подъ ихъ усадьбами землю, оставшуюся войсковою собственностью, вносить ежегодно известную „посаженную плату“. Уплата этого налога никогда не прекращалась, и неисправные во взносѣ его подвергались взысканіямъ за недомки на общихъ основаніяхъ. Отъ другихъ повинностей иногородніе освобождались, кромѣ взносовъ за право торговли „и повинностей по состоянію ихъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ“. Приобрѣтенныя усадьбы могли продаваться иногородными по ихъ усмотрѣнію „другимъ

себѣ подобнымъ или лицамъ казачьяго сословія“. Право владѣнія усадьбою соединялось для иногороднихъ съ правомъ пользования общимъ выгономъ наравнѣ съ прочими жителями для собственнаго домашняго скота и обязывало ихъ подчиняться „мѣстному войсковому начальству на основаніи общихъ законовъ“. Это частное узаконеніе, касавшееся сначала одной Кубанской области, согласно Высочайшему повелѣнію 29-го апрѣля 1868 г., распространено было, съ незначительными измѣненіями, на всѣ войсковыя территоріи и пріобрѣло такимъ образомъ форму общаго для всѣхъ казачьихъ земель закона. Положеніями объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ 13-го мая 1870 г. и 3-го іюня 1891 г. на иногороднихъ, проживавшихъ въ селеніяхъ станичныхъ обществъ и имѣвшихъ тамъ дома или другую недвижимость, возложена была обязанность нести, наравнѣ съ казаками, общія земскія повинности, „съ постоянною осѣдлостью сопряженныя“, и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ предоставлено право участія въ поселковыхъ и станичныхъ сходахъ, черезъ „выборныхъ по одному изъ каждаго десяти дворовъ“ „при обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ, по существу своему касающихся до лицъ неказачьяго сословія“. Предоставленныя первоначально права иногороднимъ на свободное возведеніе и продажу домовъ и строеній въ руки лицъ невойскового сословія были позднѣйшими узаконеніями (29-го апр. 1868 г. и 13-го мая 1883 г.) ограничены требованіемъ согласія на то „мѣстнаго войскового начальства или станичнаго общества, по принадлежности“.

Таковы по закону, который дѣйствуетъ и понынѣ, права и обязанности переселенцевъ, водворившихся на войсковыхъ территоріяхъ. Все ихъ значеніе сводится, главнымъ образомъ, только къ праву владѣнія усадьбою и пользованія общимъ выгономъ и затѣмъ къ обязанности уплачивать посаженный налогъ и отбывать нѣкоторыя земскія повинности. Законъ не предусматриваетъ ни порядка переселенія на войсковыя земли, ни перечисленія иногороднихъ по мѣсту новаго жительства, ни устройства ихъ въ административно-общественномъ отношеніи. Это пришлые люди, живущіе по паспортамъ, и чуждые коренному казачьему населенію. Самое право участія ихъ въ станичномъ управленіи ничтожно и неопредѣленно, такъ какъ въ законѣ не содержится указаній ни на существо дѣлъ, въ разсмотрѣніи которыхъ они принимаютъ участіе, ни на порядокъ приведенія ихъ въ исполненіе.

Такимъ образомъ, хотя законодательство въ вопросѣ объ

устройствѣ переселенцевъ на войсковыхъ земляхъ внесло нѣкоторую регламентацію, тѣмъ не менѣ регламентація эта, какъ видно изъ вышеприведеннаго, явилась крайне неполною и неопредѣляющею порядка всего устройства переселенцевъ. Вслѣдствіе этого и въ виду столь тѣсныхъ правъ, отведенныхъ закономъ поселяющимся на казачьихъ земляхъ, послѣдніе въ Кубанской области были поставлены въ довольно тяжелыя хозяйственно-экономическія условія жизни. Дѣйствительность показала, что предоставленное переселенцамъ право участія въ сходахъ на дѣлѣ не всегда осуществлялось, такъ какъ они во многихъ станицахъ совсѣмъ устранялись отъ такого участія. Требованіе о выполненіи земскихъ повинностей и о согласіи станичныхъ обществъ на возведеніе новыхъ зданій, продажу и ремонтъ ихъ, при недостаткѣ контроля, создавало почву для различныхъ злоупотребленій со стороны обществъ, допускавшихъ мѣстами крайне неравномѣрное распредѣленіе означенныхъ повинностей и незаконные поборы, при разрѣшеніи строиться, ремонтировать и продавать зданія. Станичный судъ при разборѣ дѣлъ, возникающихъ между казаками и иногородними, проявлялъ завѣдомое пристрастіе къ своимъ, почему переселенцы старались избѣгать его, предпочитая обращаться въ высшія судебныя инстанціи. Вначалѣ небольшая посаженная плата съ теченіемъ времени постепенно возрастала и достигла мѣстами наивысшей предѣльной нормы 5 коп. за кв. саж., что являлось крайне обременительнымъ для скромнаго бюджета новоселовъ. Взысканіе этой платы производилось строго и несвоевременный взносъ ея влекъ нерѣдко продажу строеній, угрожая малоимущимъ семьямъ разореніемъ, а въ лучшемъ случаѣ приводило къ накопленію недоимокъ, исчислявшихся иногда въ чрезвычныхъ суммахъ. Предоставленное иногороднимъ право пользованія общимъ выгономъ замѣнялось въ нѣкоторыхъ станицахъ отводомъ отдѣльнаго, — преднамѣренно-худого, — пастбища, что поставляло ихъ въ необходимость пользоваться казачьимъ выгономъ и платить за выпасъ всего скота. Наряду съ этимъ, переселенцы, какъ чуждые, неустроенный элементъ въ край, не несущій повинностей на общественныя надобности, не приобщены были къ пользованію тѣми необходимыми благами общественной жизни, которыми пользовался мѣстный коренной житель. При недородахъ, они лишены были продовольственной помощи; образованіе и медицинская помощь являлись почти недоступными для нихъ, такъ какъ предоставлялись за плату, притомъ высокую и лишь въ случаѣ, когда въ школѣ или больницѣ оставались свободныя мѣста.

Такое положеніе вещей не могло не привести въ концѣ концовъ къ тому, что въ области, съ наплывомъ переселенцевъ, создались двѣ почти совершенно обособленныя группы населенія: одна—сильная своею внутреннею организаціею и своими правами ховяевъ-вотчинниковъ земли, другая—неорганизованная, экономически зависимая и почти безправная. Сознаніе этого неравенства, поддерживавшееся въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ мѣстными порядками, отразилось нежелательно и на взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ группъ, вызвавъ въ первой убѣжденіе въ естественномъ превосходствѣ ея и въ особомъ покровительствѣ со стороны закона, а въ другой—глухое озлобленіе и ненависть, доходящія временами до крупныхъ недоразумѣній и даже кровавыхъ схватокъ.

XXII.

Новая постановка переселенческаго дѣла, вызванная изданіемъ закона 13-го іюля, побудила министерство внутреннихъ дѣлъ въ томъ же 1889 г. озаботиться увеличеніемъ кредита, отпускавшагося на воспособленіе переселенцамъ. Въ представленіи по этому предмету министерство высказывало, что испрашиваемыя на веденіе переселенческаго дѣла денежные средства назначаются на два главные предмета расходовъ: собственно на воспособленіе переселенцамъ и на усиленіе канцелярскихъ средствъ лицъ и учреждений, на обязанности коихъ отнесено исполненіе установленныхъ правилъ о переселеніи. За предшествовавшее время въ распоряженіе министерства отпускался крайне ограниченный кредитъ, въ размѣрѣ 20 тыс. руб. ежегодно, который предназначался главнымъ образомъ на расходы по оказанію содѣйствія при передвиженіи переселенцевъ, т.-е. по предоставленію имъ тѣхъ или иныхъ способовъ довести предпринятое переселеніе до намѣченной цѣли. Только за удовлетвореніемъ путевыхъ надобностей, наиболѣе нуждающіеся изъ переселенцевъ могли рассчитывать на полученіе домообыводственныхъ ссудъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда отъ кредита въ 20 тыс. предвидѣлись остатки. Но съ увеличеніемъ въ послѣднее время размѣровъ движенія, когда число переселяющихся достигло свыше 10 тыс. семей ежегодно, неизбѣжно должны были возрасти и расходы по восспособленію переселенцамъ въ пути и, напр., въ 1889 г. отъ кредита въ 20 тыс. руб. не только не оказалось никакихъ остатковъ, но даже потребовалось ассигнованіе дополнительныхъ суммъ. При такихъ усло-

вѣяхъ, по мнѣнію министерства, рассчитывать на предусматриваемую закономъ 13-го іюля выдачу въ потребныхъ случаяхъ ссудъ переселенцамъ на первоначальное обзаведеніе и приобрѣтеніе сельско-хозяйственныхъ орудій не представлялось бы возможнымъ и настоятъ надобность въ ассигнованіи на этотъ предметъ особаго дополнительнаго кредита, размѣръ котораго, по примѣрному расчету, долженъ быть не ниже 60 тыс. руб. въ годъ, чтобы при предполагаемой предѣльной нормѣ ссудъ въ 120 р. на семью удовлетворить домообзаводственные нужды по крайней мѣрѣ $\frac{1}{2}$ части проходящихъ переселенцевъ.

По вопросу объ усиленіи канцелярскихъ средствъ лицъ и учреждений, вѣдающихъ переселенческое дѣло, министерство, ссылаясь на значительное обремененіе земскаго отдѣла и мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений, особенно въ губерніяхъ водворенія, перепискою по дѣламъ о переселеніи, высказало, что обстоятельство это въ связи съ недостаточностью штатовъ этихъ учреждений можетъ служить препятствіемъ успѣшному выполнению возлагаемыхъ на нихъ новыхъ сложныхъ обязанностей по разрѣшенію переселенія, выдачѣ ссудъ водворяющимся, по устройству и перечисленію лицъ, ранѣе поселившихся, и вслѣдствіе этого полагало усилить дѣлопроизводство названныхъ учреждений путемъ отпуска особыхъ денежныхъ средствъ.

Приведенныя соображенія министерства были представлены на уваженіе государственнаго совѣта и 14 декабря 1889 г. удостоены Высочайшаго утвержденія. Согласно состоявшемуся указу, въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ разрѣшено было отпускать на расходы по воспособленію переселенцамъ по 80.000 руб. и на усиленіе канцелярскихъ средствъ земскаго отдѣла и мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений, вѣдающихъ переселенческое дѣло, по 15.000 ежегодно, въ теченіе трехъ лѣтъ, считая съ 1890 г.

Въ виду этого, исполняя постановленія закона 13 іюля 1889 года министерство внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министерствами финансовъ и государственныхъ имуществъ, выработало особыя правила о порядкѣ выдачи домообзаводственныхъ ссудъ переселенцамъ. Согласно этимъ правиламъ, ссуды на первоначальное домообзаведеніе выдавались наиболѣе нуждающимся семьямъ переселенцевъ, водворяемыхъ, съ разрѣшенія подлежащихъ министерствъ, на казенныхъ земляхъ, преимущественно въ Западной Сибири и степныхъ областяхъ. Выдача ссудъ, въ размѣрѣ дѣйствительной надобности, но не свыше 200 руб. на семью, разрѣшалась министерствомъ

внутреннихъ дѣлъ по представленіямъ губернскихъ и областныхъ начальствъ, которыя въ этихъ представленіяхъ давали обстоятельныя свѣдѣнія о семейномъ и имущественномъ положеніи переселенцевъ, ходатайствовавшихъ о ссудѣ, и о времени ихъ водворенія на казенной землѣ. О каждой выданной ссудѣ сообщалось въ мѣстную казенную палату для зачисленія долга въ недоимку и наблюденія за своевременнымъ ея погашеніемъ. Погашеніе производилось на основаніяхъ, принятыхъ для южно-уссурійскихъ переселенцевъ, т.-е. въ теченіе 28 лѣтъ, слѣдовавшихъ послѣ 5-лѣтней льготы, ежегодными взносами 6% отъ занятой суммы. Уплата выданныхъ ссудъ обезпечивалась всеѣмъ достояніемъ заемщиковъ, которымъ до полного возмѣщенія долга воспрещалось отчуждать возведенныя на казенной землѣ постройки.

Изложенныя правила приведены были въ дѣйствіе въ 1891 г. и въ главнѣйшихъ основаніяхъ по настоящее время примѣняются въ предѣлахъ Европейской Россіи.

Независимо отъ этого, въ видахъ единообразнаго примѣненія закона 13 іюля во всехъ губерніяхъ и областяхъ, къ которымъ онъ относился, министерство внутреннихъ дѣлъ въ томъ же 1890 году цѣлымъ рядомъ циркулярныхъ разъясненій преподавало указанія мѣстной администраціи о порядкѣ этого примѣненія, причемъ особенное вниманіе обратило на необходимость въ мѣстахъ выхода крестьянъ всесторонняго ознакомленія населенія съ существомъ новаго закона для предупрежденія „превратнаго толкованія его, въ смыслѣ поощренія переселенческаго движенія“. Съ этою цѣлью требовалось, чтобы просителямъ были разъясняемы все условія переселенія, льготы, предоставляемыя переселенцамъ на новыхъ мѣстахъ, сообщалось направленіе пути до избранной мѣстности съ указаніемъ продолжительности и стоимости его, а лицамъ неимущимъ и просящимъ о переселеніи въ Сибирь давались свѣдѣнія объ участкахъ, ближайшихъ къ мѣсту ихъ жительства. При поступленіи прошеній о переселеніи крестьянскимъ учрежденіямъ вмѣнялось въ обязанность безотлагательно собирать свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи просителей и въ заключеніяхъ своихъ о числѣ душъ и семей, признаваемыхъ подлежащими переселенію изъ обществъ, которыя находятся въ „экономически стѣсненномъ положеніи“ и владѣютъ землею сообща, руководствоваться соображеніемъ, чтобы надѣлъ оставшихся, увеличенный землями переселяющихся, не превышалъ высшаго или указаго по мѣстности надѣла, опредѣленнаго положеніями 19 февраля 1861 г. Вмѣстѣ съ

тѣмъ названнымъ учрежденіямъ, а также должностнымъ лицамъ волостного и сельскаго общественнаго управленія поручалось наблюдать, чтобы просители не приступали къ распродажѣ своего имущества и не трогались въ путь впередъ до полученія разрѣшенія на переселеніе и до сношенія съ подлежащимъ управленіемъ государственными имуществами относительно заготовки участковъ для водворенія ихъ. Наконецъ, установлено было, чтобы каждая переселенческая партія снабжалась особымъ маршрутомъ съ указаніемъ городовъ, лежащихъ по пути слѣдованія къ мѣстамъ назначенія, и каждой семьѣ сверхъ того выдавалось проходное свидѣтельство съ обозначеніемъ въ немъ семейнаго состава, на предметъ удостовѣренія въ правахъ ея на предоставляемья закономъ льготы и облегченія. По прибытіи къ мѣстамъ водворенія свидѣтельство это предъявлялось чинамъ министерства государственныхъ имуществъ для указанія въ натурѣ и для отвода предназначенныхъ участковъ, а за отсутствіемъ означенныхъ чиновъ всѣ необходимыя мѣры содѣйствія въ этомъ отношеніи должны были приниматься мѣстными крестьянскими учрежденіями или переселенческими чиновниками, а въ степныхъ областяхъ полиціей. Въ мѣстахъ приписки проходное свидѣтельство оставалось на рукахъ переселенцевъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, послѣ чего оно отбиралось, и семья, не ушедшая съ родины въ положенный срокъ, считалась невоспользовавшеюся предоставленнымъ ей правомъ на переселеніе, о чемъ и сообщалось подлежащему управленію государственными имуществами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для содѣйствія „правильному устройству“ пришло населенія на новыхъ мѣстахъ, администраціи въ губерніяхъ водворенія указывалось на необходимость возможно скорѣйшей организаціи общественнаго управленія въ поселкахъ, образуемыхъ переселенцами, и принятія съ этою цѣлью необходимыхъ мѣръ къ перечисленію послѣднихъ, а равно и всѣхъ прочихъ лицъ, переселившихся до изданія закона и числившихся по разнымъ причинамъ въ составѣ прежнихъ обществъ.

Одновременно съ этимъ, для облегченія способовъ передвиженія переселенцевъ, министерство внутреннихъ дѣлъ вошло въ сношеніе съ министерствомъ финансовъ по вопросу объ установленіи для переселяющихся съ надлежащаго разрѣшенія удешевленнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Вслѣдствіе этого на общемъ тарифномъ съѣздѣ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ былъ выработанъ льготный переселенческій тарифъ, который и введенъ въ дѣйствіе съ осени 1890 г. Порядокъ пользованія означеннымъ тарифомъ устанавливался слѣдующій. Право удеше-

вленнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ предоставлялось всѣмъ семьямъ, получившимъ разрѣшеніе на переселеніе какъ въ мѣстности, предусматриваемыя закономъ 13 іюля 1889 г., такъ въ Южно-Уссурійскій край и въ Алтайскій округъ, а также всѣмъ лицамъ крестьянскаго сословія, которыя съ вѣдома и разрѣшенія начальства переселялись на новыя мѣста или перечислялись въ другія общества, на основаніи и съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ положеніями о сельскомъ состояніи. Изъ указанныхъ переселенцевъ льготою при передвиженіи по желѣзнымъ дорогамъ пользовались не только направлявшіеся впередъ, но и возвращавшіеся обратно на родину, если еще не состоялось причисленія ихъ къ мѣстамъ водворенія. Свидѣтельства на проѣздъ по удешевленному тарифу выдавались, при выходѣ съ родины, волостными правленіями, а лицамъ не крестьянскаго сословія—мѣстною полиціею; обратные же переселенцы получали эти свидѣтельства отъ переселенческихъ чиновниковъ или отъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.

XXIII.

Хотя послѣдовавшее за изданіемъ новыхъ правилъ увеличеніе кредита и существо самихъ правилъ въ связи съ мѣрами, направленными къ облегченію способовъ передвиженія и устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ давали сравнительно широкую постановку всему переселенческому дѣлу, тѣмъ не менѣе правительство и послѣ того продолжаетъ съ особою осторожностію относиться къ переселенію крестьянъ и, по возможности, сдерживать размѣры его. Отношеніе его къ переселенію характеризуется особенно въ издававшихся въ разное время руководственныхъ распоряженіяхъ, которыми выражалось неоднократно, что правила 13 іюля никакъ не могутъ быть толкуемы „въ смыслѣ поощренія переселенческаго движенія“, а „имѣютъ цѣлью упорядочить переселенческое движеніе и предупредить самовольное переселеніе крестьянъ“. Несомнѣнно, подобная осторожность для мѣстной администраціи имѣла руководящее значеніе, и она, съ своей стороны, принимала дѣятельныя мѣры къ удержанію крестьянъ на старинѣ. Послѣдствіемъ этого явилось, что въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1889 г. и по 1891, всѣхъ разрѣшеній на переселеніе было выдано лишь 17.289 семьямъ, т.-е. даже менѣе, чѣмъ въ два предшествовавшіе года, когда дѣйствовали временныя правила 10 іюля 1881 г., и, та-

кимъ образомъ, большинству крестьянъ вновь пришлось двигаться въ далекую Сибирь въ надеждѣ только на случай и на свои собственные силы.

Постигшее Россію въ 1891 — 1892 г. бѣдствіе неурожая вызвало среди населенія особенно сильное стремленіе къ переселенію. Въ одинъ 1892 г. размѣры переселенческаго движенія за Уралъ достигли небывалой цифры 95.187 душъ, и такое движеніе создано было преимущественно „самовольными“ переселенцами. Такимъ образомъ, цѣль упорядоченія переселенія, которую преслѣдовалъ законъ 13 іюля 1889 г., осталась недосягнутою. Самовольные переселенцы, не получая правительственной помощи ни въ пути, ни въ мѣстахъ водворенія и не имѣя права поселенія на казенныхъ земляхъ, оказались въ тяжелыхъ условіяхъ. Бѣдственное положеніе ихъ обратило на себя вниманіе высшей власти, и изъ остаточныхъ суммъ бывшаго особаго комитета было ассигновано въ 1893 г. на санитарно-продовольственную помощь переселенцамъ въ губерніяхъ оренбургской, тобольской, енисейской и степныхъ областяхъ 67.600 руб., не считая, сверхъ того, особыхъ суммъ, израсходованныхъ для той же цѣли въ томской губерніи. Такая матеріальная помощь дѣлу устройства врачебно-продовольственныхъ пунктовъ въ мѣстахъ скопленія и оставовокъ переселенцевъ не могла не отразиться на положеніи ихъ и значительно повліяла на уменьшеніе развившейся среди нихъ сильной заболѣваемости и смертности.

При чрезмѣрномъ наплывѣ „самовольныхъ“ переселенцевъ, предписанное закономъ 1889 г. принудительное возвращеніе ихъ изъ Сибири было бы сопряжено, несомнѣнно, съ большими затрудненіями и расходами какъ для правительства и самихъ переселенцевъ, такъ и для прежнихъ ихъ обществъ, особенно, если послѣднія уже произвели всѣ хозяйственные расчеты по землѣ и имуществу ушедшихъ. Въ виду этого, находя совершенно невозможнымъ, по бѣдственному положенію переселившихся, прибѣгать къ подобной принудительной мѣрѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйшими докладами 23 апрѣля и 22 октября 1892 г. испросилъ Высочайшее соизволеніе на отводъ казенной земли въ Западной Сибири всѣмъ лицамъ сельскаго состоянія и мѣщанамъ, прибывшимъ безъ установленнаго разрѣшенія въ томскую и тобольскую губерніи въ теченіе 1892 г. и ранѣе, „съ предоставленіемъ имъ льготъ, установленныхъ закономъ 13 іюля 1889 г.“.

Одновременно съ тѣмъ былъ обнаруженъ недостатокъ участковъ, заготовленныхъ для отвода переселенцамъ, какъ на казенныхъ земляхъ наиболѣе заселяемыхъ мѣстностей, такъ и на

земляхъ Алтайскаго округа. Вслѣдствіе этого министерство внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министерствами императорскаго двора и удѣловъ и государственныхъ имуществъ, признало необходимымъ временно пріостановить дальнѣйшую выдачу разрѣшеній на переселеніе, о чемъ сообщило губернаторамъ циркуляромъ отъ 6 мая 1892 года. Считаюсь съ фактомъ неослабѣвавшего въ послѣднее время „самовольнаго“ ухода крестьянъ, въ циркулярѣ этомъ министерство существенное вниманіе обратило на необходимость принятія мѣръ противъ такого ухода, требуя установить неослабное наблюденіе и строжайшій надзоръ за выдачею срочныхъ паспортовъ на отлучку, подъ прикрытіемъ которыхъ совершалось обыкновенно все недозволенное закономъ переселенческое движеніе. Съ этою же цѣлью оно рекомендовало не останавливаться передъ обратною высылкою на родину самовольно ушедшихъ лицъ и обязывало особенно тщательно наблюдать „за находящимися въ предѣлахъ каждой губерніи путями слѣдованія и пунктами скопленія переселенцевъ“, дабы къ мѣрѣ этой, какъ тяжелой и разорительной для самихъ возвращаемыхъ, такъ и для сельскихъ обществъ, на которыя упадаютъ издержки по этапной отправкѣ ихъ членовъ, прибѣгать, по возможности, въ мѣстахъ, ближайшихъ къ ихъ осѣдлости. Означеннымъ циркуляромъ сверхъ того министерство увѣдомляло о закрытіи дальнѣйшаго доступа къ переселенію на свободныя казенныя земли самарской, саратовской, оренбургской и уфимской губерній, на томъ основаніи, что земли эти предполагалось предоставлять исключительно нуждающимся мѣстнымъ крестьянамъ и лицамъ, уже прибывшимъ въ означенныя губерніи и получившимъ установленное разрѣшеніе.

Такимъ образомъ, приведеннымъ распоряженіемъ переселеніе на свободныя земли фактически почти совершенно прекращалось, кромѣ направлявшагося моремъ на Дальній Востокъ. Исключеніе было допущено только для лицъ, уже получившихъ разрѣшеніе, но при условіи, если они „отъ продажи имущества могутъ выручить вполнѣ достаточныя средства для переселенія“. Допускался затѣмъ переходъ изъ прежнихъ обществъ для перечисляющихся въ многоземельныя общества и водворяющихся на приобретаемыхъ въ собственность или заарендованныхъ частновладѣльческихъ земляхъ, но не прежде, какъ послѣ выполненія ими всѣхъ указанныхъ въ законѣ требованій относительно увольненія изъ прежнихъ обществъ и представленія достаточныхъ доказательствъ состоявшейся покупки или аренды земли.

Однако, указанная мѣра, клонившаяся отчасти къ полной

приостановкѣ переселенія, отчасти къ стѣсненію выхода крестьянъ изъ мѣстъ приписки, не принесла существенной пользы и не остановила движенія. Въ тотъ же 1892 г. въ Сибирь прошло 95.000 душъ, а въ послѣдующіе полтора года, когда запрещеніе еще продолжало дѣйствовать, свыше 100.000 душъ. Хотя подтвердительными циркулярами министерство настаивало на безусловномъ выполненіи требованія о недопущеніи переселенія, тѣмъ не менѣе оно само сознавало тщетность принимавшихся мѣръ и въ тѣхъ же циркулярахъ заявляло, „что, несмотря на сдѣланныя распоряженія о временной приостановкѣ переселенческаго движенія, въ Западную Сибирь не переставали прибывать по краткосрочнымъ паспортамъ и безъ всякихъ документовъ семьи самовольныхъ переселенцевъ, распродавшихъ предварительно все принадлежащее имъ на родинѣ имущество“.

Въ такомъ почти враждебномъ отношеніи правительства къ переселенію и въ попыткахъ скорѣе сдержать его, тѣмъ поставить въ нормальныя условія, которыя отвѣчали бы потребностямъ населенія, проходитъ почти вся исторія послѣднихъ бюрократическихъ мѣропріятій, касавшихся переселенія, пока предпринятое сооруженіе Сибирской желѣзной дороги не побудило взглянуть на дѣло болѣе широко и интересы населенія внутренней Россіи связать съ интересами малолюдныхъ окраинныхъ мѣстностей, по которымъ долженъ былъ пролегать сибирскій путь. Замѣтный поворотъ въ переселенческой политикѣ и во всей постановкѣ этого дѣла послѣдовалъ съ конца 1892 года, когда журналомъ особаго совѣщанія о сооруженіи Сибирской желѣзной дороги, удостоеннымъ 10 декабря 1892 года Высочайшаго утвержденія, было постановлено предназначить особый 14-милліонный фондъ „на вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкою Сибирской желѣзной дороги и имѣющія цѣлью какъ облегченіе сей постройки, такъ и содѣйствіе заселенію и промышленному развитію прилегающихъ къ дорогѣ мѣстностей“.

А. Чарушинъ.

„ТЕРАКОЯ“

ИЛИ

„ДЕРЕВЕНСКАЯ ШКОЛА“

ЯПОНСКАЯ ДРАМА.

Японская драма „Теракоя“ составляет собственно главный акт обширной исторической драмы, известной под заглавием „Зеркало преподаннаго канцлеромъ Сугавара искусства чистописанія“. Она составлена четырьмя авторами, именно знаменитѣйшимъ въ Японіи драматургомъ Такедо Ицумо († 1740) и тремя его товарищами, имена которыхъ не сохранились. Драма цѣликомъ ставится очень рѣдко; чаще заимствуется только этотъ одинъ главный актъ „Теракоя“, который до сихъ поръ пользуется у японской публики громаднымъ успѣхомъ. По поводу впечатлѣнія, которое „Теракоя“ производитъ на зрителей, профессоръ токійскаго университета д-ръ К. Флоренць пишетъ: „При хорошо распределенныхъ роляхъ „Теракоя“ производитъ на публику потрясающее впечатлѣніе; когда же въ главныхъ роляхъ (Матсуо и Генсо) выступаютъ знаменитые японскіе артисты Данюра и Кивугора, то представленіе является наиболѣе потрясающимъ изъ всего, что когда-либо показывалось со сценъ всего міра. Въ публикѣ не остается человѣка, который бы не

плакалъ, и даже европейцы выходятъ изъ театра глубоко потрясенные“¹⁾.

Укажемъ вкратцѣ содержаніе и значеніе этой драмы.

Около конца IX-го вѣка въ Киото, при императорскомъ дворѣ, жилъ знаменитый японскій поэтъ и каллиграфъ Сугавара Мичисане, второй канцлеръ государства. Ширатайо, арендаторъ одного изъ помѣстій Мичисане, всегда пользовался благосклонностью своего господина и тщательно оберегалъ три любимыхъ имъ заповѣдныхъ дерева: вишню, сливу и сосну. Въ одинъ прекрасный день Ширатайо сдѣлался отцомъ тройни. Такое событіе, согласно тогдашнимъ вѣрованіямъ, считалось особенно счастливымъ предзнаменованіемъ для всей страны. Поэтому Мичисане сдѣлался воспріемникомъ новорожденныхъ трехъ сыновей своего вассала Ширатайо, причемъ далъ имъ имена по своимъ любимымъ деревьямъ: Умео (вишня), Сакурамару (слива) и Матсуо (сосна). Выросши, двое изъ юношей поступили на службу къ Мичисане и были имъ возведены въ рыцарское званіе (самурай), третій же, Матсуо, поступилъ на службу къ первому канцлеру Фуйнвара Токигира (или Шигеи).

Черезъ нѣкоторое время первый канцлеръ, снѣдаемый честолюбіемъ, составилъ заговоръ противъ императора съ цѣлью занять его мѣсто, но честный и вѣрный Мичисане разрушилъ его планы. Съ тѣхъ поръ между обоими вельможами возникла непримиримая вражда. Лукавому Шигеи удалось оклеветать передъ императоромъ своего противника и добиться его изгнанія на островъ Кіусіу. Семья и приверженцы Мичисане были разбѣяны по всей странѣ. Шигеи этимъ не удовлетворился и, боясь мести со стороны потомковъ изгнаннаго противника, рѣшился истребить ихъ окончательно. Но Генсо, бывшій вассаль и самурай Мичисане, скрылъ у себя младшаго сына своего суверена, Кванъ-Шусаи и, удалившись съ нимъ въ маленькую, глухую деревушку Серіо, сталъ всѣмъ выдавать его за собственного сына. Здѣсь онъ открылъ частную деревенскую школу (Теракоя), гдѣ преподавалъ крестьянскимъ дѣтямъ правила китайской письменности, которыя преподалъ ему нѣкогда самъ Мичисане. Эта школа—мѣсто дѣйствія предлагаемой драмы.

Изъ трехъ сыновей 70-лѣтняго къ тому времени Ширатайо, Умео послѣдовалъ за своимъ сувереномъ въ изгнаніе, Сакурамару погибъ, защищая дѣло своего покровителя, а Матсуо

¹⁾ „Japanische Dramen“ v. Prof. Dr. K. Florenz, Tokio. Verl. Hasegawa. Предисловіе.

остался на службѣ у Шигеи, непримиримаго врага своего благодѣтеля. Поведеніе Матсуо чрезвычайно огорчило Мичисане и онъ излилъ свою печаль по этому поводу въ ставшемъ потомъ популярнымъ слѣдующемъ четверостишіи:

„За мной моя слива умчалась,
А вишня иссохла по мнѣ.
Ужели одной лишь соснѣ
Измѣна удѣломъ досталась?“

Однако Матсуо только наружно, по долгу ленной присяги, былъ на сторонѣ Шигеи, и доказалъ это тѣмъ, что собственнаго сына Котаро принесъ въ жертву за Кванъ-Шусаи, когда мѣстопробываніе послѣдняго было открыто и ему угрожала гибель. Самому Матсуо поручено было канцлеромъ доставить голову Шусаи посланнымъ Шигеи и удостовѣрить подлинность этой головы. Матсуо устроилъ такъ, что вмѣсто головы Шусаи была отрублена и выдана голова его собственнаго сына. Этотъ трагическій эпизодъ и служитъ содержаніемъ драмы „Теракоя“.

Самъ Мичисане умеръ въ слѣдующемъ году (903). Послѣ его смерти, его противника и приверженцевъ его постигло много неудачъ и несчастій, которыя суевѣрный народъ приписалъ мстящему духу покойнаго канцлера. Послѣдній былъ причисленъ къ богамъ, и его стали чтить подъ именемъ Теньсойи — „бога каллиграфіи“. Въ честь его по всей странѣ воздвигнуты многочисленные храмы Шинто.

Мы воспользовались нѣмецкимъ переводомъ, который, по словамъ проф. Флоренца, можно назвать почти подстрочнымъ. Намъ кажется, что и для русскихъ читателей эта драма представляетъ немалый интересъ, какъ наиболѣе характерный образчикъ японской драматургіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГЕНСО—вассаль и ученикъ изгнаннаго канцлера Сугавара Мичисане, деревенскій учитель.

ТОНАМИ—его жена.

МАТСУО—вассаль канцлера Токигиры.

ШИО—его жена.

КОТАРО—ихъ сынъ, 8 лѣтъ.

ГЕМБА—камергеръ на службѣ у Токигиры.

КВАНЪ-ШУСАИ—сынъ изгнаннаго канцлера, 8 лѣтъ.

МАТЬ ШУСАИ.

САНСУКЕ—слуга Матсуо.

СЕМЬ УЧЕНИКОВЪ—крестьянскіе мальчики въ возрастѣ отъ 8 до 10 лѣтъ.

МЯМЛЯ—одинъ изъ учениковъ, 15-лѣтній глупый парень.

Вооруженная стража; крестьяне.

Мѣсто дѣйствія: классная комната въ домѣ Генсо, въ глухой деревушкѣ Серю.

Время дѣйствія: 902-й годъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ШУСАИ, ученики, между ними МЯМЛЯ.

Ученики, вѣсть съ Шусан, сидятъ на корточкахъ передъ небольшими пюпитрами, на которыхъ разложены тетради и коробочки съ тушью. Около каждаго пюпитра—ящикъ для книгъ. Дѣти упражняются въ писаніи китайскихъ и японскихъ письменъ. Частые перерывы въ работѣ и шумъ. У большинства лица и руки вымазаны тушью.

Мямля—*(къ остальнымъ)*.

Эй, вы, дурачье! Чего сидите и зубрите, когда учителя нѣтъ дома? Смотрите: я бонзу нарисовалъ,—лысаго бонзу.

(Смѣхъ, шумъ, нѣкоторые поднимаются съ мѣстъ).

Шусан—*(продолжая усердно писать)*.

Ты бы занялся чѣмъ-нибудь болѣе путнымъ, чѣмъ этой пачкотней! Самый большой въ классѣ, а не умѣешь написать простого знака. Стыдился бы!

Мямля.

Эхъ ты, паньзка! Посмотрите-ка на мальчика-пай, на бѣлоносаго...

Первый мальчикъ—*(бьетъ сзади Мямлю линейкой по голове)*.

Не смѣй ругаться! Не то...

Мямя—*(реветъ)*.

Ой, ой! Онъ меня побилъ!—*(лѣтъ первому мальчику на голову тушь)*.

ВТОРОЙ МАЛЬЧИКЪ.

У, длинноногій лошаекъ! Старше всѣхъ, а какъ только его тронешь, такъ и воетъ!

ТРЕТІЙ МАЛЬЧИКЪ.

Вздуй-ка его хорошенько, —чего онъ пасть-то разинулъ!
(Нѣсколько мальчиковъ направляются къ Мямя съ линейками. Всѣ вскочили съ мѣстъ. Сильный шумъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

ТОНАМИ и прежніе.

Тонами—*(изъ сосѣдней комнаты)*.

Вы, лодыри! Опять разодрались!—*(входитъ)*. Не шумѣть. По мѣстамъ и принимайтесь за работу. Учитель сейчасъ придетъ. Если прилежно' позайметесь, будете свободны послѣ обѣда.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Вотъ это хорошо! Давайте писать, ребята!

(Всѣ усердно принимаются за работу, пишутъ и читаютъ сполохоса по складамъ: и-ро-и-ни-го-ге-то).

ЯВЛЕНІЕ III.

ШЮ, КОТАРО, САНСУКЕ и прежніе

Сансуке—*(пріотворяя дверь)*.

Можно войти?

Тонами.

Пожалуйста, войдите.

(Шю входитъ, ведя за руку своего сына Котаро. За ними Сансуке несетъ пюитръ, ящикъ для книгъ и два пакета).

Шю.

Съ вашего разрѣшенія—*(обоюднѣя пріѣтъствія)*. Нынче поутру я послала спросить, приметъ ли господинъ Генсо моего

сына въ ученіе. Господи́нь Генсо любезно согласился. Поэтому я привела мальчи́ка. Вотъ онъ.

Тонами.

Такъ это вашъ сынъ? Очень пріятно! Какое прелестное дитя!

Шю.

Вы очень любезны. Надѣюсь, что онъ вамъ не причинитъ много хлопотъ. Мы всего нѣсколько дней живемъ въ этой деревнѣ, какъ разъ въ противоположномъ концѣ. Къ моему удовольствію, я слышала, что и у васъ есть сыночекъ точно такого же возраста, какъ и мой. Его здѣсь нѣтъ?

Тонами.

Онъ здѣсь.—(*Къ Шусаи*). Подойди, милый мой, поклонись этой дамѣ—(*Шусаи подходитъ и низко кланяется*). Это сынъ и наслѣдникъ Генсо.

Шю—(*испытующимъ взглядомъ сравниваетъ лицо Шусаи и своего сына*).

У васъ чудный мальчи́къ, госпожа Генсо. Но я не вижу вашего супруга: его нѣтъ дома?

Тонами.

Да, къ сожалѣнію. Онъ съ утра приглашенъ къ старшинѣ на совѣщаніе и парадный обѣдъ, и такъ какъ это довольно далеко отсюда, то онъ, вѣроятно, не скоро вернется. Но если вы желаете его видѣть,—я могу за нимъ послать.

Шю.

Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не безповайтесь. Мнѣ еще нужно сходить въ сосѣднее село по дѣлу и, пока я схожу туда и обратно, вашъ супругъ, вѣроятно, успѣетъ вернуться. Сансукэ! Принеси вещи сюда.—(*Сансукэ передаетъ ей оба пакета. Одинъ, завернутый въ бѣлую бумагу, Шю въжливю кладетъ передъ Тонами*). Эту мелочь прошу васъ благосклонно принять на память о сегодняшнемъ днѣ.

Тонами—(*съ глубокимъ поклономъ*).

Слишкомъ много вниманія,—право, слишкомъ много...

Шю.

Стоять ли объ этомъ говорить!.. А этотъ свертокъ—(*передаетъ второй пакетъ*) для вашихъ питомцевъ.

Тонами.

Очень, очень вамъ благодарна за вашу любезность. Мой мужъ почтетъ себя крайне обязаннымъ...

Шю.

Затѣмъ я съ вами попрощаюсь. Поручаю мое дитя вашимъ заботамъ—(*къ Котаро*). Будь послушенъ, мой милый мальчикъ! Я только схожу въ сосѣднее село и скоро вернусь.

Котаро.

Ахъ, мама, не повидай меня одного! Возьми меня съ собой—(*хватается за рукавъ матери*).

Шю—(*освобождаясь отъ него*).

Какой же ты трусишка! Не стыдно ли тебѣ, Котаро?—(*Къ Тонами*). Видите, настоящій маменькинъ сынокъ.—(*Ласкается ея*). Ты мое славное, послушное дитя. Оставайся здѣсь и держись молодцомъ. Я скоро вернусь.

(*Уходитъ вмѣстѣ съ Савсуке. Въ дверяхъ оборачивается и смотритъ на Котаро страдальчески-нѣжнымъ взглядомъ. Уходитъ, закрывши за собою дверь, потомъ возвращается*).

Простите, я васъ опять беспокою. Должно быть, я забыла здѣсь свой вѣеръ.—(*Всѣ ищутъ вѣеръ*).

Тонами—(*спустя минуту*).

Но вѣдь вѣеръ у васъ въ рукавѣ...

Шю—(*смущенно*).

Ахъ, правда, какъ я разсѣянна!—(*Уходя, снова бросаетъ на сына долгій, печальный взглядъ*).

Тонами—(*ласково къ Котаро*).

Поди сюда, не грусти такъ, мой милый мальчикъ. Иди, поиграй съ моимъ сыномъ...—(*Подводитъ его къ Шусан и всячески старается развлечь и успокоить*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ГЕНСО, ТОНАМИ, ШУСАИ, КОТАРО, ученики.

(Генсо входитъ блѣдный и озабоченный. Останавливается въ дверяхъ и смотритъ на учениковъ пристальнымъ взлядомъ, не замѣчая присутствія Котаро).

Генсо — (про себя, съ отвраще-
ніемъ).

Мужицкія лица—обыкновенныя мужицкія головы—никуда не годный бурьянъ...

(Генсо садится, тупо смотря передъ собой. Тонами наблюдаетъ его сперва удивленно, потомъ съ тревогой и садится противъ него).

Тонами — (посль краткаго молча-
нія).

Вы такъ блѣдны, супругъ мой, такъ печальны
И странныя изъ вашихъ устъ слова
Исходятъ... Что случилось? Отчего
Вы на дѣтей неласково глядите?
Вотъ посмотрите, новаго питомца
Къ намъ привели сегодня... Приласкайте
Его.—Котаро, подойди сюда
Поближе къ намъ и повлонись учтиво.

Котаро — (подходитъ и низко кла-
няется).

Привѣтъ вамъ, мой наставникъ. Буду вамъ
Я преданъ и послушенъ.

Генсо — (мелькомъ взглянувъ на
него).

Хорошо.

Иди на мѣсто.

(Взвздѣвшись, удивленно смотритъ то на него, то на
Шусаи. Лицо его проясняется. Про себя).

Странно, очень странно!

Вѣдь это ученикъ, котораго сегодня
Къ намъ привели... Конечно. Подойди-ка
Сюда поближе, посмотри въ лицо мнѣ.

Какой прекрасный мальчишекъ—и воспитанъ,

Какъ видно, хорошо!— Не правда ли,
Тонами?

Тонами.

Безъ сомнѣнья. Очень рада,
Что сразу вамъ понравился питомецъ
И съ вашего чела согналъ слѣды
Печальной думы. Благородный мальчикъ!
Когда пришелъ онъ съ матерью сюда...

Генсо—*(съ тревогою)*.

Мать? Гдѣ она?

Тонами.

Она ушла недавно,
Спѣша по дѣлу важному въ село,
Но обѣщалась возвратиться снова
И, вѣрно, скоро будетъ.

Генсо.

Скоро будетъ!..

Что я хотѣлъ сказать?— Да, — важнымъ дѣломъ
Я озабоченъ. Отпусти дѣтей, —
Пусть поиграютъ, какъ и чѣмъ хотять,
Тамъ въ комнатахъ сосѣдней, — но безъ шуму
И шалостей— я важнымъ дѣломъ занятъ.
Сложите, дѣти, книги и ступайте:
Сегодня вы свободны отъ занятій.

(Дѣти оживленно встаютъ, складываютъ принадлежности въ уголъ и вслѣдъ за Тонами шумно уходятъ въ среднюю дверь. Черезъ нѣкоторое время Тонами возвращается и, убедившись, что никто ихъ не подслушиваетъ, садится противъ мужа).

ЯВЛЕНИЕ V.

ГЕНСО и ТОНАМИ.

Тонами.

Вы снова мрачны, мой супругъ, — опять
Погружены въ печальное раздумье!
Съ тѣхъ поръ, какъ вы сюда вошли, угрюмый
И блѣдный, на дѣтей глядя со злобой, —
Предчувствіемъ ужаснымъ я томлюсь!

Потомъ вы испытующе и долго
Глядѣли на Котаро...
(Генсо въ изнеможеніи опускаетъ голову).

Что случилось?
Супругъ мой, что случилось? Говорите,
Я заклинаю васъ!

Генсо.

Несчастье насъ
Неотвратимое постигло! Тайна,
Что бережно и свято мы хранили
Такъ много лѣтъ,—предательски открыта!
Открыто, что скрываемъ суверена
Мы молодого тайно у себя,
Его за сына выдавая,—что давно
У насъ живетъ онъ. Канцлеръ Токигира
Объ этомъ извѣщенъ и жаждетъ крови
Послѣдняго потомка Сугавары,
Чьей мести онъ боится неизбежной.

Тонами.

Предчувствіемъ давно томилось сердце!
Какъ вы узнали это?

Генсо.

Лишь сегодня
У старшины на праздничномъ обѣдѣ.
Ловушкой было торжество—и честь
Оказана мнѣ съ умысломъ коварнымъ,—
Чтобы завлечь неожиданно въ западню
И времени не дать мнѣ для побѣга.
Тамъ старый Гемба, канцлера подручникъ,
Въ сопровожденіи челяди своей,
Вдругъ подошелъ ко мнѣ съ такою рѣчью:
„Намъ все извѣстно, Генсо! Признавайся,
Что мальчикъ тотъ, котораго за сына
Ты лживо выдавалъ,—тебѣ не сынъ!
Безстыднѣй, смѣешь канцлера врага
Ты укрывать! Такъ выслушай приказъ,
Съ которымъ я пришелъ сюда. Сегодня,
Черезъ два часа, ты долженъ намъ доставить
Отрубленную голову Шусаи,—
Иначе мы придемъ къ тебѣ и сами

Ее возьмемъ!—Тебѣ же, —помни это! —
 Гнѣвъ канцлера грозитъ неумолимый!“
 Такъ онъ сказалъ.—О, какъ хотѣлось мнѣ
 Меча ударомъ гнусный ротъ зажать!
 Но я себя сдержалъ: умѣстна хитрость
 Насилію въ отвѣтъ гораздо больше,
 Чѣмъ честная борьба! Въ душѣ свой гнѣвъ
 Я подавилъ и, видъ принявъ покорный,
 Просилъ мнѣ время дать приказъ исполнить.

Вблизи стоялъ Матсуо.—Онъ одинъ
 Лицо Шусан знаетъ—и приказъ
 Поэтому имѣеть—прослѣдить,
 Чтобъ голову я подлинную выдалъ.
 Коварный пестъ! Какъ скоро позабылъ онъ
 Благодѣянья всѣ, которыми когда-то
 Онъ прежнимъ господиномъ былъ осыпанъ?
 Негодный, подло измѣнилъ отцу онъ,
 Чтобъ измѣнить предательски и сыну!
 Едва живой, влачащій еле ноги
 И кости хилыя въ тѣлесной оболочкѣ,
 Онъ все еще имѣеть силъ довольно,
 Чтобъ измѣнять и мертвымъ, и живущимъ...

Теперь нашъ домъ обложенъ. О побѣгѣ
 Нельзя и думать. Намъ одно осталось:
 Взамѣнъ Шусан головы—другую—
 Похожую—представить мы должны!
 Ужъ думаю я, идя сюда, нельзя ли
 Кого-нибудь изъ нихъ,—питомцевъ нашихъ,—
 За суверена въ жертву принести.
 Но кто смѣшаетъ грубыя ихъ лица
 Съ лицомъ Шусан благородно-нѣжнымъ?
 Такъ я пришелъ сюда, въ душѣ тая
 Мученья ада: мнѣ казалось—больше
 Намъ помощи ужъ неоткуда ждать.
 И вдругъ увидѣлъ новаго питомца...
 Не правда ли, вѣдь до замѣны полной
 Похожъ онъ на Шусан? О, Тонами,
 То указанье свыше. Сами боги
 Спасти желаютъ молодого князя
 И замѣстителя ему послали!
 Злой духъ его намъ отдалъ въ руки. Пусть

Погибнетъ онъ. Мы голову его
 Посланникамъ вручимъ взамѣнъ Шусаи!
 Потомъ бѣжимъ отсюда. Поспѣшимъ
 Границу за собой оставить. Тамъ,
 Въ странѣ Каваша, молодому князю
 И намъ бояться некого...

Тонами.

Ужасно!

Принуждены невинную пролить
 Мы кровь едва расцвѣтшаго ребенка!
 Но нѣтъ священниче на свѣтѣ долга,
 Чѣмъ вѣрность господину,—еслибъ даже
 Пришлось намъ въ жертву цѣлый мѣръ принести!
 Но если жертва будетъ бесполезна?
 Что, если кровь невинную прольемъ мы
 Напрасно и безъ нужды? Вы сказали,
 Что самъ Матсуо посланъ распознать
 Лицо Шусаи,—онъ обманъ сумѣетъ
 Отверсть.

Генсо.

Тѣмъ хуже для него: онъ этимъ
 Себѣ подпишетъ смертный приговоръ!
 Слѣдить за нимъ внимательно я буду
 И наготовѣ мечъ въ рукѣ держать!
 Когда иного выхода не будетъ,—
 Ударомъ уложу его на мѣстѣ,
 Потомъ, какъ тигръ, на остальныхъ я брошусь
 И выгоню ихъ вонъ, или погибну,
 Чтобъ господина въ мѣръ иной и лучшей
 Сопровождать, какъ преданный слуга!
 Но вѣрю я, что планъ удался. Дѣти
 Похожи другъ на друга, какъ два брата,
 А если между ними есть различья,
 То смерть сотретъ ихъ... Больше я боюсь
 Прихода матери! Вернуться можетъ
 Она не въ-время и, шумъ поднявъ,
 Побѣгу помѣшать... Тогда должна
 Погибнуть и она!

Тонами.

Какое горе!

Ее занять могу я разговоромъ,
Отвлечь попробую...

Генсо.

Нѣтъ, нѣтъ! Напрасно!

Отъ поселянъ она узнать успѣла
Навѣрное о томъ, что здѣсь творится
И сына будетъ, требовать отъ насъ!
Но нами слишкомъ много ужъ на карту
Поставлено,—мы рисковать не можемъ,—
И ежели не во-время придетъ
Она, то больше не уйдетъ отсюда!

Тонами.

Такъ дьяволами быть намъ суждено!
(Плачетъ). О, мать несчастная! Въ недоброй часъ
Тебя твой злобный геній къ намъ направилъ,
Чтобъ въ руки намъ довѣрчиво отдать
Свое сокровище... Ему мы сами
Должны бы замѣнить отца и мать—
И сдѣлались его мы палачами!

(Рыдаетъ, закрывшись рукавомъ. Съ улицы доносится шумъ приближающихся колесовъ. Кто-то снаружи отодвигаетъ дверь. Виденъ передній дворъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

(Гемба входитъ; за нимъ—въ закрытомъ паланкинѣ—несутъ Матсуо. Во дворъ видна толпа крестьянъ, которые униженно кланяются обоимъ вельможамъ. Пржежнѣ).

Нѣкоторые крестьяне.

Ахъ, высовородные господа, будьте милостивы! Наши дѣти тоже тамъ. Сжальтесь!..

1-ый крестьянинъ.

Мой сыночекъ только теперь началъ писать. Ахъ, отпустите его!

2-ой крестьянинъ.

Тамъ мой внучекъ! Если ненарокомъ отрубите ему голову, то опять живымъ не сдѣлаете. Отдайте мнѣ его, благородный рыцарь!

3-ІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Пожалуйста, присмотритесь хорошенько. Мой мальчиѣкъ точно таковаго же возраста, какъ и молодой господинъ. Ради неба, пустите меня,—я его возьму оттуда.

МНОГІЕ.

Впустите насъ, благородные рыцари!

ГЕМБА.

Прочь, противная сволочь! Вы шумите, какъ навозныя мухи! Убирайтесь! Вашему глупому и грязному отродью ничего не сбывается! Забирайте своихъ щенятъ и уходите прочь! (*Отворачивается и угрожающе смѣется*).—Это дурачье воображаетъ, что глупыя мужицкія рожи можно смѣшать съ лицомъ самурая. Хи, хи, хи!

МАТСУО—(*выходитъ изъ паланкина и идетъ къ двери, опираясь на свой длинный мечъ*).

Не отпускайте ихъ такъ поспѣшно, Гемба. Отвѣтственность лежитъ на мнѣ, такъ какъ только я знаю мальчиѣка въ лицо. Легко можетъ случиться, что одинъ изъ этихъ крестьянъ участвуетъ въ заговорѣ и выдастъ Шусай за своего сына. (*Къ крестьянамъ*). Успокойтесь, добрые люди. Вызывайте вашихъ ребятъ по именамъ. Я хочу на нихъ посмотрѣть, а затѣмъ ихъ вамъ выдадутъ.

(*Всѣ въ одинъ голосъ выкликаютъ разныя имена*).

МАТСУО.

Зовите по очереди.

1-ЫЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Хѡма! Хѡма!

ГЕНСО—(*стоитъ у задней двери и вызываетъ мальчиѣковъ, выкликая тѣ же имена, что и крестьяне*).

Хѡма, иди сюда!

ХѡМА—(*выходитъ*).

Здѣсь!

МАТСУО—(осматривая его).

Онъ здорово запачкалъ себѣ лицо тушью. Но если вы его и умоете,—бѣлымъ не сдѣлаете. Пропустите его: это не тотъ.
(Первый крестьянинъ беретъ мальчика за руку и уводитъ).

2-ой крестьянинъ.

Ивама здѣсь? Ивама!

ИВАМА—(выходитъ).

Да, дѣдушка, я здѣсь!

МАТСУО.

Веселый паренекъ. Круглый и свѣжій, какъ будто сейчасъ только вылупился изъ яйца. Маршъ!

(2-й крестьянинъ беретъ мальчика на плечи и уходитъ).

3-йй крестьянинъ.

Дитятко, мой милый мальчикъ!

Мямля.

Здѣсь! Понеси меня на спинѣ, папка! Хочу на спинѣ!—
(Реветъ).

3-йй крестьянинъ.

Ну, ладно! Только не плачь!

ГЕМБА.

Относительно этого лошака врядъ ли потребуется ваше мнѣнiе, Матсуо. Вотъ это дѣйствительно похожъ на принца! Ха, ха, ха! А старикъ-тави посадилъ верзилу въ себѣ на плечи и уходитъ словно кошка, которой удалось стащить кусокъ сушеной рыбы.

4-ый крестьянинъ.

Такусанъ, Такусанъ! Ради неба, не смѣшайте его съ господиномъ Шусай. Онъ красивый мальчикъ, господинъ рыцарь.

(Такусанъ пытается проскользнуть, но Матсуо крепко удерживаетъ его).

МАТСУО.

Стой, паренекъ, стой! Развѣ совѣсть у тебя не чиста? Дай-ка хорошенько на тебя посмотрѣть. Лицо, какъ дыня, бѣлъ—ого!
(Присматривается къ нему).—Фу, запачканъ! Бѣги во всѣ лапаты! (Даетъ ему подзатыльникъ).

ГЕМБА—*(нетерпливо)*.

Зовите, Генсо, всѣхъ остальныхъ сразу. Послѣ того, что я видѣлъ, я бы самъ взялся опредѣлить настоящаго. На картофельномъ полѣ растутъ только картофель.

(Генсо зоветъ трехъ остальныхъ. Матсуо и Гемба мелькомъ осматриваютъ ихъ и отпускаютъ. Крестьяне уходятъ. Выдвижная дверь закрывается. Гемба и Матсуо садятся противъ Генсо).

ЯВЛЕНИЕ VII.

ГЕМБА, МАТСУО, ГЕНСО, ГОНАМИ.

ГЕМБА.

Теперь приступимъ къ дѣлу. Генсо, ты Намъ клятву далъ Шусан обезглавить. Чего-жъ ты медлишь? Къ дѣлу!

Генсо—*(спокойно)*.

Вы хотите,

Чтобъ сына суверена приволокъ
Я къ вамъ за шиворотъ, какъ собачонку,
И голову ему свернулъ?—Постойте
И дайте дѣло сдѣлать не спѣша!
(Поднимается, чтобы уйти въ заднюю дверь).

МАТСУО.

Минуту подожди!—*(испытующе смотритъ на Генсо)*.

Напрасно ты

Пытался-бъ обмануть насъ и съ Шусан
Тайкомъ бѣжать. Обложенъ стражей домъ
И даже мышъ не убѣжить отсюда!
Не думай также голову Шусан
Другою замѣнить, въ надеждѣ праздной,
Что смерть, какъ ночь, различья уничтожить.
Повѣрь, что не обманешь насъ. Тебѣ,
Быть можетъ, пожалѣть придется,
Но слишкомъ поздно...

Генсо—*(сдержанно)*.

Лишнія заботы

Тебѣ сберечь не лучше-ль для себя?
Не безпокойся, принесу сюда

Томъ IV.—Августъ, 1905.

Я подлинную голову. Повѣрь,
 Что даже твой потухшій взоръ
 Ее тотчасъ узнаеть...

ГЕМБА—(нетерпливо).

Словъ довольно!

Скорѣй, скорѣе къ дѣлу!
 (Генсо беретъ отъ ГЕМБА деревянную коробку для отруб-
 ленной головы и уходитъ въ заднюю дверь).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Прежніе, кромѣ ГЕНСО.

(Тонами въ ужасъ прислушивается. МАТСУО испытующе
 осматриваетъ комнату и сосчитываетъ пульта и ящики дѣтей).

МАТСУО.

Очень странно!

Ихъ семеро вѣдь было, чертенячь,
 Которыхъ мы недавно отпустили,
 А пультовъ тамъ въ углу я вижу восемь.
 (Къ Тонами). Не объясните-ль намъ, чей это пультъ? (ука-
 зываетъ на пультъ Котаро).

Тонами—(въ тревогѣ).

Питомца новаго... Ахъ, что за вздоръ
 Болтаю я... Нѣтъ новаго питомца
 У насъ... То Кванъ-Шусая пульта. Клянусь,
 Повѣрьте...

МАТСУО.

Хорошо! Оставимъ это.

Однако, Генсо что-то слишкомъ долго
 Не возвращается. Миѣ ожиданье
 Невыносимо: утомленъ я очень.

(За сценой слышенъ стукъ падающаго тѣла. МАТСУО чуть
 замѣтно вздрагиваетъ. Тонами хочетъ броситься въ сосѣднюю
 комнату, но замираетъ на мѣстѣ. Генсо входитъ и ставитъ
 закрытую коробку къ ногамъ МАТСУО).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Презвiе и ГЕНСО.

ГЕНСО.

Привазъ исполненъ вашъ. Вотъ голова!

Вглядитесь, господинъ Матсуомаро,

Внимательно, чтобъ не было ошибки...

(Садится въ сторонъ и слѣдитъ за Матсуо, положивъ руку на мечъ).

МАТСУО.

Теперь прошу вниманья!

(Къ стражъ, которая по знаку ГЕМБЫ вошла въ комнату).

Станьте тамъ!

(Указываетъ на мѣсто, за спиной Генсо).

И стерегите зорко ихъ обоихъ.

(Придвигаетъ къ себѣ коробку и съ закрытыми глазами снимаетъ крышку. Потомъ, словно пробуждаясь отъ сна, медленно раскрываетъ глаза, смотритъ на отрубленную голову и слегка касается ея рукой. По лицу его пробѣгаетъ выраженiе страданiя. Окружающiе въ мучительномъ напряженiи. Послѣ паузы, въ стоическомъ спокойствiи).

Да, Кванъ-Шусан это голова,

Безъ всякаго сомнѣнья...

*(Закрываетъ коробку, Генсо и Тонами облегченно вздыхаютъ и обмѣниваются быстрымъ взглядомъ).*ГЕМБА—*(встаетъ)*.

Наконецъ-то!

Прекрасно вы держались, Генсо! Ваше

Заслуживаетъ поведенiе похвалы!

Достойны были смерти вы за то,

Что укрывали канцлера врага.

Вы сами добровольно, безъ приказа

Уже давно должны были свершить,

Что сдѣлали теперь по принужденiю.

Но вы вину загладили свою,

И я прощаю васъ. Пойдемте вмѣстѣ,

Любезнѣйшiй Матсуо. Поспѣшимъ

Мы канцлеру почтительно принести

Имъ ожидаемую радостную вѣсть.

МАТСУО.

Да, торопитесь канцлеру скорѣй
 Пріятное извѣстіе доставить.
 Меня-жь увольте: боленъ я, повѣрьте,
 Гораздо больше, чѣмъ по мнѣ замѣтно.
 Прошу васъ, извинитесь за меня
 Предъ канцлеромъ...

ГЕМБА.

Извольте! Какъ угодно!
 Домой идите съ миромъ. Вы свой долгъ
 Исполнили.

(Беретъ коробку и уходитъ вмѣстѣ со стражей. Вслѣдъ за нимъ уходитъ Матсуо, тяжело опираясь на мечъ, и садится въ паланкинъ. Его уносятъ).

ЯВЛЕНИЕ X.

ГЕНСО и ТОНАМИ.

(Нѣкоторое время сидятъ неподвижно, смотря во слѣдъ уходящимъ. Потомъ Генсо запираетъ дверь. Тонами молитвенно складываетъ руки и склоняется до земли. Пауза).

ГЕНСО.

Благодареніе Буддѣ!
 Хвала богамъ! Небесъ благоволенье
 Снискали намъ сегодня господина
 Высокія заслуги и дѣла,
 И поразили слѣпотой невольной
 Глазъ дьявола, бѣдой намъ угрожавшій!
 Жена, мы спасены! Нашъ князь спасенъ!
 Да здравствуетъ Шусай!

ТОНАМИ.

Какъ во снѣ,
 Едва я вѣрить смѣю избавленью!
 Да, канцлера духъ свѣтлый и священный
 Взоръ помутилъ Матсуо,—или жертва
 Сама намъ добрымъ гениемъ была,—
 Но камень придорожный за алмазъ

Они сочили въ невольномъ ослѣпленьи...
Отъ всей души богамъ благодаренье!
(*Стучатся въ дверь. Генсо и Тонами вздрагиваютъ*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

ШЮ (сначала снаружи). Пржеііе.

Шю—(*снаружи*).

Отворите! Это я, мать вашего новаго воспитанника. Впустите меня!

Тонами—(*тихо*).

Ради неба, Генсо, это мать! Мы погибли. Чтѣ дѣлать? Чтѣ ей сказать?

Шю.

Отворите же, отворите! (*сильно стучитъ въ дверь*).

Генсо—(*къ Тонами*).

Молчи, глупая женщина! Развѣ я этого не предвидѣлъ? Тише! И съ этой справимся. Тамъ или иначе. (*Рѣзкимъ движеніемъ отстраняетъ Тонами, открываетъ дверь и выпускаетъ Шю*).

Шю—(*взволнованная*).

Ахъ, это вы, господинъ Тенебе Генсо, уважаемый учитель? Я сегодня привела къ вамъ своего мальчика, — гдѣ онъ? Надѣюсь, что онъ вамъ не въ тягость.

Генсо.

Нисколько. Онъ тамъ, въ задней комнатѣ, играетъ съ дѣтьми. Вы хотите его видѣть? Хотите проводить домой?

Шю.

Да, да, — я хочу его взять съ собой.

Генсо.

Въ такомъ случаѣ, пойдите. Прошу васъ, пойдите впередъ! (Шю направляется къ двери; Генсо смѣдуетъ за нею и пытается ударить ее мечемъ. Она оборачивается и, увернувшись отъ удара, бросается къ пультамъ, хватаятъ ящикъ своего сына и имъ отражаетъ второй ударъ Генсо).

Шю.

Что вы дѣлаете? Остановитесь!

Генсо (еще разъ пытается ударить).

Къ дьяволу!

(Ударъ разбиваетъ пультъ, изъ котораго выпадаетъ бѣлый саванъ, куски бумаги съ написанными на нихъ молитвами, похоронный флагъ и др. принадлежности погребенія).

Генсо—(пораженный).

Чортъ! Что это такое? (опускаетъ мечъ). Что это значить?

Шю—(рыдая, падаетъ на колѣни.)

О, господинъ, я заклинаю васъ, скажите: мой сынъ палъ жертвой? Жертвой за своего юнаго господина Кванъ-Шусаи? Заклинаю васъ, скажите мнѣ правду!

Генсо.

Вы сказали—жертва... вашъ сынъ—жертва!

Развѣ вы намѣренно?.. Вы его нарочно...

Шю.

О, мой милый ребенокъ! Да, онъ принесенъ въ жертву, добровольно принесенъ, чтобы спасти жизнь суверена. Иначе, въ чему бы этотъ саванъ, эти молитвы, этотъ флагъ съ надписью: „Наму амида бутеу“?

Генсо.

Женщина, вы приводите меня въ ужасъ!

Ничего понять не могу: кто вы? Кто вашъ мужъ?

(Стучать въ дверь. Матсуо входитъ, запираетъ за собою дверь и торжественно опускается на землю).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Презвіе и МАТСУО.

Матсуо—(цитируетъ строфы, сочиненныя канцлеромъ Мичисане ¹⁾).

„За мной моя слива умчалась,

А вишня засохла по мнѣ.

¹⁾ См. предисловіе.

Ужели одной лишь соснѣ
Измѣна удѣломъ досталась?“

(Къ Шю).—Жена! Благою вѣсть я приношу:
Котаро нашъ за господина умеръ!

(Шю, рыдая, бросается ницъ на землю).

Подруга вѣрная и добрая моя!
О, мать несчастная! Излей въ слезахъ
Души святую скорбь... Простите, Генсо,
Намъ малодушія порывъ: сердца
Родителей свои права имѣютъ...

Генсо—(удивленный и тронутый).

Не знаю, наяву или во снѣ
Васъ вижу я... Матсуо, вы ли это,—
Мой кровный врагъ и Токигиры
Вѣрнѣйшій рабъ и преданный вассаль?
Не вы-ль навѣки узы разорвали,
Связавшія васъ съ домомъ Мичисане?
И сами вы теперь родного сына...

МАТСУО.

Мнѣ ваше удивленіе понятно!
О, жребій беспощадный и суровый,
Меня на путь неправедный толкнувшій!
Я сдѣлался вассаломъ господина,
Который все жестоко попираетъ,
Что я любилъ, что было съ колыбели
Священно мнѣ и дорого: семью,
Законнаго правителя, всѣхъ близкихъ
Моихъ дарившаго благодѣяньемъ,—
Отца и братьевъ... О, какъ тяжело
Упреки было слышать мнѣ въ измѣнѣ,
Звучавшіе кругомъ, со всѣхъ сторонъ!
Но измѣнить не могъ я ничего
Иначе, какъ нарушивъ клятвы святость!
И я въ страданьяхъ изнывалъ, что были,
Быть можетъ, за грѣхи мои возмездьемъ,
Содѣянные въ жизни доземной...

Сносить не могъ я общаго презрѣнья
И совѣсти укоровъ. Чтобъ уйти

Отъ службы ненавистой, притворился
 Больнымъ я, объ отставкѣ умоляя.
 И вотъ неожиданно вѣсть распространилась,
 Что у себя вы молодого князя
 Скрываете. Тотчасъ же Токигира,
 Побѣгъ его предупредить желая,
 Отдалъ приказъ: немедленно врага
 Схватить и обезглавить, а ему
 Отрубленную голову представить.
 Мнѣ, знавшему въ лицо Шусаи, онъ
 Велѣлъ при казни быть, чтобъ головы
 Я подлинность ему удостовѣрилъ.
 Условіемъ отставки эта служба—
 Увы!—была поставлена... И вотъ
 При васъ сегодня я свой долгъ исполнилъ.
 Хвала богамъ, что дали мнѣ возможность
 Вину мою давнишнюю загладить
 И преступленіе страданьемъ искупить!
 Я зналъ, я былъ увѣренъ, что старанья
 Возможныя употребите вы,
 Чтобъ отрока высокаго спасти!
 Но что могли вы сдѣлать, Генсо? Путь
 Къ побѣгу прегражденъ былъ сильной стражей
 И обмануть дозоръ не удалось бы...
 Тогда постигъ душою я, что время
 Мое пришло! Принявъ рѣшенье, быстро
 И подерѣпленъ жены моей совѣтомъ,—
 Несчастной, преданной и храброй Шію,—
 Я сына къ вамъ послалъ, богамъ
 Его отдавъ, какъ жертву искупленья.
 Когда-жъ пришелъ я, чтобъ итогъ подвести,—
 Я пульта сталъ считать... одинъ былъ лишній...
 И понялъ я, что здѣсь Котаро мой,
 У васъ... и что мнѣ предстоить...

„Ужели одной лишь соснѣ
 Измѣна удѣломъ досталась?“

Звукъ этихъ словъ преслѣдовалъ меня,
 Гдѣ-бъ ни былъ я, куда-бъ ни обращался!
 Казалось, самый воздухъ мнѣ шепталъ
 Съ укоромъ: „Ты предатель!.. Ты предатель!“...
 Нѣтъ словъ, чтобъ передать, какъ я страдалъ,
 Какую муку я въ душѣ носилъ!

Когда-бъ я сына не имѣлъ, со славой
 Теперь погибшаго во искушенье
 Моихъ грѣховъ,—я поношеньемъ вѣчнымъ
 Для міра былъ бы,—я и весь мой родъ!
 Мой милый сынъ! Спаситель нашей чести!

Шю.

Спаситель нашей чести! Это слово
 Пусть будетъ чистымъ жертвоприношеньемъ
 Ребенка памяти святой. Да освѣнитъ
 Оно его за гранью жизни свѣтлымъ
 Сіяніемъ... Какъ больно было мнѣ
 Его повинуть, уходя отсюда,—
 Оставить въ пасти смерти... Горе мнѣ!
 О, дайте мертвое обнять мнѣ тѣло!
 Въ послѣдній разъ прижать къ груди мнѣ дайте
 Мое дитя... Увы! въ послѣдній разъ!

Тонами—(*приближаясь къ Шю*).

Родимая! Отъ глубины души
 Я съ вами ваше горе раздѣляю
 Безмѣрное. Когда я вспоминаю
 Слова, которыя вашъ сынъ покойный
 Къ учителю съ мольбою обращалъ:
 „Привѣтъ вамъ, мой наставникъ! Буду вамъ
 Я преданъ и послушенъ!“ —

Душу мнѣ
 Смертельный холодъ леденить! Чужая
 Вѣдь я ему! Что-жь чувствовать должна
 Родная мать?

Матсуо.

Подруга дорогая,
 Своимъ тяжелымъ горемъ овладѣй!
 Должно снести съ безропотнымъ смиреньемъ
 Ниспосланное небомъ испытанье!
 Онъ зналъ, мой добрый Генсо, что идетъ
 Сюда на смерть,—я самъ ему сказалъ.
 И этотъ отрокъ, вѣжнѣй, какъ былинка,—
 Но духомъ самурай неустрашимый,—
 Пошелъ по доброй волѣ на закланье!
 Скажите, какъ онъ умеръ? О пощадѣ
 Молилъ ли онъ?

Генсо.

Онъ умеръ, какъ герой!
 И зрѣлый мужъ, испытанный въ бояхъ,
 Смѣлѣе въ очи смерти не глядѣлъ бы!
 Когда я вынулъ мечъ и грозно въ ухо
 Ему шепнулъ, что умереть онъ долженъ
 Сейчасъ, на этомъ мѣстѣ,—онъ покорно,
 Спокойно и съ улыбкой на устахъ
 Подставилъ шею мнѣ, чтобы смертельный
 Принять ударъ!

Матсуо.

О, храброе дитя!
 Мой вѣрный, добрый сынъ! Такой же смертью
 Палъ доблестный мой братъ за господина,
 Присягѣ вѣрный. Радостно ихъ будетъ
 За гранью жизни свѣтлое свиданье,
 И велика награда... *(Рыдаетъ)* Мнѣ простите,
 Не въ силахъ больше сдерживать я слезъ...
(Плачетъ; всѣ рыдаютъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

КВАНЪ-ШУСАИ входятъ; вскорѣ за нимъ его мать. Превжніе.

ШУСАИ.

Ужель изъ-за меня такъ много горя?
 Зачѣмъ же раньше вы мнѣ не сказали,
 Что палачамъ я нуженъ? Никогда
 Не допустилъ бы я, чтобъ за меня
 Кого-нибудь убили! Сколько горя!
 Какой позоръ!

(Плачетъ, закрывшись рукавомъ. Всѣ продолжаютъ рыдать.)
 Матсуо идетъ къ двери и подаетъ знакъ наружу. Потомъ возвращается.

Матсуо.

Мой юный господинъ!
 Я къ вамъ пришелъ съ подаркомъ драгоценнымъ:
 Взгляните!
(Показываетъ на дверь. Вносятъ закрытый паланкинъ, изъ котораго выходитъ мать Шусай).

ШУСАИ.

Мама! Дорогая мама!

МАТЬ ШУСАИ.

Мой сынъ! Мой сынъ!

ГЕНСО—*(послѣ паузы, радостно
изумленный)*.

Что вижу я? Глазамъ
Своимъ не вѣрю. Госпожа моя,
Вы-ль это? О, какое счастье! Всюду
Мы васъ давно искали, но найти
Васъ не могли. Казалось, навсегда
Исчезли вы. О, гдѣ же, гдѣ вы были?

МАТСУО.

Я расскажу вамъ все въ словахъ немногихъ.
Когда тиранъ жестокой истребленьемъ
Сталъ дому Сугавары угрожать,
Я тайно въ Сагу госпожу отправилъ.
Когда же сталъ пріютъ врагамъ извѣстенъ,
Я въ одѣяньи нищаго монаха
Пробрался самъ туда и госпожу
Сюда привезъ. Но здѣсь ей оставаться
Нельзя. Поэтому къ отъѣзду, Генсо,
Скорѣ приготовьтесь: послѣшимъ
Границу перейти. Въ странѣ Каваша
Насъ встрѣтитъ дочь высокой госпожи,
Которая въ тревогѣ ждетъ и брата,
И мать. Такъ соберитесь: промедленье
Малѣйшее намъ гибелью грозитъ!

А мы, жена, послѣдній долгъ прощальный
Родительскій ребенку отдадимъ:
Свершимъ обрядъ надъ тѣломъ погребальный
И жертвоприношенья совершимъ!

*(Тонами приноситъ завернутый въ саванъ трупъ. МАТСУО
и ШЮ снимаютъ верхнее платье, подъ которымъ оказывается
бѣлое траурное одѣяніе).*

ГЕНСО.

Матсуо, вѣтъ! Мы быть должны безъ сердца,

Чтобъ вамъ однимъ, родителямъ, согбеннымъ
 Подъ тяжестью неслыханнаго горя,
 Заботы объ усопшемъ предоставить!
 Жена и я...

МАТСУО.

Позвольте, Генсо, мнѣ
 Все сдѣлать до конца. (*Значительно*). Я хороню
 Теперь не сына своего, а князя!..
 (*Беретъ трутъ и уноситъ его. Остальные съ громкими
 рыданіями слѣдуютъ за нимъ.*)

ЗАНАВѢСЪ.

П. МЕЖЕРИЧЕРЪ.

ГАБРИЕЛЬ ТАРДЪ

и

ЕГО СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ СИСТЕМА

Въ маѣ 1904 года умеръ въ Парижѣ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ мыслителей нашего времени, талантливый новаторъ въ области социологiи—Габриель Тардъ. Смерть его прошла у насъ почти незамѣченной, несмотря на то, что важнѣйшія его сочиненія переведены на русскій языкъ, и можно было бы думать, что большая часть его идей должна представлять особый интересъ и особое значеніе также и для нашей публики. Основной его задачей было доказательство значенія личности въ созиданіи общественныхъ формъ и общественнаго прогресса, а его основной антипатіей была та сторона ученій нѣкоторыхъ социологовъ, которая отрицала это значеніе, считая прогрессъ автоматическимъ процессомъ, независимымъ отъ мысли и воли человѣка. Эти же идеи и антипатіи лежали въ основѣ нашей „субъективной социологiи“, которая пользовалась у насъ популярностью не безъ причины. Эта популярность коренилась въ глубокой потребности общества сбросить съ себя историческія путы русской инертности, которая всегда заставляла насъ ожидать всякихъ благъ откуда угодно, но только не отъ усилій *личной* и общественной дѣятельности. Субъективная социологiя стремилась пробудить въ русскомъ человѣкѣ вѣру въ личныя усилія и энергію. И вотъ, казалось, что намъ долженъ быть дорогъ Тардъ, работавшій для той же задачи. Въ широкой публикѣ онъ былъ извѣстенъ преимущественно, если не исключительно, какъ авторъ

теоріи подражанія и психологіи толпы, а между тѣмъ, его важнѣйшія заслуги лежатъ далеко не въ этомъ.

Принимая все это во вниманіе, я думаю, что будетъ весьма не лишнимъ дать читателямъ обзоръ основныхъ и особенно оригинальныхъ идей этого мыслителя.

Начнемъ съ нѣсколькихъ біографическихкихъ и бібліографическихкихъ данныхъ.

Тардъ родился въ 1843 г. и началъ свою общественную карьеру службой по судебному вѣдомству въ небольшомъ городѣ Сарла (Sarlat). Здѣсь, уединенно, путемъ лишь обширнаго и многосторонняго чтенія, онъ настолько изучилъ философію и общественныя науки, что въ 1880 г. выступилъ въ одномъ изъ лучшихъ французскихъ философскихъ журналовъ, „Revue Philosophique“, съ весьма оригинальной статьей: „Вѣрованія и идеи, возможность ихъ измѣренія“. Какъ увидимъ дальше, основная мысль этой статьи, выраженная въ самомъ заглавіи, была впоследствии краеугольнымъ камнемъ всей его системы, со стороны ея притязаній на строго научный методъ.

За этой статьей послѣдовалъ рядъ другихъ, обратившей вниманіе специалистовъ на молодого ученаго. Онъ былъ приглашенъ въ Парижъ на должность директора статистическаго бюро въ министерствѣ юстиціи, а въ концѣ 1899 г. мы видимъ его профессоромъ новой исторіи въ „Collège de France“, послѣ чего, черезъ два года, онъ избранъ членомъ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Капитальнѣйшими изъ его произведеній можно считать: „Законы подражанія“ (Les lois d'imitation), „Соціальныя законы“ (Les lois sociales) и „Соціальную логику“ (La logique sociale); остальные его сочиненія представляются развитіемъ и примѣненіемъ къ различнымъ областямъ науки основныхъ принциповъ, изложенныхъ и обоснованныхъ въ этихъ капитальныхъ работахъ. Всѣ три переведены на русскій языкъ. Последнее изъ нихъ вышло у насъ въ 1901 г., то-есть, черезъ шесть лѣтъ послѣ появленія его во Франціи ¹⁾. За два года до выхода въ свѣтъ „Соціальной логики“, Тардъ напечаталъ работу, вызвавшую подражанія, „La foule criminelle“. Особенно живой интересъ представляетъ его позднѣйшее сочиненіе, вышедшее въ 1901 г., „Толпа и мнѣніе“ (La foule et l'opinion), въ которомъ опредѣляется различіе толпы и ея настроеній отъ того, что извѣстно

¹⁾ Отдѣльныя главы его были изложены мною ранѣе въ русскихъ журналахъ точчасъ по ихъ появленіи въ „Revue Philosophique“, а двѣ главы (8-я о политической экономіи и 9-я—объ искусствѣ) выпущены тогда же отдѣльными брошюрами.

подъ названіемъ общественнаго мнѣнія, и указываетъ благотворительное значеніе этого послѣдняго, когда оно развилось.

Изъ нѣсколькихъ юридическихъ сочиненій Тарда, отличающихся оригинальностью какъ исходныхъ точекъ, такъ и выводовъ, слѣдуетъ упомянуть „Преобразованія права“ (*Les transformations du droit*), имѣющее характеръ не столько юридическій, какъ философско-историческій: трансформации права разсматриваются въ немъ, какъ доказательства односторонности и ошибочности теорій тѣхъ эволюціонистовъ, которые считаютъ эволюцію всѣхъ общественныхъ формъ единымъ прямолинейнымъ процессомъ.

Наконецъ, сочиненіе „Соціальныя законы“ представляетъ гносеологическое и методологическое обоснованіе теорій Тарда. Это сочиненіе вышло у насъ въ двухъ переводахъ, изъ которыхъ послѣдній помѣщенъ въ сборникѣ „Соціальныя этюды“, изданіе Павленкова, куда вошли также: „Толпа и публика“, „Преступность толпы“ и „Трансформация власти“.

Мое изложеніе я поведу не по каждому изъ сочиненій Тарда въ отдѣльности, а по логической связи его важнѣйшихъ основныхъ идей, такъ, чтобы читатель увидѣлъ ихъ общую картину въ ея цѣломъ. Начну съ теоріи подражанія.

I.

Теорія подражанія.

Подражаніе есть связующее начало или цементъ общества. Во-первыхъ, оно связываетъ его съ прошлымъ; вѣдь мы подражаемъ предкамъ, приобретаая съ дѣтства и повторяя ихъ языкъ, понятія, вѣрованія, званія, искусство, мораль, право, религію и т. п. Во-вторыхъ, мы подражаемъ современникамъ или ихъ группамъ, безъ чего не было бы общественнаго „единства“ въ данную эпоху. Наконецъ, въ-третьихъ, подражаніе является важнѣйшимъ факторомъ прогресса, такъ какъ изобрѣтенія или новшества всякаго рода, начиная съ техническихъ и кончая идейными, религіозными и т. п., распространяются, главнымъ образомъ, путемъ подражанія, т.-е. повторенія извѣстнаго дѣйствія или мысли, или образца безчисленнымъ количествомъ лицъ. „Если мы живемъ соціальной жизнью, — говоритъ Тардъ, — то во всемъ, что бы мы ни говорили, что бы мы ни дѣлали и что бы мы ни думали, мы каждый моментъ подражаемъ кому-нибудь“. Исключо-

ченіе составляютъ тѣ рѣдкіе случаи, когда мы вносимъ что-нибудь новое отъ себя. Но и это новое, — какъ мы увидимъ далѣе, — есть всегда лишь комбинація старыхъ образцовъ. „Вы не можете сказать ни одного слова, которое, — хотя оно теперь стало произноситься бессознательно, — не было бы когда-нибудь сознательнымъ и желаемымъ воспроизведеніемъ членораздѣльныхъ звуковъ, имѣвшимъ мѣсто въ глубокой древности. Исполняя какой-нибудь обрядъ вашей религіи, читая молитву, крестясь, вы воспроизводите по традиціи (т.-е. копируете у предковъ) рядъ опредѣленныхъ жестовъ и формулъ. Нельзя отдать никакого приказа — военнаго или гражданскаго, нельзя ничего сдѣлать въ какомъ-нибудь ремеслѣ, чему бы не предшествовало нѣкоторое знаніе или обученіе, а слѣдовательно, что не было бы до извѣстной степени копій съ какой-нибудь существующей модели или образца. Художникъ не можетъ сдѣлать ни одного мазка кистью, поэтъ не напишетъ ни одного стиха, которые не согласовались бы или не соображались съ обычаемъ или просодіей той или другой школы; самая ихъ оригинальность есть только накопленная (аккумулированная) банальность и въ свою очередь стремится сдѣлаться банальностью“.

Послѣдняя фраза опирается на рядъ предшествующихъ доказательствъ того положенія, что даже самое изобрѣтеніе есть въ сущности подражаніе, но оно отличается отъ простаго подражанія тѣмъ, что даетъ прежнимъ изобрѣтеніямъ новыя сочетанія, новыя взаимныя „приспособленія“ (терминъ Тарда, съ которымъ еще встрѣтимся). Новыя изобрѣтенія становятся въ свою очередь центрами, изъ которыхъ, при благоприятныхъ условіяхъ расходятся „лучи подражанія“ въ разныя стороны въ томъ же обществѣ или отъ одного общества къ другому. „Лучами“ называетъ ихъ Тардъ потому, что они имѣютъ большое сходство съ распространеніемъ свѣта или звука отъ одной частички какой-нибудь среды къ другой, — отъ человѣка къ человѣку, отъ группы къ группѣ.

Подобно повторенію волнъ свѣта или звука, представляющихъ точныя копія съ одного начальнаго движенія одной частички вещества другими частичками, новая идея или способъ поведенія, вообще всякое изобрѣтеніе, повторяются отъ человѣка къ человѣку безконечное число разъ. Но это не все сходство между ними. Физическіе процессы волнообразныхъ или вибраціонныхъ движеній, если ихъ распространеніе представить въ видѣ лучей, идущихъ изъ соотвѣтственнаго центра, и если существуетъ нѣсколько центровъ, интерферируютъ, сталкиваются

съ волнами или лучами, идущими изъ другого центра: если волны совпадаютъ своими вершинами, онѣ усиливаютъ другъ друга; если наоборотъ, то онѣ или ослабляютъ, или даже уничтожаютъ другъ друга; наконецъ, сочетаніе двухъ волнъ, напримѣръ, звуковыхъ, можетъ дать новые гармоническіе звуки, тембры и проч. Такая же интерференція происходитъ и съ лучами подражанія, расходящимися отъ изобрѣтеній. Столкновенія „лучей изобрѣтенія“ прежде, чѣмъ стать общественнымъ явленіемъ, должны совершиться въ умѣ одного и того же человѣка: сперва именно здѣсь происходитъ схождение двухъ идей или изобрѣтеній. Результатомъ этого можетъ быть или подавленіе старой идеи, или ея усиленіе и побѣда надъ новой (напримѣръ, когда новая идея не только не вызываетъ согласія, но, наоборотъ, усиливаетъ увѣренность въ старой идеѣ или вызываетъ фанатическую защиту ея). Наконецъ, обѣ идеи могутъ такъ сочетаться, дать такую новую гармонию, такое новое приспособленіе, что мы получаемъ *изобрѣтеніе*. И, смотря по тому, чѣмъ окончился процессъ интерференціи въ отдѣльномъ мозгу, его результатъ выступитъ и въ окружающую общественную среду, продолжая лучи подражанія въ той или иной формѣ. И опять, тѣ умы, въ которые войдетъ тотъ или иной лучъ, переживутъ тотъ же процессъ интерференціи, чтобы передать его результаты далѣе.

Такъ какъ при этомъ каждый умъ становится центромъ лучеиспусканія, то очевидно, что еслибы распространеніе лучей какого-нибудь новаго изобрѣтенія между мозгами не встрѣчало препятствій, то это изобрѣтеніе распространялось бы со скоростью, опредѣляющейся геометрической прогрессіей. Однако такіе случаи чрезвычайно рѣдко встрѣчаются. Для этого общество должно было бы быть однороднымъ или обладать всеобщей потребностью въ данномъ изобрѣтеніи. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ возможна задержка, происходящая, напр., отъ одновременнаго появленія какого-нибудь другого изобрѣтенія, удовлетворяющаго той же потребности и т. п.

Пока схождение или интерференція лучей изобрѣтенія или двухъ желаній, намѣреній, плановъ дѣйствія и т. п. происходитъ въ индивидуальномъ мозгу, она составляетъ фактъ, изучаемый индивидуальной психологіей. Когда же схождение лучей происходитъ между двумя мозгами, то мы имѣемъ фактъ, изучаемый психологіей соціальной. Соответственно этому, и логика будетъ или индивидуальной, или соціальной. Соціальная психологія, какъ и соціальная логика, начинается отдѣляться отъ индивидуальной логики и психологіи въ тотъ моментъ, когда передъ

нами „пара мозговъ“, изъ которыхъ одинъ дѣйствуетъ на другой, а послѣдній воспринимаетъ это дѣйствіе. Такое взаимодействие пары мозговъ есть элементарный фактъ соціальной психологіи. Всѣ остальные формы дальнѣйшаго процесса распространенія лучей подражанія будутъ лишь повтореніями и сложными сочетаніями этого элементарнаго факта, который при дальнѣйшемъ его изслѣдованіи сводится на еще болѣе элементарныя единицы, доступныя уже количественному измѣренію. Здѣсь-то и выступаетъ та мысль Тарда, которую онъ развилъ въ самой первой работѣ — „Вѣрованія и идеи, возможность ихъ измѣренія“. Прогрессъ всѣхъ наукъ состоялъ именно въ постепенномъ приближеніи къ открытію такого элементарнаго факта, повторяющагося правильно во всѣхъ явленіяхъ (тяготѣніе въ астрономіи, клѣточка въ біологіи, вибраціи и волны въ физикѣ), давая наукамъ возможность перейти къ законамъ количественнымъ, вмѣсто качественныхъ, къ законамъ и обобщеніямъ точнымъ ¹⁾, вмѣсто смутныхъ и ошибочныхъ идей, какія отыскивала первобытная мысль, а затѣмъ и метафизика.

Подражаніе въ сущности и есть *повтореніе*, но именно та форма повторенія, которая свойственна только соціальной жизни ²⁾.

¹⁾ Въ русскомъ переводѣ „Соціальныхъ законовъ“, изданномъ Павленковымъ, вералась важная ошибка въ этомъ мѣстѣ. Тамъ говорится: „на мѣсто туманныхъ количественныхъ противоположеній были поставлены качественныя точныя и мѣрные“. Въ подлинникѣ какъ-разъ наоборотъ: „на мѣсто туманныхъ качественныхъ (qualitatives) были поставлены точныя и мѣрные количественныя (quantitatives)“. Впрочемъ, кромѣ этого недосмотра, переводъ очень хорошъ.

²⁾ Когда извѣстный психологъ Баллунъ замѣтилъ, что подражаніе не есть фактъ только соціальный, что оно имѣетъ мѣсто и въ психологической индивидуальной жизни, напримѣръ, въ томъ, что мы повторяемъ, какъ бы подражая себѣ самимъ, извѣстные наши поступки или идеи и чувствованія, образуя изъ нихъ привычки, которая въ свою очередь являются для насъ источниками повторенія или самоподражанія, — Тардъ замѣтилъ на это слѣдующее: онъ ничего не имѣетъ противъ обобщенія соціальнаго факта подражанія съ „повторностью“ въ психологіи и біологіи. Онъ готовъ идти даже дальше и обобщить подражаніе съ „повтореніями“ въ области физическихъ и неорганическихъ явленій, какъ, напримѣръ, повтореніе всѣми планетами движеній по эллипсу, повтореній атомами ээира свѣтовыхъ движеній (свѣтотвныя волны), или частицами воздуха—движеній звуковыхъ волнъ и т. д. Ему, какъ соціологу, важно было изслѣдовать этотъ законъ повторимости въ области соціальныхъ явленій, гдѣ онъ проявляется, какъ *подражаніе*; профессору Баллуну тотъ же законъ былъ интересенъ, какъ психологу, въ области психическихъ и біологическихъ явленій, какъ *привычка, насмѣдственность* и т. п. Другое возраженіе (сдѣланное американскимъ соціологомъ Гиддинсомъ), состоящее въ томъ, что подражаніе выходитъ за предѣлы общества, такъ какъ подражать другъ другу могутъ два общества, враждующія другъ съ другомъ, и даже во вредъ одно другому (перенимая, напримѣръ, военныя изобрѣтенія, приемы и хитрости), по мнѣнію Тарда, не есть возвра-

Именно оно-то, а не національность, не религія, не языкъ являются цементомъ, связующимъ общества, такъ какъ мы видимъ нерѣдко, что государство объединено, несмотря на то, что входящіе въ него члены различны и по національности, и по языку, и по религіямъ; не менѣе ошибочны теоріи, видящія въ обществѣ продуктъ договора, услуги или, наоборотъ, принужденія: мы видимъ общеніе между людьми безъ договора, видимъ общественныя группы, не только не оказывающія услугъ другъ другу, но и вредящія другъ другу (конкуренты); наконецъ, множество отношеній между членами общества держится не на принужденіи, не на отношеніи подчиненнаго къ начальнику или хозяина къ работнику, или педагога, дѣйствующаго принужденіемъ, къ ученику, подчиняющемуся ради страха. Многіе соціологи отрицаютъ за личнымъ починомъ всякую творческую роль въ учрежденіяхъ и общественныхъ дѣлахъ, объясняя единство идей, вѣрованій, обычаевъ и права въ обществѣ принудительнымъ дѣйствіемъ коллективнаго цѣлаго на индивидуумъ. Но авторы такихъ теорій не объясняютъ того, *какъ же образовалась сама эта коллективная сила*, то-есть, коллективное единство требованій и принужденій, — какъ создалась эта общая ассимиляція? „Отвѣтить на этотъ вопросъ, — говоритъ Тардь, — можно, только доведя анализъ до того пункта, до котораго довелъ его я, — до отношеній между двумя умами, до отраженія однимъ изъ нихъ другого. Только на этой почвѣ можно будетъ объяснить себѣ это общеніе умовъ, эти частныя единогласія, эти заговоры сердець, которые, разъ создавшись и установившись, черезъ традицію и подражаніе предкамъ, оказываютъ уже *затѣмъ* столь часто тиранническое, но еще чаще спасительное вліяніе на индивидуумъ“. „Ребенокъ, — говорятъ онъ (въ примѣчаніи къ этому отрывку), — который всегда обращается къ другимъ лицамъ, какъ цвѣтокъ къ солнцу, — испытываетъ на себѣ *притягательную силу* родной среды гораздо больше, чѣмъ *принужденіе*“.

И вотъ, именно „это отношеніе и долженъ изучать соціологъ, какъ астрономъ изучаетъ зависимость между двумя массами, притягивающими и притягиваемыми. Здѣсь онъ долженъ искать формулъ нѣсколькихъ простыхъ законовъ, вѣрныхъ всегда и

женіе. Самъ Гиддинсъ въ другомъ мѣстѣ говорилъ, что военныя заимствованія націй другъ у друга ведутъ въ грядущемъ къ невозможности войны, а потому являются факторами возрастающаго *обобществленія самихъ націй*, ихъ единенія и сочетанія въ болѣе крупныя общественныя союзы. Значить, и въ этомъ случаѣ подражаніе является факторомъ социальнымъ.

вездѣ, и подмѣчаемыхъ вами въ кажущемся хаосѣ исторiи въ человѣческой жизни“.

„Эта концепція,—поясняетъ Тардъ,—въ общемъ почти совершенно противоположна концепціи прямолинейныхъ эволюціонистовъ: они объясняютъ малое большимъ, подробности общимъ, видя въ прогрессѣ что-то въ родѣ *принужденія со стороны „закона эволюціи“*, благодаря которому явленія общаго должны воспроизводиться и повторяться извѣстнымъ образомъ, въ извѣстномъ порядкѣ. Я же объясняю *общее* и массовое совокупностью *мелкихъ* элементарныхъ дѣйствій“.

Мы видѣли, что элементарнымъ фактомъ соціальной жизни Тардъ считаетъ вліяніе двухъ мозговъ другъ на друга. Но анализъ идетъ дальше: это вліяніе, какъ и *вся психическая жизнь индивидуума, опредѣляется двумя общими для всѣхъ „элементарными психическими силами“*: „желаніемъ“ и „увѣренностью“ (или „вѣрой“). Напримѣръ, именно увѣренность и желаніе даютъ возможность свести всѣ явленія общества на измѣримыя количественно единицы: такъ, статистика рыночныхъ цѣнъ, биржевыхъ повышеній и пониженій, статистика браковъ, рожденій, преступленій и т. д. возможны только потому, что подъ всѣми этими явленіями, столь разнообразными, лежитъ нѣчто единое, однородное (вѣдь сумма можетъ быть составлена только изъ однородныхъ величинъ или единицъ). И вотъ, напримѣръ, статистика браковъ указываетъ намъ на *сумму желаній* въ обществѣ даннаго времени избрать извѣстный образъ жизни и *сумму увѣренности* въ добрыхъ его результатахъ; статистика биржи или рыночныхъ цѣнъ показываетъ на *сумму желаній* (потребностей) общества въ различнаго рода предметахъ и цѣнностяхъ и *сумму довѣрія* въ нимъ; статистика преступленій говоритъ намъ о *суммѣ желаній*, осуществляемыхъ преступленіемъ, и о *степени открытости* народа въ возможность удовлетворить этимъ желаніямъ законнымъ путемъ и т. д.

Но кромѣ этого общаго элемента, открываемаго статистикой, она намъ открываетъ и другое: *одновременное присутствіе во многихъ умахъ и воляхъ однихъ и тѣхъ же увѣренностей и одинаковыхъ желаній*. Какъ объяснить эту согласованность воли и умовъ? О принужденіи тутъ не можетъ быть рѣчи. Коллективное принужденіе ничего не объясняетъ, какъ мы уже видѣли, потому что само требуетъ объясненія своего единства. Быть можетъ, объясненія нужно искать въ географическихъ условіяхъ и наслѣдственности? Но и эти условія, и наслѣдственность могутъ закладывать въ насъ только *общія побужденія*, т.-е. воз-

возможности. Самое же осуществленіе возможностей способно быть бесконечно разнообразнымъ. Что же сводить эти возможности къ одной опредѣленной точкѣ? Въ первобытномъ обществѣ это былъ примѣръ или указаніе перваго инициатора; въ наше время— примѣры или увѣзанія, идущія или отъ современниковъ, или отъ этихъ забытыхъ первыхъ инициаторовъ. Ребенокъ начинаетъ говорить и дѣйствовать такъ, какъ говорятъ и дѣйствуютъ его близкіе— „онъ“ или „она“; „онъ“ и „она“ сами начинали съ того же. Позднѣе это „онъ“ или „она“ переходитъ въ „они“ или „другіе“, но это тоже— „онъ“ и „она“, только усложненные и перепутанные, суммированные и потому смутные. Что такое, на примѣръ, общественное мнѣніе, играющее такую важную роль въ нашемъ поведеніи, какъ не такое суммированное и смутное сплетеніе безчисленныхъ „онъ“ и „она“, которымъ мы стремимся подражать потому, что „вѣримъ“ въ цѣлесообразность всего, исходящаго отъ „многихъ“, или отъ „высшихъ слоевъ“, или потому, что „желаемъ“ избѣжать косыхъ взглядовъ и улыбокъ, или, наконецъ, просто потому, что „привыкли“ поступать, какъ всѣ, то-есть, повторять, воспроизводить то, что дѣлаютъ или думаютъ другіе, большинство или меньшинство. Подражаніе можетъ имѣть два вида или характера: *логическій*, когда оно вытекаетъ изъ внутренней потребности. Если же оно не имѣетъ отношенія къ потребности внутренней, то его слѣдуетъ называть *экстра-логическимъ* (внѣ-логическимъ). Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно не лишено известной логичности, известной связи съ какой-нибудь потребностью: напр., когда члены низшей касты или сословія усваиваютъ себѣ какія-нибудь формы жизни отъ высшихъ, когда рабъ подражаетъ господину и т. н., мотивомъ являются соображенія, опирающіяся на увѣренность, что все, исходящее отъ высшихъ классовъ, должно обладать особымъ достоинствомъ и цѣнностью.

Вотъ почему *соціологія не только невозможна безъ психологіи, но до известной степени она есть, въ сущности, только социальная психологія*. Уже Джонъ Стюартъ Милль, въ концѣ своей „Логикѣ“, рассматривалъ соціологію, какъ прикладную психологію; по этому поводу Тардъ замѣчаетъ: „Къ сожалѣнію, психологія, къ которой онъ обращался, чтобы получить ключъ къ пониманію социальныхъ явленій, есть чисто индивидуальная психологія, которая изучаетъ внутреннія состоянія впечатлѣній и образовъ, имѣющія мѣсто въ одномъ и томъ же мозгу, и которая считаетъ возможнымъ все объяснить въ этой области законами ассоціацій этихъ внутреннихъ элементовъ... Между тѣмъ, искать элементарнаго

соціального факта нужно нѣкимъ образомъ не въ той психологіи, которая заключается въ предѣлахъ одного мозга (интра-церебральная или внутри-мозговая психологія), но прежде всего въ психологіи, основанной на отношеніи нѣсколькихъ умовъ (интеръ-церебральной или междумозговой), изучающей сознательныя отношенія нѣсколькихъ умовъ и прежде всего двухъ". Изобрѣтя этотъ новый терминъ, Тардъ доказываетъ неудобства прежняго („соціальная психологія“). Этотъ послѣдній какъ бы предполагаетъ существованіе въ обществѣ *особаго мозга или сознанія* и связанъ съ теоріей „общества-организма“, которую Тардъ считаетъ однимъ изъ тѣхъ обобщеній, какими наука въ своемъ неразвитомъ состояніи стремилась не въ одной соціологіи, но и во всѣхъ областяхъ знанія открыть повторяемость (то-есть, законы) явленій, прибѣгая къ поверхностнымъ аналогіямъ и даже аллегоріямъ. Показавъ, что общество не имѣетъ существенныхъ элементовъ, которые позволили бы установить аналогію между нимъ и организмомъ, Тардъ устанавливаетъ новую аналогію, которую считаетъ единственно правильной и плодотворной для дальнѣйшихъ изслѣдованій: *аналогію между обществомъ и головнымъ мозгомъ*. Именно вторая глава „Соціальной логики“ и начинается съ установленія этой аналогіи. Мы видѣли, что въ индивидуальномъ мозгу, путемъ сочетаній и столкновенія идей, впечатлѣній, ощущеній и желаній, происходятъ процессы, которые изучаются индивидуальной психологіей и составляютъ ея предметъ. Этотъ процессъ сводится большинствомъ психо-физиологовъ на взаимодействіе мозговыхъ клѣточекъ, которое распадается на два отдѣла—познавательный или умственный и волевой. Элементарными психологическими единицами перваго отдѣла являются единицы „увѣренности“ или „вѣры“, понимаемой Тардомъ своеобразно: тутъ дѣло идетъ не о религіозной вѣрѣ, а объ увѣренности въ какомъ-нибудь положеніи, въ какомъ-нибудь сужденіи, которое мы составляемъ или принимаемъ. Различныя впечатлѣнія, получаемыя нами, какъ и различныя выводы, которые мы дѣлаемъ изъ нихъ, сопровождаются большей или меньшей нашей увѣренностью („вѣрой“) въ нихъ.

Насколько въ теоретической или умственной области нашей психики играетъ роль эта „вѣра“, настолько въ волевой области играетъ роль „желаніе“, составляющее элементарный фактъ или единицу этой послѣдней. Подъ желаніемъ тутъ понимается энергія, проявляемая нами въ какихъ-нибудь психическихъ стремленіяхъ или даже чисто умственныхъ „авансіяхъ“, а подъ „вѣ-

рой“ — энергія умственнаго возбужденія, воспріятія, соподчиненія воспріятій другъ другу, энергія ихъ координаціи и т. п. Съ точки зрѣнія современной „энергетики“ (примѣненія научной теоріи энергіи къ психической дѣятельности) это есть „два вида одной и той же психической энергіи, появляющіеся подъ различной окраской. Они образуютъ въ мозгу непрерывный потокъ, омывающій два склона нашей психической жизни — умственный и волевой“. Иногда этотъ потокъ раздѣляется или разбрасывается, иногда сосредоточивается. Онъ передается въ индивидуальномъ мозгу отъ одного впечатлѣнія другому, отъ одной кѣтки другой. Изъ единицъ вѣрованія слагаются „силлогизмы логическіе“, въ которыхъ степень увѣренности въ главной послылкѣ или общемъ утвержденіи передается второй послылкѣ или частному случаю, откуда слѣдуетъ и соответствующій выводъ. Желаніе же создаетъ силлогизмы „телеологическіе“, гдѣ главной или большой послылкой является сознаваемое или бессознательное и подразумеваемое желаніе или цѣль, а остальные части силлогизма образуются изъ *средствъ*, служащихъ къ достиженію этой цѣли или желанія. Такъ, я желаю быть здоровымъ; для этого представляется нѣсколько средствъ, напр., отправиться къ врачу (къ которому-нибудь изъ нѣсколькихъ извѣстныхъ мнѣ врачей), или вести гигиенической образъ жизни, и т. п. Очевидно, что выборъ между средствами будетъ зависетьъ отъ количества вѣры, какою я придаю тому или иному средству, тому или иному врачу и т. д.

Такова въ главныхъ чертахъ индивидуальная работа мозга и ея „единицы энергіи“, т.-е. вѣры и желанія. Но потокъ, слагающійся изъ этихъ энергіи, выступаетъ за предѣлы индивидуальнаго мозга. То, что въ индивидуальномъ мозгу происходило между кѣточками мозга, между его впечатлѣніями, то повторяется теперь между кѣточками общества, образуя интеръ-мозговую психологию и логику. Въ этой послѣдней работаютъ тѣ же единицы энергіи — желаніе и вѣра, сталкиваясь, интерферируя, борясь, побѣждая, сливаясь, усиливая или уничтожая другъ друга. Аналогія общества съ мозгомъ даетъ социологіи только нѣкоторое руководящее начало, но затѣмъ процессы интеръ-церебральной психологіи (и логики) изучаются на общественныхъ явленіяхъ, конечно, независимо отъ индивидуальной психологіи, такъ какъ именно въ общественныхъ явленіяхъ мы имѣемъ процессы между элементами общества болѣе извѣстные намъ *въ опытѣ*, чѣмъ процессы между кѣтками мозга, представляющіе только *гипотезы*. Если эти гипотезы помогаютъ

намъ разобратся въ сложныхъ явленіяхъ социологін, то, наоборотъ, общественная психологія можетъ служить дѣйствительно эмпирическимъ подтвержденіемъ нѣкоторыхъ гипотезъ индивидуальной психологін. Мы, напримѣръ, наглядно видимъ, что путемъ подражанія (повторенія) сохраняются въ обществѣ идеи, образцы поведенія, обычаи, нравы, приемы мышленія и т. п. Мы видимъ, что они могутъ составить такіа прочныя привычки, съ которыми впоследствии трудно бороться. Но не видимъ ли мы въ этихъ фактахъ того, что въ индивидуальной психологін извѣстно подъ именемъ памяти? И не получаетъ ли такимъ образомъ память самаго яснаго и нагляднаго объясненія въ социальныхъ явленіяхъ повторенія или подражанія? Точно также сочетанія и столкновенія между ощущеніями, образами и идеями въ индивидуальномъ мозгу, объясняемыя гипотетически взаимодѣйствіемъ вѣточекъ мозга, не получаютъ ли нагляднаго подтвержденія въ столкновеніяхъ и взаимодѣйствіяхъ идей и желаній разныхъ индивидуумовъ въ обществѣ? Итакъ, социальная психологія можетъ дать не мало руководящихъ нитей индивидуальной психологін. Психологическое наблюденіе обладаетъ свойствами, не только отличающими его отъ наблюденій физическихъ явленій міра, но и ставящими его выше, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, этихъ послѣднихъ: ощущенія или воспріятія, получаемыя нами отъ существъ подобныхъ намъ, то-есть, чувствующихъ и мыслящихъ, переносятъ насъ во внутреннее состояніе, въ чувства, мысли и желанія этихъ объектовъ, передаваемыя нашему воспріятію ихъ словами, мимикой и пр.

То, что можетъ быть передано отъ одного субъекта другому, не есть ощущеніе, такъ какъ ощущенія у людей не тождественны: напр., дальтонику нельзя передать ощущенія краснаго цвѣта. Въ ощущеніяхъ нѣтъ той единой общей сущности, которая могла бы сообщаться. Передаются и сообщаются *понятія, желанія, сужденія и намѣренія*, благодаря чему люди и могутъ чувствовать себя болѣе подобными другъ другу и едиными.

Закончивъ эту главу вышеприведенной мыслью Тарда, что подражаніе аналогично социальной памяти, перейдемъ къ гносеологическому и методологическому обоснованію имъ своей системы въ „Соціальныхъ законахъ“.

III.

Оригинальный методъ.

Тардъ, какъ уже было упомянуто выше, старается здѣсь доказать, что всѣ положительныя науки шли тѣмъ самымъ путемъ и пришли къ тѣмъ самымъ основнымъ результатамъ, которые намѣчаются и въ социологiи, построенной по его плану. Для доказательства этого положенiя онъ даетъ краткую и своеобразную исторiю наукъ, съ которой необходимо ознакомиться, хотя бы въ самомъ сжатомъ видѣ.

Прежде всего онъ старается доказать, что развитiе знанiй шло путемъ диаметрально противоположнымъ развитiю мiра во всѣхъ его областяхъ (тому развитiю, которое предполагается современной наукой и ея гипотезами). Наука была какъ бы „обращеннымъ зеркаломъ“ действительности. Въ этой послѣдней повсюду началось съ образованiя простѣйшихъ элементовъ, которые затѣмъ своими сочетанiями и усложненiями образовывали сложныя тѣла и формы: началось съ атомовъ, молекулъ, протоплазмы, клѣтокъ, простѣйшихъ организмовъ и пр., въ области неорганическихъ и биологическихъ эволюцiй, а въ области социологической, — съ безсвязнаго сочетанiя индивидуумовъ. Все это хаотическое состоянiе элементовъ мало-по-малу организовалось, координировалось въ физическiя и астрономическiя сложныя тѣла, въ системы, въ живые организмы, въ колонiи и общества и т. д. Наука же, наоборотъ, начала съ обширныхъ массъ и обобщенiй, лишь мало-по-малу переходя къ открытiю болѣе частныхъ обобщенiй или законовъ, пока черезъ тысячи ошибочныхъ попытокъ не пришла къ открытiю безконечно малыхъ, безчисленныхъ элементовъ, которыми и объяснила уже правильно и точно массовыя и огромныя явленiя.

Въ этомъ многовѣковомъ процессѣ она сперва, отдѣльно въ каждой области явленiй, искала ихъ сходства, — т.-е. того, позволяло ихъ обобщать (и въ то же время различать). Иными чѣмъ словами, она искала того, чѣмъ въ нихъ повторялось. Такимъ образомъ создались первыя „понятiя“ первобытнаго человѣка, а новднѣе открытiя повторенiй дали „законы“, ибо чѣмъ такое законъ науки, какъ не признанiе того, что данное явленiе или нѣсколько явленiй будутъ повторяться безконечно при извѣстныхъ условiяхъ, въ извѣстной послѣдовательности или связи?

Но повтореніе указываетъ только на самую элементарную причину явленій, на простое воспроизведеніе его въ безконечномъ числѣ копій или вариантовъ (воспроизведеніе колебаній и волнь, или—предка потомкомъ, или жизненнаго цикла Ивана или Петра милліонами другихъ Ивановъ или Семеновъ). Но наука важно было узнать и причины развитія, вообще измѣненій вперёдъ или назадъ, смерти и уничтоженія, роста и совершенствованія, борьбы и ея результатовъ, гибельныхъ или полезныхъ. И вотъ, представилась вторая сторона явленій—ихъ дисгармонія, столкновенія, однимъ словомъ—противоположенія. Уже результатомъ изслѣдованія противоположеній явились правильныя открытія въ области третьей задачи науки, а именно открытія *гармоній, синтезовъ, примиреній*, однимъ словомъ, въ области взаимнаго приспособленія явленій. Эта третья задача могла уже разрѣшить вопросы о созиданіи новаго, о творческихъ процессахъ природы (о развитіи или эволюціи явленій). Разсмотримъ это ближе.

IV.

Повторность явленій.

Начнемъ съ астрономіи. Сперва подмѣтили періодичность движеній солнца, луны, звѣздъ, и приписали эту „повторность“ движенію всего небеснаго свода. Но рядомъ съ этимъ обобщеніемъ, охватившимъ сразу все, началось открытіе „различій“ въ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ, которое повело къ открытію новыхъ повторностей не столь всеобъемлющихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и новыхъ различій между ними: выдѣлили движенія солнца отъ движеній луны и неподвижныхъ звѣздъ, а эти послѣднія отличили отъ планетъ, затѣмъ открыли сходство между самимъ солнцемъ и неподвижными звѣздами, а рядомъ съ этимъ и различія въ этихъ послѣднихъ. Замѣтили сходство орбитъ, направленія движеній, хотя находили тутъ же и различія (напримѣръ, у кометъ); затѣмъ, мало-по-малу открывали, что и нѣкоторыя изъ этихъ различій входятъ въ общее правило. И такъ шло дѣло до закона Ньютона, который показалъ, что, несмотря на безконечное различіе свѣтилъ, всѣ ихъ движенія опредѣляются повторяемостью одного и того же факта: тяготѣнія пропорціональнаго массамъ и обратно-пропорціональнаго квадратамъ растояній. Спектральный анализъ привелъ къ выводу, что и въ химическомъ отношеніи небесныя тѣла повторяютъ другъ

друга, а установившаяся еще раньше гипотеза образования мировъ изъ туманностей заставляла предположить повторенія и въ самомъ образованіи свѣтилъ и ихъ системъ; когда же въ физикѣ явилась гипотеза, сводящая всѣ физическія силы (а въ томъ числѣ и тяготѣніе) на удары, толчки или вибраціи атомовъ, повторяющіеся безконечно и регулярно, то процессъ развитія науки пришелъ къ своему завершенію, совершивъ путь отъ обширныхъ повторностей къ безконечно малымъ, отъ немногихъ къ безконечно безчисленнымъ. Этому заключительному процессу соотвѣтствовали и въ математикѣ открытія Лейбница и Ньютона, выдвинувшія впередъ „безконечно-малое“. Итакъ, „астрономія, начавъ съ небольшого числа гигантскихъ и видимыхъ повтореній, перешла къ безчисленному множеству малыхъ, дѣйствительныхъ и элементарныхъ подобій и повтореній, которыя дали объясненіе первымъ“.

Тѣмъ же процессомъ шла наука о живыхъ существахъ, биологія: сперва были замѣчены обширныя массовыя подобія и различія (отдѣленіе растений отъ животныхъ, затѣмъ типы въ области растительной и животной). Но эти подобія и различія часто были иллюзіями, такъ какъ основывались на внѣшнихъ, поверхностныхъ признакахъ: напр., уподобляли растения чуждыхъ другъ другу видовъ, находя смутное сходство въ листвѣ и наружномъ видѣ. И, наоборотъ, видѣли пропасть между растеніями одного семейства, найдя несходства въ очертаніяхъ или ростѣ и т. п. Ботаника сдѣлала большой шагъ впередъ, когда узнали, что во внѣшнихъ признакахъ есть извѣстная соподчиненность, что наиболѣе важныя,—то-есть, наиболѣе повторяющіеся,—признаки, сопровождаемые цѣлымъ рядомъ другихъ подобій, не только не бросаются въ глаза, а наоборотъ, наиболѣе скрыты, мелки, утончены (напримѣръ, сѣмянодоли, ихъ число и т. д.). Биологія кончила, затѣмъ, объединеніемъ міра растительнаго и животнаго, но это стало возможнымъ тогда, когда „клеточная“ (целлюлярная) теорія доказала, что безконечно повторяющійся элементъ, какъ у животныхъ, такъ и у растений, есть клеточка, и что элементарное жизненное явленіе состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ безконечномъ повтореніи каждою клеточкой процессовъ питанія, дѣятельности, роста, размноженія, причемъ все это унаслѣдовано клеткой, и она только вѣрно передаетъ потомству (т.-е. повторяетъ) то, что сама унаслѣдовала, какъ традицію. Эта сообразованность съ предыдущими формами, называемая то привычкою, то наслѣдственностью, есть биологическая (жизненная) форма „повторяемости“, какъ волнообразное дви-

женіе (или вообще періодическое движеніе, напримѣръ, эллиптическое) есть физическая форма повторяемости, а наше человеческое „подражаніе“ есть социальная ея форма.

Итакъ, въ биологій процессъ ея развитія приближается къ завершенію опять-таки въ тотъ моментъ, когда обширныя и смутныя, немногія подобія, по большей части мнимыя, замѣняются безчисленнымъ множествомъ безконечно малыхъ и очень точныхъ подобій, которыя одни только даютъ смыслъ первымъ. А въ то же время идетъ и раскрытіе истинныхъ различій совершенно тѣмъ же путемъ: такъ, напр., по внѣшности есть ли что-нибудь болѣе подобное, какъ два зародыша или два яичка, а на самомъ дѣлѣ можно ли найти что-нибудь болѣе различное по содержанію? Когда теоріи Ламарка и Дарвина блестящимъ образомъ объяснили происхожденіе, развитіе и родство видовъ животнаго и растительнаго царствъ, то все же ключъ къ этому объясненію лежалъ, въ концѣ концовъ, въ свойствахъ зародыша или яйца, такъ какъ послѣднее носило въ себѣ различія и вообще свойства, передающіяся наследственно и подбирающіяся. Самое разнообразіе свойствъ, надъ которыми долженъ орудовать подборъ, есть оригинальность, нѣкоторая особенность (такъ сказать, „изобрѣтательность“) первоначальнаго зародыша или яичка, даващаго начало новой разновидности или виду.

И тотъ же процессъ развитія въ открытіи повторяемости явленій (отъ общихъ, грубыхъ, невѣрныхъ и мнимыхъ, къ безконечно малымъ, точнымъ и безчисленнымъ) пережила социологія. Ощупью дѣлается одно изъ первыхъ обобщеній о циклическомъ періодѣ, который, по мнѣнію Платона, повторяетъ черезъ извѣстные промежутки времени всѣ событія социальнаго и естественнаго міра въ прежнемъ порядкѣ. Аристотель подмѣчаетъ уже менѣе химерическія повторенія въ нѣкоторыхъ деталяхъ, иногда вѣрныя, но всегда неясныя и не подлежащія проверкѣ: такова его идея о послѣдовательности формъ правленія. Вико возвращается, хотя и съ меньшей фантастичностью, къ древнимъ цикламъ (ciclosi), а Монтескьё говоритъ о сходствѣ цивилизацій, возникающихъ при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ; Шатобрианъ проводитъ пространную параллель между революціями французской и англійской, основанную, — какъ и обобщеніе Монтескьё, — на самыхъ поверхностныхъ и натянутыхъ сближеніяхъ. Другіе строили бесплодныя аналогія, напримѣръ, находятъ сходства между „геніемъ“ пуническимъ и „геніемъ“ англійскимъ, между Англійей и Римомъ. Дальнѣйшій образчикъ такихъ массовыхъ обобщеній мы видимъ въ знаменитой триадѣ Гегеля и, на-

конецъ, въ теоріяхъ новѣйшихъ эволюціонистовъ-спенсеріанцевъ. Эти послѣдніе, — говоритъ Тардъ, — имѣли смѣлость дать общіе законы для образованія и преобразованій правовыхъ отношеній, семьи и собственности, языковъ, религій и торговли, изящныхъ искусствъ и пр., законы, приговаривающіе общества вѣчно брести, въ своемъ поступательномъ движеніи, по однимъ и тѣмъ же тропинкамъ „послѣдовательныхъ стадій“, предначертанныхъ совершенно произвольно и различныхъ для каждой теоріи. Въ частности, у Спенсера весь міръ сложился изъ постепеннаго разростанія *различій* (дифференціацій) элементовъ сперва простыхъ и *однородныхъ*; увеличеніе различій или разнородности сопровождалось соподчиненностью (интеграціей). Самое же возникновеніе различій, по Спенсеру, произошло отъ того, что, несмотря на почти абсолютную однородность первичныхъ элементовъ, они все же не были абсолютно однородны и, кромѣ того, самое мѣсто, которое занималъ каждый изъ нихъ въ цѣломъ агрегатѣ, было не одинаково (одни лежали на поверхности, другіе въ центрѣ или глубинѣ агрегата). Въ результатѣ должно было получиться то, что силы, дѣйствовавшія извнѣ на агрегатъ, не могли, конечно, дѣйствовать абсолютно одинаково на всѣ его элементы: самое различіе разстояній, различіе положенія элемента внутри или снаружи должны были измѣнять дѣйствіе одной и той же силы. Въ результатѣ должны были появиться образованія различій между элементами, которыя все возрастали благодаря той же причинѣ и т. д.

Тардъ возражаетъ именно противъ этого нунета теоріи Спенсера. Онъ доказываетъ, что внѣшнія силы, хотя и могли иначе группировать элементы первичные тѣмъ способомъ, какой указанъ Спенсеромъ, однако одного этого недостаточно, чтобы образовались не одни количественныя различія, но и качественные: какую новую группировку ни придавайте однородному веществу (напримѣръ, водороду, кислороду, кучѣ пуль или ядеръ и т. п.), получатся только количественныя различія, но не качественные. Для полученія различій качественныхъ необходимо, чтобы соединяемые элементы были болѣе или менѣе разнородны: такъ, химическіе элементы, чтобы дать вещество, обладающее новыми свойствами, т. е., отличающимися отъ свойствъ этихъ элементовъ, должны быть различны (кислородъ и водородъ). Цѣлымъ рядомъ подобныхъ соображеній Тардъ приходитъ къ гипотезѣ, состоящей въ томъ, что элементы, составлявшіе *первичныя массы*, должны были обладать *разнородностью*, какъ бы известной ин-

дифференциальностью изначала ¹⁾, а тѣ однообразія, какія мы замѣчаемъ въ природѣ и обществѣ теперь, явились сами результатомъ соподчиненія, кооперированія, сотрудничества этихъ разнородныхъ элементовъ, такъ сказать, сгладившихъ ихъ индивидуальныя особенности, приспособившихъ ихъ другъ къ другу, подобно камнямъ на днѣ моря. Тардъ выражаетъ эту мысль въ заключительной главѣ „Соціальныхъ законовъ“ такъ: „Является непонятнымъ, какимъ образомъ, при гипотезѣ однородности вещества, которое отъ вѣчности подчинено нивелирующей и координирующей дисциплинѣ законовъ, открываемыхъ наукой, могла бы существовать такая вселенная, какъ наша, съ поразительнымъ разнообразіемъ ея явленій, происшедшихъ спонтанно и непредназначенно. Чтѣ можетъ зародиться изъ совершенно подобныхъ и совершенно урегулированныхъ началъ, кромѣ міра вѣчно и необъятно безразличнаго (plat)²⁾. Моя теорія представляетъ вселенную какъ осуществленіе множества элементарныхъ виртуальностей, изъ которыхъ каждая своеобразна и стремится отстоять свою своеобразность или особенность. Значитъ, каждая несетъ въ себѣ свою особую вселенную въ возможности (какъ бы въ проектѣ). Безконечно огромное число этихъ „проектовъ“ не развивается, а теряется. И именно между этими конкурирующими „мечтами“, между соперничающими „программами“ (міра) завязывается великая борьба за жизнь, борьба гораздо большая, чѣмъ между живыми существами,—борьба, устраняющая менѣе приспособленныхъ. Такимъ образомъ, подпочва міра явленій и его чудеса такъ же богата различіями, какъ и внѣшній верхній слой реальностей, но только различія эти совсѣмъ иного рода“ ²⁾.

¹⁾ Я не нашелъ въ сочиненіяхъ Тарда ни одной ссылки на знаменитое сочиненіе Альфреда Уоллеса „Естественный подборъ“. Этотъ гениальный биологъ, создавшій, одновременно съ Дарвиномъ и независимо отъ него, совершенно одинаковую теорію эволюціи, начинаетъ свою книгу именно съ доказательства, что для естественнаго подбора полезныхъ качествъ было необходимо безконечное разнообразіе первичныхъ элементовъ, то-есть, присутствіе у нихъ самыхъ различныхъ свойствъ: подбирались затѣмъ свойства нужныя для данной среды, а остальные отцвѣтали, не успѣвши расцвѣсть. Далѣе онъ доказываетъ, что иначе и не могло быть по самому свойству вещества, которое естественно,—благодаря игрѣ природныхъ силъ,—даетъ и должно давать безконечное разнообразіе (нѣтъ двухъ капель воды абсолютно подобныхъ, нѣтъ двухъ звѣздочекъ снѣга или морознаго узора на окнѣ, которыя не представляли бы, при ближайшемъ изслѣдованіи, чрезвычайнаго разнообразія).

²⁾ Необходимо добавить, что Тардъ замѣчаетъ тутъ же: „Впрочемъ, эта набросанная мимоходомъ „метафизика“ не имѣетъ большого значенія по отношенію ко

Здѣсь не мѣшаетъ, кстати, сказать нѣсколько словъ объ его общей теоріи прогресса, которую онъ опредѣленно и особенно ярко выяснилъ въ сочиненіи „Les transformations du droit“ и въ предисловіи къ „La logique sociale“. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій онъ доказываетъ, что идея спенсеріанцевъ о постепенномъ механическомъ саморазвитіи социальныхъ формъ въ одномъ и томъ же направленіи не оправдывается фактами ни естественно-научными, ни социально-историческими. Прогрессъ или, говоря его терминомъ, трансформация не представляетъ единства, такъ что было бы вѣрнѣе говорить во множественномъ числѣ: „трансформации“, какъ онъ и озаглавилъ свою книгу. Надо пояснить, что онъ борется въ этомъ сочиненіи не съ самими „ислѣдователями“ исторіи и археологіи права. Наоборотъ, онъ ставитъ высоко работы лингвистовъ, ислѣдователей миеовъ, а также такія работы, какъ Мэна и другихъ, раскрывшихъ намъ прошедшее развитіе права египтянъ, ассиріянъ, семитовъ, германцевъ, славянъ и пр. Не эти ислѣдованія породили скороспѣлую школу съ торопливыми объясненіями, имѣющими только по внѣшности научный характеръ, а именно то, что, къ несчастію,—говоритъ онъ,—исторія и археологія всего менѣе озабочиваютъ послѣдователей Спенсера, работающихъ въ области права: они, примѣняя къ ней какую-нибудь общую формулу эволюціи,—этотъ магическій ключъ отъ всей вселенной,—считаютъ объясненіемъ то, что есть лишь чистое и простое примѣненіе“. Переходя затѣмъ къ злоупотребленію этой школой нѣсколькими мало провѣренными данными относительно дикарей, онъ продолжаетъ: „безъ малѣйшей тѣни доказательствъ,—если не считать доказательствами поверхностныхъ наблюденій,—эволюціонисты добились полнаго довѣрія къ апріорной идеѣ, что примитивное общественное состояніе (или точка отправления предполагаемаго прогресса) одинаково у всѣхъ дикарей. Между тѣмъ, нѣтъ возможности закрывать глаза на глубокія несходства, представляемая теперешними дикарями, даже самыми низшими: словесные корни, грамматическіе обороты ихъ языковъ, ихъ обряды и вѣрованія, зародыши ихъ деспотическаго или патріархальнаго управленія, ихъ мирные или воинственные нравы,—то кроткіе, то кровожадные, то честные, то развращенные,—ихъ музыкальныя мелодіи, зародыши ихъ живописи—различны

всему, что изложено выше (въ книгѣ „Соціальные законы“); я сказалъ объ этой гипотезѣ только въ скобкахъ и замѣчу, что если даже ее отбросить, то болѣе солидныхъ и позитивныхъ размышленія, содержащаяся въ моей книгѣ, останутся въ своей силѣ“.

вполнѣ и во всемъ“. Если же эволюціонисты замѣчаютъ эти несходства, то они ихъ объясняютъ *различными ступенями развитія*; наоборотъ, сходства объявляютъ продуктами самостоятельнаго и спонтаннаго развитія, не дѣлая ни малѣйшей попытки провѣрить, не образовались ли иногда ¹⁾ эти сходства путемъ столкновеній и заимствованій, такъ что вовсе не обязаны „пресловутой формулѣ единой и необходимой эволюціи“. Нѣсколько далѣе Тардъ говоритъ, что цѣль его книги — „набросать или указать основныя черты эволюціи права, понимаемой, какъ высшая и сложная работа социальной логики“. То-есть, не самое понятіе эволюціи отвергаетъ онъ, а приписываемое эволюціи механическое, спонтанное, всюду одинаковое и вездѣ неизбежное теченіе. „Поглощенные своей *idée fixe*,—говоритъ онъ,—эволюціонисты должны неизбежно, подъ ея вліяніемъ, во-1-хъ, преувеличивать число и значеніе случаевъ совпаденія явленій права въ разныхъ мѣстахъ; во-2-хъ, они должны относить эти сходства,—вѣрныя или ошибочныя,—къ спонтанному процессу эволюціи, не пытаясь объяснить нѣкоторую законную часть ихъ подражаніемъ и заимствованіемъ“.

Мы не будемъ приводить здѣсь тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя выставляетъ Тардъ въ защиту своего положенія, разбирая сперва трансформации уголовного права, затѣмъ процессуальной стороны, далѣе—юридическаго положенія личности,—въ томъ числѣ различныя формы семьи, брака,—въ концѣ концовъ права собственности и права по обязательствамъ. Какъ и во всѣхъ своихъ работахъ, онъ проявляетъ здѣсь обширную начитанность въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ знанія и особенно въ юридической. Между прочимъ, въ III-й главѣ (*Régime des Personnes*), онъ набрасываетъ очеркъ происхожденія и развитія дворянства, представляющій блестящій образецъ полноты и въ то же время сжатости. Общій выводъ изъ всего матеріала, собраннаго имъ, тотъ, что *жизнь человека пробуетъ всѣ пути, какіе только можно вообразить себѣ; поэтому разнообразіе эволюцій почти безконечно*. Если мы видимъ и однообразія, то они обязаны, главнымъ образомъ, подражаніямъ, сперва въ предѣлахъ племени, а затѣмъ и внѣ его.

Въ частности изслѣдованіе эволюціи собственности приводитъ Тарда къ выводу, что „двѣ основныя причины заставляли режимъ собственности измѣняться (все равно—была ли то соб-

¹⁾ Тардъ не отрицаетъ возможности появленія сходствъ и помимо подражанія, подъ вліяніемъ одинаковыхъ условий, но такъ какъ одинаковыя совершенно условныя рѣдкія, то такіе случаи—исключеніе, а не правило.

ственность коллективная или личная): 1) прогрессъ изобрѣтеній и 2) прогрессъ подражательности среди людей"... „Пропорція и характеръ этихъ двухъ причинъ обуславливали разнообразіе формъ собственности"... „Слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго,—спрашиваетъ онъ въ заключеніе,—необходимость всеобщей однообразной эволюціи собственности? Да, но лишь по мѣрѣ того, насколько необходимо расширеніе социальныхъ группъ въ силу закона подражательности, и насколько прогрессъ изобрѣтательности усиливается въ известномъ направленіи, смутно опредѣляющемся потребностями организма и законами человеческого ума въ борьбѣ съ внѣшними силами".

Итакъ, по теоріи Тарда, „правовая, религіозная, политическая, экономическая, художественная и моральная эволюціи представляютъ не одинъ путь, а цѣлую сѣть путей со множественностью скрещиваній“. Доказать это помогли тѣ „настоящіе работники социологій“, въ которыхъ Тардъ причисляетъ, какъ я уже сказалъ, изслѣдователей древняго права, многихъ лингвистовъ, нѣкоторыхъ экономистовъ... Правда, когда эти изслѣдователи пытались дѣлать обобщенія изъ отрываемыхъ ими болѣе детальнаго и истинныхъ подобій, возводя свои обобщенія въ „законы“, послѣдніе были весьма несовершенны; но это зависѣло отъ торопливости выводовъ, сдѣланныхъ раньше того момента, когда удалось выдѣлать изъ массы частичныхъ истинъ заключающуюся въ нихъ общую истину, то-есть, „элементарный социальный фактъ“, который социологія искала ошупью,—фактъ, отысканный теперь,—по мнѣнію Тарда,—имъ самимъ, и безъ котораго невозможенъ расцвѣтъ этой науки.

Перейдемъ теперь ко второй сторонѣ явленій, открываемой науками,—въ противоположенію.

V.

Противоположеніе.

Начнемъ съ опредѣленія того, что Тардъ называетъ противоположеніемъ. Обыкновенно это слово употребляется въ смыслѣ максимума различія двухъ вещей или положеній, но это не вѣрно: на самомъ дѣлѣ, „противоположеніе есть особый видъ повторенія двухъ подобныхъ вещей, способныхъ уничтожить другъ друга взаимно, въ силу этого самаго подобія“. Противоположенія всегда образуютъ пары, которыя противопологаются не какъ существа или группы существъ, а какъ *стремленія* или силы.

Значить, всякое дѣйствительное противоположеніе предполагаетъ соотношеніе между *двумя* силами, *двумя* стремленіями или направленіями.

Прогрессъ науки, при опредѣленіи противоположеній, состоялъ въ томъ, что *кажущіяся* противоположенія постепенно обнаруживались и замѣнялись болѣе скрытыми и дѣйствительными. Такъ, сперва казались противоположностями земля и небо, день и ночь, затѣмъ болѣе глубокия и дѣйствительныя, но еще смутно понимаемыя, почти всегда субъективныя и поверхностныя, напримѣръ, зенить и надиръ, четыре главныхъ пункта свѣта, соединенные по два: сѣверъ и югъ, востокъ и западъ, зима и лѣто, весна и осень, утро и вечеръ и т. п. Хотя эти противоположенія и сохранились отчасти въ науцѣ, но они утратили теперь свое прежнее значеніе: напримѣръ, для насъ западъ есть просто средство ориентироваться (по полярной звѣздѣ), а для первобытнаго человѣка, это—мѣсто посмертнаго блаженства, пребыванія душъ. Фазы луны для первобытной мысли соединялись съ различными воображаемыми серьезными послѣдствіями и т. п. Открытіе эллиптическаго, параболическаго или гиперболическаго свойства кривыхъ, описываемыхъ небесными тѣлами, показало симметрію двухъ половинъ каждой изъ этихъ кривыхъ, поперемянное увеличеніе и уменьшеніе ихъ эллиптичности, ихъ возмущенія, которыя суть не что иное, какъ повторенія тѣхъ же кривыхъ въ предѣлахъ одной и той же системы, и т. д. Все это привело къ открытію общей и вѣчной астрономической антитезы, служащей основаніемъ всему остальному: это — равенство силы притяженія, которому подвержена каждая единица массы или молекула, съ той силой притяженія, которую она сама проявляетъ. Наилучшая иллюстрація къ міровому противоположенію есть законъ механики, что дѣйствіе равно и противоположно противодѣйствію.

Подобно астрономіи, физика и химія начали съ псевдо-контрастовъ: четыре стихіи — вода и огонь, земля и воздухъ и приписываемыя имъ врожденныя антипатіи, пустота и наполненность; болѣе здравыя понятія противоположаютъ уже кислоты и основанія, полярности электричества и свѣта. Область противоположеній, какъ мы видимъ, становится шире и глубже, и неясныя качественныя противоположенія замѣняются количественными, поддающимися точному опредѣленію.

Ритмичность этихъ противоположеній сообщаетъ имъ еще большую точность: таковъ, напримѣръ, законъ Менделѣева, гдѣ группы химическихъ элементовъ образуютъ ряды какъ бы чередующихся и повторяющихся гаммъ, клавиатуру, въ которой из-

рѣдка недостаетъ тамъ и сямъ какой-нибудь клавиши, хотя и эти недостающія клавиши постепенно отыскиваются.

Но чѣмъ больше и точнѣе опредѣлялись истинныя противоположенія, симметричности и ритмы, тѣмъ яснѣе выступали несимметричности и аритмичности, повсюду находимыя въ природѣ: возьмемъ хотя бы картину звѣзднаго неба или млечнаго пути. Последнія изслѣдованія отырыли даже диссимметрію въ кристаллахъ, казавшихся идеалами геометрической правильности. Если сравнить новѣйшее представленіе о вселенной (съ этой точки зрѣнія) съ представленіемъ древнихъ, когда до такой степени вѣрили въ симметрію и неизбѣжное противоположеніе всѣхъ явленій, что придумали даже противоположную землѣ планету (антихтонъ), то не трудно понять, какъ недалеко отъ древнихъ недоразумѣній и тѣ новѣйшія теоріи эволюціи, которыя стремятся втиснуть вселенную,—со всѣмъ ея разнообразіемъ безконечныхъ способовъ или путей развитія,—въ рамку одного ритмическаго процесса,—напримѣръ, постепенно возрастающихъ *различій* (дифференціацій), смѣняющихся и дополняющихъ другъ друга. Такіе процессы несомнѣнно существуютъ, но она со своей правильностью представляютъ уже плоды другихъ процессовъ, плоды противоположеній, *приспособившихся уже другъ къ другу*, гармонизированныхъ,—какъ увидимъ далѣе при изложеніи третьяго изъ ключей науки,—„приспособленія“.

А теперь возвратимся къ „противоположенію“.

Развитіе понятій о немъ шло и въ биологій тѣмъ же процессомъ, какой мы сейчасъ видѣли въ астрономіи: и здѣсь сначала замѣтили внѣшнія и поверхностныя противоположенія,—напримѣръ, симметричность животныхъ организмовъ. Однако, по мѣрѣ развитія науки, даже эта очевидная симметричность была отброшена: не только среди низшихъ животныхъ оказались организмы не симметричныя, но даже головной мозгъ человѣка, при болѣе глубокомъ его изслѣдованіи, представилъ картину локализаций, напримѣръ, центровъ рѣчи, расположенныхъ въ одномъ полушаріи и отсутствующихъ въ другомъ. Точно такъ же древнія противоположенія,—напримѣръ, растений ядовитыхъ и неядовитыхъ, животныхъ чистыхъ и нечистыхъ, возводившіяся въ законъ объективный (иногда даже религіозный), оказались чистосубъективными противоположеніями, не имѣющими никакого объективнаго значенія. Древняя патологія противопоставляла здоровье и болѣзнь, какъ нѣчто объективное (откуда возникла и гомеопатія); теперь въ патологическихъ явленіяхъ видятъ только отщепленіе, а не противоположность нормальнымъ. Старость счита-

лась у древнихъ процессомъ возвращенія къ дѣтству, — то-есть, явленіемъ ритмичнымъ; новѣйшія открытія, хотя бы Мечникова, а еще болѣе открытіе эмбриологической повторяемости (въ зародышѣ) типовъ развитія показали, что древній взглядъ былъ иллюзіей. Исчезло и сравнительно недавнее убѣжденіе о противоположности растений и животныхъ, и т. д.

Но рядомъ съ этимъ открывались дѣйствительныя противоположенія, и они оказывались всѣ безконечно малыми и въ то же время безчисленными: таково, напримѣръ, окисленіе и раскисленіе каждой клѣточки, накопленіе и расходованіе силы. И, одновременно съ этими истинными противоположеніями, открывались новыя диссимметріи; мы уже упомянули о диссимметріи головного мозга: она обнаружилась только при углубленіи изслѣдованій въ элементы организма, то-есть, въ мозговныя клѣтки. Не будемъ приводить другихъ примѣровъ изъ біологіи и перейдемъ къ соціологическимъ противоположеніямъ.

Мифологію можно считать до извѣстной степени древнѣйшей соціологіей. И вотъ, мы видимъ, что она объясняла общественныя явленія фантастической и гигантской борьбой между богами добрыми и злыми, покровителями свѣта и тьмы (Ормуздъ и Ариманъ), героями и чудовищами, демонами и ангелами. Метафизика продолжала создавать столь же фантастическія противоположенія: у Гегеля народы являются выразителями взаимно противоположныхъ и борющихся идей, — у Кузена Греція противопоставляется Востоку; позднѣе Востокъ противопоставляется Западу, какъ воплощеніе неподвижности, чтò теперь фактически опровергла Японія. Наконецъ, экономисты видѣли весь смыслъ экономическихъ явленій въ противоположеніяхъ конкуренціи, въ борьбѣ классовыхъ интересовъ. Нельзя отрицать этихъ противоположеній, но открытіе ихъ было шагомъ къ обнаруженію тѣхъ элементарныхъ и количественно безконечныхъ противоположеній, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ остальныхъ, а именно — конкуренцію „увѣренностей“ (вѣръ) и „желаній“, о которыхъ мы говорили выше.

„Если распространить, путемъ обобщенія, эту борьбу, — говоритъ Тардь, — на всѣ формы соціальной жизни — лингвистическую, религіозную, политическую, художественную, моральную и промышленную, то окажется, что настоящее элементарное, соціальное противоположеніе надо искать въ *каждомъ* соціальномъ индивидуумѣ, когда онъ колеблется принять или отвергнуть представляющійся ему новый образецъ, новое выраженіе, новый обычай, новую идею или художественную шкolu или поступокъ. Это колебаніе, эта маленькая борьба, которая воспро-

изводится въ милліонахъ экземпляровъ, въ каждый данный моментъ жизни народа, это и есть *безконечно малое противоположеніе*, безконечно плодотворное въ исторіи. Введеніе его въ соціологію произведетъ въ ней глубокой переворотъ“.

Выше было уже сказано, что на противоположенія Тардъ смотритъ, какъ на переходныя состоянія къ приспособленію или гармоніи явленій. Поэтому противоположенія являются какъ бы средними частями силлогизма, и въ этомъ-то заключается ихъ важное практическое значеніе.

Прежде всего необходимо замѣтить, что съ раскрытіемъ тѣхъ элементарныхъ противоположеній, о которыхъ говорилось сейчасъ, обнаружались и скрытыя, не замѣченныя до сихъ поръ диссимметріи и асимметріи. Одной изъ важнѣйшихъ является „необратимость“ нѣкоторыхъ процессовъ соціальной жизни, тогда какъ прежде всѣ ея процессы казались „обратимыми“, то-есть способными повторяться, возвращаться. Такъ, напримѣръ, у научныхъ и промышленныхъ открытій нѣтъ обратнаго направленія; точно такъ же особенности генія какого-нибудь индивидуума представляютъ необратимый соціальный фактъ. Но такъ какъ то, что называли прежде „геніемъ народа“ или языка, или религіи, есть лишь коллективное и сокращенное выраженіе этихъ индивидуальныхъ особенностей, то эти соціальные факты не обратимы, или, говоря проще, они не имѣютъ своихъ симметричныхъ противоположеній, въ которыя могли бы переходить ритмически, чтобы появиться снова. Далѣе такія противоположенія, какъ расовыя, или противоположенія двухъ религій (христіанства и ислама), двухъ семействъ языковъ, двухъ формъ правленія (монархіи и республики), будутъ вѣрны только отчасти, то-есть, когда мы будемъ разсматривать тѣ ихъ стороны, которыми онѣ въ извѣстныхъ, болѣе или менѣе преходящихъ обстоятельствахъ, — однѣ утверждаютъ, въ то время, какъ другія отрицаютъ одну и ту же идею, или однѣ стремятся, а другія противодействуютъ одной и той же цѣли. Но если эти контрасты считать чѣмъ-то существеннымъ, абсолютнымъ, врожденнымъ, то подобный взглядъ есть химера.

Ранѣе мы уже сказали, что противоположеніе не есть крайняя степень противоположности, а особый видъ „повторенія“ двухъ подобныхъ вещей, способныхъ взаимно уничтожать другъ друга въ силу ихъ подобія, и что дѣйствительныя противоположенія предполагаютъ отношеніе между двумя силами, стремленіями, направленіями. Но явленія, въ которыхъ эти силы обнаруживаются, могутъ быть двухъ родовъ: если, напримѣръ, противоположеніе состоитъ въ повышеніи или паденіи курса на биржѣ

или числа преступленій извѣстнаго сорта и т. д., то въ этомъ случаѣ противоположенія будутъ только количественными. Какъ легко замѣтить, такія противоположенія имѣютъ мѣсто между фазами „однородными“ какого-нибудь процесса. Но если фазы процесса разнородны, какъ, напримѣръ, въ процессѣ эволюціи, когда новая фаза даетъ измѣненное, новое явленіе, то противоположеніе будетъ качественное. Превѣнная наука находила преимущественно качественные противоположенія, образцы которыхъ мы видѣли сейчасъ. Новѣйшая наука, наоборотъ, сводитъ или стремится свести качественные контрасты къ количественнымъ, поддающимся точному статистическому выраженію. Но важнѣе ихъ всѣхъ является различіе еще одного контраста, которое Тардъ называетъ противоположеніемъ по знаку (плюсу или минусу), контраста между „положительнымъ“ и „отрицательнымъ“ или діаметральныя противоположенія, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ количественными степенями (больше или меньше) или пониженіями и повышеніями, выражаемыми статистически (пониженія и повышенія курса, спроса и предложенія, числа браковъ и т. п.). Для соціальной логики это различіе весьма важно въ томъ отношеніи, что процессы, при помощи которыхъ возрастаетъ или падаетъ какое-нибудь общественное „желаніе“ или „увѣренность“, принадлежатъ къ совершенно другой категоріи процессовъ, чѣмъ процессы, обусловленные діаметральными противоположеніями (желаніемъ и отвращеніемъ, вѣрою въ идею и полнымъ отрицаніемъ ея и т. п.). Даже въ обыденномъ языкѣ эти „элементарныя единицы“ (желаніе и вѣра) имѣютъ спеціальныя термины для выраженія положительнаго или отрицательнаго своего значенія (желаніе—отвращеніе, вѣра—отрицаніе), почему ихъ и можно сравнивать, въ этомъ отношеніи, съ объективными количествами, съ механическими силами, находящимися на одной прямой и направленными въ противоположныя стороны. Подобно тому, какъ пространство представляетъ безграничное поле для совмѣщенія безчисленнаго множества „паръ направленных“, противоположныхъ другъ другу, и наше сознаніе устроено такъ, что допускаетъ по отношенію къ одному и тому же предмету массу утверждений, противопоставляемыхъ отрицаніямъ, и множество желаній, противопоставляемыхъ отвращеніямъ. „Безъ этого двойнаго свойства вселенная не знала бы борьбы и противорѣчія, и вся трагическая сторона судьбы была бы невозможна и даже невообразима“.

Опредѣливъ три сорта противоположеній (ряда, степени и знака), необходимо отмѣтить, что всѣ они могутъ имѣть мѣсто или въ одномъ и томъ же существѣ (будетъ ли то молекула или

цѣлый организмъ, или человѣческое „я“), или же въ двухъ разныхъ существахъ (въ двухъ молекулахъ, въ двухъ организмахъ, двухъ „я“, т. е. человѣческихъ сознаніяхъ). Крімъ того, противоположенія могутъ быть *одновременными*, и тогда будетъ *столкновеніе, борьба, равновѣсіе или разрушеніе и потеря силы*; могутъ они быть *последовательными*, и въ этомъ случаѣ получится *чередованіе, ритмъ*. Такъ какъ противоположенія „ряда“ и „степени“ (напримѣръ, новая форма, явившаяся плодомъ эволюціи, увеличеніе или уменьшеніе быстроты движущагося тѣла) могутъ быть въ отдѣльномъ предметѣ или умѣ только *последовательными*, то очевидно, что „одновременныя“ противоположенія возможны здѣсь только въ противоположеніяхъ „діаметральныхъ“ (напримѣръ, одно и то же тѣло не можетъ двигаться одновременно и быстрее и медленнее, не можетъ сразу подниматься и падать, отцвѣтать и расцвѣтать, но на него могутъ *одновременно* дѣйствовать двѣ силы въ противоположномъ направленіи, что приводитъ къ равновѣсію, часто выражающемуся въ симметріи, напримѣръ, кристалловъ; или, другой примѣръ: любовь мужчины къ женщинѣ не можетъ въ одинъ и тотъ же моментъ времени возрасти и падать, но извѣстны трагическіе случаи, вытекавшіе изъ одновременнаго существованія въ одномъ умѣ и любви и отвращенія¹⁾ или ненависти къ женщинѣ (Отелло, Гамлетъ въ его отношеніяхъ къ Офеліи и матери). Совершенно иное мы видимъ въ двухъ различныхъ умахъ (то-есть, въ интеръ-мозговой психологіи): всѣ три ряда противоположеній могутъ быть здѣсь и одновременными, и последовательными вмѣстѣ. Такъ честолюбіе или вѣра могутъ у одного усиливаться въ то время, какъ у другого они ослабляются; въ одномъ и томъ же умѣ такое усиленіе или ослабленіе возможно только попеременно, какъ и ускореніе движенія или его замедленіе у одного и того же тѣла; между тѣмъ, въ отношеніяхъ двухъ тѣлъ, напримѣръ, двухъ планетъ, возможно, конечно, замедленіе одного одновременно съ ускореніемъ другого. Не входя въ дальнѣйшія подробности этихъ различій между противоположеніями трехъ родовъ, замѣтимъ только, что противоположенія могутъ быть или внѣшними, когда они происходятъ между двумя или болѣе умами, или они могутъ быть внутренними, когда происходятъ въ одномъ и томъ же умѣ. Важно въ этомъ положеніи для социологіи то,

¹⁾ Одновременное нахожденіе въ одномъ и томъ же умѣ двухъ *діаметрально противоположныхъ направленій* возможно и въ области вѣры: напримѣръ, вѣра въ какой-нибудь религіозный догматъ или обрядъ можетъ парализоваться проникновеніемъ въ тотъ же умъ отрицательнаго отношенія къ нему общества; новая идея, искающая умственное согласіе, парализуется предрасудкомъ среды и т. п.

что ни одно внѣшнее противоположеніе не можетъ явиться безъ существованія противоположеній внутреннихъ: эти послѣднія являются существеннымъ условіемъ первыхъ. Это относится ко всемъ родамъ противоположеній. Возьмемъ противоположенія „ряда“ (качественныя противоположенія развитія): если какая-нибудь группа людей идетъ въ своемъ развитіи, положимъ, отъ идеализма къ позитивизму, тогда какъ другая наоборотъ, то это противоположеніе „ряда“ въ группахъ можетъ имѣть мѣсто только потому, что каждый отдѣльный умъ въ той и другой группѣ можетъ идти въ томъ или иномъ направленіи. Возьмемъ противоположеніе „степени“ (усиленія или ослабленія—увѣренности и желаній): если въ одной группѣ вѣра въ какіе-нибудь догматы или общественныя формы растетъ въ то время, какъ въ другой группѣ она ослабляется, то, очевидно, это возможно только потому, что каждый изъ членовъ обѣихъ группъ можетъ испытывать, подъ влияніемъ условій, о которыхъ рѣчь будетъ особо, ослабленіе или усиленіе этой вѣры. Совершенно тѣмъ же путемъ доказывается и индивидуальная почва групповыхъ желаній. И тѣмъ же путемъ можно показать, что противоположенія знака (діаметральныя противоположенія), напримѣръ, когда двѣ противныя партіи, политическія или религіозныя, съ одной стороны отрицаютъ, а съ другой — защищаютъ какое-нибудь положеніе, возможны лишь потому, что каждый индивидуумъ можетъ перейти отъ положенія въ отрицанію и обратно. Внѣшняя борьба возможна только тогда, когда кончались внутреннія колебанія въ индивидуумѣ. Однако этого еще недостаточно, чтобы началась борьба: необходимо, чтобы индивидуумъ или группа, придя къ рѣшенію, знали, что есть другой или другіе индивидуумы, пришедшіе къ противоположному рѣшенію, стоящему на дорогѣ у перваго и мѣшающему (напримѣръ, въ промышленности борьба за желаніе приобрести или продать одинъ и тотъ же продуктъ, или—въ идеяхъ, борьба за утвержденія и вѣрованія, которымъ противорѣчатъ другія идеи или вѣрованія).

Однако, и колебанія индивидуума могутъ стать социальными, когда они становятся извѣстными окружающимъ и вызываютъ въ нихъ также колебанія и сомнѣнія, вмѣсто прежней увѣренности.

Тутъ возникаетъ вопросъ, имѣющій чрезвычайно важное практическое значеніе: чему слѣдуетъ отдать предпочтеніе, той ли сомнительной тишинѣ, которая царитъ въ обществѣ съ колеблющимися и неувѣренными въ существенныхъ истинахъ индивидуумами, или борьбѣ, явившейся результатомъ противоположныхъ, но увѣренныхъ рѣшеній? Съ этимъ труднымъ вопросомъ связанъ другой—о преимуществахъ въ отношеніяхъ международныхъ войнъ

или плохого мира, образчикомъ котораго является даже не миръ вооруженный, а полная неопредѣленность и неустойчивость отношеній между двумя націями, не рѣшившими внутри себя этихъ отношеній. Несомнѣнно, что личныя сомнѣнія и колебанія отнимаютъ у человѣка волю дѣйствовать рѣшительно и энергически преслѣдовать свои цѣли. Въ общей суммѣ соціальной „вѣры“, а стало быть и силы всякаго рода, является, вонечно, огромное пониженіе, и общество, охваченное сомнѣніями и скептицизмомъ, представляетъ нѣчто болное и безсильное, сравнительно съ обществомъ, гдѣ хотя и происходитъ борьба между партіями, но каждый знаетъ, что ему дѣлать, что защищать. При существованіи въ обществѣ свободы слова и печати представляется выходъ въ возможности болѣе прочныхъ примиреній, гармоній или синтезовъ между борющимися идеями и желаніями, такъ какъ возрастаетъ возможность узнать основанія чужихъ мнѣній и намѣреній, приспособиться къ нимъ или приспособить ихъ къ своимъ вѣрованіямъ, чтобы затѣмъ подняться къ новому высшему противорѣчію и новой высшей гармоніи. Дѣло не въ томъ, чтобы не было борьбы. Нѣтъ, борьба есть одно изъ условій творчества, тогда какъ миръ, полный сомнѣній, есть источникъ застоя. Дѣло въ томъ, чтобы новыя формы борьбы были все мягче и человечяче. И этотъ прогрессъ самой борьбы постоянно совершается, по мѣрѣ примиренія рѣзкихъ противорѣчій и открытія, надъ этими примиренными противорѣчіями, новыхъ, болѣе мягкихъ. Борьба началась, какъ и все, безчисленными мелкими противорѣчіями: враждовала каждая деревня, а внутри ея чуть не каждая семья, пока цѣлымъ рядомъ примиреній этихъ противорѣчій, примиреній иногда страшно кровавыхъ, не приходили къ менѣе обостренной и менѣе постоянной борьбѣ обширныхъ группъ. Такъ какъ возникновеніе гармоній тѣмъ возможно, тѣмъ легче пониманіе другъ друга, т. е., чѣмъ свободнѣе слово, то ясно, что страшна борьба темная, не могущая выясниться при свѣтѣ дня, а потому затягивающаяся безъ конца и принимающая самыя ужасныя формы.

За исключеніемъ этихъ случаевъ, борьба, какъ мы сказали, развиваетъ все болѣе мягкія формы, и совершается это двумя путями, тѣсно связанными другъ съ другомъ: во-1-хъ, объединеніемъ единицъ въ группы, затѣмъ мелкихъ группъ въ большія и т. д. Сравните, напр., борьбу множества мелкихъ религиозныхъ сектъ съ борьбой нѣсколькихъ великихъ религій, образовавшихся путемъ агрегаціи мелкихъ сектъ. Во-2-хъ, умиротвореніе происходитъ въ самомъ чувствѣ (и идеяхъ). Оно происходитъ уже по тому одному, что большія группы,—какъ

доказываетъ и Спенсеръ, — не могутъ имѣть той жгучей ненависти другъ въ другу, какая существуетъ между близкими сосѣдями, гдѣ вражда принимаетъ почти личный характеръ. Война переживаетъ, какъ и все, свою эволюцію, и ея формы объщуютъ ея совершенное прекращеніе. Вотъ что говорятъ объ этомъ Тардь:

„Факты относительно войны шли въ порядкѣ постепеннаго замиренія мелкихъ группъ, которое совершалось уже однимъ тѣмъ, что онѣ сливались въ все большія группы при посредствѣ той же войны: „Войны, продолжаясь, расширяли поле мира“. Послѣ ряда завоеваній всѣ великія имперіи міра переживали нѣкоторый періодъ отдыха и мечтали о всемірномъ умиротвореніи, какъ конечной цѣли самихъ войнъ, начинаемыхъ ими. Но обаятельный предѣлъ, какъ только онъ казался достигнутымъ, снова и снова отодвигался, потому что „міръ оказывался больше, чѣмъ думали“, то-есть, возникали новыя, дотогдѣ невѣдомыя или презираемыя за мнимую слабость сосѣди, быть можетъ и дѣйствительно слабыя до поры до времени, но которые неожиданно оказывались смѣлыми и сильными противниками: война возникала опять, иногда не только неожиданная, но и не желаемая. Однако, эти случаи не могутъ возникать безконечно: земной шаръ не безконеченъ, а знакомство съ сосѣдями становится все полнѣе и точнѣе у культурныхъ народовъ. Какъ показала Левъ Мечниковъ, цивилизація была сперва „рѣчной“, то-есть устанавливала мирныя сношенія сначала по большимъ рѣкамъ, затѣмъ она стала расширяться на моря (вокругъ Средиземнаго моря), а въ наше время объединеніе идетъ и на океанахъ, то-есть, мирныя отношенія приближаются къ своей окончательной формѣ „планетныхъ“, охватывающихъ всю землю. Въ этой постепенности право смѣняло силу, и теперешнее международное право не есть уже результатъ договора между двумя или тремя націями, а охватываетъ, дѣйствительно, весь почти земной шаръ.

Ослабленіе и даже прекращеніе войны не уничтожить, конечно, борьбы, но эта послѣдняя принимаетъ новыя и смягченныя формы. Одна изъ этихъ формъ, извѣстная подъ именемъ *конкуренціи*, заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ подтверждаетъ своей исторіей мысль о постепенномъ смягченіи и примиреніи борьбы не только вообще, но и въ каждой вновь появляющейся формѣ ея. И мало этого: развитіе идетъ и здѣсь путемъ примиренія сперва мелкихъ противоположеній, а уже на почвѣ возникающихъ отсюда мелкихъ гармоній строятся новыя, болѣе широкія противоположенія, идущія въ свою очередь къ

установленію еще болѣе широкихъ и общихъ гармоній (приспособленій). Промышленное противоположеніе возможно: 1) между потребителями (желающими купить одну и ту же вещь); 2) продавцами (одной и той же вещи) и 3) потребителями и продавцами (первые желаютъ купить дешевле, вторые продать дороже). Но изъ этого ясно, что это противоположеніе есть явленіе временное, не необходимое. Конкуренція между потребителями возможна тогда, когда спросъ на продуктъ больше, чѣмъ его предложеніе. Конкуренція между продавцами есть результатъ перепроизводства. Наконецъ, противоположеніе желаній—продать дороже и купить дешевле—всегда приходитъ къ примиренію на какой-нибудь цѣнѣ, способной удовлетворить обѣ стороны. Первые противоположенія всѣхъ трехъ родовъ начинаются на маленькихъ мѣстныхъ рынкахъ, въ маленькихъ личныхъ производствахъ и обмѣнахъ. Цѣны на продукты въ это время еще опредѣляются мѣстными условіями и отношеніями. Но мало-помалу, съ обобщеніемъ производствъ, посредствомъ ихъ централизаціи на крупныхъ фабрикахъ и заводахъ, цѣны устанавливаются для болѣе широкихъ районовъ. Конкуренція между продавцами заставляетъ ихъ понижать цѣны или искать способъ удешевленія производства, и выгоды, получаемыя и отъ того и отъ другого потребителями, уравниваютъ невыгоды производителей. Но эти послѣдніе ищутъ способовъ къ ихъ уравниванію и другимъ путемъ: образуются союзы промышленниковъ, синдикаты, тресты, т.-е. монополизированіе союзниками—производства, сбыта и установленія цѣнъ. Но противъ этой ассоціаціи является ассоціація потребителей, возникаютъ потребительныя товарищества, коопераціи, союзы и производительныя и потребительныя. Еще ранѣе города и націи стремятся гармонизировать всѣ эти противоположенія установленіемъ цѣнъ (на хлѣбъ, мясо), ввозныхъ и вывозныхъ тарифовъ, и т. д. Еще одинъ видъ противоположенія — *предложеніе труда и покупка труда*, обостряющіяся въ тяжелый социальный вопросъ, начинаютъ искать примиренія въ союзахъ рабочихъ (trade-unions), въ забастовкахъ, сопротивляющихся пониженію заработной платы. Наконецъ, путемъ всѣхъ этихъ ассоціацій, сперва мелкихъ, затѣмъ разрастающихся до явленія національнаго и даже международнаго, выясняется въ умахъ идея, написанная на знамени эпохи, *идея всеобщей ассоціаціи интересовъ*.

Есть и еще другая форма социальной борьбы, это—споръ, но уже не споръ съ пролитіемъ крови, какъ война, и не съ разрушеніемъ благосостояній, какъ промышленная борьба, а споръ *словесный*. Чтобы былъ возможенъ споръ между двумя индиви-

дуумами (а съ этого и начинается его эволюція), необходимо, чтобы каждый изъ нихъ покончилъ тотъ внутренний споръ, который происходилъ въ его мозгу, и пришелъ къ выводу противоположному съ выводомъ другого. Затѣмъ единичные споры могутъ становиться спорами группъ, сектъ, направленій—политическихъ, научныхъ, философскихъ,—могутъ принимать форму печатнаго или письменнаго спора, но во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимо, чтобы сперва онъ былъ оконченъ хотя относительнымъ и временнымъ согласіемъ каждаго изъ членовъ одной группы съ другими членами той же группы. Сперва эти группы малы, затѣмъ постепенно расширяются: возьмите исторію какой-нибудь міровой религіи, напр., католицизма, охватившаго миллионы умовъ послѣ вѣковой внутренней борьбы и споровъ: пренія въ первое время были горячія, доходившія до кровопролитій; затѣмъ шло раздѣленіе или соглашеніе болѣе обширныхъ массъ на какомъ-нибудь „вредо“, причемъ новая борьба была болѣе экстенсивной, но менѣе интенсивной. Хотя это достигалось не сразу, однако, споры рѣшались уже не такъ, какъ прежде,—не войной, а ссорами мѣстными, національными, наконецъ — вселенскими. Наука и философія внесли затѣмъ вѣротерпимость.

Можно прослѣдить тотъ же процессъ въ образованіи и объединеніи языковъ, въ борьбѣ между діалектами, провинциализмами и т. п., въ борьбѣ юридической, объединявшей мѣстные правовыя обычныя нормы въ національныя и, наконецъ,—универсальныя. Тотъ же процессъ происходилъ и въ научномъ объединеніи, и въ искусствѣ, и вездѣ какая-нибудь идея, приѣмъ, открытіе созрѣваютъ въ индивидуальномъ мозгу путемъ указаннымъ выше, то-есть столкновеніемъ двухъ идей ¹⁾. Затѣмъ, это столкновеніе приходитъ къ одному изъ трехъ возможныхъ результатовъ: новая идея или усиливаетъ старую, или побѣждаетъ ее, становясь на ея мѣсто, или обѣ идеи, приспособляясь другъ къ другу, даютъ третью, новую (изобрѣтеніе). Четвертый результатъ—сомнѣніе, скептицизмъ, т.-е. ослабленіе вѣры въ прежнюю идею безъ вѣры въ

¹⁾ Эта „двойственность“ сталкивающихся идей, которую надо понимать въ томъ смыслѣ, что каждая изъ двухъ сталкивающихся идей сама является продуктомъ столкновенія двухъ же идей и т. д., но уже продуктомъ объединеннымъ, т.-е. единой идеей,—имѣла мѣсто даже въ эволюціи языка: Тардъ ссылается на Бреала, который приходитъ къ слѣдующему выводу на основаніи обширныхъ изслѣдованій: „какъ бы ни было длинно слово составное, въ немъ не можетъ быть болѣе двухъ понятій. И это правило не произвольно, а основано на свойствѣ нашего ума, соединяющаго всегда мысли попарно“. Графическая схема эволюціи словъ, данная Джемсомъ Дармстеромъ, не опровергаетъ этого вывода, но мы не будемъ вдаваться въ обсужденіе этого вопроса.

новую, не есть еще конечный результатъ, а состояніе колебанія. Такой результатъ сопровождается уменьшеніемъ энергіи индивидуума. Иногда индивидуумъ не только не теряетъ вѣры въ свою идею, а еще противодействуетъ посторонней идеѣ, какъ препятствующей его идеѣ или вѣрованію, за цѣлость которыхъ онъ начинаетъ тревожиться. Эта тревога за цѣлостность своего прошлаго взгляда можетъ заражать и другихъ, и вообще въ ней кроется возможность того душевнаго состоянія, которое называется *фанатизмомъ*. Новая партія всегда состоитъ изъ группы людей, которые одни за другими или по примѣру другихъ приняли идею или рѣшеніе, противоположное тому, которое до тѣхъ поръ господствовало въ ихъ средѣ и которымъ они сами были проникнуты. По мѣрѣ своего распространенія, этотъ новый догматизмъ становится сильнѣе, нетерпимѣе и возбуждаетъ противъ себя коалицію изъ тѣхъ, кто остался вѣрнымъ традиціи или же, наоборотъ, нетерпимость вызывается въ средѣ новой партіи нетерпимостью и преслѣдованіемъ со стороны старой, и на почвѣ всего этого возникаютъ два противоположныхъ *фанатизма*. Но и они въ современномъ обществѣ принимаютъ все болѣе мягкую форму.

Мы можемъ закончить обзоръ „противоположенія“ болѣе точнымъ указаніемъ на взаимное отношеніе между тремя сторонами явленій, открываемыми наукой, т.-е., между повторяемостью, противоположеніемъ и приспособленіемъ: приспособленія, какъ мы видѣли, являются примиреніемъ противоположенія, а противоположенія слѣдуютъ за повторяемостью явленій. Значитъ, противоположеніе является,—хотя и не всегда,—посредникомъ между повторяемостью и приспособленіемъ. Оно есть нѣчто въ родѣ средняго члена силлогизма. Причина этого порядка понятна: чтобы явилось противоположеніе, интерференція, споръ, столкновеніе, необходимо существованіе множества повторностей одновременныхъ или послѣдовательныхъ. Онѣ же могутъ или сочетаться между собою безъ борьбы, на примѣръ, усиливая другъ друга, или когда онѣ противопоставляются другъ другу, возникаетъ борьба и, наконецъ, взаимное приспособленіе. Этимъ послѣднимъ мы теперь и займемся.

Л. Е. Оболенскій.

ПЛАМЕННЫЯ ДУШИ

РОМАНЪ.

Flammen: Roman von Wilhelm Hegeler. Berlin, 1905.

Окончаніе.

IV *).

Какъ утреннее солнце взошла любовь въ сердце Грабауса, и все освѣтилось для него новымъ, чудеснымъ свѣтомъ; все казалось ему теперь яснымъ и естественнымъ и все же необычайнымъ, чудеснымъ. Еслибы какой-нибудь другъ, угадавшій его тайну, сталъ бы дѣлать ему упреки, онъ бы съ полной искренностью отвѣтилъ: „Развѣ можетъ быть дурнымъ то, что дѣлаетъ меня лучшимъ, болѣе сильнымъ, отважнымъ и внутренне богатымъ? Что можетъ быть грѣшнаго въ любви, которая усиливаетъ во мнѣ любовь ко всѣмъ людямъ, которая вырываетъ меня изъ будничной пошлости и окрыляетъ меня, влечетъ меня въ высшимъ, чистымъ цѣлямъ?“ Онъ, женатый человекъ, полюбилъ жену другого. Она никогда не будетъ принадлежать ему. Но развѣ онъ этого желаетъ? Онъ любилъ Марію такъ чисто и свято, точно она была его сестра или мать. Онъ ничего не желалъ и ни на что не надѣялся, а былъ счастливъ надеждой видѣться съ Маріей-Луизой отъ времени до времени. Онъ испытывалъ

*) См. выше: июль, стр. 185 и слѣд.

глубокую радость уже тогда, когда образъ ея возникалъ предъ его духовнымъ взоромъ, когда онъ сидѣлъ у себя за работой и вспоминалъ ея, какой она была на вечерѣ въ рейхстагѣ, или когда онъ повторялъ ея слова и мысленно велъ съ ней задумчивыя бесѣды.

Ея свѣтлый образъ носился передъ его взоромъ, озабывая всѣхъ близкихъ ей. Онъ полюбилъ Вольфа за то, что тотъ—ея братъ, и все болѣе привязывался къ майору, чувствуя къ нему симпатію и большое уваженіе. И если иногда въ сердцѣ его шевелилось чувство зависти или желаніе, то это не была настоящая зависть и настоящее желаніе. Онъ завидовалъ, какъ завидуютъ сказочнымъ существамъ, желалъ, какъ желаютъ летать—тѣмъ чувствомъ, которое терзаетъ свое жало отъ сознанія недостижимости. Пока чувство счастья еще преобладало надъ всѣмъ другимъ, и любовь его походила на свѣтлую утреннюю зарю, а не на палаціи полдневный зной.

Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ снова видѣлся съ Маріей-Луизой въ Веймарѣ, образъ ея рисовался ему инымъ. Онъ видѣлъ ее сидящей при свѣтѣ лампы; легкій румянецъ покрываетъ ея щеки при разговорѣ, глаза ея загораются и она ходитъ по высокимъ комнатамъ своей легкой воздушной походкой, точно ее поднимаютъ сильныя крылья молодости. Рядомъ съ ней ему представлялся майоръ, блѣдный, съ глазами, окруженными бесчисленными мелкими морщинами. Какъ онъ ни старался пересилить себя и улыбаться, все же онъ производилъ впечатлѣніе больного, уставшаго, слабого человѣка. А затѣмъ шуринъ, сидящій въ темномъ углу какъ съжившійся лѣсной звѣрь, ворчливый, наводящій жуткое чувство тупого ужаса.

Грабаусъ представлялъ себѣ теперь Марію-Луизу именно въ этой обстановкѣ, и на него нападали минутами бѣшеный страхъ. Онъ мысленно подходилъ къ ней, бралъ ее за руку и молилъ ее бѣжать съ нимъ, чтобы не погибнуть въ обстановкѣ, въ которой она не могла быть счастливой. Онъ самъ сталъ бояться остроты своей жалости къ Маріи-Луизѣ. А нетерпѣливое желаніе скорѣе видѣть ее разгоралось все сильнѣе. Онъ уже не велъ съ ней въ воображеніи тихихъ бесѣдъ, а предлагалъ ей тысячу вопросовъ о ея судьбѣ, съ мукой и страхомъ ожидая отвѣта.

Въ этомъ тревожномъ состояніи духа онъ получилъ приглашеніе, которое въ другое время пренебрежительно отвергнулъ бы, но теперь принялъ почти не задумавшись. Его просили повторить въ Веймарѣ свои канцелярныя лекціи о классической нѣмецкой

литературѣ. Предложеніе исходило отъ директрисъ многочисленныхъ веймарскихъ пансіоновъ для молодыхъ дѣвицъ. Гонораръ предлагался очень незначительный, и Грабаусу пришлось долго спорить съ женой: по ея мнѣнію, онъ легче могъ бы заработать большую сумму денегъ литературной работой. О настоящей причинѣ его согласія она не догадывалась, а думала, что ему пріятно читать предъ аудиторіей хорошенькихъ молодыхъ дѣвушекъ. Онъ оставилъ ее при ея мнѣніи и настоялъ на своемъ.

То, чего онъ втайнѣ желалъ и на что едва смѣлъ надѣяться, осуществилось: Марія-Луиза выразила желаніе присутствовать на его лекціяхъ. Онъ ѣздилъ каждую субботу въ Веймаръ, проводилъ вечеръ послѣ лекціи у Платеновъ, и по просьбѣ майора часто оставался у нихъ до слѣдующаго дня. Доктора Платена онъ почти никогда не встрѣчалъ, или же они встрѣчались какъ день и ночь, т.-е. когда одинъ приходилъ, другой уходилъ.

Тревога, нападавшая на Грабауса въ одиночествѣ, исчезала, когда онъ былъ подлѣ Маріи-Луизы. Ея спокойный тонъ и внутренняя ясность успокаивали его и давали ему безмятежное счастье.

Въ это время Грабаусъ получилъ письмо отъ гехеймрата Вольболда, который вызывалъ его для переговоровъ въ Берлинъ. За нѣсколько дней до его отъѣзда онъ возвращался вечеромъ послѣ лекціи домой съ Маріей-Луизой. Шелъ густой снѣгъ и Грабаусъ съ восхищеніемъ наблюдалъ какъ бѣлые хлопья падали то на свѣтлыя кудри Маріи-Луизы, то на ея рѣсницы, то даже на ея алыя губы, гдѣ снѣгъ тотчасъ же таялъ. Обративъ вниманіе на ея молчаливый видъ, онъ спросилъ ее, наконецъ, не случилось ли у нея какой-нибудь непріятности?

— Я очень озабочена моимъ братомъ, — отвѣтила она. — Я получила отъ него странное письмо. Если хотите, я вамъ его покажу потомъ.

— Что же онъ пишетъ? — озабоченно спросилъ Грабаусъ.

— Сразу не разобратъся въ этомъ письмѣ, — отвѣтила она съ легкой улыбкой. — Одно я только поняла: онъ влюбился въ какую-то актрису.

Въ первую минуту Грабаусъ чуть не расхохотался, но, сдержавшись, осторожно спросилъ:

— Что же въ этомъ дурного?

— Онъ мнѣ писалъ, что хочетъ жениться на ней.

Грабаусъ остановился отъ изумленія.

— Жениться? — переспросилъ онъ. — Это навѣрное шутка.

— Прочтите письмо, и вы увидите, что Вольфъ далеко не шутить.

Придя домой, Марія-Луиза дала ему письмо. Сама она пошла въ спальню къ майору, къ которому пришелъ врачъ для массажа, и Грабаусъ остался одинъ.

Письмо Вольфа было очень длинное и дышало молодой любовью. Видно было, что онъ пережилъ душевную бурю, и теперь счастливъ, но озабоченъ огромной отвѣтственностью своего рѣшенія. Въ письмѣ чувствовался искренній, задушевный, но совершенно безпомощный человекъ. Онъ писалъ о сестрѣ и зятѣ, о своихъ мысляхъ за послѣдніе годы, о своемъ будущемъ, о Нитцше, Эмерсонѣ, Карлейлѣ, Бебелѣ, но въ сущности занятъ былъ только своей любовью.

Грабаусу сдѣлалось грустно, когда онъ дочиталъ письмо. За послѣднія недѣли онъ видѣлся съ Вольфомъ почти ежедневно; они говорили обо всемъ, что занимало ихъ мысли, а между тѣмъ, почти ничего не знали другъ о другѣ.

Когда Марія-Луиза вернулась, Грабаусъ сказалъ ей:

— Въ немъ говорить большая молодость. Но это юноша, которымъ вы, какъ сестра, должны гордиться.

— Чѣмъ же эта исторія кончится? Вѣдь немислимо, чтобы онъ женился на ней.

— Онъ это самъ пойметъ современемъ. И вы видите, страсть не убила его довѣрія къ вамъ. Онъ предоставляетъ вамъ право рѣшать. Онъ пишетъ: „Я поступлю такъ, какъ ты считаешь нужнымъ“.

— Но я боюсь, что онъ не станетъ слушать моихъ доводовъ—я вѣдь буду разсуждать трезво и благоразумно.

— Позвольте мнѣ съ нимъ переговорить,—возразилъ Грабаусъ.—Или, знаете что: у меня явилась другая мысль: я лучше переговорю съ ней—съ актрисой.

— Развѣ вы съ ней знакомы?

— Немножко.

— Не та ли это дама, съ которой Вольфъ танцевалъ на балу въ рейхстагѣ?

Грабаусъ утвердительно кивнулъ головой.

— У него хороший вкусъ, — съ улыбкой замѣтила Марія-Луиза. — И вы думаете, что этотъ разговоръ можетъ къ чему-нибудь привести?

— Конечно. Только она и сумѣетъ доказать ему, что бракъ между ними—полная бессмыслица, что эта любовь—счастливый моментъ его молодости, но не прочное чувство на всю жизнь.

Она очень добрая женщина и сдѣлаетъ это; да и для нея такой бракъ былъ бы несчастіемъ.

— А не лучше ли вамъ поговорить съ Вольфомъ?

— Не думаю.

— Почему?

— Вы спрашиваете почему?

Онъ отвелъ глаза отъ Маріи-Луизы, которая съ ожиданіемъ смотрѣла на него, и, полузакрывъ глаза, устремилъ ихъ на оконное стекло. Онъ глядѣлъ какъ на немъ образовывались капли влаги, быстро стекавшія потомъ внизъ.

— Люди, которые любятъ, которые дѣйствительно любятъ, — сказалъ онъ, — похожи на бочки съ взрывчатымъ веществомъ. Горе тому, кто толкнетъ ихъ. Еслибы я любилъ женщину, и кто-нибудь — мой лучшій другъ, моя сестра, или моя мать — не только сказали бы дурное слово про нее, но выказали бы малѣйшее недовѣріе, моей дружбѣ съ ними былъ бы конецъ.

— Неужели любовь дѣлаетъ слѣпымъ?

— Она дѣлаетъ легко уязвимымъ.

Онъ увидѣлъ на стеклѣ двѣ капли, которыя торопливо бѣжали внизъ, и, казалось, приближались одна къ другой. И вдругъ у него промелькнула въ головѣ быстрая, настойчивая мысль: если эти двѣ капли сольются, то и она когда-нибудь полюбитъ тебя. Онъ сталъ слѣдить съ тревогой и сердцебіеніемъ за движеніемъ капель, точно его жизнь зависѣла отъ нихъ, и проговорилъ въ то же время, какъ во снѣ:

— Еслибы вы любили, развѣ у васъ не было бы такого чувства?

— Я никогда такъ не любила и не хочу такъ любить.

— Вы никогда такъ не любили и...

Голосъ его оборвался: капли коснулись одна другой и въ ту же минуту каждая поплыла отдѣльно.

— А еслибы любовь все-таки пришла? — спросилъ онъ. — Еслибы вдругъ — черезъ ночь — она явилась?

Онъ взглянулъ на нее задыхаясь. Она глядѣла вверхъ съ нахмурившимся и слегка дрожащимъ лицомъ; въ глазахъ ея отражалось пламя свѣчей, и легкій румянецъ покрылъ ея щеки.

— Чтò тогда? — повторилъ онъ.

— Я такъ стара, — сказала она легкимъ тономъ, какъ бы успокоивая сама себя.

— Вы такъ молоды, — возбужденно сказалъ онъ, — такъ молоды! И неужели у васъ никогда не было желанія полюбить?

Она вдругъ вздрогнула и взглянула ему въ глаза.

— Желаніа? Напротивъ того, я боюсь...

Она замолчала, устравившись слова, которое выдавало ее. И Грабаусъ съ испугомъ взглянулъ на нее, и увидѣлъ какъ рыжаница на ея щекахъ смѣнился страшной блѣдностью. Она поднялась и вышла изъ комнаты. Грабаусу показалось, что прошло много времени, прежде чѣмъ она вернулась.

— Мой мужъ отдохнулъ. Онъ сейчасъ придетъ, — сказала она непринужденнымъ тономъ.

Но послѣ этого они долго сидѣли, не произнося ни слова, и обоимъ казалось, что въ этомъ молчаніи они во всемъ признались другъ другу.

„Вы мнѣ позволили писать вамъ и прибавили съ улыбкой: если у васъ будетъ время и желаніе. Боюсь только, чтобы улыбка не смѣнилась изумленіемъ при видѣ моего длиннаго письма. Но не все ли равно? Есть вещи, которыя необходимо написать, и которыя пишутся, даже если знаешь, что онѣ не будутъ прочтены.“

„Я живу въ томъ же отелѣ, который былъ мнѣ такъ дорогъ въ прежній прїѣздъ, и сижу въ той же маленькой, узкой комнатѣ. Ко мнѣ поднимается съ улицы обычный шумъ. Это тотъ же Берлинъ. А между тѣмъ, все въ немъ стало инымъ.“

„Когда я прїѣхалъ сюда два мѣсяца тому назадъ, на всемъ городѣ лежалъ какой-то таинственный блескъ, точно предчувствіе близкаго счастья. Надо мной блистала звѣзда, и я бессознательно шелъ за нею. Мнѣ было такъ радостно, и моя радость озаряла все, что я видѣлъ. Но теперь, когда я знаю, что васъ здѣсь нѣтъ, все представляется мнѣ въ своемъ дѣйствительномъ видѣ. Берлинъ—какое-то страшное, бездушное чудовище. Люди стремятся здѣсь овладѣть предметами, а между тѣмъ, предметы овладѣли ими. Люди раздавлены предметами; они рабы того, что сами создали. Духъ человѣка утратилъ цѣну. Его презираютъ и высмѣиваютъ, если онъ не проявляется въ осязательныхъ внѣшнихъ результатахъ. Я недавно встрѣтилъ въ одномъ обществѣ стараго прїятеля, который сдѣлался за это время директоромъ банка. Онъ позвалъ меня къ себѣ обѣдать, и я принялъ приглашеніе, думая побесѣдовать съ нимъ и его женой. Но ихъ обоихъ я только вскользь увидѣлъ среди толпы разряженныхъ гостей. Съ внѣшней стороны все было необыкновенно пышно и изящно, но трудно себѣ представить ничтожность того, что говорилось въ отдѣльныхъ группахъ, къ которымъ я подходилъ. Моей сосѣдкой за столомъ была старая дама, некрасивая, но зато и не

такая пустая, какъ другія. Я спросилъ ее, всюду ли такъ бываетъ, какъ здѣсь? Она сразу меня поняла и отвѣтила: всюду. Мужчины устали, мысли ихъ заняты биржей, деньгами, дѣлами. Женщины скучаютъ, ищутъ развлеченій. Помните, мы съ вами посѣтили домъ Шиллера въ Тифуртскомъ замкѣ? Тамъ жили цари духа въ тѣсныхъ хижинахъ, а здѣсь нищѣ духомъ живутъ во дворцахъ. Тамъ царили свѣтъ, блескъ и отрадное тепло, здѣсь холодно и мрачно, несмотря на электрическій свѣтъ. Въ тотъ вечеръ я истинно радовался тому, что я бѣднякъ и что, по всей вѣроятности, останусь таковымъ всю жизнь.

„Все, чѣмъ человѣкъ владѣетъ, начинается имъ владѣть. Надѣньте новую шляпу, и вы станете рабой этой шляпы—побойтесь гулять подъ снѣгомъ, чтобы не попортить ее. Впрочемъ, нѣтъ, вы не такая. Вы съ царственнымъ спокойствіемъ ходили подъ дождемъ въ шелковомъ платьѣ, потому что вамъ было интересно продолжать нашъ разговоръ.

„Какъ бы мы ни умножали наше богатство, это не обогатитъ ни сердце, ни умъ новыми чувствами и новыми мыслями. Получается такое впечатлѣніе, точно мы потеряли свое „я“ и ищемъ себя во внѣшнихъ мертвыхъ предметахъ. Намъ служатъ милліоны лошадиныхъ силъ, но источники нашей внутренней силы иссякли. Гдѣ наша вѣра, наша сила воображенія, наша любовь? Мы разрушили силу, которая одухотворяетъ предметы и создаетъ вѣчныя цѣнности, неизсякаемыя радости. Наше мертвое сердце привязано къ мертвымъ предметамъ.

„Вотъ мысли, которыя тѣснились въ моей душѣ въ эти дни—долгіе, какъ дни изгнанія. На меня напалъ ужасъ; мнѣ казалось, что я кричу и никто меня не слышитъ. Способенъ ли я еще сдѣлать что-нибудь въ жизни? Нужно ли людямъ то, что я могу имъ дать? Можетъ быть, я человѣкъ давно минувшей поры, или же времени, которое наступитъ уже послѣ моей смерти? Мнѣ были противны эти тысячи людей, проходившіе мимо меня на улицѣ, и все-таки я чувствовалъ, что они мнѣ нужны, что одиночество иссушитъ меня, что мнѣ нуженъ отголосокъ живыхъ душъ. Но въ тѣ часы, когда я падалъ духомъ, внутренней голосъ сказалъ мнѣ: не приходи въ отчаяніе, вѣдь въ твоей жизни явилась она. Мое чувство къ вамъ, фрау Платенъ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что люди называютъ страстью и любовью. Я для васъ буду всегда только другомъ. Не знаю даже, позволите ли вы мнѣ называться вашимъ другомъ. Можетъ быть, мнѣ придется скоро уѣхать далеко отъ васъ. И все же я могу сказать: съ тѣхъ поръ, какъ я васъ встрѣтилъ, для меня

началась новая жизнь. И вдали отъ васъ эта новая жизнь будетъ продолжаться. Все, что во мнѣ можетъ еще созрѣть, окрѣпнуть, все это дали мнѣ вы. Моя жизнь будетъ преисполнена силы, потому что я ее сознательно или бессознательно всегда посвящаю вамъ.

„На слѣдующій вечеръ.

„Теперь послѣ полуночи. Я все еще сижу за письменнымъ столомъ и не знаю о чемъ писать, о чемъ умолчать. Въ комнатѣ холодно, но голова вся въ огнѣ. Въ хаосѣ мыслей, одолевających меня, самыя ясныя исчезаютъ, а тѣ, которыя остаются, пугаютъ меня. Вѣдь я съѣлъ писать вамъ о томъ, что мнѣ удалось сдѣлать въ Берлинѣ. Но я не могу теперь—откладываю на другой разъ. Спѣшу только сказать, что о вашемъ братѣ вамъ беспокоиться нечего. Затѣмъ—затѣмъ, я еще разъ былъ въ министерствѣ и долго бесѣдовалъ съ Вольбольдомъ. Университетъ будетъ основанъ и предполагается, что я буду назначенъ ректоромъ. Вольбольдъ сообщилъ это мнѣ съ видомъ Наполеона, который производитъ скромнаго офицера въ генералы. Чтобы скачокъ не былъ слишкомъ большимъ, меня хотятъ перевести—можетъ быть, уже черезъ нѣсколько недѣль—экстраординарнымъ профессоромъ въ Кенигсбергъ. Вы меня поздравляете? Радуетесь за меня? Я многое бы далъ, чтобы видѣть выраженіе вашего лица, когда вы прочтете эти строки. Что касается меня, то говорю вамъ откровенно—я далеко не радъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ эта перспектива безконечно бы меня обрадовала, но теперь я только въ ужасѣ отъ того, что не буду больше видать васъ. Это было моей единственной мыслью въ тѣ часы, когда я, не находя себѣ покоя, бѣгалъ по улицамъ.

„И какъ тогда, когда я впервые услышалъ ваше имя, оно стало звучать въ моей душѣ: Марія-Луиза! Марія-Луиза! Это былъ точно голосъ, зовущій меня—голосъ съ берега, обращенный къ утопающему. Неужели же я снова опущусь на темное дно послѣ того, какъ едва успѣлъ прикоснуться къ вашей рукѣ? Нѣтъ, Марія-Луиза, я не могу повѣрить, что злая и бессмысленная судьба только съ тѣмъ привела меня къ вамъ, чтобы сейчасъ же снова разлучить насъ. Не можемъ же мы разойтись съ вами, какъ случайно встрѣтившіеся путешественники, которые провели нѣсколько пріятныхъ часовъ вмѣстѣ и затѣмъ, на поворотѣ пути, расстаются съ легкимъ сердцемъ. Я не могу этого допустить. Я отдалъ вамъ всю свою душу и не можетъ быть, чтобы вы не питали ко мнѣ даже простой симпатіи. И вы, Марія-Луиза, нуждаетесь во мнѣ—я это знаю. И вы несчастливы.

И въ васъ проснулась жажда счастья. Я давно это предчувствовалъ, не осмѣливаясь только думать объ этомъ. Но когда въ послѣдній вечеръ у васъ наши взоры встрѣтились, я прочелъ это въ вашихъ глазахъ. Пламя, которое пожираетъ меня, бушуетъ и въ вашей душѣ.

„О, Марія-Луиза! когда я написалъ то, чего никогда не думалъ писать, мнѣ стало легко и весело на сердцѣ. Что теперь будетъ—не знаю. Я рѣшилъ только одно: завтра я отправляюсь къ Вольбольду и употреблю всѣ усилія, чтобы остаться въ Іенѣ—подлѣ васъ. Я ничего не желаю, ни къ чему не стремлюсь, кромѣ того, чтобы видѣть васъ, чтобы вы сохранили ко мнѣ свое прежнее хорошее отношеніе. Можетъ быть, вы будете презирать меня послѣ этого письма. Можетъ быть, я дѣйствительно безумецъ. Я и этого не знаю, а только чувствую, что сердце мое бьется радостью и надеждой. Довѣрить свою душу тому, кого любишь—величайшее блаженство: оно выше всякаго благо-разумія“.

Въ тотъ вечеръ, когда пришло это письмо, майоръ и его жена сидѣли вмѣстѣ въ гостиной. День былъ очень тяжелый и медленно тянулся. Дуль безпощадный ледяной вѣтеръ, отъ котораго страданія майора усилились до нестерпимости. Больному хотѣлось стонать и кричать отъ боли, но пока около него была Марія-Луиза, онъ не испускалъ ни малѣйшей жалобы, и на ея тревожные вопросы отвѣчалъ съ кроткой улыбкой:

— Ничего, пройдетъ. Это все маленькіе укусы комара, напоминающіе нашему брату, что молодость уже прошла.

Этими словами онъ старался отшутиться отъ ея тревоги.

Пламя свѣчей въ канделябрахъ пугливо трепетало подъ напорами вѣтра; въ старинномъ каминѣ огонь то ровно стелился по низу, то вспыхивалъ, жадно охватывая сухія дрова. Только маленькая керосиновая печка у садовой двери продолжала тихо и ровно горѣть.

Майоръ съ женой мирно бесѣдовали послѣ кофе, и разговоръ между прочимъ зашелъ о Грабаусѣ. На этомъ онъ оборвался: въ душѣ Маріи-Луизы пробудились голоса, которые никогда бы не заявили о себѣ вслухъ. Она вышивала. Майоръ собирался подарить Грабаусу къ Рождеству такое же кресло, какъ свое, и жена его вышивала полосу для обивки кресла. Она выбрала старинный гобеленовый узоръ и, вышивая его блѣдными шелками, все время думала о Грабаусѣ. Она даже собственно не думала о немъ, а какъ бы видѣла его подлѣ себя: онъ си-

дѣль и ходилъ по комнатѣ, и когда она вспоминала его взволнованныя слова, обращенныя къ ней, сердце ея быстро и бурно билось.

Когда затихъ порывъ вѣтра, и среди наступившей тишины, при неподвижномъ свѣтѣ свѣчей и догорающемъ пламени камина вдругъ что-то зашуршало за обоями, Марія-Луиза вся вспыхнула и вздрогнула. Глядя влажными глазами на то мѣсто въ стѣнѣ, откуда раздался шорохъ, она стала прислушиваться и чего-то искать взглядомъ. У нея было такое чувство, точно слова, которыми они обмѣнялись въ вечеръ его отъѣзда — невинныя слова, но все же вдругъ освѣтившія ихъ тайну — стали живыми существами и тѣснятся вокругъ нея. Она переживала теперь то же самое, что и въ тотъ вечеръ, — только чувство еще глубже проникло въ ея сердце. Ей казалось, что она погружается куда-то глубоко-глубоко, и всѣ тревожныя вопросы, которые поднялись въ ней въ этотъ моментъ, исчезли передъ блаженствомъ, охватившимъ ее. За окнами опять бушевалъ вѣтеръ, опять вспыхнуло пламя въ каминѣ, но она ничего не замѣчала. Она не слышала звонка у входныхъ дверей и не видѣла оставившагося на ней взгляда ея мужа.

Съ той минуты, какъ смолкла Марія-Луиза, его лицо приняло измученное, уставшее выраженіе. Онъ уже не противидся своей боли, а съ чувствомъ отдохновенія отдался ей, и нѣсколько времени лежалъ, прикрывъ глаза рукой. Потомъ, какъ бы боясь, что жена наблюдаетъ за нимъ, онъ приподнялся и взглянулъ на нее. Ему показалось, что она никогда еще не была такъ прекрасна, какъ въ эту минуту. Ее окружалъ свѣтъ, который не шелъ отъ свѣчей и не былъ отраженіемъ огня въ каминѣ. Она сидѣла тихо, едва дыша, какъ бы видя сонъ на яву, слегка раскрывъ губы, съ влажнымъ блескомъ въ глазахъ, со строгимъ выраженіемъ лица, которое, однако, какъ бы озарялось изнутри улыбкой. Она была удивительно молода и прекрасна. И съ болью, превосходящей его физическія страданія, онъ подумалъ о томъ, какой онъ рядомъ съ ней старый, больной и немощный.

Дѣвушка открыла тихо дверь и принесла газеты. Марія-Луиза поднялась, и когда майоръ протянулъ къ ней руку, она сѣла рядомъ съ нимъ.

— Какъ ты была хороша только-что, дитя. Ты думала о чемъ-нибудь прекрасномъ, не правда ли?

Она медленно перевела дыханіе и только покачала головой.

— Какъ ты себя чувствуешь, милый, — спросила она.

— Отвероленно говоря, очень плохо.

— Сегодня особенно плохой день для тебя.

— Сегодня то же, что вчера. Только я сегодня болѣе чувствителенъ. Болѣзнь твердо засѣла въ меня и больше не уйдетъ. Да, дорогая, нужно съ этимъ примириться — я хромой калѣка, а ты еще такъ молода.

— Зачѣмъ ты это говоришь? Ты знаешь, какъ это меня огорчаетъ.

— Выслушай меня спокойно,—сказаль онъ, и снова взяль ее за руку.—Я съ тобой говорилъ объ этомъ уже въ прошломъ году, послѣ первой болѣзни, и теперь повторяю. Когда тебѣ станетъ не подъ силу—не жалѣй меня.

Она вся вздрогнула отъ ужаса.

— Боже, какъ ты меня мучаешь!

Майоръ сворбно улыбнулся и сталъ ее утѣшать.

— Я не хочу тебя мучить. Я хочу только знать, что ты охотно остаешься подлѣ меня. Когда я стану тебѣ въ тягость—больные люди всегда становятся въ тягость...

— Ахъ, почему ты не хочешь меня понять. Я люблю тебя такимъ, каковой ты есть. Я вѣдь тебѣ говорила, что моей первой истинной любовью былъ мой отецъ и что я была счастливейше всего, ухаживая за нимъ. Я могу любить только тѣхъ, передъ кѣмъ я преклоняюсь. А всѣ мужчины, которыхъ я встрѣчала— всѣ...

— А что, если когда-нибудь явится другой, котораго ты полюбишь?

Она откинулась назадъ и возбужденно отвѣтила:

— А еслибы онъ и явился? Неужели бы я оставила тебя? Что стало бы съ тѣмъ, во что я вѣрила, для чего жила? Куда дѣвалась бы моя честность, гордость?

— Есть чувства болѣе сильныя, чѣмъ все это.

— Не для меня. Я останусь у тебя. Вся моя жизнь въ тебѣ. Я измѣнила бы себѣ, оставивъ тебя. А теперъ довольно. Тебѣ вредно много говорить.

Онъ держаль ее руку въ своей. Они глядѣли другъ другу въ глаза, и она безмолвнымъ, испуганнымъ взоромъ снова увѣряла его въ томъ, чему онъ не могъ вѣрить и что ему все-таки было такъ отрадно слушать.

За стѣнами дома продолжалась буря. Вѣтеръ вривался въ каминъ и то душиль пламя, то вддымалъ его съ собой вверхъ. Въ комнатѣ же наступила тишина. Майоръ и Марія-Луиза замолчали, точно стыдись страстнаго порыва, обнажившаго ихъ

души, и старались прикрыть глубокую челоѣчность своихъ чувствъ будничнымъ покровомъ равнодушія. Черезъ нѣсколько времени они заговорили о спокойныхъ, обыденныхъ предметахъ.

Майору стало невыносимо лежать на диванѣ, и онъ пересѣлъ на кресло у камина. Марія-Луиза придвинула ему скамеечку, прикрыла его ноги пледомъ, затѣмъ стала читать ему вслухъ газету, и только легкая дрожь въ голосѣ выдавала пережитое ею волненіе.

Снова вошла дѣвушка и принесла вечернюю почту—много писемъ, которыя она передала майору.

— Видно, что Рождество близко,—сказалъ онъ.—Это письмо для тебя, дорогая. Онъ подвинулъ женѣ письмо.—Странно, что Бергеръ не пишетъ о нашемъ имѣніи. Ага, вотъ письмо отъ него. Посмотримъ, чтѣ новаго.

Онъ разрѣзалъ конвертъ и положилъ ножикъ на столъ, чтобы Марія-Луиза могла взять его. Но она не протянула за нимъ руку, а съ блѣднымъ лицомъ смотрѣла на письмо, сразу узнавъ почеркъ на конвертѣ. Она подумала о томъ, чтѣ только-то говорила мужу. Внимая бурному біенію сердца и шопоту глухихъ голосовъ, она показалась сама себѣ мрачной, ненавистной загадкой. Наконецъ она встрепенулась, разрѣзала конвертъ и начала читать съ такимъ видомъ, точно заравѣе враждебно отклоняла каждое слово письма. Прошло нѣсколько времени. Майоръ что-то высчитывалъ и записывалъ на бумагѣ.

— Да, дитя, объ этомъ нужно подумать. Нѣсколько земельныхъ участковъ сильно поднялись въ цѣнѣ. Кажется, теперь дѣйствительно выгодно будетъ продать.

Не услышавъ ничего въ отвѣтъ, онъ обернулся и увидѣлъ, что она плачетъ. Сначала онъ испугался, думая, что въ письмѣ была какая-нибудь печальная вѣсть. Но, взглядываясь молча въ ея лицо, по которому текли слезы изъ широко раскрытыхъ глазъ, онъ увидѣлъ, что сквозь ея печаль просвѣчиваетъ еще больше, чѣмъ прежде, отблескъ скрытаго счастья. Онъ тихо облизнулъ ее, но она не слышала.

— Дитя, Марія-Луиза, чтѣ съ тобой?—повторилъ онъ.

Марія-Луиза взглянула на него и очнулась. Она осушила слезы и лицо ея приняло сосредоточенное сумрачное выраженіе; она молча передала ему письмо. Онъ съ удивленіемъ взялъ его и началъ читать. Марія-Луиза перестала плакать и съ выраженіемъ муки на лицѣ глядѣла въ пространство. Только когда она слышала по шелесту бумаги, что онъ переворачиваетъ страницы, она коротко и отрывисто переводила духъ.

Наконецъ онъ кончилъ. Его рука, свѣсившаяся съ ручки кресла, держала смятую страницу. Откинувшееся назадъ лицо нельзя было разглядѣть.

— Скажи же что-нибудь, — проговорила она. Не получивъ отвѣта, она подошла и опустилась на колѣни передъ его кресломъ. — Бернгардъ, скажи хоть одно слово, — проговорила она.

Онъ наклонился къ ней. У него были потухшіе глаза, на желтомъ, испещренномъ морщинками лицѣ выступилъ холодный потъ.

— Отошли ему письмо. Скажи, чтобъ онъ больше не приходилъ. Я не хочу его видѣть, — шептала она беззвучнымъ, но твердымъ голосомъ.

Онъ отрицательно повачалъ головой.

— Дитя, дитя, развѣ можно такъ поступать? — сказалъ онъ. — Еслибы кто-нибудь другой — но другой бы и написалъ иначе. Вѣдь такъ не пишутъ — совратители. — Онъ коротко и сухо засмѣялся при этомъ словѣ. — Не будемъ же несправедливы къ нему. Пусть онъ продолжаетъ бывать. Вѣдь мы съ нимъ провели много пріятныхъ часовъ.

Его отяжелѣвшая рука гладила ея волосы. Она подняла лицо, взглянула на него широко раскрытыми глазами, точно собираясь что-то сказать. Но болѣе властная сила остановила ея порывъ.

— А теперъ иди, дорогая. Перечти письмо еще разъ сама. Мнѣ хочется остаться одному. Это все-таки взволновало меня. Иди, Марія-Луиза, прошу тебя.

Онъ выпрямился и отдалъ ей письмо. Она подошла къ камину и остановилась въ нерѣшительности, точно собираясь бросить его въ огонь.

— Нѣтъ, не нужно. Повѣрь мнѣ, онъ самъ никогда не заговоритъ больше объ этомъ письмѣ. Такія слова вырываются разъ, и затѣмъ ихъ навсегда хоронятъ въ душѣ.

Онъ быстро пожалъ ей руку, и она ушла, повторивъ еще разъ: напиши ему, что я не хочу его видѣть.

Послѣ ухода жены майоръ нѣсколько времени сидѣлъ въ креслѣ, не двигаясь, съ закрытыми глазами и все время повторялъ про себя на какой-то баюкающей мотивъ: „Старый мужъ — молодая жена. Старый мужъ — молодая жена!“ Въ головѣ его носились одновременно обрывки разныхъ другихъ словъ и мыслей. Честь... честь. И это слово промелькнуло среди другихъ, хотя онъ въ эту минуту не отдавалъ себѣ отчета въ его смыслѣ.

Вошла дѣвушка, прибавила дровъ въ каминъ и молча вышла. Желтые огоньки сначала нерѣшительно набѣгали на холодныя

свѣжія полѣнья и отступались, точно недовольные предоставленной имъ пищи. Но тотчасъ же они снова жадно вытягивали горячіе языки. Раздался трескъ и дрова вспыхнули, охваченныя огнемъ, какъ красной мантией. Майоръ пристально глядѣлъ на эту работу пожирающаго пламени. Ему представлялся въ воображеніи лѣсъ, въ которомъ эти уже распадающіяся въ пепель полѣнья были большими могучими деревьями, пустили глубоко въ землю корни и спорили съ вѣтрами. Но пришло пламя и пожрало ихъ, превратило въ пепель. И онъ подумалъ: такъ же, какъ эти деревья выросли и окрѣпли въ теченіе медленныхъ, долгихъ десятилѣтій, такъ и въ немъ, какъ и во всякомъ человѣкѣ, родились и выросли мысли и убѣжденія, пустили глубокіе корни и противились всѣмъ бурямъ. Но пришло пламя и все пожрало, все превратило въ пепель: вѣрность, честность, гордость—все, о чемъ говорила Марія-Луиза.

Онъ крѣпко ухватился за ручку кресла и сжалъ ее. Онъ сталъ припоминать то, въ чемъ покаялся себѣ годъ тому назадъ. Тогда, глядя на свою молодую, какъ бы окрыленную силой и красотой жену, онъ понималъ, что было бы жестокостью и святотатствомъ навсегда приковать молодое прекрасное существо къ постели больного. Онъ понималъ, что нужно предоставить ей свободу, что это болѣе священный долгъ, чѣмъ выдуманная людьми обязанности. Все это онъ ей сказалъ и повторилъ нѣсколько разъ, какъ она ни отказывалась его слушать. Но теперь то страшное, что онъ предсказывалъ, наступило,—несчастіе обрушилось на него—и на нее. И все въ немъ возмутилось противъ неотвратимаго; его охватилъ судорожный холодъ, какъ отъ близости смерти. Онъ глядѣлъ на догорающія дрова, по которымъ бѣгали послѣдніе огоньки, слышалъ трескъ послѣднихъ искръ въ каминѣ, и въ головѣ его носились дикія картины. Онъ видѣлъ себя выпрямившимся, большимъ; онъ рветъ письмо и тотъ—другой—уходитъ съ смертельно блѣднымъ лицомъ. Или же передъ нимъ лѣсъ, засыпанный свѣгомъ. Оба они наводятъ пистолеты, тотъ падаетъ, а онъ самъ садится въ коляску. Потомъ вдругъ ему представилась Марія-Луиза съ обрваненнымъ лицомъ—потомъ онъ самъ среди лужи крови. Вокругъ него люди, оцѣпенѣвшіе отъ ужаса. Всюду кровь, кровь!

Онъ протеръ себѣ глаза, прижалъ къ нимъ руки, но кровавыя видѣнія не исчезали—казалось, что кровь лилась изъ его же глазъ. Охваченный ужасомъ передъ самимъ собой, онъ весь содрогнулся. И вдругъ на креслѣ, на которомъ онъ такъ часто сидѣлъ,—майоръ увидѣлъ Грабауса. Онъ сидѣлъ и, глядя сіяю-

щими глазами на Марію-Луизу, говорилъ тѣмъ взволнованнымъ, вѣщающимъ тономъ, который часто удивлялъ майора. Онъ опять произносилъ тѣ же длинныя, закругленныя фразы, которыя вызвали тоже удивленіе, а иногда и улыбку у майора. Онъ говорилъ такъ, какъ еслибы заговорила печатная книга. Майоръ его слушалъ, увлекался и радовался, когда вполнѣ понималъ его мысль. Но внутренно онъ улыбался и думалъ: „Какъ бы все это звучало по иному, еслибы заговорилъ какой-нибудь влюбленный офицеръ!“

И когда онъ все это себѣ такъ ясно представилъ, его охватило чувство внезапнаго облегченія. Онъ радостно вздохнулъ. Онъ точно лучше узналъ этого человѣка, чистаго и неспособнаго ни на что дурное. Онъ увидѣлъ передъ собой его честное открытое лицо и понялъ, что все, что онъ съ внутреннимъ испугомъ приписывалъ ему, было вѣдъ области возможнаго для этого человѣка. Майоръ внутренно поглядѣлъ на него съ легкимъ чувствомъ превосходства...

Когда, нѣсколько дней спустя, Грабаусъ входилъ въ свою аудиторію въ Веймарѣ, всѣ мѣста были заняты—кромѣ стула Маріи-Луизы. Медленно проходя мимо него, Грабаусъ чувствовалъ, какъ смутное чувство тревоги, охватившее его послѣ возвращенія домой, превратилось въ острую гнетущую боль. Въ то время, какъ онъ открылъ записки и сталъ собирать мысли передъ началомъ чтенія, ему стали шептать уснокоительные голоса въ душѣ: „Развѣ не могло случиться, что ей что-нибудь помѣшало? Она, можетъ быть, нездорова. Но онъ не вѣрилъ этимъ голосамъ, убѣжденный, что во всемъ виновато письмо—что изъ-за него она и не пришла“. Любовь къ этой женщинѣ, пробудившая въ немъ столько гордости и смѣлости, въ такой же степени сдѣлала его пугливымъ, неувѣреннымъ въ себѣ.

Онъ уже началъ лекцію, когда дверь снова открылась и вошла Марія-Луиза. Она быстрыми, рѣшительными шагами прошла на свое мѣсто. Онъ вздрогнулъ, но продолжалъ сповойно читать, отъ времени до времени только бросая взгляды въ ея сторону. Его безпокоило то, что она не снимала вуали—это казалось ему какимъ-то признакомъ размолвки между ними. Послѣ лекціи у выхода онъ подошелъ къ ней поздороваться. Она любезно протянула ему руку, спросила, когда онъ вернется, затѣмъ прибавила, что сѣшить за покупками къ Рождеству и попросила зайти къ нимъ вечеромъ, говоря, что это очень обрадуетъ ея

мужа. Но Грабаусъ отклонилъ приглашеніе, говоря, что спѣшить домой. На слѣдующей недѣлѣ онъ былъ приглашенъ къ Платенамъ вмѣстѣ съ Вольфомъ, но ни на минуту не оставался наединѣ съ Маріей-Луизой и обмѣнялся съ ней только нѣсколькими незначительными словами.

Въ слѣдующую субботу Грабаусъ читалъ лекцію такъ спутанно и вяло, что послѣ окончанія къ нему подошла какая-то сострадательная директриса, спросила, не болитъ ли у него голова и посоветовала ему брать порошки аспирина. Затѣмъ одна старая учительница стала его убѣждать, что у него навѣрно продрогли ноги и въ этомъ причина его нездоровья. Она посоветовала ему носить пуховые чулки и сейчасъ же дала адресъ магазина, гдѣ можно купить такіе чулки. Когда въ этомъ двумъ дамамъ присоединилась еще третья, Грабаусъ поспѣшилъ спастись отъ нихъ и, быстро распрощавшись, торопливо пошелъ нагонять Марію-Луизу. Онъ сначала пошелъ направо, потомъ повернулъ налѣво, пока, наконецъ, не увидалъ на другой сторонѣ улицы Марію-Луизу—опять въ сопровожденіи двѣухи. Онъ попросилъ позволенія пройти нѣсколько шаговъ вмѣстѣ съ ней. Она отвѣтила, что отправляется за покупками и что мужчины только мѣшаютъ при этомъ.

— Лучше пойдите къ намъ и посидите съ мужемъ. Я скоро вернусь,—сказала она.

— Я тоже отправляюсь за покупками,—отвѣтилъ Грабаусъ съ упрямой настойчивостью челоуѣка, который бросился въ воду и рѣшилъ или доплыть до другого берега, или утонуть.—Мнѣ двѣ директрисы посоветовали купить пуховые чулки, чтобы ноги не мерзли, и порошки аспирина, чтобы голова не была въ огнѣ. Я навѣрное говорилъ сегодня, какъ идиотъ—и чувствую себя идиотомъ. Впрочемъ, нѣтъ, не идиотомъ; я ужъ недѣлю точно въ горячкѣ.

— Такъ вамъ бы дѣйствительно лучше сидѣть въ теплѣ, а не бѣгать по холоду. Я съ удовольствіемъ куплю все, что вамъ нужно.

— Зачѣмъ вы надо мной смѣетесь? Это некрасиво!

— Господи!—испуганно воскликнула она.—Я не смѣюсь, а говорю совершенно серьезно.

— Я боленъ—только оттого, что насъ что-то раздѣляетъ, что вы ужъ не попрежнему относитесь ко мнѣ. Я знаю, почему. Вы, конечно, правы. Но позвольте мнѣ одинъ разъ откровенно поговорить съ вами. Тогда—если вы сочтете это нужнымъ—я уйду навсегда.

Марія-Луиза продолжала идти, ничего не отвѣчая. Они прошли мимо ярко освѣщеннаго магазина и взоры ихъ встрѣтились при свѣтѣ. Ея тревожный, нерѣшительно вопрошающій взглядъ остановился на секунду на его блѣдномъ, измученномъ лицѣ и умоляющихъ глазахъ.

— Подождите минуту, — сказала она.

Она обернулась, вынула изъ кошелька деньги и бумажку со спискомъ того, что нужно купить, и передала все это дѣвушкѣ. Дѣвушка направилась къ рынку, а они продолжали вдвоемъ путь въ противоположномъ направленіи.

— Благодарю васъ, — прошепталъ Грабаусъ.

Марія-Луиза слегка вздрогнула и сказала:

— Вы хотите, очевидно, поговорить со мной относительно письма, которое вы мнѣ написали. Оно вѣдь насъ разъединило. Я показала его мужу, и онъ сказалъ, что вы никогда больше не заговорите о немъ, что вы опомнитесь, и эта исторія будетъ навѣки похоронена.

— Пусть она будетъ похоронена — я согласенъ.

— Тогда все отлично. Пойдемте къ намъ. Я вамъ дамъ письмо, вы его разорвете — и пусть все будетъ по-старому. Развѣ это не самое лучшее?

— Это невозможно, — тихо отвѣтилъ онъ. — Такъ, какъ было прежде, уже больше не можетъ быть. То, что прошло, не вернется. Будетъ что-нибудь новое — такъ или иначе. Когда я писалъ вамъ это письмо, я думалъ, что вы его прочтете, оставите его у себя, поймете — оправдаете меня.

— Оправдаю?

— Я долженъ былъ его написать. Я зналъ, опуская его въ ящикъ, что, можетъ быть, стану въ вашихъ глазахъ презрѣннымъ человѣкомъ, но все-таки отослалъ его. Я иначе не могъ поступить.

— Могли. Еслибы вы вняли голосу чистаго человѣка, который живетъ въ васъ, вы бы не написали его.

— Напротивъ того. Я написалъ его подъ вліяніемъ лучшаго, что есть во мнѣ.

Не обращая вниманія на дорогу, они шли по тихимъ улицамъ и вышли на бельведерскую аллею. Мимо нихъ мелькали темныя фигуры, которыя съ провинціальнымъ любопытствомъ старались узнать ихъ лица. Поѣздъ городской желѣзной дороги промчался мимо нихъ, залилъ ихъ яркимъ свѣтомъ. Грабаусъ остановился. Указывая на занесенный снѣгомъ паркъ, который тянулся влѣво отъ нихъ въ бѣлой полумгѣ, онъ сказалъ:

— Пойдемъ туда. Тамъ по крайней мѣрѣ тихо.

— Я не хожу въ паркъ такъ поздно,—рѣзко отвѣтила она.— Скажите мнѣ здѣсь то, что вы имѣете еще сказать мнѣ.

— Я попытаюсь. И, вѣроятно, это будетъ нашъ послѣдній разговоръ. Я долженъ объяснить вамъ, въ какомъ настроеніи я писалъ это письмо. Тогда вы его если и не оправдаете, то во всякомъ случаѣ не такъ строго осудите. Я очень любилъ мою жену—я ставилъ ее чрезвычайно высоко. Но потомъ я убѣдился, что ошибся, что она не такая, какою она мнѣ казалась, а самая обыкновенная женщина съ мелкими интересами. И мнѣ показалося тогда, что вся моя жизнь испорчена. Я могъ заботиться о карьерѣ, но то, что составляетъ цѣнность жизни, исчезло. Я потерялъ вѣру въ себя вмѣстѣ съ вѣрой въ жену. Мысли мои, быть можетъ, имѣютъ значеніе—но весь я казался себѣ ничтожнымъ. Я судилъ себя по той женщинѣ, чью любовь я завоевалъ. Въ этомъ настроеніи я встрѣтился съ вами. А теперь выслушайте терпѣливо то, что я еще имѣю вамъ сказать. Вы позволяете говорить?

— Говорите,—произнесла Марія-Луиза сдавленнымъ голосомъ.

Они опять вышли на оживленную улицу. Пройдя нѣсколько времени молча, они какъ бы по безмолвному соглашенію свернули въ узкую, темную улицу и опять приблизились къ нарку.

— Когда я увидалъ васъ въ первый разъ въ Берлинѣ, я сразу почувствовалъ, что заслужить ваше уваженіе и вашу дружбу для меня дороже всякихъ университетскихъ и государственныхъ почестей. Я почувствовалъ, что вы можете вернуть мнѣ вѣру въ себя.

Онъ остановился и посмотрѣлъ на вечернее небо, на которомъ плылъ мѣсяцъ въ красноватой дымѣ промежъ стройныхъ высокихъ тополей. Глубоко внизу видѣлись снѣжныя поляны въ сѣроватомъ предвечернемъ свѣтѣ и переплетались верхушки деревьевъ, объятыхъ пламенемъ заката.

— Когда я писалъ вамъ письмо, я зналъ, что мы никогда не будемъ принадлежать другъ другу. Но я ничего не желалъ. Никакая нечистая мысль не примѣшивалась къ моей любви. Вовсе не нужно обладать счастьемъ,—нужно только знать, что оно было возможно. Достаточно знать, что не ты недостойнъ любимой женщины, а вѣчныя свѣтила не допустили твоего счастья. Если есть эта вѣра, то дѣйствительность не страшна. Потому я написалъ вамъ—я хотѣлъ имѣть право смотрѣть когда-нибудь изъ моей одинокой комнаты на такую ночь, какъ эта, и сказать

себѣ, что на далекихъ путяхъ, гдѣ безсильна судьба, гдѣ нѣтъ запретовъ, я могъ бы идти рядомъ съ вами. Вотъ въ чемъ моя вина, Марія-Луиза; простите мнѣ ее теперь.

Онъ взялъ ея руку, которая безводно лежала въ его рукѣ.

— Я прощаю, — тихо сказала она.

— Вы не считаете меня низкимъ человѣкомъ?

Она молча покачала головой и слезы катились по ея щекамъ.

— Марія-Луиза, Марія-Луиза! — шептала онъ, не выпуская ея руки изъ своей. — Вотъ тамъ паркъ. Войдемъ туда. Этотъ часъ — нашъ. Тогда то, о чемъ мы мечтали, станетъ дѣйствительностью.

Она взглянула на него съ нѣмымъ вопросомъ и потомъ устремилась вворъ на паркъ. Она точно его не узнавала, хотя всю свою жизнь ходила по его дорожкамъ. Теперь онъ казался какимъ-то закодированнымъ міромъ. Такимъ огромнымъ и тихимъ она его никогда не видала.

— Пойдемъ, Марія-Луиза, пойдемъ!

Но она стояла, не двигаясь съ мѣста. Ей вспомнился далекий весенній вечеръ, когда она одна ходила по дорожкамъ парка, сама не зная, чего ей нужно, и все же медля возвращаться домой. Она тогда чуть не плакала отъ наплыва молодыхъ силъ и предчувствія близящагося расцвѣта жизни. Ея юное сердце, полное невыплаканныхъ слезъ и безмолвнаго ликования, стремилось на встрѣчу къ кому-то невѣдомому, который долженъ придти и повести ее по сплетающимся дорожкамъ.

— Пойдемъ, Марія-Луиза! Пойдемъ!

Она слушала этотъ дрожащій шопотъ, и ей казалось, что все, чего она ждала и жаждала въ тотъ одинокій весенній вечеръ, исполнилось. Только на минуту въ головѣ ея мелькнула и сейчасъ же исчезла мысль о мрачной комнатѣ, гдѣ ее ждетъ ея одинокій мужъ. Грабаусъ увлекалъ ее впередъ, и на устахъ ея мелькала загадочная улыбка. Она сопротивлялась, но все же уступала и чувствовала все время блаженное и жуткое чувство быстрого полета внизъ, въ какую-то головокружительную бездну.

Они осторожно спускались по узкимъ землянымъ ступенькамъ внизъ на поляну. Онъ шелъ впереди, съ безповойствомъ оглядываясь на нее. Когда она поскользнулась, онъ быстро схватилъ ее за руку.

— Идемъ же, Марія-Луиза, идемъ!

Все быстрѣе шли они съ лѣстницы. И только спустившись внизъ, они пошли медленнѣе, подъ руку, молча вступая въ окружившій ихъ новый міръ. Когда кончился кустарникъ и передъ

ихъ взорами открылась далекая снѣжная равнина съ отдельными группами деревьевъ, а вдали показалась высокая стѣна тополей, надъ которыми теперь сіялъ ровный серебрястый свѣтъ мѣсяца, онъ остановился и сказалъ:

— Боже, какъ это прекрасно! Вѣдь мы молоды, Марія-Луиза! О, Марія-Луиза, съ тѣхъ поръ какъ я услыхалъ ваше имя, въ груди моей засѣла птичка, которая постоянно пѣла: Марія-Луиза! Марія-Луиза! и при этомъ влезала мое сердце. Это было сладостно и нестерпимо больно. И я сразу понялъ, что полюблю васъ.

Онъ остановился передъ ней, охваченный радостью, и сказалъ возбужденнымъ тономъ:

— Снимите вуаль. Она мѣшаетъ мнѣ видѣть ваши глаза.

Онъ отвелъ отъ ея лица вуаль и осторожно заложилъ его на края шляпы. Потомъ онъ положилъ ей руки на плечи, притнулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ ее въ губы. Весь заиндевелый отъ мороза, онъ едва почувствовалъ теплоту ея губъ. Но поднимая потомъ голову, онъ быстро взглянулъ вверхъ, точно удивляясь, что мѣсяцъ и звѣзды продолжаютъ сіять. У него было такое чувство, точно случилось самое важное и самое невозможное—то, что давало его жизни новый блескъ и высоко поднимало его надъ всѣми другими людьми. Они безмолвно пошли дальше, сами не зная, куда идти, забывъ о времени въ этотъ зачарованный часъ. Она взяла его руку, обвила ею свою шею и сама обняла его. Такъ они шли, и опять она вспомнила свои дѣвичьи грезы, исполнившіяся въ этотъ часъ. Они снова остановились и онъ опять поцѣловалъ ее.

— Какое счастье цѣловать твои нѣжныя, чистыя уста!

— Они уже не чисты,—прошептала она со стономъ.

Раздался бой часовъ въ ясномъ воздухѣ. Она стала торопиться домой, но онъ увлекалъ ее все дальше и она уступала ему, не сопротивляясь его поцѣлуямъ. И только какъ послѣдній отголосокъ того, чѣмъ она была прежде, прозвучали ея слова:

— Что ты дѣлаешь со мной, Генрихъ! У меня нѣтъ больше воли. Мнѣ давно-давно пора домой.

Они подошли къ мосту и стали глядѣть въ темную воду внизу. Опять раздались изъ тишины глухіе удары башенныхъ часовъ.

— Это тотъ мостъ, по которому мы пришли сюда, Марія-Луиза. Какъ теперь все стало инымъ... Ты не расквашаешься?

— Послушай, Генрихъ,—сказала она, взявъ его за руку.— Общай мнѣ вотъ что: то, что ты мнѣ говорилъ раньше,—правда.

Ты никогда не станешь для меня ближе, чѣмъ теперь. Общай, что ты этого не будешь желать.

— Общаю.

— То, что произошло сегодня, будетъ похоронено. Ты никогда не напомнишь мнѣ объ этомъ—и это никогда не повторится.

— Это и не должно повториться. Это было разъ навѣки.

Она глубоко перевела дыханіе и сказала: тогда все хорошо.

Они медленно направились домой, идя подъ руку и не обращая вниманія на людей, которыхъ встрѣчали. Въ бельведерской аллеѣ, почти у самаго дома, они увидали дѣвушку съ корзиной въ рукахъ; она быстро прошла мимо нихъ.

— Знаешь кто это?—сказала Марія-Луиза.—Это моя дѣвушка. Она меня не узнала. Она бы никогда не повѣрила, что я хожу подъ руку съ чужимъ господиномъ.

Марія-Луиза вошла въ садъ, закрыла за собой калитку, и они еще въ послѣдній разъ пожали другъ другу руки черезъ рѣшетку. Потомъ она исчезла въ домъ, а онъ все еще какъ во снѣ пошелъ внизъ по тихой улицѣ.

Марія-Луиза только взглянула въ кабинетъ мужа, гдѣ онъ сидѣлъ и велъ съ братомъ оживленный дѣловой разговоръ. Она поздоровалась съ ними мимоходомъ и пошла въ спальню переодѣться. Дѣвушка пришла ей помочь. Явилась и старая няня, которая еще возила Марію-Луизу ребенкомъ въ колясочкѣ. Она стала снимать съ нея ботиночки и пришла въ ужасъ, увидавъ ея промокшія ноги.

Марія-Луиза съ улыбкой выслушала причитанія старой преданной служанки и позволила ей обсушить и вытереть ноги. Всѣ ея мысли были поглощены воспоминаніями; она все еще чувствовала на лицѣ горячіе поцѣлуи Грабауса. Переодѣвшись, она прошла въ кабинетъ.

— Гдѣ ты такъ долго была?—спросилъ майоръ.

— Я гуляла съ докторомъ Грабаусомъ въ паркѣ.

— Вотъ это отлично. По крайней мѣрѣ хоть разъ за всю недѣлю побывала на свѣжемъ воздухѣ. А почему же онъ не зашелъ въ намъ?

— Онъ спѣшилъ домой.

— Хорошо было въ паркѣ?—спросилъ майоръ, и когда Марія-Луиза тихо отвѣтила: Дивно! докторъ Платень насмѣшливо взглянулъ въ ея сіяющіе глаза и проворчалъ:

— Зато завтра у тебя будетъ дивный насморекъ.

Она взглянула широко раскрытыми глазами на обоихъ

братъевъ, и вдругъ ей мучительно захотѣлось сказать:—Представьте себѣ, когда мы были въ парѣ, Грабаусъ сталъ меня цѣловать и, повѣрили бы вы этому? я отвѣчала на его поцѣлуні!

Она съ трудомъ сдержала свой дикій порывъ—и тогда сразу почувствовала, что жизнь ея измѣнилась: все свѣтлое и ясное потемнѣло. Она машинально пошла ужинать, а послѣ ужина занялась разборомъ покупокъ; но среди работы она вдругъ опустила руки—ей показалось, что сзади ее охватываютъ двѣ могучія руки и кто-то прижимается щекой къ ея щекѣ. Виновна ли я, или нѣтъ? Могу я честно глядѣть въ лицо мужу?—думала она.

Когда мужъ, идя спать, поцѣловалъ ее на порогѣ ея комнаты, она задержала его руку въ своей. Ей безумно хотѣлось привнаться ему, но было вмѣстѣ съ тѣмъ страшно причинить ему боль. Она сдѣлала надъ собой усилие и молча прошла къ себѣ. Лежа въ постели, она долго терзалась мыслями, ища себѣ оправданія и чувствуя, что не можетъ быть сама себѣ судьей. Потомъ опять зазвучали въ ея ушахъ нѣжныя слова Грабауса, улыбка показалась на ея губахъ, и она заснула, думая только о его любви.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней она чувствовала ужасъ передъ случившимся, ужасъ передъ собой, а въ концѣ недѣли стала безумно бояться свиданія съ Грабаусомъ. Въ субботу она проснулась съ головной болью, но все-таки явилась на лекцію. Грабаусъ пошелъ провожать ее домой послѣ лекціи, но оба они молчали всю дорогу, смущенные и слишкомъ взволнованные, чтобы вести безразличный разговоръ. Уже передъ самымъ домомъ они стали говорить свободнѣе, точно чувствуя, что имъ удалось похоронить то, что было. Только когда онъ на прощанье претянулъ ей руку, она невольно пожалъ ее очень крѣпко и онъ отвѣтилъ ей благодарнымъ взглядомъ. Послѣ этого свиданія Марія-Луиза вздохнула свободнѣе.

Передъ самымъ Рождествомъ пріѣхалъ на каникулы вадеть. Съ отцомъ онъ нѣсколько стѣснялся, но съ молодой мачихой чувствовалъ себя совершенно свободно и довѣрялъ ей всѣ свои надежды, чувства, радости и огорченія. Со свойственнымъ молодости эгоизмомъ онъ всецѣло завладѣлъ Маріей-Луизой, и она была рада забыть свои чувства въ разговорахъ съ мальчикомъ. Душа ея просвѣтлѣла, и черезъ нѣсколько времени она уже могла думать о случившемся безъ ужаса и раскаянія. Оно опустилось на дно ея души и озарило тихимъ сіяніемъ всю ея внутреннюю жизнь. Ее охватило глубокое чувство счастья; ей

казалось, что въ этотъ таинственный часъ осуществилось все, о чемъ она тосковала въ юности, что большаго нечего и желать, что она отнынѣ должна только благодарить судьбу. Никогда она не была веселѣе, нѣжнѣе, никогда болѣе заботливо не относилась къ мужу, чѣмъ въ это время. Отъ нея исходило какое-то обаяніе, которому не могъ противиться, къ своему изумленію, даже докторъ Платенъ.

Грабаусу казалось, что съ того вечера началась для него другая жизнь, въ которой онъ долженъ былъ выказать себя болѣе сильнымъ и смѣлымъ. Онъ откинулъ всякое малодушіе и сталъ работать съ такимъ чувствомъ, точно онъ призванъ разрушить старый міръ и воздвигнуть новый. Иногда, среди работы ночью, имъ овладѣвало дивное чувство радости; онъ вскакивалъ, бѣгалъ по комнатѣ, простирая руки къ кому-то невидимому, или же отрывалъ настѣжь окно и, не чувствуя холода, глядѣлъ на засыпанный снѣгомъ садъ. И все время онъ видѣлъ передъ глазами высокую стѣну тополей, озаренныхъ серебристымъ свѣтомъ мѣсяца, и чувствовалъ прикосновеніе ея губъ, чувствовалъ ея поцѣлуй, которымъ она точно хотѣла отдать всю свою жизнь. И, вопреки его волѣ, внутренній голосъ говорилъ ему, что это еще не конецъ, что настанетъ еще нѣчто болѣе властное и болѣе прекрасное. Онъ проклиналъ этотъ голосъ, повторялъ внутренно клятву, данную ей—но подавить свою надежду не могъ.

Однажды днемъ Грабаусъ оставилъ на время работу, чтобы поиграть съ дѣтьми. Онъ вошелъ въ комнату жены. Констанція сидѣла, погруженная въ чтеніе вечерней газеты. Мальюта прилежно вязала что-то и продолжала работать при появленіи отца, а мальчикъ сейчасъ же бросилъ игрушки и бросился къ отцу.

— Что новаго въ газетѣ?—спросилъ онъ жену.

Констанція взглянула на него и, замѣтивъ, что у него болтается оторвавшаяся пуговица, предложила пришить ее.

— Развѣ необходимо сейчасъ?

— Какъ хочешь, но уже потомъ, пожалуйста, не вини меня,— отвѣтила она.

Грабаусъ покорно снялъ сюртукъ, отдалъ его женѣ, а самъ пошелъ въ спальню надѣть домашнюю жакетку. Когда онъ вернулся черезъ нѣсколько минутъ, жена его сидѣла нахмурившись, сжавъ губы, и глаза сверкали зеленоватымъ блескомъ. Передъ нею лежали на столѣ письма.

— Что это за письма?—спросила она.

— Какія?—отвѣтилъ, ничего не подозрѣвая, Грабаусъ.—Ахъ, эти. Какъ они попали сюда? они были въ моемъ бумажникѣ.

— Очевидно, выпали оттуда. Но скажи мнѣ, пожалуйста, отъ кого они?

Грабаусъ посмотрѣлъ на дѣтей, которыя сразу почувствовали что-то неладное въ разговорѣ родителей. Констанція быстро выслала ихъ изъ комнаты, сказавъ, что скоро позоветъ ихъ обратно; но мальчикъ, прежде чѣмъ выйти, крикнулъ въ дверяхъ:

— Письма не выпали; ихъ мама вынула.

— Ты слышала, Констанція?—спросилъ Грабаусъ.

— Ну такъ что же? — отвѣтила она, пожимая плечами.— Мнѣ, конечно, любопытно было знать, чтѣ это за письма, которыя ты постоянно перечитываешь. Я вѣдь замѣтила, какъ ты по вечерамъ вынимаешь бумажникъ и ищешь тамъ эти письма. Мнѣ это давно показалось подозрительнымъ. Теперь я желаю знать, отъ кого эти письма.

— Отъ жены майора Платена, — отвѣтилъ онъ послѣ минутнаго колебанія.

— Отъ жены майора Платена? Такъ она тебѣ тайно пишетъ письма? Это прелестно!

— Тайно? Если ты не читала ея писемъ, то это простая случайность. Письма самыя безразличныя. Прочти, если хочешь.

Быстро схвативъ письма, Констанція стала ихъ читать. Письма были дѣйствительно совершенно безразличныя. Одно Марія-Луиза написала по порученію мужа, въ другомъ рѣчь шла объ одолженной книгѣ. Но Констанція вникала въ каждую фразу, отыскивая въ ней тайный смыслъ. Наконецъ она кончила чтеніе и предложила разорвать письма. Грабаусъ хотѣлъ было согласиться, чтобы не навлекать ни тѣни подозрѣнія на Марію-Луизу, но при видѣ насмѣшливо торжествующаго лица жены, которая, чтобы помучить его, держала листы въ рукахъ и не сразу рвала ихъ, на него напала безудержная злоба.

— Съ чего это ты вдругъ вздумала шпионить за мной?—сказалъ онъ.—Ты осматриваешь мои карманы, лжешь, вывѣдываешь. Отдай мнѣ письма. Я ихъ разорву или сохранию—какъ пожелаю. Во всякомъ случаѣ, этимъ путемъ ты не заслужишь моего уваженія.

— Такъ вотъ оно что: ты ее любишь! — воскликнула Констанція.—Я такъ и знала. Вотъ почему ты ѣздишь въ Веймаръ, и почему мы должны постоянно приглашать къ себѣ ея брата. Теперь я тебя поймала. Я сижу цѣлыми вечерами одна, чиню

твое бѣде, работаю на тебя, мучусь съ прислугой. Я просила тебя сто разъ отказать служанкѣ — во у тебя для этого слишкомъ доброе сердце. Тебѣ тяжело прогнать женщину, которая каждый вечеръ уходитъ въ своему возлюбленному. Теперь я понимаю, почему ты ей сочувствуешь... Ну, а теперь конецъ твоимъ поѣздкамъ въ Веймаръ. Я твоя жена и твой долгъ быть при мнѣ. Если я тебѣ больше не нравлюсь, то это не моя вина. Я не могу носить шелковыхъ юбокъ, какъ твоя майорша, и покупать французскіе духи. У меня двое дѣтей, и это испортило мнѣ фигуру. Но все-таки я не допущу, чтобы мой мужъ...

Грабаусъ повернулся и вышелъ изъ комнаты съ глазами, полными слезъ. Съ этого дня начались безконечныя сцены ревности. По внутренней честности, Грабаусъ признавалъ въ душѣ свою вину передъ женой и старался выказывать ей удвоенное вниманіе. Но она отталкивала его со словами: — Не предствляйся, иди лучше къ своей возлюбленной!

На Рождество онъ ей сдѣлалъ болѣе дорогой подарокъ, чѣмъ ему позволяли его средства. Но при видѣ плотнаго шелка на платьѣ, она прежде всего сказала:

— Ты, кажется, хочешь этимъ задобрить меня — во я не такъ глупа.

Все же подарокъ мужа доставилъ ей удовольствіе — въ особенности при мысли о томъ, какъ ей будутъ завидовать пріятельницы.

Послѣ Рождества Грабаусъ опять сталъ правильно ѣздить въ Веймаръ на лекціи, но уже не оставался на ночь изъ боязни передъ женой. Онъ не могъ выносить ея нападокъ на Марию-Луизу, и весь дрожалъ при одномъ упоминаніи ея имени женой.

Когда ревность Констанціи нѣсколько улеглась, Грабаусъ наконецъ могъ выполнить то, что считалъ настоятельнымъ долгомъ вѣжливости: онъ пригласилъ чету Платеновъ, доктора и Вольфа къ обѣду. Майору сначала мѣшала пріѣхать его болѣзнь, но когда наступили сухіе морозные дни, ему сдѣлалось лучше и обѣдъ могъ состояться. Дѣти Грабаусовъ очень волновались въ ожиданіи гостей, о которыхъ родители такъ много говорили въ ихъ присутствіи. Когда наконецъ гости пріѣхали, мальчикъ отъ смущенія повелъ себя полнѣйшимъ дикаремъ, къ ужасу своей матери; только малютка поддержала репутацію семьи своимъ благопріемъ и учтивостью. Грабаусъ былъ, однако, очень радъ необузданности своего сына, благодаря которому время до обѣда прошло не такъ тягостно, какъ онъ предполагалъ. Констанція отнеслась къ гостямъ съ царственной

холодностью и церемонностью, и Грабаусъ съ ужасомъ думалъ о томъ, какъ будетъ томительно во время обѣда. Но противъ ожиданія, обѣдъ сошелъ отлично. Майоръ такъ мило разговаривалъ съ хозяйкой дома, что она растаяла и почувствовала къ нему искреннюю дружбу. Но тѣмъ сильнѣе разгоралась ея ненависть въ Маріи-Луизѣ.

Послѣ обѣда мужчины ушли въ кабинетъ Грабауса курить, а обѣ дамы вернулись въ гостиную. Мальчикъ настолько примирился теперь съ новой тетей, что не скончалъ у нея съ волюнъ и на ея приглашеніе прійхать въ ней отвѣтилъ, что съ удовольствіемъ прійдетъ, если поѣдетъ отецъ.

— И мама конечно? Безъ мамы ты бы вѣдь не могъ прожить ни одного дня, — сказала съ улыбкой Марія-Луиза.

Констанція была видимо недовольна чрезвѣчными симпатіями сына въ гостѣй. Подъ предлогомъ, что мальчикъ изомнетъ платье Маріи-Луизы, она выпроводила обоихъ дѣтей изъ гостиной. Когда они ушли, Марія-Луиза сказала:

— Какъ вы должны быть счастливы, имѣя двухъ такихъ очаровательныхъ дѣтей.

— Конечно, — сухо отвѣтила Констанція. — Я нахожу, что бездѣтныи бракъ совершенно не выполняетъ своего назначенія.

Марія-Луиза вздрогнула отъ безтактности Констанціи, увѣренная, что ей самой будетъ стыдно, когда она пойметъ неуважительность своихъ словъ. Но Констанція, повидимому, была вполне довольна сказаннымъ. Развалившись въ креслѣ, она продолжала говорить тѣмъ же тономъ:

— Я бы, напримѣръ, — говорила она, — никогда не развелась съ мужемъ, что бы ни случилось. Теперь разводъ въ модѣ, но я бы на него не согласилась, какъ бы мой мужъ ни добивался. Я его жена и, пока я жива, онъ принадлежитъ мнѣ. Пусть это всѣ знаютъ.

На минуту у Маріи-Луизы было желаніе сейчасъ же подняться и уйти. Она съ неподвижнымъ лицомъ поглядѣла на Констанцію, которая нѣсколько разъ кивнула головой, точно подтверждая свои слова, и потомъ сказала:

— Какъ должно быть тяжело, если приходится насильно удерживать мужа подлѣ себя.

— Это всегда такъ бываетъ.

— Не знаю, мнѣ съ такими взглядами не приходилось сталкиваться. Но оставимъ лучше этотъ разговоръ, — прибавила Марія-Луиза съ любезной улыбкой. — Я никогда не думала о томъ, что мой мужъ можетъ разлюбить меня, или я — его.

— Неужели?—проговорила Констанція, которой уже нечего было сказать.

Когда потомъ всѣ собрались къ кофе, Марія-Луиза была разговорчива и весела, точно ничего не случилось. Но внутренно она вся дрожала, и ей хотѣлось какъ можно скорѣе уйти изъ этого дома. По дорогѣ къ вокзалу майоръ пошелъ подъ руку съ женой.

— Слава Богу,—проговорила она, прижимаясь къ нему,— что мы будемъ скоро дома!

— Развѣ ты себя нехорошо чувствуешь?—озабоченно спросилъ онъ.

— Нѣтъ. У меня немножко голова болитъ, но это пройдетъ. А ты?

— Я отлично провелъ время. Нашъ другъ мнѣ все больше и больше нравится. Ну, а его жена—можетъ быть, у нея есть скрытыя достоинства.

За ними шли Грабаусъ и Вольфъ, а докторъ Платенъ и жена Грабауса замыкали шествіе. Отъ долгаго сидѣнья у доктора Платена мерзали ноги и горѣла голова и настроеніе духа было самое отчаянное. Онъ все время не принималъ участія въ разговорѣ, а теперь про себя со всѣми спорилъ и всѣхъ ругалъ. Онъ по привычкѣ заложилъ руки за спину и наклонилъ голову впередъ. Констанція, которая была нѣсколько выше его ростомъ, видѣла передъ собой только его шляпу. Ей неудержимо хотѣлось подѣлиться со своимъ спутникомъ злобой и ненавистью, накипѣвшей въ ея сердцѣ, и она все не знала какъ начать разговоръ съ молчаливымъ докторомъ. Наконецъ случай помогъ ей. Уже близости отъ вокзала докторъ Платенъ посвободился въ темнотѣ и чуть не упалъ.

— Этого еще недоставало,—проворчалъ онъ.—Ну, и освѣщеніе въ этомъ проклятомъ гнѣздѣ!

Обрадовавшись предлогу поговорить, Констанція подхватила его слова и возбужденно отвѣтила, побагровѣвъ въ лицѣ.

— Ненавистенъ мнѣ этотъ городъ. Хотъ бы скорѣе Богъ унесъ насъ отсюда! Куда угодно, лишь бы подальше отъ Веймара. Вѣдь ему только тамъ и нравится—здѣсь онъ всѣмъ недоволенъ. И на меня вѣчно нападаетъ, никакъ ему не угодишь. Вы не повѣрите, до чего я измучилась.

Докторъ Платенъ никакъ не могъ понять, о чемъ собственно она говорить.

— Чѣмъ же вы виноваты, что Веймаръ лучше?—спросилъ онъ.—Вѣдь не вы построили это старое гнѣздо.

— Да дѣло не въ городѣ. Я говорю о томъ... Ахъ, женщина на вашемъ мѣстѣ давно бы меня поняла!

— Ну, конечно, гдѣ ужъ мнѣ быть такимъ догадливымъ, какъ женщина!

— А между тѣмъ для васъ это должно было быть ясно какъ день. Вѣдь все это происходитъ у васъ въ домѣ... Да неужели вы не понимаете? — прибавила она при видѣ застыпшаго отъ изумленія лица доктора. — Одно я вамъ скажу: если между моимъ мужемъ и вашей невѣстой это еще будетъ продолжаться — быть худу!

— Гм! — пробормоталъ докторъ Платенъ вмѣсто отвѣта, и уже до самаго вокзала, а потомъ до отхода поѣзда не проговорилъ ни слова.

На возвратномъ пути Констанція была необыкновенно мила съ мужемъ, подняла ему сама воротникъ, чтобы онъ не простудился, и на его вопросъ, какъ ей понравились Платены, стала горячо хвалить майора и жалѣть бѣдную Марію-Луизу, которая такъ завидуетъ ей, какъ матери двухъ дѣтей. — Конечно, изъ насъ двухъ я болѣе счастливая, — съ мелкой гордостью прибавила она.

Хорошее настроеніе Констанціи длилось нѣсколько дней. Она была очень довольна своимъ поступкомъ, считала, что дѣйствовала нравственно и умно, и въ то же время иногда внутренно смѣялась надъ мужемъ за то, что сыграла съ нимъ такую штуку. Она была увѣрена, что докторъ сейчасъ же поговорить съ братомъ, и дружбѣ ея мужа съ Маріей-Луизой будетъ положенъ конецъ.

Докторъ Платенъ былъ сильно взволнованъ словами Констанціи, причѣмъ съ первой же минуты не сомнѣвался въ основательности ея подозрѣній. На обратномъ пути онъ сидѣлъ противъ невѣстки, мрачно глядѣлъ на нее и только думалъ: какъ далеко собственно у нихъ зашло?

Онъ любилъ брата преданной родственной любовью. Къ женѣ его онъ долго относился отрицательно за то, что она вторглась къ нимъ въ семью, и только очень медленно примирился съ ней и сталъ прощать ей ея красоту и молодость. Особенно хорошо сталъ онъ относиться къ ней, когда она, нѣсколько упавшая духомъ, поддавалась его вліянію. Онъ сталъ дѣлиться съ нею своими мыслями и чувствами. Но когда она вернулась изъ Берлина совершенно иной, оживленной и веселой, это показалось ему измѣнной, и онъ все спрашивалъ себя, подъ чье вліяніе она подпала и кто ее такъ измѣнилъ. Съ первой встрѣчи съ Грабаусомъ ему все

сдѣлалось яснымъ. Онъ не сомнѣвался, что Маріа-Луиза предпочитаетъ сентиментальную дружбу съ этимъ человекомъ, который казался ему шарлатаномъ и краснорѣчивъ, серьезной преданности такого старика какъ онъ. Въ сердцѣ доктора Платена зашевелилась горечь и ревность, хотя онъ въ этомъ не сознавался даже самому себѣ. Вотъ почему онъ сразу повѣрилъ словамъ Констанціи. Брату онъ все-таки ничего не сказалъ, а только рѣшилъ зорко наблюдать за невѣстой. Ее даже начало пугать то, что куда бы она ни пошла, она неизменно встрѣчала его. Въ субботу онъ пришелъ за нею на лѣцію и проводилъ ее и Грабауса домой.

Маріа-Луизѣ такъ надоѣло это шпионство деверя, что она почти перестала выходить изъ дому. Она больше сидѣла у окна и все глядѣла на паркъ. Она видѣла его въ самыхъ разнообразныхъ освѣщеніяхъ, въ солнечномъ свѣтѣ, или подъ сѣдымъ покровомъ тумана, или въ торжественной часъ заката. Но ни разу больше она не видѣла его при лунѣ, потому что наступили пасмурные дни и небо покрыто было тучами. Только въ воображеніи рисовалась ей стѣна высокихъ тополей, освѣщенная серебристымъ свѣтомъ луны, низкіе кусты—и они оба въ тотъ странный часъ. Она знала, что этотъ часъ не повторится, и чувствовала также, что въ этотъ часъ исполнился смыслъ ея жизни, расцвѣло ея счастье,—и вмѣстѣ съ тѣмъ вошло въ сердце неизгладимое сознаніе вины.

Когда она стояла разъ вечеромъ у окна, погруженная въ эти мысли, въ комнату вошелъ майоръ и, подойдя къ ней, спросилъ, почему она такъ грустна въ послѣднее время. Она стала говорить о томъ, какъ ей тяжело на сердцѣ и какъ ей хочется открыть ему свою душу.

— Но теперь я этого не могу сдѣлать,—тихо проговорила она.—Нельзя мѣшать горячіе уголья—можетъ вспыхнуть огонь. Дай остыть, тогда я все скажу. Это скоро настанетъ. А до тѣхъ поръ терпѣливо жди и довѣрай мнѣ.

— Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь на минуту теряю довѣріе? Нѣтъ, дитя, я тебя лучше знаю, чѣмъ ты сама. Ни на что дурное ты неспособна. Повторю тебѣ—ты свободна, я хочу только, чтобы ты была счастлива.

— Мое счастье здѣсь—у тебя,—возбужденно отвѣтила она. А теперь не спрашивай, а только держи меня и не отпуская!

Она прижалась головой къ его груди, и когда онъ обнялъ ее, ей стало такъ спокойно отъ сознанія его преданности, которая защититъ ее отъ всего грубаго и поворнаго.—Защити

меня и отъ него, и отъ меня самой, мысленно молила она мужа. — Но въ эту минуту она снова увидѣла передъ собой паркъ, залитый луннымъ свѣтомъ, и вспомнила все очарованіе того незабвеннаго часа. И опять ея бурное сердце, точно вырвавшись изъ клѣтки, полетѣло навстрѣчу веснѣ и радости. Ея слова о томъ, что все скоро остынетъ, показались ей предательствомъ: она знала, что не остынетъ ея любовь, пока въ ея сердцѣ останется хоть одна капля теплой крови. Умереть бы скорѣе, — мечтала она въ отчаяніи, — и передъ смертью связать тебѣ, какъ я тебя люблю!..

Проходили дни, а голоса, проснувшіеся у нея въ душѣ, не умолкали, какъ она ни боролась противъ нихъ. Послѣ бессонныхъ ночей она чувствовала себя смертельно уставшей, какъ пловець, который въ послѣдній разъ смотритъ на далекій берегъ, прежде чѣмъ опуститься на дно.

VI.

Въ такомъ настроеніи, утомленная бессонными ночами и мучительными днями, обезсиливъ отъ безплодной борьбы, Марія-Луиза вышла разъ днемъ прогуляться по просьбѣ мужа, котораго тревожилъ ея больной видъ. Она безцѣльно бродила по городу, избѣгая оживленныхъ мѣстъ, и вдругъ, свернуть на одну тихую улицу, вдрогнула, увидавъ передъ собой Грабауса. Хотя всѣ ея мысли сосредоточены были на немъ, но она была увѣрена, что онъ теперь далеко, и даже не сразу его узнала. Какъ вы сюда попали? — спросила она.

— Я прїѣзжаю сюда каждый день, надѣясь встрѣтить васъ. Сначала я стоялъ передъ вашимъ домомъ, но я встрѣтилъ тамъ доктора Платена и потому предпочелъ бродить по улицамъ. Я зналъ, что когда-нибудь да встрѣчу васъ. А теперь, — его голосъ перешелъ въ беззвучный шопотъ, — теперь мы должны поговорить.

Она ничего не отвѣтила, но слова его прозвучали въ ней навимъ-то весеннимъ лжегованіемъ. Она безмолвно пошла рядомъ съ нимъ, и все вокругъ нея расплывалось, кружилось. Пройдя мимо освѣщеннаго маленькаго магазина, она вдругъ рѣшила зайти туда.

— Подождите меня здѣсь минуту, — прошептала она съ блуждающей странной улыбкой на губахъ.

Это былъ перчаточный магазинъ. Она потребовала перчатки и стала машинально примѣрять ихъ, бессознательно отвѣчая на

вопросы продавщицы, въ то время какъ душа ея была охвачена страстью, протестомъ и мукой. Она чувствовала себя во власти охватившихъ ее желаній, но въ хаосъ чувствъ, нахлынувшихъ на нее, что-то ускользало отъ нея, будя въ ней тревогу. Подъ несмолгаемый голосъ продавщицы она вдругъ вспомнила о мужѣ. Я уйду отъ него—это и была та мысль, за которую она долго не могла ухватиться. — Онъ этого не переживетъ. Онъ не будетъ удерживать меня, не будетъ жаловаться, но, Боже, какъ могла я даже подумать объ этомъ! Никогда, никогда.

Когда она черезъ нѣсколько минутъ вышла изъ магазина, все, что такъ бурно потрясло ея душу, смирилось передъ ея непреклонной волей. Точно среди представленія спустился желѣзный занавѣсъ, герметически закрывая за собой пестрый міръ сцены. Лицо ея имѣло отчужденное суровое выраженіе, когда она обратилась къ Грабаусу со словами:

— Какъ вы поживаете?

— Я васъ не видѣлъ двѣ недѣли, а вы спрашиваете, какъ я поживаю!—отвѣтилъ онъ дрожащимъ голосомъ.— Я ждалъ отъ васъ какихъ-нибудь извѣстій, думалъ, что въ чемъ-нибудь виновать и потому вы молчите, и наконецъ узналъ отъ жены, какъ она съ вами поступила. Марія-Луиза, простите меня. Вѣдь я не могу отвѣчать за жену.

— Не говорите такъ. Я виновата передъ нею и искренно раскаиваюсь.

Она остановилась, протянула ему руку и сказала коротко и быстро:

— Докторъ Грабаусъ, разойдемтесь лучше теперь, пока мы это можемъ сдѣлать мирно.

Онъ взглянулъ на нее, точно не понимая ея словъ. Ея неподвижное лицо выражало непоколебимую волю. Тогда онъ беззвучно сказалъ:

— Если такъ, то вы со мной только играли.

Она возмущилась.

— Вѣдь вы мнѣ клятвенно обѣщали никогда не вспоминать о прошломъ! Значитъ, вы лгали и нарушаете теперь клятву.

Онъ вздрогнулъ и его расширившіяся и покраснѣвшіе отъ бессонныхъ ночей глаза наполнились слезами. Онъ опустилъ голову и они молча шли по тихой пустынной улицѣ, которая вела къ дому Платеновъ. Не доходя до дому, онъ только съ умоляющимъ жестомъ попросилъ пройти дальше, до слѣдующаго угла.—и она пошла съ нимъ, хотя чувствовала себя близкой къ обмороку.

— Вы правы, — тихо сказалъ онъ, — но пользоваться этимъ правомъ — безчеловѣчная жестокость съ вашей стороны. Вы не знаете, сколько я выстрадалъ за эту недѣлю.

— Послушайте, Генрихъ, мнѣ много разъ хотѣлось съ вами поговорить. Я думала, что вы сильнѣе меня, что вы мнѣ можете. Вспомните о вашихъ дѣтяхъ, тогда вы забудете обо всемъ остальномъ.

— Я о нихъ думалъ. Но и для нихъ лучше, чтобы я оставилъ ихъ на многіе годы, чѣмъ чтобы я сталъ ни къ чему непригоднымъ человѣкомъ. Да и зачѣмъ мнѣ оставлять ихъ? Мы будемъ бороться за наше счастье, Марія-Луиза!

Они перешли черезъ улицу и пошли по другой сторонѣ аллеи подъ тихими старыми деревьями парка, которыя простирали надъ ними свои узловатыя вѣтви.

— Бороться за такое святотатственное счастье? — тихо спросила она.

— Не за счастье, а за жизнь. Безъ васъ все, что только есть во мнѣ цѣннаго, умереть. Если я останусь прикованнымъ къ моей женѣ на всю жизнь, я погибну. Она болѣе сильная изъ насъ двухъ и задавитъ меня. А развѣ вамъ я не нуженъ? Вы тоже плѣнница, Марія-Луиза. Мы покажемъ себя презрѣнными рабами, если не вступимъ въ борьбу съ цѣлымъ миромъ за свое право на жизнь. Позвольте мнѣ пойти къ вашему мужу и сказать ему все. Я вручу ему нашу судьбу — и повѣрьте, что онъ станетъ на мою сторону, а не на вашу.

Только тихій стоиъ вырвался изъ ея груди въ отвѣтъ на его слова. Потомъ она быстро повернулась и перешла обратно черезъ улицу. Она шла глубоко по снѣгу и такъ спѣшила, что нѣсколько разъ поскользнулась. Его попытки удержать ее были напрасны.

— Пустите меня, мнѣ нужно скорѣе домой! — повторяла она.

За освѣщеннымъ окномъ дома она увидѣла смутный силуэтъ мужа, и такой хаосъ былъ въ ея душѣ, что ей одновременно хотѣлось и протянуть къ нему руки, умоляя о помощи, и повернуть назадъ, убѣжать въ тишину и мракъ парка.

У самой рѣшетки дома Грабаусъ еще удержалъ ее съ отчаянной рѣшимостью, настаивая на томъ, чтобы она позволила ему пойти теперь къ мужу. Но она съ силой вырвалась и сурово сказала:

— Если вы хотите, чтобы я сохранила хоть каплю хорошаго чувства къ вамъ, отпустите меня.

Онъ отошелъ въ сторону и пропустилъ ее. Она, не оглянув-

нимъ, прошла черезъ палисадникъ и вошла въ домъ. Еще въ передней ей казалось, что ее преслѣдуютъ его взгляды и его голосъ, и она быстро побѣжала по лѣстницѣ къ себѣ въ комнату. Тамъ она со стономъ кинулась на постель, но потомъ опять вскочила, преслѣдуемая кажимъ-то безотчетнымъ страхомъ, въ нерѣшительности постоила передъ дверью, а затѣмъ сбѣжала внизъ на улицу и оглянулась во всѣ стороны. Она сама не знала, боится ли она, что онъ сдѣлаетъ что-нибудь надъ собой, или ей хочется кривнуть ему, чтобы онъ не оставлялъ ее. Увидавъ издали какую-то фигуру, она кинулась впередъ, думая, что это Грабаусъ, но это былъ чужой человѣкъ, который удивленно снялъ шляпу и поклонился.

Въ полномъ отчаяннн она направилась въ вокзалу, но съ половины дороги повернула назадъ. Шаги ея становились все быстрѣе, а мысли все больше путались. Сама не зная какъ, она очутилась на полѣ, гдѣ ее обдувалъ со всѣхъ сторонъ холодный вѣтеръ и засыпалъ снѣгъ. Она хотѣла вернуться домой, но невыразимая тревога гнала ее дальше. Она пошла въ паркъ, бродила тамъ вдоль и поперекъ, среди кустарниковъ, по снѣжнымъ полянамъ. Она чувствовала въ груди рѣжущую боль. Ее видало въ ознобъ и жаръ. Тревога все усиливалась. Она опустилась на скамейку и почувствовала, что въ ней поднимается что-то теплое. Растерявшись, сама не зная, что это значитъ, она выкашляла много мокроты. Дрожа отъ страха и холода, она поднялась, но едва прошла два-три шага, какъ теплая волна снова поднялась въ ней. Она поднесла платокъ къ губамъ— онъ покраснѣлъ отъ теплой крови. Тогда ее охватила радостная надежда. Я умру и освобожусь отъ всего этого ужаса!—подумала она.

Майоръ веселымъ и бодрымъ голосомъ послалъ свою жену гулять, предупреждая, что если она вернется раньше, чѣмъ сказала, онъ ее будетъ бранить. Но въ ту же минуту, какъ за ней закрылась дверь, лицо его измѣнилось, потухло и опустилось. Онъ взялъ книгу, но не могъ читать и сталъ тревожно вглядываться въ сѣрны сумерки. Темныя тѣни надвигались изъ угловъ комнаты, и въ немъ все болѣе и болѣе усиливалось чувство печали и одиночества.

Опять въ немъ зашевелилось двойственное чувство: ему ревниво хотѣлось не отпускать отъ себя жену, и въ то же время чувство справедливости говорило ему, что преступно приковыривать ея молодость къ комнатѣ больного.

Огонь въ каминѣ догоралъ, ему становилось холодно и болѣла нога, но у него не хватало энергіи позвать дѣвушку. Онъ поднялся и сталъ ходить по комнатѣ, забывая физическія страданія среди охватившей его тревоги. Мысли его уносились въ прошлое, въ мрачные годы его перваго брака: жена его была очень черствая, злая жевщина. А когда сдѣлалось возможнымъ счастье съ женитьбой на Маріи-Луизѣ—пришла болѣзнь... Рассказывая взадъ и впередъ по стѣнѣвшейся комнатѣ, майоръ чувствовалъ, что и прошлое и будущее одинаково мрачны для него, и ему было такъ тяжело, точно нивогда не было у него въ жизни свѣтлыхъ минутъ.

Пробило шесть часовъ. Марія-Луиза должна была вернуться уже четверть часа тому назадъ. Онъ позвонилъ, велѣлъ поправить огонь въ каминѣ и зажечь свѣтъ, потомъ подошелъ къ окну и сталъ глядѣть на улицу. Время проходило, тревога его росла, и онъ сталъ думать о дружбѣ жены и Грабауса. Пока Марія-Луиза была подлѣ него, онъ ясно видѣлъ, что въ ней происходитъ, и понималъ—даже помимо ея словъ—ея чувства къ другу. Но теперь, въ ея отсутствіе, на него напалъ тупой страхъ; онъ сталъ придумывать средства положить конецъ этой злополучной дружбѣ. Внутренній голосъ говорилъ ему, что насильственный разрывъ ни къ чему не приведетъ, что Марія-Луиза можетъ освободиться отъ охватившаго ее чувства только собственной волей. Но все-таки онъ рѣшилъ убраться съ женой, мысленно предлагалъ ей это, рѣзко убѣждалъ, возражалъ ей, даже настаивалъ на своихъ правахъ.

Внизу хлопнула входная дверь, и майоръ услышалъ шаги жены въ передней. Сознаніе ея близости сразу его успокоило. Но вмѣсто того, чтобы, какъ всегда, зайти сначала къ нему, она прямо пошла наверхъ—вѣроятно переодѣться. Черезъ нѣсколько минутъ снова раздалась ея шаги, и онъ поднялся, уже улыбаясь въ ожиданіи, что она сейчасъ войдетъ. Въ эту минуту снова стукнула входная дверь.

Когда черезъ четверть часа изъ сосѣдней комнаты вошелъ докторъ Платень, майоръ съ такимъ разстроеннымъ, тревожнымъ лицомъ смотрѣлъ изъ окна, что въ первую минуту даже не замѣтилъ прихода брата.

— Почему ты стоишь здѣсь въ темнотѣ?—спросилъ докторъ.

Майоръ обернулся, опомнился и сказалъ:

— Мы можемъ пройти въ гостиную, если хочешь.

Онъ послѣдовалъ за братомъ, который, по привычкѣ, сейчасъ же сѣлъ на кресло у камина, поднялъ колѣни и сталъ

тереть себѣ лобъ рукой. Вдругъ онъ поднялъ голову и спросилъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

— Ты знаешь, что Марія-Луиза гуляетъ теперь съ докторомъ Грабаусомъ?

— Съ Грабаусомъ? Вотъ какъ!

Майоръ старался всѣми силами подавить обморочное чувство, которое легкимъ туманомъ застилало ему глаза. Онъ все повторялъ себѣ, что она скоро вернется и тогда все объяснится.

— Ты развѣ ничего не имѣешь противъ ихъ тайныхъ встрѣчъ?—продолжалъ спрашивать докторъ.

— Тайныхъ? До сихъ поръ мнѣ Марія-Луиза всегда говорила, когда она встрѣчала Грабауса.

— Такъ ты, можетъ быть, знаешь, что докторъ Грабаусъ въ послѣдніе дни все рассказывалъ тутъ передъ домомъ, высматривая ее?

— Не ошибаешься ли ты? Онъ вѣдь можетъ всегда зайти къ намъ. Онъ знаетъ, что ему будутъ рады.

— Вѣроятно у него есть причина не входить.—Докторъ Платенъ, весь красный въ лицѣ, вскочилъ и проговорилъ голосомъ, который отъ возбужденія превратился въ какой-то тихій шопотъ.

— Послушай, открой глаза, пока не поздно. Неужели ты ничего не видишь?

Майоръ пододвинулъ стулъ брату, самъ тоже сѣлъ и сказалъ:

— Сядь, объяснись какъ слѣдуетъ.

Но докторъ не былъ въ силахъ сдержать свое возбужденіе и продолжалъ ходить взадъ и впередъ. Майоръ продолжалъ:

— Ты совѣтуешь мнѣ открыть глаза?—но я все вижу такъ же, какъ и ты. Я отлично знаю, что Марія-Луиза дружна съ Грабаусомъ, но ничего предосудительнаго въ ихъ дружбѣ не нахожу. Или, можетъ быть, ты замѣтилъ что-нибудь, что ее представляетъ въ ложномъ свѣтѣ? Въ такомъ случаѣ, скажи. Ты вѣдь самъ знаешь, какая она безхитростная.

— Мнѣ нечего тебѣ говорить. Бесмысленно рассуждать съ человѣкомъ, который ходитъ вокругъ да оеоло, а главнаго понять не хочетъ...

— А что же по-твоему главное?

— То, что они влюблены другъ въ друга. Теперь понялъ? Меня это не касается—но...

Онъ сталъ несвязно передавать все, что ему говорила жена Грабауса и что онъ видѣлъ самъ. Каждый разъ, когда майоръ пытался остановить его, онъ гнѣвно возвышалъ голосъ:

— Меня вѣдь это не касается, она не моя жена. Поступай какъ знаешь.

Преодоливъ первое чувство острой боли, майоръ становился все спокойнѣе и внимательно наблюдалъ за братомъ. Онъ чувствовалъ, какъ тотъ страдалъ, мучаясь подозрѣніями, и видѣлъ въ этомъ трогательное проявленіе его братской привязанности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ яснѣе, чѣмъ прежде, до чего онъ внутренно сталъ чуждъ брату, какъ ихъ взгляды и чувства теперь расходятся. Ему было отраднѣе думать, что эта перемѣна создана въ немъ Маріей-Луизой, и онъ почувствовалъ къ ней несказанную нѣжность.

— Какъ же по-твоему я долженъ поступить? — спросилъ онъ брата, когда тотъ кончилъ.

— Это спрашиваешь ты, офицеръ? — переспросилъ докторъ.

— А если офицеръ тутъ не судья?

На минуту докторъ Платенъ весь замеръ отъ ужаса, потомъ презрительно улыбнулся.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ онъ. — Или ты долженъ поступить какъ мужчина и выгнать этого господина, или молча терпѣть все это. Третьяго исхода я не вижу.

— А между тѣмъ третій исходъ есть, только ты этого не поймешь. Еслибы понялъ, повѣрь мнѣ, ты былъ бы счастливѣе. Да, я знаю, что Марія-Луиза любитъ его, но знаю также, что она борется противъ этой любви. Зачѣмъ же насильно настаивать на томъ, чего она сама можетъ достигнуть собственной волей? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я бы говорилъ и дѣйствовалъ по-твоему, но теперь я многое понялъ и многое сдѣлалось для меня болѣе яснымъ. Я понялъ, что нѣтъ категорическихъ рѣшеній, одинаковыхъ для всѣхъ. Никто не можетъ судить объ отношеніяхъ мужа и жены. Одно я тебѣ скажу: лучшее, чему я научился отъ Маріи-Луизы, это ея доброта ко всѣмъ. Она вѣритъ въ людей, и я счастливъ, что раздѣляю ея вѣру. Какимъ бы я былъ низкимъ человѣкомъ, еслибы теперь вдругъ отказалъ въ этой вѣрѣ именно ей!

Докторъ Платенъ нѣсколько времени ничего не отвѣчалъ, а потомъ проворчалъ:

— Я знаю женщинъ лучше тебя. Всѣ онѣ эгоистки и безразсудны какъ дѣти. Но меня это не касается.

У братьевъ осталось отъ этого разговора тяжелое чувство; они поняли, что между ними невозможно никакое пониманіе, — едва ли даже возможна совмѣстная жизнь. Они молча сидѣли, думая каждый о своемъ. Когда майоръ хотѣлъ уже пойти спра-

виться о женѣ, вошла старая служанка и взволнованно сообщила, что барыня вернулась домой вся въ жару. Когда ее раздѣвали, чтобъ уложить въ постель, дѣвушка замѣтила капли крови на платьѣ и барыня сказала ей, что у нея пошла кровь горломъ. Прежде чѣмъ ее уложили въ постель, съ ней сдѣлался обморокъ.

Майоръ побѣжалъ наверхъ и подошелъ къ постели жены. Марія-Луиза улыбнулась ему и проговорила.

— Не безпокойся. Это не опасно.

Ей трудно было говорить, и майоръ поэтому не разспрашивалъ ее, а позвалъ брата, чтобы знать, что дѣлать. Тотъ послалъ за льдомъ и камфорой и призвалъ еще одного врача, который и явился тотчасъ же.

Марія-Луиза была твердо увѣрена, что умереть въ ту же ночь. Передъ нею проносились образы и звучали голоса, а она лежала въ забытїи, полная легкихъ, блаженныхъ чувствъ.

Грабаусъ вернулся домой совершенно разбитый и много дней еще провелъ въ полузабытїи, смутно обвиняя Марію-Луизу въ несерьезности ея чувствъ къ нему и еще болѣе упрекая себя за то, что онъ внесъ столько вѣры въ отношенія къ ней. Но послѣ этихъ тяжелыхъ дней онъ проснулся однажды утромъ съ чувствомъ душевнаго обновленія. Послѣ страшнаго возбужденія послѣднихъ недѣль, послѣ сомнѣній, надеждъ и страховъ, на него нашло благотѣльное ледяное спокойствіе. Онъ рѣшилъ работать и строить дальше зданіе своей жизни. Въ немъ еще была жива бодрая вѣра въ себя, порожденная его любовью, и вмѣстѣ съ тѣмъ окрѣпла и увѣренность, что несчастная любовь не можетъ разбить его жизнь. Онъ снова засѣлъ за работу, продолжая ее съ того мѣста, на которомъ остановился нѣсколько недѣль тому назадъ, съ новой энергіей взялся за лекціи въ университетъ и еще больше прежняго привлекалъ студентовъ глубиной духовныхъ переживаній, которая сказывалась въ его словахъ. Съ женой онъ былъ очень ровень, для дѣтей былъ хорошимъ, хотя и нѣсколько равнодушнымъ отцомъ. Семейная жизнь его потекла по прежнему руслу, и единственнымъ внѣшнимъ результатомъ пережитой имъ бури было то, что, въ крайнему сожалѣнію его многочисленныхъ юныхъ поклонницъ, онъ прекратилъ свои лекціи въ Веймарѣ.

Онъ даже самъ удивился спокойствію, съ которымъ онъ втянулся въ прежнюю жизнь. Только къ концу зимняго семестра онъ почувствовалъ большой упадокъ силъ и съ трудомъ могъ

исполнять свои обязанности. Онъ надѣялся, что оправится во время пасхальныхъ каникулъ, но эта надежда не оправдалась. Каждый день онъ доказывалъ себѣ, что необходимо взяться за подготовленіе къ лѣтнему семестру, но ниважъ не могъ не только работать, но даже прочесть какую-нибудь книгу. Онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ какъ больной у окна, внутренно ругая себя за непростительную трату времени. У него мелькнула тогда надежда побѣдить свою апатію физическимъ трудомъ: вооружившись лопатой, онъ пошелъ въ огородъ работать на грядкахъ.

Черезъ заборъ съ нимъ поздоровались его сосѣди, обрадовавшіеся его появленію, и стали тотчасъ же засыпать его указаниями и совѣтами относительно необходимѣйшихъ въ данное время огородныхъ работъ. Ошеломленный ихъ словоохотливостью и настойчивостью, онъ подчинился имъ, купилъ по ихъ указанію удобреніе и сталъ копать, полоть, удобрять свой участокъ съ необыкновеннымъ усердіемъ. Но разъ среди работы онъ услышалъ вдали звуки музыки—шарманка играла мотивъ вальса. И воображеніе его сейчасъ же перенеслось въ ярко освѣщенную мраморную залу, гдѣ среди блестящей пестрой толпы Марія-Луиза была красивѣе всѣхъ. Марія-Луиза! Марія-Луиза! Ему казалось, что весь солнечный воздухъ проникнуть звуками ея имени, что его повторяютъ всѣ распускающіеся шелестящія листья, всѣ щебечущія птички и смѣющіяся дѣти—и эти ликующіе звуки отзывались мучительной насмѣшкой въ его истерзанной груди.

И когда прошла минута экстаза, его охватило непреодолимое отвращеніе ко всему, что онъ дѣлалъ въ эти дни, къ работѣ надъ влажной землей, къ обработыванію маленькаго уголка земли, куда онъ хотѣлъ спастись отъ жизненной бури. Онъ показался самъ себѣ жалкимъ прозябающимъ глупцомъ. Съ этого дня онъ пересталъ работать въ огородѣ, предоставивъ его попеченію жены; она призвала огородника и очень быстро произвела всѣ нужныя работы. Въ университетѣ начался лѣтній семестръ, и Грабаусъ только удивлялся долготерпѣнію студентовъ, слушавшихъ его безжизненные, скучныя лекціи. Аудиторія, впрочемъ, съ каждой лекціей болѣе пустѣла и Грабаусъ чувствовалъ себя все болѣе уставшимъ и одинокимъ. Онъ совершенно ушелъ въ себя, возненавидѣлъ общество людей. Весь міръ казался ему пустымъ, и среди наступившаго мрака у него не было ни малѣйшаго утѣшенія. Воспрявъ на короткое время, онъ написалъ въ Берлинъ, дѣлая запросъ о новомъ университетѣ. По ему отвѣтили, что пока еще ничего не рѣшено въ виду воз-

никшихъ новыхъ трудностей. О его назначеніи профессоромъ и рѣчи больше не было. Еще прежде, чѣмъ открыть письмо, онъ догадался о его содержаніи. Такъ оно и должно было случиться. Онъ даже внутренно злорадствовалъ—до того онъ потерялъ вѣру въ себя.

Марія-Луиза лежала на плетеной кушеткѣ на балконѣ въ садѣ. Подъ тонкимъ шелковымъ одѣяломъ, покрывавшемъ ее до плечъ, она пугала своей неземной воздушностью. У маленькаго столика подлѣ нея сидѣлъ Вольфъ, пріѣхавшій на велосипедѣ, и съ большимъ аппетитомъ пилъ кофе съ сухарями. Онъ уговаривалъ сестру тоже съѣсть что-нибудь, но она съ улыбкой отказалась. Онъ съ тревогой посмотрѣлъ на ея блѣдное лицо, на которомъ горѣли большіе сіяющіе глаза.

— Чтò съ тобой?—спросилъ онъ ее.—Вотъ уже два мѣсяца какъ ты хвораешь и все не можешь поправиться. Чтò говоритъ докторъ?

— Онъ объясняетъ мою болѣзнь вліяніемъ весны.

— Весны?—повторилъ Вольфъ, качая головой.—И Грабаусъ говоритъ то же самое о себѣ. Однако вотъ я, напримѣръ, не хвораю весной,—даже, напротивъ того, отлично себя чувствую.

— Недоставало, чтобы еще ты заболѣлъ. Достаточно одной болной въ семьѣ.

— Я тебѣ кое-что привезъ, Марія-Луиза,—сказалъ Вольфъ и вынулъ изъ кармана фотографическіе снимки разныхъ видовъ природы.—Они не особенно художественны, но вотъ эта, напримѣръ, ничего. Я теперь очень одинокъ и утѣшаюсь велосипедомъ и фотографіей. Кстати, не знаешь ли ты, куда дѣвалась твоя карточка, которую я снималъ? Не оставилъ ли я ее у тебя?

— Нѣтъ, ты ее положилъ въ бумажникъ.

— Мнѣ тоже такъ помнится. А вечеромъ я ее вложилъ въ альбомъ. Теперь ея нѣтъ. А между тѣмъ у меня никого не было за это время, кромѣ Грабауса. Вѣдь не могъ же онъ взять карточку, не сказавши мнѣ. Онъ даже не знаетъ, согласна ли ты дать ему свою карточку. А все-таки, кромѣ него, никого у меня не было.

— Зачѣмъ бы ему брать мою карточку?

Марія-Луиза приподнялась рѣзкимъ движеніемъ, точно ей было неловко лежать, и подперла голову рукой, отвернувъ лицо отъ свѣта. Вольфъ озабоченно поглядѣлъ на нее.

— Какая ты стала нервная. И тебѣ сейчасъ бросается кровь

въ голову. Это, кажется, тоже дурной знакъ. Выслушивали тебѣ сердце?

— Да меня все время только выслушиваютъ и осматриваютъ,—отвѣтила она.—Отъ этого лучше не становится.

Вольфъ подошелъ къ краю балкона и посмотрѣлъ внизъ, въ садъ. Тамъ стоялъ на низкой лѣстницѣ докторъ Платенъ и съ яростью отпиливалъ короткой пилой лишній сукъ на деревѣ. На травѣ, передъ разрытой градвой, стоялъ на колѣняхъ садовникъ, и оба они были такъ заняты работой, что не замѣчали стоявшаго на балконѣ.

„Странно,—подумалъ Вольфъ.—Что произошло между нею и Грабаусомъ? Не поссорились ли они, хотя, казалось бы, какъ ссориться съ Маріей-Луизой? Но оба такъ странно ведутъ себя, точно не хотятъ ничего слышать другъ о другѣ“.

Вольфъ по цѣлымъ недѣлямъ не видѣлся со своимъ другомъ. Еще въ февралѣ онъ зашелъ къ Грабаусу, какъ разъ тогда, когда узналъ о болѣзни сестры, и сейчасъ же рассказалъ ему объ этомъ. Но Грабаусъ такъ рѣзко оборвалъ его, что Вольфъ ушелъ, пораженный его безсердечіемъ. Съ тѣхъ поръ прошли мѣсяцы, въ теченіе которыхъ они очень мало встрѣчались.

— Ахъ да,—сказалъ Вольфъ, продолжая вслухъ свои мысли,—на прошлой недѣлѣ онъ опять ко мнѣ явился.

— Кто?

— Грабаусъ. Но я прямо испугался, взглянувъ на него. У него хуже видъ, чѣмъ у тебя. Когда я его спросилъ, не боленъ ли онъ, онъ взбѣсился, сказалъ, что только переутомленъ, и сталъ посылать къ чорту всѣхъ утверждающихъ, что онъ боленъ. Я, конечно, замолчалъ. Но, по-моему, у него какое-нибудь тайное горе, которое подтачиваетъ его силы.

Марія-Луиза прикрыла лицо рукой и лежала недвижимо; только тонкое итальянское одѣяло порывисто и быстро поднималось и опускалось на ея груди. Занятый желаніемъ понять, чтó дѣлается съ его другомъ, Вольфъ продолжалъ, не обращая вниманія на сестру:

— По-моему,—сказалъ онъ,—Грабаусъ огорченъ неудачей съ университетомъ. Ему обѣщали профессуру, но съ прошлаго года все какъ-то стоитъ на мѣстѣ. Очевидно, это его и мучитъ—другой причины вѣдь не можетъ быть. Къ тому же его преслѣдуютъ, какъ только могутъ, его коллеги. Старикъ Вульманъ назвалъ его на лекціи пустопорожнимъ краснобаемъ. А самое ужасное то, что онъ дѣйствительно упалъ духомъ. Онъ утратилъ всякую вѣру въ себя. Еслибы было возможно, онъ бы радъ былъ сдѣлаться простымъ учителемъ.

— Это онъ тебѣ сказалъ?

— Да, и я долго не могъ забыть этихъ словъ — такъ мнѣ было тяжело. Мы съ нимъ пошли гулять, и онъ едва тащился. Мы вошли въ крестьянскую избу выпить молока. Тамъ было удивительно хорошо. Передъ нами текла рѣка, въ которой возились ребятишки и плавали утки. Противъ насъ былъ фруктовый садъ, гдѣ доцвѣтали послѣднія яблони. Вокругъ все было такое сочное и зеленое. Я тогда сказалъ Грабаусу: вотъ зять Конрадъ, — Вольфъ осторожно поглядѣлъ внизъ въ садъ и продолжалъ тихимъ голосомъ, — онъ бы не замѣтилъ всѣхъ этихъ красотъ, а видѣлъ бы только вотъ то засохшее дерево, и изъ-за него забылъ бы объ остальномъ. Грабаусъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: И онъ былъ бы совершенно правъ. Весь миръ только отраженіе насъ самихъ, и еслибы я былъ докторомъ Платеномъ, и меня бы засохшее дерево больше интересовало, чѣмъ все, что зеленѣетъ и цвѣтетъ вокругъ. И знаете что, — прибавилъ онъ, — и я такое же засохшее дерево. Я засмѣялся, думая, что онъ шутитъ. Но онъ поблѣднѣлъ и сказалъ: Если вы меня любите, то повѣрьте, что я это не зря сказалъ. Отъ другихъ я это только скрываю. Для меня все кончено, или, можетъ быть, даже ничего и не было. Теперь я знаю, что я ничего не свершилъ и въ будущемъ ничего не сдѣлаю. — Я старался его утѣшить, но онъ не слушалъ меня. Я всю ночь потомъ не могъ заснуть отъ волненія, и хотѣлъ пойти къ нему на слѣдующее утро, но почему-то не рѣшался.

— Послушай, Вольфъ, — сказала Марія-Луиза, приподнявшись на кушеткѣ съ возбужденнымъ лицомъ. — Послушай! — Она схватила руку брата и пробовала говорить, но ничего, кромѣ глухого шопота, у нея не выходило.

— Ахъ, Боже мой! — прервалъ онъ ее. — Вотъ и ты теперь взволновалась. Зачѣмъ я тебѣ все это рассказалъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, ты хорошо поступилъ. Только теперь сдѣлай вотъ что для меня: пойдѣ къ нему и попроси, чтобы онъ не приходилъ въ отчаяніе. Скажи ему, что ты просишь отъ моего имени. Понялъ? Какъ можетъ онъ отчаяваться? Передъ нимъ блестящая будущность, если онъ не перестанетъ стремиться впередъ. Пойми, что это было бы величайшимъ преступленіемъ. Онъ долженъ воспрянуть духомъ. Слышишь? Онъ долженъ обѣщать тебѣ это.

Она обхватила руку брата своими горячими сухими руками. Глаза ея были полны слезъ.

— Скажи ему, что я никогда не переставала вѣрить въ

него. И если онъ теперь въ отчаяніи, то... скажи ему... что я только изъ любви къ нему...

Она вдругъ громко простонала и, пряча лицо подъ одѣяло, стала судорожно рыдать.

Вольфъ сидѣлъ не двигаясь, не дѣлая попытки утѣшить сестру. Онъ глядѣлъ въ пространство съ такимъ чувствомъ, точно его коснулось тяжелымъ крыломъ что-то невообразимо страшное, оставивъ въ его душѣ никогда до того не испытанный ужасъ. Такъ они молчали, занятые оба своими мыслями. Только когда въ саду раздался голосъ майора, Марія-Луиза откинула одѣяло и прижала платокъ къ глазамъ. Тѣло ея еще вздрагивало отъ рыданій. Вольфъ вскочилъ съ мѣста въ то время, какъ майоръ наклонился съ испугомъ надъ плачущей женой.

— Чтѣ съ тобой, дорогая?

Не отнимая платка отъ глазъ, Марія-Луиза протянула руку мужу и пробовала говорить, но ея дрожащія губы не могли вымолвить ни слова.

— Она очень волновалась, оставимъ ее лучше одну. Пойдемъ!—пробормоталъ Вольфъ, взявъ майора подъ руку и уводя его съ собой съ балкона.

Они спустились въ садъ, гдѣ докторъ Платенъ издали показалъ имъ пилу съ согнувшимися зубцами.

— Еще нѣтъ трехъ недѣль, какъ я ее купилъ, — съ бѣшенствомъ рассказывалъ онъ. — Шестъ марокъ стоила эта дрянь. Ни къ чорту теперь не годно стало фабричное производство.

Майоръ пробормоталъ что-то въ отвѣтъ, и въ это время докторъ Платенъ взглянулъ на Вольфа.

— Ты боленъ?—спросилъ онъ.

Но Вольфъ ничего не отвѣтилъ, можетъ быть, ничего не слышалъ и прошелъ дальше. Онъ былъ оглушенъ внезапно открывшейся ему тайной сестры, которая выдала себя своимъ отчаяніемъ и своими слезами.

— Чтѣ ее такъ взволновало?—еще разъ спросилъ майоръ, положивъ руку на плечо шурина, и въ его вѣдѣннѣ, спокойномъ взорѣ просвѣчивала внутренняя тревога. Чтобы продлить время, Вольфъ сталъ спрашивать о томъ, чтѣ сказалъ врачъ о состояніи Марія-Луизы.

— Ты вѣдь знаешь врачей, — отвѣтилъ майоръ. — Чѣмъ меньше они понимаютъ болѣзнь, тѣмъ больше болтаютъ. Всѣ профессора, впрочемъ, сошлись на томъ, что ничего органическаго у нея нѣтъ. Только вотъ эта полная слабость. Она точно утратила всякую жизнеспособность. Но чтѣ же ее такъ взволновало?

Вольфъ съ минуту колебался, но какъ только онъ началъ говорить и повторилъ то, что онъ сказалъ больной, ему сдѣлалось легко и свободно на душѣ. Онъ какъ бы снова чувствовалъ близость сестры и его охватила увѣренность въ томъ, что она всегда говорить и поступаетъ такъ, какъ должно. Они сѣли на скамейку передъ кустомъ сирени. Майоръ наклонился впередъ и сталъ чертить палочкой по песку; онъ еще продолжалъ чертить и послѣ того, какъ кончилъ Вольфъ. Потомъ онъ вдругъ выпрямился и взглянулъ на своего шурина. Взоръ его былъ безконечно скорбный.

— Такъ вотъ что происходитъ съ твоимъ другомъ, — отрывисто сказалъ онъ разбитымъ голосомъ. — Пойди къ нему и скажи, чтобы онъ снова приходилъ къ намъ. Я ему буду очень радъ... и Марія-Луиза тоже... Пусть онъ придетъ ради нея, слышишь?

Вольфъ отвернулся, не будучи въ силахъ скрыть своего волненія. Майоръ хмуро посмотрѣлъ на него, точно удивляясь такому отсутствію самообладанія. Потомъ онъ коснулся сжатой дрожащей руки Вольфа и сказалъ:

— Да, милый мой, иногда трудно знать, какъ слѣдуетъ поступить... Но мы должны всѣ стараться, чтобы она меньше страдала. Нельзя знать, долго ли еще она останется съ нами.

Въ это время къ нимъ подошелъ докторъ Платенъ.

— Вы говорите о Маріи-Луизѣ? — спросилъ онъ брата. — По-моему, ее слѣдуетъ скорѣе увезти въ Давосъ или Санъ-Морисъ. Это единственное средство вылечить ее, — настойчиво прибавилъ онъ въ отвѣтъ на отрицательный жестъ брата. — Психологическія причины тутъ ни при чемъ. Напрасно ты придаешь значеніе ея словамъ.

Не отвѣчая ничего брату, майоръ обратился къ Вольфу:

— Подожди меня здѣсь, я пойду поговорить съ ней.

Съ этими словами онъ пошелъ въ домъ, а докторъ Платенъ сердито топнулъ ногой.

— Увезъ бы онъ ее скорѣе отсюда, она бы и выздоровѣла.

Уходя, онъ еще бормоталъ съ сдержанной яростью: — Одно горе съ этими бабами! Всѣ онѣ сумасшедшія.

Когда Вольфа черезъ нѣсколько времени позвали въ домъ, онъ засталъ сестру и зятя вмѣстѣ. О томъ, что произошло, больше не говорилось. Марія-Луиза вскорѣ поднялась и пошла спать. А прощаясь съ Вольфомъ, майоръ сказалъ, что самъ напишетъ Грабаусу и пригласитъ его.

Это письмо Грабаусъ получилъ вечеромъ, сидя въ сумеркахъ за письменнымъ столомъ и погруженный въ безотрадные мысли.

Дѣвушка принесла письмо и положила на столъ. Почеркъ былъ незнакомый, и Грабаусъ не торопился разрѣзать конвертъ. Онъ продолжалъ думать о своемъ и только послѣ того, какъ зажегъ лампу, взялъ письмо. Но едва онъ его прочелъ, какъ положилъ голову на столъ и зарыдалъ.

Письмо было короткое, не искусное, написанное человѣкомъ, который не привыкъ излагать на бумагѣ свои мысли и чувства. Въ его сдержанномъ тонѣ, однако, ясно чувствовалась высота его любви и его доброты, ненарушимая вѣра въ жену и полное довѣріе къ тому, кого она полюбила. И вспоминая необузданность своей страсти, Грабаусъ почувствовалъ глубокое преклоненіе передъ этимъ человѣкомъ, который любилъ свою жену больше себя.

На слѣдующій день онъ поѣхалъ въ Веймаръ. Марія-Луиза лежала на кушеткѣ, когда онъ вошелъ на балконъ. Подлѣ нея никого не было. Она протянула ему свою бѣлую узкую руку и, слабо сжимая его руку въ своей, проговорила только:

— И ты!..

Они послѣ этого долго сидѣли безмолвно, какъ бы ослѣпленные видомъ другъ друга. Имъ нужно было нѣсколько времени, чтобы прійти въ себя. И тогда каждый забылъ о собственныхъ мукахъ, видя страданія другого. Черезъ нѣсколько времени вошелъ майоръ. Грабаусъ вскочилъ и хотѣлъ ему что-то сказать, но не могъ вымолвить ни слова. Онъ только крѣпко сжалъ ему руку и почувствовалъ въ отвѣтъ теплое дружеское пожатіе. Они сѣли оба около больной, и майоръ сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— А теперь, дорогая, ты должна выздороветь.

— Да, я выздоровлю, общаю это вамъ, — отвѣтила она, глядя на нихъ сіяющимъ взоромъ.

Что-то новое, чистое и святое началось теперь въ отношеніяхъ Маріи-Луизы и Грабауса. Они проводили долгіе часы наединѣ, но избѣгали всего, что могло бы напомнить о прежнихъ порывахъ страсти. Они едва давали другъ другу руку, здороваясь и прощаясь. И не только между ними, но и между Грабаусомъ, майоромъ и Вольфомъ установились искреннія, сердечныя отношенія.

Вскорѣ наступила разлука, потому что Марія-Луиза, по настоянію врача, уѣхала съ мужемъ въ Тироль. Но прощаніе не было грустнымъ, потому что Грабаусъ обѣщалъ пріѣхать туда же черезъ нѣсколько недѣль, сейчасъ послѣ окончанія занятій въ университетѣ. Для Грабауса время тоже пролетѣло незамѣтно.

Его жизнь послѣ долгаго застоя какъ-то сразу пришла въ движеніе. Вышла въ свѣтъ его книга и, вопреки его ожиданіямъ, встрѣтила сочувственное отношеніе даже со стороны тѣхъ профессоровъ, которыхъ онъ считалъ своими врагами. И ему было особенно пріятно ихъ одобреніе, такъ какъ онъ не переставалъ высоко цѣнить ихъ, несмотря на ихъ преслѣдованія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Маріи-Луизы Грабаусъ поѣхалъ въ Берлинъ справиться о своемъ назначеніи, которое все откладывалось въ долгій ящикъ. Оказалось, что онъ пріѣхалъ какъ-разъ въ нужный моментъ. Университетъ предполагалось открыть уже къ новому году, и хотя явилось много кандидатовъ на мѣсто ректора, оно осталось за Грабаусомъ, главнымъ образомъ, благодаря успѣху его книги. Онъ уѣхалъ уже съ назначеніемъ въ карманѣ.

Въ Берлинѣ онъ опять встрѣтился съ художникомъ Гебгардомъ, который сообщилъ ему между прочимъ, что Магги Тѣнъ ушла со сцены и вышла замужъ за одного богатаго молодого человѣка. Вѣнчаніе состоялось въ концѣ февраля, во время карнавала. Рассказывая объ этомъ, Гебгардъ скептически прибавилъ:

— Это еще навѣрное не послѣдняя роль Магги. Не даромъ свадьба состоялась во время карнавала. И бракъ ея будетъ фарсомъ.

Грабаусъ пріѣхалъ въ горный отель въ Платенамъ вмѣстѣ съ Вольфомъ. Марія-Луиза и майоръ ждали ихъ внизу въ подъѣздѣ; поздоровавшись съ ними, майоръ сказалъ съ улыбкой женѣ.

— Ну, вотъ видишь, дорогая, все сошло благополучно, коляска не опрокинулась, и они пріѣхали минута въ минуту, какъ и полагалось.

— А развѣ ты беспокоилась?—спросилъ Вольфъ.

— Да, больше оттого, что очень радовалась вашему пріѣзду.

Переодѣвшись съ дороги въ своихъ маленькихъ бѣлыхъ комнаткахъ, похожихъ на монастырскія кельи, Грабаусъ и Вольфъ сошли опять на веранду, гдѣ Платены ждали ихъ къ обѣду. Они сѣли за маленькій столикъ на самой верандѣ, въ то время какъ остальное общество собралось въ сосѣдней столовой. Майоръ производилъ впечатлѣніе искренно счастливаго человѣка. Онъ тихо радовался счастью другихъ. Вольфъ былъ въ восторженномъ настроеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень голоденъ. Вначалѣ онъ отказался ѣсть, говоря, что слишкомъ переполненъ впечатлѣніями отъ дивнаго путешествія, и сталъ рассказывать

о горахъ и закатѣ солнца, который онъ видѣлъ по дорогѣ. Не всегда находя нужныя слова, онъ начиналъ усиленно трясти головой, точно надѣясь, что они оттуда выпадутъ. Но когда ему сестра почти насильно положила на тарелку кусокъ мяса, онъ, самъ того не замѣчая, сталъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ и замолкъ. Марія-Луиза заговорила тогда съ Грабаусомъ, спросила о здоровьи его жены и дѣтей, стала рассказывать о жизни въ отелѣ, описывала особенно комичныхъ гостей и потѣшала всѣхъ остроуміемъ своихъ рассказовъ. Когда мужъ сказалъ, что ей нужно беречься и не говорить такъ много, чтобы не охрипнуть, она отвѣтила съ веселымъ задоромъ: — Пустяки, сегодня я не охрипну!

Ея слегка загорѣвшія щеки горѣли, голубые глаза сверкали. Грабаусъ не могъ отвести отъ нея восхищеннаго взгляда. До чего ей шла тирольская шапочка съ перомъ и гладко обтянутая жакетка, надѣтая поверхъ шелковой блузки! Она была такая цвѣтушая, веселая, красивая, — его охватила необузданная радость при мысли, что онъ проведетъ съ нею цѣлый мѣсяцъ... Но вдругъ она кашлянула и быстро взяла что-то въ ротъ — какое-нибудь средство противъ кашля, — и опять на него напали мрачныя предчувствія. Послѣ обѣда они посидѣли всѣ вмѣстѣ еще нѣсколько времени на верандѣ. Марія-Луиза закуталась въ теплую шаль. Она съ улыбкой глядѣла на Грабауса и лицо ея было озарено тихой радостью. Ровно въ десять часовъ она пошла спать. Майоръ проводилъ ее въ ея комнату и вернулся къ Грабаусу и Вольфу. Они молча продолжали сидѣть втроемъ, занятыя всѣ мыслями о Маріи-Луизѣ. „Все еще можетъ обойтись благополучно“, — думалъ майоръ. Теперь, когда его здоровье поправилось, онъ чувствовалъ себя болѣе бодрымъ и почти готовъ былъ повѣрить Маріи-Луизѣ, что она можетъ быть счастлива и спокойна только подлѣ него... Грабаусъ оперся головой на руку и глядѣлъ на майора. Онъ вдругъ съ особой ясностью почувствовалъ, что любить этого человѣка и преклоняется передъ нимъ больше, чѣмъ передъ кѣмъ-либо на свѣтѣ — хотя онъ и стоитъ на его пути къ счастью. Почему же онъ любитъ его? Грабаусъ взглянулъ на его бѣлые какъ снѣгъ волосы и посѣдѣвшіе усы и опять подумалъ, какъ уже не разъ: отецъ, а не мужъ. Развѣ было бы жестоко сказать ему: отдай ее мнѣ? Еслибы люди слѣдовали естественнымъ побужденіямъ, а не условнымъ правиламъ морали, я бы такъ и поступилъ, ничего не отнимая у него, — думалъ Грабаусъ. Но другой голосъ говорилъ ему — нѣтъ, нельзя... Я поступлю такъ, какъ за-

хочетъ она—какъ для нея хорошо, рѣшилъ онъ, и это рѣшеніе его успокоило. Вольфъ откинулся на стулѣ и, вспоминая веселый смѣхъ сестры, думалъ о томъ, какъ нелѣпы были его страхи, какъ все, что исходитъ отъ Маріи-Луизы, всегда хорошо. Онъ отъ души радовался теперь, что эти два человѣка, которыхъ онъ такъ горячо любилъ, Грабаусъ и Марія-Луиза, опять вполнѣ примирились.

— Какъ вы нашли мою жену? — спросилъ майоръ, обращаясь къ Грабаусу.

— По-моему, она очень поправилась.

— Да, у нея теперь лучший видъ, чѣмъ передъ болѣзью, — радостно сказалъ Вольфъ.—У нея округлились щеки и отличный цвѣтъ лица. Катарръ легкихъ, надѣюсь, безслѣдно прошелъ.

— Такъ легко онъ не проходитъ. Но улучшеніе несомнѣнно есть. Вначалѣ все не клеилось. На нее напало такое безпокойство, что я уже думалъ, не слишкомъ ли здѣсь высоко для нея. Но уже двѣ недѣли, какъ наступилъ поворотъ къ лучшему. Она должна еще, конечно, очень беречься. Главное — избѣгать всякихъ волненій.

Грабаусъ поднялъ глаза. Эти слова какъ бы легко постучались ему въ сердце, и онъ рѣшилъ никогда не забывать ихъ.

— Какъ хорошо, что вы оба пріѣхали, — продолжалъ майоръ.—Ей вѣдь было немножко скучно среди чужихъ людей.

— И меланхолія прошла?—спросилъ Вольфъ.

— Слава Богу, прошла. Но веселость ея какая-то еще не установившаяся. Уже нѣсколько человѣкъ, говоря со мной о Маріи-Луизѣ, называли ее: вапа солнечная жена. Это вѣрно: она солнечная, но и сама нуждается въ солнцѣ. Всѣ здѣсь къ ней льнутъ, посвящаютъ ее въ свои сердечныя и семейныя тайны, но она вѣдь отрываетъ свою душу только немногимъ, близкимъ ей по духу людямъ. Поэтому я особенно радъ вашему пріѣзду. Теперь она будетъ чувствовать себя совсѣмъ какъ дома.

Вольфъ поднялъ стаканъ, предложилъ выпить за здоровье сестры, за ея выздоровленіе и за то, чтобы ей и всѣмъ имъ хорошо жилось это лѣто.

— Выпьемъ. Это ты хорошо придумалъ, — сказалъ майоръ.

— Выпьемъ за нее, потому что ея счастье—наше общее счастье, — сказалъ Грабаусъ.

Майоръ налилъ вина, и они чокнулись. Но прежде чѣмъ выпить, каждый прибавилъ про себя еще какое-нибудь горячее пожеланіе, внушенное преданной любовью. Вольфъ ей пожелалъ

здоровья, мужъ—здоровья и душевнаго покоя, а Грабаусъ думалъ всѣми силами души: не моего счастья, а твоего! Потому они выпили и почувствовали особый радостный подъемъ; у нихъ было чувство, точно они спасли судьбу Маріа-Луизы отъ всякихъ напастей и до нѣкоторой степени обезпечили ея счастье.

Маріа-Луиза лежала въ эту минуту въ постели, еще не заснувъ, и глядѣла широко раскрытыми глазами на пламя свѣчи. Мысли быстро и спутанно носились въ ея головѣ, но въ своемъ быстромъ полетѣ кружились, какъ ночныя бабочки, все вокругъ одного — и оно все отодвигало ихъ назадъ въ мракъ. Наконецъ, какъ бы говоря въ послѣдній разъ: нѣтъ! въ отвѣтъ на горячую мольбу, она покачала отрицательно головой. По ея утомленнымъ чертамъ скользнуло выраженіе испуга, она быстро закрыла глаза, какъ бы отъ физической боли, и затушила свѣчку.

VII.

Наступившіе теперь дни были, быть можетъ, самыми счастливыми въ жизни Грабауса. Быстро и весело, какъ ясный горный потокъ, текла кровь по его жиламъ, безоблачное голубое небо разстилалось надъ его душой, и въ ней зарождались смѣлые гордые помыслы, какъ бы отражавшіе величіе горной природы вокругъ него.

Съ утра до вечера всѣ четверо были на воздухѣ. Они обѣдали не со всѣми вмѣстѣ въ низкой душевной столовой, а на террасѣ, гдѣ проводили и вечеръ. Маріа-Луиза сидѣла закутанная въ теплый плащъ, и часы проходили или въ молчаніи, или въ дружеской бесѣдѣ, въ то время какъ глухой шумъ ручья подъ ними и серебристое сіяніе звѣздъ надъ ними наполняли ихъ души гармоніей, въ которой сливалось темное и свѣтлое, радость и тяжелыя предчувствія.

По утрамъ они предпринимали очаровательныя прогулки, очень разнообразныя въ этой мѣстности. Майоръ занялся собираніемъ минераловъ, а Вольфъ увлекся ботаникой и сталъ собирать образцы мѣстной флоры. Они часто спорили о преимуществахъ того или другого занятія, а Грабаусъ и Маріа-Луиза безпристрастно сочувствовали каждому изъ нихъ, восторгаясь и кристаллами, которые майоръ добывалъ въ скалахъ, и рѣдкостными растеніями, за которыми Вольфъ лазилъ по крутизнамъ.

Но чаще всего Луиза и Грабаусъ сидѣли вдвоємъ на камняхъ или на мягкомъ мху подъ смолистыми соснами, сквозь

которыя такъ ярко синѣло небо. Марія-Луиза просила его читать ей вслухъ его новую книгу. На его возраженіе, что книга, написанная въ четырехъ стѣнахъ, должна быть прочитана тоже въ тиши кабинета, она оживленно отвѣтила:

— Нѣтъ, именно здѣсь, гдѣ все вокругъ такъ дико и все же подчинено законамъ необходимости, я чувствую, какой источникъ жизни и свѣта таится въ вашей книгѣ.

Онъ былъ ей истинно благодаренъ за эту оцѣнку его труда; она больше обрадовала его, чѣмъ лестные отзывы профессоровъ.

Они читали также другія книги и чувствовали какъ просвѣтляется и обогащается ихъ внутренній міръ. Будущее стало для нихъ проясняться. Грабаусъ опять почувствовалъ въ себѣ силу вліять на другихъ своимъ словомъ. Иногда они сидѣли безмолвно, отдаваясь тихой радости своихъ чистыхъ чувствъ. Глядя на Марію-Луизу, Грабаусъ самъ поражался, до чего его чувство къ ней было теперь чуждо желаній, и сколько въ немъ было очарованія, какъ оно сплеталось съ красотой и спокойствіемъ сверкавшихъ вдали снѣжныхъ вершинъ. Они сидѣли часто вмѣстѣ, подъ благотворными солнечными лучами, испытывая невыразимое блаженство. Все бывшее, все грядущее казалось далекимъ, отдаленнымъ отъ нихъ, сіяющимъ голубоватымъ блескомъ горныхъ вершинъ. Безъ вопросовъ, безъ жалобъ наслаждались они счастьемъ мимолетнаго часа среди вѣчныхъ утесовъ, среди цвѣтовъ, которые расцвѣтали на одинъ день, а на завтра увядали.

Грабаусъ получилъ длинное письмо отъ жены, въ которомъ она сообщала ему подробно о всѣхъ домашнихъ дѣлахъ, жаловалась на строптивый характеръ ихъ сына, съ которымъ приходится очень строго обращаться, и передавала всевозможныя городскія сплетни. Письмо это сразу омрачило настроеніе Грабауса, напоминая ему о той жизни, которая ему внутренне стала совершенно чужой, но съ которой онъ былъ связанъ глубокими корнями. Къ женѣ онъ чувствовалъ теперь какой-то ужасъ, такъ какъ она напоминала ему о тяжелыхъ, унижительныхъ часахъ. И все-таки она была матерью его дѣтей, которыя принадлежали ей такъ же, какъ и ему. Его тянуло домой, къ нимъ, и въ то же время ему хотѣлось быть какъ можно дальше отъ нихъ. Любовь и сознаніе своей отвѣтственности переплетались съ отчужденностью и невыразимымъ ужасомъ.

Послѣ прекраснаго солнечнаго дня, которымъ они воспользовались для прогулки къ развалинамъ средневѣковаго замка,

наступила дождливая погода. Всѣ четверо пили чай днемъ, въ комнатѣ Маріи-Луизы, а потомъ майоръ и Вольфъ поспѣшили каждый въ себѣ работать. Оба они были даже рады пасмурному дню; сидя дома, они могли привести въ порядокъ свои сокровища.

Грабаусъ и Марія-Луиза остались одни. Она была въ темномъ длинномъ платьѣ, и Грабаусъ, привышій за послѣднее время видѣть ее только въ короткихъ костюмахъ или свѣтлыхъ лѣтнихъ туалетахъ, на-ново восхищался величественными линіями ея стройной фигуры въ темной одеждѣ. Она ему казалась какой-то неприступной, почти чужой; когда она взглянула на него съ вопросомъ въ глазахъ, онъ отвернулся и сталъ смотрѣть въ окно; лилъ дождь, и грустный видъ природы еще болѣе усиливалъ тяжелое чувство, вызванное въ немъ скорбно-прекраснымъ лицомъ Маріи-Луизы. Когда она спросила его, наконецъ, о чемъ онъ задумался, онъ слегка вздрогнулъ.

— О чемъ я думаю, спрашиваешь ты? Мы не отвѣтственны за свои мысли, нужно только не высказывать ихъ,—отвѣтилъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ.—Мнѣ взгрустнулось отъ дождя... и отъ мыслей о будущемъ.

— Будущее твое вѣдь не печально.

Онъ ничего не отвѣтилъ и сталъ безмолвно ходить по комнатѣ. Потомъ онъ остановился, подошелъ къ ней и долго глядѣлъ на ея волосы, заложенные тяжелымъ свѣтлымъ узломъ. Вдыхая ихъ тонкій, нѣжный ароматъ, онъ страдальчески закрылъ глаза, потомъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, отошелъ къ столу и взялъ лежащій тамъ томикъ Тассо.

— Нужно давать жерновамъ зерно, а то они сами себя перетрутъ,—сказалъ онъ.—Хочешь читать?

— Читай.

Онъ началъ съ того мѣста, на которомъ они остановились наканунѣ, со сцены, въ которой Леонора Санвитале уговариваетъ принцессу отпустить поэта.

— Мнѣ въ школѣ дали совершенно превратное представленіе о Леонорѣ,—сказала Марія-Луиза,—и потомъ уже трудно отдѣлаться отъ разъ сложившагося образа. Но жизнь часто составляетъ мѣнять представленія и мысли. Иногда мнѣ казалось, что никакъ нельзя отдѣлаться отъ извѣстныхъ представленій, а между тѣмъ жизнь ихъ разбивала. Такъ было съ моими религиозными воззрѣніями, съ нѣкоторыми литературными взглядами и, главное...

Она остановилась и посмотрѣла на него съ нѣсколько смущенной улыбкой.

— Что же главное?—спросилъ онъ.

— Главная пережѣна—невообразимая и несомнѣнная, это—моя любовь къ тебѣ.

Она протянула ему руку, ласково пожала его руку въ своей и потомъ тихо отстрапила его.

— Читай дальше, Генрихъ.

Но онъ захлопнулъ книгу со словами:—Я не могу читать, и подошелъ къ окну; она стала подлѣ него.

— Что съ тобой? Почему ты не продолжаешь читать?

— Не могу. Я думаю о томъ, кто написалъ эту книгу, думаю о всѣхъ, кто счастливъ. Я не хочу читать. Мнѣ всѣ книги противны.

— Это ужасно! Знаешь, мнѣ положительно кажется, что твоя жизнь стала бѣднѣе съ тѣхъ поръ, какъ ты полюбилъ меня. Прежде ты былъ сильный человѣкъ, окруженный вѣрными друзьями, внутренне недоступный вліянію счастья и несчастья. А теперь ты точно оттолкнулъ отъ себя друзей, разлюбилъ книги, потерялъ силу, лишился опоры, сталъ бѣднякомъ.

— Я бѣденъ, но иваче, чѣмъ ты думаешь. Прежде, до того, какъ я зналъ тебя, жизнь моя была блѣдной тихой ночью, освѣщенной тысячею звѣздъ. А теперь взошло солнце, и куда дѣвались звѣзды—я не знаю. Я только чувствую, что прежде вель призрачное существованіе; только увидавъ тебя, я понялъ какъ хороша жизнь. Теперь я дѣйствительно бѣденъ, потому что у меня нѣтъ того, что составляетъ всю цѣнность, всю радость жизни. Но съ тобой я былъ бы богатъ. Почему же этого не можетъ быть? Скажи!

Но ему вспомнилось его обѣщаніе, и онъ замолчалъ. Онъ взглянулъ на Марію-Луизу, которая стояла возлѣ него и глядѣла на него, отвернувшись отъ окна. Ея темная фигура сливалась почти съ окружающей темнотой, но тѣмъ яснѣе выступало ея блѣдное лицо, выражавшее глубокую скорбь. Онъ взялъ ее за руки и сказалъ:

— Не сердись на меня за то, что я огорчилъ тебя. Я вѣдь не хочу причинить тебѣ страданій. Я знаю, что то, о чемъ я молю, невозможно. Препятствіе заключается не въ обстоятельствахъ, не въ твоемъ мужѣ и не въ моей женѣ, а въ тебѣ самой. Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ какая ты, я тоже сталъ спокойнымъ на самомъ днѣ души, хотя на поверхности еще кипятъ желанія. Твой братъ сказалъ правду, увѣряя меня, что ты чужда желаній. Ты дѣйствительно изъ другого міра, чѣмъ я, тебѣ довольно сознавать нашу духовную близость. Я это понялъ

и понялъ какъ былъ несправедливъ, когда послѣ твоихъ словъ о томъ, что твоя душа принадлежитъ мнѣ, обвинялъ тебя... Но вѣдь ты не знаешь, что происходитъ во мнѣ, какія муки я переживаю!—Ахъ, Марія-Луиза, еслибы я могъ не знать желаній, какъ ты, быть такимъ же чистымъ!

Отъ его словъ Марія-Луиза задрожала, потрясенная до глубины души. Въ ней точно проснулись насильно заглушенные страданія, сдержанные потоки слезъ и разразились дикой бурей. Когда онъ говорилъ, и она видѣла по его словамъ, что кажется ему неземнымъ существомъ, не знающимъ мукъ горячей крови,—она вспомнила, какъ проснулась сегодня утромъ на подушкѣ, омоченной слезами, вспомнила о другихъ мрачныхъ часахъ, проведенныхъ какъ въ бреду, о томъ, какъ она ночью просыпалась отъ мучительной тоски по немъ. Ее охватило чувство страшнаго одиночества, отчаянія и слабости, съ которой ей трудно было бороться. Не слушая его, она только молила:

— Молчи, ты меня не знаешь. Еслибы ты зналъ...

Совершенно обезумѣвъ, она прижала голову къ его груди съ единственнымъ желаніемъ укрыться, успокоиться и почерпнуть силы для ожидающихъ ее снова страшныхъ ночей.

Онъ обнялъ ее, прижалъ руку къ ея груди и чувствовалъ глухой, дрожащій стукъ ея сердца. Такъ они стояли, пока въ корридорѣ не послышался стукъ захлопнувшейся двери, шумъ шаговъ и раздраженный голосъ горничной. Марія-Луиза испуганно отшатнулась, но опять бросилась къ Грабаусу и прижала свои сухія губы къ его губамъ въ нѣмомъ подѣлуѣ, исторгнутомъ мукой. Потомъ они снова сѣли на маленькій диванъ. Она прижала къ холоднымъ кожанымъ подушкамъ свою пылающую голову, а онъ подперъ голову руками надъ раскрытымъ томомъ Тассо. Темнота окутала ихъ чувства, еще болѣе темныя, чѣмъ окружающій мракъ.

На слѣдующее утро опять засверкало солнце и разсѣялся туманъ, опять вся природа улыбалась и вчерашній день съ его дождемъ и печалью безслѣдно исчезъ. Неужели безслѣдно?—спрашивалъ себя Грабаусъ.—Неужели и то, что онъ вчера пережилъ, такъ же разсѣется, какъ разсѣялись тучи? Онъ закрылъ глаза, и опять ему представилось, какъ Марія-Луиза, обезсиленная невыносимой душевной мукой, выдала свои страданія, какъ онъ заглянулъ въ ея трепещущее сердце и прочелъ въ немъ ясный призывъ.—Услышь мой нѣмой крикъ, почувствуй то, противъ чего борется моя воля и что сильнѣе моей воли, пойми, что я

хочу одного, чтобы ты меня спасъ, освободилъ, унесъ съ собой, хотя бы противъ моей воли, какъ свою добычу!

Всю ночь эти мысли преслѣдовали его, и теперь онъ уже не боролся со своей страстью, а искалъ въ ней поддержки. Онъ рѣшилъ сказать майору, что его жена гибнетъ отъ непосильной муки. Теперь онъ можетъ это сказать, дѣйствуя не подъ влияніемъ дерзновенной страсти, а въ твердомъ сознаниі, что исполняетъ священный долгъ.

Утромъ при солнечномъ свѣтѣ опять проснулись въ немъ сомнѣнія, но онъ все-таки рѣшилъ, что необходимо дѣйствовать. Рѣчь шла не объ его счастья, но о душевномъ покоѣ, здоровьи и счастья Маріи-Луизы.

Но когда онъ, принявъ твердое рѣшеніе, сошелъ утромъ къ завтраку, въ изумленію его оказалось, что никакого разговора съ майоромъ не можетъ быть. Онъ засталъ майора и Вольфа въ переговорахъ съ хозяиномъ и двумя здоровенными проводниками. Онъ не сразу понялъ въ чемъ дѣло, но Вольфъ разъяснилъ ему, что давно предполагавшаяся горная экспедиція должна наконецъ состояться въ это самое утро. Грабаусъ и Вольфъ отправятся черезъ Шлернъ въ тирскую долину, а оттуда поднимутся на вершину Розенгартенъ. Оттуда они спустятся въ Боценъ, гдѣ и встрѣтятся съ Платенами, которымъ назначено было въ Боценѣ свиданіе съ ихъ родственниками, графомъ Боркомъ и его семьей. Вольфъ былъ въ особенномъ восторгѣ отъ предполагаемой экспедиціи: онъ получилъ письмо отъ нѣкоей госпожи Джемсъ Лаасъ, урожденной Магги Тенъ, которая сообщала ему, что будетъ съ мужемъ въ Карервее-отелѣ и ждетъ тамъ его посѣщенія.

Марія-Луиза, только болѣе блѣдная, чѣмъ обыкновенно, принимала дѣятельное участіе въ общемъ оживленіи, разговаривала съ проводниками и общала помочь туристамъ собраться въ дорогу. Въ приготовленіяхъ прошло все утро, и Грабаусъ не успѣлъ сказать ни слова ей наединѣ. Видя его отчаяніе, она только пешнула ему:—Вѣдь мы расстаемся не надолго!

Экспедиція, въ которой Грабаусъ согласился участвовать только ради Вольфа, мало его радовала, такъ какъ всѣ его мысли были у Маріи-Луизы. Онъ обдумывалъ какъ говорить съ майоромъ, такъ какъ рѣшилъ спасти Марію-Луизу хотя бы противъ ея воли.

Грабаусъ и Вольфъ уже два дня ходили по горамъ и видѣли много величественныхъ зрѣлищъ, высокихъ утесовъ и глубокихъ пропастей. Какъ разъ передъ ихъ приходомъ произошло не-

счастіе: какой-то туристъ сорвался и упалъ въ пропасть, о чемъ проводники сообщили довольно равнодушно. Дойдя до отеля, въ которомъ они остановились на ночь, они увидѣли трупъ несчастнаго, извлеченный изъ пропасти. Оказалось, что погибшій былъ ихъ знакомый, шведскій ботаникъ, съ которымъ они встрѣтились по дорогѣ изъ Берлина въ Тироль. Въ его зажатой рукѣ былъ рѣдкій цвѣтокъ орхидеи, въ поискахъ за которымъ онъ и предпринялъ свое путешествіе въ Тироль. Грабаусъ узналъ цвѣтокъ по описаніямъ ботаника: это было невзрачное растеніе съ скромными бѣлыми лепестками и съ одуряющимъ сладкимъ запахомъ. Грабаусъ съ искренней жалостью взглянулъ въ лицо мертвецу, и почему-то ему вдругъ показалось, что есть большое сходство между нимъ и мертвецомъ.

Достигнувъ вершины Розенгартенъ и отдохнувъ тамъ, друзья приготовились спускаться въ долину, въ отель Карерзее, гдѣ рѣшено было переночевать. Грабаусу эта перспектива не особенно улыбалась, но Вольфъ радовался, какъ ребенокъ, и долго чистился, приводя себя въ порядокъ.

— Какъ я покажусь въ такомъ видѣ Магги?—жалобно говорилъ онъ, глядя на непоправимые дефекты своего туалета.— Я все еще влюбленъ въ нее,—призывался онъ Грабаусу.— Боюсь встрѣтиться съ ея мужемъ—я навѣрное поссорюсь съ нимъ. И почему я не женился на ней? Это было бы безуміемъ, но все-таки я былъ бы счастливъ. Я никогда не перестану ее любить. Она самая обаятельная женщина въ мірѣ.

— Обаятельная на минуту, но она не можетъ быть подругой на всю жизнь. Ты былъ бы глубоко разочарованъ, если сталъ бы искать въ ней глубины.

— Она только легкомысленна,—горячо возразилъ Вольфъ,—потому что такъ сложилась ея жизнь. Въ дѣйствительности же она глубокая натура. Конечно, я не умру отъ этой страсти, но счастливъ я уже не могу быть.

Слова Вольфа показались Грабаусу почти смѣшными. Быть несчастнымъ изъ-за кого-нибудь, кромѣ Маріи-Луизы, казалось ему невозможнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подумалъ, что оба они, и онъ, и Вольфъ, похожи на сумасшедшихъ, изъ которыхъ каждый во власти своей навязчивой идеи, но понимаетъ при этомъ заблужденіе другого. Можетъ быть, и онъ такъ же слѣпъ, какъ Вольфъ, и принимаетъ за вѣчное чувство краткій порывъ

страсти... Но противъ этого предположенія вся его душа возмущалась, какъ противъ величайшаго святотатства.

Когда они прибыли въ отель Карерзее, Магги, встрѣтившая ихъ въ изящномъ бѣломъ костюмѣ, разыграла цѣлую комедію радости и изумленія отъ внезапной встрѣчи. Она увлекла ихъ съ собою на террасу, усадила рядомъ съ собою за столъ и сейчасъ же стала жаловаться на свои злключенія. Больше всего она негодовала на то, что въ переполненномъ отелѣ не оказалось отдѣльныхъ комнатъ для нея и мужа, и ей приходится быть съ нимъ въ одной комнатѣ, что сильно нарушало, по ея словамъ, и ея и его аристократическія привычки.

— Вѣдь онъ изъ очень старинной богатой семьи и страшно избалованъ, — съ гордостью сказала она. — Его отецъ судостроитель въ Гамбургѣ, страшно богатый. Но это еще не единственное несчастье, — продолжала она. — Представьте себѣ, что по дорогѣ сюда болванъ кучеръ потерялъ всѣ мои зонтики. Теперь мой мужъ отправился разыскивать какой-нибудь зонтикъ для меня. Не могу я ходить, не защищаясь отъ солнца. Я и такъ вся загорѣла. Посмотрите, — она протянула Вольфу свою нѣжную, тонкую руку, тона слоновой кости, и онъ съ восхищеніемъ поддержалъ ее въ своей рукѣ.

— Вотъ мужъ мой и пошелъ достать хоть какой-нибудь зонтикъ. Вы не представляете себѣ, какой онъ добрый, благородный человекъ. Онъ уже принесъ мнѣ огромныя жертвы, отказался отъ государственной службы, чтобы быть все время со мной. Онъ безгранично меня любитъ. Вотъ онъ. Джемсъ, сюда!

Изъ отеля вышелъ изящный стройный господинъ въ сѣромъ горномъ костюмѣ и съ пестрымъ деревенскимъ зонтикомъ подъ мышкой. Магги представила его своимъ друзьямъ, съ которыми онъ нѣсколько сдержанно, но вѣжливо поздоровался, и сейчасъ же набросилась на него, говоря, что онъ нарочно принесъ ей чудовищный зонтикъ, чтобы насмѣяться надъ ней. Онъ спокойно отвѣтилъ, что деревенскіе зонтики здѣсь въ модѣ, но что если ей этотъ не нравится, то можно раздобыть другой.

— Къ тому же, — прибавилъ онъ, — я телеграфировалъ въ отель Бристоль; они сейчасъ же вышлютъ забытые зонтики и ты ихъ завтра будешь имѣть.

— Ну да, ты продолжаешь утверждать, что я ихъ тамъ оставила, — раздраженно сказала Магги. — А вѣдь я тебѣ опредѣленно сказала, что забыла ихъ въ коляскѣ. Но ты мнѣ не вѣришь, ты считаешь меня идиоткой!

— Ничуть, — отвѣтилъ онъ и хотѣлъ ласково дотронуться до ея руки. Но она рѣзко отстранила его.

— Ахъ, оставь меня!

Не выказывая неудовольствія и изумленія, — видно было, что онъ привыкъ къ такому обращенію, — Джемсъ обратился къ Вольфу и между мужчинами вскорѣ завязался общій разговоръ о новой книгѣ по исторіи права. Джемсъ, какъ и Вольфъ, былъ юристъ. Между прочимъ, они заговорили о племенныхъ особенностяхъ разныхъ народовъ.

Разговоръ этотъ весьма мало интересовалъ Магги, и она поспѣшила оборвать его: по поводу малайцевъ она вспомнила о встрѣчѣ въ Монте-Карло съ художникомъ Гергардомъ и рассказала, какъ Джемсъ чуть не вызвалъ его на дуэль за его дерзкое поведеніе съ нею. Джемсъ пробовалъ протестовать противъ навазанныхъ ему кровожадныхъ намѣреній, но спорить противъ Магги было невозможно. Наступилъ часъ табль-д'ота и Джемсъ предложилъ женѣ пойти переодѣться. Она сначала рѣшила, что не будетъ мѣнять платья, но когда послѣ перваго звонка стали появляться мужчины въ смокингахъ и дамы въ нарядныхъ туалетахъ, она обнаружила нѣкоторое безпокойство и, наконецъ, поднялась, говоря, что пойдетъ помыть руки. Мужчины пошли въ столовую, и за супомъ Джемсу передали телеграмму.

— Я такъ и зналъ, — сказалъ онъ, прочитавъ. — Зонтики нашлись въ отелѣ Бристоль. Но лучше мы этого не скажемъ моей женѣ, — прибавилъ онъ съ улыбкой. — Ей непріятно сознаваться, что она ошибалась.

Прошло около получаса, и тогда только съ противоположнаго конца комнаты появилась Магги въ пышномъ туалетѣ. Она прошла черезъ всю залу, производя такое впечатлѣніе своей эффектной внѣшностью, что всѣ даже на время перестали стучать ножами и вилками. Грабаусъ внутренне удивился, почему Магги выбрала длинный обходъ черезъ всю залу, вмѣсто того, чтобы придти черезъ ближайшую дверь.

Кофе пили на террасѣ и потомъ пошла гулять. Магги увидала, что у одной элегантной американки тоже былъ въ рукахъ деревенскій зонтикъ, и поэтому настолько примирилась со своимъ, что держала его открытымъ и въ тѣни. Она шла съ Вольфомъ позади мужа и Грабауса. Нарочно отставая отъ нихъ, она стала шептаться со своимъ спутникомъ, взяла его подъ руку, и когда разстояніе между ними и ея мужемъ сдѣлалось достаточно большимъ, стала говорить съ Вольфомъ о счастливомъ времени ихъ любви и жаловаться на свою жизнь, на преслѣдованія со сто-

роны семьи мужа, на то, что Джемсъ слишкомъ слабоволенъ и не умѣетъ ее защитить. Она при этомъ увѣряла, что любить мужа, но изъ всѣхъ ея жалобъ было ясно, что ее главнымъ образомъ тяготитъ спокойная семейная жизнь и что она скучаетъ по сценѣ. Вольфъ слушалъ, не говоря ни слова, и чувствовалъ, какъ разливается въ его сердцѣ горечь разочарованія, какъ въ немъ закипаетъ ненависть къ этой женщинѣ, которая ничѣмъ не походила на ту Магги, которую онъ такъ любилъ еще часъ тому назадъ.

Грабаусъ разговаривалъ съ Джемсомъ о его будущемъ. Молодой человекъ хотѣлъ создать себѣ новую жизнь, но въ виду разнообразія его интересовъ выборъ становился для него особенно труднымъ, тѣмъ болѣе, что матеріальный вопросъ не игралъ никакой роли. Онъ не зналъ, сдѣлается ли адвокатомъ, или выберетъ ученую карьеру. Грабауса удивило, что у него нѣтъ никакихъ иллюзій на счетъ Магги; онъ самъ видѣлъ, что она не можетъ жить безъ сцены и тщетно ищетъ замѣны ея, превращая жизнь въ театральное представленіе.

— Я знаю, что въ концѣ концовъ она должна вернуться на сцену. Я дамъ согласіе, хотя это приведетъ меня къ полному разрыву съ отцомъ.

Вечеръ прошелъ очень неудобно. Магги вдругъ рѣшила ѣхать на слѣдующее утро въ Бюцень вмѣстѣ со своими пріятелями, и послѣ нѣкоторой борьбы Джемсъ долженъ былъ уступить ей. Грабаусъ и Вольфъ могли уйти въ свою комнату уже поздно, послѣ полуночи, и долго еще сидѣли молча. Грабаусъ ни о чемъ не спрашивалъ, чувствуя, какъ тяжело на душѣ у его друга. Но Вольфъ самъ не вытерпѣлъ. Опустивъ голову на руку, онъ зарыдалъ; нервы его были такъ ослаблены утомительной ходьбой и обиліемъ разнообразныхъ ощущений, что онъ не сдумалъ сдержаться и скрыть горечь своего разочарованія. Грабаусъ коснулся его плеча и ласково сказалъ ему въ утѣшеніе:

— Братъ Вольфъ, судьба была милостива къ тебѣ, когда не исполнила твоего горячаго желанія. Ея мужъ погубилъ свою жизнь, а ты свободенъ и принадлежишь себѣ и своему будущему.

На слѣдующее утро все общество собралось въ Бюцень; Магги привела въ движеніе весь отель своими безчисленными желаніями и приказами. Она была необыкновенно мила съ мужемъ за завтракомъ, сама наливала ему шоколадъ и намазывала булки, оправляла ему галстукъ и выказывала всяческое вниманіе, —

рассказывая между прочимъ, что они рѣшили наканунѣ поѣхать въ Остенде, что потомъ она поступить на сцену, такъ какъ мужъ не хочетъ лишать сцену талантливой артистки. Послѣ завтрака они сѣли вчетверомъ въ коляску, и всю дорогу до Боцена Магги неустанно тараторила. Въ Боценъ они приѣхали около полудня и тамъ, наконецъ, расстались, такъ какъ Магги съ мужемъ остановились въ отелѣ „Бристоль“, а Вольфъ съ Грабаусомъ въ „Черномъ Коршунѣ“, гдѣ поселились Платены. Вольфъ обѣщалъ Магги зайти къ ней послѣ обѣда.

Пройдя къ себѣ въ номеръ, Грабаусъ сталъ съ лихорадочной поспѣшностью раскладывать вещи и переодѣваться, думая все время о томъ, какъ онъ будетъ убѣждать майора не губить Марію-Луизу. Когда онъ вышелъ изъ своей комнаты и освѣдомился у прислуги о Платенахъ, лакей провелъ его въ комнату Маріи-Луизы, говоря, что его просили пожаловать туда. Открывая дверь, Грабаусъ думалъ, однако, не о Маріи-Луизѣ, а о томъ, въ чьихъ рукахъ была его судьба.

Но майора не было въ комнатѣ. Тамъ онъ засталъ Марію-Луизу, семью графа Борке и еще одну даму—баронессу Лебенштейнъ. Маріа-Луиза сообщила ему, что ея мужъ не совсѣмъ здоровъ и не можетъ выйти, и попросила его сѣсть. Къ ужасу Грабауса, вся эта компанія провела весь день съ Маріей-Луизой, не отходя отъ нея ни на минуту, и онъ долженъ былъ выслушивать безконечныя исторіи о мѣдуническихъ способностяхъ молодой графини и о всякаго рода спиритическихъ чудесахъ. Майоръ не явился даже въ обѣду, причемъ Маріа-Луиза шепнула Грабаусу, что онъ вовсе не боленъ, а только не выносить общества дяди и тети. Она успокоила Грабауса надеждой, что они уѣдутъ съ семичасовымъ поѣздомъ. Но эта надежда не оправдалась. Когда Вольфъ поднялся и распрощался, говоря, что долженъ еще зайти къ знакомымъ, то графъ съ женой тоже было рѣшили, что имъ пора ѣхать, но послѣ долгихъ колебаній они остались еще до десятичасового поѣзда, и Маріа-Луиза, несмотря на умоляющіе взгляды Грабауса, не сказала уставшей, а выразила удовольствіе по поводу того, что ея родные проведутъ съ нею еще цѣлый вечеръ. Послѣдовали еще три томительныхъ часа съ разговорами объ окультизмѣ вперемежку съ сплетнями о знакомыхъ. Грабаусъ уже пересталъ принимать участіе въ разговорѣ, но Маріа-Луиза была попрежнему очень мила, и даже сама рассказывала какіе-то интересные случаи изъ жизни своей бабушки. Грабаусъ подошелъ къ окну, чувствуя себя совершенно чужимъ въ этой компаніи. Онъ не обра-

тилъ вниманія на то, съ какимъ мужествомъ Марія-Луиза пре-возмогаетъ себя, только изрѣдка придавливая пальцемъ лѣвый високъ отъ нестерпимой головной боли. Онъ внутренно негодовалъ на нее за ея кажущуюся веселость, столь противоположную мукамъ, которыя онъ переживалъ теперь.

Когда наконецъ настала часъ отъѣзда, случилось нѣчто еще болѣе омрачившее его настроеніе. Графиня сказала Маріи-Луизѣ, что ни за что не позволить ей проводить ихъ на вокзалъ. Она выразила увѣренность, что докторъ Грабаусъ будетъ столь любезенъ и проводить баронессу въ ея отель, и настояла на томъ, что Марія-Луиза должна сейчасъ же лечь въ постель. Марія-Луиза послѣ нѣкотораго колебанія согласилась; она отпустила Грабауса со словами: — До свиданья. Не оставайтесь слишкомъ поздно.

Баронесса была очень разговорчива, и безъ умолку болтала до самаго отеля, не замѣтивъ даже разсѣянности своего спутника. Попрощавшись съ нею, Грабаусъ долго бродилъ по пустымъ улицамъ, то находя оправданіе для поведенія Маріи-Луизы, то страстно обвиняя ее въ равнодушіи. Онъ вернулся въ отель уже около полуночи. Весь отель погрузился въ мракъ, но, взглянувъ вверхъ, Грабаусъ увидѣлъ два ярко освѣщенныхъ окна. Это были окна комнаты Маріи-Луизы.

Онъ остановился. Какъ игрокъ, который собираетъ всѣ свои деньги и драгоценности, чтобы сразу все поставить на одну карту, онъ сосредоточилъ всю силу желаній, всю мощь воображенія въ одну точку — въ желаніе, чтобы она подошла къ окну...

Онъ смотрѣлъ вверхъ съ застывшимъ отъ страстнаго желанія лицомъ, беззвучно произнося ея имя, и стоялъ нѣсколько минутъ не двигаясь, но ничто не зашевелилось за освѣщенными окнами. Тогда онъ медленно вошелъ въ отель съ опущенной головой, взялъ у швейцара ключъ и уже хотѣлъ-было подняться на лѣстницу, когда портье его окликнулъ и сказалъ, что дама изъ 19—20 номера проситъ его зайти къ ней. Грабаусъ не сразу его понялъ и переспросилъ номеръ. Убѣдившись, что его зоветъ Марія-Луиза, онъ бросился бѣжать, но еще разъ вернулся и съ радостной улыбкой всунулъ въ руку портье гульдентъ.

Окрыленный радостной надеждой, Грабаусъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ, постучался въ дверь Маріи-Луизы, вошелъ, взявъ ея руку, потомъ прижалъ ее къ груди и сталъ цѣловать.

— Прости мнѣ, дорогая, прости! Я вѣдь думалъ, что ты больше не хочешь меня видѣть!

— Напротивъ того, я вѣдь сказала тебѣ: Не оставайтесь слишкомъ поздно. Больше я не могла сказать при другихъ. А ты такъ долго не приходилъ. Я уже думала, что ты совсѣмъ не придешь.

— Ты сказала: Не оставайтесь слишкомъ долго...—повторилъ онъ, припоминая.—Вѣдь это вѣрно. А я не понималъ. Ты еще сказала: до свиданья, а я не придавалъ этому значенія, думалъ, что это пустая фраза. Но теперь что объ этомъ вспоминать. Ты со мной, Марія-Луиза... дорогая Марія-Луиза!—тихо сказалъ онъ, и его печальныя черты озарились счастливою улыбкой.

— Гдѣ же ты былъ?

— Я шатался самъ не знаю гдѣ—я былъ въ такомъ отчаяннѣ.

Не выпуская ее изъ своихъ объятій, онъ подвелъ ее къ красной плюшевой кушеткѣ и, усадивъ ее, сѣлъ рядомъ.

— Дай мнѣ посидѣть подлѣ тебя,—сказалъ онъ,—дай отдохнуть. Я такъ измучился. Мнѣ казалось, что между нами все кончено. Когда ты такъ оживленно разговаривала съ твоими родственниками, ты была мнѣ совсѣмъ чужая,—человѣкомъ изъ какого-то другого міра.

— Какой ты забавный!—отвѣтила она и съ доброй, почти материнской улыбкой поглядѣла на его лицо, на которомъ какъ-то по-дѣтски пережитая тревога смѣнилась выраженіемъ радости. Не могу я иначе говорить съ родственниками. Но для тебя я остаюсь всегда одинаковой, несмотря на сомнѣнія, которыя на тебя иногда нападаютъ.

— Почему же ты тогда, послѣ нашего послѣдняго разговора, удалила меня? Вѣдь это ты затѣяла горную экскурсію, которая разлучила насъ.

— Это было необходимо. Я тогда поддавалась грусти дождливаго дня—и мнѣ нужно было успокоиться, взять себя въ руки, прежде чѣмъ снова видаться съ тобой.

— Почему ты представляешь въ такомъ видѣ твои тогдашнія слова? Ты была только откровеннѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Нѣтъ. Я была болѣзненно возбуждена. Я вовсе не была такой, какова я въ дѣйствительности.

— Объ этомъ будетъ завтра разговоръ—между мной и твоимъ мужемъ. Сегодня ужъ слишкомъ поздно. Дай мнѣ спокойно посидѣть подлѣ тебя. Ты не знаешь, какъ меня успокаиваетъ твоя близость. Безъ тебя я теряюсь, при тебѣ—все ясно.

— О чемъ ты собираешься говорить съ моимъ мужемъ?—тревожно спросила Марія-Луиза.—Что ты хочешь ему сказать?

— Развѣ ты не знаешь? Не догадываешься? Я буду его просить, чтобы онъ вернулъ тебѣ свободу. Я ему скажу, что прошу этого не для себя, а для тебя. Онъ вѣдь хочетъ, чтобы ты выздоровѣла, а развѣ ты можешь такъ жить? Что бы доктора тебѣ ни прописывали, куда бы тебя ни послали, все-таки ты не выживешь, несмотря ни на какое леченіе. Вѣдь нельзя разъединять два существа, сросшіяся духовно. А развѣ связь, соединяющая насъ, не болѣе тѣсна? Съ первой минуты нашей встрѣчи это было несомнѣнно для насъ обоихъ. И какъ бы ты ни боролась съ собой, ты не въ силахъ измѣнить это. Когда я тебя увидѣлъ, я вовсе не подумалъ: эта женщина мнѣ нравится, я могъ бы въ нее влюбиться, а почувствовалъ въ тебѣ близкое издавна существо, съ которымъ я только былъ въ долгой разлукѣ, какъ бываешь разлученъ съ самымъ глубокимъ, что есть въ самомъ себѣ. Я долго тебя искалъ. Когда же нашелъ, то во мнѣ заговорила та глубина моего собственнаго я, которая давно тебѣ принадлежала. Поэтому и кажется, что я какъ будто внутренно обѣднѣлъ. Бѣднымъ становишься послѣ всякаго перерожденія. Но эта бѣдность только начало большаго богатства, какъ твоя болѣзнь—только переходъ къ здоровью... Все это такъ просто, и твой мужъ это пойметъ. Дѣло идетъ не о моемъ счастьи, не о моихъ желаніяхъ. Мы должны принадлежать другъ другу не въ силу нашей любви, а потому, что неразрывно связаны внутренней связью. Это такъ просто, такъ несомнѣнно, что противъ этого ничего нельзя возразить.

Марія-Луиза слушала его съ неподвижнымъ лицомъ, и только глаза ея блистали почти неестественно ярко на мертвенно-блѣдномъ лицѣ. Глубочайшая скорбь и высшее блаженство отражались въ ея неподвижно внимающемъ взорѣ;—казалось, что она слушаетъ не слова, которыя ей говорилъ Грабаусъ, а голоса, идущіе изъ глубины ея собственной души.

— Я тебя не отдамъ—все равно, хочешь ли ты или нѣтъ,—ибо нѣчто превышающее твою волю говорить, что я правъ.

Она невольнымъ движеніемъ взяла его руку, судорожно сжала ее и, обезсилѣвъ отъ нахлынувшихъ на нее чувствъ, тихо склонила голову ему на плечо и заплакала. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Потомъ она оправилась и сказала яснымъ, хотя еще дрожащимъ голосомъ:

— Генрихъ, то, о чемъ ты говоришь, никогда не будетъ. Выслушай меня—не перебивай. Я не могу оставить мужа. Еслибы даже онъ отпустилъ меня, это ничего бы не измѣнило. Я не примирилась бы съ тѣмъ, что измѣню самой себѣ. По-

этому мы должны разстаться. Мы должны—повѣрь мнѣ,—продолжала она съ возрастающей тревогой въ голосѣ.—Нельзя строить счастья на несправедливости въ другимъ. Ты бы самъ этого не могъ себѣ простить. И ты тоже долженъ остаться съ твоей женой.

— Я съ женой ничѣмъ не связанъ. Мы съ нею совершенно чужіе люди, у которыхъ не осталось ни одного добраго чувства другъ къ другу. Къ женщинѣ, которая такъ поступила, какъ она относительно тебя, я ничего не чувствую кромѣ ненависти и ужаса.

— Не говори этого, Генрихъ. Если она сдѣлалась такой, если она поступила низко, то въ этомъ виноваты мы, я и ты. Изъ-за насъ она пережила нечеловѣческія муки, потому что ты не помогъ ей, а отвернулся отъ нея. Вернись къ ней, будь съ ней безконечно добрѣ. Повѣрь мнѣ, всякій человѣкъ, даже самый злой, доступенъ голосу доброты. Только страданіе, только измѣна тѣхъ, кого любишь, рождаетъ въ душѣ ненависть и злобу.

Грабаусъ смутно чувствовалъ, что въ этихъ словахъ есть что-то рѣшающее, что въ нихъ заключается, быть можетъ, непреодолимая правда. Но она такъ неожиданно сразила его, что ему хотѣлось только уйти отъ нея. Онъ вскочилъ, подбѣжалъ къ окну и, открывъ его, сталъ вдыхать ночную прохладу. Успокоившись хоть физически, онъ сказалъ тихо, не оборачиваясь.

— Ты не знаешь моей жены. Она въ десять разъ сильнѣе меня. Не я ее, а она меня можетъ одолѣть. И ты требуешь, чтобы ей я принесъ себя въ жертву!

— Не ей, а самому себѣ,—самому себѣ!

Но это было для него совершенно пустымъ звукомъ. Въ эту минуту онъ чувствовалъ только страшное, сразившее его чувство разочарованія. Онъ былъ такъ глубоко убѣжденъ въ своей правотѣ, въ неотразимости всѣхъ своихъ доводовъ,—а что ему отвѣтила Марія-Луиза? Упоминаніе о его женѣ въ эту святую минуту казалось ему оскорбительной насмѣшкой. Онъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста, жадно вдыхая ночной воздухъ, и глядѣлъ изъ окна въ пространство. До чего лучше ему было, когда онъ стоялъ внизу и смотрѣлъ вверхъ на эти окна. Тогда была мука, но была и надежда—теперь все разбито. Неужели же это конецъ? Неужели они разойдутся, и онъ вернется къ женѣ, станетъ образцовымъ мужемъ? И этого требуетъ отъ него Марія-Луиза!

Онъ обернулся къ ней, опять увидѣлъ ея вѣжнѣй, блѣдный сімультъ, и съ прежней силой воскресъ въ его памяти тотъ ве-

черъ, когда она открыла передъ нимъ свою душу, и онъ прочелъ въ ней мольбу спасти ее—противъ ея воли. Противъ воли! Какимъ безумнымъ соблазномъ звучали эти слова. Грабаусъ опять глубоко вдохнулъ ночной воздухъ, но онъ ему казался теперь пропитаннымъ тяжелыми одуряющими ароматами. Пламенные желанія загорались въ немъ—желанія, которыя чужды мысли о завтрашнемъ днѣ... Онъ чувствовалъ, что долженъ спастись, долженъ уйти сейчасъ же, не взглянувъ ни разу больше на Марію-Луизу. Онъ уже направился къ двери, но не могъ устоять, и когда къ нему протянулась рука Маріи-Луизы, наполовину приподнявшейся съ кушетки, онъ бросился къ ней, упалъ передъ нею на колѣни и, обнимая и цѣлуя ее, шепталъ:

— Вѣдь ты погибнешь, погибнешь! Я не допущу этого... я спасу тебя!

Она старалась успокоить его и отстранила его сначала слабо, потомъ настойчивѣе.

— Образумься, Генрихъ! Поговоримъ спокойно.

— Образумиться?—спросилъ онъ и откинулъ голову назадъ съ выраженіемъ страстнаго протеста на лицѣ.

— Въ такомъ случаѣ уходи. Если ты меня любишь, уходи!

— Нѣтъ, я не уйду. Я останусь. Я увлеку тебя съ собой. Ты будешь моею, наперекоръ всѣмъ — наперекоръ тебѣ самой. Ты—ты моя свѣтлая, прекрасная! Я боленъ тобой,—шепталъ онъ.—Я чувствую тебя въ моемъ сердцѣ, какъ живую муку... какъ пожирающее пламя... какъ безуміе! Я...

Онъ тихо застоналъ и опустилъ голову ей на колѣни. Она наклонилась надъ нимъ вся дрожа, въ возрастающемъ страхѣ—передъ собой, передъ своей жалостью къ нему, передъ своей слабостью. Крѣпко сжимая его руку, она все настойчивѣе молила:

— Встань, Генрихъ. Уходи! Если не хочешь, чтобы между нами все было кончено, уходи сейчасъ.

— Что?

— Уходи сейчасъ же.

— Если я уйду, — сказалъ онъ неожиданно рѣзкимъ тономъ, — то уйду навсегда.

— Генрихъ!

— Если ты хочешь, чтобы я ушелъ, то это—трусость... и жестокость,—гнѣвно проговорилъ онъ.—Я уйду, но я не вѣрю тебѣ, не вѣрю твоей любви.

— Генрихъ, не говори этого! Ты расквѣешься. Не смотри на меня такими глазами. Что съ тобой? Генрихъ... возьми меня... возьми меня... только не гляди такъ!

Она обняла его за шею и прижала его къ себѣ, чтобы вывести его изъ оцѣпенѣнія. Но онъ осторожно высвободился изъ ея объятій, усадилъ ее въ уголь кушетки, не отвѣчая на ея взглядъ, молящій о пощадѣ, вынулъ свои пальцы изъ ея рукъ и старался даже не касаться ея платья. Но ярость и злоба уже улеглись въ немъ. Онъ опомнился и съ мучительной ясностью понялъ всю неизгладимость и непростительность случившагося. Онъ безмолвно поникъ съ блѣднымъ лицомъ, не двигаясь, даже когда она привоснула руку къ его головѣ. Только когда она окликнула его, онъ взглянулъ на нее съ тѣмъ же мрачнымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица.

— Я вѣдь тебя люблю, Геярихъ. Вѣрь мнѣ!

— Боже мой, и я люблю тебя!—съ мукой въ голосѣ сказалъ онъ.

— Я люблю тебя больше жизни, прошептала она.—Но я не могу не помнить о немъ—онъ мнѣ довѣряетъ. У него такая твердая вѣра въ меня. Въ Бога нельзя вѣрить болѣе твердо, чѣмъ онъ въ меня.

— Забудь все, что я сказалъ тебѣ,—проговорилъ онъ беззвучно и опустилъ глаза. На ея лицѣ отразилась скорбно умиленная радость, и она стала нѣжно гладить его волосы.

— Теперь уходи,—сказала она.—Но обѣдай вотъ что. Мы сегодня же попрощаемся. Ты долженъ уѣхать безъ меня.

— Марія-Луиза! Что ты говоришь?

— Если ты будешь подлѣ меня, у меня не хватитъ силъ. Повѣрь мнѣ—тамъ, гдѣ ты, тамъ буду и я. Но оставь меня одну. Я этого не могу вынести—я умру.

— Почему, Марія-Луиза, почему?

Онъ боролся съ ней нѣмыми взглядами, читая въ ея глазахъ отчаяніе и смертельный страхъ, и наконецъ уступилъ ей. Тогда она плача поцѣловала его въ лобъ и прижалась къ его лицу своимъ.

Онъ уже стоялъ въ дверяхъ и переступилъ порогъ, какъ вдругъ опять повернулся къ ней и сказалъ:

— Марія-Луиза, мы никогда больше не увидимся.

— Нѣтъ, ты меня увидишь еще.

— Когда?

Въ эту минуту утренняа заря, показавшаяся надъ крышами наспротивъ, залила комнату нѣжнымъ потокомъ свѣта. И тѣмъ темнѣе выдѣлилась на свѣтломъ фонѣ ея темная фигура и глубокія морщины и тѣни легли на ея исхудавшее лицо. Она прошептала едва-едва слышно: Прощай, прощай!

Потомъ дверь закрылась, и онъ остался одинъ въ темномъ корридорѣ.

Коляска, которая везла Марію-Луизу и ея брата въ Кастель-руть, медленно поднималась въ гору. Оба они сидѣли молча, лишь изрѣдка обмѣниваясь ничего не значущими замѣчаніями. Онъ присутствовалъ при прощаніи Грабауса и ея сестры, и долго еще кивалъ платкомъ оставшемуся другу, который стоялъ неподвижно и безмолвно, провожая глазами отходящій поѣздъ. Вольфъ чувствовалъ приливъ гнѣва противъ сестры за ея жестокость къ Грабаусу, но когда поѣздъ двинулся и онъ взглянулъ на лицо Маріи-Луизы съ ея сухими воспаленными глазами, онъ понялъ, что въ ней происходитъ. Отвернувшись отъ нея, онъ утѣнулся въ уголь вагона, и, какъ онъ ни сдерживалъ себя, слезы потекли по его щекамъ. Онъ плакалъ какъ ребенокъ — изъ нихъ всѣхъ онъ одинъ только и могъ плакать.

Всѣ мысли Маріи-Луизы были у повинутаго ея друга и теперь, когда послѣ желѣзной дороги она сѣла въ коляску. Что онъ теперь дѣлаетъ? Какъ переносить въ одиночествѣ свою муку? Опять въ ней мучительно заговорилъ внутренній протестъ противъ судьбы, заговорила жажда счастья, жажда жизни. Можетъ быть, мужъ ея все-таки вынесъ бы разлуку съ нею. Можетъ быть, можно было подѣйствовать на жену Генриха просьбами? И даже еслибы она оторвала его отъ семьи, развѣ она не дала бы новаго счастья взаимнѣ? Не трусость ли, не послѣдній ли отголосокъ условной морали — эта нерѣшимость съ ея стороны? Но слишкомъ ясно, смертельно-ясно она поняла безнадежность призыва молодости и страсти. Она поняла, что должна пойти по пути, который никогда не приведетъ къ торжеству любви даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Для нея уже не было дороги къ счастью. Она останется вѣрна себѣ — въ этомъ была ея судьба и ея приговоръ. Единственнымъ ея утѣшеніемъ было сознаніе, что, отпустивъ Грабауса, она тѣмъ самымъ приковала его къ себѣ на всю жизнь. Онъ никогда не забудетъ ее, не забудетъ лунную ночь въ паркѣ, и въ часы грядущихъ невзгодъ, когда всѣ утѣшенія изсякнутъ, его будетъ поддерживать воспоминаніе объ ихъ любви. Теперь онъ еще слишкомъ страдалъ, чтобы соглашаться съ нею, но потомъ онъ ее пойметъ, — пойметъ, что она вѣрила въ него, что она пожертвовала своимъ счастьемъ вѣрѣ въ его силы и что она умерла для того, чтобы его жизнь сдѣлалась болѣе высокой и прекрасной.

Ее охватило глубокое чувство радости при мысли, что вну-

тревняя сила въ ней побѣдила, что она дѣйствовала совершенно свободно и преодолѣла себя. Всей своей молодой страстью, каждой каплей своей крови она стремилась къ тому, кого такъ безгранично полюбила, но она освободила себя и отъ своей любви и пошла по свободно избранному ея пути, ни передъ кѣмъ не преклоняясь, сохранивъ власть надъ самой собой. Она чувствовала побѣдное чувство воина, который идетъ въ бой съ развѣвающимся знаменемъ въ рукахъ и чувствуетъ себя закаленнымъ отъ боли ранъ, которыя можетъ нанести ему врагъ.

Погода въ горахъ испортилась еще до отъѣзда Платеновъ. Холодный сырой воздухъ пронивалъ въ комнаты, вни́дрился въ платье, проходилъ въ легкія. Однажды, когда майоръ лежалъ въ постели вслѣдствіе возобновившихся болей, у Маріи-Луизы опять пошла кровь горломъ. Она объ этомъ не рассказала и сама не беспокоилась, думая, что лопнулъ кровяной сосудъ. Но у нея осталось какое-то тревожное состояніе духа и очень мучившая ее нервность. Когда майору стало лучше, они поѣхали на Ривьеру, но тамъ Маріи-Луизѣ стало еще хуже. Все ее раздражало—и люди, и слишкомъ пышная для ея сѣверной души природа, и вся жизнь вокругъ. Она даже едва сдерживала раздраженіе противъ мужа и старалась побольше бывать одна. Ея душевная мука становилась такой нестерпимой, что она нѣсколько разъ порывалась писать Грабаусу съ просьбой пріѣхать, увезти ее куда онъ хочетъ. Но потомъ она сжигала эти письма, а тѣ, которыя она ему посылала, были очень кратки и сдержанны, и по нимъ онъ не могъ бы догадаться о ея дѣйствительномъ состояніи.

Отъ времени до времени ею опять овладѣвалъ невъяснимый страхъ, который предшествовалъ всегда припадку кровоизліянія. Послѣ припадка ей становилось лучше, и она успокаивалась. Въ такіе часы она тоже писала письма Грабаусу, но оставляла ихъ какъ послѣдній подарокъ ему. Потомъ опять возобновлялась нервная тревога, и въ одинъ изъ такихъ періодовъ она стала умолять мужа увезти ее домой. Докторъ поддержалъ ея просьбу, въ виду безнадежности ея состоянія. Въ началѣ декабря Марія-Луиза вернулась вмѣстѣ со своимъ мужемъ въ Веймаръ.

Отправивъ жену и дѣтей въ Берлинъ къ родителямъ Констанции на время переѣзда на новое мѣсто, Грабаусъ зашелъ

съ вокзала къ Вольфу узнать о здоровьи Маріи-Луизы. Оказалось, что Вольфъ внезапно уѣхалъ почти безъ вещей и точно не опредѣлилъ когда вернется. Грабаусу ничего не оставалось, какъ вернуться домой, гдѣ артельщики укладывали книги въ ящики. Онъ ходилъ по опустѣвшимъ комнатамъ, занятый, какъ всегда, мыслями о Маріи-Луизѣ. Эти мысли парализовали его жизненныя силы, подѣ влияніемъ ихъ онъ апатично отнесся къ повороту въ своей карьерѣ. Но онъ рѣшилъ взять себя въ руки, отогнать мысли о любимой женщинѣ, а то всякая работа на новомъ поприщѣ стала бы немислимою.

Среди своихъ размышленій онъ услышалъ голосъ Вольфа, спрашивавшаго дома ли докторъ Грабаусъ. Онъ выскочилъ ему на встрѣчу, ввелъ его въ комнату, но, взглянувъ на него при свѣтѣ лампы, ужаснулся его виду.

— Что съ тобой?—почти крикнулъ онъ.—Надѣюсь, никакихъ дурныхъ вѣстей? Что съ твоей сестрой?

— Не пугайся, Генрихъ. Моя сестра...

Грабаусъ выпустилъ изъ рукъ лампу, которая съ шумомъ упала на полъ и разбилась. Прошло много времени, а онъ все еще не могъ выговорить ни слова.

— Она уже давно была очень тяжело больна,—разсказывалъ Вольфъ.—Смерть была для нея избавленіемъ. Я пріѣхалъ за тобой. Если хочешь еще разъ видѣть ее, поѣдемъ сейчасъ же.

По дорогѣ на вокзалъ и въ поѣздѣ Вольфъ разсказывалъ о послѣднихъ дняхъ сестры. Грабаусъ молча слушалъ, ничего не возражая.

Въ домѣ Платеновъ ихъ ввели въ большую комнату, гдѣ, кромѣ доктора Платена, было еще нѣсколько офицеровъ и дамъ, одѣтыхъ въ черное. Грабаусъ сѣлъ и сидѣлъ, не принимая участія въ разговорѣ, который велся вполголоса. Вскорѣ вошелъ майоръ. У него былъ очень измученный видъ, но онъ держался спокойно и твердо. Поздоровавшись съ дамами, онъ подалъ руку Грабаусу и потомъ провелъ всѣхъ въ комнату, гдѣ лежала покойница. Когда сняли бѣлый батистовый платокъ, прикрывавшій ея лицо, всѣ увидѣли блѣдныя вѣжныя черты, которыя, казалось, принадлежали ни мертвой, ни живой, а были какъ бы восковымъ изображеніемъ Маріи-Луизы. При всей вѣжности лицо ея казалось строгимъ и на немъ можно было прочесть: „моя душа, такъ много страдавшая, отлетѣла. Взгляните, какъ я прекрасна, когда я спокойна“. Дамы подносили платочки къ глазамъ, мужчины тоже съ трудомъ удерживались отъ слезъ. Одинъ Грабаусъ стоялъ съ сухими глазами, глядя на лицо Маріи-Луизы.

Онъ молча попрощался съ майоромъ и ушелъ къ себѣ въ отель. Весь вечеръ Вольфъ не могъ добиться отъ него ни слова; молчаніе не покидало его и на слѣдующій день похоронъ.

У майора назначенъ былъ приемъ всѣхъ членовъ семьи на слѣдующій день къ обѣду, и Грабаусъ былъ приглашенъ въ числѣ другихъ. Но, чувствуя себя не въ силахъ присутствовать на собраніи, онъ рѣшилъ пойти къ майору до обѣда. Его ввели въ пустую комнату, а майора онъ увидалъ въ сосѣдней комнатѣ. Онъ сѣлъ за письменнымъ столомъ Маріи-Луизы, съ глубокой скорбью поникнувъ надъ ея карточкой. Увидѣвъ посѣтителя, онъ выпрямился и лицо его сдѣлалось болѣе строгимъ. Онъ протянулъ Грабаусу свою морщинистую, но теплую и твердую руку, и когда Грабаусъ крѣпко пожалъ ее и взглянулъ въ глаза майора, все еще свѣтлые и добрые, несмотря на всю силу страданій, то его прежде всего поразило удивительное сходство этого лица съ лицомъ Маріи-Луизы. Это было не родственное сходство, какъ онъ прежде думалъ, а отраженіе ихъ духовнаго родства. И теперь только, въ этотъ неизмѣримо печальный часъ, онъ понялъ, почему Марія-Луиза, при всей своей страстной любви къ нему, не могла покинуть мужа. Грабаусу тоже хотѣлось въ эту минуту никогда не отпускать руку майора—столько доброты и тепла было въ его пожатіи. Майоръ, наконецъ, отнял руку и попросилъ Грабауса сѣсть. Онъ самъ тоже сѣлъ, и наступила минута, когда они оба безмолвно глядѣли другъ на друга, какъ бы видя каждый свое отраженіе въ глазахъ другого и заглядывая каждый въ глубину своей собственной души. Въ эту минуту ничто ихъ не раздѣляло — они были самыми близкими существами другъ для друга на землѣ. Когда потомъ они нарушили молчаніе, слова казались имъ лишними, но въ то же время они почувствовали, что то, чтò между ними произошло, неразруσιμο.

— Она до конца думала о васъ,—сказалъ майоръ, когда Грабаусъ сталъ спрашивать его о послѣднемъ времени ея болѣзни.—Въ особенности памятно было ей время, когда вы въ первый разъ посѣтили насъ.

Онъ поднялся, вынулъ изъ ящика письменнаго стола пачку писемъ и передалъ Грабаусу.

— Тутъ, вѣроятно, собрано то, что она еще хотѣла вамъ сказать.

Грабаусъ поднялся, взялъ письма и протянулъ на прощанье руку майору, который еще сказалъ ему:

— Прощайте! Пишите мнѣ, какъ вамъ живется. И я вамъ желаю всего лучшаго.

Грабаусъ пошелъ въ паркъ и тамъ развязалъ пачку писемъ. На бѣлыхъ конвертахъ помѣчены были числа, относившіяся къ разнымъ временамъ. Нѣкоторымъ письмамъ было болѣе года, другія относились къ послѣдному времени. Лежавшее на самомъ верху письмо было помѣчено днемъ смерти Маріи-Луизы. Оно не было запечатано. Грабаусъ прочелъ только послѣднюю страницу:

„Мнѣ хочется въ послѣдній разъ быть нѣжной съ тобой и сказать тебѣ, какъ я тебя люблю. Ночь была очень тяжелая. Но я провижу счастье, которое изгладитъ все, что я выстрадала. Ты долженъ расти и стать выше всѣхъ людей. То, что другихъ сковываетъ и придавливаетъ къ землѣ, должно исчезнуть передъ твоей волей. И тогда ты можешь сказать, что частицей всего этого—самой маленькой частицей—ты обязанъ мнѣ. Я была твоей счастливой звѣздой. Еслибы это все исполнилось, Генрихъ, то я готова была бы еще больше страдать за тебя“.

Въ пустынномъ паркѣ была полная тишина. Красноватый отблескъ озарялъ снѣгъ, и въ душѣ Грабауса поднялось невыразимое ощущеніе свѣта и теплоты, связанной съ умершей. И онъ чувствовалъ, что пока это будетъ въ немъ живо, онъ не перестанетъ жить и производительно трудиться—подобно тому, какъ земля не перестаетъ приносить плоды, пока ее грѣетъ солнце.

Съ нѣм. З. В.

ИСКАТЕЛИ КЛАДА

РОМАНЪ.

Dialstone Lane, by W. Jacobs. London. 1905.

I.

Мистеръ Эдуардъ Тредгольдъ сидѣлъ въ частной конторѣ нотариуса „Тредгольдъ и сынъ“, глядя изъ окна съ проводочной шторою на Большую улицу города Бинчестера. Тредгольдъ-старшій, находившій, что работа полезна для молодежи, рано ушелъ изъ конторы, а Тредгольдъ-сынъ, раздѣляя взгляды отца, засадилъ за работу клерка, бывшего моложе его на одинъ мѣсяць.

„Бинчестеръ становится все скучнѣе и скучнѣе, — подумалъ м-ръ Тредгольдъ. — За эти пять минутъ по улицѣ прошли сче-томъ двое стариковъ, сумрачная нянька съ еще болѣе сумрач-нымъ младенцемъ и пробѣжали три собаки... Эге! Это что такое?“

Онъ положилъ перо и слѣдилъ глазами за перешедшею че-резъ улицу дѣвучкою, очевидно, искавшею какой-то домъ.

„Пріѣзжая, должно быть, — рѣшилъ про себя м-ръ Тред-гольдъ, — такія барышни бываютъ здѣсь только проѣздомъ и уѣзжаютъ съ первымъ же поѣздомъ... Но она направляется сюда. За какими-нибудь справками, вѣроятно?“

Онъ сѣлъ за столъ и, взявъ перо, принялся съ озабочен-нымъ видомъ его разсматривать. Клеркъ доложилъ о посѣти-

тельницѣ. М-ръ Тредгольдъ всталъ и вѣжливо придвинулъ ей стулъ.

— Я зашла за ключемъ отъ коттѣджа въ долину Солнечныхъ Часовъ, — сказала дѣвушка, не садясь, — дядя мой, капитанъ Бауэрсъ еще не пріѣхалъ, а я слышала, что вы — хозяйня.

М-ръ Тредгольдъ поклонился и, взглянувъ на расписание, объяснилъ, что капитанъ, вѣроятно, пріѣдетъ со слѣдующимъ — шестичасовымъ поѣздомъ. Онъ завѣждалъ въ понедѣльникъ узнать насчетъ мебели. Пріѣзжая, вѣроятно — миссъ Дрюиттъ?

— Да, и если вы будете такъ добры, дадите мнѣ ключъ, я пройду домой и подожду его тамъ.

М-ръ Тредгольдъ досталъ ключъ изъ ящика и, осмотрѣвъ его, пробормоталъ что-то о томъ, что замокъ плохо отпирается и потому миссъ Дрюиттъ, быть можетъ, позволить ему проводить ее? О, нѣтъ, это не причинитъ ему ни малѣйшаго беспокойства. Они обязаны заботиться объ удобствахъ своихъ жильцовъ...

Дорогою онъ указалъ пріѣзжей на нѣкоторыя мѣстныя достопримѣчательности и выразилъ опасеніе, что она найдетъ Бинчестеръ слишкомъ тихимъ, соннымъ городомъ, на что миссъ Дрюиттъ отвѣтила, что она любитъ тишину.

Ей понравились старомодные коттѣджи въ долину Солнечныхъ Часовъ, крылечки изъ кирпича, узкія оконца. Остановившись у послѣдняго домика, м-ръ Тредгольдъ вложилъ ключъ въ замокъ наружной двери и безъ всякаго труда повернулъ его.

— Кажется, все въ порядкѣ, и я напрасно побеспокоила васъ, — замѣтила дѣвушка, серьезно взглянувъ на него.

М-ръ Тредгольдъ покачалъ головою и замѣтилъ, что тутъ все же нужна особая сноровка. Въ отвѣтъ на это миссъ Дрюиттъ, въ свою очередь, нѣсколько разъ открыла и закрыла дверь — безъ всякаго труда.

— Ну, вы сразу приноровились, — проговорилъ онъ невозмутимо.

— Благодарю васъ, — сказала она, давая ему понять, что онъ можетъ удалиться.

Но упрямство было одною изъ основныхъ чертъ его характера, и молодой человекъ, объявивъ, что онъ обѣщалъ капитану Бауэрсу наблюдать за починкою петель и крючковъ, принялся осматривать оконныя задвижки и дверныя ручки, между тѣмъ какъ она, усѣвшись въ креслѣ у камина, наблюдала за нимъ, очевидно, забавляясь на его счетъ, что не могло не злить за-

ботливаго хозяина. Онъ объяснилъ, что капитанъ велѣлъ сдѣлать въ этой комнатѣ панели и выдвижные ящики, чтобы она напоминала ему каюту. Онъ зоветъ погребъ—трюмомъ, кухню—каютъ-компаніей, и устроилъ въ саду фокъ-мачту съ площадкою для вахтеннаго. Оттуда открывается чудный видъ — до самаго моря.

Миссъ Дрюиттъ почти машинально послѣдовала за нимъ въ тѣнистый старый садъ, въ концѣ котораго возвышалась мачта. М-ръ Тредгольдъ освѣдомился, довольна ли она меблировкой дома и, услышавъ данный холоднымъ тономъ утвердительный отвѣтъ, облегченно вздохнулъ. Вѣдь онъ вѣдилъ съ капитаномъ въ Толлминстеръ и помогалъ ему выбирать вещи. Больше всего имъ пришлось повозиться съ ея комнатою.

— Съ моею комнатою?—проговорила пораженная дѣвушка.

— Это настоящая мечта въ нѣжно алыхъ и блѣдно-зеленыхъ тонахъ,—сказалъ м-ръ Тредгольдъ скромно,—двѣ-три старинныхъ вещицы, капитанъ былъ противъ нихъ, но я настоялъ на своемъ...

— Развѣ покупка мебели также входитъ въ кругъ вашихъ занятій?—спросила она, изумленно раскрывая глаза.

— О, нѣтъ, я дѣлалъ это для развлечения. Я выбиралъ, а капитанъ платилъ, это — совершенно новое ощущеніе. Можетъ быть, вы пожелаете взглянуть на вашу комнату? Она тамъ наверху, надъ кухней.

Миссъ Дрюиттъ согласилась — не безъ злорадной задней мысли. Быть можетъ, все окажется никуда не годнымъ? Вскорѣ она вернулась.

— Очень хорошо,—сказала она нелюбезно,—но я рѣшительно не понимаю: изъ-за чего вамъ было хлопотать?

— Вы бы поняли, еслибы увидѣли, что хотѣлъ купить капитанъ. Онъ выбралъ обои съ рисункомъ, изображавшимъ невѣдомый кустъ въ цвѣту, наверху котораго сидитъ пѣвчая птица, пожирающая мотылька. Самый простой расчетъ подсказалъ мнѣ, что каждое утро, раскрывъ глаза, вы увидите пятьдесятъ семь совершенно одинаковыхъ пѣвчихъ птицъ, пожирающихъ пятьдесятъ семь мотыльковъ. Занавѣси же, выбранныя имъ, были краснаго цвѣта, усыянные маленькими желтыми тиграми...

— Выборъ дяди, безъ сомнѣнія, удовлетворилъ бы меня,—проговорила миссъ Дрюиттъ съ достоинствомъ.

Положеніе становилось натянутымъ, но тутъ къ дому подкатилъ кабріолетъ, и изъ него вышелъ пожилой господинъ съ краснымъ, закрутившимъ отъ загара лицомъ, обросшимъ сѣдою

бородою. Онъ остановился съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ на порогѣ.

— Это... Да неужели это Приюенса?—проговорилъ онъ наконецъ, протягивая дѣвушѣ руку.

— Да, дядя, это я.

Они пожали другъ другу руки, и затѣмъ капитанъ, взявъ изъ экипажа клѣтку съ попугаемъ, всю дорогу просившимъ извозчика поцѣловать его, отдалъ возницѣ деньги и снова вошелъ въ домъ, привѣтливо поздоровавшись съ Тредгольдомъ.

— Я опоздалъ на поѣздъ,—сказалъ капитанъ,—я... я надѣюсь, что тебѣ будетъ здѣсь хорошо?—обратился онъ съ тою же застѣнчивостію къ дѣвушкѣ.

— Благодарю васъ, дядя.

— Ты очень похожа на свою мать.

— Надѣюсь,—проговорила Приюенса и, подойдя къ капитану, поцѣловала его въ щеку. Въ ту же минуту она почувствовала себя въ его добродушныхъ медвѣжьихъ объятіяхъ. Лицо его просіяло.

— Чортъ меня побери, если я зналъ сначала, какого курса мнѣ съ тобою держаться! Маленькія дѣвочки — одно, а когда онѣ превратятся въ красивыхъ чинныхъ барышень—не знаешь, съ какой стороны и подойти къ нимъ. Вѣдь мы десять лѣтъ не видались.

Онъ снова поцѣловалъ ее въ лобъ и радостно подмигнувъ м-ру Тредгольду, который изъ деликатности смотрѣлъ въ окно. Затѣмъ онъ объявилъ, что нанялъ слугу,—съ нимъ меньше возни, чѣмъ со служанкою. Кажется, человекъ подходящий.

— Быть можетъ, онъ хитеръ и скрываетъ свои недостатки?—замѣтилъ м-ръ Тредгольдъ.

— Покуда онъ скрываетъ ихъ, не къ чему придираться,—заявилъ капитанъ, —лучшій поваръ, какового я когда-либо имѣлъ на кораблѣ, былъ бѣглый каторжникъ.

— Насколько мнѣ извѣстно, Таскеръ никогда не былъ на каторгѣ,—сказалъ Тредгольдъ,—во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что онъ не бѣжалъ оттуда: онъ слишкомъ для этого глупъ.

Въ эту минуту вошелъ нагруженный свертками тотъ, о комъ шла рѣчь; онъ застѣнчиво прошелъ на цыпочкахъ на кухню, гдѣ сейчасъ же принялся возиться съ устройствомъ на новосельѣ, а Тредгольдъ, отказавшись отъ приглашенія капитана выпить чаю, простился съ хозяевами.

— Славный малый,—сказалъ капитанъ, проводивъ его,—у него еще немножко вѣтеръ въ головѣ, но съ годами это пройдетъ.

Онъ усѣлся въ кресло и окинулъ довольнымъ взглядомъ свои владѣнія.

— Чуть ли не впервые за сорокъ пять лѣтъ мнѣ приходится жить въ собственномъ домѣ. Надѣюсь, что ты почувствуешь себя здѣсь счастливою, и ужъ не я буду виноватъ, если этого не случится.

II.

Менѣе чѣмъ въ недѣлю капитанъ Бауэрсъ окончательно устроился въ своемъ домѣ. Въ „каютъ-компани“ были вывѣшены „правила“, сообразно которымъ Джозефъ Таскверъ долженъ былъ распоряжаться своимъ временемъ и, боясь преступить случайно которое-нибудь изъ нихъ, онъ старательно заучивалъ ихъ по складамъ. Мѣстные хозяйки очень интересовались дѣятельностью м-ра Тасвера, но оказалось, что онъ держитъ домъ въ образцовомъ порядкѣ, что капитанъ не замедлилъ приписать благодѣтельному вліянію „правиль“. Однако, дѣло не обошлось безъ ихъ нарушенія, и это привело къ неожиданному знакомству.

Однажды послѣ полудня послышался рѣзкій стукъ въ дверь, и въ отвѣтъ на возгласъ капитана: войдите!—въ комнату вбѣжалъ взволнованный, небольшого роста человекъ.

— Мое имя Чокъ!—проговорилъ онъ, запыхавшись.

— Приятель м-ра Тредгольда-отца? Я слышалъ о васъ, сэръ,—отозвался капитанъ.

Гость пропустилъ фразу мимо ушей.

— Жена моя желаетъ знать: неужели ей придется ежедневно одѣваться впотымахъ до конца ея жизни?—продолжалъ онъ гнѣвнымъ, но дрожащимъ голосомъ.

— Одѣваться впотымахъ?—повторилъ изумленный капитанъ.

— Съ опущенною шторою,—пояснилъ гость, нервно теребя кончики ржеватыхъ усовъ. — Какъ бы вамъ самимъ понравилось,—продолжалъ онъ, уже смягчаясь,—еслибы на васъ навели въ упоръ подзорную трубу?

— Джозефъ!—равкнулъ капитанъ, срываясь съ мѣста и подбѣгая къ окну, изъ котораго виднѣлась пресловутая мачта.

— Чтѣ прикажете, сэръ?—спросилъ, перевѣшиваясь черезъ перила, Таскверъ, въ рукѣ у котораго оказался вышеупомянутый инструментъ.

— Что вы дѣлаете тамъ съ подзорною трубою? Какъ смѣете вы глазѣть на чужія окна?

— Я не глябю на окна, сэръ,—возразилъ м-ръ Таскеръ тономъ оскорбленной невинности,—мнѣ даже въ голову не могло придти ничто подобное.

— Вы наводите трубу прямо на окно спальни,—закричалъ м-ръ Чокъ, выйдя вслѣдъ за капитаномъ въ садъ,—и это уже не въ первый разъ.

— Право же нѣтъ, сэръ,—протестовалъ слуга, обращаясь къ своему барину,—я смотрѣлъ на ябликовъ, они свили себѣ гнѣздо подъ карнизомъ. Притомъ я видѣлъ, что вы всегда спускаете штору, какъ только меня увидите,—обернулся онъ уже къ посѣтителю,—и потому думалъ, что я не мѣшаю...

— Я крайне сожалѣю,—проговорилъ капитанъ и приказалъ Джозефу, все еще продолжавшему оправдываться, немедленно слѣзть и приготовить чай.

— Я готовъ вѣрить, что онъ не имѣлъ дурного умысла,—проговорилъ смягчившійся м-ръ Чокъ, между тѣмъ какъ смущенный Джозефъ ретировался.—Надѣюсь, сэръ, что я не сказалъ ничего лишняго? Жена такъ настаивала, чтобы я пошелъ къ вамъ.

— Вы были совершенно правы, и я благодарю васъ за то, что вы пришли.

— Мнѣ думается,—сказалъ м-ръ Чокъ, съ большимъ интересомъ разглядывая сооруженіе,—мнѣ думается, что оттуда долженъ быть прекрасный видъ? Нѣчто въ родѣ корабля въ саду. Оно наводитъ на мысль о полюсѣ, буряхъ, сѣверномъ сіяніи...

Пять минутъ спустя Таскеръ, выглянувъ изъ окна каютъ-компани, увидѣлъ м-ра Чока поднимающимся съ безконечными предосторожностями на мачту. Шляпа его была нахлобучена на глаза, и онъ крѣпко прижималъ къ себѣ телескопъ.

Когда Таскеръ вошелъ въ садъ доложить о томъ, что чай готовъ, м-ръ Чокъ все еще занималъ свой возвышенный постъ, и для находившихся внизу было ясно, что онъ опасается трудностей спуска, но слишкомъ гордъ для того, чтобы въ этомъ сознаться.

— Славный видъ отсюда!—кривнулъ капитанъ.

— И... и... прекрасный!—отозвался м-ръ Чокъ, блѣдность котораго была очень замѣтна.

Чай остывалъ и капитанъ, поднявшись, наконецъ, до платформы, предложилъ м-ру Чоку освободить его отъ телескопа, что было принято съ благодарностью.

— Я... у меня затекла нога!—пробормоталъ онъ.

— Вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ спускайтесь осторожнѣе!

Благодаря соединеннымъ усилямъ капитана и слуги, м-ру Чоку удалось благополучно стать на землю, и онъ принялъ приглашеніе на чашку чая, причемъ видъ комнаты привелъ его въ искренній восторгъ. Настоящая каюта! Можно вообразить себя на кораблѣ.

— А вы любите море?—спросилъ капитанъ.

— Очень люблю!—съ жаромъ воскликнулъ м-ръ Чокъ,—я еще мальчикомъ желалъ уйти въ море, а вмѣсто этого пришлось замѣнить отца въ его дѣлѣ, къ которому у меня никогда не лежала душа. Нѣкоторые люди любятъ домашнюю жизнь, а я всегда стремился къ приключеніямъ. Воображаю, сколько вамъ пришлось пережить ихъ, капитанъ. Эдуардъ Тредгольдъ мнѣ кое-что поразсказалъ...

— Когда проплаваешь сорокъ-пять лѣтъ—на многое насмотришься. Вѣдь это—цѣлая жизнь.

— А вотъ мнѣ пятьдесятъ-первый годъ,—мрачно проговорилъ м-ръ Чокъ,—а я только и видѣлъ на своемъ вѣку, какъ чело-вѣкъ остановилъ взбѣсившуюся лошадь.

Когда Прюденса черезъ полчаса вошла въ комнату, она увидѣла м-ра Чока, прислушивающагося съ напряженнымъ вниманіемъ къ морскимъ разсказамъ капитана.

За этимъ визитомъ послѣдовали многіе другіе; иногда Чокъ приводилъ м-ра Тредгольда, а иногда м-ръ Тредгольдъ приводилъ его. М-ръ Чокъ освоился съ трудностями восхожденія на мачту и, взобравшись туда, осматривалъ окрестности съ видомъ путешественника, обозрѣвающаго чужую враждебную страну. Это служило обыкновенно прелюдіей къ разсказамъ капитана, переносившимъ слушателей то на поросшіе пальмами острова южнаго океана, то въ Кятай или Японію. М-ръ Чокъ освоился съ морскими терминами и какъ-то разъ заявилъ, что онъ намѣренъ предпринять въ скоромъ времени морское путешествіе. Онъ еще не рѣшилъ—куда.

— Я подговариваю и вашего отца,—обратился онъ къ Тредгольду.

— Непремѣнно возьмите его съ собою,—поддакнулъ почтительный сынъ,—это принесетъ ему пользу и мнѣ—тоже.

— Да, но онъ сказалъ, что отправился бы лишь въ томъ случаѣ, еслибы понадобилось поднять изъ воды затонувшее съ золотымъ грузомъ судно. Вѣдь такіе случаи бывали, капитанъ?

— Дно океана вымощено такими судами,—проговорилъ Тредгольдъ, слѣдуя за миссъ Дрюиттъ въ садъ, гдѣ она собиралась сѣять сѣмена.

М-ръ Чокъ снова закурилъ трубку; онъ смотрѣлъ въ окно, но передъ его умственнымъ взоромъ разстилались снѣія моря.

— Вамъ не случилось слышать о подобныхъ находкахъ, капитанъ?

— Насколько могу припомнить—нѣтъ, хотя странно, что мы подумали одновременно объ одномъ и томъ же.

— Почему—странно?—освѣдомился м-ръ Чокъ, осторожно глядя трубку на столъ.

— Да такъ!—отвѣтилъ капитанъ и отрывисто засмѣялся, между тѣмъ какъ м-ръ Чокъ завертѣлся на мѣстѣ.

— Вы знаете что-нибудь о затонувшемъ кладѣ?

— О затонувшемъ—нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, о кладѣ, зарытомъ въ землѣ?

Блѣдно-голубые глаза м-ра Чока раскрылись во всю ихъ ширину. Капитанъ покачалъ головою. Въ сущности онъ не имѣетъ права объ этомъ говорить. Это—чужая тайна.

— Вѣдь я не спрашиваю у васъ подробностей,—наставлялъ м-ръ Чокъ,—мнѣ просто хотѣлось бы знать, въ чемъ дѣло.

— Пожалуй, не будетъ особенной бѣды, если я и скажу вамъ,—проговорилъ капитанъ послѣ долгаго раздумья,—кладъ зарытъ на одномъ изъ острововъ Тихаго океана.

— Вы видѣли его?

— Я самъ его зарылъ.

М-ръ Чокъ откинулся назадъ, пораженный священнымъ ужасомъ, между тѣмъ какъ капитанъ, улыбаясь, набилъ трубку.

— Да,—повторилъ онъ,—я самъ вырылъ яму обломкомъ весла и похоронилъ въ ней кладъ вмѣстѣ съ мертвецомъ.

Трубка едва не выпала изъ рукъ слушателя. Любопытство его не знало границъ, и, наконецъ, уступая его просьбамъ, капитанъ разсказалъ ему исторію клада. Шкуна, которою онъ командовалъ, потерпѣла крушеніе во время бури; спаслись, приставъ къ острову, только онъ самъ и пассажиръ, называвшій себя донъ-Діего, который всего больше заботился о сохраненіи бывшей на немъ сумки, наполненной драгоценными камнями—алмазами, рубинами; нѣкоторые изъ нихъ были величюю съ птичье яйцо. Онъ исчислялъ стоимость ихъ въ полъ-милліона. Донъ-Діего заболѣлъ и передъ смертью просилъ своего спутника похоронить вмѣстѣ съ нимъ и драгоценную сумку. Капитанъ исполнилъ его желаніе и, мѣсяцъ спустя, былъ подобранъ проходившимъ мимо кораблемъ и доставленъ въ Сидней.

— И вы могли бы найти эти драгоценности?—освѣдомился м-ръ Чокъ.

— Почему же нѣтъ? Я начертилъ карту острова и узналъ на кораблѣ, въ какихъ мѣстахъ онъ находится.

— Значить, вы могли бы найти ихъ и теперь?

— Если только островъ не убѣжалъ!—отвѣтилъ капитанъ съ отрывистымъ смѣхомъ и, выбивъ пепель изъ трубки, предложилъ гостю пройти по саду, но отъ продолженія разговора уклонился.

III.

М-ръ Чокъ подъ впечатлѣннѣмъ удивительнаго разсказа вернулся домой, какъ во снѣ. На дворѣ стояла весна, и запахъ сирени перенесъ его къ давно прошедшимъ временамъ, когда онъ былъ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ и мечталъ о морскихъ путешествіяхъ. Мысли его еще были всецѣло въ прошедшемъ, и м-съ Чокъ, дама представительной наружности, сидѣвшая за шитьемъ у окна, окинула его пронизательнымъ взглядомъ.

— Я-таки заполучила ее,—сказала она тономъ торжества.

— А!—отозвался м-ръ Чокъ.

— Сначала она не соглашалась. Она обѣщала поступить къ м-ссу Моррисъ... М-ссу Моррисъ слышала о ней отъ Гарриса, бакалейщика, который одинъ зналъ, что она случайно осталась безъ мѣста.

М-ръ Чокъ разсѣяннo выслушалъ длинный разсказъ, который, еслибы только измѣнить имена и мѣсто дѣйствія, могъ бы сойти за разсказъ о борьбѣ между ловкимъ рыбакомъ и упорною рыбкой.

— Но вы не слушаете!—воскликнула она наконецъ,—не говорите мнѣ: нѣтъ, милая! На чемъ я остановилась?

— Ты сказала,—медленно проговорилъ м-ръ Чокъ,—что удивляешься, какъ могла приличная дѣвушка прослужить тамъ столько времени...

— Хорошо, а что я говорила еще?—продолжала, прикусивъ губу, м-съ Чокъ.

— Что нужно вычистить весь домъ, съ чердака и до подвала...

— Превосходно! Продолжайте, пожалуйста!

— Еще ты сказала, что тебѣ жаль мужа,—завончилъ задумчиво м-ръ Чокъ.

М-ссу Чокъ поднялась съ мѣста и встала передъ нимъ.

— Я никогда не говорила ничего подобнаго! Какъ вамъ не стыдно? Я сказала, что баринъ ея, м-ръ Уильсонъ, умеръ и семья переѣхала въ Лондонъ. Что тутъ похорожаго?

— Мысли мои были далеко отсюда, — сознался м-ръ Чокъ, — я думалъ о морѣ.

— Опять эти бредни! — воскликнула м-ссъ Чокъ, съ достоинствомъ выплывая изъ комнаты, и м-ръ Чокъ вернулся къ своему острову.

Съ этого дня онъ сталъ бредить морскимъ путешествіемъ, и капитанъ, сначала забавлявшійся его энтузіазмомъ, уже началъ сердиться, когда рѣчь заходила объ островѣ, и упорно отказывался показать карту. Исторія острова дошла и до Тредгольда, заинтересовавшагося ею, судя по частымъ его посѣщеніямъ, не менѣе самого м-ра Чока.

Вѣроятно, карта такъ бы и осталась непоказанной, еслибы Тредгольдъ не побился объ закладъ на два золотыхъ соверена, что Чоку не видать ее, какъ своихъ ушей, а миссъ Дрюиттъ, изъ чувства противорѣчія, не употребила своего вліянія на дядю въ пользу м-ра Чока. Въ одинъ прекрасный вечеръ на столѣ появилась пожелтѣвшая отъ времени и протершаяся мѣстами карта, набросанная карандашомъ. Островъ былъ овальной формы, изрѣзанный мысами и бухтами. М-ръ Чокъ уставился на нее съ благоговѣніемъ совершающаго реликвію пилигрима и съ жадностью читалъ названія: „Мысъ Сильвіо“, „Бухта Бауэрс“, „Одинокая гора“.

— А вотъ это, не могила ли? — освѣдомился онъ, указывая на точку въ сѣверо-восточномъ углу.

— Нѣтъ, — сказалъ капитанъ, — подробный планъ на оборотѣ.

Но вмѣсто того, чтобы перевернуть карту, онъ скаталъ ее въ трубку и бросилъ въ ящикъ стола, къ великому разочарованію м-ра Чока.

— Вы проиграли, — обратилась миссъ Дрюиттъ къ Тредгольду.

— Я знаю, — отвѣтилъ онъ съ выраженіемъ лица, которое можетъ быть лишь у разорившагося въ конецъ игрока. Сначала онъ полѣзъ рукою въ лѣвый карманъ и досталъ оттуда горсть монетъ — преимущественно мѣдныхъ, къ нимъ присоединились нѣсколько серебряныхъ монетъ изъ жилетнаго кармана, и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ мрачнаго размышленія, онъ пошарилъ въ правомъ карманѣ...

— Одиннадцать шиллинговъ, десять пенсовъ, — сосчиталъ онъ машинально.

— Пожалуйста, не беспокойтесь... Отдадите потомъ... — смутился м-ръ Чокъ.

— Да напишите вы ему чекъ! — воскликнулъ нетерпѣливо капитанъ, которому наскучила эта процедура.

— Нѣтъ, нѣтъ, лучше ужъ сразу расплатиться, — бормоталъ тотъ, роаясь по своимъ карманамъ. — Миссъ Дрюиттъ правду сказала, что тотъ, кто бьется объ закладъ, долженъ быть готовъ къ проигрышу. Но я былъ слишкомъ самонадѣянъ, какъ оказалось.

Наступила пауза, во время которой покраснѣвшая миссъ Дрюиттъ чувствовала себя очень неловко, и неловкость эта еще усилилась, когда м-ръ Тредгольдъ, найдя въ карманѣ нѣсколько банковыхъ билетовъ и золотыхъ монетъ, выразилъ по этому поводу свое удовольствіе. Простодушный капитанъ и м-ръ Чокъ ощутили облегченіе, а свѣтлые сѣрые глаза миссъ Дрюиттъ отлично замѣтили подозрительныя подергиванія въ углахъ рта м-ра Тредгольда, хотя она и смотрѣла черезъ его голову.

Послѣ ухода гостей капитанъ усѣлся у окна и погрузился въ задумчивость, какъ вдругъ до него явственно донесся изъ кухни шопотъ голосовъ. Послышался рѣзкій женскій смѣхъ. Капитанъ позвонилъ и спросилъ у появившагося на звонокъ Джозефа: не самъ ли онъ съ собою разговариваетъ? М-ръ Таскеръ казался сконфуженнымъ, но не отвѣчалъ. Въ то же время дверь тихо пріотворилась.

— Я не желаю этого, — проговорилъ капитанъ, — можете разговаривать съ собою въ другомъ мѣстѣ. И что за смѣхъ? Точно кашель простуженной старой бабы!

Онъ коварно улыбался въ темнотѣ, но тутъ изъ кухни снова послышался вызывающій кашель, а затѣмъ визгливый женскій голосъ затанулъ пѣсню.

— Что?! — загремѣлъ капитанъ съ хорошо разыграннымъ изумленіемъ, — да вы никакъ привели кого-то въ мою каютъ-компанію? Принесите-ка сюда „правила!“

М-ръ Таскеръ вылетѣлъ вонъ, а затѣмъ въ кухнѣ поднялся споръ, причемъ рѣзкій женскій голосъ звучалъ все настойчивѣе, и лицо капитана выразило недоумѣніе, когда въ комнату неожиданно влетѣла тонкая женская фигура.

— Вотъ ваши „правила!“ — воскликнула вошедшая, — но вы бы лучше зажгли лампу, а то впотьмахъ вамъ все равно ихъ не прочесть!

Негодующій взоръ капитана пропалъ во мракѣ даромъ. Онъ съ достоинствомъ зажегъ лампу и при свѣтѣ ея обнаружилъ присутствіе въ комнатѣ рыжеватой тоненькой дѣвицы, очевидно ничуть не уstraшенной его величественнымъ видомъ.

— Кто вы? — спросилъ онъ рѣзко.

— Мое имя Виверсъ. Селина Виверсъ. Я слышала, что

вы говорили моему Джозефу. Можете, если желаете, повторить это мнѣ въ лицо.

— Что вы дѣлаете въ моей каютѣ-компаніи?—продолжалъ капитанъ, взглядъ котораго миссъ Виккерсъ спокойно выдержала, не опуская своихъ зеленоватыхъ глазъ.

— Я пришла къ вамъ на кухню, — подчеркнула она, — въ гости къ моему жениху.

— Но этого нельзя, — возразилъ капитанъ съ кротостью, удивившей его самого, —одно изъ правилъ...

— Знаю ихъ вдоль и поперекъ, — нетерпѣливо прервала миссъ Виккерсъ, — не убудетъ отъ этого вашей кухни. Пожалуйста, не становитесь между мною и моимъ Джозефомъ, —я этого не допущу. Сами вы не женаты, такъ не хотите, чтобы женились и другіе люди. Почему бы мнѣ не говорить и не смѣяться? Не для показя одного мнѣ данъ отъ Бога языкъ.

— Послушайте, моя милая, —началь-было капитанъ, но онъ былъ безсиленъ остановить новый потокъ ея рѣчей.

— Пожалуйста не называйте меня вашею милой! Слава Богу, я—не ваша милая. А еслибы вы побольше знали дѣвухекъ, вы бы поняли, что нельзя ихъ разлучать съ ихъ милыми. И ни одна дѣвушка...

Капитанъ для проформы сдѣлалъ видъ, что желаетъ позволить въ волокольчикъ. Миссъ Виккерсъ осталась невозмутимой.

— Я рѣшила, что лучше всего объясниться съ вами на чистоту. Я всегда говорила Джозефу, что вы не такъ страшны, какъ кажется. Рѣшительно не понимаю: почему онъ такъ боится васъ? Одна нервность и больше ничего... Добрый вечеръ!

Она тряхнула головою и удалилась на кухню, заперевъ за собою дверь. Капитанъ Бауэрсъ, все еще ошеломленный, снова усѣлся въ креслѣ и, взглянувъ на лежавшія на столѣ „правила“, усмѣхнулся себѣ въ бороду.

IV.

Скрывать про себя какую-нибудь тайну было рѣшительно не подъ силу м-ру Чоку, и намеки, дѣлаемые имъ его ближайшимъ друзьямъ—Тредгольду старшему и подрядчику, м-ру Роберту Стобеллю, —вселили въ нихъ нѣкоторое сомнѣніе относительно его умственныхъ способностей.

— Онъ забѣгаетъ ко мнѣ въ самое горячее время, —жаловался этотъ послѣдній, — говорить что-то несуразное о полу-

милліонномъ дѣлѣ... Онъ вскакиваетъ и выскакиваетъ отъ меня изъ конторы, какъ фигурка на часахъ съ музыкой.

Кончилось тѣмъ, что м-ръ Чокъ во всемъ признался пріятелямъ, и всѣ выразили свое изумленіе по поводу образа дѣйствій капитана. Но, можетъ быть, у него вѣтъ денегъ для снаряженія экспедиціи? Не предложить ли ему долю въ предпріятіи, которое они могутъ оборудовать втроемъ, причемъ каждый внесетъ равную долю издержекъ; добыча также должна быть раздѣлена на равныя части.

— Соединить пріятное съ полезнымъ...—фантазировалъ Тредгольдъ-отецъ,—я провѣтрюсь, а Эдуарду будетъ полезно поработать одному...

— Если вы соедините пріятное съ полезнымъ, то и платить вамъ слѣдуетъ больше,—ввернулъ неумолимо практической м-ръ Стобелль, оvinувъ пріятеля сумрачнымъ взоромъ.

— Чокъ поѣдетъ удовольствія ради, — продолжалъ Тредгольдъ-отецъ.

— Значитъ и ему слѣдуетъ внести большую долю расходовъ,—дополнилъ м-ръ Стобелль.

— Ну, это мы рѣшимъ впоследствии, а пока нужно переговорить съ капитаномъ,—предложилъ нотариусъ.

Но ожиданія союзниковъ оказались тщетными. Капитанъ остался глухъ ко всѣмъ намекамъ, а когда съ нимъ заговорили напрямикъ, пытаясь соблазнить его перспективою сдѣлаться благодѣтелемъ всего Бинчестера и богатѣйшимъ его гражданиномъ, онъ заявилъ, что не можетъ нарушить даннаго имъ слова. Карту онъ показалъ, но планъ на ея оборотной сторонѣ рѣшительно отказался показать.

— А еслибы намъ вздумалось поискать клада за нашъ собственный страхъ и счетъ, вы дали бы намъ разрѣшеніе?—дѣловито освѣдомился нотариусъ.

— Конечно,—засмѣялся капитанъ,—охотно даю вамъ разрѣшеніе перерыть всѣ острова Тихаго океана,—ихъ, кстати, очень много, и всѣ они похожи другъ на друга. Попытайтесь!

— Вы во всякомъ случаѣ получите вашу долю!—замѣтилъ Тредгольдъ-отецъ, и компанія чокнулась за успѣхъ предпріятія. Въ эту минуту м-ръ Чокъ приложилъ палецъ къ губамъ и указалъ глазами по направленію къ двери, за которою мелькнулъ женскій силуэтъ въ большой шляпѣ.

— Насъ подслушали... Чего добраго, состоится другая экспедиція! Вамъ бы лучше отплыть сегодня же ночью, господа!—

засмѣялся капитанъ, откидываясь назадъ въ своемъ креслѣ и окидывая общество веселымъ взглядомъ.

По уходѣ гостей капитанъ позвалъ Таскера, вторично нарушившаго дисциплину, и освѣдомился: ушла ли „та женщина“? Да? Въ такомъ случаѣ м-ръ Таскеръ, можетъ быть, объяснить ему: что, наконецъ, все это значитъ?

— Я не виноватъ, сэръ, — отвѣтилъ виновный съ тоскою, — по мнѣ, хоть бы она и не ходила.

— Какъ? Что за вздоръ вы говорите? Зачѣмъ же она ходитъ?

— Потому что ей вздумалось, сэръ, а если ужъ она забереетъ себѣ что-нибудь въ голову, не намъ съ вами помѣшать ей въ этомъ, сэръ.

— Что за вздоръ! Но вѣдь вы же пригласили ее?

— Пригласилъ? Ее незачѣмъ было и приглашать, сэръ. Сама пришла. Мы какъ-то встрѣтились недѣли три тому назадъ, и я прошелъ съ нею часть дороги, затѣмъ я увидѣлъ ее у Гарриса, бакалейщика, и она проводила меня до дому, а потомъ и повадилась сюда... Сегодня она уже и обручальное кольцо надѣла мнѣ на палецъ, и взяла съ меня первый шиллингъ для уплаты. Кольцо куплено въ расрочку.

— На кой чортъ вы покупали кольцо, если она вамъ не нравится? — воскликнулъ капитанъ, глядя на него съ неподдѣльнымъ состраданіемъ.

— Легко вамъ говорить, сэръ! — воскликнулъ несчастный, — видать, что вы не знаете Селины. Она сама принесла кольцо. Она съ семнадцати лѣтъ всѣмъ домою командуетъ, недавно отца родного выгнала на улицу въ одной рубашкѣ и жилеткѣ за то, что онъ хлебнулъ малую толику. Она и трактирщиковъ такъ запугала, что ему нелегко бываетъ достать водки. Вотъ она каковой сахаръ!

— Ну... скажи ей просто, что я не желаю пускать ее сюда.

— Не разъ говорилъ, сэръ, но она и ухомъ не ведетъ.

Капитанъ, сдвинувъ брови, погрузился въ раздумье, и м-ръ Таскеръ при мысли о томъ, что онъ держалъ когда-то въ повиновеніи и страхѣ свой экипажъ, безмолвно взиралъ на него въ трепетномъ ожиданіи, сквозь которое просвѣчивалъ лучъ надежды.

— Ну? — спросилъ вдругъ капитанъ, замѣтивъ его присутствіе, — чего ты ждешь?

— Я... я думалъ, сэръ, вы, можетъ быть, придумаете что-

нибудь такое, чтобы ее отвадить, сэръ. Миѣ, видите ли, приглянулась другая дѣвица...

Капитанъ въ отвѣтъ на это заявленіе только гнѣвно сверкнулъ глазами, и м-ръ Таскеръ поспѣшилъ убраться во-своихъ.

Экспедиція м-ра Чока послужила для капитана предметомъ неинтересныхъ шутокъ; онъ постоянно освѣдомлялся о томъ, какъ идутъ приготовленія, и однажды такъ вывелъ м-ра Чока изъ терпѣнія, что тотъ надулся и недѣли двѣ не показывался въ коттеджѣ, предоставивъ капитана обществу м-ра Тредгольда младшаго. Къ послѣднему капитанъ чувствовалъ большое влеченіе, — молодой человекъ забавлялъ его своимъ добродушнымъ юморомъ; къ сожалѣнію, миссъ Дрюиттъ не раздѣляла симпатій дяди. Если капитанъ хвалилъ умъ и дѣловитость Эдуарда, она замѣчала, что не любитъ молодыхъ людей, ушедшихъ съ головою въ наживу.

— Я только хотѣлъ сказать, что онъ не лѣвится, — оправдывался капитанъ.

— Приходите сюда, — докончила миссъ Дрюиттъ: — онъ интересуется вашими разсказами...

— И кое-чѣмъ еще... — пробовать-было закинуть удочку капитанъ, но строгое лицо племянницы обезкуражило его.

— Чѣмъ?

— Вышкою на мячѣ! — вывернулся капитанъ, — онъ очень любитъ лазить туда.

— Да, у нихъ съ Джозефомъ одинаковые вкусы, — спокойно замѣтила миссъ Дрюиттъ. — Вообще я нахожу, что между ними есть сходство.

— Сходство?! — воскликнулъ пораженный капитанъ: — сходство между Эдуардомъ Тредгольдомъ и Джозефомъ? Ни одной похожей черты! У тебя, душа моя, просто неладно съ глазами...

— Не думаю, — серьезно отвѣтила миссъ Дрюиттъ.

Для два спустя м-ру Тредгольду пришлось пожать плоды этого разговора. Зайдя къ капитану и довольно долго прождавъ его, онъ собирался уже уходить, когда миссъ Дрюиттъ, наконецъ, вышла къ нему. Онъ выразилъ надежду, что капитанъ скоро вернется.

— Можетъ быть, и не скоро, — отвѣтила дѣвушка.

— Ну, я во всякомъ случаѣ радъ, что подождалъ. Я очень утомился, и отдыхъ полезенъ мнѣ. Иногда мнѣ кажется, что я слишкомъ заработался.

— Въ такомъ случаѣ я рада, что вы отдохнули, — сказала миссъ Дрюиттъ, слегка приподнявъ брови въ знакъ изумленія.

— Благодарю васъ,—сказалъ серьезно м-ръ Тредгольдъ.— Я пришелъ поговорить съ капитаномъ относительно столтика времени королевы Анны, который мнѣ случайно удалось открыть. Онъ какъ-разъ подошелъ бы для вашей комнаты. Это—настоящая рѣдкость.

— Вы очень добры,—сказала миссъ Дрюиттъ холодно,—но въ моей комнатѣ уже нѣтъ мѣста для какихъ бы то ни было вещей. Почему вы не оставите его для себя?

— У меня нѣтъ денегъ. Вы забываете, что, благодаря вашимъ стараніямъ, я проигралъ Чоку цѣлыхъ два фунта.

Возвратившійся капитанъ обрадовался, заставъ ихъ вмѣстѣ, и пригласилъ Тредгольда къ чаю, во время котораго произошла забавная сцена. При появленіи Таскера съ чаемъ капитанъ съ помощью различныхъ знаковъ и подмигиваній старался обратить вниманіе племянницы на полнѣйшее отсутствіе сходства между Таскеромъ и гостемъ. Въ концѣ концовъ замѣтившій эти маневры Тредгольдъ освѣдомился: не въ сажѣ ли у него носъ?

Уже стемнѣло, и пришлось зажечь лампу, когда за окномъ вдругъ послышался тонкій голосъ м-ра Чока, который о чемъ-то спорилъ, очевидно, съ медвѣдемъ, такъ какъ въ отвѣтъ на его доводы слышалось сердитое ворчаніе. Вслѣдъ затѣмъ въ дверь постучали, и явился м-ръ Чокъ въ сопровожденіи сумрачнаго м-ра Стобелля, молча опустившагося въ кресло. М-ръ Чокъ казался сконфуженнымъ.

— Я такъ и думалъ, что найду васъ здѣсь,—обратился онъ къ Тредгольду.

— Почему?—откликнулся тотъ съ рѣзкостью, повидимому неправдываемой обстоятельствами.

— Ну, потому... потому что вы всегда здѣсь!—попытался тотъ объяснить, за что и былъ вознагражденъ свирѣпымъ взглядомъ.

— Стобелль хотѣлъ непременно повидать васъ,—обернулся м-ръ Чокъ къ капитану,—это все по поводу острова, онъ не можетъ говорить ни о чемъ другомъ...

Капитанъ чуть не застоналъ, а Тредгольдъ попытался, но безуспѣшно, обвиняться взглядомъ съ миссъ Дрюиттъ.

— Онъ интересуется имъ, какъ ребенокъ, котораго повели впервые смотрѣть пантомиму,—продолжалъ Чокъ, но сразу осѣлся—такъ свирѣпо было выраженіе лица Стобелля и его вытаращенные глаза.

— Вы говорили о пантомимѣ,—напомнилъ Тредгольдъ.

— Да, да... Мой другъ просто не можетъ спать по ночамъ,—подхватилъ Чокъ, умоляюще глядя на упорно молчащаго союзника.

— А онъ не пробовать, закрывъ глаза, считать овецъ, прыгающихъ черезъ изгородь?—сочувственно посовѣтовалъ Тредгольдъ.

— И не намѣренъ пробовать!—вдругъ разразился Стобелль изъ своего угла, но Човъ успѣшилъ заявить, что они—богѣе, чѣмъ прежде,—заняты мыслью о путешествіи, и просили бы капитана показать имъ еще разъ „для освѣженія памяти“ набросанную имъ карту. Можно взглянуть на нее?

— Нѣтъ,—сухо отрѣзалъ капитанъ.

— Не особенно пріятно отказывать друзьямъ,—заговорилъ онъ мягче, подливая виски въ стаканы гостей,—между тѣмъ я связанъ словомъ и потому предпочелъ устранить искушеніе...

— Какимъ образомъ?—освѣдомился м-ръ Човъ.

— Я смегъ ее,—отвѣтилъ капитанъ съ улыбкою.

— Сожгли?!—задохнулся м-ръ Човъ:—вы сожгли карту?

— Да, вчера поутру, раскуривая трубку, я поднесъ спичку къ „Мысу Сильвіо“ и вскорѣ „Одинокая гора“ превратилась въ вулканъ!

Онъ громко расхохотался, но смѣхъ его не нашелъ отълика. Стобелль шумно поставилъ свой стаканъ на столъ и нахмурился.

— Ничего тутъ нѣтъ смѣшного!—проворчалъ онъ,—весь городъ могли облагодѣтельствовать!

— Ну, теперь все равно дѣла не поправишь, — развелъ руками капитанъ.—Какъ? Вы уже уходите?

— Ухожу,—мрачно проговорилъ Стобелль и, молча простившись, вышелъ изъ коттеджа, съ такою силою захлопнувъ входную дверь, что напугалъ проходившую мимо старушонку.

V.

Послѣ ухода посѣтителей миссъ Дрюиттъ сидѣла нѣкоторое время у себя, поглядывая неблагосклонно на нѣкоторыя рѣдкости, пріобрѣтенныя для нея дядею, благодаря навязчивости м-ра Тредгольда; затѣмъ, вспомнивъ, что она оставила внизу на каминѣ ключъ отъ часовъ, миссъ Дрюиттъ сошла въ пріемную, гдѣ застала капитана нагнувшимся надъ раскрытымъ ящикомъ бюро. Онъ съ несвойственною ему лихорадочною поспѣшностью перерывалъ бумаги и, очевидно, чего-то не находилъ.

— Пропала!—проговорилъ онъ, пораженный.

— Что такое пропало?

— Карта!—воскликнулъ капитанъ, теребя свою бороду.—Я сунулъ ее прошлый разъ вотъ въ это отдѣленіе и съ тѣхъ поръ не дотрогивался до нея, а теперь ея нѣтъ и нѣтъ.

— Но вѣдь вы сожгли ее!—изумилась Прюденса.—Вы сказали, что миссъ Сильвію превратился въ вулканъ.

— Вѣрнѣе сказать: я собирался ее сжечь, а вулканъ—это я такъ: для краснаго слова!—объяснилъ сконфуженный капитанъ, чувствуя легкій укоръ въ ея голосъ. — Ты знаешь, Чокъ все время приставалъ ко мнѣ, и я не зналъ, какъ ему отказать...

— А можетъ быть, вы сожгли ее и забыли?

— Я навѣрно знаю, что не сжегъ!—разсердился капитанъ.— Надо спросить у Джозефа.

— Вы сказали при немъ, что сожгли ее,—остановила его миссъ Дрюиттъ.

— Правда. Но значить, кто-нибудь ее стащилъ. Великій Боже! А вдругъ они все же отправятся?

— Ужъ это будетъ не ваша вина,—спокойно отвѣтила миссъ Дрюиттъ.

Капитанъ продолжалъ ерошить свои волосы, покуда они не встали у него ершомъ. На лицѣ его отражались волнованнiя его чувства.

— Кто-то ее стащилъ,—повторилъ онъ,—а если карта украдена, они, пожалуй, отправятся на поиски клада.

— Но, можетъ быть, ничего не найдутъ?

— Можетъ быть, и не найдутъ,—проворчалъ онъ, вставъ в зашагавъ по комнатѣ. Прюденса, пораженная внезапною мыслью, подошла къ нему.

— Эдуардъ Тредгольдъ одинъ оставался здѣсь сегодня.

— Нѣтъ! нѣтъ!—воскликнулъ капитанъ:—кто бы ни взялъ ее, это навѣрно былъ не Тредгольдъ. По всему городу уже трезвонили о ней.

— Онъ вздрогнулъ, когда вы сказали, что сожгли ее,—настанвала миссъ Дрюиттъ, — я убѣждена, что въ скоромъ времени отецъ его съ Чоккомъ и Стобеллемъ отправятся въ далекое плаваніе. Повойной ночи!

Между тѣмъ союзники возвращались по домамъ разочарованные. Поль-милліона изъ-подъ носу ушло, по выраженію м-ра Стобелля.

Миссъ Виккерсъ, узнавъ отъ Джозефа о сожженіи карты, была такъ поражена, что даже отказалась повѣрить „своимъ собственнымъ ушамъ“.

— Почему?—освѣдомился ея нареченный.

— Потому... ну, потому, что это было бы слишкомъ глупо! Ну-ка, повторите еще разъ, какъ все это было... Ничего не разберу.

М-ръ Таскерь покорно повторилъ, выразивъ при этомъ убѣжденіе, что все очень просто.

— Да, все, чего мы не понимаемъ, кажется простымъ! — неопредѣленно замѣтила миссъ Вивверсъ.

Она задумчиво вернулась домой и дня два-три продолжала находиться въ этомъ состояніи, къ удивленію ея семьи. Шестилѣтній Джорджъ Вивкерсъ, претерпѣвъ операцію умыванія трижды въ одно утро, едва не сошелъ съ ума, между тѣмъ какъ Марта и Чарльсъ не были подвергнуты ей ни разу. Разсѣянность миссъ Вивкерсъ продолжалась, однако, не долѣе трехъ дней; на четвертый она, окончивъ свой дневной трудъ, одѣлась съ необычайнымъ стараніемъ и вышла изъ дому.

М-ръ Чокъ работалъ у себя въ саду, соединяя пріятное съ полезнымъ, какъ вдругъ въ противоположномъ концѣ сада ему послышался тихій продолжительный свистъ. Онъ машинально обратилъ голову въ ту сторону и едва не выронилъ лопату, замѣтивъ возвышавшуюся надъ заборомъ женскую шляпку, показавшуюся ему странно знакомой. Взглянувъ въ другую сторону, онъ увидѣлъ у окна бывшую очевидно насторожѣ м-ссъ Чокъ.

Свистъ все усиливался, и м-ръ Чокъ, отеревъ лобъ, внезапно покрывшійся потомъ, съ удвоенною силою принялся за работу; проведя языкомъ по слегка запекшимся губамъ, онъ принялся насвистывать въ свою очередь, но этотъ приѣмъ оказался неудачнымъ: таинственный свистъ усилился, и — какъ это ни странно — принялъ какой-то отгѣнокъ мольбы. Поблѣднѣвшій м-ръ Чокъ не въ силахъ былъ выносить долѣе это испытаніе.

— Ну, кажется, на сегодня будетъ! — проговорилъ онъ громко и весело, втыкая лопату въ землю и надѣвая жакетку, вистѣвшую тутъ же на кустѣ. Когда онъ проходилъ мимо окна гостиной, повелительный голосъ овлинулъ его.

— Что, милая? — отозвался м-ръ Чокъ.

— Тамъ какой-то пріятель вызываетъ васъ свистомъ, — проговорила м-ссъ Чокъ дѣлanno-спокойнымъ голосомъ.

— Свистомъ? — повторилъ м-ръ Чокъ, продолжая по мѣрѣ силъ разыгрывать роль глухого, — я думалъ, что это птица свиститъ.

— Птица? — едва не задохнулась м-ссъ Чокъ: — взгляните сюда! Вы называете *это* птицей?

М-ръ Чокъ взглянулъ и испустилъ восклицаніе изумленія.

— Вѣроятно, онъ вызываетъ кого-нибудь изъ слугъ? Я долженъ буду поговорить съ ними.

— Поговорите лучше съ нею! — произнесла м-ссъ Чокъ съ величественнымъ презрѣніемъ.

— Я этого не сдѣлаю.

— Почему?

— Потому что ты станешь меня спрашивать и все равно не повѣришь мнѣ, что бы я ни сказалъ.

— Итакъ, ты отказываешься идти?—спросила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Отказываюсь. Почему бы тебѣ не пойти самой?

М-ссъ Чокъ смотрѣла на него нѣсколько секундъ въ гнѣвномъ безмолвіи, затѣмъ, подобравъ юбки, величественно вышла въ садъ, и м-ръ Чокъ вздохнулъ съ облегченіемъ, услышавъ, что свистъ прекратился. Но когда она возвратилась, лицо ея выражало такое негодованіе, что м-ръ Чокъ, не смѣя ее спрашивать, окаменѣлъ на мѣстѣ.

На слѣдующій день за завтракомъ м-ру Чокъ пришлось плохо. Выказывать сочувствіе м-ссъ Чокъ, сумрачно разливавшей кофе, и разыгрывать роль человѣка, ни о чемъ не догадывающагося, — было выше его силъ. Онъ старался дѣлать какъ можно меньше шума, разбивая яйцо, но, тѣмъ не менѣе, онъ все время чувствовалъ на себѣ ея укоризненный взглядъ, между тѣмъ какъ она демонстративно отставила отъ своего прибора поджаренный хлѣбъ и яйца.

— Ты ничего не кушаешь, моя милая, — сказала м-ръ Чокъ.

— Я не въ состояніи проглотить ни кусочка, — было отвѣтомъ.

Принимая изъ руки супруги вторую чашку кофе, м-ръ Чокъ ощутилъ угрызеніе совѣсти, а когда онъ взялъ другой кусочекъ поджареннаго хлѣба, она только вздохнула, возведя глаза къ потолку.

— Ты не похожа на себя, — замѣтилъ заботливый супругъ, — это огорчаетъ меня.

— Конечно, я не молодѣю, — согласилась м-ссъ Чокъ, — но это еще не можетъ служить извиненіемъ для вашихъ поступковъ. Вы прекрасно понимаете, что я хочу сказать. Вчера, когда эта особа высвистывала васъ изъ-за забора, не сказали ли вы, что это—птица?

— Да, я сказалъ, — отвѣтилъ м-ръ Чокъ.

Лицо м-ссъ Чокъ запылало.

— Какого сорта птица?—спросила она вызывающе.

— Пѣвчая птица, — проговорилъ онъ съ попыткою на юморъ.

М-ссъ Чокъ вышла изъ комнаты.

М-ръ Чокъ грустно окончилъ завтракъ; мысли его невольно обратились къ вчерашней незнакомкѣ, — онъ даже перебралъ въ

умѣ имена бинчестерскихъ красавицъ и бросилъ мимоходомъ взглядъ въ зеркало. Послѣ завтрака онъ вздумалъ пройтись по городу и заглянулъ отъ нечего дѣлать къ Тредгольду-старшему, который, противъ обыкновенія, любезно принялъ его и объявилъ, что онъ ждетъ ихъ обоихъ со Стобеллемъ сегодня въ 8 час. вечера; Эдуарда онъ нарочно отослалъ съ порученіемъ.

Въ назначенный часъ м-ръ Чокъ входилъ въ контору; при появленіи его худощавая фигура, сидѣвшая въ большомъ креслѣ, обернулась къ нему, и онъ съ изумленіемъ узналъ выразительныя черты миссъ Селины Виккерсъ. Насупротивъ нея помѣщался м-ръ Стобелль.

— Моя новая клиентка! — отрекомендовалъ ее нотариусъ.

— Я хотѣла потолковать съ вами вчера вечеромъ, — обратилась къ м-ру Чокъ клиентка, — я свистѣла цѣлыя десять минутъ... Удивляюсь, какъ вы не слышали!

— Что это вамъ вздумалось? — освѣдомился м-ръ Чокъ не безъ нѣкотораго разочарованія.

— Нужно было потолковать о дѣлѣ, — спокойно заявила миссъ Виккерсъ, — но я все равно обратилась къ м-ру Тредгольду по дѣлу о...

— О землѣ, съ которою связаны ея интересы, — дѣловито пояснилъ нотариусъ.

— Объ островѣ! — докончила миссъ Виккерсъ.

— Какъ? Еще островъ? — вырвалось у м-ра Чока.

Тредгольдъ кашлянулъ.

— Моя довѣрительница не имѣетъ состоянія, — началъ было онъ, но Стобелль прервалъ его.

— Да будетъ вамъ съ этими фокусами! Она еще не такъ станетъ ломаться.

— Но у нея есть собственность, — вмѣшался м-ръ Тредгольдъ, предупреждая возможность стычки между м-ромъ Стобеллемъ и миссъ Виккерсъ, — дѣло — деликатное, и всѣ вы должны дать сперва обѣтъ молчанія. Это — непремѣнная ея воля.

Когда м-ръ Чокъ произнесъ условную формулу, Тредгольдъ пошептался со своею довѣрительницею и ватѣмъ миссъ Виккерсъ вынула изъ-за борсажа документъ, въ которомъ всѣ узнали исчезнувшую карту.

— Но вѣдь капитанъ сказалъ, что сжегъ ее! — воскликнулъ м-ръ Чокъ, — значитъ, это — другая карта?

— Возможно! — коротко отрѣзала миссъ Виккерсъ.

— Мы не можемъ не вѣрить капитану Бауэрсу, слѣдовательно, у насъ въ рукахъ дубликатъ, — холодно резюмировалъ

нотариусъ.—Моя довѣрительница не сообщила, какимъ образомъ удалось ей приобрести его...

— И не намѣрена сообщать, — безстрастно заявила миссъ Вивкерсъ.

— Достаточно того, что онъ—у насъ въ рукахъ,—продолжалъ нотариусъ. — Итакъ, мы намѣрены снарядить экспедицію на паевыхъ началахъ: равные расходы и равныя доли.

— А какъ же относительно капитана? — освѣдомился м-ръ Чокъ.

— Онъ тоже получить свой пай—безъ всякихъ расходовъ съ его стороны къ тому же, — выразительно объявилъ Тредгольдъ.

— И вы получите пять тысячъ фунтовъ, Селина!—сказалъ м-ръ Стобелль съ благосклонною улыбкой.

Миссъ Вивкерсъ обратила къ нему лицо, дышавшее чувствомъ собственнаго достоинства, и только прищурила одинъ глазъ.

— Не называйте меня Селиною, если не желаете, чтобы я звала васъ Боби.

Восклицаніе м-ра Тредгольда заглушило ругательство, сорвавшееся съ устъ м-ра Стобелля.

— Я не обращаю вниманія!—пожала плечами миссъ Вивкерсъ: — сожалѣю только, что согласилась на его участіе въ дѣлѣ. Одинъ изъ писцовъ его говорилъ, что онъ—джентльменъ только вполонину, но и этой половины онъ никогда не видалъ.

М-ръ Стобелль, не довѣряя своему самообладанію, подошелъ къ окну и высунулся изъ него.

— Итакъ, мы, кажется, обо всемъ условились? — спросилъ м-ръ Тредгольдъ, оглядывая присутствующихъ.

— Одну секунду!—остановила его миссъ Вивкерсъ:—прежде чѣмъ подпишу бумагу и отдамъ карту, я желаю получить двадцать фунтовъ.

М-ръ Тредгольдъ омрачился, м-ръ Чокъ замычалъ, а м-ръ Стобелль отошелъ отъ окна.

— Двадцать фунтовъ!—проворчалъ онъ.

— Двадцать фунтовъ,—повторила миссъ Вивкерсъ, или чetyреста шиллинговъ, если вы это предпочитаете.

М-ръ Тредгольдъ попытался поторговаться съ нею, но—напрасно.

— Таковы мои условія, — заявила миссъ Вивкерсъ, — даю вамъ пять минутъ на размышленіе, м-ру Стобеллю—шесть, потому что мозги у него тяжелѣе поворачиваются.

Разумѣтся, до истеченія срока условія ея были приняты, и м-ръ Тредгольдъ составилъ бумагу, а затѣмъ джентльмены, опорожнивъ свои карманы, собрали необходимую сумму, которая и была вручена миссъ Вивкерсъ въ обмѣнъ за карту.

Она пожелала имъ добраго вечера, но, дойдя до двери, положила руку на дверную ручку и задумалась.

— Миѣ кажется, я правильно поступила, — проговорила она нѣсколько нервно, — деньги эти — ничьи, и онѣ лежали безъ пользы. Вѣдь я ничего не украла...

— Нѣтъ, нѣтъ! — поспѣшно произнесъ нотариусъ.

— Теперь онѣ пойдутъ на пользу людямъ. Я отдамъ часть моихъ денегъ бѣднымъ. Надо бы приписать это въ бумагѣ.

— Мы и такъ сдѣлаемъ все по совѣсти, — успокоительно замѣтилъ м-ръ Чокъ.

Миссъ Вивкерсъ милостиво улыбнулась ему.

— Вы-то сдѣлаете и м-ръ Тредгольдъ — также, а вотъ...

— Закройте дверь, — холодно прервалъ м-ръ Стобелль, — вы дѣлаете такой сквознякъ, что онъ можетъ голову свести съ плечъ.

Миссъ Вивкерсъ гнѣвно окинула его взглядомъ и, не найдя достаточно сокрушительнаго отвѣта, молча скрылась, захлопнувъ за собою дверь.

Счастливые обладатели карты нагнулись надъ нею втроемъ.

— Удивительно! — говорилъ м-ръ Чокъ, — я покаялся бы передъ судомъ, что это — та самая.

— Нечего ломать надъ этимъ голову! — посоветовалъ м-ръ Стобелль.

— Желаніе ваше исполнилось, — проговорилъ Тредгольдъ, — а вы еще о чемъ-то разсуждаете.

— Кстати, по поводу путешествія, — вдругъ испугался м-ръ Чокъ, — какъ же намъ быть съ м-ссъ Чокъ? Вѣдь она захочетъ съ нами поѣхать?

— И м-ссъ Стобелль захочетъ, но не поѣдетъ! — заявилъ супругъ этой дамы.

М-ръ Тредгольдъ объявилъ, что дамы до послѣдней минуты ничего не должны знать, да и вообще болтать не годится. Въ среду необходимо отправиться въ Биддльвомбъ и осмотрѣться. Лучше всего приобрести небольшое, солидное парусное судно, набрать экипажъ и отплыть въ возможно скоромъ времени.

Лицо м-ра Чока просіяло. Они заберутъ съ собою бусы, зеркала — для торговли съ дикарями. Необходимо оружіе, всевозможные инструменты... Право, это все похоже на сказку. Но только — какъ быть съ женою?

— У меня тоже есть жена, — фыркнулъ м-ръ Стоббель, — однако я не тревожусь.

— Да, — вырвалось у м-ра Чока въ порывѣ необычной откровенности, — но у меня — жена, а у м-съ Стоббель — мужъ. Вотъ въ чемъ разница.

М-ръ Стоббель пережевывалъ это замѣчаніе во время всего обратнаго пути и, наконецъ, пришелъ къ заключенію, что событія этого дня повредили мозги м-ра Чока.

VI.

До самой среды, покуда онъ со своими собратьями, искателями клада, не очутился на платформѣ станціи въ Биддлькомбѣ, м-ръ Чокъ находился въ состояніи восторженной мечтательности, еще болѣе подтвердившей подовѣрніа его жены. Еще сидя въ вагонѣ, онъ усиленно втягивалъ воздухъ носомъ, увѣряя, что уже чувствуетъ запахъ моря.

Для небольшого порта Биддлькомбъ оказался хорошо снабженнымъ судами, и сердце м-ра Чока усиленно билось, между тѣмъ какъ взоръ его перебѣгалъ отъ стройной шкуны къ грязнымъ угольщикамъ и миниатюрнымъ яхтамъ. Не зная, какъ приступить къ переговорамъ, они задумчиво бродили по набережной и, наконецъ, почувствовавъ аппетитъ, прослѣдовали въ гостиницу, гдѣ м-ръ Стоббель, поколебавшись въ выборѣ между ростбифомъ и бараньей котлеткой, заказалъ то и другое.

Единственнымъ кромѣ нихъ посѣтителемъ столовой былъ приземистый, краснолицый, гладко выбритый человекъ, потягивавшій виски за столомъ у окна. М-ръ Чокъ почувалъ въ немъ моряка и немедленно почувствовалъ къ нему симпатію, не взирая на маленькіе бѣгающіе глазки и непріятный ротъ незнакомца.

— Добрый день, джентльменъ, — сказалъ тотъ, привѣтливо кивая м-ру Чоку.

Завязался разговоръ о погодѣ; затѣмъ незнакомецъ, котораго подававшій ему виски служитель назвалъ капитаномъ Брискетомъ, освѣдомился у друзей: впервые ли они здѣсь?

— Много разъ бывали, — отвѣтилъ м-ръ Чокъ, — я очень люблю море.

Капитанъ Брискетъ кивнулъ и, взявъ свой стаканъ, подселъ къ ихъ столу.

— Плохи дѣла въ Биддлькомбѣ, — сказалъ онъ, — половина судовъ не зафрахтована, да и вообще игра свѣтъ не стоитъ.

М-ръ Тредгольдъ переглянулся съ товарищами и поигралъ вылкой.

— А мы именно высматривали себѣ судно.

— Вы желаете отплыть на немъ въ качествѣ пассажировъ?

— Нѣтъ, мы желали бы приобрести его въ собственность.

Капитанъ Брискетъ, сильно заинтересованный, придвинулся еще ближе.

— Вы желаете купить новое судно?

— Да, еслибы удалось приобрести его по недорогой цѣнѣ, — объяснилъ Тредгольдъ, — мы намѣрены отправиться въ Тихій океанъ — ради удовольствія. Можетъ быть, займемся немного торговлею. Я думаю, что какую-нибудь подержанную шхуну можно купить за грошъ?

— На ловца и звѣрь бѣжитъ! — воскликнулъ капитанъ Брискетъ съ громкимъ смѣхомъ: — я знаю шхуну въ двѣсти сорокъ тоннъ, которая, какъ нельзя лучше, подошла бы вамъ. Судно почти новое и цѣлешенькое, какъ колоколь. Вы сами примете командованіе?

— Нѣтъ, онъ не приметъ, — отвѣтилъ м-ръ Стобелль.

— Значитъ, вамъ нуженъ шкиперъ? — воскликнулъ капитанъ Брискетъ съ возрастающимъ возбужденіемъ: — не говорите мнѣ, что вы уже съ кѣмъ-нибудь порѣшили.

— Почему же нѣтъ? — проворчалъ Стобелль, продолжая рѣзать сыръ.

— Потому что, джентльмены, лучше Билля Брискета вамъ никого не найти! — воскликнулъ морякъ, стукнувъ кулакомъ по столу съ такою силою, что расплескалъ половину виски изъ своего стакана.

Это поразительное сообщеніе было, однако, принято съ такимъ недостаткомъ энтузіазма, что капитанъ Брискетъ, съ цѣлью скрыть то, что всякій другой назвалъ бы смущеніемъ, позволилъ слугу, приказавъ ему подать полный стаканъ.

— Мы не можемъ ничего рѣшить въ пять минутъ, — проговорилъ, наконецъ, м-ръ Тредгольдъ послѣ долгой неловкой паузы, — прежде всего намъ нуженъ корабль.

— Подходящее для васъ судно стоитъ въ томъ концѣ гавани, — отвѣтилъ капитанъ Брискетъ, — пойдемте вмѣстѣ осмотрѣть его или ступайте одни. Билль Брискетъ не такой чловѣкъ, чтобы напортить кому-нибудь, получить онъ отъ этого пользу или нѣтъ...

— Стойте, — проговарялъ м-ръ Стобелль, поднявъ руку, — сколько можетъ стоять такое судно?

— Это зависитъ,—отвѣтилъ Брискетъ,—разумѣется, если куплю я...

М-ръ Стобелль вторично поднялъ руку.

— Зависитъ отъ того: купите ли вы его для насъ, или продадите намъ отъ имени владѣльца судна?

Брискетъ вскочилъ и, въ ужасу м-ра Чока, крѣпко хлопнулъ м-ра Стобелля по спинѣ. М-ръ Стобелль, сжавъ кулакъ величиною съ баранью ногу, оттолкнулъ стулъ и приготовился встать.

— Вы—молодецъ!—воскликнулъ капитанъ Брискетъ тономъ искренняго уваженія,—вотъ что вы такое, сэръ!

М-ръ Стобелль снова опустился на мѣсто и впервые на губахъ его заиграла улыбка.

— Разрѣшите мнѣ вступить въ переговоры съ Тоддомъ и дайте мнѣ одинъ фунтъ изъ вѣдъхъ десяти, которыя я выторгую для васъ,—убѣдительно проговорилъ Брискетъ.

М-ръ Тредгольдъ взглянулъ на товарищей.

— Если мы на это согласимся,—обратился онъ къ капитану,—вамъ будетъ выгодно купить корабль во что бы то ни стало. А почему мы будемъ знать: годенъ ли онъ для плаванія?

— Въ этомъ-то и суть!—засмѣялся Брискетъ:—если останетесь довольны моими рекомендаціями, вы возьмете меня въ капитаны, и здравый смыслъ подскажетъ вамъ, что я не стану рисковать моею шеурой, купивъ для васъ гнилое судно.

Расплатившись въ гостинницѣ, они вышли на улицу, и Брискетъ указалъ товарищамъ на шеуну, носившую имя „Красавицы Эмилиі“: пусть они предварительно переговорятъ со старымъ Тоддомъ, а онъ подождетъ ихъ въ гостинницѣ.

— Не предлагайте ему слишкомъ много для начала.

— Я думаю предложить ему фунтовъ сто!—сказалъ Тредгольдъ.

Капитанъ вытаращилъ глаза, но сдержался и преговорилъ серьезно:

— Нѣтъ, давайте ему семьдесятъ. Желаю успѣха.

Онъ вернулся въ гостинницу, проводивъ ихъ загадочною улыбкою, и тамъ, снова усѣвшись у окна, принялся терпѣливо ожидать ихъ возвращенія.

Прошло полчаса. Капитанъ выкурилъ одну трубку и принялся за другую. Онъ взглянулъ на часы, висѣвшіе надъ прилавкомъ, и у него мелькнула непріятная мысль, что торгъ все же, быть можетъ, состоялся безъ его участія. Но тутъ до слуха его донесся издали шумъ, и лицо его смягчилось.

— Это что же такое?—спросилъ какой-то посѣтитель.

Просматривавшій газету хозяинъ опустилъ ее и прислушался, а затѣмъ, выразивъ мнѣнiе, что это бунить старый Тоддъ, подошелъ къ дверямъ.

Шумъ дѣлался все слышнѣе.

— Да, это Тоддъ!—сказалъ другой посѣтитель и, поспѣшно донивъ свое пиво, также двинулся къ выходу; за нимъ послѣдовалъ съ небрежнымъ видомъ и капитанъ Брискетъ, съ тѣмъ, чтобы изъ-за спины другихъ насладиться зрѣлищемъ предстоящаго скандала.

Три его патрона, тщетно старавшіеся дѣлать видъ, что это ничуть ихъ не касается, шли серединою улицы, а за ними слѣдовалъ почтенный сѣдобородый человекъ, котораго всего передергивало отъ гнѣва. Подходя къ гостинницѣ, они усвоили шагъ и почти вбѣжали въ подъѣздъ, причѣмъ мрачный, какъ туча, Стобелль одинъ приостановился въ дверяхъ.

— Подать ихъ сюда!—рычалъ старикъ.—Дайте мнѣ этого—съ рыжими усами, и я покажу ему!!

— Въ чемъ дѣло, м-ръ Тоддъ?—спросилъ хозяинъ, ставъ въ дверяхъ и загораживая ее своею особою отъ старика, пытавшагося проникнуть въ домъ.—Что онъ вамъ сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ?..—повторилъ возбужденный до крайности м-ръ Тоддъ.—Онъ имѣлъ наглость... Нѣтъ! Подайте мнѣ его сюда! Я ениму съ него живого шкуру... Бойтся, небось?

— Что вы ему сдѣлали?—обратился капитанъ Брискетъ къ поблѣдѣвшему м-ру Чоку.

— Ничего,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Выйдетъ ли онъ, наконецъ?—повторялъ грозный голосъ.— Я переломаю ему всѣ ребра...

М-ръ Стобелль стоялъ въ недоумѣнiи, но когда взоръ его упалъ на улыбающіяся лица согражданъ м-ра Тодда, его собственные черты прояснились.

— Онъ—старикъ,—проговорилъ онъ медленно,—но если кто-нибудь изъ васъ пожелаетъ стать на его мѣсто, пусть онъ скажетъ одно словечко... Я готовъ раздѣлаться съ нимъ.

Въ виду того, что никто не отозвался на это приглашенiе, онъ отвернулся и, войдя въ столовую, сѣлъ рядомъ съ негодующимъ Тредгольдомъ. М-ръ Тоддъ, истощенный послѣднею вспышкой, сразу осѣлъ и, хотя не безъ сопротивленiя, но дозволилъ себя увести.

— Вы предложили ему семьдесятъ фунтовъ?—обратился Брискетъ къ м-ру Чоку.

— Предложилъ,—жалобно отвѣтилъ тотъ.

— Ахъ,—сказалъ капитанъ, задумчиво глядя на него,— быть можетъ, вамъ слѣдовало дать ему восемьдесятъ. Насколько я понялъ, онъ желаетъ получить за нее восемьсотъ.

Услышавъ о такой суммѣ, м-ръ Тредгольдъ объявилъ, что онъ знать ничего не хочетъ обо всемъ дѣлѣ, но подъ влияніемъ трубки и стакана вина мало-по-малу смягчился, и кончилось тѣмъ, что друзья оставили капитану Брискету довѣренность на пріобрѣтеніе „Красавицы Эмили“.

VII.

Колокола звонили къ обѣднѣ, когда м-ръ Вивкерсъ вернулся съ прогулки къ завтраку. Противъ обыкновенія, кухня и общая комната были пусты, а завтракъ, за исключеніемъ хвоста отъ селедки и остатковъ чая въ чайникѣ, былъ убранъ.

— Знаю я людей,—съ горечью прошептала м-ръ Вивкерсъ,— которые мазнули бы ее по лицу этою самою селедкою за непочтительность.

Онъ отрѣзалъ себѣ ломоть хлѣба, налилъ стаканъ остывшаго чаю и принялся за ѣду, съ удивленіемъ прислушиваясь къ стуку наверху, походившему на скрипъ новыхъ сапогъ, хотя м-ру Вивкерсу, въ качествѣ умудреннаго опытомъ человѣка, и показалась подобная мысль неправдоподобной.

Дверь открылась, и м-ръ Вивкерсъ не донесъ ломоть до рта, который онъ невольно раскрылъ при появленіи юнаго Чарльса Вивкерса, одѣтаго въ первый разъ въ жизни во все новое съ ногъ до головы. Отецъ не успѣлъ сдѣлать ни одного вопроса, такъ какъ вслѣдъ за Чарльсомъ появились и остальные дѣти, также одѣтыя во все новое, а за ними—Селина.

— Что это такое?—спросилъ м-ръ Вивкерсъ хриплымъ отъ изумленія голосомъ.

Миссъ Вивкерсъ, натягивавшая перчатку, на которой было больше пуговицъ, чѣмъ на его курткѣ, хладнокровно подняла на него глаза и пояснила:

— Это—новое платье; давно уже пора было пріодѣться.

— Новое платье?—повторилъ онъ, скандализованный,— откуда же оно взялось?

— Изъ лавки!—отвѣтила коротко миссъ Вивкерсъ.

М-ръ Вивкерсъ поднялся и, подойдя къ своей дочери, осмотрѣлъ ее съ такимъ же любопытствомъ, какъ онъ осмотрѣлъ бы восковую фигуру. Нѣкоторая неподвижность позы и стеклянный

взглядъ ея довершали иллюзію. Но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ выразить волновавшія его чувства, послышался скрипъ еще болѣе громкій, чѣмъ другіе, и передъ м-ромъ Виккерсомъ предстала его супруга, имѣвшая нѣсколько свонфуженный видъ. Онъ взиралъ съ гнѣвнымъ изумленіемъ на ея синее шерстяное платье и черную бархатную съ пряжками, столь возмутительно новую шляпу, что она совсѣмъ не согласовалась съ обычнымъ стилемъ прически м-ссы Виккерсъ.

— Продолжайте! Продолжайте!—возопилъ онъ.— Не обращайтесь на меня вниманія! Неужели у васъ хватить духу пойти въ церковь?

М-ссы Виккерсъ взглянула на свой, тоже новый, молитвенникъ и вздрогнула.

— А почему бы намъ и не идти въ церковь?—отозвалась Селина.

— Откуда у васъ деньги?

— Я скопила ихъ,—отвѣтила дочь, невольно покраснѣвъ.

— Скопила?—повторилъ онъ съ негодованіемъ.— Скопила изъ заработанныхъ мною же денегъ, изъ моего пота-крови, изъ денегъ, которыя должны были бы идти на ѣду?.. Но я этого не желаю, не желаю, слышите ли вы? У меня есть права...

— Не шумите,—прервала его дочь, наклоняясь, чтобы помочь матери растегнуть ботинку.— Я говорила вамъ, мама, что слѣдовало взять четырнадцатый номеръ...

— Я прежде всегда носила тринадцатый...

— Полагаю, что и для меня приготовлена новая пара и съ полъ-дюжины крахмальныхъ рубашекъ тамъ наверху?—связилъ м-ръ Виккерсъ.

— Конечно, вотъ вы и полюбуйтесь ими покуда,—отвѣтила почтительно дочь.

— Мое собственное потомство грабило меня годами!—продолжалъ м-ръ Виккерсъ.— Родныя дѣти вынимаютъ у меня хлѣбъ изо рта и покупаютъ себѣ сапоги...

Но никто не слушалъ его жалобъ. Миссъ Виккерсъ командовала: „Налѣво кругомъ!“—и отрядъ ея двинулся въ путь, причемъ глаза ея сверкали удовольствіемъ при видѣ возбуждаемой ими сенсаціи. Мгновенно водарившееся по всей улицѣ молчаніе свидѣтельствовало о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ параднымъ „выходомъ“. Дѣти шли съ надутыми важными лицами, но поклоны и улыбки миссъ Виккерсъ, которыми она обмѣнивалась со встрѣчавшимися ей по пути знакомыми, были такъ изящны, что нѣкоторыя черезчуръ неряшливыя матроны

предпочли скрыться въ глубинѣ своихъ жилищъ, чтобы тамъ излить на свободѣ волновавшія ихъ чувства.

— Вороны въ павлиньихъ перьяхъ! — пробормоталъ м-ръ Виверсъ вслѣдъ своему семейству.

Тѣмъ не менѣе, изумленіе сосѣдей пробудило въ немъ новое чувство — тщеславіе. Сосѣдъ въ полосатыхъ плисовыхъ штанахъ и одной подтяжкѣ перешелъ черезъ улицу и приблизился къ нему.

— Что это значить? — проговорилъ онъ, указывая пальцемъ на удаляющихся, — кто-нибудь померъ и оставилъ вамъ наслѣдство?

— Насколько мнѣ извѣстно — нѣтъ. Но почему вы спрашиваете?

— Почему? Всѣ вырядились въ обновки. Никогда не видывалъ ничего подобнаго.

М-ръ Виверсъ взглянулъ на него съ видомъ превосходства.

— Не идти же имъ въ воскресенье въ церковь оборванцами — въ рваныхъ штанахъ и рубашкахъ?

— Да вѣдь раньше-то они ходили!

М-ръ Виверсъ не нашелся что отвѣтить, и, во избѣжаніе щекотливыхъ разспросовъ, скрылся у себя, пытаясь высчитать стоимость новыхъ платьевъ и разрѣшить вопросъ о томъ: откуда взялись на нихъ деньги? Внезапно ему вспомнился м-ръ Таскеръ и тѣ безумства, на которыя способны влюбленные молодые люди. Когда-то онъ самъ тратился по глупости на будущую м-съ Виверсъ, и онъ пришелъ къ заключенію, что Джозефъ еще глупѣе его.

Дойдя до такого вывода, онъ успокоился, выбилъ пепель изъ трубки и умылся.

— Если онъ не одолжитъ бездѣлицы своему будущему тестю, — говорилъ онъ себѣ, усердно растирая лицо грубымъ полотенцемъ, — я такъ и скажу ему, что не жениться ему на Селинѣ. Надо повидать его раньше, чѣмъ она успѣла все отъ него вытянуть.

Онъ отправился прямо въ долину Солнечныхъ Часовъ и вошелъ въ коттеджъ съ задняго крыльца, радостно улыбаясь изумленному Таскеру.

— Ты, кажется, занятъ, сынокъ? — освѣдомился онъ.

— Что вамъ нужно? — спросилъ м-ръ Таскеръ, лицо котораго покраснѣлось отъ стѣпани.

М-ръ Виверсъ вошелъ въ кухню, заперъ за собою дверь и опустился на стулъ.

— Не тревожься, сынокъ, — проговорилъ онъ, — съ Селиною ничего не случилось.

— Что вамъ нужно?—повторилъ Таскеръ.—Кто позволилъ вамъ приходять сюда?

— Полагаю, что отецъ можетъ навѣстить своего будущаго сына,—сказалъ тотъ съ достоинствомъ,—я не желаю мѣшать тебѣ, Джозефъ, я только зашелъ сказать, какъ они всѣ принарядились. Не понимаю: откуда ты взялъ столько денегъ?

— Выжили вы, что ли, изъ ума?—спросилъ Таскеръ, старательно протирая соусникъ.—Кто принарядился?

М-ръ Вивкерсъ качнулъ головою и широко улыбнулся.

— Кто? Говорю тебѣ: моему родительскому сердцу приятно было видѣть ихъ въ обновкахъ, вотъ я и зашелъ тебя поблагодарить.

— Ступайте,—воскликнулъ м-ръ Таскеръ, со стукомъ поставивъ соусникъ,—если вы не можете говорить простымъ англійскимъ языкомъ, то лучше убирайтесь вонъ. Вообще-то я не желаю васъ видѣть здѣсь, а слушать вашъ дурацкій бредъ—прямо свыше силъ моихъ.

— Слѣдовательно, не ты далъ Селинѣ денегъ на покупку новыхъ платьевъ для нея и для матери? Не ты одѣлъ малышей съ ногъ до головы?

— Да что вы, за сумасшедшаго меня считаете, что ли?—воскликнулъ Таскеръ:—съ какой стати я вздумалъ одѣвать малышей? Это ваша обязанность. И Селинѣ я ничего не дарилъ, кромѣ кольца, да и то она одолжила мнѣ на него деньги. Не думаете ли вы, что я—денежный мѣшокъ?

— Ну, хорошо, хорошо, Джозефъ!—прервалъ м-ръ Вивкерсъ, мысленно выходя изъ себя.—Но у меня въ горлѣ пересохло отъ разговоровъ... Нѣтъ ли у васъ глоточка чего-нибудь?..

Игнорируя взглядъ тестя, устремленный на пріютившійся въ углу кухни симпатичнаго вида боченокъ, м-ръ Таскеръ нацѣдилъ и поднесъ ему стаканъ воды, изъ котораго тотъ отпилъ глотокъ. Затѣмъ онъ заговорилъ обиняками о парѣ фунтовъ, изъ которыхъ—обладая онъ ими—онъ черезъ недѣлю сдѣлалъ бы пять.

— Такъ что же вамъ мѣшаетъ!—разсѣянно спросилъ Таскеръ, занятый растопкою печи.

М-ръ Вивкерсъ заговорилъ опредѣленнѣе. Еслибы онъ былъ молодымъ человекомъ и ухаживалъ за дѣвицею, онъ никогда не отказался бы ссудить своего тестя паркою фунтовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—разсѣянно проговорилъ Таскеръ, измѣря собственною рукою температуру печи.

М-ръ Вивкерсу показалось, что въ немъ сейчасъ что-то лопнетъ—настолько преисполнился онъ негодованіемъ.

— Ну, такъ я вамъ скажу безъ обиняковъ, сэръ, намѣрены ли вы одолжить пару фунтовъ честному труженику и вашему будущему отцу?

М-ръ Таскеръ расхохотался, прибавивъ, что еслибы у него была за душою пара фунтовъ, онъ сдѣлалъ бы изъ нея любое, но только не это употребленіе.

М-ръ Вивкерсъ всталъ и оглядѣлъ его съ невыразимымъ презрѣніемъ.

— И подобный человѣкъ желаетъ жениться на моей дочери, войти въ семью? Если я что-нибудь презираю, такъ именно скряжничество. И моя дочь, моя бѣдная дочь не знаетъ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло! Но я открою ей глаза! Ты у меня подожди... Я тебѣ...

Онъ вдругъ осѣлся. Въ дверяхъ показался капитанъ Бауэрсъ.

— Что это за шумъ, Джозефъ?—освѣдомился капитанъ рѣзко.

М-ръ Таскеръ попробовалъ дать объясненіе, но такъ какъ оно существенно расходилось со взглядомъ на тотъ же предметъ м-ра Вивкерса, послѣдній прервалъ его. Къ изумленію Джозефа, капитанъ терпѣливо выслушалъ его рассказъ.

— Вы купили всѣ эти вещи, Джозефъ?—спросилъ онъ, когда м-ръ Вивкерсъ сдѣлалъ передышку.

— Конечно, нѣтъ, сэръ. Откуда бы у меня взялись деньги?

Капитанъ молча смотрѣлъ на него. Странное исчезновеніе карты, вслѣдъ за которымъ прекратились визиты м-ра Чока, получило неожиданную связь съ этимъ рассказомъ о свалившемся съ неба богатствѣ.

— А вы за послѣднее время ничего не *продали*?—проговорилъ онъ сурово.

— Мнѣ нечего было продать, сэръ,—отвѣтилъ Таскеръ съ искреннимъ изумленіемъ.—Мнѣ думается, что весь шумъ былъ поднять м-ромъ Вивкерсомъ изъ-за пары сапогъ, остальное ему пригрезилось.

М-ръ Вивкерсъ вздумалъ громко запротестовать, но капитанъ осадилъ его.

— Довольно! Какъ вы смѣете буянить въ моемъ домѣ? Относительно обновокъ—все вѣрно, я самъ видѣлъ ихъ на пути въ церковь,—обратился онъ къ Джозефу,—и вы, дѣйствительно, ничего объ этомъ не знаете?

Изумленіе Таскера было слишкомъ искренно для того, чтобы можно было въ немъ усомниться, и подозрѣнія капитана обратились на другой предметъ. М-ръ Вивкерсъ поймалъ его взглядъ и попробовалъ улыбнуться.

— Въ горлѣ что-то пересохло, сэръ,—мягко замѣтилъ онъ.
 — У насъ есть пиво, Джозефъ?—освѣдомился капитанъ:—
 шу, такъ я вамъ совѣтую приглядѣть за нимъ.
 Разочарованный и негодующій м-ръ Вивкерсъ ретировался.

VIII.

Покуда шли переговоры о покупкѣ „Красавицы Эмили“, м-ръ Чокъ ходилъ, какъ маятникъ, между конторами м-ра Тредгольда и Стобелли, хозяева которыхъ по мѣрѣ силъ и возможности скрывались отъ него. Послушный наставленіямъ друзей, дорожившихъ сохраненіемъ приличій, онъ трижды направлялся къ капитану и трижды возвращался съ поль-дороги. У него не хватало мужества показаться ему на глаза. Капитанъ Бауэрсъ, желавшій въ свою очередь повидать и кое-о-чемъ поразспросить его, кончилъ тѣмъ, что самъ отправился къ нему. М-ръ Чокъ вскочилъ смущенный при его входѣ и пододвинулъ ему стулъ, уже занятый рабочею корзиною м-ссъ Чокъ. Капитанъ взялъ себѣ другой стулъ и, выслушавъ весьма безсвязное замѣчаніе о погодѣ, укоризненно покачалъ головою.

— А я думалъ, что съ вами что-нибудь случилось? Я не видѣлъ васъ болѣе мѣсяца.

— Болѣе мѣсяца?—встрепенулась м-ссъ Чокъ:—да онъ третьяго дня ходилъ къ вамъ.

— Да,—проговорилъ, запинаясь, м-ръ Чокъ,—но мнѣ въ башмакъ попалъ гвоздь, и я долженъ былъ вернуться съ поль-дороги домой.

— Домой? Но вы были въ отсутствіи два часа тридцать пять минутъ?

— Я такъ накололъ ногу, что едва добрался до дому,—пояснилъ м-ръ Чокъ, между тѣмъ какъ капитанъ изумился столь основательному счету времени.

— Однако, вы ничего объ этомъ не сказали?—продолжала допытываться м-ссъ Чокъ.

— Не хотѣлъ тревожить тебя, мой другъ.

— Я много проигралъ, оставшись холостымъ,—замѣтилъ капитанъ,—какъ пріятно, если кто-нибудь считаетъ часы и минуты до вашего возвращенія!

Супруги не безъ подозрительности обернулись къ нему, но его чистосердечіе было очевидно.

— Очень жаль, что вы не женились, капитанъ Бауэрсъ,—

медленно произнесла м-ссь Чокъ,—большинство мужчинъ предпочитаетъ скрывать правду отъ женъ...

Она закончила сентенцію выразительнымъ взглядомъ по адресу мужа, и положеніе дѣлъ сразу стало ясно для капитана. Онъ замѣтилъ, что не видитъ также ни Тредгольда, ни Стобелля.

— Они... они о васъ спрашивали,—перервалъ м-ръ Чокъ,—а какъ здоровье миссъ Дрюиттъ?

— Благодарю васъ. Я уже началъ думать, не отправились ли вы всѣ втроемъ въ дальнее плаваніе?

М-ръ Чокъ смущенно засмѣялся и замѣтилъ, что Джозефъ показался ему прошлый разъ нездоровымъ.

— Нѣтъ, Джозефъ здоровъ, и попугай также,—проговорилъ капитанъ.

— Джозефъ—славный попугай,—окончательно зарепортировался м-ръ Чокъ,—т.-е. попугай—славный малый, хочу я сказать...

— Томасъ! Чтò съ тобой?—воскликнула м-ссь Чокъ.

— Джозефъ—славный малый,—поправился, овладѣвъ собою, м-ръ Чокъ,—и я думалъ часто...

Онъ не докончилъ фразы: послышался громкій звонокъ, а затѣмъ—знакомый хриплый голосъ въ прихожей, при звукѣ котораго м-ръ Чокъ, бросивъ испуганный взглядъ въ сторону капитана, беспомощно откинулся на спинку кресла.

— Капитанъ Брискетъ,—доложила горничная.

Брискетъ вошелъ бодрымъ шагомъ, съ жаромъ пожалъ руку м-ру Чоку и, раскланявшись съ м-ссь Чокъ и гостемъ, усѣлся на вытяжку, радостно улыбаясь м-ру Чоку.

— Я съ хорошими вѣстями, — проговорилъ онъ хрипло, — наконецъ-то намъ удалось заполнить ее.

М-ссь Чокъ насторожилась.

— Да, пришлось-таки походить вокругъ да около! — весело продолжалъ Брискетъ:—старикъ Тоддъ не хотѣлъ разставаться съ нею, но теперь все оборудовано: „Красавица Эмилія“—ваша, сэръ.

— Какая такая красавица? — грозно воскликнула м-ссь Чокъ,—какая Эмилія? Что это за Эмилія?

Брискетъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее и растерялся.

— Молчите! — отчаянно воскликнулъ м-ръ Чокъ, — это—секретъ.

— Это секретъ!—повторилъ Брискетъ, успокоительно кивая м-ссь Чокъ.

— Секретъ? — повторила негодующая супруга, между тѣмъ какъ м-ръ Чокъ, находясь между нею и капитаномъ Бауэрсомъ, какъ между двухъ огней, вспоминалъ христіанскихъ мучениковъ. — Какъ вы смѣете отвѣчать мнѣ такимъ образомъ?

— Я сказалъ бы тебѣ, — отвѣтилъ м-ръ Чокъ, — но это не моя тайна.

— Это не его тайна, — подтвердилъ Брискетъ.

— Ужъ это не та ли самая Эмилія, которая свистала за заборомъ? — обратилась м-съ Чокъ къ Брискету, который, уловивъ отчаянный взоръ своего патрона, отвѣтилъ наугадъ:

— Нѣтъ, не та, она — совсѣмъ другого сорта особа.

— Какія же у нея дѣла съ моимъ мужемъ? — спросила м-съ Чокъ, невольно возвышая голосъ.

— Я вотъ именно это и хочу объяснить, — отвѣтилъ Брискетъ, уставясь глазами въ полъ и отчаянно ломая себѣ голову, — м-ръ Чокъ нашелъ для нея новое мѣсто, ей... ей было нехорошо на прежнемъ, и м-ръ Чокъ по добротѣ сердечной...

Его смущалъ взглядъ м-съ Чокъ, смотрѣвшей на него во все глаза, какъ птица на боа-констриктора.

— Но вы сказали, вы связали мужу: красавица Эмилія — ваша!

— Сказалъ и не отрицаю, — путался Брискетъ, — я хотѣлъ этимъ сказать, что она прибудетъ сюда.

— Вотъ какъ? Она сюда прибудетъ?

— Т.-е. въ томъ случаѣ, если мать ее отпустить. Старая лэди прихворнула и не можетъ безъ нея обойтись.

М-ръ Чокъ уже не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ спасенію съ этой стороны. Онъ желалъ одного: скрыть истину отъ капитана Бауэрса.

Но самъ капитанъ Бауэрсъ неожиданно прервалъ молчаніе.

— Какая у нея вмѣстимость? — отрывисто проговорилъ онъ, обернувшись къ Брискету.

— Двѣсти сорокъ тоннъ! — послѣдовалъ быстрый отвѣтъ.

— „Красавица Эмилія“ — судно! — сказалъ капитанъ Бауэрсъ, обращаясь къ м-съ Чокъ и тщетно пытаясь уловить взглядъ м-ра Чока.

— Судно? — повторила она пораженная. — Судно съ больною матерью, — судно — нуждающееся въ новомъ мѣстѣ, о которомъ хлопочетъ мой мужъ! Или и вы тоже пытаетесь выгородить его?

— Это судно, — сурово повторилъ капитанъ, — вмѣстимостью въ двѣсти сорокъ тоннъ, но, по какой-то особенной причинѣ, м-ръ Чокъ считаетъ необходимымъ это скрывать...

— Это правда, Томасъ?—спросила м-съ Чокъ.

— Правда, моя дорогая.

— Почему же ты плелъ всѣ эти несообразности?

— Я... хотѣлъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ,—проговорилъ м-ръ Чокъ, бросивъ робкій взглядъ на капитана Бауэрсъ,—видишь ли, я купилъ долю въ этомъ суднѣ, намѣреваясь предпринять для удовольствія маленькое путешествіе...

— Фирма: Тредгольдъ, Стобелль и Чокъ! — отчетливо проговорилъ капитанъ Бауэрсъ.

— Я ждалъ, покуда его выкрасятъ и приведутъ въ порядокъ, но неожиданное появленіе капитана Брискета испортило сюрпризъ,—продолжалъ м-ръ Чокъ.

— Да, это я виноватъ, сударыня,—смирненно поваялся виновникъ переполоха.

Но м-съ Чокъ уже не слушала. Для нея каждое судно было яхтой, и она, увлекшись мыслью о путешествіи, принялась обсуждать подробности увеселительной поѣздки, причемъ въ теченіе четверти часа „Красавица Эмилія“ превратилась въ одну изъ роскошнѣйшихъ „собственныхъ“ яхтъ. Сердце у м-ра Чока упало при мысли о томъ, что скажутъ его товарищи.

Капитанъ Бауэрсъ, узнавъ болѣе, чѣмъ ожидалъ, простился. По дорогѣ онъ бросилъ долгій взглядъ на окна конторы нотариуса. Мѣстопробываніе пропавшей карты выяснилось для него, и онъ подумалъ не безъ ужаса о готовящейся экспедиціи.

Прюденса, сидѣвшая съ книгою у окна, встрѣтила его улыбкою и сообщила, что къ нему заходилъ Эдуардъ Тредгольдъ.

— Почему же онъ не могъ подождать?—спросилъ капитанъ.

— Не знаю. Я не выходила къ нему. Я послала сказать, что у меня болитъ голова.

Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, капитанъ слегка покраснѣлъ отъ досады.

— Но, кажется, теперь тебѣ лучше?

— Да. Странно, что она сразу разболѣлась послѣ вашего ухода. Это у насъ семейное.

Къ облегченію капитана, она взялась за книгу и читала до тѣхъ поръ, покуда Джозефъ не подалъ чай. Капитанъ задумчиво пилъ чашку за чашкою и, уже покончивъ съ чаемъ и закуривъ трубку, сообщилъ о событіяхъ нынѣшняго вечера.

— Ну, вотъ! Чтò я вамъ говорила?—воскликнула Прюденса, глаза которой засверкали отъ негодованія.—Не говорила ли я, что они всѣ трое въ скоромъ времени отправятся въ пла-

ваніе? И послѣ этого м-ръ Тредгольдъ еще осмѣливается являться сюда!

— Онъ ничего не знаетъ объ ихъ планахъ,—протестовалъ капитанъ.

— Посмотримъ!—миссъ Дрюиттъ упрямо повачала головою.— Не безчестно ли это: отправиться на поиски влады, который запрещено было трогать?

— Можетъ быть, они и не найдутъ его,—отвѣтилъ капитанъ, окруживъ себя облакомъ дыма.

— Найдутъ. Капитанъ Брискетъ отыщетъ островъ. Остальное—пустяки.

— А можетъ и не отыскать,—изрекъ капитанъ изъ своего облака, совершенно скрывшаго его лицо.—Нѣкоторые маленькіе острова обладаютъ свойствомъ неожиданно исчезать... Явленіе чисто вулканическаго характера... Чему ты смѣешься?

— Я сейчасъ подумала,—проговорила миссъ Дрюиттъ, съ улыбкою обхвативъ руками колѣна,—я подумала: вотъ было бы странно, еслибы островъ исчезъ какъ разъ въ то время, какъ они высадятся на берегъ!

IX.

За завтракомъ м-ру Чоку было очень тяжело выслушивать восторженные рѣчи жены по поводу предстоящаго путешествія, такъ какъ наканунѣ онъ получилъ отъ компаньоновъ строгій приказъ: объявить м-ссъ Чокъ, что ея пребываніе на шкунѣ совершенно нежелательно.

Послѣ завтрака она разослала съ полъ-дюжины записокъ и объявила, что въ пять часовъ они отправятся къ Стобеллямъ, такъ какъ ей нужно поговорить съ нимъ самимъ. Бѣдная м-ссъ Стобелль пишетъ, что онъ не желаетъ брать ее.

— Хотѣла бы я, чтобы онъ былъ *моимъ* мужемъ!—заклчила она угрожающимъ тономъ.

Они застали Стобеллей за чаемъ. Дамы поцѣловались.

— Какой милый сюрпризъ!—проговорила м-ссъ Стобелль, усаживая гостей, причемъ м-ссъ Чокъ помѣстилась насупротивъ м-ра Стобелли.

— Ну, что, вы слышали, конечно, о поѣздѣ?—громко начала м-ссъ Чокъ, принимая изъ рукъ хозяйки чашку чая.

— О какой поѣздѣ?—проговорила м-ссъ Стобелль, трепетавшая передъ своимъ супругомъ.

— О поѣздѣ на яхтѣ, разумѣется. Она принесетъ вамъ

громадную пользу и подрумянить немного ваши щеки, моя милая,—ласково проговорила м-ссь Чокъ.

М-ссь Стобелль вспыхнула. Это была маленькая, поблекшая женщина. Глаза, волосы, щеки — все въ ней словно поблекло. Носились слухи, что и самая ея любовь къ м-ру Стобеллю начинает блекнуть.

— Я думаю,—началь дипломатически м-ръ Чокъ, терзаясь мыслью, что онъ еще не исполнилъ возложеннаго на него порученія: объявить м-ссь Чокъ ультиматумъ,—я полагаю, что м-ссь Стобелль освоится современемъ съ морскою болѣзью, а также съ бурями, циклонами, туманами и столбновеніями...

— Если вы перенесете ихъ, то перенесетъ и она!—сердито прервала его м-ссь Чокъ.

— Я не понимаю, о чемъ идетъ рѣчь, — спросилъ м-ръ Стобелль, сдвинувъ свои тяжелыя брови и принимаясь за второй ломоть хлѣба съ масломъ.

М-ссь Чокъ объяснила, и м-ссь Стобелль замѣтила, что, можетъ быть, дѣйствительно, поѣздка по морю принесетъ ей пользу,—она уже перепробовала много средствъ.

— М-ру Стобеллю давно слѣдовало объ этомъ подумать, душечка, но лучше поздно, чѣмъ никогда,—замѣтила м-ссь Чокъ.

— Дѣло въ томъ,—началь снова м-ръ Чокъ,—что еслибы море не оказалось полезнымъ для м-ссь Стобелль, ей уже нельзя было бы вернуться. А безъ сомнѣнія, такая поѣздка сильно потрясетъ ея нервы.

— Нѣтъ, не потрясетъ,—изрекъ м-ръ Стобелль, отирая усы.

— Развѣ она хорошо переноситъ море?—освѣдомился м-ръ Чокъ, дивясь такому замѣчанію.

— Не знаю, но эта поѣздка не потрясетъ ея нервы: она не поѣдетъ,—заклучилъ м-ръ Стобелль, передавая свою чашку.

М-ссь Чокъ вскрикнула и обмѣнялась съ м-ссь Стобелль взглядомъ, полнымъ огорченія, а хозяинъ, объяснивъ положеніе дѣла, принялся за ѣду.

— Развѣ вы не думаете, что поѣздка можетъ принести ей пользу?—выговорила наконецъ м-ссь Чокъ.

— Можетъ принести, а можетъ и не принести.

— Но вѣдь можно попробовать,—наставвала м-ссь Чокъ,—наконецъ, это избавляетъ васъ отъ массы расходовъ... Я, на-примѣръ, рассчитываю запереть домъ и распустить слугъ, ихъ содержаніе такъ дорого стоитъ... А главное—подумайте объ ея здоровьи! Она такъ измѣнилась послѣ этого бронхита. Подумайте, что бы вы стали дѣлать, какъ упрекать себя, еслибы съ нею

что-нибудь случилось! Вы не вернете ее, если она уйдет *туда*...

— Куда?—довольно невнимательно осведомился м-ръ Стобелль.

— Я хочу сказать: если она умретъ.

— Всѣ мы умремъ современемъ, — философски замѣтилъ супругъ, — а ей сорокъ-шесть лѣтъ.

— Исполнится въ сентябрѣ, Робертъ, — довольно рѣшительно поправила вроткая м-ссь Стобелль.

— Не очень пріятно быть погребеннымъ въ морѣ, — замѣтилъ м-ръ Чокъ, причеиъ глаза м-ссь Стобелль расширились отъ ужаса, а м-ссь Чокъ метнула своему мужу угрожающій взглядъ.

— Мы желаемъ ѣхать въ качествѣ троиъ веселыхъ холостяковъ, — замѣтилъ безчувственный Стобелль, открыто подмигивая Чоку.

— Въ самомъ дѣлѣ? — воскликнула, выпрямляясь, м-ссь Чокъ. — Но вы забываете, что ѣду я!

— Ну, будетъ двое веселыхъ холостяковъ.

— Нѣтъ, — возразила м-ссь Чокъ, — я не поѣду одна; если м-ссь Стобелль не ѣдетъ, я тоже остаюсь дома.

Лицо м-ра Стобелля прояснилось, выраженіе рта смягчилось, и мрачные глаза сдѣлались почти добрыми.

— Самое лучшее мѣсто для дамъ, — проговорилъ онъ любовно, — вы можете каждый день навѣщать другъ друга, можете даже иногда и заночевать одна у другой.

Онъ взялъ кусочекъ кѣса и въ припадкѣ любезности предложилъ его и м-ссь Чокъ, но та нетерпѣливо отмахнулась, заявивъ, что она рѣшила не ѣхать безъ м-ссь Стобелль.

— А онъ, — продолжала она, сурово кивнувъ въ сторону мужа, — не поѣдетъ безъ меня. Не отпущу его ни на шагъ!

При такомъ заявленіи Чокъ едва не лишился чувствъ, а Стобелль, сдѣлавъ страшные глаза, оперся обѣими руками на столъ.

— Мнѣ кажется... — началъ-было онъ.

— Знаю, что вамъ *кажется*, но вотъ какъ оно *есть* на самомъ дѣлѣ. Если вы желаете имѣть спутникомъ моего мужа, то должны взять и меня, а если вы желаете имѣть меня, то должны взять и свою жену...

— Еще кого?—съ большою горечью спросилъ Стобелль.

— *Мой* мужъ не можетъ быть счастливъ безъ *меня*, — объявила она, игнорируя дерзкій вопросъ, — не правда ли, Томасъ?

— Нѣтъ, — цоперхнулся м-ръ Чокъ.

— Мы ѣдемъ очень далеко, — сказалъ м-ръ Стобель.

— Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

— Въ страны, населенныя дикарями, людоедами...

— Они не съѣдятъ ее, — возразила м-ссъ Чокъ, оглядѣвъ хрупкую фигурку своей пріятельницы, — при васъ, по крайней мѣрѣ.

— Я не желаю подвергать ее опасности, — заговорилъ Стобель, — да она и сама не пожелаетъ ѣхать.

— Я желаю раздѣлить съ тобою опасности, Робертъ, — отозвалась м-ссъ Стобель.

— Скажи безъ увертокъ: хочешь ты ѣхать или нѣтъ? — командовалъ онъ, замѣтивъ какъ она переглянулась съ м-ссъ Чокъ.

М-ссъ Стобель затрепетала.

— Она не желаетъ, чтобы изъ-за нея остался м-ръ Чокъ и...

— Оставь это, — прервалъ Стобель. — Ты хочешь ѣхать?

— Да!

Съ секунду онъ глядѣлъ на нее, не вѣря своимъ ушамъ, а затѣмъ крикнулъ голосомъ, отъ котораго дрогнули и задрезжали чашки:

— Хорошо, ты поѣдешь!

Торжествующая м-ссъ Чокъ заговорила о новыхъ платьяхъ и покупкахъ для поѣздки, и возбѣшенный Стобель, не будучи въ состояніи этого выносить, всталъ изъ-за стола, предложивъ Чоку выкурить трубку въ саду, отъ чего тотъ благоразумно уклонился во избѣжаніе жестовой нотации.

Нотацию ему все же пришлось выслушать на слѣдующій день по пути въ Биддлькомбъ, и только видъ заново выкрашенной шкуны и ожидавшаго ихъ у лѣстницы капитана Брискета вернулъ ему хорошее настроеніе.

— Намъ посчастливилось, джентльмены, — сказалъ капитанъ, провожая ихъ наверхъ, — видите этого человѣка? — онъ указалъ на худощаваго, сумрачнаго малаго, ожидавшаго ихъ на палубѣ: — это Питеръ Дѣккетъ. Какъ онъ управляется съ командою — описать невозможно, какъ править кораблемъ — вообразить нельзя.

— Это хозяева, Питеръ, — обратился онъ къ сумрачному субъекту, который, снявъ колпакъ, прочистилъ горло и замѣтилъ, что погода прекрасная.

— Не очень разговорчивъ, но зато на дѣло — первый человекъ, — шепнулъ веселый Брискетъ, а теперь не угодно ли вамъ, джентльмены, осмотрѣть судно?

На борту „Красавицы Эмили“ все оказалось въ образцовомъ порядкѣ. Взоръ м-ра Чока мгновенно пріобрѣлъ блескъ,

походка его—эластичность. Онъ носился съ бака въ каюту, изъ каюты въ камбузъ и, наконецъ, въ качествѣ человѣка, довольно напрактиковавшагося въ лазаніи на вышку, взобрался на самую верхушку гротъ-мачты, откуда привѣтствовалъ изумленныхъ друзей.

Послѣ внимательнаго осмотра джентльмены отбыли на берегъ, въ гостиницу, куда къ нимъ долженъ былъ присоединиться и капитанъ Брискетъ для обсужденія разныхъ подробностей.

Вернувшись на корабль, капитанъ Брискетъ посоветовалъ ожидавшему его Питеру Дѣккету „поменьше болтать объ этой поѣздкѣ“ и вербовать матросовъ—предпочтительнѣе не изъ числа уроженцевъ Биддлькомба.

— Почему?—спросилъ боцманъ.

— Потому что тутъ что-то кроется, — замѣтилъ Брискетъ, понижая голосъ, — не такіе они люди, — за исключеніемъ Чока, разумѣется, — чтобы крейсировать среди острововъ для собственнаго удовольствія. Понялъ?

М-ръ Дѣккетъ съ хитрымъ видомъ кивнулъ головою, но промолчалъ.

— Ладно. Ужъ наwerbueмъ экипажъ, какой полагается. Ни одного здѣшняго. Они ненадежны. Ну, а какъ же насчетъ виски, о которомъ ты такъ много толковалъ?

Съ англ. О. Ч.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1906.

Высочайшіе приемы 18-го и 21-го іюня. — Рѣчи членовъ „отечественнаго союза“, „битовныя группы“ и „преобладающій голосъ“. — Основныя черты официально проектируемой Государственной Думы. — Абсентеизмъ или участіе въ выборахъ? — Военное положеніе и „законный терроръ“. — Законъ, охраняющій законность. — Затяженіе польскихъ національ-демократическихъ группъ въ совѣтъ министровъ.

Послѣ памятнаго дня 6-го іюня въ Петергофскомъ дворцѣ состоялись еще два приема, обратившіе на себя, хотя и въ гораздо меньшей степени, вниманіе общества. 18-го іюня с.-петербургскій и московскій губернскіе предводители дворянства, графъ В. В. Гудовичъ и кн. П. Н. Трубецкой, представили Государю Императору всеподданнѣйшую записку, подписанную 26-ю губернскими предводителями. Текстъ этой записки, къ сожалѣнію, еще не обнародованъ: извѣстно только, что авторы ея стали всецѣло на сторону земскихъ и городскихъ дѣятелей, отъ лица которыхъ говорила депутація 6-го іюня. Вмеѣстѣ съ ними, губернскіе предводители указываютъ на опасность длящагося разлада страны съ правительствомъ и видятъ въ скорѣйшемъ созывѣ выборныхъ отъ народа людей единственное средство къ успокоенію Россіи. Государь Императоръ высказалъ свое сочувствіе содержанию записки губернскихъ предводителей.

Три дня спустя, 21-го іюня, Государь Императоръ изволилъ принять всеподданнѣйшій адресъ, поднесенный Ему, отъ имени „собравшихся въ Москвѣ людей всѣхъ званій и состояній“, гр. П. Шереметевымъ, гр. А. Бобринскимъ, гр. Дорреромъ, г.г. Кирѣевымъ, Нарышкинымъ, Расторгуевымъ, Матросовымъ и четырьмя крестьянами. Содержаніе адреса, прочитаннаго гр. П. С. Шереметевымъ, слѣдующее:

Великій Государь!

„Настойчивое стремленіе нѣкоторой части общества поколебать исторически выработавшійся государственный укладъ и желаніе навязать странѣ чуждые нашему быту, чуждые всему складу нашего общественнаго строя способы правленія побудили насъ сплотиться воедино, насъ, исповѣдующихъ, что правильное развитіе нашихъ государственныхъ началъ, при разрывѣ съ историческимъ народнымъ прошлымъ, — немислимо.

„Вмѣстѣ со всей русской землей мы жаждемъ уничтоженія того средостѣнія, которое въ теченіе долгихъ лѣтъ понемногу созидалось и съ каждымъ годомъ все болѣе крѣпло между живыми общественными силами и Самодержцемъ. Постигшія насъ на Дальнемъ Востокѣ бѣдствія обострили господствующую смуту, которая пагубно вліяетъ на ходъ военныхъ дѣйствій. Но мы вѣримъ, что съ помощью Божіей Россія, единеніемъ сыновъ своихъ, выйдетъ изъ этого испытанія безъ ущерба своего достоинства, своей чести. Путь къ умиротворенію смуты внутренней указанъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Радостнымъ благовѣстомъ откликнулся въ сердцахъ нашихъ возвѣщенный съ высоты Престола 18-го февраля сего года призывъ выборныхъ отъ населенія людей къ участію въ разработкѣ законодательныхъ предположеній.

„Драгоценны для всякаго русскаго слова Вашего Величества:

„Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ“.

„Государь! Вся Россія, всѣ Ваши вѣроподданные видятъ въ словахъ этихъ залогъ обновленія и вѣщаго преуспѣянія нашего отечества. Мы видимъ въ нихъ восстановленіе того древняго порядка, при которомъ, оставляя за собою полноту власти и свободу рѣшенія, Русскіе Цари благословенно выслушивали правдивый, безкорыстный голосъ лучшихъ выборныхъ людей.

„Да будетъ голосъ этотъ и впредь вѣрнымъ выразителемъ всѣхъ нуждъ народа и, какъ встарь, да послужитъ онъ для Царя и Россіи источникомъ ихъ могущества и славы.

„Мы полагаемъ, что только избранные по отдѣльнымъ, связаннымъ между собою, бытовымъ группамъ населенія явятся вѣрными выразителями мыслей и потребностей всего народа въ его совокупности.

„Царю Самодержавному при изъявленіи Своей Монаршей Воли необходимо знать, изъ какой среды исходятъ тѣ или иныя мнѣнія и пожеланія и выслушать голосъ всѣхъ отдѣльныхъ бытовыхъ сословій.

„При производствѣ выборовъ отъ смѣшанныхъ между собою слоевъ населенія нѣкоторые изъ нихъ, и даже самые многочисленныя, легко могутъ быть лишены возможности высказывать предъ Вами, Государь, свои насущныя нужды. Лица, избранныя такимъ путемъ, возмнивъ себя представителями страны, явятся новой, горшей преградой между Царемъ и народомъ.

„Не допусти, Государь, чтобы между Тобой и землей воздвиглась эта новая стѣна. Непосредственно выслушай, Великій Печальникъ земли русской, нужды всѣхъ слоевъ народа Твоего, черезъ выбранныхъ ими изъ своей среды излюбленныхъ людей“.

По прочтеніи адреса произнесъ рѣчь гр. А. А. Бобринскій, гласный с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія и с.-петербургской городской думы. „Не мы первые“,—сказалъ онъ, между прочимъ,—„дерзнули беспокоить Ваше Величество; но теперь, когда рѣчи нѣкоторыхъ лицъ сдѣлались общимъ достояніемъ и печать приписываетъ имъ значеніе голоса всей земской и мыслящей Россіи,—намъ, такимъ же земскимъ людямъ, такъ же близко стоящимъ къ землѣ и въ не менѣе многочисленномъ составѣ, намъ, не раздѣляющимъ высказанныхъ передъ Вашимъ Величествомъ мнѣній,—грѣшно молчать.

„Государь! Земля наша велика и обильна и различныхъ мнѣній въ ней множество. Но что именно думаетъ вся Россія—этого сказать никто не можетъ, потому что Россія молчитъ, а говорятъ лишь немногіе. Мы не дерзаемъ высказаться отъ лица всей страны, но смѣемъ завѣрить Ваше Величество, что исповѣдуемъ убѣжденія множества вѣрноподанныхъ Вашихъ. Отъ ихъ имени мы прежде всего молимъ Васъ, Государь: не заключайте обиднаго для Россіи мира. Томительна, тягостна, грустна война,—но, какъ бы тяжело намъ всѣмъ ни было,—не довершайте этой чаши бѣдствій позоромъ, который страна не въ силахъ перенести.

„Ваше Величество упомянули объ ожидающихъ насъ новыхъ бѣдствіяхъ, и мы спѣшимъ откликнуться на слова Ваши и сказать: Государь! Вамъ нужны люди—берите ихъ. Еще много на Руси молодыхъ силъ, готовыхъ лечь костями за отечество. А если ихъ не хватитъ, то на что-нибудь годны же и мы, старики, хотя бы для гарнизонной службы. До тѣхъ поръ, пока каждый изъ насъ, и младъ и старъ, не встанетъ подъ ружье,—не заключайте постыднаго мира. Вамъ нужны средства,—но обложенія насъ не страшатъ; не въ первый и не въ послѣдній разъ принесетъ Россія свое достояніе на алтарь отечества.

„Вамъ говорили, Государь, что Русскій Царь уже не Царь дворянъ и не Царь крестьянъ,—и болѣзненно содрогнулось сердце дворянства, свято памятуя слова державныхъ предковъ Вашихъ, называвшихъ себя первыми дворянами Россіи. А что до крестьянства, то кто отважится ему сообщить, что отнынѣ Русскій Царь не его Царь?

„Нѣтъ, Государь! Вы попрежнему Царь дворянъ и Царь крестьянъ, и всѣхъ другихъ сословій, и Царь cadaго изъ насъ. Именно потому, что Царь всея Руси есть Царь cadaго и всѣхъ—Онъ является естественнымъ представителемъ всего русскаго народа. Онъ одинъ—и никто иной.

„Нынѣ, когда Вашему Величеству благоугодно увѣнчать завѣтныя пожеланія Вашихъ подданныхъ и осчастливить Россію призывомъ къ совѣту выборныхъ людей, мы просимъ Ваше Величество вызвать этихъ избранныхъ изъ освященныхъ исторіей нашей бытовыхъ группъ. Къ такимъ выборамъ Россія давно привыкла. Они представляютъ вамъ лицъ опытныхъ и разумныхъ, хорошо освѣдомленныхъ объ истинныхъ нуждахъ своихъ согражданъ. Иначе, выборы выдвинуть

разрядъ людей, которыхъ мы опасаемся и съ которыми Россія хорошо знакома по ихъ разрушительной дѣятельности. Это люди словоохотливые, одаренные краснорѣчіемъ, но для которыхъ суть дѣла и корень вопросовъ всегда готовы ступеваться передъ красотой слова. Такіе представители неминуемо образуютъ между Царемъ и народомъ преграду, черезъ которую голосу народа трудно будетъ восходить до Вашего Величества.

„Государы! Избавьте насъ отъ этого средостѣнія путемъ установленія выборовъ отъ бытовыхъ группъ. Тогда и только тогда Вы всегда будете слышать истинный голосъ народа Вашего, голосъ простой, быть можетъ, не краснорѣчивый, но исполненный правды и вѣрнопопуданнической преданности Россіи и своему Государю“.

А. А. Нарышкинъ, гласный орловскаго губернскаго земскаго собранія, не осуждая общественныхъ дѣятелей, представители которыхъ были выслушаны 6-го іюня, не нашелъ возможнымъ „признать ихъ заключенія за выраженіе мнѣній цѣлой страны“. Русскому государственному строю, по словамъ А. А. Нарышкина, „несвойственно представительство въ смыслѣ органа народнаго самодержавства (да въ этомъ призрачномъ понятіи уже разочаровались), ибо державныя права Руси Великой воплощаются въ лицѣ Царя. Между тѣмъ, въ самое послѣднее время распространилась тревожная молва о возможности воспринятія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ заключеній, именно объ основаніяхъ избирательнаго порядка, представляющаго опасность такого подбора выборныхъ, при коемъ собраніе являлось бы не совѣтомъ земли, какимъ были наши старыя земскіе соборы, а попыткой парламентарнаго учрежденія, съ тѣми послѣдствіями, которыя и на Западѣ вызываютъ жалобы со стороны многихъ мудрѣйшихъ людей“.

„Наконецъ, хотя изъ Московскаго Царства Россія стала міровою Имперією, включившею въ себя многія разноплеменные народности, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ свое историческое прошлое, и справедливость, безъ сомнѣнія, требуетъ предоставить имъ выражать свои мнѣнія и нужды чрезъ своихъ выборныхъ—но она должна сохранить образъ государства національнаго: преобладающій голосъ принадлежить въ немъ, по праву, тому народу, который создалъ великую державу и выносить ее изъ всякихъ бѣдъ и испытаній на своихъ плечахъ“. Послѣ А. А. Нарышкина говорили еще мѣщанинъ Матросовъ и крестьянинъ Гришинъ. Государь Императоръ удостоилъ собравшихся слѣдующими словами:

„Искренно благодарю васъ всѣхъ, господа, и васъ также, братья, за мысли и чувства, которыя привели васъ ко Мнѣ.“

„Мнѣ въ особенности отрадно то, что нами руководили чувства преданности и любви къ родной старинѣ.“

„Только то государство сильно и крѣпко, которое свято хранить завѣты прошлаго. Мы сами противъ этого погрѣшили, и Богъ за это, можетъ быть, насъ и караетъ.

„Что же касается опасеній, вами выраженныхъ,—скажу вамъ, что сама жизнь укажетъ намъ пути къ устраненію тѣхъ несовершенствъ и погрѣшностей, которыя могутъ оказаться въ такомъ новомъ и большомъ дѣлѣ, которое Я задумалъ на благо всѣхъ Моихъ подданныхъ.

„Убѣжденъ, что вы всѣ и каждый въ своемъ кругу поможете Мнѣ водворить миръ и тишину въ землѣ нашей и тѣмъ самымъ сослужите Мнѣ ту службу, которую Я отъ всѣхъ вѣрныхъ Моихъ подданныхъ ожидаю, въ чемъ Господь Богъ вамъ и да поможетъ“.

Кого представляла собою депутація 6-го іюня—это, въ главныхъ чертахъ, извѣстно широкимъ кругамъ русскаго общества, несмотря на вѣдшія препятствія, мѣшающія говорить о томъ прямо и свободно. Менѣе ясенъ источникъ полномочій, на основаніи которыхъ дѣйствовала депутація 21-го іюня. Судя по статьѣ одного изъ ея членовъ (генерала Кирѣева), напечатанной въ № 10541 „Новаго Времени“, она представляла собою „Отечественный союзъ“—но что такое этотъ союзъ, какъ великъ его составъ, каковы условія вступленія въ его среду? Гласныхъ отвѣтовъ на эти вопросы мы до сихъ поръ не встрѣчали; мы не знаемъ, чѣмъ руководствовались ораторы 21-го іюня, утверждая, что за ними стоятъ многочисленныя единомышленники. Допустимъ, однако, что мнѣнія, ими выраженыя, распространены не только въ искусственно сложившейся средѣ—и посмотримъ, къ чему они стремятся, что хотятъ сохранить и чего достигнуть. Имъ дорога неприкосновенность „освященныхъ исторіей нашей бытовыхъ группъ“, „отдѣльныхъ бытовыхъ сословій“; они думаютъ, что „только избранныя по отдѣльнымъ, связаннымъ между собою бытовымъ группамъ населенія явятся вѣрными выразителями мнѣній всего народа въ его совокупности“. Совершенно невѣрна здѣсь уже исходная точка—отожествленіе *сословій* съ *бытовыми группами*. Чѣмъ бы ни были у насъ сословія первоначально, теперь ни одно изъ нихъ не образуетъ бытового цѣлаго; каждое сословіе, объединенное исключительно вѣдшнею связью, распадается на множество бытовыхъ группъ, существенно различныхъ или даже враждебныхъ между собою. Помѣстное дворянство, рѣзко отличное отъ чиновнаго, въ свою очередь тянетъ въ разныя стороны, вырабатываетъ разныя формы жизни; съ каждымъ днемъ усиливается рознь въ средѣ крестьянства; совершенно исчезла замкнутость, обособленность городскихъ сословій. Изъ всѣхъ выборовъ, практиковавшихся до сихъ поръ, къ наименѣе удачнымъ результатамъ всегда приводили именно выборы сословныя; доказательство этому можно найти на каждой стра-

лицѣ исторіи дворянства. Совершенно необъяснимо, какимъ образомъ избранныки отдѣльныхъ группъ, собравшись вмѣстѣ, могутъ оказаться „выразителями мыслей всего народа въ его совокупности“. Выставивъ такое положеніе, адресъ „Отечественнаго союза“ спѣшитъ его разрушить: провозглашается необходимость знать, „изъ какой среды исходятъ тѣ или нныя мнѣнія и пожеланія“, необходимость выслушать „голосъ всѣхъ отдѣльныхъ бытовыхъ сословій“. Итакъ, важно не самое мнѣніе — важенъ его источникъ. Прислушиваться нужно не столько къ тому, *что говорится*, сколько къ тому, *кто говоритъ*? Звучать, въ собраніи выборныхъ людей, долженъ не голосъ народа, а рядъ сословныхъ голосовъ, не равносильныхъ и не равноцѣнныхъ? Не подтверждаются ли этимъ слова кн. С. Н. Трубецкого, которыя пытался опровергнуть одинъ изъ ораторовъ 21-го іюня: „сословное представительство неизбежно должно породить сословную рознь“?... Съ особенною ясностью желаніе поддержать сословныя рамки—и въ особенности дворянскія привиллегіи—выразилось въ томъ мѣстѣ рѣчи гр. Бобринскаго, которое служило отвѣтомъ на слова кн. С. Н. Трубецкого: „русскій царь—не царь дворянъ, не царь крестьянъ или купцовъ, не царь сословій, а царь всея Руси“. При этихъ словахъ,—воскликнулъ гр. Бобринскій,—„болѣзненно содрогнулось сердце дворянства, свято памятующаго, что державные предки Ваши называли себя первыми дворянами Россіи“. Здѣсь съ ораторомъ разошелся даже одинъ изъ членовъ „Отечественнаго союза“, г. Башмаковъ—а въ сущности и товарищъ гр. Бобринскаго по депутаціи, генералъ Кирѣевъ ¹⁾. Послѣдній увѣряетъ, что въ фразѣ гр. Бобринскаго „нѣтъ и тѣни желанія сдѣлать изъ нашего отца-самодержца le premier gentilhomme de Russie“. Какой же, однако, иной смыслъ можетъ имѣть ссылка гр. Бобринскаго на слова, „свято памятуемая дворянствомъ“?...

Принимая на себя мало свойственную имъ роль заступниковъ народа, члены „Отечественнаго союза“ утверждаютъ, что „при производствѣ выборовъ отъ смѣшанныхъ между собою слоевъ населенія нѣкоторые изъ нихъ, и даже самые многочисленныя, легко могутъ быть лишены возможности высказывать передъ Государемъ свои насущныя вужды“. Бояться чего-либо подобнаго можно было бы развѣ въ случаѣ установленія высокаго имущественнаго ценза, какъ необходимаго условія для участія въ выборахъ: тогда масса населенія, дѣйствительно, осталась бы внѣ той привилегированной сферы, которую во Франціи временъ Людовика-Филиппа называли „легальной страной“ (pays légal). Но вѣдь меньше всего за такой цензъ стоятъ именно тѣ,

¹⁾ См. „Слово“, № 192, и „Новое Время“, № 10531.

которымъ возражаетъ „Отечественный союзъ“: они всѣ—сторонники всеобщей подачи голосовъ, расходящіеся между собою только по вопросу о моментѣ ея введенія. Какимъ образомъ при всеобщей подачѣ голосовъ (или при временномъ ея суррогатѣ, отводящемъ достаточно мѣста голосу народа) могутъ остаться не высказанными народныя нужды—это тайна „Отечественнаго союза“. Столь же непонятно и другое его опасеніе, выраженное и въ адресѣ, и въ рѣчи гр. Бобринскаго: опасеніе, что бессословные выборы создадутъ новое „средоствѣніе“ между Государемъ и землею, „новую горшующую преграду“, черезъ которую голосу народа трудно будетъ восходить до престола. „Средоствѣніемъ“ служила и служить бюрократія, косная, себялюбивая, властная, прямо заинтересованная во всеобщемъ молчаніи; не можетъ служить имъ собраніе, избираемое лишь на время, соединяющее въ себѣ самыя различныя оттѣнки мнѣній, не располагающее исполнительною властью, не имѣющее другой точки опоры, кромѣ сочувствія народа. И почему же бессословные выборы должны выдвинуть „разрядъ людей, съ которыми Россія хорошо знакома по ихъ разрушительной дѣятельности—людей словоохотливыхъ, краснорѣчивыхъ, но для которыхъ суть дѣла и корень вопросовъ всегда готовы ступеваться передъ красотою слова“? Если такой „разрядъ людей“ и существуетъ, то гдѣ же основаніе думать, что на его сторонѣ шансы успѣха? Силу, въ политической борьбѣ, даетъ убѣжденіе, глубокое и твердое,—а что же это за убѣжденіе, которое не можетъ устоять противъ красоты слова? И развѣ краснорѣчіе составляетъ монополію одной группы, одной партіи?.. Во всѣхъ рѣчахъ, произнесенныхъ членами „Отечественнаго союза“, слышится страхъ передъ противниками, передъ равными условіями боя—страхъ, заставляющій искать окоповъ, за которыми удобнѣе и безопаснѣе было бы сражаться; роль такихъ окоповъ должны сыграть сословныя перегородки. Забыто при этомъ только одно: страхъ—плохой залогъ побѣды.

Остановимся еще на одной мысли, общей, повидимому, всѣмъ представителямъ „Отечественнаго союза“. Признавая за разноплеменными народностями Россіи право выражать свои мнѣнія и нужды черезъ своихъ выборныхъ, г. Нарышкинъ утверждаетъ, что „преобладающій голосъ долженъ принадлежать тому народу, который создалъ великую державу и выносить ее изъ всякихъ бѣдъ и испытаній на своихъ плечахъ“. Безспорно, наиболѣе многочисленное изъ племенъ, обитающихъ въ Россіи, должно располагать и большинствомъ голосовъ въ народномъ собраніи; но вѣдь этотъ результатъ, при сколько-нибудь правильной системѣ выборовъ, будетъ достигнуть самъ собою. Неразумны и несправедливы были бы искусственныя мѣры, направленныя къ той же цѣли: неразумны—потому, что изъ-за нихъ неминуемо обостри-

лась бы племенная вражда; несправедливы—потому, что права гражданина обуславливаются не долей участія его предковъ въ созданіи государства, а тѣми обязанностями, которыя онъ самъ несетъ по отношенію къ государству. „Испытанія и бѣдствія“, переносимыя государствомъ, ложатся одинаково на всѣ его составныя части, давнишнія и недавнія. Ничѣмъ, слѣдовательно, не оправдывалась бы попытка перенести въ новый политическій строй различіе между народностями полноправными и неполноправными, существующее въ настоящее время,—а между тѣмъ именно такую попытку рекомендуетъ г. Нарышкинъ, если только въ его словахъ, приведенныхъ выше, заключается нѣчто большее, чѣмъ громкая фраза.

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, работа, предпринятая на основаніи Высочайшаго рескрипта 18-го февраля, закончена или близка къ окончанію. Совѣщаніе, о которомъ говорилось въ рескриптѣ, повидимому, созвано не будетъ, и обнародованія закона о Государственной Думѣ слѣдуетъ ожидать въ весьма скоромъ времени. Текстъ закона, въ его послѣдней редакціи, еще неизвѣстенъ, но общій его характеръ вытекаетъ съ достаточною ясностью изъ сообщеній, появившихся въ печати. Что Государственной Думѣ предоставляется только совѣщательный голосъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но не этимъ однимъ, повидимому, она будетъ отличаться отъ обычнаго типа народнаго представительства. Ее предполагается раздѣлить на десять отдѣловъ, изъ которыхъ каждый вѣдаетъ особую группу дѣлъ; всякій вопросъ разсматривается сначала въ соответственномъ отдѣлѣ и потомъ уже поступаетъ, съ заключеніемъ отдѣла, на разсмотрѣніе общаго собранія Думы. Въ Западной Европѣ въ составъ палатъ образуются иногда такъ называемыя бюро, между которыми члены палаты распределяются по жребію; но бюро не разсматриваютъ дѣлъ по существу, а ограничиваются избраніемъ членовъ въ комиссіи, когда учрежденіе ихъ признается необходимымъ. Комиссія, составленная изъ избранниковъ всѣхъ бюро, представляетъ собою, слѣдовательно, *все* собраніе. Отдѣлы, проектируемые гофмейстеромъ Булыгинымъ, несходны ни съ западно-европейскими бюро, ни съ западно-европейскими комиссіями: съ бюро—потому что являются первой инстанціей для всякаго дѣла, вносимаго въ Думу, съ комиссіями—потому что выборъ комиссій, въ *составъ отдѣла*, предусматривается особо. Прибавимъ къ этому, что никто изъ членовъ Думы не можетъ состоять одновременно въ двухъ отдѣлахъ—и мы получимъ сумму потерь, вносимыхъ существованіемъ отдѣловъ въ дѣятельность думы. Невозможнымъ, во-первыхъ, является участіе въ комиссіи для тѣхъ членовъ

Думы, которые, обладая необходимыми въ данномъ случаѣ свѣдѣніями и опытностью, не входятъ въ составъ избирающаго комиссію отдѣла. Невозможно, во-вторыхъ, включеніе въ отдѣлъ, при разсмотрѣніи даннаго вопроса, наилучше знакомыхъ съ нимъ лицъ, если они состоятъ членами другого отдѣла. Еще важнѣе медленность, вносимая въ ходъ дѣла разсмотрѣніемъ его сначала въ комиссіи отдѣла, потомъ въ отдѣлѣ, наконецъ, въ общемъ собраніи Думы. Многочисленность инстанцій уменьшаетъ, обыкновенно, степень вниманія къ дѣлу: первая инстанція можетъ успокаивать себя мыслью, что дѣло будетъ разсмотрѣно еще разъ, вторая инстанція можетъ слишкомъ довѣрчиво относиться къ тому, что сдѣлано первою. Ни для кого не тайна, что въ общемъ собраніи государственнаго совѣта обсужденіе дѣла имѣеть, болѣею частью, чисто формальный характеръ, именно потому, что ему предшествуетъ разбирательство въ департаментѣ или въ соединенныхъ департаментахъ. Примѣненіе въ Государственной Думѣ порядка, столь мало оправдываемаго практикою, не можетъ быть названо счастливою мыслью составителей проекта.

Если раздѣленіе на отдѣлы устанавливаетъ сходство между Государственной Думой и государственнымъ совѣтомъ, то многія другія черты ея устройства унодобляютъ ее присутственному мѣсту вообще. Сюда относится *назначеніе* председателя Думы и его замѣстителя, председателей отдѣловъ и ихъ замѣстителей, секретаря Думы и его товарища, секретарей отдѣловъ и ихъ помощниковъ—т.-е. введеніе бюрократическаго элемента именно туда, гдѣ онъ всего менѣе уместенъ. Исторія знаетъ примѣры назначенія—болѣею частью неудачные—президента и вице-президентовъ палаты (назовемъ хотя бы законодательный корпусъ времени второй имперіи), но даже тогда должности секретарей замѣщались по выбору. На секретаря Думы возлагается вдобавокъ обязанность представлять Думѣ, въ случаѣ надобности, объясненія и заключенія объ отношеніи обсуждаемаго дѣла къ постановленіямъ дѣйствующаго законодательства—обязанность, вполне соответствующая положенію государственнаго секретаря, но вовсе не подходящая къ призванію секретаря представительнаго собранія. Еще больше напоминаютъ собою наказъ присутственному мѣсту правила о послѣдствіяхъ неразсмотрѣнія Думою внесенныхъ на ея обсужденіе законодательныхъ предположеній. Если слушаніе дѣла два раза сряду не состоится за неприбытіемъ въ Думу положеннаго числа членовъ, то министр, которымъ дѣло внесено, можетъ требовать перенесенія его въ государственный совѣтъ, которымъ оно разсматривается безъ заключенія Думы. Въ случаѣ замѣченной Государемъ медленности Думы, государственный совѣтъ назначаетъ срокъ, въ которому должно послѣдовать заключеніе Думы, и если отзывав

Думы къ этому сроку не будетъ получено, приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣла, не выжидая заключенія Думы. Безъ заключенія Думы можетъ быть разсмотрѣнъ государственнымъ совѣтомъ, въ случаѣ истеченія установленныхъ сроковъ, и проектъ государственной росписи; отъ государственнаго совѣта зависитъ, когда онъ найдетъ это нужнымъ, возвратитъ дѣло Думѣ для пересмотра и дополнительнаго заключенія. Все это было бы немислимо, еслибы Государственная Дума разсматривалась какъ то, чѣмъ она должна быть—какъ народное собраніе, призванное къ дѣятельному участію въ государственной жизни.

Съ большою ясностью подчиненное положеніе, отводимое Государственной Думѣ, отражается и въ постановленіяхъ о пространствѣ ея власти (послѣднее слово такъ мало соответствуетъ содержанию проекта, что звучитъ почти иронически) и о порядкѣ производства подвѣдомственныхъ ей дѣлъ. Государственной Думѣ вмѣняется въ обязанность не удалаться отъ существа дѣлъ, ей предоставленныхъ, и основывать свои заключенія на сужденіяхъ положительныхъ. Нелегко понять, почему основаніемъ для заключеній Думы не могутъ служить сужденія отрицательныя; нелегко понять также, какимъ образомъ Государственной Думѣ можетъ быть возбранено обсужденіе общихъ вопросовъ, хотя бы и не связанныхъ непосредственно и прямо съ существомъ слушаемаго дѣла.

Особенно опаснымъ вышеприведенное правило становится въ виду другихъ статей проекта, опредѣляющихъ степень власти председателя Думы. Разсужденія, удаляющіяся отъ вопроса и существа дѣла, обращаются къ нему председателемъ, который, при повтореніи такихъ отступленій, прекращаетъ самое разсужденіе и переходитъ къ предмету послѣдующему. Уклоненіемъ отъ существа дѣла слишкомъ легко можетъ быть признана всякая попытка обобщенія вопроса, въ особенности если она основана на „отрицательныхъ сужденіяхъ“,—и результатомъ такого признанія можетъ явиться не только стѣсненіе свободы отдѣльнаго оратора, но и совершенное прекращеніе преній по данному вопросу... Предложеніе одного или нѣсколькихъ членовъ Думы, которое председатель найдетъ несогласнымъ съ законами или выходящимъ изъ круга предметовъ вѣдомства Думы, не подлежитъ дальнѣйшему обсужденію; члены Думы, недовольные такимъ рѣшеніемъ председателя, имѣютъ право... изложить о томъ свое мнѣніе письменно и приобщить его къ журналу засѣданія. Государственная Дума ставится, такимъ образомъ, на одинъ уровень съ земскимъ собраніемъ или городской думой, хотя положеніе ея въ государственномъ строѣ совершенно иное: земскія собранія и городскія думы—учрежденія подзаконныя, между тѣмъ какъ Государственная Дума уча-

ствуетъ въ законодательной дѣятельности. Земскіе и городскіе гласные могутъ, притомъ, обжаловать дѣйствія своего предсѣдателя правительствующему сенату—а мыслима ли жалоба на предсѣдателя Государственной Думы? Неужели, наконецъ, предсѣдательскимъ veto могутъ быть остановлены даже такія предложенія или заявленія, которыя исходятъ отъ большинства Думы?

До крайности сложны и нецѣлесообразны условія, которыми проектъ обставляетъ пользованіе двумя правами, предоставляемыми Государственной Думѣ: правомъ законодательной инициативы и правомъ запроса министрамъ. Для того, чтобы получить дальнѣйшій ходъ, предложеніе объ изданіи новаго закона или объ отмѣнѣ или измѣненіи закона дѣйствующаго, идущее отъ членовъ Думы (въ числѣ не менѣе тридцати), должно — при несогласіи подлежащаго министра — быть одобрено большинствомъ двухъ третей голосовъ какъ въ соответствующемъ отдѣлѣ Думы, такъ и въ общемъ ея собраніи. *Дальнѣйшій ходъ* означаетъ, въ данномъ случаѣ, не разсмотрѣніе законопроекта на общемъ основаніи, а только рѣшеніе вопроса, слѣдуетъ ли приступить къ предполагаемой законодательной мѣрѣ. Въ случаѣ утвердительнаго разрѣшенія этого вопроса, составленіе законопроекта возлагается не на его инициаторовъ, не на комиссію или отдѣлъ Государственной Думы, а на подлежащаго министра, хотя бы онъ и являлся передъ тѣмъ принципиальнымъ противникомъ пережѣны. Нетрудно представить себѣ, во что обратится, при дѣйствіи подобныхъ правилъ, законодательная инициатива Государственной Думы... Не лучше поставлено и право запроса или, говоря языкомъ проекта, право просить о сообщеніи свѣдѣній министрами и главноуправляющими. Для предъявленія такой просьбы достаточно простого большинства голосовъ въ общемъ собраніи Думы; но если министръ не найдетъ возможнымъ сообщить просимыя свѣдѣнія, то единственнымъ результатомъ отказа является представленіе о томъ на Высочайшее благовозрѣніе. Для того, чтобы такое представленіе могло состояться, необходимо, притомъ, согласіе большинства двухъ третей голосовъ Государственной Думы.

Государственному совѣту проектъ гофмейстера Булыгина отводитъ роль верхней палаты, облеченной, притомъ—какъ мы видѣли выше,—нѣкоторыми начальственными правами по отношенію къ нижней. Къ этой роли онъ не приготовилъ ни своимъ прошедшимъ, ни настоящимъ. Состоя почти исключительно изъ должностныхъ лицъ, завершающихъ въ немъ свою служебную карьеру, онъ не имѣетъ ни той независимости, ни той энергии, ни той разносторонней осведомленности, безъ которыхъ немислимо прочное, реальное значеніе верхней палаты. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить цѣлый

рядъ послѣднихъ назначеній въ государственный совѣтъ, упавшихъ преимущественно на сторонниковъ, активных или пассивныхъ, прежняго режима. Безъ значительныхъ измѣненій въ своемъ составѣ государственный совѣтъ не могъ бы занять, съ пользой для дѣла, даже такого положенія, какое принадлежитъ учреждениямъ этого имени въ Западной Европѣ (гдѣ они принимаютъ участіе въ предварительной разработкѣ законопроектовъ). Въ основаніи верхнихъ палатъ, если онѣ не имѣютъ чисто выборнаго характера, лежитъ обыкновенно та или другая комбинація наслѣдственности, выборнаго начала, служебнаго права ¹⁾ и назначенія, причѣмъ послѣднее обусловлено, болѣею частью, принадлежностью назначаемаго къ одной изъ категорій, установленныхъ закономъ. Ничего подобнаго нашъ государственный совѣтъ собою не представляетъ. Между тѣмъ, движеніе законопроекта останавливается, по мысли гофмейстера Булыгина, только въ такомъ случаѣ, если противъ него выскажется большинство голосовъ и въ Государственной Думѣ, и въ государственномъ совѣтѣ. Другими словами, для того, чтобы онъ могъ стать закономъ, достаточно одобренія его государственнымъ совѣтомъ. Понятно, во что обращается народное представительство, если его несогласіе уравнивается согласіемъ бюрократическаго учрежденія, всегда склоннаго къ солидарности съ администраціей... Еще болѣе ограничены права Государственной Думы въ дѣлахъ финансовыхъ: она не можетъ возбуждать вопросовъ объ увеличеніи испрашиваемыхъ вѣдомствами кредитовъ или объ исключеніи изъ сметъ расходовъ, внесенныхъ на основаніи дѣйствующихъ законоположеній, штатовъ и Высочайшихъ повелѣній, а равно утвержденныхъ въ установленномъ порядкѣ предѣльныхъ бюджетовъ военнаго и морского вѣдомствъ. Сверхсметные кредиты могутъ быть испрашиваемы внѣ законодательнаго порядка, т.-е. совершенно помимо Думы; для министра финансовъ обязательно только доведеніе до свѣдѣнія Думы объ основаніяхъ ихъ и причинахъ, *за исключеніемъ ассигнованій, подлежащихъ тайнѣ.*

Гласность занятій Государственной Думы сведена къ минимуму. Публичность засѣданій устранена вовсе. Представители печати *могутъ быть* допускаемы предсѣдателемъ Думы, съ тѣмъ, чтобы сообщенія ихъ оглашались не иначе, какъ съ его разрѣшенія. Отъ усмотрѣнія предсѣдателя зависитъ, впрочемъ, сдѣлать засѣданіе совершенно закрытымъ, т.-е. устранить всякое сообщеніе о немъ въ печати. Чтѣ

¹⁾ Подъ служебнымъ правомъ мы понимаемъ занятіе такой должности, которая сама по себѣ открываетъ доступъ въ верхнюю палату (члены палаты *ex officio*).

означаетъ совокупность этихъ правилъ—понятно само собою. Гласность въ политической жизни—то же самое, что воздухъ въ жизни физической; безъ нея все гложеть, тускнѣеть, увядаетъ. Искусственная тишина благопріятствуетъ сдѣлкамъ съ совѣстью, гибкости убѣжденій; въ лучшемъ случаѣ она понижаетъ энергію, уменьшаетъ сумму работы, противодѣйствуетъ подъему духа. Какимъ образомъ, притомъ, избиратели могутъ судить о дѣятельности избираемыхъ, если о ней доходить до нихъ только скудные, неполныя, официально профильтрованныя свѣдѣнія? Чѣмъ меньше достовѣрныхъ сообщений, тѣмъ шире просторъ для слуховъ и догадокъ, тѣмъ больше вѣроятность ошибочныхъ сужденій, тяжело отзывающихся не только на отдѣльныхъ лицахъ, но и на самомъ правительствѣ. Если даже видѣть въ Думѣ только посредствующее звено между властью и страной, то и въ такомъ случаѣ необходима широкая гласность думскихъ засѣданій, какъ ручательство въ томъ, что голосъ Думы—дѣйствительно голосъ народа.

До крайности сложна избирательная система, вводимая проектомъ. Скопированная съ порядковъ, установленныхъ для земскихъ и городскихъ выборовъ, она оставляетъ внѣ права цѣлые классы населенія—и вмѣстѣ съ тѣмъ не примыкаетъ къ чему-либо существующему, могущему послужить прочной точкой опоры для вновь создаемаго порядка. Ни изъ чего не видно, однако, чтобы она имѣла только временный характеръ; срокъ полномочій Думы назначается пятилѣтній, безъ всякой оговорки относительно первыхъ выборовъ. Когда мы предлагали воспользоваться, на первый только разъ, губернскими земскими собраніями и городскими думами, въ усиленномъ, дополненномъ составѣ, мы видѣли въ этомъ переходную мѣру, осуществимую легко и быстро, обеспечивающую, въ значительной степени, независимость и сознательность выборовъ; мы думали, что избранное такимъ образомъ представительное собраніе ограничится проведеніемъ постоянного избирательнаго закона и нѣкоторыхъ другихъ, наиболѣе необходимыхъ реформъ—и затѣмъ уступить мѣсто другому, построенному на широкой основѣ всеобщаго голосованія. Со времени обнародованія Высочайшаго рескрипта, общаваго народное представительство, прошло почти полгода—и какіе полгода! Къ длинному ряду внѣшнихъ неудачъ присоединились еще двѣ, самыя тяжкія (Мукденъ, Цусима); внутренняя неурядица достигла своего апогея. Чтò могло быть достаточно нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, то въ настоящую минуту безсильно удовлетворить и самыя скромныя требованія... Мы продолжаемъ стоять за двухстепенные выборы, но отъ нихъ слишкомъ далека многостепенность, на которой построенъ проектъ гофмейстера

Булыгина ¹⁾. И это еще не все: каждой категоріи избирателей представляется избирать выборщиков только из своей среды (между тѣмъ какъ при дѣйствіи земскаго положенія 1864-го года крестьяне имѣли право выбирать гласныхъ изъ числа избирателей другихъ категорій). Ограничена и свобода выборщиковъ всѣхъ степеней: они могутъ выбирать только лицъ, вмѣстѣ съ ними состоящихъ выборщиками. Крупному землевладѣнію отведено такое привилегированное мѣсто, котораго оно не имѣло по положенію 1864-го года, не имѣетъ даже и по дѣйствующему земскому положенію: лица, владѣющія недвижимымъ имуществомъ, въ десять или еще болѣе разъ превышающимъ общую ценовую норму, образуютъ въ составѣ сѣзда уѣздныхъ избирателей особое присутствіе, и число выборщиковъ, избираемыхъ сѣздомъ, распределяется между сѣздомъ и особымъ присутствіемъ пропорціонально размѣрамъ имущества, принадлежащихъ прибывшимъ избирателямъ... Повѣрка правильности выборовъ возлагается на особыя уѣздныя и губернскія коммиссіи, на половину составленныя изъ назначенныхъ должностныхъ лицъ, и только въ высшей инстанціи принадлежитъ Правительствующему Сенату. Все это вмѣстѣ взятое устраняетъ возможность ожидать, что Государственная Дума, образованная согласно проекту гофмейстера Булыгина, окажется на высотѣ своего призванія и сумѣетъ преодолѣть трудности, число и важность которыхъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ, достигая уже теперь колоссальныхъ размѣровъ.

Пока проектъ гофмейстера Булыгина не вступилъ въ силу, еще не поздно сдѣлать попытку къ устраненію главныхъ его недостатковъ. Еще возможно, возвращаясь къ первоначальному плану, передать проектъ на разсмотрѣніе совѣщанія, въ которомъ участвовали бы, съ рѣшающимъ голосомъ, представители земствъ и городовъ; это успокоило бы общество и послужило бы гарантіей того, что представительныя учрежденія и избирательный законъ будутъ, дѣйствительно, соответствовать нуждамъ страны. „Призывать народно-общественныя силы къ законодательной работѣ“,—совершенно правильно замѣчаетъ кн. С. Н. Трубецкой ²⁾, — „и отстранять ихъ отъ участія въ самомъ важномъ изъ всѣхъ законодательныхъ актовъ—не есть ли это противорѣчіе“?.. Предположимъ, однако, что разсмотрѣнный нами проектъ будетъ вве-

¹⁾ Для крестьянъ устанавливаются четырехстепенные выборы (сельскій сходъ избираетъ членовъ волостного схода, волостной сходъ посылаетъ выборщиковъ въ уѣздное избирательное собраніе, это послѣднее посылаетъ выборщиковъ въ губернское избирательное собраніе, которое, наконецъ, выбираетъ членовъ Государственной Думы), для остальныхъ избирателей (кроме живущихъ въ большихъ городахъ)—трехстепенные.

²⁾ См. № 186 „Русскихъ Вѣдомостей“.

день въ дѣйствіе безъ дальнѣйшей повѣрки и безъ существенныхъ измѣненій; что дѣлать тогда? Этотъ вопросъ, первостепенная важность котораго не требуетъ доказательствъ, ставится уже теперь въ разныхъ общественныхъ сферахъ. Мы узнаемъ изъ „Руси“ (№ 154), что онъ обсуждался, въ первыхъ числахъ іюля, въ собраніи „делегатовъ объединенныхъ профессій“. Значительное большинство собранія признало невозможнымъ участіе въ Государственной Думѣ, если она будетъ образована по проекту гофмейстера Булыгина или по всякому другому, „не основанному на принципѣ равнаго и тайнаго избирательнаго права для всего взрослого населенія безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія“. Торжество этого взгляда въ широкихъ кругахъ общества мы считали бы настоящимъ несчастіемъ для Россіи. Постараемся доказать нашу мысль, насколько это возможно при настоящихъ цѣнзурныхъ и другихъ условіяхъ.

Какъ понимать отказъ отъ участія въ Государственной Думѣ? Означаетъ ли онъ только уклоненіе отъ баллотировки въ члены думы, или, кромѣ того, воздержаніе отъ подачи голоса при выборахъ? Очевидно, и то, и другое: непослѣдовательно было бы идти на выборы, устранивъ, предварительно, возможность кандидатуры своихъ единомышленниковъ. Чтобы имѣть внушительное демонстративное значеніе, отказъ отъ участія въ выборахъ долженъ быть массовой, т.-е. обнимать собою весьма значительное число избирателей. Для этого, въ свою очередь, необходима сильная организація, многихъ могущая подчинить себѣ или увлечь за собою. Въ Италіи систематическій абсентеизмъ клерикаловъ, вызванный уничтоженіемъ свѣтской власти папы, обусловливался могущественнымъ вліяніемъ католическаго духовенства. Въ Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ государствахъ социаль-демократы много лѣтъ сряду исполняли партійный лозунгъ—не пользоваться избирательнымъ правомъ въ томъ крайне-несовершенномъ видѣ, въ какомъ его опредѣляютъ мѣстныя конституціи. И тамъ, и тутъ существовала дисциплина, благодаря которой могло быть достигнуто единодушіе; и тамъ, и тутъ, впрочемъ, возникли или возникаютъ сомнѣнія въ цѣлесообразности такого образа дѣйствія. Нѣмецкіе социаль-демократы стали являться на выборы въ ландтаги; къ аналогичной эволюціи готовятся, повидимому, и итальянскіе клерикалы. И это понятно: обструкція, во всѣхъ своихъ видахъ, слишкомъ рѣдко приводитъ къ цѣли—и рѣже всего именно тамъ, гдѣ къ ней призываются не группы депутатовъ, а массы избирателей. Какіе же шансы успѣха политика уклоненія отъ выборовъ имѣла бы въ Россіи, гдѣ партійныя организаціи находятся еще въ зародышѣ, гдѣ нѣтъ условій ни для авторитетныхъ *mots d'ordre*, ни для быстрого и повсемѣстнаго ихъ распространенія? Попытка осуществить такую политику привела бы,

по всей вѣроятности, только къ тому, что въ средѣ Государственной Думы побѣда легко, почти безъ бою досталась бы сторонникамъ стараго режима. Возникла бы возможность утверждать, что такой исходъ дѣла выражаетъ собою желанія страны; получилась бы организованная сила, которую можно было бы съ нѣкоторыми — конечно, чисто формальными — основаніемъ противопоставлять требованію коренной реформы. Совершенно иныхъ результатовъ можно ожидать отъ общаго активнаго участія въ выборахъ. Какъ бы неудовлетворительна ни была избирательная система, она можетъ дать нешальное число людей, готовыхъ идти все дальше и дальше по дорогѣ преобразованій. Для этого нужны дружныя усилія всѣхъ противниковъ тѣмъ и застою, нуженъ временный союзъ, подобный тому, благодаря которому могла состояться депутація 6-го іюня. Если на сторонѣ союза окажется большинство, онъ можетъ настоять на немедленномъ осуществленіи всѣхъ видовъ свободы, безъ которыхъ немислима правильная политическая жизнь; онъ можетъ ярко выставить на видѣ несостоятельность устоевъ, на которыхъ построено представительство, недостаточность правъ, за нимъ признанныхъ. Если сторонники прогрессивнаго движенія останутся въ безнадежномъ меньшинствѣ, тогда, но только тогда, можетъ быть поднятъ вопросъ объ отказѣ отъ дальнѣйшаго участія въ непоправимо испорченномъ дѣлѣ... Что сознаніе несовершенствъ избирательной системы совмѣстимо съ работой въ представительномъ собраніи, выбранномъ на основаніи этой системы — доказательства этому можно найти на каждой страницѣ западно-европейской исторіи: достаточно напомнить, что во французской палатѣ депутатовъ время Людовика-Филиппа, построенной на довольно высокомъ имущественномъ цензѣ, заседали и дѣйствовали такіе приверженцы всеобщей подачи голосовъ, какъ Гарнье-Пажесъ (старшій) и Ледрю-Ролленъ. Столь же несомѣнно и то, что въ средѣ собранія, представляющаго собою лишь меньшинство страны, возможна стойкая, мужественная борьба за право (примѣръ — эпоха конфликта между Бисмаркомъ и прусской палатой депутатовъ). Нѣчто подобное мы видѣли и у насъ: какъ ни испорчены были земскія учрежденія положеніемъ 1890-го года, лучшіе земскіе люди не уклонились отъ участія въ земствѣ, благодаря чему оно оказалось способнымъ сыграть выдающуюся роль въ событіяхъ послѣдняго времени.

Что отказъ отъ участія въ выборахъ, какъ бы несовершенна ни была ихъ организація, былъ бы крупнѣйшей политической ошибкой — въ этомъ можно убѣдиться еще другимъ путемъ — знакомствомъ съ мнѣніями реакціонной печати. Несмотря на рескриптъ 18-го февраля, несмотря на рѣчь 6-го іюня, она продолжаетъ возставать даже противъ земскаго собора — этой скромнѣйшей, безобиднѣйшей формы

общенія съ землею: *современное* его введеніе было бы, по ея словамъ, „легкомысленнѣйшимъ и опаснѣйшимъ экспериментомъ“ ¹⁾. Одна мысль о народномъ представительствѣ, какъ бы оно ни было устроено, наполняетъ ужасомъ сердца поклонниковъ безмолвія, безправія и привилегій. И это понятно: порядокъ вещей, для нихъ выгодный и пріятный, не можетъ устоять противъ перваго напора правильной общественной организаціи. „Нужна сильная единоличная власть, а не палата представителей“,—повторяютъ, вслѣдъ за „Московскими Вѣдомостями“ и другими газетами того же оттѣнка, и такъ называемые „истинно-русскіе люди“, въ родѣ кн. Щербатова и гг. Самаринныхъ. Въ болѣе безцеремонныхъ рѣчахъ „сильную единоличную власть“ замѣняетъ „диктатура“—„общая всероссійская военная диктатура“,—а въ послѣднее время пущень въ ходъ еще болѣе выразительный терминъ: „законный терроръ“. Это—терминъ настолько зловѣщій, что его испугались сами авторы его и поспѣшили примѣнить къ нему тотъ приемъ, который у нѣмцевъ называется „Wegexplizieren“: въ примѣръ „законнаго террора“ они стали приводить судьбу убійцъ императора Александра II-го ²⁾. Для всякаго ясно, однако, что не къ нѣсколькимъ отдѣльнымъ случаямъ смертной казни приложимо понятіе о „законномъ террорѣ“. Смертные приговоры исполняются, отъ времени до времени, въ болѣе части западно-европейскихъ государствъ,—но никто не говоритъ по этому поводу о *terrоръ*; смертные приговоры постановлялись и исполнялись, въ послѣднее время, и у насъ,—но „Московскимъ Вѣдомостямъ“ этого мало, и онѣ проповѣдуютъ „законный терроръ“ какъ нѣчто иное и, вонечно, гораздо большее. Что такое терроръ вообще? Какъ видно изъ самаго смысла слова, и изъ его исторіи, это—попытка возбудить ужасъ, возбудить его цѣлымъ рядомъ чрезвычайныхъ мѣръ, никого и ничего не щадящихъ. Терроръ исключаетъ возможность подробнаго изслѣдованія вины, исключаетъ даже необходимость вины, какъ условія для кары; для него достаточно *подозрѣнія*—подозрѣнія даже не въ образѣ дѣйствій, а въ образѣ мыслей. Къ этому террору и взываетъ, на него и разсчитываетъ газета, постоянно, систематически смѣшивающая понятія объ оппозиціи и революціи, о разномысліи и насиліи. Недаромъ же и въ той статьѣ, гдѣ прозвучали мрачныя слова: *законный терроръ*, идетъ рѣчь о „совмѣстной работѣ интеллигенціи съ революціонерами“, объ услугахъ, оказываемыхъ „легальной прессой“ „политическимъ боевымъ организаціямъ“... Къ чему привело бы даже неполное, даже кратковременное торжество необузданныхъ, дикихъ

¹⁾ См. № 188 „Московскихъ Вѣдомостей“.

²⁾ См. №№ 181 и 186 „Московскихъ Вѣдомостей“.

пожеланій—это не требуетъ поясненій. За вслѣжимъ терроромъ, законнымъ или незаконнымъ, неминуемо слѣдуетъ реакція, уничтожающая достигнутые имъ—больше повидимому, чѣмъ на самомъ дѣлѣ—результаты и подготовляющая почву для новыхъ усложненій... Нужно отдать справедливость редактору „Гражданина“: отдѣляясь—какъ и по вопросу о войнѣ или мирѣ—отъ своихъ обычныхъ союзниковъ, онъ не требуетъ ни террора, ни диктатуры. Последнюю, по его мнѣнію, съ успѣхомъ можетъ замѣнить кабинетъ министровъ (съ первымъ министромъ во главѣ), отвѣтственный передъ Государемъ, Думой, государственнымъ совѣтомъ и сенатомъ. Что это—признакъ времени или запоздалое раскаяніе?

Далекимъ, конечно, отъ „законнаго террора“, но напоминающимъ его нѣкоторыми своими сторонами, является военное положеніе, провозглашенное недавно въ Лодзи, Одессѣ, Севастополѣ, Николаевѣ, Тифлисѣ, Баку и эриванской губерніи. Это, если мы не ошибаемся, первый случай примѣненія закона 1892-го года, имѣвшаго въ виду, по всей вѣроятности, исключительно или преимущественно обстоятельства военнаго времени. Аналогію между послѣдними и внутренней смутой можно находить, съ болѣею или меньшею натяжкой, лишь тогда, когда смута достигаетъ или только-что достигала своего апогея, когда для усмиренія ея прибѣгаютъ или только-что прибѣгали къ военной силѣ. Къ этому заключенію приводитъ простой перечень чрезвычайныхъ полномочій, вытекающихъ изъ военнаго положенія¹⁾. Они обнимаютъ собою, между прочимъ, право закрывать очередныя собранія сословныхъ, городскихъ и земскихъ учреждений, закрывать учебныя заведенія, приостанавливать періодическія изданія, высылать въ другія губерніи, налагать секвестръ на недвижимое и арестъ на движимое имущество, удалять отъ должности служащихъ (до четвертаго класса включительно), передавать цѣлыя категоріи уголовныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе военнаго суда. „Стоить только представить себѣ“,—говоритъ „Право“,—„какое глубокое потрясеніе установленнаго общимъ закономъ порядка вносятъ правила о военномъ положеніи, чтобы убѣдиться въ томъ, что они легко могутъ обратиться въ весьма могущественное средство усиленія недовольства и изъ способа предупрежденія и прекращенія волненій и беспорядковъ стать новымъ поводомъ для нихъ“. Совершенно раздѣляя это мнѣніе, мы надѣемся, что военному положенію суждено просуществовать недолго, очень недолго. Весьма характерно, что и въ Лодзи, и въ Одессѣ ходатайство объ его отмѣнѣ

¹⁾ См. интересную параллель между усиленной охраной, чрезвычайной охраной и военнымъ положеніемъ въ № 26 „Права“.

было заявлено депутациями гражданъ почти непосредственно вслѣдъ за прекращеніемъ уличныхъ беспорядковъ.

Военное положеніе равносильно приостановкѣ дѣйствія законовъ; между тѣмъ, со времени изданія указа 12-го декабря 1904-го года на очереди стоитъ охрана полной силы закона. Къ этой цѣли направлено, между прочимъ, Высочайше утвержденное 6-го іюня мнѣніе государственнаго совѣта „объ устраненіи отступленій въ порядкѣ изданія законовъ“. Нѣкоторыя статьи этого закона изложены такъ, что могутъ остаться безъ измѣненія и при новомъ государственномъ строѣ. Сюда относится въ особенности статья первая, въ силу которой „изданіе новыхъ законовъ, не исключая и временныхъ правилъ, имѣющихъ значеніе закона, а также измѣненіе, дополненіе, приостановленіе дѣйствія, отмѣна и преподаваемое Высочайшею властью изъясненіе истиннаго разума законовъ и означенныхъ правилъ происходятъ не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, установленномъ основными государственными законами“. Съ введеніемъ народнаго представительства измѣнятся основные законы, измѣнятся устанавливаемый ими законодательный порядокъ, но неизмѣннымъ можетъ и долженъ остаться принципъ, выраженный въ вышеприведенныхъ словахъ—принципъ, несомѣстный съ замѣной или отмѣной закона путемъ изданія „временныхъ правилъ“, или именныхъ Высочайшихъ указовъ, или разъясненій, на самомъ дѣлѣ равносильныхъ новому закону. Въ этомъ отношеніи законъ 6-го іюня значительно превосходитъ положеніе комитета министровъ, послужившее для него исходной точкой ¹⁾. Комитетъ министровъ признавалъ силу закона за Высочайшими указами, собственноручно подписанными Государемъ; въ мнѣніи государственнаго совѣта о нихъ не упоминается вовсе. Комитетъ министровъ оставлялъ безъ измѣненія ст. 55-ю основныхъ законовъ, по которой „дополненія и изъясненія закона, устанавлиющія токмо образъ его исполненія или опредѣляющія истинный его разумъ, могутъ быть излагаемы по словеснымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, въ видѣ указовъ, объявляемыхъ мѣстами и лицами, отъ верховной власти къ тому уполномоченными“. Мнѣніе государственнаго совѣта создаетъ новую редакцію ст. 55-ой, гласящую такъ: „образъ исполненія законовъ можетъ быть устанавливаемъ Высочайшими повелѣніями, издаваемыми въ порядкѣ верховнаго управленія“. Нельзя, слѣдовательно, дополнять законъ Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся внѣ за-

¹⁾ Подробный разборъ этого положенія см. въ общественной хроникѣ февральской книжки нашего журнала.

конодательнаго порядка, нельзя и опредѣлять этимъ путемъ истинный разумъ закона; самый образъ исполненія закона не можетъ быть устанавливаемъ *словеснымъ* Высочайшимъ повелѣніемъ. Сенату новый законъ вмѣняетъ въ обязанность не разрѣшать обнародованія законодательныхъ постановленій, если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ правиламъ основныхъ государственныхъ законовъ... Есть, однако, въ законѣ 6-го іюня двѣ статьи (5-ая и 6-ая), въ значительной степени ослабляющія его дѣйствіе: онѣ сохраняютъ за министрами право принимать, въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, чрезвычайныя мѣры, хотя бы въ нихъ заключались постановленія, не предусмотрѣнныя закономъ. Коррективъ этого экстраординарнаго права—обязанность министра представить, до истеченія полугода, объ узаконеніи чрезвычайной мѣры, хотя бы только на время или только для опредѣленной мѣстности—до крайности недостаточенъ; предоставленіе министрамъ, *de facto*, законодательной власти ничѣмъ и ни въ какомъ случаѣ оправдано быть не можетъ... Спѣшимъ прибавить, что и другія постановленія закона 6-го іюня, вполнѣ удовлетворительныя сами по себѣ, получаютъ реальную силу только тогда, когда совершится коренная перемѣна нашего государственнаго строя. Сенату законъ 6-го іюня предоставляетъ роль аналогичную съ тою, которую во Франціи, при старомъ порядкѣ, играли парламенты; но вѣдь отвергнутыя парламентомъ эдикты все-таки, сплошь и рядомъ, заносились въ его регистры. Право отказа въ обнародованіи закона, принадлежащее хотя бы и высоко поставленному присутственному мѣсту, достаточной гарантіи законности ни въ какомъ случаѣ не представляетъ.

Мѣсяць тому назадъ мы высказали убѣжденіе, что положеніемъ комитета министровъ объ отмініи нѣкоторыхъ стѣсненій, тяготѣвшихъ до сихъ поръ надъ губерніями царства польскаго, никто удовлетворенъ не будетъ. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ. Въ газетѣ „Русь“ (№ 156) оглашена замѣчательная записка, поданная въ совѣтъ министровъ многочисленными ¹⁾ представителями польской національ-демократической партіи (скорѣе умѣренной, чѣмъ крайней). „Постановленія комитета министровъ“—читаемъ мы въ этой запискѣ,—„вводя лишь кажущіяся измѣненія или льготы, не измѣняютъ существенно систему управленія краемъ, но напротивъ, систему эту укрѣпляютъ и узаконяютъ... Постановленія комитета произвели впечатлѣніе пренебреженія къ народу и были поняты, какъ объявленіе краю, что

¹⁾ Подписей на запискѣ болѣе 350, но многія изъ нихъ даны отъ имени цѣлыхъ группъ.

онъ не долженъ ожидать отъ бюрократіи какого бы то ни было измѣненія условій своего быта, что онъ долженъ покинуть всякую надежду на возможность нормальныхъ отношеній путемъ восстановленія слѣдующихъ ему по справедливости національныхъ и гражданскихъ правъ". Указавъ на солидарность образованныхъ слоевъ польскаго общества съ крестьянами, на невозможность, при настоящемъ положеніи вещей, примирительнаго вліянія на рабочихъ, авторы записки продолжаютъ: „мы самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуемъ противъ системы, стремящейся къ обрусѣнію царства польскаго... Мы еще разъ положительно заявляемъ, что для установленія нормальныхъ отношеній поляковъ къ Россіи крайне необходимо предоставить нашему краю законодательную и административную автономію; признать польскій языкъ официальнымъ во всѣхъ отрасляхъ гражданскаго управленія и въ судѣ, а равно языкомъ преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края; предоставить мѣстному элементу управленіе царствомъ польскимъ и обезпечить за населеніемъ гражданскую свободу. Не намъ рѣшать вопросъ объ интересахъ русскаго государства и русскаго народа. Но мы не можемъ повѣрить, чтобы эти интересы требовали сохраненія такого режима, который не достигъ ни одной изъ своихъ цѣлей и который, напротивъ, вызвалъ столь опасныя и плачевныя не только для насъ послѣдствія. Исполняя свой долгъ по отношенію къ нашей совѣсти и къ нашему народу, мы констатируемъ, что пренебреженіе нуждами царства польскаго и отказъ намъ въ правахъ и учрежденіяхъ, которыя составляютъ необходимость для нашего національнаго и культурнаго развитія, неминуемо должны вызвать усиленіе борьбы поляковъ съ дѣйствующимъ режимомъ и увеличеніе силы анархіи. Мы за все это не беремъ на себя отвѣтственности". Величайшей ошибкой было бы отрицать или умалять серьезность вопросовъ, возбуждаемыхъ этимъ заявленіемъ.

ЗЕМСКАЯ МЕДИЦИНА.

Вопросы о способѣ и характерѣ управленія, о системѣ завѣдыванія дѣлами, предоставленными вѣдѣнію мѣстныхъ общественныхъ учреждений, всегда имѣютъ значеніе и интересъ; въ нѣкоторые же моменты общественной жизни они привлекаютъ особое вниманіе и представляются, безспорно, весьма важными. Одинъ изъ такихъ моментовъ переживаемъ мы въ настоящее время. Съ различныхъ сторонъ и по разнымъ побужденіямъ раздаются замѣчанія, то благожелательныя, то противныя, относительно какъ общаго порядка, такъ и отдѣльныхъ частныхъ недостатковъ въ постановкѣ земской дѣятельности. Мы не намѣрены касаться этого серьезнаго вопроса во всей его широтѣ и предполагаемъ ограничиться частью его, именно той, которая относится къ земской медицинской дѣятельности. Поступить такъ понуждаетъ насъ какъ то обстоятельство, что медицинская дѣятельность получила въ земствѣ особенно широкое развитіе, такъ и то, что она, вѣроятно въ силу этого, вызываетъ наиболѣе частыя и наиболѣе суровыя замѣчанія.

Послѣ введенія земскихъ учреждений попеченіе о народномъ здоровьѣ было вполне предоставлено на ихъ усмотрѣніе. Положеніе 1864 г. смотрѣло на нихъ, какъ на самоуправляющіеся общественные союзы, которые въ областяхъ, предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію, могли устраиваться самостоятельно, добывать средства путемъ самообложенія въ предѣлахъ, очерченныхъ закономъ, организовывать и вести дѣло согласно со своими взглядами, запросами населенія и условіями мѣста и времени. Въ дѣлѣ устройства медицинской помощи имъ ничего не вѣнялось въ прямую обязанность: оно являлось лишь ихъ правомъ, но не повинностью. Несмотря на это, подъ влияніемъ запросовъ населенія и требованій жизни земства съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности занялись обезпеченіемъ населенія медицинской помощью. Какъ поставить дѣло, въ какомъ направленіи вести его—эти вопросы сразу стали передъ земскими представителями, не имѣвшими не только готовыхъ образцовъ для своей дѣятельности, но и достаточнаго матеріала, чтобы разобраться въ нарождавшихся совершенно новыхъ задачахъ. Въ земскихъ собраніяхъ, на врачебныхъ сѣздахъ того времени мы часто встрѣчаемся съ опредѣленными и настойчивыми указаніями на необходимость санитарнаго направленія медицины преимущественно передъ лечебными. Изъ иныхъ преній и заявленій даже можно заключить, что многіе тогдашніе земскіе дѣя-

тели склонны были считать, что въ задачи общественныхъ учрежденій должны входить лишь оздоровительныя мѣры общаго значенія и что удовлетвореніе запросовъ на леченіе, какъ нужды индивидуальнаго характера, можетъ быть предоставлено частнымъ усиліямъ. Несмотря на такого рода взгляды и стремленія, развитіе земской медицины въ дѣйствительности пошло въ иномъ направленіи: санитарныя мѣропріятія и до сего времени находятся въ зачаточномъ состояніи, лечебныя же учрежденія разрослись въ сильной степени и достигли значительнаго совершенства.

Теперь иной разъ предъявляютъ упреки по адресу врачей за такое одностороннее развитіе земской медицины. Въ этомъ упрекѣ, конечно, не совсѣмъ понятно, почему врачи были заинтересованы въ развитіи ея въ лечебномъ, а не санитарномъ направленіи, такъ какъ и въ послѣднемъ случаѣ дѣло безъ нихъ все равно не обошлось бы. Но сдѣланный врачамъ упрекъ не имѣетъ подъ собою и фактическаго основанія: если мы обратимся къ врачесбымъ сѣздамъ, то врядъ ли найдемъ много такихъ, на которыхъ не затрогивались бы вопросы о санитарныхъ мѣропріятіяхъ и организаціи; если же мы отъ сѣздовъ перейдемъ къ земскимъ собраніямъ, то увидимъ, что ходатайства врачей по этой части остаются безъ рассмотрѣнія, или отклоняются, или, въ лучшемъ случаѣ, но одобряются лишь въ принципѣ, — до осуществленія ихъ дѣло не доходитъ. Разыскивать виновныхъ въ данномъ случаѣ было бы, впрочемъ, не цѣлесообразной работой: очевидно, причины несоотвѣтствія общихъ стремленій съ дѣйствительнымъ направленіемъ въ развитіи дѣла должны быть серьезными и корениться довольно глубоко въ общихъ условіяхъ и не могутъ быть приписаны личнымъ хотѣніямъ той или иной группы земско-медицинскихъ дѣятелей.

Причины перевѣса терапевтическаго направленія медицины надъ санитарнымъ обусловливаются сложностью и крайнимъ разнообразіемъ санитарныхъ факторовъ, кроющихся глубоко въ сильно запутанныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Уяснить степень вліянія ихъ очень нелегко, тѣмъ болѣе, что матеріалъ, необходимый для сужденія, большею частью совершенно отсутствуетъ и приходится заниматься организаціей его собиранія и обработкой. Относительно же собственно санитарныхъ мѣропріятій оказалось, что часть ихъ сталкивается съ явленіями соціальнаго культурно-экономическаго характера или требуетъ большихъ техническихъ работъ, другая же мелочная, относящаяся преимущественно къ функціямъ санитарной полиціи и домашняго обихода, нуждается для успѣшнаго примѣненія въ поддержкѣ самого населенія, въ пониманіи ихъ и сочувствіи имъ съ его стороны; — иначе, при несоотвѣтствіи проводимыхъ стремленій и мѣръ сознанію населенія

нельзя ожидать сколько-нибудь значительнаго успѣха. Все это и создало ту стѣну, о которую разбивались санитарныя стремленія врачей и земцевъ: санитарная сторона жизни не могла развиваться сколько-нибудь значительно, разъ другія стороны той же жизни, являющіяся между прочимъ санитарными факторами, стояли почти безъ движенія. Этотъ застой въ развитіи общества и есть главная причина застоя санитаріи.

Какъ бы то ни было, развитіе земской медицины пошло въ направленіи, такъ сказать, наименьшаго сопротивленія: лечебная сторона дѣла проще, понятнѣй, результаты здѣсь наглядны и доступны не только отвлеченному мышленію, но и непосредственному впечатлѣнію. Санитарныя разговоры оставались разговорами, теряя интересъ новизны, больницы же, врачебныя участки все умножались, количество медицинскаго персонала, медицинскій бюджетъ все разрастался и разрастался.

Въ началѣ жизни земскихъ учреждений, когда на весь уѣздъ приходилось по одному, много по два врача съ нѣсколькими фельдшерами, и по одной расположенной въ городѣ больницѣ, перешедшей отъ приказа общественнаго призрѣнія, съ ея скуднымъ бюджетомъ и примитивнымъ устройствомъ, — хозяйственное завѣдываніе и управленіе медицинской частью не представляло для управы никакого затрудненія и могло вестись непосредственно ея собственными руками, подъ личнымъ наблюденіемъ. Тогда и вопросъ о системѣ управленія и веденія хозяйства не имѣлъ значенія, да и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ могъ бы быть поставленъ, выдвинулся не сразу, такъ какъ своихъ взглядовъ новорожденное земство еще не имѣло, потребностей не опредѣлило, а практика существовавшихъ въ то время больницъ представляла единственный образецъ завѣдыванія, основанный на приказной системѣ: традиціонный смотритель, распорядившійся всѣмъ хозяйствомъ на основаніи мелочныхъ расписаній, въ которыя насильственно вгонялась жизнь съ ея не всегда показными требованіями, перешелъ къ земству въ наслѣдство отъ приказа общественнаго призрѣнія.

Но съ теченіемъ времени, съ накопленіемъ у земства своего опыта и съ возобновленіемъ больницъ по селеніямъ, непригодность такой системы управленія обнаруживалась все ярче и ярче. Земство, по сущности своей чуждое всякому шаблону и способное прислушиваться къ требованіямъ живой дѣйствительности, не могло вскорѣ же не подмѣтить нецѣлесообразности порядка, при которомъ болѣе или менѣе сложная больничная жизнь во всѣхъ ея мелочныхъ проявленіяхъ устанавливается за глаза, изъ центра, безъ участія лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ этой жизни; оно не могло признать правильнымъ

положеніе вещей, при которомъ блюстителемъ больничнаго режима и разныхъ предписаній является смотритель, какъ главный приказчикъ управы, а врачъ, отвѣтственный за успѣшность леченія, являющійся въ глазахъ больныхъ и всего населенія главнымъ виновникомъ всѣхъ больничныхъ непорядковъ, оказывается безъ вліянія на обстановку, въ которой призванъ работать, и вынужденъ, имѣя дѣло съ назойливыми, иногда неотвратимыми запросами живой дѣйствительности и опредѣленными показаніями болѣзни, сообразоваться не съ ними, а съ разными „висельными“ порціями, положенными по расписанію, и прочими шаблонами. Не могло земство не встрѣтиться на этой почвѣ и съ цѣлымъ рядомъ осложненій; не могло оно, наконецъ, признать эту систему пригодной для маленькихъ сельскихъ лечебницъ; чуткое къ разнаго рѣда непроизводительнымъ тратамъ и чуждое си-некуръ, оно плохо мирилось съ должностію смотрителя въ нихъ и стало устранивать свои больницы безъ нея, поручая все хозяйственное и административное завѣдываніе врачу.

Проведеніе всѣхъ распоряженій по больничному хозяйству черезъ управу, испрашиваніе ея разрѣшенія на каждую мелочь, выходящую изъ штатныхъ расписаній, расчетливымъ земствомъ также не могло быть одобрено: помимо огромнаго, иногда прямо невозможнаго промедленія и бумажной волокиты, помимо тормазы для текущихъ потребностей, это представляется верѣдко прямо убыточнымъ: по мѣстнымъ условіямъ многое часто можно приобрѣтать съ значительной выгодой, на мѣстѣ или поблизости, а не въ уѣздномъ городѣ, и потому сосредоточивать все веденіе хозяйства непременно въ управѣ оказывается явно непрактичнымъ.

Такимъ образомъ, практика дѣла, повседневныя требованія обнаруживали несостоятельность приказной системы управленія. Недостаточность ея сказалась и въ другомъ отношеніи. Земство на первыхъ же порахъ своей дѣятельности столкнулось съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ организаціоннаго характера: гдѣ, какъ и какія больницы надо открывать; нужны ли онѣ для народа; возможно ли лечить въ больницѣ; какая система подачи медицинской помощи цѣлесообразнѣе — стационарная или разъѣздная; каково значеніе фельдшеризма; какъ удешевить выписку лекарствъ и т. д., и т. д., — все это требовало разрѣшенія. Дѣйствительность ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ не давала готовыхъ отвѣтовъ на эти вопросы; не указывала ничего подходящаго ни университетская наука, ни западно-европейскій опытъ. Лишенные готовыхъ образцовъ и опредѣленныхъ указаній, земства вынуждены были искать разрѣшенія своихъ вопросовъ собственными силами. Но для этого необходимы были спеціальныя свѣдѣнія, знаніе техники дѣла, для этого нужны были опыты и внимательныя наблю-

денія за нуждами населенія и его отношеніемъ къ новымъ учрежденіямъ. Тутъ могли помочь земцамъ лишь врачи, какъ специалисты и непосредственные наблюдатели народной жизни, какъ исполнители земско-медицинскихъ начинаній. Сама жизнь, необходимость удовлетворенія нарождающихся требованій привела земцевъ къ сближенію съ врачами, заставила ихъ взглянуть на послѣднихъ не какъ на приказчиковъ по медицинской части, а какъ на сотрудниковъ, участвующихъ въ разрѣшеніи нелегкихъ вопросовъ по постановкѣ новаго дѣла. Такимъ образомъ, силою вещей земство приведено было отъ системы приказа, которой не могло остаться мѣста тамъ, гдѣ хотя и было кому приказывать, но неизвѣстно было, что приказывать, — къ системѣ сотрудничества съ врачами, къ необходимости выясненія всѣхъ принципиальныхъ вопросовъ, сомнѣній, недоразумѣній, къ необходимости объединенія отдѣльныхъ частныхъ мнѣній и установленія взаимнаго контроля съ помощью различныхъ сообщаній при управѣ.

При приказной системѣ всезнающій, вседержащій центръ, хотя бы то была и выборная управа, не оставляетъ мѣста для критики, душитъ всякую инициативу со стороны своихъ подчиненныхъ, заглушаетъ ихъ житейскія наблюденія. При системѣ сотрудничества земцевъ съ врачами силы послѣднихъ, ихъ жизненный опытъ, умъ и знанія утилизируются на пользу дѣла въ сильной степени, возможность критики лучше уясняетъ дѣло, предохраняетъ отъ ошибокъ или своевременно исправляетъ ихъ; свобода инициативы воодушевляетъ сотрудниковъ, способствуетъ развитію дѣла.

Очевидно, системы эти рѣзко различаются другъ отъ друга, какъ основанныя на совершенно иныхъ, часто диаметрально противоположныхъ началахъ. Иерархическое подчиненіе, монополизациа права инициативы и критическаго анализа исключительно за командующимъ центромъ, несостоятельное положеніе подчиненныхъ, обуславливающее необходимость регламентаци дѣла бумажными предписаніями и рядомъ прочно установленныхъ, неподатливыхъ шаблоновъ, и приводящее къ отчужденію дѣйствительности и живыхъ потребностей отъ „устроителей“ жизни, все это — *conditio sine qua non* приказной системы, представляется своего рода китами, на которыхъ зиждется бюрократическое міросозерданіе. Новая же система сотрудничества со служащими не только не руководствуется этими началами, но по самой сущности своей совершенно отвергаетъ ихъ, какъ смертоносныя для себя.

Вотъ эти-то двѣ противоположныя системы завѣдыванія земско-медицинскимъ дѣломъ, по мѣрѣ его развитія и усложненія, и выступили передъ земствомъ все рѣзче и опредѣленнѣе: — одна система, сложившаяся въ иныхъ условіяхъ и не приуроченная къ новымъ

требованіямъ, но старая, привычная, и со всѣхъ сторонъ представляющая готовые образцы и примѣры; и другая—новая, не имѣющая за собой тысячелѣтней давности и всеобщаго распространения, не вполне опредѣлившаяся въ своихъ частностяхъ, но болѣе эластичная и лучше отвѣчающая условіямъ времени.

Земство, какъ учрежденіе, имѣющее дѣло съ запросами живыхъ людей, отвѣтственное передъ населеніемъ не только на бумагѣ, естественно не могло удовлетвориться устарѣвшими, не отвѣчающими потребности, приемами управленія и все болѣе и болѣе склонилось къ новой системѣ, дѣлая это даже не всегда охотно, иногда скрѣпя сердце, понуждаемое къ тому силою вещей и интересами дѣла. Естественно также и то, что оно не могло сразу и вполне разстаться съ приказной системой, сдѣлавшейся какъ бы нашею прирожденною привычкою, укореняемой всѣмъ укладомъ жизни. Поэтому въ практикѣ земствъ ни та, ни другая система не господствуютъ исключительно, не встрѣчаются въ своемъ чистомъ видѣ. Большею частью мы находимъ смѣсь тѣхъ и другихъ началъ въ различномъ сочетаніи, иногда видимъ сознательную борьбу между ними, иногда бессознательное столкновеніе. Особой выдержки и послѣдовательности въ этомъ отношеніи отъ земства трудно и ожидать, такъ какъ политика ихъ является не результатомъ теоретическихъ умозаключеній, а порожденіемъ нестройной, повседневной жизни. Но несмотря на такую спутанность руководящихъ принциповъ управленія въ средѣ земскихъ учреждений, группировку ихъ въ указанныя двѣ системы и борьбу между ними нельзя не подмѣтить.

По мѣрѣ усложненія земской жизни и большаго запроса на новую систему, по мѣрѣ развитія и болѣе рѣзкаго опредѣленія послѣдней, она стала привлекать къ себѣ большое вниманіе и въ отношеніи теоретической оцѣнки ея пригодности. Что поклонники бюрократическаго строя не могли ее одобрить и ополчились на нее, это понятно само собою: тутъ исходныя точки зрѣнія, тутъ критеріи совершенно разные. Но и искренніе приверженцы земскихъ началъ во имя этихъ началъ и якобы въ защиту отъ бюрократическихъ тенденцій выдвигаютъ порою противъ новой системы рядъ возраженій.

Такое отношеніе, повидимому, прежде всего обусловливается тѣмъ, что стряхнуть съ себя ветхаго человѣка, освободиться отъ привычекъ, вѣвшихся въ плоть и въ кровь, даже тогда, когда привычки эти мѣшаютъ, очень нелегко. Затѣмъ это можетъ быть своего рода атавизмомъ, и иной разъ сквозь новые приемы могутъ вдругъ прорываться былыя, но уже оставленныя привычки. Наконецъ, на такое отношеніе, безъ сомнѣнія, вліяетъ и недостаточная осмотрительность въ обобщеніяхъ и поверхностный или не вполне точный анализъ

обсуждаемых явлений. Разбирая рѣчи общественныхъ дѣятелей, ополчавшихся противъ новой системы, преслѣживая ихъ черезъ всѣ высказанные аргументы до исходныхъ точекъ, нерѣдко приходится съ удивленіемъ заключать, что атака противъ призрака бюрократизма ведется съ позицій самаго чистаго, настоящаго бюрократизма, иногда съ самыхъ твердыхъ его. Останавливаться на всѣхъ дѣлаемыхъ возраженіяхъ въ этомъ отношеніи—не входитъ въ мой планъ ¹⁾. Укажу лишь два-три.

Возражаютъ противъ законности сотрудничества врачей въ устройствѣ земской медицины, противъ правильности ихъ активнаго участія въ управленіи ею: это должно быть безраздѣльной функціей избранныхъ плательщиковъ налоговъ, имѣющихъ право голоса, и потому привлеченіе къ этому рода дѣятельности врачей, не привязанныхъ къ мѣстности, лично не заинтересованныхъ въ земскихъ финансахъ, является со стороны земскихъ дѣятелей до нѣкоторой степени самоотреченіемъ, умаленіемъ своихъ безспорныхъ правъ; такой порядокъ неправиленъ по существу и не находитъ себѣ обоснованія въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ.

Заявляющихъ это слѣдуетъ, однако, спросить, о чемъ они говорятъ? Вѣдь рѣчь въ данномъ случаѣ можетъ идти о сотрудничествѣ врачей исключительно въ работахъ исполнительнаго характера и въ разработкѣ вопросовъ въ ихъ подготовительной стадіи; законодательныхъ же функцій земскихъ представителей это сотрудничество не касается нигдѣ. Направленіе всей медицинской дѣятельности, разрѣшеніе всѣхъ существенныхъ вопросовъ ея, высшій контроль надъ нею, опредѣленіе бюджета, все это—нигдѣ не оспариваемое, безраздѣльное право земскихъ собраній.

Такимъ образомъ, смыслъ возраженій, дѣлаемыхъ противъ сотрудничества врачей, долженъ быть ограниченъ, и сами возраженія могутъ быть направлены въ болѣе узкую и скромную область исполнительныхъ и подготовительныхъ мѣропріятій. Здѣсь возраженія находятъ себѣ фактическое основаніе, не являются бомбардировкой пустаго мѣста, но насколько они цѣлесообразны, насколько отвѣчаютъ интересамъ дѣла—это мы отчасти уже видѣли. Да и справедливы ли они?

Относительно законности разсматриваемаго порядка, т.-е. веденія дѣла черезъ совѣщательные органы, при активномъ участіи врачей и допущеніи извѣстной самостоятельности послѣднихъ въ сферѣ исполнительнои, не только въ специальной области, но и въ отноше-

¹⁾ Отчасти это сдѣлано мною въ нѣмъ мѣстѣ (см. ст. „Что такое земскій бюрократизмъ“ въ журн. Пирогов. общ. за 1904 г., № 1—2).

ни хозяйственнаго и административнаго завѣдыванія,—нѣтъ основаній для возраженій. Пока земскія учрежденія представляютъ собою хотя бы нѣкоторый обликъ самоуправляющихся союзовъ, пока имъ самимъ закономъ отдаются извѣстныя области не только въ ближайшее завѣдываніе, но даже на полное ихъ усмотрѣніе, то, конечно, невозможно отрицать за ними права выбирать систему веденія дѣла по своему усмотрѣнію. Прибѣгнуть ли они къ подрядному или хозяйственному способу постройки и содержанія больницъ, пригласятъ ли для выполненія своихъ порученій приказчиковъ, создадутъ ли іерархическій строй съ инспекторами или останутся на коллегіальномъ веденіи дѣла, на сотрудничествѣ съ исполнителями его,—все это вполне дѣло усмотрѣнія самихъ земскихъ учреждений, вопросы ихъ внутренняго распорядка. Здѣсь можетъ идти рѣчь лишь о цѣлесообразности той или другой системы, но не о ея законченности. Убѣжденные бюрократы, конечно, не могутъ не только одобрить такого порядка (такого безпорядка, скажутъ они), но, пожалуй, даже и понять его: все, что не предусмотрено опредѣленнымъ параграфомъ того или другого распisanія, просто не находятъ себѣ мѣста въ ихъ міросозерцаніи, и всякій самостоятельный поступокъ, хотя бы не выходящій изъ предѣловъ законоположеній, не нарушающій ничьихъ интересовъ и самъ по себѣ цѣлесообразный, не укладывается на Прокрустово ложе ихъ зашнурованныхъ понятій и, не находя тамъ мѣста, долженъ быть отсѣченъ, какъ *незаконный*. Но по закону-то извѣстная самостоятельность земскихъ учреждений несомнѣнно еще существуетъ, устраниваться въ предѣлахъ ихъ вѣдѣнія по-своему—ихъ законное право, и потому, пока что, является незаконнымъ—возражать противъ этого права.—Возраженія бюрократовъ въ данномъ случаѣ все-таки понятны: для нихъ это въ порядкѣ вещей. Несравненно труднѣе понять однородныя возраженія со стороны друзей общественной самостоятельности. Они, не теряя почвы подъ ногами, могли бы, если находятъ это, нужнымъ, доказывать непригодность неодобряемаго ими порядка, указывать его противорѣчія или несоотвѣтствіе основнымъ положеніямъ самоуправления, если они таковыя усматриваютъ, но взывать къ закону по поводу того, что самимъ закономъ предоставлено на ихъ усмотрѣніе, это значить—самихъ себя вязать, вступать въ область самоограниченій.

Говорятъ иной разъ, что система сотрудничества съ ея совѣщаніями связываетъ руки земцамъ, подавляетъ ихъ инициативу, отталкиваетъ лучшихъ людей отъ земскаго дѣла.

Здѣсь совершенно непонятно, какимъ образомъ при болѣе оживленной дѣятельности можетъ вынудить инициатива отдѣльныхъ участниковъ ея: прибавленіе горючаго матеріала въ свѣтильникъ, конечно,

не загасить его пламени. Абсолютное значеніе отдѣльных дѣятелей вслѣдствіе этого, разумѣется, не убавится и самое большее уменьшится нѣсколько ихъ относительное вліяніе: раньше они въ дѣлѣ инициативы царили безраздѣльно и исключительно одни, при новомъ же порядкѣ наряду съ ними появляются еще другіе инициаторы; но это можетъ быть неудобно лишь съ точки зрѣнія тщеславія, а не въ интересахъ дѣла.

Что же касается до *лучшихъ* людей, то этотъ эпитетъ до такой степени субъективенъ, что едва ли можетъ имѣть какую бы то ни было цѣну: лица, исповѣдующія бюрократическіе принципы, не знающія ничего свѣтѣ іерархическаго подчиненія, разумѣется, признаютъ за лучшихъ людей тѣхъ, которые уходятъ отъ порядка, не благопріятствующаго исповѣданію ихъ религіи; а лица иного толка такихъ бѣглецовъ, пожалуй, и не признаютъ за лучшихъ людей.

Нѣкоторые сѣтуютъ на то, что врачи забрали такъ много власти, что сами земцы не знаютъ, что имъ дѣлать, какъ избавиться отъ ихъ вліянія. Сѣтованія эти явно преувеличены. Въ самомъ дѣлѣ, получается вѣдь нѣчто невѣроятное: безправная кучка врачей, третируемыхъ какъ элементъ посторонній, мало свѣдущій въ мѣстныхъ интересахъ, чуждый населенію, подчиняетъ себѣ многочисленныхъ представителей общества, въ рукахъ которыхъ она всецѣло находится и которые обладаютъ извѣстными правами и самостоятельностью,—подчиняетъ ихъ вопреки желанію, противъ ихъ воли. Повѣрить этимъ сѣтованіямъ значило бы приписать врачамъ какую-то сверхъестественную силу;—это значило бы, сверхъ того, быть ужъ слишкомъ низкаго мнѣнія о представителяхъ населенія, съ безразсудною большаго пренебреженіемъ отнестись къ ихъ качествамъ. Ни того, ни другого сдѣлать нельзя, съ какимъ бы почтеніемъ ни относились мы къ талантамъ врачей и какими бы пессимистами ни были въ отношеніи способностей нашихъ общественныхъ дѣятелей. Очевидно, дѣло проще: врачи въ нашемъ скудномъ интеллигентными силами обществѣ представляютъ замѣтную величину, ихъ мнѣніямъ затеряться негдѣ и не въ чемъ, и они принимаются не въ силу навязыванія, а въ силу ихъ необходимости, въ силу нужды въ нихъ. Сѣтовать на это могутъ лишь приверженцы бюрократическаго строя, изъ общественныхъ же дѣятелей развѣ лица слишкомъ слабонервные, не выносящіе возраженій и совѣтовъ.

Въ виду того, что въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи обѣ системы завѣдыванія земскимъ дѣломъ примѣняются не въ одинаковой мѣрѣ, было бы весьма важно для выясненія интересующаго насъ вопроса произвести сравненіе положенія дѣла въ губерніяхъ, являющихся представительницами различныхъ системъ. Конечно, для нашей цѣли

пришлось бы отрѣшиться отъ предвзятыхъ мнѣній и расцѣпывать достигнутые земствомъ результаты, вѣтъ зависимости отъ личныхъ симпатій или антипатій къ той или иной системѣ, исключительно съ фактической стороны.

Сравненія состоянія медицинской помощи въ различныхъ мѣстностяхъ дѣлались не разъ, и въ результатъ ихъ было довольно прочно установлено, что въ неземскихъ губерніяхъ съ царящею тамъ исключительно бюрократической системой управления она поставлена очень неудовлетворительно и много хуже, чѣмъ въ земскихъ; что изъ числа послѣднихъ она шире и лучше устроена тамъ, гдѣ развиваютъ свою дѣятельность съѣзды врачей, санитарные совѣты и прочія совѣщанія; что обращеніе къ ихъ помощи и всюду приводило обычно къ оживленію и улучшенію дѣла; что много впереди всѣхъ остальныхъ земствъ по постановкѣ медицинской помощи населенію и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи стоитъ московская губернія, гдѣ система сотрудничества врачей достигла наибольшаго развитія.

Несмотря на эти общезвѣстные факты и достаточно установленнае мнѣніе, возраженія противъ цѣлесообразности принятой тамъ системы являлись возможными, потому что имѣвшіяся сравненія положенія дѣла въ различныхъ мѣстностяхъ производились случайно, по частнымъ поводамъ, и бывали не всесторонними, а частичными. Въ такихъ случаяхъ всегда остается почва для возраженій. Поэтому для выясненія вопроса было бы весьма цѣнно подробное, всестороннее освѣщеніе фактического положенія дѣла въ разныхъ мѣстахъ. Въ этомъ отношеніи можно было возлагать большую надежду на предпринимавшіяся въ послѣдніе годы ревизіи земскихъ учреждений. Къ сожалѣнію, однако, извѣстный рапортъ тайнаго совѣтника Н. А. Зиновьева о результатѣ ревизіи московскаго земства показалъ, что постановка ревизіи, — вѣроятно, въ связи съ ея цѣлью и задачами, — была особая, немогущая помочь намъ уяснить рассматриваемый вопросъ. Для нашей цѣли важно было бы точное и подробное выясненіе фактического положенія дѣла, важны цифры и факты. Рапортъ же въ этомъ отношеніи не могъ удовлетворить насъ: въ немъ приводятся лишь нѣсколько самыхъ общихъ цифровыхъ данныхъ о числѣ больницъ, расходахъ и пр., по которымъ можно судить только о томъ, что медицинская помощь въ московской губерніи достигла такого развитія, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, но это не ново; болѣе же подробно ознакомиться съ тамошнимъ положеніемъ дѣла съ фактической стороны по рапорту нельзя: въ немъ, по крайней мѣрѣ въ опубликованной части его, нѣтъ для этого данныхъ.

Мы узнаемъ лишь, что въ нѣкоторыхъ лечебницахъ найдены кое-какіе неурядки и недостатки. Но въ этомъ врядъ ли можно было

сомнѣваться: разъ мы имѣемъ дѣло съ десятками и даже сотнями учреждений, то, конечно, всегда можемъ отмѣтить въ ихъ положеніи и дѣятельности нѣсколько частныхъ изъяновъ. Важно не то, что эти изъяны существуютъ, важно знать, насколько они часты. Въ рапортѣ же въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемся лишь съ намеками, безсильными убѣдить въ неслучайности отмѣчаемаго явленія, — но не съ цифрами, способными доказать его характерность. Вѣдь вѣрядъ ли, напримѣръ, отсутствіе кухни можетъ считаться характернымъ явленіемъ для московскихъ больницъ, и обнаружено, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ, какъ временное явленіе, быть можетъ, по случаю ремонта или еще какой причинѣ.

Но и отмѣченные недостатки утрачиваютъ для нашей цѣли свое значеніе, да и безотносительно къ ней теряютъ много, такъ какъ рапортъ, указывая ихъ, вовсе не выясняетъ условій, въ которыхъ они обнаружены. Между тѣмъ для оцѣнки системы веденія дѣла нельзя наблюдаемыя явленія разсматривать, такъ сказать, внѣ условій мѣста и времени. Важно узнать исторію ихъ, равно какъ и всю обстановку земской дѣятельности; необходимо принять въ соображенія тѣ препятствія, затрудненія, съ которыми приходилось при этомъ считаться. Для оцѣнки системы важно знать не только то, что сдѣлано, но и то, чего не сдѣлано по постороннимъ, независящимъ отъ системы обстоятельствамъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Отсутствіе особаго помѣщенія для прислуги — несомнѣнно значительный непорядокъ въ благоустройствѣ больницы, но какъ къ нему слѣдуетъ отнестись, въ какой степени повинно въ немъ земство со своей системой завѣдыванія, да и повинно ли, — это рѣшить можно лишь сообразуясь съ условіями даннаго случая: для большой, вновь сооружаемой больницы этотъ недостатокъ можетъ быть достаточнымъ для обвиненія, но, вѣроятно, мы осяжемся много снисходительнѣе, если встрѣтимъ его въ маленькой больничкѣ, построенной 30 лѣтъ тому назадъ, когда о такой роскоши нигдѣ еще и не думали. Да и почему отсутствуютъ помѣщенія для прислуги и наблюдается рядъ другихъ подобныхъ же недостатковъ въ больницахъ?

Намъ извѣстно, напр., земство московской губ. (да, конечно, не оно одно въ такомъ положеніи), гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на санитарныхъ совѣтахъ передъ земскими собраніями устанавливается рядъ необходимыхъ улучшеній больницъ, но каждый годъ при сведеніи счетовъ большая часть ихъ вычеркивается за невозможностью внести ихъ въ предѣлы дозволеннаго увеличенія расходовъ. Знаемъ мы и другія губерніи съ слабо развитой врачебной помощью, гдѣ, однако, намѣреніе земства открыть новые врачебные участки и при-

гласить нѣсколько фельдшерницъ - акушерокъ встрѣчало губернаторское veto.

Если подобныя казусы, въ которыхъ земство неповинно, случаются сплошь и рядомъ относительно существенныхъ сторонъ медицинскаго дѣла, то относительно второстепенныхъ и третьестепенныхъ улучшеній осложненій встрѣчается еще больше.

Далѣе, весьма существеннымъ непорядкомъ для больницы, особенно для заразныхъ отдѣленій, являются нештатуренныя деревянныя стѣны. Но опять-таки, при какихъ обстоятельствахъ отмѣчаемъ мы этотъ недостатокъ? Быть можетъ, въ новомъ, только-что выстроенномъ зданіи, которое вслѣдствіе неизбежной осадки первые года и штатурить-то нельзя? Тогда можно будетъ говорить только о существенныхъ неудобствахъ этого неурядка, но никакъ не безхозяйственности земства или врачей.

Точно также, не зная подробностей, нельзя сознательно отнестись къ несоотвѣтствію дѣйствительныхъ расходовъ смѣтнымъ предположеніямъ при различныхъ постройкахъ: если при такихъ сравненіяхъ мы возьмемъ первоначальную смѣту, не предвидѣвшую состоявшагося впоследствии расширенія больницы и разнаго рода новыхъ сооружений, то, конечно, между такой смѣтой и стоимостью всѣхъ построекъ во всей ихъ совокупности получится большая разница, но поставить ее насчетъ безхозяйственности строителей, конечно, нельзя. Такъ, напр., психиатрическая Покровская лечебница московскаго земства за 10—12 лѣтъ своего существованія сильно обстроилась, прикупила землю, обзавелась обширными полями орошенія, расширила водоснабженіе, выстроила прекрасное помѣщеніе для прислуги, которая первые годы ютилась кое-какъ, и т. д.; естественно, что первоначальная смѣта получится здѣсь много скромнѣй дѣйствительной стоимости полнаго устройства лѣчебницы по болѣе широкому плану, но это обстоятельство, если угодно, можно поставить въ вину широкимъ замашкамъ больницы, но не ея безхозяйственности.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть всю необходимость расцѣпывать явленія въ связи съ сопровождающими ихъ условіями. Рапортъ Н. А. Зиновьева задавался, повидимому, иными цѣлями, чѣмъ тѣ, которыя интересуютъ насъ, и то, что мы желали бы расслѣдовать, что требуетъ для насъ провѣрки или доказательства, для него—аксіома, положенная въ основу его сужденій. Намъ цифрами и фактами хотѣлось бы убѣдиться, какая система управленія лучше—бюрократическая или новая, земская; рапортъ расцѣпываетъ земскую дѣятельность на основаніи бюрократическихъ принциповъ. Точнѣе на основаніи этихъ принциповъ онъ разбираетъ не столько дѣятельность, сколько *приемы* дѣятельности земства, практиковавшаго пре-

имущественно иную систему, и приходиться въ результатѣ къ суровымъ заключеніямъ. Иначе и быть не могло.

Такимъ образомъ, московская ревизія для нашей цѣли опредѣленія относительнаго достоинства различныхъ системъ земскаго управленія не дала того, что могла бы дать при иной постановкѣ. Мы еще ранѣе видѣли, что приказная и новая земская система во многомъ противоположны, и знали, что послѣдняя не можетъ получить одобренія съ точки зрѣнія первой. Рапортъ въ этомъ отношеніи новаго ничего не даетъ. Что въ широко развитомъ дѣлѣ всегда можно найти частичные недостатки, это тоже общеизвѣстно и не мѣняетъ общаго положенія дѣла. Что въ московской губерніи организація медицинской помощи развита такъ, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, это, хотя и въ общихъ чертахъ и цифрахъ, рапортъ подтверждаетъ, но и это давно уже извѣстно. Такимъ образомъ, въ отношеніи оцѣнки разбираемыхъ системъ мы оказываемся въ прежнемъ положеніи, при прежнихъ заключеніяхъ. А заключенія эти сводятся къ тому, что приказная система не соответствуетъ современному положенію развившагося дѣла и не удовлетворяетъ земства, почему они силою вещей вынуждаются примѣнять новую систему, которая, какъ свидѣтельствуютъ о томъ *факты*, даетъ вполне удовлетворительные результаты.

Сергѣй Игумновъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1905.

Переговоры о мирѣ.—Новые представители нашей дипломатіи: Н. В. Муравьевъ и С. Ю. Витте.—Вопросъ объ окончаніи войны и о возможныхъ условіяхъ мира.—Воспаленныя консервативно-патріотическія заявленія.—Международная дѣятельность Вильгельма II.—Внутреннія дѣла въ Англіи и во Франціи.

Вопросъ о мирѣ между Россією и Японією официально поставленъ правительствами обѣихъ державъ и въ скоромъ времени долженъ уже получить свое разрѣшеніе въ ту или другую сторону. Посредничество президента Соединенныхъ Штатовъ увѣнчалось на этотъ разъ успѣхомъ, и самые переговоры о мирѣ будутъ вестись на американской почвѣ, въ небольшомъ городѣ Портсмутѣ, въ штатѣ Нью-Гемпширъ, вдали отъ шумныхъ политическихъ центровъ и отъ всякихъ постороннихъ вліяній, въ тихой провинціальной обстановкѣ, располагающей къ миролюбію.

Представителями Японіи являются лучшіе ея дипломаты, съ барономъ Комура во главѣ; съ нашей стороны выборъ былъ болѣе ватруднителенъ, такъ какъ наше дипломатическое вѣдомство достаточно ясно обнаружило несостоятельность своего высшаго персонала во время печальныхъ событій, приведшихъ къ войнѣ и сопутствовавшихъ ея неудачному ходу. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній главнымъ русскимъ уполномоченнымъ былъ первоначально назначенъ Н. В. Муравьевъ, незадолго передъ тѣмъ промѣнявшій постъ министра юстиціи на болѣе спокойное мѣсто посла при итальянскомъ дворѣ,—человѣкъ несомнѣнно талантливый, умѣющій приспособляться къ обстоятельствамъ, но лишенный необходимой опытности въ искусствѣ международной дипломатіи и притомъ мало знакомый съ сложными политическими вопросами, касающимися Дальняго Востока. Будучи еще министромъ юстиціи, въ февралѣ 1904 года, Н. В. Муравьевъ, въ качествѣ предсѣдателя третейскаго суда въ Гаагѣ по дѣлу Венецуэлы, высказалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о международномъ правѣ по поводу образа дѣйствій Японіи, и эти замѣчанія послужили матеріаломъ для формальнаго протеста японскаго правительства. Н. В. Муравьевъ раздѣлялъ тогда твердое убѣжденіе, что Японія затѣяла войну безъ всякихъ законныхъ основаній и что она будетъ достойно наказана за свою дерзкую рѣшимость воевать съ Россійскою имперією. „Старинная поговорка—„если хочешь мира, го-

товья къ войнѣ“—не потеряла еще, какъ видно, своего строгаго значенія. Можно стремиться къ миру всѣми силами души,—говорилъ тогда Н. В. Муравьевъ,—можно неустанно работать для этой цѣли съ полною искренностью и усердіемъ, и тѣмъ не менѣе нельзя считать себя огражденнымъ отъ враждебнаго вызова и неожиданнаго нападенія. Можно горячо желать сохраненія мира и въ то же время быть вынужденнымъ принять войну для законной самообороны, во имя чести и достоинства отечества. Въ этомъ прискорбномъ конфликтѣ между сердцемъ и долгомъ остается только высшее утѣшеніе—искренняя и безусловная вѣра въ справедливость Провидѣнія, опредѣляющаго судьбы народовъ и битвъ: оно съумѣетъ отличить доброе право отъ честолюбивыхъ притязаній, спокойную рѣшимость, непоколебимую твердость—отъ воинственнаго порыва, слѣпой и страстной горячности. Но когда пройдетъ буря, столкнувшая въ кровавой встрѣчѣ два теченія—европейское и азиатское,—ибо все проходитъ здѣсь на землѣ—тогда, мы глубоко вѣрнимъ въ это, разсѣются тучи, омрачившія нашъ горизонтъ, и вновь появится возрождающее спокойствіе, которое еще съ большимъ блескомъ освѣтитъ благодѣянія мирнаго развитія“. Н. В. Муравьевъ, конечно, не зналъ, что представители русской власти на Дальнемъ Востоцѣ, вопреки официальному миролюбію дипломатіи, дѣйствовали вызывающимъ образомъ относительно Японіи, и что „доброе право“, непоколебимая твердость и спокойная рѣшимость въ возникшемъ спорѣ находятся не на нашей сторонѣ; онъ не могъ также предвидѣть, что Провидѣніе обратитъ свое покровительство всецѣло на азиатскихъ противниковъ Россіи и освѣтитъ новымъ блескомъ отвергнутыя у насъ преимущества разумнаго прогресса передъ принудительнымъ застоємъ и бюрократическимъ самоиѣніемъ. Японія предъявила тогда „энергическій формальный протестъ“ противъ неблагоприятныхъ сужденій о ней русскаго суперъ-арбитра въ международномъ третейскомъ судѣ и потребовала занесенія этого протеста въ протоколы постоянного международного трибунала въ Гаагѣ, что и было исполнено.

Съ тѣхъ поръ совершилось столько крупныхъ событій, что этотъ инцидентъ могъ быть забытъ даже самими участниками его, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, принятіе Н. В. Муравьевымъ предложенной ему роли представителя Россіи для мирныхъ переговоровъ съ Японіею; но, безъ сомнѣній, онъ вспомнилъ потомъ о неудобствѣ и неловкости своего личнаго положенія передъ уполномоченными азиатскихъ „побѣдителей“, и состоявшееся уже назначеніе было взято назадъ. вмѣсто него назначенъ былъ единственный выдающійся правительственный дѣятель, какимъ располагаетъ бюрократическая Россія,—предсѣдатель комитета министровъ, С. Ю. Витте, приобрѣвшій, можно сказать, мировую

извѣстность своимъ десятилѣтнимъ управленіемъ русскими государственными финансами и доказавшій не только гибкость своего ума, но и необыкновенную энергію и настойчивость въ проведеніи цѣлаго ряда сложныхъ мѣропріятій и нововведеній, направленныхъ къ наружному блестящему подъему крупной промышленности и къ колоссальному увеличенію государственнаго бюджета, въ ущербъ огромному большинству народа. С. Ю. Витте вышелъ не изъ рядовъ бюрократіи, и оттого личныя дарованія и качества его сохранили еще нѣкоторую свѣжесть и производительность; онъ обладаетъ способностью инициативы и организаторскаго творчества, свободенъ отъ духа рутинны и умѣетъ поддерживать свои самостоятельные взгляды независимо отъ могущественныхъ господствующихъ вліяній, съ которыми, впрочемъ, вступалъ по временамъ въ компромиссы для достиженія опредѣленныхъ цѣлей. Болѣе авторитетнаго и характернаго официального представителя мы не могли противопоставить японскимъ уполномоченнымъ, и съ этой точки зрѣнія сдѣланный выборъ долженъ быть признанъ не только удачнымъ, но и единственно возможнымъ. С. Ю. Витте близко знакомъ съ дѣлами Дальняго Востока и съ разнообразными интересами, связанными съ положеніемъ Россіи у Тихаго океана; не будучи дипломатомъ по профессіи, онъ не придаетъ значенія условнымъ формуламъ и шаблоннымъ фразамъ, а трезво опѣвываетъ событія, какъ реальный политикъ, привыкшій считаться съ фактами и извлекать изъ нихъ извѣстныя; практическіе выводы. Говорятъ, что онъ въ свое время возставалъ противъ увлеченій нашихъ манчжурскихъ и корейскихъ предпринимателей, хотя косвенно далъ толчокъ ихъ аппетитамъ разорительною постройкою желѣзныхъ дорогъ на китайской территоріи и сооруженіемъ ненужнаго города Дальняго; но нѣтъ сомнѣній, что онъ былъ противникомъ войны и не компрометировалъ себя предварительными заявленіями о предстоящихъ побѣдахъ. Понятно, поэтому, что назначеніе его было встречено сочувственно въ Европѣ и въ Америкѣ, а также въ Японіи; повсюду оно было понято какъ доказательство серьезнаго желанія Россіи положить конецъ дальнѣйшему кровопролитію и заключить прочный миръ. Если заключеніе мира вообще возможно при данныхъ обстоятельствахъ, то оно будетъ достигнуто статсъ-секретаремъ С. Ю. Витте; если же ему не удастся устроить сносное соглашеніе, то оно, значить, вообще неосуществимо въ настоящій моментъ. Притомъ никто другой не могъ бы добиться лучшихъ, т.-е. менѣе тягостныхъ, условій мира. Таковъ, по крайней мѣрѣ, преобладающее мнѣніе за границей и отчасти и у насъ. Но можно ли въ самомъ дѣлѣ рассчитывать на скорый миръ? Находятся ли обѣ стороны въ настроеніи, соответствующемъ дѣйствительному миролюбію?

Къ сожалѣнію, многіе признаки заставляютъ сомнѣваться въ возможности скорого и прочнаго мира. Какъ и во внутренней политикѣ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ замѣчается у насъ какая-то двойственность, упорное нежеланіе прямо смотрѣть въ лицо фактамъ. Подобно тому, какъ рядомъ съ официальнымъ общаніемъ „правильнаго“ народнаго представительства идетъ дѣятельная официальная же работа для низведенія этого представительства къ нулю и поддерживается усердная оффиціозная борьба противъ Высочайшихъ указовъ и заявленій относительно крупныхъ внутреннихъ преобразованій,— такъ и въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ официально заявленное рѣшеніе правительства сопровождается оффиціозными увѣреніями и комментаріями противоположнаго свойства. Замѣчательно, что тѣ же элементы, которые откровенно возстаютъ противъ возвышенныхъ необходимыхъ реформъ государственнаго строя, протестуютъ и противъ намѣренія покончить съ войною и ведутъ усиленную агитацію противъ дипломатической миссіи, возложенной на С. Ю. Витте. Люди, приходящіе въ ужасъ при мысли объ уничтоженіи старыхъ внутреннихъ порядковъ, беззаконій и хищеній, волнуются также при мысли о наступленіи мира, который неизбежно долженъ будетъ привести къ кореннымъ переи́намъ въ нашей внутренней политической жизни. Разумѣется, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что противники внутреннего умиротворенія суть въ то же время противники внѣшняго мира, что сторонники постоянной внутренней войны упорно стоятъ за продолженіе международнаго кровопролитія, и что эта приверженность къ кровопролитію внутри и извнѣ выдается за отличительный признакъ патриотизма. Но между внутренними и внѣшними дѣлами существуетъ то важное различіе, что первыя зависятъ отъ насъ однихъ, а вторыя ставятъ насъ въ извѣстныя обязательныя отношенія къ чужимъ государствамъ и народамъ; внутри Россіи мы можемъ, если намъ это нравится, преслѣдовать одновременно самыя противоположныя цѣли, стремиться къ упроченію авторитета власти и устраивать или поощрять хроническую анархію возбужденіемъ всеобщаго недовольства, допускать оффиціозныя воззванія къ насиліямъ и беззаконіямъ и признавать преступленіемъ распространеніе мирныхъ прогрессивныхъ или реформаторскихъ идей, объявлять извѣстный режимъ негоднымъ, нуждающимся въ усовершенствованіи, и въ то же время принимать суровыя мѣры противъ требованій переустройства этого режима,— но въ международныхъ предпріятіяхъ и намѣреніяхъ мы все-таки должны имѣть въ виду заграничное общественное мнѣніе и избѣгать слишкомъ явныхъ противорѣчій, способныхъ внушить иностранцамъ мысль объ отсутствіи у насъ какой бы то ни было сознательной политики. С. Ю. Витте посланъ вести переговоры о мирѣ, а

между тѣмъ всегдашніе единомышленники правящихъ сферъ, обычные выразители желательныхъ послѣднимъ взглядовъ, патріоты, умѣющіе угадывать или предвосхищать закулисныя желанія этихъ сферъ, настойчиво высказываются за дальнѣйшее веденіе войны и противъ возможнаго теперь „обиднаго“ или „унизительнаго“ мира. Публичныя заявленія такого рода со стороны отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ группъ, пользующихся или желающихъ пользоваться репутаціею безусловной благонамѣренности, производятъ странное впечатлѣніе. Въ этихъ заявленіяхъ выражается или младенческое непониманіе совершившихся событій, или глубокая умышленная неискренность. Очевидно, для Россіи обидно, унижительно, позорно было терпѣть отъ Японіи непрерывныя пораженія въ теченіе полутора года; но какъ устранить теперь этотъ огромный безспорный фактъ,—какъ вычеркнуть его изъ нашей исторіи?

Если ходъ войны по разнымъ причинамъ оказался для насъ постыднымъ, то и мирныя условія не могутъ быть для насъ безобидны: это ясно, какъ Божій день. Почему же „патріоты“ какъ будто не видятъ и не чувствуютъ позора этой войны, а заранѣе относятъ его цѣликомъ къ будущему миру? Они не могутъ надѣяться на то, что дальнѣйшія военныя дѣйствія вернутъ намъ прежнее положеніе на Дальнемъ Востокѣ, ибо уничтоженный флотъ не воскреснетъ вновь, а безъ флота никакіе успѣхи въ Манчжуріи не помогутъ намъ ни завладѣть обратно Портъ-Артуромъ, ни отстоять Сахалинъ. Графъ А. А. Бобринскій, въ недавней своей рѣчи ¹⁾, отъ имени „множества вѣрнопопуданныхъ“ просилъ прежде всего „не заключать обиднаго для Россіи мира“. „Еще много на Руси молодыхъ силъ,—говорилъ онъ,—готовыхъ лечь костями за отечество... До тѣхъ поръ пока каждый изъ насъ, и младъ и старъ, не встанетъ подъ ружье,—не заключайте постыднаго мира. Вамъ нужны средства,—но обложенія насъ не страшатъ: не въ первый и не въ послѣдній разъ принесетъ Россія свое достоинствіе на алтарь отечества“. Для того, чтобы предлагать такія героическія средства, какъ всѣмъ, и старымъ и молодымъ, встать подъ ружье и лечь костями за отечество, нужно было бы по меньшей мѣрѣ, чтобы непріятель забрался въ предѣлы Европейской Россіи и угрожалъ ея центру; теперь же, когда японцы сражаются противъ насъ еще на китайской территоріи и у Тихаго океана, эти преувеличенныя громкія фразы кажутся смѣшными. Никто не сомнѣвается въ готовности русскихъ людей „лечь костями“ для защиты отечества отъ дѣйствительной и явной опасности; но трудно ожидать такой всеобщей готовности къ самопожертвованію изъ-за „ваторжнаго“ острова

¹⁾ См. выше, Внутреннее обозрѣніе.

Сахалина и даже изъ-за Владивостока, особенно при безцѣльности подобнаго самопожертвованія за неимѣніемъ флота. Въ одномъ только пунктѣ заявленіе графа Бобринскаго представляетъ практический интересъ—въ словахъ о готовности дать нужныя средства на продолженіе войны и подвергнуться для этого какимъ угодно обложеніямъ: желаніе принести матеріальныя жертвы на нужды государства весьма существенно и цѣнно, когда оно исходитъ отъ такихъ представителей крупнаго землевладѣнія и капитала, какъ гр. Бобринскій, гр. Шереметевъ, г. Нарышкинъ и другіе,—и этимъ заявленіемъ необходимо было бы воспользоваться въ интересахъ государственнаго казначейства. Было бы только справедливостью поимать заявителей на словѣ и обложить всѣхъ сторонниковъ войны крупными денежными платежами на военные расходы, соответственно ихъ имущественному положенію; жаль только, что вслѣдъ затѣмъ самъ гр. Бобринскій спѣшитъ эту добровольную повинность жертвъ переложить на всю Россію, т.-е. на народъ, который „не въ первый и не въ послѣдній разъ принесетъ свое достоинство на алтарь отечества“. Народъ подавленъ обязательными платежами и повинностями, и о новомъ чрезвычайномъ или „добровольномъ“ обложеніи его не можетъ быть и рѣчи; облагать себя могутъ только богатые высшіе классы, и сдѣлать починъ въ этомъ отношеніи обязаны именно тѣ изъ ихъ среды, которые стоятъ за войну. Говорить о рѣшимости другихъ людей, или вообще народа, „лечь костью“ и отдать свое достоинство, не предлагая ничего отъ себя лично, или отъ своей группы или сословія,—это слишкомъ дешевый способъ доказывать свой патриотизмъ; такихъ охотниковъ быть щедрыми и самоотверженными на чужой счетъ появилось у насъ слишкомъ много въ послѣднее время. Недавно курское дворянство также заявляло въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ о готовности лечь костью и отдать свое достоинство, чтобы не допустить заключенія поворнаго мира,—но оно не предложило при этомъ ни малѣйшей доли своихъ доходовъ на военные издержки и ни одной роты добровольцевъ для поддержанія дѣйствующей арміи. Даже духовенство, которое по своему призванію и назначенію должно было бы всегда проповѣдовать миролюбіе, присоединяется къ этимъ воинственнымъ требованіямъ и манифестаціямъ отъ имени народа; такъ, между прочимъ, „духовенство пятаго округа оренбургской епархіи и уѣзда“ умоляетъ „устами 38-ми тысячнаго населенія не заключать позорнаго для Россіи мира, готовые положить животь свой за роднаго Царя и многострадальную Русь“. Какимъ образомъ мѣстное духовенство говоритъ „устами 38-ми тысячнаго населенія“—непонятно. Или, быть можетъ, наоборотъ, населеніе говоритъ устами своего духовенства? Нельзя также понять, въ какомъ смыслѣ и въ какой формѣ можетъ принести пользу воен-

тому дѣлу патриотическое желаніе „духовенства пятого округа оренбургской епархіи и уѣзда“ положить свой животъ за отечество. Но мѣстное духовенство не стало бы, конечно, выступать со своими заявлениями, еслибы оно не было увѣрено въ благовременности ихъ съ точки зрѣнія начальства, и съ этой стороны подобныя демонстраціи не лишены значенія.

Несравненно болѣе важны протесты противъ мира, исходящіе отъ дѣйствующей арміи, которой вообще несвойственно — и не должно быть свойственно — вмѣшиваться въ политику. „Извѣстія агентскихъ телеграммъ о начатыхъ мирныхъ переговорахъ — сказано во всеподданнѣйшей депешѣ главнокомандующаго отъ 18 или 17 іюня — отозвались глубокимъ горемъ на всѣхъ чинахъ манчжурскихъ армій отъ старшаго генерала до послѣдняго нижняго чина“. „Глубоко вѣруя, что никакія неудачи, понесенныя до сихъ поръ на сушѣ и на морѣ, не въ силахъ сломить твердой рѣшимости въ будущихъ бояхъ довести борьбу до благоприятнаго для Россіи конца“, всѣ чины манчжурскихъ армій выражаютъ „несокрушимую готовность и горячее желаніе, не щадя живота своего, послужить еще дорогой родиной до послѣдней капли крови“. Безъ сомнѣнія, это авторитетное свидѣтельство о бодромъ, до вѣрчивомъ къ будущему, патриотическомъ настроеніи манчжурскихъ армій является весьма серьезнымъ фактомъ, долженствующимъ убѣдить Японію, что мы вовсе еще не расположены сложить оружіе, что у насъ есть еще возможность и рѣшимость воевать и что нельзя поэтому рассчитывать на принятіе нами унижительныхъ условій мира; но въ телеграммѣ генерала Леневица, независимо отъ этой ясной политической цѣли, выражено нѣчто болѣе — „глубокое горе“ по поводу самой мысли о начатыхъ мирныхъ переговорахъ, каковы бы ни были условія предстоящаго мира. Отсюда можно было бы заключить, что на театрѣ войны имѣются вѣскія данныя для надежды на успѣхъ въ будущихъ бояхъ и что этому желанному успѣху могутъ помѣшать переговоры о мирѣ; но, какъ извѣстно, пока еще не заключено перемиріе, и едва ли оно будетъ заключено въ скоромъ времени, а мирные переговоры, по всей вѣроятности, затянутся надолго, особенно если такая затяжка окажется желательною для успѣшнаго окончанія предположенныхъ военныхъ операцій. Ничто поэтому не препятствуетъ нашимъ войскамъ воспользоваться благоприятными шансами и нанести поражение неприятелю, подобно тому, какъ начатыя переговоры о мирѣ не помѣшали японцамъ занять въ концѣ іюня Сахалинъ и дѣлать серьезные приготовления къ осадѣ Владивостока. Однако, мы не видимъ признаковъ общаго наступленія съ нашей стороны и не замѣчаемъ также ничего такого, что предвѣщало бы рѣшительный переходъ инициативы въ руки нашихъ полководцевъ. Извѣстія съ театра войны неизвѣстно

носятъ прежній характеръ: или „въ арміи нѣтъ переменъ“ и „все спокойно“, когда ничего не предпринимаютъ японцы, или же наши отдѣльные отряды передвигаются къ югу, оттѣсняють японскія заставы, берутъ штурмомъ какіе-то окопы и затѣмъ, на слѣдующій день, направляются обратно къ сѣверу, когда „стали подходить значительныя японскія подкрѣпленія“ (телеграмма изъ Гадзядана, отъ 16 іюля, и ин. др.). Насколько можно судить по отзывамъ газетныхъ военныхъ специалистовъ, положеніе манчжурскихъ армій значительно улучшилось за послѣдніе мѣсяцы, и нашимъ войскамъ не грозитъ уже катастрофа, въ родѣ Мукденской; но, съ другой стороны, было бы слишкомъ легкомысленно предположить, что осторожные и предусмотрительные японцы сидѣли все это время сложа руки и не приняли соответственныхъ внушительныхъ мѣръ. Допустимъ даже, что въ новомъ генеральномъ сраженіи, послѣ страшнаго кровопролитія, намъ удалось бы не только отстоять наши позиціи, но и оттѣснить войска маршала Ойямы на нѣкоторое пространство къ югу, для чего пришлось бы брать штурмомъ цѣлый рядъ сильно укрѣпленныхъ линій; но послѣ такого необычайнаго напряженія силъ мы все-таки оставались бы въ тѣхъ же неблагоприятныхъ условіяхъ относительно подвоза подкрѣпленій, боевыхъ принадлежностей и провіанта, какъ и до сихъ поръ, а непріятель попрежнему пользовался бы удобствомъ близкихъ морскихъ сообщеній, при содѣйствіи своего могущественнаго флота. Очень можетъ быть, что военные дѣятели чувствуютъ неодолимую потребность хотя бы въ одной значительной побѣдѣ, чтобы доставить войскамъ и самимъ себѣ нѣкоторое нравственное удовлетвореніе; но противникъ пока еще ничѣмъ не доказалъ свое намѣреніе отступить отъ усвоенной имъ системы дѣйствій или отказаться отъ многочисленныхъ преимуществъ, которыя понинѣ обеспечивали имъ успѣхъ. Въ отдѣльныхъ корпусахъ нашей дѣйствующей арміи числится, напр., около 89% неграмотныхъ, тогда какъ „японскіе солдаты *все грамотны*, свободно читаютъ топографическія карты, умѣютъ начертить на бумагѣ схему и пр.“, чего не умѣютъ дѣлать у насъ и многіе офицеры. Въ японской арміи командиры и генералы назначаются и повышаются исключительно въ зависимости отъ своихъ испытанныхъ на дѣлѣ личныхъ качествъ, способностей и дарованій, а у насъ замѣщеніе военныхъ должностей, въ томъ числѣ и высшихъ, опредѣляется, главнымъ образомъ, протекціею и связями. Никакія внезапныя геройскія усилія не устранять и не ослаблять этихъ органическихъ недостатковъ нашей арміи сравнительно съ японскою, и никакія дальнѣйшія кровавыя жертвы не приведутъ къ благопріятному для Россіи окончанію войны, пока остаются въ силѣ коренныя черты и особенности существующаго у насъ режима. Эта печальная истина

вошла уже въ сознаніе всего мыслящаго русскаго общества, какъ ни стараются отогнать и затемнить ее упорные защитники сословно-бюрократическаго фаворитизма и принудительнаго народнаго невѣжества. Скорѣйшій миръ необходимъ намъ именно для того, чтобы покончить съ старыми порядками, угрожающими не только внутреннему развитію нашихъ народныхъ силъ, но и всему положенію Россіи, какъ великой культурной державы. Несчастная война не можетъ ставиться въ укоръ ни русскому народу, ни русскому обществу; она есть всецѣло продуктъ устарѣлой системы безконтрольнаго бюрократическаго самовластия, и если съ нею связать позоръ, то этотъ позоръ не коснется обновленной Россіи, призванной къ возрожденію и процвѣтанію на новыхъ истинно-народныхъ началахъ. Миръ, подготовленный рядомъ неслыханныхъ поражений, останется позорнымъ только для безраздѣльно господствовавшей у насъ бюрократіи, а никакъ не для самой Россіи и ея народа, вопреки противоположнымъ увѣреніямъ нашихъ мнимыхъ патріотовъ.

Нѣкоторые публицисты находятъ цѣлесообразнымъ и остроумнымъ примѣнять въ международныхъ отношеніяхъ ту самую тактику, которая съ давнихъ поръ соблюдается въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, — тактику систематическихъ замалчиваній, недомолвокъ и благонамѣренныхъ извращеній. Если относительно извѣстныхъ предметовъ устанавливается всеобщее молчаніе, то многимъ кажется, что эти предметы мало-по-малу перестанутъ для насъ существовать и, пожалуй, не будутъ замѣчены даже посторонними лицами. Стоить только, напримеръ; игнорировать или отрицать непріятные факты, хотя бы общеизвѣстные и общедоступные, и постоянно освѣщать событія въ такомъ видѣ, какъ будто этихъ фактовъ вовсе не было, и намъ будетъ представляться, что въ самомъ дѣлѣ это фальшивое освѣщеніе ограждаетъ насъ отъ неудобной правды и принимается на вѣру даже свѣдущими иностранцами. Теперь принято у насъ напускать на себя трогательную наивность въ вопросѣ объ условіяхъ мира, чтобы воедѣйствовать надлежащимъ образомъ на коварныхъ японцевъ и ихъ заграничныхъ друзей. Наши патріоты готовы отказаться отъ Портъ-Артура и даже отъ Манчуріи и Кореи; но они настаиваютъ на необходимости во что бы то ни стало сохранить Сахалинъ, оцененный кѣмъ-то въ двадцать миллиардовъ рублей. Фельетонистъ „Новаго Времени“ краснорѣчиво убѣждаетъ публику, что намъ гораздо выгоднѣе уплатить непріятелю денежную контрибуцію, чѣмъ отдавать этотъ драгоценный островъ съ его нетронутыми или запущенными нами природными богатствами; еще ранѣе та же газета глубокомысленно объясняла своимъ читателямъ, что японцы, очевидно, рѣшили временно занять Сахалинъ, съ цѣлью имѣть въ рукахъ залогъ для обез-

печенія болѣе выгодныхъ условій мира. Всякій охотно согласится съ тѣми доводами, которые приводятся или могутъ быть приведены въ пользу сохраненія Сахалина, въ виду важности его для всего нашего тихоокеанскаго побережья; но какъ поступить, если японцы нехотятъ вспомнить бисмарковскій принципъ „*beati possidentes*“, или Макъ-Магоновское „*j'у suis, j'у reste*“, и въ отвѣтъ на всѣ наши основательные резоны скажутъ намъ просто: „придите и возьмите“? Для избѣжанія такой неприятой случайности наши газетные патріоты дѣлаютъ видъ, что ничего подобнаго случиться не можетъ, ибо въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о временной военной оккупациі, которая должна будетъ прекратиться сама собою при рѣшительномъ нашемъ несогласіи отдать Сахалинъ японцамъ. Миръ съ потерей территоріи не былъ бы достойнымъ и безобиднымъ миромъ, и противъ такого мира заранѣе встаютъ всѣ благомыслящіе патріоты. „Ни пяди русской земли, ни рубля контрибуціи“,—какъ заявляетъ кабаровская городская дума, которая больше всего беспокоится о „престижѣ великой Россіи“. Къ несчастью, Сахалинъ не находится уже въ нашей фактической власти, и слѣдовательно, часть русской территоріи можетъ быть присвоена японцами самовольно, безъ всякихъ съ нашей стороны уступокъ и даже независимо отъ мирнаго соглашенія. Безполезно закрывать глаза на факты. О почетномъ мирѣ можно было думать только до паденія Портъ-Артура; безобидный миръ былъ возможенъ еще передъ Мукденомъ; миръ безъ территоріальныхъ утратъ былъ намъ доступенъ до Цусимы, а разгромъ нашего послѣдняго флота при Цусимѣ долженъ былъ неминуемо повлечь за собою потерю Сахалина. Противъ этой безопадной логики событій не помогутъ пустыя патріотическія фразы.

Мы можемъ не заключать никакого мира; но что выиграемъ мы отъ дальнѣйшаго военнаго положенія? Наши войска будутъ стоять въ Манчуріи на стражѣ противъ арміи Оямы, а тѣмъ временемъ японскій флотъ будетъ осаждать Владивостокъ и блокировать наши берега; Сахалинъ превратится въ японскую провинцію, и противъ всего этого мы останемся совершенно безсильными. Путемъ мирныхъ переговоровъ мы, конечно, не вернемъ того, что попало уже въ японскія руки; но требованіе денежной контрибуціи могло бы быть предъявлено намъ только послѣ занятія японцами окрестностей Владивостока или какихъ-либо другихъ пунктовъ нашего побережья. Поэтому, чѣмъ скорѣе будетъ заключено перемиріе, тѣмъ легче будетъ добиться болѣе благоприятныхъ условій мира; всякое промедленіе можетъ принести намъ непоправимый ущербъ, какъ это ясно доказалъ намъ опытъ, начиная съ Лаояна. Настойчивые возгласы въ пользу продолженія войны, если они не вызываются эгоистическими моти-

нами, имѣють своимъ источникомъ чувство, а не разсудокъ; когда же дѣло идетъ о политикѣ великаго государства, то обязательно руководствоваться только сознательнымъ расчетомъ, основаннымъ на ясномъ пониманіи національныхъ интересовъ.

Прочный миръ былъ бы достигнутъ на Дальнемъ Востокѣ, еслибы искусственно поднятая вражда между Россією и Японією уступила мѣсто добрымъ сосѣдскимъ отношеніямъ, которыя современемъ послужили бы основой для дружбы и союза. Великою заслугою С. Ю. Витте была бы подготовка почвы для будущаго взаимнаго сближенія двухъ державъ, вовлеченныхъ въ жестокою войну помимо воли и желанія народовъ. Серьезное сближеніе съ Японією избавило бы насъ отъ разорительныхъ военныхъ заботъ въ восточной Азіи и позволило бы намъ, съ одной стороны, сосредоточиться на дѣлахъ внутренняго развитія, а съ другой—удѣлить нѣкоторую долю вниманія международнымъ интересамъ и отношеніямъ въ предѣлахъ Европы.

Императоръ Вильгельмъ II обнаруживаетъ особенную предприимчивость и подвижность въ области европейской международной политики съ тѣхъ поръ, какъ Франція сдѣлалась фактически одинокою въ Европѣ. Онъ какъ будто торопится устраивать или готовить новыя политическія комбинаціи, наиболѣе выгодныя для Германіи. Прежде всего онъ наглядно показалъ французамъ, что ихъ сдѣлки съ Англією не имѣють никакого значенія безъ нѣмецкаго согласія, и не только французы, но и англичане вынуждены были согласиться съ этимъ взглядомъ по отношенію къ Марокко. Свиданіе двухъ императоровъ въ Финскомъ заливѣ, у Бьерке, 11 іюля, еще болѣе встревожило общественное мнѣніе, такъ какъ послѣ неудачнаго исхода японской войны Россія могла легко поддаться одностороннему германскому вліянію. Вильгельмъ II, разумѣется, всего менѣе заинтересованъ въ томъ, чтобы Россія благополучно вышла изъ своихъ нынѣшнихъ затрудненій и заняла опять прежнее мѣсто въ ряду первоклассныхъ великихъ державъ; поэтому и авторитетные совѣты его могли имѣть характеръ нежелательный ни для насъ, ни для соперниковъ Германіи. Въ иностранной печати высказывалось множество предположеній и догадокъ относительно цѣли и предмета новѣйшихъ усилій Вильгельма II: одни утверждаютъ, что германскій императоръ стремится взять русскую политику подъ свое благосклонное руководство и направить ее на путь новыхъ приключеній, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ; другіе думаютъ, что онъ хочетъ окончательно отклонить насъ отъ союза съ Францією и привлечь къ участію въ своихъ спеціальныхъ планахъ, направленныхъ противъ Англіи; третьи, и между

прочимъ „Berliner Tageblatt“, увѣряютъ, что дѣло идетъ только о финансовыхъ комбинаціяхъ, которыя должны помочь Россіи добыть средства на расплату за японскую войну, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ послужатъ къ закрѣпленію экономической зависимости Россіи отъ Германіи.

Само собою разумѣется, что эти догадки не имѣютъ подъ собою реальной почвы и только отражаютъ господствующее настроеніе. Представляется вполне естественнымъ, что Вильгельмъ II могъ соблазниться возможностью повліять въ своемъ духѣ и на внутреннія наши дѣла, подобно тому какъ дѣдъ его, Вильгельмъ I, не отказывалъ въ своихъ совѣтахъ по поводу предпринимавшихся у насъ реформъ государственнаго строя, четверть вѣка тому назадъ. Въ 1880 году Вильгельмъ I писалъ императору Александру II, что созывъ народныхъ представителей будетъ, несомнѣнно, полезенъ для государства, но что „необходимо избѣгать подводныхъ камней при дарованіи конституціи“; для этого онъ совѣтовалъ не устанавливать ценза при выборахъ въ парламентъ, держаться системы двухъ палатъ, предоставить парламенту участіе въ законодательной власти безъ прямого вліянія на управление страной и на выборъ министровъ, не допускать вмѣшательства парламента во внѣшнюю политику, о которой правительство дѣлало бы сообщенія по собственной инициативѣ; оставлять въ силѣ послѣдній бюджетъ, если новый не утвержденъ въ теченіе парламентской сессіи; соблюдать принципъ равноправности вѣроисповѣданій и т. п. Не иѣшаетъ вспомнить, что, давая эти указанія, престарѣлый германскій императоръ имѣлъ въ виду испытанныя имъ трудности въ періодъ борьбы Бисмарка съ прусскимъ парламентомъ и, слѣдовательно, былъ расположенъ скорѣе отрицать, чѣмъ признавать пользу народнаго представительства съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ. Вильгельмъ II чувствуетъ менѣе неудобствъ отъ парламентскаго управленія, чѣмъ его дѣдъ; будучи автократомъ по натурѣ и темпераменту, онъ, однако, отлично уживается съ имперскимъ сеймомъ, избираемымъ всеобщемъ подачею голосовъ, и находитъ вполне естественнымъ и законнымъ, что представители социаль-демократіи возражаютъ въ парламентѣ противъ его личныхъ взглядовъ и открыто противоудѣствуютъ осуществленію нѣкоторыхъ его излюбленныхъ проектовъ, такъ какъ это противоудѣствие можетъ оказаться полезнымъ для страны. Въ Пруссіи и Германіи „польза государства“ есть высшій руководящій принципъ какъ для общества и парламента, такъ и для правительства и династіи; тамъ государственная и правительственная власть не противопоставляется народу какъ самостоятельная, независимая сила, и потому не возникаетъ и не можетъ возникать конфликтовъ между пользою страны и интересами власти.

Вильгельмъ II едва ли давалъ бы намъ плохіе совѣты, еслибы слѣдовалъ внушеніямъ безпристрастія и личнаго опыта; но нужно опасаться даже хорошихъ его совѣтовъ по вѣншей и внутренней политикѣ, такъ какъ онъ слишкомъ глубоко проникнуть сознаниемъ, что каждый его шагъ долженъ служить исключительно къ пользѣ и величію Германіи, — а интересы Германіи или, вѣрнѣе, германскаго правительства далеко не совпадаютъ съ интересами и стремленіями Россіи.

Въ Англіи принята парламентомъ важная законодательная мѣра, устанавливающая извѣстныя ограниченія и контроль относительно иностранной иммиграціи. Съ давнихъ поръ британскія владѣнія находились въ томъ счастливомъ положеніи, что могли служить надежнымъ и желаннымъ убѣжищемъ для иностранцевъ, преслѣдуемыхъ у себя на родинѣ по политическимъ и религіознымъ причинамъ; представители всѣхъ угнетенныхъ націй свободно встрѣчались и дѣйствовали въ Англіи, гдѣ въ то же время имѣли спокойный пріютъ члены удаленныхъ изъ разныхъ странъ династій и бывшія коронованныя особы. Англійское право убѣжища было всѣмъ одинаково доступно и для всѣхъ одинаково драгоцѣнно: имъ въ равной мѣрѣ пользовались французскіе эмигранты временъ имперіи, Викторъ Гюго, Луи-Бланъ, Ледрю-Ролленъ и многіе другіе, какъ потомъ и самъ гонитель ихъ, Наполеонъ III и императрица Евгенія, а впоследствии генераль Буланже, — итальянскіе патріоты, въ родѣ Мацини, рядомъ съ нѣмецкими социалистами, Марксомъ и Энгельсомъ, всевозможные изгнанники, знаменитые дѣятели и простые рабочіе. Британская территорія была обѣтованною землею для всѣхъ жертвъ стараго режима, существовавшаго еще въ извѣстныхъ государствахъ Европы; въ англійскихъ колоніяхъ, въ Канадѣ, водворились и наши духоборы, вытѣсненные изъ отечества религіозными преслѣдованіями. Поэтому извѣстіе объ ограниченіи доступа иностранныхъ пришельцевъ въ предѣлы Англіи, возбудило повсюду непріятное чувство; многимъ казалось, что англичане готовы отречься отъ историческихъ традицій, связанныхъ съ правомъ убѣжища, и примыкаютъ уже къ общимъ шаблоннымъ взглядамъ узкаго эгоистическаго націонализма.

Пренія въ палатѣ общинъ по поводу правительственнаго законопроекта объ иммиграціи совершенно устранили возможность тѣхъ одностороннихъ толкованій и опасеній, которыя вызывались имъ среди передовыхъ либеральныхъ партій на материкѣ Европы и въ самой Англіи. Первый министръ, Бальфуръ, прямо заявилъ, что новый за-

конъ направленъ исключительно противъ наплыва бѣдняковъ и неспособныхъ къ труду, которые въ послѣдніе годы массами прибывали въ Лондонъ и другіе города, гдѣ становились тяжелымъ бременемъ для мѣстныхъ общинъ; эта цѣль законопроекта ясно выразилась и въ отдѣльныхъ его постановленіяхъ. Во-первыхъ, не всѣ иноземные переселенцы подлежатъ контролю, а только тѣ, которые прибываютъ на особыхъ эмигрантскихъ пароходахъ, въ количествѣ не менѣе двадцати на каждомъ, притомъ въ качествѣ палубныхъ пассажировъ; во-вторыхъ, самый контроль установленъ только въ восьми главныхъ портахъ, гдѣ обыкновенно останавливаются эти пароходы,—такъ что въ другихъ пунктахъ и для отдѣльныхъ иностранцевъ доступъ остается свободнымъ. Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, по предложенію сэра Чарльза Дилька, включенъ въ законъ особый параграфъ, по которому даже неимущій, лишенный обезпеченнаго заработка, иностранецъ допускается въ предѣлы Англии, если онъ докажетъ, что вынужденъ былъ удалиться изъ отечества по политическимъ или религіознымъ причинамъ. Въ такомъ видѣ законъ, послѣ продолжительныхъ и весьма интересныхъ преній, принятъ въ палатѣ общинъ, 19 іюля (нов. ст.), большинствомъ 193 противъ 103 голосовъ.

Французская палата депутатовъ, въ ночномъ засѣданіи 5 іюля, покончила съ законопроектомъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, одобривъ его большинствомъ 341 противъ 233 голосовъ. Первый параграфъ этого закона гласитъ: „Республика обезпечиваетъ свободу совѣсти. Она гарантируетъ свободное отправленіе религіозныхъ культъ единственно съ тѣми ограниченіями, какія установлены въ интересахъ общественнаго порядка“. Послѣ того какъ законъ будетъ принятъ сенатомъ и обнародованъ президентомъ республики, начиная съ 1 января слѣдующаго затѣмъ года, изъ государственнаго бюджета Франціи, какъ и изъ бюджетовъ департаментскихъ и городскихъ, исчезнутъ статьи расходовъ на духовенство и церковныя нужды разныхъ исповѣданій. Французскіе прогрессисты придають громадное практическое значеніе этой крупной реформѣ и ожидаютъ отъ нея великихъ благотворныхъ послѣдствій для республики; они обыкновенно упускаютъ при этомъ изъ виду тотъ безспорный фактъ, что римско-католическая церковь, при традиціонныхъ особенностяхъ своей организаци и по своему общему духу, всегда и повсюду выигрываетъ отъ свободы дѣйствій. Матеріальная зависимость отъ республиканскаго правительства и стѣснительный контроль надъ духовенствомъ, въ силу конкордата, ставили римскую церковь во Франціи

въ подчиненное положеніе и налагали на нее обязательства, которыя нынѣ отпадаютъ; а противъ односторонняго владычества ея надъ умами населенія французскіе прогрессисты почти ничего не сдѣлали, или сдѣлали еще слишкомъ мало. Бороться противъ духовной силы можно только духовнымъ оружіемъ, распространеніемъ образованія въ народныхъ массахъ, и нельзя отрицать, что эта сторона передовыхъ французскихъ программъ до сихъ поръ не выходитъ еще изъ области словесныхъ пожеланій. Мы будемъ еще имѣть случай говорить о значеніи новаго закона, когда онъ будетъ обсуждаться во французскомъ сенатѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1905 г.

I.

— Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. Томъ I. Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, князь Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель (статьи и матеріалы). Составили: В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Съ 8 гелиограмми. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Спб. 1905.

Трудная и неблагодарная задача лежитъ передъ историкомъ нашей эпохи, берущимся изображать судьбы недавняго прошлаго. Нельзя требовать отъ него спокойнаго, широкаго и цѣлостнаго обзорѣнія жизни ушедшихъ поколѣній, жившихъ и боровшихся во имя тѣхъ стремленій и идеаловъ, которые еще не успѣли воплотиться въ жизнь и принести съ собою заключенныя въ нихъ блага. Если истинный историкъ, какъ бы объективенъ онъ ни былъ,—всегда гражданинъ, то въ данномъ случаѣ гражданскій элементъ его натуры не можетъ не проявляться въ немъ съ особой силой, не можетъ не сосредоточивать его вниманія на тѣхъ преимущественно сторонахъ народной жизни, которыя для него служатъ предметомъ его гражданскихъ стремленій, опредѣляютъ складъ его политическихъ убѣжденій и социально-этическихъ взглядовъ. Увѣренность въ торжество своихъ идеаловъ невольно заставляетъ историка обращаться именно къ тѣмъ явленіямъ исторической жизни, изъ которыхъ, путемъ долгой, упорной работы поколѣній, складывалось то умственное теченіе, среди котораго формулировались его господствующія идеи. Идеи свободы всегда служили вѣнцомъ благороднѣйшаго историческаго воодушевленія; раскрытіе тѣхъ условий, при которыхъ зарождались и развивались эти идеи,

всегда было дѣломъ высокой научной любознательности и общественнаго интереса, поскольку оно касалось выясненія роли великихъ личностей, глубокихъ истинъ, возвышенныхъ стремленій, философскихъ и художественныхъ приобрѣтеній. Но, съ другой стороны, историку недавней эпохи приходится слишкомъ много вниманія удѣлять такимъ предметамъ, которые въ другихъ странахъ и при другихъ культурныхъ условіяхъ сами по себѣ далеко не заслуживаютъ такого вниманія. Таковы, напримѣръ, попытки русскихъ историковъ выяснитъ значеніе той великой борьбы нарождающаго общественнаго самосознанія съ прецѣдентами, создававшимися выразителями внѣшняго господства и грубой физической силы, которая шагъ за шагомъ приводила къ торжеству освободительныхъ идеаловъ. Неизбѣжно выдвигаемый при этомъ на первый планъ политическій элементъ, далеко превышающій цѣли специальныхъ изслѣдованій, не можетъ не отражаться неблагоприятно на другихъ сторонахъ культурной и умственной жизни, надолго оставляемыхъ въ тѣни. Такъ, русскому историку недавней эпохи слишкомъ много, къ сожалѣнію, приходится имѣть дѣла съ отрицательными сторонами административной дѣятельности, слишкомъ много говорить объ администраціи, выясняя ея во многихъ случаяхъ незавидную роль, въ смыслѣ противодѣйствія законнѣйшимъ стремленіямъ народа и общества на пути мирнаго культурнаго и умственнаго развитія. Счастливы тѣ страны, гдѣ люди могутъ свободно заниматься наукой, искусствомъ, безпристрастнымъ изученіемъ старины, гдѣ о правительствѣ можно говорить не больше, чѣмъ о санитарномъ состояніи городовъ, гдѣ социальная и экономическая борьба не ставитъ внѣшнихъ затрудненій благородному соревнованію таланта и ума... У насъ этой возможности не существуетъ, или, вѣрнѣе, она еще не осуществилась,—и политическій элементъ въ повѣствованіи о недавнихъ событіяхъ составляетъ неизбѣжную, хотя и крайне неблагоприятную вообще, но важную для переживаемаго момента обязанность историка.

Въ цѣляхъ обоснованія современнаго міросозерцанія на исторической подкладкѣ важно знать общіе различныя эпохамъ признаки общественныхъ движеній. Эта мысль руководила прежде всего составителями перваго тома настоящей книги. „Сильное движеніе, охватившее въ настоящее время все русское общество,—говорится въ предисловіи,—естественно вызываетъ интересъ къ изученію аналогическихъ явленій въ нашемъ прошломъ. Къ сожалѣнію, существующая историческая литература недостаточна для удовлетворенія назрѣвшей потребности“... „Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью облегчить читателямъ знакомство съ исторією общественныхъ идей въ первой половинѣ XIX столѣтія. Планъ изданія состоитъ въ томъ, чтобы дать

наибольше важныя произведенія, принадлежащія перу видныхъ участниковъ общественнаго движенія, а также матеріалы, изображающіе ихъ жизнь въ связи съ этимъ движеніемъ, и снабжать печатаемые матеріалы руководящими статьями въ видѣ біографическихъ очерковъ или характеристикъ избранныхъ лицъ“.

Въ книгѣ напечатаны произведенія декабристовъ М. А. Фонъ-Визина, кн. Е. П. Оболенскаго и бар. В. Я. Штейнгеля. Многое изъ помѣщеннаго здѣсь уже знакомо русскому читателю то по историческимъ журналамъ, то по заграничнымъ изданіямъ. Собрать и издать этотъ матеріалъ въ исправленномъ и дополненномъ видѣ—почтенная задача, которую и поставилъ себѣ небольшой кружокъ историковъ. Если относительно бар. Штейнгеля работа сосредоточилась преимущественно на собираніи матеріала, то записки Фонъ-Визина и Оболенскаго явились въ существенно дополненномъ видѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, изданіе такой книги не обошлось безъ цензурнаго стѣсненія. „Къ сожалѣнію, — читаемъ въ предисловіи, — и въ нашемъ изданіи одинъ небольшой эпизодъ въ запискахъ М. А. Фонъ-Визина пришлось исключить по цензурнымъ соображеніямъ“... Цѣнность сборника, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ предисловія, не только для широкой публики, но и для специалистовъ, весьма увеличивается тѣмъ, что заграничныя изданія записокъ Фонъ-Визина и кн. Оболенскаго въ настоящее время совершенно распроданы. Запискамъ декабристовъ предшествуютъ обстоятельныя біографическіе очерки, составленные В. И. Семевскимъ (о Фонъ-Визинѣ), г. В. Богучарскимъ (объ Оболенскомъ), В. И. Семевскимъ (о Штейнгелѣ). Записки Штейнгеля напечатаны здѣсь въ двухъ редакціяхъ. Первая (главы I—III) появилась первоначально въ журналѣ „Историческій Вѣстникъ“; вторая редакція появляется въ печати впервые. Она примѣчательна тѣмъ, что посвящена преимущественно эпизоду 14-го декабря, дѣйствіямъ слѣдственной комиссіи и суда, т. е. тѣмъ событіямъ, о которыхъ въ соотвѣствующей главѣ первой редакціи говорится очень кратко. Вторая редакція является, такимъ образомъ, дополнительной частью „записокъ“.

Интересная личность Фонъ-Визина, его умъ и разносторонне развитое міросозерцаніе, разнообразныя событія его жизни—все это привлекаетъ къ нему вниманіе и независимо отъ его политической роли. Онъ былъ членомъ „тайнаго“ общества, не вѣрившаго въ возможность дарованія конституціи верховною властью и ставившаго своею задачей достиженіе политической свободы путемъ революціоннымъ. Въ своихъ запискахъ Фонъ-Визинъ ссылается на „одного политическаго писателя“, который—„видитъ въ самомъ бытіи въ Россіи тайнаго политическаго общества несомнѣнный признакъ, что и русскіе не вовсе чужды стремленіямъ къ свободнымъ политическимъ институціямъ“. Онъ

(продолжаетъ Фонъ-Визинъ) говорить о жертвахъ, принесенныхъ самовластію: „Скольки ни старались обезобразить и исказить событія, но самый ясный и простѣйшій смыслъ его и значеніе—то, что и въ Россіи нашлись патріоты, которые съ полнымъ самоотверженіемъ, безъ всякихъ видовъ личной корысти и выгодъ касты, или собственнаго положенія въ обществѣ, пожертвовали собою, чтобы своему отечеству, цѣлой странѣ приобрести институціи, обеспечивающія свободу, благоденствіе и достоинство всѣмъ и каждому. Память такой благодушной жертвы не погибнетъ даже и тогда, когда время изгладитъ несчастія и скорби столькихъ семействъ. Исторія же начертаетъ на своихъ скрижаляхъ имена пострадавшихъ патріотовъ, а также жестокости и неправосудіе русскаго правительства, принесшаго ихъ въ жертву своему деспотизму за то, что они стремились обуздать его“.

Биографъ такъ характеризуетъ Фонъ-Визина, какъ писателя и политическаго мыслителя: „Изученіе его статей приводитъ къ выводу, что онъ совершенно не имѣнилъ тѣмъ идеаламъ, которымъ желалъ послужить, сдѣлавшись членомъ тайнаго общества. Главною цѣлью тѣхъ тайныхъ обществъ, членомъ которыхъ онъ былъ — Союза Спасенія, Союза Благоденствія и Сѣвернаго Общества — было желаніе добиться преобразованія политическаго устройства Россіи. Въ главномъ историческомъ трудѣ Фонъ-Визина красною нитью проходитъ желаніе показать, что даже въ до-петровской Руси существовали учрежденія, дававшія народу возможность непосредственно или черезъ своихъ представителей участвовать въ законодательствѣ или управленіи государствомъ, а послѣ Петра Великаго отъ времени до времени обнаруживалось стремленіе къ политическимъ реформамъ. Отмѣтимъ также взглядъ Фонъ-Визина на нашъ политическій строй въ его статьѣ „О подражаніи русскихъ европейцамъ“. — „Хотя въ Россіи образъ правленія, — говоритъ авторъ, — остался тотъ же, что былъ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ или при Петрѣ, — мы и теперь живемъ подъ тѣмъ же неограниченнымъ самодержавіемъ; однако, какой деспотъ позволить себѣ и сотую долю тѣхъ жестокостей и неистовствъ, какія совершали безнаказанно оба эти государя. Павелъ I тиранствовалъ, правда, 4 года, но извѣстно, чѣмъ это кончилось, и какъ онъ дорого заплатилъ за свою тираннію“. Указавъ на то, что „изъ всѣхъ русскихъ государей Екатерина II и Александръ I болѣе всѣхъ дорожили мнѣніемъ Европы“, и потому въ ихъ царствованіе совершилось много полезныхъ, славныхъ и блистательныхъ дѣяній, Фонъ-Визинъ продолжаетъ: „*стыда ради европейскаго* и самодержавіе, надѣвая личину свободолюбія и патріотизма, удерживаетъ ихъ отъ многихъ насильственныхъ дѣйствій и иногда полагаетъ предѣлы собственному произволу и прихоти“.

Напечатанныя въ упоминаемой книгѣ „Записки М. А. Фонъ-Ви-

зна“, представляющія собою, какъ извѣстно, дополненный личными воспоминаніями автора разборъ книги „Esneaux и Chennéchet“ („Histoire de Russie“, Paris, 1835), помѣщены здѣсь въ редакціи, дополненной изъ сличенія печатныхъ редакцій съ копіей подлинной рукописи, хранящейся въ бібліотекѣ Главнаго Архива. Сочиненіе Фонъ-Визина представляетъ собой обзоръ проявленій политической жизни въ Россіи. Задаваясь цѣлью представить такое обзоръ, авторъ исходилъ изъ того основнаго взгляда, что, какъ это выразила г-жа Сталь, въ жизни народовъ свободѣ во всѣхъ ея видахъ (политической, гражданской, личной) неоспоримо принадлежитъ законное право давности передъ самовластіемъ (c'est le despotisme qui est nouveau, et la liberté qui est ancienne). „Эта мысль гениальной писательницы,—говоритъ Фонъ-Визинъ,—вѣрна относительно европейскаго человѣчества, и подтверждается древнею и даже среднею исторіей Россіи, которая только въ новѣйшія времена, съ Петра Великаго, сдѣлалась классическою почвою самодержавія“. Въ дальнѣйшемъ авторъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на проектѣ конституціи, составленномъ Сперанскимъ, и приводитъ, въ числѣ прочихъ, слѣдующія положенія:

„Правительство не можетъ почитаться законнымъ, если оно не основано на общей волѣ народа“.

„Источникъ власти пребываетъ всегда въ народѣ, въ самой странѣ“.

„Всякое правительство существуетъ только въ силу извѣстныхъ условій и только тогда законно; если свято исполняетъ эти условія“.

„Основные государственные законы должны быть дѣломъ націи и выраженіемъ ея воли“.

„Основные государственные законы необходимо ограничиваютъ верховную власть“.

„Деспотическая власть могла только приличествовать младенчеству гражданскихъ обществъ“.

„Народъ необходимо долженъ участвовать въ законодательствѣ чрезъ избранныхъ имъ представителей“.

„Всякій долженъ судиться равными ему“.

„Не упоминая о другихъ институціяхъ, что значить самое русское дворянство, когда и лицо благородное, и его собственность, и его честь зависятъ не отъ закона, а отъ произвола неограниченнаго правителя? „Самый законъ не зависитъ ли отъ его воли? Не онъ ли издаетъ его и провозглашаетъ? Право собственности есть только право, терпимое верховною властью“.

Личность другого декабриста—кн. Е. П. Оболенскаго—также весьма замѣчательна. „Дѣловитый, основательный умъ,—какъ его характеризуетъ въ своей автобіографіи А. Д. Боровковъ,—твердый, рѣшительный характеръ, неутомимая дѣятельность въ достиженіи предпо-

ложенной цѣли — вотъ свойства Оболенскаго“. Для характеристики послѣдняго приведемъ и дальнѣйшія строки отзыва Боровкова: „Онъ былъ въ числѣ учредителей Сѣвернаго Общества и ревностнымъ членомъ Думы. Сочиненіе его въ духѣ общества, объ обязанностяхъ гражданина, служило оселкомъ для испытанія къ принятію въ члены, смотря по впечатлѣнію, какое производило оно на слушателя. Оболенскій былъ самымъ усерднымъ сподвижникомъ предпріятія и главнымъ, послѣ Рылѣва, виновникомъ мятежа въ Петербургѣ“.

Сосланный наравнѣ съ другими участниками заговора въ Сибирь, въ Нерчинскъ, Оболенскій оставилъ, въ письмѣ къ А. В. Протасьеву, описаніе своей жизни на каторгѣ. „Прибывъ туда (Нерчинскъ), — пишетъ Оболенскій, — послали насъ въ острогъ или, лучше сказать, въ тюрьму, въ которой подѣланы были для каждаго клѣтки въ два аршина длины и въ полтора ширины. Насъ выпускали изъ клѣтокъ, какъ звѣрей, на работу, на обѣдъ и ужинъ и опять запирали. Работа была подъ землей на 70 и болѣе сажень. Урочныя наши работы были наравнѣ со всѣми каторжными въ заводѣ, отъ которыхъ мы отличались единственно тѣмъ, что насъ держали послѣ работы въ клѣткахъ, а они всѣ пользуются свободою, исключая тѣхъ, кои впадаютъ послѣ ссылки на заводы въ преступленія, за которыя ихъ наказываютъ и сажаютъ на извѣстное время въ тюрьму. Не стану тебѣ описывать, любезный другъ, подземное царство, которое ты можешь узнать отъ всякаго, бывшаго въ горныхъ заводахъ... Но ты можешь себѣ представить, каково намъ было въ тюрьмѣ, если работа въ горѣ была для насъ временемъ пріятнѣйшимъ, нежели заключеніе домашнее. Дни праздничные были для насъ точно днями наказанія: въ душной клѣткѣ, гдѣ едва можно повернуться, миллионъ клоповъ и разной гадины осыпали тебя съ головы до ногъ и не давали покоя. Присоедини къ тому грубое обращеніе начальства, которое, привывши обращаться съ каторжными, поставляло себѣ обязательностью насъ осыпать ругательствами, называя насъ всѣми ругательными именами. Къ тому же долженъ тебѣ сказать, что къ намъ приставленъ былъ отъ Иркутскаго губернатора кварталный, который долженъ былъ смотрѣть за нами, а отъ горнаго начальства офицеръ горный, которому также поручено было смотрѣть за нами. Горное начальство боялось донесеній кварталнаго, и потому строгость умножало; кварталный же боялся горныхъ, и, такимъ образомъ, насъ окружали двѣ непріязненные силы, которыя старались только увеличить наши тягости. Съ февраля мѣсяца на насъ надѣли желѣза, а съ весной насъ велѣно употреблять только на работы надъ землею, что, по ихъ мнѣнію, значило облегченіе въ работѣ, а по нашему — увеличеніе тягости работы, которая подъ землею легче. Впрочемъ, ко всему можно при-

выкнуть, исключая того, что оскорбляетъ человѣческое достоинство. Въ семь послѣднемъ мы, дѣйствительно, получили облегченіе, потому что начальникъ заводовъ (Бурнашовъ) рѣже началъ насъ посѣщать, и потому мы уже не слышали слова слишкомъ оскорбительнаго. Къ тому же присутствіе нашихъ истинныхъ ангеловъ-хранителей, княгини Трубецкой и Волконской, доставляло намъ и отраду, и утѣшеніе“...

Но ни тяжкій трудъ, ни изнурительныя условія жизни не могли сломить желѣзную натуру Оболенскаго. Въ 1839 году онъ былъ перечисленъ въ ссыльно-поселенцы и жилъ сначала въ Туринскѣ, а потомъ въ Ялуторовскѣ, тобольской губерніи. Тамъ, по словамъ его біографа, онъ провелъ въ изгнаніи еще семнадцать лѣтъ жизни, прилагая усилія къ тому, чтобы не дать себя заѣсть тоскѣ, и стараясь по возможности быть полезнымъ окружающимъ его людямъ. По манифесту 1856 года. Оболенскій возвратился въ Россію, гдѣ и прожилъ до 1865 г.

Его записки, помимо чисто фактическихъ данныхъ, производятъ глубокое впечатлѣніе своей задушевностью, искренностью, простотой. Непоколебимая убѣжденность въ своей правотѣ, восторжествовавшая въ концѣ испытанія надъ вполне понятными колебаніями въ моментъ созрѣванія заговора, соединялась въ его изложеніи съ горячей любовью къ товарищамъ по изгнанію и къ людямъ вообще. Оканчивая свои записки въ Ялуторовскѣ въ 1856 году, Оболенскій находилъ высшую отраду въ томъ сознаніи, что общее дѣло, которому служили декабристы, не увѣнчавшись счастливымъ исходомъ, наложило неизгладимую нравственную печать на каждого изъ членовъ „Союза Благоденствія“. Она выразилась прежде всего въ томъ взаимномъ уваженіи, въ томъ нравственномъ чувствѣ, которое одушевляло товарищей въ ихъ постоянныхъ и близкихъ отношеніяхъ между собой. Это взаимное уваженіе,—пишетъ прежній блестящій баловень свѣта,—было основано не на свѣтскихъ приличіяхъ, не на правилахъ свѣтскаго воспитанія,—но на стремленіи каждого ко всему, что носитъ печать истины и правды. Юноши, бывшіе тутъ, возмужали подъ влияніемъ этого общаго нравственнаго направленія и сохранили впоследствии тотъ же самый неизмѣнный характеръ. Разсѣянные по всѣмъ краямъ Сибири, каждый сохранилъ свое личное достоинство и приобрѣлъ уваженіе тѣхъ, съ коими онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ“. Такова была нравственная атмосфера, въ которой эти люди совершали свой подвигъ самоотверженія и нравственнаго долга. Въ своихъ запискахъ Оболенскій останавливается на знакомствѣ съ Рыгѣвымъ, на различныхъ моментахъ событія 14-го декабря, на слѣдственной

комиссiи и судѣ и, съ особой обстоятельностью, на первомъ періодѣ своей жизни въ Сибири.

Не мало интересныхъ данныхъ, какъ для характеристики событiй, такъ и личности автора, заключаютъ въ себѣ и записки бар. Штейнгеля, а также письма его къ имп. Николаю Павловичу. „Все-милостивѣйшій Государь! — пишетъ изъ своего заточенiя въ Петропавловской крѣпости Штейнгель:— сколько бы ни оказалось членовъ тайнаго общества, или вѣдавшихъ про оное, сколько бы многихъ по сему преслѣдованiю ни лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, раздѣляющихъ тѣ же идеи и чувствованiя. Россiя такъ уже просвѣщена, что лавочные сидѣльцы читаютъ уже газеты; а въ газетахъ пишутъ, чтѣ говорятъ въ палатѣ депутатовъ въ Парижѣ. Не первая ли мысль, почему мы не можемъ разсуждать о нашихъ правахъ и собственности? — родится въ головѣ каждаго. Большая часть профессоровъ, литераторовъ, журналистовъ должны душевно принадлежать къ желателямъ конституціоннаго правленiя: ибо свобода тисненiя сопряжена съ личной ихъ выгодой. Книгопродавцы тоже, купцы тоже. Наконецъ, всѣ тѣ, кои бывали въ иностранныхъ государствахъ, а иные и образовались тамъ; всѣ тѣ, кои служили въ гвардiи и теперь служатъ, не того ли же образа мыслей? Кто изъ молодыхъ людей, нѣсколько образованныхъ, не читалъ и не увлекался сочиненiями Пушкина, дышащими свободой, кто не цитировалъ басни Дениса Давыдова: „Голова и ноги“!

„Можетъ быть, въ числѣ тѣхъ, кои имѣютъ счастье окружать особу вашу, есть таковыя. О, Государь! чтобы истребить корень свободомыслия, нѣтъ другого средства, какъ истребить цѣлое поколѣнiе людей, кои родились и образовались въ послѣднее царствованiе. Но если сіе невозможно, то останется одно — препобѣдить сердца милосердiемъ и увлечь умы рѣшительными явными приемами къ будущему благоденствiю государства“...

Записки Штейнгеля замѣчательны, между прочимъ, яркой картиной суда и казни декабристовъ; г. П. Щеголевъ сопровождалъ ихъ рядомъ интересныхъ примѣчанiй.

Внѣшность изданiя превосходна; къ сожалѣнiю, цѣна его нѣсколько высока.

II.

— Записки И. Д. Якушкина. Изданiе второе, безъ перемѣнъ. Москва. 1905.

Недавно вышло первое изданiе этой книги и уже успѣло все разойтись,—это достаточно показываетъ тотъ интересъ, съ какимъ она была встрѣчена широкими кругами нашей читающей публики. Цен-

зурный запретъ, долгіе годы тяготѣвшій надъ записками И. Д. Якушкина, выдающаяся личность автора и характеръ событій, изображенныхъ въ его повѣствованіи—все это, безъ сомнѣнія, должно было содѣйствовать успѣху книги. Но едва ли не большее значеніе она имѣла въ томъ отношеніи, что появленіе ея совпало съ тѣмъ моментомъ особой политической любознательности, которая стремится осмыслить настоящее примѣрами недавняго прошлаго, когда причины, порождавшія аналогичныя общественныя явленія еще не успѣли отойти въ исторію, и становится возможнымъ на основаніи изученія извѣстнаго ряда историческихъ процессовъ сознательно отнестись къ тѣмъ или другимъ теченіямъ, изъ которыхъ складывается современная жизнь, и даже намѣтить симптоматически пути и формы ближайшаго развитія. Событіе 14-го декабря, столь заманчивое для историка своимъ драматизмомъ, богатствомъ характеровъ и исторической обстановки, еще болѣе знаменательно для изслѣдователя нашей общественности съ точки зрѣнія развитія идеаловъ общественнаго блага, во имя которыхъ совершалась и совершается упорная борьба, сопровождаемая безконечнымъ рядомъ подвиговъ героическаго самопожертвованія, невѣроятныхъ страданій и несокрушимаго идеализма.

Среди различныхъ матеріаловъ, освѣщающихъ эпоху, въ которой произошла кровавая драма, извѣстная подъ именемъ заговора декабристовъ, записки Якушкина занимаютъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ. Въ неполномъ видѣ „Записки“ (первыя двѣ части) были изданы А. И. Герценомъ въ Лондонѣ въ 1862 г. и затѣмъ были перепечатаны въ Лейпцигѣ, въ 1874 г.; третья часть была помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 г. Настоящее изданіе соединяетъ всѣ три части, къ сожалѣнію, съ пропусками, впрочемъ незначительными—въ общей сложности около десяти строкъ. Простой, объективный разсказъ, съ стремленіемъ къ фактической сторонѣ изложенія, строгое отношеніе къ себѣ—все это производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что читатель невольно испытываетъ на себѣ вліяніе личности автора „Записокъ“, исполненной энергіи, искренности, благородства. Въ авторѣ чувствуется сильная воля и упругая, развитая серьезнымъ трудомъ мысль; извѣстные факты его біографіи, неоднократно приводившіеся въ нашей печати, свидѣтельствуютъ о томъ, что Якушкинъ былъ въ то же время и человекомъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ, доброй и даже нѣжной души. Родившись въ 1793 г. и получивъ разностороннее образованіе у лучшихъ въ свое время профессоровъ университета, Якушкинъ поступилъ въ военную службу и участвовалъ въ походахъ и сраженіяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, причемъ пробылъ цѣлый годъ въ Германіи и нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ. Это пребываніе за границей не могло не оказать на

Якушкина, какъ и на многихъ его товарищей, самаго рѣшительнаго вліянія, которое сказалось въ первые же дни по возвращеніи на родину. Контрастъ между русскою дѣйствительностью и тѣми формами жизни, съ которыми молодые образованные офицеры познакомились на Западѣ, былъ слишкомъ великъ, чтобы не отдаться въ ихъ душѣ большому чувству возмущенія и обиды. О первыхъ признакахъ этого чувства можно судить, напримѣръ, по такому незначительному на первый взглядъ факту. Изъ Франціи Якушкинъ вернулся моремъ и высадился вмѣстѣ съ своей войсковою частью у Ораніенбаума. Здѣсь войны слушали благодарственный молебенъ. Въ это время, по обыкновенію, вокругъ выстроенныхъ войскъ собралась толпа народа, и Якушкинъ, можетъ быть впервые, здѣсь обратилъ вниманіе на то, какъ полиція, отстраняя толпу, „нещадно била народъ“. „Это произвело на насъ,—сдержанно замѣчаетъ онъ,—первое неблагоприятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество“. Пристально всматриваясь съ тѣхъ поръ въ черты русской общественной и политической жизни, Якушкинъ ощущалъ въ своей душѣ горячій и непреодолимый протестъ противъ ея темныхъ и жестокихъ сторонъ, особенно же противъ крѣпостного права и самовластия. Въ 1818 году онъ вышелъ въ отставку, жилъ въ деревнѣ, пытался освободить крестьянъ и вступилъ въ тайное общество, за участіе въ которомъ былъ арестованъ въ 1826 году, судимъ и приговоренъ къ смертной казни, съ замѣной послѣдней двадцатью годами каторги. По отбытіи каторги (по уменьшенному сроку) Якушкинъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей былъ поселенъ въ Ялуторовскѣ, гдѣ оказалъ живое содѣйствіе развитію образованія среди мѣстнаго населенія, основавъ два училища для дѣтей обоего пола съ преподаваніемъ по Ланкастерской системѣ и съ довольно широкой программой; впрочемъ, весь кружокъ декабристовъ оставилъ по себѣ неизгладимую добрую память и въ этомъ городѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири. Въ 1856 году Якушкину было разрѣшено вернуться въ Россію, но здоровье его было уже надорвано, и въ слѣдующемъ году онъ скончался. Таковы вкратцѣ вѣшнія рамки его жизни.

Записки его начинаются изображеніемъ того важнаго перелома въ политической жизни Россіи, который наступилъ послѣ освободительной войны. Затѣмъ Якушкинъ подробно останавливается на различныхъ моментахъ въ образованіи и развитіи тайнаго общества, причемъ мѣтко и опредѣленно выясняетъ его преобладающе-политическій характеръ. Съ нѣкоторыми перерывами и пропусками, которые обусловливались отсутствіемъ Якушкина въ Петербургѣ, излагается исторія сношеній съ различными лицами по поводу ихъ участія въ тайномъ обществѣ и слѣдуетъ чистосердечная и подчасъ трогательная

исповѣдь того, что онъ испыталъ, пережилъ и почувствовалъ подъ слѣдствіемъ во время пребыванія въ Алексѣевскомъ рavelинѣ въ Петропавловской крѣпости и позже, въ тюрьмѣ въ Финляндіи и, наконецъ, на каторгѣ, въ Норчинскѣ. Разсказъ ведется живо и отчетливо, попутно дѣлаются мѣткія характеристики разныхъ лицъ, съ которыми авторъ приходилъ въ соприкосновеніе; любопытны замѣчанія о свиданіи съ Пушкинымъ, сцена съ императоромъ Николаемъ, описаніе казни пяти декабристовъ. Но особенно живо рисуется увлекающійся, горячій нравъ Якушкина въ томъ мѣстѣ „Записокъ“, гдѣ онъ говоритъ о своей готовности пожертвовать собой и взять на себя выполнение задуманнаго ими плана.

Много было наивнаго, безразсудно-порывистаго въ первыхъ дѣйствіяхъ того небольшого въ началѣ общества, которое поставило служеніе идеаламъ народнаго и общественнаго блага неизбѣжной задачей личнаго существованія своихъ членовъ, но уже скоро созданное ими умственное возбужденіе приняло болѣе сознательныя, а затѣмъ и реальныя формы и привело къ первой побѣдѣ, на половинѣ пути между ними и нашимъ временемъ, — къ великой освободительной эпохѣ.

III.

— Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Переводъ со второго изданія Л. Жбанкова. Спб. 1905.

Книга Антона Менгера весьма полезна для русскаго читателя, интересующагося социальными вопросами и лишеннаго возможности изучить громадную и еще мало систематизированную социалистическую литературу. Въ сжатомъ видѣ авторъ даетъ „практическія предложенія социализма въ дѣлѣ преобразованія нашего общества“. Положительный элементъ этихъ „предложеній“, конечно, идетъ параллельно съ рѣзкой критикой существующаго общественнаго строя и выражается въ уясненіи и указаніи путей, какимъ образомъ можетъ быть обеспечено участіе широкихъ массъ народа въ социалистическомъ движеніи. Автору представляется необходимымъ болѣе детально, чѣмъ прежде, „въ настоящее время, когда социалистическое міросозерпаніе постепенно приближается къ своему осуществленію“, выяснить положительныя организаторскія стороны социализма.

Предлагая общую схему историческаго развитія главнѣйшихъ социалистическихъ ученій по сочиненіямъ ихъ важнѣйшихъ представителей, авторъ дѣлитъ свою книгу на четыре части. Въ первой онъ даетъ общую характеристику понятій „государство и право“; во второй

рассматриваетъ формы экономической и семейной жизни въ народномъ рабочемъ государствѣ; въ третьей книгѣ излагаются принципы организаціи народнаго рабочаго государства; наконецъ, книга четвертая посвящена факторамъ перехода къ народному рабочему государству. По словамъ автора, его книга должна познакомить господствующіе и образованные классы европейскихъ странъ „съ кругомъ социалистическихъ идей, которыя никогда еще не излагались съ такой полнотой. Какъ ученіе, по преимуществу, критическое, социализмъ неизбежно вызоветъ возраженія со стороны широкихъ общественныхъ круговъ, ибо немногія изъ правилъ житейской мудрости пользуются такою общепризнанностью, какъ старая поговорка, гласящая, что критика легка, созиданіе лучшаго трудно. Разумѣется, рѣшительную безспорность социалистическій идеаль приобрѣтеть только вслѣдствіе полного осуществленія его въ одномъ изъ великихъ современныхъ культурныхъ государствъ. Но, до извѣстной степени, этой цѣли можно достигнуть и теоретическимъ путемъ, и мы претендуемъ на это, поскольку въ основу нашихъ построеній мы кладемъ только тѣ побудительныя причины человѣческихъ поступковъ, которыя дѣйствуютъ уже въ настоящее время, поскольку, далѣе, мы признаемъ только объективныя понятія права и государства и рекомендуемъ только тѣ средства политическаго и социальнаго преобразования, которыя уже испытаны всемірно-исторической практикой“.

Въ главѣ объ общихъ принципахъ введенія народнаго рабочаго государства Менгеръ останавливается на вопросѣ о средствахъ для достиженія того правового строя этого государства, который опредѣляется сущностью социалистическаго движенія. Авторъ останавливается на коренномъ вопросѣ: лежитъ ли путь къ народному рабочему государству черезъ реформу или черезъ революцію? Занимая среднюю позицію между Сень-Симономъ и Фурье, съ одной стороны, и Лассалемъ, Марксомъ и Энгельсомъ, съ другой, авторъ опровергаетъ обычное возраженіе, что святость и неприкосновенность существующаго правопорядка запрещаетъ нарушать правильно приобрѣтенныя права насильственнымъ образомъ. „Не трудно видѣть,—замѣчаетъ онъ,—полную несостоятельность подобныхъ возраженій, ибо господствующія фамиліи и партіи никогда не затруднялись въ рѣшительныя минуты нарушать даже и наилучше приобрѣтенныя права, разъ дѣло шло объ утвержденіи или упроченіи ихъ господства“. Однако, авторъ признаетъ революціонный способъ достиженія народнаго блага нецѣлесообразнымъ. Онъ, несомнѣнно, содѣйствуетъ быстрому переѣщенію политической власти изъ рукъ одной кoterии къ другой, но не задѣваетъ глубоко потока народной жизни, тогда какъ введеніе рабочаго государства приводитъ къ переустройству всего уклада

жизни, полагая въ основаніе нравственное возрожденіе человѣчества. „Я думаю, — говоритъ Менгеръ, — что подобное возрожденіе можетъ быть только результатомъ продолжительнаго воспитанія народа. Внезапное социалистическое законодательство такъ же мало можетъ достигъ своей цѣли, какъ и законъ, предписывающій всѣмъ гражданамъ сдѣлаться, начиная съ опредѣленнаго времени, мудрыми и добродѣтельными“.

Особенное положительное значеніе имѣютъ обстоятельныя указанія литературы предмета, приводимыя въ соответствующихъ мѣстахъ въ примѣчаніяхъ ¹⁾).

IV.

— На сибирскія темы. Подъ редакціей М. Н. Соболева. Спб. 1905.

Съ живѣйшимъ сочувствіемъ отмѣчаемъ появленіе этой книги. Помимо прекрасной благотворительной цѣли (сборникъ изданъ въ пользу томскихъ воскресныхъ школъ и Гоголевскаго народнаго дома), онъ интересенъ и по своему содержанію, и еще болѣе по тому духу общечеловѣчности и сочувствія ко всему идущему навстрѣчу просвѣщенію и свободѣ, который является объединяющимъ началомъ ряда различныхъ по темамъ статей. Редакторъ, М. Н. Соболевъ, объясняетъ во введеніи, какимъ образомъ создалась эта книга. Года два назадъ преподаватели томскихъ воскресныхъ школъ задумали ознаменовать двадцатипятилѣтіе со времени основанія послѣднихъ и остановились на предположеніи издать литературный сборникъ. Особая коммиссія обратилась къ писателямъ, такъ или иначе связаннымъ съ Сибирью, съ просьбой принять участіе въ задуманномъ изданіи. Съ понятнымъ сочувствіемъ откликнулись многіе писатели на этотъ призывъ; къ статьямъ, присланнымъ ими, было присоединено нѣсколько статей, посвященныхъ памяти Ядринцева (первоначально онѣ предназначались для неосуществившагося „Сборника памяти Ядринцева“), — и такимъ образомъ составила книга, достойная вниманія во многихъ отношеніяхъ. „Скоро исполнится двадцать-пять лѣтъ, — читаемъ въ предисловіи, — какъ безкорыстно работаетъ группа лицъ въ томскихъ воскресныхъ школахъ, черезъ которыя за четверть вѣка прошло свыше 9.000 человѣкъ учащихся, взрослыхъ и малолѣтнихъ. Въ настоящее время томскія воскресныя школы водворились въ Гоголевскомъ народномъ домѣ, въ учрежденіи, созданномъ пожертвованіями частныхъ лицъ и томскаго городского самоуправленія. Издавая „Сборникъ“, воскресныя школы не только полагаютъ отмѣтить имъ свой двадцатипятилѣтній юбилей, но и надѣются получить отъ продажи изданія нѣ-

¹⁾ О книгѣ Менгера см. также въ „Новостяхъ иностр. литературы“.

вторую матеріальную поддержку на оборудованіе своего помѣщенія и на свои образовательныя нужды“.

Памяти Ядринцева посвятили въ высшей степени сочувственыя теплыя строки С. Н. Южаковъ и Н. К. Михайловскій. Онѣ рисуютъ покойнаго публициста личностью въ высокой степени цѣльной, самоотверженно любившею свою родную Сибирь, полною неугасимой вѣры въ лучшее будущее своей родины и Россіи вообще. Михайловскій опредѣляетъ патріотизмъ Ядринцева, какъ не только высоко гуманный и сознательный, но и „дѣйственный“, увлекавшій его на активную работу во имя своихъ идеаловъ. Идея справедливости и человѣчности были руководящими началами этой „дѣйственности“. Въ доказательство этого Михайловскій приводитъ слова Ядринцева, къ которымъ было бы не лишнее прислушаться и въ настоящее время. Они относились собственно къ инородцамъ Сибири, но въ нихъ выразилась вся фізіономія писателя со всѣмъ складомъ его общечеловѣческихъ и политическихъ убѣжденій. „Мы не можемъ,—писалъ Ядринцевъ,—относиться безучастно къ судьбѣ инородцевъ и къ инородческому вопросу въ Россіи и Сибири. Нельзя допустить, чтобы рядомъ съ благосостояніемъ одной расы ухудшалось положеніе такихъ же людей, живущихъ рядомъ; невыгодно имѣть среди развивающейся культуры, въ странѣ, тронутой этой культурой, пустыни дикарей, обреченныхъ на бѣдственное состояніе; несправедливо, давая просвѣщеніе одной части населенія, исключать другую. Наконецъ, невозможно допускать въ краѣ, гдѣ усваивается цивилизація и просвѣщеніе, какое-либо униженіе, рабство и эксплуатацію человѣческой личности“. Въ сборникѣ помѣщено и нѣсколько стихотвореній самого Ядринцева. Онѣ не были поэтомъ, но отъ стихотвореній его вѣетъ тою же любовью къ родному краю, милой и нѣжной задумчивостью, искренностью тихаго и грустнаго чувства.

Въ статьѣ „Оскудѣніе Западной Сибири“ г. П. Голубевъ останавливается на фактахъ и причинахъ отсталости западной половины Сибири сравнительно съ восточной, причемъ ставитъ эту отсталость въ связи съ условіями общаго характера. По мнѣнію автора, громадную роль въ этомъ отношеніи сыграло проведеніе желѣзной дороги, усилившей окраины насчетъ центра. „При существующихъ въ Россіи условіяхъ необезпеченности крестьянъ въ правовомъ отношеніи, при ихъ малоземельи и отсутствіи кредита, когда другія сословія пользуются имъ въ изобиліи, при чрезмѣрномъ податномъ обложеніи ихъ, желѣзныя дороги, будучи сами по себѣ могучимъ средствомъ передвиженія, имѣютъ для крестьянскаго хозяйства скорѣе значеніе отрицательное, чѣмъ положительное“. Этотъ выводъ авторъ дѣлаетъ на основаніи рассмотрѣнія историко-статистическихъ данныхъ за извѣст-

ный періодъ лѣтъ о поступленіи по сибирскимъ губерніямъ разныхъ сборовъ въ казну (за право торговли и промысловъ, почтовыхъ, телеграфныхъ и податныхъ). Мѣстнымъ изученіямъ посвящены статьи гг. Кауфмана, Щербины, Лапко, Соболева („Задачи экономической политики въ Сибири“). Авторъ послѣдней статьи, разсмотрѣвъ условія добывающей и обрабатывающей промышленности въ Сибири, приходитъ къ выводу, что эта страна должна въ своихъ собственныхъ выгодахъ на долгіе годы ограничиться ролью земледѣльческой колоніи; поэтому экономически-нецѣлесообразно насаждать и поощрять въ ней промышленность обрабатывающую. Г. Оглоблину принадлежитъ очеркъ о старцѣ Аврааміи Венгерскомъ, одномъ изъ дѣятелей сибирскаго раскола. Кромѣ указанныхъ статей, въ сборникѣ находимъ нѣсколько рассказовъ, историческихъ воспоминаній (Г. Н. Потанина, И. П. Бѣлоконскаго), стихотвореніе г. Тана, замѣтки. Вышняя сторона изданія производитъ пріятное впечатлѣніе.

V.

Изъ украинской старины. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ. 1906.

Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ (1902) проф. Сумцовымъ былъ изданъ сборникъ статей подъ заглавіемъ „Очерки народнаго быта“, заключавшій въ себѣ его наблюденія во время этнографической экскурсіи въ Ахтырскомъ и Лебедянскомъ уѣздахъ харьковской губерніи. Въ настоящее время авторъ приурочиваетъ свой сборникъ къ XIII археологическому съѣзду въ Екатеринбургѣ. Въ этомъ сборникѣ авторъ соединилъ двѣнадцать статей, направленныхъ преимущественно на опредѣленіе бытовой старины Малороссіи, на основаніи украинскихъ писателей. Нѣкоторыя статьи появляются здѣсь впервые, другія перепечатаны изъ прежнихъ изданій, въ переработкѣ или съ дополненіями. Нѣкоторыя статьи мѣстнаго, харьковскаго, интереса снабжены рисунками.

Въ статьѣ „Къ исторіи Украинской иконописи“ авторъ подчеркиваетъ важность опредѣленія и изученія южно-русскаго, въ общемъ мало извѣстнаго иконописнаго творчества. „Въ то время, — говоритъ онъ, — когда сѣверно-русскіе иконописные приемы обстоятельно изучаются и выдающіеся памятники иконописи московской, владимірской, новгородской въ значительной степени уже собраны и изслѣдованы, иконопись южно-русская, къ сожалѣнію, остается до сихъ поръ въ тѣни, мало обслѣдована, и образцы ея разбросаны въ мало извѣстныхъ и трудно доступныхъ общественныхъ и частныхъ музеяхъ или

въ сельскихъ церквахъ, иногда въ забросѣ въ притворѣ или гдѣ-нибудь въ темномъ углу. А между тѣмъ остатки южно-русской иконописи заслуживаютъ полного вниманія съ разныхъ точекъ зрѣнія, — этнографической, церковно-исторической, историко-художественной и историко-литературной, тѣмъ болѣе, что въ старинной малорусской иконописи обнаружилась струя народнаго художественнаго творчества. Получая въ древнее время иконы изъ Цареграда, южно-русскій народъ воспользовался ими, какъ образцомъ иконописанія; съ теченіемъ времени, по любви къ родной землѣ, въ „маткѣ своей Малой Россіи“ онъ въ свои иконописныя попытки внесъ черты своего быта и наружности. Съ другой стороны, въ XVI—XVIII стол. стали проникать западно-европейскія художественныя вліянія, преимущественно итальянскіе мотивы, въ изображеніи священныхъ лицъ и событій. Подъ благотворнымъ вліяніемъ византійскаго искусства и, главное, въ силу врожденнаго чувства красоты, столь превосходно выразившагося въ думахъ, южно-русскіе художники настолько развили искусство иконописанія, что произведенія ихъ кисти не только удовлетворили религіозно-нравственнымъ потребностямъ ихъ земляковъ, но проникли даже въ католическіе храмы на духовную потребу гордой шляхты*.

Авторъ приводитъ цѣлый рядъ любопытныхъ явленій изъ области южно-русской иконописи, иллюстрируя свои описанія отчетливо выполненными снимками; особенно интересна иллюстрація акаѣиста Богородицы, представляющая собою попытку осмыслить пестрое и недостаточно вразумительное содержаніе акаѣистскаго текста. Въ статьѣ „Бытовая старина въ „Энеидѣ“ И. П. Котляревскаго“ авторъ даетъ этнографическій и археологическій комментарий къ тѣмъ положеніямъ и опредѣленіямъ Котляревскаго, которые уже прочно установились въ литературѣ. Изъ остальныхъ статей, носящихъ по преимуществу этнографическій характеръ, отмѣтимъ работы о Квиткѣ, Шевченкѣ, Манжурѣ и др. Значеніе Квитки-Основьяненка представляется автору въ слѣдующихъ чертахъ: „Можно сказать, что Квитка былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ этнографовъ малорусскихъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, непосредственно и внимательно изучавшихъ народную жизнь. Онъ не издавалъ своихъ записей въ видѣ сырого этнографическаго матеріала; научное значеніе такихъ записей въ то время не было сознано, и изданіе ихъ въ свѣтъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Такія затрудненія Квитка обходилъ, предавая своимъ этнографическимъ матеріаламъ литературную обработку и выпуская ихъ въ рамкѣ романической фабулы“... „Кое-что изъ того, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ было этнографично, теперь представляется устарѣлымъ, служить матеріаломъ для исторіи быта и культуры; но многое еще сохраняетъ бытовое значеніе и представляется

характернымъ для малорусскаго народа и въ настоящемъ положеніи его умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго развитія“.

Опредѣленіе въ художественной литературѣ чертъ этнографическихъ, вообще бытовыхъ, должно занять, несомнѣнно, видное мѣсто въ предстоящей разработкѣ соотношеній народнаго творчества съ художественной литературой и дать цѣнные выводы историко-бытового характера. Въ этомъ смыслѣ книга г. Сумцова, подобно его многочисленнымъ прежнимъ работамъ, прокладываетъ дорогу въ область, сравнительно еще мало изслѣдованную, что и опредѣляетъ ея основное значеніе, въ связи съ тѣми приемами и методами изслѣдованія, которые составляютъ отличительную особенность этого писателя.

VI.

Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1905 г. Книга VI. Слб. 1905.

Большая часть этой книжки занята повѣстью г. А. Куприна „Поединокъ“, которая справедливо обратила на себя вниманіе и публики, и критики. Она представляетъ собой во многихъ отношеніяхъ выдающееся явленіе, интересное не только съ точки зрѣнія фабулы и особенностей художественнаго выполненія, но и по глубокой жизненности своего идейнаго содержанія, по своему соответствію съ заботами и потребностями переживаемой нами минуты. Живой и общественно чуткій темпераментъ писателя ставитъ въ его дарованіи публицистическій элементъ на первый планъ, подчиняя ему приемы объективно-художественнаго изображенія: этимъ объясняются достоинства и недостатки произведенія—возбужденіе горячей общественной мысли, чувство негодованія и возмущенія по поводу совершающихся на нашихъ глазахъ зла и неправды, пламенные рѣчи героевъ, необъяснимыя изъ развитія драматическаго элемента въ романѣ, растянутасть, эскизность въ обрисовкѣ многихъ сценъ и характеровъ; общее впечатлѣніе—яркая, жизненная правда, захватывающая своимъ содержаніемъ все вниманіе читателя, живая, превосходная фотографія дѣйствительности съ тѣмъ отличіемъ, что она представляетъ собою не бездушное отраженіе того, что существуетъ на свѣтѣ, но согрѣтое искреннимъ призывомъ автора къ жизни и борьбѣ съ ея темными сторонами.

Изображается въ повѣсти захоластная офицерская среда, проникнутая искусственной атмосферой преувеличеннаго понятія о своемъ званіи, насилія и грубости, съ одной стороны, и униженія, мелочныхъ оскорбленій, умственнаго убожества, съ другой. Будничная жизнь ка-

плеть день за днемъ среди сѣрыхъ казарменныхъ стѣнъ, пьянаго угара въ офицерскомъ собраніи, среди мелкихъ интригъ и сплетенъ, грубаго разгула, циничныхъ разговоровъ, жалкаго тщеславія и пустоты. Историческія традиции военной службы, традиции кровавыхъ войнъ, дикаго разгула, рыцарскихъ добродѣтелей и дворцовыхъ переворотовъ выродились въ жалкое армейское прозябаніе по глухимъ городишкамъ, еврейскимъ мѣстечкамъ, превратившись въ одно формальное, для большинства ненавистное несеніе служебныхъ обязанностей, въ которомъ нѣтъ и тѣни прежняго соответствія съ духомъ времени и условіями общественной организаци. Эта, пережившая самю себя военная атмосфера служить содержаніемъ повѣсти г. Куприна, знакомаго, повидимому, съ военнымъ бытомъ до мельчайшихъ подробностей. Сюжетъ повѣсти незатѣливъ. Молодой, симпатичный юноша Ромашовъ выходитъ въ офицеры по какому-то недоразумѣнію: онъ слишкомъ мягокъ и слабъ душою, чтобы безъ внутренней борьбы свыкнуться съ грубой дѣйствительностью; онъ слишкомъ чутокъ и честенъ, чтобы сразу покончить со всѣми молодыми порывами своей души, но не настолько силенъ и развитъ, чтобы противопоставить свою волю разлагающему вліанію среды. Въ прошломъ у него—наполовину потерянные годы въ корпусѣ и военномъ училищѣ, въ будущемъ—смутныя надежды на самообразование и мечты объ академіи, въ настоящемъ передъ нимъ одинъ путь—ненавистная служба, безденежье, провинціальная тина, душевная пустота. Женщины его берутъ, какъ ребенка, товарищи его не уважаютъ, потому что онъ нѣженъ, слабохарактеренъ, не служака, нѣчто неопредѣлившееся, неформальное. Онъ гордо, по-дѣтски, мечтаетъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, а самъ инстинктивно ищетъ участія и ласки. Поманила его одна изъ полковыхъ дамъ, и Ромашовъ очутился ея любовникомъ; поманила другая, красивѣе, сильнѣе, и Ромашовъ со всею искренностью, на которую былъ способенъ, отдалъ ей свое чувство, не огненно-страстное, но сердечное, простое, готовое на жертвы. Авторъ рассказываетъ, какъ изъ-за одной изъ такихъ дамъ, не любившей, какъ водится, мужа, произошла ссора, повлекшая къ нелѣпой дракѣ и поединку, по приговору офицерскаго суда чести. Обстановка всего дѣла не заслуживаетъ того, чтобы на ней подробно останавливаться въ коротенькой замѣткѣ; здѣсь, какъ въ большинствѣ скандальныхъ полковыхъ исторій, есть лицо и подлость, и интрига, и недоброжелательство, и жестокость, и грубое издѣвательство надъ правосудіемъ, стоившее, во имя нелѣпныхъ понятій о чести, жизни совсѣмъ еще молодому человѣку. Судъ офицеровъ, среди которыхъ, если вѣрить автору повѣсти, есть и шулера, и утайщики солдатскихъ денегъ, и отъявленные пропойцы, и тупые, совсѣмъ невѣжественные люди, призванъ рѣшать вопросъ

жизни и смерти, не имѣя ни средствъ, ни желанія изслѣдовать глубину человѣческой души, взвѣсить всѣ нравственные мотивы и найти въ нихъ то оздоровляющее начало, присутствіе котораго парализуетъ всякую мысль о насиліи и смерти. Отжившее, средневѣковое понятіе о рыцарской чести превратилось въ жалкій лоскутъ, который люди хотятъ сдѣлать бѣлымъ, моа не всегда чистыми руками въ мутной водѣ. Со всѣмъ строемъ вывѣтрившейся формалистики, ненужныхъ жестокостей, напрасныхъ страданій, съ переустройствомъ всей военной организаціи на болѣе рациональныхъ началахъ, и это потерявшее свой смыслъ право располагать жизнью другого должно исчезнуть, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, должно замѣниться болѣе здравымъ, справедливымъ и гуманнымъ отношеніемъ къ возникающимъ среди людей проявленіямъ низменныхъ сторонъ ихъ природы—вражды, мстительности и алобы. Таково заключеніе, выносимое читателемъ изъ новѣсти г. Куприна. На развитіи разсужденій этого порядка нельзя не остановиться болѣе подробно. Авторъ вкладываетъ ихъ, въ отвлеченной формѣ, въ уста весьма искусственно сочиненной фигуры—офицера Назанскаго, адволика, неудачника. Отрезваясь отъ хмельного угара, Назанскій плыветъ въ лодкѣ съ Ромашовымъ и проводитъ параллель между тѣмъ, какъ прекрасна жизнь сама по себѣ, и тѣмъ, во что превращаютъ ее люди. По его словамъ, въ жизни нѣтъ ничего лучшаго радости бытія. По его мнѣнію, никто въ мірѣ не вѣритъ въ загробную жизнь. „Оттого всѣ боятся смерти, но малодушные дураки обманываютъ себя перспективами лучезарныхъ садовъ и сладкаго пѣнія кастратовъ, а сильные—молча перешагиваютъ грань необходимости“... „О, радость, о, божественная красота жизни“, восторгается Назанскій, и восторгъ этотъ пріобрѣтаетъ особый, таинственный смыслъ: ихъ бесѣда происходитъ наканунѣ поединка Ромашова. „Смотрите: голубое небо, вечернее солнце, тихая вода—вѣдь дрожишь отъ восторга, когда на нихъ смотришь—вонъ тамъ, далеко, вѣтряныя мельницы машутъ крыльями, зеленая, кроткая травка, вода у берега—розовая, розовая отъ заката. Ахъ, какъ все чудесно, какъ все нѣжно и счастливо!“ Отъ этой идилліи Назанскій переходитъ къ характеристикѣ офицерской жизни, и картины одна другой безотраднѣе создаются его возбужденной рѣчью: „Поглядите-ка вы на нашихъ офицеровъ,—говоритъ онъ.—О, я не говорю про гвардейцевъ, которые танцуютъ на балахъ, говорятъ по-французски и живутъ на содержаніи у своихъ родителей и законныхъ женъ. Нѣтъ, подумайте вы о насъ, несчастныхъ армютахъ, объ армейской пѣхотѣ, объ этомъ главномъ ядрѣ славнаго русскаго войска. Вѣдь все это заваль, рвань, отбросы. Въ лучшемъ случаѣ—сыновья искалѣченныхъ капитановъ. Въ большинствѣ же—убоявшіеся премудрости гимназисты, реалисты,

даже неокончившіе семинаристы. Я вамъ приведу въ примѣръ нашъ полкъ. Кто у насъ служить хорошо и долго? Бѣдняки, обремененные семьями, нищѣ, готовые на всякую уступку, на всякую жестокость, даже на убійство, на воровство солдатскихъ кофѣекъ,—и все это изъ за своего горшка щей. Ему приказываютъ: стрѣлай, и онъ стрѣляетъ,—кого? за что? можетъ быть, понапрасну?—ему все равно, онъ не разсуждаетъ. Онъ знаетъ, что дома пищать его замурзанныя рахитическія дѣти, и онъ бессмысленно, какъ дятель, выпуча глаза, долбитъ одно слово: „присяга!“ Все, что есть талантливаго, способнаго,—спивается. У насъ семьдесятъ пять процентовъ офицерскаго состава болны сифилисомъ. Одинъ счастливецъ—и это разъ въ пять лѣтъ—поступаетъ въ академію, его провожаютъ съ ненавистью. Болѣе прилизанные и съ протекціей неизвѣнно уходятъ въ жандармы или мечтаютъ о мѣстѣ полицейскаго пристава въ большомъ городѣ. Дворяне и тѣ, кто хотя съ маленькимъ состояніемъ,—идутъ въ земскіе начальники. Положимъ, остаются люди чуткіе, съ сердцемъ, но что они дѣлаютъ? Для нихъ служба—это сплошное отвращеніе, обуза, ненавидимое ярмо. Всякій старается выдумать себѣ какой-нибудь побочный интересъ, который его поглощаетъ безъ остатка. Одинъ занимается коллекціонерствомъ, многіе едутъ не дожудтся вечера, когда можно сѣсть дома у лампы, взять иголку и вышивать по канвѣ крестиками какой-нибудь паршивенькій ненужный коверчикъ или выпилывать лобзикомъ ажурную рамку для собственнаго портрета. На службѣ они мечтаютъ объ этомъ, какъ о тайной сладостной радости. Карты, хвастливый спортъ въ обладаніи женщинами—объ этомъ я ужъ не говорю. Всего гнуснѣе служебное честолюбіе, мещане, жестокое честолюбіе. Это Осадчій и компанія, выбивающая зубы и глаза своимъ солдатамъ. Знаете ли, при мнѣ Арчаковскій такъ билъ своего денщика, что я насилу отнял его. Потомъ кровь оказалась не только на стѣнахъ, но и на потолкѣ. А тѣмъ это кончилось, хотите ли знать? Тѣмъ, что денщикъ побѣждалъ жаловаться ротному командиру, а ротный командиръ послалъ его съ запиской къ фельдфебелю, а фельдфебель еще полчаса билъ его по синему, опухшему, кровавому лицу. Этотъ солдатъ дважды заявлялъ жалобу на инспекторскомъ смотрѣ, но безъ всякаго результата“...

Война отжила свое время, думается Назанскому,—время хмельной радости, кровавой и доблестной утѣхи. Военная служба для солдата—насильственная тягота, а не веселое и хищное ремесло. Начальники изъ грозныхъ и обожаемыхъ атамановъ превратились въ чиновниковъ, влачащихъ жалкое существованіе за нищенское жалованье. „Ихъ доблесть—подмоченная доблесть. И воинская дисциплина—дисциплина за страхъ—соприкасается съ обоюдною ненавистью. Красивые фазаны

облиняли. Только одинъ подобный примѣръ я знаю въ исторіи чело-
вѣчества. Это монашество. Начало его было смиренно, красиво и
трогательно. Можетъ быть,—почемъ знать—оно было вызвано мировой
необходимостью? Но прошли столѣтія, и что же мы видимъ? Сотни
тысячъ бездѣльниковъ, развращенныхъ, вдовольныхъ лоботрясовъ,
ненавидимыхъ даже тѣми, кто въ нихъ имѣетъ время отъ времени
духовную потребность. И все это прикрито вѣшной формой, шарла-
танскими знаками касты, смѣшными вывѣтрившимися обрядами.
Нѣтъ; я не напрасно заговорилъ о монахахъ, и я радъ, что мое
сравненіе логично. Подумайте только, какъ много общаго. Тамъ—
рыса и кадило, здѣсь—мундиръ и гремящее оружіе; тамъ—смиреніе,
лицемѣрные вздохи, слащавая рѣчь, здѣсь—награнное мужество,
гордая честь, которая все время вращаетъ глазами: „а вдругъ меня
кто-нибудь обидитъ?“—выпяченные груди, вывороченные локти, под-
нятыя плечи. Но и тѣ и другіе живутъ паразитами и знаютъ, вѣдь
знаютъ это глубоко въ душѣ, но боятся познать это разумомъ и,
главное, животомъ. И они подобны жирнымъ вшамъ, которыя тѣмъ
сильнѣе отбѣдаются на чужомъ тѣлѣ, чѣмъ оно больше разлагается“.

Рѣчь Назанскаго переходитъ въ пророческій тонъ. Онъ говоритъ
о времени наступленія великихъ разочарованій и страшной переоцѣнки,
говоритъ о точныхъ и неумолимыхъ законахъ „генія челоѣчества“,
по которымъ вѣковое рабство кончится ужаснымъ распаденіемъ, и чѣмъ
громаднѣе было насиліе, тѣмъ кровавѣе будетъ расправа. Представи-
телей насилія, угнетенія личности, произвола перестанутъ уважать, а
преданный имъ солдатъ откажется повиноваться. „И это будетъ не
за то, что мы били въ кровь людей, лишенныхъ возможности защи-
щаться, и не за то, что намъ, во имя чести мундира, проходило без-
наказаннымъ оскорбленіе женщины, и не за то, что мы, опьянѣвъ,
рубилъ въ кабакахъ въ окрошку всякаго встрѣчнаго и поперечнаго,
и не за то также, что мы, начальственные дармоѣды, покрывали во
всѣхъ странахъ и на всѣхъ поляхъ сраженій поворомъ русское оружіе,
а наши же солдаты выгоняли насъ изъ кукурузы штыками. Конечно,
и за то и за это, но есть у насъ болѣе страшная и уже теперь не-
поправимая вина.—Это то, что мы—слѣпы и глухи ко всему. Давно
уже, гдѣ-то вдали отъ нашихъ грязныхъ, вонючихъ стоянокъ, совер-
шается огромная новая, свѣтосарная жизнь. Появились новые смѣлые,
гордые люди, загораются въ умахъ пламенные свободныя мысли. Какъ
въ послѣднемъ дѣйствиіи мелодрамы, рушатся старыя башни и под-
земелья, и изъ-за нихъ уже видится ослѣпительное сіяніе. А мы, на-
дувшись, какъ индѣйскіе пѣтухи, только хлопаемъ глазами и надменно
болбочемъ: „что? гдѣ? молчать! Бунты! Застрѣлю!“ И вотъ этого-то

индюшачьяго презрѣнія къ свободѣ человѣческаго духа намъ не простать—вовѣки вѣковъ“.

Сквозь общія, подчасъ утопическія разсужденія о новой божественной вѣрѣ, которая пребудетъ безсмертною до конца міра, что, казалось бы, не очень вѣжется съ высказывавшимися выше матеріалистическими взглядами на жизнь и неотступнымъ страхомъ смерти,—у Назанскаго, а вѣрнѣе у автора, проступаетъ непреоборимая ненависть къ тому насилію и угнетенію, которое заключилось въ форму спеціальныхъ признаковъ и привиллегій офицерскаго сословія. Но рядомъ съ прекрасными и вполне основательными разсужденіями, которыя не могутъ не вызвать желанія распространить мысли автора и вширь, и вглубь, у него встрѣчаются и положенія нѣсколько рискованныя и увлеченія, особенно тамъ, гдѣ авторъ не можетъ освободиться отъ вліянія Максима Горькаго. Допуская возможность паденія до босачества, до пропойства, Назанскій у г. Куприна идеализируетъ эти два родственныя состоянія и, забывъ свои разсужденія о чловѣкѣ, царѣ міра и богѣ всего живущаго, находитъ жизнь любого бродяжки полнѣе и интереснѣе, чѣмъ жизнь какикъ-нибудь захудалыхъ армейскихъ служаекъ. „Ходишь по землѣ—туда-сюда, видишь города, деревни, знакомишься со множествомъ странныхъ, безпечныхъ, насмѣшливыхъ людей, смотришь, нюхаешь, слышишь, спишь на росистой травѣ, мерзнешь на морозѣ, ни къ чему не привязанъ, никого не боишься, обожаешь свободную жизнь всѣми частицами души... Эхъ, какъ люди вообще мало понимаютъ! Не все ли равно: ѣсть воблу или сѣдло дикой козы съ трюфелями, напиться водкой или шампанскимъ, умереть подъ балдахномъ или въ полицейскомъ участкѣ. Все это детали, маленькія неудобства, быстро проходящія привычки. Онѣ только затѣняютъ, обезцвѣчиваютъ самый главный и громадный смыслъ жизни“.

Пора оставить это ребяческое превознесеніе босачества, какъ состоянія, въ которомъ смыслъ жизни находятъ лучшіе способы своего осуществленія. Онъ—въ чловѣкѣ, въ его внутреннемъ отношеніи ко всему, съ чѣмъ соприкасается его душа и тѣло. Можно быть офицеромъ, статистикомъ, писателемъ и постигать этотъ смыслъ или не постигать его, точно также, можно жить въ тепломъ, уютномъ домѣ и прозябать въ сырости и холодѣ—и нисколько не быть ближе или дальше отъ того, что является осмысленіемъ и одухотвореніемъ жизненнаго процесса. Ходить и смотрѣть, какъ люди живутъ свѣтло и обильно, а самому въ то же время голодать или мерзнуть—этого еще мало для сколько-нибудь удовлетворительной философіи жизни; гораздо убѣдительнѣе та философія, которая не даетъ повода къ возможности оправданія зла, но учитъ, что у всѣхъ людей должны быть

надежные пріюты отъ стужи и голода, и не должно быть на землѣ босыховъ, какъ не должно быть офицеровъ въ родѣ капитана Сливы, не должно быть монаховъ, всякаго рода тунецевъ и хищниковъ.

Но это отступленіе. Вдохновенныя рѣчи Назанскаго пропали для Ромашова даромъ: на слѣдующее утро онъ былъ убитъ, и что стало съ его „учителемъ жизни“, читатель не знаетъ. Вѣроятно, онъ окончательно спился, не сумѣвъ выйти изъ заколдованнаго круга, или, въ лучшемъ случаѣ, осуществивъ въ босачествѣ свое стихійное тяготѣніе къ свободѣ. Не знаетъ и не порывается знать читатель и того, что случилось съ женой Николаева—Шурочкой, которая влюбилась въ себя Ромашова и, вопреки настояніямъ Назанскаго, послала его на вѣрную смерть. Шурочка менѣе всего загадка, „енигмъ“, какъ выражается одинъ изъ офицеровъ повѣсти: сильная и умная, она борется, черезъ посредство мужа, котораго не любитъ, за призракъ своей власти и обаянія въ обществѣ, въ которое войдетъ полноправнымъ членомъ, когда мужъ, при ея помощи, осилитъ академію генеральнаго штаба и приобрететъ связанныя съ этимъ блага, а если мужу и не повезетъ, она не задумается разбить и его жизнь и пойдетъ обычной дорогой, слишкомъ просторной для тѣхъ, кто руководится тщеславіемъ и неразборчивъ на средства. „Я надругаюсь надъ собой, но сгорю въ одинъ мигъ и ярко, какъ фейерверкъ“,—говоритъ она Ромашову, заставляя его принять дуэль, чтобы не испортить карьеру мужа.—Нѣтъ, она не сгоритъ, она слишкомъ для этого расчетлива и холодна. Она блуждающимъ огонькомъ пробѣжитъ въ жизни сама для себя, обжигая на пути и ни въ комъ не зажигая божественной искры, той любви къ жизни и людямъ, которая есть свѣтъ и тепло, и радость. Этотъ типъ, опредѣленный, ясный, у автора очерченъ удачно.

Много въ повѣсти Куприна мастерскихъ описаній, живыхъ сценъ, написанныхъ жизненно и тепло. Вся вообще повѣсть проникнута горячимъ и возвышеннымъ протестомъ противъ всего, что стѣсняетъ и дѣлаетъ жизнь неизменной и мутной. Но еслибы рука художника болѣе властно прошлась по страницамъ горячей проповѣди и протеста, она, вѣроятно, сгладила бы нѣкоторыя неровности, смягчила бы два-три ненужно-грубыхъ эффекта, отвлеченнымъ разсужденіямъ подыскала бы конкретнo-жизненные формы,—тогда преобладаніе публицистическаго элемента не было бы такъ замѣтно, и читатель еще съ большимъ правомъ могъ бы пріивѣтствовать въ лицѣ г. Куприна выдающееся художественное дарованіе, отъ котораго хотѣлось бы ожидать еще многого.

VII.

— С. Подъячевъ. Мнтарства. 1. Московскій работный домъ.—2. По этапу. Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство“. Слб. 1906.

Въ послѣднее время все чаще и чаще появляются книги, о которыхъ можно сказать, что онѣ—сама жизнь. Независимо отъ степени художественнаго дарованія, служащаго такъ или иначе объектомъ эстетическаго наслажденія читателя, содержаніе такихъ книгъ настолько бьетъ своей реальной, неподкрашенной правдой, что сколько-нибудь живой человѣкъ не можетъ не задуматься надъ самымъ фактомъ жизни, поразившимъ его воображеніе или чувство. Широкая жизнь заговорила о себѣ въ изящной литературѣ, заговорила всѣми способами сильной, выразительной, грубой и жестокой, трогательной и нѣжной народной рѣчи, повѣдала жестокой болью и безысходной скорбью беззащитнаго, безпріютнаго люда, страстно жаждущаго свободы и томящагося въ убожествѣ и темнотѣ. И остаются равнодушнымъ къ голосамъ людей, доносящимся изъ глубинъ народнаго горя до раззолоченныхъ палатъ и дворцовъ, значить не просто быть черствымъ и глухимъ къ страданіямъ равныхъ себѣ, но и быть причастнымъ къ преступленію, если эти голоса достигаютъ тѣхъ, въ чьей власти вскрыть язвы и организовать борьбу съ ужасными сторонами жизни.

И самые закоренѣлые формалисты, столь привычные къ суровой практикѣ люда не остаются равнодушны, когда со страницъ книги, нервами и кровью написанной, ударить имъ въ глаза правда, созданная ихъ нерадивыми, жесткими руками. Одинъ изъ такихъ случаевъ, пока, къ сожалѣнію, рѣдкихъ, разсказанъ въ этой книгѣ. Разсказалъ ея авторъ о томъ, что такое представлялъ московскій работный домъ, задуманный, вѣроятно, съ благомъ цѣлью пріютить, обогрѣть, накормить голодный и холодный люда, стекающійся въ Москву изъ неурожайныхъ деревень и гибнущій въ ней безъ работы. И многіе годы существовалъ этотъ домъ, и общественная совѣсть была спокойна; всѣ знали, что есть заботливая рука, пекущаяся объ этихъ сотняхъ и тысячахъ живыхъ рабочихъ рукъ, искавшихъ и не находившихъ себѣ дѣла. Есть, стало быть, помощь несчастнымъ и слабымъ, есть живая, дѣятельная организація, которая приводитъ въ движеніе эти сильныя, мозолистыя руки и заставляетъ создавать полезную, культурную работу, столь нужную нашей родинѣ. И тысячи люда проходили черезъ это учрежденіе и исчезали въ пространство, и обыватель уже не интересовался ихъ судьбой, успокаиваясь на

мысли о почтенно выполненномъ долгѣ. И тѣмъ ужаснѣе предстала предъ нимъ картина, когда оказалось, что благотѣтельно задуманный работный домъ—горше тюрьмы, что беззащитныхъ и безпріютныхъ людей держать тамъ хуже собакъ, заставляютъ голодать, развиваютъ пороки и болѣзни, всячески унижаютъ и оскорбляютъ. Чего, чего не вытерпѣлъ авторъ (ведущій рассказъ отъ своего лица), когда, нагло-ла�давшись и измучившись въ поискахъ работы, онъ заявилъ желаніе поступить въ работный домъ! Положительно морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, когда подумаешь, что всѣ эти бессмысленныя жестокости и издѣвательства совершаются подъ видомъ благотѣнія, и что учрежденія, облакающія свою дѣятельность въ возвышенныя формы общественнаго служенія, на дѣлѣ подчасъ проявляютъ то же формальное, казенное отношеніе, въ которомъ и тѣни нѣтъ живой, любовной заботы о человѣкѣ.

Предлагая вниманію читателей очерки С. П. Подъячева, издатели сочли нужнымъ подчеркнуть ихъ конкретно - публицистическое значеніе. Появленіе нѣсколько лѣтъ назадъ гнетуще-тяжелыхъ картинъ изъ жизни работнаго дома всколыхнуло многихъ (особенно въ Москвѣ), а въ московской городской думѣ вызвало рядъ тревожныхъ запросовъ со стороны гласныхъ и затѣмъ резинію. Московская администрація, въ свою очередь, проявила начальственную заботливость въ области, яко бы отъ нея непосредственно независящей, и тоже сдѣлала запросъ городскому самоуправленію относительно порядковъ въ подвѣдомственномъ ему учрежденіи.

Дума, какъ рассказано объ этомъ въ предисловіи, не могла оставить безъ отвѣта эти запросы. Въ „Извѣстіяхъ московской городской думы“ появилась статья, представляющая „какъ бы отвѣтъ“ на очерки г. Подъячева. Признавая, что повѣствованіе г. Подъячева „носитъ печать тяжелаго личнаго настроенія“, авторъ полуофициальной статьи не можетъ отказать ему въ томъ, что отдѣльныя описанія отличаются полной правдивостію; все это такъ бывало, а кое-что и до сихъ поръ такъ бываетъ въ работномъ домѣ“.

„Лучшей стороной этого отвѣта является то, — какъ справедливо замѣчаютъ издатели, — что указанія автора уже приняты во вниманіе. Такимъ образомъ, все - что изъ фактическихъ условий рисуемаго г. Подъячевымъ быта отошло уже или отойдетъ вскорѣ въ область прошлаго. Но главный интересъ очерковъ, разумѣется, не въ этихъ чисто внѣшнихъ чертахъ. Многое въ этой тяжелой картинѣ коренится гораздо глубже тѣхъ условий, которыя въ состояніи измѣнить городская управа, а живая и страдающая „на днѣ“ городской жизни человѣческая душа, правдиво отраженная авторомъ, сохранить свое значеніе при всякихъ условіяхъ“.

Очерки г. Подъячева отличаются и чисто-литературными достоинствами—изобразительностью, силою и мѣткостью языка, а второй очеркъ („По этапу“) — типичностью. Передавая свои впечатлѣнія о средѣ людей, дошедших до крайней степени обезличенія и нравственнаго паденія, авторъ умѣетъ находить въ нихъ искорки чело-вѣчности и добрыхъ чувствъ, которыхъ не могли вытравить ни лишеніе свободы, ни голодъ, ни позоръ, и, читая, что долженъ испыты-вать человекъ, отправляемый административнымъ путемъ по этапу, читатель съ невольнымъ ужасомъ спрашиваетъ себя: неужели все это совершается и въ настоящее время? А между тѣмъ вотъ что мы читаемъ въ предисловіи: „Второй очеркъ перваго тома даетъ картины и впечатлѣнія этаповъ, т.-е. учрежденія, порядки котораго уже не зависятъ отъ городского самоуправленія. Много ли они отличаются отъ порядковъ работнаго дома (и въ какую сторону)—читатель увидитъ при чтеніи. Нужно только прибавить, что ни о какой тревогѣ, ни о какихъ запросахъ съ чьей бы то ни было стороны, а также ни о какихъ улучшеніяхъ по поводу этого втораго очерка С. П. Подъячева мы не слышали. Такимъ образомъ, если рассказы нашего автора повліяли отчасти на извлеченіе сучка въ глазу городского самоуправленія, то относительно бревна административно-этапныхъ порядковъ оное далеко не было такъ же счастливъ“...

Вотъ почему мы желаемъ очеркамъ г. Подъячева самаго широкаго распространенія, при которомъ коллективная общественная мысль скорѣе обратитъ вниманіе на этотъ больной вопросъ нашего дурно-организованнаго быта и разрѣшить его прежде, нежели задумается надъ нимъ чье-либо не только участливое, но и вліятельное сердце.—Евг. Л.

VIII.

— Ежегодникъ министерства финансовъ. Выпускъ 1904 года. Сиб. 1905.

Сводныя ежегодныя изданія статистическихъ свѣдѣній о различныхъ сторонахъ экономической жизни составляютъ обычное явленіе въ передовыхъ государствахъ. У насъ такіе ежегодники издаются министерствомъ финансовъ. Первоначально они обнимали области жизни, находившіяся въ вѣдѣніи этого министерства. Теперь программа ихъ значительно расширилась и, кромѣ свѣдѣній о государственныхъ, земскихъ и городскихъ финансахъ, о дѣятельности банковъ и биржъ, своднаго баланса акціонерныхъ предприятий, о состояніи фабрично-заводской промышленности и внѣшней торговли, въ ежегодникѣ даются свѣдѣнія о путяхъ сообщенія и перевозкѣ товаровъ, объ уро-

железнодорожных, о лесах и казенном лесном хозяйстве, о почтах и телеграфах, излагаются законодательные акты в экономической и финансовой области, а в некоторых выпусках помещаются сведения, не имеющие периодического характера. В последнем, подлежащем нашему рассмотрению выпуске „Ежегодника“ в число таких сведений относятся, напр., сведения о населении по переписи 1897 г., о распределении земель между собственниками Европейской России в 1900 г., о переселении крестьян в Сибирь за 1885—1901 гг., об арендовании в 1901 г. крестьянами вынудительных земель и о сдаче ими в аренду земель надельных, впервые разработанные отделом промышленности министерства финансов по особой программе сведения о фабрично-заводской промышленности, статистические сведения по дополнительному и промышленному налогу за 1899—1902 гг. „Ежегодник“ заключает около тысячи страниц убористой печати. Большая часть его сведений приурочена к губерниям, городские финансы приводятся для каждого города, банковые для каждого банка, сводные балансы для каждого отдельного предприятия и т. д. По поводу недостатков этого издания мы выскажем здесь следующие замечания.

В Сборнике не имеется никаких объяснений к таблицам, и читателю приходится строить догадки о содержании некоторых рубрик с недостаточно определенными обозначениями и о том, почему по одному предмету сведения относятся к 1903 г., по другому — к 1902 г., а по третьему — к 1901 г. Некоторые сведения заимствуются из источников, где они не имели характера исчерпывающего, а, будучи перенесены в „Ежегодник“ без объяснения, они способны лишь ввести читателя в заблуждение. Связанное относится к таблицам об аренде крестьянами вынудительных земель и о сдаче в аренду земель надельных, собранных в 1901 г. департаментом окладных сборов не для учета площади обращаемых в крестьянской аренде земель, а для выяснения некоторых сторон арендных отношений. Крестьянские аренды рисуются этими сведениями в крайне уменьшенном размере. Составители „Ежегодника“ недостаточно знакомы с изданиями, откуда они извлекали сведения, и производили эти извлечения подчас крайне небрежно, вследствие чего заголовки некоторых графок способны совершенно спутать лиц, пользующихся таблицами. Так, на странице 509-й для каждой железной дороги и для всей сети даются сведения о количестве товаров малой скорости под рубриками: отправлено, прибыло, транзит, всего перевезено. В действительности же рубрика „отправлено“ означает отправление лишь на чужие дороги; отправление же на станции своей дороги соединено с прибытием с чужих дорог в графку „прибыло“, и действительное отправление дороги остается неизвѣст-

нымъ. Въ итогѣ же для всей сѣти такая путаница приводитъ къ слѣдующей несообразности. Всѣ дороги въ 1901 г. отправили будто бы 1.703 милл. пуд., а получили 3.829 милл. пуд. или на 2.126 милл. пуд. болѣе. Откуда же, спрашивается, взялись эти 2.126 милл. пуд.? Несвѣдущему читателю естественно предположить, что такую массу грузовъ русскія желѣзныя дороги получаютъ съ дорогъ иностранныхъ. Дѣло же просто объясняется тѣмъ, что большая часть отправокъ каждой дороги не вошла, по выше объясненнымъ причинамъ, въ счетъ; вслѣдствіе этого обстоятельства рассматриваемое нами изданіе не даетъ свѣдѣній о главнѣйшемъ въ экономическомъ отношеніи фактѣ желѣзнодорожной статистики—о количествѣ перевозимыхъ по рельсовой сѣти товаровъ. Между тѣмъ, ежегодно издающаяся „Сводная статистика перевозокъ по желѣзнымъ дорогамъ“ представляетъ возможность показать не только общую сумму перевозимыхъ по рельсовой сѣти грузовъ, но и распредѣленіе ея по различнымъ категоріямъ товаровъ. Вмѣсто этихъ свѣдѣній, представляющихъ интересъ для каждаго экономиста, въ „Ежегодникѣ“ приводятся такія спеціальныя показанія, какъ число паровозовъ и вагоновъ, ихъ пробѣгъ, потребление топлива и т. п. для каждой дороги отдѣльно, за каковыми свѣдѣніями спеціально интересующеся этими вопросами лицо обратится, безъ сомнѣнія, не къ „Ежегоднику министерства финансовъ“, а къ соответствующимъ изданіямъ министерства путей сообщенія. Вообще говоря, пора бы уже признать, что разнаго рода статистическія изданія требуютъ руководства спеціалиста, и ихъ нельзя, повтому, отдавать подъ надзоръ того или другого, свободнаго въ данный моментъ, чиновника. Особенно это надлежитъ имѣть въ виду правительственнымъ учрежденіямъ, публикати которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользуются особымъ авторитетомъ.

Въ общемъ журналѣ мы не можемъ долго останавливаться на такомъ спеціальному предметѣ, какъ статистическій ежегодникъ. Поэтому, закончимъ нашу замѣтку указаніемъ на одинъ интересный отдѣлъ „Ежегодника“, служащій какъ бы отвѣтомъ на раздававшіяся въ послѣдніе годы пожеланія, чтобы статистическій отдѣлъ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ издавалъ ежегодно сводныя свѣдѣнія объ обмѣнѣ грузами между различными районами. Полуотвѣтомъ на это пожеланіе являются таблицы въ „Ежегодникѣ министерства финансовъ“, въ которыхъ для нѣкоторыхъ грузовъ показывается количество, отправленное и полученное желѣзнодорожными станціями каждой губерніи, съ подраздѣленіемъ ихъ на грузы, назначенные въ сѣверные и южные порты и на западную сухопутную границу, или полученные съ этихъ районовъ. Только для этихъ 34-хъ грузовъ въ „Ежегодникѣ“ имѣются и свѣдѣнія объ общемъ количествѣ ихъ, отправленномъ русскими желѣзными дорогами за время съ 1892 года по 1901 г.

IX.

— Современные вопросы русскаго сельскаго хозяйства. Слб. 1904. Ц. 8 р. 50 к.

Этотъ сборникъ статей составленъ и изданъ учениками и почитателями И. А. Стебута, въ честь исполнившагося пятидесятилѣтія дѣятельности его на поприщѣ научной, общественной и частной агрономіи. Въ сборникъ вошло около двадцати статей, большая часть которыхъ имѣетъ не узко-спеціальныи, а обще-экономическій интересъ. Несмотря на различные предметы этихъ статей, онѣ, такъ сказать, объединяются идеей о сельско-хозяйственныхъ районахъ и порайонномъ хозяйствѣ. Идея эта выдвинута въ сборникъ на первый планъ какъ по важности ея для нашего отечества, такъ и по близости ея къ научной и практической дѣятельности юбиляра, развивавшаго вопросъ о порайонномъ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ „въ многочисленныхъ бесѣдахъ и въ своихъ сочиненіяхъ“. Важность согласованія сельско-хозяйственной дѣятельности съ условіями и особенностями мѣстности не подлежитъ сомнѣнію, но для того, чтобы созданіе соответствующихъ типовъ хозяйствъ совершалось сознательно и систематически, нужно, чтобы эти особенности были выяснены, и подведены имъ итоги. Осуществленіе этого требуетъ разносторонняго изученія страны. И лишь послѣ того, какъ Россія будетъ разбита на районы съ точки зрѣнія климатолога, почвовѣда, экономиста и т. д., можно будетъ „путемъ мирнаго процесса сопоставленій и комбинацій опредѣлить и разграничить истинные или рациональные районы“. Разрѣшеніе этого вопроса есть дѣло еще очень отдаленнаго будущаго; въ настоящемъ же, по словамъ проф. Фортунатова, „мы не располагаемъ средствами для того, чтобы точно опредѣлить относительную важность отдѣльныхъ признаковъ, которыми характеризуется сельско-хозяйственное положеніе различныхъ мѣстностей“ (стр. 19). Прямо или косвенно касаются вопроса о сельско-хозяйственныхъ районахъ особенно статья Д. И. Рихтера, о сдѣланныхъ уже попыткахъ раздѣленія Россіи на районы по естественно-историческимъ и экономическимъ признакамъ, статья П. И. Броунова, о географическихъ районахъ Россіи, А. Э. Фортунатова, о районахъ яровыхъ посѣвовъ, Г. Н. Высоцкаго, о типахъ мѣстопроизрастаній, Г. И. Танфильева, о районахъ черноморскаго побережья Кавказа, А. П. Мертваго, о государственной политикѣ, какъ факторѣ въ созданіи районовъ хозяйства, А. Н. Челинцева, о районахъ, какъ стадіяхъ развитія сельскаго хозяйства, и самая длинная статья сборника—сравнительная характеристика пшеничныхъ районовъ Россіи, Аргентины и Соединенныхъ

Штатовъ Сѣверной Америки. Болѣе мелкія или спеціальныя статьи сборника мы не называемъ. Помимо значенія въ смыслѣ выясненія особенностей различныхъ районовъ Россіи, нѣкоторыя статьи разсматриваемаго изданія представляютъ интересъ и въ другихъ отношеніяхъ. Работа г. Клингена заключаетъ расчеты о сравнительномъ положеніи хозяйства и рабочаго класса въ пшеничныхъ районахъ Россіи, Америки и Аргентины. Чтобы судить о томъ, какъ рѣзко различаются эти страны въ отношеніи общественныхъ условій сельско-хозяйственной дѣятельности при сравнительномъ сходствѣ въ условіяхъ естественныхъ, достаточно сказать, что заработная плата въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ превышаетъ въ четыре раза заработную плату русскаго сельско-хозяйственнаго рабочаго, и что, несмотря на это различіе, пудъ пшеницы въ Америкѣ обходится гораздо дешевле (38,5 коп.), чѣмъ въ Россіи (48—60 коп.). Особенно дорого (если считать по рыночнымъ цѣнамъ труда) обходится добываніе хлѣба русскому крестьянину, и если въ счетъ расходовъ положить ренту, то окажется, что послѣдній работаетъ въ убытокъ. Очень интересны расчеты г. Клингена относительно производительности труда русскаго и американскаго рабочаго и покупательной силы ихъ заработковъ. Одинъ рабочій день, затраченный на земледѣліе, въ восточномъ районѣ Россіи приноситъ 1,86 пудовъ пшеницы, въ южной Россіи—2,7 пуд., а въ Америкѣ—14,7 пуд. или въ 6—8 разъ болѣе. Сопоставляя заработки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и фермеровъ въ Америкѣ и Россіи съ цѣнами на различные предметы, авторъ приходитъ къ заключенію, что дневной заработокъ американскаго рабочаго даетъ ему возможность приобрести въ семь разъ болѣе товаровъ, чѣмъ приобретаетъ рабочій за свой заработокъ въ южной Россіи, и въ четырнадцать разъ болѣе рабочаго восточной Россіи. „Это равносильно тому, что въ Америкѣ одинъ рабочій потребляетъ прямо и косвенно столько же, сколько въ Россіи потребляютъ двѣ семьи по шести душъ каждая“,—говоритъ авторъ. Въ дѣйствительности, потребление русскаго, сравнительно, еще ниже, потому что его семья, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число неработающихъ ея членовъ больше.

Въ своей небольшой замѣткѣ г. Мертваго пытается показать, что въ Московскомъ государствѣ сельское хозяйство „развивалось планомерно, въ зависимости отъ основныхъ факторовъ районности“, и ясно уже намѣчались различные сельско-хозяйственные районы, хотя правительство этого времени не принимало спеціальныхъ мѣръ для того, чтобы поднять хозяйство той или другой области. Въ петербургскій же періодъ русской исторіи происходитъ нѣчто обратное. Начиная, впрочемъ, еще съ Алексѣя Михайловича и „кончая текущими днями, каждое пятидесятилѣтіе происходитъ съ правильностью хода разъ

заведенной бюрократической машины оборотъ цѣлаго ряда однихъ и тѣхъ же заботъ о сельскомъ хозяйствѣ, одна уже періодичность которыхъ указываетъ на ихъ безрезультатность“. Достаточно указать, что подмосковные, напр., уѣзды, въ XVI вѣкѣ отличавшіеся развитіемъ пашень и луговъ и бѣдностью лѣсами, занимавшими здѣсь менѣе 10% площади, въ наше время пришли въ такое состояніе, что лѣсамъ принадлежитъ 40% ихъ пространства. „Едва ли найдется еще страна, гдѣ населенію, окружающему такой потребителенный центръ, какъ Москва, приходилось бы выращивать древесину вмѣсто продуктовъ питанія человека!“—говоритъ авторъ. Причину сказаннаго А. П. Мертваго видитъ въ отсутствіи у насъ устойчивой и определенной государственной политики и развитія общественности въ населеніи. „Населеніе, лишенное общественности, совершенно отучалось государственно мыслить; бюрократія же, направляющая государственную политику, вслѣдствіе обширности территоріи страны и быстро растущей сложности интересовъ ея обитателей, не можетъ охватить умомъ всѣхъ послѣдствій, проводимыхъ изъ центра мѣропріятій“.

Въ статьѣ г. Челинцева на примѣрѣ трехъ уѣздовъ черноземнаго района, сходныхъ по естественнымъ и экономическимъ условіямъ, но различающихся по густотѣ населенія, авторъ показываетъ, какъ это различіе отразилось на интенсивности сельскаго хозяйства. Эта тема подробнѣе, впрочемъ, трактуется авторомъ въ „Саратовской Земской Недѣлѣ“ (1905, № 3).

Х.

— П. П. Мельгуновъ. Очерки по исторіи русской торговли IX — XVIII вв. Съ картою. Посмертное изданіе. Москва. 1905.

Экономическая исторія Россіи разработана очень недостаточно, и это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что экономическая жизнь складывается изъ мелкихъ фактовъ и событій, неподлежащихъ правильной и всеобщей регистраціи, правильному и систематическому регулированію власти. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія имѣются лишь о древней торговлѣ Россіи, по крайней мѣрѣ, о торговлѣ ея съ иностранными государствами, такъ какъ эта торговля происходила на виду, велась организованно, служила источникомъ крупныхъ доходовъ для отдѣльныхъ лицъ и правительствъ, и различные ея моменты отмѣчались правительственными актами, и лѣтописями и записками наблюдателей. Исторіи нашей торговли, преимущественно внѣшней, посвященъ и разсматриваемый трудъ покойнаго П. П. Мельгунова, со-

ставившійся изъ лекцій, читанныхъ имъ въ московской практической Академіи коммерческихъ наукъ. Согласно заголовку очерковъ, они обнимаютъ время до конца XVIII вѣка; но въ дѣйствительности XVIII вѣкъ изложенъ въ нихъ настолько поверхностно, что трудъ покойнаго автора лучше считать охватывающимъ русскую торговлю въ періодъ удѣльно-вѣчевого и московскаго періодовъ. Это время описано въ „Очеркахъ“ очень живо и интересно, причемъ авторъ не рассматриваетъ свой предметъ изолированно, а ставитъ судьбы торговли въ связь съ общимъ развитіемъ государственной жизни и, пожалуй, слишкомъ много останавливается на причинахъ, обусловившихъ то, а не иное направленіе послѣдней.

Подобно тому, какъ это было въ другихъ странахъ, первоначально торговля русскихъ была, главнымъ образомъ, вѣшной. Всеобщность этого факта въ исторіи торговли объясняется тѣмъ, что вслѣдствіе неустройства сухопутныхъ сообщеній, передвиженіе товаровъ внутри страны на первоначальныхъ ступеняхъ исторіи представляется крайне затруднительнымъ, а по причинѣ господства натурального хозяйства въ широкомъ развитіи обмѣна товаровъ не чувствуется и надобности. Торговля же вѣшная, гдѣ она развивается, происходитъ преимущественно по воднымъ, удобнымъ для сообщенія путямъ. Въ силу указанныхъ причинъ вѣшная торговля развивается главнымъ образомъ, въ тѣхъ странахъ, которыя прилежатъ къ морямъ; но въ нашей странѣ живой обмѣнъ товарами съ чужими землями развился въ такое время, когда она еще не имѣла морскихъ выходовъ. Произошло это потому, что поселившіеся въ бассейнахъ Двины, Днѣпра и Оки славяне оказались въ центрѣ торговыхъ сношеній, завязанныхъ болѣе цивилизованными и предприимчивыми народами (норманнами и арабами), на пути „изъ варягъ въ греки“ (по рѣкѣ Днѣпру) и въ области торговли болгаръ съ арабами (путь по рѣкѣ Волгѣ). Возможность вести живыя торговля (первоначально наполовину и военныя) сношенія съ богатыми и развитыми народами Востока и Запада и получать оттуда предметы комфорта, военной и государственной необходимости—должна была оказывать сильное вліяніе на историческое развитіе русскихъ славянъ. Вліяніе это обусловливалось не только непосредственнымъ столкновеніемъ съ живой и болѣе высокой культурой, но и тѣмъ, что развитіе торговли поддерживало въ славянахъ стремленіе къ распространенію своего вліянія на сѣверъ и сѣверо-востокъ, къ добычѣ оттуда пушного звѣря, серебра, тюленьяго жира и моржевой кости, которые жадно искали иностранными купцами. Временный расцвѣтъ Кіевского княжества основанъ былъ, главнымъ образомъ, на живыхъ торговыхъ связяхъ его съ Византіей, и послѣ того, какъ вслѣдствіе нашествія изъ Азіи новыхъ полчищъ кочевни-

ковъ торговый путь въ Византію черезъ южныя степи былъ порванъ— Кіевъ утратилъ бывшее значеніе. Центръ политической жизни русскихъ славянъ переносится послѣ того на сѣверъ, въ Новгородъ, достаточно удаленный отъ степи для того, чтобы не подвергаться ея враждебному воздѣйствію. „Степь и поле всегда выступали для русскихъ враждебно: поле мѣшаетъ цивилизаціи, и едва начинается русская исторія, какъ начинается и кровавая борьба лука съ плугомъ“ (стр. 54). Печенѣги, половцы, татары сбиваютъ другъ друга и послѣдовательными ударами забиваютъ южную Русь.

Кіевъ лежалъ въ средней части воднаго пути „изъ варягъ въ греки“; въ сѣверной части этого пути находился Новгородъ, вступившій, благодаря этому, въ непосредственныя торговыя сношенія съ Балтійскимъ моремъ, съ Швеціей и Даніей. Сѣверное направленіе русской торговли съ Западомъ не могло не оживиться съ утратою южнаго пути, особенно, когда на балтійскомъ побережьи утвердились нѣмцы и образовали сильный ганзейскій союзъ. Русская торговля съ Европой имѣла, однако, пассивный характеръ, такъ какъ организованные ганзейцы старались не допускать новгородцевъ къ непосредственнымъ сношеніямъ съ мѣстами сбыта поставляемыхъ ими товаровъ. Это, однако, не мѣшало Новгороду богатѣть, подыматься и играть видную роль во внутренней исторіи русскихъ славянъ. Роль эта, однако, какъ и роль Кіева, была временной и приближался моментъ, когда Новгороду предстояло уступить первенство младшему члену русской семьи—княжеству суздальскому. Въ данномъ случаѣ это обусловливалось неумѣніемъ Новгорода объединить русскихъ славянъ. Первоначальная исторія суздальскаго княжества тоже тѣсно была связана съ судьбами внѣшней торговли, которая велась имъ преимущественно въ юго-восточномъ направленіи. Почти прерванная татарскимъ нашествіемъ торговля русскихъ славянъ съ закаспійскими странами скоро опять оживилась, потому что татары сами проявляли большую склонность къ торговлѣ и были настолько цивилизованы, что понимали выгоды обмѣна собираемой ими съ покоренныхъ народовъ дани сырыми произведеніями и деньгами на разнообразныя произведенія богатаго и цивилизованнаго востока. Суздальская Русь воспользовалась этимъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и торговлей съ востокомъ стали заниматься не только простые купцы, но и бояре, князь и митрополитъ. Эти близкія торговыя связи съ востокомъ, вмѣстѣ съ вліяніемъ непосредственнаго территориальнаго сосѣдства татаръ и частаго общенія съ ними, отразились не только на экономической сторонѣ быта суздальской Руси, но и на общемъ складѣ ея жизни. А такъ какъ суздальская Русь явилась организаторомъ русскаго государства, то ясный восточный отпечатокъ оказался и на этомъ послѣднемъ.

Иностранная торговля Новгорода, съ присоединеніемъ послѣдняго къ Москвѣ, была уничтожена насильственно, а иностранные кушцы и ихъ товары были отправлены въ Москву. Впрочемъ, внѣшняя торговля Новгорода должна была пасть и въ силу причинъ болѣе общаго характера, такъ какъ съ открытіемъ новаго морского пути въ Индію Ганза теряла прежнее значеніе. Объединеніе Руси и развитіе города Москвы, становившагося все болѣе и болѣе крупнымъ центромъ съ многочисленнымъ населеніемъ, богатымъ царскимъ дворомъ и его приближенными, способствовало значительному развитію промышленности и торговли района, тяготѣвшаго къ Москвѣ. При устроеніи новаго государства чувствовалась вмѣстѣ съ тѣмъ больше и больше необходимость тѣснаго общенія съ просвѣщеннымъ Западомъ. Между тѣмъ прежній ближайшій путь этого общенія—черезъ Балтійское море—былъ порванъ, а восстановленіе его—вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ Ливоніи и Литвѣ—было затруднительно. Въ это время, весьма кстати, англичанами былъ открытъ морской путь изъ Европы въ Бѣлое море, и царь Іоаннъ IV, путемъ всевозможныхъ торговыхъ льготъ, поспѣшилъ обратить его въ путь постоянныхъ торговыхъ сношеній съ Западомъ. Онъ игралъ эту роль въ теченіе полутора столѣтій, пока Петръ Великій не завоевалъ побережій Балтійскаго моря, пробилъ здѣсь окно въ Европу и мѣрами насилія восстановилъ старое, западное направленіе нашихъ сношеній съ послѣднею. Это направленіе внѣшней торговли долго было господствующимъ. Съ распространеніемъ границъ Россійской Имперіи до береговъ Чернаго моря, съ Балтійскимъ моремъ стало соперничать это послѣднее, а затѣмъ и западная сухопутная граница. Въ настоящее время торговля Россіи съ Западомъ распредѣляется приблизительно поровну между этими тремя направленіями.

XI.

— Н. Карышевъ. Изъ литературы вопроса о крупномъ и мелкомъ, сельскомъ хозяйствѣ. Москва. 1905.

Въ названной книгѣ изложены лекціи, читанныя недавно умершимъ Н. А. Карышевымъ въ 1901—3 годахъ въ Русской высшей школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ и въ московскомъ сельскохозяйственномъ институтѣ,—лекціи, имѣвшія цѣлью „ознакомить слушателей съ литературнымъ споромъ о размѣрахъ землевладѣнія“, или, говоря болѣе точно, съ вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ законы капиталистическаго развитія индустріи, въ силу которыхъ мелкое производство неизбѣжно вытѣсняется крупнымъ, приложимы къ области

сельскаго хозяйства. Горячіе споры по этому вопросу возникли, благодаря категорическому утверждению марксистовъ, что земледѣліе подчинится одинаковымъ законамъ съ фабрично-заводской промышленностью и въ отношеніи перехода отъ мелкой къ крупной формѣ производства испытываетъ одинаковую съ нею судьбу. Это рѣшительное утвержденіе, впрочемъ, постепенно смягчается болѣе и болѣе, а известное сочиненіе Каутскаго въ защиту воззрѣній марксизма на аграрный вопросъ одинъ изъ русскихъ писателей (г. Черновъ) называетъ даже капитуляціей по многимъ пунктамъ передъ критикой (Карышевъ, стр. 10). Карышевъ въ своей книжкѣ излагаетъ мнѣнія не многихъ авторовъ. Со стороны марксизма фигурируетъ, преимущественно, Каутскій, съ противной стороны, главнымъ образомъ, Герцицъ, Булгаковъ, Черновъ и Каблуковъ. Изъ этого перечисленія читатель можетъ усмотрѣть, что Карышевъ не задавался цѣлью исчерпать литературу предмета. Его задачей было скорѣе ознакомить читателя съ новѣйшими спорами по аграрному вопросу, да и здѣсь онъ цитируетъ далеко не всѣхъ авторовъ, участвовавшихъ въ спорѣ (упущень, напр., г. Масловъ). Карышевъ начинаетъ свои лекціи съ разсмотрѣнія вопроса объ особенностяхъ приложенія капитализма къ земледѣлію, затѣмъ излагаетъ аргументы, говорящіе противъ крупнаго хозяйства и за него, противъ мелкаго хозяйства и за него. Въ маленькой главѣ, слѣдующей за этой аргументаціей pro и contra, покойный писатель подводитъ ей „итоги“. Это подытоживаніе заключается собственно въ развитіи мысли г. Чернова, что общественное сельско-хозяйственное производство „развертываетъ передъ нами безконечно растущую цѣпь выгодъ и преимуществъ, но капиталистическая форма этого обобществленія не даетъ многимъ изъ нихъ проявиться“ (стр. 53). Въ самомъ дѣлѣ, возраженія противъ крупной формы сельскаго хозяйства направлены въ сущности „не противъ техники крупнаго производства, а противъ капиталистической формы крупныхъ предпріятій“. А доводами въ пользу мелкаго хозяйства защищаются главнымъ образомъ „не преимущества мелкой культуры, а именно то, изъ чего складывается некапиталистическій характеръ этого типа хозяйства“. Если это вѣрно, то данный вопросъ допускаетъ примиреніе въ созданіи формы хозяйства, соединяющей преимущества того и другого рода. Иначе мы не выйдемъ изъ такого невѣроятнаго противорѣчія: технически-сильное крупное хозяйство (подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ экономическихъ условій В. В.) опускается, дробится, а технически-слабое, мелкое, имѣющее органическіе крупные пороки, развивается и оказывается болѣе устойчивымъ въ борьбѣ съ конкуренціей“. Для устраненія этого противорѣчія, „отражающагося на сокращеніи производства страны, необходима

такая хозяйственная форма, которая избѣгала бы недостатковъ, связанныхъ съ приложеніемъ капитализма къ крупному хозяйству (малая производительность наемнаго труда, недостатокъ рабочихъ, непосильная конкуренція съ заокеанскимъ продуктомъ“, и т. д.), избѣгала бы основныхъ пороковъ мелкаго хозяйства (черезполосицы, дробленія, изолированности), вручила бы рабочему орудіе его производства (землю) и сохранила бы всѣ техническія преимущества крупнаго хозяйства“. Къ разрѣшенію такой задачи жизнь подходитъ примѣненіемъ къ сельскому хозяйству коопераціи, разсмотрѣнію которой и посвящена послѣдняя глава книжки Карншева.

Кооперація очень постепенно выполняетъ свою историческую миссію объединенія мелкихъ владѣній въ систему крупнаго производства, и, слѣдуя Гертцу, авторъ такимъ образомъ характеризуетъ послѣдовательныя фазы кооперативнаго развитія— „отъ самыхъ малыхъ связей между отдѣльными хозяевами до полнаго ихъ соединенія“. Сначала земледѣльцы устраиваютъ кредитныя учрежденія, оставляющія ихъ вполне свободными въ хозяйственной дѣятельности; затѣмъ они соединяются для комиссіонныхъ операцій по продажѣ и покупкѣ „по предложенію и за счетъ“ отдѣльныхъ хозяевъ. Эти союзы становятся болѣе и болѣе постоянными и осложняются сперва ограниченою, а затѣмъ неограниченною отвѣтственностью членовъ. Затѣмъ наблюдаются ограниченія индивидуальной свободы хозяевъ. Члены союза обязываются покупать нужные имъ предметы и продавать свои продукты черезъ посредство товарищества. Условія выгодной продажи требуютъ однородности и хорошаго качества товаровъ, и вотъ кооперація начинаетъ захватывать производительную дѣятельность своихъ членовъ съ цѣлью осуществленія этихъ условій. Это совершается въ нѣсколькихъ направленіяхъ. Сельскіе хозяева соединяются въ товарищества для работы паровымъ плугомъ, для пользованія молотилкой и т. п., возникаютъ товарищескіе заводы для улучшенія или дальнѣйшей переработки продуктовъ хозяйства членовъ общества; сельскіе хозяева начинаютъ подчиняться указаніямъ инструкторовъ въ отношеніи кормленія и содержанія скота для того, чтобы доставляемое ими на кооперативный заводъ молоко удовлетворяло опредѣленнымъ требованіямъ качества; руководство инструкторовъ понемногу распространяется на большее и большее число моментовъ сельско-хозяйственнаго производства, пока,—какъ, напр., въ кооперативномъ винодѣліи Германіи,—инструкторы не обращаются въ полныхъ распорядителей техники производства даннаго продукта, поступающаго затѣмъ для дальнѣйшей обработки на кооперативный заводъ. Этимъ путемъ разрозненные мелкіе хозяева постепенно утрачиваютъ черты своего индивидуализма и пріобрѣтаютъ, выражаясь марксистскимъ жаргономъ,

„коллективистическій черепъ“, обеспечивающій устойчивость общественнаго производства, членами котораго они сдѣлались. Такимъ образомъ, наряду съ капиталистической эволюціей промышленности отъ мелкой къ крупной формѣ совершается развитіе общественнаго производства не капиталистическимъ путемъ. Значеніе кооперации въ этомъ процессѣ давно признано, напр., бельгійскими социалистами.—В. В.

Въ іюль мѣсяцѣ въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Благодушная, Софія. — Какъ онъ пошелъ въ народъ. Повѣсть изъ жизни русскаго заграничнаго духовенства. Т. I. Спб. 905. Стр. 645. Ц. 2 р.

Браунсъ, Р., д-ръ.—Царство минераловъ. Вып. 6-й. Изданіе А. Ф. Девриена. Спб. 905. Ц. 2 р. 75 к.

Буткевичъ, А. — Самоучитель пчеловодства. Общедоступное руководство для пчеловодовъ-практиковъ. Со 100 рисунками. М. 906. Стр. 418. Ц. 1 р. 25 к.

Вандаль, Альбертъ. — Возвышеніе Бонапарта. I. Происхожденіе брумерскаго консульства. Конституція III-го года. Переводъ съ XI французскаго изданія З. Н. Журавской. Спб. 905. Стр. 616. Ц. 2 р.

Горленко, В.—Отблески. Замѣтки по словесности и искусству. Спб. 905. Стр. 236+4. Ц. 75 к.

Гредескулъ, Н. А., проф. Имп. Харьковскаго Университета. — Марксизмъ и идеализмъ. Публичная лекція. Изданіе второе. Изданіе книжнаго магазина П. А. Брейтгама въ Харьковѣ. 905. Стр. 43. Б. ц.

Липто, Д. Е.—Преступленія и наказанія по степному праву сибирскихъ кочевыхъ племени (Минусинскіе татары). Красноярскъ. 905. Стр. 57.

Лассаль, Фердинандъ.—Письма къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ примѣч. Ф. Меринга. Перев. В. Шанина, подъ ред. А. Финна. Спб. 905. Стр. 374. Цѣна 1 р. 50 к.

Левитовъ, И.—Желтороссія, какъ буферная колонія. Докладъ въ Обществѣ для содѣйствія русской промышл. и торговли. Спб. 905. Стр. 120. Ц. 75 к.

Менеръ, Антонъ.—Новое ученіе о государствѣ. (Образовательная бібліотека, серія VI, № 7 и 8). Изд. О. Н. Поповой. Спб. 905. Стр. 320. Ц. 1 р.

— Новое ученіе о государствѣ. Разрѣшенный авторомъ перев. съ нѣмец. подъ редакціей Б. Кисляковскаго. Изд. С. Скормунта. Спб. 905. Стр. 357. Цѣна 1 рубль.

Минскій, Н. М. — Религія будущаго. Философскіе разговоры. Спб. 905. Изд. М. В. Пирожкова. Стр. 302. Ц. 2 р.

Педашенко, А. Д.—Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1901 годъ. (М. З. и Г. И. Отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики. Спб. 905. Стр. 203.

Потанина, А.—Дорджи, бурятскій мальчикъ. Съ 10 рисунками. Изданіе „Посредника“. М. 906. Стр. 75. Ц. 15 к.—Разказы о бурятахъ, ихъ вѣрѣ и обычаяхъ. Съ 14 рисунками. Изданіе „Посредника“. М. 905. Стр. 60. Ц. 12 к.

Рамзевичъ, Н. К.—Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ. Спб. 905. Стр. 425. Съ приложеніями. Ц. 2 р.

Салмиковъ, А.—Современныя русскія поэтессы. Спб. 906. Стр. 80. Ц. 70 к.
Спенсеръ, Гербертъ.—Размышленія (Reflections). Глава изъ автобіографіи. Переводъ съ англійскаго Г. Г. Оршанскаго. Изд. вн. маг. Брейтигама въ Харьковѣ. М. 905. Стр. 66. Ц. 40 к.

Свердловъ, Н.—Государственный и общественный строй въ Англии, Франціи, Германіи и Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 905. Стр. 286. Ц. 1 р.

Толстой, Л. Н.—Афоризмы и избранныя мысли, собраныя Л. П. Никифоровымъ. Вып. I. Изд. „Посреднива“. Стр. 88. Ц. 30 к.

Tugan-Baranowsky, D-r Michael. Theoretische Grundlagen des Marxismus. Lpz. 905. Стр. 238. Ц. 5 мар.

— Бесѣды объ окружающихъ явленіяхъ, для учащихъ въ сельскихъ школахъ. Ч. I. Воздухъ и вода. Съ 39 рис. Изд. И. Ф. Жиркова. М. 905. Стр. 86. Ц. 25 к.

— Движеніе на торговлята на Бѣлгарія съ чуждитъ държави. София, 905. In 4°. Стр. 72. Ц. 1.10 фр.

— Народный университетъ въ г. Томскѣ. Томскъ, 905. Стр. 12, in 16°.

— Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. Томъ I. Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, вн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель. (Статьи и матеріалы). Составили: В. И. Семеновскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Съ 3 гелиографіями. Спб. 905. Стр. 495. In 4°. Ц. 5 р.

— О писателяхъ. Разказы очевидцевъ о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ и др., собраныя и записанныя Алексѣемъ Мошинымъ. Спб. 905. Стр. 23. Цѣна 20 к.

— Отчетъ по выкупному долгу и выкупнымъ платежамъ всѣхъ разрядовъ крестьянъ за 1902 годъ. Спб. 905.

— Открытое письмо г.г. членамъ отъ промышленности въ комиссіи статсъ-секретаря В. Н. Коковцева по рабочему вопросу. 905.

— Отчетъ С.-Петербургской пожарной команды за 1904 годъ. I. Спб. 905. Стр. 38. Съ 4 планами.

— Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1904 г., представленный Директоромъ Музеевъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія. М. 905.

— Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ общимъ рукою П. П. Семенова и В. И. Ламавскаго, подъ редакціею В. П. Семенова. Т. IX. Верхнее Подъпирьеве и Бѣлоруссія. Изданіе А. Ф. Девриена. Спб. 905. Стр. 620. Ц. 3 р. 75 к.

— Тексты конституцій. I. Прусская конституція. Перев. М. Юффе, подъ ред. и съ предисл. проф. И. Лучицкаго. Стр. 28. II. Испанская конституція. Перев. Н. И. Лучицкаго, подъ ред. и съ предисл. проф. И. Лучицкаго. Стр. 32. Кіевъ. 905. Изд. газ. „Кіевскіе Отклики“. Ц. по 5 к.

— Труды Комиссіи, созданной по порученію чрезвычайнаго Казанскаго губернскаго собранія дворянства 12 марта 1905 г., по вопросу о народномъ представительствѣ. Казань. 905. Стр. 106+21+19+5+4+14+10+4+6+10+7+6+6+3+4+3+2+4+13.

— Труды Полтавской ученой архивной комиссіи. Подъ ред. В. И. Василевка, Л. В. Падалки и И. фр. Павловскаго. Вып. I. Полтава. 905. Стр. IX+214+137. Ц. 1 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Anton Menger. Neue Staatslehre. 2 Aufl. Jena. 1904. Стр. 254.

Въ наукѣ объ обществѣ принято противопоставлять современный строй народной жизни, называемый „буржуазнымъ“, новому будущему строю, именуемому „соціалистическимъ“ въ широкомъ смыслѣ слова. Съ легкой руки К. Маркса, терминъ „буржуазный“ употребляется по отношению ко всякому, кто является противникомъ или критикомъ предполагаемаго въ будущемъ соціального строя. Отличительная особенность многихъ изъ этихъ мыслителей—не столько въ томъ, что они умышленно превозносятъ положительныя стороны существующаго порядка вещей, сколько въ недостаткѣ творческой фантазіи, въ неспособности представить себѣ совершенно иныя начала общественной жизни. Всякій смѣлый полетъ мысли за предѣлы существующаго они стараются или вовсе не замѣчать, или тотчасъ же указывать на ихъ реальную, неосуществимость. Въ послѣднемъ случаѣ обычной логической ошибкой является *ignotatio principii*, т.-е. возражаютъ не по существу, а противъ какой-нибудь частности. Часто въ этомъ повинны бываютъ сами творцы новыхъ системъ въ своемъ излишнемъ стремленіи къ реальности.

Передъ нами новая попытка разрѣшить соціальную проблему будущаго. Автора ея нельзя причислить къ мыслителямъ-творцамъ, смѣлымъ въ своихъ полетахъ въ безконечную высь будущаго. Нѣтъ, Антонъ Менгеръ, авторъ новаго ученія о государствѣ,—реалистъ и практикъ. Его заинтересовала практическая сторона осуществимости того общественнаго строя, который долженъ смѣнить современный. И даже больше: его занимаетъ не столько самый общественный строй, какъ его государственная форма.

Можно себѣ представить такого рода общеніе, когда образующіе его члены не будутъ нуждаться вовсе ни въ какихъ установленныхъ институтахъ, будутъ ли они на основахъ принужденія (каковы государственныя учрежденія) или на началахъ договорныхъ. Послѣднія въ концѣ концовъ также легко сводятся къ союзамъ принудительнымъ, такъ какъ всякій договоръ, поскольку онъ имѣетъ юридическую квалификацію, носить въ себѣ элементъ принудительной санкции. Такой строй, называемый обыкновенно анархическимъ, не представляется Менгеру когда-нибудь осуществимымъ на землѣ, и потому

онъ на немъ ближайшимъ образомъ не останавливается; онъ лишь замѣчаетъ, что и въ этихъ крайнихъ ученіяхъ есть элементъ правды, хотя бы, напр., въ томъ, что современное общество, въ которомъ господствуютъ интересы ограниченнаго круга лицъ, не можетъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи удовлетвориться однимъ принужденіемъ. Но, съ другой стороны, авторъ глубоко убѣжденъ, что человѣчество никогда не въ состояніи будетъ обойтись безъ государства, съ его законодательствомъ, съ его властью наказывать и принуждать (стр. 15).

Коротко говоря, Менгеръ ограничиваетъ свое изслѣдованіе попыткой дать практическія указанія относительно реальной возможности новаго государственнаго строя. До сихъ поръ социализмъ имѣлъ по преимуществу характеръ критики и отрицанія всей капиталистической буржуазной организаціи народной жизни, и лишь слегка касался положительной стороны будущаго общества. Авторъ хочетъ заполнить существующій въ этомъ отношеніи пробѣлъ въ социалистическихъ ученіяхъ и стремится выдвинуть болѣе, чѣмъ до сихъ поръ это дѣлалось, положительную сторону ученія о будущемъ государствѣ—positive, organisatorische Seite mehr als bisher auszugestalten (стр. III, Введеніе).

До французской революціи вопросъ о неимущихъ всецѣло принадлежалъ компетенціи церкви. Лишь съ конца XVIII вѣка рабочіе классы, свободные отъ религіозной окраски, выступили на арену политической жизни и обнаружили свое значеніе въ государствѣ, какъ дѣйствующая, направляющая сила (als die bewegende Macht). До іюльской революціи 1830 г. движеніе рабочихъ классовъ носило характеръ чисто политической, а съ этихъ поръ они отражаютъ въ себѣ интересы обще-соціальныя. Социализмъ представляется автору какъ такой общественный строй, въ которомъ главное мѣсто будутъ занимать общіе интересы всѣхъ трудящихся элементовъ народа, въ противоположность существующему строю, олицетворяющему частные интересы привилегированнаго меньшинства. Послѣдній создаетъ властвующее и повелѣвающее государство (herrschen und gebietenden Staat), которое Менгеръ называетъ „индивидуалистическимъ принудительнымъ государствомъ“ (der individualistische Machtstaat). Противопоставляемый ему новый социалистическій строй носитъ у автора названіе „общенароднаго трудового государства (der volkstümliche Arbeitsstaat).

Милитаристическое и индивидуалистическое римское государство создало расчлененіе права публичнаго и частнаго. Въ будущемъ строѣ, по Менгеру, всѣ частные интересы сольются съ общими, слѣдовательно, singulorum utilitas будетъ совершенно совпадать съ publice utilia, а потому и существующаго различенія публичнаго права отъ частнаго не будетъ существовать (стр. 76). Иллюстраціями къ этой мысли и служатъ дальнѣйшія главы о собственности, договорѣ, семьѣ

и т. д., обо всемъ томъ, что въ настоящее время называется гражданскимъ правомъ. Въ слѣдующемъ же большомъ отдѣлѣ (кн. III) говорится о томъ, что составляетъ предметъ современнаго публичнаго или государственнаго права, т.-е. объ управленіи и органахъ „общенароднаго трудового государства“.

Весь современный міръ гражданскихъ правоотношеній покоится на двухъ главныхъ основахъ: на частной собственности и семьѣ. Всѣ остальные частно-правовые институты приходятъ сюда въ качествѣ дополнительныхъ. Въ виду такого огромнаго значенія собственности и семьи всѣ социалистическія ученія останавливаются въ особенности на нихъ свое вниманіе. Останавливается на нихъ въ подробностяхъ и Антоновъ Менгеръ.

Нужно вообще замѣтить, что авторъ всюду исходитъ изъ современныхъ понятій и выраженій и нисколько не смущается ихъ весьма разнообразнымъ значеніемъ и пониманіемъ. Такъ, вмѣсто *права* собственности, что имѣетъ весьма опредѣленное содержаніе на языкѣ юристовъ, онъ всюду говоритъ и росто о собственности (*das Eigenthum*), не анализируя этого весьма растяжимаго понятія ближе; и потому заявляетъ, что собственность есть „вѣчное“ понятіе: оно никогда не исчезнетъ изъ міра социальныхъ отношеній (стр. 79).

Несомнѣнно, такого рода афоризмами многое не разъясняется непосвященному въ юридическія тонкости и непредубѣжденному читателю. Мало также даетъ и дальнѣйшее расчлененіе объектовъ собственности по отношенію къ нимъ будущаго государства. Здѣсь Менгеръ очень приближается къ возрѣніямъ „буржуазныхъ“ экономистовъ, въ родѣ Адольфа Вагнера. По примѣру послѣднихъ, онъ дѣлитъ вещи на уничтожаемыя при потребленіи (*verbrauchbare Sachen*) и на такія, которыя допускаютъ продолжительное пользованіе (*benützbare Sachen*). Первые допускаютъ только исключительное господство надъ ними одного лица и потому въ будущемъ социалистическомъ строѣ должны остаться объектомъ частной собственности. Вторыя допускаютъ въ свою очередь двойное расчлененіе: или онѣ тоже ограничиваются исключительнымъ господствомъ надъ ними отдѣльныхъ лицъ, какъ, напр., носильное платье, или онѣ допускаютъ одновременное или послѣдовательное пользованіе со стороны многихъ лицъ; въ послѣднемъ случаѣ право частной собственности по отношенію къ нимъ должно быть ограничено, и Менгеръ устанавливаетъ для нихъ право пользованія (*Benützungrecht*).

Кромѣ этихъ двухъ группъ, какъ это принято во всѣхъ учебникахъ по политической экономіи, выдѣляется третья категория вещей—средства воспроизводства новыхъ цѣнностей (*Productionsmittel*). Эта категория вещей должна стать объектомъ коллективной (государственной, по Менгеру) собственности.

Не останавливаясь на разборѣ этого рода расчлененія предметов собственности, спорнаго и далеко не яснаго, замѣтимъ только, что Менгеръ не удовлетворяется имъ однимъ; замѣчая, какъ трудно отдѣлить средства производства отъ предметовъ коллективнаго пользованія или плодоприносящаго имущества (*fruchttragende Sachen*) и допуская возможность полного смѣшенія всѣхъ установленныхъ имъ видовъ собственности, авторъ пренаивно разрубаетъ гордиевъ узелъ. А именно, чтобы избѣжать ошибки въ этомъ отношеніи, Менгеръ совѣтуетъ въ будущемъ государствѣ издать особую роспись, особый реестръ:— „über die benutzbaren Sachen (sowie auch über die Produktionsmittel) müssten Register angelegt werden“ (стр. 91). Это очень характерно для автора. Въ этомъ случаѣ онъ упускаетъ изъ виду, какъ колоссально могуче и неудержимо-стихийно бурлитъ и рвется потокъ экономическихъ явленій. Такая вѣра въ государство, во всемогущую силу „регистра“, рѣдко проявлялась даже у самыхъ ярыхъ защитниковъ государственной власти и ея могущества.

Такъ же мало убѣдительно, какъ вопросъ о собственности, разрѣшается авторомъ и проблема распредѣленія дѣнностей. Существующія на этотъ счетъ воззрѣнія авторъ расчленяетъ на двѣ большія группы. Первую группу составляютъ субъективныя воззрѣнія; за критерій при распредѣленіи они берутъ субъективныя особенности отдѣльной личности—возрастъ, полъ, воспитаніе и проч. Вторая группа—объективныя воззрѣнія; они стремятся къ объективному критерию при распредѣленіи, какъ, напр., опредѣленное количество труда. Авторъ послѣ обычныхъ критическихъ замѣчаній противъ каждой изъ нихъ склоняется къ признанію обоихъ критеріевъ, какъ равно необходимыхъ и дополняющихъ другъ друга. Не останавливаясь ближе на подобной попыткѣ разрѣшить проблему распредѣленія благъ, можно только замѣтить, что авторъ не избѣгъ здѣсь обычной ошибки, которая въ особенности мѣшаетъ вывести эту проблему изъ тѣхъ душевныхъ и затхлыхъ подваловъ, куда ее запрятали не столько первые создатели этихъ воззрѣній, сколько черезчуръ ярые ихъ критики. Дѣйствительно, кому не пріѣлись эти банальныя нападки на слабость принциповъ первыхъ коммунистовъ („каждому по его способности“, по его потребности, по количеству затраченнаго труда и т. д.). Между тѣмъ какъ если допускать государственную власть и принужденіе и въ будущемъ социальномъ строѣ, то всѣ подобные принципы равно могли бы быть осуществимы, если не по существу, то формально, какъ это вообще находить себѣ мѣсто по отношенію ко всему, до чего касается государственное принужденіе. Если же хоть на минуту отрѣшиться отъ того, что общественныя отношенія въ будущемъ непременно нуждаются въ государственной опекѣ, то ни одинъ изъ этихъ принциповъ не найдетъ себѣ мѣста уже по одному тому, что всѣ они

требуют регламентации, следовательно, санкции, т. е. принуждения, в данном случае безразлично—организованного или неорганизованного.

Другая болѣе общая ошибка разбираемыхъ воззрѣній заключается въ томъ, что экономическія явленія разсматриваются какъ-то совершенно особнякомъ отъ міра, въ которомъ они рождаются. Если въ чисто методологическихъ цѣляхъ научныхъ изслѣдованій ту или иную область явленій выдѣляютъ изъ сложнаго окружающаго ихъ міра, то нельзя забывать, что для окончательнаго сужденія о нихъ необходимо ихъ брать во всей ихъ цѣлостности. Экономическія явленія неразрывно связаны съ міромъ общественныхъ отношеній вообще. И съ этимъ особенно важно считаться при разрѣшеніи проблемы распределенія, какъ социальной категоріи по преимуществу. Мыслимо такое положеніе вещей, когда интересы питанія, жилища, размноженія и т. д., т. е. такъ называемые матеріальные интересы найдутъ себѣ удовлетвореніе такъ же свободно, безъ принудительной власти, какъ находятъ себѣ удовлетвореніе наши потребности духовныя. И для этого не нужно вовсе не только принудительной власти, но и договоровъ. Хорошимъ примѣромъ могутъ служить всевозможные кружки землячества, колоніи соотечественниковъ, національныя общенія, создающіяся въ минуты захватывающихъ общественныхъ движеній.

Очевидно, Менгеръ дѣлаетъ ту ошибку, что по примѣру другихъ силится разрѣшить проблему распределенія благъ отдѣльно отъ всего социального строя. Если допускать принужденіе, какъ къ тому склоняется авторъ, то совершенно невозможно, да и безцѣльно и не интересно задумываться надъ тѣмъ, въ какой формѣ установится это принудительное распределеніе, такъ какъ всякому установленному порядку можно будетъ противопоставить всякій другой, и вопросъ сведется попросту къ политикѣ силъ, а следовательно, распределеніе, какъ социальная проблема, само собой снимается съ обсуждения.

Изъ того, что образуетъ такъ называемое семейственное право, Менгеръ въ особенности останавливается на институтѣ брака. Существующія среди социалистовъ ученія о бракѣ авторъ группируетъ на три рода. Одни требуютъ совершенно свободныхъ отношеній (Morgis, J. Grave, Bebel), другіе выдвигаютъ институтъ принудительнаго государственнаго брака (идея Платона) и, наконецъ, есть сторонники полигаміи (Fourier). Относительно послѣднихъ двухъ видовъ брака авторъ высказывается категорически противъ. Принудительному государственному браку противорѣчитъ современное представленіе объ индивидуальной свободѣ; полигамія же, разрушая единобрачіе, по мнѣнію автора, ничего не даетъ взаимнѣ его положительныхъ качествъ (ihre zahlreichen Vorzüge). Поэтому Менгеръ останавливаетъ главное вниманіе на первомъ родѣ ученій объ установленіи супружескихъ отношеній на мѣсто того, что на современномъ языкѣ къ тому

бракомъ. Прежде всего авторъ находить, что разрѣшеніе этого вопроса по отношенію къ будущему строю не столь существенно для социализма по сравненію съ другими его задачами, какими являются ограниченія частной собственности, государственная организація общественныхъ работъ, пересозданіе современнаго индивидуалистическаго принудительнаго государства въ общенародно-трудоуое. Когда совершится этотъ переходъ старой формы государственнаго общенія, тогда наступитъ время и для реформъ въ области семейной жизни гражданъ. Но тѣмъ не менѣе, Менгеръ этимъ не удовлетворяется и въ дальнѣйшемъ приводитъ возраженія противъ допущенія свободныхъ отношеній на мѣсто современнаго брака. Прежде всего, по Менгеру, требованіе свободы въ половой жизни равносильно требованію свободы конкуренціи, договора и т. под. современныхъ экономическихъ институтовъ; во-вторыхъ, свобода въ половой жизни—*die freie Liebe*, какъ называетъ ее авторъ, представляетъ возвратъ къ прежнему некультурному состоянію общества и, наконецъ, при допущеніи ея авторъ опасается за общественную нравственность. Такимъ образомъ, Менгеръ глубокомысленно приходитъ къ тому, что будущее государство не имѣетъ основаній устранить вовсе половой инстинктъ, какъ таковой, но, съ другой стороны, его вѣднннн проявленія не должно оставить безъ ограниченій, чтобы „не дать общественной жизни принять грубо-чувственный характеръ“ (стр. 133). Т.-е. оперируя современными понятіями и явленіями, не желая (или не въ силахъ) дать на мѣсто ихъ что-нибудь дѣйствительно новое, авторъ идетъ даже дальше: ограничиваетъ весь сложный институтъ брака половыми отношеніями и требуетъ по отношенію къ нимъ полицейской регламентаціи.

Мы встрѣчаемся здѣсь съ обычнымъ для автора приѣмомъ. Не создавая ничего новаго, онъ произвольно ограничиваетъ сложное явленіе какой-нибудь одной, подчасъ совершенно для него не характерной стороной и затѣмъ предлагаетъ рѣшеніе, какъ будто задача автора произвести реформу въ одномъ изъ элементовъ современной государственности, сохранивъ, однако, полную неприкосновенность послѣдней.

Въ подобной ошибкѣ повиненъ и не одинъ разбираемый авторъ. Это общая методологическая ошибка подобныхъ сужденій: рисуя себѣ идеальное будущее, они не могутъ отвлечься отъ существующаго міра понятій и явленій и свою задачу думаютъ ограничить тѣмъ или инымъ видомъ *частнаго приспособленія* безъ переоцѣнки *основныхъ цѣнностей*. Если современный институтъ брака—церковнаго или гражданскаго, въ данномъ случаѣ безразлично—есть плоть отъ плоти всего современнаго общественнаго строя, то только отринувъ послѣдній, можно мѣйти къ радикально новому разрѣшенію поставленной проблемы.

принци. авторъ въ одномъ мѣстѣ разбираемой книги даетъ толчевъ

къ слѣдующей весьма цѣнной мысли: переходъ отъ современнаго міропониманія къ будущему будетъ не менѣе радикаленъ, чѣмъ случившійся переходъ античнаго міровоззрѣнія въ христіанскій. Эту мысль можно продолжить: какъ христіанство особенно рѣзко отличалось отъ язычества въ первое свое время, когда исходило почти непосредственно изъ устъ Христа, такъ радикально отлично должно быть новое пониманіе будущаго міра отъ современнаго міропониманія. Съ другой стороны, теоретики ближайшаго будущаго, къ каковымъ относится Менгеръ, дѣлаютъ то же, что случилось съ христіанскою церковью: чтобы скорѣе стать болѣе осуществимой и привлечь къ себѣ полчища язычниковъ, она поступила самыми существенными сторонами христіанскаго ученія, какъ наиболѣе отдѣлявшими ее отъ окружающей языческой дѣйствительности.

Приемъ часто встрѣчающійся въ жизни: люди идутъ на уступки для того, чтобы привлечь себѣ сторонниковъ или осуществить свои мысли, и не замѣчаютъ, что при этомъ многое изъ того, что они представляли себѣ до попытки реализаціи своихъ идеаловъ, уже измѣнилось или вовсе исчезло. Такова обыкновенная участь опортунизма, будь то въ теоріи, будь то въ практической жизни.

Не останавливаясь на другихъ вопросахъ гражданскаго права, какъ-то: на кредитныхъ обязательствахъ, частномъ договорѣ, на наследованіи, институтѣ незаконныхъ дѣтей, родительской власти и т. д.—на вопросахъ, которые въ будущемъ государствѣ, по Менгеру, всѣ цѣликомъ войдутъ въ сферу компетенціи правительственной власти,—перейдемъ къ тому, что собственно составляетъ предметъ современной государственной науки.

Заглавіе книги — „новое ученіе о государствѣ“ — не совсѣмъ соответствуетъ содержанію. То, что составляетъ въ собственномъ смыслѣ ученіе о государствѣ, т. е. ученіе о государственной организаціи и управленіи, занимаетъ, какъ то видно изъ предыдущаго, только незначительную часть всей книги. На первый взглядъ, авторъ выходитъ за предѣлы обычнаго ученія о государствѣ и пытается охватить весь будущій соціальныи строй. Но, съ другой стороны, послѣдній представляется ему возможнымъ исключительно въ формѣ государственнаго, т. е. по существу принудительнаго общенія.

Менгеръ различаетъ четыре вида социализма: интернаціональный, государственный (*Staatssozialismus*), социализмъ въ формѣ договорныхъ союзовъ (*Gruppensozialismus*) и, наконецъ, общинный социализмъ — *Gemeindesozialismus*, на которомъ и останавливается авторъ.

Задача будущаго государства должна быть прежде всего направлена на то, чтобы общину (*Gemeinde*) сдѣлать носительницей собственности и хозяйства (*Trägerin des Eigenthums und der Wirtschaft*). Соціалистическая община, по мнѣнію автора, есть первая ступень къ тому

далекому будущему, когда весь родъ человѣческой сольется въ одинъ братскій союзъ безъ политическихъ и экономическихъ противорѣчій.

Община должна взять на себя осуществленіе только хозяйственныхъ функцій будущаго государства, безъ политическаго верховенства (Souverenität) и законодательной власти—иначе авторъ опасается возврата къ средневѣковому расщепленному государству (Rückfall in die mittelalterliche Zersplitterung des Staates). Въ небольшихъ общинахъ съ населеніемъ не болѣе двухъ тысячъ душъ производство и распределеніе будутъ сосредоточены непосредственно въ рукахъ самихъ членовъ общины. Лишь болѣе населенные пункты, каковы, напр., современные крупные города (Riesenstädte), когда въ нихъ создается новый социальный порядокъ, будутъ нуждаться въ посредствующихъ органахъ. Для этого подобныя обширныя общины разобьются на особые округа, а среди этихъ послѣднихъ образуются рабочія группы (Arbeitergruppen) по профессіямъ. Отъ бывшаго цеховаго устройства эти группы будутъ отличаться своимъ публичнымъ характеромъ.

Само собой разумѣется, члены социалистической общины будутъ совершенно свободны въ выходѣ изъ нея. Но, съ другой стороны, авторъ считаетъ необходимымъ установить нѣкотораго рода формальную принадлежность къ ней (Gemeindegehörigkeit). Тотъ, кто не состоитъ членомъ общины, для изысканія себѣ средствъ къ существованію, долженъ вступить въ болѣе обширный союзъ: окружный (Bezirk), провинціальныи (Provinz) или государственный. Этимъ само собой ограничивается современная свобода передвиженія, необходимая для рабочихъ массъ исключительно при современныхъ условіяхъ труда.

Что касается общихъ вопросовъ государственной организаціи, то изъ нихъ Менгеръ отмѣчаетъ вопросъ о цѣляхъ государства, о суверенитетѣ и, наконецъ, вопросъ о формахъ правленія. Цѣль у современнаго государства, какъ такового, авторъ отрицаетъ. Подъ цѣлью современнаго государства всегда слѣдуетъ разумѣть стремленія отдельныхъ, по преимуществу господствующихъ, классовъ. Въ этомъ отношеніи въ существующемъ въ настоящее время „индивидуалистическомъ принудительномъ“ государствѣ (individualistische Machtstaat), по автору, замѣчаются четыре основныя группы интересовъ. Правитель и члены его семьи (der Fürst und seine Familie) стремятся къ власти и блеску (Macht und Glanz); интересы дворянства и высшаго духовенства (Adel und höhere Klerus) направлены къ выслугѣ и отличію (Bevorzugung). Средній классъ стоитъ во главѣ экономическаго производства и стремится къ наживѣ. Интересы его обусловлены матеріальнымъ и духовнымъ владѣніемъ (materiellen und geistigen Besitz). Наконецъ, въ современныхъ государствахъ замѣчается четвертая, самая обширная группа неимущихъ классовъ (besitzlosen Volksklassen), которые по существу совпадаютъ съ рабочимъ сословіемъ

(Arbeiterstand). Ихъ интересы направлены исключительно къ обезпеченію своего существованія (Sicherung der Existenzbedingungen). Изъ различія интересовъ возникаетъ борьба, которая и обусловливаетъ современное состояніе культурныхъ государствъ. И напрасны поэтому всѣ попытки къ достиженію всеобщаго мира. Пока не установится мира внутренняго, никогда не будетъ достигнутъ миръ внѣшній—Der Frieden nach aussen kann nur von dem Frieden im Innern ausgehen (стр. 163).

Вопросъ о суверенитетѣ авторъ сводитъ къ вопросу о фактической силѣ одного изъ двухъ элементовъ государственности: правительства и народа. Во всякомъ данномъ случаѣ вопросъ о суверенитетѣ рѣшается въ зависимости отъ того, въ чьихъ рукахъ сила—die Existenz einer höchsten tatsächlichen Macht (стр. 167). Для сужденія о народномъ верховенствѣ авторъ беретъ критеріемъ способность народа произвести выгодный для себя государственный переворотъ (das Volk ist souverän, wenn es eine erfolgreiche Revolution machen kann, S. 166). Въ этомъ смыслѣ авторъ различно относится къ англійскому и французскому народу по сравненію съ нѣмецкимъ; надъ послѣднимъ господствуетъ власть правительства и потому за нимъ авторъ не признаетъ суверенитета.

Что касается, наконецъ, вопроса о формѣ правленія въ будущемъ государствѣ, то онъ всюду разрѣшится различно. Принципіально, авторъ допускаетъ осуществленіе своего будущаго государства (volkstümliche Arbeitsstaat) и при монархическомъ правленіи, если оно откажется отъ своихъ милитаристическихъ интересовъ господствующаго меньшинства и измѣнитъ свое полицейское отношеніе къ гражданамъ. Милитаризмъ и полицейскій гнетъ современныхъ государствъ, по автору, въ особенности содѣйствовали образованію революціонныхъ социалистическихъ партій—въ значительно большей степени, чѣмъ капиталистическая форма производства (стр. 40). Въ доказательство своей мысли авторъ приводитъ примѣръ Англии, въ которой вовсе отсутствуетъ социаль-революціонная партія.

Вотъ бѣглый очеркъ содержанія новаго труда Антона Менгера. На приведенныхъ сужденіяхъ автора мы не будемъ останавливаться, такъ какъ они не столько рисуютъ картину новаго государства, сколько направлены противъ темныхъ сторонъ существующаго государственнаго строя. Какъ во всякомъ социалистическомъ произведеніи, критическая сторона и у разбираемаго автора сильнѣе и ярче его положительныхъ построеній.

Въ заключеніе можно замѣтить, что Менгеръ относится къ тѣмъ сторонникамъ обновленія социальнаго строя, отличительная черта которыхъ заключается въ слѣдующемъ: новаторы этой категоріи не только силятся изобразить будущее, т.-е. новое, въ формахъ настоящаго, т.-е. стараго, но и вообще черезчуръ бережно относятся къ

этому старому, приспособляясь къ нему, вмѣсто того чтобы отринуть его какъ уже отживающее. Въ современный мѣръ понятій и выраженій, такъ сильно обветшавшихъ и лишенныхъ жизненныхъ соковъ, трудно уже вложить новое и свѣжее содержаніе. Безполезно писать новыя заповѣди на старыхъ скрижаляхъ.—Г. ШВИТТАУ.

II.

— *Gabriele d'Annunzio. La Fiaccola sotto il moggio. Tragedia. Milano. 1906. (Fratelli Treves, Edit.).*

Европейская драма большого стиля часто разрабатываетъ въ послѣднее время античные сюжеты. Трагедія судьбы облечена въ греческомъ театрѣ въ образы вѣчной красоты, неисчерпаемаго паэоса, и воображеніе обращается къ нимъ каждый разъ, когда вновь чувствуется присутствие вѣчныхъ контрастовъ въ жизни человѣческой. Влеченіе къ торжеству идеала, разбивающее не только благополучіе жизни, но и самую жизнь, составляетъ для насъ, какъ и для древнихъ грековъ, основу трагической красоты жизни. Все идеалистическое искусство нашихъ дней,—а на высотахъ европейскаго художественнаго творчества синтезирующій идеализмъ побѣдилъ аналитическій реализмъ—ищетъ только отраженій трагической борьбы духа человѣческаго. Интересъ къ античной трагедіи объясняется духовной связью нашего времени съ идеальными подвигами героевъ и героинь греческой драмы, шедшихъ противъ себя во имя своей же высшей правды.

Самый фактъ возродившагося интереса къ античному театру не подлежитъ сомнѣнію. Во Франціи возобновляются съ лучшими силами представленія въ сохранившихся отъ римскихъ временъ древнихъ театрахъ—и поэты пишутъ трагедіи для этихъ театровъ. Они вносятъ въ греческіе сюжеты современное міросозерцаніе, противопоставляютъ власть событій власти духа, стремящагося къ торжеству внѣжизненныхъ идеаловъ. Въ современныхъ трагедіяхъ на античные сюжеты торжественная гармонія античнаго театра осложнена признаніемъ равноцѣнности правды духа и правды жизни; герои древнихъ драмъ становятся въ современной разработкѣ болѣе сложными, нежели цѣльными, болѣе чуткими, нежели непреклонными; у нихъ больше отбѣнговъ чувствованій и переживаній, но они столь же трагичны въ своей судьбѣ, управляемой и правдой духа, и правдой земныхъ желаній. Таковы современныя переработки античныхъ темъ у Жюля Буа въ „Ипполитъ“, у Катюля Мендеса въ „Медей“—и главнымъ образомъ въ наиболѣе интересной и своеобразной драмѣ на античную тему—въ „Электрѣ“ Гуго фонъ-Гофманстала. Тамъ чистая дѣва Эври-

пида превращена въ изумительное сочетаніе стихійно-животной силы инстинкта мести съ христіанской чистотой святыхъ помысловъ.

Габріэле д'Аннунціо имѣетъ болѣе, чѣмъ кто-либо, право на разработку античныхъ темъ. Онъ самъ выросъ на классической почвѣ и чрезвычайно чутко воспринимаетъ обаяніе классической старины. Въ его творчествѣ звучать отголоски языческой красоты, въ которой онъ видитъ завѣтъ жизнерадостности—т.-е. одной изъ силъ, управляющихъ волей современнаго человѣка. Другая сила—жажда духовной святости, равноцѣнная и равносильная первой. Д'Аннунціо даже не философствуетъ, а именно чувствуетъ эмоционально, какъ художникъ, жизнь какъ контрастъ и трагическую внутреннюю борьбу того, что онъ называетъ „il piacere“, и тоски о высокой жизни духа, не знающей унижающихъ мукъ пресыщенія. Тѣмъ д'Аннунціо и современенъ, что онъ воплощаетъ въ своемъ творчествѣ и то и другое начало въ образахъ и эмоціяхъ, отвѣчающихъ правдѣ нашихъ дней. Вся его лирика, проникнутая подлинной ненасытной жадностью ощущеній и южной страстностью, а также романы, посвященные анализу страстей, воссоздаютъ „культъ наслажденій“ съ его экстазомъ и его провалами. А драмы д'Аннунціо воссоздаютъ идеалистическіе порывы духа. Въ нихъ—также какъ въ символическихъ романахъ послѣднихъ лѣтъ—д'Аннунціо изображаетъ трагедію избранныхъ высокихъ натуръ, жаждущихъ духовныхъ подвиговъ, жаждущихъ проявить вложенныя въ нихъ силы. Въ романахъ—въ „Vergine delle Rocche“ и въ „Fuoco“—прославленъ идеалъ эстетизма и нищезавѣстна, культъ личности. Въ драмахъ идеализмъ болѣе глубокой, болѣе связанный съ подвигами во имя отвлеченной святости добра—въ духѣ античной драмы; драмы д'Аннунціо поэтому—самое благородное и прекрасное въ его творчествѣ. Начиная съ „Джіоконды“, потомъ въ „Мертвомъ городѣ“, въ „Франческѣ да-Римини“ и въ другихъ небольшихъ и большихъ драмахъ, кончая „Дочерью Іоріо“, несмотря на различіе сюжетовъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ, рисующихъ людей разной среды, д'Аннунціо пишетъ драмы судьбы, въ которыхъ сильные духомъ герои и героини воплощаютъ каждый и каждая трагическую правду своей души, отражающую правду борющихся началъ жизни.

Новая драма д'Аннунціо, „La Fiaccola sotto il moggio“ еще болѣе, чѣмъ прежнія, примыкаетъ къ идеалистическому характеру античной драмы. Д'Аннунціо задался въ послѣднее время стремленіемъ создать въ Италіи античный театръ съ обновленнымъ національнымъ содержаніемъ, но приближающийся къ греческому главнымъ образомъ высотой замысловъ, отраженіемъ въ идеальныхъ образахъ коренного трагизма жизни. Другими словами, онъ хочетъ замѣнить реалистическую и психологическую драму, царящую на современной сценѣ, драмой идеалистической. Къ этому типу подходитъ и новѣйшая драма д'Ан-

нуцію „La Fiaccola sotto il moggio“. Это греческая „Электра“, перенесенная на итальянскую почву, воплощенная въ событіяхъ почти современной жизни. Дѣйствіе происходитъ въ началѣ XIX-го вѣка, но рамки дѣйствія схематично намѣчены только въ большихъ ливіяхъ, исключаящихъ всякій реалистическій характеръ фабулы лицъ. Какъ въ греческой трагедіи, у д'Аннунціо все сведено къ напряженному столкновенію судьбы и индивидуальной воли. Для воплощенія правды синтетической, т.-е. сводящей смыслъ явленій къ идеямъ, въ никъ воплощеннымъ, нужна отрѣшенность отъ правды аналитической, разбирающей мотивы дѣйствій и чувствъ. Эта отрѣшенность и придаетъ драмѣ д'Аннунціо характеръ греческой трагедіи, соединяющей схематическую простоту съ паэосомъ героическихъ переживаній.

Образъ Электры привлекаетъ уже второго современнаго поэта. Въ этой „чистой мстительницѣ“ чувствуется особенная близость къ нашему пониманію высшаго трагизма, какъ сочетанія крайняго напряженія активной воли съ крайнимъ отрѣшеніемъ отъ страстей, т.-е. съ святостью помысловъ. Искупленіе должно быть связано съ безкорыстностью подвига: — только въ чистой дѣвѣ можетъ возстать мстительница за свершенное не ею преступленіе. Эта идея, лежащая въ основѣ героическаго образа Электры, объединяетъ языческую идею рока съ христіанскимъ идеаломъ чистоты и самоотреченія. Сложность Электры, какъ воплощенія волевого начала, возстающаго на судьбу, берущаго на себя власть возмездія, и, съ другой стороны, чистоты и самоотверженности во имя торжества справедливости, и привлекаетъ современныхъ поэтовъ въ образѣ греческой героини. Гофмансталъ возсоздаетъ въ своей драмѣ Электру среди тѣхъ же событій, какія разсказаны въ греческомъ мифѣ, а д'Аннунціо совершенно измѣняетъ фабулу, создаетъ свой мифъ, но чтобы еще болѣе подчеркнуть близость своей героини, Джиліолы, къ древней Электрѣ, — сходство и безъ того очевидно — приводитъ цитату изъ греческой Электры, какъ эпиграфъ къ своей драмѣ.

Событія, разыгрывающіяся въ „Fiaccola sotto il moggio“, перенесены въ Италію новаго времени, но вполне напоминаютъ судьбу дома Атридовъ по тяготѣющему надъ дѣйствующими лицами драмы неотразимому року. Въ драмѣ д'Аннунціо представленъ старинный надающій родъ Сангро. Семья живетъ въ огромномъ замкѣ—„въ домѣ изъ ста комнатъ“, и одна изъ вѣрныхъ служанокъ семьи восклицаетъ съ тоской: „О, этотъ домъ, кто построилъ его такимъ огромнымъ? почему въ немъ столько дверей? Сколькимъ печалямъ онъ хочетъ дать пріютъ?“ Этотъ старинный, нѣкогда цвѣтущій домъ близокъ къ полному паденію. Въ немъ рушатся стѣны, падаютъ разваливающіяся статуи изъ нишъ, высыхаютъ фонтаны—и слышится неустанный стукъ рабочихъ, сколачивающихъ подпоры для стѣнъ. Въ ночь, когда происходитъ дѣйствіе

драмы, въ канунъ Троицы, они собираются работать ночью при свѣтѣ факеловъ, чтобы спасти домъ отъ разрушенія. И не только стѣны дома разрушены, но и семья, живущая въ нихъ, близка къ полной гибели. Старая бабушка, донна Альдегринна, оплакивающая судьбу своей семьи, и самый младшій отпрыскъ стариннаго рода, семнадцатилѣтній Симонетто, умирающій отъ прирожденной истощенности силъ и безкровія, воплощаютъ собой проклятіе рока на семьѣ. Въ жизни доживающей свой вѣкъ бабушки это проклятіе началось, и молодой невинный внукъ послѣдняя жертва. Донна Альдегринна похоронила двухъ мужей, и два сына отъ перваго и втораго брака умножаютъ ея скорбь своими распрями. Трагедія происходитъ въ домѣ младшаго изъ сыновей, Теобальдо Сангро. На домѣ Сангро тяготѣетъ ужасъ разрушенія. Кромѣ жалобъ на судьбу полноправныхъ членовъ семьи, слышатся еще наверху стоны сумасшедшей сестры хозяина, запертой тамъ братомъ и неустанно мечущейся въ своей тоскѣ. Получается атмосфера безумія и проклятія—и въ ней разыгрывается трагическое дѣйствіе, лежащее въ основѣ фабулы. Весь мракъ въ семьѣ Сангро связанъ съ преступленіемъ, свершенномъ за годъ до того. День Троицы, къ которому приурочено дѣйствіе, годовщина этого преступленія. Годъ тому назадъ умерла страшной смертью жена Теобальдо, — на нее упала крышка сундука, надъ которымъ она наклонилась. Но дочь умершей, Джиліола, а можетъ быть и старая бабушка, знаютъ, что несчастіе было не дѣломъ судьбы, а дѣломъ преступныхъ рукъ, что убійца погибшей—бывшая служанка Ангичія, на которой Теобальдо женился, овдовѣвъ. Джиліола цѣлый годъ послѣ смерти матери не могла говорить, ни на кого не глядѣла, а только бродила по безчисленнымъ комнатамъ дома, со своей одинокой трагической думой. Теперь она снова вернулась къ общенію со своими—но только для того, чтобы выполнить рѣшеніе, созрѣвшее въ ея душѣ. Старый домъ падаетъ. Работники должны торопиться и работать ночью при факелахъ для того, чтобы все сразу не рухнуло. И Джиліола тоже придетъ съ факеломъ свѣтить рабочимъ въ эту ночь. У нея есть „факель, спрятанный подъ спудомъ“. Этимъ факеломъ она будетъ освѣщать ночную работу, чтобы среди разрушенія спасти то, что ей дороже всего — одну гробницу. Гробница матери останется не тронутой — въ этомъ она даетъ обѣтъ.

Джиліола, освѣщающая своимъ факеломъ мрачную атмосферу дома, раскрывающая преступленіе и мстящая за мать, и является центромъ трагедіи. Она, какъ совѣсть, заглядываетъ въ глаза тѣмъ, кого подозреваетъ, и правда открывается ей чистому взору. Она долго таила въ душѣ подозрѣнія, не рѣшаясь твердо взглянуть въ глаза отцу, страдая отъ смущеннаго виноватаго взгляда, которымъ онъ смотритъ на нее. Она только ограждаетъ брата, юнаго Симонетто, отъ злыхъ

умысловъ бывшей служанки, которая примѣшивааетъ вредныя снадобья въ лекарства мальчика. Она беретъ мальчика къ себѣ въ комнату и посылаетъ за родственницей, чтобы та увезла его изъ дома отца и мати. Сама же она направляетъ всю свою волю на исполненіе обѣта, на мсть за мать (въ противоположность мести за отца греческой Электры). Ея первое дѣло—взглянуть прямо въ глаза отцу, побѣдивъ въ себѣ жалость, и спросить его о томъ, какъ въ дѣйствительности погибла ея мать. Теобальдо уклоняется отъ отвѣта, — ему самому слишкомъ неясна роль „женщины изъ Лукки“, той, на которой онъ женился, въ смерти первой жены. Но Джиліола повторяетъ въ присутствіи отца уже не вопросы, а прямыя обвиненія въ лицо самой Ангичіи — причеиъ упорно зоветъ матику служанкой. Ангичія отвѣчаетъ вызывающимъ образомъ падчерницѣ и подтверждаетъ ея обвиненія. Ее покрываетъ соучастіе ея теперешняго мужа, и она смѣло говоритъ правду, тѣша свою злобу издѣвательствомъ надъ Джиліолой. Теобальдо тщетно кричитъ, что Ангичія клеветаетъ на себя изъ злобы, — и дочь его, и онъ самъ понимаютъ, что правда выяснилась и что нужно исполнить долгъ мести. Трагическій конфликтъ драмы заключается въ томъ, что есть два мстителя. Вопросъ въ томъ, который изъ нихъ имѣетъ право кары за совершенное злодѣяніе — невинная дочь или раскаявшійся, убѣдившійся въ преступленіи и появившій свою великую, хотя и не сознательную, вину мужъ. И Теобальдо, и Джиліола готовятся къ совершенію мести, и въ томъ, какъ они готовятся къ священному для нихъ долгу, что переживаютъ до роковой минуты, и воплощается идея драмы. Теобальдо жаждетъ очиститься, искупить познанную вину, сбросить бремя съ души — и готовъ взять на себя самое трудное, лишь бы успокоить душу. Одна изъ самыхъ патетическихкихъ и дѣйствительно глубокихъ по изображенію безвильи человѣческихкихъ мукъ сценъ въ драмѣ д'Аннунціо — сцена Теобальдо съ матерью, когда онъ въ своемъ душевномъ отчаяніи молить ее о помощи: „Ты, давшая мнѣ эту бѣдную душу“, — говоритъ онъ, — „помоги мнѣ оживить ее, разбившуюся на куски. Подумай, тотъ день, когда ты родила меня, уже для меня ничто — онъ не далъ мнѣ спасенія. Но день, когда я обращаюсь къ тебѣ съ мольбой, спасетъ меня для вѣчности, если ты мнѣ поможешь“... И мать не можетъ ему помочь — не можетъ спасти его отъ признанія совершеннаго преступленія. „Нѣтъ скорби“, — восклицаетъ она, — „равной той, которую испытываетъ мать, не будучи въ состояніи утѣшить свое дитя“. Помощь, которую Теобальдо ждетъ отъ матери, заключается въ томъ, чтобы она убѣдила его въ правдѣ, которую онъ малодушно скрываетъ отъ себя, чтобы она ему сказала: „то, что невозможно, свершилось“. Но мать отъ него же узнаетъ истину, которую онъ хотѣлъ бы узнать отъ нея, и въ этомъ странномъ и скорбномъ общеніи душъ у Теобальдо зрѣетъ рѣшеніе: „если ты

меня спасешь, побѣдивъ во мнѣ отчаяніе“, — говорить онъ матери, — то я сдѣлаю самое трудное для моего малодушія и моей низкой страсти, — я свершу невообразимое, свершу то, чего никто не ожидаетъ“...

Джиліола же думаетъ не о собственномъ спасеніи, не объ искупленіи своей вины — она безкорыстная, праведная мстительница — и спасеніе падающаго дома могло бы изойти только отъ нея. Право мести, которое она вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ и своимъ священнымъ долгомъ, она искушаетъ тѣмъ, что заранѣе обрекаетъ себя на смерть. Сначала нанести себѣ смертельный ударъ, и затѣмъ, до наступленія смерти, отплатить за мать, убить убійцу. Мысль объ этомъ ее долго преслѣдуетъ, прежде чѣмъ она принимаетъ рѣшеніе. „Почему тысячи мыслей вмѣстѣ, — спрашиваетъ она съ горестью донну Альдегрину, свою бабушку, — не такъ тяжелы, какъ одна мысль, когда она единственная, исключаящая всѣ остальные?“ Рѣшивъ исполнить долгъ мести въ ночь годовщины смерти матери, приготовившись освѣщать своимъ факеломъ мракъ замка, Джиліола находитъ и средство быть увѣренной въ своей смерти, прежде чѣмъ идти исполнять долгъ. Въ замкѣ есть еще одно постороннее лицо — старый заклинатель змѣй. Онъ отецъ Ангичія и пришелъ къ ней, узнавъ о ея замужествѣ съ знатнымъ синьоромъ. Но Ангичія не хочетъ признать отца въ бѣдномъ крестьянинѣ и прогоняетъ его, бросая въ него камни. Израненнаго, измученнаго злобой дочери старика со змѣями утѣшаетъ Джиліола. Она обмываетъ и перевязываетъ его раны, спрашиваетъ его, и изъ наивныхъ разсказовъ старика еще болѣе убѣждается въ преступности своей маички. Утѣшенный Джиліолой старикъ отдаетъ ей подарки, которые приготовилъ дочери, и довѣрчиво говоритъ съ ней. Эта сцена принадлежитъ, какъ и сцена между Теобальдо и матерью, къ лучшимъ въ драмѣ. Въ ней д'Аннунціо очень умѣло пользуется народнымъ элементомъ, поэзіей народныхъ повѣрій и народной мудрости, которую онъ влагаетъ въ образныя и задушевные рѣчи старика. Джиліола ласкова со старикомъ еще по особой причинѣ: она выпрашиваетъ его о змѣяхъ, которыхъ онъ носитъ при себѣ, и узнаетъ, которыя изъ нихъ ядовиты и какъ дѣйствуетъ ихъ укусъ. Она уговариваетъ старика оставить ей мѣшокъ со змѣями, „мѣшочекъ великой смерти“, перевязанный зеленымъ шнуркомъ. Она говоритъ, что хочетъ погубить брата и пошутить надъ нимъ. Старикъ не успѣваетъ отвѣтить, какъ входитъ Ангичія, и Джиліола быстро прячетъ мѣшокъ. Прежде чѣмъ исполнить свое намѣреніе, она еще говоритъ съ братомъ и разсказываетъ ему тайну смерти ихъ матери, наполняя и сердце мальчика пламенной жаждой мести. Затѣмъ она подготавливаетъ во всемъ домѣ ожиданіе возмездія за совершенное преступленіе — напоминаетъ всѣмъ о подробностяхъ того же часа за годъ передъ тѣмъ, т.-е. когда

совершалось кровавое дѣло. Симонетто боленъ послѣ объясненій сестры; у него горячка, и онъ все зоветъ сестру. Но она посылаетъ къ нему старую кормилицу, и сама остается, чтобы исполнить свой обѣтъ. Въ ея обращеніи къ умершей матери за благословеніемъ отражается весь героизмъ высоко настроенной души. Она молитъ мать укрѣпить въ ея душѣ „приваніе къ смерти“, которое дастъ ей силу для подвига. Она призываетъ муки смерти, чтобы въ нихъ тѣснѣе слиться съ мученической смертью матери, и съ мольбой о томъ, чтобы ей дано было „быть снова единымъ съ тобою, мать, какъ тогда, когда ты послала меня въ чревѣ, въ священной тишинѣ“, опускаетъ руки въ мѣшокъ со змѣями. Жертва принесена—но она оказывается напрасной. Когда Джиліола идетъ къ Ангици, она находитъ ее на кровати уже мертвой. Ее убилъ Теобальдо. „Ея кровь на мнѣ, — говоритъ Теобальдо.—Я отмстилъ за тебя“. Но Джиліола въ смертельномъ ужасѣ: „Тебѣ нельзя было это сдѣлать! — восклицаетъ она, обращаясь къ отцу.—Обѣтъ дала только я. Жертва за жертву. Ты отнял у меня мое священное право.“—„Для того, чтобы ты не освернула своихъ рукъ, я это сдѣлалъ за тебя, дочь моя“, — объясняетъ Теобальдо, но Джиліола уничтожаетъ значеніе его подвига словами: „Твоя рука недостаточно чиста для этой жертвы... своимъ поступкомъ ты только запечаталъ уста, обвиняющія тебя“. Джиліола умираетъ—но не свѣтлой смертью. Она раньше приказала зажечь всѣ факелы, чтобы ознаменовать торжествомъ искупительную жертву — и хотѣла сама держать до послѣдней минуты зажженный факель въ рукѣ — тотъ, который „былъ долго подъ спудомъ“ и исполнилъ наконецъ свое назначеніе, освѣтилъ мракъ, т. е. побѣдилъ зло. Но трагедія Джиліолы въ томъ, что ея подвигъ остался тщетнымъ. „Затушите факелы!—сгорбно приказываетъ она. — Да будетъ мракъ, да будетъ мракъ надъ тѣмъ, кто не свершилъ обѣта. Затушите свѣтъ и вы всѣ, — говоритъ она рабочимъ, подходящимъ къ замку съ зажженными факелами. — Я не могу держать передъ вами мой факель. Все было напрасно“. Съ послѣдними словами прощанія, обращенными къ своимъ, она умираетъ — и отецъ ея тоже падаетъ на землю, умирая. Такъ заканчивается драма, въ центрѣ которой стоитъ модернизованная Электра. Для Джиліолы долгъ мести связанъ съ искупительной жертвой; спасительный подвигъ—только подвигъ безкорыстной любви, — когда долгъ любви къ другимъ становится проявленіемъ высшей любви къ себѣ, когда единая любовь производитъ сліяніе культа личности и культа міра.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1905.

Наступающій учебный годъ.—Статьи В. И. Вернадскаго и кн. Е. Н. Трубецкого.—Вольный университетъ и высшая русская школа въ Парижѣ.—Нежеланье и неугибные понятия значеніе переживаемой нами минуты.—Дворянство и крестьянство.—Земскіе начальники.—Надвигающаяся опасность голода.—Свобода печати и право собраній.

Черезъ нѣсколько недѣль долженъ начаться новый учебный годъ. Начнется ли онъ на самомъ дѣлѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ? Увѣренности въ этомъ быть не можетъ. Профессорскими коллегіями сдѣлано все отъ нихъ зависящее, чтобы положить конецъ явной, вопиющей аномалии; но правительственная власть все еще не сказала рѣшающаго, освобождающаго слова. Настоящее положеніе вопроса обрисовано съ особенною яркостью въ статьяхъ профессора В. И. Вернадскаго: „Ближайшія задачи академической жизни“ („Право“, № 24) и „Три забастовки“ („Русскія Вѣдомости“, № 179). Уже въ самомъ началѣ 1905-го года совѣты почти всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній выставили одинаковую программу академической дѣятельности, одинаково отвергли полицейскія мѣры борьбы съ студенческими беспорядками. Частный профессорскій съѣздъ, состоявшійся въ февралѣ мѣсяцѣ, призналъ невозможнымъ чтеніе лекцій, веденіе практическихъ занятій и производство экзаменовъ при условіи прижвненія репрессій и насилія. вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ пришелъ къ заключенію, что хотя провести въ жизнь новый уставъ высшихъ учебныхъ заведеній, основанный на принципахъ академической автономіи и свободы, можетъ, съ успѣхомъ, только народное представительство, но для сохраненія высшей школы въ нынѣшнее тревожное время необходимо немедленно дать совѣтамъ, съ ректоромъ во главѣ, право самостоятельнаго завѣдыванія учебными заведеніями. Это можетъ быть достигнуто путемъ временныхъ полномочій, цѣлесообразность которыхъ сначала подвергалась сомнѣнію, но въ концѣ концовъ признана съѣздомъ. Побѣжденнымъ оказалось и предубѣжденіе противъ *официально* профессорскаго съѣзда, созывъ котораго со стороны профессоровъ теперь препятствій не встрѣтитъ. „Начало единенію и солидарности положено“—такъ заканчивается первая статья В. И. Вернадскаго; „отъ насъ зависитъ его дальнѣйшее развитіе. Единеніе необходимо для благородной страны, для самаго существованія академическихъ организацій“.

Итакъ, среди профессоровъ существуетъ полная готовность спо-

собствовать возобновленію занятій, въ той обстановкѣ, которая одна только обезпечиваетъ ихъ правильное, нормальное теченіе. Можно ли сказать то же самое объ учебной администраціи? До сихъ поръ, какъ видно изъ второй статьи В. И. Вернадскаго, она только отклоняла предложенія, шедшія отъ совѣтовъ,—и выразила намѣреніе удалить всѣхъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній, если не прекратится, въ наступающемъ академическомъ году, студенческая забастовка. „Эта неслыханная въ исторіи цивилизованныхъ странъ угроза произвела“, по словамъ В. И. Вернадскаго, „впечатлѣніе, обратное тому, какое, повидимому, ожидалось ея авторами. Она не испугала, но глубоко оскорбила. Она казалась невѣроятной. Однако, вскорѣ въ заграничной печати появились извѣстія о томъ, что русское правительство ведетъ переговоры съ нѣкоторыми нѣмецкими учеными, которыми жаждетъ замѣнить непокорныхъ русскихъ профессоровъ“. Переговоры эти окончились, повидимому, полной неудачей. Между тѣмъ, началось „очищеніе“ учебнаго персонала: въ Одессѣ удалены, безъ объясненія причинъ, приватъ-доценты Орженцкій и Тарасевичъ, въ Казани — приватъ-доцентъ Парфентьевъ... Что же будетъ дальше? „Есть“,—говоритъ В. И. Вернадскій,—„два, и только два выхода. Или надо возобновить жизнь созданныхъ нѣковою государственною работою правительственныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, или создать новыя. Для перваго выхода, достигнувъ нѣкотораго спокойствія въ странѣ путемъ созыва народныхъ представителей, надо измѣнить сепаратнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ порядокъ управленія учебными заведеніями, давъ совѣтамъ особыя полномочія, гарантирующія шволу отъ полицейскаго режима, и созвать профессорскій и преподавательскій съѣздъ передъ началомъ занятій, для совмѣстнаго рѣшенія вопроса о веденіи преподаванія въ переживаемое смутное время. Если бы, почему бы то ни было, это оказалось невозможнымъ, то придется идти другимъ путемъ. Оставивъ старыя, надо создать новыя учебныя заведенія—вольныя университеты, вольныя высшія школы, не связанныя программами, не зависящія отъ казенныхъ средствъ, дающія широкую возможность академической творческой дѣятельности. Какъ ни труденъ этотъ путь и сколько ни связано съ нимъ затратъ и преградъ,—никогда выхода не остается, если многіе профессора будутъ изгнаны изъ государственныхъ школъ, а эти послѣднія закрыты или изувѣчены. Нельзя оставить молодежь безъ образованія, и силы ученыхъ людей русскаго народа не могутъ безнаказанно для блага страны долго оставаться безъ употребленія“.

Мысль о вольномъ университетѣ, пущенная въ обращеніе, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгеромъ, все больше и больше, повидимому,

приобрѣтаетъ у насъ право гражданства. Чрезвычайно энергично защищаетъ ее, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 145), профессоръ кн. Е. Н. Трубецкой. Указавъ на то, что въ существующихъ университетахъ могутъ остаться, при извѣстныхъ условіяхъ, только „благонамѣренные“ профессора и „благонадежные“ студенты, кн. Трубецкой восклицаетъ: „Неужели русское общество допустить, чтобы цвѣтъ нашей профессуры удалился окончательно отъ педагогической дѣятельности? Неужели оно примирится съ тѣмъ, что девять десятыхъ нашей учащейся молодежи останутся безъ высшаго образованія? Если насъ пугаетъ перспектива грядущей варваризаціи страны, если мы не хотимъ *надомо*, быть можетъ, разстаться съ просвѣщеніемъ, то мы должны немедленно подумать о созданіи вольнаго университета. Иного выбора намъ нѣтъ. Мы не знаемъ, какъ долго продлится борьба за обновленіе нашего государственнаго строя; поэтому было бы легкомысленнымъ надѣяться на скорое наступленіе у насъ тѣхъ условій, при которыхъ въ Россіи станетъ возможнымъ университетъ правительственный... Возможно, что устройство вольнаго университета будетъ разрѣшено правительствомъ. Разъ оно само оказалось не въ состояніи обезпечить странѣ высшаго образованія, оно, быть можетъ, не дерзнетъ воспрепятствовать общественнымъ усиліямъ, направленнымъ къ этой цѣли. Въ случаѣ невозможности добиться разрѣшенія, придется такъ или иначе создать вольный университетъ „явочнымъ порядкомъ“ въ Россіи или за границей. Въ случаѣ закрытія высшихъ учебныхъ заведеній ближайшей осенью это окажется необходимымъ, какія бы жертвы и усилія для того ни потребовались“.

Что созданіе въ Россіи вольнаго университета и вообще вольной высшей школы не принадлежитъ къ числу несбыточныхъ мечтаній—нагляднымъ доказательствомъ этому служитъ русская высшая школа въ Парижѣ, закончившая недавно четвертый годъ своего существованія. Привлекая множество слушателей, она даетъ имъ рядъ разнообразныхъ знаній, преимущественно въ области наукъ политическихъ и социальныхъ. Въ лекторахъ, постоянныхъ и временныхъ, русскихъ и иностранныхъ, она не чувствуетъ недостатка. Не стѣсненная неподвижными рамками, она захватываетъ въ кругъ преподаванія все то, что въ данную минуту составляетъ предметъ наибольшаго интереса. Главной ея опорой служитъ неутомимая дѣятельность М. М. Ковалевскаго, для котораго такъ долго была недоступна кафедра въ Россіи. Ему помогаютъ П. Н. Милюковъ, П. Н. Виноградовъ, А. С. Трачевскій, Ю. С. Гамбаровъ, также разставшіеся, помимо воли, съ русскими университетами. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что такая же свободная группировка силъ оказалась бы возможной, при отсутствіи внѣшнихъ препятствій, и на русской почвѣ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы легко было примириться съ крушеніемъ, хотя бы вре-

меннымъ, тѣхъ формъ, въ которыя облечено у насъ теперь высшее образованіе. Не даромъ же вездѣ на континентѣ Европы главную тяжесть расходовъ по содержанію высшихъ школъ несетъ на себѣ государство. Только ему посильны тѣ постоянно растущія затраты, которыхъ требуетъ высшее образованіе, въ особенности техническое, спеціальное; только имъ или съ его помощью могутъ быть устроены и содержимы тѣ лабораторіи, кабинеты, коллекціи, приспособленія всякаго рода, значеніе которыхъ для высшей школы увеличивается съ каждымъ годомъ. Трудно даже вообразить себѣ такое положеніе вещей, при которомъ пустовали бы громадныя зданія, отвѣчающія всѣмъ требованіямъ науки—и рядомъ съ ними тѣснились бы въ кавижекъ-нибудь углахъ, лишенные необходимыхъ пособій, толпы молодежи, жаждущей знанія. Невозможно допустить, чтобы на встрѣчу подобной аномалии добровольно пошло государство, заинтересованное не только косвенно, но и прямо, въ развитіи высшаго образованія, въ усвоеніи его широкими общественными кругами. Мы надѣемся и вѣримъ, что изъ двухъ альтернативъ, которыя ставитъ В. И. Вернадскій, осуществится первая, а не вторая. Путь репрессій, съ помощью которыхъ предполагалось возстановить и поддержать порядокъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, пройденъ до конца—и не привелъ къ цѣли; остается только поворотъ на другую дорогу... Пускай возникнетъ у насъ вольная высшая школа,—это будетъ во всякомъ случаѣ цѣннымъ приобрѣтеніемъ для нашей умственной жизни; но пускай она явится не *замѣной*, а *дополненіемъ* государственной школы.

Какъ ни ясны признаки надвигающагося кризиса, какъ ни очевидно невозможно предотвратить его поворотомъ назадъ, стояніемъ на мѣстѣ или даже нерѣшительнымъ движеніемъ впередъ,—все еще раздаются голоса, настойчиво рекомендующіе одно изъ этихъ рѣшеній. Особеннымъ упорствомъ отличается, какъ и слѣдовало ожидать, реакціонная печать. Не останавливаясь подробно на ея много разъ опровергнутыхъ аргументахъ, укажемъ только два приема, къ которымъ она охотно прибѣгаетъ. Первый изъ нихъ—возвеличеніе прошлаго, достигаемое путемъ его извращенія. Великодушно отказываясь—до поры до времени—отъ только-что предложенной ея все-россійской военной диктатуры, московская реакціонная газета выражаетъ готовность удовольствоваться такимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, который „рѣшился бы строго, неуклонно и послѣдовательно примѣнять законы, ограждающіе порядокъ въ государствѣ“. Прототипъ такого министра она видитъ въ гр. Д. А. Толстомъ, „режимъ котораго сразу оздоровилъ Россію“ и поднялъ ее на небывалый до тѣхъ поръ уровень всемірной славы. И это говорится

теперь, когда съ такою поразительною яркостью обрисовывается несостоятельность всего созданнаго гр. Толстымъ—теперь, когда официально осуждены „излишніи стѣсненія печати“, сочтены дни земскихъ начальниковъ, предрѣшена безусловность и самостоятельность земства, признана необходимость освобожденія школы, на всѣхъ степеняхъ ея, отъ утъ, въ которыя ее заковала политика гр. Толстого! Несправедливо, конечно, было бы утверждать, что гр. Толстой—единственный виновникъ всѣхъ недуговъ, отъ которыхъ страдаетъ Россія; но что при немъ и въ значительной мѣрѣ благодаря ему они обострились и проникли до самой глубины организма—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Могущею, въ концѣ прошлаго вѣка, Россія казалась, но только казалась. Повторялся тотъ оптический обманъ, который въ еще гораздо большей степени существовалъ при Николаѣ I-мъ—и разсѣялся, какъ и тогда, при свѣтѣ перваго серьезнаго испытанія, принесеннаго вѣшною войною.

Второй излюбленный пріемъ реакціонной прессы—извращеніе настоящаго, принимающее иногда по-истинѣ чудовищныя формы. Ограничимся однимъ примѣромъ, особенно характернымъ. Къ числу мѣропріятій, „совершенно чуждыхъ желаніямъ русскаго народа и даже ему противныхъ“, „Московскія Вѣдомости“ (№ 191) относятъ... законъ о свободѣ совѣсти, „въ которомъ никто въ Россіи не ощущалъ надобности, кромѣ газетчиковъ, давно, какъ извѣстно, свободныхъ отъ совѣсти“. Итакъ, въ законѣ о свободѣ совѣсти „не ощущали надобности“ ни миллионы раскольниковъ и сектантовъ, ни десятки или сотни тысячъ „упорствовавшихъ“ униатовъ, плохо обращенныхъ протестантовъ, по недоразумѣнію крестившихся магометанъ! Не слишкомъ ли далеко заходить здѣсь забвеніе правила о „знаніи мѣры“? „Въ Россіи“,—читаемъ мы дальше,—„никогда не было религіознаго гоненія, и православный людъ всегда мирно уживался бокъ-о-бокъ даже съ магометанами и евреями“. Но развѣ указъ 17-го апрѣля имѣлъ цѣлью оградить свободу совѣсти отъ посягательствъ со стороны „православнаго люда“? Развѣ самое изданіе его не доказываетъ съ достаточною ясностью, что до тѣхъ поръ имѣли мѣсто „гоненія за вѣру“, въ видѣ стѣсненій, правопришестій, административныхъ и даже уголовныхъ каръ?.. Въ концѣ концовъ московская газета открываетъ еще одну категорію лицъ, которымъ былъ нуженъ законъ о свободѣ совѣсти: это—„крамольники“, усматривающіе въ немъ „средство ослабить основы русскою государственности“. Кому же неизвѣстно, однако, что уменьшеніе поводовъ къ неудовольствію, существующихъ въ средѣ народа, ведетъ не къ ослабленію, а наоборотъ, къ усиленію государства?

Отъ злостнаго нежеланія видѣть перейдемъ къ наивному непониманію дѣйствительности. Образцомъ его можетъ служить статья графа А. А. Голенищева-Кутузова: „Гласъ народа—гласъ Божій“, появившаяся не-

давно въ „Новомъ Времени“ (№ 10548). Совершенно справедливо осуждая чисто-бюрократическій способъ составленія закона о Государственной Думѣ, авторъ полагаетъ, что простымъ и вполне удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса былъ бы немедленный созывъ земскаго собора, т.-е. „излюбленныхъ людей отъ коренной Россіи, отъ всего сидящаго на землѣ, трудящагося и производящаго ея населенія, отъ крестьянъ, городскихъ сословій, купцовъ, дворянъ, духовенства и представителей русской науки и русскаго слова“. Выборъ членовъ собора слѣдовало бы, „не мудрствуя лукаво“, предоставить дворянскимъ и купеческимъ собраніямъ, городскимъ думамъ, епархіальнымъ съѣздамъ, университетамъ и академіямъ непосредственно, а волостнымъ сходкамъ—черезъ избранныхъ ими выборщиковъ. Замѣтимъ, что рѣчь идетъ только о „коренной Россіи“, т.-е. оставляются въ сторонѣ всѣ окраины (цѣлая треть населенія государства),—и ни слова не говорится о земскихъ собраніяхъ, т.-е. именно о главныхъ центрахъ политическаго опыта и политической жизни. Но и помимо этого, можно ли думать, что теперь, въ виду всего совершившагося въ теченіе послѣдняго полугодія, для успокоенія страны было бы достаточно „простого“ средства, предлагаемаго гр. Голенищевымъ-Кутузовымъ? Можно ли вѣрить, что не возникло бы никакихъ недоумѣній ни относительно состава собора (т.-е. распредѣленія и численности различныхъ его элементовъ), ни относительно его правъ и способа дѣйствій, ни относительно условій, ограждающихъ его самостоятельность, его живую связь съ народомъ, ни относительно значенія его рѣшеній? Нѣтъ, время „простыхъ средствъ“ давно уже миновало, и не такимъ слабымъ орудіемъ, какъ сословный земскій соборъ, можетъ быть разсѣченъ гордіевъ узелъ, запутывающійся все больше и больше.

Въ какую бы область русской жизни мы ни заглянули, вездѣ одинаково бросается въ глаза серьезность совершившейся и совершающейся перемѣны. Давно ли, напримѣръ, дворянскія собранія служили, за немногими исключеніями, оплотами рутинны, и губернскіе предводители, не замыкающіеся въ узкую рамку сословныхъ интересовъ, оказывались чуть не притчей во языцѣхъ? И что же мы видимъ въ настоящее время? Ярославское чрезвычайное дворянское собраніе высказывается за безсословность выборовъ въ Государственную Думу, за отвѣтственность министровъ передъ Думой, за законодательную инициативу Думы, за представленіе Государю только тѣхъ законопроектовъ, которые приняты Думой, за всѣ виды свободы, требуемыя общественнымъ мнѣніемъ. Двадцать пять губернскихъ предводителей признаютъ себя солидарными съ земскими и городскими дѣятелями, участвовавшими въ депутаціи 6-го іюня ¹⁾. „Московскія Вѣдомости“ стараются умалить

¹⁾ См. выше: „Внутреннее Обзоріе“.

важность этого факта, указывая на то, что въ составъ совѣщанія, уполномоченными котораго являлись кн. П. Н. Трубецкой и гр. В. В. Гудовичъ, входили три предводителя изъ прибалтійскихъ губерній, два—изъ кавказскихъ, четыре—изъ западныхъ (гдѣ нѣтъ дворянскихъ выборовъ) и два замѣстителя предводителей; „настоящихъ“ предводителей было, такимъ образомъ, только четырнадцать. И эта послѣдняя цифра, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, можетъ быть названа весьма крупной; но далеко не лишены значенія и всѣ остальные. Весьма знаменательно, что къ русскимъ предводителямъ примкнули острейскіе, всегда отличавшіеся своимъ консерватизмомъ; свойственный имъ практическій смыслъ подсказалъ имъ, очевидно, на чьей сторонѣ будущее. Участіе кавказскихъ предводителей свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно новыя теченія распространены на окраинахъ имперіи. Въ западныхъ губерніяхъ со дня на день можно ожидать возобновленія дворянскихъ выборовъ; позволительно думать, поэтому, что нынѣшніе, назначенные предводители, присоединяясь къ лѣвому крылу своихъ выборныхъ коллегъ, дѣйствовали согласно съ настроеніемъ своихъ будущихъ избирателей... Нѣтъ, никакимъ комментариемъ не удастся поколебать значеніе и смыслъ дворянской депутаціи 18 іюня.

Обратимся теперь къ противоположному концу старой сословной лѣстницы—къ крестьянству. До сихъ поръ приходится слышать увѣренія, что крестьяне дорожатъ своимъ настоящимъ положеніемъ, какъ источникомъ правъ и привилегій (!), что не отъ крестьянъ идетъ стремленіе къ равноправности, направленное, между прочимъ, противъ института земскихъ начальниковъ. Къ безчисленнымъ фактамъ, давно уже опровергающимъ этотъ взглядъ, присоединился недавно еще одинъ, особенно вѣскій. Въ черниговское губернское совѣщаніе по крестьянскому вопросу были призваны выборные отъ сельскихъ обществъ, чтобы дать заключеніе о законопроектахъ, составленныхъ, въ управленіе В. К. Плеве, редакціонною комиссіею при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ губернатора, настойчиво убѣждало выборныхъ одобрить главныя основанія проектовъ, но встрѣтило съ ихъ стороны упорное противодѣйствіе. Когда одинъ изъ членовъ совѣщанія предложилъ перейти къ разсмотрѣнію проектовъ по статьямъ, не допуская критики ихъ съ общей точки зрѣнія, выборные пришли къ убѣжденію, что нельзя обсуждать по частямъ то, что вполне негодно, и разошлись, заявивъ, что крестьянамъ необходимо полное объединеніе со всѣми остальными русскими гражданами. Изъ пятидесяти выборныхъ осталось всего пять, да и тѣ заявили о совершенной непригодности проектированныхъ законовъ ¹⁾. Не трудно понять, какой подъемъ духа былъ необходимъ

¹⁾ См. №№ 181 и 190 „Русскихъ Вѣдомостей“.

для достиженія такого результата. Открытыя возраженія начальству недешево, до сихъ поръ, обходились крестьянамъ и встрѣчались до крайности рѣдко; самая ихъ необычность исключаетъ всякое сомнѣнiе въ ихъ искренности... Въ менѣе рельефныхъ формахъ черниговскій протестъ повторяется въ разныхъ концахъ Россiи, часто, несмотря на множество преградъ, доходя до свѣдѣнiя совѣта министровъ. Нужно очень много смѣлости, чтобы повторять, въ виду такихъ фактовъ, старую басню о мужикѣ, добровольно несущемъ свое иго и дорожащемъ своимъ безправiемъ.

Болѣе чѣмъ когда-либо фальшивой нотой гимнъ въ честь земскихъ начальниковъ, пропѣтый „Московскими Вѣдомостями“ (№ 185), прозвучалъ именно теперь, когда, повидимому, многимъ мѣстностямъ Россiи опять предстоитъ голодный годъ. Трудно допустить, чтобы борьба съ послѣдствiями неурожая была ввѣрена учрежденiю, всегда умѣвшему только отрицать или умалывать значенiе народнаго бѣдствiя—была ввѣрена ему въ столь тяжелую минуту, среди опасностей всякаго рода. Еще недавно было сообщено въ печати, что крестьянское населенiе тимскаго уѣзда (курской губернiи) осталось, въ голодный годъ, безъ продовольственныхъ ссудъ и подверглось даже выколачиванью недоимокъ, только потому, что земскiе начальники этого уѣзда не пожелали разрѣшить волостнымъ сходамъ официально засвидѣтельствовать продовольственную нужду. Неужели возможнымъ окажется повторенiе подобныхъ случаевъ? Не всѣ же уѣздные съѣзды окажутся обладающими такимъ гражданскимъ мужествомъ, какое проявилъ тираспольскiй съѣздъ (херсонской губернiи), признавъ, что ему не подъ силу сложныя обязанности, связанныя съ продовольственнымъ дѣломъ—обязанности, которыя можетъ выполнить какъ слѣдуетъ лишь земство, близко стоящее къ народу и пользующееся довѣрiемъ общества... Къ традициямъ земскихъ начальниковъ, выработаннымъ въ голодные годы, принадлежитъ недовѣрiе къ частной помощи, которую они, *par ordre* и по собственному побужденiю, всячески ограничивали и стѣсняли. А между тѣмъ, потребность въ такой помощи чувствуется уже теперь; къ ней обращается, напримѣръ, богородицкiй (тульской губернiи) уѣздный предводитель дворянства, гр. В. А. Бобринскiй, такъ много сдѣлавшiй для населенiя въ неурожайныя годы прошлаго десятилѣтiя ¹⁾. Нужно надѣяться, что на этотъ разъ ему не придется встрѣтить такого противодѣйствiя со стороны администрацiи, какое онъ испыталъ въ 1898-мъ году.

Въ той сплошной аномалiи, какую представляетъ собою институтъ земскихъ начальниковъ, менѣе всего нормальна судебная ихъ власть,

¹⁾ См. въ „Вѣстникѣ Европы“ 1898 г., № 2, статью: „Въ неурожайныхъ мѣстностяхъ“, а также „Внутреннiя Обзорнiя“ въ №№ 1 и 3 за тотъ же годъ и въ № 5 за 1898 г.

съ особымъ усердіемъ отстаиваемая реакціонною печатью. Это усердіе понятно: надъ судебною властью земскихъ начальниковъ произнесенъ уже смертный приговоръ, и нужны отчаянныя усилія, чтобы предупредить или по крайней мѣрѣ отсрочить его исполненіе. Третій пунктъ Высочайшаго указа 12-го декабря предрѣшилъ „охраненіе равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ сословій“ и „внесеніе должнаго единства въ устройство судебной части“; тѣмъ же указомъ повелѣно „привести законы о крестьянахъ въ объединенію съ общимъ законодательствомъ имперіи“, чтобы обезпечить за крестьянами „положеніе полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей“. Согласно съ этими указаніями, министръ юстиціи призналъ необходимымъ совершенно упразднить или кореннымъ образомъ преобразовать волостной судъ, передать судебную власть земскихъ начальниковъ органамъ общей юстиціи и отнѣнить карательныя полномочія, предоставленныя административной власти. Предположеніямъ этимъ данъ дальнѣйшій ходъ въ законодательномъ порядкѣ. Можно, слѣдовательно, ожидать, что въ скоромъ времени будетъ восстановленъ въ полной силѣ одинъ изъ основныхъ принциповъ судебной реформы—раздѣленіе властей административной и судебной. Не помѣшаетъ этому ни плачъ, ни скрежетъ зубовъ: этого требуетъ не только справедливость, но и самая элементарная государственная мудрость.

Проектъ, поставившій существованіе газетъ и журналовъ въ зависимость отъ единоличнаго усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, сдѣлался закономъ, даже безъ оговорки о временномъ его характерѣ. Разбирая его подробно (въ июньскомъ внутреннемъ обзорѣ), мы старались показать, какъ недостаточна, въ сущности, гарантія, заключающаяся въ предоставленіи рѣшающаго слова правительствующему сенату. Приостановка періодическаго изданія будетъ равносильна, въ большинствѣ случаевъ, совершенному его прекращенію. Закономъ 23-го мая юридическое положеніе печати измѣнено, такимъ образомъ, скорѣе къ худшему, чѣмъ къ лучшему. Далеко не блестяще, въ настоящую минуту, и фактическое ея положеніе. Предостереженія, запрещенія розничной продажи слѣдуютъ одно за другимъ. Июньская и июльская книжки „Русской Мысли“ задержаны цензурой. „Слово“ приостановлено на мѣсяць, „Новости“—на два мѣсяца, за нарушеніе циркуляровъ, основанныхъ на ст. 140-й уст. о ценз. и печ. Всѣ или почти всѣ независимыя газеты, не обреченныя, пока, на временное безмолвіе, висятъ на волоскѣ и ежеминутно, помимо обычныхъ каръ, могутъ испытать на себѣ дѣйствіе новаго закона. Ненормальность такого положенія вещей усугубляется съ одной стороны условіями, при которыхъ мы живемъ, съ другой — официально предпринятымъ

пересмотромъ узаконеній о печати. Больше, чѣмъ когда-либо, важенъ теперь каждый свободный голосъ. Слишкомъ тяжело молчать, когда кругомъ кипитъ небывалое движеніе и назрѣваетъ коренная пере-мѣна. Ломка или творчество, и если творчество, то въ какомъ на-правленіи, въ какомъ духѣ—вотъ вопросъ, въ разрѣшеніи котораго должны принимать участіе всѣ наличныя общественныя силы. Про-извольными случайными мѣрами строгости предупредить или остано-вить въ настоящее время ничего нельзя... Трудно понять, почему, послѣ немногихъ попытокъ, оставлена мысль о судебномъ преслѣдо-ваніи проступковъ печати; еще труднѣе объяснить себѣ, почему не только не принимаются въ расчетъ, но прямо игнорируются работн совѣщанія о печати, учрежденнаго въ силу указа 12-го декабря 1904-го года. Отстаивать статью 140-ю, въ томъ смыслѣ, какой усвоили ей многолѣтняя цензурная практика, не рѣшились даже тѣ члены совѣщанія, которые незадолго до того держали въ своихъ рукахъ судьбы печати; послѣдовательно ли, затѣмъ, попрежнему обращать эту статью въ орудіе для обереганія тайны, не оправдываемой явной необходимостью—тайны, вдобавокъ, совершенно прозрачной, въ глав-ныхъ своихъ чертахъ всѣмъ извѣстной? Съѣздъ земскихъ и город-скихъ дѣятелей, уполномоченные котораго были недавно приняты и заслушаны Государемъ Императоромъ, не принадлежатъ, очевидно, къ числу тѣхъ фактовъ, оглашеніе или обсужденіе которыхъ предста-вляетъ собою—говоря словами мотивовъ къ ст. 140-ой—„опасную по своимъ послѣдствіямъ нескрѣпимость“...

Еще хуже, чѣмъ столичной печати, живется, конечно, печати про-винціальной. Вотъ, напримѣръ, что сообщаетъ корреспондентъ „Сына Отечества“ о мытарствахъ, которымъ только-что подвергся „Там-бовскій Голосъ“: „ни слова нельзя говорить объ аграрномъ движеніи въ губерніи, о малоземельѣ крестьянъ, о дѣлахъ духовнаго вѣдомства, о безправномъ положеніи крестьянъ, объ объединеніи какихъ-либо общественныхъ группъ, о крупныхъ земскихъ недоимщикахъ, како-выми въ губерніи являются дворяне, объ искѣ городской управы къ архіерейскому дому, захватившему часть городской земли, о новомъ кон-сервативномъ составѣ губернской земской управы, объ архаичности мѣщанской управы, о скверной постановкѣ дѣла въ желѣзнодорожной больницѣ, объ установленіи хозяевами-парикмахерами праздничнаго отдыха для служащихъ и проч. и проч. Всѣ событія мѣстной жизни даже въ простомъ фактическомъ изложеніи, находящія себѣ освѣще-ніе въ столичныхъ газетахъ, не пропускаются въ „Тамбовскомъ Го-лосѣ“. Сплонъ и рядомъ газета принуждена совсѣмъ выходить безъ отдѣловъ: „Война“, „Общая извѣстія“, „Печать“, „По Россіи“, „Би-блиографія“, „Общественное самоуправленіе“ и проч. Дѣло дошло до того, что „Тамбовскому Голосу“ воспрепятствуютъ даже перепечатки

(дословныя, безъ комментаріевъ) изъ официальныхъ „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; такъ, не разрѣшена была перепечатка прокламаціи „Солдатская памятка“, взятая изъ „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ съ тѣми же вступительными замѣчаніями. Для „Тамбовскаго Голоса“ не былъ разрѣшенъ фельетонъ Мих. Яковлева „Вагонъ кагѣкъ“, черезъ нѣсколько дней (26-го іюня) появившійся въ отдѣлѣ корреспонденцій „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ съ весьма незначительными сокращеніями и безъ всякихъ измѣненій“. Понятно, что при такихъ условіяхъ издавать газету слишкомъ трудно: выходъ въ свѣтъ „Тамбовскаго Голоса“ временно приостановленъ, и Тамбовъ опять остался при однѣхъ официальныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Когда же, наконецъ, перестанутъ быть возможными подобныя явленія?

Съ такою же, по временамъ обостряющеюся строгостью, какъ и къ печати, администрація относится, въ послѣднее время, къ общественнымъ собраніямъ. Противъ нихъ пускаются въ ходъ устарѣвшія, отжившія постановленія устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, на самомъ дѣлѣ, вдобавокъ, вовсе къ нимъ непримѣнимыя. Ст. 116-я устава (основанная на екатерининскомъ уставѣ о благочиніи) запрещаетъ всѣмъ и каждому заводить и вчинать въ городѣ общество, товарищество, братство или иное подобное собраніе безъ вѣдома или согласія правительства; ст. 118-я запрещаетъ противозаконныя сообщества, подводя подъ это понятіе, между прочимъ, всѣ преслѣдующіе вредную цѣль сборища, собранія, сходки, товарищества, кружки, артели, подъ какимъ бы наименованіемъ они ни существовали, разъ что они образовались или дѣйствуютъ по соглашенію нѣсколькихъ лицъ; ст. 111-я запрещаетъ сходбища и собранія для совѣщанія или дѣйствія, общей тишинѣ и спокойствію противныхъ. Первые двѣ статьи относятся, собственно говоря, не къ *собраніямъ*, въ спеціальному, юридическому смыслѣ этого слова, а къ *обществамъ*, т.-е. къ систематически устроеннымъ, сплоченнымъ, не временнымъ и не случайнымъ организаціямъ, объединеннымъ общностью цѣли и средствъ, подчиняющимся извѣстному, заранѣе установленному порядку, извѣстной дисциплинѣ. Въ ст. 116-й терминъ *собраніе*, какъ видно изъ прибавленныхъ къ нему словъ: *или иное подобное*, употребленъ какъ синонимъ общества, товарищества, братства; въ ст. 118-й *собранія, сборища, сходки* являются разновидностями противозаконныхъ *сообществъ*, въ такомъ только случаѣ подходящими подъ дѣйствіе запретительнаго правила, если они образовались или дѣйствуютъ *по соглашенію*, т.-е. представляютъ собою настоящее *общество*. Для примѣненія ст. 118-ой необходимо, сверхъ того, установить наличность *вредной цѣли*. Что касается до ст. 111-ой, то хотя она имѣетъ въ виду именно *собранія*, но лишь такія, которыя нарушаютъ общественную тишину

и спокойствіе; къ собраніямъ мирнымъ, благоустроеннымъ, происходящимъ въ закрытомъ помѣщеніи, извнѣ совершенно незамѣтнымъ, она безусловно неприложима. Не могутъ ли собранія, однако, быть закрываемы или запрещаемы на основаніи болѣе недавняго закона— на основаніи положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прил. I къ ст. 1, прил. 2, уст. о предупр. и прес. прест., изд. 1890 г.)? Ст. 16-ая этого положенія предоставляетъ генераль-губернаторамъ, а въ мѣстностяхъ, имѣ не подчиненныхъ—губернаторамъ и градоначальникамъ, воспрещать тамъ, гдѣ существуетъ усиленная охрана, всякія народныя, общественныя и даже частныя собранія; но такое воспрещеніе, по буквальному смыслу статьи, можетъ быть только *общее*, а не частное, не приуроченное къ отдѣльному случаю... Допустимъ, впрочемъ, что то или иное изъ приведенныхъ нами постановленій даетъ администраціи законный поводъ къ запрещенію собраній, хотя бы и не угрожающихъ общественной тишинѣ и не преслѣдующихъ вредной цѣли: остается еще другой вопросъ, не менѣе важный—вопросъ о *цѣлесообразности* подобныхъ запрещеній. Менѣе всего опасны, въ смутное время, именно тѣ собранія, которыя не окружаютъ себя тайной, не скрываютъ ни своего состава, ни предмета своихъ сужденій—тѣ собранія, участники которыхъ привыкли къ сдержанности, къ самообладанію, къ правильному, спокойному обмѣну мыслей. Безъ собраній нельзя будетъ обойтись, когда наступитъ избирательный періодъ; къ чему же стѣснять ихъ теперь, когда уже поставлены на очередь всѣ вопросы, разрѣшить которые должно будетъ народное представительство? Не пора ли посмотрѣть прямо въ глаза близкому, неотвратимому будущему, и не медлить больше созданіемъ новыхъ, гармонирующихъ съ нимъ условій?

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Іюль—Августъ, 1905.

Книга седьмая. — Іюль.

	стр.
Народное просвѣщеніе и католическая реакція во Франціи.—I. Роль клерикальной школы во Франціи.—II. Духъ клерикальнаго воспитанія.—III. Вліяніе наслѣдственныхъ факторовъ.—Н. КОСТЫЛЕВА	5
Мой дневникъ на войну 1877—78 г.г.—1877-ой годъ.—IV: 8 ноября—6 декабря.—М. А. ГАЗЕНКАМППА.	48 ✓
Первый клиентъ.—Разсказъ.—I-V.—А. К.—Е.	88 ✓
Евреи-земледелеци.—„Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи“, т. I и II.—В. В.	112 ✓
Преселенческое дѣло въ Россіи.—I-IX.—Л. ЧАРУШИНА.	159 ✓
Пламенная душа.—Романъ.— <i>Flammen. Rom. von W. Hegeler.</i> —II-III.—Съ нѣм. З. В.	185 ✓
Природа челоѣка по Мичникову.—АЛЕКСАНДРА ЯРОЦКАГО.	235 ✓
Джонъ Тальботъ изъ Санта-Урсули.—Разсказъ.— <i>Gertrude Atherton, The bell in the fog and other stories.</i> —I-II.—Съ англ. О. Ч.	258 ✓
Президентъ Рузвельтъ и внутренняя его политика.—П. А. ТВЕРСКОГО	283 ✓
Хроника. Наше земство и экономическія его мѣропріятія.—Д. О. ЯРОШЕВИЧА	312
Внутреннее Овозрѣніе.—Историческій день 6-го іюня.—Рѣчь кн. С. Н. Трубецкого и комментарий къ ней.—Рефератъ П. А. Некрасова о „Новой Палатѣ“.—Финляндія и государственная дума.—Министерство полиціи.—Характерное дѣло.—„Московская Недѣля“ и тульская брошюра.—Послѣднія положенія комитета министровъ.	382
Иностранное Овозрѣніе.—Значеніе и послѣдствія цусимскаго боя.—Запазданіе крестерство.—Газетные толки о войнѣ и мирѣ.—Паденіе франко-русскаго союза и мароккскій конфликтъ.—Политическія кризисы въ Скандинавіи и Венгріи	350
Литературное Овозрѣніе.—I. Проблемы психологіи. Ложь и свидѣтельскія показанія, выш. I, подъ ред. О. Б. Гольдовскаго, В. П. Потемкина и И. Н. Холчева.—II. Изъ жизни идей, научно-популярныя статьи проф. Ф. Зѣлинскаго.—III. П. А. Берлинъ, Писанки цивилизаціи и ихъ просвѣтители.—IV. Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго Общества при Имп. Слб. Университетѣ, изд. подъ ред. В. Ф. Адлера.—V. Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. Денискаго.—VI. Сергій Маковский, Собраніе стиховъ, кн. 1-я.—VII. П. Соловьева (<i>Allegro</i>). Иней, рисунки и стихи.—ЕВГ. Л.—VIII. Крестьянскій строй, т. I.—IX. А. А. Корниловъ, Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи.—X. С. Н. Проконовичъ. Къ рабочему вопросу въ Россіи.—В. В.—Новыя книги и брошюры	365
Новости Иностранной Литературы.—I. Hermann Bahr. <i>Sanna. Schauspiel in fünf Aufzügen.</i> —II. Feth. <i>Gedichte; Polonskij. Gedichte. Autorisierte Verdeutschung von Fr. Fiedler.</i> —3. В.	404
Изъ Овещественной Хроникки.—Новые типы, создаваемые новыми условіями.—Группировка партій, не исключаящая возможность временнаго союза.—„Средняя позиція“ и „расположившіеся на ней люди“.—Мнимая панацея.—Военные суды и смертная казнь.—Заковъ и циркуляръ.—Тревожная вѣсти.—Д. Л. Мордощевъ и П. Г. Мироновъ †	419
Библиографическій Листокъ.—Дмитріевъ-Мамоновъ, В. А., Указатель дѣйств. въ Имперіи акционерныхъ предпр. и торгов. домовъ, т. I и II.—Ежегодникъ министерства финансовъ, 1904 г.—Костомаровъ, Н., Русская исторія въ жизнеоп. ея главн. дѣятелей, т. II.—Чернышевскій, Н. Г., Сочиненія: Статьи по крестьянскому вопросу, 1857—59 г.г.—Аваловъ, З., Децентрализація и самоуправленіе во Франціи.—Головачевъ, П., Сибирь: Природа, люди и жизнь.—Саккетти, Л., Эстетика въ общедоступномъ изложеніи	
Объявленія.—I-IV; I-XII.	

Книга восьмая. — Августъ.

- Мой дневникъ на войнѣ 1877—78 г.г. — 1877-ой годъ. — III; 9—20 декабря. — М. А. ГАЗЕНКАМПА 438
- Дворянствѣ и землевладѣніи. — I. Соло-вексельный кредитъ. — II. Губернскія дворянскія кассы взаимопомощи. — III. Посobie на воспитаніе и образованіе дворянскаго юношества. — IV. Временно-заповѣдныя имѣнія. — V. Наслѣдственно-заповѣдныя имѣнія. — VI. Расширеніе права выкуза родовыхъ имѣній. — Ф. Г. ТЕРНЕРА 470
- Варягъ путь. — Разсказъ. — I—XII. — М. Ф. ЛУВИНСКАГО 496
- Иркутскитическое дѣло въ Россіи. — XI—XXIII. — Окончаніе. — А. ЧАРУШИНА 520
- Теракодъ или „древенская школа“. — Японская драма. — П. МЕЖЕРИЧЕРА 578
- Гавриель Тардъ и его социологическая и философская снотима. — I. Теорія раздраженія. — II. Оригинальный методъ. — III. Повторность явленій. — IV. Противоположеніе. — Л. Е. ОБОЛЕНСКАГО 606
- Пламенная душа. — Романъ. — Flammen. Rom. von W. Hegeler. — IV—VII. — Окончаніе. — Съ нѣм. З. В. 688
- Искателю влады. — Романъ. — Dialstone Lane, by W. Jacobs. — I—IX. — Съ англ. О. Ч. 707
- Хроника. — Внутреннее Овозраженіе. — Высочайшіе приемы 18-го и 21-го іюня. — Рѣчи членовъ „отечественнаго союза“: „бютовныя группы“ и „преобладающій голосъ“. — Основныя черты официально проектируемой Государственной Думы. —Absentенемъ или участіе въ выборахъ? — Военное положеніе и „законный терроръ“. — Законъ, охраняющій законность. — Заявленіе польскихъ національ-демократическихъ группъ въ совѣтъ министровъ. 748
- Земская медицина. — СЕРГѢЯ ИГУМНОВА 760
- Иностранное Овозраженіе. — Переговоры о мирѣ. — Новыя представители нашей дипломатіи: Н. В. Муравьевъ и С. Ю. Витте. — Вопросъ объ окончаніи войны и о возможныхъ условіяхъ мира. — Вознственныя консервативно-патріотическія заявленія. — Международная дѣятельность Вильгельма II. — Внутреннія дѣла въ Англіи и во Франціи 782
- Литературное Овозраженіе. — I. Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка, т. I, составили В. И. Семевскій, В. Водуцарскій и П. Щеголевъ. — II. Записки И. Д. Якушкина. — III. Антонъ Менгеръ, Новое ученіе о государствѣ. — IV. На сибирскія темы, подъ ред. М. Н. Соболева. — V. Изъ украинской старины, проф. Н. Ф. Сухидова. — VI. Сборникъ тов. „Знаніе“, книга VI. — VII. С. Подъячевъ, Митарства. 1. Московскій работный домъ. 2. По этапу. — ЕВГ. Л. — VIII. Ежегодникъ министерства финансовъ, вып. 1904 г. — IX. Современныя вопросы русскаго сельскаго хозяйства. — X. П. И. Мельгуновъ, Очерки по исторіи русской торговли IX — XVIII в. — XI. Н. Карашевъ, Изъ литературы вопроса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ. — В. В. — Новыя книги и брошюры. 797
- Новости Иностранной Литературы. — I. Anton Menger. Neue Staatslehre. — Г. ШВИТТАУ. — II. Gabriele d'Annunzio. La Fiaccola sotto il moggio. Tragedia. — З. В. 836
- Изъ Овещественной Хроники. — Наступающій учебный годъ. — Статья В. И. Вернадскаго и кн. Е. Н. Трубецого. — Вольный университетъ и высшая русская школа въ Парижѣ. — Нежеланье и неумѣнье понять значеніе переживаемой нами минуты. — Дворянство и крестьянство. — Земскіе начальники. — Надвигающаяся опасность голода. — Свобода печати и право собраній 861
- Библиографическій Листокъ. — Генрикъ Ибсенъ, Собраніе сочиненій, т. IV, перев. А. и П. Ганзель. — Н. Сьверній, Государственный и общественный строй въ Англіи, Франціи, Германіи и С.-А. Соединенныхъ Штатахъ. — Сергій Шарановъ, Очеркъ русской исторической программы. — Г. П. Сазоновъ, Народное представительство безъ народа. — Постоянно нейтральное государство, юридическое изслѣдованіе барона Б. Э. Нольде. — Овьявленія. — I—IV; I—XII стр.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБИМОВА.

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — КНИГА 7.

ЮЛЬ, 1905.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 7-я. — ЮНЬ, 1905.

- I.—НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ ВО ФРАНЦИИ.
—I. Роль католической школы во Франции.—II. Духи католического воспитания.—III. Влияние наследственных факторов.—Н. Костылева
- II.—МОЙ ДНЕВНИКЪ НА ВОЙНѢ 1877—78 г.г.—1877-ой годъ.—IV) 8 ноября—
6 декабря.—М. А. Галенкиндфа
- III.—ПЕРВЫЙ ЭЛЕНТЬ.—Разсказъ.—I-V.—А. К.—в.
- IV.—ЕВРЕИ-ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЫ.—„Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ состо-
яніи евреевъ въ Россіи“, т. I и II.—В. В.
- V.—ПРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ.—I-IX.—Л. Чарушина
- VI.—ПЛАМЕННЫЙ ДУШИ.—Романъ.—Flammen. Rom. von W. Hegeler.—II-III—
Съ прил. З. В.
- VII.—ПРИРОДА ЧЕЛОВѢКА ПО МЕЧНИКОВУ.—Александра Яковлева
- VIII.—ДЖОНЪ ТАЛБОТЪ ИЗЪ САНТА-УРСУЛЫ.—Разсказъ.—Gertrude Althaus.
The bell in the fog and other stories.—II.—Съ прил. Ф. Ч.
- IX.—ПРЕЗИДЕНТЪ РУЗВЕЛЬТЪ И ВНУТРЕННЯЯ ЕГО ПОЛИТИКА.—В. А.
Тверского
- X.—ХРОНИКА.—Наше злыство и экономическія его мѣропріятія.—Д. О.
Яковлева
- XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Историческій очеркъ 6-го изд. —Руб. изд. С. П.
Трубенкова и комментаріи къ ней.—Рефератъ П. А. Непринова о „Новой
Палатѣ“. —Финляндія и государственная дума. —Министерство юстиціи.—
Характерное дѣло.—„Московская Недѣля“ и тульская брошюра.—Публикація
положеній комитета министровъ
- XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Значеніе и послѣдствія русификаціи Бос.—За-
повѣданіе крестовства.—Газетныя толки о войнѣ и мирѣ.—Паденіе франко-
русскаго союза и мароккскій конфликтъ.—Политическія кризисы въ Сербіи,
Даніи и Венгріи
- XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Проблемы психологіи. Жизнь и развѣтлен-
скія покаянія, кни. I, подъ ред. О. В. Голдковского, В. П. Богачева и
И. Н. Хомыкина.—II. Възрѣваніе идей, научно-популярныя статьи проф.
Ф. Званскаго.—III. П. А. Бердяевъ, Писанія оновле-ніи и ихъ происхожде-
ніи.—IV. Клеветники Русскаго Антропологическаго Общества при Им-
пер. Сиб. Университетѣ, изд. подъ ред. В. Ф. Адлера.—V. Критическая литература
и происхожденіи М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. Делюва.—VI. Сергей
Майковскій, Собраніе стиховъ, кн. I-я.—VII. П. Соловьевъ (Алджер). Новыя
рисунки и стихи.—Виг. Л.—VIII. Крестовскій строй, т. I.—IX. А. А.
Борисовъ, Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестовскаго
дѣла въ Россіи.—X. С. П. Прокоповичъ, Къ рабочему вопросу въ Россіи.—
В. В.—Новыя книги и брошюры
- XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Hermann Bahr. Schen-
Schenspiel in fünf Aufzügen.—II. Feth. Gedichte; Polonskij. Gedichte. Auto-
redierte Verdeutschung von K. Fiedler.—З. В.
- XV.—ЦѢЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Новыя тѣмъ, создаваемыя новыми усло-
віями.—Групировка партій, по исключительная значимость временнаго
союза.—„Средняя позиція“ и „расширивающіеся въ ней земли“. —Минская
палата.—Военные суды и смертныя казни.—Законы и директоры.—Тре-
бованія элети.—Д. Л. Мордовцевъ и П. Г. Мироновъ +
- XVI.—ВИДЕОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Дмитріевъ-Мамоновъ, В. А. Указатель
дѣловъ къ Имперіи акціонерныхъ предпр. и торж. деламъ, т. I и II.—
Клеветники министерства финансъ, 1904 г.—Костомаровъ, Н. Русская
исторія въ живописи, ея главы, эстампы, т. II.—Чернышевскій, П. Г. Со-
чиненія: Статьи по крестьянскому вопросу, 1857—59 г.г.—Аваловъ, З. За-
конодательствѣ во Франціи.—Головачевъ, П. Сибирь:
Природа, люди и жизнь.—Салометта, Л. Детства въ общинственномъ вѣ-
дѣніи
- XVII.—ОКЪЛЫВАНІЯ.—I-IV; I-XII

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Давыдовъ—Мамонтовъ, П. А. Указатель дѣйствовавшихъ въ Имперіи акціонерныхъ предприятий и торговыхъ домовъ. Изд. 2-е. Т. I и II. Спб. 1905. Стр. 1808 и 783; СIV.

Мы ждемъ случая (февр. 1904 г.) указать на другое издание этого издания, при первомъ изданіи его въ себя, по поводу столѣтняго юбилея министерства финансовъ для однихъ, это—сравнительная книга, для исследователя экономической жизни Россіи—богатый матеріалъ, собранный по официальнымъ даннымъ. Въ новое издание включены новыя, антропоидныя свѣдѣнія о состояніи акціонерныхъ предприятий, съ описаніемъ ихъ устройства, изложенныхъ въ видѣ таблицъ и таблицъ обществъ, товариществъ и компаний; за этимъ присоединены свѣдѣнія о торговыхъ домахъ во всей имперіи. Ростъ промышленныя предприятий и торговыхъ домовъ за послѣдніе 10—12 лѣтъ выражается свѣдѣніемъ крупицы данными: въ 1892 г. акціонерныхъ предприятий было свыше 600, а въ настоящее, число ихъ приближается къ 1.600; число торговыхъ домовъ, достигая лѣтъ тому назадъ, было около 1.500.

Ежегодникъ Министерства Финансовъ. Выпускъ 1904 года. Спб. 1905.

Новый выпускъ хотя и составленъ по общему плану этого издания, принятому начиная съ 1899 г., но, темъ не менѣе, онъ существенно отличается нѣсколькими новыми свѣдѣніями, не включенными въ предыдущіе выпуски, а именно, въ немъ впервые появляются таблицы по отдѣламъ: „Населеніе и территория“, въ 59 губернияхъ и областяхъ, на основаніи всеобщей переписи 1897 года; „Государственное хозяйство“, „Кредитъ и Банки“ и „Промышленность“. Весьма важны также свѣдѣнія за 1885—1891 г.г. о переделаніи крестьянъ 50 губерній въ Сибирь и обратно, а также данія объ арендованіи крестьянами имѣльческихъ земель и о сдачѣ ими въ аренду земель наемныхъ по 50 губерніямъ Европейской Россіи. Свѣдѣнія о земскихъ доходахъ и расходахъ собраны непосредственно по вопросамъ вълѣностямъ отъ губернскаго и уѣздныхъ земскихъ управъ: въ 898 управъ 34-хъ земскихъ губерній на этотъ разъ не доставило отвѣтовъ только пять земскихъ управъ и одна губернская—харьковская.

Костомаровъ, Н. Русская исторія въ личностныхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Т. II. Семнадцатое столѣтіе. 5-ое изд. Спб. 905. Ц. 2 р.

Полное издание состоитъ собственно изъ двухъ томовъ: томъ первый охватываетъ цѣлыхъ семь столѣтій, X—XVI, и содержитъ въ себѣ: „Господство дома св. Владимира“; второй томъ охватываетъ: „Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II“, и состоитъ изъ двухъ выпусковъ. Настоящій, первый выпускъ охватываетъ XVII-мъ вѣкомъ, отъ избранія на престолъ царя Михаила Федоровича до избранія царицы Софьи и начала самостоятельной дѣятельности Петра I. Такой образчикъ, въ этомъ выпускѣ, поименно биографіи царей Михаила, Алексея и Федора, царицы Софьи, Петра Великаго, императрицы Екатерины, государыни Елизаветы, государыни Анны и др.

Чернышевскій, Н. Г. Сочиненія. Статьи по аграрному вопросу. Спб. 905. Ц. 2 р.

Въ составъ этого изданія вошли многочисленные статьи и замѣтки Н. Г. Чернышевскаго, касающіяся изъ „Современника“ за три года, 1857—59 г.г., которые можно назвать капитальными великой эпохи освобожденія крестьянскихъ земель. Въ главѣ сборника такихъ статей поставлены разборы замѣчательнаго въ это время труда Гакстгаузена, подъ заглавіемъ: „Исследования о внутреннихъ отношеніяхъ народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи“,—и критика статей, появившихся въ „Экономическомъ Указателѣ“ того времени, „О поземельной собственности“, съ соображеніями относительно „Новыхъ условій сельскаго быта“.

Авлаловъ, З. Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Департаментскія собранія отъ реформы Бонапарта до нашихъ дней. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Близъ Англіи считается представительницей высшаго развитія самоуправленія, децентрализація, такъ Франція представляется страной, гдѣ централизація пала на себя, можно сказать, почти полное воплощеніе: департаменты не имѣютъ самостоятельныхъ органовъ, и самое исполненіе дѣлъ находится въ рукахъ государственной администраціи—префектовъ. Такое положеніе вещей, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ,—возможно и терпимо только лишь потому, что исполнительная власть во Франціи принадлежитъ критикъ и контролю общества. Задача автора и состоитъ именно въ томъ, чтобы показать, какъ лучше могла во Франціи возникнуть такая строгая административная централизація, и каковыя образомъ, несмотря на то, что, и во Франціи все-таки успѣвало пробиваться право противно-возможное начало—децентрализація.

Головачевъ, П. Сибирь: Природа—Люди—Жизнь. Со многими рисунками и двумя картами. 2-е изд. М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Цѣлью автора послужило желаніе дать въ широкихъ очертахъ картину природы, общественной жизни на нашей далекой окраинѣ, и притомъ на основаніи болѣе авторитетныхъ и современныхъ данныхъ. О богатствѣ матеріаловъ, которыми пользовался авторъ, можно судить по приложенію къ книгѣ указателя книгъ, брошюръ и статей, появившихся въ періодическомъ печатѣ, о Сибири. Изданіе иллюстрировано массою рисунковъ, наглядно демонстрирующихъ и дополняющихъ текстъ. За достоинствомъ труда ручается то, что московскіе университеты въ первое его изданіе удостоили поаной преміи сенатора Д. А. Ровинскаго.

Савельевъ, Л. Отставка въ общедоступномъ изложеніи. Т. I. Спб. 905. Ц. 2 р.

При слухѣхъ литературы избраннаго авторомъ предмета, его трудъ является весьма важнымъ и трудомъ составленнымъ—общедоступное изложеніе всего, что относится къ планамъ историческаго арміанства, а что подтверждается достоверными фактами и объективной исторіей въ то же время. Савельевъ приводит при этомъ авторъ старается избрать только то, что наиболее важно.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1905 г.

(Оороковой годѣ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемесячный журналъ исторіи, политикѣ, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ ПЕТЕРБУРГѢ, съ доставкой	16 „ —	8 „ —	8 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перевозомъ, въ Москвѣ, за гужевымъ, въ госуд. почтов. ящика	17 „ —	9 „ —	8 „ —	5 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
	19 „ —	10 „ —	9 „ —	5 „ —	5 „ —	5 „ —	5 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вѣсто разсрочки годовой подписки по журналъ, подписки по годамъ: въ январь и въ іюль, и по четвертямъ года: въ январь, апрѣль, іюль и октябрь, принимается — безъ повышения годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣлѣ книгъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 29.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжномъ магазинѣ П. П. Сибирякова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печенковой, въ Петербургскихъ линияхъ.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 53.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Ринельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ П. П. Карбасова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовымъ адресомъ* должны заключать въ себя имя, отчество, фамилію, съ полнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и действительнаго въ съ подпискою жительства къ месту почтового упрѣжденія, гдѣ (№) доставляется журналъ, если вѣстникъ подписывается не самимъ действительнымъ индивидуумомъ. — 2) *Перевозомъ* именуется плата за доставку журнала журналу, съ указаніемъ предѣла въ рубль, при чемъ перевозка производится на выборочномъ, оплачиваемомъ 1 руб., а посправкамъ, перевозка съ гужевымъ перевозомъ. — 3) *Ящики* въ распоряженіи доставки доставляются бесплатно въ Петербургъ, въ Москвѣ, если посылка была рѣшена въ книжно-почтовомъ отдѣлѣ, въ конторѣ „Образованіе“, Почтовому Департаменту, не посылка пакетомъ по адресу (сѣдующей книги журнала). — 4) *Въ* на получение журнала посылается Конторою только ГИМЪ или посправкамъ или посправкамъ, которые принадлежатъ съ подпиской суммѣ 14 руб. посправкамъ журналу.

Издателъ и редакціонный редакторъ М. И. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Сѣб., Тацарна, 29.

Вис. Остр., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — КНИГА 8.

АВГУСТЪ. 1905.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1905.

- I.—МОИ ДНЕВНИКЪ НА ВОЙНѢ 1877—78 г.г.—1877-ой годъ.—III: 6—30 ок-
тябрь.—М. А. Галаванкица. 450
- II.—ДВОРНСТВО И ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ.—I. Социалогическій взглядъ.—II. Гу-
бернская дворянская масса взаимности.—III. Пособіе на воспитаніе и
образованіе дворянскаго юношества.—IV. Промышленно-земельная дѣльба.—
V. Пасадатственно-заповѣдныя имѣнія.—VI. Расширеніе права вѣнныя горо-
вскихъ дѣльб.—В. Р. Тернера. 470
- III.—ПЕРВЫЙ ПУТЬ.—Рассказъ.—I-XII.—М. О. Лубинскаго. 480
- IV.—ПЕРЕСМѢНЧЕСКОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ.—XI-XXIII.—Оконтанго.—А. Ча-
рушина. 500
- V.—ТЕРАБОДЪ ИЛИ „ДЕРЕВЕНСКАЯ ШКОЛА“.—Ивооская драма.—И. Же-
жеричера. 520
- VI.—ГАБРИЕЛЬ ТАРДЪ И ЕГО СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ
СИСТЕМА.—I. Теорія позраркванія.—II. Организаціонный методъ.—III. По-
вторность дѣлѣній.—IV. Противоположеніе.—А. Е. Оболенскаго. 540
- VII.—ПЛАМЕННЫЯ ДУШИ.—Романъ.—Фиашев. Пов. von W. Nardow.—IV-VII
—Окончаніе.—Съ вѣд. В. В. 560
- VIII.—ИСПАТЕЛИ ВЛАДА.—Романъ.—Dialstone Lane, by W. Jacobs.—I-IX
—Съ вѣд. О. Ч. 580
- IX.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Височайшіе времена 18-го и 21-го
вѣковъ.—Рѣчи членовъ „отечественнаго союза“: „бытовныя трудности“ и „пре-
обладающая роль“.—Основныя черты оффиціальной агрокультурной Госу-
дарственной Думы.—Абсолютныя или умѣренные выборы?—Военное по-
ложение и „английскій терроръ“.—Полит. охраненскій законъ.—Малышевъ
польскихъ національ-демократическихъ группъ въ совѣтъ министровъ. 710
- X.—ЧЕКМСКАЯ МЕДИЦИНА.—Сергій Пугачова. 720
- XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Переговоры о вѣрѣ.—Новое представителы
нашей дипломатіи: П. В. Муравьевъ и С. Ю. Петръ.—Вопросъ объ окон-
чаніи войны и о возможныхъ условіяхъ мира.—Воинственныя консерва-
тивно-патристическія талитіи.—Международная агитационность Палласта П.
—Внутренній дѣла въ Англіи и во Франціи. 740
- XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Общественныя движенія въ Россіи въ
первую половину XIX вѣка, т. I, составили П. И. Сеченова, В. Богданов-
скій и П. Щеголевъ.—II. Зависки П. Д. Якушкина.—III. Аполон Мейстеръ,
Новое ученіе о государствѣ.—IV. На сибирскія топи, водъ рѣз. М. Д.
Соболева.—V. Изъ украинской старины, проф. Н. Ф. Сумцова.—VI. Сбери-
нскій томъ „Знание“, книга VI.—VII. С. Волгачева, Митрополитъ. I. Митро-
политскій рабочий дождъ. 2. По плану.—Вир. J.—VIII. Ежегодникъ акционер-
скаго финансова, вып. 1904 г.—IX. Современныя мнрнія русскаго сель-
скаго хозяйства.—X. П. И. Мельгуновъ, Очерки по исторіи русской тер-
рорки IX—XVIII в.,—XI. Н. Карамзинъ, Изъ литературы вѣдѣнокъ и кру-
тому и мелкому сельскому хозяйствѣ.—В. В.—Поэма конца в бронзѣ. 780
- XIII.—НОВОСТІ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Anton Moller, Neue Sitten-
lehre.—F. Schmittau.—II. Gabriele d'Annunzio, La Finestra sotto il
pioggia, Tragedia.—J. B. 800
- XIV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Пастушаконій учебникъ годъ.—Матери
В. И. Вернадскаго и др. Е. Н. Трубинскаго.—Вольный университетъ и
миссія русскаго школа въ Парижѣ.—Нежданно и нуждею дождъ ома-
чине переплавившей нами минутъ.—Дворянство и крестьянство.—Семья
начальника.—Надвигающаяся опасность года.—Свобода вѣнныя и право
свобраній. 840
- XV.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Генрихъ Ибсенъ, Собраніе стихотвореній,
т. IV, пера А. и П. Галавъ.—II. Остерлидъ, Государственный и об-
щественный строй въ Англіи, Франціи, Германіи и С.-А. Соединенныхъ Шта-
тахъ.—Сергій Шараванъ, Опытъ русской исторической прозы.—F. П.
Сажинъ, Народное представительство безъ парла.—Плетковъ, Иностранное
государство, юридическое исследование барона В. Ф. Польде. 860
- XVI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII. 880

ИЗДАНИЯ

ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ
ТИПОГРАФИИ М. Ш. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В.-О., 5 лин., д. № 28.

Книжный складъ типографіи принимаетъ на комиссію ностороннія изданія не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ ихъ издателями, и высылаетъ иногороднымъ заказъ съ наложеніемъ платежа по цѣнѣ книги и почтовыхъ расходовъ на ея пересылку.

Августъ, 1905 г.

- АЛОПЪ, З.** Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Департаментскія собранія отъ реформы Бонапарта до нашихъ дней. Политическое изслѣдованіе. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.
- АННЕНКОВЪ, К. Н.** Система русскаго гражданскаго права. Т. I: Введеніе и общая часть. 2-е изданіе. Спб. 1899. Цѣна 4 р. Т. II: Права вѣщныя. 2-е изд. Спб. 1900 г. Ц. 4 р. Т. III: Права обязательственныхъ. 2-е изд. Спб. 1901. Ц. 3 р. Т. IV. Отдѣльныя обязательства. Спб. 1904 г. Ц. 4 р. Т. V: Права семейныя и опека. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. Т. VI: Право наслѣдованія. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. Т. IV. Рѣшеніе и способы его обжалованія. Изд. 2-е. Спб. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к. Т. VI. Мировой уставъ и третейскій судъ. Спб. 1887 г. Ц. 2 р.
- Задачи губернскаго земства. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.
- ВУЛИЧЪ, Н. Н.** Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Томъ I. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.
- Томъ II. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.
- БЪЛИНСКІЙ, В. Г.** Седьмой томъ Полнаго Собранія сочиненій, въ 12-ти томахъ, изданіе С. А. Венгерова. Съ выходомъ VII тома подписка на все изданіе прекращена. Каждый изъ вышедшихъ томовъ продается отдѣльно по 1 р. 25 к. За справками по изданію остальныхъ томовъ слѣдуетъ обращаться лично къ издателю по адресу: г. С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 39. Семѣну Аванасьевичу Венгерову.
- ВЕБЕРЪ, ГЕОРГЪ.** Всеобщая исторія. Въ 15-ти томахъ, 16-ти книгахъ. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Перевелъ Андреевъ. Москва. Цѣна книгъ въ переплетъ 100 р.
- ВОЛЫНСКІЙ, А. Л.** Царство Карамазовыхъ. Н. С. Лѣсковъ. Замѣтки. Спб. 1901 г. Ц. 2 р.
- ГРАДОВСКІЙ, А. Д., проф.** Собраніе сочиненій въ 9-ти томахъ. При девятомъ томѣ помѣщенъ биографическій очеркъ съ портретомъ автора. Цѣна полнаго собранія—20 рублей. Пересылка по почтовой стоимости взимается наложеніемъ платежа, при высылкѣ всего изданія или отдѣльныхъ томовъ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ: т. I-го—2 р. 50 к.; т. II-го—3 р.; т. III-го—3 р.; т. IV-го—4 р.; т. V-го—3 р.; т. VI-го—3 р.; т. VII, ч. I—2 р.; т. VIII, ч. II—3 р.; т. IX, ч. III—4 р.
- ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ.** Книга пятая. Обязательства. Проектъ Высочайше учрежденной Редакціонной Коммиссіи по составленію Гражданскаго Уложенія. Въ пяти томахъ. Съ

объясненіями. Слб. Т. I: сѣ. 14-276; т. II: сѣ. 277—504; т. III: ст. 505—718; т. IV: ст. 719—986; т. V: ст. 987—1106. Слб. 1900 г. Цѣна всѣхъ пяти томовъ—5 руб. Проектъ безъ объясненій. Слб. Цѣна 1 р.

ДЕРЮЖИНСКІЙ, В. Ѳ., проф. Полицейское право. Пособіе для студентовъ. Слб. 1903 г. Ц. 3 р.

Nabeas Cognus. Актъ и его приостановка по англійскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англии и ихъ временнаго ограниченія. Юрьевъ. Ц. 2 р. 50 к.

ДРЕПЭРЪ, Джонъ-Вильямъ. Исторія умственнаго развитія Европы. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. Н. Пыпина. Два тома. Изданіе пятое. Слб. 1901 г. Цѣна за оба тома 3 р.

ЖЕМЧУЖНИКОВЪ, А. М. Пѣсни старости. Изд. 2-е. Слб. 1900 г. Ц. 1 р.; въ изящномъ переплетѣ 1 р. 75 к.
Стихотворенія. 2 тома. Изд. 3-е. Съ портретомъ и автобиографическимъ очеркомъ. Слб. 1901 г. Ц. 3 р., въ изящномъ перепл. 3 р. 75 к.

ЖИРКЕВИЧЪ, А. В. Разказы (1892—1899 гг.). Навѣздъ. Случай. Около великаго. Розги. У стѣнъ тюрьмы. Сподобилась! Въ госпиталѣ. Слб. 1900 г. Ц. 2 р.
„Друзьямъ“. Сборникъ стихотвореній. I и II. Слб. Цѣна каждой части 1 р.; за обѣ части 1 р. 40 к.

ЗАВЛОЦКІЙ-ДЕСЯТОВСКІЙ, А. П. Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Материалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, въ 4-хъ томахъ. Слб. Ц. 6 р.

ЗОТОВЪ, А. Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности. Слб. 1902 г. Цѣна 2 р. 50 к.

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Средніе вѣка. Переходное время (IX—XV столѣтія). Составлено по Demogeot, Aubertin'y, Gidel'ю, Littré, Lenient и другимъ. Слб. Ц. 1 р. 50 к.

КАРЕНИНЪ, ВЛАДИМИРЪ. Жоржъ-Сандъ. Ея жизнь и произведенія (1804—1888). Т. I. Слб. Ц. 3 р. 50 к.

КАРѢВЪ, Н. И., проф. Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Изд. 4-е. Слб. 1903 г. Ц. 1 р. 30 к.
Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Изданіе 4-е. Слб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.

Учебная книга древней исторіи. Изданіе 3-е. Слб. 1903 г. Ц. 1 р. 20 к.
Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени (1800—1800). Введеніе въ исторію XIX вѣка. (Основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII в.в.). Изд. 2. Слб. 1902. Ц. 60 к.
Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. (Романо-германскій міръ въ VI—XV вѣкахъ). Слб. Цѣна 35 коп.

Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Слб. 1900 г. Ц. 50 к.
Исторія Западной Европы въ новое время. Въ пяти томахъ. Цѣна 17 р. 50 к.
Въ отдѣльной продажѣ: т. I—ц. 2 р.; т. II—ц. 3 р. 50 к.; т. III—ц. 3 р. 50 к.; т. IV—ц. 3 р. 50 к.; т. V—ц. 5 р.

Идеалы общаго образованія. Слб. 1901 г. Ц. 50 к.
Основные вопросы философіи исторіи. 3-е (сокращ.) изд. Слб. Ц. 2 р. 50 к.
Старые и новые взгляды объ экономическомъ материализмѣ. Слб. Ц. 1 р.
Мысли о сущности общественной дѣятельности. 2-ое изд., дополненное. Слб. 1901 г. Цѣна 50 к.

Мысли объ основахъ нравственности. Изд. 2-е. Слб. Ц. 40 к.
Литературная эволюція на Западѣ. Воронежъ. Ц. 2 р.
Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ до 1789 г. Варшава. Ц. 1 р.
Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Отзывъ о сочиненіи проф. Кореліна подъ заглавіемъ: „Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія“. Слб. Ц. 30 к.

Введеніе въ изученіе соціологіи. Слб. Ц. 2 р.

- Отзывъ о сочиненіи профессора Любомича подъ заглавіемъ: „Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ“. Спб. Ц. 20 к.
- Выборъ факультета. Руководство для учениковъ высшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. 3-е (передѣланное) изданіе. Спб. 1905 г. Ц. 50 к.
- Polonica. Сборникъ статей по польскимъ дѣламъ (1881 — 1905). Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка. Продолженіе „Философіи культурной и соціальной исторіи новаго времени“. Спб. 1905 г. Ц. 1 р.
- Главныя обобщенія всемірной исторіи. Учебное пособіе для средняго образованія. Съ историческими картами. Изд. 2-е. Спб. 1905 г. Ц. 80 к.
- Государство-городъ античнаго міра. Опытъ историческаго построенія политическо-й и соціальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Съ двумя историческими картами. Изд. 2-е. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра. Съ картографической таблицей. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

КОТЛЯРЕВСКІЙ, Н. Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. Второе исправленное изданіе. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

МАРКОВЪ, ЕВГЕНІЙ. Путешествіе по Святой землѣ, Иерусалиму и Палестина, Самарія, Галилея и берега Малой Азіи. Спб. Ц. 2 р. 25 к.

Россія въ Средней Азіи. Очерки путешествія. Въ 2-хъ томахъ. Спб. 1901 г. Цѣна за оба тома 3 р.

Учебные годы стараго барчука. (Разказы изъ прошлаго). Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Путешествіе по Греціи. Путевые очерки. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Путешествіе по Сербіи и Черногоріи. Путевые очерки. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

НОВИКОВЪ, АЛЕКСАНДРЪ. Записки земскаго начальника. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Записки о сельской школѣ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Сборникъ разказовъ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Пьесы: 1) „Трутни“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. 2) „Одна изъ многихъ“. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. 3) „Иностранцы“. Сцена изъ китайской жизни. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Записки о городскомъ самоуправленіи. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Записки городского головы. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

ОРЖЕШКО, ЭЛ. Аргонавты. Повѣсть. Изданіе автора. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

ПРУТКОВЪ, КОЗЬМА. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ, fac-simile и биогр. свѣдѣніями. Изд. 9-ое. Спб. Ц. въ наклей 2 руб.

ПЫПИНЪ, А. Ц. Исторія русской литературы. Изданіе второе. Цѣна 4-хъ томовъ 10 руб. безъ пересылки.

Исторія русской этнографіи. 4. тома. Ц. 10 р.; каждый томъ отдѣльно 3 р.

М. Е. Салтыковъ. Идеализмъ. Салтыкова. Журнальная дѣятельность 1863—1864. Библиографическая замѣтка. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Сводный старообрядческій синодаль. Спб. Ц. 1 р.

Для любителей книжной старины. Москва. Ц. 1 р.

Изъ исторіи народной повѣсти. Спб. Ц. 75 к.

Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Историческіе очерки. Изд. 3-е, съ дополненіями. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.

Н. А. Некрасовъ. (Нѣсколько воспоминаній. Историко-литературныя справки. Письмо Некрасова къ И. С. Тургеневу, 1847—1861. Новѣйшая литература о Некрасовѣ). Съ тремя портретами. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

СЕРГѢЕНКО, П. Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой. Москва. Цѣна 2 р. 50 к.

СТАСЮЛЕВИЧЪ, М. М. Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Историческій очеркъ. 2-ое изданіе. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. Т. I. Періодъ первый: Отъ паденія западной римской имперіи до Карла Великаго. 476—771 г. Изд. 3-е. Спб. Ц. 2 р. Т. III. Періодъ третій. Отъ крестовыхъ походовъ до открытія Америки. 1096—1492 г. Изд. 2-е. Спб. Ц. 3 р.

ТОЛСТОЙ, гр. Л. Н. Полное собраніе сочиненій въ 14 томахъ. Цѣна 14 р.; въ 14 перешитахъ цѣна 24 р. 50 к. Тоже, роскошное изданіе 1898 г., въ 14 большихъ томахъ, цѣна безъ переш. 25 руб.
Подписка съ разсрочкой не принимается.

ТРАЧЕВСКІЙ, АЛЕКСАНДРЪ, проф. Учебникъ древней исторіи. Третье, исправленное изданіе. Съ 52 рис. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Учебникъ средней исторіи. Третье, исправленное изданіе. Съ 111 рисунками. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Новая исторія. Т. I (1500—1750 гг.). Реформація и возрожденіе католицизма (1500—1600). Реакція и абсолютизмъ (1600—1750). 2-ое исправленное и дополненное изданіе. Спб. Ц. 3 р., въ изданіи переизд. 3 р. 75 к.

Учебникъ Русской исторіи. Въ двухъ частяхъ. Ч. I. Древняя Россія. Съ 25-ью рис. Ч. II. Новая Россія. Съ 47-ю рис. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Главн. Управл. военно-учебн. завед. рекомендовано для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки вадетскихъ корпусовъ. Спб. Цѣна 2 р. 50 к. Въ изданіи переизд. 3 р. 25 к. Цѣна каждой части 1 р. 25 к.

УТИНЪ, ЕВГ. И. Письма изъ Болгаріи. Спб. Ц. 2 р. 50 к.
Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историч. очерки. Спб. Ц. 2 р.
Изъ литературы и жизни. Журнальныя статьи, этюды, замѣтки. Съ портретомъ автора. Въ 2 томахъ. Спб. Ц. 3 р.

ШЕПЕЛЕВИЧЪ, Л. Ю., проф. „Донъ-Кихотъ“ Сервантеса. Опытъ литературной монографіи. Съ портретомъ Сервантеса. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 75 к.
Историко-литературные этюды. Серія I-я. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 70 к.

ЩЕРБАТОВЪ, князь М. М. Исторія російская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. I—II. Изданіе кн. Б. С. Щербатова. Редакція И. П. Хрушова и А. Г. Воронова. Спб. 1901 г. Ц. 6 р. Т. III. 1902 г. Ц. 4 р. Т. IV, часть 1-я. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к. Т. IV, части 2-я и 3-я. Спб. 1903 г. Ц. 5 руб. Т. V, часть 1-я. Спб. 1903 г. Ц. 4 руб. Т. V, части 2-я, 3-я и 4-я. Спб. 1903 г. Ц. 5 р. Т. VI. Спб. 1904 г. Ц. 4 р. Т. VII, часть 1-я. Спб. 1904 г. Ц. 3 р. 50 к. Т. VII, части 2-я, 3-я и 4-я (неоконченная). Спб. 1904 г. Ц. 4 р. Тамъ же продаются: Сочиненія князя М. М. Щербатова, въ двухъ томахъ. Томъ I: Политическія сочиненія. Подъ редакціей И. П. Хрушова. Съ портретомъ. Спб. Ц. 4 р. Томъ II: Статьи историко-политическія и философскія. Подъ редакціей И. П. Хрушова и А. Г. Воронова. Спб. Цѣна 4 руб.

ЯНЖУЛЬ, И. И. Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. Четвертое изданіе, измѣненное и дополненное. Спб. 1904 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Часы досуга. Очерки и картинки по экономическимъ, общественнымъ и литературнымъ вопросамъ. Москва. Ц. 1 р. 25 к.

Между дѣломъ. Очерки по вопросамъ народнаго образованія, экономической политики и общественной жизни. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.

ЯНЖУЛЬ, Е. А. Американская школа. Изд. 3-е. Спб. 1905. Ц. 2 р.

КНИЖНАГО СКЛАДА ТИПОГРАФІИ

М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5-я л., 28.

Книжный складъ типографіи принимаетъ на комиссію постороннія изданія не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ ихъ издателемъ, и высылаетъ иногороднымъ заказы съ наложеніемъ платежа по цѣнѣ книги и почтовыхъ расходовъ на ея пересылку *).

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ.

Липскій, Н., священникъ. Психологическія основы умственнаго и религіозно-нравственнаго воспитанія въ до-школьный періодъ. Нѣжинъ. 1905 г. Ц. 80 к. 7264

Овзынъ, Робертъ. Объ образованіи чловѣческаго характера. (Новый взглядъ на общество). Перев. съ англ. М. Ц. 60 к.

Пасналь, Влезъ. „Мысли“ (о религіи). Переводъ съ французскаго П. Д. Перова. Изд. 3-е. Москва. Ц. 1 р.

Рѣдинъ, П. Г. Изъ лекцій по исторіи философіи права, въ связи съ исторіей философіи вообще. 7 томовъ. Сиб. 1889—1891 гг. Цѣна каждаго тома 3 руб.

Соловьевъ, Владиміръ. Оправданіе добра. Нравственная философія. Второе дополненное изд. Москва. Ц. 2 р.

Духовныя основы жизни. Изд. 3-е. Сиб. Ц. 1 р.

Стасюлевичъ, М. М. Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Изд. 2-е. Сиб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Уманецъ, С. И. Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ исламѣ. Сиб. Ц. 1 р. 25 к.

Цертелевъ, кн. Д. Н. Нравственная философія гр. Л. Н. Толстого. Москва. Цѣна 75 к.

Шопенгауеръ, Артуръ. Новые афоризмы. О философіи и методѣ ея. Къ исто-

ри философіи. Къ логикѣ и диалектикѣ. Объ интеллектѣ. О вещи въ себѣ и явленіи. Къ философіи природы. Къ этикѣ. Къ теоріи права и политики. О безсмертіи. Перевелъ съ нѣмецкаго Р. Кресинъ. Харьковъ. Ц. 1 р.

Эристикъ или искусство спорить. Переводъ съ предисловіемъ кн. Д. Цертелева. Изд. 4-е. Сиб. 1900 г. Ц. 50 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ.

Альбомъ цитатъ. „На память о нашихъ общихъ друзьяхъ“. Изъ сочиненій С. Аксакова, Ауэрбаха, Гете, Гейне, Голя, Грибоѣдова, В. Гюго, Ф. Достоевскаго, К. Кавелина, Кольцова, Лермонтова, Майкова, Некрасова, Никитина, Островскаго, Плещеева, Полонскаго, Козьмы Пруткова, Пушкина, А. Толстого, Тургенева, Шекспира, Шиллера, Щедрина и др. Второе изящное изданіе. Сиб. Два выпуска. Ц. каждаго, въ колѣнк. перепл., тисненн. золотомъ, 1 рубль.

Альминскій, П. Алексѣй Слюбинъ. Семейная исторія въ пяти частяхъ. Сиб. Ц. 2 р. 50 к.

Atherton, G. Жена — американка и англичанинъ — мужъ. Съ англійскаго А. Б.—г. Сиб. 1901 г. Ц. 1 р.

Байронъ. Донъ-Жуанъ. Перев. П. А. Козлова. 2 т. Сиб. Ц. 4 р.

Бухъ, Левъ. Жизнь. Сиб. Ц. 20 к.

*) Книги, вновь поступившія въ складъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, указаны: ~~КС~~

- Былины. Вольга. Вып. I. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Введенская, Е. В. Ради дѣтей. Разсказы. Спб. Ц. 1 р.
- Войничъ, Е. Оводъ. Романъ изъ итальянской жизни 30-хъ годовъ. Переводъ съ англійскаго З. А. Венгеровой. Изд. 2-ое. Спб. Ц. 80 к. 7200
- Встовой (И. С. П — въ). Струны сердца. Стихотворенія. Вся прибыль въ пользу больныхъ и раненныхъ воиновъ нашей доблестной арміи. Спб. 1905 г. Ц. 80 к.
- Вяземскій, князь П. А. Полное собраніе сочиненій. Томы 4, 6, 8, 9, 10, 11 и 12-й, по 2 р. каждый.
- Герштенеръ, Фр. Заря новой жизни. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 50 к. 7080
- Големичевъ - Нутузовъ, гр. А. Стихотворенія. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.
- Горлоно, В. Отблески. Забѣтки по словесности и искусству. Спб. Ц. 75 к. 7254
- Гредескулъ, Н. А. На темнѣ дни. Двѣ рѣчи, произнесенныя въ засѣданіи Харьковскаго Юридическаго Общества 19-го марта 1905 года. Харьковъ. 1905 г. Цѣна 40 коп. 6680
- Гусляръ, Л. Елисей Разбѣгаевъ. Романъ въ стихахъ. Спб. Ц. 1 р.
- Демченко, Я. По поводу нашей смуты и Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г. Кіевъ. 1905 г. Ц. 60 к. 7215
- Дерюминскій, В. Ф. Общественное призрѣніе и крестьянъ. Изъ журнала „Трудовая помощь“. Июнь, 1899 г. Спб. Цѣна 25 к. 6985
- Кордовскій, И. Очерки и рассказы. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к. 7232
- Лавриченко, К. Вѣра въ жизнь. Шестидесятие годы. Романъ въ двухъ частяхъ. Содержаніе: Письмо къ автору М. Салтыкова. Изъ письма къ автору И. Аксакова. Юбилей нашего вѣщаго слова. Общаніе К. Кавелина. Общаніе А. Суворина. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.
- Либровичъ, Сигизмундъ. Гроза гимназій. Рассказы для юношества изъ школьной и не-школьной жизни. Изд. 2-е. Спб. Ц. 75 к.
- Семнадцать дочерей. 17 рассказовъ для юныхъ читателей въ всѣхъ возрастахъ. Изд. 2-е. Съ рис. Спб. Ц. 60 к.
- Хочу быть студентомъ! Рассказъ. Спб. Ц. 15 к. 7230
- Ляцкій, Евг. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Критическіе очерки. Съ портретомъ-фототипіей и факсимиле И. А. Гончарова. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 899
- Обольниновъ, В. Противъ зла. Поэма-романъ. Часть первая. Посвящается памяти профессора-врача Вячеслава Авксентьевича Манассеина. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.
- Острогорскій, В. Первое знакомство съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. Избранныя стихотворенія и отрывки изъ сказокъ, поэмъ, повѣстей и драмъ, съ біографіей, портретами и поясненіями и съ иллюстраціями. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- В. Г. Вѣлинскій, какъ критикъ и педагогъ. Двѣ публичныя лекціи. Спб. Ц. 60 к.
- Позинновъ, Н. И. Въ лучшіе годы. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 р. въ перепл.
- Рыбчинскій, Н. Ф. Собраніе сочиненій. Т. I. Ольгердъ и Кейстутъ. Историческая поэма изъ литовской жизни съ предисловіемъ о германо-славянскихъ отношеніяхъ. Варшава. 1904 г. Ц. 75 к. 7151
- Смартацини, I. Данте. Переводъ О. А. Введенской. Подъ редакціей и со вступительной статьёй проф. Спб. Высшихъ Женскихъ Курсовъ Д. К. Петрова. Съ портретомъ Данте (снимокъ съ фрески Джотто). Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 20 к. 7248
- Степаненко, Н. Передѣлы и другіе рассказы. Харьковъ. Ц. 1 р. 6680
- Тамъ. Очерки и рассказы. Т. V, изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. Т. VI, изд. 2-е, Спб. Ц. 1 руб. 7075
- Толстой, гр. А. К. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Цѣна 7 р., въ роскошномъ переплетѣ—9 р. 25 к. Отдѣльно: Томъ I и II. Собраніе стихотвореній 3 р. Т. III. Драматическая трилогія 2 р. 50 к. Томъ IV. Князь Серебряный 1 р. 50 к. Переплетъ по 75 к.
- Толстой, гр. Л. Н. Избранные отрывки изъ соч.: Дѣтство. Севастополь. Три смерти. Война и Миръ. Рассказы для дѣтей. Басни. Анна Каренина. Спб. Цѣна въ переплетѣ 1 р.
- Шапиръ, Ольга. Не повѣрили. Повѣсть. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 6941
- Эртель, А. Записки степняка. Очерки и рассказы. Т. I и II. Спб. Цѣна за два тома 3 р. 7219
- Федоровъ, А. М. На востокъ. Очерки. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к. 7175

III. ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ — ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

- Анненковъ, П. В. Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ. 1849—1868 г. Т. II и III. Спб. 1879—81 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
- А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху 1799—1826 гг. Ц. 1 р. 75 к.
- Буличъ, Н. Н. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Т. II. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

Венгерова, З. Литературный характеристики. Сиб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Книга вторая. Сиб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. 7188

Новый Сборникъ статей по славяновѣдѣнію. Составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго при участіи ихъ учениковъ по случаю 50-лѣтія его учено-литературной дѣятельности. Съ приложеніемъ портрета В. И. Ламанскаго, библиографіи его трудовъ, четырехъ портретныхъ группъ участниковъ Сборника и двухъ таблицъ къ статьямъ „О древнѣйшихъ знакахъ письма“. Сиб. 1905 г. Ц. 3 р. 7190

Погодинъ, А. Основной курсъ общаго законознанія, Сиб. Ц. 80 к.

Порфирьевъ, И. Краткій курсъ исторіи древней русской словесности. Изд. 4-е (безъ перемѣнъ). Казань. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

Исторія русской словесности. Часть I. Древній періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра Великаго. Изд. 7-е (съ 5-го безъ перемѣнъ). Казань. 1904 г. Ц. 2 р.

Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ I. Отъ Петра Великаго до Екатерины II. Изд. 4-е. Казань. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. Отдѣлъ 2. Литература въ царствованіе Екатерины II. Изд. 3-е. Казань. 1898 г. Ц. 2 р. Отдѣлъ 3. Литература въ царствованіе Александра I. Изд. 3-е (безъ перемѣнъ). Казань. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к. 6830

Прессъ, Аркадій. Писатели XIX в. (Характеристики). Книга первая. Съ пятью портретами. Сиб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шелелевичъ, Л. Кудруна. Историко-литературный этюдъ. Харьковъ. Ц. 1 р. 50 к.

Кудруна. Переводъ II-й части поэмы (Гильда) и опытъ ея изслѣдованія. Харьковъ. Ц. 1 р.

Этюды о Данте. I. Апокрифическое „Видѣніе св. Павла“. 2 части. Харьковъ. Ц. 2 р.

Каедрa исторіи всеобщей литературы въ имп. харьковскомъ университетѣ. Историческая записка. Харьковъ. Ц. 50 к.

IV. ПЕДАГОГИКА.

Лавриченко, К. Г. Родителямъ и учителямъ. Вопросы воспитанія. Сиб. Ц. 50 к.

„Педагогическая Мысль“. Изданіе коллегіи Павла Галагана. Подъ редакціей проф. И. А. Сикорскаго и пр.-доц. И. П. Гливенко. Кіевъ. 1904 г. Вып. I. Ц. 1 р. Вып. II. Кіевъ. 1904 г. Ц. 1 р. 7185

Човассъ, П., д-ръ. Уходъ за дѣтми и воспитаніе ихъ по англійскому способу. Пер. съ англійск. Е. Д. Ильиной. Сиб. Ц. 1 р. 50 к.

V. УЧЕБНИКИ.

Базъ, Ю. Краткій русско-латвійскій словарь. Пособіе для учениковъ гимназій при исполненіи письменныхъ задачъ по латвійскому языку. Ц. 85 к. 7174

Билибинъ, Н. Алгебра для гимназій. Изд. 4-е. Сиб. 1905 г. Цѣна въ перешлѣгъ— 2 руб.

Bobristcheff-Pouschkinе, M. Cours théorique et pratique de la langue française à l'usage de la jeunesse. Сиб. Ц. 2 р.

Cours pratique de grammaire et de dictées françaises augmenté d'un appendice contenant des dictées et des exercices supplémentaires sur: l'histoire, l'orthographe et la syntaxe de la langue française. Сиб. 1900 г. Ц. 2 р. 30 к.

Видеманъ, К. И. Курсъ торговой бухгалтеріи. Пособіе для учениковъ коммерческихъ учебныхъ заведеній. Сиб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Книжно-торговая бухгалтерія. Руководство къ изученію веденія книжно-торговаго счетоводства по двойной бухгалтеріи. Сиб. 1903 г. Ц. 2 р.

Сельско-хозяйственная бухгалтерія. Руководство къ изученію веденія сельско-хозяйственнаго счетоводства по двойной бухгалтеріи. Сиб. 1903 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Банковая бухгалтерія. Руководство къ изученію веденія счетоводства по двойной бухгалтеріи и операціи банковъ краткосрочнаго кредита. Сиб. 1901 г. Цѣна за три выпуска 3 р. 25 к.

Дерюгинъ, М. Е. Начала механики. Курсъ средн. учебн. заведеній. Изд. 3-е. Сиб. Ц. 1 р. 268

Дьяконова, П. И. Краткая русская грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Руководство для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е, вновь пересмотрѣнное. Сиб. 1904 г. Ц. 50 к.

Игнатовичъ, Л. Л. Учебникъ географіи. Австралія, Африка, Америка и Азія, въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназическій. Изд. 2-е, исправленное и дополненное по новѣйшимъ извѣстіямъ. Сиб. Цѣна 50 коп.

Кименталь, Викторъ. Правила русскаго правописанія и орфографическій словарь, обработанный по Гроту съ значительными дополненіями, съ указаніемъ легкихъ способовъ усвоенія и примѣненія этихъ правилъ. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для конкурсныхъ испытаній по русскому языку. Сиб. 1900 г. Ц. 50 к.

VI. НАРОДНЫЯ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Абаза, К. Отечественные героические рассказы. Съ рисунками, картами и планами. Ц. 2 р. въ переплетѣ.

Героические рассказы. Народы Востока и Запада. Съ рисунками, картами и планами. Цѣна 2 р. въ переплетѣ; въ бумажѣ 1 р. 50 к.

Азбелевъ, Н. Дѣтскій маскарадъ-звѣринецъ съ рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 20 к.

Аммонская, А. Н. Зимніе вечера. Рассказы для дѣтей. Изд. 5-е. Спб. 1908 г. Ц. 2 р.

Свѣтъ и тѣни. Повѣсти и рассказы для дѣтей. Спб. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мои двѣ племянницы. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. 2-е изд. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Анна. Романъ для дѣтей. Изд. 4-е. Спб. 1908 г. Ц. 50 к.

Братъ и сестра. Рассказъ для дѣтей. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Фрѣиофъ Нансенъ и его путешествія. Съ портретомъ и 40 рисунками. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Маленькій оборвышъ. Романъ Д. Гринвуда. Перев. съ англійскаго А. Н. Анненской. Изд. 5-е. Спб. Ц. 1 р.

Своимъ путемъ. Рассказы для дѣтей старшаго возраста. Изд. 2-е. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

Беммеръ, В. А. Галль. Сцены изъ римской жизни временъ Августа. Спб. 1876 г. Ц. 1 р.

Харильдъ. Сцены изъ жизни древнихъ грековъ. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека русскихъ писателей для самообразования.

Домашнее чтеніе народа, войскъ, дѣтства и юности.

Мордовцевъ, Д. Л. Погибель Иерусалима. 70-й годъ по Р. Хр. (Занимствовано изъ кн. „Послѣдніе дни Иерусалима“). Историческая повѣсть. Изданіе 3-е, безъ переплетѣ. Спб. Ц. 15 к.

Сердце — не камень. (Со вступительной статьей). Двѣсти глѣтъ назадъ. (Стрѣльцы XVII вѣка). Историческій рассказъ. Изд. 2-е, безъ переплетѣ. Спб. Ц. 10 к.

Посажѣная мать. Историческая повѣсть. Изъ временъ походовъ въ Крымъ императрицы Екательины II. Спб. Ц. 35 к.

Ковакъ Голота (Побѣдитель Тура). Историческій рассказъ. Изъ временъ нашествія татарской орды на Россію. Спб. Ц. 15 к.

Первое чудо Младенца Христа въ пустынѣ (при бѣгствѣ Іосифа и Маріи изъ Вифлеема). Рассказъ. Спб. Ц. 5 к.

Волы сосватали. Рассказъ. Изъ народныхъ повѣрій въ Малороссіи. Спб. Ц. 5 к.

Прощаніе царицы Сюзюбеки съ Казанскимъ царствомъ. Историческій рассказъ. Спб. Ц. 10 к.

Ангитимъ глазами или какъ казакъ Петренко женился на родной сестрѣ Гали. Историческій рассказъ. Изъ быта на Украинѣ. Спб. Ц. 10 к.

Бранна или бѣдная невольница. Историческій рассказъ. Изъ временъ татарскихъ набѣговъ на Россію. Спб. Ц. 10 к.

Кто-то вернется. (Бородино). Историческій рассказъ. Изъ временъ нашествія французовъ на Россію. Спб. Ц. 5 к. 7080

Не снужу красное лицо, а звуку. Историческій рассказъ. Изъ временъ царя Ивана Васильевича III („Собирателя Русской земли“). Спб. Ц. 5 к.

Пасхальный обѣдъ у „Тинайшаго“ (царя Алексѣя Михайловича) въ 1666 году. Историческій рассказъ. Спб. Ц. 5 к.

Прошли дѣву, или рассказъ о томъ, какъ выдавали замужъ по приказу царя Ивана Васильевича III. Историческій рассказъ. Спб. Ц. 10 к.

„Пещное дѣйство“ на Москвѣ въ 1676 году при дворѣ тинайшаго царя Алексѣя Михайловича. Историческій рассказъ. Спб. Ц. 5 к.

Изъ острога — да до царскаго порога, или какъ царь Алексѣй Михайловичъ помиловалъ Кузьму за кречета. Историческій рассказъ. Спб. Ц. 10 к.

Смерть за святиню (Бень-Гуръ и Рахиль). Историческій рассказъ. Спб. Ц. 10 к.

Любимый соколъ Грознаго (царя Ивана Васильевича). Историческій рассказъ. Спб. Ц. 15 к.

Не судилъ Богъ. Историческій рассказъ. Изъ временъ походовъ по Россію императрицы Екательины I. Спб. Ц. 15 к.

Черезъ гадюкъ счастье, или какъ Остапъ змѣями добылъ въ жени себѣ дѣвку Ориси. Народный рассказъ изъ украинской жизни. Спб. Ц. 5 к. 7080

Бутковичъ, С. Дневникъ дѣточка. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Иллюстраціи П. А. Ассатурова. Приложение: съ картинъ С. Зейденберга. Рисунки обложки Г. Шварца. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 1 р. 10 к.

Вейнбергъ, Петръ. Для дѣтей (старшаго возраста). Стихотворенія. Съ рисун. Е. Бемъ, Н. Каразина, Ф. Мирбаха и С. Соломо. Ц. 1 р. 50 к. въ изд. перепл.

Верь, Жюль. Вокругъ луны. Съ 40 рисунками. Спб. Ц. 2 р.

Путешествіе къ центру земли съ 60 рис. художника Ріу. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 руб.

Герасимовъ, П. Въ подарокъ дѣтямъ. Четыре разсказа изъ ихъ жизни. Съ 4-ми рисунками. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Народные разсказы. 1) Усердіе не по разуму. Ц. 10 к. 2) Копѣйку бросишь—рубль подберешь. Ц. 30 к. 3) Дома и у турокъ. Ц. 30 к. 4) Покойница воскресла. Ц. 20 к. 5) Наѣхалъ и чуть не въѣхалъ. Ц. 10 к. 6) Грѣхъ и покаяніе Петра Безлицаго. Ц. 15 к. 7) На грѣхъ мнута—на отвѣтъ жизнь. Ц. 15 к.

Гизланцони, А. Добровольцы Гарибальди. Разсказъ. Переводъ съ итальянскаго К. А. Данини. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Григорова, Е. Н. Вилліамъ Шекспиръ, для юношескаго возраста, съ портретомъ и рисунками. Москва. Ц. 75 к.

Т. Г. Шевченко. Біографія. Для юношества. Съ 4 рис. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Разсказы для дѣтей старшаго возраста. Изд. 2-е, дополн. Москва. Цѣна 1 р. 25 к.

Магометъ. Для юношескаго возраста. Москва. Ц. 25 к.

Де-Амичисъ, Эдмондо. Новобранцамъ. Переводъ съ итальянскаго К. А. Данини. Спб. 1904 г. Ц. 10 к.

Неирасовъ, Н. А. Русскимъ дѣтямъ. Иллюстрированное изданіе, съ 16 картинками работы барона М. П. Клодта, рѣзанками на деревѣ и отпечатанными въ Лейпцигѣ, у Брокгауза. Спб. Цѣна въ роскошномъ колѣнкоромовомъ, тисненномъ золотомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

Ольготъ, Л. Маленькія женщины уже взрослые. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Перев. съ англ. Ольги Кларкъ. Спб. Цѣна 1 р. 25 к.

Семь братьевъ и сестра. Пер. съ англ. О. Бутеневой. Изд. 3-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Юность Розы. Продолженіе повѣсти „Семь братьевъ и сестра“. Пер. О. Бутеневой. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Подъ сиреньями. Пер. Бутеневой. Изд. 2-е. Спб. 1 р. 50 к.

Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Повѣсть для дѣтей. Переводъ съ англійскаго. Спб. Цѣна 1 р. 25 к.

П. В. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Спб. 1873 г. Ц. 20 к.

Петровская, Е. И. Картинки изъ дѣтской жизни. Разсказы-быль. Съ рисунками А. Шнейдеръ и др. Спб. Ц. 1 р.

Мама—дѣткамъ о природѣ. Для

первоначальнаго ознакомленія дѣтей съ явленіями четырехъ стихій. Съ рис. А. Шнейдеръ и др. Спб. Ц. 1 р.

Какой у насъ сегодня праздникъ, мама? Съ картинками въ текстѣ и въ отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1900 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Плахово, Н. Э. Волшебница весна. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста, удостоенный преміи Спб. Фребелевскаго Общества, съ рисунками К. В. Изенберга. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Соловьева, Л. Разсказы для дѣтей младшаго возраста, удостоенные преміи Спб. Фребелевскаго Общества. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

Толстой, графъ Лев. Ник. Дѣтство, отрочество и юность. Москва. 1899 г. Ц. 1 р.

Тоже, иллюстрированное. Москва. 1900 г. Ц. 2 р.

Казаки. Москва. 1886 г. Ц. 45 к.

Севастопольскіе разсказы. Москва. 1901 г. Ц. 50 к.

Избранные отрывки изъ сочиненій, въ переплетѣ ц. 1 р.

Гуръ, Е. Борьба испанцевъ съ маврами и завоеваніе Гренады. Изд. 2-е. 1899 г. Ц. 1 р.

Дѣти короля Людовика XVI. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства, съ англійскаго. Изд. 10-е. Москва. 1901 г. Ц. 1 р.

Мученики Колизея. Историческій разсказъ для дѣтей. Изд. 4-е. Москва. 1900 г. Ц. 1 р.

Последніе дни Помпеи, переводъ для отроческ. возраста, изд. 5-е. Спб. 1898 г. Цѣна 1 р.

Профессоръ Кудравцевъ. Ц. 40 к.

Мавры въ Испаніи. Ц. 1 р.

Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Изд. 4-е. Спб. Ц. 1 р.

Княжна Дубровина. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Сергій Боръ-Раменскій. Повѣсть въ двухъ частяхъ. Изд. третье. Москва. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Черезъ край. Разсказъ. Изданіе 2-е. Москва. Ц. 40 к.

Три разсказа для дѣтей: 1) Жемчужное ожерелье. 2) Звѣздочка. 3) Хрустальное сердце. Изд. 5-е. Москва. 1901 г. Ц. 1 р.

VII. ИСТОРИЯ—БІОГРАФІЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Берсъ, А. А. Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ III. Спб. 1900 г. Цѣна 50 коп.

Грушевский, Михайло. История Украины—Руси. Томъ I. До начала XI вѣка. Виданіе друге, розширене. Львовъ, 1904 г. Ц. 3 р. 75 к. Томъ II. XI—XIII вѣка. Виданіе друге, розширене. Львовъ, 1905 г. Ц. 3 р. 75 к. Томъ III. До року 1840. Львовъ, 1900 г. Ц. 2 р. 50 к. Томъ IV. XIV—XVI вѣки—відносни помітчи. Львовъ, 1908 г. Ц. 2 р. 50 к. 7226

Деролинский, В. Ф., проф. Выдающиеся английские дѣятели XIX вѣка. Характеристики Брайса. Спб. 1904 г. Ц. 60 к. 7209

Джизинцевъ, Г. Изъ эпохи великихъ реформъ. Историческія сцѣнки. Изд. 9-е, дополненное. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к. 7206

Златинскій, Ф., проф. Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.

Древній міръ и им. Докци, читанныя ученикамъ вышнихъ классовъ весной 1908 г. Ц. 80 к.

Либровичъ, Сигизмундъ. Царь въ плѣну. Историческій очеркъ. Изданіе 2-е. Съ 46-ю снимками съ портретовъ, картинъ, рисунковъ, гравюръ, медалей, видовъ, плановъ и пр. Спб. 1 р. 7280

Лютовъ, М. М. Жизнь и труды Гиббона. Съ портретомъ и fac-simile. Изд. 2-е. Одобр. Учен. Комит. Мин. Нар. Пр. для фундамент. библиотекъ, гимн. и реальн. учебн. и допущена въ бесплатныя народныя читальни и библиотекы. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

Люонъ - Пуль, Стэнли. Мусульманскія и генеалогическія таблицы, съ историческими введеніями. Переводъ съ англійскаго, съ прилѣжаніями и дополненіями, В. Бартольда. Спб. Ц. 2 р.

Мордвечевъ, Д. Л. Новыя историческія повѣсти и рассказы. Т. XII. Изд. первое. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Повѣдка къ пирамидамъ (Чудеса въ странѣ фараоновъ). Т. XI. Кн. 1-я. Спб. Ц. 1 р. 7080

Наносная бѣда. Историческая повѣсть въ двухъ частяхъ. Изд. 4-е. Спб. Ц. 1 р. 7080

Памяти Д. М. Каченовскаго. Торжественное засѣданіе Юридическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ 22 ноября 1908 г. Ц. 1 р. 6680

Стрешевскій, Вацлавъ. Дальній Востокъ. Очерки. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к. 7075

VIII. ГЕОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ—СТАТИСТИКА.

Крамель. Сибирь и значеніе великаго Сибирскаго пути. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Крауфордъ, Маріонъ. Константинополь. Вып. I. Переводъ съ англійскаго графини Е. П. Шереметевой, подъ ред. проф. Помаповскаго. Спб. Ц. 50 к.

Леонтовъ, И. Желтая Россія. Доклады. Китайскія желѣзнодорожныя концессіи. Спб. 1901 г. Ц. 80 к.

Желтая раса. 1. Триумфальное шествіе китайцевъ въ Россію. 2. Эмиграція китайскихъ черноработчихъ (кули) въ Новыи Свѣтъ. 3. Что дѣлать? Спб. 1901 г. Цѣна 80 к.

Леантовъ, И. Желтороссія, какъ буферная колонія. Спб. 1905 г. Ц. 75 к. 7261

Нечавовъ, А. П. Картины родины. Типичные ландшафты Россіи въ связи съ ея геологическими процессами. Съ 62 рисунками. Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

Почва и ея исторія. Географическій этюдъ. Съ 30 рисунками. Спб. 1905 г. Ц. 60 к. 7194

Ядринцевъ, Н. М. Сибирь, какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Спб. 1882 г. Ц. 3 р.

IX. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—МЕТЕОРОЛОГІЯ.

Веребрюсовъ, А. С. Объ уравненіи $x^5 + y^5 = Az^2$. Москва. 1905 г. Ц. 10 к. 6640

Общее рѣшеніе уравненія $x^3 + y^3 = x'^3 \pm y'^3$. Москва. 1905 г. Ц. 30 к. 6640

Волновъ, М. Эволюція понятія о числѣ. Спб. Ц. 80 к.

Новалевскій, С. Двойной вопиусъ, его теорія и прилѣжаніе. Спб. Ц. 30 к.

Литвинскій, П. А. Кусочки небснаго свода. Наблюденія звѣздъ изъ окна и на открытомъ воздухѣ. Зима и весна. Изд. Ал. Альмедигена. Спб. Ц. 40 к.

Поссе, К., проф. Курсъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Спб. 1903 г. Ц. 4 р.

Сомовъ, И. Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Рациональная механика. Введеніе въ статику и динамику и статика. Ч. II. Вып. I. Спб. Ц. 2 р. Часть II. Вып. II. Спб. Ц. 2 р.

Начертательная геометрія. Изданіе 3-е. Спб. Ц. текста съ чертежами 2 р.

X. ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЕ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Волосатовъ, Что такое душа? Органическая жизнь въ душевныхъ явленіяхъ.

Урокъ всеобщей сравнительной биологіи. Съ рисунками въ текстѣ. Сиб. 1905 г. Ц. 1 руб.

— Что такое движеніе? Органическая жизнь въ механическихъ явленіяхъ. Урокъ всеобщей сравнительной биологіи. Сиб. 1905 г. Ц. 1 р. 7250

Индриконовъ, Ф. Нѣсколько работъ по физикѣ для учениковъ средней школы. Сиб. 1905 г. Ц. 70 к. 7165

Мюстрандевъ, А. А., проф. Геологія. Общій курсъ. Лекціи, читанныя студентамъ Сиб. университета. Т. I. Современныя геологическія явленія (динамическая геологія). Петрографія и стратиграфія. Съ 841 политипажемъ въ текстѣ. Изд. 4-е. Сиб. 1905 г. Ц. 4 р. 50 к.—Т. II. Историческая геологія съ 658 политипажами въ текстѣ. Изд. 3-е, значительно дополненное. Сиб. 1903 г. Ц. 4 р. 50 к.

Мушкетовъ, Н. В., проф. Физическая геологія. Т. I. Общія свойства и составъ земли. 2-ое изд., значительно переработанное. Съ 4 картами и 708 политипажами въ текстѣ. Сиб. Ц. 6 р. 615

— Физическая геологія. Т. II. Денудационные процессы. Вып. I. (Геологическая дѣятельность атмосферы и подземной воды). Второе изданіе, значительно переработанное, съ 4 картами и 229 политипажами въ текстѣ. Сиб. 1903 г. Ц. 3 р.

— Краткій курсъ петрографіи для студентовъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I. Съ 112 политипажами въ текстѣ. Изд. 2-е. Сиб. 1904 г. Ц. 2 р. 777

Памяти И. В. Мушкетова. Сборникъ статей по геологіи, изданный друзьями и учениками И. В. Мушкетова подъ редакціей К. И. Богдановича и А. П. Герасимова. Весь сборъ отъ продажи настоящаго изданія поступаетъ въ „Мушкетовскій капиталъ“ при Горномъ Институтѣ Императрицы Екатерины II. Сиб. 1905 г. Ц. 3 р. 50 к. 7221

Подморъ, Франкъ. Спиритизмъ. Историческое и критическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго М. Петрово-Соловова, съ добавленіями переводчика. Т. I. Сиб. 1904 г. Т. II. 1905 г. Ц. за оба т. 4 р. 7221

Рихардъ, Ф., проф. Новѣйшія электрическія явленія. Въ общедоступномъ изложеніи. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія инж.-техн. С. Шманскаго. 97 рисунковъ въ текстѣ. Сиб. 1905 г. 7238

Содди, Ф., проф. Радиоактивность. Элементарное изложеніе съ точки зрѣнія теоріи распада атомовъ. (Съ 38 рисунками). Переводъ съ англійскаго Ф. Н. Индриконова. Сиб. 1905 г. Ц. 2 р. 7165

XI. ЮРИДИЧЕСКІЯ И СОЦІАЛЬНЫЯ НАУКИ,

Аваловъ, З. Децентрализация и самоуправленіе во Франціи. Департаментомъ собранія отъ реформы Бонапарта до нашихъ дней. Политическое изслѣдованіе. Сиб. 1905 г. Ц. 2 р.

Ассосовъ, К. О подсудности судебныхъ дѣлъ уѣзднымъ членамъ окружныхъ судовъ, земскимъ начальникамъ, городскимъ судьямъ и волостному суду. Изд. 2-е, исправленное и допол. Сиб. 1905 г. Ц. 80 к. 7192

Берсъ, Е. О причинахъ разоренія земледѣльской Россіи. Сиб. Ц. 50 к.

Бомъ - Баверкъ, проф. Теорія Карла Маркса и ея критика. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. П. И. Георгіевскаго. Сиб. Ц. 80 к.

Бухъ, Л. Основные элементы политической экономіи. Съ предисловіемъ Эд. Берштейна. Сиб. 1902 г. Ц. 2 р.

Вольте, Григорій. Основныя черты желательной организаціи уѣзднаго управленія въ связи съ устройствомъ мелкой земской единицы. Сиб. 1905 г. Ц. 30 к.

— Право торговли и промышленности въ Россіи въ историческомъ развитіи. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Сиб. 1905 г. Ц. 30 к.

Высочайшій манифестъ о милосердіи, дарованныхъ въ день святаго крещенія Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича. Изд. неофициальное. Сиб. 1904 г. Ц. 25 к. 7192

Гагенъ, В. А. Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею (соціально-политическій взглядъ). Сиб. 1904 г. Ц. 70 к. 7255

Гантоверъ, Л. В. О происхожденіи и сущности вѣчно - чиншевого владѣнія. Вып. I. Сиб. Ц. 1 р.

Гельбъ, Адольфъ. Развитие крупной промышленности въ Англійи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. С. Т—ва. Сиб. Ц. 1 р. 75 к.

Гревсъ, И. М. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія. (Преимущественно во время Имперіи). Т. I. Сиб. Ц. 4 р.

Гулишамбаровъ, С. О. Сравнительная статистика Россіи въ мировомъ хозяйствѣ и въ ряду великихъ державъ въ царствованіе императора Александра III. 1861—1894 г.г. Сиб. 1905 г. Ц. 2 р. 7142

Дювернуа, Н. Л., проф. Чтенія по гражданскому праву. Томъ I. Введеніе и часть общія. (Вып. 1-й). Изд. 4-е. Сиб. 1901 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Чтенія по гражданскому праву. Томъ I. Введеніе и часть общія. (Выпускъ 2-й. Лица. Вещи). Изд. 4-е. Сиб. 1902 г. Ц. 2 р. 60 к.

Чтенія по гражданскому праву. Т. I. Введеніе и часть общая. Вып. III. (Измѣненіе юридическихъ отношеній. Ученіе о юридической сдѣлкѣ). Изд. 4-е. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 60 к.

Пособіе къ лекціямъ по гражданскому праву. Вып. 2-й. Обязательства. Часть общая. (Отд. 1). Въ связи съ замѣчаніями на проектъ книги V Гражданскаго Уложения. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.

Карловъ, Ф. И. Инспекція труда (фабричная инспекція) и охрана рабочиыхъ на Западѣ. Часть I — фактическая. Спб. 1905 г. Ц. 70 к. 7237

Ковалевскій, С. Покровительственная пошлина, что она даетъ населенію и что у него беретъ. Цифры и факты. Спб. Ц. 50 к.

Мануэль, И. Политическіе, экономическіе и финансовыя вопросы послѣдняго времени. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. 7254

Мартеясъ, Ф., проф. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. I. Изд. 5-е. Спб. 1904 г. Ц. 3 р. 50 к.

Т. II. Изд. 5-е. Спб. 1905 г. Ц. 4 р.

Мигулинь, П. П., проф. Война и наши финансы. Харьковъ. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. 7216

Муромовъ, Н. В. Изъ прошлой дѣятельности. Томъ первый. Статьи по судебнымъ вопросамъ. Томъ второй: Рѣчь и сообщенія. Спб. Ц. за оба тома 6 р.

Манаъ министра юстиціи, генерал-прокурора, чинамъ прокурорскаго надзора судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ. Спб. Ц. 1 р.

Новыя правила объ испрошеніи Высочайшихъ наградъ съ дополнительными къ этимъ правиламъ узаконеніями. Изд. 3-е. Изд. неофициальное. Спб. 1905 г. Ц. 80 к. 7192

О измѣненіяхъ въ порядкѣ производства по дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ. Изд. неофициальное. Спб. 1904 г. Ц. 25 к. 7192

Объяснительная записка къ проекту новой редакціи положенія о нотаріальной части. 2 части. Спб. 1904 г. Цѣна 3 руб. 7168

Проектъ новой редакціи положенія о нотаріальной части. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Сборникъ рѣшеній общаго собранія кассационныхъ и перваго съ кассационными департаментовъ правит. сената за 30 лѣтъ (съ 1866—1896 г.), съ приложеніемъ указателей: поstateйного и алфавитныхъ по фамиліямъ и разрѣшеннымъ вопросамъ. Составленъ подъ ред. члена слб. судебной Палаты А. К. Гаутера. Изд. 3-е, пересмотрѣнное и исправленное. Изд. неофициальное. Спб. 1905 г. Ц. 5 р. 7192

Суходольскій, А. А. Значеніе для государства торгово-промышленнаго счетоводства. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Толстой, графъ Сергій. О составѣ крестьянскаго сословія. Москва. 1904 г. Ц. 50 к. 7087

Труды комиссіи, учрежденной г. московскимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ В. А. Долгоруковымъ, для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ. Англійское фабричное законодательство. Подъ ред. члена комиссіи проф. И. И. Янжула. Москва. 1880 г. Ц. 2 р.

Вып. III. Англійское и швейцарское законодательство объ ответственности хозяевъ за несчастія съ рабочими. Подъ ред. члена комиссіи проф. И. И. Янжула. Москва. 1882 г. Ц. 65 к.

Филипповъ, Ю. Д. Торговое мореплаваніе. Выпускъ первый. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 7256

Янжулъ, И. И. Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ. Акцизы. Москва. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к.

Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ развитія идей свободной конкуренціи и начала государственнаго вышательства. Вып. II. Періодъ свободной торговли. Москва. 1882 г. Ц. 3 р.

Очеркъ историческаго развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Имп. Московскаго унв. 12-го января 1887 г. Москва. 1887 г. Ц. 75 к.

XII. МЕДИЦИНА—ГИГИЕНА—ВЕТЕРИНАРІЯ.

Девель, Д., ветеринарный врачъ. Технология пищевыхъ продуктовъ. „Мясо“. Руководство для слушателей интендантскаго курса, командировъ отдѣльныхъ частей, дежурныхъ офицеровъ, врачей и другихъ лицъ, интересующихся мяснымъ дѣломъ. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к. 7266

Делобель, Ж., д-ръ. Школьная гигиена. Переводъ подъ редакціей д-ра мед. А. Виреніуса. Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

Луницъ, В. Л., д-ръ мед. Какъ поступать при холерѣ? Спб. Ц. 20 к. 7254

Писновскій, Н., д-ръ мед. Этюдъ по гигиенѣ и леченію болѣзней безъ лекарствъ, при помощи однихъ только мышечныхъ упражненій. Москва. 1905 г. Ц. 35 к. 7079

XIII. ТЕХНОЛОГІЯ—СТРОИТЕЛЬНОЕ И ИНЖЕНЕРНОЕ ДѢЛО—РЕМЕСЛА.

Бобылевъ, Д., проф. Прибавленіе къ курсу аналитической механики. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

— Курсъ аналитической механики. Ч. II, кинетическая. Вып. I. Механика материальной точки. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к. Вып. II. Механика системъ, составленныхъ изъ материальныхъ точекъ. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

— Очеркъ теории водяныхъ теченій, выработанной Буссинескомъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

— Руководство къ курсу теоретической механики. Съ 6-ю листами чертежей. Спб. Ц. 4 р. 40 к. 6397

— Курсъ аналитической механики. (Теоретической механики) I часть кинематическая. (Изд. 3-е.) Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

— Курсъ аналитической механики. (Теоретической механики) Гидростатика и уравненія гидродинамики. Спб. 1904 г. Ц. 50 коп.

Бтлавецъ, Митр. Ив. Глиновѣдѣніе. Обработка глины. Вымораживаніе и отмучиваніе глины. Въ текстѣ 22 рисунка. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. Ц. 10 к.

— Глиновѣдѣніе. Кирпичное производство. Планъ кирпичнаго завода. Въ текстѣ 22 рисунка. Спб. 1902 г. Ц. 10 к.

— Тоже. Поднятый способъ формованія сырца для строительнаго кирпича. Въ текстѣ 56 рисунковъ. Спб. Ц. 20 к.

— Тоже. Нажимной способъ формованія сырца для строительнаго кирпича. Въ текстѣ 53 рисунка. Спб. 1904 г. Ц. 20 к.

— Тоже. Чикмарный способъ формованія сырца для строительнаго кирпича. Въ текстѣ 45 рисунковъ. Спб. Ц. 20 к.

— Тоже. Три способа сушки сырца для строительнаго кирпича безъ большихъ затратъ. Въ текстѣ 69 рисунковъ. Спб. Ц. 30 к.

— Тоже. Кирпичедѣлательныя машины „Геркулесъ“ и „Эврика“ и ихъ дѣйствіе въ сравненіи съ ручной выдѣлкой сырца-кирпича. (Докладъ, читанный въ собраніи Имп. Спб. Об.—ва Архитекторовъ 18-го февраля 1903 года). Въ текстѣ 95 рисунковъ. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

— Тоже. Кафельное производство. 1-й способъ приготовленія глиняной заминки и формованіе 10-ти-вершковыхъ кафель. Въ текстѣ 74 рисунка. Спб. 1902 г. Ц. 20 к. 7234

— Глиновѣдѣніе. Кирпичное производство. Обжиганіе сырца-кирпича дровами въ напольныхъ печахъ. Въ текстѣ 43 рисунка. Спб. Ц. 30 к. 7234

XIV. ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Артамоновъ, Л. К. Покореніе туркменъ-текинцевъ русскими войсками подъ начальствомъ генерала Скобелева. Въ 1880—81 гг. Съ портретомъ Скобелева и рисунками. Спб. Ц. 30 к.

Иллюстрированная лѣтопись русско-японской войны. Вып. XIV. Спб. 1905 г. Ц. 75 к. 7193

Иллюстрированная лѣтопись русско-японской войны. Вып. XV. Спб. 1905 г. Ц. 50 к. 7193

XV. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Гагенъ, В. А. Земство и общественныя работы. Спб. 1905 г. Ц. 25 к. 7255

Косоротовъ, Ф. И., агрономъ. Какъ и чѣмъ улучшить лѣсные покосы. (Для хозяевъ-практиковъ). Спб. Ц. 8 к. 7254

Ностычевъ, П. А., проф. Почва, ея обработка и удобреніе. Практическое руководство. Съ предисловіемъ проф. московскаго сельско-хозяйственнаго института Д. Н. Прянишникова. Изд. 2-е. Москва. 1905 г. Ц. 1 р. 7101

Налимовъ, Б. П. Бесѣды по вопросамъ гигиены въ плодовомъ саду. (Изъ записокъ по поѣздкѣ въ заграничныя „станціи для защиты растений“). Астрахань. 1903 г. Ц. 85 к. 7009

XVI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Вольный. Вл. Дорогой дѣвой. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. Ц. 60 к. 7254

Саннетти, Эстетика въ общедоступномъ изложеніи. Т. I. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

Тепловъ, А. „Въ погонѣ за Горькимъ“. („Вверхъ дномъ“). Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Тверь. 1904 г. Ц. 75 к. 7220

XVII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Альбовъ, П. И. Правила игры „Винтъ“, принятыя въ Благородномъ Собраніи и во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ. Винтъ классическій. Винтъ съ прикупомъ. Винтъ съ прикупомъ, присыпкой и гвоздемъ: Винтъ гусарскій и другіе. Третье дополненное изданіе подробно и понятно изложенное. Спб. 1905 г. Цѣна 50 коп. 7259

Бычковъ, Александръ. Систематическій указатель журнальныхъ статей и книгъ для чтенія по вопросамъ общаго образованія. Томскъ. 1905 г. Ц. 40 к. 7260

НОВЫЯ КНИГИ,

отпечатанныя въ типографіи М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

въ іюль 1905 г.:

БАУЛИНА, А. Отрывки. Спб. 1905 г.

КОСТОМАРОВЪ, Н. И. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣателей. Т. II. Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVII-ое столѣтіе. Изд. 5-е. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

Находятся въ печати:

Вяземскій, кн. Н. В.—Бъ вопросу о психической жизни.

—— О половой зрѣлости.

Де-Жоржъ, Н.—Арифметика.

Исторія факультета восточныхъ языковъ при Спб. унив. Т. II.

Каръевъ, Н.—Мысли объ основахъ нравственности. Изд. 3-е.

—— Учебная книга древней исторіи. Изд. 4-е.

—— Учебная книга новой исторіи. Изд. 6-е.

—— Помѣстье-государство.

—— Историческое міросозерцаніе Грановскаго.

Кондратьевъ, А.—Краткій курсъ военной гигиѣны.

Корзуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Т. II, изд. 5-е.

Костомаровъ, Н. И.—Историческія монографіи и изслѣдованія. Кн. 7-я.

Мартыновъ, С. В.—Печорскій край.

Майковъ, П. М.—Финляндія, ея прошедшее и настоящее.

Моревъ, Д. Д.—Коммерческая географія. Изд. 8-е.

Мушкетовъ, Н. В., проф.—Турѣстанъ. Т. II.

Новомбергскій, Н.—Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи.

Орловъ, Н.—Физика. Изд. К. Л. Риккера.

Петровъ, М. Н.—Сочиненія.

Пири, Р.—Путешествіе по Гренландіи.

Письма и бумаги Суворова.

Пыпинъ, А. Н.—Характеристики литературныхъ мнѣній. Изд. 6-е.

Серре.—Арифметика. Изд. М. В. Пирожкова.

Стасюлевичъ, М. М.—Исторія среднихъ вѣковъ. Т. II. Изд. 3-е.

Стоюнинъ, В.—Пушквичъ.

Толстой, гр. А. К.—„Драматическая трилогія“.

—— „Князь Серебряный“.

Ходскій, Л. В.—Основы государственнаго хозяйства. Изд. 3-е.

Шепелевичъ, Л. Ю., проф.—Историко-литературные этюды. Серія II.

ВИКТОРЪ АНТОНОВИЧЪ АРЦИМОВИЧЪ.

Воспоминанія — Характеристики.

Съ портретомъ В. А. Спб. 1904 г. Ц. 3 р. 50 к.

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича,
Спб., Вас. Остр., 5-я линія, 28.

СОСТОЯЩЕ ПОДЪ АВГУСТЪЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

КСЕНИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ

ЖЕНСКІЕ СПЕЦІАЛЬНЫЕ КЛАССЫ

НОВЫХЪ ЯЗЫКОВЪ

М. М. БОБРИЩЕВОЙ - ПУШКИНОЙ.

Существ. съ 1889 года. XVII-й учебн. годъ.

Литейный проспектъ, уг. Сергіевской, № 8.

Курсъ теорет. и практ. языковъ: РУССКАГО, ФРАНЦУЗСКАГО, НѢМЕЦКАГО, АНГЛІЙСКАГО, ИТАЛЬЯНСКАГО, ШВЕДСКАГО и ихъ литературы; ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ (эпоха возрожденія и классическій міръ); ЭСТЕТИКИ ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЕЙ ИСКУССТВЪ, ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА (НА АТТ. ЗРѢЛ.) И ИЗЯЩНЫХЪ ЖЕНСКИХЪ РАБОТЪ (рисованіе углемъ, карандашемъ, живопись по фарфору, атласу, подражаніе гобеленамъ, выжиганіе по дереву, тисненіе по кожѣ и друг.). **ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЧТЕНІЕ, ДЕКЛАМАЦІЯ, МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНІЯ, ЛОГИКА, РУССКАЯ ИСТОРІЯ, ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ XIX в. и пр.** Полугодовая плата за предметъ отъ 40 руб. За нѣсколько курсовъ дѣлается значительная уступка въ цѣнѣ. Прошенія принимаются до 6-го сентября.

Пріемъ приходящихъ и пансіонерокъ съ 6-го сентября ежедневно отъ 12 до 4 час., кромѣ праздниковъ, въ помѣщеніи классовъ: Литейный, № 8, уг. Сергіевской.

Молебень и начало классовъ 18-го сентября.

ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ
 КНИГА ШЕСТАЯ
 СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
Н. И. КОСТОМАРОВА

издаваемого Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ
 и ученымъ (Литературнымъ Фондомъ).

Историческія монографіи и изслѣдованія.

С.-Петербургъ, 1905 года. Цѣна — 4 р. безъ перес.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича, въ С.-Петербургѣ,
 Вас. Остр., 5 линія, домъ № 28.

Плата за пересылку взимается по почтовой стоимости при
 доставкѣ книгъ.

ИЗДАНІЯ

Литературнаго Фонда,

ИМѢЮЩІЯСЯ ВЪ ПРОДАЖЬ:

ВЪЛОГОЛОВЫЙ, Н. А. Воспоминанія и другія статьи. Ц. 1 р. 50 к.

ГАРШИНЪ, В. М. Разказы. Ц. 2 р.

ДЖАНШЕВЪ, Г. А. Изъ эпохи великихъ реформъ. Ц. 2 р. 50 к.

ЕФИМЕНКО, А. Этнографическія изслѣдованія. Ц. 2 р.

КОСТОМАРОВЪ, Н. И. Собраніе сочиненій. (Историческія монографіи и
 изслѣдованія). Цѣна по подпискѣ (до выхода послѣдней книги) 20 р., отдѣльно—1 и
 7 кн. по 3 р. 50 к., 2, 4, 5 и 6 кн. по 4 р., 3 кн. 2 р. 50 к. и 8 кн. 4 р. 50 к.

НАДСОНЪ, С. Стихотворенія. Ц. 2 р.

ЕГО ЖЕ. Недопѣты пѣсни. Ц. 1 р.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас.-Остр., 5 л., 28.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Гейриксъ Ивсенъ. Полное собрание сочинений.
Т. IV. Перев. А. и П. Гавлова. Изд. С.
Тирмушта. Москва, 1905. Стр. 691. Ц. 2 р.

Въ этомъ томѣ вошли три произведенія Ибсена — „Перь Гюльтъ“, „Союзъ молодежи“ и „Кесарь и Гамлетелинъ“. По силѣ и глубинѣ замысла, по красотѣ и выразительности формъ, „Перь Гюльтъ“ занимаетъ безъ сомнѣнiя, одно изъ первыхъ мѣстъ въ богатомъ и разностороннемъ художественномъ репертуарѣ Ибсена. Поэма старинныхъ норвежскихъ сказокъ переносится здѣсь съ образами и идеями культурной жизни, самому герою этой драматической поэмы приданы черты, дѣлающія его какъ бы владѣтелемъ норвежской нации. Вмѣстѣ съ современности — „Союзъ молодежи“, бѣдала политическая сатира, извращенная прогнанъ мелочности и фальши обычной борьбы партий. Наконецъ, „Кесарь и Гамлетелинъ“ — замѣчательная попытка изобразить роковой исторический моментъ поворота отъ личности къ христианству, въ видѣ „мировой драмы“, гдѣ главнымъ действующимъ лицомъ является императоръ Юлианъ. Это — наиболее крупное по объему сочиненiе Ибсена, состоящее изъ двухъ частей, по пяти дѣйствiй въ каждой. Действительная статия и приближенныя переводчики, по обыкновенiю, раздѣляютъ исторiю и значенiе отдѣльныхъ вѣствъ, причемъ приводятся также отрывки выходящихъ литературныхъ критиковъ. О достоинствахъ русскаго перевода нѣтъ уже надобности говорить: въ этомъ отношенiи результаты П. Г. и Г. А. В. Гавленъ установились вполне верно и заслуженно.

Государственный и обществственный строй въ Англич, Франци, Германii и С.-А. Соединенныхъ Штатахъ. Составилъ Н. Свѣрригъ. Свб. 1905. Стр. 286. Ц. 1 р.

Книга г. Н. Свѣррига замѣчается въ себѣ государственный, очень толково составленный обзоръ историческаго развитiя государственныхъ и общественныхъ формъ главнѣйшихъ культурныхъ наций, съ краткимъ изложенiемъ основъ ихъ современнаго конституцiоннаго строя и съ обширнейшимъ въстрѣчавшихся при этомъ иностранныхъ терминовъ. Книга, очевидно, предназначена для широкаго круга читателей, живя интересующихся въ настоящее время вопросами политическаго строя, но не имѣющихъ возможности пользоваться существующей у насъ литературой: причина, вслѣдствiе малой доступности ея для широкаго большинства учебникъ. Очерки г. Н. Свѣррига свободны отъ назидательнаго балласта и являлись простыми общепонятными излагами. Книга разпадается на четыре отдѣла, по государствамъ, въ которыхъ относятся сообщаемыя свѣдѣнiя, — объ Англич, Франци, Германii и Соединенныхъ Штатахъ.

Олегъ Шаравовъ. Опытъ русскаго историческаго програмизма. Москва, 1905.

Въ брошюрѣ, напечатанной первоначально въ 1900 году въ Берлинѣ, — автору самъ авторъ называетъ „исследовательскъ“, — разсказываются слова объ действительномъ идеалѣ правителя, главному соити на благо и благобытиествовать народу тогдашъ же идеалъ програмизма великаго реформаторскаго плана, придуманнаго г. Сер-

геемъ Шаравовымъ. Авторъ ругается за то, что парижанский имъ обрѣлъ свободу отъ обычныхъ члеловеческихъ свойствъ и слабостей, отъ всякихъ мѣранныхъ плановъ, замученныхъ собитомъ и интригъ, и будетъ всегда слать ровнымъ саитомъ вмѣстѣ правды и мудрости; — и это полюбиле видѣнiе серьезно выдѣлится г. Шаравовымъ въ основу излагаго яла коренныхъ положительныхъ преобразований, которая будто бы представляеть собою „русскую политическую програмизму“. Едва ли сто поитрѣть возможности подобныхъ видѣнiй и подобныхъ програмизмъ.

Г. П. Сазоновъ. Народное представительство безъ парлаа. Свб. 1905. Стр. 64. Ц. 30 к.

Г. Сазоновъ принадлежать къ числу тѣхъ друзей народа, которые съ наибольшимъ горячностью заидать его отъ будущихъ опасностей и призывають либерализма, парламентаризма и т. п., — какъ будто другихъ, болѣе реальныхъ и близкихъ правотъ и уматателей не было и нѣтъ у крестьянства. Авторъ приписываетъ несвоевременно делскимъ дѣлателямъ, особенно г. Шидлову и Гавлову, какіе-то „рѣшительныя“ замысли, на томъ основанiи, что они не предвидѣть своего активнаго участiя народныхъ мѣствъ въ политическаго жизни и отводять крестьянству слишкомъ мало мѣствъ въ будущемъ народномъ представительствѣ; но въ своей рѣшительной односторонней полемикѣ противъ кемпона опъ упустилъ изъ виду, что другие, несравненно болѣе вѣдательные составители проектовъ, быть можетъ, вовсе не думали допускать такое то бы ни было участiе народа въ представительствѣ помимо властныхъ указаний и приудительной олеки мѣстной администраци. Оттого и все брошюра г. Сазонова производить какое-то странное впечатлѣнiе.

Историческое и культурное государство.
Юридическое изслѣдованiе барона Б. М. Польде. Свб. 1905. Стр. 618. Ц. 3 р. 50 к.

Въ этомъ изслѣдованiи подробно разбираются международно-юридическіе вопросы, связанные съ историческимъ возникновениемъ нейтралитета, какой установленъ трактатами относительно Швейцарii, Бельгии и государства Конго. Называясь не только всею специальною литературою предмета, но и громаднымъ массивомъ архивнаго матеріала, авторъ съ необходимостью обстоятельности освѣщаетъ различныя стороны той сложнаго дѣлениа, которое заключаетъ въ себѣ въ народный прикнѣпательное отрицанiе войны, какъ традицiоннаго санаоба разрѣшенiя международныхъ столкновений. Если отбросить государства могутъ извѣщать права воевать, остаются только дѣлательными и самостоятельными, то не трудно представить себѣ распространенiе этого ограниченiа на все культурное зерцало, входящiе въ составъ международнаго общенiя. Съ обычною осторожностью ученаго изслѣдователя, баронъ Польде намѣцается на возможность такого извѣнiя будущаго года разнѣтъ въ области международныхъ отношенiй, — хотя политическая практика, въ сомнѣнiи, еще очень далека отъ подлежащаго прикнѣпатель и темъ прокъ, какъ руководителю принципъ въ отношенiи народны и государства.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1905 г.

(Сороковой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемесячный журналъ истории, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ.

отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почт. ооола	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Въслѣдъ разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и въ іюль, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюль и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., б л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цивзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Ослобнина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печниковой, въ Петровскихъ земляхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Ришельевскій, 12.

Примѣчаніе. — 1) Почтовый адресъ долженъ означать за себя имя, отчество, фамилию, съ указаніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (НВ) доставляется выдана журналомъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) Перезнана адреса должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе почтовые переводы въ иностраніе, доставляются 1 руб., и иностранные, переводы въ городскіе — 40 коп. — 3) Мѣсто и неустраиваемости доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если поданная была услуга въ иностранноземельныхъ мѣстахъ и, послѣдствіемъ обязательнаго въ Подготовку Деладраментовъ, не должно влечь за получени слѣдующей книги журнала. — 4) Болѣе по получени стрелки подписчика Конторою только гдѣ изъ иностранныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приходить въ подписной суммѣ 15 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Сиб., Гилерия, 20.

Вас. Остр., 4.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Александровскій пер.

